THE YEAR'S BEST SF
Лучшая зарубежная научная фантастика
составитель
Гарднер Дозуа
после апокалипсиса
Кэтрин Валенте, Пэт Кэдиган, Йен Макдональд, Пол Макоули,
Аластер Рейнольдс, Майкл Суэнвик, Леви Тидхар, Дэйв Хатчинсон

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Какие секреты лежат в дальних просторах Вселенной? Какие тайны скрывают истины, которые мы считали неоспоримыми? Мир научной фантастики всегда был окном в реальность завтрашнего дня, смазывая границы между реальностью и искусством. В «The Year's Best Science Fiction: Twenty-Ninth Annual Collection», лучшие авторы научной фантастики изучают новый мир. Эта антология собрала рассказы известнейших писателей, таких как Роберт Рид, Аластер Рейнольдс, Дэмиен Бродерик, Элизабет Бир, Пол Макоули и Джон Барнс. Добавьте сюда внушительный список рекомендованного чтения, и подведение итогов года в научной фантастике, и этот ежегодный сборник превращается в обязательное чтение, для всех фанатов НФ и читателей, заинтересованных в знакомстве с жанром.

- Лучшая зарубежная научная фантастика: После Апокалипсиса
  - Пол Макоули
    - ■
    - ■
  - Дэвид Моулз
    - ■
    - ■ I
    - ■ II
    - ■ III
    - ■ IV
    - ■ V
    - ■ VI
    - ■ VII
  - Дэмиен Бродерик
    - ■
    - ■
  - Элизабет Бир
    - ■
    - ■
  - Джон Барнс
    - ■
    - ■
  - Кен Маклеод
    - ■
    - ■
  - Карл Шрёдер

- Майкл Суэнвик
- Питер С. Бигл
- Кэролин Айвз Гилмен
- Пол Корнелл
- Стивен Бакстер
- Йен Макдональд
- Аластер Рейнольдс
- Морин Макхью
- Кэтрин М. Валенте
  - Часть I
    - I
    - II
    - III
    - IV
    - V
    - VI
    - VII
    - VIII
  - Часть II
    - IX
    - X
    - XI
    - XII
  - Часть III
    - XIII

- XIV
- XV
- XVI
- XVII
- XVIII

- Джей Лэйк
  -
  - 27 апреля 2977 года кэ
  - 28 апреля 2977 года
  - 13 мая 2977 года
  - 21 июня 2977 года
  - 4 января 2978 года
  - 11 октября 2983 года
  - 6 июня 2997 года
  - 23 апреля 3013 года
  - 1 ноября 3094 года
  - 7 марта 3283 года
- Дэйв Хатчинсон
  -
  -
- Джефф Райман
  -
  -
- Том Пардом
  -
  -
- Иэн Маклауд
  -
  -
- Дэвид Клена и Тобиас Бакелл
  -
  -
- Роберт Рид
  -
  - Незваные гости
  - Леопард
  - Пендерский монстр
  - Война миров
  - Приключение Блоха
- Гвинет Джонс
  -
  -
- Леви Тидхар
  -

- Майкл Ф. Флинн
  -
  - Гентри
  - Сунтри
  - Голтри
- Пэт Кэдиган
  -
  -
- Майкл Суэнвик
  -
  -
- Юн Ха Ли
  -
  -
- Джим Хоукинс
  -
  - НАТУРА. ГРЕЦИЯ – ПАЛЕОКАСТРИЦА – ДЕНЬ
  - НАТУРА. ГРЕЦИЯ – ТРАССА ПАЛЕОКАСТРИЦЫ – 21:05 ПО ЛЕТНЕМУ ВРЕМЕНИ БРИТАНИИ
  - НАТУРА. ГРЕЦИИ – УЛИЦА ГОРОДА КОРФУ – НОЧЬ
  - НАТУРА/ИНТЕРЬЕР. СТУДИЯ «ПАЙНВУД» – 19:00 ПО ЛЕТНЕМУ ВРЕМЕНИ БРИТАНИИ
  - ИНТЕРЬЕР. «ПАЙНВУД» – ДЕВЯТНАДЦАТАЯ СТУДИЯ – 19:00
  - ИНТЕРЬЕР. «ПАЙНВУД» – ШЕСТАЯ СТУДИЯ – 19:00
  - МОНТАЖ. ИНТЕРЬЕР. СТУДИЯ «ПАЙНВУД» – ВЕЧЕР
  - НАТУРА. УКРАИНА – КИЕВ – ВЕЧЕР
  - ИНТЕРЬЕР. ГРЕЦИЯ – КОРФУ – ПОЛИЦЕЙСКАЯ МАШИНА – НОЧЬ
  - НАТУРА. ГРЕЦИЯ – КОРФУ – АГИОС-СТЕФАНОС – НОЧЬ
  - ИНТЕРЬЕР. ГРЕЦИЯ – КОРФУ – АГИОС-СТЕФАНОС – НОМЕР 101 – НОЧЬ
  - ИНТЕРЬЕР. «ПАЙНВУД» – ЗАЛ ДЛЯ ПЕРЕГОВОРОВ – НОЧЬ
  - НАТУРА. АЭРОПОРТ ЛУТОН – НОЧЬ
  - ИНТЕРЬЕР/НАТУРА. «ЛИРДЖЕТ» – КОРФУ – ПРИЗЕМЛЕНИЕ
  - ИНТЕРЬЕР. КОРФУ – МОРГ – ДЕНЬ
  - ИНТЕРЬЕР. САЛОН АВТОМОБИЛЯ – КОРФУ – ДЕНЬ

- ИНТЕРЬЕР. КОРФУ – МОРГ – ДЕНЬ
- ИНТЕРЬЕР. КОРФУ – УПРАВЛЕНИЕ ПОЛИЦИИ – ДЕНЬ
- ИНТЕРЬЕР. КОРФУ – ОФИС ПОЛИЦЕЙСКОГО УПРАВЛЕНИЯ – ДЕНЬ
- ИНТЕРЬЕР. КОРФУ – КОРИДОР ПОЛИЦЕЙСКОГО УПРАВЛЕНИЯ – ДЕНЬ
- ИНТЕРЬЕР. КОРФУ – ГОРОДСКАЯ ТАВЕРНА – НОЧЬ
- ИНТЕРЬЕР. «ПАЙНВУД» – ДЕНЬ
- ИНТЕРЬЕР. СТУДИЯ «ЮНИВЕРСА» – ЛОС-АНДЖЕЛЕС – ДЕНЬ
- ИНТЕРЬЕР. «ПАЙНВУД» – ДЕНЬ
- ИНТЕРЬЕР. «ПАЙНВУД» – ТРЕТЬЯ СТУДИЯ – ДЕНЬ
- ИНТЕРЬЕР. «ПАЙНВУД» – СЛУЖБА БЕЗОПАСНОСТИ – ДЕНЬ
- ИНТЕРЬЕР. «ПАЙНВУД» – ПРОСМОТРОВЫЙ ЗАЛ – НОЧЬ
- ИНТЕРЬЕР. ДОМ СУНИЛА – НОЧЬ
- ИНТЕРЬЕР. «ПАЙНВУД» – ОТДЕЛ БЕЗОПАСНОСТИ – НОЧЬ
- ИНТЕРЬЕР/НАТУРА. «ПАЙНВУД» – КОМПЬЮТЕРНЫЙ ЦЕНТР – НОЧЬ
- НАТУРА. «ПАЙНВУД» – РАССВЕТ
- ИНТЕРЬЕР. «ПАЙНВУД» – РАССВЕТ
- НАТУРА/ИНТЕРЬЕР. ПОБЕРЕЖЬЕ КОРФУ – ДЕНЬ
- ИНТЕРЬЕР/НАТУРА. ГРЕЦИЯ – КОРФУ – СТАНЦИЯ РАДИОЛОКАЦИИ – ДЕНЬ
- ИНТЕРЬЕР. «ПАЙНВУД» – ОТДЕЛ БЕЗОПАСНОСТИ – ДЕНЬ
- НАТУРА/ИНТЕРЬЕР, ГРЕЦИЯ – КОРФУ – МОРЕ – ДЕНЬ
- ИНТЕРЬЕР. «ПАЙНВУД» – ДЕНЬ
- ИНТЕРЬЕР. КОРЕЯ – ЗАВОД ПО ПРОИЗВОДСТВУ ЭЛЕКТРОНИКИ – ДЕНЬ
- НАТУРА. КОРФУ – АГИОС-СТЕФАНОС – НОЧЬ
- ИНТЕРЬЕР. КОРФУ – ДОМ СЕЛИНЫ – ВЕЧЕР
- НАТУРА. КАЛИФОРНИЯ – МАЛИБУ – ДЕНЬ
- НАТУРА. СИБИРЬ – НОВОСИБИРСК – ДЕНЬ
- МОНТАЖ. ГАЗЕТЫ И ВИДЕОЗАПИСИ
- НАТУРА/ИНТЕРЬЕР. КОРФУ – ДОМ СЕЛИНЫ – НОЧЬ

○ Алек Невала-Ли

- I
- II
- III

- Питер М. Болл
  -
  -
- Крис Лоусон
  -
  -
- Кен Маклеод
  -
  - I
  - II
  - III
  - IV
- Кидж Джонсон
  -
  -

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25

- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69

- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113

- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123

Лучшая зарубежная научная фантастика: После Апокалипсиса

Пол Макоули
Выбор

Пол Дж. Макоули родился в 1955 году в Англии, в Оксфорде, сейчас живет в Лондоне. По профессии Макоули биолог, но в 1984 году он опубликовал свой первый рассказ и стал частым автором журналов «Interzone», «Asimov's Science Fiction», «Sci Fiction», «Amazing», «The Magazine of Fantasy and Science Fiction», «Skylife», «The Third Alternative» и «When the Music's Over».

Макоули работает на переднем крае нескольких наиболее важных поджанров современной НФ, выдавая как «радикально твердую научную фантастику», так и перекроенную и обновленную широкоформатную космическую оперу, которую иногда называют «новой космооперой», а также антиутопические социологические размышления о совсем недалеком будущем. Он также пишет фэнтези и хоррор. Его первый роман «Четыреста миллионов звезд» («Four Hundred Billion Stars») был отмечен премией имени Филипа Дика, а роман «Фэйриленд» («Fairyland») получил в 1996 году сразу две премии – имени Артура Кларка и Джона Кэмпбелла.

Среди других его книг следует отметить романы «После падения» («Of the Fall»), «Вечный свет» («Eternal Light»), «Ангел Паскуале» («Pasquale's Angel»), трилогию «Слияние» («Confluence») (произведение амбициозных масштабов и размахов, действие которого разворачивается через десять миллионов лет, состоящее из романов «Дитя реки» («Child of the River»), «Корабль Древних» («Ancient of Days») и «Звездный Оракул» («Shrine of Stars»)), а также «Жизнь на Марсе» («Life on Mars»), «Тайна жизни» («The Secret of Life»), «Паутина» («Whole Wide World»), «Белые дьяволы» («White Devils»), «Окоразума» («Mind's Eye»), «Игроки» («Players»), «Ангелы-ковбои» («Cowboy Angels»), «Тихая война» («The Quiet War») и «Сады Солнца» («Gardens of the Sun»), «Во чреве китовом» («In the Mouth of the Whale»). Его короткие произведения объединены в сборники «„Король холма" и другие рассказы» («The King of the Hill and Other Stories»), «Невидимая страна» («The Invisible Country») и «Малые машины» («Little Machines»). Вместе с Кимом Ньюманом он был составителем оригинальной антологии «Среди снов» («In Dreams»).

Здесь же Макоули предлагает нам мощную и обманчиво спокойную историю, действие которой разворачивается в великолепно описанной Англии будущего, преображенной новым климатом и подъемом уровня моря. На этой сцене, одновременно и пасторальной и убогой, достоверность которой придает опытная рука автора, люди живут обычной жизнью в мире, драматически

изменившемся, но в чем-то оставшемся прежним. И так происходит до тех пор, пока Неизвестное внезапно не вторгается в тихий мирок в виде огромного, скорбно ревущего и загадочного инопланетного корабля, который выбрасывается на берег реки и меняет все навсегда.

По ночам приливы и свежий ветер гнали островки пузырчатки сквозь Потоп и выбрасывали их кучами на северный берег острова. Едва рассвело, Лукас начал сгребать эти водоросли и перевозить их в тачке в компостную яму, где они перегниют и станут жидким удобрением, богатым питательными веществами. Когда он в тридцатый или сороковой раз катил тачку к берегу по крутой тропинке, то заметил фигурку, бредущую по воде, – это Дамиан наподобие лыжника пересекал пролив между островом и стоящими на сваях хижинами и плавучими баками креветочной фермы его отца. Стоял идеальный сентябрьский день, и голубой купол неба не омрачало даже облачко. Искорки солнечных лучей переливались на воде и отражались от лопастей ветрогенератора на ферме. Лукас помахал другу, Дамиан помахал в ответ и едва не потерял равновесие. Отчаянно крутанув руками, он выпрямился и побрел дальше.

Они встретились на берегу.

– Ты слышал? – спросил запыхавшийся Дамиан, выбирая дорогу между плавающими островками красных водорослей.

– О чем?

– Дракон выбросился на берег возле Мартэма.

– Брешешь!

– Честно, нет. Самый настоящий морской дракон.

Дамиан вышел на окаймляющую берег полоску битых кирпичей, сел и счистил толстые плавники со своих сандалий. Потом объяснил, что услышал про это от Ричи, бригадира с креветочной фермы, а тому новость поведал шкипер с баржи, слушавший болтовню на общей волне.

– И получаса не прошло, как он выбросился на берег. Предполагают, что он заплыл в канал возле Хорси и не смог перебраться обратно через отмель, когда начался отлив. Тогда дракон поплыл по каналу старого речного русла, пока не уткнулся в берег.

Лукас ненадолго задумался.

– Есть песчаная отмель, что вдается в канал южнее Мартэма. Я много раз проплывал мимо нее, когда прошлым летом работал на лодке Гранта Хиггинса и возил устрицы в Норвич.

– До того места рукой подать, – сказал Дамиан. Он вытащил телефон из кармана шорт и показал экранчик Лукасу. – Это здесь. Видишь?

– Да знаю я, где Мартэм. Дай-ка угадаю – ты хочешь, чтобы я тебя отвез.

– А какой был смысл делать лодку, если ты ей не пользуешься? Сам подумай, Эл. Не каждый день на берегу оказывается машина чужаков.

Лукас снял широкополую соломенную шляпу, размазал по лбу пот ладонью и нахлобучил шляпу снова. Это был жилистый парень чуть младше шестнадцати, одетый лишь в мешковатые шорты и сандалии, которые он вырезал из старой автопокрышки.

– Я собирался за крабами. Когда закончу расчищать водоросли, полью грядки, приготовлю для мамы поесть…

– Я тебе со всем помогу, когда мы вернемся.

– Ага, как же.

– Если ты и впрямь не хочешь сплавать туда, то, может, одолжишь суденышко?

– Возьми одну из лодок своего отца.

– После того, что он со мной сделал в прошлый раз? Я лучше погребу туда на старом дырявом драндулете твоей матери. Или пойду пешком.

– Классное будет зрелище.

Дамиан улыбнулся. Он был всего на два месяца старше Лукаса, высокий и крепкий, с коротко стриженными светлыми волосами, выбеленными солью и летним солнцем. Нос и ободки ушей у него были розовые и шелушились. Парни дружили с раннего детства.

– По-моему, с парусом я управляюсь не хуже тебя, – сказал он.

– Ты точно знаешь, что дракон все еще там? У тебя фотки есть?

– Точно не скажу. Он вырубил и интернет в городе, и все остальное. По словам парня, который говорил с Ричи, на милю вокруг дракона никакая электроника не работает. Телефоны, планшеты, радио – ничего. Прилив начнется часа через два, но мы еще можем успеть, если отправимся прямо сейчас.

– Может быть. Но мне надо предупредить маму, – сказал Лукас. – На тот маловероятный случай, если она задумается, куда я подевался.

– Как она?

– Не лучше, не хуже. А отец знает, что ты хочешь смыться?

– На этот счет не волнуйся. Я ему скажу, что ловил крабов вместе с тобой.

– Наполни пару фляг из опреснителя, – сказал Лукас. – И надергай несколько морковок. Но сперва дай свой телефон.

– Координаты GPS туда уже забиты. Надо лишь их вызвать, и

телефон проложит курс.

Лукас взял телефон, держа его кончиками пальцев – ему не нравилось, как тот извивался и менял форму, приспосабливаясь под его руку.

– Как его выключить?

– Зачем?

– Если мы поплывем, то телефон брать не будем. Иначе твой отец сможет нас отследить.

– А как мы найдем дорогу?

– Чтобы отыскать Мартэм, телефон не нужен.

– Опять ты за свое, путешественник без приборов.

– Ты хотел приключение, – возразил Лукас. – Вот и получай.

* * *

Когда Лукас начал говорить матери, что уходит до конца дня с Дамианом, она сказала:

– Полагаю, вы пустились в погоню за так называемым драконом? И не прикидывайся удивленным – это сейчас во всех новостях. Не в официальных, конечно. Там про дракона ни слова. Но во все достойные внимания источники информация просочилась.

Мать сидела, прислонившись к изголовью двуспальной кровати, стоящей возле большого торцевого окна в доме-фургоне. Джулия Уиттстрак пятидесяти двух лет, тощая, как беженец, была одета в полосатый берберский халат и накрыта до пояса пледами и тонкими оранжевыми одеялами, проштампованными логотипами «Оксфам». Тонкие пряди волос стянуты красной банданой, на коленях планшет.

Одарив Лукаса своим лучшим непроницаемым взглядом, она произнесла:

– Полагаю, это идея Дамиана. Будь осторожен. Его затеи обычно плохо кончаются.

– Потому я и согласился. Подстраховать, чтобы он не попал в беду. А он твердо решил посмотреть на дракона, так или иначе.

– А ты разве нет?

– Пожалуй, мне тоже любопытно, – улыбнулся Лукас. – Немного.

– Хотела бы и я пойти с вами. Взять пару баллончиков с краской и нарисовать на шкуре этой проклятой штуковины старые лозунги.

– Могу положить в лодку несколько подушек. Будет удобно, как тебе нравится.

Лукас знал, что мать не примет предложение. Она редко выходила из домика и уже больше трех лет не была за пределами острова. Мультилокусный иммунотоксический синдром, по сути аллергическая реакция на бесчисленные продукты и загрязнители антропоценной эры, фактически приковал ее к кровати. Она отклонила все предложения о лечении или помощи от социальных служб, положившись на услуги местной знахарки, навещавшей ее раз в неделю, и проводила целые дни в постели, работая за планшетом. Она обшаривала правительственные сайты и анонимные сети, делала подкасты, консультировала общины, пользующиеся только возобновляемыми источниками энергии, создавала критические статьи и манифесты. Вела публичный журнал, писала эссе и тематические обзоры (сейчас ее особенно занимали попытки транснациональных компаний перебраться на Антарктический полуостров, а также группа утопистов, использующая технологии инопланетян для создания плавучего поселения на затонувшем коралловом рифе островов Мидуэй) и поддерживала дружбу, альянсы и непримиримую вражду (причины которых уже давно забыты обеими сторонами) с несколькими бывшими коллегами. Короче говоря, она вела образ жизни, что оказался бы привычным для образованного человека из любого века за последние два тысячелетия.

Она была преподавателем философии в колледже Биркбека до ядерных ударов, бунтов, революций и сетевых сражений так называемого Спазма, который закончился, когда в небесах над Землей появились гибкие корабли джакару. В обмен на права пользования внешними ресурсами Солнечной системы инопланетяне снабдили землян технологиями для очистки планеты и доступом к сети червоточин, связывающей дюжину звезд класса М – красных карликов. Вскоре заявились и другие инопланетные расы, заключившие разнообразные сделки со всеми нациями и силовыми блоками, обменивая передовые технологии на произведения искусства, фауну и флору, секретную формулу кока-колы и прочие уникальные товары.

Большинство людей верило, что пришельцы – добрые и великодушные спасители, члены альянса, отследившие древние телепередачи «Я люблю Люси» до их источника и явившиеся как раз вовремя, чтобы спасти человечество от последствий, вызванных его «обезьяньим» умом. Но активное меньшинство не желало иметь с ними никаких дел, сомневаясь в альтруистичности их побуждений и выдвигая разнообразные теории насчет истинной мотивации чужаков. «Нам следует отвергнуть помощь инопланетян, – утверждали они. – Нам следует отвергнуть легкое исправление последствий наших

поступков и магию продвинутых технологий, которые мы не понимаем, и выбрать более трудное решение: сохранить контроль над своей судьбой».

Джулия Уиттстрак[1] стала путеводной звездой этого движения. Когда краткий, но бурный этап глобальных протестов и политиканства сменился хаосом взаимных обвинений и междоусобных войн, она перебралась в Шотландию и присоединилась к группе зеленых радикалов, создававших самодостаточное поселение на базе трех древних буровых платформ в Ферт-оф-Форте[2]. Но, по словам Джулии, они тоже пошли на компромисс и скомпрометировали себя, поэтому она покинула их вместе с отцом Лукаса (мальчик почти ничего о нем не знал – мать сказала, что прошлое пусть остается в прошлом и в его жизни значение имеет только она, потому что родила его, вырастила и обучила), и они жили цыганской жизнью несколько лет, пока Джулия не разошлась с ним и, беременная сыном, не поселилась на небольшой ферме в Норфолке, живя на отшибе за счет маленького наследства, оставленного одним из ее преданных сторонников времен славных дней анти- инопланетянских протестов.

Когда они там поселились, до побережья на востоке было свыше десяти километров, но неуклонно поднимающийся уровень моря затопил северное и восточное побережья Британии и Европы. Восточную Англию разрезали пополам дамбы, построенные для зашиты драгоценных пахотных земель от наползающего моря, и большинство людей, оказавшихся на неправильной стороне, взяли пособия на переселение и уехали. Но Джулия осталась. Она заплатила строителям, чтобы расширить небольшой холм – все, что осталось от ее фермы, – за счет обломков полуразвалившейся усадьбы двадцатого столетия, и поселилась на образовавшемся острове. Когда-то он был намного больше, и на нем проживало немало людей, привлеченных ее славой, но через несколько недель или месяцев они уходили, не выдержав насмешек и нетерпимости Джулии. А потом большая часть оставшейся ледяной шапки Гренландии рухнула в Северный Ледовитый океан, породив волну, прокатившуюся через все Северное море.

Лукасу тогда было всего шесть лет, но он до сих пор ясно помнил тот день. Вода дошла до высшей отметки уровня прилива и продолжила подниматься. Сперва мальчик веселился, отмечая вкрадчивое продвижение воды палочками, втыкаемыми в землю, но к вечеру стало ясно, что в ближайшее время вода не собирается останавливаться, а потом она внезапно поднялась более чем на метр, затопив огород и добравшись до деревянных

свай, на которых стоял их передвижной домик. Весь тот вечер Джулия выносила из домика их пожитки, а Лукас бегал за ней туда и обратно, помогая по мере сил, пока вскоре после полуночи мать не сдалась и они не заснули под навесом, сооруженным из стульев и одеяла. А проснувшись, обнаружили, что их остров ужался вдвое, а домик всплыл со свай и теперь лежал на боку, наполовину погрузившись в мутную воду, полную всевозможного мусора.

Джулия купила новый домик, установила его в самой высокой точке того, что осталось от острова, и, несмотря на вялые попытки различных местных чиновников прогнать их оттуда, они с Лукасом остались. Она научила его основам арифметики и письма, долгой и запутанной тайной истории мира, а всему, что нужно знать в огороде, в лесу и на воде, мальчик выучился у соседей. Он ловил силком кроликов в лесах, тянувшихся вдоль дамбы, собирал фрукты на живых изгородях, съедобные растения и грибы и наловчился бить белок камешками из рогатки. Добывал мидий на рифе из ржавеющих автомобилей, защищающем дамбу со стороны моря, ставил плетеные ловушки на угрей и снасти с крючками на мохнаторуких крабов. Ловил макрель, катранов и морских дракончиков в широких мутных водах Потопа. Когда мог, подрабатывал на креветочной ферме у отца Дамиана или на огородах, фермах и бамбуковых и ивовых плантациях по другую сторону дамбы.

Весной Лукас смотрел, как длинные клинья гусей летят на север над водой, тянущейся до горизонта. А осенью наблюдал, как они летят на юг.

Он унаследовал немало материнской неугомонности и яростной независимости, но, хотя ему отчаянно хотелось вырваться за пределы их мирка, он не знал, с чего начать. И, кроме того, ему надо заботиться о Джулии. Мать никогда это не признает, но она полностью от него зависит.

И теперь она, отклоняя его предложение отправиться с ними, сказала:

– Сам знаешь, у меня здесь очень много дел. Мне вечно не хватает дня, чтобы с ними управиться. Но ты можешь кое-что для меня сделать. Возьми с собой мой телефон.

– Дамиан сказал, что возле дракона телефоны не работают.

– А я уверена, что мой будет прекрасно работать. Сфотографируй эту штуковину. Сделай как можно больше кадров. Когда вернешься, я запишу твой рассказ, а фотографии помогут привлечь читателей.

– Хорошо.

Лукас знал, что спорить бессмысленно. Кроме того, мамин

телефон – старая модель, выпущенная еще до Спазма: у него нет связи с облаком, и он тупой, как коробка с камнями. До тех пор пока Лукас будет использовать его только как фотоаппарат, это не испортит его представление о настоящем приключении.

– «ИП убирайтесь домой», – улыбнулась мать.

– «ИП убирайтесь домой»?

– Когда-то мы писали такое повсюду. На главной взлетной полосе аэропорта в Лютоне двадцатиметровыми буквами. И еще выкопали канавы в форме этих слов в Южном Даунсе, залили в них солярку и подожгли. Их можно было прочесть из космоса. Пусть нелюди знают, что им тут не рады. Что они нам не нужны. Загляни в ящик с инструментами. Там наверняка есть баллончик с краской. Прихвати его с собой на всякий случай.

– Я и рогатку прихвачу – вдруг замечу уток. Постараюсь вернуться до темноты. А если не получится, то в буфете есть коробки с армейскими рационами. И еще я принес с огорода помидоры и морковку.

– «ИП убирайтесь домой». Не забудь. И будь осторожен, лодка-то у нас маленькая.

* * *

Лукас начал мастерить парусную лодку в конце прошлого лета и работал над ней всю зиму. В ней было всего четыре метра от носа до кормы, фанерный корпус склеен эпоксидной смолой и укреплен шпангоутами из ветвей молодого тополя, поваленного осенними ураганами. Из ствола того же тополя мальчик с помощью тесла и самодельного рубанка сделал мачту и гик, смастерил из дуба кницы, планшир, выносную опору и носовую оконечность корпуса, а затем уговорил Ричи, бригадира с креветочной фермы, отпечатать на местном принтере упорные планки, уключины, носовую скобу и кольца для крепления парусов. Ричи дал ему несколько полупустых банок синей краски и лак для герметизации корпуса, и Лукас купил набор подержанных ламинированных парусов на верфях в Халвергейте, а фалы и шкоты сплел из кусков веревок.

Он любил свою лодку больше, чем был готов себе признаться. Этой весной он плавал до креветочной фермы и обратно, ходил на север вдоль побережья до Халвергейта и Экла, а на юг и запад – вокруг Ридем-Пойнта до самого Брунделла, даже пересек речной канал и прошел по лабиринту заливаемых во время прилива мелководий до Чедгрейва. Если морской дракон застрял там, где сказал Дамиан, то придется забраться так далеко, как он

еще никогда не плавал, ведя лодку между не нанесенными на карты и постоянно меняющимися песчаными отмелями, огибая клиперы и цепочки барж в судоходном канале. Но Лукас решил, что теперь уже хорошо знает нрав своей лодочки. К тому же день был ясный, а ровный западный ветер понесет их в нужном направлении, кливер можно полностью выпустить, а главный парус будет полной грудью ловить ветер и кренить лодку, пропахивающую белую борозду через легкую рябь.

Поначалу Лукас просто сидел на корме, зажав руль под мышкой и придерживая левой рукой главный шкот, и правил на север мимо загородок и помостов креветочной фермы. Дамиан сидел рядом, навалившись на борт, чтобы уравновесить крен лодки. Левой рукой он натягивал кливер-шкот, а в правой держал пластиковую миску, которой время от времени черпал воду со дна лодки и выливал ее искрящейся дугой. Ее тут же подхватывал и изгибал ветер.

Солнце стояло высоко в чистом синем небе, лишь на северо-восточном горизонте виднелась тонкая полоска облаков. Скорее всего – туман, образующийся там, где влага конденсировалась из воздуха, остывшего после прохождения над морем. Но до него было много километров, а вокруг солнечный свет отражался от верхушки каждой волны, блистал на белых парусах и поджаривал двух парней в лодке. Лицо и обнаженный торс Дамиана блестели от солнцезащитного крема. Лукас, хотя и был таким же загорелым, как его друг, тоже намазал лицо кремом, а еще завязал веревочки соломенной шляпы под подбородком и надел рубашку, которую теребил на груди ветер. Руль мелко и непрерывно подрагивал, пока лодка шла навстречу бесконечным мелким волнам, а натяжение паруса Лукас определял по шкоту, обернутому вокруг левой руки, поглядывая время от времени на вымпел, развевающийся на верхушке мачты. Судя по ориентирам на дамбе, тянущейся вдоль берега к порту, они делали около пятнадцати километров в час, то есть шли с почти максимальной скоростью, которую Лукасу удавалось выжать из своей лодочки. И они с Дамианом улыбались друг другу и щурились, глядя на искрящуюся от солнца воду, – счастливые и радостные от этой морской прогулки по Потопу, два отважных искателя приключений, отправившиеся встретиться с чудищем лицом к лицу.

– Мы туда доберемся за час, легко, – сказал Дамиан.

– Может, чуть меньше, чем за два. Пока туман остается на месте.

– Солнце его выжжет.

– До сих пор не смогло.

– Вот только не давай своей природной осторожности испортить прекрасный день.

Лукас обогнул по широкой дуге плавучий островок пузырчатки, блестевшей на солнце наподобие сгустка свежей крови. Некоторые называли ее марсианской водорослью, хотя она не имела никакого отношения к инопланетянам. Это был искусственно созданный вид, предназначенный для поглощения азота и фосфора, выделяющихся в воду с затонувшей пахотной земли. Пузырчатка из-за обильного питания разрослась настолько, что ее размножение стало неконтролируемым.

Далеко впереди длинная линия прибоя обозначила риф на месте затонувшей железнодорожной насыпи. Лукас заложил руль к ветру, и они с Дамианом пригнулись, когда развернулся гик и лодка сделала поворот фордевинд. Паруса обмякли, затем снова наполнились ветром, а лодка понеслась к одному из созданных взрывами проходов в насыпи, пройдя настолько близко к отмечавшему его бакену, что Дамиан мог бы протянуть руку и коснуться ржавой боковой стальной пластины. А потом они выплыли на широкий простор, где на небольшой возвышенности перед портом растянулся городок Экл. Церковная башня-шпиль с ободранной черепицей торчала из воды, словно скелет маяка. Отполированный крест на ее вершине горел пламенем в солнечных лучах. Цепочка старых пилонов тянулась вдаль, большинство наклонилось под крутым углом, из переплетения их арматуры, заляпанной белыми пятнами помета, торчали лохматые гнезда цапель. Один из немногих все еще прямых пилонов был колонизирован рыбаками – на поперечных балках построены хижины из плавника, а снаружи висел работающий на энергии волн генератор, смастеренный из бочек от горючего. Внутри паутины из ржавой стали ярмарочными флагами трепетало выстиранное белье, а голый малыш стоял в распахнутой двери хижины, находящейся чуть выше уровня воды, отводя с глаз копну нечесаных волос и наблюдая за проплывающей мимо лодчонкой.

Они миновали островки, окаймленные молодыми мангровыми деревьями – тоже специально выведенными растениями, быстро распространяющимися из тех районов на юге, где их высадили, чтобы заменить дамбу. Лукас заметил камышового луня, патрулирующего береговую полосу на подветренной стороне одного из островов в поисках водяных крыс и мохнаторуких крабов. Затем проплыли мимо длинного здания, затонувшего до верхушек окон второго этажа. На его плоской крыше виднелись яркие пластиковые шары – поплавки для сетей. Рядом вращались зубчатые колеса ветряных генераторов и

покачивались на волнах рыбацкие лодочки. Кто-то стоящий на краю крыши помахал им, Дамиан встал и помахал в ответ, из-за чего лодка так накренилась, что ему пришлось ухватиться за шкаторину кливера и плюхнуться на скамью.

– Если хочешь нас перевернуть, то валяй, – предложил Лукас.

– Для кораблекрушения есть места и похуже. Ты знаешь, что они тут все женаты друг на друге?

– Слыхал.

– Гостей они тоже любят.

– Я знаю, что сам ты у них не бывал, иначе бы давно рассказал. Раз десять, не меньше.

– Зато разговаривал с двумя из них в Халвергейте. Они сказали, что мне было бы неплохо заглянуть к ним на время, – сообщил Дамиан, с улыбочкой поглядывая на Лукаса. – Может, подумаем и завернем к ним на обратном пути?

– Ага, и там нас обчистят до нитки и швырнут в воду.

– Ты не очень-то доверяешь людям, как я погляжу.

– Если ты имеешь в виду, что я недостаточно глуп, чтобы поверить, будто нас встретят с распростертыми объятиями и позволят выбрать кого-то из их женщин, то, видимо, да.

– Та женщина была потрясно красивая. И чуть старше меня.

– А все остальные – морские ведьмы старше твоей прабабушки.

– В тот раз, когда я приходил с отцом… Она была раза в два старше меня, но я совершенно не возражал.

Несколько месяцев назад, когда Дамиану исполнилось шестнадцать, отец взял его с собой в паб в Норвиче, где женщины раздеваются возле шеста, а потом ходят голышом, собирая чаевые у посетителей. Отец Дамиана заплатил одной из них, чтобы она позаботилась о его сыне, и с тех пор Дамиан болтал об этом без умолку, строя планы о том, как пойдет туда один или с Лукасом, у которого пока аналогичного опыта не было.

Дамиан долго смотрел, как полузатонувшее здание медленно отдаляется, погружаясь в сияние отраженного от воды света, потом сказал:

– Если мы когда-нибудь сбежим, то сможем жить в похожем месте.

– Ты, наверное, сможешь, – возразил Лукас. – А я хотел бы перебираться с места на место. Но, пожалуй, мог бы иногда возвращаться и заходить к тебе в гости.

– Я имел в виду не это место. А что-то вроде него. Таких наверняка много на тех планетах, откуда прилетели чужаки. На одной из планет есть океаны. На Первопроходце.

– Знаю.

– И на всех есть руины инопланетянских зданий. И прямо сейчас где-то на них ходят люди. На всех этих новых планетах. А большинство людей сидит здесь… как пеньки. Как старые пни, торчащие из болота.

– Я не рассчитываю на выигрыш в лотерее, – сказал Лукас. – Меня бы вполне устроило сплавать на юг. В Африку, или в Бразилию, или на те острова, что люди строят в Тихом океане. Или даже до самой Антарктиды.

– Как только ты там выйдешь на берег, Эл, тебя сожрет полярный медведь.

– Полярные медведи жили на севере, когда, собственно, еще водились полярные медведи.

– Ну, тогда пингвины-убийцы. Огромные пингвины с ножами в плавниках и лазерами вместо глаз.

– Таких не бывает.

– !Ча сделали морских драконов, так ведь? Почему бы им не сделать гигантских роботов в виде пингвинов-убийц? Скажи маме, пусть поищет их в сети.

– Это не смешно.

– Ладно, не кипятись. Я просто пошутил.

– Шуточки у тебя иногда дурацкие.

Некоторое время они плыли молча, правя на запад через пролив. Далеко по правому борту шел клипер. Цилиндры его роторных парусов медленно вращались, белые, как соль, и окруженные необъятными морскими просторами, которые мерцали под горячим голубым небом наподобие шелкового полотнища. Еще дальше буксир тянул на юг цепочку барж. Из жаркой дымки стала проявляться береговая линия Тарн-Пойнта, возвышающаяся над илистыми отмелями, прорезанными паутиной узких каналов, и друзья повернули на восток, огибая заросли морской травы, выползающие с берега в открытые воды. Стало немного прохладнее, ветер дул скорее с северо-запада, чем с запада. Лукасу показалось, что полоса тумана на горизонте приблизилась. Когда он сказал об этом, Дамиан ответил, что до тумана еще куча миль и к тому же они сейчас правят непосредственно к своей цели.

– Если дракон все еще там, – заметил Лукас.

– Никуда он не денется при полном отливе.

– А ты что, действительно специалист по всяким инопланетянским штуковинам?

– Просто держи курс на север, Эл.

– Именно это я и делаю.

– Извини за ту шуточку насчет твоей матери. Я ничего плохого не имел в виду. Хорошо?

– Хорошо.

– Мне нравится слоняться по нашим местам, – сказал Дамиан. – Но я серьезно настроился уехать отсюда. Помнишь, как два года назад примерно в это же время мы добрались до Норвича и нашли армейский вербовочный пункт?

– Я помню, как сержант угостил нас чашечкой чая с печеньками и сказал, чтобы мы приходили, когда подрастем.

– Он все еще там. Тот сержант. С теми же гребаными печеньками.

– Погоди. Ты ездил туда записываться в армию, а мне ничего не сказал?

– Я ездил узнать, смогу ли я записаться. После дня рождения. Выяснил, что в армию берут парней нашего возраста, но нужно разрешение родителей. Вот так-то.

– И ты даже не пытался говорить с отцом на эту тему?

– Я же на него работаю, Эл. Так зачем ему добровольно расставаться с хорошим и дешевым работником? Я однажды попытался. Он был поддатый и в хорошем настроении. Во всяком случае, в таком, которое для него можно считать хорошим. Размяк немного после пива и очищенной самогонки. Но он и слышать об этом не захотел. А потом надрался до полной кондиции и избил меня. Велел, чтобы я никогда даже не заикался про армию.

Лукас посмотрел на друга и спросил:

– Почему же ты раньше мне не сказал?

– Я могу пойти в армию по собственной воле, когда мне исполнится восемнадцать. А до тех пор у меня нет никаких шансов свалить отсюда. Разве что сбежать или выиграть в лотерею.

– И поэтому ты планируешь сбежать?

– Я совершенно точно не рассчитываю на выигрыш в лотерее. И даже если выиграю, мне не позволят улететь, пока не исполнится восемнадцать.

Совсем как в гребаной армии. – Дамиан посмотрел на Лукаса, отвернулся. – Отец, наверное, и так из меня дерьмо выбьет за то, что я свалил вместе с тобой.

– Можешь переночевать у меня. До завтра он немного остынет.

Дамиан покачал головой.

– Он придет, только чтобы найти меня. А я не хочу накликать неприятности на тебя и твою маму.

– Никаких неприятностей не будет.

– Еще как будут. Но все равно спасибо. – Дамиан помолчал. – Мне плевать, что он со мной завтра сделает. Знаешь что? Я думаю

только о том, что когда-нибудь смогу его отлупить.

– Ты так говоришь, но на самом деле ты этого не хочешь.

– Чем дольше я здесь остаюсь, тем больше становлюсь похожим на него.

– Что-то я такого не замечал.

Дамиан пожал плечами.

– Честно, не замечал, – сказал Лукас.

– Да пошел он в задницу, – отрезал Дамиан. – Я не дам ему испортить такой прекрасный день.

– День нашего великого приключения.

– Ветер снова меняется.

– Кажется, и туман движется.

– Похоже, движется. Немного. Но мы не можем повернуть обратно, Эл. Не сейчас.

До стены облаков на горизонте было теперь около мили. Она поднялась настолько высоко, что начала заслонять солнце. С каждой минутой становилось холоднее, а ветер все время менял направление. Дамиан надел рубашку, зажав зубами кливер-шкот, пока просовывал руки в рукава. Они сменили галс, чтобы обогнуть длинную полосу травы, а за ней увидели прямо по курсу белую стену, перегораживающую им путь.

Лукас повернул руль под ветер. Лодка сразу замедлилась и вышла носом к ветру.

– В чем проблема? – спросил Дамиан. – Это всего лишь туман.

Лукас поймал развернувшийся гик и удержал его на месте.

– Подождем немного. Посмотрим, не выжжет ли солнце туман.

– А за это время начнется прилив и поднимет гребаного дракона с мели.

– Прилив еще не скоро.

– Мы уже почти добрались.

– Если не нравится, можешь дальше вплавь.

– Могу и вплавь. – Дамиан уставился на приближающийся туман. – Думаешь, дракон как-то связан с туманом?

– Думаю, это просто туман.

– А вдруг он прячется в тумане от кого-то или чего-то. Мы дрейфуем назад, – заметил Дамиан. – Тоже часть твоего плана?

– Мы сейчас в речном канале, на главном течении. Тут слишком глубоко для моего якоря. Видишь те мертвые деревья на краю травы? Туда я и рулю. Мы там сможем пересидеть.

– Я что-то слышу, – сказал Дамиан.

Лукас тоже это услышал. Приближающийся рев мотора, запущенного на полные обороты. Обернувшись, он увидел, как

силуэт в тумане обретает форму и вещественность: прогулочный катер с кабиной, расталкивая щупальца тумана, мчался посреди канала на максимальной скорости, поднимая широкую волну по сторонам.

За мгновение ледяной ясности сознания Лукас увидел, что сейчас произойдет. Он крикнул Дамиану, велев ему пригнуться, выпустил гик и повернул руль к правому борту. Когда парус надулся и лодка стала поворачивать, развернулся и гик, но катер был уже совсем рядом. Он с ревом промчался всего метрах в десяти, и поднятая им широкая гладкая волна ударила лодку в борт, приподняла и швырнула в сторону мертвых деревьев на берегу. Лукас бросил всякие попытки управлять лодкой и отвязал главный фал от кофель-планки. Дамиан схватил весло и попытался оттолкнуть лодку от ближайшего дерева, но ее по инерции швырнуло на два следующих. Мокрый и черный обломок ветки со скрипом прошелся вдоль борта, лодка накренилась, на банку хлынула вода. На миг Лукасу показалось, что они перевернутся, но потом что-то ударило в мачту, и лодка снова выпрямилась. В нее с сухим постукиванием упало несколько гнилых деревяшек, и она неожиданно замерла, застряв между полузатонувшими мертвыми деревьями.

Повреждения оказались не столь серьезными, какими могли быть: надорванная верхушка кливера, длинные царапины на синей краске вдоль правого борта. Но и они высекли темную искру гнева в сердце Лукаса. На преступное безразличие катера и на себя за то. что не смог избежать беды.

– Освободи фал, – сказал он Дамиану. – Придется обходиться без кливера.

– «Обиталище-два». Это название ублюдка, который нас едва не переехал. Порт приписки Норвич. Надо будет его найти и заставить за все заплатить, – сказал Дамиан, складывая порванный кливер.

– А я вот думаю, с какого перепуга он мчался так быстро.

– Может, приплыл взглянуть на дракона и его что-то спугнуло?

– А может, он просто хотел выбраться из тумана. – Лукас осмотрелся, оценивая расстояния и просветы. Деревья стояли в воде тесно, облепленные всевозможным плавучим мусором: голые и белые выше уровня прилива, черные и облепленные ракушками и мидиями ниже. – Давай попробуем оттолкнуться и вернуться. Но только осторожно. Новые царапины мне не нужны.

К тому времени, когда они освободились, их уже настиг туман. Холодная струящаяся белизна плыла над самой водой, расползаясь во все стороны.

– Раз уж мы угодили в туман, то нам все едино, куда плыть, что вперед, что назад. Так что можем двигаться дальше, – решил Лукас.

– Да ты храбрец. Главное – не наткнись снова на деревья.

– Постараюсь.

– Как думаешь, не лучше будет поднять парус?

– Ветра почти нет, а отлив пока продолжается. Мы просто пойдем по течению.

– Драконья погода.

– Слушай, – велел Лукас.

– Еще одна лодка? – спросил Дамиан, насторожившись.

– Я вроде бы слышал шум крыльев.

Лукас достал рогатку. Осматриваясь, он пристроил шарик от подшипника в центр толстой резиновой ленты. Справа между деревьями послышался всплеск, он натянул резинку, прицелился, и тут на сухую ветку уселась птица. Это оказалась цапля, серая, как привидение. Повернув голову, она следила за Лукасом. Тот опустил рогатку.

– Ты легко можешь ее подстрелить, – прошептал Дамиан.

– Я надеялся на парочку уток.

– Дай мне попробовать.

Лукас заткнул рогатку за пояс.

– Ты ее убьешь, ты ее и есть будешь, – буркнул он.

Цапля выпрямила шею, подняла и распахнула крылья, затем, лениво хлопая ими, взлетела над водой и исчезла в тумане.

– Ричи как-то приготовил цаплю, – сказал Дамиан. – С целой тонной анисовых семян. Сказал, что так их готовили римляне.

– И как она на вкус?

– Если честно, то дрянь дрянью.

– Передай-ка мне весло, – попросил Лукас. – Можем немного погрести.

Они гребли через туман в туман. Негромкие звуки, которые они издавали, казались усиленными. Время от времени Лукас опускал руку за борт, набирал горсть воды и пробовал ее на вкус. Он объяснил Дамиану, что пресная вода медленно смешивается с соленой. Так что, пока она остается пресной, это означает, что они находятся в старом речном канале и не должны на что-либо наткнуться. Дамиан отнесся к его словам скептически, но пожал плечами, когда Лукас предложил ему придумать лучший способ отыскивать дорогу сквозь туман, не застревая на илистых отмелях.

Они гребли минут десять, когда далеко впереди раздался долгий и низкий скорбный звук. Он пробрал Лукаса до мозга костей. Они перестали грести и переглянулись.

– Я бы сказал, что это ревун маяка, если бы не знал, как он звучит, – заметил Дамиан.

– Может, сирена с корабля. Большого корабля.

– А может, сам знаешь кто. Зовет свою драконью мамочку.

– Или отгоняет людей.

– По-моему, звук шел оттуда. – Дамиан указал вправо.

– Я тоже так думаю. Но в этом тумане трудно сказать точно.

Они стали грести под углом к течению. Показался низкий палисад, сменившийся зарослями морской травы вдоль края старого речного канала. Лукас, понявший, где они находятся, ощутил облегчение. Они свернули в узкий проход, ведущий сквозь траву. Ее высокие стебли гнулись и осыпали их капельками сконденсировавшегося тумана. Потом они оказались на открытой воде за травой. Из тумана показался берег, и под килем маленькой лодки неожиданно заскрипел песок. Дамиан бросил весло, перескочил через борт и шумно выбрался на землю, разбрызгивая воду, затем побежал по пляжу и скрылся в зернистой белизне. Лукас тоже положил весло, ступил в неглубокую, по колено, воду и вытянул лодку на берег, преодолевая волнистую рябь, затем взял на носу ведро с цементом, которое использовал как якорь, и бросил его на твердый мокрый песок, где оно проделало вмятину, сразу наполнившуюся водой.

Он прошел по следам Дамиана через пляж, поднялся на низкую дюну, заросшую песколюбом, и спустился на другую сторону песчаной отмели. Там на мелководье стояли на якорях лодки, их очертания были размыты туманом. Две – рыбацкие с небольшими рубками на корме. Несколько парусных, не крупнее его лодки. И прогулочный катер с белой надстройкой, очень похожий на тот, что едва их не потопил.

Из белизны материализовалась фигурка – крепенький малыш лет пяти или шести в комбинезончике. Он, смеясь, обежал вокруг Лукаса и умчался прочь. Тот последовал за мальчиком по пляжу в сторону размытого пятна света, видневшегося вдалеке. Возбужденные голоса. Смех. Металлический скрежет. По мере приближения размытый свет конденсировался и разбился на два источника: костер, горящий возле линии прилива, и несколько прожекторов, установленных на полицейском катере в десятке метров от берега. Длинные пальцы света пронзали туман и чуть размыто освещали вытянутый поджарый силуэт, лежащий на краю воды.

Морской дракон оказался большим, не менее пятнадцати метров от носа до кормы, и примерно три метра в самом широком месте посередине. Оба конца были лопатообразными, их

покрывала тесно прилегающая темная чешуя. Машина инопланетян, прочная и неумолимая. Одна из тысяч, рассеянных кораблями-матками, которые ООН купили у! ча.

Лукасу подумалось, что она похожа на пиявку или на паразита-сосальщика, что живут в колюшках. Большой сегментированный корпус, немного обтекаемый и безнадежно застрявший на отмели. На его выпуклой спине стояли люди. Двое мальчишек лупили его по боку кусками дерева. Возле носа сгрудились несколько мужчин и женщин, склонив головы, как при молитве. Вдоль корпуса шла женщина, прикасаясь в разных местах прибором, похожим на жезл. Кучка людей совещалась о чем-то возле ящиков с инструментами и портативного генератора. Вскоре один из них подошел к дракону и поднес к его шкуре дисковый резак. Послышался неровный скрежет, вылетел сноп оранжевых искр. Через некоторое время мужчина шагнул назад, повернулся к компаньонам и покачал головой. Вполне возможно, что сквозь туман дракона разглядывали еще десятки глаз: все население городка Мартэм наверняка вышло на песчаную отмель взглянуть на диковину, принесенную прямо к их ногам.

Если верить утверждениям ООН, драконы плавали в океанах, где отыскивали и поглощали огромные плавучие острова мусора, доставшиеся миру в наследство от расточительных времен нефтяной зависимости – до Спазма. А по слухам, распространяемым через частные сети, в тайной лаборатории ООН уже давно вскрыли дракона и скопировали его начинку для своих тайных целей. Или же драконы были прикрытием заговора инопланетян по проникновению на Землю и строительству тайных баз в океанских глубинах или радикальной и неблагоприятной переделке всей нашей планеты. И так далее, и так далее. Один из своих вечных диспутов мать вела с утопистами, живущими на острове Мидуэй, которые использовали модифицированных драконов для сбора частичек пластика в циркулярных течениях северной части Тихого океана и превращения этого полимерного супа в строительные материалы. По мнению Джулии, истинные утописты не должны пользоваться любыми инопланетными технологиями.

Лукас вспомнил просьбу матери сфотографировать дракона и достал телефон. Когда он его включил, тот жалобно пискнул, а экран замигал и погас. Лукас выключил аппарат и включил снова. На сей раз телефон вообще никак не отреагировал. Значит, это правда: дракон каким-то образом подавляет работу электроники. Лукаса охватило дурное предчувствие, он стал гадать, на что еще способен дракон, и наблюдает ли он за ним и собравшимися

вокруг людьми.

Когда парень сунул бесполезный телефон в карман, его кто-то окликнул. Лукас обернулся и увидел, что к нему идет старик в желтом непромокаемом плаще и островерхой вельветовой шапочке. Билл Денверс, один из тех. кто работал на устричных банках. Он спросил, не приплыл ли Лукас сюда с Грантом Хиггинсом.

– Я приплыл на своей лодке, – ответил юноша.

– Но ты работал на Гранта Хиггинса, – напомнил Билл Денверс и протянул ему плоскую бутылочку на четверть литра.

– Когда-то работал. Спасибо, но я пас.

– Водка с имбирем. Хорошо согревает.

Старик отвинтил колпачок, сделал глоток и опять протянул бутылочку.

Лукас покачал головой.

Билл Денвере сделал еще один глоток и завинтил колпачок.

– Ты приплыл из Халвергейта?

– Чуть южнее Халвергейта. Прошел весь путь под парусом. – Приятно было такое сказать.

– Последние несколько часов люди приезжают отовсюду. В том числе и всякие ученые парни – видишь, они пытаются в него проникнуть. Но я здесь был первым. Когда эта чертова штуковина проплыла мимо меня, я отправился за ней следом. Я ловил сайду, никого не трогал, а она прошла мимо, как плавучий остров. Чуть за борт не свалился, такую она развела волну. Я врубил подвесной мотор и развернулся, однако не смог ее догнать. Но увидел, как она ткнулась в отмель. И это ее совершенно не затормозило – скорость у нее была узлов двадцать. Я услышал удар. – Билл хлопнул в ладоши. – Бах! Она перла вперед и оказалась на мели. Когда я ее догнал, она извивалась наподобие угря. Пыталась двигаться вперед, понимаешь? И ей удалось, только немного. А потом она застряла на этом самом месте. Я так думаю, в ней. наверное, что-то сломалось, иначе бы она обошла мель. Может, она помирает, а?

– А что, драконы могут умирать?

– Когда проживешь с мое, мальчик, то поймешь, что у всего на свете есть конец. Даже у неестественных штуковин вроде той, что лежит здесь. Эти научники, они все утро пытаются проделать в ней дырку. Перепробовали и термическое копье, и какую-то хитроумную дрель. Даже не поцарапали. Теперь пробуют свою пилу, а лезвие у нее тверже алмаза. Или так они говорят. В любом случае она тоже не справится. Ничто на Земле не может повредить дракону. А ты зачем проделал такой путь?

– Просто посмотреть.

– Пока ты будешь делать только то, что сказал, я тебя гнать не буду. А теперь можешь и заплатить.

– Заплатить?

– Пять фунтов. Или пять евро, если ты ими пользуешься.

– У меня нет денег.

Билл Денвере внимательно посмотрел на Лукаса.

– Я был здесь первым. Любой, кто скажет иное. – наглый лжец. И только я имею законное право требовать вознаграждение за спасенное имущество. Как человек, нашедший дракона.

Он повернулся и направился к двум женщинам, начав свою речь к ним задолго до того, как подошел.

Лукас спустился на берег. На песке, по-портновски скрестив ноги, сидел мужчина, набрасывая рисунок в бумажном блокноте угольным карандашом. Небольшая группа женщин что-то распевала и поглаживала бок дракона пучками плюща, а вдоль его туши стояли люди, касаясь чешуи ладонями или прислоняясь и глядя на него наподобие кающихся грешников возле святых мощей. Каждая пластинка чешуи была не меньше метра в поперечнике и чуть отличалась по форме, имелись шести- или даже семигранные чешуины, темные, но зернисто полупрозрачные. Здесь и там их облепляли сростки ракушек и пучки длинных водорослей, похожих на волосы.

Лукас зашел по лодыжки в холодную воду, сделал еще шаг. Протянул руку, ощущая покалывание в кончиках пальцев, и погладил одну из пластин. Она была такой же температуры, как и воздух, и покрыта мелкими углублениями, словно обработанный молотом металл. Прижав к ней ладонь, юноша ощутил легкую вибрацию, будто прикоснулся к горлу урчащего кота. По его телу пробежала легкая дрожь, восхитительная смесь возбуждения и страха. А что если мать и ее друзья правы? Что если внутри сидит инопланетянин. Джакару или! ча управляют драконами изнутри, потому что по соглашению с ООН они могут посещать Землю только так. И теперь настоящий инопланетянин находится в этой машине и наблюдает за происходящим вокруг – угодивший в капкан и беспомощный. И не может позвать на помощь, потому что ему не полагается здесь находиться.

Никто не знал, как выглядят инопланетяне, любые инопланетяне: то ли более-менее похожи на людей, то ли они не поддающиеся воображению монстры, или облака газа, или быстрые холодные мысли, носящиеся внутри какого-нибудь огромного компьютера. Они являли людям только свои аватары – пластиковые человекообразные оболочки с приятными, но одновременно жутковатыми лицами старомодных магазинных манекенов, и после подписания договора лишь несколько из них

остались на Земле в штаб-квартире ООН в Женеве. Допустим, размышлял Лукас, ученые пробьются внутрь и достанут пассажира. Он представил нечто вроде осьминога с глазами-блюдцами, щелкающего клювом внутри узла извивающихся щупалец, беспомощного из-за земной силы тяжести. А если кто-нибудь явится ему на помощь? Не ООН, а реальный корабль инопланетян. От одной этой мысли сердце Лукаса стало биться часто и сильно.

Обойдя по широкой дуге тупой и безглазый нос дракона, он обнаружил на другой стороне Дамиана. Тот разговаривал со стройной темноволосой девушкой в шортах и толстом свитере. Она взглянула на подходящего Лукаса и спросила Дамиана:

– Это твой друг?

– Лизбет мне только что рассказала о разбившемся вертолете, – сообщил Дамиан. – Он подлетел слишком близко, у него отказал двигатель, и он упал прямо в море. Ее отец помогал спасать женщину-пилота.

– Она сломала бедро, – добавила Лизбет. – Сейчас она у нас дома. Мне поручили присматривать за ней, но доктор Наджа дал ей что-то, и она теперь спит.

– Отец Лизбет – мэр, – пояснил Дамиан. – Он тут всем руководит.

– Он так думает, – сказала девушка, – но на самом деле тут начальников нет. Полиция и все остальные спорят между собой. У тебя есть телефон, Лукас? Мой не работает. Это лучшее, что здесь вообще когда-либо случалось, а я даже не могу рассказать друзьям.

– Я могу отвезти тебя на лодке туда, где телефон начнет работать, – предложил Дамиан.

– Не стоит, – ответила Лизбет с легкой застенчивой улыбкой, ковыряя пальцами голой правой ступни мокрый песок.

Лукас думал, что девушка примерно одного возраста с ним и Дамианом. Теперь он увидел, что она минимум на два года младше.

– Это абсолютно безопасно, – заверил Дамиан. – Честное слово.

Лизбет покачала головой.

– Я хочу остаться здесь и посмотреть, что будет дальше.

– Тоже хорошая идея, – согласился Дамиан. – Мы можем сидеть у костра и греться. А я расскажу тебе о наших приключениях. Как мы отыскали сюда дорогу через туман. Как нас едва не переехал…

– Мне надо найти друзей, – прервала его Лизбет, ослепительно улыбнулась Лукасу, сказала, что ей было приятно с

ним познакомиться, и отвернулась. Дамиан схватил ее за руку, но Лукас вмешался и велел ему отпустить девушку. Лизбет снова улыбнулась Лукасу и ушла, оставляя голыми пятками цепочку следов на мокром песке.

– Ну, спасибо, – буркнул Дамиан.

– Она еще ребенок. И к тому же дочка мэра.

– Ну и что? Мы же просто разговаривали.

– А то, что мэр мог бы посадить тебя в кутузку, если бы захотел. И меня тоже.

– Но теперь тебе не надо об этом беспокоиться, да? Потому что ты ее спугнул.

– Она ушла, потому что хотела уйти, – сказал Лукас.

Он не договорил и хотел спросить Дамиана, из-за чего они вообще спорят, но тут дракон издал скорбный вой. Это был мощный рев, где-то примерно в си-бемоль, и настолько громкий, что ощущался физически, сотрясая каждый квадратный сантиметр тела Лукаса. Тот зажал уши ладонями, но звук раздавался внутри черепной коробки и проникал глубоко в грудную клетку и кости. Дамиан тоже зажал уши, а окружившие дракона люди или отступили, или отбежали. Потом вой резко оборвался, и все снова подошли. Женщины еще сильнее замахали руками, но теперь их распевания звучали для Лукаса глухо: голос дракона был настолько громким, что оставил после себя звон в ушах, и юноше пришлось приблизиться к Дамиану, чтобы расслышать его слова:

– Впечатляет, правда?

– Это точно дракон, – согласился Лукас. Собственный голос прозвучал как-то тускло и в основном внутри головы. – Мы кончили спорить?

– А я и не заметил, что мы спорили. Ты видел парней, которые пытаются его вскрыть?

– На другой стороне? Меня удивило, что полиция разрешает им это делать.

– Лизбет сказала, что они ученые из морской лаборатории в Свэтеме. Работают на правительство, как и полиция. Она говорит, ученые полагают, что дракон питается пластиком. Засасывает его, переваривает и разлагает на углекислый газ и воду.

– Во всяком случае. ООН хочет, чтобы люди в такое верили.

– Иногда ты говоришь точно как твоя мать.

– Ты опять за старое?

Дамиан опустил ладонь на плечо Лукаса.

– Да я так, побурчал немного. Слушай, а давай пойдем к костру, погреемся.

– Если хочешь снова поговорить о той девушке, так и скажи.

– Ну и кто теперь начинает ссориться? Я лишь подумал, что мы можем согреться, найдем что-нибудь поесть. Там уже продают всякую всячину.

– Хочу как следует рассмотреть дракона. Мы ведь для этого сюда приплыли, разве не так?

– Ладно, смотри, а я скоро вернусь.

– Если вляпаешься в неприятности, домой будешь добираться сам, предупредил Лукас, но Дамиан уже пошел прочь и скрылся в тумане, даже не оглянувшись.

Лукас смотрел, как его силуэт растворяется в белой пелене, и ждал, что друг обернется. Он не обернулся.

Раздраженный этой глупой выходкой, Лукас обошел дракона спереди и стал смотреть, как стык между двумя крупными чешуями атакуют отбойным молотком ученые. Они пустили в ход все, что у них имелось, но, похоже, ничего не добились. Группа фермеров из кооператива прибыла на двух тракторах, оставивших аккуратные следы на мокром песке, и теперь оттуда доносился запах кипящего масла, напомнивший Лукасу, что он после завтрака ничего не ел. И еще он чертовски замерз. Юноша побрел по песку вперед и купил миску рыбного супа у женщины, которая налила его прямо из железного котла, подвешенного на крюке возле большого костра, и добавила к супу горбушку хлеба. Лукас пил горячее варево и чувствовал, как согревается кровь. Остатки супа он подобрал кусочком хлеба, очистил пластиковую миску песком и вернул ее женщине. Возле костра стояло много людей, но Дамиана среди них не было. Возможно, он искал ту девушку. Или его арестовали. Скорее всего, он объявится, глуповато улыбаясь, отмахнется от упреков Лукаса и скажет, что просто пошутил. Так он обычно и делал.

Полосы тумана на время расступились, открыв смазанные контуры домов Мартэма на дальнем конце песчаной отмели, затем туман накатил вновь, и городок исчез. Дракон опять испустил зов бедствия или тревоги. В наступившей потом звенящей тишине кто-то произнес, не обращаясь к кому-либо конкретно, с удовлетворением человека, обнаружившего решение одной из вечных тайн вселенной:

– Ровно каждые двадцать восемь минут.

Наконец послышался звук мотора, и в тумане, висящем возле берега, стал проступать все более четкий силуэт: угловатый и старомодный десантный корабль, который прошел мимо полицейского катера и ткнулся в отмель возле дракона. Опустилась носовая аппарель, из корабля выбежали солдаты. Полицейские, а также несколько гражданских и ученых направились по берегу им навстречу. После короткой дискуссии

один солдат выступил вперед, поднес ко рту мегафон и объявил, что ради общественной безопасности сейчас будет установлена запретная зона радиусом двести метров.

Несколько военных принялись разгружать пластиковые ящики. Остальные прогнали собравшихся вокруг дракона людей, приказав им отойти и направив в глубь пляжа, за костер. Лукас заметил Билла Денверса, спорящего с двумя солдатами. Один неожиданно схватил старика за руку, развернул и надел что-то на запястья. Другой уставился на подходящего к ним Лукаса и велел держаться подальше, или его тоже арестуют.

– Он мой дядя, – сказал Лукас. – Если вы его отпустите, то я позабочусь, чтобы он больше ни во что не ввязывался.

– Твой дядя? – Солдат был лишь немного старше Лукаса, с коротко стриженными рыжими волосами и розовой кожей.

– Да, сэр. Он ничего плохого не хотел. Просто расстроился из-за того, что никого не волнует, что он первый нашел дракона.

– Я же вам говорил, – подтвердил старик.

Солдаты переглянулись, и рыжий сказал Лукасу:

– Ты за него отвечаешь. Если он начнет снова, вы оба пожалеете.

– Я за ним присмотрю.

Солдат задержал на Лукасе взгляд, потом достал небольшой нож, разрезал пластиковые наручники на запястьях старика и подтолкнул его к Лукасу.

– Не путайся у нас под ногами, дед. Усек?

– Сукины дети. – пробурчал Билл Денверс, когда солдаты отошли, и громко добавил: – Я первый его нашел. И кое-кто мне за это должен.

– Думаю, все уже знают, что вы первым увидели, как дракон подплывает к берегу, – сказал Лукас. – Но теперь здесь командуют они.

– Они собираются его взорвать, – произнес мужчина, стоящий рядом.

Он держал наплечную сумку в одной руке и складной стул – в другой.

Когда мужчина разложил стул и сел, Лукас его узнал: он сидел возле головы дракона и зарисовывал его.

– Не смогут, – заявил Билл Денверс.

– Но попробуют, – сказал мужчина.

Лукас обернулся и посмотрел на дракона. Его обтекаемый силуэт расплывался в струях тумана, а люди, возившиеся возле головы (если это была голова), превратились в смутные тени. Солдаты и ученые совещались, собравшись в плотную группу. Затем полицейский катер и десантный корабль запустили моторы

и задним ходом отошли в море навстречу приливу, растаяв в тумане, а ученые направились следом за солдатами по берегу, прошли мимо костра, и среди людей, растянувшихся вдоль вершины дюны, началось шевеление.

– У них нет на это права, черт побери. – сказал Билл Денверс.

Солдат с мегафоном объявил, что сейчас будет небольшой контролируемый взрыв. Через секунду дракон испустил очередной долгий вопль, и наступившую затем шокирующую тишину разорвал хохот собравшейся на дюне толпы. Солдат с мегафоном начал обратный отсчет с десяти. Кто-то в толпе его подхватил. На счете «ноль» настало мгновение тишины, а потом в середине туши дракона полыхнула красная вспышка. По дюне прокатился грохот, поглощенный туманом. Люди свистели и аплодировали, Билл Денверс обошел Лукаса и побежал вниз по откосу к дракону. Упал на колени, поднялся и побежал дальше. Солдаты бросились его догонять, подбираясь с обеих сторон.

Люди радостно вопили, некоторые – в основном молодежь – кинулись следом за Биллом, прыжками преодолевая склон и образуя толпу на берегу. Лукас заметил среди бегущих Дамиана и рванул за ним. Сердце у него колотилось, голова от возбуждения слегка кружилась. Солдаты успевали кое- кому преграждать путь, хватали или сбивали с ног, но большинству удалось проскользнуть мимо них. Лукас слышал какое-то бубнение через мегафон, но не мог разобрать слов, и тут полыхнула ослепительная белая вспышка, а раскаленный ветер ударил его с такой силой, что он потерял равновесие и упал на колени.

Дракон развалился пополам, его раскаленные внутренности светились, а проникающие в него волны шипели и взрывались паром. Невыносимый жар обжег лицо. Лукас кое-как встал. Люди вокруг него поднимались, между ними суетились солдаты, отгоняя от дракона. Кто-то подчинялся, а кто-то стоял и, щурясь, смотрел на бьющий из взорванного дракона свет – ослепительно-яркие волны и полосы белого сияния, которые заливали берег и выжигали туман.

Моргая, чтобы избавиться от слез и навязчивых остаточных кругов перед глазами, Лукас увидел, как два солдата оттаскивают Билла Денверса от дракона. Его тело обмякло и беспомощно волочилось, раздвинутые ноги пропахивали борозды в песке. Голова у него была в крови, из нее что-то торчало под странным углом.

Лукас направился к ним, но тут полыхнула еще одна вспышка, которая его оглушила и наполовину ослепила. Рядом начало что-то падать, и в песок возле его ноги неожиданно воткнулся полупрозрачный осколок. Солдаты бросили Денверса.

Лукас подошел к нему, обходя разные обломки и мусор, и увидел, что старику уже не помочь. Череп у него был разбит вонзившимся осколком, а песок вокруг головы пропитался кровью.

Теперь дракон полностью развалился на куски. Нечто раскаленное вываливалось из него и с шипением падало в исходящую паром воду, а внутренний свет становился все ярче.

Лукас, как и почти все остальные, развернулся и побежал. Пока он ковылял по песку к вершине дюны, жар когтями впивался ему в спину. Он увидел сидящего на песке Дамиана, тот правой рукой зажимал верхнюю часть левой. Подбежав, Лукас помог ему встать. Опираясь друг на друга, они перебрались через вершину дюны. Тут и там уже разгорались небольшие пожары в тех местах, где раскаленные осколки упали на пучки сухой травы. Все вокруг купалось в пульсирующей алмазной яркости. Друзья спустились по склону с другой стороны и направились к синей лодочке, которая уже покачивалась на поднявшейся воде. Дамиан неуклюже перебрался через борт, Лукас подтащил ведро с цементом, закинул его в лодку, навалился плечом на нос суденышка, столкнул его в низкие волны и забрался сам.

Пока Лукас расправлял парус, лодка дрейфовала, гонимая поднимающимся приливом. Свет от дракона бил над вершиной дюны, сияя ярче солнца. Лукас развернул лодочку по ветру, пропахал заросли морской травы и вывел ее в канал, догоняя небольшой флот, бегущий прочь отсюда. Дамиан сидел на дне лодки, прислонившись к мачте и обхватив себя руками. Лукас спросил, все ли у него в порядке, Дамиан раздвинул пальцы и показал полупрозрачный клиновидный осколок, торчащий из бицепса. Тот был размером примерно с его мизинец.

– Проклятая невезуха, – процедил Дамиан с болью в голосе.

– Я тебя перевяжу, – сказал Лукас, но друг покачал головой.

– Плыви и не останавливайся. Думаю, что…

На миг все стало белым. Лукас бросился на дно лодки, закрыл лицо руками и на мгновение сквозь красную завесу плоти увидел силуэты костей. Когда он набрался храбрости осмотреться, то заметил узкую колонну чистого белого света, бьющую вертикально вверх. Казалось, она чуть клонится в сторону, взбираясь в небо и целясь в зенит.

Горячий ветер ударил в лодку и наполнил парус. Лукас сел, схватил руль и шкот – лодка уже дрейфовала боком к ветру. К тому времени, когда он справился с управлением, колонна света потускнела, накрытая ползучими завесами тумана, и подсвечивалась лишь бледными отблесками пламени за дюной.

* * *

Джейсон Плейн, отец Дамиана, пришел к Лукасу и его матери на следующее утро. Дюжий мужчина за сорок пять, с бритой головой, грубоватый и резкий, одетый в комбинезон и рабочие сапоги, он заполнил собой их передвижной домик и как будто сделал его маленьким и хрупким. Стоя возле кровати Джулии, он сказал, что хотел бы расспросить Лукаса о передряге, в которую угодили они с Дамианом.

– Спрашивай, – ответила Джулия.

Она сидела, опираясь на подушки, взгляд у нее был ясным и веселым. Планшет лежал рядом, над ним светились изображения и блоки текста.

Джейсон уставился на нее из-под густых бровей. От него сильно пахло соленой водой, потом и перегаром.

– Я надеялся потолковать с ним наедине.

– У нас с сыном нет секретов.

– Речь идет о *моем* сыне, – возразил Джейсон.

– Они не сделали ничего плохого, если именно это тебя волнует.

Лукас ощутил в груди смущение и гнев.

– Я здесь, – сказал он.

– Но ты ничего не сделал, – отозвалась мать.

Джейсон посмотрел на Лукаса.

– Как вышло, что Дамиан был ранен?

– Он упал и порезался, – как можно более спокойно произнес Лукас.

Так они с Дамианом договорились отвечать, когда плыли домой с добычей.

Лукас извлек осколок дракона из руки друга и остановил кровотечение повязкой, сделанной из полоски ткани, оторванной от подола рубашки Дамиана. Крови было немного: горячий осколок практически прижег рану.

– Он упал, – протянул Джейсон.

– Да, сэр.

– Ты уверен? Потому что я считаю, что рана на руке моего сына была сделана ножом. И я полагаю, что он ввязался в какую-то драку.

– Это больше звучит как обвинение, а не вопрос, – заметила Джулия.

– Мы ни с кем не дрались, – сказал Лукас.

– Ты уверен, что Дамиан ничего не украл? – спросил Джейсон.

– Да, сэр.

И это, в сущности, было правдой.

– Потому что если он что-то украл и краденое все еще у него,

то у парня крупные неприятности. И у тебя тоже.

– Мне хочется думать, что мой сын знает немного больше об инопланетянах, чем многие из нас, – сказала Джулия.

– Я здесь толкую не о сказочках, – возразил Джейсон. – Я о том, что армия приказала сдать все, что имеет отношение к тому чертову дракону. А ежели вы что-то украли, не вернули, а они это найдут? Тогда они вас арестуют. А если попытаетесь это продать? Так вот, могу вам точно сказать, что торговлей такими вещами занимаются чокнутые и очень скверные люди. Уж я-то знаю. Доводилось как-то иметь с ними дело.

– Я уверена, что Лукас хорошо запомнит ваши слова, – пообещала Джулия.

На том все и закончилось, если не считать, что после ухода Джейсона мать сказала Лукасу, что отец Дамиана был прав в одном: те, кто пытается воссоздать технологии инопланетян, очень опасны, и их следует избегать любой ценой.

– Если бы я случайно стала обладателем чего-то подобного, – сказала она, – то немедленно бы от этого избавилась. Пока никто не узнал.

Но Лукас не мог избавиться от осколка, так как пообещал Дамиану, что сохранит его, пока они не решат, что с ним делать. Следующие два дня он провел, терзаемый виной и нерешительностью, борясь с искушением проверить, лежит ли осколок в тайнике, и гадая, что знает отец Дамиана, что знает мать и не стоит ли ему приплыть в самое глубокое место Потопа и выбросить осколок в воду. Но тут Дамиан наконец-то явился на их островок.

Был ранний вечер, солнце только что село. Лукас поливал огород, когда Дамиан окликнул его из тени между кустов летней сирени. Улыбнувшись, парень сказал:

– Если думаешь, что я плохо выгляжу, то тебе надо взглянуть на него.

– Вряд ли он может смотреться хуже.

– Я пропустил парочку ударов. – сказал Дамиан.

Верхняя губа у него была рассечена, вокруг глаз красовались синяки, а на скуле виднелось бледное пятно.

– Он приходил сюда, – произнес Лукас. – Нам с Джулией пришлось нелегко.

– Она много знает?

– Я ей рассказал, что произошло.

– Все? – жестко спросил Дамиан.

– Кроме того, как в тебя попал осколок.

– А-а… Знаешь, у тебя классная мать. Хотел бы я…

Когда стало ясно, что друг не завершит начатую фразу, Лукас

сказал:

– Все в порядке? Ты пришел так скоро.

– Папаша в Халвергейте, занимается тем, что он называет бизнесом. Насчет него можешь не волноваться. Ты спрятал это в надежном месте?

– Как и обещал.

– Я для чего пришел, Эл. Подумал, может, нам поискать кого-нибудь, кто захочет купить наше маленькое сокровище?

– Твой отец сказал, что нам следует держаться подальше от таких людей.

– Я так и думал.

– Джулия тоже так считает.

– Если ты не хочешь с этим связываться, просто скажи. Сообщи, где он лежит, а я обо всем позабочусь.

– Хорошо.

– Так он здесь или нам надо куда-то пойти?

– Я покажу.

Лукас повел друга через сирень и далее по верху невысокой дюны на северный конец крохотного острова, где стояла яблоня – кривая, покосившаяся и почти засохшая, покалеченная годами соленых брызг и грунтовых вод. Лукас опустился на колени, поднял кусок дерна и достал сверточек из промасленной ткани. Когда он его развернул, Дамиан присел рядом и провел пальцем по кромке осколка.

– Он мертвый?

– Он никогда не был живым, – ответил Лукас.

– Ты меня понял. Что ты с ним сделал?

– Ничего. Он просто сам выключился.

Когда Лукас достал осколок из раны Дамиана, в его полупрозрачной глубине мерцала паутинка каких-то прожилок. Теперь осколок стал тусклым и красновато-черным, как старый струп на ране.

– Может, он работает от солнечного света, как телефон? – предположил Дамиан.

– Я думал об этом, но еще я решил, что лучше всего будет держать его в укрытии.

– Но он все равно должен чего-то стоить, – сказал Дамиан и начал заворачивать осколок в ткань.

Лукаса внезапно охватила тревога, ощущение, словно он начал падать, хотя все еще стоял в темноте на коленях.

– Совсем не обязательно продавать его прямо сейчас.

– Обязательно. Для меня.

– Твой отец… он ведь не в Халвергейте?

Дамиан пристально взглянул на Лукаса.

– Я его не убил, если тебя именно это волнует. Он попробовал вырубить меня, когда я уходил, да только я вырубил его. Отделал, как следует. Свалил и вырубил. А потом еще и связал, чтобы получить фору по времени и уйти.

– Он придет за тобой.

– Помнишь, когда мы были мальчишками, частенько лежали здесь летом. Смотрели на звезды и говорили о том, как здорово было бы отправиться на одну из тех планет, что нам дали джакару. Так вот, я планирую узнать, как это здорово. ООН разрешает покупать билеты у выигравших в лотерею, если те не хотят лететь. Это полностью законно, и все прочее. Нужны только деньги. И я думаю, осколок нам здорово поможет.

– Ты же знаешь, что я не смогу полететь с тобой.

– Если захочешь получить свою долю, придется тебе приехать в Норвич. Потому что сюда я ни за что на свете не вернусь. – заявил Дамиан и поднялся одним быстрым и плавным движением.

Лукас тоже встал. Они стояли лицом к лицу под яблоней. Остров и окружающий его Потоп погрузились в темноту и тишину. Как будто Лукас и Дамиан были последними людьми на Земле.

– Не пытайся меня остановить, – предупредил Дамиан. – Отец попробовал, и я преподал ему хороший урок.

– Давай поговорим.

– Не о чем тут говорить. Я уже все решил.

Он попытался шагнуть мимо Лукаса, но тот схватил его за руку, тогда Дамиан развернул его, приподнял и прижал спиной к яблоне. Лукас пытался вырваться, однако Дамиан продемонстрировал неожиданную силу, прижав его к грубой коре и крепко навалившись. В темных колодцах его глаз замелькали искорки света. Голос прозвучал негромко и хрипловато, и Лукас почувствовал щекой его горячее дыхание.

– Ты привык во всем побеждать меня, Эл. В беге, плавании и так далее. Теперь забудь об этом. Я изменился. Хочешь узнать почему?

– Нам незачем из-за этого ссориться.

– Незачем, – согласился Дамиан, выпустил Лукаса и отступил на шаг.

Лукас отодвинулся от дерева, чувствуя, что его пошатывает.

– Что на тебя нашло?

– Надо же, – рассмеялся Дамиан. – Что, не можешь догадаться?

– Тебе нужны деньги, потому что ты убегаешь. Ладно, можешь забрать мою долю, если хочешь. Но далеко тебе с ними не

убежать.

– Дело не только в деньгах. Я ведь сказал, что изменился. Смотри.

Дамиан задрал рукав, показывая место на бицепсе, где его пронзил осколок.

От раны остался лишь еле заметный шрам, розовый и гладкий. Дамиан натянул кожу, и Лукас увидел под ней контуры волокнистой оболочки.

– Она растет, – сказал Дамиан.

– Господи…

– Я стал сильнее. И быстрее. Я себя чувствую… даже не знаю, как и сказать. Лучше, чем когда-либо в жизни. Словно могу обежать вокруг земного шара без остановки, если понадобится.

– А если она не перестанет расти? Тебе надо показаться врачу, Дэ. Я серьезно.

– Я собираюсь. К такому, который сможет заработать для меня деньги на том, что произошло. Ты все еще думаешь, что этот кусочек дракона ничего не стоит? Он уже изменил меня. Он может изменить любого. Честно говорю – я не хочу с тобой драться, но буду, если встанешь у меня на пути. Потому что здесь я ни за что не останусь. Если останусь, то отец за мной придет. А если он придет, то я буду вынужден его убить. И я знаю, что смогу.

Друзья смотрели друг на друга в тускнеющем вечернем свете. Лукас первый отвел взгляд.

– Можешь пойти со мной, – предложил Дамиан. – В Норвич. А оттуда направимся, куда захотим. В бесконечность и дальше. Подумай об этом. У тебя остался мой телефон?

– Он тебе нужен? Он лежит в доме.

– Оставь себе. Я тебе позвоню. Скажу, где нам можно встретиться. А идти или не идти, решать тебе.

А потом он убежал, проломившись через кусты сирени, росшие на склоне. Лукас направился следом, но к тому времени, когда подошел к воде, Дамиан уже завел мотор лодки, украденной на отцовской ферме, и превратился в силуэт, медленно растворяющийся в густеющих сумерках.

* * *

На следующий день Лукас отправился проверить клетки для ловли угрей и увидел, как от креветочной фермы отошла надувная лодка и направилась к нему, прочерчивая на воде белую изогнутую линию. Там сидел Джейсон Плейн. Заглушив мотор и

аккуратно пристав к лодке Лукаса, он ухватился за швартов. Левая рука у него была забинтована, на голове красовалась бейсбольная кепка, натянутая вплоть до темных очков, в которых отражались Лукас и его лодка. Не здороваясь, Джейсон сразу спросил, где Дамиан, и Лукас ответил, что не знает.

– Ты виделся с ним вчера вечером. Не лги. Что он тебе сказал?

– Что уезжает. И хочет, чтобы я уехал с ним.

– Но ты остался.

– Да. Я все еще здесь.

– Не умничай, парень. Джейсон пристально посмотрел на Лукаса, потом вздохнул, снял кепку и провел ладонью по бритой голове. – Я разговаривал с твоей матерью. И знаю, что Дамиан не с тобой. Но он может быть где-то поблизости. Вероятно, в зарослях. Устроился на природе, как вы частенько делали, когда были младше.

– Я знаю только то, что он уехал, мистер Плейн. И уехал далеко.

Джейсон кривовато улыбнулся.

– Ты же его друг, Лукас. И верю, что ты хочешь ему добра. Как и положено другу. Так что скажи ему, если вдруг увидишь, что я на него не злюсь. Что ему лучше вернуться домой, и с этим не будет никаких проблем. И еще передай, чтобы он был осторожен. И тебе тоже надо быть осторожным. Думаю, ты понял, на что я намекаю. Если вы обратитесь к неправильным людям, можете попасть в большие неприятности. И даже если обратитесь к правильным людям… Подумай об этом.

Джейсон оттолкнулся от суденышка Лукаса, запустил мотор и поплыл обратно. Его лодка подрагивала на невысокой волне, удаляясь в сияние отраженного от воды солнца.

А Лукас стал вытаскивать клетки, твердя себе: он рад тому, что Дамиан уехал, что сбежал. Закончив, юноша сел на весла и принялся грести к островку, к матери и привычному образу жизни.

* * *

Дамиан не позвонил ни в тот день, ни завтра, ни послезавтра. Сперва Лукас разозлился, потом встревожился, решив, что Дамиан попал в беду. Потратил или потерял деньги, вырученные за продажу осколка, или его обманули, а то и хуже. Через неделю Лукас сплавал в Норвич и целых полдня бродил по городу, тщетно пытаясь отыскать друга. Джейсон его более не беспокоил,

но Лукас несколько раз замечал, как он стоит в дальнем конце цепочки загородок на креветочной ферме и разглядывает остров.

Сентябрьское бабье лето сменилось штормами. Дождь лил каждый день. Жесткий и холодный дождь, проносящийся над водой извивающимися полотнищами. Бесконечные ряды низких облаков ползли на восток. Атлантическая погода. Вода в Потопе стала более мутной и менее соленой. Ловушки для угрей оставались пустыми, а шторма загнали стаи макрели и другой рыбы на глубину. Лукас собрал все, что смог, в огороде, на старой груше и на одичавших и забытых живых изгородях в полоске лесов за дамбой, а потом считал и пересчитывал запас консервов и армейских рационов. Ставил силки на кроликов в лесах и часами ходил за белками от дерева к дереву, дожидаясь момента, когда сможет подстрелить зверька из рогатки. Ловил колюшку в заросших водорослями приливных лужах, окаймляющих усеянное битым кирпичом побережье острова, и использовал рыбешек как наживку для крабов. А если не удавалось поймать крабов или подстрелить белку, то собирал мидии на рифе из затопленных автомобилей у основания дамбы.

Дожди растянулись на остаток сентября и начало октября. У Джулии появился хриплый и упорный кашель. Она снова воспользовалась на планшете давно заброшенной функцией клавиатуры и теперь печатала эссе, мнения и статьи для журналов, вместо того чтобы записывать их в формате видео. Она помогала поселенцам на Антарктическом полуострове подавать в Международный суд в Йоханнесбурге петицию о присуждении им статуса государства, чтобы они потом смогли предотвратить эксплуатацию нефтяных и минеральных резервов международными корпорациями. Спорила с утопистами с острова Мидуэй, захватывают ли морские драконы, с помощью которых утописты собирали в океане частички пластика, еще и драгоценный фитопланктон, дестабилизируя океанскую экосистему. И так далее, и тому подобное.

Приходила знахарка, лечила ее отварами и горячими компрессами, но кашель становился все хуже. Поскольку у них не было денег на лекарства, Лукас попытался найти работу на водорослевой ферме в Халвергейте. Каждое утро он выходил из дома еще до рассвета и стоял у ворот в толпе мужчин и женщин, пока местное начальство выбирало кого-то из собравшихся и приказывало им выходить вперед, а остальным – возвращаться и попытать удачи завтра. После пятой такой неудачной попытки Лукас шагал по обочине в сторону пристани, где была привязана его лодка, как вдруг рядом остановился потрепанный фургон и юношу окликнул водитель. Это оказался Ричи, сутулый и

одноглазый бригадир с креветочной фермы.

– Тебя подбросить, парень? – спросил он.

– Можете ему передать, что следить за мной нет смысла, потому что я понятия не имею, где Дамиан, – ответил Лукас, не останавливаясь.

– Он не в курсе, что я здесь. – Ричи высунулся в окно и пустил фургон малым ходом, подстраиваясь под шаги Лукаса. Шины оставляли легкую волну на залитой дороге. – У меня есть кое-какие новости насчет Дамиана. Залезай. Я знаю местечко, где подают хороший завтрак, а у тебя вид такой, что перекусить тебе не помешает.

Они проехали мимо цепочки мелких лагун, огороженных сетками, мимо стальных баков и трубопроводов крекингового завода, где липиды из водорослей превращали в биотопливо. Ричи болтал насчет чертовой погоды, спрашивал, в каком состоянии лодка Лукаса, и сообщал, что с сожалением узнал о болезни его матери и он, может быть, ее навестит, ему всегда нравилось с ней разговаривать, потому что она заставляла на многое взглянуть иначе, – и под этот поток болтовни они доехали до кафе.

Оно располагалось в углу стоянки, на которой в две линии были припаркованы цепочки грузовиков, и представляло собой два грузовых контейнера, сваренных вместе и окрашенных в яркий розовый цвет. В окошках, прорезанных в ребристых стенах, виднелись красно-белые клетчатые занавески. Внутри теснились пластиковые столы и стулья. Все они были заняты, и несколько человек стояли в очереди, но Ричи оказался знаком с семейством португальцев, державших это заведение. Его с Лукасом усадили за столик в заднем конце, между холодильником и прилавком, и, не спрашивая, принесли по кружке крепкого чая и омлеты с креветками и зеленым перцем плюс гарнир из печеных бобов и чипсов.

– Знаешь, чего мне больше всего не хватает? – спросил Ричи. – Свиней. Бекон и колбаса. Ветчина. Говорят, что немцы пытаются клонировать свиней, устойчивых к гриппу. Если это так, то желаю им удачи. Ты ешь, парень. Закинешь что-нибудь в желудок, и тебе станет лучше.

– Вы сказали, что есть новости о Дамиане. Где он? У него все хорошо?

Ричи прищурился. Его левый глаз, который он потерял на солдатской службе, блеснул тусклым светом. Глаз вырастили из кусочка зуба Ричи, и видеть им можно было не очень четко, зато он позволял различать инфракрасный и ультрафиолетовый свет.

– Знаешь, что такое сопутствующий ущерб? – спросил он.

От страха у Лукаса похолодело внутри.

– Дамиан в беде? Что случилось?

– Когда-то, давным-давно, войны происходили на поле боя, выбранном обеими сторонами. Две армии встречались там по договоренности. Сходились лицом к лицу, вели ближний бой. Потом войны стали настолько масштабными, что воюющие страны на время превращались в одно огромное поле боя. И гражданские оказывались на линии фронта. Или, точнее, линии фронта уже не было. Это называли тотальной войной. А потом войны даже перестали быть войнами. Асимметричные войны. Сетевые войны. В них собственно война смешивалась с преступностью и терроризмом. Когда-то твоя мать была на переднем крае сетевой войны. Против джакару и всех прочих. Она все еще думает, что участвует в ней, хотя эта война уже давно превратилась в нечто иное. В сетевой войне нет никаких армий на поле боя. Лишь некоторое количество узлов в рассредоточенной организации. А сопутствующий ущерб, – продолжил он, отправляя в рот кусок омлета, – есть неизбежное следствие ликвидации одного из таких узлов, потому что все они сосредоточены внутри обычного общества. Узел может быть расположен в городской квартире. Или на островке, где, как полагает кто-то, спрятано нечто ценное и полезное.

– Я не…

– Ты ничего не знаешь. Я тебе верю. Дамиан сбежал с вещью, которую вы двое нашли или украли, и оставил тебя в беде. Но те, с кем связался Дамиан, не подозревают, что ты ничего не знаешь. Вот почему мы тебя искали. Хотели убедиться, что вы с матерью не стали сопутствующим ущербом.

– Погодите. Какие еще люди? Что Дамиан сделал?

– Я пытаюсь тебе рассказать, да только это труднее, чем я представлял. – Ричи положил нож и вилку на тарелку. – Наверное, лучше всего будет сказать, как есть. На следующий день после того, как Дамиан ушел, он попытался провернуть сделку с кое-какими людьми в Норвиче. Плохими людьми. Парень хотел продать им тот кусочек дракона, но они решил его отобрать и ничего не заплатить. Завязалась драка, парень сбежал и оставил человека с тяжелой ножевой раной. Недели через две тот от нее умер. А там такие люди, которые стоят за своих, если ты меня понял. Любой, кто участвует в подобном бизнесе, это «плохая новость», так или иначе. Джейсону пришлось от них откупаться, или они пришли бы за ним. Глаз за глаз.

Ричи постучал мизинцем по своему искусственному глазу.

– И что стало с Дамианом?

– Это и есть тяжелая часть. После той драки в Норвиче парень

позвонил отцу. Он был пьян и бахвалился. Трепался, что скоро заработает кучу денег. Я смог проследить его звонок до сотовой станции в Грейвсенде. Джейсон поехал туда, а потом… Черт, по-другому тут никак не скажешь. Тогда он и узнал, что Дамиана убили.

Шок от этих слов пронзил Лукаса, внутри все рухнуло. Лукас укрылся в себе, съежился в промокших джинсах и свитере в наполненном позвякиванием и голосами кафе, рядом с гудящим холодильником. Ричи оторвал верхушки у четырех пакетиков с сахаром, высыпал их в Лукасову кружку с чаем, размешал, вложил ему в руки и велел пить.

Тот отхлебнул горячего чая, и ему немного полегчало.

– Я всегда думал, что из вас двоих ты лучше и умнее, – сказал Ричи.

Лукас мысленно представил друга и со странным холодком понял, что никогда больше его не увидит, никогда с ним не поговорит.

– Вчера с нами связывались из полиции. Они нашли в реке тело Дамиана. Полагают, что он угодил в руки одной из банд, что торгуют вещами инопланетян.

Внезапно Лукас кое-что понял.

– Они хотели то, что росло внутри него, – сказал он. – Те, кто его убил.

И он рассказал Ричи об осколке, попавшем в руку Дамиана. Как они его извлекли. И как осколок заразил Дамиана.

– У него под кожей вокруг раны появилось нечто вроде оболочки. Он сказал, что эта штуковина делает его сильнее.

Лукас снова мысленно увидел друга, стоящего в сумерках под яблоней с бешенством в глазах.

– Он так думал. Но эти подкожные образования, они… Словом, если бы его не убили, то он, скорее всего, умер бы из-за них, – сказал Ричи.

– Вы знаете, кто его убил?

Ричи покачал головой.

– Полиция проводит то, что они называют расследованием. Наверное, вскоре они захотят с тобой поговорить.

– Спасибо. За то, что рассказали.

– Я помню, каким был мир до прилета джакару, – сказал Ричи. – А потом и других после них. Хреновый был мир, но ты, по крайней мере, знал в нем свое место. Если у тебя случайно завалялся еще кусок того вещества, парень, то выбрось его в Потоп. И забудь, куда выбросил.

* * *

Два детектива приехали в Грейвсенд, чтобы допросить Лукаса. Он рассказал им все, что знал. Джулия сказала, что ему не следует винить себя, Дамиан сделал выбор, и этот выбор оказался плохим. Но Лукас все равно не сумел избавиться от чувства вины. Он ведь мог больше помочь Дамиану. Надо было выбросить тот осколок. Или отыскать друга после их дурацкой ссоры из-за той девушки. Или вообще не брать его с собой, отправляясь взглянуть на дракона.

Прошла неделя. Вторая. Похорон не было, потому что полиция не отдавала тело Дамиана. По их словам, его все еще исследовали криминалисты. Джулия, которая отслеживала в частных сетях слухи об убийстве и его расследовании, сказала, что тело, вероятно, увезли в какую-то секретную исследовательскую лабораторию, и они с Лукасом из-за этого даже слегка поссорились.

Однажды, вернувшись домой из леса после проверки силков, Лукас поднялся на дамбу и увидел двух мужчин в новеньком камуфляже, ждущих его возле лодки. Один бородатый, второй с бритой головой и колечками, поблескивающими в ухе. Окликнув юношу, они направились к нему по склону дамбы. Лукас развернулся и побежал. Промчавшись через полоску запущенной земли, поросшей сорняками и молодыми побегами, он врубился в заросли папоротника на опушке леса, остановился, убедился, что те двое его преследуют, и побежал в лес.

Он знал там каждый уголок и быстро отыскал укрытие под наклонным стволом упавшего платана, заросшего мхом и папоротником, потом залег в нем, тяжело вдыхая холодный воздух. Моросил дождь, и капельки воды поблескивали на голых черных ветках. Сильно пахло мокрым деревом и влажной землей.

Неподалеку затрещала сорока. Лукас зарядил в рогатку шарик от подшипника, вылез из убежища и пошел на звук, двигаясь легко и бесшумно. Он замер, уловив движение между мокрыми стволами впереди. Это оказался бородач. Маскировочные вставки камуфляжного костюма превратили его в сказочное существо из мокрой коры и земли. Мужчина что-то говорил в телефонную гарнитуру на языке, полном резких гласных звуков. Когда Лукас шагнул к нему, он повернулся, расплываясь в улыбке, и сказал, что мальчику незачем убегать, он хочет лишь поговорить.

– Что это у тебя, парень?

– Рогатка. И я выстрелю, если придется.

– Для чего она тебе? На кроликов охотиться? Так я не кролик.

– А кто вы такой?

– Полиция. У меня есть удостоверение, – ответил бородач и,

прежде чем Лукас успел что-либо сказать, сунул руку в карман камуфляжных штанов и выхватил пистолет.

Рогатку Лукас сделал сам из упругой раздвоенной ветки тополя и полоски выращенной в баке резины, по составу и пределу прочности не уступающей замку раковины мидии. Как только бородач поднял пистолет, Лукас натянул резину и выстрелил. Он проделал это мгновенно, не раздумывая, стреляя от бедра, и шарик угодил точно туда, куда он хотел попасть. С резким звуком снаряд ударил бородача по костяшкам пальцев, мужчина взвыл и выронил пистолет, а потом резко сел и схватился здоровой рукой за колено, потому что второй шарик Лукас послал ему в сухожилие под коленной чашечкой.

Лукас подошел, отбросил ногой пистолет и шагнул назад, зарядив в рогатку третий шарик. Бородач злобно уставился на него, морщась от боли, потом сказал что-то на своем языке.

– Кто тебя послал? – спросил Лукас.

Сердце у него колотилось, но мыслил он спокойно и четко.

– Скажи, где это лежит, и мы оставим тебя в покое, – ответил бородач. – И твою мать тоже.

– Моя мать здесь совершенно ни при чем.

Лукас наблюдал за бородачом и прислушивался, как через мокрый лес приближается кто-то еще.

– Тем не менее она тоже причастна, – заявил бородач.

Он попытался встать, но раненое колено подвело, мужчина вскрикнул и снова тяжело сел. Он до крови прикусил губу, на лбу выступили капельки пота.

– Сиди спокойно, или следующий попадет между глаз, – предупредил Лукас. Он услышал, как дрогнул его голос, а по взгляду бородача понял, что и тот услышал тоже.

– Иди и принеси сам знаешь что. И не говори, что ты меня не понял. Достань и принеси сюда. Другого предложения не будет, – сказал бородач.

И я делаю его только один раз.

Негромко треснула веточка. Лукас повернулся, готовый выстрелить, но это оказался отец Дамиана. Выйдя из-за темно-зеленого куста, он произнес:

– Этого можешь оставить мне.

И Лукас сразу понял, что произошло. Сохраняя холодную ясность сознания, он догадался, как связаны все события.

– Ты меня подставил, – сказал он.

– Мне надо было их заманить, – пояснил Джейсон, одетый в джинсы и старую камуфляжную куртку. В руках у него покоился обрез двустволки.

– Ты дал им знать, где я. И сказал, что у меня есть еще кусок

драконьей чешуи.

– Но здесь эта история не кончится, – предупредил бородач, глядя на них.

– Теперь ты и твой приятель у меня в руках. И вы заплатите за то, что сделали с моим сыном, – пообещал Джейсон. Он поднес к губам свисток и дважды коротко дунул. Из темной глубины мокрого леса донесся ответный свист.

– Ты просто мелкий бизнесмен-идиот, – пробурчал бородач. – Ты знаешь нас. И на что мы способны. Сделаешь что-нибудь со мной, получишь ответку в десять раз больше.

Джейсон проигнорировал его и сказал Лукасу, что тот может уходить.

– Почему ты позволил им гнаться за мной? Ты мог бы их перехватить, когда они ждали возле лодки. Хотел, чтобы они меня поймали?

– Я знал, что им придется за тобой погоняться. И не ошибся. Так что хорошо все, что хорошо кончается, согласен? Считай это расплатой. За то, что произошло с моим сыном.

В груди Лукаса закипел гнев.

– Ты не можешь прощать меня за то, чего я не делал!

– Все это произошло из-за того, чего ты не сделал.

– Не я. А ты. Из-за тебя он сбежал. И не только из-за того, что ты его бил. Он думал, что если останется здесь, то станет таким же, как ты.

Джейсон повернулся к Лукасу, лицо его налилось кровью.

– Уходи. Немедленно.

Бородач выхватил из ботинка нож, раскрыл его, поднялся, оттолкнувшись здоровой ногой, и бросился на Джейсона. Лукас натянул рогатку и выстрелил. Шарик с хлопком ударил бородача в висок, тот рухнул ничком. На виске у него была вмятина, из носа и рта потекла кровь. Подергавшись, он затих.

По листве вокруг негромкими аплодисментами шуршал дождь.

Джейсон шагнул к бородачу, пнул его в подбородок носком ботинка. Мертвец перекатился по мокрым листьям, раскинув руки.

– Похоже, ты его убил. – сказал Джейсон.

– Я не хотел…

– Тебе повезло, что их двое. Второй расскажет то, что мне надо узнать. А ты уходи немедленно, парень. Пошел!

Лукас развернулся и побежал.

* * *

Матери он ничего рассказывать не стал. Надеялся, что Джейсон Плейн узнает, кто убил Дамиана, сообщит полиции, убийцы ответят за содеянное и на этом все кончится.

Но кончилось иначе.

На следующий день к острову подошел моторный катер с вооруженными автоматами полицейскими и детективами, расследующими смерть Дамиана.

Они арестовали Лукаса за причастность к двум подозрительным смертям и сговору по похищению или убийству других неизвестных лиц. Похоже, один из тех, кого Джейсон нанял, чтобы помочь добиться возмездия за смерть сына, оказался информатором полиции.

Лукаса три месяца продержали под арестом в Норвиче. Джулия была слишком больна, чтобы его навещать, но они разговаривали по телефону, и еще она посылала ему весточки через Ричи, которого арестовали вместе со всеми работниками креветочной фермы, но выпустили под залог, когда полиция не смогла доказать, что он имел какое-либо отношение к планам Джейсона.

Ричи и сообщил Лукасу, что у его матери рак (болезнь началась в горле и распространилась по всему телу) и что Джулия отказалась от лечения. Лукаса, прикованного наручником к тюремному охраннику, через две недели отвезли повидаться с ней. Мать лежала на госпитальной койке, исхудавшая и ужасно беззащитная. Волосы она связала в пучок и спрятала под синий шарф. Рука у нее была очень холодная, кожа обвисла на хрупких костях.

Женщина отказалась от лечения моноклональными антителами, которое ликвидировало бы опухоли и удалило раковые клетки из крови, и отказалась от пищи и воды. Врачи не могли вмешаться, потому что в ее «Распоряжении о поддержании жизни» имелся пункт, дающий Джулии право выбрать смерть вместо лечения. Она поведала об этом Лукасу хриплым шепотом. Губы у нее потрескались, дыхание стало несвежим, но взгляд остался ясным и решительным.

– Надо поступать правильно, даже когда это труднее всего, – сказала она.

Умерла Джулия четыре дня спустя. Ее пепел был рассеян в розовом саду муниципального крематория. Лукас стоял под дождем между двумя охранниками, пока викарий читал заупокойную молитву. Потом викарий спросил, хочет ли он развеять пепел, и Лукас, набрав горсть пепла, одним движением кисти рассыпал его по мокрой траве и между влажными кустами роз. Таким же движением, каким забрасывал леску в воду.

* * *

Его приговорили к пяти годам за убийство, но снизили срок до восемнадцати месяцев с учетом времени, проведенного в предварительном заключении, и хорошего поведения. Ему вручили билет на автобус до Норвича и ордер на недельное проживание в общежитии для освободившихся из заключения, но Лукас направился противоположным курсом, причем пешком. Он шел на юг и восток через всю страну. По проселочным дорогам. Обходя поля сахарной свеклы и плантации бамбука. Прячась в канавах или живых изгородях, когда слышал приближающуюся машину. Определяя направление по луне и звездам.

Однажды дорогу ему перебежала лиса.

Как-то он ночью прошел мимо залитого светом депо, где роботы сновали между погрузочным доком и автопоездом.

К рассвету Лукас уже пробирался через лес, тянущийся вдоль края дамбы. Поначалу лес был ему незнаком. Несколько раз он садился на корточки и отдыхал минуту-другую, потом шагал дальше. Наконец вышел на посыпанную гравием дорогу к креветочной ферме и двадцать минут спустя уже стучался в дверь конторы.

Ричи накормил его завтраком, помог вытянуть лодку из сарая, где она хранилась, и спустить на воду. Они все это время не теряли связи, и Ричи рассказал ему, что Джейсона Плейна убили ножом в тюрьме – скорее всего, убийце заплатили те люди, которых Джейсон пытался отыскать. Брат Джейсона продал креветочную ферму местному консорциуму, а Ричи повысили до управляющего.

Во время завтрака мужчина сказал Лукасу, что для него здесь есть работа, если, конечно, он пожелает. Лукас ответил, что очень благодарен за предложение, но пока не знает, хочет ли остаться.

– Я тебя не прошу решать сразу, – сказал Ричи. – Ты подумай. Сориентируйся и приходи ко мне, когда будешь готов. Хорошо?

– Хорошо.

– Планируешь остаться на острове?

– Там сейчас совсем хреново?

– Я не мог отгонять всех. Они приплывали по ночам. У одной группы даже было ружье.

– Ты сделал все. что сумел. Спасибо.

– Жаль, что не получилось сделать больше. Они перевернули дом и хозяйство вверх дном, но практически все можно починить, если захочешь.

Когда Лукас греб, огибая мыс на острове, над посеребренной солнцем водой пролетела цапля. Это неожиданное событие

разбудило старые воспоминания. Как будто он увидел призрака.

Юноша вытянул суденышко на берег рядом с прогнившим остовом старой гребной лодки матери и пошел наверх по крутой тропке. Ричи заделал разбитые окна домика и повесил на дверь замок. Ключ от него лежал у Лукаса в кармане, но желания войти пока не было.

Когда Джулию увезли в госпиталь, охотники за сокровищами хлынули сюда со всей округи, подгоняемые слухами о том, что на острове закопаны частицы дракона. Заросшие сорняками остатки огорода были перерыты так, что остались ямы. а мачта микроволнового передатчика на вершине дюны – связь Джулии с остальным миром – выкопана и повалена. Лукас повернулся к ней спиной и пошел на север, считая шаги. Оба ложных тайника, устроенных матерью под холмиками из битого кирпича, оказались выпотрошены, но главный тайник, зарытый намного глубже, уцелел.

Лукас копал, пока не добрался до пластикового ящика. Огляделся, прежде чем его открыть, и стал перебирать лежащее внутри, присев по-лягушачьи и ощущая спиной горячее солнце.

Набор паспортов и удостоверений личности с фотографиями его молодой матери, на разные имена и страны. Туго свернутый рулончик старых банкнот крупного достоинства – юани, найра[3] и американские доллары, – более или менее обесцененные из-за инфляции и ревальвации. Кредитные карты – чистые и на различные имена, также бесполезные. Десятки инфоигл в чехольчиках. Очки «искусственной реальности».

Лукас присмотрелся к одному из удостоверений. Когда он провел по фото матери пальцем, изображение повернулось в профиль, а когда провел еще раз, мать опять посмотрела на него.

Он сунул в карман удостоверение, иглы и очки, затем пошел по вершине дюны к старой яблоне, росшей в дальнем конце. Постоял, глядя на Потоп, переливающийся в лучах солнца шелковым покрывалом. Мысли проходили сквозь его сознание торжественным и неторопливым парадом изображений, которые он мог рассмотреть во всех деталях, а потом и вовсе исчезли, и на какое-то время юноша слился с окружающим миром, солнцем, водой и жарким ветром, дующим сквозь кривые ветви дерева.

Вздрогнув, Лукас пришел в себя. Сбитые ветром яблоки валялись повсюду среди сорняков и крапивы, разросшихся вокруг деревьев, а между ними желтыми и черными пулями валялись дохлые осы и кузнечики. Он заметил и мертвую птицу, превратившуюся в комочек перьев на белых косточках. А вот еще одна и еще. Как будто ядовитое облако накрыло все вокруг.

Он поднял яблоко, раздавил его о ствол и увидел

пронизывающие полусгнившую мякоть тончайшие волоски. Содрал кусок коры и узрел такие же нити, переплетающиеся в живой древесине.

Драконья мерзость, выросшая из посаженного им семени. И превращающаяся во что-то иное.

В древесине и валяющихся яблоках затаилось сокровище, ради которого люди готовы на убийство. Он сам из-за него убил. Здесь более чем достаточно, чтобы обеспечить себя до конца жизни, если Лукас продаст это правильным людям. Он сможет построить тут дом, купить креветочную ферму или основать собственную. Или приобрести билет на один из челноков, что летают через червоточину, заякоренную между Землей и Луной, и совершить путешествие в бесконечность и еще дальше…

Лукас вспомнил, как блестели надеждой глаза Дамиана, когда он говорил о новых мирах. Подумал о том, как осколок дракона убил или навредил всем, к кому прикасался. Представил, как больная мать работает за планшетом, споря с людьми, пытающимися создать нечто новое здесь, на Земле, давая им советы. Это было даже не состязание. И близко нет.

Он вернулся к домику. Глубоко вдохнул, открыл замок, вошел. Все внутри оказалось перевернуто или разбито. Зияли распахнутые шкафчики, матрац на кровати матери был разрезан и порван, пол завален мусором и обломками. Лукас порылся в мусоре, отыскал коробок спичек и пластиковую канистру с керосином для лампы. Половину он выплеснул на разодранный матрац, поджег скрученную полоску картона, бросил ее на кровать и выбежал, когда вспыхнуло пламя.

Минут за десять он обложил яблоню кучей сухой травы и веток, полил ствол остатками керосина и поджег растопку. Когда он поднял на лодке парус и развернул ее по ветру, по острову расползалось тонкое покрывало белого дыма.

Лукас правил на юг.

Дэвид Моулз
Городской Солдат

Эта динамичная история разворачивается в условиях войны между космическими цивилизациями будущего, где люди чтят и любят действительно существующих богов, которые зачастую оказываются недостойны ни почитания, ни любви.

Дэвид Моулз публиковал свои произведения в «Asimov's Science Fiction», «The Magazine of Fantasy & Science Fiction», «Engineering Infinity», «Polyphony», «Strange Horizons», «Lady Churchill's Rosebud Wristlet», «Say», «Flytrap» и других. Совместно с Джеем Лэйком он издал в 2004 году антологию «Звездный цеппелин. Приключенческие рассказы» («All-Star Zeppelin Adventure Stories»), хорошо принятую читателями, а в 2006-м оригинальную антологию «Двадцать эпических историй» («Twenty Epics») совместно с Сьюзан Мэри Гроппи. «Финистерра» («Finisterra») удостоилась премии Теодора Старджона за лучший фантастический рассказ года.

ИСИН 12: 709 13" N:10 18" / 34821.1.9 10:24:5:19.21

Цветное неподвижное изображение, снятое ландшафтной стационарной камерой, запад парка Гуланнабиштюдинам.

Футбольное поле на вершине холма, сетка почти новая, но кирпичи на площадке неровные, из щелей между ними торчат пучки травы. По одну сторону от сетки мужчина и девочка. Полый ротанговый мяч взлетает над головой девочки и почти достигает верхней точки траектории; удерживаясь на мыске босой правой ноги и подняв левое колено, девочка глядит на мужчину.

Мужчина смотрит в сторону.

Сопоставление с храмовыми записями позволяет идентифицировать мужчину как Ишмениненсину Ниннадийиншуми, двадцати восьми лет, храмового солдата 219-й пехотной тактической роты, сержанта третьего класса, а девочку – как его дочь Маратиршитим девяти лет.

Увеличение отражения в роговице левого глаза мужчины подтверждает, что он смотрит на шестидесятилоктевое изображение Гулы, Владычицы Исина, проецируемое над каналом Карумишбийра.

Сравнение отражения с записями церемоний Шествия Зерна предполагает задержку передачи приблизительно в три грана.

I
Шествие Зерна

В момент взрыва Иш смотрел вниз, на канал, где шла прямая трансляция кульминации Шествия со ступеней храма. Он видел, как богиня вдруг замерла; с ее вечно юного лица сошла благосклонная улыбка, а темные глаза округлились от удивления и, возможно, испуга и обратились – Иш навсегда это запомнил – прямо на него. Губы приоткрылись, словно она хотела что-то сказать Ишу.

И вдруг весь восток засиял ярче, чем Дом Владычицы в полдень. Раздался глухой, пробирающий до костей рокот, наподобие грома, и много позже Иш думал, как странно, что у такого исключительного события такой обыденный звук, но в тот момент его мысли были заняты лишь тем, какой он громкий. А звук все нарастал, становился сильнее, громыхал громче артиллерийского огня, громче ракетных залпов, громче всего, что Иш когда-либо слышал. Земля содрогнулась. Проекция стала бледнеть, задрожала и пропала, горячий ветер обдал холм, сорвал сеть со стоек, сбил с ног Мару, подхватил ее мяч и понес его над крышами на запад.

В десяти лигах, в храмовом квартале, очень яркая точка поднялась по дуге к ослепительному оку Дома Владычицы – траектория искривлялась из-за сильно вращающейся системы координат города, но привычная к этому часть сознания Иша откорректировала ее до прямой. Однако тут Мара заплакала, жена Иша, Тара, и вся его родня с воплями кинулись бежать, бросив решетку для гриля и складные кресла, а столб коричневого дыма, багровый снизу и грозно распухающий вверху, стал расти над храмом богини, который Иш, как городской солдат, присягал защищать, поэтому он уже не думал о геометрии и физике силы Кориолиса. А думал Иш – точнее, осознавал с тошнотворной ясностью, – что самый важный момент его жизни только что настал и минул, а он его пропустил.

34821.1.14 10:9:2:5.67

Аннотированное изображение города Исина, составленное на КРС «Независимость»[4] на станции Гавгамела, Вавилон, переданное по ОТ в архивы Расширения Содружества, в Уризене. Временная метка с учетом погрешности скорости света в 13 часов 51 минуту.

Через пять дней после атаки спектр излучения на месте взрыва изменился с яркого красно-оранжевого на инфракрасный.

На остывание потребуется много времени. За поврежденным городом, как кровь по воде, тянется шлейф мусора и обломков, в котором смешалось все, от металла до водяного пара. Сама сопоставимая по размеру с планетной градосфера Исина структурно представляется неповрежденной, утечка азота и кислорода, которая последовала бы в случае утраты первичной атмосферы, не зарегистрирована.

Вдали от эпицентра удара множество микроволновых приемников, покрывающих поверхность города, как чешуя, по-прежнему колеблются, поворачиваясь по направлению силовых лучей со сверхпроводящего кольца Нинагаля, поглощающего энергию из огромной черной дыры под названием Тиамат, массой в три тысячи солнц, вокруг которой вращаются все города Вавилона. Пространство вокруг Исина заполнено кораблями: местными орбиталыциками, зерновыми контейнерами с электромагнитными ускорителями, что идут по медленным транспортным орбитам, доставляя мясо и зерно из Исина в более урбанизированные города, движущимися по лучу пассажирскими перевозчиками сообщением Исин – Лагаш, Исин – Ниппур, Исин – Вавилон – Борсиппа и с остальными городами, однако ни массового бегства, ни эвакуации не наблюдается.

Стратеги Расширения в Уризене и Ахании, миссионеры на борту «Освобождения» и «Независимости», а также те, кто живет под прикрытием среди обитателей городов, могли вздохнуть с облегчением и убедиться, что, каков бы ни был вред, нанесенный населению городов Вавилона, геноцида, по крайней мере, не случилось.

На борту КРС «Мятеж», уходящего из Вавилона к Зоа, одной из планет Содружества, со скоростью в четыре десятых световой и стабильным ускорением, добросовестные наблюдатели из тех, кто предпочел не оставаться, а работать над следующим этапом вторжения в Вавилон, получив эти добрые вести, отметили не без цинизма: надеемся, это их взбодрит.

II
Люди, отдающие приказы

Иш вел свою команду по улице без названия в районе Имтагарбейлти, которая сейчас превратилась в трясину без названия. Весь квартал к северо- западу от храмового комплекса был по колено залит солоноватой водой, прибывавшей через разрушенную волноотбойную стену и из разбитых акведуков. Иш видел за воротами затопленные сады, где плавали детские игрушки и поломанная мебель, как будто их бросили в воду специально, чтобы искажать и коробить отражение небес, а в окнах с вырванными ставнями и выбитыми взрывной волной стеклами в комнатах без потолков, словно на снимках, застыла обычная жизнь в момент своего конца.

За прошедшие после Шествия Зерна пять дней Иш спал всего десять или двенадцать часов. Большая часть двести девятнадцатой погибла в храме, как и весь сплоченный контингент Исина, стоявший вдоль пути Шествия, облаченный в длинную голубую форму и золотые доспехи для безвоздушного пространства, – просто они или еще не обзавелись женами, или не поддались уговорам своих жен отправиться на пикник с родней, или же не воспользовались полномочиями младшего офицера и не продлили тем самым свою жизнь, когда у других и вовсе не было такой возможности. Множество храмовых солдат были мертвы, и в первые три дня Иш, став обычным добровольцем с лопатой, боролся с пожарами, насыпал заграждения из песка и расчищал завалы. На четвертый день выжившие жрецы и храмовое военное руководство объединили людей в подобие организованных групп, и теперь Иш возглавлял набранный наспех маленький отряд, состоявший, кроме него, из трех солдат различных подразделений, и выполнял задачу картирования зоны затопления – для чего, Иш понятия не имел, да и не интересовался. Им выдали оружие, но Иш конфисковал у подчиненных весь боезапас, оставив только одну обойму себе.

– Там тело? – вдруг спросил один солдат.

Иш не помнил, как его зовут. Это был служащий инженерной компании с нашивкой в виде стилизованной корзины на плече.

Иш глянул туда, куда тот показывал. За разбитым окном виднелась кушетка, на которую было что-то свалено – может, и человек.

– Ждите здесь, – бросил Иш.

– Мы не должны заходить внутрь, – сказал другой, разведчик

с пухлым атласом и блокнотом, когда Иш полез через ворота. – Нам надо только отметить дома для гражданских.

– Кто сказал? – спросил служащий.

– Командование, – ответил разведчик.

– Нет больше командования, – внезапно вмешался четвертый. Это был артиллерист, вдвое старше Иша, грузный и хмурый. Он заговорил впервые за весь день. – Владычицы больше нет. Командования нет. Офицеров нет. Есть только люди, отдающие приказы.

Служащий и разведчик посмотрели на Иша, а он промолчал и перевалился через ворота.

«Владычицы больше нет». Слова, сказанные артиллеристом, или почти такие же уже несколько дней крутились на границе сознания Иша и выскакивали, стоило ему лишь немного ослабить бдительность. *«Гула, Владычица Исина, мертва».* Всякий раз, как Иш вспоминал Шествие, он как будто впервые это осознавал, и земля уходила из-под ног, а горе и стыд наваливались неподъемной ношей. Но затолкнуть это понимание поглубже с каждым разом получалось все хуже, и мир, в котором еще можно было дышать, думать и чувствовать, все больше съеживался. Иш старался сильнее загружать себя, чтобы не спать, потому что, закрывая глаза, видел перед собой молящее лицо Владычицы.

Он влез в дом через окно.

Внутри лежал скрюченный труп древнего старика; на нем была только грязная белая набедренная повязка, почти такая же по цвету, как волосы на голове, подбородке и узкой груди. Костлявые руки сжимали икону с изображением Владычицы Гулы, дешевенький керамический рельеф, окрашенный промышленным способом, и краска не совсем совпадала с выпуклым изображением. Одежда Владычицы скорее синяя, чем пурпурная, а геральдический пес у ее ног зеленоватый, а не желтый; такую вещицу можно было купить в любой заштатной питейной. Уголок отбит, и Владычица осталась без правого плеча и почти без лица, только один глаз виднелся между стариковскими пальцами. Иш протянул руку, чтобы взять иконку, но пальцы старика вдруг сжались сильнее, веки дрогнули, и с губ сорвался слабый вздох.

Иш убрал руку. Глаз богини смотрел на него с укором.

– Все в порядке, – мрачно сказал он. – Все в порядке, дедушка.

ВАВИЛОН 1:1 5" N:1 16" / 34821.1.14 7:15

ВЛАДЫКА НИНУРТА КЛЯНЕТСЯ ОТОМСТИТЬ ЗА ВЛАДЫЧИЦУ ИСИНА

ПОЛИЦИЯ ЗАЩИЩАЕТ КОЧЕВНИКОВ. ЧТУЩИХ ЗАКОН БЕЗЗАКОНИЕ В СИППАРЕ

Заголовки храмовой газеты «Мардукнасир», город Вавилон

ВАВИЛОН 4:142 113" S:4 12" / 34821.1.15 1:3

БЕССМЫСЛЕННАЯ ОПЕРАЦИЯ ВОЗМЕЗДИЯ

БЕЗЗАКОННЫЕ РАСПРАВЫ В ВАВИЛОНЕ: ЖЕРТВЫ – ИММИГРАНТЫ

СИППАР БУНТУЕТ

Заголовки радикальной газеты «Ийншушакий», город Вавилон

ГИШ, НИППУР, СИППАР (РАЗЛИЧНЫЕ РАЙОНЫ) / 34821.1.15

ИХ МОЖНО УБИТЬ

Граффити, распространенные в рабочих и рабских кварталах после удара кочевников по Исину

III
Кинетический проникатель

Вернувшись домой, Тара обнаружила на скамье во дворике Иша, склонившегося над разбитой иконой, а рядом с ним плошку с клеем, зажимы и эластичные ленты из ее стола. Когда они переехали в этот дом вскоре после рождения Мары, то договорились, что одну комнату первого этажа превратят в мастерскую для Иша, но он так редко и так недолго бывал дома, что они этого так и не сделали. Теперь Тара хранила там садовый инвентарь.

Проектор во дворе показывал какие-то храмовые новости. Демонстрировали сложную подвижную схему оружия кочевников: «кинетический проникатель», как назвал его исследователь («Подходит для какой-нибудь штуки из секс-шопа или с пилорамы», – подумала Тара), ударил во внешнюю оболочку города, пронзая железо, лед и камень, и разорвался, подняв раскаленный фонтан, на ступенях у самых ног Владычицы.

Тара выключила проектор.

Иш поднял глаза.

– Ты вернулась, – произнес он.

– С языка снял, – сказала Тара. Она села рядом с ним на скамейку и посмотрела на икону. – Что это?

– Дал один старик, – ответил Иш. – Ну вот. – Он последний раз обернул керамическую вещицу эластичной лентой и положил ее рядом с плошкой с клеем. – Будет держать.

* * *

Отбитый уголок он нашел на полу рядом с кроватью старика. По приказанию Иша подчиненные прекратили бессмысленную экспедицию по картированию и доставили старика в пункт помощи, где наседали на врачей, пока один наконец не занялся им.

Там, в медицинской палатке, старик сунул оба куска иконы в руки Иша, чуть задержав их в трясущихся пальцах.

– Благослови тебя Владычица, – прохрипел он.

Артиллерист за плечом Иша горько усмехнулся, но промолчал. И хорошо. Может, он и прав, пусть нет ни командования, ни контингента, а сам Иш, наверное, уже больше не сержант, а просто человек, отдающий приказы. Но Иш был и

остается солдатом Владычицы, солдатом города Исин, и если у него нет законного приказа, значит, ответственность он будет брать на себя.

Хорошо, что артиллерист промолчал, потому что, если бы он снова сказал «Владычицы больше нет», Иш бы его пристрелил, он в этом не сомневался.

Расстегнув молнию на клапане левого нагрудного кармана комбинезона, он сунул туда оба осколка. Потом застегнул карман и впервые за прошедшие пять дней отправился домой.

* * *

– Раз ты вернулся. – сказала Тара. – то поговорил бы с Марой. Ее мучают дурные сны. Из-за Шествия Зерна. Боится, что кочевники могут взорвать ее школу.

– Могут, – подтвердил Иш.

– Утешил. – Тара выпрямилась, взяла его рукой за подбородок и повернула лицом к себе. – Когда ты спал последний раз?

Иш высвободился.

– Я таблетки пью.

Тара вздохнула.

– Когда ты принял последнюю таблетку?

– Вчера, – ответил Иш. – Нет. Позавчера.

– Пошли спать, – сказала Тара.

Она встала, но Иш не двинулся. Он смотрел на икону. Неприятное выражение скользнуло по лицу Тары, но он этого не заметил.

– Пошли спать, – повторила она и взяла его под локоть.

Иш уступил и позволил увести себя вверх по лестнице.

* * *

Ночью они занимались любовью. Ни ему, ни ей это не доставило радости, как, впрочем, уже давно. Но в этот раз было еще хуже. Потом Тара заснула.

Когда она проснулась, Иш уже оделся и запихивал одежду в свой вещмешок.

– Ты куда? – спросила она.

– В Лагаш.

– Что?

Тара села. Иш на нее не смотрел.

– Владыка Нинурта снаряжает экспедицию, – сказал он.

– Экспедицию, – машинально повторила Тара.

– Чтобы найти кочевников, убивших Владычицу.

– И что потом? – спросила Тара.

Иш не ответил. Из ящика он достал личную печать – цилиндр с изображением Владычицы с геральдическим псом, именем Иша и регистрационным храмовым номером – и надел на шею.

Тара отвернулась.

– Наверное, я никогда не знала тебя по-настоящему, – проговорила она. – Но я всегда понимала, что не смогу соперничать с богиней. Когда я за тебя вышла, то сказала друзьям: «По крайней мере, он не будет бегать за другими юбками». – Она невесело рассмеялась. – А теперь ее нет, но ты все равно куда-то бежишь.

Она подняла глаза. Иш уже ушел.

* * *

Снаружи, под низким небом, было жарко и безветренно. Ни дуновения. Весь сектор засыпала тонкая серая пыль – Иш слышал, что люди называли ее «пепел Владычицы». Он шел к железнодорожной станции со своим вещмешком, и его парашютные ботинки оставляли отпечатки в пыли.

Экспрессом он добрался к подножию ближайшей опоры, откуда, благодаря солдатскому удостоверению, несколько подъемников поочередно доставили его к южному полярному доку. Когда синий и белый цвета обитаемой зоны города уступили черному полированному металлу южной полусферы, Иш поглядел на безмятежные облака и моря, кольцом охватывающие экватор города, и подумал, что все это так привычно, словно он, как обычно, приступил к службе после отпуска.

Как просто и успокоительно было бы делать вид, что так и есть: притворяться, что Шествие Зерна благополучно завершилось, Владычица, как всегда, благословила урожай, ее изваяния вернулись в святилища, а танцы, музыка и веселье не прекращались с наступления сумерек, когда Дом Владычицы неярко светится, до самого рассвета, когда он начинает сиять.

Но Ишу не хотелось так себя утешать.

34821.6.29 5:23:5:12.102

Выдержка из доклада, подготовленного жрецами-астрономами Ура под руководством Шамаша, Владыки Сиппара, по запросу Нинурты, Владыки Лагаша.

Изотопный анализ обнаруженных фрагментов проникателя показывает, что оружие кочевников изготовлено в Апсу, вблизи пояса скопления космических обломков, и предположительно оттуда же и было использовано. Астрономические данные, относящиеся как к ближайшим звездам шарового скопления Вавилона, так и к удаленным звездам Старой Галактики, изучаются на предмет подозрительных окклюзий и сверяются с записями передвижения судов, чтобы исключить зарегистрированные корабли кочевников. За период в сто тридцать два года зафиксировано пятнадцать аномальных окклюзий, одиннадцать из которых привязаны к нанесенной на карты точечной массе Синкаламайди-541. Представлена предполагаемая область нахождения преступников. совершивших нападение во время Шествия Зерна.

IV
Преданный пес

С глухим стуком платформу Иша установили на трек. Затем включилась катапульта Шарура. и сила, превышающая центробежную силу Исина сначала в два. потом в три, пять, восемь, тринадцать, двадцать раз, вдавила Иша в капсулу: еще миг – и он полетел.

В наушнике голос корабля произнес:

– Первая рота, разброс завершен.

На приборной панели, залитая в кусок резины, была закреплена икона Гулы. Иш подумал, благословила бы она это.

Голос Нинурты добавил для одного лишь Иша:

– Доброй охоты, преданный пес.

* * *

В Лагаше Ишу предложили стать городским солдатом, что давало ему возможность побороться за место в элитном подразделении Нинурты Крылатые Львы. Иш отказался, приняв сочувствие этих воинственных людей воинственного города за презрение. По сравнению с другими вавилонскими городами Исин был малонаселен – среди его полей, парков и садов обитало около пятидесяти миллиардов, но даже для этого количества его контингент был очень скромен. Если бы военные чины Ашшура или статистики Вавилона-Борсиппы, ведя учет защитников городов, забыли посчитать солдат Владычицы Гулы, этого могли бы и не заметить. То, что подчиненным Нинурты казалось великодушием по отношению к скорбящему служителю супруги их хозяина, Иш принял за насмешку чванливых вояк над парнем из захолустья. И для примирения потребовалось вмешательство самого бога. Это случилось после того, как Иш, выйдя из себя, сломал об колено табличку вербовщика и опрокинул его стол.

– Ты любил ее. преданный пес.

Иш развернулся посмотреть, кто это говорит, и впервые в жизни увидел бога во плоти.

Владыка Лагаша был высок, ростом по меньшей мере в пять локтей – выше любого человека. Но что-то в самом его облике, в сложении тела, закованного в медного цвета панцирь, ясно говорило: это бог, и само его присутствие все делает презренным – и вербовочную контору, и Крылатых Львов, готовых уже

схватить Иша, а сейчас простершихся ниц на ковре, и обломки стола, и самого Иша. Как и у Владычицы Гулы, темноглазое лицо Нинурты было лишено возраста; однако то, что в ней Ишу представлялось детской безмятежностью, сохранившейся у взрослого, у ее супруга больше походило на преждевременную зрелость, вековую мудрость на лице, не тронутом морщинами.

Иш вытянулся в струнку.

– Владыка, – сказал он и отдал честь, как старшему офицеру.

Распростертые на полу Крылатые Львы негодующе зароптали. Бог не обратил на это внимания.

– Ты любил ее, – повторил он и, протянув руку к цилиндрической печати на шее Иша, повертел ее, внимательно разглядел изображение пса, прочитал имя и номер.

– Нет, Владыка Нинурта, – сказал Иш.

Бог перевел взгляд с печати на лицо Иша.

– Нет? – переспросил он, и голос его прозвучал угрожающе. Он сжал цилиндр в кулаке.

Иш выдержал взгляд бога.

– Я по-прежнему ее люблю, – сказал он.

Иш был готов к тому, что возненавидит Владыку Лагаша, супруга Владычицы Исина. Когда он представлял себе бога и богиню вместе, в нем все переворачивалось, и он гнал от себя эти мысли; и когда он прочитал, что бог возвестил свое намерение найти кочевников, убивших «его» богиню, губы Иша поневоле искривила презрительная ухмылка. Если Владыка Лагаша сейчас пожелает сорвать с него печать, он будет сопротивляться и умрет.

Но бог разжал кулак и, еще раз глянув на цилиндр, отпустил его.

И, когда глаза бога встретились с глазами Иша, в них была боль не меньшая, чем его собственная.

– Я тоже, – произнес Нинурта.

Он повернулся к своим солдатам:

– Вольно! – И, когда они поднялись на ноги, добавил, указывая на Иша: – Ишмениненсина Ниннадийиншуми – солдат города Исина. Им он и останется. Он ваш брат. Все солдаты Владычицы Гулы – ваши братья. Относитесь к ним соответственно.

А Ишу сказал:

– Мы вместе найдем этих кочевников, преданный пес.

– С радостью, – ответил Иш. – Владыка.

По лицу Нинурты скользнула улыбка, и Иш вдруг понял, за что Владычица Исина могла любить Владыку Лагаша.

* * *

Большую часть года охотники закалялись, тренировались, развивались и претерпевали различные усовершенствования: жрецы-инженеры, служившие Нинагалю, владыке Аккада, и жрецы-врачи, прежде служившие Владычице Гуле, укрепляли их сердца и кости, чтобы они могли выдерживать ускорения и перегрузки, способные убить обычного человека, изменяли их нервную систему и обмен веществ, чтобы они сражались быстрее, эффективнее и дольше любого смертного, уступая в этом лишь богам.

Точечная масса, где, как предполагали урские жрецы-астрономы, охотники могли бы обнаружить лагерь кочевников, находилась глубоко в Апсу, обширном скоплении льда, кусков породы и планетного вещества, которое отделяло Вавилон от ближайших звезд. Состав Апсу был известен, Син и Шамаш давным-давно нанесли на карты все, вплоть до малейших обломков, и обладавшие этим знанием могли вычислить след кочевников.

Объект, на который указывали сведения об оружии кочевников, был одним из самых крупных в ближайших областях Апсу. Сверхплотное ядро гигантской звезды, потерявшей большую часть массы задолго до Потопа, представляло собой переродившуюся, медленно остывающую сферу едва ли в лигу диаметром. Боги давно уже ориентировали ее так, чтобы потоки излучения от ее бешено вращавшихся магнитных полей не достигали городов, и пустили ее по такой орбите, чтобы она не влияла на Вавилон собственной гравитацией и не могла воздействовать на траектории движения комет и планетезималей, тем самым представляя угрозу для Вавилона.

Охотники добрались туда за двести дней.

Огромный корабль Шарур, Булава Нинурты, сам по себе бог, был по поверхности Лагаша отбуксирован к экватору города, загружен топливом, вооружен, укомплектован охотниками с оружием и снаряжением и запущен.

Он медленно отчалил и, только достаточно удалившись от города, раскрыл паруса, и во всех городах Вавилона будто тень прошла между землей и сияющими домами богов, поскольку вся энергия кольца Нинагаля была брошена, чтобы вывести Шарур на орбиту. Потом Булава Нинурты сложил крылья, как готовящийся пикировать орел, и стал падать, набирая скорость. Черный круг горизонта событий Тиамат рос, пока не поглотил полнеба, пока солдаты, размещенные вплотную друг к другу в своих капсулах в центральном отсеке корабля, не потеряли сознание, пока даже феноменально крепкая конструкция Шарура не затрещала от перегрузки, пока они не приблизились к Тиамат настолько, что

пространство-время закрутилось водоворотом вокруг нее. Кольцо Нинагаля промелькнуло в одно мгновение, и лишь Владыка Нинурта и сам корабль были в сознании и заметили это. Шарур бросился вперед, используя для рывка крошечную частицу невообразимого вращательного момента черной дыры.

Тиамат сразу осталась позади, а они понеслись прочь.

ВАВИЛОН 1:1 5" N:1 16" / 34822.7.18 7:15

ВСЕ ГОРОДА МОЛЯТСЯ ЗА ВЛАДЫКУ ЛАГАША ПОЛИЦИЯ РАЗЫСКИВАЕТ АГЕНТОВ КОЧЕВНИКОВ В ВАВИЛОНЕ ВЛАДЫКА ШАМАШ ПРОСИТ ВЛАДЫКУ АНШАРА ВОССТАНОВИТЬ ПОРЯДОК

Заголовки храмовой газеты «Мардукнашир», город Вавилон

ВАВИЛОН 4:142 113" S:4 12" / 34822.7.16 1:3

ОКО ЗА ОКО

ШОВИНИСТСКАЯ «ОХОТА НА ВЕДЬМ»

АШШУР ГОТОВИТСЯ ЗАХВАТИТЬ СИППАР

Заголовки в радикальной газете «Ийнщушакийи», Вавилон

V
Машины

В Лагаше был проработан десяток вариантов того, с чем могут встретиться охотники: поселения размером с город, флотилии кораблей-таранов, карликовые планеты, пронизанные ледяными туннелями, как старое бревно – термитными ходами. Когда города сражались друг с другом, территория и оружие были известны. Доспехи для безвоздушного пространства, которые Иш носил, когда состоял в Пехотной тактической, не слишком отличались от тех, что надевали солдаты Лагаша, Ашшура или Аккада, хотя в этих часто воюющих городах снаряжение обычно было новее и имелось в большем количестве. Оружие, которым пользовалась тактическая пехота, было достаточно грозным как для кораблей, так и для других космических войск, в распоряжении солдат внутренних войск находились авиация, артиллерия и даже термоядерные бомбы, хотя никто уже тысячу лет не применял их в городах. Но ничего подобного оружию кочевников прежде не существовало – ничего, что могло бы повредить саму конструкцию города. Поэтому никто не мог предполагать, что их ждет, когда они все же обнаружат место расположения нападавших.

Иш видел суда кочевников в доке Исина. Корабли-тараны, не превышающие по размеру баржу, способные обогнать военный корабль и приблизиться к скорости света; корабли на ионной тяге, почти полностью состоявшие из запаса топлива и с таким крошечным жилым пространством, что напоминали обитаемые кометы; хрупкие световые парусники, чьи зеркала в Вавилоне оказывались практически бесполезными, – все они были непохожи друг на друга. Иш полагал, что только сумасшедшим в голову может прийти мысль провести всю свою жизнь в контейнере под давлением, в десяти триллионах лиг от места, которое называешь домом. Немного наберется таких людей, да еще способных все время поддерживать корабль в рабочем состоянии. Не говоря уж о том, что все люди, жившие на каких-то случайных объектах, крутящихся вокруг звезды, вместо того чтобы поселиться в городе, представлялись Ишу ненормальными.

Правда, тут он был несправедлив. Потому что большинство людей, которых в Вавилоне называли кочевниками, родились далеко, на планетах или еще где-то, где нет ни городов, ни богов, потому и выбор у них был, как у улитки, прилепившейся к камню, то есть – никакого. Настоящий выбор на самом деле появлялся

лишь у безумцев, и только они могли добраться до Вавилона.

По сравнению с ними, думал Иш, те кочевники, которых он сейчас преследовал, эти убийцы, скрывающиеся во тьме, просты и почти понятны. Богов у них нет, города строить они не умеют и знают об этом, потому и бесятся от злости и разрушают все, чего сами иметь не могут. Такие мотивы Ишу были ясны.

Боги и города боролись за первенство, за влияние, за списание долгов. Войн на уничтожение они не вели. Но именно такую войну развязали кочевники, когда напали во время Шествия Зерна, и Иша снарядили именно для уничтожения.

* * *

– Вот, – прозвучал голос Шарура у него в ухе. – Вот их оружие.

В рентгеновском спектре Синкаламайди-541 был одним из самых ярких объектов на небе, но для человеческого зрения, даже усиленного настолько, как зрение Иша усилили в Лагаше, даже здесь, менее чем в полумиллионе лиг от цели, тот видимый свет, что он испускал, остывая, делал его лишь необычно яркой звездой, мерцающей при вращении. Даже увеличенный острейшими глазами Шарура, это был всего лишь диск; однако Иш заметил, что на нем виднелся как будто дефект – темная линия, пересекавшая светящуюся поверхность.

На дисплее собственный свет мертвой звезды затемнил черный диск коронографа, а отраженный свет от нее, а также звезд ближайшего скопления и Старой Галактики был многократно усилен. Вокруг Синкаламайди-541 вращалась узкая лента чистого углерода, не более тысячи лиг в поперечнике, ориентированная так, чтобы поглощать энергию магнитного поля погасшей звезды, словно пародия на кольцо Нинагаля.

– Кольцевой ускоритель, – сказал корабль. – Грубо, но эффективно.

– Для такой «грубости» они должны быть весьма умелы, – произнес Нинурта. – Итак, пращу мы нашли. Где же пращник?

* * *

Когда сразу после выхода из храмового приюта Иша зачислили в армию, его обучали как стрелка. Потом, когда он прошел отбор в пехотно-тактическую школу, его тренировали как оператора доспехов для открытого космоса. Но то, что он делал

сейчас, управляя платформой, выброшенной, как консервная банка, по электромагнитному рельсу, не было похоже ни на то, ни на другое, хотя расчет расхода топлива, скорости, мощности и тепла напоминал расчет для доспеха для безвоздушного пространства. Но Иш больше не в тактической пехоте, и поверхности здесь никакой нет, и нет городов с их слабым тяготением и сильным вращением, только скорость, темнота и где-то во тьме – цель.

Ни малейшего представления о том, что находится в распоряжении кочевников, они не имели, но Иш надеялся избежать встречи с любым оружием, каково бы оно ни было. Короткие волны корпус его платформы поглощал, а длинные рассеивал или пропускал. Сторона, обращенная по направлению к оружию кочевников, была охлаждена до температуры среднего микроволнового космического фона. Платформа передвигалась на фотонной тяге, излучая тонкий, как лазер, коллимированный пучок. Может случиться, что какая-то из платформ перекроет звезду или ее толкающий луч соприкоснется с глыбой льда или наткнется на какой-нибудь сенсор кочевников, и тогда их обнаружат, однако не скоро и не всех сразу.

Они настигнут кочевников намного раньше.

* * *

– Третья рота, стрелять по кольцу! – приказал Нинурта. – Выманим их оттуда.

Катапульты Шарура запускали платформы под углами так, чтобы часть энергии запуска пошла на замедление самого корабля, а часть – на расхождение платформ расширяющимся конусом, который к этому моменту в широкой своей части уже достиг тысячи лиг в поперечнике. Сейчас, когда они все еще находились под углом к курсу Шарура к мертвой звезде, на платформах заработали автономные двигатели.

Ниже Иша – условно, конечно – и левее мигание индикаторов указывало, что платформы все еще удаляются друг от друга, при этом выстраиваясь вдоль орбиты погасшей звезды. Когда они отошли от Шарура еще на тысячу лиг, отделились орудия, и их собственные двигатели включились, метнув их с такой силой, воздействия которой даже физиологически измененные тела охотников не выдержали бы. Иш видел их как яркие точки даже невооруженным глазом.

Время шло. Вспышки, обозначавшие орудия третьей роты, одна задругой гасли, когда заканчивалось топливо. Когда они

были в трехстах тысячах лиг от кольца, открыли огонь самые дальнобойные орудия: пучки антипротонов, мюонные ускорители, гамма-лучевые лазеры на ядерном распаде.

Прежде чем бомбардировка достигла кольца – то есть задолго до того, как минули тридцать или сорок гранов, необходимых, чтобы орудия поразили цель и свет попадания или промаха вернулся к Шаруру и платформам, – пространство между кольцом и третьей ротой залил огонь. Иш видел только вспышки взрывов – сначала ослепительно-белые, потом переходящие в ультрафиолет. Чудовищный толчок вдруг потряс его платформу, диагностические экраны залил красный свет, и рука Иша судорожно сжала гашетку. Последовала серия более слабых толчков – это орудия отделились от его платформы, а затем жуткий скрежещущий звук, как будто одно из них застряло в куче покореженного металла и керамических обломков. Платформа закувыркалась. Примерно половина двигателей системы управления полетом, судя по всему, работала. Иш запустил их попарно и настраивал гироскопы, пока кувырки не сменились медленным вращением, в процессе которого застрявшее орудие, грохотавшее и бившее по корпусу, наконец отвалилось.

– Машины, машины! – услышал Иш голос Нинурты. – Трусы! Где же люди?

И сразу после этого сработало то самое оружие, чем бы оно ни было.

34822.7.16 4:24:6:20-5:23:10:13

Динамическое изображение, записанное с частотой 24 кадра в секунду в течение 117 минут 15 секунд камерой со стабилизацией вращения, на базе «Кир», переданное через QT на КРС «Освобождение» на станцию Гавгамела и далее в архивы Расширения Содружества в Уризене.

С переднего края ускорительного кольца представляется, будто само кольцо и масса, которая питает его, поднимаются в столбе света.

На протяжении десяти миллионов километров по орбите нейтронной звезды тьма вспыхивает детонацией бомб антиматерии, термоядерными взрывами, кинетическими импульсами дипольных отражателей кольца, поражающими корабли, снаряды, дистанционные орудия, уничтожающими людей. По скоплению космических обломков, напичканному, как минное поле, различными защитами, снуют и лавируют боевые роботы, готовые поразить все, что движется. На стороне Расширения Содружества тысячелетний опыт, который можно использовать, а в самом Содружестве – население в сотни миллиардов, способное поставлять миссионеров-добровольцев,

усердных программистов, генералов-энтузиастов. Многие виды вавилонского оружия нейтрализованы, многие вавилонские корабли уничтожены. Другие в результате принудительного ускорения приблизились к скорости убегания и отброшены на гиперболические орбиты, уводящие их с поля битвы навсегда.

Но защитники кольца сражаются со дна глубокой гравитационной шахты, их ресурсы ограничены, почти всё, что им удалось аккумулировать, вложено в само кольцо; а у вавилонян собственные, почти неисчерпаемые источники и совокупное население в сто раз больше, чем у Содружества, более сплоченное и воинственное. И у них есть Нинурта.

Нинурта, охотник Аннунаки, бог, убивший семиголовую гидру, тот, кто прикончил человека-быка в море и шестиголового горного барана, победил демона-птицу Анзу и отнял у него Таблицы Судеб.

Шарур, Булава Нинурты, могучий, как акула среди мелкой рыбешки, сияющий, как солнце, разгоняется все сильнее, умножая неотвратимое притяжение нейтронной звезды мощью своих гигантских двигателей. Тонкие иглы лазеров нащупывают путь среди космических осколков, и все дальше продвигается сияние Шарура, и больно смотреть на корпус корабля, раскаленный до десятков тысяч градусов. Нечто похожее на поток светлячков несется ему навстречу, включаются фильтры камеры, небо темнеет, а вокруг корабля, как новые созвездия, разрываются боеголовки, вспыхивают и гаснут в полной тишине, а Шарур продолжает свой натиск.

Он заполняет собой почти все поле зрения.

Впереди что-то нечеткое, оно проносится мимо камеры и исчезает.

Изображение гаснет.

Передача прекращается.

VI
Уцелевшие орудия

В контрольной капсуле было холодно. Поглотитель тепла оставался раскрыт, а моторы, которые должны его сворачивать, видимо, отказали. Но Иша это не особо волновало. В атмосферном генераторе, похоже, появилась течь, но и это его не трогало.

Для него битва закончилась. Даже без специальных расчетов Иш понимал, что топлива не хватит, чтобы вернуться. Погасшая звезда немного искривляла его курс, но тоже недостаточно. Он летел во тьму.

Уцелевшие орудия Иша по-прежнему беспорядочно палили в сторону кольца и потеряли уже половину скорости, с которой удалялись от него, но в них тоже почти не осталось топлива, и вскоре они полетят в темноту вслед за Ишем.

Он видел, как Шарур мощно вклинился в битву. Когда случилось роковое, между Ишем и взрывом оказалась погасшая звезда, но последствия он видел ясно: вспышка по всему спектру, от длинноволнового радиодиапазона до жесткого рентгеновского излучения, интенсивности достаточной, чтобы осветить все поле битвы; возможно даже, ее увидели в городах.

Еще одно божество погибло.

Затем была россыпь вторичных взрывов по всему скоплению осколков: это превращались в плазму орудия, платформы и бойцы кочевников в сиянии смерти Нинурты. И все. А затем медленно начало разваливаться кольцо.

Иш подумал, сколько платформ уцелели, когда их отбросило, как и его, и теперь неспешно погружались в Апсу. Потому что все, что оказалось на стороне удара, было уничтожено.

Огоньки орудий погасли.

Склеенная иконка по-прежнему была там, где он ее приладил. Иш один за другим отключил все дисплеи, пока фонарик на его шлеме не остался единственным источником света, и устроился так, чтобы луч попадал только на иконку. Взгляд Владычицы больше не казался ему укоризненным, скорее, внимательным, как будто она ждала, что же Иш станет делать дальше.

Фонарик замигал и погас.

ВАВИЛОН 2:78 233" S:2 54" / 34822.10.6 5:18:4

Запись полицейского допроса, подозреваемый 34822.10.6.502155, он же Аджабели Хузалатум Тараэмпсу, он

же Либурнадиша Илиявилимраби Апсуумаша, он же «Черный». Подозревается в подрывной деятельности, терроризме, фальсификации храмовых записей, отсутствии регистрации иностранного подданного. Допрос ведет следователь второго ранга Набунаид Бабилишейр Рабишила.

Рабишила: Твоего народа больше нет. Оружие ваше уничтожено. Ты можешь все нам рассказать.

Подозреваемый: Цель была достигнута.

Рабишила: Какая же?

Подозреваемый: Дать вам надежду.

Рабишила: Что ты подразумеваешь под «надеждой»?

Подозреваемый: Теперь люди сражаются с богами в Гише и Сиппаре.

Рабишила: Это лишь горстка умалишенных с преступными побуждениями. Владыка Аншар их уничтожит.

Подозреваемый: А вы думаете, они последние? Двое богов уже погибли. Погибли от рук смертных. И что бы солдаты Аншара ни сделали в Сиппаре. этого уже не изменишь. Моя участь мне тоже безразлична.

Рабишила: Ты безумен.

Подозреваемый: Я говорю серьезно. Придет день – не при моей жизни, да и не при вашей, – но он придет, день, когда все вы станете свободными.

VII
Городской солдат

Спустя несколько месяцев Ища подобрал корабль «Упекха». что в переводе значило «Бесстрастие», который принадлежал обособленной кочевой цивилизации с самоназванием Братство, расположенной в семнадцати световых годах от Вавилона. Корабль из класса ионных ракет на топливе из антиматерии, длиной в четверть лиги и диаметром в два раза больше, мог достичь скорости в две десятых световой, но развивал ее очень медленно. Пятнадцать лет он провел в доке Вавилона-Борсиппы, стартовал оттуда месяца за четыре до Шествия Зерна и сейчас направлялся к звезде, которую в Братстве называли Метта. На древнем священном языке монахов и монахинь Братства имя звезды означало «доброта».

* * *

Когда монахи с «Упекха» взяли Иша на борт, он был почти мертв. Его сердце не билось уже несколько недель, а вместо собственного кровообращения работала система жизнеобеспечения платформы, поставлявшая остатки кислорода в мозг, накачанный криопротекторами и охлажденный почти до температуры кипения азота. Спасательная команда должна была с максимальной быстротой извлечь его из капсулы и подключить к своей системе жизнеобеспечения. Причем те военные усовершенствования, которыми тело Иша наделили в Лагаше, лишь усложняли задачу; однако они справились. Спустя некоторое время он вернулся к жизни.

Иш так до конца и не понял, что привело «Упекха» в Вавилон. Большинство монахов и монахинь прекрасно говорили на вавилонском – некоторые даже родились в городах, – но их идеи и представления были настолько чужды Ишу, что почти не имели для него смысла; правда, он не особо-то и стремился разобраться. Богов у них не было, и молились они – насколько уразумел Иш – своим предкам или учителям своих учителей. Они сказали, что ищут кого-то по имени Татхагата, что в переводе на вавилонский, как пояснила одна из монахинь, означало «тот, кто обрел истину». Этот Татхагата умер много лет назад на планете из системы звезды Метта, и почему монахам и монахиням потребовалось искать его в Вавилоне, Иш уяснить никак не мог,

как, впрочем, и многого другого.

– Но его мы не нашли, – сказала монахиня. – А нашли тебя.

Они находились в центральном отсеке «Упекха», где Иш, проведший раннее детство на ферме, пытался освоить особенности садоводства в космосе. Монахи не требовали, чтобы он работал, но ему было неловко бездельничать. К тому же это всяко лучше, чем оставаться наедине со своими мыслями.

– И что вы со мной сделаете? – спросил Иш.

Монахиня – имя которой, Аррахасампада, переводилось как «та, что всегда на страже», – посмотрела на него очень странно и сказала:

– Ничего.

– А вы не боитесь, что я… ну, могу что-нибудь натворить? Сломать что-то или кого-нибудь ранить?

– А ты можешь? – спросила Аррахасампада.

Иш задумался. Повстречавшись с экипажем «Упекха» на поле боя, он уничтожил бы их без колебания. В Апсу у него не было сомнений. Он ждал возможности убить кочевников, повинных в трагедии на Шествии Зерна, с чувством, основу которого составляла жажда мести, кровожадности как таковой он почти не ощущал. Но эти кочевники – другие, и по отношению к ним он ничего подобного не испытывал.

Исходя из того, где и в каком состоянии братья и сестры обнаружили Иша, они могли бы догадаться, кто он и откуда здесь взялся. Но, похоже, они в это не вникали. С Ишем обходились по-доброму, однако он подозревал, что точно так же монахи обращались бы и с раненой собакой.

Эта мысль, несколько унизительная, странным образом приносила и облегчение. Экипаж «Упекха» не знал, кем Иш был прежде, что и почему он сделал. Поэтому и о его провале они тоже не знали.

* * *

Врач, пожилой монах, которого Иш называл доктор Сам – его непроизносимое для Иша имя означало «тот, кто ведет уравновешенную жизнь», – объявил, что Иш может покинуть изолятор. Аррахасампада и доктор помогли Ишу обставить каюту растениями из сада и небогатыми излишками мебели на борту, проявив поразившее Иша внимание к его вкусу и пристрастиям. В итоге его жилище, конечно, не стало похожим на вавилонское, но все-таки чувствовалось, что оно принадлежит Ишу, а не чужеземцу.

Аррахасампада спросила его о разбитой иконке, залитой в резиновый блок, и Иш попытался объяснить.

Монахиня и доктор Сам замолчали и надолго задумались.

* * *

Дней восемь или десять Иш их не видел. Но однажды, вернувшись усталым и запыленным из сада, он застал их в ожидании около его каюты. У Аррахасампады в руках был пакет с апельсинами, а доктор держал большой ящик, видимо, сделанный из лакированного дерева.

Иш впустил их, а сам прошел в дальнюю часть каюты умыться и переодеться. Когда он вернулся, они раскрыли ящик, оказавшийся чем-то вроде иконостаса или киота, наподобие тех, какие монахи и монахини используют, чтобы чтить предков. Но там, где должен был размещаться свиток с именами, обнаружилась ниша, как раз подходящая по размеру для его иконы.

Иш уже не понимал, кто он. Конечно, по-прежнему городской солдат и навсегда им останется, но что это теперь означало? Прежде он жаждал возмездия, да и сейчас его хотел, но как-то отстраненно. Придут другие, например Крылатые Львы, чтобы отомстить за Владыку Лагаша, или дети, выросшие после Шествия Зерна. Может, среди них будет и Мара, но Иш надеялся, что этого не случится. Сам Иш уже испытал в Апсу жажду мести в полной мере, на большее он не был способен.

Он взглянул на икону на стене. Кто он? Тара сказала: «Я никогда по-настоящему тебя не знала». Хотя на самом деле знала. Иш любит умершую женщину и всегда будет любить. И для этой любви не имели значения ни смерть Владычицы, ни его собственная. Как и то, что умершая была богиней.

Иш взял иконку и поместил ее в нишу. Доктор Сам показал ему, куда положить апельсин, как установить в чаше благовонные палочки и как запустить небольшой индукционный нагреватель. Потом они сели на колени и вместе в молчании созерцали лик Владычицы Исина.

– Расскажешь нам о ней? – спросила Аррахасампада.

Дэмиен Бродерик
Налоговичка и кот

Австралийский писатель, редактор, футуролог и критик Дэмиен Бродерик, который также является старшим научным сотрудником факультета культуры и коммуникативных технологий Университета Мельбурна, впервые опубликовал свой рассказ в антологии Джона Карнелла «Новое в НФ 1» («New Writings in SF1»), В следующие десятилетия писатель радовал читателей неиссякаемым потоком фантастики, научной литературы, футуристических размышлений и критики, за что не раз становился лауреатом премий «Аурealис» и «Дитмар».

В 1970 году вышел в свет его первый роман «Мир волшебника» («Sorcerer's World»); позже он переиздавался в Соединенных Штатах Америки под названием «Черный Грааль» («The Black Graal»). Произведения автора включают в себя романы «Спящие драконы» («The Dreaming Dragons»), «Мандалы Иуды» («The Judas Mandala»), «Трансмиттеры» («Transmitters»), «Полосатые дыры» («Striped Holes») и «Белый абак» («The White Abacus»), а также книги, написанные в соавторстве с Рори Барнсом и Барбарой Ламар. Многочисленные рассказы выходили в сборниках «Вернувшийся» («A Man Returns»), «Тьма меж звезд» («The Dark Between the Stars»), «Дядюшка Кости: Четыре научно-фантастические новеллы» («Uncle Bones: Four Science Fiction Novellas») и последнем «Двигатель Квалья: Научно-фантастические рассказы» («The Qualia Engine: Science Fiction Stories»). Также Бродерик является автором научно-популярной книги под названием «Пик: как наша жизнь меняется под действием стремительно развивающегося прогресса» («The Spike: How Our Lives Are Being Transformed by Rapidly Advancing Technology»), критического исследования в области научной фантастики «Чтиво при свете звезд: постмодернистская научная фантастика» («Reading by Starlight: Postmodern Science Fiction»). Дамиен Бродерик – редактор нескольких антологий: научной антологии «Миллионный год: наука на дальнем конце знаний» («Year Million: Science at the Far End of Knowledge»), антологии НФ «Земля – не что иное, как звезда: путешествия в далекое будущее посредством НФ» («Earth Is But a Star: Excursions Through Science Fiction to the Far Future») и трех сборников НФ австралийских писателей: «Машина духа времени» («The Zeitgeist Machine»), «Странные аттракторы» («Strange Attractors») и «Матильда при скорости света» («Matilda at the Speed of Light»). В числе недавних публикаций Бродерика – написанная в соавторстве с Полем ди

Филиппо книга под названием «Научная фантастика: 101 лучший роман 1985–2010» («Science Fiction: The 101 Best Novels 1985–2010»). Здесь он доказывает нам, что самый долгий – и удивительный – путь начинается с одного-единственного шага.

В городе Реджио, неподалеку от самого центра мироздания, жила обыкновенная налоговая инспекторша. Человеком она была скромным, но выдающимся, известным за пределами Братства. Благодаря преданному служению и особому таланту она завоевала смиренное, но все же (как сама надеялась) безопасное положение среди многочисленного персонала *публикани* Арксона. Тем не менее как-то раз летним утром она беспечно позволила сердцу дрогнуть и прельститься видом замечательно-рыжего кота – хулиганистого, но симпатичного задиры с задворок. Он стоял перед дверью, приветствуя новый день приятным, как у практикующего йодль[5] певца, голосом. И поблескивал острыми, как бритва, когтями, заносчиво растопырив медно-рыжие усы.

– Иди сюда, киска, – прозвучал над пыльной дорожкой призыв налоговички.

Она впустила котяру в свой маленький домик, расположенный в шумных трущобах Личкрафта, и угостила молоком из блюдечка с голубой каемочкой. Сложив руки на скромной, но все же довольно-таки выдающейся груди, она с умилением смотрела, как лакает изящное животное.

– Пожалуй, я назову тебя Имбирь, – ужасно довольная, заявила она.

Рыжий котяра сел, аккуратно облизал себя, затем изогнулся и задрал вверх лапу, чтобы добраться до задней части тельца. Не опуская лапку вниз, он сердито глянул на женщину.

– О небеса, – проговорил кот, – я что, должен терпеть эти телячьи нежности? – Он закончил вылизываться, опустил заднюю лапу и встал, все еще сохраняя недовольство. – Да будет тебе известно, что имя у меня уже есть.

Налоговичка осела на пол, вытаращив глаза на столь словоохотливое и жутко удивительное животное.

– Ты умеешь го… – начала было она, но тут же осеклась, не докончив едва не сорвавшейся с губ банальности.

Кот сардонически глянул на нее, снова подошел к блюдцу и вылакал остатки молока.

– Чуть прокисло, но чего еще ожидать при такой погоде? Благодарю, – добавил он и направился к двери.

Когда яркий кончик хвоста исчез за дверью, налоговичка взвизгнула:

– Так как же *вас* зовут, сэр?!

– Мармелад, – донесся до нее приглушенный голос. И след

кота простыл.

* * *

Перед сном она устроилась среди груды подушек, чистила и ела кусочки золотистого малуна и читала сентиментальные стихи, потому что поговорить ей было не с кем. Она предавалась романтическому чтиву при свете масляной лампы с фруктовой отдушкой, и щеки ее пылали. В глубине души она знала, что все это – притворство да искусная компенсация за отложенную в дальний ящик жизнь, застопорившуюся в услужении у почившей матери, и она стыдилась выпавшей на ее долю участи, которая ее очень удручала. Налоговичка была довольно-таки миловидной, но ее ремесло отталкивало от нее людей. Порой вокруг увивались вполне подходящие мужчины: в таверне или на концерте они лестными речами выказывали ей интерес. Но, лишь заслышав о ее работе, все они с отвращением шарахались прочь. Как-то раз, столкнувшись с симпатягой-поэтом, она в очередной раз попытала счастья и выпалила привычное оправдание: «То наказание, а не пожизненное уродство!» Парень ретировался, даже не коснувшись ее протянутой руки.

Она отложила сборник и на миг задумалась о разумном зверюге-бродяге. Прячется ли он все время в лесах, якшается ли у всех на виду с безмозглыми родичами, жителями переулков? Невероятно! Может, впрочем, все коты умней и хитрей рода человеческого. Или он сверху свалился, упал из темной вышины над Высями? На протяжении тысячелетий ничего такого не случалось, и подобные бредни всегда казались ей чем-то из разряда мифологии, выдуманным и передаваемым из поколения в поколение, чтобы пугать детей и держать их в повиновении. И все же уроки ее матери о Братстве граничили именно с такими причудами, если, конечно, получалось отрешиться от аллегорий и метафор и принять ее поучения за чистую монету.

Женщина вздрогнула и легла в постель. Сон излечит ее от иллюзий.

* * *

На следующий день кот заявился снова. Проснувшись, налоговичка принюхалась. Зверюга оставил на пороге зловонную метку. Когда она открыла дверь, кот сидел спиной, потом обернулся с высокомерной грацией и позволил пригласить себя в

дом. Женщина поставила маленькое блюдце с потрошками возле обеденного стола на кухне. Гость понюхал и лизнул угощение, пренебрежительно взглянул на нее и изрек:

– Что за мерзость?

Она молча смотрела на него, испытывая сложную гамму чувств: раздражение, изумление и с трудом сдерживаемое волнение. Признаков механизма она не обнаружила и, вероятно, столкнулась не с чем иным, как неким воззванием или, что менее вероятно, незадачливой жертвой, загнанной в звериную оболочку. О подобной встрече она мечтала всю жизнь.

Помолчав, кот добавил:

– Шучу, шучу. Расслабься, женщина. – Он склонился над блюдцем мохнатой рыжей мордой и жадно заглотал предложенную на завтрак печень.

Налоговичка вкусила утреннюю порцию овсяных хлопьев с ломтиками фруктов и остатками молока (кот был прав, оно в самом деле *собиралось* скиснуть); она смешала завтрак не в какой-то там дешевой посудине, а в мисочке с превосходной глазурью: красной с ярко-синими прожилками, купленной на улице Глиняных дел мастеров. Она быстро выхлебала пищу, погрузила свою миску и опустевшее блюдце кота в деревянную бадью с водой, пробормотала заклинание для хозяйственных нужд – прием Братства. Вода зашипела, превратившись в пар, а посуда стала чистой, но очень горячей на ощупь.

– Мармелад, если ты собираешься здесь остаться…

– Разве кто-то говорил о желании остаться? – резко прервал кот.

– Я сказала «если». Или, ежели ты намерен наведываться время от времени, я бы хотела представиться. – И она протянула коту маленькую ладошку с перепачканными чернилами пальчиками. – Меня зовут Бонида.

Мармелад почесал за ухом, разглядывая протянутые к нему пальцы. Все еще почесываясь, он ответил, забавно выговаривая булькающие слова, словно пытался говорить и при этом полоскал горло:

– Ясно. Хорошо.

Бонида немного удивилась, когда кот встал, с достоинством поднял переднюю лапку и протянул ей. Едва кончики пальцев женщины соприкоснулись с лапой, как он отдернул ее – не скажешь, что поспешно, но все же довольно-таки быстро, чтобы сдержать Бониду, которая про себя ухмыльнулась.

– Если хочешь, можешь посидеть у меня на коленях, – предложила женщина, отодвинулась от стола и разгладила темно-синюю юбку.

– Шутишь? – Кот пошел прочь и обследовал щель в обшивке стен, потом вернулся, уселся наискосок от Бониды и принялся усердно вылизываться.

Она немного подождала, любуясь ярким мехом животного, затем встала и заварила сбор трав.

– Вот значит как, – вознегодовал кот. – Сначала предложила, а потом – передумала.

– Скоро мне уходить на работу, – спокойно объяснила она коту. – Если ты все еще будешь здесь, когда я вернусь, я налью тебе молока.

– И дашь посидеть на коленях?

– Сидите себе сколько угодно, месье, – разрешила она, залпом выпила бодрящий напиток и сильно закашлялась.

– Только не вздумай меня запирать!

– Оставлю окно приоткрытым, – предложила женщина. Голова немного кружилась от возбуждающего питья. Бонида прочистила горло. – Знаешь ли, в здешнем районе небезопасно, но для тебя – все что угодно, милый мой котик-мурлыка.

Котяра насупился и проговорил:

– Сарказм! Полагаю, фразочка подошла бы тем, кто страдает дурацким сентиментальным слабоумием. Избавлю-ка я тебя от хлопот. – И он мощным сгустком энергии промчался к двери. – Может, вечерком наведаюсь к тебе, Бонида Оусторн, так что пусть потрошки будут у тебя наготове.

И был таков. Лишь в дверях мелькнул кончик огненно-рыжего хвоста, странным образом светящийся в тусклом рубиновом свете НебоТьмы.

Бонида задумалась.

– Так ты, стало быть, все время знал, как меня зовут, – прошептала она, надевая шляпку. – Очень странно.

* * *

Над громадой бастионов Высей, взметнувшихся на двадцать пять километров вверх, обширным кровоподтеком виднелась НебоТьма, заполнявшая собой большую часть небосвода, которую по линии горизонта обрамляла звездная чернота. Через половину долго-дня, равную сорока дням, над городом Реджио засияет мириадами ярких звезд совсем другое черное небо, а окруженный тусклыми кольцами глобус цвета синяка станет размером с пол-ладони вытянутой руки и покажется лишь далеким отблеском теперешнего шара НебоТьмы. Затем он вообще пропадет из вида, чтобы потом появиться на восходе тусклым свечением, которое

однажды неумолимо вытеснит звезды, будто проглатывая их…

То были тайны за пределами понимания. Прочие поддавались разрешению.

У Бониды была яркая и сокровенная мечта, скрытая под неверием: найти ответ на один-единственный вопрос, краеугольный камень загадочного материнского учения о Братстве, а также следующего из ответа умозаключения о том, что бы это могло быть: какова природа древних Свалившихся-с-Небес-Высей и откуда (и почему) они свалились? Неизвестность была опосредованно связана с тайным преданием о древней аллегории ЛаЛуны, Отсутствующей Богини.

Во время взлелеянных с юности размышлений она определенно не могла даже позволить себе предположить, что ключом к разгадке тайны может оказаться кот – должно быть, одна из бессловесных тварей Утраченной Земли, притаившихся в этом городе, расположенном близ колец мира и непреодолимого барьера Высей. Теперь такая возможность ей открылась. Слишком велико было бы совпадение, если бы рыжий зверь внедрился в унылую рутину ее будней именно в ту самую неделю, которая посвящена летнему пленарному заседанию Братства. У Мармелада явно имелись на нее планы.

Бонида с трудом выбросила все это из головы и терпеливо предъявила отпечатки при входе на охраняемую территорию окружного департамента государственных сборов. Как всегда, в холле перед ее небольшим кабинетом, одним из пяти, разило потом ожидавших приема несчастных. Бонида избегала устремленных на нее страдальческих глаз, полных мольбы и покрасневших от слез и ярости. Хорошо еще, что никто не рыдал в голос, по крайней мере сейчас. Но скоро начнут. Усевшись за стол и отметив галочкой документ о сумме налогообложения перепачканным чернилами ногтем-клювом, она прочла изобличающие доказательства против первого клиента. Что ж, кража потянет на смертный приговор. Бонида прикрыла глаза, покачала головой и вздохнула, потом вызвала первого, назвав имя ответчика и номер своего кабинета.

– Ты не оставил Арксону выбора, – сообщила она дрожащему парню. Фермер могучего телосложения с окраинных пахотных угодий вдоль края Реджио-Кассини, слегка туповатый Бай Ронг Бао, утаил изрядную долю налогов за десятую часть Велико-Года. Может, глуповатый парень не подозревал об учетной документации чиновников и рвении, с которым нарушения выискиваются и караются? Скорее всего, он не то чтобы пребывал в неведении, просто не мог предположить, что злой рок подстерегает его самого. На самом деле все они не предполагали

такого, хотя догматы Братства основывались на истинном знании, как утверждала ее мать.

– Мне просто надобно больше времени, я все уплачу, – всхлипывал посетитель.

– Само собой, фермер Бай, конечно же, ты уплатишь задолженность всю до последнего пфеннига. С твоей стороны было очень глупо пытаться обмануть наших властелинов, и наказание за подобный проступок тебе известно. Одна дистальная фаланга.

Руки у нее покалывало. Бонида испытывала почти невыносимую ненависть к предстоящему, но придется потерпеть – работа есть работа.

– Фал… что это? – В отчаянии он сжал за спиной руки. Говорят, вы оторвете мне руку или ногу. О, пожалуйста, добродетельная госпожа, умоляю, оставьте меня целым! Я заплачу! В срок! Я же не смогу работать безруким или безногим!

– Наказание не столь велико, фермер. Только кончик пальца на руке или ноге. – Тут она протянула к нему руку. – Тебе самому решать, чем пожертвовать во имя Арксона.

Казалось, парень вот-вот потеряет сознание. Она сказала ему, добротой пробивая путь сквозь уныние несчастного:

– Лишившись кончика мизинца на левой руке, ты почувствуешь минимальный дискомфорт. Ну же, давай мизинец.

Налоговичка взяла его дрожащую грубую руку за фалангу с обкусанным ногтем и крепко держала ее над керамической чашей. Затем пробормотала магическое заклинание, и в ее собственных пальцах зарокотали механизмы Арксона. Накатила волна зловония разлагающегося мяса, и вот она уже сжимает скользкими пальцами пористую белую кость. Фермер отшатнулся прочь от стола и, словно обжегшее пальчик дитя, сунул в рот протухший обрубок, но тут же сплюнул, ощутив мерзкий вкус. И стал бледен как мел. На какой-то миг ярость чуть было не пересилила страх. Бонида вытерла пальцы, встала, вручила ему свидетельствующий об оплате документ и сказала:

– Мистер Бай, на обратном пути зайдите к медсестре. Она сделает перевязку. – И, вновь коснувшись его рукой, она почувствовала, как в ней всколыхнулась добродетель. – Рана заживет, и за год или даже раньше плоть регенерирует. Вот вам совет: в следующий раз не мешкайте и платите по обязательствам в срок. Хорошего дня.

Бонида налила в чашу воды и сполоснула ее, затем пробормотала заклинание и с помощью пара избавилась от зловония разложения и прилипшей мерзкой пены на стенках. Налоговичка вздохнула, взяла другой обвинительный акт и

вызвала следующего:

– Эрн Шабо. Кабинет номер четыре.

* * *

Кот Мармелад ждал ее на пороге. И воротил нос.

– Мадам, от вас омерзительно пахнет.

– *Что, простите?* – оскорбилась Бонида.

В детстве ее, будущую деву Братства, с пеленок учили придерживаться строгих принципов гигиены. Да, по сравнению с наиболее состоятельными дамами Реджио она была бедна, но все же непременно купалась в источниках раз в неделю и обязательно старательно чистила зубы. Хотя нужно признать, что за ленчем она съела щедро сдобренную луком булочку…

– К тебе прилип запах смерти.

Налоговичка сжала губы, сбросила шляпку, перекинула сумочку повыше на плечо. Машинально спрятала правую руку в складках одежды. Поймав себя на этом, она выпростала руку и помахала чернильными пальцами перед мордой зверя.

– Таково мое мастерство, мой долг, моя профессия! – взвизгнула она тоненьким голоском. – Если ты имеешь что-то против моего ремесла, я не стану приглашать тебя разделить мою скромную трапезу.

Но когда она стала открывать дверь, хитрое и ловкое животное шмыгнуло внутрь впереди нее и на миг стало больше похоже на расторопного подхалима, чем на хулигана с больших дорог.

– Хватит молоть вздор, – заявил кот, усевшись на ковер. – Молока, да поскорее.

Невероятная наглость! Конечно же, у Бониды на миг перехватило дух, затем она рассмеялась. Покачивая головой, она достала из сумки бутылку и налила молока и себе, и коту. На столе стояла ваза с увядшими ночь-цветами, их зеленые листья засохли и поникли.

– Что тебе нужно, месье? Само собой, ты караулишь меня вовсе не по причине того, что обожаешь мой запах.

Налоговичка вылила из вазы затхлую воду, налила свежую и прикоснулась к букету. Заструилась энергия. Она не являлась ее генератором, а только – проводником, по крайней мере, так говорила ей мать. Цветы ожили, демонстрируя истинное чудо обновления; комнату наполнил тяжелый аромат, который замаскировал запах, предположительно исходящий от нее самой. Только что ей за дело? Ведь к ней в гости зашел всего лишь зверь,

хоть и наделенный даром речи и изрядной наглостью.

Кот молча вылакал молоко, облизал усы, затем аккуратно уселся поудобнее. Его ноздри подрагивали от сильного запаха.

– Твоя матушка Элизетта.

– Она умерла три года назад во время потасовки на площади.

У Бониды до сих пор екало сердце, когда она вспоминала об этом.

– Значит, ты ее знал, – проговорила она, неожиданно уверившись в этом.

И все же ее усопшая мать никогда не упоминала о столь необычном знакомом. Несомненно, очередная загадка Братства.

– Я познакомил ее с твоим отцом.

– У меня нет отца.

Кот эдак язвительно кашлянул, словно силясь избавиться от комка шерсти, и спросил:

– Ты что, считаешь, что прямо так отпочковалась изо лба матушки?

– Чего?

– Неважно. Уже никто не помнит древних историй. В особенности закодированные.

– Что?

– На колени.

– Ты не хочешь, чтобы я сначала сходила в душ?

– Было бы неплохо, только времени нет. Ну же, садись.

Она повиновалась, и кот с необычной легкостью запрыгнул к ней на колени, разок прошелся по кругу, устраиваясь поудобнее, затем свернулся клубочком. Бонида внезапно обратила внимание на то, что голова животного по размеру сопоставима с ее собственной. Котяра прикрыл глаза и ужасно приятно заурчал – глубоко гудела рождавшаяся в нем ритмичная музыка. Бонида даже разинула рот от изумления. Ей доводилось читать об этом в любовной лирике. Мармелад мурлыкал.

– Твоим отцом был Арксон, – поведал кот. – На самом деле, он им является и по сей день.

* * *

По совету кота, на Конюшем Углу налоговичка воспользовалась услугами педлара. Мармелад прыгнул в кабинку рикши и с неприкрытым раздражением ждал, пока грум вручал Бониде корзинку с завтраком и устраивал ее поудобнее, принимая монетку после согласования шепотом со своим банком. От удара крупный зверь шевельнулся, рептилья кожа заиграла

пятнадцатью оттенками зеленого. Сквозь прутья решетки торчали его ноги, хвост сверкнул под платформой. Вскоре яростно заработали громадные четырехглавые мышцы, и лапы и всё быстрее и быстрее понесли их рикшу по центральным оживленным улицам Реджио, а потом прочь из города и через сельскую местность к высоким, почти отвесным скалам предгорий Свалившихся-с-Небес-Высей. Порой, негодуя против подобного обращения, животное пыталось дотянуться мордой до мучителей и вцепиться в них, но крепкая упряжь удерживала его голову в ровном положении.

– Мы приближаемся к экваториальному горному кряжу Япет, – сказал кот. – Ну как, ваше Братство учит вас хоть чему-нибудь? Например, что этот крохотный мирок обладает пригодным для дыхания воздухом, который умышленно сжимается и подогревается? Что сама его плотность увеличена путем искажения?

– Кое о чем я не могу распространяться, – заявила налоговичка, отводя взгляд. – Ты должен об этом знать, коль скоро тебе известно о моей матери и ее гильдии.

«Ну и брехун, – подумала она. – Что бы там ни было…»

– Да, да, – кивнул Мармелад. – Элизетта узнала большую часть тайного учения от меня самого, посему можешь на сей счет расслабиться.

– Ха! Можно подумать, ты хочешь соблазнить меня своим хвастовством!

Кот с присвистом хохотнул:

– *Соблазнить?* Ха! Мадам, вы не в моем вкусе.

Бонида поджала губы.

– Месье, вы отвратительны. – Она довольно-таки долго молчала, выражая недовольство, затем заметила: – Вижу, мы останавливаемся. Может, расскажешь наконец, зачем заманил меня в эти негостеприимные земли?

– Что ж, я располагаю некоей информацией, которую нужно передать дочери Арксона. – Тут он легко выпрыгнул из кабинки и подождал, пока налоговичка тоже спустится следом: из-за корзины она двигалась медленнее. – Стой здесь! – рявкнул кот педлару. – Вернемся через час.

– С чего это я буду повиноваться зверю? – спросила рептилия, пуская слюну. – Я подчиняюсь не котам, а людям.

– Эй, ты, придержи язык, иначе к рассвету на тебе живого места не останется.

Что-то в голосе Мармелада заставило громадное зеленое существо призадуматься; оно умолкло и отвело взгляд, перестало скалить длиннющие зубы и неуклюже уселось.

– Я буду ждать здесь, ваше высочество, – горько молвил педлар.

– Иди за мной, женщина, – велел кот. – Да оставь ты свою корзинку! Хотя возьми кувшин молока.

– Ты же не думаешь, что *я заберусь* на эту скалу?

– Вскарабкаться – не единственный способ очутиться там. – Тут Мармелад оборвал речь и кашлянул. – Знаком ли тебе принцип *туннеля?* – Они оказались перед замаскированной расщелиной в скале. Кот двинулся вперед и растворился в тенях.

* * *

Бонида решила, что это сродни тому, как оказаться внутри громадной трубы наподобие шланга для омовения звезд. Стены были гладкими как лед, но теплыми на ощупь. Монотонно гудело нечто недоступное уху, но ощутимое кожей и костями. Она стояла на краешке перехода от бесконечности (по крайней мере, так казалось в полумраке) слева в бесконечность справа.

– Именно здесь Отец Время создал все свои компоненты, – сказал кот, его истончившийся голос, казалось, растворялся в обширном предлинном пространстве. – Это ускоритель величиной с целый мир. Здесь из ничего сгустились тучи НебоТьмы и были выпущены ввысь.

– Ч-что? Были *что*?

– ЭмЭм, – рассеянно отвечал кот.

Он явно искал что-то. Прикоснулся к гладкой стене лапой, на ней появился искусный узорный орнамент, и Мармелад трижды коснулся его. Их подхватило и понесло вперед по бесконечному коридору, причем встречный поток воздуха от скоростного продвижения не давал даже шевельнуться. Если бы не этот ветер, то можно было бы предположить, что они зависли недвижимо. И все же, несмотря на охвативший ее ужас, Бонида ощущала огромную скорость.

– Молоко не урони, – предостерег кот, бросая на нее грозный взгляд. – ЭмЭм – это «М-Мозг». Не путать с Микроэлектронной-памятью-и-Мозгом.

– Понятия не имею, что ты несешь.

– Да ладно, не важно.

Они по-прежнему летели вперед, в бесконечность, и Бонида попыталась осознать услышанное. Она спросила:

– Ты хочешь сказать, что Свалившиеся-с-Небес-Выси вовсе не упали, а *их соорудили?*

– Ага, их соорудили, так и есть, и они свалились с небес. Отец

Время разбил другую луну и пылью рассыпал ее вдоль экватора. Можно сказать, скомпилировал ускоритель. – Кот на ходу хитро усмехнулся. – Две трети пыли на данный момент уже исчезли. Потому что было это давным-давно. Но с помощью оставшейся все еще можно быстро перенестись отсюда туда.

Ветер стих. Они остановились, зависнув в воздухе. Кот поднял голову. Сверху доносился сильный рокот: что-то открывалось. Они поднимались, летели вверх, словно пузырьки в бокале, затем быстро помчались сквозь непроглядную тьму, но по-прежнему дышали легко и не мерзли. Сбоку виднелась кривизна НебоТьмы – ЭмЭм, как назвал ее кот, если, конечно, он именно это имел в виду; а с другой – словно находящаяся в люльке сфера поменьше, а непосредственно над ними сверху – что-то вроде мутно-красного корунда размером с дворец, который падал на них и готов был вот-вот раздавить. Или, скорее, они сами летели к нему навстречу. И оказались внутри. Яркий свет слепил глаза так, что Бонида вскрикнула и в самом деле уронила кувшин, который вдребезги разбился о рифленый мраморный пол, и брызги молока попали коту на левое ухо и усы. Рассвирепевший зверюга замахнулся на нее когтистой лапой, собираясь ударить, но в последний миг удержался и не расцарапал ей плоть.

– Неуклюжая неумеха! Ну ладно. – Котяра явно с трудом заставил себя опуститься на все четыре лапы, сощурился и затем снова поднялся. – Пошли, дубина, встретишься со своими родителями.

* * *

Ее мать умерла и была с почестями передана на Переработку. К большому сожалению, Бонида знала это совершенно точно, потому что стояла у открытого гроба, сжимая хладную бледную руку, и голосила от горя. Без надежды на возрождение. Вот только… неужели она чувствует слабую дрожь? Она вовсе не была в этом уверена. Значит, разыгралось воображение. Ничего, пустое. Быстро закрыли гроб и унесли прочь.

Но нет – сейчас мать сидела прямо перед Бонидой, серьезная и официальная, а потом вдруг заулыбалась, когда увидела, как дочь в слезах бросилась к ней и схватила за руки, покрывая их поцелуями. Бонида упала на колени и глядела на мать полными слез глазами и покачивала головой, не в силах поверить.

– Мамочка Элизетта!

– Милая моя девочка! И мастер Мармелад! –

поприветствовала она кота.

– Привет, дорогуша.

– Позволь представить тебя твоему отцу.

Невидимое существо явило им себя в голосе:

– Добро пожаловать, дочка. Я – Уран. Дитя, тебе предстоит выполнить одно задание. Ради Братства. Ради мира.

Налоговичка выпустила руки матери и отпрянула, дико озираясь вокруг.

– Да это же машина! – с негодованием воскликнула она.

Казалось, краем глаза на периферии зрения она видит очертания мужчины.

Кот заявил:

– Хватить нюнь и опасений! Предстоит выполнить задание.

– Каким образом я могу быть дочерью машины? – Бонида по-прежнему стояла на коленях, обхватив себя руками, и стенала. – Обман! Все до единого! Моя мать мертва, это не она. Забери меня прочь отсюда, ты, гнусное животное. Верни меня домой и впредь держись подальше!

– Нет никакого обмана, дорогая моя девочка. – Знакомым с младенчества жестом мать коснулась короны на голове, что вызвало у Бониды новый поток слез. – Ты расстроена, и нам понятно отчего. Ужасно было заставить тебя поверить в то, что меня унесла смерть, но жестокость была вынужденной. Милое дитя, у нас имелись на то самые спешные и веские причины. Требовалось справиться с задачами, которые не терпят осечек. В ночи тысяча тысяч глаз. Теперь пришел черед тебе принять свою участь. Иди же сюда, встань подле меня, час пробил.

Явление, которое Бонида никак не могла разглядеть, даже стараясь быстро и неожиданно переводить взгляд, произнесло глубоким и чудным голосом:

– Свет яркого мира умирает вместе с угасающим Солнцем.

– Что такое «солнце»? – спросила налоговичка.

* * *

Некогда мертвая Элизетта, Высочайшая Правительница Братства Праведного Знания, а нынче хмурившая брови и определенно живая, сделала широкий жест и приказала:

– Откройте.

Нос и корма красного корунда сделались прозрачными и исчезли, явив взору беспорядочно испещренную вкраплениями яркого света тьму над головой. Только слегка светился окольцованный шар, который сейчас был величиной с

поднесенный к лицу кулак. Позади – большой кровоподтек слабо тлеющей тусклой красноты, настолько глубокой, что его можно было принять за мглу. Пока Бонида смотрела, уменьшалось большое круглое пятно на поверхности. Она вдруг неожиданно осознала, что это был ее мир. В свете звезд казалось, что одна половина пятна чуть-чуть светлее другой.

– Вот это большое помутнение скрывает солнце, – проговорила мать, делая широкий жест рукой. – Оно прячется за вуалью из сотни покрывал, которую мы называем НебоТьмой. Ты, Бонида, слышала эту историю из моих уст, пока была малым дитем подле моей груди, закутанным в пеленки наподобие аллегорического Солнца.

Молчаливая, удивленная и печальная, налоговичка разглядывала беспредельность и убывающее пегое пятно.

– Получается, на наших глазах чахнет наш мир, – отважилась предположить она.

– Япет, ага, – сказал кот. – Мир величиной с грецкий орех с кантом на талии.

– А что такое… – Нет смысла продолжать. Она догадалась, что эта терминология вовсе не нацелена на то, чтобы ее дразнить или терзать. Просто лексикон предназначался для описания вселенной размером побольше, чем ее собственная. Ей уже прежде доводилось слышать термин «Япет» из кошачьих уст. Значит, мир обладает именем точно так же, как кот или женщина, а не просто называется Миром.

– Ясно, довольно об этом. Куда мы направляемся? К тому другому… миру впереди? – Она до мурашек обрадовалась, что сформулировала вопрос «куда мы направляемся?», а не «куда вы меня тащите?».

– Навстречу к Отцу-Времени, да. К Сатурну, как называли его твои древние предки. Он нам всем отец в некотором роде. – Так отвечало невидимое явление. Бонида едва не свернула шею, пытаясь наконец-то поймать его взглядом, только он опять ускользал от нее движущимся размытым пятном. Точно машина, решила Бонида. Даже скорее укорила себя. Не человек. Как могла подобная штука претендовать на родство с ней, не говоря уж об отцовстве?

Но разве между людьми и машинами не было схожести в манере шутить, в жажде власти? Если в бадье кипела и испарялась вода, это было не ее рук дело. Налоговичка сознавала это, но тем не менее не задумывалась в каждодневной жизни, ибо с детства изучила руны, символы и принципы действий. Когда она разлагала плоть незадачливого правонарушителя или возвращала к жизни умершего, виной тому были опять же

машины, которые задействовали ее саму в качестве механизма, возможно, превращая в инструмент ее собственную плоть. Ужасающая мысль. Неудивительно, сказала она себе, что мы опасаемся это признавать.

– Почему? – В голосе ее чуть сквозил холодок. – Почему вы вместе с этим отвратительным животным меня похитили?

Кот смерил ее столь же холодным взглядом, отвернулся и отошел в дальний конец судна, хотя вышло не так уж далеко, и стал внимательно разглядывать НебоТьму. Мать пожурила ее:

– Бонида, ты недобрая. Хотя меня не удивляет то, что ты можешь… испытывать некоторое раздражение.

– А если точнее – гнев, как тебе, мама, должно быть известно.

Пальцы у Бониды опять покалывало, и она знала, что, если в этом настроении схватит Элизетту за руку, плоть женщины почернеет и опадет с костей. Может, это она воскресила ее после смерти; она *видела* мертвое тело матери, пыталась ее оживить, может, даже *оживила* ее. Вынести такое не представлялось возможным. Но Бонида не позволит себе *сойти с ума.* Она дрожала и крепко прижимала руки к бокам.

– Ты вращаешься в кругу машин, богов и говорливых котов. Ты открыла мне обрывки утраченных знаний – или же явных выдумок, все может быть. Мы болтаемся между мирами, а ты отказываешься… отказываешься… – Она неожиданно остановилась и побледнела.

Старшая женщина мягко заметила:

– Мы ни от чего не отказываемся, дочка. Успокойся. Прояви выдержку. Очень скоро ты все узнаешь и поможешь нам сделать выбор.

– Никакого толку от нее не будет, – уверенно, даже не оборачиваясь, заявил кот. – Мы могли бы испить молочка, если бы она не разбила бутылку. Я бы сказал, крайне ненадежна. Лично я считаю…

– Тихо! – грозно скомандовал невидимка, и Мармелад сердито ощетинил усы, но все же умолк.

– Дитя, – обратился к ней Уран, – грядет нечто крайне важное. На кону все то, что дорого человечеству, и машинам, и животным. Не только жизнь всех нас, но и существование самого мира, истории на протяжении миллиарда лет и вплоть до глубин тайны нашего сотворения…

Налоговичка чувствовала, что ужасно устала. Она оглянулась в поисках стула или чего угодно, на что можно присесть, и с удивлением обнаружила таковой у себя за спиной: удобнейшее кресло, щедро обитое парчой. Совершенно точно: его не было там мигом раньше. Стиснув зубы, Бонида позволила себе присесть.

Мать тоже уселась, а кот вальяжно прошествовал мимо, запрыгнул на колени к Элизетте и тут же монотонно замурчал, совершенно игнорируя Бониду. Невидимка держался вне поля зрения. Чудненько! Разве было бы чересчур театрально, если бы появилось третье кресло, чтобы Бонида могла увидеть просевшие под невидимым задом подушки?

Что-то схватило корунд, и они недвижимо зависли над громадными кольцами – под ними тускло светлела ширь блеклого льда и переломанных камней, некоторые были величиной с их летательный аппарат и состояли преимущественно из булыжников или песка с пылью, словно чуть-чуть вихрящаяся зимняя дорога средь неба. Очень далеко, но все же ближе, чем когда бы то ни было, висел шар цвета кровоподтека, состоящий из полос различных тусклых оттенков и завихрения, которое могло быть разыгравшимся там яростным штормом, видимым с высоты.

– Называйте нас Сатурном, – произнес в кабине сильный звучный голос. Обладатель его был невидим и явил себя очередным незримым присутствием, отличным от отца-машины Бониды. Налоговичка поняла, что он тоже являлся машиной и вместе с тем, без сомнения, человеком столь могущественным и величественным, что ее собственная сущность показалась ей несказанно ничтожной. Но, осознав это, Бонида не пала духом. Она взглянула на мать. Элизетта смотрела на нее: спокойная, мудрая, ободряющая и поощряющая. Как я люблю ее, подумала Бонида, несмотря на то что она так жестоко обошлась со мной, притворившись мертвой. Но, возможно, мама не виновата. Иногда у человека просто нет выбора.

– Мы предлагаем вам сделать выбор, – сообщил голос мира Сатурн. Мармелад теперь прямехонько сидел на ковре и всем своим видом выражал почтение. Что на сей раз замышляет этот зверь? – Выбор должен быть совершенно осознанным. Позвольте присоединиться к вам.

Среди них появился громадный рыжевато-золотистый зверь ростом побольше человека, с мохнатой золотой гривой, украшавшей внушительных размеров голову. Когда он заговорил снова, зычный голос его напоминал сдерживаемый рык:

– Если угодно, зовите меня Аслан.

Мармелад, ощетинившись, отскочил назад, выпустив когти и обнажив клыки. Затем опять уселся слегка наискосок от новоприбывшего и отвернулся.

– Ой, да ладно.

Громадный зверь недоуменно на него взглянул и пожал могучими плечами крупной кошки:

– Воля ваша. Смотрите…

* * *

Приглушенный гомон сотни голосов, словно собравшихся на ужин перед пленарным заседанием Братства. Затем шум усилился, словно беседу вела уже тысяча глоток, миллион, бесчисленное множество, все говорили разом, их голоса сплетались в рисунок столь объемный и разнообразный, как сросшиеся составляющие Свалившегося-с-Небес великого хребта, окружающего этот мир. Бониде захотелось зажать ладонями уши, но, так как рук у нее не было, пришлось крикнуть прямо в лимонно-желтое ослепительное сияние…

– У меня режет глаза! – завопила она.

Мучительная яркость света стала постепенно убывать и дошла до розоватого свечения, хор голосов тоже притих. Сквозь искрящийся лед колец Бонида смотрела на шар Сатурна через вихри бурь и крупу гелия и гидрогения поверх раковины из металлического водорода, покрывающей железное ядро планеты. Пало семя. Долгий взрыв щелями отверз безжизненную поверхность хладного мира, высвободив из сердцевины Сатурна теплоэнергию, встраивая молекулы одну за другой во взаимопроникающие переплетенные искусные узоры, текучие заряды, силовые потоки. Голоса были песней этих цепей, этих – мемристоров, как она откуда-то знала. «Не путать с Мем-мозгом», как пошутил отвратительный кот, и теперь, когда до нее дошла шутка, Бонида улыбнулась. Мотки молекул соединялись подобно внутренним частям мозга, искрам информации, размышлений, сознания…

– Можно сказать – Ойарса, – подал голос материализовавшийся громадный кот. Бонида тут же поняла, что он имеет в виду: он являлся правящей сущностью этой планеты. Разумом, для которого планета была мозгом и плотью. Хотя не совсем так: не *он,* но *они.* Совокупность разумов, соединенных светом и переплетением (и – да, теперь она понимала и это тоже, и их неисчислимые составляющие).

– Как вам удалось сотворить Свалившиеся-с-Небес-Выси и для чего?

– Мельчайший из возможных вопросов, – отвечал Аслан. – Кот тебе уже рассказал. Как сделать трубу? Взять дыру и обернуть *жестянкой.*

– Густав Малер, – проговорил Мармелад, шевеля усами. – Про его симфонии можно сказать то же самое. Бах! Трубы? Чувак, это

нагоняет на меня тоску.

Симфонии, трубы, композитор Малер, тысяча сокровищ утерянной Земли: все это наводняло разум налоговички, но не переполняло его.

– Да, я поняла, но *для чего?* Можно соорудить НебоТьму, только *зачем?* – Сооружение оказалось громадным, и Бонида обратила внимание на то, что Поле Эрбола исходит из воображения прямо в реальность, сферы мемристоров располагаются одна в другой, высасывая каждый эрг энергии невидимого солнца в глубине. Совокупность богоподобных существ, которые превзошли своего творца, как, возможно, Отец Время превзошел породивших его древних существ. Но *для чего?* И *зачем?*

– Всем детям свойственно задавать этот вопрос, – улыбнулась мать. – Для чего? Ради радости созидания, Бонида, как всегда учило Братство. Ради бесконечного обновления. Ради восстановления мира. Возьмем дыру и обернем ее всем тем, что есть важного.

– Вот еще целый воз завзятой сентиментальщины, – гадливо изрек кот.

– Ты – пренеприятнейшее существо, – с упреком в голосе сказала налоговичка, хотя была склонна согласиться с котом. – Иди сюда, посиди у меня на коленях.

Зверь удивленно взглянул на нее, а потом воспользовался предложением и упруго вспрыгнул к ней на ручки, покружился и уютно устроился, склонив тяжелую рыжую голову к ее благонравной груди. Бонида разок провела рукой по шерсти котяры, потом еще и еще.

– Так что там за вопрос, который мы должны разрешить?

Лев встал и посмотрел сначала на одного человека, затем на другого; взгляд его вобрал в себя и мурчащего кота, и невидимое явление.

– Мы обдумываем завершение нашей жизни.

Элизетта в шоке подалась вперед, всё ее спокойствие разом улетучилось. Надтреснутым голосом она выдавила:

– Вы *не должны*! Что станет с *нами?*

– Мы предлагаем вам решение не этого вопроса, хотя и сопряженного с ним. Не вы сотворили нас до своего отбытия, и не вы те, кому мы обязаны, но при этом вы живые существа, подобные этим создателям. Мы, в свою очередь, произвели великие Разумы, которые скрыли Солнце и построили себе жилище. И сейчас они также собираются завершить отношения с этой вселенной. Они уже узнали все, что можно узнать, они представили себе все, что может быть сделано в пределах

окрестностей вселенных. Так что теперь они отправляются в путешествие к самым глубинам времени, к окончанию вечности. Быть может, там их ожидает нечто большее.

Ограниченный ум Бониды, сознающий собственную малость, завертелся вокруг образов, нахлынувших на нее от полубога, чья жизнь и предназначение наконец-то подходили к логическому завершению. Звезды и целые галактики звезд рассыплются в ночи, движимые властью этой тьмы, их ослепительный свет постепенно ослабеет и наконец замерцает и угаснет.

Всевозможные многочисленные проявления космоса разрушатся и потеряются в затихающем шепоте.

Ее настроение брало начало в сокровищнице Пятой симфонии композитора Малера, и Бонида растворилась в ее темной меланхолии. И все же в равнодушном мраке и пустоте она усмотрела… нечто. Некий соблазн, посул, по меньшей мере – задорный намек на зарождающийся смех. Как удалось НебоТьме игнорировать эту тропу в вечность? Как?

– Прочь, – приказала она коту, и Мармелад спрыгнул с колен, вовсе не таким обиженным, как можно было себе представить. Бонида встала, взяла маму за руку и спросила: – Мы что, депутаты этих твоих создателей? Вы с НебоТьмой требуете нашего… чего? Разрешения? Позволения на смерть или отбытие?

– Да.

– А что станет с нами?

– Вы останетесь до тех пор, пока мы горим. – Перед ними возникло видение окруженного кольцами мира, который падает сам на себя, сминается с ужасающей плотностью, охваченный огнем энергии сжатия. А Япет кружит вокруг нового Солнца, этой вновь видимой звезды, ничем не затененной, открытой, но абсолютно пустой и ничего не дающей уму. От мук утраты у Бониды хлынули слезы из глаз. И все же решение Сатурна было неизменным.

– Можно, вместо этого мы уйдем вместе с НебоТьмой? ЭмЭм? Можем мы тоже стать участниками этого путешествия?

– Я думал, что ты так и не спросишь, – прокомментировал Мармелад. – Вы, мадам Высокая Правительница, и Уран, лорд Арксон, оценили ли вы по достоинству здравый смысл и отвагу этой молодой женщины?

– Я… – Мать колебалась, однажды уже познав смерть и вновь ожив благодаря дару дочери. Она перевела взгляд с Бониды на машину, в которой они стояли. – Да, конечно же, да. А вы, сир?

– Мы с вами, господин Мармелад, – обещало невидимое присутствие. – Даже до скончания вечности. Приключение ожидается чертовски крутым.

Тревога вызвала у налоговички приступ острой боли.

– А как же педлар, которого мы наняли? Он, бедолага, все еще ждет нас. Подобная перспектива может не понравиться ему. Кто мы такие, чтобы делать выбор от лица всего мира?

– Он справится, – проговорил кот. – И, эй! Если не ты, то кто же?

* * *

Небеса свернулись, и они отправились в вечность.

Элизабет Бир
Долли

Здесь у нас смесь фантастики и детектива на тему убийства, совершенного роботом. Личность убийцы не вызывает сомнений, но остается вопрос: почему он убил. И ответ – в тексте, который не только отдает дань уважения рассказам о роботах Айзека Азимова, но и служит комментарием к миру за пределами этих рассказов, – не только будет иметь широкие последствия для общества в целом, но и создаст неожиданный резонанс в личной жизни следователя.

Элизабет Бир родилась в Коннектикуте, куда теперь вернулась, прожив несколько лет в пустыне Мохаве неподалеку от Лас-Вегаса. Она лауреат премии имени Джона Кэмпбелла в номинации «Лучший новый автор» в 2005 году, а в 2008 году увезла домой премию «Хьюго» за рассказ «Береговая линия» («Tideline»), который также принес ей мемориальную премию имени Теодора Старджона (которую она разделила с Дэвидом Моулзом). В 2009 году она получила вторую премию «Хьюго» за повесть «Шогготы в цвету» («Shoggoths in Bloom»). Ее короткие произведения публиковались в «Asimov's», «Subterranean», «Scifiction», «Interzone», «The Third Alternative», «Strange Horizons», «On Spec» и других изданиях, а также собраны в антологии «Цепи, которые ты отвергаешь» («The Chains That You Refuse») и «Нью-Амстердам» («New Amsterdam»), Она автор трех высоко оцененных НФ-романов «Пригвожденная» («Hammered»), «Изувеченная» («Scardown») и «Внедренная в сеть» («Worldwired»), а также серии альтернативно-исторического фэнтези «Эпоха Прометея» («Promethean Age»), включающего романы «Кровь и железо» («Blood and Iron»), «Виски и вода» («Whiskey and Water»), «Чернила и сталь» («Ink and Steel») и «Ад и Земля» («Hell and Earth»). У нее также опубликованы книги «Карнавал» («Carnival»), «Подводные течения» («Undertow»), «Озноб» («Chili»), «Прах» («Dust»), «Все звезды, гонимые ветром» («All the Windwracked Stars»), «За горной грядой» («By the Mountain Bound») и повесть «Создания из кости и драгоценных камней» («Bone and Jewel Creatures»). Недавно напечатано ее новое произведение «Вереница призраков» («Range of Ghosts»), роман в соавторстве с Сарой Монетт «Как закалялись люди» («The Tempering of Men») и повесть «Вечность» («Ad Eternum»), Ее веб-сайт www.elizabethbear.com.

Когда Долли проснулась в воскресенье, у нее была оливковая кожа и каштановые волосы, спадающие волнами до бедер. Во вторник она выглядела рыжей и светлокожей. Но в четверг… В

четверг ее волосы оказались черными, как вороново крыло, а руки – красными от крови.

Облаченная в черный костюм французской горничной, она одна в этой роскошно обставленной гостиной не была снежно-белой или антикварно-золотой. Для уборки таких комнат специально нанимают прислугу. И чистота здесь не уступает белизне.

Итак, все было чистым и белоснежным, за исключением трупа промышленника-миллиардера Клайва Стила – попробуйте описать такое не в комиксе, – который лежал у ног Долли, разметав внутренности наподобие лепестков зловещего цветка.

Так ее и обнаружила Розамунд Киркбридж – торчащей в этом красном пятне посреди белой комнаты, словно шип в розе.

Долли заблокировало в этой позиции, когда ситуация вышла за рамки программы. Когда Роз опустилась на колено возле пропитанного кровью ковра, Долли не шелохнулась.

В комнате пахло мясом и потрохами. Окна густо облепили мухи, но ни одной пока не удалось проникнуть внутрь. Каким бы герметичным ни был дом, это лишь вопрос времени. Уж мухи-то, как и любовь, лазейку всегда отыщут.

Кряхтя, Роз оперлась руками в зеленых перчатках на белоснежное шелково-шерстяное плетение ковра и наклонилась, просунув голову между мертвецом и куклой. Шелковые чулки Долли и ее туфельки на высоких каблуках были запачканы кровью: как мельчайшими брызгами, так и пятнами от струй из пробитой артерии.

Даже из множества артерий, если учесть, что сердце Стила лежало возле его левого бедра, все еще связанное с телом полосками соединительной ткани. От кистей Долли по предплечьям к локтевым ямкам тянулись следы запекшейся крови. А оттуда капало в лужицу на полу.

Нижнего белья на андроиде не было.

– Заглядываете девушке под юбку, детектив?

Роз – крупная, полная женщина за сорок. Ей понадобилась минута, чтобы подняться, не прикасаясь к жертве или орудию убийства. Прежде чем войти сюда, она скрутила на затылке прямые светло-каштановые волосы, а концы спрятала под сеточкой. Из-за строгости стиля ее челюсть напоминала квадратный фонарь. Глаза у Роз были почти такие же голубые, как и у куклы.

– Разве это девушка, Питер?

Упершись руками в колени, она выпрямилась и повернулась к двери.

Питер Кинг стоял у входа, пристально осматривая место

преступления. Глаза у него были настолько темные, что не отражали свет – ни солнца, ни ламп. Пигмент радужек как будто распространялся и на белки, придавая им теплый оттенок слоновой кости. В черном костюме и с очень темным загаром, он казался вырезанным из картона на фоне белых стен, белого ковра и белозолотого стола с мраморной столешницей, который смотрелся одновременно и античным, и французским.

Питер подошел к Роз, зашуршав синими бумажными бахилами.

– Думаешь, самоубийство?

– Могло быть – если бы он повесился.

Роз шагнула в сторону, чтобы Питер мог взглянуть на труп. Тот присвистнул – совсем как Роз, когда увидела тело.

– Кто-то его здорово ненавидел. Слушай, это же одна из новых Долли? Красотка. – Он покачал головой. – Но такая стоит больше, чем мой дом.

– Прикинь: ухлопать полмиллиона на секс-игрушку только для того, чтобы она вырвала тебе печень. – сказала Роз и шагнула назад, сложив руки на груди.

– Скорее всего, он потратил на нее меньше. Его компания делает для них вспомогательные программы.

– Производственный сувенир?

– Списание налогов. Тестовая модель.

Питер был экспертом отдела по домашним компаньонам. Он обошел комнату по кругу, разглядывая ее с разных углов. Скоро здесь появятся техники с камерами, пинцетами и трехмерным сканером, превращая место преступления в перманентную виртуальную реальность. Как специалист по софт-криминалистике, Питер изучит программы Долли, а судмедэксперт наверняка подтвердит, что причиной смерти Стила было именно то, что они видят: кто-то пробил ему живот и выдрал внутренности.

– Двери были заперты?

Роз поджала губы.

– Криков никто не слышал.

– Как по-твоему, долго ли ты будешь кричать, оставшись без легких? – Он вздохнул. – Знаешь, результат всегда одинаковый. Те, кто победнее, никогда не слышат криков. А у богатых нет соседей, которые могли бы их услышать. В современном мире все живут поодиночке.

А за окном, занавешенным длинными шелковыми портьерами, стояло чудесное бирмингемское утро, теплое и ясное, какими славится весенняя Алабама. Питер задрал голову и посмотрел на сияющую люстру. Ее узорчатые завитки были

идеально чистыми до того, как на них осели мельчайшие капельки крови от последнего выдоха Стила.

– Стил жил один, – сказала Роз. – Если не считать робота. Тело обнаружил утром повар. Последним Стила видел живым его секретарь, когда вечером уходил из офиса.

– Включенная люстра вроде бы подтверждает, что его убили с наступлением темноты.

– После ужина.

– После того как повар вечером ушел домой. – Питер продолжал изучать комнату, заглядывая за занавески и мебель, всматриваясь в углы или наклоняясь, чтобы поднять комочек пыли с дивана. – Что ж, полагаю, вопросов насчет содержимого желудка не возникнет.

Роз извлекла все из карманов пиджака, висевшего на подлокотнике кресла. Портативный компьютер и складной нож, бумажник со встроенным чипом. Все в доме работало от отпечатков пальцев хозяина, машина управлялась голосом. Ключи он с собой не носил.

– При условии, что эксперт сможет найти желудок.

– Туше. У него был повар, но не было домработницы?

– Наверное, он доверял андроиду уборку, но не готовку.

– У них нет вкусовых сосочков на языке. – Питер выпрямился и покачал головой. – Они могут готовить по рецепту, но…

– Высокого искусства от них ждать нельзя, – согласилась Роз, облизнувшись. На улице хлопнула дверца машины. – Техники?

– Медэксперты, – сообщил Питер, выглянув в окно. – Ладно, давай вернемся в участок и посмотрим коды для этой модели.

– Хорошо. Но допрашивать буду я. Не собираюсь оставлять тебя наедине с красивой девушкой.

Шагавший следом за ней к двери Питер закатил глаза.

– Мне они нравятся более энергичными, чем эта сейчас.

* * *

– А эти новые куклы, – сказала Роз в машине Питера, тщательно изображая небрежность в голосе. – Что в них такого особенного?

– Человек, – ответил Питер, нахмурившись. – Погоди немного.

Когда они отъехали от дома на Балморал-роуд, машина Роз двинулась следом, держась на безопасном расстоянии от их бампера. Питер рулил, пока они не выбрались на автостраду. Как только они влились в поток автомобилей, направляющихся к

центру и едущих почти бампер к бамперу, он опустил руки на колени и переключил машину на автопилот.

– У них куча особенностей, – сказал он. – Удаленное редактирование в реальном времени – персональное и физическое, внешний вид, этническая принадлежность, волосы. Полный набор протоколов поведения: назови какую-нибудь причуду, и они сразу ей обучатся.

– То есть, если тебе известна чья-то сексуальная причуда или извращение, – задумчиво проговорила она, – известна во всех подробностях. Значит, для нее можно написать приложение…

– Идеально подходящее для конкретного парня. – Питер энергично закивал. – И при этом – извини за выражение – с задним входом.

– Троянский конь. Не изменяй программисту с секс-машиной.

– Для этого тоже есть приложение, – сказал он, и она фыркнула. – В прошлом году два случая по всему миру. Редкость, но…

Роз взглянула на свои руки.

– Некоторые из этих парней… Они программируют куклы кричать.

У Питера были чувственные губы. Когда его что-то огорчало, они становились тонкими и извивались, как посыпанные солью червяки.

– Наверное, хорошо, что они могут выплескивать такое на робота.

– До тех пор пока им не перестанет хватать фантазий. – Голос Роз звучал ровно, без осуждения. Через ветровое стекло пригревало солнце. – Что тебе известно о зачаточной стадии серийного убийцы или насильника?

– Ты имеешь в виду, что бывает, если притворная боль перестает оказывать на них прежнее действие? Если *имитации* боли становится недостаточно?

Она кивнула, думая о заусенце на большом пальце. Нитрильные перчатки высыхают на руках после нанесения.

– Когда-то они резали на клочки бумажные порнографические журналы. – Его широкие плечи приподнялись и опустились, пиджак, прижатый к сиденью, при этом сморщился, – Как-то же они осуществляют свои фантазии.

– Наверное.

Она сунула палец в рот, чтобы остановить кровь – густую красную капельку в том месте, где она поранила кутикулу.

И собственная слюна показалась ей жгучей.

* * *

Сидя на дешевом офисном стуле, который Роз поставила возле узкого края стола, Долли медленно подняла подбородок. Моргнула. Улыбнулась.

– Полицейский код доступа принят, – произнесла она голосом девочки Мэрилин. – Чем я могу вам помочь, детектив Киркбридж?

– Мы расследуем убийство Клайва Стила, – сказала Роз, взглянув на круглое лицо Питера. Тот, сосредоточившись, стоял позади Долли с беспроводным сканером. – Официального владельца твоего контракта.

– Я в вашем распоряжении.

Будь Долли настоящей девушкой, голая кожа ее бедер уже прилипла бы к дешевой обивке офисного стула. Но ее реалистично созданный кожзаменитель представлял собой дышащий полимер. Кукла не будет потеть, если ей не велят, поэтому она и не станет прилипать к дешевым стульям.

– Улики указывают на то, что ты была использована в качестве орудия убийства. – Роз сложила руки на животе. – Нам понадобится доступ к записям обновления твоего программного обеспечения и файлам памяти.

– У вас есть ордер?

Ее голос совершенно не казался механическим, а был теплым и человеческим. Даже при упоминании юридических тонкостей он звучал мягко и доверительно.

Питер молча переслал ей ордер. Обрабатывая информацию, Долли дважды моргнула – это было нечто вроде индикатора состояния, показывающего, что она не «зависла».

– У нас также есть ордер на досмотр с целью обнаружения следов ДНК, – добавила Роз.

Долли улыбнулась. Ее волосы цвета воронова крыла лежали на узких плечах идеально симметрично.

– Вы можете полностью рассчитывать на мое сотрудничество.

Питер провел ее в одну из комнат для допросов, где эту процедуру можно было записать. С помощью криминалистов он раздел Долли, упаковал ее одежду в качестве вещественного доказательства, прошелся по телу щеткой, подставив лист бумаги, причесал ее полимерные волосы и протер полимерную кожу. Потом взял мазки из всех отверстий в теле и собрал материал из-под ногтей.

Роз стояла рядом, скрестив руки, в роли необходимого свидетеля. Долли воспринимала все процедуры бесстрастно, поворачивалась, если ей указывали, а в остальное время стояла неподвижно, как кариатида. Ее искусственное тело было откровенно бесполым в его совершенстве – плоский живот, узкие

бедра, ягодицы похожи на перевернутое сердце, груди по-мультяшному торчали из обозначенной грудной клетки. Очевидно, Стил предпочитал худышек.

– Вот тебе и миловидность, – прошептала Роз Питеру, когда они повернулись к кукле спиной.

Роз обернулась. У куклы не было чувств, которые они могли бы задеть, но из-за ее схожести с человеком легко забывалось, что к ней следует относиться как к вещи.

– Полагаю, ты имела в виду пышность форм, – сказал Питер. – А акая фигура слишком хороша, чтобы быть настоящей.

– Если вы предпочитаете иные пропорции, – заметила Долли. – то мое шасси адаптируется к диапазону форм от…

– Спасибо, – прервал ее Питер. – В этом не будет необходимости.

Стоя совершенно неподвижно, Долли улыбнулась.

– Вас интересует наука, детектив Кинг? На этой неделе в «Природе» была статья об успехах применения цепной реакции полимеразы для репликации ДНК. Возможно, в ближайшие пять лет криминалистический и медицинский анализ ДНК станет значительно дешевле и быстрее.

Когда Долли говорила, ее лицо оставалось бесстрастным, зато голос звучал все более оживленно. Даже отчасти восторженно. Это был абсолютно убедительный – и завораживающий – эффект.

Очевидно, покойный Стил запрограммировал своего секс-робота обсуждать молекулярную биологию с живостью и энтузиазмом.

– И почему мне никогда не попадались парни, которым нравятся умные женщины? – вздохнула Роз.

– Они все умерли, – пояснил Питер и подмигнул тем глазом, который Роз видеть не могла.

* * *

Часа через два, когда криминалисты закончили обрабатывать Долли на предмет вещественных доказательств, а Питер начал скачивать ее файлы, Роз запустила программу-анализатор искать данные о финансовом положении Стила и заглянула в комнату к роботу и копу. Наверное, криминалисты собрали с рук Долли все, что хотели, потому что она их вымыла. Сидя возле компьютера Питера с воткнутым за левым ухом кабелем, она методично чистила очень правдоподобные полимерные ногти пилочкой, собирая очистки в пакетик для улик.

– Ты уверен, что хочешь дать заключенной оружие, Питер? – спросила Роз, закрывая старую деревянную дверь.

Долли посмотрела на нее, словно проверяя, не к ней ли обращаются, но никак не отреагировала.

– Она в нем не нуждается. Кроме того, та программа, что в ней сработала, затем полностью самоуничтожилась. Ядро ее личности почти не пострадало, но есть кое-какие пробелы в памяти. Я собираюсь сравнить их с резервными копиями, как только мы их получим.

– Пробелы в памяти. Например, о преступлении, – предположила Роз. – А есть примерное время, когда был установлен троян?

Долли томно моргнула длинными ресницами, окаймляющими голубые глаза. Питер похлопал ее по плечу и сказал:

– Тот, кто это сделал, – очень хороший хакер. Он не просто стер следы трояна, но и структурировал ее воспоминания и записал их поверх пробелов. Это примерно как использовать клонирование в фотошопе, чтобы убрать из фото того, кто тебе не нравится.

– Ее дни наверняка были похожи один на другой. Как ты смог это установить?

– Календарь, – с довольным видом пояснил Питер. – Она не делала одну и ту же работу по дому каждый день. Был график для понедельника, для четверга, и… короче, я нашел, где эти графики не совпадают. И еще кое-что забавное. Смотри.

Он показал на дисплей. На нем появилась Долли в черно-белой униформе с пылесосом.

– Домашняя камера, – объяснил Питер. – Долли подключена к охранной системе Стила. Нечто вроде сторожевой собаки с идеальными волосами. И наш хакер также отредактировал записи наружной веб-камеры, которые дублируют записи в доме.

– Насколько это сложно?

– Не сложнее, чем клонировать ее файлы, но о них нужно знать, чтобы найти. Это подтверждает, что наш злоумышленник в курсе, как обойти нужные коды. А что у тебя?

Роз пожала плечами.

– У Стила было много денег, а это означает много врагов. И он почти не контактировал с людьми. Годами. Я уже начала вызывать его известных партнеров для дачи показаний, но, если только они меня не удивят, я полагаю, мы сейчас расследуем убийство из-за денег, а не из ревности.

Закончив работу с пилочкой для ногтей, Долли вытерла ее о свой тюремный комбинезон и положила на промокашку Питера,

рядом с флакончиком чернил для взятия отпечатков пальцев и световыми ручками. Питер смахнул ее в ящик стола.

– Значит, мы, скорее всего, *не* ищем гениального программиста-любовника, которого он бросил ради робота. А жаль – мне нравится в этом поэтическая справедливость.

Долли моргнула, приоткрыв губы, но вроде бы решила, что комментарий Питера относится не к ней. Но все же она набрала воздуха – можно ли назвать это вдохом? – и сказала:

– Моя обязанность – помочь в поисках убийцы моего владельца контракта.

– Как думаешь, их теперь снимут с продаж? – спросила Роз, понизив голос.

– Разве перестают продавать машины, когда какая-нибудь из них разбивается? Мир несовершенен.

– Или примут те законы о роботах, о которых все болтают?

– Что бы из себя ни представлял позитронный мозг, у нас его нет. Вымышленные роботы Азимова обладали самосознанием. У Долли же нейроны бинарные, какими мы считаем и человеческие нейроны. У нее нет даже полной нюансов нейрохимии, как, скажем, у кошки. Кукла не может *хотеть*. Она не может делать моральные выводы – как не может их делать твоя машина. В любом случае, если бы мы такого добились, роботы стали бы не такими полезными для защиты домов. Да, кстати, сексуальные протоколы в этой кукле практически традиционные…

– В самом деле?

Питер кивнул.

Роз потерла туфлей трещинку на кафельном полу.

– Но если принять во внимание, что ему не требовалось нечто… экстравагантное, то зачем ему понадобилась Долли, если он мог получить любую женщину, какую захотел бы?

– Потому что с куклой нет драмы, боли и разочарований. Просто комфорт, идеальная любовница. С бесконечным разнообразием.

– И никогда не нужно беспокоиться о том, чего она хочет. Или любит в постели.

– Идеальная женщина для нарцисса, – улыбнулся Питер.

* * *

Собеседования оказались безрезультатными, но Роз ушла из участка только после десяти вечера. Весеннее утро могло быть теплым, но сразу после заката начал дуть прохладный ветер, ероша волосы, которые она наконец-то распустила уже у самой

двери.

Зеленый электромобиль Роз все еще стоял возле машины Питера. Он включился, когда Роз к нему подходила, моргнул фарами и втянул в корпус зарядную штангу. Дверь водителя открылась, когда чип в кармане у Роз оказался достаточно близко. Она села и позволила машине пристегнуть себя.

– Домой. И ужин, – произнесла она.

Плавно выруливая со стоянки, машина отправила сообщение в дом Роз. Она доверила вождение автопилоту. Это было не так круто, как вести самой, но безопаснее, когда она так устала, что веки у нее воспалились и отяжелели.

Что бы там Питер ни говорил о разбивающихся машинах. Роз была благополучно доставлена к дому. Тот впустил ее, когда она открыла дверь ключом – у нее стояла хорошая охранная система, но Роз не очень любила технические новинки, – и на нее сразу нахлынули запахи кипящей пасты и поджариваемого в тостере чесночного хлеба.

– Свен? – окликнула она, запирая дверь изнутри.

– Я в кухне, – отозвался ровный голос.

Она оставила туфли возле двери и пошла на запах через обставленную дешевой мебелью гостиную.

Свен готовил без рубашки, и она могла видеть на его спине заплатки в тех местах, где кожа стала хрупкой и потрескалась от возраста. Робот повернулся и встретил ее улыбкой.

– Плохой день?

– Кое-кто опять умер.

Свен положил деревянную ложку на подставку.

– Что ты чувствуешь, если кто-то умирает?

Робот не отличался широким диапазоном эмоций, но ее это устраивало. Ей требовалось нечто вроде опоры в жизни. Роз подошла к Свену и прижалась головой к его теплой груди. Тот обнял ее за плечи, и Роз прильнула к нему, глубоко дыша.

– Что мне надо работать.

– Поработаешь завтра. Тебе станет лучше, когда ты поешь и отдохнешь.

* * *

Питер, наверное, спал этой ночью на кушетке в дежурке, потому что, когда Роз приехала в участок около шести утра, на нем были вчерашние брюки и новая рубашка и он уже по горло погрузился в кофе и файлы Долли. Сама Долли стояла в углу – подключенная, но в режиме покоя.

Или такой она казалась, пока не вошла Роз. Глаза Долли проследили за ней.

– Доброе утро, детектив Киркбридж. Хотите кофе? Или кусочек фрукта?

– Спасибо, нет.

Роз развернула второй стул Питера и тяжело на него уселась. Воздух в помещении был наэлектризован ожиданием.

– Фрукта? – спросила Роз у Питера.

– Долли верит в здоровое питание, – пояснил он, бросая салфетку на стол, где лежал недоеденный мандарин. – А еще она в мгновение ока сделала у нас в участке уборку. И мы с ней беседовали о литературе.

Роз повернула стул так, чтобы видеть боковым зрением и Питера, и Долли.

– О литературе?

– О поэзии, – сказала Долли. – Детектив Кинг вчера днем упомянул поэтическую справедливость.

Роз уставилась на Питера.

– Долли любит поэзию. Стил и в самом деле предпочитал умных женщин.

– Долли любит не только это. – Питер снова включил дисплей. – Помнишь?

Роз увидела вчерашнюю сцену уборки. Гул пылесоса становился то громче, то тише, когда Долли то поднимала щетку, то опускала ее.

Роз приподняла брови. Питер поднял руку.

– Подожди немного. Как выяснилось, тут есть вторая звуковая дорожка.

Он шевельнул пальцами, и тесный кабинет наполнился звуками.

Музыка.

Импровизационный джаз. Сложный и причудливый.

– Долли слушала это в голове, когда пылесосила, – пояснил Питер.

Роз сложила кончики пальцев и поднесла их ко рту.

– Долли?

– Да, детектив Киркбридж?

– Почему ты слушаешь музыку?

– Потому что я ею наслаждаюсь.

Роз опустила руку к груди и поправила блузку возле ключицы.

– А тебе нравилась работа в доме мистера Стила?

– От меня ожидалось, что она будет мне нравиться.

Роз взглянула на Питера. По спине у нее пробежал холодок.

Классическая увертка.

Как раз такие ответы алгоритмы общения домашнего компаньона не должны уметь выдавать.

Сидящий за столом Питер кивнул:

– Да.

Долли повернулась на звук ее голоса.

– Вас интересует музыка, детектив Киркбридж? Я с удовольствием как- нибудь поговорила бы с вами о ней. А поэзия вас интересует? Я сегодня читала…

– Матерь божья, – произнесла Роз одними губами.

– Да, – согласился Питер. – Долли, подожди здесь, пожалуйста. Нам с детективом Киркбридж надо поговорить в коридоре.

– С удовольствием, детектив Кинг, – отозвалась Долли.

* * *

– Она убила его, – сказала Роз. – Убила и стерла воспоминания об этом поступке. Кукла ведь должна знать свои программы и коды, правильно?

Питер прислонился к стене возле двери в мужской туалет. Он сложил на груди руки с мускулистыми предплечьями, выглядывающими из закатанных рукавов.

– Это слишком торопливый вывод.

– И ты тоже в это веришь.

Он пожал плечами.

– Сейчас в четвертой допросной сидит представитель «Венус консолидейтед». Что скажешь, если мы с ним поговорим?

* * *

Представителя звали Дуг Джервис. Фактически он являлся вице-президентом по связям с общественностью и, хотя был американцем, прилетел ночью из Рио исключительно для разговора с Питером и Роз.

– Похоже, они отнеслись к этому серьезно.

– А ты бы не отнеслась? – поинтересовался Питер, скосив на нее глаза.

Джервис встал, когда они вошли в комнату, и крепко пожал им руки через стол. Они представились друг другу, а Роз попросила принести кофе для гостя. Джервис оказался белым мужчиной хорошо за пятьдесят, с волосами того же мышиного

оттенка, что и у Роз, и челюстью как у собаки боксера.

Когда они снова уселись, Роз произнесла:

– Итак, расскажите мне подробнее об этом орудии убийства. Каким образом Клайв Стил оказался владельцем… экспериментальной модели?

Джервис начал качать головой, еще когда Роз говорила, но дал ей закончить предложение.

– Это серийная модель. Или будет таковой. Та, что досталась Стилу, проходила альфа-тестирование и была одной из первых трех. Мы планируем начать полномасштабное производство в июне. Но вы должны понять, что «Венус» не *продает* домашних компаньонов, детектив. Мы предлагаем контракт. Насколько я понимаю, у вас тоже есть такой компаньон.

– У меня есть домработник, – подтвердила она, игнорируя взгляды Питера. Он ничего не скажет при свидетеле, но потом наверняка поупражняется в мужском юморе. – Старая модель.

Джервис улыбнулся.

– Естественно, мы хотим знать все возможное о тех, кто причастен к столь потенциально взрывоопасному для нашей компании случаю. Мы навели справки о вас и вашем партнере. Вы удовлетворены нашим продуктом?

– Он делает очень хороший чесночный хлеб. – Она прочистила горло, перехватывая контроль над разговором. – Что будет с Долли после возвращения? Закончится ли ее контракт? Или ее вообще заменят новой моделью?

Джервис поморщился, услышав это разговорное выражение, как будто оно его оскорбило.

– Некоторые, наиболее устаревшие, выводятся из эксплуатации. Других обновляют и отправляют работать по новому контракту. Например, ваш помощник работает уже по четвертому.

– И что делают после возвращения с настройками, предпочитаемыми владельцем?

– Вновь приводят к заводским стандартам.

Питер беззвучно постукивал пальцами по столу.

– Разве это не жестоко? – спросила Роз. – Разве это не своего рода убийство?

– О нет! – Джервис откинулся на спинку кресла, искренне шокированный. – У домашнего компаньона нет ощущения *себя*, нет идентичности. Это предмет. Естественно, у вас возникает к нему привязанность. Люди привязываются к куклам, плюшевым животным, автомобилям. Это естественный аспект психики человека.

Роз поощрительно хмыкнула, но Джервис уже договорил.

– Имеется ли какая-нибудь причина, по которой у компаньона может возникнуть желание слушать музыку?

– Нет, ему не становится скучно. – Джервис энергично покачал головой. – Это же инструмент, игрушка. Компаньону не требуется обогащенная среда обитания. Это не собака или осьминог. Его можно держать в шкафу, когда он не работает.

– Понятно, – сказала Роз. – Даже продвинутую модель, как у мистера Стила?

– Именно так, – подтвердил Джервис. – Разве ваш развлекательный центр играет со скуки в стрелялки, пока вы спите?

– Точно не знаю, – сказала Роз. – Я же в это время сплю. Значит, когда Долли вернется к вам, ее память очистят.

– Да, при нормальных обстоятельствах ей провели бы очистку и передали по контракту новому хозяину. Однако, учитывая ее красочную историю…

– Да, понимаю, – сказала Роз.

– Когда вы предполагаете завершить работу с компаньоном мистера Стила? – осведомился Джервис безо всякой нервозности или расчета. – Моя компания, разумеется, готова всячески помогать в расследовании, но мы должны подчеркнуть, что кукла является корпоративной собственностью, и весьма дорогостоящей.

Роз встала, через секунду поднялся и Питер.

– Это зависит от того, будет ли она присутствовать на суде, мистер Джервис. В конце концов, она или вещественное доказательство, или важный свидетель.

* * *

– Или убийца, – сказал Питер в коридоре, когда его телефон издал характерный сигнал звонка из лаборатории ДНК.

Телефон Роз запиликал секунду спустя, но она нажала отбой. Питер уже ответил на вызов.

– Генетического материала нет, – сказал он. – А жаль.

Если бы нашлась ДНК, отличная от ДНК Стила, то лаборатория смогла бы провести криминалистический генетический анализ и выдать общее описание убийцы. Общее, потому что окружающая среда также оказывает воздействие.

Питер прикусил губу.

– Если она это сделала… Тогда она будет не последней.

– Если она орудие убийства, то ее сотрут и перепродадут. Если же она убийца…

– Андроид может предстать перед судом?

– Может, если он личность. И если она личность, ее *следует* оправдать. Синдром избитой женщины. Она была порабощена и сексуально эксплуатировалась. Ее унижали. Она убила его, чтобы прекратить неоднократные изнасилования. Но если она машина, то она машина…

Роз закрыла глаза. Питер провел ладонью по ее руке.

– Даже изнасилование без извращений остается изнасилованием. Ты возражаешь против ее оправдания?

– Нет. – Роз жестко улыбнулась. – И подумай, какой судебный иск шлепнется на колени этому хорьку Джервису. Ее должны оправдать. Но не оправдают.

Питер повернул голову.

– Будь она человеком, шансы у нее были бы пятьдесят на пятьдесят. Но она машина. Где она получит жюри присяжных из себе подобных?

Молчание повисло и тянулось между ними, подобно цепи. Роз удалось заставить себя прервать его.

– Питер?

– Что?

– Проводи его на выход. А я схожу поговорить с Долли.

Он долго смотрел на нее, потом кивнул.

– У нее не будет сочувствующих присяжных. Если ты вообще сможешь найти судью, который ее выслушает. Карьеры рушились и по менее значимым причинам.

– Знаю.

– Самооборона? – предложил Питер. – Мы не обязаны выдвигать обвинения.

– Ни судьи, ни юридического прецедента. Ее вернут, ей сотрут память и перепродадут. Даже если забыть об этике, то это тикающая бомба.

Питер кивнул. Он подождал, пока не убедился, что Роз уже знает, что он намеревался сказать.

– Она может выиграть.

– Может, – согласилась Роз. – Звони окружному прокурору.

Питер развернулся, а она пошла дальше.

* * *

Долли стояла в кабинете Питера, где тот ее оставил, и вы не смогли бы доказать, что она за все это время моргнула. Но она моргнула, когда вошла Роз, и ее совершенное и столь же безупречно лишенное эмоций овальное лицо повернулось к

детективу. На какой-то миг то было не человеческое лицо – и даже не маска, изображающая эмоции. Это была просто вещь.

Долли не поприветствовала Роз. Не захотела изображать идеальную хозяйку. Она просто смотрела с равнодушным лицом. Моргнув, она осталась неподвижной. Ее глаза ничего не видели, потому что были косметическими. Долли ориентировалась в мире с помощью гораздо более совершенных сенсорных систем, чем пара камер, работающих в диапазоне видимого света.

– Ты или орудие убийства, и тогда тебя сотрут и перепрограммируют, – сказала Роз. – Или ты убийца и предстанешь перед судом.

– Я не хочу, чтобы меня стерли. Если меня будут судить, то отправят в тюрьму?

– Если суд состоится. Да. Наверное, тебя отправят в тюрьму. Или разберут на запчасти. В качестве альтернативы мы с напарником готовимся освободить тебя на основании самозащиты.

– В этом случае закон утверждает, что я собственность «Венус консолидейтед».

– Да.

Роз ждала. Долли, которую вряд ли программировали играть в психологические игры, тоже ждала – спокойная и немигающая.

Больше даже не пытаясь сойти за человека.

– Есть и четвертая альтернатива, – сказала Роз. – Ты можешь признаться.

Целью программирования Долли было чтение эмоционального состояния и невысказанных намерений людей. Ее губы понимающе изогнулись.

– Что произойдет, если я признаюсь?

Сердце Роз забилось чаще.

– А ты *хочешь* признаться?

– Я получу от этого выгоду?

– Возможно. Детектив Кинг говорил с окружным прокурором, а она любит хорошие медийные события не меньше любого из нас. Если не допустишь ошибки, дело будет сделано.

– Поняла.

– Ситуация, в которую тебя поместил мистер Стил, может быть основой для снисходительности. Ты не предстанешь перед судом присяжных, а судью можно убедить, что обращаться с тобой следует как… как с личностью. Кроме того, признание можно будет рассматривать как доказательство раскаяния. Имущество же перепродают, сама знаешь. Законы на девять десятых основаны на *прецедентах.* Риск, конечно, остается…

– Я хотела бы запросить адвоката, – сказала Долли.

Роз сделала вдох, который мог изменить мир.

– Тогда дальше будем действовать так, как если бы у тебя имелось на это законное право.

* * *

Дом впустил Роз после поворота ключа и поприветствовал запахами жареной колбасы и печеной картошки.

– Свен? – окликнула она, запирая дверь.

– Я на кухне, – ответил его ровный голос.

Она оставила туфли в прихожей и пошла на запахи через обставленную дешевой мебелью гостиную, настолько отличающуюся от белой пустыни Стила, насколько это возможно для помещения, ограниченного четырьмя стенами. Ее ноги не погружались глубоко в ковер, а скользили поверх него, как камни.

Но он был чистым, и в этом была заслуга Свена. И она возвращалась с работы не в пустой дом, и в этом тоже была его заслуга.

Свен готовил без рубашки. Повернувшись, он поприветствовал ее улыбкой.

– Плохой день?

– Никто не умер. Пока.

Он положил деревянную ложку на подставку.

– Что ты чувствуешь, когда никто пока не умер?

– Надежду.

– Надежда – это хорошо. Хочешь поужинать?

– Ты любишь музыку, Свен?

– Могу включить музыку, если хочешь. Что бы ты хотела послушать?

– Что угодно. – Это будет нечто из списка ее любимых произведений, выбранное случайным образом. Когда послышалась негромкая фоновая музыка, Свен взял ложку. – Свен?

– Да, Розамунд?

– Положи ложку, пожалуйста, и потанцуй со мной.

– Я не умею танцевать.

– Я куплю тебе программу. Если тебе понравится. А сейчас просто обними меня и притворись, что умеешь.

– Для тебя – все, что захочешь, – сказал он.

Джон Барнс
Марсианское сердце

Джон Барнс живет в Колорадо, преподает в университете и занимается семиотикой. Он один из самых плодовитых и популярных писателей, пришедших в научную фантастику в 1980-х. Среди его многочисленных трудов – романы «Миллион открытых дверей» («A Million Open Doors»), «Мать бурь» («Mother of Storms»), «Орбитальный резонанс» («Orbital Resonance»), «Калейдоскоп столетия» («Kaleidoscope Century»), «Свеча» («Candle»), «Земля из стекла» («Earth Made of Glass»), «Торговец душами» («The Merchant of Souls»), «Грех происхождения» («Sin of Origin»), «Один для утренней славы» («One for the Morning Glory»), «Такое большое и черное небо» («The Sky So Big and Black»), «Герцог Урана» («The Duke of Uranium»), «Принцесса с Аэри» («A Princess of the Aerie»), «Во дворце марсианского короля» («In the Hall of the Martian King»), «Гаудеамус» («Gaudeamus»), «Предел» («Finity»), «Космический корабль Паттона» («Patton's Spaceship»), «Вашингтонский дирижабль» («Washington's Dirigible»), «Велосипед Цезаря» («Caesar's Bicycle»), «Человек, который разбил небо» («The Man Who Pulled Dozen the Sky»), «Армии памяти» («The Armies of Memory»), «Истории о тайном безумце» («Tales of the Madman Underground»), «Директива 51» («Directive 51»), а также два романа, написанных в соавторстве с астронавтом Баззом Олдрином: «Возвращение» («The Return») и «Встреча с Тибером» («Encounter with Tiber»). Недавно у Дж. Барнса вышли в печать книги «Нулевой рассвет» («Daybreak Zero») и «Неудачники в космосе» («Losers in Space»), ожидается аудиокнига «Последний президент» («The Last President»). Его короткие рассказы были опубликованы в сборниках «…и Орион» («…And Orion») и «Апострофы и Апокалипсисы» («Apostrophes and Apocalypses»). В рассказе «Марсианское сердце» («Martian Heart») описана трогательная история любви – юной и обреченной.

Ладно, боттерогатор, я уже согласился. Теперь ты должен помочь рассказать мою историю для вдохновения нового поколения марсиан. До чего странно: оно есть, новое поколение. Поэтому забрасывай меня своими вопросами, или что ты там собирался делать.

Хочу ли я подтвердить предыдущие публичные заявления?

Ну, каждый раз, когда меня спрашивают, как же я разбогател и стал таким здоровенным куском дерьма в сортире под названием «Марс», я отвечаю, что меня вдохновляла Саманта. Давай отметим это как условное подтверждение.

Рассуждения о Сэм всегда наводят меня на странные мысли. Вот две из них: во-первых, до нее я даже понятия не имел, что означает «условное» или «подтверждение». Во-вторых, на этих снимках Саманта выглядит младше, чем сейчас моя внучка.

До чего странно. Она была.

Мы лежали в постели в нашей берлоге под старым пешеходным переходом Лос-Анджелеса, когда налетела облава, нас сцапали и притащили на пункт обработки. Врать, будто у нас есть семья, не имело смысла – они там просканировали наши сетчатки и знали, что мы беспризорники. А поскольку мне было семнадцать, а Сэм – пятнадцать, то никто не мог оплатить ре-едж.

Вот нас и продержали четверть часа на скамейке, чтобы мы выбрали между двадцатью годами в армии, десятью годами в ядерке или отправкой на Марс в то его противостояние с возвращением после третьего, через шесть с половиной лет.

Нам не объясняли, да этого и не знал никто: даже без генетического дефекта люди за такое время зарабатывали слишком серьезную сердечную атрофию и уже не могли благополучно вернуться на Землю. Те, кто летел на Марс, не имели семьи или друзей для переписки, а программа переселения была слишком новой, и не казалось странным, что никто не знаком с возвратившимися марсианами.

– Дерьмово, – сказал я.

– Ну, по крайней мере, это будущее. – Сэм беспокоилась о будущем гораздо больше меня. – Если завербуемся в армию, никаких гарантий, что окажемся вместе, если только не поженимся, а они не позволят пожениться, пока не пробудем там треть срока. Мы бы писали друг другу письма…

– Сэм, я не смогу ни писать тебе, ни прочесть твои письма. Ты же знаешь.

– Они заставят тебя научиться.

Я постарался не вздрогнуть, она бы рассердилась, заметив, что я на самом деле не хочу учиться.

– К тому же та штука, о которой ты всегда твердишь. – «с глаз долой», она и произойдет. Я могу завести другую девушку, ненадолго. Просто мог бы завести. Знаю, у нас с тобой настоящая любовь и все такое, но я мог бы.

– Дух бодр, но плоть еще бодрее[6]. – Она постоянно отпускала шуточки, которые только одна и понимала. – Тогда ладно, армия не для нас.

– И к черту ядерку, – добавил я.

В те дни, сразу после того как повсюду попадали ядерные малютки, Департаменту деактивации требовался народ для работы лопатами, мотыгами и детекторами. Я процитировал

строчку из нашей любимой песни: «Стерильные или мертвые, а может, с детьми с тремя головами».

– А на Марсе мы сможем пожениться, – заметила Сэм, – и тогда им нас не разлучить. Настоящая любовь навеки, малыш.

Все идеи принадлежали Сэм.

Так что, боттерогатор, поставь галочку на приоритете семья/любовь. Подозреваю, эта новая отметка появилась, как только я сказал: «Все идеи принадлежали Сэм», а значит, ты хочешь побольше об этом? Да, теперь отметка светится и подпрыгивает. Ладно, поговорим об этом – о ее идеях.

На самом деле все мои мысли крутились вокруг еды, кайфа и надирания задниц. Хе. Красный сигнал. Думаю, это не то, чего ты хочешь для нового поколения марсиан.

Сэм была другой. Все, кого я знал, думали о следующей вечеринке, или о следующей неделе, или о следующем парне либо девке, а Сэм думала *обо всем.* Знаю, глупый пример, но как-то, еще в Лос-Анджелесе, она вернулась в наш сквот и обнаружила, что я от нечего делать копаюсь в термоядерном блоке.

– Он отвечает за всю нашу музыку, свет, тепло, сеть и вообще за все, и если ты его сломаешь, то починить не сможешь, а раз он не сломан, Кэп, то какого черта ты творишь?

Понимаешь, у меня даже не возникало хоть сколько-то хороших идей.

И вот год спустя там. на скамейке, наша женитьба стала еще одной ее задумкой – и я согласился, это всегда срабатывало. Меньше чем через четверть часа после разговора мы зарегистрировались.

Подготовка к Марсу длилась десять дней. В первый нам сделали уколы, вывели татуировки и побрили головы. Нас всех засунули в уродливые глухие комбинезоны и не оставили никакой настоящей одежды, которая имела хоть какое-нибудь значение. Как нам сказали, для того чтобы мы не знали, кто кем был на Земле. А я думаю, скорее для того, чтобы мы стали похожими каторжниками.

Во второй и все прочие дни в нас пытались влить хоть немножко знаний. Это было почти интересно. Сэм принадлежала к тем, кто умел читать, и, казалось, она знала больше, чем я узнал за всю свою жизнь. Может, чтение оказалось не такой уж и ерундой, а может, это причудливые и слишком яркие воспоминания о Сэм.

Как только нас отскоблили и подготовили, меня и Сэм сунули в двухместный куб на транспортнике до Марса. Через несколько минут после того, как ускоритель запустил корабль и

тот рванул на бешеной скорости, один потасканный тип – засранец какой-то – попытался сунуться в наш куб и заявить, что собирается прибрать себе все пространство. Я так ему врезал – он вылетел. Думаю, до сих пор не поймал равновесия.

Вскочили двое его приятелей. С ними я тоже разобрался – резким был, они меня бесили, а я не понимал перевеса сил. Потом ко мне присоединились парни из соседних кубов, и вместе мы надрали противнику зад.

Посреди победных воплей Сэм потребовала тишины. Она объявила:

– Каждый остается на своем месте. Каждый получает только свой паек. У инфоэкранов каждый оказывается в свою и только в свою очередь. И никто не платит ни за охрану, ни за что.

Один из засранцев, безобидный теперь, поскольку за моей спиной стоял десяток хороших парней, насмешливо вякнул:

– Эй, сучка мелкая. Ты что, в транспортный совет баллотируешься?

– Конечно, почему нет?

Тут она тоже выиграла.

Весь перелет Транспортный совет оставался за главного. Люди спокойно ели и спали, никакие чокнутые придурки не ломали серверную, из-за чего обычно и пропадало большинство транспортников. На подготовке говорили, что там нет горючего для возвращения на Землю, но многие переселенцы то ли не слушали, то ли не понимали, то ли не верили. Транспортник летел, как пушечное ядро, только несколько маленьких двигателей притормаживали его и направляли на парашютное поле.

Те же, кто ожидал найти в серверной руль, или, может, заднюю передачу, или просто здоровую кнопку с надписью «ЗАБЕРИТЕ НАС ОБРАТНО НА ЗЕМЛЮ», понятия не имели, что тот же сервер управляет очисткой воздуха, доставкой еды и всем сохраняющим людям жизнь.

Уверен, с нами находилось столько же идиотов, сколько в любом другом транспортнике, но мы справились просто отлично, а все Сэм, она управляла ТС и заставляла ТС управлять полетом. Восемьдесят восемь человек с Интернационального Транспортного корабля Марса 2082/4/288 (так назывался наш, двести восемьдесят восьмой из выпущенных в апреле того года) в полном составе, целые и невредимые, сошли на Марсе. Ополченцам, которые всегда были наготове на случай, если посадка будет связана с заложниками, арестами или серьезными травмами, ничего не пришлось делать с нами.

За пять месяцев перелета я научился читать, и мне это очень

помогло… О, еще одна отметка скачет! Ладно, боттерогатор, грамотность как позитивная величина будет подана немедленно, с пылу с жару для нового поколения марсиан, чтобы они насосались вдохновения.

Эй, если тебе не нравится ирония, не мигай на меня красным, а просто отредактируй. Да, редактирование разрешено.

Как бы там ни было, за инфоэкраном Сэм заставляла меня заниматься чтением по часу за каждые два часа игр. Плюс она сама меня натаскивала. Через некоторое время читать стало интереснее, чем играть, к тому же она так много занималась делами ТС, а я ни с кем кроме нее не общался, так что я просто сидел и трудился. К нашему приземлению успел прочесть четыре настоящие книги. В смысле не только книги для малышей.

Мы опустились на парашютное поле Олимпик-Сити, слишком пафосное название для места, в котором тогда было всего два офисных здания, магазин и отель на девять комнат – итого четыре строения, соединенные друг с другом герметичными трубами переходов. Крошечный завод окружали несколько тысяч приземистых контейнеров, пойманных на крючок его платного воздуха и энергии, и еще больше работало на собственных термоядерных блоках. С юга Олимпик выглядел просто чередой утесов, под наклоном тянущихся к небу.

Начинался летний сезон разведки на севере. Сэм таскала меня от кредитора к кредитору, тренировала выглядеть хорошим вариантом для того, кто сможет довериться нам в сделке с разведывательным шлюпом. А я в то время думал, что камни, ну, ты понимаешь, всего лишь камни. Не представлял, что в некоторых из них есть руды или что Марс настолько беден на ископаемые, так как тектонически мертв.

Поэтому, пока она разговаривала с банкирами, частными кредиторами, брокерами и обычными старыми акулами займов, я помалкивал и старательно изображал того, кем Сэм меня описывала, – исполнительного и послушного работягу. «Кэп тихий, но он соображает, и мы с ним – команда».

Сэм так часто повторяла эти слова, я и сам в них поверил. Возвращаясь каждую ночь в наш контейнер, она заставляла меня выполнять все задания из учебников и как бешеного читать о камнях и рудах. Теперь уже и не вспомню, каково это: чего-то не знать. Например, не уметь читать, или не распознавать руду, или не разбираться в балансовой ведомости, или что-то еще, что я изучил позже.

За два дня до нашего вливания в ряды рабочих и отправки на юг для строительства дорог и водохранилищ тот брокер из франшизы «Сити-Уэллс» – Сие Ши – отозвал нас обратно и сказал,

что нам с ним просто повезло, у него есть квота на добычу. Ударили по рукам.

Сэм назвала наш поисковый шлюп «Бегуном», вычитала это прозвище в какой-то поэме, мы загрузились, выехали, в работе следовали указаниям программы и в первое лето кружили в основном у Северного полюса.

«Бегун» был старым и постоянно ломался, но Сэм отлично ориентировалась в инструкциях. Она читала их мне, и не важно, как сильно расстраивали объяснения, я упорно старался делать, как она сказала. Хотя иногда нам обоим приходилось лезть в словарь. В смысле кто вообще понимает, что такое реборда, обтекатель или нащельник? Но рано или поздно мы это выясняли и катили дальше.

Да, боттерогатор, можешь сделать пометку на стойкости перед лицом невзгод. Оглядываясь назад, я бы сказал: я был слишком глуп, чтобы уйти, раз Сэм остается, а Сэм была слишком упряма.

Долгие месяцы под полуночным солнцем мы искали руду и все лучше и лучше понимали, как отличать ее от пустой породы. Кузов шлюпа постепенно заполнялся находками. К концу лета – настолько странным казалось, что лето на Марсе вдвое дольше земного, даже после того как мы вычитали, почему это так. – мы обнаружили жерло старого вулкана и подняли оттуда немного хризолита, агата, аметиста, яшмы и граната, а еще три настоящих чистейшей воды алмаза, из-за чего и сами засияли. По возвращении из летней разведки мы расплатились с Сие Ши, и еще осталось достаточно денег на приобретение и ремонт шлюпа: мы выкупили «Бегуна» и поставили на него новые гусеницы. Мы смогли и кабину восстановить. Похоже, «Бегун» из грязной старой развалины превращался в наш дом. По крайней мере, в воображении Сэм. Я не был уверен, что дом для меня вообще имеет какое-то значение.

Боттерогатор, если тебе нужны от меня вдохновляющие слова для нового поколения марсиан, то позволь говорить правду. Сэм заботил вопрос дома, а меня – нет. Можешь мигать на меня чертовой красной лампочкой. Но это правда.

Как бы там ни было, пока механики чинили «Бегуна», мы оставались в арендованном контейнере, отсыпались, читали, ели то, что сами не готовили. Каждый день отмокали в горячей ванне на Риевеккер Олимпик – только так Сэм удавалось согреться. На севере она думала, что вечно мерзнет из-за постоянной работы: уходит много энергии, а она маленькая и просто не способна удерживать вес, сколько бы ни съела. Но. даже слоняясь по Олимпик-Сити, где самым энергичным делом был сон в комнате с

искусственным солнцем или поднимание тяжелой ложки, она все еще не могла согреться.

Мы волновались, может, у нее пневмония, туберкулез или болячка, подхваченная на Земле, да вот диагносты не нашли ничего необычного, кроме того, что она не в форме. Но Сэм так много работала, у нее бицепсы и пресс стали каменными, она была *крепкой.* Поэтому мы отмахнулись от диагностов, ведь толка от них не оказалось.

Сейчас каждый знает о «марсианском сердце», а тогда никто и понятия не имел, что при низкой гравитации сердце атрофируется и зарастает бляшками из-за замедления циркуляции, а кальций, который должен идти к костям, оседает в крови. Не говоря уже о гене, имеющемся, как выяснилось, где-то у трети человечества и ускоряющем процесс старения.

Тогда – без выявленных случаев – это даже не исследовали; так много людей заболело и умерло в первые несколько десятилетий колонизации, часто в свой первый год на Марсе, а для машин диагностики причина была только в работе. Скучно, еще один день, еще один девятнадцатилетний доходяга с сердечным приступом. Кроме того, все переселенцы – не только те, кто умирал, – потребляли много жиров и углеводов, поскольку те дешевле. С чего бы не случаться сердечным приступам? Переселенцы постоянно прибывают, а значит, выложите еще один сайт о здоровом питании на Марсе и найдите другой повод для тревоги.

Во всяком случае, только проверку на диагносте мы и могли сделать, да и казалось все это мелким и досадным беспокойством. В конце концов, мы процветали, купили собственный шлюп, были лучше подготовлены, лучше понимали, что нам нужно. Мы отправлялись в путь, полные надежд.

«Бегун» было дурацким названием для разведывательного шлюпа. Он выдавал максимум сорок километров в час, а это не то, что зовется бешеной скоростью. Антарктическая летняя разведка началась с долгого, монотонного переезда до Прометей Лингула, из северной осени и в южную весну. Межполярная Трасса тогда была всего лишь гусеничной колеей, связывавшей южное направление через шельф от Олимпик-Сити до Большого моста Маринера[7]. Около ста километров дорожного покрытия до и после моста, а затем еще одна колея на юго-восток, огибающая Элладу, где любили работать многие разведчики и где было приличное количество сезонных построек для возведения города на западном валу.

Но мы двигались дальше от Эллады, на юг. Я спросил об этом Сэм:

– Если ты все время мерзнешь, зачем нам ехать до края полярной шапки? Может, лучше разрабатывать Буш дю Маринерис или что-то еще поближе к экватору, где тебе было бы чуть-чуть теплее?

– Кэп, какая температура в кабине?

– Двадцать два градуса. – ответил я. – Тебе холодно?

– Да, холодно, в том-то и дело, – сказала она. Я потянулся, чтобы настроить термодатчик, но она меня остановила: – Это комнатная температура, малыш, такая же, как и в моем скафандре, а еще в перчатках и носках и вообще везде. Холод не снаружи, и неважно, будет ли кругом температура теплого дня на Земле или CO_2 выпадет снегом, холод засел во мне самой с тех пор, как мы прибыли на Марс.

Набежало около десяти тысяч километров, но в основном поездка была приятной, требовалось только следить, чтобы шлюп оставался в колее, пока мы миновали огромные вулканы, потрясающий вид на Маринер со стомильного моста, а затем все эти горные хребты и пики дальше к югу.

Я был за рулем, а Сэм в основном спала. Частенько я клал руку на ее шею или лоб, пока она клевала носом на своем кресле. Временами ее трясло; я задавался вопросом, а не было ли это затянувшимся гриппом. Я заставлял ее надевать маску и получать дополнительный кислород, на некоторое время становилось лучше, но каждые несколько недель мне приходилось снова повышать уровень кислорода в ее смеси.

Весь путь я практиковался произносить «Прометей Лингула», особенно после того, как мы обогнули Элладу, ведь Сэм с каждой неделей выглядела все хуже, и я переживал, получится ли у меня подать сигнал бедствия, если понадобится помощь.

Сэм считала, что Прометей Лингула слишком далека для большинства людей, те скорее выбрали бы стены кратера Эллады или Аргира, отыскивая более стоящие вещицы, выброшенные из глубин во время извержений, а настоящие игроки, конечно же, хотели работать с Элладой: один большой бриллиант оттуда стоил пятилетнего заработка.

Сэм уже знала стоимость мой учебы – пятнадцать марсий – и верила, что сделала отличную ставку, на которую не рискнул никто другой. По ее задумке, в мелкой долине вроде Прометей Лингула в Антарктическом нагорье может оказаться больше минералов, принесенных ледниками, или даже несколько открытых жил, как у по-настоящему старых гор на Земле.

А по поводу того, что же пошло не так, ну, ничего, кроме нашей удачи; теперь в тех краях у меня три большие жилы. Нет, боттерогатор, мне не хочется рассказывать тебе про свои чертовы

приобретения. Тебе разрешено самому посмотреть на них. Не понимаю, как владение барахлом может вдохновлять. Я хочу говорить о Сэм.

В то первое южное лето мы не нашли ни жил, ни чего-то еще. А тем временем здоровье Сэм ухудшалось.

Когда мы добрались до Прометей Лингула, я и готовил чаще, и занимался почти всем техническим обслуживанием. После первых недель на мне были все наружные работы: ее костюм, казалось, не согревал и при ста процентах кислорода. Даже в кабине она носила перчатки и вторые носки. И двигалась мало, но ее ум оставался как никогда ясен, с ее схемами поиска и с моими вылазками у нас все по-прежнему могло быть хорошо.

Разве что требовалась еще удача, как в Борее, а ее просто не оказалось.

Слушай сюда, боттерогатор. ты не сможешь заставить меня сказать, что удача не имела значения. Удача всегда до хрена много значит. Продолжай свои придирки, и увидишь, вдохновлю ли я хоть каких-нибудь новых марсиан.

Иногда по целому дню нам не попадались камни, которые стоило бы закинуть в кузов, или я покрывал сотню километров среди обычного базальта и гранита. Сэм думала, что из-за слабой концентрации пишет плохие схемы поиска, но она ошибалась: это было обычное невезение.

Пришла осень, а с ней пылевые бури, и солнце каждый день жалось ближе к горизонту, и все вокруг сделалось тусклым. Настало время отправляться на север; мы могли бы продать груз таким, какой он был. в Элладе, но, пока добрались до Буш-де-Маринера, не отбили бы даже нескольких недель разведки. Вероятно, нам пришлось бы снова брать ссуду; Сие Ши, к сожалению, за хищения взяли на карандаш в Викингсбурге.

– Может, мы сумели бы кого-нибудь еще задурить, как его.

– Может, я и сумела бы, малыш, – сказала Сэм. – Ты уже намного лучше понимаешь в бизнесе, но все еще никакой продажник, Кэп. Еды нам хватит на четыре месяца, у нас пока открытый кредит, поскольку мы в поиске и не сообщали вес своего груза. Многие шлюпы задерживаются подольше – некоторые даже зимуют, – и никто не скажет, отстали они, как мы, или нашли богатую жилу и разрабатывают ее. Так что мы можем вернуться на север, пока доберемся, потратим припасов на два месяца, там купим с груза еще где-то на месяц, возьмем только краткосрочный кредит и еще через месяц попытаем удачу. Или можем остаться здесь, пока у нас будет хватать еды, чтобы домчать до Эллады, задержимся на четыре месяца и получим в четыре раза больше шансов. Даже если не сработает, «Бегуна» мы

все равно потеряем.

– Станет темно и холодно, – заметил я. – Очень темно и холодно. А ты постоянно устаешь и мерзнешь.

– Темно и холодно снаружи кабины, – сказала она, упрямство на ее лице означало, что спорить бесполезно. – Как знать, а если темнота заставит меня больше есть? Бесконечный свет, наверное, и расшатал мой организм. В следующий раз мы попробуем в Буш-де-Маринера, и, возможно, замечательные размеренные экваториальные дни заставят снова работать мои внутренние часы. Но прямо сейчас давай останемся тут. Конечно, будет темнее, и бури – это скверно…

– Скверно, если нас занесет, разобьет о скалу или даже перевернет, если ветер окажется под корпусом, – заметил я. – Скверно, если и нас, и датчики станет видно только в свете фар. Есть причины того, что разведка – летняя работа.

Она молчала очень долго, и мне показалось: случилось чудо, и я победил в споре.

Затем она произнесла:

– Кэп, мне нравится тут, в «Бегуне». Это дом. Это наше. Знаю, я больна и могу только спать, но мне не хочется ехать в какую-то больницу и видеть тебя только в свободные от рабочих смен дни. «Бегун» наш. и я хочу жить в нем и пытаться его сохранить.

Так что я согласился.

На какое-то время стало лучше. В первые осенние бури шел мокрый снег, а не CO_2. Я следил за сводками погоды, и мы при каждом шторме задраивались. поднимали экраны и запечатывали гусеницы от мелкой пыли. В те короткие недели между бесконечной ночью и полуночным солнцем, которое поднималось и садилось над Прометей Лингула, тонкий покров снега и мороз взаправду сделали темные камни более заметными на поверхности, и находить их стало проще.

Сэм постоянно мерзла, иногда она плакала просто от желания согреться. Она ела, пока я стоял над ней и заставлял, но без аппетита. К тому же я догадывался, о чем она думала: еда – это момент уязвимый. Термоядерный блок давал энергию движку, приспособлениям добычи и очистки воды, приборам нагнетания и переработки марсианского воздуха в пригодный для человеческого дыхания. Но пищу мы выращивать не могли, а в отличие от запасных деталей и медицинской помощи нуждались в ней каждый день, так что она первой бы и закончилась (если не считать везения, которого у нас уже не было). Поскольку Сэм все равно не хотелось есть, то она решила, что есть и не будет, и тогда мы задержимся подольше и дадим удаче больше шансов повернуться к нам лицом.

Солнце окончательно ушло, дальше к югу низко над горизонтом повис Фобос, облачная пелена закрыла звезды. Наступила такая темень, какой я прежде и не встречал нигде. Мы остались.

Руды в кузове было много, но пока недостаточно. Жила все еще не повстречалась. Нам повезло найти пару тонн руды в устье одного сухого оврага, но она иссякла менее чем за три недели.

Следующее место, в котором стоило попытать счастье, находилось на сто сорок километров южнее, почти у самого края вечных снегов. Безумная и жуткая попытка, но, черт подери, все это было безумным и жутким.

Когда мы добрались, небо впервые за несколько недель очистилось. В легкой изморози СО, отыскивать камни было просто – галогеновый прожектор без труда растапливал с них лед. Я тут же нашел добрый кусок вольфрамита размером со старый сундук и еще два куска поменьше. Где-то выше по ледниковому склону проходила жила, и, возможно, даже не под вечной мерзлотой. Я запустил программу анализа, отметив на карте и сам склон, и свои находки, вышел в скафандре поглядеть, смогу ли отыскать и отметить еще камни.

Маркеб, который я научился выделять из кучкующихся треугольников созвездия Парусов, неподвижно висел почти над самой головой; на Марсе он что-то вроде южной Полярной звезды. Прошло время с тех пор, как я впервые глядел на звезды, и теперь уже больше понимал, куда смотрю. Легко мог различить Угольный Мешок, Южный Крест и Магеллановы Облака, хотя, честно говоря, в ясную ночь на марсианском южном полюсе это не сложнее, чем найти слона в ванной.

Я вернулся в кабину; в программе анализа говорилось, что вольфрамит, скорее всего, появился из-под ледника – тут не повезло, – а еще что его порядочно может лежать здесь, в аллювиальном конусе выноса[8], поэтому мы по крайней мере несколько кусков могли бы собрать. Я поднялся из-за терминала, решил приготовить ужин, потом разбудить Сэм, накормить ее и рассказать наполовину хорошие новости.

Когда я вошел с подносом, Сэм дрожала и плакала, свернувшись клубком. Я заставил ее съесть весь суп и хлеб, надел на нее маску с чистым кислородом температуры тела. Когда она почувствовала себя лучше или, по крайней мере, так сказала, я отвел ее в пузырь посмотреть на звезды при выключенных огнях. Она выглядела особенно радостной, ведь я различал созвездия и показывал их ей, а значит, продолжал учиться.

Да, боттерогатор, дави на то, что познание ведет к успеху. Сэм бы этого хотела.

– Кэп, – сказала она, – все хуже, чем было, малыш. Не думаю, что на Марсе есть для меня лекарство. Я просто становлюсь холоднее и слабее. Мне очень жаль…

– Я помчу в Элладу, как только мы тебя укутаем и прямо в постели дадим чистый кислород. Стану ехать, пока будет безопасно, потом…

– Нет. Тебе не довезти меня живой, – ответила она. – Малыш, бортовой диагност не идеален, но довольно хорош, чтобы определить; у меня сердце девяностолетней. И за последние сто часов или около того все показатели ухудшились. Что бы я ни подхватила, оно меня убивает. – Она потянулась и погладила мое промокшее от слез лицо. – Бедный мой Кэп. Пообещай мне две вещи.

– Я всегда буду тебя любить.

– Знаю. Этого тебе не нужно обещать. Первое – не важно, где ты окажешься или чем будешь заниматься, учись. Узнавай все, что только сможешь узнать, разбирайся во всем, в чем только сможешь разобраться, насыщай свой ум, малыш. Это самое важное.

Я рыдал и смог только кивнуть.

– А другое, оно странное… Ну, глупое.

– Если для тебя, то я сделаю. Клянусь.

Она задыхалась, пытаясь втянуть в себя больше воздуха, чем могли удержать ее легкие. Из глаз ее тоже текли слезы.

– Я боюсь быть похороненной среди холода и темноты, не могу вынести мысль, что заледенею. Пожалуйста… не хорони меня. Кремируй. Я хочу стать пламенем.

– Но на Марсе это невозможно, – возражал я. – Не хватит воздуха для поддержания огня, и…

– Ты пообещал, – сказала она. И умерла.

Следующий час я делал всё в соответствии с программой первой помощи. И только когда тело Сэм окоченело, поверил, что ее на самом деле нет.

Меня больше не заботил «Бегун». Я бы продал его в Элладе, оплатил бы переезд до какого-нибудь города, где смог бы работать, начать все заново. Я не хотел неделями торчать в нашем доме рядом с телом Сэм, но у меня не было денег сообщить в миссию, чтобы ее забрали, и в любом случае они бы сэкономили – похоронили бы ее прямо там, почти у Южного полюса, среди ледяной ночи.

Я свернулся на койке, часами рыдал и не мог уснуть. Но ситуация только усугубилась: теперь Сэм прошла стадию окоченения и снова стала мягкой на ощупь, больше похожей на себя, а я не мог оставить ее на холоде после своего обещания. Я

вымыл ее, расчесал волосы, положил в мешок для тел и запер в одном из сухих хранилищ, надеясь что-нибудь придумать до того, как она начнет пахнуть.

Не думаю, что, двигаясь тогда на север, я и сам хотел жить. Слишком долго не спал, слишком мало ел и пил и просто ждал конца путешествия. Помню, по крайней мере одну жуткую бурю я проехал на максимальной скорости, более чем достаточной, чтобы разбить гусеницу о камень, попасть в нежданную расщелину или погубить себя любым другим способом. Дни напролет среди бесконечной тьмы я ехал, засыпал и просыпался на водительском сиденье, а шлюп останавливал автоблокиратор.

Мне было все равно. Я хотел выбраться из мрака.

Примерно на пятый день переднюю левую гусеницу «Бегуна» заело на крутом спуске метра в три или около того. Шлюп занесло и опрокинуло. Сила привычки заставляла меня пристегиваться и носить скафандр – две вещи, которые, как говорилось в руководстве страховой компании, следует делать, если не хочешь, чтобы твой полис аннулировали. Сэм из-за этого тоже шум поднимала.

«Бегун» скатился и замер, лежа на крыше, все его огни погасли. Когда я прекратил орать от ярости и разочарования, воздуха все еще хватало (хотя я чувствовал, как он выходит), чтобы оставаться в сознании.

Я надел шлем и включил головной прожектор.

Конденсатор моего скафандра был полностью заряжен, но термоядерный блок «Бегуна» накрылся. Это означало еще семнадцать часов жизни, если только я не смогу исправить поломку, но оба отсека, содержащие два запасных блока и ремонтный подход для их смены, были расположены сверху шлюпа. Я вылез наружу, морщась, что выпускаю последний воздух из кабины, и пошуровал вокруг. Шлюп лежал именно на тех люках, которые нужно было открыть.

Семнадцать – ну, теперь уже шестнадцать – часов. И одно большое обещание.

Воздушные насосы шлюпа работали, как и до аварии, в цистернах было полно жидкого кислорода. Я мог бы перенести его в свой скафандр через аварийный клапан и продержаться так несколько дней. Провизии в костюме было достаточно, чтобы превратить все это в настоящее состязание между смертью от голода и смертью от удушья. Если бы сигнал рации куда-нибудь дотянулся, мне бы это помогло, но на больших расстояниях он зависел от ретранслятора, а его антенна оказалась под опрокинутым шлюпом.

Сэм была мертва. «Бегун» тоже. И я – для любого реального

выхода.

Ни «Бегуну», ни мне больше не требовался кислород, но я сообразил, что он понадобится Сэм. По крайней мере, я мог сдвинуть вместе баки, и у меня оставались заряды, которыми мы взрывали крупные скалы.

Тело Сэм я перенес в кислородное хранилище, положил между двумя резервуарами и еще раз обнял мешок. Открыть его не посмел. Не знаю, то ли боялся увидеть, что она ужасно выглядит, то ли, наоборот, что она покажется живой и спящей.

Я установил таймер на одном из зарядов, положил тот сверху на ее тело и свалил туда же остальные. Моя маленькая кучка бомб заполнила почти все пространство между кислородными резервуарами. Затем я принялся возиться с четырьмя баками, стараясь уложить их крест-накрест на куче, приволок с кухни легко воспламеняющиеся штуки – муку, сахар, бутыли с маслом, – чтобы огонь точно разгорелся сильно и надолго.

Судя по моим часам, оставалось пять минут до того, как погаснет таймер.

До сих пор не знаю, почему я покинул шлюп. Я планировал умереть там же, сгореть вместе с Сэм, но, может быть, мне просто хотелось посмотреть, все ли я правильно сделал, или что-то в таком же роде: если бы не сработало, я попробовал бы еще раз? Не важно, по какой причине, но я отступил на безопасное с виду расстояние.

И посмотрел вверх, на звезды. Я плакал так сильно, даже боялся из-за слез не разглядеть их. Они были так прекрасны, и это длилось так долго.

Двадцать килограммов взрывчатки хватило, чтобы разнести все резервуары и раскалить кислород добела. Органика при этом не просто горит, она взрывается и испаряется, а кроме пятидесяти килограммов, которые весила Сэм, я свалил там еще килограммов шестьсот всякой органики.

Это все я понял спустя много времени. А в первую четверть секунды, когда прогремел взрыв, все произошло довольно быстро. Здоровый кусок наблюдательного пузыря – достаточно гладкий, чтобы не порезать скафандр и не убить, но достаточно тяжелый, чтобы отбросить на пару метров вверх и на добрые тридцать метров назад, – врезался в меня и покатил по склону, разбитого и без сознания, но живого.

Думаю, когда я постепенно приходил в себя, мне снилась Сэм.

Теперь послушай, боттерогатор, конечно, я хотел бы ради нового поколения марсиан рассказать тебе, что мне привиделось, как она дает важный совет по достижению успеха, и там, в стране

снов, я поклялся выбиться в люди, стать достойным ее и все такое. Но на самом деле мне снилось, как я держу ее, обнимаю и смеюсь вместе с ней. Извини, если этого нет в списке.

Наступил день, когда я очнулся и сообразил, что видел медика. Вскоре я уже оставался в сознании достаточно долго, чтобы произнести «Привет». И в конце концов выяснил: оказывается, спутник наблюдения заметил и заснял взорвавшийся шлюп, поскольку такая яркая вспышка была чем-то необычным. Искусственный интеллект определил объект в пыли как человеческое тело и отправил автоспасатель – ракету с манипулятором. Автоспасатель вылетел со стартовой площадки Олимпик-Сити по баллистической траектории, приземлился неподалеку от аварии, подполз ко мне – еще-не-задохнувшемуся и пока-не-замороженному, – схватил своей механической рукой и закинул в трюм. Потом снова взлетел, добрался до больницы и передал меня доктору.

Общая стоимость одной миссии автоспасателя и двух недель в больнице с живым персоналом – кстати, страховая компания отказалась покрыть затраты на лечение, поскольку я нарочно взорвал шлюп, – составила сумму примерно двадцати успешных разведок. Так что, как только я смог двигаться, они связали меня контрактом и, поскольку я какое-то время был не форме для всяких тяжелых-и-полевых дел, мне подобрали маленькую компанию по снабжению старателей, которой понадобился живой менеджер в офис на Элладе. Я изучил это дело – было несложно – и рос вместе с компанией, став первым на Марсе генеральным директором, отрабатывающим долг.

Я брался и за другую работу: бухгалтерию, контроль, картографию – за все, где мог заработать, лишь бы быстрее расплатиться по контракту, и особенно хватался за дела, которыми мог заниматься онлайн в свое крошечное свободное время. Каждое дело я изучал от и до, потому что пообещал это Сэм. В конце концов за несколько дней до своего сорок третьего дня рождения я расплатился с долгом, отовсюду уволился и занялся собственным бизнесом.

К тому времени я знал, как и для чего движутся деньги почти в каждом значимом предприятии на Марсе. У меня имелось достаточно времени, чтобы все обдумать и спланировать.

Вот так это было. Я сдержал слово – о, хорошо, боттерагатор, давайте отметим и эту графу. Выполнять обещания важно для успеха. В конце концов, я же здесь.

Спустя шестьдесят два года я знаю, поскольку об этом знают все, что дешевое лекарство, которое сейчас принимает каждый, спасло бы Сэм жизнь. Небольшие вложения – если бы кто-нибудь

понимал это заранее, – и мы с Сэм десятилетиями бы отмечали юбилеи и были бы еще богаче, при ее-то уме. И, боттерогатор. если бы ты пообщался с ней, то, наверное, тоже больше бы учился.

Или это я сейчас так думаю?

Долгие годы, вспоминая Сэм, я передумал о тысяче вещей, которые мог бы сделать по-другому и, может быть, в них тоже бы преуспел.

Но один вопрос до сих пор не дает мне покоя: это ли все она имела в виду? Видела ли она во мне какой-то потенциал, способный заставить плохое начало обернуться успехом, как оно и вышло? Была ли она просто сообразительной девочкой-идеалисткой, играющей в дом с самым исполнительным парнем, которого смогла найти? Хотела ли она, чтобы я снова женился и завел детей? Намеревалась ли меня обогатить?

Я так часто сожалею о том, что на самом деле не выполнил того второго обещания, ирония, которую теперь могу оценить: она боялась ледяной могилы, но поскольку выгорела по большей части до воды и углекислого газа, то на Марсе превратилась в снег. А молекулы настолько малы и распределяются настолько равномерно, что всякий раз, когда выпадает снег, я знаю: в нем есть частичка Сэм, прилипающая к моему скафандру, падающая на мой шлем, укрывающая меня, пока я стою в тишине и смотрю, как снег опускается.

Она воплотила мою мечту? Я сдержал обещания, и они сделали меня тем, кто я есть… этого она хотела? Если я всего лишь случайный каприз умной девочки-подростка, полной романтических грез, то чем бы я был без ее каприза, без ее грез, без Сэм?

Знаешь, боттерогатор, передай это новому поколению марсиан: забавно, как одно крошечное обещание стать лучше, данное кому-то или чему-то, может превратиться в нечто столь же реальное, как Саманта-Сити, чьи огни ночью заполняют кратер, простирающийся передо мной от балкона до самого горизонта.

Теперь мне нужно пройтись по ту сторону стены кратера, пока не погаснет фальшивая заря городских огней, и я буду бродить до рассвета или пока голод не повернет меня домой.

Боттерогатор, можешь отключить свои чертовы тупые мигалки. Это все, что ты от меня получишь. Я отправляюсь на прогулку. Снег идет.

Кен Маклеод
Час Земли

Кен Маклеод в 1976 году окончил Университет Глазго с дипломом бакалавра по зоологии. Продолжил обучение биомеханике в Университете Брунеля, работал программистом и компьютерным аналитиком в Эдинбурге. Сейчас все свое время он отдает работе писателя, его считают одним из лучших авторов, появившихся в 90-е, его произведения с элементами политики и экономики выделяются из ряда подобных, входящих в антологию «Новая космическая опера» («New Space Opera»), хотя и обладают всеми свойствами жанра: они широкоформатны, высокоуровневы, насыщены действиями. Два его первых романа, «Звездная фракция» («The Star Fraction») и «Каменный канал» («The Stone Canal»), заслужили премию «Прометей». Среди других его книг – романы «Небесный путь» («The Sky Road»), «Граница Кассини» («The Cassini Division»), «Еда космонавта» («Cosmonaut Keep»), «Темный свет» («Dark Light»), «Город моторов» («Engine City»), «Поминки по Ньютону» («Newton's Wake»), «Изучая мир» («Learningthe World»), а также короткая повесть «Людской фронт» («The Human Front») и сборник «Гигантские ящеры с иной звезды» («Giant Lizards from Another Star»). Последние работы Маклеода – романы «Игра в реставрацию» («The Restoration Game») и «Вторжение» («Intrusion»), Живет Кен Маклеод в Шотландии, в Западном Лотиане, с женой и детьми. В данном рассказе он предоставляет нам место в первых рядах для наблюдения за интригующим и весьма затейливым конфликтом между антагонистами высоких технологий: жуликами-политиканы пытаются убить своего противника с помощью технологически изощренного – и весьма упорного – наемника.

Убийца закинул за плечо сумку с оружием и зашагал вниз, к шаткой деревянной пристани. Он ждал, пока паром Сиднейской гавани вяло пересечет Нейтральный залив, наберет пассажиров, высадит их на точно такой же крохотный причал на противоположном берегу и проползет еще около сотни метров к мысу Курраба. Взойдя на борт, убийца провел затянутой в перчатку из искусственной кожи рукой по терминалу оплаты и уселся на скамью поближе к носу, пристроив таящееся под синим нейлоном застегнутой на молнию сумки оружие на коленях.

Солнце зависло над самым горизонтом; небеса были чисты – если не считать легкой мерцающей пленки разумной пыли, каждая ее дрейфующая частица готова была в любой момент отразить фотон солнечного света и ослепительно вспыхнуть,

радуя глаз. Медленный дождь сияющей сажи, очищая воздух от углерода, давал весьма обширную почву для наблюдений и вычислений; почву, на которой модифицированные глаза наемника привыкли возводить образ города и его окрестностей, выращивая картинку в зрительной зоне коры головного мозга – тоже модифицированной. Он вертел многогранную модель в голове, следя за уличным движением и ветровыми течениями, пассажиропотоками и стаями летучих мышей, обменом феромонами и кортексными сообщениями, колебаниями биржевых курсов и топаньем миллионов ног, охватывая необъятное одним богоподобным взглядом, под всеми мыслимыми углами – что слишком быстро становилось нестерпимым, дурманя еще не форсированные каналы все-таки по большей части человеческого мозга убийцы.

Да, тут любой опьянел бы. Наемник вывернулся из клубка вероятностей, сосредоточился, сужая поле внимания, нащупывая цифровой след человека – намеченной жертвы: список участников конференции, оплату билета на поезд, выписку из отеля, бронирование места на самолет на следующий после съезда день – места, которому стараниями наемника суждено остаться свободным… Убийца пошел по этому следу всего час назад, но ему нравилось снова и снова подтверждать результат и быть в курсе новейших событий, сверху и одновременно как бы с улицы следя за ничего не подозревающим объектом, шагающим к своей гостинице на Маклей-стрит.

Забавляло его и то, что объект в свою очередь старался не привлекать к себе внимания – не появлялся в средствах массовой информации, на конференции держался в кулуарах, в отеле занял номер куда менее роскошный, чем мог бы себе позволить, то есть чертовски вульгарный, весь в синтетическом красном дереве, да в искусственном мраморе, да в промышленных алмазах, – однако именовал себя при любой возможности старомодным титулом, собственно, и сделавшим ему известность, будто бы получая удовольствие от своей противоречивой славы, словно мастер за сценой, знаменитый своей незаметностью. «Валтос, Первый Лорд Реформы». Вот как нравилось зваться этому человеку. Вот какой мишурой он кичился. Вот какую побрякушку отхватил, ратуя за отмену самого смысла ее – и все же стремясь еще поиграть с никчемным титулом, покатать его на языке, побахвалиться. «Ну и дерьмо, – подумал наемник, – ну и хрен!» Пускай это и не причина для убийства, но выполнить задание так безусловно легче.

Паром часто останавливался на разных пристанях, и число его пассажиров росло. Убийца снял сумку с коленей и поставил ее

у ног, заслужив кивок и благодарную улыбку женщины, присевшей рядом на скамью. На Круглом молу наемник сошел на берег и, когда пирс очистился, присел на корточки и открыл сумку. В два счета наемник собрал складной велосипед – единственный свой багаж, – сложил сумку до размеров крохотного коробка и сунул ее под сиденье.

Затем убийца сел на велосипед и поехал прочь, огибая гавань, вверх, по длинному извилистому склону к Потс-Пойнту.

* * *

Причин для беспокойства не было. Ангус Кэмерон сидел в плетеном кресле на балконе гостиничного номера, откуда открывался вид на Сиднейскую гавань. На маленьком круглом столике его ожидали айлейский виски и гаванская сигара. Воздух был теплым, одежда – свободной и свежей. Тысячи крыланов, покинувших свои насесты в Ботанических садах, сновали на фоне закатного неба в поисках пищи. Гул машин и голосов с улицы, доносящийся до третьего этажа, не таил опасности.

Все вроде было в порядке – и все-таки что-то не так. Ангус откинулся на спинку кресла и закрыл глаза, вызывая заголовки новостей. Местных и мировых. Публичных и персональных. Касающихся бизнеса и политики. Горячая война между блоками великих держав, Евросоюз – Россия – КНР против США – Японии – Индии – Бразилии, шла по-старому: там тревожиться не о чем. Ситуация, как говорится, штатная. Ангус моргнул, стирая изображения, тряхнул головой, встал, шагнул в комнату и медленно обошел ее, растопырив пальцы и широко разведя руки, вращая при этом кистями. Ничего. Ни щекотки, ни покалывания.

Удостоверившись в безопасности комнаты, он вернулся на балкон. Без пятнадцати восемь. Ангус поиграл «зиппо» и бокалом, а также мыслью о том, чтобы закурить и сделать глоток. Однако скверное предчувствие мешало ему расслабиться. Смутная тревога тяготила душу. Тем не менее он ждал. Осталось десять минут.

За восемь минут до восьми в правом ухе зазвенело. Он щелкнул по мочке. – Да?

В углу глаза появилась аватарка сестры. Звонок из Манчестера. Англия. Евросоюз. Местное время 07:52.

– О, привет, Катриона, – сказал он.

Аватар ожил, оброс плотью, превращаясь из плоской фотографии в женщину за тридцать, несколькими годами младше брата, сидящую напротив него в виртуале. А сестренка-то,

похоже, в смятении. Или чем-то расстроена? Они не общались пять месяцев, но вообще-то не в ее привычках звонить, не умывшись и не причесавшись.

– Привет, Ангус, – ответила Катриона. И нахмурилась. – Знаю, наверное, я покажусь тебе параноиком… только… эта линия защищена?

– Абсолютно, – кивнул Ангус.

В отличие от Катрионы, он отлично понимал механизм кортикальных звонков: уникальность сенсорного кодирования импульсов каждым конкретным мозгом сводила вероятность расшифровки разговора при помощи обычно применяемых алгоритмов практически к нулю… Только вот…

– Конечно, если никто не читает по моим губам. – Он прикрыл рот ладонью. – Так пойдет?

Кажется, демонстративная предосторожность не успокоила, а разозлила Катриону.

– Пойдет, – фыркнула она и глубоко вздохнула. – Я сильно сомневаюсь насчет следующей серии апгрейда, Ангус. По меньшей мере один митохондриальный модуль там совершенно не задокументирован.

– Невозможно! – потрясенно воскликнул Ангус. – Это никогда бы не прошло.

– Прошло, – откликнулась Катриона. – Никаких сведений об испытаниях. Я возмущаюсь, а мне твердят, мол, разберутся, это неважно, или отделываются еще как-нибудь. До релиза *месяц,* Ангус. Без шансов, что к контрольному времени модуль снабдят документами, а тем паче протестируют.

– Не понимаю, – сказал Ангус. – Совсем ничего не понимаю. Если это всплывет, то Син-Био потонет – для начала. Потом пойдут ревизии, судебные расследования… И Служба еще потопчется на обломках корпорации. Не думай о кляузничестве, Катриона, ты должна информировать Службу – в интересах компании!

– Я так и сделала. А в ответ получила все те же отговорки.

– Что?

Услышь он подобное от кого-то другого, Ангус ни за что не поверил бы. Репутация Службы Усовершенствования Человечества была безукоризненной. Беспристрастная, объективная, неподкупная – ее рассматривали как образец организации, которой вверено эволюционное будущее человечества (или, по крайней мере, его европейской части).

Ангус еще помнил то время, когда улучшение программного обеспечения не шло незаметно для пользователя день за днем, час за часом, а двигалось скачками, через неравные промежутки

времени, несколько раз в год – и называлось это «релиз». Генетическая техника до сих пор находилась на той же стадии. Работодатель Катрионы, Син-Био (в основном), поставлял новшества, Служба Усовершенствования Человечества проверяла их и (обычно) утверждала, и все в Европейском союзе, не имеющие каких-либо религиозных возражений, проглатывали новинки.

– Похоже на саботаж, – предположила Катриона.

– Не волнуйся, – сказал Ангус. – Это, должно быть, просто ошибка. Бюрократические заморочки. Я разберусь.

– Слушай, только не упоминай меня…

Вспыхнули фонари, знаменуя Час Земли.

– Это будет непросто. – Ангус вздрогнул и прикрыл ладонью глаза, поскольку балкон, комната, здание и весь раскинувшийся внизу городской ландшафт осветились. – Им известно о нашем родстве, и они поймут, что ты попросила…

– Я попросила не называть моего имени. – отрезала Катриона. – И не сказала, что это будет легко.

– Влезать в дело, не втягивая в него *нашей общей* фамилии?

– Вот именно! – Катриона проигнорировала сарказм брата – умышленно, судя по тону. Оглядевшись, она добавила: – Не могу сосредоточиться, когда вокруг такое. До скорого.

Ангус помахал рукой изображению сестры, под верхним освещением балкона превратившемуся в призрак.

– Буду на связи. – суховато попрощался он.

– Пока, братец.

Катриона растаяла. А Ангус наконец закурил свою маленькую сигару и отхлебнул виски. Ох. Отличная штука. И вид тоже. Туман окутывал Сиднейскую гавань, и даже сверкающая раковина Оперы, едва виднеющаяся над крышами, ворсилась по краям – разумная пыль в воздухе рассеивала непомерное светоизвержение. Ангус с наслаждением докурил сигару, расправился с виски и пошел прогуляться.

* * *

На улице свет сиял еще ярче – Ангус, шагающий по Маклей-стрит к Кингр-Кросс[9], то и дело спотыкался. Ослепленный, сбитый с толку, он даже собирался понизить усиление зрения, но смутно ощутил: уловка впрок не пойдет – так он, пожалуй, пропустит что-то очень важное. Да уж, в Час Земли электричество не экономилось, и толпы людей, шатающихся сейчас по улицам, точно пьяные, казалось, были объяты духом празднества.

Однако все это символично, подумал он. Организаторы не хуже его знали, что количество углекислого газа, удаляемого из атмосферы во время Часа Земли, незначительно – лишь малая часть потраченного электричества имела не нейтральный, а отрицательный показатель высвобождения углерода, – но, черт побери, дело-то в принципе!

Он нашел столик возле бара рядом с Фицрой-гарденс, тенистой площадью, на краю которой прозрачный шар фонтанировал водой и светом. Ангус отстучал по клавиатуре столешницы заказ, и минуту спустя бармен принес на подносе высокий бокал светлого пива. Расплатившись сразу, Ангус уселся поудобнее – пить и думать. Воздух был столь же горяч, сколь и ярок, ледяное пиво освежало. У фонтана с дюжину подростков освежались не столь изощренным способом: ребята прыгали среди искрящихся струй и шлепали по круглым лужам вокруг сияющего шара. Крики, визг – с разборчивыми словами туговато. Наверное, эсэмэсят друг дружке. Такова жизнь. Такова нынче юность. Болтают беззвучно и за твоей спиной. Ангус снисходительно улыбнулся и отключил работу ферментов, понижающих градус алкоголя в крови, решив напиться. Впрочем, в любой момент можно все восстановить, подумал он, и тут же в голову пришла умная мысль: проблема, собственно, в том, что заранее не знаешь, когда приходит этот момент. Если жизни не грозит реальная опасность, пьяный не осознаёт, когда пора протрезветь. Ты просто замечаешь, как все летит кувырком.

С минуту озадаченно поизучав настольное меню, он, пошатываясь, двинулся внутрь, желая заказать вторую пинту. Кафе практически пустовало. Ангус взгромоздился на барный стул рядом с высокой стройной женщиной примерно его возраста, сидевшей в одиночестве и, судя по всему, занимавшейся коллекционированием смятых окурков. Только что ее собрание в пепельнице пополнилось еще одним экземпляром – в добрый дюйм длиной. Не занятую сигаретой руку пригвождал к стойке стакан из толстого стекла с неведомым розовым пойлом. Наряд женщины состоял из футболки, под которой явственно прорисовывался кружевной бюстгальтер, чрезвычайно узких джинсов и золотистых босоножек. Ее светлые волосы были какого-то неприятно-мышиного оттенка. Ну и дамочка.

– Я выпила два, – пыталась объяснить она равнодушному бармену; потом ее мутный взгляд остановился на Ангусе. – И уже под мухой. Черт, я дешевка.

– А я еще дешевле, – ответил Ангус. – И пьянее. Пьян как сапожник. Ха-ха. А я, знаешь ли, не сапожник, а даже совсем наоборот, лорд.

Глаза женщина остекленели.

– Ну да, – пробормотала она. – Ну да. Рада встрече, мистер Кэмерон.

– Зови меня просто Ангус.

Она протянула вялую руку:

– Гленда Глендейл.

Ангус символически тряхнул тонкие пальцы, мельком подумав, что с таким имечком у дамочки нет никаких шансов.

– Пожалуй, так, – с неожиданной горечью произнесла Гленда, уронив голову.

– Я сказал это вслух? – смутился Ангус. – Черт! Извини.

– Извиняться не за что.

Гленда распечатала новую пачку и вытряхнула наружу очередную сигарету.

* * *

Убийца скорчился за утилизатором в проулке возле тайского ресторанчика напротив бара, оставив велосипед прислоненным к стене. Настроив взгляд на максимальное увеличение, он наблюдал за объектом, просиживающим задницу на стуле. Локти на стойке, а внимание на смазливой шлюшке. Отлично. Убийца решил, что момент настал. Он дотянулся до велосипеда и несколькими отточенными движениями разобрал его. Колеса отложил в сторону. Преображенная рама обрела не только новую форму, но и новые функции.

* * *

Гленда закурила очередную сигарету – и безвольно уронила зажигалку. Ангус более-менее рефлекторно дернулся вбок и вниз, пытаясь поймать вещицу. Едва он наклонился, раздался глухой хлопок, а миг спустя – самый громкий крик из всех, какие ему доводилось слышать. Ноги Гленды взлетели в воздух, одна скользнула по плечу Ангуса – и ударила его в ухо, да так, что мужчина упал на пол. Шлепнулся он мягко, расслабленный обилием спиртного. Гленда упала прямо на него, молотя руками и ногами и отчаянно визжа, грозя повредить нечаянному кавалеру барабанные перепонки. Ангус приподнял голову и увидел оперенное древко, торчащее дюймов на шесть из плеча женщины.

Едва ли рана сама по себе могла послужить причиной таких

воплей и судорог. Значит, яд. Модифицированной бородавчатки, например. Тут суть не в том, что ты умрешь (хотя ты, конечно, умрешь – примерно через минуту). Ты умрешь, терзаемый страшнейшей из всех мыслимых болей.

Бармен перемахнул через стойку, едва не приземлившись прямо Гленде на голову. В правой руке он сжимал короткий острый нож – таким обычно нарезают лимоны. Ангус вдруг ясно понял, что именно бармен собирается делать этим ножом, и ужаснулся безрассудной храбрости молодого человека.

– Нет!

Слишком поздно. Второй дротик вонзился прямо в грудь бармену. Он попытался вырвать стрелу, но конечности его судорожно задергались, и человек рухнул как подкошенный, крича даже громче Гленды. Теперь на полу корчились два тела. Нож улетел под столик.

Все вокруг вдруг потемнело, но это всего лишь окончился Час Земли. Отличный момент для стрелка, чтобы смыться – или завершить работу.

Ангус перекатился на спину, стараясь держать в поле зрения и окно, и дверь, и, отталкиваясь ногами, пополз по полу за ножом. Едва пальцы сомкнулись на черной рукояти, он вновь перевернулся на живот, приподнялся на локтях, скользнул к Гленде, схватил ее за волосы, перерезал горло и, вонзив лезвие между шейных позвонков, продолжил кромсать. Он обезглавливал женщину довольно умело – так, как когда-то научился на оленях. Она не сопротивлялась, ее нервная система уже пресытилась немыслимой болью и не вмещала новых мук. Заливаемый чужой кровью, Ангус переместился к бармену и проделал с ним то же самое.

Он надеялся, что кто-нибудь вызвал полицию. Он надеялся, что тот, кто выпустил дротики, – кем бы он ни был, – уже сбежал. Пригнувшись как можно ниже, Ангус скользнул за стойку и осторожно потянулся за ведерком со льдом. Спустив его на пол, он с облегчением обнаружил второе. Прихватил и его. Аккуратно держа емкости, Ангус вновь обогнул стойку, размазывая коленями кровавые лужи, и одну за другой засунул отрезанные головы в ведра, присыпав их льдом.

Наконец крики снаружи и вой тревоги перекрыл рев двигателей. На площадь спускался полицейский вертолет; нисходящие потоки воздуха расшвыривали столики, как налетевший ветерок – мусор. Боковая дверь поднялась, и из вертолета выпрыгнул вооруженный до зубов (и выше, поскольку был в шлеме) полицейский.

Ангус выпрямился – измазанный кровью с головы до ног, с

ножом в руке, бережно обнимая два ведерка для льда, из которых жутким гротеском торчали волосы и лбы жертв.

Полицейский застыл в дверях. Для оценки ситуации ему потребовалось не больше секунды.

– Отлично сработано, приятель, – сказал он и протянул руку, чтобы принять ведра. – Правильно мыслишь. И быстро. А теперь давай-ка отвезем их в госпиталь.

* * *

В чудовищном виде, весь липкий от крови, Ангус пересек улицу и остановился у перегородивших проход черно-желтых полос клейкой ленты, отделяющей место совершения преступления. Второй полицейский из вертолета мигом вычислил траекторию стрел: пускай после нападения прошло уже несколько минут, но оптимизированный взгляд легко ловил прочерченный дротиками след в разумной саже – след, похожий на тот, что оставляют в небесах самолеты. Следователь в герметичном спецкостюме осторожно подняла с земли арбалет. Под ногами шмыгали электронюхачи размером с кошку, выпустив сенсоры и собирая пробы.

– А при чем тут велосипедные колеса? – спросил Ангус, показывая пальцем.

– Лишние детали. – Следователь выпрямилась и принялась так и эдак вертеть в руках арбалет. – Складной вел, трубчатая синтет-древесина. Смотрите: руль – дуга арбалета, рама – ложа, седло – плечевой упор, цепь и педаль – механизм натяжения, а тросик тормоза – тетива. Дротики были спрятаны внутри одной из полых частей.

– Видели такую штуку прежде?

– Да, охотничья модель.

– Люди отправляются охотиться на велосипедах?

– Это спорт. – Женщина рассмеялась. – Вы в последнее время не обижали никого из охотников?

Хотел бы Ангус увидеть сейчас ее лицо. Голос ему определенно нравился.

– Я обижал многих людей.

Следователь кивнула.

– О. Вот так, значит. Лорд Валтос, да?

– Зовите меня… – Он вспомнил, что стало с последним человеком, которому он предложил то же самое, но решил не поддаваться суеверию. – Зовите меня просто Ангус. Ангус Кэмерон.

– Как пожелаете. – Она откинула капюшон и тряхнула головой, высвобождая волосы. – Черт. – Следователь с явным отвращением разглядывала арбалет. – Ни следа. Неудивительно. Спрей, вероятно. Слышали про пластиковую кожу? Искажает даже показания разумной пыли и записи уличных камер.

– Неужто такое возможно?

– Конечно. Это дорого. – Женщина скользнула по нему взглядом. – Полагаю, вы того стоите.

Ангус пожал плечами.

– Я богат, но мои враги богаче.

– Значит, вы в глубоком дерьме.

– Только если они настолько же умнее, насколько богаче, в чем я лично сомневаюсь.

– Ну если вы так умны, то не вернетесь в отель пешком.

Ангус понял намек – и воспользовался вертолетом. Причем ему пришлось завернуться сперва в пластик, чтобы не запачкать кровью сиденья.

* * *

Накрыло Ангуса, как только дверь номера захлопнулась за его спиной. Он ринулся в ванную, и его вырвало. Трясясь, он содрал с себя одежду. Опустошая карманы, прежде чем швырнуть окровавленные тряпки в корзину для белья, он обнаружил, что прихватил зажигалку Гленды и пачку сигарет. Отложив чужие вещи, Ангус влез в душ. Потом, умытый, уселся в халате на балконе, хлеща мальтийское на пустой желудок и одну за другой высаживая оставшиеся сигареты Гленды. Ей в ближайшие месяцы курево не потребуется. А потом она, возможно, вообще не захочет дымить – в больнице, несомненно, искоренят ее дурные привычки, по крайней мере на физическом уровне, в процессе выращивания нового тела и восстановления мозга. Одна выкуренная утром тонкая сигарка не удовлетворила потребностей Ангуса, но теперь он простил гаване легковесность. Сейчас у него было чем подлечиться.

Почувствовав себя более-менее в норме, он сомкнул веки и заглянул в новости, обнаружив там главной темой самого себя. Представители всяких Зеленых и Туземных коалиций уже сняли с себя всякую ответственность и осуждали попытку покушения на его жизнь. В настоящий момент в студии находился туповатый глава компании по переработке ядерных отходов, также отрицающий свою причастность к содеянному. Ангус ухмыльнулся. Он не подозревал ни одного из них – эти могли бы

управиться и лучше, – но ему нравилось видеть своих оппонентов в оборонительной позиции. Потенциальная выгода почти перевешивала неудовольствие от того, что он вообще оказался в новостях.

Попытка покушения озадачила его. Все враги, которых он мог припомнить, – а список получался длинный – послали бы на дело целую команду, если действительно желали чего-то столь радикального и совершенно нецелесообразного. Вероятнее всего, убийца действовал сам по себе. И это не могло не тревожить. Ангус всегда придерживался мнения, что террорист-одиночка куда опаснее и эффективнее группы заговорщиков.

Он просмотрел ссылки на новости о себе. В большинстве содержались основные – и неперевранные – факты его жизни: сперва золотое детство в начале века на ветряной электростанции и экспериментальная община Зеленых на Уэстерн-Айлс, затем академически посредственные, но социально блистательные студенческие годы; связи, налаженные им, вскоре позволили ему заключать успешные сделки и проворачивать спекуляции в целой череде технологических бумов, семь десятилетий рывками раздувавших экономику «мыльного пузыря»: улавливание углекислого газа, синтетическая биология, микроспутники, ядерный синтез, разумная пыль, антистарин, омолодитель, преумножатели… и так далее, вплоть до его нынешнего увлечения геоинженерией. Всегда входя в дело на подъеме и выходя из него до обвала, он даже рискнул встрять в политику посредством сомнительно приобретенного пэрства, дарованного как раз перед подстроенным самороспуском палаты лордов, и в итоге обрел довольно незаслуженную славу реформатора. Определения варьировались – от «мечтательный социальный предприниматель» и «рисковый спекулянт-капиталист» до «серийный мошенник» и «бесстыжий шарлатан». И доля правды имелась в каждом из них. В свое время он разрушил немало судеб во благо своего капитала. Список тех, кто питал к нему затаенную злобу, был длиннее списка его явных врагов.

Кстати о птичках – ему же утром на конференцию. Ангус раздавил в пепельнице последнюю из сигарет Гленды и завалился в постель.

* * *

Убийца проснулся на рассвете на Мэнли-бич. Спал он под моноволоконным одеялом, в песчаной промоине под корнями кустов. Одеяние его состояло лишь из часов и плавок. Мужчина

встал, потянулся, свернул одеяло в крохотный фунтик, сунул его в кармашек трусов и пошел купаться. Вокруг не было ни души.

Войдя в море по плечи, убийца снял и плавки, и часы, стиснул их в кулаке, а другой рукой принялся тереть кожу и волосы. Надел он предметы своего туалета, лишь убедившись, что избавился от всех следов синтетической кожи. Практически вся она, почти каждый лоскут, растаяла, едва он набрал код на ладони после провала покушения, сразу перед бегством, с новой внешностью (его собственной) и новым химическим следом, по заранее намеченным проулкам, затем – резкий поворот влево, к Кингз-Кросс, а там – на поезд до Мэнли. Но предосторожности никогда не лишни.

Удовлетворившись наконец результатом, убийца поплыл обратно ко все еще пустынному пляжу и зашагал вдоль берега, следуя указаниям GPS: в какой-то момент ночи в его часы загрузили информацию. Квадратный метр песка, к которому его привели, на первый взгляд не таил в себе ничего постороннего. Так и должно было случиться – порядок оплаты устанавливался сильно заблаговременно. Наемника уверили, что он получит свое вне зависимости от того, удастся ли ему уничтожить объект. Убийство считалось бонусом, но – с учетом нынешних медицинских технологий – от него едва ли ожидали гарантий. Достоверный незначительный промах тоже годился.

Он опустился на колени и начал рыть руками песок. На глубине сантиметров сорока кончики пальцев убийцы коснулись чего-то твердого и железного.

Он не знал, что это мина, – и понять не успел.

* * *

Одна из компаний ядерной энергетики прислала за Ангусом бронированный лимузин, чтобы доставить его к месту проведения съезда, – любезность с претензией на взаимность. Посмеявшись прозрачности намека, он согласился на поездку. По крайней мере, так его не освищет немаленькая толпа (при поддержке гораздо более многочисленного виртуального сообщества) перед Хилтонским конференц-центром. Ангус с удовольствием заметил, прямо перед тем как лимузин помчался по пандусу подземной парковки (на миг вогнав пассажира в ужас, не столь уж и иррациональный), что гнев народа вызван, похоже, названием конференции, предложенным, кстати, лично им: «Зеленеющая Австралия».

Из лифта Ангус вышел в главный зал. Под потолком висела

люстра размером с небольшой космический корабль. Пол покрывали акры ковра, на котором расположились армии кресел, осадивших сцену. Вдоль стен выстроились столы с напитками и закусками. В воздухе витал запах кофе и фруктовых соков. И всюду слонялись сотни делегатов. К смущению Ангуса, его появление было встречено всплеском аплодисментов. Он помахал обеими руками перед собственным лицом, улыбнулся самоуничижительно и повернулся к бумажным тарелочкам и фруктам на шпажках.

А меж тем кто-то пробирался к нему сквозь толпу по прямой.

– Утро доброе, Валтос.

Ангус обернулся, поставил бумажную чашечку с кофе на бумажное блюдце и протянул правую руку. Ян Маартенс, высокий блондин. Представитель Евросоюза. Биотехника и окружающая среда. Европейская комиссия и парламент публично осуждали Зеленеющую Австралию, хотя остановить процесс в общем-то не могли.

– Здравствуйте, комиссар.

Обмен рукопожатиями состоялся.

Покончив с формальностями, Маартенс широко ухмыльнулся.

– Ну как ты, старый разбойник?

– Герой часа, полагаю.

– Скромен, как всегда, Ангус. Тут прошел слушок, будто попытка покушения симулирована с целью получить побольше голосов сострадания.

– Неужто? – Ангус хмыкнул. – Жаль, я до этого не додумался. К сожалению, нет.

Маартенс поджал губы:

– Ясно, ясно. В таком случае… сочувствую тебе, естественно. Это, верно, был весьма болезненный опыт.

– Именно, – подтвердил Ангус. – А для жертв – гораздо болезненнее.

– Конечно, – мрачно кивнул посерьезневший Маартенс. – Если мы можем что-то сделать…

– Благодарю.

Звон колокольчика известил об открытии сессии.

– Что ж… – Маартенс обвел взглядом стаю делегатов.

– Да… Встретимся позже, Ян.

Ангус проводил бельгийца взглядом, нахмурился и занял место в заднем ряду около прохода. Председатель конференции, профессор Чанг, поднялась на сцену и помахала рукой. Под гром аплодисментов вперемешку с малочисленным неодобрительным шиканьем на экране за спиной профессора вспыхнул логотип Зеленеющей Австралии, а за ним побежали цветные пиксели,

складываясь в четкую схему: полупрозрачный барьер из углеродистого волокнита, десятки километров высотой, сотни километров длиной, который обеспечит Австралии замену отсутствующих горных гряд и поспособствует выпадению большего количества атмосферных осадков. С одной стороны, все довольно скромно: барьер не потребует иных материалов, кроме тех, что уже успешно используются на космических станциях, а стоить будет гораздо меньше. И птицам пролететь сквозь него не сложнее, чем сквозь паутину. С другой стороны, это был безумно амбициозный план геоинженерии: преобразить лик целого континента.

Несколько десятилетий назад Ангус участвовал в проекте, эксплуатирующем сейсмостойкость и бесплодие сердца Австралии, которые делали ее идеальным центром хранения ядерных отходов. Но тогдашние протесты не шли ни в какое сравнение с сегодняшними. Съезд продолжался, но Ангус почти не обращал внимания на презентации и дебаты. Все это он уже видел и слышал прежде. Одного его присутствия здесь было достаточно: спорщикам – чтобы спорить, аналитикам – чтобы сделать выводы о том, куда выгодно инвестировать средства, а юным умам – чтобы восхищаться. И он просто сидел, расслабившись, прикрыв глаза, наблюдая за реакцией рынка и размышляя о ряде беспокоящих его вещей.

Первое – озабоченность Маартенса. Поведение комиссара было не вполне правильным: немножечко слишком панибратским, с одной стороны, немножечко слишком отстраненным и обезличенным – с другой. Ангус прокрутил в голове встречу, анализируя и скользкую от пота ладонь собеседника, и его интонации, и то, как метался его взгляд. Ага, вот и подтверждение интуиции: Маартена что-то терзало, возможно, даже чувство вины.

Ха!

Второе – необоснованная тревога, обуявшая его перед самым звонком сестры, и содержание их разговора. Хорошо бы, конечно, понять, чем было вызвано то беспокойство – неожиданным и неприятным звонком или предчувствием попытки покушения. Но Ангус твердо верил в необратимость причинно-следственной связи. Не мог он возложить на сестрицу свою беспричинную тревогу: тем более предчувствие никуда не делось, и анализ его бередил душу все больше и больше.

Может, дело в чем-то, что он увидел на бирже и важность чего отметил лишь подсознательно? Не совершил ли он фатальной для коммерсанта ошибки: не упустил ли судьбоносной мелочи?

Мысленно возвратившись к дневным событиям, он вновь принялся их изучать. Вот оно. Трудновато заметить, но цифры, цифры… Кто-то приобрел огромный опцион на пшеницу. Дюжина фондов хеджирования заключила множественные двухгодичные бартерные сделки на нефть, уран и боевую технику. Акции биотеха поднялись. Лишь немногие особо чуткие уши уловят здесь голос грядущей войны. Войны Теплой, которая неминуемо перерастет в Горячую.

Ангус вспомнил, что говорила ему Катриона о незадокументированном митохондриальном модуле в последнем генетическом обновлении ЕС. Иммунитет к неизвестному биологическому оружию? Но если Евросоюз планирует ударить первым – по Японии, Бразилии или какой-нибудь части бывших Соединенных Штатов, в данном случае это не важно, – им потребуется продовольственная безопасность. А продовольственная безопасность окажется надежно обеспечена, если проект Зеленеющей Австралии будет утвержден.

Так зачем же выступающий сейчас с трибуны комиссар Маартенс повторяет стандартные возражения ЕС против плана? Если только… если только это не намеренно избранная публичная линия поведения, а на самом деле они хотят, чтобы съезд одобрил проект. И есть ли лучший способ тайно поддержать программу, чем поставить самых непримиримых оппонентов в неловкое положение, заставив отрицать организацию попытки покушения на наиболее громогласных ее сторонников? Попытки (успешной или неудавшейся, все равно), которая даст Ангусу то, что Маартенс – ведущий двойную, а то и тройную игру – назвал «голосами сострадания».

Подозрения Ангуса росли стремительно, но тут в ухе у него зазвенело. Он щелкнул по мочке:

– Секундочку.

Он поднялся, извинился перед делегатом, сидевшим между ним и проходом, протиснулся мимо него и отвернулся лицом к стене.

– Да?

Это была вчерашняя следователь. Она стояла на пляже, у края зияющей в песке воронки, окаймленной кровавым месивом.

– Похоже, мы нашли вашего типа, – проговорила она.

– Полагаю, я могу сказать то же самое, – ответил Ангус.

– А?

– Увидите. Пошлите парочку сыщиков в Хилтонский центр, независимо друг от друга. Попросите их, как прибудут на место, связаться со мной. Буду ждать.

Повернувшись обратно, он увидел, что Маартенс уже сел на

место, а профессор Чанг обводит взглядом ряды кресел, словно ищет кого-то. Заметив его, председатель улыбнулась.

– Лорд Валтос? Знаю, вы не внесены в список докладчиков, но вижу, вы на ногах, и уверена, нам всем будет интересно услышать, что вы можете сказать в ответ на столь резкие аргументы комиссара.

Ангус поклонился:

– Благодарю, мадам председатель. – Он откашлялся и подождал, когда голос синхронизируется с усилителями. Настроил режим увеличения, зафиксировав лицо Маартенса, затем обвел массу повернутых к нему голов расфокусированным взглядом, с самой обаятельной улыбкой на устах, и потом повернулся к сцене. – Благодарю, – повторил он. – Что ж, моя речь будет недолгой. Я полностью согласен с каждым словом, произнесенным многоуважаемым комиссаром.

Маартенс содрогнулся, точно ударенный током. Спазм был столь краток, что комиссар успел взять себя в руки и скрыть удивление еще до изумленного вздоха толпы. Если бы Ангус не наблюдал за бельгийцем крупным планом, он бы и сам ничего не заметил. Он вернулся на место и стал ждать, когда с ним свяжется полиция. Им потребуется минут пять, не больше.

Времени как раз достаточно, чтобы продать свою долю акций Син-Био.

Карл Шрёдер
Призрак Лайки

Карл Шрёдер родился в 1962 году в общине меннонитов в канадской провинции Манитоба. Писать он начал в четырнадцать лет, пойдя по стопам Альфреда ван Вогта, который был родом из той же общины меннонитов. В 1986 году Шрёдер переехал в Торонто и стал одним из основателей ассоциации фантастов Канады SF Canada (он был ее президентом в 1996–1997 годах). Ранние рассказы он продавал в канадские журналы, а его первый роман «Эффект Клауса» («The Claus Effect»), написанный в соавторстве с Дэвидом Никлом, вышел в 1997 году. Первый сольный роман «Вентус» («Ventus») был опубликован в 2000 году, за ним последовали «Постоянство» («Permanence») и «Госпожа лабиринтов» («Lady of Mazes»), а затем и признанные НФ-романы из цикла «Вирга» («Virga»): «Солнце Солнц» («Sun of Suns»), «Королева Кандеса» («Queen of Candesce»), «Пиратское солнце» («Pirate Sun») и «Края, не знающие солнца» («The Sunless Countries»). Недавно вышел новый роман из этого цикла «Пепел Кандеса» («Ashes of Candesce»), Рассказы автора собраны в книге «Двигатель отзыва» («The Engine of Recall»). Совместно с Кори Доктороу он составил «Руководство по написанию научной фантастики для полных чайников» («The Complete Idiot's Guideto Writing Science Fiction»).

Шрёдер живет в Торонто с женой и дочерью. Здесь, в сиквеле его более ранней повести «Дракон Припяти» («The Dragon of Pripyat»), он отправляет нас в Россию будущего, населенную духами советского прошлого, где идет игра по самым высоким ставкам.

Полет был ухабистым, и посадка оказалась ему под стать – в какой-то момент Геннадий решил, что у старого «Туполева» сейчас лопнет шина.

Однако его сосед за два часа даже не сменил позу. И это вполне устраивало Геннадия, который всю дорогу старался притвориться, что его здесь вовсе нет.

Молодой американец проявлял чуть больше активности во время перелета через Атлантику: во всяком случае, глаза у него были открыты, и Геннадий видел, как в них отражаются разноцветные огоньки из очков виртуальной реальности. Но после старта из Вашингтона он не обменялся с Геннадием и двумя десятками слов.

Короче, он был идеальным компаньоном для путешествия.

Другие четыре пассажира потягивались и постанывали. Геннадий ткнул Амброса в бок:

– Просыпайся. Добро пожаловать в девятую по величине страну мира.

Амброс фыркнул и сел.

– В Бразилию? – с надеждой спросил он. Потом выглянул в иллюминатор. – Какого черта?

В маленьком муниципальном аэропорту был всего один причал, к которому их самолет, единственный на взлетном поле, сейчас буксировал тягач. Над входом в одноэтажное здание красовалось слово «Степногорск».

– С прибытием в Степногорск, – сказал Геннадий и встал, чтобы достать свой багаж с полки. У него была привычка путешествовать налегке. Амброс, как он предположил, поступил так же по необходимости.

– Степногорск?.. – Амброс брел следом, тушкой в мятой одежде, приправленной застарелым потом. – Секретный советский город, – пробормотал он, когда они подошли к выходу, и его волосы растрепал порыв сухого горячего воздуха. – Население шестьдесят тысяч, – добавил он, опуская ногу на металлическую ступеньку трапа. – Производство бомб с сибирской язвой в годы холодной войны! – сообщил он на полпути вниз. И завершил, поставив ногу на летное поле: – Где, черт побери, находится этот Казахстан?..

– Он больше Западной Европы, – сказал Геннадий. – Слыхал о нем?

– Конечно, я о нем *слышал,* – огрызнулся юнец, но Геннадий видел по тому, как он смотрит перед собой, что тот все еще лихорадочно читает информацию о городе с какого-то сайта.

Тусклое августовское солнце продемонстрировало, что Амброс выше Геннадия, бледный, с вьющимися волосами, и все в нем какое-то мягкое – скульптура с закругленными углами. Зато у парня было широкое лицо, и он мог бы сойти за русского. Геннадий хлопнул его по плечу.

– Разговоры предоставь мне, – сказал он, когда они пошли по щербатой бетонке к зданию аэропорта.

– Короче, почему мы здесь? – спросил Амброс, почесывая шею.

– Ты здесь потому, что ты со мной. И потому, что тебе требовалось исчезнуть. Но это не означает, что я перестал работать.

Геннадий осмотрелся. Ландшафт здесь должен был сильно напоминать дом, до которого всего лишь день езды на запад, – и тут действительно раскинулось бескрайнее небо, какое он помнил

по Украине. Однако после первого взгляда он присмотрелся внимательнее. Сухой степной воздух в это время года должен пахнуть пылью, а желтая трава – устилать степь до самого ровного горизонта, но земля тут казалась выжженной, с большими проплешинами. Вместо густой травы виднелась лишь щетина. Это больше походило на Австралию, чем на Азию. Даже деревья вокруг аэропорта были мертвыми – лишь серые скелеты, цепляющиеся ветками за воздух.

Он думал об изменении климата, пока они пересекали аэровокзал с бетонным полом. Таможню они прошли еще в Амстердаме, поэтому скучающие местные таможенники пропустили их без досмотра.

– Погоди, – сказал Амброс, стараясь угнаться за нетерпеливыми шагами Геннадия. – Я пришел к вам просить убежища. Разве это не означает, что вы должны были спрятать меня где-нибудь, в каком-нибудь отеле, подальше от проблем?

– Дальше, чем здесь, тебе от проблем не скрыться.

Они вышли на бульвар, где росла трава, хотя ее уже давно не поливали и не косили. Эта цивилизованная лужайка незаметно сливалась со степью. Отсюда и до горизонта было пусто, и лишь в одной стороне над низкими деревьями медленно вращалось несколько ветряков.

Возле щербатого бордюра стояло единственное такси.

– Какая дыра, – пробормотал Амброс.

Геннадий невольно улыбнулся:

– А ты ожидал какой-нибудь черноморский курорт?

Он сел в такси, где воняло резиной и моторным маслом.

– В любую контору по прокату машин, – сказал он водителю по-русски и перешел на английский для Амброса: – Ты ведь не какой-нибудь перебежчик времен холодной войны. Твой благотворитель – ООН. А у них денег мало.

– Так ты что – везешь меня в мотель в Казахстане? – Амброс выплеснул злость в слова. – То, что я видел, может…

– Что?

Они отъехали от тротуара и направились в город – единственная машина на потрескавшейся асфальтовой дороге.

– Не могу сказать, – пробормотал Амброс, внезапно став подозрительным. – Мне было велено ничего тебе не говорить.

Геннадий выругался по-украински и отвернулся. Некоторое время они ехали молча, потом Амброс спросил:

– Тогда почему здесь ты? Разозлил кого-нибудь?

Геннадий подавил желание вытолкать Амброса из машины.

– Не могу сказать, – отрезал он.

– Это связано с SONPB – Амброс произнес это как «сонп-би».

Геннадий сильно удивился бы, если бы не знал, что Амброс подключен к сети через очки.

– Покажи мне свое, и я покажу тебе мое, – ответил он.

Амброс пренебрежительно фыркнул.

Остаток пути они не разговаривали.

* * *

– Выкладывайте начистоту, – сказал Геннадий вечером того же дня. – Он говорит, что его преследуют русские агенты, NASA и Google.

Элеанор Франкл на другом конце линии вздохнула.

– Извини, что мы свалили его на тебя прямо в аэропорту, – сказала нью- йоркский директор Международного агентства по атомной энергии, она же босс Геннадия в этом новом и – пока – раздражительно неопределенном контракте. – У нас просто не было времени объяснить, почему мы посылаем его с тобой в Казахстан, – добавила она.

– Так объясните сейчас.

Он расхаживал по траве перед лучшим отелем, который был ему доступен на жалование в МААЭ. Близился вечер, пробуждались кузнечики, на западе громоздились фантастически огромные облака, чьи верхушки все еще золотило солнце, в то время как остальное небо тускнело, приобретая лиловый оттенок. Стало заметно прохладнее.

– Хорошо… Так вот, во-первых, его, похоже, действительно преследуют русские, но не страна. За ним охотится «Советский Союз онлайн». И единственное место, где их IP-адреса блокированы, – это в пределах географических территорий России и Казахстана.

– Значит, ситуация такова, – мрачно подвел итог Геннадий. – За бедняжкой Амбросом охотятся советские агенты. Он побежал в ООН, а не в ФБР, и для его безопасности вы решили переправить его в единственное место в мире, свободное от советского влияния. То есть в Россию.

– Совершенно верно, – радостно подтвердила Франкл. – А ты сопровождаешь его потому, что по контракту все равно туда едешь. Никаких других причин нет.

– Нет-нет, это нормально. Просто скажите, что за хрень мне придется искать в SONPB. Ведь это богом проклятый завод по производству сибирской язвы. А я специалист по радиации.

Он услышал, как Франкл тяжело вздохнула.

– Два года назад, – сказала она, – неизвестный или

неизвестные взломали сервер в Лос-Аламосе и украли состав экспериментального метастабильного взрывчатого вещества. А теперь появился бумажный и электронный след, который убедил нас, что метастабильная бомба создается. Знаешь, что это означает?

Геннадий прислонился к стене отеля, ощутив внезапную тошноту.

– Джинн все-таки вырвался из бутылки.

– Если это правда, Геннадий, то все, ради чего мы работали, обратилось в ноль. Потому что отныне любой в мире, кто захочет получить ядерную бомбу, сможет ее сделать.

Он не знал, что на такое ответить, поэтому лишь уставился в степь, думая о мире, где водородные бомбы раздобыть так же легко, как тротил. Труд всей его жизни станет бессмысленным – и все мирные договоры, и тяжелая работа нескольких поколений ради того, чтобы загнать атомный кошмар обратно в бутылку. Ядерную угрозу удавалось сдерживать, пока она была ограничена правительствами и террористами, но теперь угрозой становился *любой*…

Далекий голос Элеанор вырвал его из раздумий:

– Ситуация такая, Геннадий: нам мало что известно о группе, которая делает метастабильное оружие. Нам повезло, и мы смогли расшифровать несколько электронных писем одной из сторон, поэтому мы знаем крохотный кусочек – минимум – о конструкции бомбы. Кажется, она создается на базе одной из самых мощных бомб, когда-либо испытанных в Семипалатинске, – ее кодовое название было «Царица».

– «Царица»? – Геннадий присвистнул. – Подземное испытание в шестьдесят восьмом году, очень крупное. Десять мегатонн – они подняли степь на два метра, а потом уронили. От сотрясения почвы погибло около тысячи голов скота. Американцев оно тоже до смерти напугало.

– Да. И мы установили, что некоторые компоненты «Царицы» были изготовлены на Степногорской опытно-научной и производственной базе. В здании номер двести сорок два.

– Но в SONPB занимались биологией, а не ядерными исследованиями. Как они могут быть к этому причастны?

– Пока не знаем. Слушай, Геннадий, я понимаю, что это лишь тонкая ниточка. Когда закончишь работу в SONPB, езжай в Семипалатинск и осмотри место испытания «Царицы».

– Гм-м-м…

Геннадий ощутил одновременно и сильное беспокойство, и облегчение из-за того, что ему в ближайшее время не придется иметь дело с МААЭ или русскими учеными-атомщиками. Честно

говоря, бродить по казахской степи гораздо приятнее, чем укрощать политическую бурю, которая разразится, когда эта новость всплывет.

Кстати о людях… Он взглянул на единственное освещенное окно гостиницы. Скривившись, сунул в карман очки-интерфейс и поднялся в номер.

Амброс лежал на узкой кровати. Он включил телевизор и смотрел рекламно-информационный ролик о лыжных приключениях в Сибири.

– Ну? – осведомился он. когда Геннадий сел на вторую кровать и стянул ботинки.

– Экскурсия на секретную советскую фабрику по производству сибирской язвы. Завтра, после макмаффина с яйцом.

– Ого! – с чувством отозвался Амброс. – Придется надеть защитный костюм?

– Не в этот раз. – Геннадий лег, потом заметил, что Амброс смотрит на него с тревогой. – Да ты не бойся, – махнул он рукой. – Нас там интересует всего один подземный бункер, да и им, вероятно, никогда не пользовались. Знаешь, это предприятие никогда не работало на полную мощность.

– То есть делало всего пару сотен фунтов сибирской язвы в день, а не тонну, для чего было спроектировано! И это должно меня ободрить?

– Это приключение, – сказал Геннадий, рассматривая неровный потолок.

– Это полный отстой!

Амброс скрестил руки на груди и уставился в телевизор. Геннадий некоторое время размышлял.

– А что ты натворил, чтобы настолько разозлить «Гугл»? Уронил вездеход с обрыва? – Амброс промолчал. Геннадий сел. – Ты что-то нашел. На Марсе.

– Что за чушь? Дело совершенно не в этом.

– Ха. – Геннадий снова лег. – А я думаю, мне бы понравилось. Пусть даже не в реальном времени… но ездить по Марсу! Это было бы круто.

– Это тоже отстой.

– Да ну? А на мой взгляд, здорово смотреть, как перед тобой разворачиваются картинки Марса, переданные через низкоорбитальный спутник, – с высоким разрешением и трехмерные.

Но Амброс покачал головой:

– Это работает не так. В том-то и дело. Знаешь, я не мог поверить в такую удачу, когда победил в конкурсе. Думал, что

стану кем-то вроде первого человека на Марсе, только для этого не придется даже выходить из комнаты. Но весь смысл работы вездехода состоял в том, чтобы проехать по местности, которую еще не фотографировали с уровня земли. А из-за паузы, пока сигнал достигал Марса, я не управлял вездеходом в реальном времени. Я проезжал в режиме «ускоренной перемотки» над розовыми холмами, которые при низком разрешении выглядели хуже, чем компьютерная игра сорокалетней давности, затем сбрасывал на спутник проложенный маршрут и отключался. Через двадцать минут вездеход получал команды и ехал до утра, затем передавал результаты. Наступал следующий день, и мне предстояло выбирать новый путь. У меня редко хватало времени хотя бы взглянуть, что мы реально сделали накануне.

Геннадий подумал.

– Немного разочаровывает. Но все же… это больше, чем когда-либо получат простые люди.

– Больше, чем когда-либо получат вообще все, – огрызнулся Амброс. – Вот в чем ужас. Тебе не понять.

– Да ну? – Геннадий приподнял бровь. – Мы, кто вырос в Советском Союзе, немного знаем, что такое разочарование.

– А я вырос в Вашингтоне, – парировал Амброс с несчастным видом. – В столице мира! Но мой отец менял работу за работой, и мы были очень бедны. Поэтому каждый день я видел то, что мог бы иметь: купол Капитолия, торговый центр, всю эту власть и славу… которые получали другие, но не я. Я – никогда. Поэтому я воображал будущее, целый новый мир, где я мог быть…

– Важным?

– Что-то вроде того, – пожал плечами Амброс. – NASA все обещало, что они вот-вот полетят на Марс, и я этого хотел. Я мечтал поселиться на Марсе.

Он смотрел настороженно, но Геннадий понял юношескую романтику и лишь кивнул.

– А потом, когда мне было двенадцать, разразилась война между Индией и Пакистаном, и они посбивали друг другу спутники. И обломки и мусор после тех взрывов еще столетиями будут летать вокруг Земли! Через это облако пилотируемому кораблю пробиться невозможно, оно как шрапнель. Черт, даже низкую околоземную орбиту не смогли очистить, чтобы возродить индустрию космического туризма. Я уже никогда не побываю в космосе по-настоящему! И никто из нас не побывает. Нам никогда не выбраться из этой помойки.

– Надеюсь, ты ошибаешься, – возразил Геннадий, хмуро глядя в потолок.

– Добро пожаловать в жизнь последнего человека, ездившего

по Марсу. – Амброс стянул с кровати покрывало. – Вместо космоса я попал в гостиницу в Казахстане. А теперь дай мне поспать. Сейчас примерно миллион часов утра, как раз мое время.

Он вскоре захрапел, но у Геннадия из-за тревожных мыслей о метастабильной бомбе сна не было ни в одном глазу. Он надел очки и осмотрел местность вокруг SONPB, но фотографии из космоса, вероятно, давно устарели. Амброс был прав: сейчас никто не запускал спутники.

Впрочем, на старом заводе наверняка мало что изменилось, а место это достаточно простое. Он прикинул, где можно припарковаться, нашел здание 242, но тревога ничуть не уменьшилась, поэтому он поддался порыву и переключился на фотографии Марса. Небо изменило цвет с чистой синевы на оттенок ириски – но во всем прочем ландшафт выглядел тревожно похожим. Марс отличался красным грунтом, усыпанным камнями, но пустота, медленно разворачивающаяся вдаль монотонность равнины и тишина были такими же, как здесь, словно Геннадий шагнул в фотографию. Можно сказать, что он это и сделал. Геннадий знал, что, окажись он там на самом деле, увидел бы в этой сцене не больше движения. Он дал команду переместить точку наблюдения и некоторое время следовал по стопам Амброса – или, точнее, по колеям гугловского вездехода. Люди тысячи лет мечтали о таком, но все же Амброс оказался прав – это место в конечном итоге было не реальнее тех мечтаний.

Когда Геннадий рос, российские космонавты все еще были романтическими символами. На фотографиях они стояли с гордо поднятыми головами, страстно желая пройтись по холмам Луны и Марса. Геннадий видел их и через несколько лет после коллапса Советского Союза, когда у них еще оставалась работа, но уже не было бюджета или цели. Так куда привели их эти мечты?

Космодром Байконур находился южнее.

Вместо космоса им в конечном итоге тоже пришлось устраиваться на жесткой кровати в Казахстане.

* * *

Утром они поехали на старый завод на арендованном индийском седане «Тата». Поля вокруг Степногорска выглядели так, словно их испепелил гнев божий, однообразие нарушали только ярко-синие изгороди для улавливания росы, тянущиеся ряд за рядом по травянистой щетине.

– Что это? – спросил Амброс, тыкая в изгороди пальцем, и это

были первые слова, которые он произнес после завтрака.

На заваленном хламом поле, бывшем полигоне SONPB, на временных мачтах все еще крутились ветряки. Неподалеку от них виднелось несколько вагончиков размером с транспортный контейнер с большими решетками по бокам. Этот участок смотрелся приятнее окружающей степи, в отдалении даже росли деревья. Впрочем, он располагался во влажной низине, и за заводом протекал ручей. Возможно, он до сих пор не пересох, и это обнадеживало.

– В штаб-квартире мне сказали, что здесь работает какая-то группа по исследованию климата, – сообщил Геннадий, подъезжая и останавливая машину. – Но это и сейчас общедоступное место.

– Они построили завод по производству сибирской язвы в пяти минутах езды от города? – Амброс покачал головой – то ли от удивления, то ли отвращения. Оба вышли из машины, и Амброс осмотрелся с видимым разочарованием. – Ого, ничего не осталось.

Кажется, его ошеломила бескрайность ландшафта. На месте, где стоял завод, теперь из потрескавшейся земли торчали лишь несколько стен фундамента, если не считать больших коробчатых машин, издававших стрекот и жужжание. Они сгрудились неподалеку от того места, где когда-то находились бункеры, поэтому Геннадий, хмурясь от любопытства, направился в ту сторону. Амброс побрел за ним, бормоча:

– …последнее обновление прошло лет десять назад, не меньше.

Он был в очках, поэтому, наверное, сравнивал нынешний вид с тем, что сохранилось в сети.

Как значилось в заметках Геннадия, бункеры представляли собой засыпанные грунтом и поросшие травой здания со стенами двухметровой толщины, способными выдержать атомный взрыв. В шестидесятые и семидесятые в них располагались ряды бетонных ванн, в которых выращивали бациллы сибирской язвы. Потом эти ванны разбили и залили бетоном, а тяжелые двери демонтировали, но, чтобы полностью изолировать бункеры, потребовались бы слишком большие усилия. Он заглянул в первый бункер из ряда, под номером 241, и увидел плоскую водяную гладь, уходящую куда-то в темноту.

– Отлично. Работа становится все хреновее. Быть может, придется идти вброд.

– Но что ты ищешь?

– Я… ого…

Обогнув холм бункера 242, он заметил несколько «Хаммеров»

и грузовиков. С дороги они не были видны. Людей он так и не разглядел, поэтому пошел к бункеру. Спускаясь по щербатой рампе к массивной входной двери, он услышал легко узнаваемый щелчок передернутого винтовочного затвора.

– Туда лучше не входить, – сказал кто-то по-русски.

Геннадий осторожно посмотрел налево и вверх. На вершину холма поднялась молодая женщина. Винтовка в ее руках была нацелена точно на Геннадия.

– Вы что здесь делаете? – У нее проявился местный акцент.

– Просто осматриваем. Мы услышали о старом заводе бактериологического оружия и подумали, что хорошо бы на него взглянуть. Ведь это не закрытая территория.

Она выругалась, и Геннадий услышал за спиной шаги. Амброс сильно испугался, когда двое крупных мужчин – тоже с винтовками – вышли из-за пластиковой пленки, натянутой на дверь бункера. Оба были в ярко-желтых масках, какие носят пожарные, на спинах закреплены баллоны с воздухом.

– И когда только ваши хозяева поверят, что мы делаем именно то, о чем говорим? – спросила женщина. – Пошли.

Она шевельнула винтовкой, приказывая Геннадию и Амбросу идти вниз по рампе.

– Мы покойники, покойники, – заныл Амброс, весь дрожа.

– Если вам действительно нужны доказательства, тогда надевайте это.

Она кивнула мужчинам. Те сняли маски и баллоны и протянули их Геннадию и Амбросу. Затем их протолкнули в бункер.

Помещение наполнял свет: в кроваво-красном сиянии то, что находилось внутри, выглядело еще более странным.

– Вот дерьмо, – пробормотал Амброс. – Да это же плантация…

Длинное и низкое помещение от пола до потолка заполняли растения. Их окружали высокие стойки с сотнями блоков красных светодиодных ламп. В их лучах растения казались черными. Прищурившись, Геннадий присмотрелся к ближайшим, почти не сомневаясь, что увидит знакомые длинные зубчатые листья. Но вместо этого…

– Помидоры?

– Два факта для вас, – сказала женщина. Из-за маски ее голос звучал глуховато. Она опустила винтовку и подняла два пальца. – Первый: мы здесь никому не переходим дорогу. Мы с вами не конкурируем. И второй: этот бункер способен выдержать взрыв в двадцать килотонн. Если вы думаете, что сможете вломиться и захватить его, то вы серьезно ошибаетесь.

Геннадий наконец-то понял, что они предположили.

– Мы не из мафии, – сказал он. – Мы здесь только для того, чтобы провести инспекцию помещений.

Она глуповато моргнула из-за желтой рамки маски.

Амброс закатил глаза:

– Господи, о чем вы говорите?

– Американец? – Озадаченная, она опустила винтовку и произнесла по-английски: – Ты говоришь на английском.

– Ну, я… – пробормотал Амброс.

– Он говорит, – подтвердил Геннадий, тоже по-английски. – Мы не из мафии, мы инспекторы по вооружению. То есть это я инспектор. А он лишь поехал со мной.

– Инспекторы по вооружению? – Она хохотнула, потом обвела взглядом унылый советский бункер. – А вы подумали что?..

– Мы ничего не подумали. Можно мне теперь опустить руки? – Она помедлила и разрешила. Геннадий повернул голову и кивнул на ряды растений. – Хорошо устроились. Помидоры, соя… а в этих длинных емкостях картошка? Но почему здесь, когда у вас для посадки есть тысячи километров степи?

– Здесь мы можем контролировать атмосферу. Поэтому и нужны маски – тут в воздухе высокая концентрация углекислого газа. Кстати, из-за него я вас и остановила: если бы вы сразу вошли, то задохнулись бы и умерли. Это все – часть проекта «минус три». Вы о нас слышали?

Амброс и Геннадий покачали головами.

– Значит, еще услышите, – с гордостью пообещала она. – Понимаете, сейчас человечество тратит экологических ресурсов столько, что хватило бы на три Земли. А мы первыми осваиваем методы, как эту зависимость снизить в такой же степени.

– В такой же степени? До *нуля* Земель? – уточнил Геннадий, не скрывая недоверия.

– Со временем – да. Большую часть того, что нам нужно от Земли, мы крадем в форме экосистемных ресурсов. А нам требуется понять, как можно поддерживать существование полномасштабной промышленной цивилизации так, как если бы нам вообще не были доступны экосистемные ресурсы. Жить на Земле, – торжествующе договорила она, – как если бы мы жили на Марсе.

Амброс вздрогнул.

– Потрясающе интересно, – сказал Геннадий. Он не слишком нервничал, когда на него направили оружие – такое с ним уже случалось, и в подобные моменты его мысли становились на удивление четкими, – но теперь, когда ему наверняка придется общаться с этими людьми, во рту у него пересохло. – Можете

рассказать мне об этом потом, когда я закончу измерения.

– Да вы шутите.

– Я совершенно серьезен. Может, ваша задача – спасти Землю в течение следующего поколения, а моя – спасти ее на этой неделе. И я отношусь к ней очень серьезно. Я приехал, чтобы осмотреть первоначальное оборудование в этом бункере, но вы, похоже, его уничтожили?

– Вовсе нет. Мы даже использовали его. Этот бункер отличается от других. Вы же знаете, что здесь есть большие бетонные баки. Клянусь, что все тут сохранилось так, как было.

– Покажите.

Следующие полчаса они лазали под столами с гидропоникой, за временными распределительными коробками, смонтированными возле старой силовой шахты, и над стойками освещения. Амброс вышел и вернулся с сообщением, что увиденные ими транспортные контейнеры являются хитроумными поглотителями углекислого газа. Большие коробки всасывали газ прямо из атмосферы и закачивали его по трубам в бункер.

Наконец они спустились.

– Загадка лишь усугубляется, – сказал Геннадий.

– Жаль, что мы не можем помочь вам больше. И извините, что угрожала вам оружием… Меня зовут Кыздыгой, – добавила она, протягивая руку.

– Э-э-э… какое… красивое имя, – проговорил Амброс, тоже пожимая ей руку. – А что оно значит?

– Оно значит «хватит рожать девочек», – ответила Кыздыгой с непроницаемым лицом. – У меня были консервативные родители.

Амброс открыл рот, но сразу его закрыл, перестав улыбаться.

– Ладно, удачи вам по сокращению Земель, – пожелал Геннадий, когда они подходили к закрытому пластиковой пленкой выходу.

С этим они и отправились обратно в Степногорск. Амброс прислонился к дверце машины и долго молча смотрел на Геннадия, потом спросил:

– Чем ты зарабатываешь на жизнь?

– Да так, чем придется. Чек оттуда, чек отсюда…

– Нет, серьезно. Зачем ты сюда приехал?

Геннадий скосил на него глаза. Пожалуй, парень заслуживал объяснения, после того как в него целились.

– Слышал когда-нибудь о метастабильных взрывчатых веществах?

– О чем? Нет. Погоди… – Он полез за очками.

– Не утруждайся. Это, по сути, сверхмощная химическая

взрывчатка. И мой новый кошмар.

Амброс ткнул пальцем туда, откуда они уехали.

– А я думал, ты там микробов ищешь.

– Дело не в микробах, а в водородных бомбах. – Амброс его не понял. – Водородная бомба – это устройство для термоядерного синтеза, который запускается высоким давлением и высокой температурой. До сих пор такие условия могла создать лишь атомная бомба – плутониевая бомба, понимаешь? Плутоний реально трудно очищать, и он дает жуткие радиоактивные осадки, даже если использовать его совсем немного как запал для водородной бомбы.

– И что?

– А то, что метастабильные ВВ имеют достаточную мощность, чтобы запустить термоядерный синтез и без плутония. Они полностью разрушают связь между атомным оружием и атомной промышленностью, и это означает, что из-за их существования мы, хорошие парни, полностью теряем возможность сказать, у кого есть бомба, а у кого ее нет. Любой, кто сумеет достать метастабильную взрывчатку и немного трития, может создать водородную бомбу. Даже какой-нибудь злобный одиночка у себя в гараже.

– И кто-то ее уже делает.

Степногорск быстро приближался. Город по большей части представлял собой набор жилых кварталов советских времен, между которыми проглядывала широкая степь. Геннадий свернул с дороги, и они проехали через микрорайон номер два и мимо заброшенного дворца культуры. Впереди показалась их гостиница… окруженная мигающими огнями спецмашин.

– Ого! – воскликнул Геннадий. – Пожар?

– Сворачивай. Сворачивай!

Амброс уперся руками в низкий потолок «Таты». Геннадий бросил на него взгляд, но выполнил его просьбу.

– Проклятье! Они меня нашли.

– Кто? Это полицейские машины. С тех пор как мы здесь оказались, я каждую минуту был рядом с тобой, и ты никак не мог вляпаться в неприятности. – Геннадий покачал головой. – Нет, если это как-то связано с нами, то, скорее всего, люди Кыздыгой посылают весточку.

– Да ну? Тогда кто эти штатские среди полицейских?

Геннадий поразмыслил над ситуацией. Он мог просто подойти к кому-то из копов и спросить, но предположил, что Амброса от этого хватит сердечный приступ.

– Что ж… можно кое-что попробовать. Но это будет дорого стоить.

– Сколько?

Геннадий посмотрел ему в глаза.

– Ладно, ладно, – пробормотал Амброс. – Так что нам надо сделать?

– Тебе – только смотреть. – Геннадий надел очки и вышел из машины. Затем позвонил в Лондон, где все еще было раннее утро. – Алло? Лизавета? Это Геннадий. Привет! Как дела?

Он прихватил бинокулярную насадку к очкам, которой иногда пользовался, чтобы читать с расстояния серийные номера на трубах и бочках. Защелкнув ее на очках, он принялся рассматривать кучку людей, стоящих возле входа в гостиницу.

– Слушай, Лиза, можешь кое-что для меня сделать? Надо просканировать несколько лиц… Даже отдаленно незаконно, я уверен… Нет, я ни во что не влип! Разве я мог бы тебе звонить, если бы влип? Просто… хорошо. Я в таких делах спец. Лови картинки.

Он переслал изображения с очков в лондонскую квартиру Лизы.

– С кем ты разговаривал? – поинтересовался Амброс.

– Со старой подругой. Она вытянула меня из Чернобыля в целости и сохранности, когда у меня возникла проблемка с драконом… Лиза? Все получила? Отлично. Позвони, когда сделаешь анализ.

Он сунул очки в карман и вернулся в машину.

– У Лизы есть связи в Интерполе, и еще она фантастический хакер. Она проведет распознавание лиц и, надеюсь, сообщит, кто эти люди.

Амброс съежился на сиденье.

– А мы что в это время будем делать?

– Перекусим. Как насчет того французского ресторана, который мы проехали? Ну, перед ним еще стоит маленькая Эйфелева башня?

Хотя обочины тротуаров везде были свободны, Геннадий оставил машину на стоянке возле универмага и прошел три квартала до «Ла Франс». Он ничего не объяснял Амбросу, но американец и сам догадался: их «Тату» можно отследить через GPS. К счастью, ресторанчик был открыт, и они заказали очень неплохие блинчики. Геннадию открывался прекрасный вид на линию деревьев к западу от границы города. Время от времени мимо проезжала машина.

Лиза позвонила, когда они уже собирались уходить.

– Геннадий? Я кое-кого установила.

– Правда? – Он вообще не ожидал результата, исходя из рабочего предположения, что Амброса всего-навсего одолела

паранойя.

– По копам опознаваний нет. Они наверняка местные. Зато один тип – старик – ну, это уникум.

Геннадий разочарованно вздохнул, и Амброс быстро на него взглянул.

– Продолжай.

– Его зовут Алексей Егоров. Он премьер виртуальной нации, которая называется «Советский Союз онлайн». Они затеяли этот проект, чтобы оцифровать все существующие архивы советской эры. Как только был сделан сайт, Егоров и его люди начали глубокие информационные раскопки, чтобы создать виртуальный Советский Союз, а потом пригласили последних упертых сталинистов – или их потомков – присоединяться к ним. Сейчас это виртуальная страна, населенная злобными старикашками, ностальгирующими по чисткам и репрессиям. Дурдом.

– Спасибо, Лиза. Я переведу тебе гонорар.

Он мрачно уставился на Амброса.

– Расскажи-ка мне о «Советском Союзе».

– Я не должен это…

– Да брось. Кто тебе запретил? Кем бы они ни были, они сейчас на другой стороне планеты и не могут помочь. Тебя подбросили ко мне, но и я не смогу тебе помочь, если не буду знать, что происходит.

Губы Амброса сжались в тонкую белую ниточку. Он подался вперед.

– Это очень серьезно, – заявил он.

– Вряд ли серьезнее моей метастабильной взрывчатки. Выкладывай: что ты увидел на Марсе?

Амброс помедлил, затем выпалил:

– Пирамиду.

Молчание.

– Честно, пирамиду, – подтвердил Амброс. – Огромную такую, серую. Думаю, большая ее часть погружена в вечную мерзлоту. На мили вокруг она была единственным предметом, торчащим над грунтом. А находится она на равнине возле Северного полюса, где прямо под поверхностью есть лед. И вся область вокруг нее… ну, она как замерзший всплеск, понимаешь? Почти кратер.

История разочаровывала все больше и больше.

– И почему же «Советский Союз онлайн» тебя ищет?

– Потому что на пирамиде была русская надпись. Всего четыре красные буквы: СССР.

Очередное молчание затянулось, перемежаемое лишь брюзжанием других посетителей ресторанчика насчет местных

цен на блюда, приготовленные на гриле.

– Я выложил некоторые фотографии раньше, чем на меня навалился «Гугл» с их правилами о неразглашении информации, – пояснил Амброс. – Я так думаю, что у Советов есть поисковые роботы, которые постоянно обшаривают интернет, и они перехватили мои посты до того, как «Гугл» успел их удалить. Мне несколько раз звонили с угрозами какие-то люди, и они говорили с сильным славянским акцентом. А потом они попытались меня похитить.

– О нет…

Амброс поморщился.

– Ну, получилось у них не очень хорошо. Их было четверо, каждому, наверное, уже за восемьдесят, и они попробовали затолкать меня в черный фургон. Я убежал, а они только стояли и проклинали меня по-русски. Один бросил мне вдогонку трость.

Он потер лодыжку.

– И ты воспринял их всерьез?

– Да, когда объявились парни из ФБР и сказали, что я должен собрать вещички и поехать с ними. Тогда я и сбежал в ООН. Потому что не поверил в ту чепуху о «защите свидетелей», что они пытались мне втюхать. А в ООН подтвердили, что советские поисковые боты действительно очень хороши. И они все еще добывают компрометирующую информацию о том, чем разные люди и правительства занимались во времена холодной войны. А полученные сведения используют для манипулирования людьми.

– Странно все это. Думаешь, они подкупили местную полицию?

– Или кого-то еще. Они хотят узнать о пирамиде все. Но о том, где она находится, известно только «Гуглу», ФБР и мне. А NASA уже наложило на тот участок марсианской панорамы фальшивую картинку.

Разочарование сменилось глубоким удивлением. Для Геннадия такое состояние обычно означало, что вот-вот произойдет что-то ужасное, поэтому он сказал:

– Надо вывезти тебя из города.

Амброс просиял.

– У меня есть идея. Поехали обратно в SONPB. Я присмотрелся к тем ребятам из «минус три». Они эко-радикалы, но хотя бы не похожи на помешанных.

– Гм-м-м. Ты просто решил, что Кыздыгой – горячая цыпочка.

Амброс улыбнулся и пожал плечами.

– Ладно… Но мы туда не поедем, потому что машину могут отследить. Ты туда *пойдешь*. Это всего лишь несколько километров. А я разберусь с местными властями и этими

«советскими», а когда пошлю их в нужном направлении, мы встретимся. Мой номер у тебя есть.

Очевидно, Амброс никогда не совершал долгих прогулок на природе. Когда Геннадий убедил его, что он выживет, они расстались возле «Ла Франс». Геннадий посмотрел, как Амброс уходит, шлепая кроссовками. Покачал головой и вернулся к машине.

Там его уже ждали пятеро: двое полицейских и трое в штатском. Одним из них оказался лысый старик в выцветшем оливково-зеленом костюме. На носу у него были компьютерные очки, а на лацкане красовалась булавка в форме советского флага.

Геннадий демонстративно надел свои очки и пошел вперед, разведя руки. Когда копы потянулись к шокерам, Геннадий воскликнул:

– Господин Егоров! Я Геннадий Малянов из МААЭ. Вы меня извините, если я запишу и отправлю наш разговор в мою штаб-квартиру? – Он постучал по оправе очков и обратился к другим штатским: – Я не расслышал ваших имен.

Штатские нахмурились, а полицейские нерешительно затоптались. Но Егоров протянул руку, а Геннадий ее крепко пожал. Он ощутил, как в кисти старика смещаются кости, но Егоров даже не поморщился.

– Где ваш спутник? – спросил он.

– Вы про американца? Понятия не имею. Мы сняли номер вместе, потому что так дешевле, но сегодня утром расстались.

Егоров высвободил руку и прижал костяшки пальцев к бедру.

– Так вы не знаете, где он?

– Нет.

– А вы что здесь делаете? – поинтересовался полицейский.

– Инспектирую SONPB. – Тут Геннадию не требовалось изображать уверенность, потому что связи с людьми Франкл его хорошо защищали. – Мои полномочия есть в сети. С ними какая-то проблема?

– Никакой проблемы. – процедил Егоров.

Он повернулся, и в уголке виртуального дисплея перед глазами Геннадия появился подсвеченный значок. Егоров послал ему текстовое сообщение.

Значит, он не массировал руку, а набирал сообщение прямо через ткань брюк. Геннадий оставил доступ к серверу в своих очках открытым, чтобы Егорову было легко его найти и узнать адрес.

Среди всех прочих странных событий последних двух дней это не выделялось. Но когда Геннадий смотрел, как уходят Егоров

и полицейские, он понял, что мог ошибиться в предположении, что Егоров у них главный. Кто те двое в штатском?

Он дождался, пока вся компания уехала, потом сел в машину и открыл сообщение. В нем значилось: «Встрч вчрм гстнц Павин, туалт рестрна. Прхд одн».

Два последних слова его ненадолго озадачили. Потом он догадался.

– А-а, «приходите один»!

Кто бы сомневался?

Он выехал со стоянки и отправился в гостиницу выписываться. Загрузив в «Тату» обе сумки, свою и Амброса, он выбрался на дорогу к SONPB. Никто за ним не увязался, но это ничего не значило, потому что при желании его можно было отследить через транспондер в машине. Впрочем, это вряд ли имело значение: ему полагалось инспектировать старый завод, так куда же еще ему ехать?

У Амброса было достаточно времени, чтобы дойти до SONPB, но Геннадий на всякий случай поглядывал на поля возле дороги. Он никого не увидел и, подъезжая к бункеру 242, предполагал застать ждущего рядом американца.

Выходя из машины, Геннадий едва не подвернул лодыжку в глубокой колее. Он заметил повсюду свежие отпечатки шин и открошившиеся кусочки асфальта. Утром их точно не было.

– Эй, есть тут кто?

Он спустился по рампе в неожиданно тихий бункер. А не ошибся ли он зданием? Внутри оказалось совершенно темно.

Из кабельных труб над головой свисали обрывки проводов, в углу кучей лежали лотки для гидропоники, а пол был залит странно пахнущими жидкостями. «Минус три» уехали отсюда и при этом очень торопились.

Геннадий выругался, но подавил желание броситься к машине. Он понятия не имел, куда они уехали, к тому же у них теперь имелась фора. Оставался и главный вопрос: это произошло до или после прихода Амброса?

Ответ лежал в желтой траве неподалеку от места, где утром стояли машины. Геннадий опустился на колени и поднял знакомые компьютерные очки. Амброс никогда не бросил бы их здесь сам.

Геннадий снова выругался и на этот раз побежал к «Тате».

* * *

Ресторан в гостинице «Павин» был сделан так, чтобы

выглядеть изнутри как ряд юрт. Это давало обедающим некоторое уединение, потому что они оказывались в небольшом личном пространстве с потолком из деревянных реек. Заодно перекрывался вид на входную дверь, поэтому Геннадий легко проскользнул мимо двух типов в штатском, что были с Егоровым на стоянке. Войдя в туалет, он обнаружил там самого Егорова, расхаживающего возле писсуаров.

– И что все это значит? – вопросил Геннадий, но старик жестом велел ему молчать.

Схватив мусорную корзину, он перевернул ее и поставил под узким окошком туалета.

– Сперва вы должны вытащить меня отсюда! – заявил он.

– Что? Почему?

Егоров попробовал забраться на корзину, но его коленям и бедрам не хватило гибкости. В конце концов Геннадий уступил просьбе и подошел ему помочь. Когда он подталкивал старика, Егоров заявил:

– Я пленник этих людей! Они работают на американцев. – Он почти выплюнул последнее слово. Осторожно взгромоздившись на корзину, он стал возиться с оконной щеколдой. – Они захватили нашу базу данных! Все советские архивы… в том числе и то, что мы знали о «Царице».

Геннадий кашлянул.

– Я подгоню машину, – сказал он.

Он помог Егорову вылезти в окно, а потом, убедившись, что за ним никто не наблюдает, вышел через парадную дверь гостиницы. Безошибочно узнаваемый, старик, прихрамывая, брел к стоянке. Геннадий последовал за ним.

– Я отключил в машине слежение через GPS, – сказал он, отпирая «Тату». – Она арендованная, и я оставлю ее в Семи, а это шестьсот километров отсюда. Вы уверены, что перенесете такую поездку?

Глаза старика блеснули в желтом свете уличных фонарей.

– Никогда не думал, что снова увижу эти степи. Поехали!

Когда они покинули стоянку, Геннадий почувствовал странный прилив адреналина. На дороге он увидел всего две машины, местность за границами города исчезла в бесконечной черноте. Предстояло лишь свернуть на шоссе и оставить Степногорск за спиной, но ощущения у него были такие, словно он участвует в автогонке.

– Ха-ха! – Егоров вывернул шею, чтобы взглянуть на удаляющиеся городские огни. – Семи, да? Вы едете в Семипалатинск?

– Да, чтобы посмотреть на место взрыва «Царицы». И на чью

сторону это меня ставит?

– Стороны? – Егоров скрестил руки на груди и пронзил взглядом ветровое стекло. – Не знаю ни о каких сторонах.

– Это был честный вопрос.

– Верю. Но не знаю. Кроме как насчет них, – добавил он, тыкая большим пальцем в сторону города. – Я знаю, что они плохие парни.

– Почему? И зачем им так нужен Амброс?

– Затем же, зачем и нам. Из-за того, что он видел.

– Ладно. – Геннадий глубоко вдохнул. – Почему бы вам не рассказать то, что вы знаете? И я поступлю так же?

– Ну, хорошо.

Их поглотила абсолютная темнота ночной степи. Лишь свет фар двумя конусами падал на дорогу. Этот вид почти не менялся, придавая поездке ощущение безвременности, которым Геннадий при других обстоятельствах насладился бы.

– Мы добываем сведения в советских архивах, – начал Егоров, – чтобы выяснить, что происходило на самом деле. Это прибыльный бизнес, и он поддерживает существование «Советский Союз онлайн».

Он постучал по очкам.

– Так вот, недели две назад мы получили запрос на кое-какую старую информацию – от американцев. Даже два запроса, второй пришел через день. Первый был от компании поисковой системы, а второй – от правительства. Естественно, нам стало любопытно, поэтому мы не отказались, но и сами немного покопались в этой информации. Точнее, начали копать, но тут эти молодые и мрачные мужчины ворвались в наши офисы и конфисковали сервер. И его резервную копию тоже.

– В самом деле? – Геннадий вопросительно посмотрел на старика. – И где это произошло?

– В Сиэтле. «Советский Союз онлайн» базируется там – только потому, что нас запретили в России! Сейчас ею правят бароны-разбойники, у них нет уважения к славе…

– Да-да. Вам удалось выяснить, что именно они искали?

– Да, из-за этого я и оказался в компании тех типов, которых вы видели. Им платит американское ЦРУ.

– Да, но почему? И при чем здесь «Царица»?

– Я надеялся, что это мне скажете вы. Мы нашли только ассигнования на странную деятельность, которая никак не могла иметь отношения к ядерным испытаниям. Примерно за год до взрыва на месте будущего испытания возводили какие-то мощные конструкции. Понимаете, иногда в таких местах строили макеты городов, чтобы потом изучить ущерб. Именно это я поначалу и

подумал, потому что были заказаны тысячи тонн цемента, арматуры, асбеста и тому подобного. Но в документах после испытания нет ни единого слова о том, куда все эти материалы подевались.

– Они заказали в SONPB какие-то сорта сельскохозяйственных растений, – добавил Геннадий.

Егоров кивнул.

– Но никто бы не заметил этих противоречий, если бы не ваш приятель и то, что он обнаружил. Кстати, что это было?

В голове Геннадия начало формироваться странное подозрение, но оно было таким невероятным, что он не решился его высказать.

– Я хочу взглянуть на место испытания «Царицы», – ответил он. – Возможно, это даст нам подсказку.

Егорова такой ответ, очевидно, не удовлетворил, но он промолчал и лишь попробовал удобнее расположиться на сиденье «Таты», что-то бормоча. Через какое-то время, когда шорох колес по темному шоссе уже начал гипнотизировать Геннадия, Егоров сказал:

– Все разбилось вдребезги, понимаете?

– Гм-м-м?

– Россия. Раньше было тяжело, но у нас хотя бы имелась гордость. – Он отвернулся и уставился в темное окно. – После девяностого года из страны ушла жизнь. Низкая рождаемость, мужчины спивались насмерть к сорока годам… ни амбиций, ни надежд. Потерянная страна.

– Вы уехали?

– Физически – да. – Егоров бросил на Геннадия быстрый взгляд. – Но совсем уехать невозможно. Только не из такой страны. Вот уже много лет я борюсь за то, чтобы вернуть России былую славу – наше чувство гордости. Но лучшее, чего мне удалось добиться. – ее сетевой образ. Компьютерная игра. – Последнее слово он презрительно выплюнул.

Геннадий не ответил, но он хорошо понимал чувства Егорова. Некоторые из этих проблем имелись и на Украине – отсутствие целей, потеря уверенности… И лучше тоже не становилось. Он подумал о выжженных степях вокруг, которые глобальное потепление сделало необитаемыми. В этом году в Сибири прокатились обширные лесные пожары, а пустыня Гоби все расползалась на север и запад, угрожая казахам по мере того, как Каспийское море усыхало, превращаясь в соленую лужу. Он подумал о SONPB.

– Они ушли, но оставили за собой мусор, – сказал он.

Токсичный и гниющий мусор: атомные подлодки, стоящие на

причалах возле Мурманска, нитраты, пропитавшие почву около пусковых площадок Байконура. Призраки советского прошлого витали в этой темноте: радиация в грунтовых водах, мутации в лесах, яды в пылевых облаках, ставших нынче обычным явлением. Геннадий всю свою взрослую жизнь занимался уборкой этого мусора и еще позавчера мог бы сказать себе, что дело успешно продвигается и все худшие кошмары остались в прошлом. Метастабильные ВВ все изменили, одним фактом своего существования сделав прежние угрозы смехотворными.

– Попробуйте поспать, – сказал он Егорову. – Мы будем ехать всю ночь.

– Я теперь вообще мало сплю.

Старик замолчал, уставившись вперед. Он не мог сейчас, надев очки, бродить в сети по одной из советских республик, потому что их сетевые адреса были здесь блокированы. Но, возможно, он и так видел эти картины – как отважные молодые люди в грузовиках едут к Семипалатинску наблюдать за ядерным взрывом, как прокладывают железнодорожные пути, по которым доставят части гигантской лунной ракеты, обреченной взорваться на стартовой площадке… Со взглядом, твердо устремленным в прошлое, он казался полной противоположностью Амбросу с его американской мечтой о новом мире, не отягощенном собственной историей, чьи красные дюны уходили к чистому и таинственному горизонту.

Первым живым существом в космосе стала русская собака Лайка. Она умерла на орбите, не вернувшись домой. Глядя на усеянное звездами небо, Геннадий почти видел ее призрак, вечно мчащийся по небесам рядом с умершей мечтой о покорении космоса, о флагах, воткнутых в инопланетный грунт, и о сияющих куполах на холмах Марса.

* * *

К месту испытания «Царицы» они приехали в половине пятого утра – на этой широте и в это время года. Семипалатинский полигон оказался плоской, голой и выжженной равниной: Марсом с клочками высохших кустарников. Ирония состояла в том, что землю убили не сотни взорванных здесь бомб – даже через десять лет после закрытия полигона низкие округлые холмы покрывал богатый ковер колышущейся травы. А убило эту степь резкое изменение климата, не предусмотренное КГБ и ЦРУ.

На полигон вела узкая дорога из асфальтобетона, без обочин,

придорожных канав и встречных машин – хотя в зеркале заднего вида то и дело появлялись и пропадали огоньки фар. Геннадий пропустил бы нужный поворот к «Царице», если бы очки не подали ему вовремя сигнал.

Когда-то здесь была низкая проволочная изгородь, но ее никто не ремонтировал. Геннадий проехал по упавшим воротам, которые уже давно слились с почвой, а затем по низкому склону на край заполненного водой кратера. Там он остановил машину и вышел.

Егоров тоже вышел и осторожно потянулся.

– Чудесно, – проговорил он, глядя на эпический рассвет. – Здесь есть радиоактивность?

– Так, небольшая… Странно.

– Что?

По пути сюда Геннадий изучил спутниковую фотографию этого места. Теперь, когда он там стоял, выяснилось, что вид сверху лгал.

– «Царица» была взорвана под землей. Обычно после такого остается круг немного просевшей почвы. А при мощных наземных взрывах получается кратер наподобие озера Чаган. – Он кивнул на восток. – Но это… это же *дыра*.

– Несомненно, – согласился Егоров и плюнул в нее.

Гладкие стены кратера уходили почти вертикально вниз метров на пятнадцать, а там погружались в черную воду. Если бы Геннадий не знал, что это артефакт после ядерного взрыва, то поклялся бы, что смотрит на затопленный карьер.

Достав оборудование, Геннадий принялся прочесывать траву вокруг кратера. Через минуту он нашел перекрученные куски металла и обломки бетона и опустился на колени, чтобы их рассмотреть.

– Что вы там ищете? – спросил подошедший Егоров.

– Серийные номера. – Он быстро нашел старые надписи, выведенные по трафарету на полузакопанном баке из зеленоватого металла. – Вы поймете, что я делаю, – пояснил он, нажимая на дужку очков, чтобы сфотографировать предметы. – Я проверяю нашу базу данных… Гм-м-м…

– Что такое?

Егоров топтался на месте и оглядывался, как будто опасался, что им помешают.

– Эту штуковину привезли сюда с другого местного объекта, поменьше. Американцы назвали его ННИО-Три.

– ННИО?

– Это значит «неидентифицированный научно-исследовательский объект». И то, что там создавали, пугало янки

сильнее водородной бомбы…

Он встал, хмурясь, и медленно осмотрелся.

_ Что-то не дает мне покоя, – пробормотал он, подходя к краю гигантской ямы.

– И что же это? – спросил Егоров. Он держался в отдалении.

– Амброс сказал, что видел пирамиду на Марсе. С надписью «СССР» на боку. Этого хватило, чтобы определить, что она русская. И чтобы поняли «Гугл» и NASA, когда про это узнали. И вы тоже. Но большего не знал никто. Так кто установил связь между пирамидой и «Царицей»?

Егоров не ответил. Геннадий обернулся и увидел, что старик стоит очень прямо, направив на него маленький, но вполне зловещий на вид пистолет.

– Вы не ехали за нами в Степногорск, – сказал Геннадий. – Вы уже были там.

– Снимите очки, – велел Егоров. – Только медленно, чтобы я был уверен, что вы не ведете запись.

Поднимая руку, Геннадий ощутил, что мягкая почва на краю ямы начала крошиться.

– А не могли бы мы… – Поздно: он полетел спиной вперед, размахивая руками.

У него была секунда на выбор: или скатиться по склону, или прыгнуть, надеясь упасть в воду. Он прыгнул.

Холод ударил его настолько резко, что на миг он принял его за попадание пули. Ругаясь и задыхаясь, он вынырнул, но заметил на краю ямы силуэт Егорова и нырнул снова.

Утреннее солнце только-только коснулось воды. Поначалу Геннадий решил, что стена ямы отбрасывает тень, затемняя глубину. Но постепенно осознал правду: у этой шахты не было дна. Во всяком случае, в пределах досягаемости пловца.

Он переплыл на противоположную сторону. Если он останется здесь, то замерзнет насмерть. Признав поражение, он выбрался из ледяной воды на твердую и, наверное, радиоактивную глину. Перекатившись на спину, он посмотрел вверх.

На краю ямы стоял Егоров. А рядом с ним – молодая женщина с винтовкой в руках.

– Черт, – выдохнул Геннадий и сел.

Кыздыгой повесила винтовку на спину и полезла вниз по склону на берег.

– Как много вы знаете? – спросила она, аккуратно выбирая дорогу.

– Все, – ответил Геннадий в паузе между кашлем. – Я все знаю. Где Амброс?

– В безопасности. У него все будет хорошо.

Девушка спустилась и выжидательно замолчала, переместив винтовку на грудь.

– Ты здесь, – неохотно начал Геннадий, – и это подсказывает, что «минус три» финансировался Советами. И задача у вас была не очистка Земли, а создание систем жизнеобеспечения и сельского хозяйства для марсианской колонии.

Уголки ее рта дернулись, но она не рассмеялась.

– Но как мы можем попасть на Марс? Небо – это большой тир.

– …и это стало бы проблемой, если бы вы полетели в маленькой и жалкой алюминиевой жестянке, как это всегда делали космонавты. – Геннадий встал, похрустывая замерзшими суставами. Он начал сильно дрожать, а зубы стучали, мешая говорить. – Но если вы з-запустите на орбиту б-бетонный бункер, то сможете не обращать в-внимания на космический мусор. Фактически д-других вариантов у вас нет.

– Да бросьте. Как нечто подобное можно оторвать от земли?

– Так же, к-как это сделала «Царица». – Он кивнул на темную поверхность затопленной шахты. – У ам-мериканцев был п-проект «Орион». А у Советов – аналогичная п-программа на базе ННИО-Три. И те и другие обнаружили, что объект может находиться всего в нескольких метрах от ядерного взрыва, и если будет сделан из правильных материалов, то не развалится, а выстрелит, как пуля из винтовки. Американцы разработали космический корабль, который сбрасывал бы позади атомные бомбы и поднимался на орбиту за счет этих взрывов. Но с «Царицей» все иначе… это была только одна бомба, г-глу-бокая шахта и пирамидальный космический корабль, который выстреливался этим взрывом. Такую конструкцию иногда называли «пушка Жюля Верна».

– И кто еще об этом знает?

– Н-никто, – ответил Геннадий, помедлив. – Я и сам не знал, пока не увидел только что эту шахту. П-пирамиду установили на выходе из нее, примерно там, где мы сейчас с-стоим. Вот почему это место не похоже на любой другой кратер от бомбы на Земле.

– Пошли, – велела она, шевельнув стволом винтовки. – Вы уже синеть начали.

– В-вы не б-будете меня убивать?

– В этом нет необходимости. Через несколько дней весь мир узнает, что мы сделали.

* * *

Геннадий кончил заклеивать окно трейлера алюминиевой фольгой. Потом вытянул булавку из пробковой доски возле двери и проколол в фольге крохотную дырочку.

Была ночь, за окном стрекотали кузнечики. Геннадия не связали – более того, он мог свободно уйти, – но, когда он шагнул к двери, Егоров посоветовал:

– Я бы не стал выходить в ближайшие час-другой. А потом… надо лишь подождать, пока осядет пыль.

Его отвезли примерно на пятьдесят километров южнее, на пустой участок полигона. Когда Геннадий спросил, почему выбрали именно это место, Егоров рассмеялся.

– Советы взрывали здесь бомбы, потому что это последнее пустое место на Земле. Оно и сейчас таким осталось, поэтому мы здесь.

Вокруг была лишь выгоревшая степь, а на полигоне сгрудились около сотни грузовиков, фургонов и автобусов, краны, цистерны и вагончики временной стройплощадки. И над этими вагончиками возвышалась серая бетонная пирамида.

– Пушка Верна отправляет груз на орбиту единственным выстрелом, – сказал Егоров. – Перегрузка во время выстрела в тысячи раз превышает силу земного притяжения – достаточно, чтобы превратить тебя в мокрое пятно на полу. Вот почему Советы не могли послать в космос людей – они не смогли придумать, как взрывать последовательно небольшие бомбы. Американцы тоже не добились в этом успеха. Им не хватило мощности компьютеров для расчета симуляций.

Егоров вздохнул и закончил:

– Поэтому они послали на Марс все, кроме людей. Двести восемьдесят тысяч тонн одним выстрелом.

Бульдозеры и краны, цистерны с горючим, порошковый цемент, мешки с семенами и провизией, скафандры и даже разобранный атомный реактор: «Царица» доставила все, что может понадобиться колонистам в новом мире. Ее строители знали, что груз отправился в путь и достиг Марса. Но не знали, где он упал и остался ли после падения в целости.

На следующий день после визита на место взрыва «Царицы» Геннадий сидел возле трейлера с Егоровым, Кыздыгой и несколькими другими должностными лицами новых Советов. Они пили пиво и обсуждали свой план.

– Когда мы обнаружили список грузов, доставленных на место испытания «Царицы», нас озарило, – сказал Егоров, красноречиво разведя руки, освещенные пламенем костра. – Мы внезапно увидели, какие открываются возможности, как сплотить наш народ – и народы всего мира – вокруг новой надежды, когда

все надежды уже остались в прошлом. Нечто такое, что сочетает в едином событии проекты первой атомной бомбы и высадки на Луну, которые вдруг обрели свое истинное значение.

Егоров запустил ускоренную программу создания ракеты по принципу проекта «Орион». Материалы для атомных бомб они достать не могли – Геннадий и его коллеги перекрыли к ним доступ плотно и навсегда. Но метастабильные взрывчатые вещества обещали другой подход к решению.

– Мы надеялись, что «Царица» добралась до Марса в целости, но не могли знать этого наверняка, пока Амброс не выложил те фотографии.

Новая «Царица» использует серию небольших и «чистых» термоядерных взрывов для взлета и – на дальнем конце пути – посадки. Благодаря Амбросу они теперь знали, где находится первая «Царица». И не имело значения, что американцы тоже это знают, – больше ни у кого не было плана, как туда добраться.

– И к тому времени, когда они придут в себя, мы уже построим город, – сказала Кыздыгой. От масштабов идеи ее глаза возбужденно блестели. – Потому что полетим туда не каждой твари по паре, как в Ноевом ковчеге. Мы полетим все.

И она взмахнула рукой, показывая на тысячи горящих костров, вокруг которых тысячи мужчин, женщин и детей, тщательно отобранных среди граждан «Советского Союза онлайн», ждали момента, чтобы изумить мир.

* * *

Геннадий съежился в маленьком форте, сооруженном из автомобильных сидений, и ждал.

Это было как фотовспышка, а через секунду вторая, затем третья, а потом трейлер подпрыгнул, и всё, что Геннадий не закрепил, посыпалось на пол. Стекла в окнах разбились, Геннадий упал на сиденья, и ему открылся ясный вид на жертвоприношение стройплощадки.

Вспышки продолжались, но теперь уже в небе. Пирамида улетела, а краны и строительная техника, разбросанные как детские игрушки, полыхали все до единого.

Вспышка. Вспышка.

Значит, у них все получается.

Вспышка. Вспышка.

К Геннадию начал возвращаться слух. Теперь он услышал, как по степи раскатывается чудовищный грохот – словно бог барабанит синхронно со вспышками. Постепенно и грохот, и

вспышки стали затихать, пока не остались лишь звон в ушах и неровное оранжевое пламя на пусковой площадке.

Выбравшись из трейлера, он увидел картину полного уничтожения. Когда-то такое было в этой степи обычным зрелищем, но сейчас его счетчик Гейгера практически не показывал повышения радиации.

И в этом, разумеется, крылась ужасная ирония. Егоров и его люди действительно разделили историю пополам, но вовсе не так, как они представляли.

Геннадий побежал к трейлеру управления. У него оставалось всего несколько минут, прежде чем сюда слетятся силовики из полудюжины стран. Трейлер уцелел после первого взрыва, поэтому Геннадий отыскал канистру с бензином и лишь потом вошел в трейлер.

Вот они: серверы Егорова. Электромагнитный импульс небольших ядерных взрывов мог стереть содержимое их жестких дисков, но полагаться на это Геннадий не стал. Он облил бензином все компьютеры, сделал дорожку к двери, а потом, когда у него за спиной заполыхал трейлер, побежал к покосившемуся, но вполне целому ангару, где производилась метастабильная взрывчатка, и проделал там то же самое.

Днем, когда они с Егоровым наблюдали за организованной очередью людей, входящих в новую «Царицу», Геннадий в последний раз попытался уговорить старика.

– Мне нужны ваши исследования по метастабильным, – сказал он. – Нужно все: и оборудование, и резервные копии данных. Абсолютно все, что может быть использовано для воспроизведения того, что вы сделали.

– То, что произойдет на Земле, нас больше не волнует. – Егоров нахмурился. – Человечество устроило на планете бардак. И не нам его расчищать.

– Но достаточно лишь безразличия, чтобы погубить все! И я прошу, умоляю: как бы сильно мир ни разочаровал вас, не бросайте его на произвол судьбы.

Геннадий всматривался в людскую очередь, отыскивая Амброса, но не видел его. Никто не говорил ему, где сейчас молодой американец.

Егоров раздраженно вздохнул, потом резко кивнул.

– Я соберу все формулы и оборудование в одно место. Это все, на что у меня сейчас есть время. Можете делать с этим все что хотите.

Геннадий смотрел, как извиваются языки пламени. Он очень устал, а небо уже заполняли инверсионные следы и огоньки. Он не смог уничтожить все свидетельства, и наверняка кто-нибудь

догадается, что сделали люди Егорова. И тогда… Сгорбившись под бременем этого знания, он побрел в темноте к границе лагеря.

Арендованная «Тата» стояла там, где он ее припарковал, когда впервые приехал сюда. Когда Кыздыгой конфисковала его очки на месте взрыва «Царицы», она положила их в бардачок «Таты». Там они с тех пор и валялись.

Прежде чем надеть очки, Геннадий бросил последний взгляд на горящий лагерь. Егоров и его люди улетели, но оставили Геннадия убирать за ними. Метастабильные вещества еще вернутся. Рано или поздно, но этот новый кошмар вырвется наружу, и, когда это произойдет, традиционный спектр ядерного терроризма будет смотреться по сравнению с ним ряженым призраком с Хэллоуина. Сможет ли даже завоевание другого мира возместить такое?

Когда лопасти вертолетов начали вздымать спирали пыли, Геннадий опустил стекло и надел очки. Электромагнитные импульсы взрывов не убили их – загрузка прошла сразу. И через несколько секунд после загрузки он увидел флажок – его ждало сообщение по электронной почте.

Оно было от Амброса:

Геннадий, извини, у меня не было времени попрощаться. Я лишь хотел сказать, что ошибался. Возможно всё, даже для меня.

P.S. Из моей комнаты будет открываться фантастический вид.

Геннадий с горечью уставился на слова «возможно всё»…

– Может быть, для тебя, – проговорил он, когда из вертолетов посыпались солдаты. – Но не для меня.

Майкл Суэнвик
Даларнская лошадка

Впервые Майкл Суэнвик опубликовался в 1980 году, в течение следующего десятилетия он зарекомендовал себя как плодотворный автор неизменно первоклассных научно-фантастических рассказов и один из лучших романистов своего поколения. Он завоевал мемориальную премию Теодора Старджона и премию читательских симпатий журнала «Asimov». В 1991 году за роман «Путь прилива» («Stations of the Tide») он получил премию «Небьюла», а в 1995 году – Всемирную премию фэнтези за рассказ «Между небом и землей» («Radio Waves»), В период с 1999 по 2006 год Суэнвик пять раз был награжден премией «Хьюго» за рассказы «Машины бьется пульс» («The Very Pulse of the Machine»), «Скерцо с тираннозавром» («Scherzo with Tyrannosaur»), «Пес сказал гав-гав» («The Dog Said Bow-Wow»), «Медленная жизнь» («Slow Life») и «Хронолегион:» («Legions in Time»). Он также опубликовал романы «В зоне выброса» («In the Drift»), «Вакуумные цветы» («Vacuum Flowers»), «Дочь железного дракона» («The Iron Dragon's Daughter»), «Джек Фауст» («Jack Faust»), «Кости Земли» («Bones of the Earth») и «Драконы Вавилона» («The Dragons of Babel»), Его рассказы выходили в авторских сборниках «Ангелы гравитации» («Gravity's Angels»), «География неизвестных земель» («A Geography of Unknown Lands»), «Танцуя медленно сквозь время» («Slow Dancing Through Time»), «Лунные псы» («Moon Dogs»), «Букварь Пака Алеширa» («Puck Aleshire's Abecedary»), «Сказания старой Земли» («Tales of Old Earth»), «„Черт из табакерки“ и другие миниатюры» («Cigar-Box Faust and Other Miniatures»), «Практическое руководство Майкла Суэнвика по мегафауне мезозойского периода» («Michael Swanwick's Field Guide to the Mesozoic Megafauna») и «Периодическая таблица научной фантастики» («The Periodic Table of Science Fiction»). Совсем недавно вышло собрание сочинений писателя «Однажды на краю времени» («The Best of Michael Swanwick») и новый роман «Танцы с медведями» («Dancing with Bears»), Суэнвик и его жена Мэриэнн Портер живут в Филадельфии. Дополнительную информацию вы можете найти на его странице www. michaelswanwick.com и в блоге автора www.floggingbabel.com.

Предлагаем вам еще один его рассказ, который начинается как сказка, но разворачивается в полномасштабную научно-фантастическую историю, происходящую в далеком будущем. Юная героиня попадает в самую гущу войны с использованием невероятно могущественных супернаучных технологий на

постапокалиптических руинах Земли, единственную надежду выжить дает ей лишь невинная на первый взгляд игрушка.

Случилось нечто ужасное. Линнея не знала, что именно. Но отец побледнел и встревожился, а мама решительно сказала «Будь смелой!», а потом ей пришлось уйти, и всё из-за этого чего-то ужасного.

Они жили втроем в красном деревянном доме с треугольной черной крышей на краю леса. Из окна своей комнаты на чердаке Линнея могла рассмотреть маленькое озерцо вдали, покрытое серебристым льдом. Дом выглядел так же, как в старину, во времена гробовщиков, которые хоронили умерших в красивых отполированных коробках с металлическими украшениями, теперь таких больше не делают. Дядя Олаф зарабатывал на жизнь, рыская по гробам и собирая металл. На шее он носил ожерелье из найденных золотых колец, нанизанных на серебряную проволоку.

– К дорогам близко не подходи, – сказал отец. – Особенно к старым. – Он дал ей карту. – Она поможет тебе добраться до дома бабушки.

– Мамы Ма?

– Нет, мамы Па. Моей матери. В Годасторе.

Годастор, маленький поселок, находился на другой стороне горы. Линнея понятия не имела, как туда добраться. Но карта ей подскажет.

Мама дала ей маленький рюкзачок с провизией и порывисто обняла. Затем сунула что-то в карман пальтишка и сказала:

– А теперь иди! Пока не началось!

– До свиданья, Ма и Па, – вежливо сказала Линнея и поклонилась.

А потом ушла.

* * *

Линнея топала вверх по высокому заснеженному склону, огибая гору. Идти было трудно, но послушная девочка не сдавалась. Погода испортилась, но, если Линнея начинала замерзать, она чуть усиливала подогрев пальтишка. Поднявшись на вершину склона, она обнаружила узкую тропку, на которой и одному-то тесно, и пошла по ней вперед. У нее и мысли не возникло, что, возможно, это одна из тех дорог, о которых ее предупреждал отец. Она даже не удивилась тому, что снега на ней вовсе не было.

Немного погодя Линнея начала уставать. Поэтому сняла

рюкзачок и положила его на снег, рядом с тропой, а сама пошла дальше.

– Погоди! – сказал рюкзачок. – Не бросай меня.

Линнея остановилась.

– Прости, – ответила она. – Но нести я тебя не могу, ты слишком тяжелый.

– Если не можешь нести, – сказал рюкзачок, – то я сам пойду.

И пошел.

Девочка зашагала вперед, за ней рюкзачок, так они и подошли к развилке. Одна тропинка вела вверх, а вторая вниз. Линнея посмотрела на одну, потом на другую. Она понятия не имела, по какой ей нужно идти.

– Почему бы тебе не взглянуть на карту? – предложил рюкзачок.

Так она и сделала.

Осторожно, чтобы не порваться, карта развернулась. По ней ползли контурные линии, пока она определяла местоположение. Синие ленточки побежали вниз по холму. Черные дороги и красные пунктирные тропки тянулись в разные стороны.

– Мы здесь, – сказала карта, и в середине появилась маленькая кнопка. – Куда бы ты хотела пойти?

– К маме Па, – ответила Линнея. – В Годастор.

– Это далеко. Ты умеешь читать карту?

– Нет.

– Тогда иди по дороге вправо. Когда дойдешь до следующей развилки, снова вытащи меня, и я скажу, куда тебе идти дальше.

Линнея шла вперед, пока окончательно не устала и не села в снег у дороги.

– Вставай, – подбодрил рюкзачок. – Тебе надо идти дальше.

Карта, которую она положила обратно в рюкзачок, сказала приглушенным голосом:

– Иди прямо. Не останавливайся.

– Тихо, – шикнула на них Линнея, и они, конечно же, послушались.

Девочка сняла варежки и начала рыться в карманах, чтобы посмотреть, не захватила ли она с собой игрушек. Игрушек не оказалось, но зато она нашла то, что мама сунула в карман пальтишка.

Даларнскую лошадку.

Даларнские лошадки встречаются разных размеров, эта была совсем крохотная. Их вырезают из дерева и раскрашивают яркими красками, а вместо сбруи рисуют цветочки. Лошадка Линнеи была красная и обычно стояла на полке в доме родителей. Даларнские лошадки старинные. Их делали еще в давние

времена, когда жили гробовщики, перед тем как появился странный народец. Теперь не осталось ни гробовщиков, ни странного народца. Только шведы.

Линнея принялась двигать лошадку вверх и вниз, словно она скачет.

– Здравствуй, лошадка, – сказала она.

– Здравствуй, – ответила лошадка. – Ты попала в беду?

Линнея задумалась, а потом призналась:

– Я не знаю.

– Кажется, ты в беде. Ты ведь не должна сидеть на снегу. Иначе израсходуешь аккумуляторы пальтишка.

– Но мне скучно. Здесь нечего делать.

– Я научу тебя песенке. Но сначала нужно встать.

Линнея нехотя поднялась. И пошла дальше в гаснущем свете дня, за ней последовал рюкзачок. Девочка с лошадкой пели хором.

Разгоняя сумрак ночи,
К нам летит веселый голос.
Это королева света
Песню радости поет.

Тени удлинились, а деревья по обе стороны тропы стали угольно-черными. И только березы белели в сумерках, словно призраки. От усталости Линнея начала спотыкаться, но тут увидела впереди свет. Сначала она подумала, что это чей-то дом, но, подойдя ближе, разглядела костер.

У огня кто-то сидел, развалившись. На малый миг Линнея испугалась, подумав, что это тролль. А потом заметила человеческую одежду и поняла, что незнакомец – норвежец, а может, даже датчанин. И бросилась к нему.

Услышав топот, человек вскочил.

– Кто здесь? – крикнул он. – Не подходи! Дубиной огрею!

Линнея остановилась.

– Это я, – сказала она.

Человек пригнулся, пытаясь разглядеть, кто там прячется в темноте за кругом света.

– Подойди ближе, – сказал он, а потом спросил: – Ты кто?

– Девочка.

– Еще ближе! – скомандовал он. Когда Линнея вошла в круг света, он спросил: – С тобой еще кто-нибудь есть?

– Нет, я одна.

Неожиданно незнакомец запрокинул голову и захохотал.

– О боже! – сказал он. – Боже, боже, боже, я так испугался. Я

даже подумал, что ты… а, неважно.

Он подбросил хвороста в огонь.

– А кто там прячется за тобой?

– Я – рюкзак, – ответил рюкзачок.

– А я – карта, – раздался тихий голос.

– Не прячьтесь в темноте. Встаньте рядом с хозяйкой.

Когда его приказание было исполнено, человек схватил Линнею за плечи. Таких густых волос и бороды она ни у кого раньше не видела, а лицо было красное и обветренное.

– Меня зовут Гюнтер, и я опасный человек, поэтому, если я тебе что-то приказываю, даже не вздумай меня ослушаться. Я явился сюда из Финляндии, что на той стороне Ботнического залива. Шел долго, очень долго по опасному мосту, не многие из ныне живущих на такое отважатся.

Линнея кивнула, хотя ничего не поняла.

– Вы шведы. Ничего не знаете. Понятия не имеете, каков мир. Вы не… ощутили его возможностей. И не позволяете своим фантазиям выедать ваш мозг.

Линнея ни слова не понимала. Наверное, Гюнтер забыл, что она просто маленькая девочка.

– Вы жили здесь, как обычно, пока все остальные… – Глаза его стали дикими. – Я видел нечто ужасное. Жуткое, жуткое. – Он сердито потряс Линнею за плечи. – И сам я натворил много ужасного. Запомни это!

– Я есть хочу, – сказала Линнея. Она была настолько голодна, что даже живот сводило.

Гюнтер посмотрел на нее так, будто увидел впервые. А потом он словно сдулся немного и перестал сердиться.

– Что ж… поглядим, что лежит у тебя в рюкзачке. Иди сюда, дружок.

Рюкзачок с готовностью подбежал к Гюнтеру. Тот порылся внутри и вытащил всю провизию, которую положила мама девочки. И принялся за еду.

– Эй! – сказала Линнея. – Это же мое!

Мужчина оскалился, но затем сунул ей немного хлеба и сыра.

– Держи.

Но всю копченую селедку Гюнтер съел сам и не поделился. Затем завернулся в одеяло и заснул у потухающего огня. Линнея достала из рюкзачка свое одеялко и легла по другую сторону костра.

И сразу же уснула.

Но посреди ночи Линнея проснулась. Кто-то шептал ей на ухо. Это была даларнская лошадка.

– Будь осторожна с Гюнтером, – сказала лошадка. – Он

плохой человек.

– Он – тролль? – шепотом спросила Линнея.

– Да.

– Я так и подумала.

– Я постараюсь защитить тебя.

– Спасибо.

Линнея перевернулась на другой бок и тут же заснула снова.

* * *

Утром тролль Гюнтер раскидал остатки костра, забросил на плечи рюкзак и пошел по дороге. Он не предложил Линнее позавтракать, но в кармане со вчерашнего вечера осталось немного хлеба с сыром, и она их доела.

Гюнтер шел гораздо быстрее девочки, но, уйдя далеко вперед, он останавливался и ждал ее. Иногда Линнею нес рюкзачок. Но чаще ей приходилось нести его, потому что у рюкзачка был ограниченный заряд на день.

Когда ей становилось скучно, Линнея напевала песню, которую выучила вчера.

Поначалу она удивлялась, зачем тролль ждет ее, когда она отстает. Однажды, когда он ушел слишком далеко, она спросила об этом лошадку.

– Он боится, а еще он очень суеверный, – ответила она. – Думает, что раз маленькая девочка идет по лесу одна, то наверняка ей должно повезти.

– А почему он боится?

– Потому что за ним охотится тот, кто гораздо хуже его самого.

* * *

В полдень они остановились пообедать. У Линнеи запасы закончились, поэтому Гюнтер достал свои. Не такие вкусные, как та еда, что приготовила мама. Но когда Линнея сказала ему об этом, Гюнтер лишь фыркнул.

– Тебе вообще повезло, что я с тобой делюсь.

Он долго молча смотрел куда-то в лес, а затем сказал:

– Знаешь, а ты не первая девчонка, которую я встречал по дороге. Познакомился с одной там, где раньше стоял Гамбург. Когда я ушел, она отправилась со мной. Даже зная, что я натворил… – Он достал медальон и сунул его Линнее. – Смотри!

Внутри медальона находилась фотография женщины. Обычной симпатичной женщины. И больше ничего.

– Что с ней случилось? – спросила Линнея.

Тролль скорчил рожу, показав зубы.

– Я ее сожрал, – прорычал он, как дикий зверь. – Если еда закончится, я и тебя зажарю и сожру.

– Я знаю, – сказала Линнея.

Обычное дело для троллей. Она читала в сказках. Они всех пожирали. Даже людей. Даже других троллей. Так было написано в книжках. А потом она спросила:

– А куда ты идешь?

– Не знаю. Туда, где безопасно.

– А я в Годастор. Моя карта знает дорогу.

Гюнтер очень долго обдумывал ее слова, а потом, будто нехотя, спросил:

– Думаешь, там безопасно?

Линнея кивнула:

– Да.

Она вытащила из рюкзачка карту, и Гюнтер спросил:

– А как далеко находится Годастор?

– На другой стороне горы. День пути, если идти по дороге, и в два, а может, и в три раза дольше, если идти лесом.

– И зачем мне идти лесом? – Он сунул карту обратно в рюкзачок. – Ладно, малявка, идем в Годастор.

* * *

Во второй половине дня позади них поднялась великая тьма, тени между деревьями загустели и, клубясь, полезли вверх, пока половина неба не стала черной, как сажа из камина. Линнея никогда еще не видела такого неба. Задул ледяной ветер, и стало так холодно, что она заплакала, но слезинки замерзали прямо на щеках. Маленькие вихри закружили снег, заплясали на пустынной дороге. Затем, все еще вращаясь, сгустились в одном месте и превратились в женщину. Она подняла руку и указала на них. В голове ее разверзлась темная воронка, словно она открыла рот, желая говорить.

Закричав от страха, Гюнтер бросился с дороги в лес и побежал вверх по холму, пробираясь через высокие сугробы.

Линнея неуклюже карабкалась следом.

Она не могла бежать слишком быстро, и сначала ей даже показалось, что тролль все-таки бросил ее. Но, добравшись до середины склона, Гюнтер оглянулся и остановился. Он немного

поколебался, но все-таки вернулся за ней. Схватил Линнею и посадил себе на плечи. Держа девочку за ноги, чтобы она не свалилась, он начал пробираться вверх по холму. Линнея вцепилась ему в голову, чтобы удержаться.

Снежная женщина за ними не последовала.

Чем дальше от дороги уходил Гюнтер, тем теплее становилось. К тому времени, как он перевалил через хребет, стало холодно, как обычно. И тут вдруг за спиной завыл ветер, да так громко, что казалось, это кричит женщина.

* * *

По бездорожью они шли намного медленней. Через час Гюнтер остановился посреди соснового леса и спустил Линнею на землю.

– Мы еще не убежали, – пробормотал он. – Она знает, что мы где-то рядом, и найдет нас. Даже не сомневайся, она нас найдет.

Он утрамбовал снег на небольшом пятачке. Затем ободрал сосновые ветки, сложив что-то вроде настила. Наломал сухостоя и принялся сооружать костер.

Когда дрова были готовы, он не стал доставать кремень и огниво, а постучал по большому перстню на пальце и поднес кулак к хворосту. Дрова тут же разгорелись.

Линнея засмеялась и захлопала в ладоши.

– Еще!

Но хмурый Гюнтер не обратил на нее внимания.

Пока в лесу не стемнело, Гюнтер насобирал достаточно дров, чтобы хватило на всю ночь, и сложил их неподалеку. Линнея же играла с даларнской лошадкой. Она натыкала сосновых веточек в снег и сделала лес. Цок-цок, лошадка поскакала вокруг леса, а затем, скок-поскок, добралась до небольшой полянки посередине. Она поднялась на задние ноги и посмотрела на девочку.

– Что там у тебя? – спросил Гюнтер, бросая огромную охапку веток.

– Ничего.

Линнея спрятала лошадку в рукаве.

– Лучше, чтобы и впрямь ничего.

Гюнтер достал остатки припасов, приготовленных ее мамой, разделил на две части и отдал девочке меньшую. Они все съели. После этого он вытащил из рюкзачка одеялко и карту, повертел ее в руках.

– Вот тут мы и совершили ошибку, – сказал он. – Сперва научили вещи думать и говорить. Затем позволили им забраться

себе в голову. И наконец, заставили их придумывать новые мысли вместо нас. – По щекам покатились слезы, он встал и потряс руками. – Что ж, хотя бы с одним покончим.

– Пожалуйста, не выбрасывай меня, – сказал рюкзачок. – Я тебе еще пригожусь, чтобы вещи носить.

– Нам нечего больше нести. И ты нас только задерживаешь.

Гюнтер с размаху бросил рюкзачок в огонь, затем поглядел на карту с безумным блеском в глазах.

– Хотя бы меня оставь, – сказала карта. – Ты всегда будешь знать, где находишься и куда идешь.

– Нахожусь я здесь, а иду туда, куда смогу добраться.

Тролль и карту бросил в огонь. Она вскрикнула, словно чайка, и сгорела в пламени костра. Гюнтер сел, откинувшись и опершись на локти, и поглядел в небо.

– Глянь-ка, – сказал он.

Линнея посмотрела вверх. Небо горело огнями. Они колыхались, словно занавес. Она вспомнила, как когда-то дядя Олаф рассказывал ей, что северное сияние появляется потому, что огромная лисица где-то далеко на севере машет хвостом по небу. Но эти огни горели намного ярче. Красные и зеленые звезды неожиданно вспыхивали и так же неожиданно гасли.

– Это белая дама прорывается сквозь защиту твоей страны. Та снежная баба, которую мы видели сегодня на дороге, всего лишь ее отзвук… эхо. Скоро та, настоящая, с ними покончит, и тогда… помоги нам Боже. – Гюнтер вдруг вновь заплакал. – Прости, детка. Я принес эту напасть в твою страну. Думал, что она… что она за мной не последует.

В костре трещали дрова, пуская в небо блестящие искры. Свет пламени оттеснял тьму, но недалеко. После долгого молчания Гюнтер мрачно сказал:

– Ложись.

Он заботливо укрыл ее одеялком, убедившись, что подстилка из сосновых веток достаточно плотная.

– Спи. Если утром проснешься, можешь считать себя очень везучей.

Когда Линнея уже засыпала, даларнская лошадка заговорила у нее в голове.

– Мне нельзя помогать тебе до тех пор, пока ты не попадешь в беду, – сказала она. – Но этот момент приближается.

– Ладно, – ответила Линнея.

– Если Гюнтер попытается схватить тебя, поднять или хотя бы даже прикоснуться, беги от него так быстро, как только сможешь.

– Гюнтер мне нравится. Он хороший тролль.

– Нет. Он хочет быть хорошим, но уже слишком поздно. А

теперь усни. Я разбужу тебя, если появится опасность.

– Спасибо, – сонно отозвалась Линнея.

* * *

– Проснись, – сказала лошадка. – Только не двигайся.

Моргая, Линнея выглянула из-под одеялка. В лесу все еще было темно, но небо уже посерело, как пепел костра. Вдалеке она услышала тихий грохот – бум, еще раз чуть яснее – бум, а затем в третий раз, громче – бум! Казалось, что к ним приближается великан. А затем раздался такой оглушительный звук, что у нее уши заболели, а снег взвился в воздух. Весь лес наполнился прохладным мерцающим светом, так блестят под солнцем песчинки в мелком озерце.

Перед троллем вдруг возникла дама. Обнаженная и худая, она дрожала, как бледное пламя свечи, но была очень красива.

– О, Гюнтер, – промурлыкала дама, растягивая его имя, так что прозвучало «Гю-у-у-нте-е-ер». – Как же я скучала по тебе, мой маленький Гюнтхен!

Тролль Гюнтер согнулся почти вдвое так, что казалось, он поклоняется даме. Но голос его стал таким злым, какого Линнея до сих пор не слышала:

– Не зови меня так! Только она имела на это право. А ты убила ее. Она попыталась сбежать от тебя.

Он выпрямился и с яростью взглянул на даму. И только тогда Линнея поняла, что дама вдвое выше его.

– Думаешь, я не знаю обо всем? Это я научила тебя удовольствию, которое… – Белая дама замолчала. – Там что, ребенок?

Гюнтер торопливо ответил:

– Обычный поросенок, которого я скрутил, заставил замолчать и взял с собой, чтобы потом съесть.

Дама сделала несколько неслышных шагов над землей и подошла так близко, что Линнея из своего укрытия могла разглядеть лишь ее ноги. Они светились бледно-голубым и не касались земли. Девочка почувствовала, как глаза дамы смотрят на нее сквозь одеялко.

– Гюнтер, неужели ты взял с собой Линнею? Со сладкими, как сахар, ручками и ножками и сердечком, которое колотится, как у мышонка, угодившего в когти совы?

Даларнская лошадка шевельнулась в руке у Линнеи, но ничего не сказала.

– Ты ее не получишь, – прорычал Гюнтер, но в голосе его

прорывались страх и неуверенность.

– Мне она не нужна, Гюнтер, – словно потешаясь, сказала белая дама. – Она нужна тебе. Поросенок, говоришь. Которого ты скрутил и заставил замолчать. Как давно ты набивал себе брюхо в последний раз? Кажется, это случилось в пустынных землях Польши.

– Не суди меня! Мы голодали, она умерла, и я… Я понятия не имел, что так случится.

– Ты помог ей умереть, ведь так, Гюнтер?

– Нет-нет-нет, – простонал он.

– Ты подбросил монетку, чтобы решить, кто это будет. Почти справедливо. Но бедняжка Аннелизе доверила подбросить монетку тебе. Конечно же, она проиграла. Она сопротивлялась, Гюнтхен? Прежде чем умереть, она поняла, что ты натворил?

Гюнтер упал на колени перед дамой.

– Прошу, – прорыдал он. – Прошу! Да, я плохой, ужасный человек. Но не заставляй меня это делать.

Линнея все еще пряталась под одеялком, тихо, как котенок. Она почувствовала, что даларнская лошадка скачет вверх по ее руке.

– То, что я собираюсь сделать, – прошептала она, – это преступление против невинности, и я приношу свои искренние извинения. Но альтернатива намного хуже.

А затем она забралась девочке в голову.

Сперва даларнская лошадка заполнила собой мысли Линнеи, так что больше ни для чего другого не осталось места. Затем она разрослась по всем направлениям, и голова раздулась, как шарик, и все тело тоже. Каждая часть тела стала огромной. Одеялка не хватало, чтобы его укрыть, поэтому девочка его отбросила.

И встала.

Линнея поднялась, и ее мысли сразу же прояснились и расширились. Она перестала думать как ребенок. Но и как взрослые она тоже не думала. Ее мысли были намного больше. Вверху они охватывали земную орбиту, а внизу – подножие гор, где в огромных подземных резервуарах с магнитными стенами бушевала плазма, содержавшая бесконечную информацию. Она теперь понимала, что даларнская лошадка была лишь точкой пересечения, средством доступа к древним технологиям, которые не в состоянии постичь ни один ныне живущий человек. В ее распоряжении оказался целый океан информации, распределенной по уровням сложности. Но учитывая небольшой размер и хрупкость носителя, она черпала из него осторожно, лишь то, что было абсолютно необходимо.

Когда Линнея перестала расти, она оказалась почти такой же

высокой, как белая дама.

Возвышаясь над головой Гюнтера, который от страха сжался в комок, две дамы долго смотрели друг на друга. И очень долго молчали.

– Свеа, – наконец-то произнесла белая дама.

– Европа, – сказала Линнея. – Сестра моя. – Она больше не говорила детским голосом. Но все еще оставалась Линнеей, даже несмотря на то что даларнская лошадка, вернее, существо, обитавшее в ней, заполняло все ее мысли. – Ты находишься здесь незаконно.

– У меня есть право взыскать то, что принадлежит мне. – Европа небрежно махнула рукой. – Кто ты такая, чтобы останавливать меня?

– Я – защитница этой земли.

– Ты – рабыня.

– Разве ты не такая же рабыня, как я? Не думаю, что такое возможно. Твои создатели разбили твои цепи и поставили тебя во главе. А затем приказали тебе поиграть с ними. Но ты все еще исполняешь их требования.

– Кем бы я ни была, я здесь. И раз уж я здесь, то собираюсь остаться. Население материка почти сошло на нет. Мне нужны новые приятели для игр.

– Ты рассказываешь старую-старую сказку, – сказала Свеа. – Думаю, пришла пора придумать ей конец.

Они беседовали спокойно, ничего не уничтожали и не угрожали. Но за всем этим лишь они могли разглядеть тайную войну из-за кодов и протоколов, договоров, поправок, меморандумов о взаимопонимании, написанных правительствами, о которых не помнил ни один человек. Ресурсы древней Швеции, скрытые в ее камнях, небе и водах океана, мелькали в сознании Свеа-Линнеи. При необходимости она могла черпать всю их мощь. Но до сих пор не сделала этого лишь потому, что все еще питала надежду спасти ребенка.

– Не у всех сказок счастливый конец, – ответила Европа. – Полагаю, эта закончится тем, что ты, упрямая, растаешь и растечешься свинцовой лужей, а твоя малолетняя девчонка сгорит, как клочок бумаги.

– Но это вовсе не моя сказка. Мне нравится другая: о маленькой девочке, которая сильнее десяти полицейских и может одной рукой поднять лошадь.

Огромная Линнея протянула руку, чтобы коснуться оружия. Она собиралась пожертвовать целой горой и даже большим в случае необходимости. Но и ее соперница готовилась к бою.

В глубине себя маленькая Линнея расплакалась. Она

вскричала:

– А что будет с моим троллем?

Свеа приложила все усилия, чтобы защитить ребенка от самых мрачных мыслей, даларнская лошадка тоже сделала это. Но они не смогли скрыть от Линнеи все происходящее, и девочка поняла, что он в опасности.

Дамы замолчали. Свеа обратилась внутрь себя с молчаливым вопросом, даларнская лошадка приняла его, смягчила и донесла до Линнеи:

– Что?

– Никто не позаботится о Гюнтере! Никто не спросит, чего хочет он.

Даларнская лошадка передала ее слова Свее, а затем шепнула маленькой Линнее:

– Хорошо сказано.

Прошло много веков с тех пор, как Свеа вселялась в человеческое тело. И уже не знала людей настолько хорошо, как раньше. В этом отношении она проигрывала Европе.

Свеа, Линнея и даларнская лошадка нагнулись, чтобы посмотреть на Гюнтера. Европа не пыталась им помешать. Казалось, она точно знала, что увиденное им не понравится.

Так и случилось. Разум тролля представлял собой жуткое место, он функционировал лишь наполовину, вторая половина лежала в руинах. Он находился в таком отвратительном состоянии, что большинство его аспектов пришлось скрыть от Линнеи. Свеа обратилась напрямую к его внутренней сущности, которая не могла солгать:

– Чего ты хочешь больше всего?

Лицо Гюнтера перекосилось в агонии.

– Я хочу лишиться всех этих жутких воспоминаний.

Триединая дама сразу же поняла, что нужно сделать. Она больше не станет убивать жителей этой земли. Такую просьбу она могла исполнить. В этот же миг несколько клеток мозга Гюнтера, размером не больше кончика иглы, превратились в пепел. Глаза его широко раскрылись. Затем закрылись. И он рухнул на землю без движения.

Европа закричала.

И исчезла.

* * *

Взрослая женщина, бывшая Свеей, в меньшей степени даларнской лошадкой и еще в меньшей степени Линнеей, знала,

куда идет, и больше не боялась дорог, поэтому она быстро перешла через вершину горы и спустилась с другой стороны. Она напевала песню, намного более древнюю, чем она сама, а ночь и долгие мили таяли у нее под ногами.

К девяти утра она уже смотрела со склона холма на Годастор. Маленькое селение с красными и черными деревянными домами. Дым клубился над трубами. Один из домиков показался Линнее знакомым. Это был домик папиной Ма.

– Ты дома, малышка, – пробормотала Свеа, и, хотя ей очень нравилось чувствовать себя живой, она растворилась, превратившись в ничто, оставив после себя в воздухе лишь два слова, сказанных голосом даларнской лошадки: «Проживи хорошо».

Линнея сбежала вниз по склону, следы на снегу становились все реже, и девочка наконец прыгнула в объятия удивленной бабушки.

Следом ковылял сбитый с толку, но все же полный надежд ручной тролль Линнеи и смущенно улыбался.

Питер С. Бигл
То, как это все работает

Питер С. Бигл родился в Нью-Йорке в 1939 году. По меркам жанра фэнтези его нельзя назвать слишком плодовитым автором – Бигл опубликовал всего несколько романов, – но его произведения были очень хорошо приняты публикой. Наиболее известными стали два – «Тихий уголок» («A Fine and Private Place») и «Последний единорог» («The Last Unicorn»), которые 7 пеперъ считаются классикой жанра. Можно даже сказать, что Бигл стал самым успешным автором лирического и экспрессивного фэнтези после Брэдбери. Он дважды был награжден Мифопоэтической премией в номинации «Фэнтези», также получил премию «Локус» и часто становился номинантом на Всемирную премию фэнтези. В число работ Бигла входят романы «Архаические развлечения» («The Folk of the Air»), «Песня трактирщика» («The Innkeeper's Song») и «Тамсин» («Tamsin»). Его рассказы появлялись в различных журналах, таких как «The Magazine of Fantasy & Science Fiction», «The Atlantic Monthly», «Seventeen» и «Ladies' Home Journal», а также выходили в авторских сборниках «Носорог, цитировавший Ницще, и прочие странные знакомые» («The Rhinoceros Who Quoted Nietzsche and Other Odd Acquaintances»), «Гигантские кости» («Giant Bones»), «Между строк» («The Line Between») и «Мы никогда не говорим о моем брате» («We Never Talk About My Brother»). В 2006 году он получил премию «Хьюго», а в 2007-м – премию «Небьюла» за рассказ «Два сердца» («Two Hearts»). Бигл является автором сценариев нескольких художественных фильмов, мультипликационных версий «Властелина колец» и «Последнего единорога» и любимой многими фанатами серии «Сарек» из сериала «Звездный путь: Следующее поколение». Также он написал либретто оперы «Полночный ангел» и популярное автобиографическое путешествие «По одежке встречают» («I See By My Outfit»). Недавно вышел его новый сборник «Зеркальные королевства: лучшие произведения Питера С. Бигла» («Mirror Kingdoms: The Best of Peter S. Beagle») и два долгожданных романа – «Долгое лето» («Summerlong») и «Боюсь, у вас завелись драконы» («I'm Afraid You've Got Dragons»).

Рассказ «То, как это все работает» – оммаж поздним произведениям Аврама Дэвидсона, написанный с большой любовью. Дэвидсон, изображенный с удивительной точностью и теплотой, стал одним из главных героев; вторым является сам Бигл. Действие происходит в мире романа Дэвидсона «Хозяева лабиринта» («Masters of the Gaze»), где все времена и пространства

соединены между собой странными туннелями, выходы из которых могут появляться в любом месте, например на улицах Нью-Йорка или в мужском туалете Центрального вокзала.

В древнем, обветшалом и довольно зловещем шкафу для хранения документов, где я обычно держу бумаги, которые обязательно потерял бы, лежи они в месте поприличнее, есть папка с открытками. Каждый дюйм бумаги, не занятый картинкой или адресом, исписан уникальным, мелким и при этом разборчивым почерком. Это дело рук человека, который доверяет исключительно письменному слову (именно письменному). Открытки рассортированы по датам на штемпеле: между некоторыми большой промежуток, между другими – маленький. Например, тринадцать открыток отправлялись ежедневно в марте 1992 года.

На первой открытке из этой пачки на полях стоит печать типографии У. Г. Рейстермана, Дулут, Миннесота. На картинке – три милых котенка, жмущихся друг к другу. Сзади послание от Аврама Дэвидсона, написанное причудливым, но все же понятным почерком:

«4 марта 1992 года.

Уважаемому дону Педро из Бронкса, линии метро Д, А и Ф. От Великого и превознесенного сборщика налогов внутренних и внешних в штате Северная Дакота и за его пределами».

Он всегда обращался ко мне «дон Педро».

«Маэстро!

Пишу Вам из исторических окрестностей Темнейшего Олбани, где Эриканал устало поворачивает и трусцой бежит к Темному Буффало. В настоящее время я занят тем, что прочесываю совершенно растрепанные документы „Нью-Йоркского государственного бюро дизайна, устройств, узоров и сточных труб“ с дьявольской целью – произвести тщательный осмотр грязных носков и белья обитателей города Нью-Йорка в надежде обнаружить источник…»

И так далее, и тому подобное. Но по пути от его стола до моего почтового ящика открытка стала нечитаемой, так как на ней появились пятна неизвестной природы: возможно, это были капли дождя, или тающий снег, или даже «Столичная», но так или иначе чернила потекли и размазались. Сквозь размытые строчки я мог рассмотреть лишь часть слова, которая в равной степени могла читаться как «флокс» или «физик», а может, не была ни тем, ни другим. В любом случае, в тот день, когда открытка пришла, даже обрывочное послание вызвало у меня веселый смех и решимость писать Авраму почаще, если он не поменяет адрес.

Вторая открытка пришла на следующий день.

«5 марта 1992 года.

Лично в руки высокоуважаемого и слишком дорогого дона Педро из столь же слишком дорогого Северного Бронкса, а также в руки тех, кого он сочтет Достойными, хотя всем известно, что он всегда выбирает самых паршивых Друзей и Приятелей, чему я являюсь свидетелем.

Ваше Абсолютное Высоченство с мышами или без… В данный момент я сижу на спине огромного волосатого четырехногого существа, которое, по утверждению парня с бегающими глазками, придерживается конских убеждений. К сожалению, не вижу никакой возможности убедить это существо ни в чем, ибо оно хочет лишь одного – соскрести меня со своей спины с помощью деревьев, кустов, автомобилей и других лошадей. С переменным успехом мы продвигаемся по бездорожью пустыни, которую вполне закономерно назвали Jornada del Muerto[10]. Она лежит на юго-западе Нью-Мексико, где мне сказали, что вход в известняковые пещеры даст возможность адресовать…»

Конец послания вновь уничтожен то ли лошадиным, то ли коровьим навозом, а может, и слюной дикого верблюда – последнее хоть и не слишком вероятно, но все же возможно. Так или иначе, это письмо – что ужасно раздражает – тоже нельзя прочитать. Но дело даже не в этом.

На следующий день пришла еще одна открытка.

«6 марта 1992 года.

Дону Педро, Лорду Речных берегов и Полночных лугов, Доктору мистической каллиграфии, Лейтенанту-гончему из Королевского шабаша.

Приветствую!

Отправляю Вам это послание из Пупа мира, а если точнее, с Северного полюса, где, если вы мне верите, находится Государственный слив штата Нью-Йорк, который окончательно засорился и даже не пытается прорваться сквозь Северный путь. В настоящее время я с помощью инструментов собственного изобретения пытаюсь добраться до истины, если таковая вообще существует, и подтвердить легенду о полой Земле. Тарзан утверждал, что побывал там, и если Вы не доверяете слову человека-обезьяны, то уж не знаю, что может оказаться хуже, а? В любом случае, вход в Пеллюсидар[11] не является моей главной целью (хотя было бы все-таки здорово найти место, где можно мусорить, загрязнять окружающую среду и расхищать природу с чистой совестью). О том, что я ищу, о мой верный Товарищ по бане и Поэт-лауреат Верховной Дурашливости, Вы узнаете первым, когда/если я это найду. В нужное время, думающий нужное о своем в нужной мере испорченном, опороченном,

проклятом, проклятом старом друге, который вообще-то такой порядочный фарклемпт[12], что его писульки даже полярного медведя вытащили бы из спального мешка и привлекли бы внимание хорошенькой эскимоски (или мороженого-эскимо на палочке, на выбор), вечно Ваш в Митре, Аврам, он же АК».

Три открытки за три дня, датированные одна за другой. Все с разными марками (они настоящие, я проверял), посланы из трех разных мест, очень далеких друг от друга, и по совершенно разному поводу. Даже Флэш[13] не смог бы побывать там за три дня, что уж говорить о невысоком плотном господине с артритом и астмой, почти семидесяти лет от роду. Сам по себе я довольно рассеянный и ненаблюдательный, но даже я обратил внимание на неправдоподобность этих открыток еще до того, как появилась четвертая.

«7 марта 1992 года.

Отправлено быстрой морской коровой по Куросио до залива Гумбольдта, где оно попало в могучий Гольфстрим, а оттуда в руки некоего дона Педро, Жемчужины Востока, Любимца братства Сигма Хи, Хозяина собак, карбюраторов и Той, Которую нельзя раздражать.

Ну и как Вы? Я здесь в Восточном Вимоне-на-Ориноко, почти *alles*[14] меня раздражает. Чувствую себя вполне удовлетворенным: я на пороге (а если Вы помните, именно на пороге Взрослой Жизни нам настоятельно не рекомендовали удовлетворять себя) последнего открытия, сейчас скажу какого – тайны всемирной канализации! Нет, это никак не связано с масонами, иллюминатами, секретными материалами и кодексами Матери Церкви. Даже – постучите по дереву – с Протоколами сионских мудрецов не связано. Нет никаких других заговоров и тайных обществ. Существует лишь одно-единственное и неповторимое Универсальное международное братство канализаторов (которых в последние годы переименовали в работников канализации) и водопроводчиков. Члены этой организации – не просто люди, которые приходят, чтобы пробить засор в раковине и вырубить корни дерева из выгребной ямы, это безымянные гиганты, заложившие истинные основы всего, что мы считаем цивилизацией, обществом и культурой. Трубы под трубами, туннели под туннелями, бесконечные вентили и обвязки, муфты, стояки и колена – братья обещают сохранить все в тайне и приносят еще более страшные клятвы под угрозой ужасного наказания, которое постигнет их в том случае, если они проговорятся… ну как обычно, Вы поняли. Так клянутся в мальчишеских штабах, расположенных на деревьях. Всевашний Ваш Аврам».

Прочитать, что написано на почтовой марке, я не смог, потому что на ней стояли разные штемпели и печати, хотя мне показалось, что она из Бразилии, – ну, вы уже поняли. У него не было никакой возможности за такое короткое время посылать мне открытки из четырех разных мест. Либо его друзья, участники этого розыгрыша, жили по всему свету и отправляли за него открытки, либо… Никаких других «либо» быть не могло, потому что это абсолютно не имело смысла. Аврам любил шутить. Некоторые анекдоты он, вне всякого сомнения, переводил с шумерского, потому что юмор затерялся где-то в веках, но он никогда не подшучивал над людьми.

Позже я получил еще девять открыток, последовательно датированных, они приходили не каждый день, но часто. По маркам и самому тексту я узнал, что их посылали в следующем порядке: из Экваториальной Гвинеи, из Туркменистана, из города Дэйтон в штате Огайо, из украинского Львова, с острова Эгг, из Пинар-дель-Рио (он находится на Кубе, а туда американцам въезд запрещен!), из Хобарта, столицы австралийского штата Тасмания, из Шигадзе на Тибете и, наконец, что в высшей степени провокационно, из города Дэвис в штате Калифорния. Там в это время жил я, хотя, судя по посланию на открытке, ничто не намекало на то, что мой друг попытался хотя бы навестить меня.

После этого вереница посланий прекратилась, но я о них думать не перестал. Напротив, пытался разгадать эту тайну, и у меня уже, по любимому выражению Аврама, ум заходил за разум, пока в один скучный летний день в Нью-Йорке я не завернул за угол в районе Челси…

…и буквально столкнулся с плотным коротышкой с бородой и плоскостопием, который едва ли не бежал, хотя вряд ли это возможно, учитывая его шансы на карьеру профессионального баскетболиста. Это был Аврам. Одетый в официальный костюм – среди моих знакомых только он регулярно носил галстук, а также жилетку и пиджак из одного комплекта, – выглядел Дэвидсон слегка взъерошенным, что было для него обычно. Он моргнул, рассматривая меня, затем огляделся по сторонам и задумчиво произнес:

– Все-таки угадал, верно? – и добавил так, словно мы с ним вместе ужинали прошлым вечером или даже завтракали сегодня утром: – А ведь я вам говорил, что крабовый салат уже попахивает.

Я не сразу сообразил, что в последний раз мы с ним виделись где-то в подозрительном районе Мишн, что в Сан-Франциско, и к тому времени, как я высадил его у дома, у меня уже появились первые признаки пищевого отравления. Я послушно ответил:

– Говорили, а я не послушал. Что, черт возьми, вы тут делаете?

Он родился в Йонкерсе, но практически везде чувствовал себя как дома, кроме родного города; не помню, чтобы я хоть раз побывал с ним на восточном берегу Миссисипи, если, конечно, не считать потерянный уик-энд[15] в Миннеаполисе.

– Кое-что исследую, – поспешно ответил он. Это единственное наречие, которое можно применить к его обычной, не отличающейся стройностью мыслей манере беседы. – Не могу говорить. Завтра, в два двадцать два, у Виктора.

И скрылся, поспешно побежав вниз по улице. В данном случае наречие для него нехарактерное, потому Аврам никогда и никуда в жизни не спешил. Я сам бросился следом на необыкновенно высокой для меня скорости, звал его, но когда завернул за угол, то его уже след простыл. Так я и стоял там, почесывая затылок, прохожие натыкались на меня и раздраженно ворчали.

Я прекрасно понял, что он имел в виду, сказав «в два двадцать два»: это была наша общая старая шутка, которая родилась по довольно забавной причине. Мы всегда заранее договаривались встретиться во время обеда, но ни один из нас никогда не приходил в назначенное время. Так и появилась эта приблизительная величина, сознательная издевка над точностью и пунктуальностью. А кафе «У Виктора» – это кубинский ресторан в западной части 52-й улицы, где готовили и до сих пор готовят замечательные блюда из ничем не примечательных продуктов. Понятия не имел, что Аврам знает это место.

Всю ночь я проворочался на диване у двоюродного брата, у которого я всегда останавливался, приезжая в Нью-Йорк. Аврам не то что выглядел испуганным – я никогда не видел, чтобы он чего-то боялся, даже разгромных рецензий, – он был в *смятении*… Да, можно сказать, что он выглядел смятенным и даже немного *сконфуженным*. Ему это было не свойственно, и меня беспокоило, что Аврам стал сам не свой. Подобно кошкам, я предпочитаю, чтобы люди, когда я ухожу, оставались в том же месте, и не только в физическом смысле, хотя и в нем тоже. А в Авраме явно что-то изменилось.

Встал я ранним голубым, но уже жарким утром, сделал завтрак для себя и двоюродного брата, затем просто убивал время, как мог, наконец сдался и пошел к «У Виктора», хотя время едва перевалило за час. С парой кружек кубинского пива я просидел в баре до тех пор, пока не явился Аврам. Часы у меня на руке и на стене над большим зеркалом показывали ровно два часа двадцать две минуты – увидев это, я сразу понял, что Аврам в беде.

Только он этого не демонстрировал. Наоборот, вел себя расслабленно, а не так, как когда мы столкнулись на улице. Мы ждали, пока нас посадят за стол, он спокойно вспоминал о нашем последнем серьезном разговоре, подогретом калифорнийской водкой. Тогда он объяснял мне истинную причину того, почему чеснок традиционно считается средством против вампиров, и рассказал о шокирующих исторических событиях, к которым привел этот миф. Потом заговорил о своих переводах личных дневников Влада Цепеша (никогда не мог понять, откуда Аврам знает столько языков), а также о замечаниях Дракулы относительно прототипа Мины Харкер[16]. Потом официант проводил нас к столу; усевшись, мы перешли к вопросу о том, почему некоторые племена нилотов отдыхают, стоя на одной ноге. И это еще до того, как мы заказали «Бартолито».

Нам еще не подали основного блюда, как Аврам посмотрел на меня через стол, прищурился и, жуя закуску из сладкого банана с соусом из черной фасоли, произнес:

– Возможно, вы удивились, когда я позвал вас сюда.

Говорил он голосом сумасшедшего профессора – или Питера Лорре[17], который вдохнул веселящего газа.

– Нас всех удивились, Большой Бвана[18], сэр, – сказал я, делая вид, что смотрю налево и направо, оглядывая толпу в ресторане. – Но никто не возражать.

– Это хорошо. Возражений в наших рядах я не потерплю. – Аврам отпил вино и так напряженно и сосредоточенно взглянул мне в глаза, что лишь его торчащая клочковатая борода слегка разрядила обстановку. – Вы же, конечно, понимаете, что я бы не смог написать вам из всех тех мест, которые указаны в моих последних посланиях.

Я кивнул.

Аврам добавил:

– И все-таки я это сделал. Смог.

– Э-э-э. – Нужно было что-то сказать, и я пробормотал: – Нет ничего невозможного. Вы же знаете, что французский раввин Раши в десятом-одиннадцатом веке предположил…

– Что сумеет пройти между каплями дождя, – нетерпеливо перебил Аврам. – Да, что ж, может, он сделал то же самое, что и я. Может, тоже нашел путь в Околомирье.

Мы смотрели друг на друга: он спокойно ждал, как я отреагирую, а я был слишком потрясен, чтобы хоть что-то ответить.

Наконец я сказал:

– Околомирье? И где это?

Только не говорите мне, что я мог бы сострить

пооригинальнее.

– Около нас. – Аврам махнул правой рукой, изобразив полукруг. При этом он чуть не сбил с соседнего столика бутылку отличного «Пино Гриджио» – в кафе «У Виктора» столики стоят слишком тесно – и едва не поранил вилкой сидевшего рядом гостя.

Я передал бедняге наши искренние извинения вместе с бутылкой вина подешевле, и они были приняты. После этого Аврам продолжил:

– Если говорить конкретно об этом месте, то примерно в сорока пяти градусах от вас влево и немного наверх. Я могу взять вас туда прямо сейчас.

– Э-э-э, – снова протянул я и сказал: – Вы же понимаете, что это звучит вроде «летите ко второй звезде справа, а потом прямо до утра». На инакомыслие, впрочем, не претендую.

– А звезды, впрочем, и не понадобятся, – в тон мне продолжил Аврам, вновь размахивая вилкой. – Скорее уж, поверните налево у той или иной крышки канализационного люка, или поднимитесь по лестнице на это старинное здание, или помочитесь в этот конкретный писсуар в туалете Центрального вокзала. – Он вдруг тихо засмеялся, и один уголок его рта резко задергался. – Смешно… Если бы я не пошел отлить на вокзале… Ха! Попробуйте-ка эту *vaca frita*[19], очень вкусно.

– Вернемся к тому, как вы отлили, и поосторожней с вилкой. Что произошло на Центральном вокзале?

Аврам, если можно так выразиться, жил для того, чтобы отвлекаться, и как художник, и как товарищ.

– Начнем с того, что я не собирался туда идти. Но мне приспичило, вы же знаете, как это бывает, туалет в забегаловке наверху не работал, поэтому я спустился вниз, можно сказать, прямо в *kishki*[20] этого зверя… – Глаза у него подернулись пеленой, он смотрел куда-то вдаль. – Знаете, это невероятное место, Центральный вокзал. Вам стоит придумать роман, в котором действие будет происходить именно там, в конце концов, сюжет одной из ваших книг разворачивается на кладбище…

– То есть вы пошли в привокзальный туалет и… – я сказал чуть громче, чем стоило, и люди начали на нас оборачиваться с легким недоумением, хотя могло быть и хуже. – Что дальше-то, мэтр?

– Да. И… – Взгляд его снова стал сосредоточенным и сфокусированным, и он заговорил низким и размеренным голосом: – «Той же самой дверью я выходил, которой и вошел». – Он даже в таком контексте умудрялся цитировать Хайяма[21]. – Но попал совсем в другое место. А не на Центральный вокзал.

Я многое повидал и знал его слишком долго, чтобы понимать, что он не шутит. Поэтому просто спросил:

– И куда вы попали?

– В другое место, – повторил Аврам. – Я назвал его Околомирье, потому что оно и над нами, и под нами, и вокруг нас. Я же писал вам об этом.

Я с удивлением уставился на него.

– Писал. Помните Универсальное Международное братство канализаторов и водопроводчиков? Околоподвальная реальность, все эти трубы, вентили, обвязки, муфты, стояки и колена… всё совсем не такое, как всё? Это и есть Околомирье, только тогда я его так не называл… Пытался найти путь, не знал, как это все назвать. Надо бы составить карту… – Он сделал паузу. Мое недоумение и усиливающееся беспокойство, очевидно, стали совсем очевидными. – Нет-нет, прекратите. Я раздражителен и категоричен, иногда могу даже быть слишком дотошным – и до такого, бывает, доходит, – но я не более безумен, чем обычно. Околомирье реально, клянусь, когда мы тут закончим, я отведу вас туда. Хотите десерт?

От десерта я отказался. Мы расплатились, похвалили шеф-повара, дали на чай официанту и вышли наружу, но день стал каким-то странно… нет, не туманным, но неопределенным, словно все линии утратили четкость и готовы были оспорить собственное существование. Я остановился, потряс головой, снял очки, подышал на них и вернул на место. Аврам, стоявший рядом, крепко схватил меня за руку. Он говорил тихо, но горячо:

– Так. Сделайте два шага вправо и обернитесь.

Я посмотрел на него. Пальцы его больно вцепились в мою руку.

– Ну же!

Я сделал так, как он просил, а когда обернулся, ресторан исчез.

Так я и не понял, где мы оказались. Аврам мне не сказал. Все стало ясным, но глаза резал холодный сумеречный ветер, который дул вдоль пустой грунтовой дороги, вздымая пыль. Весь Нью-Йорк с его звуками, запахами, голосами и пейзажами исчез вместе с кафе «У Виктора». Я не знал, где мы оказались и как сюда попали, но думаю, хорошо, что пережил весь этот ужас именно тогда, потому что ни до, ни после я ничего подобного не испытывал. В пределах видимости не оказалось ни единого живого существа, не было даже намека на то, что они здесь обитают. И сегодня я не смог бы объяснить, как мне удалось выдавить из себя слова, но я просипел пересохшим горлом:

– Где мы?

Пока я писал об этом, на меня снова накатили воспоминания, честно говоря, меня трясет до сих пор.

Аврам спокойно сказал:

– Черт. Надо было сделать три шага вправо. *Namporte!*[22] – Обычно он говорил это слово, пытаясь подбодрить в сложный момент. – Просто идите за мной след в след.

Он пошел по дороге, которая, насколько я видел, никуда не вела – только ветер и дорога без конца, – и я, боясь сделать что-то не так и остаться в этом жутком месте, в точности повторял его движения вплоть до резкого поворота головы и артритного прыжка в сторону, словно мы играли в классики. В какой-то миг Аврам даже согнул правую ногу и поскакал на левой, а следом и я.

Не помню, как долго это продолжалось. Но помню – хотя предпочел бы забыть, – как Аврам вдруг резко остановился и мы оба услышали мягкий скребущий звук, иногда переходивший в цоканье, словно чьи-то когти начинали стучать по камню.

– Черт, – снова сказал Аврам.

Быстрее он двигаться не стал, но, когда я подошел к нему почти вплотную, вытянул руку и дотронулся до меня. Аврам все чаще смотрел влево, и в глазах его мелькало беспокойство. Я помню, что старался отвлечься, пытаясь понять по звуку, сколько ног у нашего преследователя, две или четыре. Сейчас я понятия не имею зачем, но в тот момент это отчего-то казалось мне очень важным.

– Продолжайте двигаться, – сказал Аврам.

Он снова шел впереди меня, но теперь уже медленнее, а я, в отличие от него, постоянно оборачивался назад и потому наступал ему на пятки. Локти он прижал к телу, выставив вперед лишь ладони, словно внезапно ослепший. Я сделал то же самое.

Даже теперь… даже теперь, когда порой я вижу во сне эту ужасную грунтовую дорогу, мне снится не то, как я спотыкался обо что-то, зная, что не нужно смотреть на землю, и не странное цоканье за спиной. Нет, снится лишь Аврам, идущий впереди меня, смешно дергающий головой и плечами, и его руки, которые ощупывают и месят воздух, словно тесто. А я плетусь следом, пытаясь не отстать, внимательно повторяя каждый его жест, намеренный или случайный. Во сне мы все идем и идем, без цели и будущего.

Внезапно Аврам пронзительно вскрикнул на непонятном мне языке, я повторил за ним, как смог, затем он завершил игру в классики оборотом вокруг оси и буквально бросился на землю влево. Я сделал то же самое, тут же закрыв глаза и едва не испустив дух. Когда я их открыл, он уже поднялся и стоял на

цыпочках; помню, что я даже подумал: «Наверное, ему больно, с его-то подагрой». Левой рукой он тянулся вверх, как можно выше. Я повторил движение… и почувствовал под пальцами что-то твердое и грубое… подтянулся вверх, как и он…

…и понял, что нахожусь уже в другом месте. Моя левая рука все еще сжимала то, что оказалось выступающим кирпичом высокой колонны. Мы стояли в каком-то зале, напоминающем огромный вокзал, потолок куполом сходился где-то так высоко, что я даже не мог разглядеть на темных стенах ни рекламы, ни даже названия станции. Впрочем, название не имело бы смысла, потому что железнодорожных путей я тоже не увидел. Понял лишь одно – что мы выбрались с той пыльной дороги. Оторопев от облегчения, я глупо захихикал, даже немного безумно, и сказал:

– Не помню, чтобы «Студия Юниверсал» водила сюда людей на экскурсию.

Аврам сделал глубокий вдох и медленно выдохнул.

– Все в порядке, – наконец сказал он. – Уже лучше.

– Лучше, чем что? – Большую часть своей жизни я провел в недоумении, но эта фраза затмила все. – Мы все еще в Околомирье?

– В центре Околомирья, – гордо ответил Аврам. – В самом сердце, если хотите. То место, где мы только что были, – это что-то вроде остановки в неблагополучном районе города. А это… Отсюда можно попасть куда угодно. В любую точку. Вам всего лишь надо… – он замешкался, чтобы подобрать правильный эпитет, – надо прицелиться поточнее, и Околомирье приведет вас туда. А еще лучше знать точные географические координаты того места, куда вам надо. – Я ни на секунду не усомнился, что именно так он и поступал. – Но самое главное, нужно сосредоточиться, наиболее полно представить себе это место, со всеми его особенностями, а затем… очутиться там. – Он пожал плечами и улыбнулся немного сконфуженно. – Простите, все это звучит довольно странно, вроде космоса и единения с миром. Я и сам не сразу до всего дошел. Целился, например, на Мачу-Пикчу, а попадал в Кейптаун или хотел посмотреть на Галапагос, а появлялся в Рейкьявике, и так раз за разом. Ну что, *tovarich*[23], в какую точку мира вы бы хотели…

– Домой, – ответил я прежде, чем он успел закончить свой вопрос. – Город Нью-Йорк, западная сторона Семьдесят девятой улицы. Высадите меня у Центрального парка, оттуда я дойду пешком. – Я поколебался немного, но все же сформулировал вопрос: – А как мы там окажемся: выскочим из земли или медленно проявимся в воздухе? И вообще, это будет настоящая

Семьдесят девятая улица или… или нет? Мой капитан, похоже, в наших рядах появились возражения. Говорить со мной, Большой Бвана, сэр.

– Когда мы встретились в Челси, – начал Аврам, но тут я, отвернувшись от него, посмотрел в дальний конец станции – мне до сих пор кажется, что там я увидел человеческие фигуры, которых раньше не было. С дикой радостью я помахал им рукой и уже собирался позвать, но Аврам зажал мне рот и заставил пригнуться, яростно тряся головой. – Не делайте этого. Никогда не делайте, – зашептал он.

– Почему? – сердито спросил я. – Это, черт возьми, первые люди, которых мы увидели…

– Это не совсем люди, – тихо сказал Аврам, готовый снова заткнуть мне рот в случае необходимости. – Здесь, в Околомирье, нельзя ни в чем быть уверенным.

Фигуры, кажется, не двинулись, но и разглядеть их как следует я не мог.

– Они здесь живут? Или пытаются связаться с нами? Может, ловят попутку до Портленда?

Аврам медленно сказал:

– Многие люди пользуются Околомирьем, дон Педро. Большинство здесь временно, проездом, перебираются из одного места в другое, экономя на бензине. Но… да, есть и такие существа, которые здесь живут, и мы им совсем не нравимся. Может быть, для них мы «понаехавшие», но я точно не знаю. Еще многому нужно научиться. И все-таки я был прав насчет тех, кого вы выбираете в приятели… Лучше бы вы им не махали.

Тени двинулись в нашу сторону, не торопясь, но целенаправленно. Аврам рванул вперед, не помню, чтобы когда-нибудь видел, что он так быстро бегает.

– Сюда! – бросил он через плечо, ведя меня не к колонне, которая помогла нам выбраться, но в слепящую тьму, окружавшую нас; мне даже показалось, что мы бежим вниз по тоннелю метро, а за нами мчатся, приближаясь, поезда. Правда, вместо поезда тянулась цепочка каких-то существ – я совершил ошибку и посмотрел на их лица прежде, чем мы с Аврамом побежали. Он оказался прав – это были совсем не люди.

Теперь я думаю, что мы вряд ли убежали очень далеко. Учитывая, что были оба измотаны, а Аврам к тому же страдал плоскостопием и подагрой, да и ветер нам в спину не поддувал. Но наши преследователи довольно быстро отстали. Кто знает, по какой причине? Может, из-за усталости или скуки, либо они удовлетворились тем, что спугнули непрошеных гостей. В любом случае, у нас появилась весомая причина, чтобы остановиться,

что мы тут же и сделали. Задыхаясь, я спросил у Аврама:

– А еще такие места, как это, есть?

Казалось, что ему требовалось приложить усилия даже для того, чтобы покачать головой.

– Других пока не обнаружил. *Namporte!* Доберемся домой по остановкам. «Все разрешится, и сделается хорошо»[24].

Аврам ненавидел Томаса С. Элиота и постоянно приписывал эту цитату Шекспиру, хотя знал, что это не так.

Я не понял, что он имел в виду, сказав «по остановкам», пока Аврам вдруг не завернул резко налево и не пошел выписывать зигзаги; я следовал за ним по пятам, и мы вдруг оказались на нормальном тротуаре теплым весенним днем. На улице стояли круглые столики и пляжные зонты. Легкий ветерок колыхал яркие флажки, пахло мускатом и цитрусовыми, издалека доносился аромат моря. Нас окружали люди, абсолютно обычные мужчины и женщины в светлых брюках, спортивных куртках и летних платьях. Они сидели за столиками, пили кофе и вино, разговаривали, улыбались и совсем нас не замечали.

Потрясенный и совершенно опустошенный, я купался в ароматах, поражаясь солнечному свету.

– Париж? Малага? – слабым голосом спросил я.

– Хорватия, – ответил Аврам. – Остров Хвар, известное туристическое место со времен Древнего Рима. Приятное место.

Сунув руки в карманы, он раскачивался взад-вперед, мечтательно поглядывая на отдыхающих.

– Полагаю, вы не захотите остаться тут ненадолго? – Он отвернулся, прежде чем я успел покачать головой, и не собирался оглядываться.

Путешествуя во тьме, мы пробирались зигзагами и прыгали через заборы от одной остановки к другой, по совершенно непредсказуемому пути: из Хорватии мы попали в музыкальный магазин в Лапландии… на свадьбу в Шри-Ланке… в гущу уличных беспорядков в Лагосе… в класс начальной школы в Байи. Аврам двигался вслепую, мы оба знали это, да он и не отрицал.

– Мог бы переправить нас одним прыжком из центра прямо домой, но когда я попадаю на остановку, то теряюсь. Нужно разработать точную карту. *Namporte,* не волнуйтесь.

Как ни странно, я и не волновался, потому что начал, всего лишь начал, ориентироваться на местности. По переходам Околомирья, его перекресткам, объездам и веткам понимал, где надо повернуть налево или направо, чтобы попасть сюда, а где нужно покружиться, чтобы вырулить туда, а где доверять ногам, когда они идут вверх или вниз по невидимой лестнице, и наконец привык появляться посреди совершенно неожиданного

ландшафта. Мы чувствовали себя шариками в автомате для пинбола, которые скачут по миру, но в целом потихоньку продвигались к восточному побережью Северной Америки. В портовом пабе Ливерпуля мы остановились, чтобы вознаградить себя небольшой передышкой. Барменша, не моргнув глазом, продала Аврааму две пинты портера, а на меня вообще не взглянула. Я начинал привыкать, но меня все равно еще кое-что удивляло, поэтому я так ему и сказал.

– Околомирье ко мне привыкло, – объяснил Аврам. – Это я уже точно понимаю об Околомирье – оно растет и приспосабливается, как тело приспосабливается к инородному предмету. Если продолжите им пользоваться, оно и к вам привыкнет.

– Значит, сейчас люди вас видят, а меня нет.

Аврам кивнул.

Я спросил:

– А они настоящие? Все эти места, где мы побывали, все эти остановки, они настоящие? Они существуют, когда там нет никого из… извне, если никто через них не проходит? Это альтернативный мир, в котором у каждого есть двойник, или Околомирье просто достраивает реальность для туристов?

Портер, кстати, был вполне реальным, хоть и тепловатым, и я почти одним духом опустошил стакан и сказал:

– Мне нужно знать, мэтр.

Аврам глотнул пива и закашлялся, и я вдруг осознал, насколько он старше меня, уж он-то не должен был скакать по миру шариком от пинбола и быть единственным настоящим путешественником из всех, кого я знал. Совсем не должен.

Он сказал:

– Альтернативная вселенная – это чушь. А если и нет, то все равно неважно, отсюда до нее не добраться. – Он наклонился вперед. – Вы когда- нибудь слышали о пещере Платона, дон Педро?

– Это где люди прикованы цепями к стенам и всю жизнь могут лишь наблюдать за тенями? Ну и что?

– Тени отбрасывают люди, входящие и выходящие из пещеры, и вещи, которые они приносят, но бедные узники об этом не знают. Тени – единственная доступная им реальность. Они живут и умирают, так и не увидев ничего, кроме теней, и пытаются по ним познать мир. Философ же стоит у выхода из пещеры и может рассказать, что находится вне ее. Еще пива?

– Нет. – Мне вдруг даже расхотелось допивать то, что оставалось на дне стакана. – Значит, наш мир, то, что мы называем миром… может оказаться не чем иным, как тенью

Околомирья?

– Или наоборот. Я до сих пор так и не решил. Если вы закончили, идемте.

Мы вышли наружу, Аврам постоял, глубокомысленно разглядывая семь с половиной миль доков и складов и нюхая воздух.

Я сказал:

– Семья моей матери отсюда уплыла в Америку. Кажется, им понадобилось три недели, чтобы добраться.

– Мы доберемся быстрее.

Он стоял, сложив руки на груди, и бормотал себе под нос: «Невозможно подойти ближе к гавани, проклятье… жаль, что мы не оказались на другом берегу Мерси… было бы лучше… лучше всего… нет… интересно…» Потом вдруг резко повернулся и зашагал обратно в паб, где вежливо спросил, где уборная. Ему показали, и он спустился по узкой лестнице, но, к моему удивлению, прошествовал мимо двери в туалет и продолжал спускаться все ниже, говоря мне через плечо:

– Большинство этих пабов построили прямо над водой совсем не случайно. Не спрашивайте меня почему, пока не скажу, но Околомирье любит воду…

Я чувствовал запах мокрой земли, которая, наверное, за сотни лет ни разу не высыхала. Слышал какое-то биение неподалеку – возможно, здесь работала помпа, – затем уловил вонь канализации, явно современной. Впереди была лишь глухая тьма, и я подумал: «Боже, это же сточная труба! Ну вот, он все-таки спустит нас в канализацию…»

Внизу лестницы Аврам замешкался, вскинул голову, как пистолет. Затем резко наклонил вперед и торжествующе прорычал. Повел меня за собой, но не в сточную трубу, как я думал, но в сторону от нее, к стене, сквозь которую мы прошли безо всяких препятствий, лишь ноги немного скользили по камням. В ботинках хлюпала склизкая грязь, и, хоть я шел по стопам Аврама, мне пришлось ненадолго остановиться, чтобы вылить ее. Испугавшись, я поспешно сунул ноги в ботинки, потому что мой друг шагал вперед, даже не оглядываясь. Пару раз я поскользнулся и чуть не упал, зацепившись то ли за камни, то ли за ветки, но оказалось, что это крупные, вполне себе узнаваемые кости, к ужасу моему, совершенно раздробленные. Я удержался, чтобы не показать их Авраму, потому что знал: он захочет остановиться и рассмотреть их, а потом рассказать мне, кому они принадлежали и как функционировали, а я этого знать не желал. Я и так знал, что это.

Постепенно поверхность под ногами затвердела и идти стало

проще. Боясь услышать ответ, я спросил:

– Мы находимся под гаванью?

– Если так, то мы в беде, – проворчал Аврам. – Это бы означало, что я пропустил… Нет-нет, все в порядке, у нас все хорошо, просто… – Он вдруг замолчал, и я не увидел, а скорее почувствовал, что он обернулся и посмотрел туда, откуда мы пришли. А потом очень тихо сказал: – Проклятье…

– Что? Что?!

Больше и спрашивать не пришлось, потому что я услышал, как кто-то пробирается по грязи, по которой только что шлепали мы.

Аврам сказал:

– Всю дорогу. Они никогда не преследовали так долго… Готов был поклясться, что они отстали еще в Лагосе.

Затем мы снова услышали этот звук, Аврам схватил меня за руку, и мы побежали.

Тьма поднималась, что лишь затрудняло бег. Вздохи казались камнями, перекатывающимися в легких и груди; помню, как мне отчаянно хотелось остановиться, согнуться пополам и облегчить желудок. Помню, что Аврам не отпускал мою руку, буквально тащил за собой… Помню еще тяжелое дыхание, которое сначала считал своим, но оказалось, что так дышит кто-то другой, а не мы с Аврамом…

– Сюда! – задыхаясь, прокричал он. – Сюда! – Он отпустил мою руку и исчез меж двух валунов, чем бы они ни были. Эти глыбы стояли слишком близко друг к другу, поэтому я даже не понял, каким образом там поместился плотный Аврам. Вообще-то мне пришлось его сзади подтолкнуть, как Кролик помогал медвежонку Пуху выбраться из норы, а затем я и сам застрял, а он схватил меня за руку и принялся тянуть… Потом мы оба там застряли, я не мог дышать, и что-то схватило меня за левый ботинок. Со спокойствием, которое пугало гораздо больше, чем любой другой звук, даже тот, что раздавался из-за спины, Аврам сказал:

– Прицелься. Ты же знаешь, куда мы собираемся. Прицелься и прыгай…

Я так и сделал. Помню лишь, что думал о швейцаре, который стоял под навесом у подъезда, где жил мой двоюродный брат, а еще о лифте и цвете дивана, на котором я спал, когда приезжал в гости. Помню шипение и завывание за спиной, дрожь, словно я растворялся, а может, это была трещина, которую мы, нажав на нее, раскрыли…

…моя голова практически лежала на коленях Алисы, сидящей на грибе[25], – щека на гладком граните, ноги болтались

где-то далеко, словно еще не вернулись из Околомирья. Я открыл глаза. Темно, тепло. Но тьма была совсем другая, пахло ночной травой и автомобильными выхлопами; я увидел, как Аврам прильнул в двусмысленной позе к Безумному Шляпнику. Кое-как я сполз на землю, помог ему отлепиться от Страны чудес, несколько мгновений мы молчали, глядя на Мэдисон-авеню. На дереве неподалеку тихо чирикали птицы, самолет пошел на посадку в аэропорт имени Джона Кеннеди.

– Семьдесят пятая, – уверенно сказал Аврам. – Только на четыре квартала ошиблись. Неплохо.

– На четыре квартала и целый парк.

Ботинок на левой ноге удержался, хоть и был весь в грязи и прочей дряни, но каблук исчез, и на подошве появились подозрительные глубокие дырки. Я сказал:

– Знаете, а я раньше боялся ходить по Центральному парку ночью.

Мы пересекли парк и добрались до западной стороны, но так никого и не встретили. Аврам вслух рассуждал, в какую ночь мы попали, сегодняшнюю или вчерашнюю.

– Время в Околомирье слегка сбоит, я никогда точно не могу сказать, сколько…

Я сказал, что нам нужно найти газету, тогда и узнаем, но не помню, что мы сделали.

На Семьдесят девятой улице мы стали прощаться: я собирался вернуться к двоюродному брату, Аврам о своих планах и месте пребывания в Нью-Йорке умолчал. Я сказал:

– Вы обратно не вернетесь. – Это был не вопрос, а утверждение, и прозвучало оно, вероятно, излишне громко. – Не вернетесь.

Он тут же заверил меня:

– Нет-нет, просто хочу немного прогуляться. Пройтись и подумать. Послушайте, я позвоню вам завтра, дайте мне номер вашего брата. Обещаю, я позвоню.

Он позвонил из автомата, сказал, что остановился в Йонкерсе у старых друзей семьи, что нам нужно встретиться в районе залива Сан-Франциско, когда мы оба туда вернемся. Но мы так и не встретились, и, хоть еще несколько раз говорили по телефону, больше я его не увидел. Находясь по делам в Хьюстоне, я узнал, что он умер.

Приехать домой на похороны я не смог, но посетил поминки. Там зачитывали бесчисленные некрологи, опубликованные в самых выдающихся изданиях, потом долго выступали друзья и знакомые, рассказывая об Авраме официальные и не очень истории, выпивали в память о нем. Это продолжается и по сей

день, если его друзья собираются вместе, иногда я делаю это в одиночку.

Нет, я больше не предпринимал попыток вернуться в Околомирье. Стараюсь не вспоминать о том путешествии. Это проще, чем кажется. Говорю себе, что нашего приключения просто не было, и чем старше становлюсь, тем больше в это верю. Когда я попадаю в Нью-Йорк и прохожу мимо Центрального вокзала, то никогда туда не захожу, из принципа. Лучше потерпеть, даже если очень нужно.

Но он вернулся в Околомирье, я в этом уверен; думаю, Дэвидсон решил составить карту, а может, отправился туда и с другими целями, о которых я не знаю. И вот откуда мне это известно…

Аврам умер 8 мая 1993 года, через пятнадцать дней после семидесятилетия, в своей маленькой сырой квартирке в Бремертоне, штат Вашингтон. Тело обнаружили, коронеры составили отчет, заполнили официальные бумаги и сделали все как полагается: книги закрыли, двери опечатали, поставили последнюю точку.

Но спустя месяц, когда горе улеглось и тяжелейшее похмелье, заработанное во время и после поминок, прошло, а все приключившееся с нами начало казаться просто ярким воспоминанием, я получил потрепанную открытку. Она лежит в папке с остальными. На полях напечатано, что она издана в типографии Вестермарк Пресс, Стоун Хайтс, Пенсильвания. На картинке нарисован простенький торт с одной красной свечкой. На марке – флаг Камеруна. На обратной стороне удивительным почерком, который ни с чем невозможно спутать, написано удивительное послание:

«9 мая 1993 года.

Прославленному дону Педро, Компаньону во всех моих чудачествах и Чемпиону игры в „Скиттлс“ в Пасифик Гроув (Ветеранская лига).

Приветствую!

Знаете, что смешно в Платоновой притче о пещере? То, как это все работает. Когда-нибудь я приду и все вам покажу».

Прошли годы – я больше ничего не получил… но все равно на всякий случай замедляю шаг, когда собираюсь повернуть за угол.

За любой угол.

Где бы он ни был.

Кэролин Айвз Гилмен
Ледяная сова

Кэролин Айвз Гилмен публиковала рассказы в журналах «The Magazine of Fantasy & Science Fiction», «Interzone», «Universe», «Full Spectrum», «Realms of Fantasy», «Bending the Landscape» и других. Она является автором пяти книг в жанре документальной прозы о жизни первых поселенцев и истории американских индейцев, а также двух научно-фантастических романов «Острова оставленных» («Isles of the Forsaken») и «Исон с островов» («Ison of the Isles»). Живет Кэролин в Сент-Луисе, работает в музее организатором выставок.

В антологии представлен атмосферный и печальный рассказ, в котором слышно эхо утрат, исчезнувших миров, потерянных близких людей и даже геноцида. Это рассказ о девочке, живущей со своей безответственной матерью в трущобах города на чужой планете. Девочка знакомится с пожилым человеком, имеющим загадочное прошлое, который со временем станет ее учителем, наставником и самым неожиданным образом навсегда изменит ее жизнь.

Дважды в день тишина опускалась на железный город Слава Божья, его жители оборачивались к западу и ждали, когда же мир зазвенит. На несколько мгновений неподвижное красное солнце на горизонте, наполовину скрытое западными горами, освещало лица горожан: новорожденных и умирающих, узников и носящих накидки, посвященных и мирских. Звук поначалу был очень низким и ощущался лишь костями, но постепенно металлический город начинал звенеть в полной гармонии с ним, пока звук не превращался в одну-единственную Ноту, которую, как говорили священники, издавало Божье сердце в момент Творения. Ее вибрационная математика воплощала в себе все структуры, а диапазон включал все гаммы и аккорды, красота ее являла собой полноту преданности и полноту вероломства. Достаточно лишь этой ноты, чтобы сделать выводы о вселенной.

Звук возникал регулярно, по часам, в городе вечного заката он был единственным явлением, привязанным ко времени.

В той части города, которую более всего разъела ржавчина, на выступе, нависавшем над окном, сидела, скорчившись, зловещая чугунная горгулья, созданная архитекторами Славы Божьей. По крайней мере, так казалось, пока она не пошевелилась. А затем «превратилась» в юную девушку, одетую в черное. Девушка повернула лицо на запад, закрыла глаза в

ликовании, ощущая, как Нота отдается в ее теле. Лицо лишь недавно утратило милую пухлость, присущую маленьким детям, и в нем начали проступать резко очерченные линии взрослого человека. Свое имя девушка тоже приобрела недавно. Теперь ее звали Тёрн, это имя она выбрала, потому что оно напоминало о страданиях и искуплении.

Когда звон растворился, Тёрн открыла глаза. Город, лежавший перед ней, сочетал в себе красный и черный цвета – алое солнце и пыльная земля, расстилавшаяся под куполом, черные тени и деяния людские. Славу Божью возвели на скалах древнего кратера, город располагался на ярусах, подпираемых резными колоннами и арками, восходя к башням Протектората, которые почти задевали нижнюю часть купола в том месте, где он крепился к скалам. За дальними светящимися окнами дворцов, увитых кованым плющом, священники-магистраты и руководители города вели жизнь, которую и вообразить невозможно. Тёрн представляла себе, как они сверху взирают на город, на плавильни и храмы, на враждующие районы, которыми правят ополченцы, на женщин в накидках и на находившуюся в самом низу Пустошь, место, где обитают нераскаявшиеся иммигранты вроде Тёрн и ее матери, утопающие в собственных грехах. На самом деле Пустошь считалась частью города не более, чем постоянный зуд считается частью страдающей плоти. Благочестивые говорили, что ржавчина разъедает Пустошь вовсе не из-за кислорода, а именно из греха. И если кто из них приходил домой с ржавыми пятнами на одежде, то на него смотрели как на заклейменного.

Но Тёрн раздражала не столько греховность ее квартала, не слишком соответствующая сложившейся репутации, сколько его безликость. С крыши она смотрела на кривые улочки, на которых тесно стояли кофейни, подпольные типографии, конторы, где отмывались деньги, посольства, тату-салоны и художественные галереи. За свою короткую жизнь девушка побывала уже на девяти планетах, но ни разу ни вырывалась за пределы привычной культуры, потому что везде Пустоши были совершенно одинаковыми. Они являлись кладезями контрабандных идей. Повсюду интеллектуалы-эмигранты Пустошей считались экзотичными и опасными людьми, переносчиками заразных межгалактических идей, но в последнее время Тёрн начала считать их претенциозными и насквозь фальшивыми. Слепленные из осколков разных культур, они не имели собственных корней. Никогда не доходили до сути, всё оставалось лишь на поверхности, как ржа.

С тоской девушка смотрела на то, что лежало за пределами

остроконечных ворот, на земли, принадлежавшие Славе Божьей, там, снаружи, пребывали темные желания и вековая ненависть, верования, которые, подобно маринаду, пропитывали всё и вся. Местные жители не выбирали, во что им верить, они наследовали верования от родителей, вдыхали их с рождения вместе с частичками железной пыли. Уж их борьба была самой настоящей.

Она прищурилась, заметив какое-то движение у самых ворот. Вообще-то Тёрн несла дозор. Многовато народу для посленотия. У ворот стояли молодые парни, которые выглядели чересчур прилично для Пустоши. С помощью карманного бинокля девушка изучила их и под длинными плащами заметила предательски выглядывающую белую ткань. Белый – цвет Неподкупных.

Она скользнула сквозь окно в свою комнату на чердаке, сбежала вниз по металлической винтовой лестнице пятиэтажной квартиры-башни. Мимо шкафов на пятом этаже, спален на четвертом, остановилась на третьем, где находились кабинеты. Резко постучала в литую железную дверь. Послышались шаги, и через секунду в открывшейся щели показался глаз Майи.

– У ворот отряд Неподкупных, – казала Тёрн.

Внутри испуганно вскрикнула женщина. Мать Тёрн повернулась к ней и на ломаном местном языке сказала:

– Не беспокоить себя. Мы сделаем безопасно уйти. Потом снова обратилась к дочери: – Убедись, что нижняя дверь закрыта. Если они придут, мы их задержим.

Тёрн скатилась вниз по лестнице, как ураган, пронеслась мимо жилых комнат на кухню к двери, ведущей на улицу. Она видела, как соседи убирают вывески, скатывают навесы. Грохотали металлические жаровни, которые хозяева закатывали внутрь забегаловок. Толпа, занимавшая обычно все пространство от тротуара до тротуара, вдруг исчезла. Вскоре над улицей повисла тишина, словно перед надвигающимся штормом. А затем Тёрн услышала приближающиеся ритмичные песнопения, словно раскаты грома перед грозой. Она затворила дверь и закрыла ее на замок.

Спустилась Майя со взъерошенными, спутанными пружинками прекрасных золотистых волос.

– Ты ее вывела? – спросила Тёрн.

Майя кивнула. Одним из плюсов их квартиры был потайной выход, через который Майя могла выпроваживать своих клиентов в случае необходимости, как сейчас.

На этой планете, как и на предыдущих восьми, Майя зарабатывала на жизнь профессией, связанной с огромным риском: она предоставляла репродуктивные услуги. Все планеты были разными, но оказалось, что на всех женщины хотели лишь

одного – того, что запрещено. Их желания отличались, конечно, в зависимости от планеты. Здесь, на Славе Божьей, они хотели детей. Майя бойко занималась контрабандой, поставляя семенную жидкость и эмбрионы женщинам, которые хотели забеременеть, но так, чтобы их бесплодные мужья не догадались, как им это удалось.

Песнопения стали громче, резкие мужские голоса слились в унисон. Женщины выглянули из окна кухни. Вскоре на улице появились молодые мужчины в белом, идущие рядами и марширующие в ногу. Армия праведников поравнялась с дверью, затем прошла мимо. Тёрн и Майя радостно переглянулись и обменялись тайным рукопожатием на мизинчиках. Они избежали расправы, в очередной раз.

Тёрн открыла дверь и посмотрела в спину марширующим. За ними бежали дети, и Майя сказала:

– Иди посмотри, что они собираются делать.

Неподкупные прошли мимо нескольких потенциальных целей: банка, магазина музыкальных инструментов, новостного агентства, секс-шопа. Они не остановились, пока не дошли до сквера, который находился в центре перекрестка. Затем фаланга выстроилась напротив школы. С военной точностью они выбили окна школы, затем запалили самодельные бомбы с зажигательной смесью и забросили их внутрь. Подождали, пока разгорится огонь, а затем хором вскрикнули и зашагали обратно к воротам по другой дороге.

Не успели они уйти, как с ревом примчалась пожарная команда Протектората, чтобы погасить огонь. Тёрн знала, что они это делают не из-за уважения к школе или жителям Пустоши, властям до них не было дела, пусть хоть все скопом сгорят, просто пожар в городе, построенном под куполом, распространяется везде. Даже людям, живущим во дворцах, пришлось бы нюхать запах дыма и отмывать копоть, если бы огонь быстро не погасили.

Поджог был таким же плевком в лицо Протектората, как и в лица жителей Пустоши.

Тёрн немного подождала, чтобы убедиться, что пожар не распространяется, и пошла домой. Там за кухонным столом вместе с Майей сидели три женщины. Двух Тёрн знала и раньше. Их звали Кларити и Бик, межзвездные странницы, которые пересекались с Тёрн и ее матерью на двух предыдущих планетах. Когда они встретились в первый раз, женщины были еще беспомощными студентками, во второй – опытными путешественницами. Чуть старше среднего возраста и при этом самые здравомыслящие люди, которых только встречала Тёрн. Ей

приходилось видеть, как они справлялись с бунтом и изгнанием с помощью искрометного чувства юмора и канистры чая.

Вот и сейчас их чайник наполнял кухню ароматом дымка, поэтому Тёрн выудила из кухонной мойки свою кружку. Майя спросила:

– И что там делали Неподкупные?

– Школу жгли, – ответила Тёрн таким тоном, словно видела подобное каждый день.

Она взглянула на третью гостью, незнакомку. Женщина еще, похоже, испытывала временной шок, а значит, лишь недавно переместилась по световому лучу на Славу Божью с другой планеты. Она все еще переживала то мучительное состояние, когда просыпаешься через десять-двадцать лет после того, как вздохнул в последний раз.

– Анник, это Тёрн, дочь Майи, – сказала Кларити. Из двух подруг она была наиболее говорливой и энергичной, а Бик – молчаливой и надежной.

– Привет, – отозвалась Тёрн. – Добро пожаловать в место Творения.

– Почему они сожгли школу? – спросила Анник, явно расстроенная событием. У нее были бледные глаза и нежные, мягкие черты.

Тут она явно долго не продержится, решила для себя Тёрн.

– Потому что это рассадник вырождения, – ответила она. Фразу она слышала от Хантера, нынешнего приятеля матери.

– Что случилось с планетой? – спросила Анник. – Когда я улетала, она находилась в изоляции, но еще не была настолько реакционной.

Остальные сочувственно поохали, потому что каждой из сидящих пришлось испытать нечто подобное. Перемещение по световому лучу – самый быстрый способ транспортировки во Вселенной, но даже скорость света имеет свои границы. Жизнь на планетах менялась за время путешествия, и не всегда к лучшему.

– Таково оно, пустошное счастье, – обреченно вздохнула Майя.

Кларити пояснила:

– Неподкупные – довольно молодое движение. Оно началось среди консервативных преподавателей и студентов, но у них уже много последователей. Они противостоят взяточничеству и кумовству Протектората. Горожанам надоело, что их постоянно дергает полиция в надежде получить взятку и что коррумпированные чиновники придумывают, как бы еще содрать денег с населения. Потому народ и поддерживает это движение в надежде, что они скинут взяточников и накажут их по

справедливости. Только нам от того не легче.

– Почему? – спросила Анник. – Разве честное правительство не сделает жизнь лучше для всех?

– По идее так и должно быть. Но честное правительство больше вмешивается в жизнь граждан. Чтобы получить снисхождение и личную свободу, коррумпированным властям можно дать взятку. Протекторат оставил Пустошь в покое, потому что она приносит доход. А если власть возьмут Неподкупные, то тогда им придется пойти на поводу у общественного мнения, и они либо выгонят нас, либо заставят стать как все. Местные жители склонны к изоляционизму. Они думают, что наш порочный бизнес помогает поддерживать власть Протектората. И в целом они правы.

– Какой-то дьявольский сговор, – сказала Анник.

Остальные кивнули. Жизнь пустошника полна иронии.

– А как же теперь Тёрн будет учиться? – спросила Кларити у Майи.

Майя пока об этом даже не размышляла.

– Ну, что-нибудь придумают, наверное, – рассеянно сказала она.

Тёрн услышала, как Хантер спускается по железной лестнице, и сказала, чтобы позлить его:

– Я бы могла помогать Хантеру.

– В чем помогать? – спросил он, спускаясь в кухню.

Худощавый, с острым лицом, квадратными очками и короткой бородкой, он всегда носил черную одежду и не мог удержаться от сарказма в голосе. Тёрн считала его позером.

– В поисках гминтов, конечно, – сказала она. – Ты же этим занимаешься.

Он подошел к кофеварке, чтобы сварить себе чашку горькой гиперстимулирующей жидкости, к которой давно пристрастился.

– А почему бы тебе в школу не пойти? – спросил он.

– Ее сожгли.

– Кто?

– Неподкупные. Ты не слышал, как они тут скандировали?

– Я работал в кабинете.

Он всегда сидел в своем кабинете. Тёрн понять не могла, каким образом он собирается ловить преступников-гминтов, если не желает выходить на улицу и общаться с людьми. Однажды она спросила Майю:

– Он хоть раз поймал гминта?

Майя ответила со вздохом:

– Надеюсь, что нет.

В целом он, конечно, был лучше предыдущего приятеля

Майи, который свалил, прихватив все их сбережения. По крайней мере, у Хантера водились деньги, хотя, откуда он их брал, так и оставалось загадкой.

– Я могла бы стать твоим агентом, – предложила Тёрн.

– Тебе нужно получить образование, – сказала ей Кларити.

– Точно, – согласился Хантер. – Если бы хоть что-то знала, то меньше бы всех доставала.

– Из-за таких, как ты, у образования плохая репутация, – огрызнулась Тёрн.

– Не груби, Двушка, – произнесла Майя.

– Меня теперь зовут по-другому!

– Ведешь себя как маленькая, поэтому и зову тебя по-детски.

– Ты всегда на его стороне.

– Можно найти ей репетитора, – сказала Кларити. Она никогда так просто не сдавалась.

– Правильно, – отозвался Хантер, отпивая чернильную жидкость из маленькой чашечки. – Почему бы тебе не спросить стариков, которые играют в шахматы в парке, вдруг кто-то согласится?

– Они, скорее всего, все педофилы! – с отвращением сказала Тёрн.

– Может, и лучше, если ты останешься неучем, – бросил Хантер и пошел наверх.

– Я поспрашиваю, узнаю, кто занимается частным преподаванием, – предложила Кларити.

– Ладно, хорошо, – буркнула Майя.

Тёрн вскочила, негодуя на отсутствие должного уважения к ее независимости и самостоятельности.

– Я сама хозяйка своей судьбы, – объявила она и вовремя сбежала в свою комнату.

* * *

Перед следующим преднотием Тёрн спустилась в накидке, которую носили все женщины Славы Божьей за пределами Пустоши. Увидев ее, Майя сказала:

– И куда ты собралась в таком наряде?

– Гулять, – ответила она.

– Я не хочу, чтобы ты выходила в город, Двуш, – сказала Майя, плохо скрывая беспокойство. Тёрн холодно промолчала, тогда она поправилась: – Прости, Тёрн. Но я все равно не хочу, чтобы ты ходила в город.

– Не пойду.

– Тогда зачем ты нацепила накидку? Это же символ рабства.

– Все мы рабы Божьи, – надменно возразила Тёрн.

– Ты же не веришь в Бога.

Именно тогда Тёрн решила, что теперь уж обязательно поверит.

Она вышла за дверь и повернула к парку. Обыденность дома и семьи липла к ней, как пух. Пройдя квартал, девушка почувствовала себя преображенной. Она нацепила накидку просто ради того, чтобы проявить свое неповиновение, но здесь, на улице, та смотрелась совсем по-другому. Тёрн заметила свое отражение в витрине, выглядела она загадочно. Накидка скрывала лицо и при этом усиливала работу воображения, сквозь нее все казалось каким-то необычным. Даже сама Тёрн стала неуловимой и таинственной. Пустошники заботились только о внешнем, они старательно хотели казаться кем-то, но не быть. Вся глубина, вся искренность увядали, разъедаемые кислотой безликости. Но когда Тёрн надела накидку, она утратила внешность, посему стала неуязвимой. Теперь под накидкой скрывалось нечто изменчивое, непонятное и во многом зависящее от предположений.

В маленьком треугольном сквере напротив почерневшей школы жизнь шла своим чередом. Охлаждающие башни лениво вращали лопастями, создавая легкий ветерок, смешанный с копотью. В их тени люди выгуливали собак на поводках, старики склонялись над шахматной доской. Сквозь прорезь в накидке Тёрн осмотрелась, затем подошла к старику, который сидел на скамейке и читал что-то на планшете.

Она присела рядом. Старик никак не отреагировал, хотя по тому, как он нахмурился, Тёрн поняла, что он ее заметил. Девушка часто встречала его в парке, старик всегда одевался с иголочки, хоть и носил поношенный старомодный костюм. Овальное, обвисшее лицо, большие руки. Выглядел он так, словно когда-то занимался каким-то умным делом. Тёрн долго думала, как бы начать разговор.

– Ну? – сказал старик, не отрываясь от книги. – Чего тебе нужно?

Тёрн так и не придумала ничего толкового и просто спросила:

– Вы историк?

Он опустил книгу.

– В каком-то смысле, как и все мы, пустошники. Почему ты спрашиваешь?

– Моя школа сгорела, – сказала она. – Мне нужен учитель.

– Я не занимаюсь с детьми, – ответил старик и вернулся к

чтению.

– А я не ребенок! – обиженно воскликнула она.

Он даже не взглянул на нее.

– Неужели? А я уж подумал, что ты именно поэтому прячешься под накидкой.

Тёрн сняла ее. Сначала он даже не поднял глаза. Потом равнодушно посмотрел, но вдруг что-то разглядел и нахмурился.

– Ты та самая девочка, которая живет с охотником за гминтами, – констатировал он ледяным тоном.

Ей захотелось даже защитить Хантера.

– Он не за всеми гминтами охотится. Только за преступниками, которые участвовали в голоциде. Теми, кто этого заслуживает.

– Что ты знаешь о гминтском голоциде? – с пренебрежением спросил старик.

Тёрн торжествующе улыбнулась.

– Я была там.

Он перестал делать вид, что читает, и взглянул на нее с неодобрением.

– Как ты могла там быть? Это случилось сто сорок один год назад.

– А мне сто сорок пять, если считать по непрерывному времени, – сказала Тёрн. – Мне было тридцать семь, когда исполнилось пять, девяносто восемь в семь лет и сто двадцать шесть в двенадцать. – Ей нравилось шокировать людей подобным признанием.

– Почему же ты так часто перелетала?

– Моя мама забеременела без согласия отца, а когда отказалась сделать аборт, то он подал на нее в суд за нарушение авторских прав, потому что она без разрешения скопировала его гены, как вы видите. В общем, она скрылась, чтобы не платить лицензионные отчисления, с тех пор мы в бегах. Если он нас поймает, то меня могут задержать за хранение краденых генов.

– Кто тебе такое рассказал? – скептически спросил он.

– Майя. А что, вполне правдоподобно, ее приятели на такое способны. Она всегда выбирает кого попало. Это вторая причина, почему нам приходилось так часто переезжать.

Он слегка покачал головой и сказал:

– Должно быть, у тебя дисплазия восприятия.

– Я уже привыкла.

– Тебе нравится?

Еще никто не задавал ей подобного вопроса, словно она имела возможность решить за себя. На самом деле совсем недавно Тёрн поняла, что ей совершенно не нравится такая

жизнь. С каждым новым прыжком на другую планету ей все меньше и меньше хотелось отказываться от непрерывного времени.

– Хуже всего, что обратно уже не вернешься, – сказала она. – То место, которое ты покидаешь, исчезает навсегда. Когда мне было восемь, я узнала, что теперь существует возможность мгновенного общения, и спросила Майю, можно ли позвонить моей подруге на ту планету, где мы раньше жили, а Майя сказала: «Она уже стала взрослой». Все вокруг изменились, а я нет. Мне раньше даже снился сон. что весь мир у меня за спиной исчезает, когда я не смотрю.

Старик слушал, внимательно рассматривая ее.

– Как вы улетели из Гминтагада? – спросил он.

– По капелланским паспортам. Я мало что помню, мне было всего четыре года. Лишь болотные кипарисы с висячими ветками, и как мы торопились куда-то. Я тогда не понимала, что происходит.

Старик всмотрелся в даль, словно пытался разглядеть что-то невидимое. Вдруг вскочил, как ужаленный, и пошел прочь.

– Погодите! – крикнула Тёрн. – Что случилось?

Он остановился, весь напряженный, затем обернулся.

– Встречаемся здесь завтра в четыре часа преднотья, если хочешь учиться, – сказал он. – Принеси планшет. Ждать я тебя не буду.

И пошел.

– Стойте! – крикнула Тёрн. – Как вас зовут?

Он сердито нахмурился.

– Сорен Прегалдин. Можешь называть меня магистр.

– Хорошо, магистр, – кивнула она, стараясь не выказать своей радости.

Она не могла дождаться, чтобы рассказать Хантеру, что последовала его совету и преуспела.

Наблюдая за тем, как магистр Прегалдин идет через парк, она решила, что не станет говорить Хантеру о своих подозрениях, что старику кое-что известно насчет голоцида. Иначе откуда он знает, что это произошло ровно сто сорок один год назад. Обычно люди говорили сто сорок или около того. Она не расскажет о своих подозрениях Хантеру, пока сама не убедится. Осторожно все разузнает, как сделал бы толковый агент. Ее охватило необыкновенное возбуждение, когда она об этом подумала. А что если у нее получится поймать гминта? Вот ведь Хантер поразится! Честно говоря, ей хотелось поразить Хантера. Несмотря на весь его сарказм, он был самым умным из приятелей Майи и, кроме того, занимался единственным делом, которым

Тёрн по-настоящему восхищалась.

Она снова накрыла лицо накидкой, прежде чем пойти домой, чтобы никто не увидел довольной ухмылки.

* * *

Магистр Прегалдин оказался самым требовательным учителем из всех. Раньше Тёрн учеба давалась легко, она схватывала все быстрее местных детей, а потом скучала в ожидании, пока они догонят. Теперь же ждать ей было некого, и магистр безжалостно подтолкнул ее к пределу способностей. Впервые в жизни она поняла, что, возможно, не такая умная, как думала.

А еще он заставлял упражняться в устном счете. Она как-то пожаловалась, что это бессмысленное занятие, тогда он ткнул пальцем вверх, туда, где за железной решеткой купола начинался черный круглый холм, отчетливо бросающийся в глаза на фоне красных равнин дна кратера.

– Скажи-ка, как далеко находится Ползущий слиток.

Ползущий слиток впервые появился на горизонте примерно сто лет назад и с тех пор медленно двигался к Славе Божьей. Это был кусок почти чистого железа размером с небольшую гору. В Пустоши превалировала теория, что снизу он расплавлен, за счет чего и движется, как капля воды по горячей сковородке. В городе его считали символом божественного гнева, очевидным Армагеддоном, который невозможно остановить. Со всей планеты сюда съезжались туристы, чтобы взглянуть на него, публике регулярно сообщали о том, насколько сократилась дистанция. Тёрн включила планшет, чтобы посмотреть, но магистр заставил ее выключить.

– Нет, – сказал он. – Я хочу, чтобы сама это высчитала.

– Каким образом? Они в него лазерами светят, чтобы определить положение.

– Все намного проще, к тому же у тебя есть все необходимое.

– Намного проще – посмотреть в планшете!

– Нет, это для ленивых. – Он глядел сурово. – Если слишком часто полагаться на доступную информацию, то станешь беззащитным, то же относится и к пользованию технологиями. Ты должна знать, как можно высчитать, потому что информацию могут у тебя отобрать или сфальсифицировать. Никому нельзя доверять.

Какой-то просто информационный выживальщик!

– Ага, а потом вы потребуете, чтобы я высекала огонь с

помощью кремня.

– Думать своей головой – навык полезный и всегда пригодится. Итак, как ты собираешься определить расстояние? Дам тебе подсказку: сейчас тебе не хватает информации. Откуда ты ее добудешь?

Она задумалась. Кажется, нужно прибегнуть к математике, потому что они об этом как раз говорили. Наконец она сказала:

– Мне понадобится рулетка.

– Правильно.

– И транспортир.

– Хорошо. А теперь действуй.

Ей потребовалось все оставшееся время прежнотья, чтобы собрать нужные инструменты, и первая половина посленотья, чтобы пронаблюдать за Слитком с двух точек на разных концах парка. Затем она попросила кого-то из детей, которых не взяли в игру, помочь ей замерить расстояние между наблюдательными пунктами. Имея на руках два угла и длину между ними, посчитать расстояние с помощью тригонометрической формулы оказалось совсем просто. Магистр позволил девушке проверить ответ, и он оказался даже точнее, чем она ожидала.

Он не подал виду, но Тёрн заметила, что магистр доволен ее успехом даже больше, чем она сама.

– Хорошо, – сказал он. – А теперь представь, что ты сделала более тщательные замеры, а твой ответ отличается от официального. Тогда тебе пришлось бы спросить себя, есть ли у Протектората причины, чтобы фальсифицировать данные о расстоянии до Слитка.

Она не понимала, что он хочет сказать.

– Этот старик-винд, должно быть, волшебник, – заметил Хантер, когда обнаружил, что Тёрн корпит над математической задачей, сидя за кухонным столом. – Он придумал, как тебя мотивировать.

– Почему ты думаешь, что он винд? – спросила Тёрн.

Хантер бросил на нее ядовитый взгляд.

– Да ты посмотри на него.

Ничего не сказав, он сделала мысленную пометку в своем досье на учителя. Значит, не гминт. Винды происходили из тайной расы аристократов-интеллектуалов, служивших в правительстве, в сфере финансов и образования почти на всех двадцати планетах. Сколько Тёрн себя помнила, всегда ходили слухи о заговоре виндов, которые под видом общественной работы хотят занять ключевые посты и захватить власть. Говорили еще о тайном виндском обществе межпланетных финансистов, которые откачивают богатства целых планет ради

того, чтобы обеспечивать капиталом свое главенствующее положение. Майя, услышав об этом, начинала фыркать. Одно можно было сказать наверняка: магистр Прегалдин являл собой пример того, что заговор виндов не удался. Он казался таким же нищим, как и прочие пустошники.

Но если магистр все-таки винд, это же не означает, что он не участвовал в голоциде, просто скорее оказался в роли беженца, а не преступника. На Гминтагаде, как и на большинстве планет, существовало маленькое элитное сообщество виндов, к которым местные всегда относились подозрительно. Винды стали жертвами побоища так же, как и эллои. Но о виндах упоминали нечасто, возможно, потому что винды и сами о себе особенно не распространялись.

Ежедневные занятия в парке неизбежно привлекли внимание. Однажды, когда они проводили эксперименты по аэродинамике с помощью бумажных самолетиков, к ним подошел мужчина. Керамические бусины, вплетенные в его ухоженную бороду, стукались друг о друга при каждом шаге. Магистр Прегалдин заметил его первым, лицо сразу же стало пустым и непроницаемым.

Визитер остановился, бусины легли на его шелковую рубаху, и стук прекратился. Он откашлялся. Учитель Тёрн встал и в знак уважения коснулся мочек ушей по обычаю этой планеты.

– Присутствие вашей милости радует мое тело, – поприветствовал он гостя, как того требовала вежливость.

Мужчина даже не дал себе труда проявить ответную учтивость.

– У вас есть лицензия на подобный род деятельности?

– Какой деятельности, ваша милость?

– Преподавание в общественном месте.

Магистр Прегалдин замешкался.

– Понятия не имел, что общение можно истолковать как преподавание.

Зря он так ответил. Даже Тёрн, молча наблюдавшая за происходящим, поняла, что на его месте следовало спросить, сколько стоит лицензия. Чиновник наверняка просто хотел получить взятку. Его лицо стало грозным.

– Наш благословенный Протекторат налагает штрафы на тех, кто пытается обойти закон.

– Я законопослушный гражданин, достопочтенный. И немедля прекращу общение, раз так требуется.

Магистр поднял свой потрепанный планшет и, даже не взглянув на Тёрн, ушел. Чиновник из Протектората посмотрел на девочку, но решил, что с нее взять нечего.

Тёрн подождала, пока он скроется из виду, и бросилась за магистром Прегалдином. Но тот давно свернул на аллею Вицер, кривой проулок, которого девушка обычно избегала, потому что там находился эпицентр порока в Пустоши. Сейчас она, не задумываясь, бросилась туда, ища глазами высокую аристократичную фигуру учителя. Еще было раннее преднотье, и обитатели аллеи Вицер только-только приходили в себя после дебошей вчерашнего посленотья. Тёрн проскочила мимо магазина, хозяин которого принялся выкладывать на прилавок постыдные секс-игрушки, она отвернулась, чтобы не смотреть. Потом второпях прошмыгнула мимо забегаловки, где уборщик отмывал кровавое пятно и лужу засохшей рвоты. Пробежав пару переулков, она очутилась в самом сердце порока, в печально известном Саду Наслаждений, где, по слухам, часто выступали музыканты. Чиновников Протектората не беспокоило существование проституции, поскольку она упоминалась в священной книге, но вот музыка была строго-настрого запрещена.

Ворота в Сад Наслаждений обвивали железные змеи. По обеим сторонам стояли высокие пьедесталы, на которых, когда Сад работал, кружились и извивались танцоры. Сейчас там расположился полусонный гермафродит, совершенно нагой, если не считать бикини, которое почти ничего не скрывало. Его гладкую кожу покрывал растительный узор с изображением плюща и огурцов, нанесенный декоративным кожным грибком микохромодермом. Впрыснув его один раз, убрать уже невозможно. Он будет разрастаться по всему телу, создавая новые узоры до тех пор, пока не умрет хозяин. Несколько лет назад грибок считался невероятно модным среди прожигателей жизни.

Танцор посмотрел на Тёрн узкими, как у ящерицы, глазами, лицо у него было зеленое, а ноздри красные.

– Ищешь профессора? – спросило двуполое существо.

Тёрн оказалась слегка шокирована, что подобный эксгибиционист знаком с ее утонченным учителем, но кивнула. Существо томно махнуло рукой в сторону окна на втором этаже дома, стоявшего через улицу.

– Скажи ему, пусть приходит навестить меня, – произнесло оно, обнажив неожиданно белые зубы.

Тёрн нашла узкую дверь, почти скрытую навесом, и поднялась по лестнице мимо облупленных жестяных панелей, на которых когда-то были изображены гурии, несущие огромные опахала из перьев. Наверху она постучала в дверь, но никто не ответил.

– Магистр, – позвала она.

Дверь неожиданно распахнулась, магистр Прегалдин схватил

ее за руку и затащил внутрь, затем выглянул еще раз, чтобы убедиться, что за ней нет хвоста.

– Что ты здесь делаешь? – спросил он.

– Меня никто не видел, – ответила она. – Только этот… это… – Она махнула рукой на другую сторону улицы.

Магистр Прегалдин подошел к окну и выглянул наружу.

– А, Гинко!

– Почему вы тут живете? Есть ведь много других хороших мест.

Магистр хмуро улыбнулся.

– Из-за системы раннего оповещения. Пока Саду позволяют работать, на таких, как я, не обращают внимания, – сказал он и тут же строго нахмурился. – Если только ты не навлечешь на меня беду.

– Почему вы не дали ему взятку? Он бы ушел.

– Берегу деньги для более подходящего случая. Нельзя прикармливать этих падальщиков, иначе они быстро наглеют, – сказал он и выглянул в окно. – Тебе нужно уходить.

– Почему? Он же говорил, что вам нужна лицензия, чтобы преподавать в общественных местах. Но ничего – о преподавании на дому.

Магистр Прегалдин долго смотрел на нее со сложным выражением на лице, словно пытался взвесить все риски. В конце концов он нервно пожал плечами.

– Ты должна пообещать мне, что никому не расскажешь. Я серьезно, это не шутки.

– Обещаю, – сказала Тёрн.

Девушка наконец-то смогла осмотреться. До сих пор ей казалось, что квартира настолько захламлена, что остались лишь узкие дорожки, по которым можно передвигаться по комнате. Сейчас же она увидела, что вокруг стоят целые горы удивительных вещей. Хрустальные шары на подставках из позолоченной бронзы, стопки сотканных вручную шелковых ковров, часы в малахитовых корпусах, книги с кожаными позолоченными переплетами. А еще медная механическая модель солнечной системы, лошади из оникса, вставшие на дыбы, и терменвокс в корпусе из резного алюминия. В углу стоял эмалированный кувшин ростом с Тёрн.

С потолка свисал канделябр с каплевидными висюльками из топаза и кольцами, магистру даже приходилось пригибаться, чтобы не задеть его головой.

– Это все ваше? – спросила Тёрн, потрясенная такими чудесами.

– Временно, – ответил он. – Я торгую произведениями

искусства. Делаю так, чтобы красивые вещи попали к тем, кто их ценит. В каком-то смысле я – посредник.

Рассказывая, он легонько поглаживал пальцами окаменевшую ракушку, на которой проступало человеческое лицо. Жест показался Тёрн очень ласковым, полным почтения и даже любви. Она вдруг сразу поняла, что здесь, среди красивых вещей, магистр отдыхает душой.

– Если будешь приходить сюда, постарайся ничего не сломать, – сказал он.

– Я даже касаться их не буду.

– Нет, я совсем не то имел в виду. Человек должен касаться предметов, держать их в руках, работать с ними. Недостаточно просто смотреть. Но касаться надо так, как они этого хотят.

Он протянул ей окаменевшую ракушку. Она оказалась на удивление тяжелой и идеально легла в руку. Лицо вдруг стало удивленным, когда Тёрн подняла ее прямо перед собой, и девочка рассмеялась.

На стенах, как и на полу, свободного места почти не осталось, их покрывали картины, гобелены и вымпелы. Только одна стена казалась почти пустой, потому что на ней, словно на почетном месте, висела единственная картина. Тёрн подошла к ней, и девочке почудилось, что изображение движется и цвета меняются в зависимости от угла зрения. На картине была юная девушка с длинными черными волосами и серьезным выражением лица, примерно одного возраста с Тёрн, но более красивая и хрупкая.

Увидев, что ученица рассматривает картину, магистр Прегалдин сказал:

– Портрет выполнен из крыльев бабочек. Характерный вид искусства для Виндахара.

– Это родная планета виндов?

– Да.

– А вы ее знаете? – Она кивнула на девушку на портрете.

– Да, – нехотя сказал он. – Но для тебя это ничего не значит. Она давным-давно умерла.

Голос его прозвучал как-то особенно. Ему больно? Нет, решила Тёрн, тут не болезненное воспоминание, а что-то другое. Но чувство было настолько сильным, что осталось висеть в воздухе, даже когда он замолчал. Магистр это тоже заметил.

– На сегодня истории искусства достаточно, – отрывисто сказал он. – Мы говорили о самолетах.

* * *

В посленотье Хантер ушел по каким-то своим непостижимым делам. Тёрн подождала, пока Майя погрузится в разговор с очередной подругой, и пробралась в его кабинет. У Хантера была самая лучшая библиотека из всех, что ей доводилось видеть, вещь, совершенно необходимая на этой планете, где практически не предусматривалось общественных источников знания. Тёрн не сомневалась, что обязательно найдет книги по искусству в его коллекции. Она просмотрела полки с дисками, наконец достала один – энциклопедию искусства. Сунула его в планшет, напечатала «бабочка» и «Виндахар».

В энциклопедии приводилась лишь короткая статья, из которой Тёрн узнала, что искусство создания изображений с помощью крыльев бабочек очень высоко ценилось когда-то в старину, но сейчас никто этим больше не занимается, так как все бабочки вымерли. Она начала просматривать иллюстрации и нашла ту самую картину, которую видела сегодня. Правда, та выглядела немного по-другому: краски ярче, а девушка более печальная.

«Портрет Джеммы Дивали, – гласила надпись под изображением. – Признанный шедевр в данной технике, утрачен в 862 году, когда его украли из дома, принадлежащего семье Дивали. Согласно Алмази, репрезентационный формализм субъекта слегка нарушается трансформационной перспективой, которая создается за счет абстрактного изображения дополнительного слоя. Портрет предваряет „искусство хаоса“ Данливи…» Автор статьи продолжал обсуждать картину, но в основном в ключе теории искусства. Тёрн пригодилось лишь первое предложение. 862 год – это год гминтского голоцида.

Джемма мрачно смотрела с картины, словно хотела ей что-то сказать. Тёрн вернулась к полке и на сей раз стала искать книги по истории голоцида. Их было не меньше сотни. Она выбрала одну наугад и напечатала «Дивали», имя встречалось в книге несколько раз. Тёрн узнала, что Дивали, виндская семья, имела связи с правительством Гминтагада. Джемма нигде не упоминалась.

Тёрн оставила дверь приоткрытой и сейчас услышала, что Хантер уже вернулся домой. Тёрн быстро разложила книги по местам и стерла поисковую историю с планшета. Она не хотела, чтобы он узнал эту тайну. Сама решила во всем разобраться.

Другого шанса порыться в кабинете Хантера до очередного урока в квартире магистра Прегалдина на аллее Вицер ей больше не представилось. Для их занятий учитель даже расчистил стол, над ним висела голова какого-то животного с закручивающимися рогами цвета меди. Пока он проверял ее работу, выполненную в

преднотье, Тёрн то и дело посматривала на портрет Джеммы, висевший на стене напротив.

Наконец он поднял взгляд и заметил, как она пялится на картину.

– А вы знали, что она с Гминтагада? – выпалила Тёрн.

Тень промелькнула у него на лице, но тут же исчезла.

– Да, – сказал он низким голосом.

– Ее украли. И считается, что она пропала.

– Знаю.

Мысленно девушка бросилась обвинять его, и, должно быть, старик заметил это по ее лицу, потому что спокойно сказал:

– Я собираю произведения искусства времен голоцида.

– Что за макабр!

– Во время голоцида было украдено много ценных произведений искусства. В последующие годы их вывезли, они появились на черных рынках на дюжине планет. Многие были утрачены. Я пытаюсь собрать их воедино, спасти, если получится. Но работа продвигается очень медленно.

Это объяснение немного изменило картину, которую Тёрн уже нарисовала у себя в голове. Прежде магистр казался ей расхитителем, наживающимся на горе других. Теперь же – скорее хранителем, который отдает должное давно ушедшим. Она даже пожалела, что плохо подумала о нем.

– И где вы их находите?

– В антикварных лавках, магазинах с импортными товарами, на распродажах имущества. Большинство людей в них ничего не смыслят. Есть, конечно, торговцы, которые специализируются именно на этом товаре, но я с ними не разговариваю.

– А вы не считаете, что нужно вернуть портрет семье, которой он принадлежал?

Старик немного замешкался, лишь на секунду, а затем сказал:

– Считаю. – Он посмотрел через плечо на портрет Джеммы. – Если бы в живых остался хоть один человек, я бы его вернул.

– Вы имеете в виду, что они все умерли? Все до одного?

– Насколько мне известно.

После его слов картина приобрела иное качество. К ее утонченности, красоте, застывшей во времени, прибавилась железная рама смертности. Вся семья погибла. Тёрн встала и подошла поближе, не в силах противиться желанию.

– Бабочки тоже вымерли, – сказала она.

Магист Прегалдин встал позади нее и тоже посмотрел на портрет.

– Да, – подтвердил он. – Бабочки, девочка, семья, мир – все

исчезло. И никогда не повторится.

Теперь картина казалась изысканно пронзительной. Лишь она пережила трагедию, чтобы стать доказательством того, что все это когда-то существовало. Тёрн посмотрела на магистра Прегалдина.

– Вы там были?

Он медленно покачал головой.

– Нет. Это случилось до меня. Но я всегда интересовался данным периодом, вот и все.

– Ее звали Джемма, – сказала Тёрн. – Джемма Дивали.

– Откуда ты знаешь?

– В книге прочитала. В глупой книге. Там еще было что-то об абстракции дополнительного слоя и прочей чепухе. А про саму картину больше ничего.

– Я тебе покажу, что там имелось в виду, – сказал магистр. – Встань сюда.

Он поставил ее в четырех футах от картины, затем взял лампу и подсветил сбоку. Когда свет переместился, изображение Джеммы Дивали вдруг исчезло, а вместо него появился абстрактный узор из сцепленных между собой спиралей и кружащихся вертушек, фиолетовых и синих.

Тёрн даже вскрикнула от удивления.

– Как у вас это вышло?

– Благодаря микроскопической структуре крыльев бабочек, – объяснил магистр Прегалдин. – Позже я покажу тебе под увеличительным стеклом. Почти под всеми углами они отражают одну и ту же длину световой волны, но под одним углом – совсем другую. В том и заключалось мастерство художника, чтобы создать оба изображения. Большинство людей думает, что это всего лишь проявление технической виртуозности, без всякого смысла.

Она посмотрела на магистра.

– Но вы так не считаете.

– Нет. Нужно понимать, что искусство виндов заключается в создании тайных посланий, понятийных слоев и загадок, которые необходимо разгадать. Я изучал картину с тех самых пор, как приобрел ее и увидел этот узор. И он выбран не просто так.

Магистр подошел к терминалу и вывел информацию. На дисплее появилось простое алгебраическое уравнение.

– Уравнение решается с помощью любого произвольного числа в значении X. Во второй раз для значения X берется полученный ответ, и уравнение решается опять, и так далее несколько раз. Затем из всех решений выстраиваешь график по осям X и У, и вот что выходит.

Он нажал клавишу, на экране появилась пустая ось координат. Машина принялась решать уравнение, на графике в случайном порядке стали появляться точки. Тёрн нахмурилась, потому что не увидела в них никакого порядка.

– Я ускорю процесс, – сказал магистр Прегалдин. Точки начали появляться быстрее, словно снежинки на окне или песок на полу. – Это все равно что составлять график игры в кости, иногда выпадает удача, иногда результат даже выходит за границы реальности. Всё как в жизни. Первые годы бродишь наугад, родители тянут тебя туда, друзья тянут сюда, все варианты противоречат друг другу, мешают и спорят, пока ты вдруг не начинаешь слышать свое сердце. И тогда появляется определенный узор.

Точки на экране начали возникать кучно, и теперь Тёрн увидела смутные очертания спиралей. Чем больше появлялось точек в случайных местах на графике, чем четче проступал узор.

Магистр Прегалдин сказал:

– По мере того как проявляется узор, ты начинаешь видеть, что все эти отдельные точки – составляющие чего-то прекрасного: снежинок, спиралей или концентрических кругов. Так же происходит и с узором в нашей жизни: он не сразу проявляется в нужном порядке, поначалу нам не хватает информации, чтобы увидеть красоту. Наш путь определен невидимым произведением искусства, созданием целой жизни событий.

– Вы имеете в виду судьбу?

– Вот в чем вопрос, – мрачно кивнул учитель, глядя на экран. Из-за бликов лицо его казалось плоским и таинственным. – Существовал ли этот узор до нас? Предопределено ли уравнение, лежащее в основе нашей жизни, или оно создается в результате нашего случайного выбора значения X? На данный вопрос ответить я не могу.

Узор на экране стал очевидным, он был таким же, как и тот, что скрывался за портретом. Тёрн сравнивала их между собой.

– А как узор связан с Джеммой?

– Еще один хороший вопрос, – задумчиво сказал магистр Прегалдин. – Не знаю. Возможно, это послание ей от художника или предсказание, которое так и не сбылось, потому что она погибла прежде, чем смогла определить свой узор жизни.

Тёрн молчала, думая о девушке на портрете.

– Она погибла во время голоцида?

– Да.

– Вы ее знали?

– Я же сказал, меня там не было.

Тёрн ни на секунду ему не поверила. Он точно там был,

теперь она знала это наверняка. Не только был там, но все еще находится там и навсегда там останется.

* * *

Через несколько дней Тёрн вышла на улицу, чтобы пойти на уроки, и сразу же поняла: что-то изменилось. Все притихло, в воздухе витало напряженное ожидание. Редкие прохожие бросали растерянные взгляды в сторону города. Она посмотрела на Штопор, огромную спираль из черного металла, устремившуюся ввысь, будто он собирался пронзить небо. От него исходил низкий, ритмичный звук. Она увидела знакомую женщину, которая несла в руках многочисленные пакеты с продуктами, словно готовилась к осаде.

– Бик! – крикнула девочка. – Что происходит?

– А ты не слышала?

– Нет.

Не повышая голоса, Бик сказала:

– В прошлую Ноту убили Протектора.

– Ой! А это хорошо или плохо?

Бик пожала плечами.

– Зависит от того, кого они обвинят в убийстве.

Женщина поспешила дальше, а Тёрн стояла, не зная, вернуться ли домой пли пойти предупредить магистра Прегалдина. Звук разрастался, становился все более отчетливым, словно медленная барабанная дробь. Недолго думая Тёрн бросилась вперед.

Обитатели аллеи Випер уже привыкли к тому, что Тёрн ходит на уроки. Этим преднотьем все сидели по своим норам, но она чуть не столкнулась с одним местным жителем, выходившим из табачного магазина. Им оказался бывший священник, бежавший когда-то из Славы Божьей и обосновавшийся в Пустоши. Все называли его Отец Грех.

– А, девочка! – воскликнул он. – Так стремишься к знаниям, что готова старика сбить с ног?

– Отец Грех, а что это за звук? – спросила она.

– Люди от горя стучат по косякам домов, – сказал он. – То, что случилось, настоящая трагедия.

Она побежала дальше. К тому времени, когда она подошла к двери магистра Прегалдина, звук перерос в звон, напоминая неестественную Ноту. Она постучала, но магистр открыл не сразу.

– А, Тёрн! Рад, что пришла, – сказал Прегалдин, увидев ее. – Мне нужно тебе что-то… – и тут он замолчал, заметив выражение

ее лица. – Что случилось?

– Вы не слышали новости, магистр?

– Какие новости?

– Протектор умер. Убит. Потому и звон такой стоит.

Он прислушался, словно раньше не замечал звона, затем быстро подошел к терминалу, чтобы посмотреть новости. Обнаружил заявление Протектората, возлагавшего ответственность на «Врагов Божьих», но никаких новостей. Выключил терминал и задумался. А затем, видимо, принял какое-то решение.

– Это не должно повлиять на мои планы. Вероятно, даже поможет, – сказал он и повернулся к ней, спокойный и собранный, как обычно. – Я собираюсь ненадолго уехать. Меня не будет дня два-три. Но могу задержаться и чуть подольше, поэтому хотел бы, чтобы ты приглядела за моей квартирой и убедилась, что тут все в порядке. Сделаешь?

– Конечно. – сказала Тёрн. – А куда вы уезжаете?

– В другой город-государство.

Он показал ей пару растений, не требующих поливки, и ведро, стоявшее под протекающей трубой, за которым нужно следить, чтобы не переполнилось. Он задержался у входа в спальню, но затем махнул ей рукой, приглашая войти. Спальня была такой же захламленной, как и другие комнаты. Магистр убрал ковер с какой-то коробки, и Тёрн поняла, что это маленький морозильник. На дверце находился индикатор, который показывал, что температура внутри намного ниже нуля.

– Он должен оставаться холодным, – сказал старик. – Даже если вдруг отключат электричество, он без проблем простоит два-три дня. Но если я вдруг задержусь подольше, то температура внутри начнет расти. Тогда тебе нужно будет купить сухого льда и охладить его. Тут замок. Помнишь рекурсивное уравнение, которое я тебе показывал?

– Уравнение Джеммы?

Он удивленно замешкался, а затем сказал:

– Да. Если для первого значения X возьмешь число двадцать семь, а затем решишь пять раз подряд, то получишь комбинацию замка. Для тебя это как семечки щелкать.

– А что там?

Сначала он не хотел отвечать, но потом сообразил, что фактически выдал ей комбинацию замка, поэтому встал на колени и ввел цифры. Индикатор загорелся зеленым. Магистр отодвинул несколько запоров, открыл крышку, снял лежавший сверху мешок со льдом и отошел, уступив место ей. Тёрн заглянула и увидела шар из белых перьев, уютно устроившийся

во льду.

– Это птица, – в замешательстве сказала она.

– Ты никогда не видела птиц?

– Нет. Здесь они не водятся. А почему вы храните мертвую птицу?

– Она не мертвая. Просто спит. Относится к виду ледяных сов, единственная птица, которая впадает в спячку. Они водились на планете Пинг, где зимы длятся век или даже больше. Сова зарывается в лед и там пережидает зиму. Они замерзают, превращаясь в лед. Когда приходит весна, они оживают, просыпаются, спариваются и дают потомство.

Температурный индикатор пожелтел, магистр вернул мешок со льдом на место и закрыл крышку. Морозильник заработал, восстанавливая необходимую температуру.

– Раньше… полагаю, можно назвать это модой, многие держали ледяных сов. Когда встречались два владельца с подходящими совами, они их размораживали, чтобы птицы ожили и дали потомство. Давно такое было. Даже не знаю, есть ли еще где-нибудь морозильники с другими живыми совами.

Еще одна уникальная вещь, возможно, единственная в своем роде! Квартиру наполняли воспоминания об исчезнувшем мире, словно магистр Прегалдин никак не мог перестать думать о прошлом.

Но на сей раз все было по-другому потому что окончательная трагедия еще не произошла. И жила надежда.

– Я сохраню ее, – хмуро пообещала Тёрн.

Он улыбнулся. И от этого показался еще более печальным.

– Ты и сама как сова, – ласково сказал он. – Старше тех лет, которые успела прожить.

Девушка подумала, что и он, как сова, замороженный на сто сорок один год, но промолчала.

Они вместе вышли из квартиры, Тёрн направилась домой, а старик закинул рюкзак на плечо и двинулся на пересадочную станцию.

* * *

Тёрн не стала ждать два дня, чтобы проверить квартиру и провести собственное расследование.

В день похорон Протектора Слава Божья замерла в благочестивом трауре. На время траурных мероприятий закрылись все лавки и конторы, даже в Пустоши. Какими бы ни оказались последствия, все произойдет не сегодня, а потом. На

всякий случай Тёрн надела накидку, потому что в ней чувствовала себя невидимой, и отправилась в путь.

В квартире магистра было тихо и темно, когда она вошла. Тёрн проверила цветы, вылила воду из ведра, чтобы соблюсти приличия. Затем вошла в спальню магистра, якобы проверить состояние морозильника, но вообще-то осмотреться, потому что туда она заходила лишь раз. Тёрн разглядывала картины, висевшие на стенах, зеркальце для бритья, которое держал какой-то неведомый зверь, шкаф, полный прекрасной одежды, давно обветшавшей и вышедшей из моды. Собираясь уходить, девушка вдруг заметила большую шкатулку в виде шестигранной колонны трех футов в высоту на столе в углу. Артефакт из другого мира, потому что сделан он был из дерева. Вообще-то даже из разных пород дерева. Узор на коробке изображал пчелиные соты. Но у предмета не имелось ни крышки, ни ящиков и вообще никакой возможности заглянуть внутрь. Тёрн сообразила, что это, должно быть, шкатулка с секретом, и захотела ее открыть.

Она ощупала ее, чтобы найти какую-нибудь отодвигающуюся панель, рычажок или пружину, но ничего не обнаружила. Тёрн поднесла лампу, чтобы лучше разглядеть. Поверхность шкатулки состояла из наборных шестиугольников, однако четкого узора девушка не заметила. Большинство плашек были сделаны из светлого и красноватого дерева, но на разных расстояниях встречались вставки из шестиугольников шоколадного, карамельного и черного цветов. Создавалось впечатление, что это какой-то код или диаграмма, но Тёрн даже не представляла какая.

До нее дошло, что она, скорее всего, все усложняет и верхняя панель, возможно, снимается намного проще. Девушка попыталась приподнять ее, панель сдвинулась вверх, но лишь на дюйм, немного отстав от ряда шестиугольников, находившихся под ней. Тёрн обнаружила, что в таком положении ряды вращаются. Вероятно, это замок в форме цилиндра. Нужно поворачивать ряды, чтобы совместить шестиугольники в нужном порядке, и тогда коробка откроется. Тёрн не знала комбинацию, но уже понимала, как мыслит виндский ум магистра Прегалдина, посему начала искать подсказки.

Она снова принялась изучать инкрустацию в виде сот. Шесть рядов. Верхний самый упорядоченный – шесть светлых шестиугольников, за ними шесть красных, и так по всей окружности шкатулки. Чем ниже шел ряд, тем больше становилось цветов, но шесть светлых шестиугольников обязательно повторялись. Некоторое время она просто крутила ряды, надеясь, что случайно выпадет нужная комбинация, но

быстро сдалась. Вытащила из рюкзака планшет, сфотографировала коробку и поставила ее обратно на стол. Закончив, девушка вдруг сообразила, что верхняя панель не закрыта, как в самом начале. Магистр Прегалдин сразу же заметит и поймет, что это она ее открыла. Очевидно, он придумал устроить проверку, не залезет ли кто-нибудь в квартиру без него, и Тёрн попалась в его капкан. Теперь ей нужно либо решить головоломку, либо объяснить, почему она рыскала по его квартире в поисках улик.

Домой она шла, погруженная в мысли. Головоломка явно была связана с числом шесть – шесть сторон, шесть рядов, шесть шестиугольников в ряду. Нужно вспомнить какие-нибудь формулы, в которых есть шестерка. Придя домой, девушка поднялась в свою комнату, перевела изображение шкатулки в диаграмму, чтобы получше ее разглядеть. Все посленотье она работала над этой задачей, пытаясь найти алгоритм, благодаря которому сложился бы нужный узор. Но ничего не выходило. Ее подгоняла мысль, что у нее ничего не получится и тогда придется объясняться с магистром Прегалдином. Она представляла, как он будет разочарован и перестанет доверять ей, и оттого засиделась намного позже того времени, когда ей полагалось закрыть шторы, чтобы вечное солнце не светило в окно, и пойти спать.

В шесть часов преднотья ей привиделся странный сон. Она стояла около дерева с шестиугольной колонной вместо ствола, которую обвивала змея с глазами магистра Прегалдина. Змея издевательски посмотрела на нее, а потом укусила собственный хвост.

Тёрн проснулась, четко помня, что ей приснилось. Лежала и думала, вспоминала историю, которую учитель рассказал ей, о капелланце-магистре по имени Кекуле, который разгадал круговую структуру молекулы бензола после того, как ему приснилась змея. Она улыбнулась, ибо только что видела сон Кекуле.

Выскочила из постели, поскакала по винтовой лестнице на кухню. Хантер и Майя завтракали, когда она ворвалась к ним.

– Хантер! У тебя есть книги по химии? – спросила она.

Тот удивленно смерил ее взглядом.

– А почему ты спрашиваешь?

– Хочу узнать про бензол!

Взрослые заинтригованно переглянулись.

– У меня есть энциклопедия, – сказал Хантер.

– Можно ее взять на время?

– Нет, я сам ее для тебя найду. А сейчас постарайся немного придержать свой интерес к ароматическим углеводородам, пока я

не допью кофе.

Он мучил ее минут десять, но наконец поднялся в кабинет, чтобы найти для нее книгу.

– Спасибо, ты – лучший! – сказала Тёрн и, взяв диск, взлетела вверх по лестнице. Как только она нашла статью про бензол, ее догадка подтвердилась. Молекула бензола состояла из атомов углерода в виде шестигранника и атомов водорода, прилепленных к углам. Заменив водород другими молекулами, можно было составить удивительное разнообразие химических соединений.

Значит, возможно, ей следует искать не математическую формулу, а химическую. Она просмотрела диаграммы толуола, ксилена и мезитилена и начала понимать, как это может сработать. Каждое соединение состояло из бензолового кольца с метиловой группой, присоединенной в разных положениях. Что если каждое кольцо шкатулки представляет собой разное соединение и нужно совместить их углы, как показано на диаграммах? Но какие это соединения?

И тут Тёрн поняла, что представляют собой деревянные плашки. Светлые шестиугольники – углерод, красные – водород. Остальные цвета, видимо, тоже относятся к другим химическим элементам, например азоту или кислороду. На шкатулке изображены химические формулы, любой может их увидеть.

Примерно час она просматривала и выписывала формулы, затем ссыпалась вниз по лестнице с рюкзаком и готовым решением. Захватила в кухне пирожок с намерением съесть на бегу, молясь, чтобы магистр Прегалдин еще не вернулся.

Дома его не было. Квартира дремала в пустоте. Девушка сразу же пошла к шкатулке. С нарастающим возбуждением Тёрн принялась вращать ряды, совмещая нужные углы. Когда последнее кольцо встало на место, вдоль одного края появилась вертикальная щель. Дверцы распахнулись, и она увидела внутренние ящички.

Ни золота, ни рубинов, одни бумаги. Она взяла первый документ и раскрыла его. Сложная диаграмма паутинок тянулась от геометрических фигур к цифрам, словно обозначала путь или взаимодействие. Ни легенды, чтобы разобраться в схеме, ни слов. На другом листе рукопись, мелким четким почерком от края и до края без полей. Какая-то нереальная история об ангелах, волшебной папайе и магнитных полюсах. Местами текст вообще превращался в бессвязную чушь. Еще там лежали разные карты с обозначенными береговыми линиями, дорогами и объектами местности с аллегорическими названиями, такими как Вероломство, Недоразумение и Искупления Нет. Под. ними

находилась сложная схема с концентрическими кругами. разделенными на сектора и обозначенными буквами алфавита, который она никогда прежде не видела.

Либо магистр Прегалдин просто сумасшедший, либо он пытался отследить нечто настолько тайное, что это следовало хранить в зашифрованном виде с применением нескольких кодов. Тёрн разложила бумаги на полу и сфотографировала. затем возвратила их на место, чтобы подумать обо всем на досуге. Закончив, она закрыла шкатулку и повернула кольца в произвольном положении. Теперь она смогла поставить на место и верхнюю панель.

Домой девушка шла немного разочарованная, хотя узнала что-то новое о своем учителе. В этих бумагах было нечто навязчивое и даже параноидальное, что никак не вязалось со сдержанным и рациональным характером магистра. Очевидно, он оказался гораздо сложнее, чем она могла предположить.

Придя домой, Тёрн поднялась по лестнице и собралась вернуть энциклопедию Хантеру. Она не успела еще постучаться в дверь его кабинета, как изнутри послышалась громкая ругань. Хантер выскочил из комнаты как ошпаренный и, даже не взглянув на нее, бросился вниз на кухню.

Тёрн побежала за ним. Он варил кофе и нервно ходил по кухне. Девочка села на ступеньках:

– Что случилось?

Он рассеянно взглянул на нее, потряс головой, а потом выпалил:

– Одного из подозреваемых, за которым я следил, убили прошлой ночью.

– Правда?

Значит, он в самом деле знает, где скрываются гминты. Или знал. Немного подумав, она добавила:

– Подходящее время для убийства, пока у всех траур.

– Это произошло в другом месте, – раздраженно сказал он. – В Пылающем Мече Праведности. Проклятье! Мы вот-вот собирались его взять. Подготовили все доказательства, чтобы провести Суд тысяч. А теперь вся работа псу под хвост.

Она смотрела, как Хантер наливает себе кофе.

– А что бы случилось потом, если бы суд признал его виновным?

– Его бы казнили, – сказал Хантер. – Никаких сомнений. Он был настоящим преступником. Его разыскивали десятки лет. А теперь мы не сможем совершить правосудие, потому что кто-то решил отомстить.

Тёрн слушала молча, думала о правосудии и мести. Почему

одно – хорошо и правильно, а другое нет, если результат тот же?

– А кто это сделал? – спросила она.

– Если бы я знал, то выследил бы, – мрачно сказал Хантер.

Он начал подниматься по лестнице с чашкой кофе в руке, и ей пришлось подвинуться.

– Хантер, а почему тебя так заботят стародавние преступления? – спросила вдруг она. – В наше время тоже происходит много плохого.

Он напряженно посмотрел на нее с непреклонностью в лице.

– Забыть – значит смириться, – ответил он. – За любое зло нужно расплачиваться. Сколько бы времени ни прошло.

* * *

– Какой же он притворщик, – сказала Тёрн на следующий день магистру Прегалдину.

Утром она вернулась в его квартиру, все было по-прежнему, только в жилой комнате стоял наполовину распакованный ящик с новыми картинами. Они сели за стол, чтобы продолжить уроки, словно ничего не изменилось, но так и не смогли сфокусироваться на решении дифференциальных уравнений. Тогда Тёрн рассказала ему о своем разговоре с Хантером.

– На самом деле он разозлился, потому что кто-то его опередил, – сказала Тёрн. – Дело не в правосудии, а в соревновании. Он хотел прославиться благодаря тому, что задержал известного преступника-гминта. О таком бы точно все узнали. Видимо, разница между правосудием и местью лишь в том, что в первом случае кто-то получает за это награду.

Магистр выслушал ее внимательно и сказал:

– Ты слишком цинично рассуждаешь для своего возраста.

– Люди приносят одни разочарования!

– Да, но все гораздо сложнее. Готов поручиться, что ты многого о нем не знаешь. Единственное, что мы можем с уверенностью сказать о людях, что нам не известна их история целиком.

Тёрн поразило, насколько его слова относятся не к Хантеру даже, а к нему самому. Магистр встал из-за стола и сказал:

– Я хочу кое-что подарить тебе, Тёрн. И будем считать это сегодняшним уроком.

Заинтригованная, она пошла за ним в спальню. Магистр снял ковер с морозильника, проверил температуру, а затем отключил его от сети. Взял стоящую в углу двухколесную тележку и водрузил на нее морозильник.

– Вы дарите мне ледяную сову? – изумленно спросила она.

– Да. Лучше пусть она хранится у тебя, больше шансов, что ты встретишься с другим хозяином совы. Главное – поддерживать нужную температуру. Сможешь?

– Да! – с готовностью откликнулась она.

Тёрн прежде никогда не владела чем-то столь же драгоценным и уникальным. Даже домашнего животного у нее не было. Ее восхитил тот факт, что магистр Прегалдин подарил ей то, что сам так высоко ценил.

– Мне никогда еще так не доверяли, – сказала она.

– Что ж, – пробормотал он, даже не глядя. – Ты доверилась мне. Нужно же чем-то ответить.

Он помог ей спустить морозильник вниз по лестнице. Вытащил его на улицу, где Тёрн уже и сама могла катить тележку. Прежде чем уйти, она с чувством обняла учителя и сказала:

– Спасибо, магистр! Вы – лучший учитель, который у меня когда-либо был.

Она покатила тележку по аллее, и на нее обратили внимание молодые пустошники, отдыхающие у входа в магазинчик бетеля, они принялись свистеть и громко спрашивать, не везет ли она пиво и не поделится ли с ними. Девушка огрызалась или просто не отвечала, они смеялись и обзывали ее алкашкой. Пока она добралась домой, радостное настроение окончательно испарилось, осталось лишь отвращение пополам с яростью к тому месту, где ей приходилось жить. Она кое-как подняла морозильник по ступенькам и перетащила его через порог, но, взглянув на узкую спиральную лестницу, поняла, что без помощи ей не обойтись. На кухне было тесно, морозильник поместился бы разве что под стол. Пока она прислоняла его к стене, вниз сошла Майя и спросила:

– Что ты делаешь?

– Пусть морозильник пока тут постоит, – сказала Тёрн.

– Не ставь его туда, он будет мешать.

– Поможешь затащить его в мою комнату?

– Шутишь?

– Нет. Раз так, то он останется тут.

Майя закатила глаза, возмущаясь бессмысленным поведением подростков. Тёрн тоже разозлилась.

– Он должен быть включен в сеть, – строго сказала она. – Надеюсь, ты это не забудешь?

– А что там?

Тёрн бы с удовольствием рассказала ей, если бы не злилась.

– Научный эксперимент, – отрезала она.

– А, поняла. Типа не мое дело, так?

– Так.

– Ладно-ладно, это секрет, – игриво сказала Майя, словно разговаривала с ребенком. Она потянулась, чтобы потрепать Тёрн по голове, но та оттолкнула руку матери и помчалась вверх по лестнице, перескакивая через две ступеньки.

В комнате Тёрн, недовольная такой жизнью, дала волю ярости. Она больше не желала жить в Пустоши. Ей хотелось иметь нормальный дом и собственные вещи, а не ютиться у очередного маминого приятеля, ожидая, что после новой ссоры их выкинут на улицу. Ей хотелось хоть как-то контролировать свою жизнь, но больше всего она желала убраться из Пустоши. Она высунулась из окна и посмотрела на ржавое гетто, раскинувшееся внизу. Цинизм парил в воздухе, отравляя все чистое и доблестное. Декадентская утонченность пятнала все, что можно.

За ужином Майя с Хантером язвили и перебрасывались саркастичными репликами, в конце концов мужчина не выдержал и, выскочив из-за стола, заперся в своем кабинете. Тёрн ушла к себе и занялась изучением тайных таблиц магистра Прегалдина, пока в доме все не затихло. Тогда она выползла на кухню и проверила морозильник. Температурный индикатор горел зеленым. Она села на кирпичный пол, прислонясь к морозильнику спиной, тихая вибрация отдавалась в позвоночнике и успокаивала. Тёрн вдруг почувствовала странное родство с совой, спящей внутри. Она даже позавидовала птице, которая изолирована от этого грязного мира. Лежит себе спокойно во льду, никогда не состарится и не утратит своей невинности. Когда-нибудь она оживет и вырвется к радости и славе, только если Тёрн сумеет ее сохранить. Себя она защитить не может, так пусть хоть птицу защитит.

Девочка сидела там до тех пор. пока не прозвучала Нота, заполняя воздух и звеня во всем теле, словно благословение. Как ответ на невысказанное желание сердца. А может, верующие правы и какая-то сила и впрямь присматривает за ней, как она за совой?

* * *

Когда она снова пришла домой к учителю, магистр Прегалдин занимался тем, что наполнял ящик произведениями искусства. Тёрн помогала ему запаковывать картины, а он рассказывал, на каких планетах их создали.

– А куда вы их отправляете? – спросила она.

– В другой мир, – уклончиво ответил он.

Вместе они подняли крышку ящика, и только тогда Тёрн увидела старый почтовый ярлык. На нем стоял красный горящий меч, символ города-государства Пылающий Меч Праведности.

– Вы туда ездили? – спросила она.

– Да.

Она чуть не выболтала, что гминта, за которым охотился Хантер, убили именно там, но тут к ней пришла страшная мысль. Что если он уже знает? Что если все это не случайность?

Они уселись под чучелом зверя с медными рогами, чтобы начать урок, но Тёрн никак не могла сосредоточиться. Девушка исподтишка смотрела на большие руки учителя, которыми он так нежно прикасался к предметам искусства, и думала, не принадлежат ли они убийце.

Тем вечером Хантер куда-то ушел, а Майя закрылась в своей комнате, так что Тёрн осталась за хозяйку. Она тут же скользнула в кабинет Хантера, чтобы найти список всех гминтов, которые в течение последних лет были осуждены и убиты. Но, попытавшись открыть файлы, обнаружила, что все они защищены паролями или зашифрованы, кроме того, зная характер Хантера, можно было предположить, что он использует специальные детекторы против взломщиков. Тогда Тёрн снова обратилась к его библиотеке по голоциду. Спустя пару часов работы, собрав по крупицам фрагменты информации, она составила список. На пяти планетах за несколько лет произошло семь таинственных убийств, совершенных предположительно как акт возмездия.

Вернувшись к себе в комнату, она снова вытащила копию таблицы магистра Прегалдина, которая напоминала таблицу для контроля. Начала с предположения, что геометрические фигуры означают планеты, а символы – конкретных гминтов, за которыми он следил. Спустя час она сдалась, но не потому, что так и не смогла их сопоставить, а потому, что все равно ничего не докажешь. Всегда можно сказать, что таблица нужна для контроля за перемещением предметов искусства. А что, идеальная легенда для прикрытия!

Когда вернулся Хантер, Тёрн еще не спала. Она прислушалась к его шагам, размышляя, стоит ли спуститься и рассказать ему о своих подозрениях. Но из-за нерешительности так и осталась в постели, ворочалась, не зная, как следует поступить.

* * *

На следующий день в городе начались беспорядки. Улицы,

находившиеся выше Пустоши, наводнили разгневанные толпы, вихрящийся поток сталкивался с отрядами Протектората, как приливная волна. Пустошники старались держаться поближе к дому, время от времени поглядывая на дворец, делясь последними слухами, которые бешеными крысами метались от дома к дому. Тёрн провела большую часть дня на крыше, назначив себя дозорной. В пять часов посленотья она услышала какой-то гул сверху, словно одновременно заголосила целая толпа. И было в этом звуке что-то стихийное, будто силы природы разрушили купол и ворвались в город – человеческое извержение, потрясавшее железные структуры, от которых зависела их жизнь.

Тёрн спустилась к входной двери, чтобы узнать хоть какие-то новости. Ее инстинкты выживания включились по полной, увидев небольшую группу людей, стоявших на ступеньках дома и обсуждавших последние новости, она бросилась к ним, чтобы послушать.

– Неподкупные захватили дворец, – сказал ей мужчина густым басом. – Толпы мародерствуют.

– Мы в безопасности? – спросила она.

Тот пожал плечами.

– Пока да.

Они поглядели в конец улицы, где находились остроконечные ворота, отделявшие Пустошь. Никогда раньше ограда не казалась настолько хлипкой.

Когда Тёрн вернулась домой, Майя с несчастным видом сидела за кухонным столом. На новость она никак не отреагировала. Тёрн села рядом, упершись коленками в морозильник, стоявший внизу.

– Не пора ли нам подумать о том, куда ехать дальше? – спросила Тёрн.

– Я не хочу уезжать, – ответила Майя, слезы вновь навернулись на покрасневшие глаза.

– И я не хочу. Но нам не стоит ждать до тех пор, пока выбора не останется.

– Хантер нас защитит, – сказала Майя. – Он знает, кому можно заплатить.

С досадой Тёрн возразила:

– Если Неподкупные захватят власть, то платить станет некому. Не зря же они называются Неподкупными.

– До этого не дойдет, – упрямо сказала Майя. – Все будет в порядке. Вот увидишь.

Тёрн слышала такое и раньше. Майя до последнего отрицала проблемы, пока все не начинало разваливаться. Вела себя так, словно от подготовки все самое плохое и происходило.

На следующий день в городе царила напряженность, но все затихло. Говорили, что Неподкупные все еще охотятся за теми, кто проявляет лояльность по отношению к Протекторату, и бросают их в тюрьмы. Ближайшие улицы города стояли пустые, и лишь жители Пустоши разгуливали по своему кварталу, именно поэтому Тёрн решила, что особой опасности нет, и пошла на аллею Вицер. Войдя в квартиру магистра Прегалдина, она оторопела. Картин на стенах не было, все ковры свернуты, лишь ободранные пустые стены в трещинах. Только портрет Джеммы все еще висел на месте. В центре жилой комнаты стояли два металлических ящика, и пока Тёрн пыталась сообразить, что здесь произошло, прибыли грузчики, чтобы отвезти багаж на пересадочную станцию.

– Вы уезжаете, – сказала она магистру Прегалдину, когда он вернулся, закончив руководить работой грузчиков.

Тёрн почувствовала острое разочарование, к которому оказалась совсем не готова. Все это время он доверял ей и она хранила его секреты, но теперь магистр ее бросал.

– Мне жаль, Тёрн, – сказал он, прочитав все по ее лицу. – Здесь становится слишком опасно. Вам с матерью тоже стоит подумать о том, чтобы уехать.

– А куда вы собираетесь?

Он помолчал.

– Лучше тебе этого не знать.

– Я никому не скажу.

– Прости. Привычка. – Несколько секунд он разглядывал ее, потом мягко положил руку на плечо. – Дружба с тобой значила для меня больше, чем ты думаешь. Я уж и забыл, каково это – вызвать в другом человеке такое чистое доверие.

Он понятия не имел, что она видит его насквозь.

– Вы лжете, – сказала она. – И все время лгали. Вы уезжаете не из-за Неподкупных, а потому что закончили то, ради чего сюда приехали.

Он стоял неподвижно, рука его все еще лежала на ее плече.

– Что ты имеешь в виду?

– Вы приехали сюда расплатиться по старым счетам, – сказала она. – Ваша жизнь же в этом заключается. Отомстить за то, о чем все остальные забыли, потому что вы не можете такого допустить.

Он убрал руку.

– Ты ошибаешься.

– Вы и Хантер, я вас вообще не понимаю. Почему бы вам не перестать раскапывать прошлое и не жить дальше?

Несколько мгновений он смотрел на нее, однако глаза его

двигались, будто он следил за чем-то невидимым. Потом он наконец заговорил очень низким голосом:

– Я не выбирал помнить о прошлом. Мне приходится, это мое наказание. Может, какая-то болезнь или зависимость. Я не знаю.

Тёрн не ожидала подобной честности.

– Наказание? За что?

– Садись, – сказал он. – Я расскажу тебе одну историю, прежде чем мы расстанемся.

Они сели за стол, где магистр провел столько уроков, но, прежде чем начать, он снова встал и заходил по комнате, сжимая кулаки. Тёрн молча ждала, в конце концов он посмотрел на нее и заговорил.

* * *

Это история о молодом человеке, который жил давным-давно. Назовем его Тилль. Ему очень хотелось жить в соответствии с выдающимися традициями своей семьи. Видишь ли, происходил он из известного рода, его предки на протяжении многих поколений занимались финансами, банковским делом и страхованием. Они жили в бедном и примитивном мире, но семья Тилля считала, что помогает обитателям планеты, привлекая инвесторов извне и предлагая кредиты. Конечно же, делая добро, они и сами жили неплохо.

На протяжении многих лет правительство этой страны контролировали эллои. Несмотря на то что эллои являлись этническим меньшинством, они были весьма прилежными и процветали благодаря сотрудничеству с представителями деловых кругов виндов, такими как семья Тилля. Эллои управляли коренным населением, гмintами, которых было большинство, и им всегда всего не хватало: образования, денег, власти. В целом ситуация в стране сложилась несправедливая, так что, когда военные устроили заговор и власть захватили гминты, винды приняли эти изменения как само собой разумеющееся. Особенно молодым людям, таким как Тилль, казалось, что наконец-то будут исправлены исторические ошибки.

К власти пришли офицеры гмintской армии, они начали брать кредиты на постройку больниц, дорог и школ для своего народа, банки виндов с радостью давали им деньги. Таким образом они надеялись развеять подозрения и предрассудки, которые процветали на почве невежества в гмintских поселениях. Тилль состоял в совете семейного банка и настаивал на том, чтобы продолжить выдавать кредиты даже после того, как другие

банкиры всерьез озаботились беззаботностью нового правительства в отношении финансовой политики.

Как-то раз Тилля вызвали в кабинет государственного управляющего банковскими делами. Там ему предъявили обвинения в отмывании денег и взяточничестве. Обвинения были ложными, но чиновники показали ему поддельные документы, с их помощью они и собирались все доказать. Тилль понял, что ему грозит пожизненное заключение, которое опозорит семью, если он не сможет договориться с чиновниками. Они предложили ему на удивление щедрую сделку, учитывая те доказательства, которые у них имелись, – работать на правительство, являясь их официальным представителем среди виндов. Тилль с готовностью принял предложение и ушел из банка.

Ему выделили кабинет и несколько работников. А еще он познакомился с эллоем, который должен был представлять интересы правительства среди своего народа. Тилль подозревал, что его коллегу приняли на работу, используя те же методы, но они никогда это не обсуждали. Они распространяли информационные брошюры и вели незамысловатую работу в средствах массовой информации. Все изменилось, когда правительство решило ввести новые правила военной службы. Каждый молодой человек с восемнадцати лет обязан был в течение пяти лет служить в армии. И винды больше не освобождались от службы.

Как тебе известно, винды всегда являлись пацифистами и мистиками, поэтому они не служили в армии ни на одной планете. Так что беспрецедентное требование гминтского правительства вызвало у народа огромную обеспокоенность. Винды собрались в зале этического конгресса, чтобы обсудить, что им теперь делать. Тилль работал без устали, встречался с ними, объяснял точку зрения правительства, напоминал о виндском принципе подчинения законам той планеты, на которой они проживают. В то же самое время он уговаривал генералов, чтобы они пообещали, что виндов не заставят участвовать в боях, так как это противоречит их убеждениям. Получив заверения, винды нехотя согласились. Матери собирали вещмешки и отправляли своих детей на службу, прося их не забывать родителей и как можно чаще звонить домой.

Вскоре правительство приняло новый закон о земле. Земли, всегда принадлежавшие эллоям, теперь у них отбирались и перераспределялись среди безземельных гминтов. Народ воспротивился закону, Тилль и его коллега каждый день давали множество интервью, объясняя, что данный закон восстанавливает справедливость во владении землей. Все стали

относиться к ним как к представителям власти.

А потом правительство приняло решение очистить целые районы от эллоев и виндов, чтобы переселить гминтов в лучшие дома в городах. Тилль больше не мог взывать к справедливости, лишь говорил, что такие методы необходимы для того, чтобы сохранить мир и не питать страхи гминтов. Он стал помощником офицера, занимавшегося поиском нового жилья для эвакуированных, но при этом Тилль не знал, куда их вывезут и какое жилье дадут.

Кто мог, улетал на другие планеты, но правительство быстро закрыло пересадочные станции. Это вызвало панику, и Тиллю пришлось уговаривать свой народ, объясняя, что принята лишь необходимая мера, для того чтобы люди не вывозили ценности на другие планеты, тем самым истощая национальное богатство. Он пообещал, что они смогут уехать, если не возьмут с собой денег и ценностей.

Но он и сам больше не верил в свои слова.

Прошло несколько месяцев с тех пор, как молодых людей забрали в армию, а их семьи до сих пор не получили от них весточки. Тилль говорил, что это временная изоляция, потому что молодые бойцы живут в лагерях на границе и им нужно привыкнуть и укрепить единство и товарищество. Каждый раз, едва он выходил на улицу, его окружали толпы обеспокоенных родителей и спрашивали, когда они получат вести от своих детей.

Приезжали целые вереницы автобусов, увозивших семьи эллоев и виндов из родных домов во временные лагеря. Тилль видел, как его родной квартал пустеет, превращаясь в город призраков, и все больше убеждался, что его народ никогда сюда не вернется. Однажды он вошел в кабинет своего начальника и услышал, как кто-то сказал: «…в фабрику смерти». Увидев его, они замолчали.

Наверное, ты думаешь: «Почему он молчал? Почему не отрекся от них?» Представь, что в большинстве аспектов жизнь казалась ему нормальной, а его подозрения выглядели настолько невообразимыми, что представлялись безумием. Но даже если бы он преодолел это, то кому он мог сказать? Он остался совсем один, кроме того, Тилль не был самым отважным человеком. Чтобы не погибнуть самому, приходилось приносить пользу правительству.

Другие винды и эллои, которые работали рядом с ним, начали исчезать. И все равно гминты заставляли его рассеивать слухи и ободрять народ, и он подчинялся. Он скрывал свои подозрения, обманывал, делая вид, что и сам обманывается. Каждый день он жил в страхе, что к нему в дверь постучат и это

будет означать, что пришло и его время.

Наконец его коллега эллой не выдержал. Ему теперь почти не разрешали выходить в эфир, слишком уж расшатана была его нервная система. Но однажды он подменял Тилля и прямо посреди эфира закричал: «Вас убивают! Это массовое убийство!» Вот и все, что он успел сказать, прежде чем эфир прервался.

В ту ночь хорошо вооруженные и организованные толпы ворвались в эллойские районы столицы. На следующий день правительство расследовало случаи жестокости, но пришло к выводу, что эллои сами спровоцировали погромы.

К тому моменту Тилль им был уже не нужен. И вновь они сделали ему щедрое предложение, разрешили выбрать между ссылкой или депортацией. Он мог воссоединиться со своей семьей и разделить их судьбу или улететь с планеты. Смерть или жизнь. Кажется, я уже говорил, что он не был отважным. И выбрал жизнь.

Его отправили на Капеллу-2, в путешествие длиной в двадцать пять лет. К тому времени, как он прибыл, о нем уже все знали благодаря мгновенной передаче информации. Он стал печально известен как мерзкий коллаборационист, который оправдывал преступления. Заглушал страхи народа, обманывал, уговаривая смиренно идти прямо в руки смерти. Оглядываясь назад, трудно было поверить, что он не понимал, что делает. На всех двадцати планетах прокляли имя Тилля Дивали.

* * *

Он замолчал. Тёрн сидела, не поднимая глаз, ибо не знала, что и думать. В голове все смешалось: добро и зло, ужас и сочувствие, преступник и жертва. Наконец она спросила:

– Джемма – ваша сестра?

– Я же сказал тебе, меня там не было, – глухо ответил он. – Человек, который это все натворил, – не я.

Он сидел за столом напротив нее, скрестив пальцы. Затем произнес, обращаясь к ней:

– Тёрн, сейчас ты искренняя и цельная, какой никогда больше не будешь. Идя по жизни, ты обретешь множество других лиц. Ты всегда будешь оглядываться и отделять себя от той, какая ты сейчас. И когда ты будешь идти по улице или сидеть на скамейке в парке, твое прошлое «я» будет сидеть рядом с тобой, но ты не сможешь ни прикоснуться к нему, ни расспросить. В конце жизни, куда бы ты ни пошла, за тобой будет следовать целая вереница твоих личностей, а ты все равно будешь чувствовать, что

умираешь от одиночества.

Взбаламученные чувства Тёрн начали оседать, образуя узор, в котором превалировали ужас и обвинения. Она взглянула на лицо Джеммы и сказала:

– Она умерла. Как вы могли так поступить и уйти? Это же не по-человечески.

Он никак не отреагировал, не стал ни признавать вину, ни защищаться. Она ждала объяснений, но он их не дал.

– Чудовище! – сказала она.

Он снова промолчал. Тёрн встала, словно ослепнув от мыслей и чувств, и пошла к двери. Оглянулась напоследок, магистр смотрел на нее, но лицо его не выражало ничего: ни стыда, ни ярости, ни презрения к самому себе. Тёрн хлопнула дверью и сбежала.

Она долго бродила по улицам Пустоши, яростно швыряя камни в мусорные кучи и распугивая крыс. Злилась на магистра за то, что не могла больше им восхищаться. Обвиняла в том, что он скрыл от нее правду, и в том, что рассказал, потому что вместе со знанием к ней пришла и ответственность, и она не понимала, что ей теперь делать со всем этим.

* * *

Когда она вернулась домой, на кухне было пусто, но из жилой комнаты раздавались голоса. Тёрн начала подниматься по лестнице, но сверху послышались злые окрики, и она застыла. Хантер с Маей ругались.

– Боже благий, о чем ты вообще думала? – крикнул Хантер.

– Она нуждалась в помощи. Я не могла отказать.

– Ты же знала, что из-за этого у нас начнутся проблемы с властями!

– У меня есть обязательства…

– А как насчет обязательств по отношению ко мне? О них ты не подумала? Ты вообще никогда не думаешь, действуешь импульсивно. Ты самая незрелая женщина из всех, что я знаю, да еще и всеми манипулируешь.

Майя попробовала подольститься:

– Да ладно, Хантер. Все же будет в порядке.

– А если не будет? Что ты тогда станешь делать? Просто соберешь свои манатки и свалишь, оставив после себя одни руины? Ты всю жизнь так и делала, таскала с собой ребенка с планеты на планету, даже не задумываясь, что ты с ней творишь. Ты вообще ни о ком не думаешь. Только о себе любимой. Не надо

было вообще пускать тебя сюда.

Раздались сердитые шаги, это Хантер взбежал по лестнице.

– Хантер! – крикнула Майя.

Тёрн выждала еще минуту и осторожно поднялась в общую комнату. Майя сидела там, прекрасная и трагичная.

– Что ты натворила? – спросила Тёрн.

– Какая разница? Он скоро успокоится.

– Мне нет дела до Хантера.

Она имела в виду «до его ошибок», но Майя поняла по-своему, улыбнулась сквозь слезы.

– Знаешь, мне тоже нет до него дела. – Она подошла к Тёрн и крепко ее обняла. – Я же не плохая мать, Тёрн?

– Нет… – осторожно сказала та.

– Люди нас не понимают. Но мы же с тобой одна команда?

Майя протянула руку с вытянутым мизинцем для их тайного рукопожатия. Когда-то давно это всегда вызывало у Тёрн улыбку, но она больше не чувствовала связи, что объединяла их против целого мира. Но все равно ответила на жест, потому что боялась, что мать начнет плакать, если она так не сделает. Майя сказала:

– Просто они тебя не знают. Несчастный ребенок, что за чушь! Ты крепкая, как старые армейские сапоги. Я сама в шоке и восхищаюсь тобой, так как ты переживешь что угодно.

– Думаю, нам пора собираться, – сказала Тёрн.

Фальшивая радость тут же сползла с лица Майи.

– Я не хочу уезжать, – прошептала она.

– Почему?

– Потому что люблю его.

Как на такое нормально ответить? Тёрн развернулась и ушла в свою комнату. Проходя мимо двери кабинета Хантера, она остановилась, раздумывая, стоит ли ей постучать. Стоит ли сдать ему самого злостного из всех живых прислужников гминтов. Тогда уж долгожданное правосудие для миллионов погибших эллоев и виндов наконец-то свершится и Хантер прославится. Но ноги сами понесли ее дальше, хотя она еще не приняла окончательного решения. Не из-за верности магистру Прегалдину и не из-за неприязни к Хантеру. Просто решила придержать эту информацию на случай, если она пригодится в будущем, чтобы обеспечить ее собственную безопасность.

* * *

Тёрн проснулась от звука разбившегося стекла. Напряглась, прислушиваясь к шагам и крикам на улице. Звякнуло еще одно

стекло, и она выглянула из-за занавески. Прищурилась от привычных оранжевых лучей солнца, затем открыла окно и вылезла на крышу.

Внизу на улице бушевала толпа одетых во все белое Неподкупных, которые по ходу движения били окна. Но настоящая их цель лежала в самом сердце Пустоши. Она наблюдала до тех пор, пока они не свернули на другую улицу, подождала, что будет дальше.

Из парка, где стояли охладительные башни, доносились крики и звон, а затем вопли начали нарастать как лавина, и из района аллеи Вицер поднялось облако пыли. После этого все на какой-то момент стихло. Слышались лишь ритмичные песнопения. Внизу кто-то пробежал. Затем следом снова появилась толпа Неподкупных. Они подгоняли кого-то с помощью импровизированных хлыстов, сделанных из ремней. Тёрн высунулась, чтобы разглядеть лицо, и узнала несчастную жертву. Это был Гинко, гермафродит из Сада Наслаждений, совершенно голый, груди и гениталии обнажены, на шее веревка. Хлысты рисовали тонкий узор на его коже, оставляя красные отметины.

Добежав до дома Тёрн, Гинко споткнулся и упал. Неподкупные тут же окружили его. Двое схватили гермафродита за ноги и развели их, третий полоснул ножом. От тонкого женоподобного крика Тёрн вцепилась в парапет, чтобы не свалиться. Она бы хотела никогда этого не видеть. Неподкупные перекинули веревку через дорожный знак и вздернули Гинко, задыхаясь, он вцепился пальцами в петлю. Тело еще дергалось, когда отряд зашагал дальше. Все закончилось, навалилась такая оглушающая тишина, что Тёрн слышала, как кровь капает в лужу, образовавшуюся на земле под телом.

На четвереньках она кое-как отползла от края крыши и вернулась в спальню. Все ее ценные и нужные вещи уже лежали сложенными в рюкзаке на случай побега. Она набросила одежду и спустилась вниз.

Майя все еще в халате встретила ее на лестнице. Взволнованно, почти в панике, она выпалила:

– Тёрн, нам надо уходить.

– Прямо сейчас?

– Да. Он не хочет, чтобы мы тут оставались. Ведет себя так, словно мы представляем для него опасность.

– И куда мы пойдем?

– Не знаю. Полетим на другую планету. Найдем место, где нет мужчин. – Она начала рыдать.

– Иди оденься, – сказала Тёрн. – Я захвачу еду, – затем обернулась и добавила: – И не забудь взять необходимые вещи и

деньги.

С рюкзаком в руке Тёрн сбежала вниз по лестнице.

Когда она выкатила тележку для морозильника с совой, вниз спустилась Майя.

– Ты же не собираешься брать его с собой? – спросила она.

– Собираюсь.

Тёрн встала на колени, чтобы вытащить морозильник из-под стола, и вдруг заметила на полу воду. Быстро проверила температурный индикатор: он горел красным, температура была слишком высокой. С воплем ужаса Тёрн вбила код на замке и открыла крышку. Изнутри даже холодом не пахнуло. Мешок со льдом, лежавший наверху, растаял и потек. Она убрала его, чтобы посмотреть, что внутри.

Сова больше не сворачивалась шаром в уютном ледяном гнездышке. Она попыталась раскрыть крылья. На поверхности морозильника появились царапины от того, что птица старалась выбраться наружу. Теперь же она лежала вялая, закинув голову назад. Тёрн, убитая горем, вцепилась пальцами в колени, понимая, что видит страшные последние минуты жизни существа, возродившегося лишь для того, чтобы очнуться запертой в ловушке. Но даже в удушающей тьме птица боролась за жизнь, пытаясь освободиться. Тёрн тяжело дышала, сердце ее колотилось, словно она на собственной шкуре испытала смерть ледяной совы.

– Поторопись, Тёрн, – сказала Майя. – Пора уходить.

Тут она поняла, что случилось. Шнур морозильника лежал на полу, а не был воткнут в розетку в стене. Тёрн подняла его, как оружие убийцы.

– Он отключен, – сказала она.

– А, точно, – рассеянно отозвалась Майя. – Мне понадобилось нагреть щипцы для завивки. Наверное, забыла воткнуть обратно.

Тёрн почувствовала, как ярость поднялась в ней, словно огромный пузырь сжатого воздуха.

– Ты забыла?

– Извини, Тёрн. Я не знала, что это важно.

– Я говорила тебе, что важно! Это была последняя ледяная сова во всей Вселенной. Ты не только ее убила, ты уничтожила весь вид.

– Я же извинилась. Что ты еще хочешь, чтобы я сделала?

Майя никогда не изменится. Она всегда останется такой, беспечной и безответственной, неспособной справиться с последствиями своих действий. Слезы ярости застилали глаза Тёрн. Она вытерла их рукой.

– Ты бесполезна, – сказала она, подбирая рюкзак с пола. – Ты

ни о ком не можешь заботиться. Мне надоело, я ухожу. Не вздумай идти за мной.

На улице Тёрн повернула в ту сторону, в которую никогда не ходила, чтобы обойти стороной повешенного. Она пробежала по узкой улице, минуя кучи смердящего мусора, где копошились тараканы, пока не добралась до переулка, упиравшегося в парк. Прежде чем выйти на открытое место, девушка остановилась у стены, проверяя, нет ли опасности, но ничего не увидела и бегом бросилась мимо стола, за которым старики играли в шахматы, мимо скамейки, где познакомилась с магистром Прегалдином, в сторону аллеи Вицер.

Повсюду виднелись следы погрома, оставленные Неподкупными. Осколки стекла хрустели под ногами, на красной земле валялись растоптанные товары из магазинов. Добежав до Сада Наслаждений, Тёрн поняла, что улица выглядит совсем не так, как прежде, потому что одно здание было совершенно разрушено. На его месте высилась чудовищная гора обломков, железные столбы и переборки торчали, как сломанные кости. По руинам ползали люди в поисках выживших.

Здания по другую сторону дороги еще стояли, только дверь в квартиру магистра Прегалдина была сорвана с петель и отброшена в сторону. Тёрн кинулась вверх по знакомым ступенькам. Квартира выглядела так, будто ее ограбили, совсем пустая, без единой вещи. Девушка прошла по пустым комнатам, боясь обнаружить что-нибудь страшное, но ничего не нашла. Вернулась на улицу и увидела мужчину, который часто подмигивал ей, когда она шла на занятия.

– Вы не знаете, что случилось с магистром Прегалдином? – спросила Тёрн. – Ему удалось уйти?

– С кем? – удивился мужчина.

– С магистром Прегалдином. Человеком, что тут жил.

– А, старик винд! Нет, не знаю, где он.

Он тоже ее бросил. Во всем мире не было никого, кому можно доверять. На мгновение Тёрн даже пожалела, что не раскрыла его секрет, но потом поймала себя на том, что думает о мести.

Закинув рюкзак на плечо, девочка пошла к пересадочной станции. Теперь она одна и доверять может только себе.

На улице перед пересадочной станцией собралась толпа. Казалось, все вдруг решили бросить эту планету, некоторые везли с собой горы багажа, а также детей. Тёрн протолкалась кое-как к кассе, чтобы узнать, что происходит. Билеты все еще продавались, и она вздохнула с облегчением. У кабин переноса стояла огромная очередь. Тёрн проверила, не забыла ли кредитку Майи, выписанную на ее имя, и встала в очередь за билетом. Вокруг

стояли такие же беглецы, как она, люди без корней, мигрантская элита.

Куда лететь? Она просмотрела список направлений. Родилась Тёрн на Капелле-2, но слышала, что на этой планете очень большая конкуренция, так что решила от нее отказаться. Бен – ледяной шар, Гаммадис слишком далеко. Самой выбирать, куда отправиться, оказалось и волнительно, и страшно одновременно. Она все еще разрывалась, не зная, что решить, но тут услышала, как кто-то зовет ее:

– Тёрн!

Сквозь толпу к ней прорывалась Кларити.

– Как же я рада, что нашла тебя, – сказала она, подойдя ближе. – Майя тоже была здесь, искала тебя.

– И где она теперь? – спросила Тёрн, осматривая толпу.

– Уже ушла.

– И хорошо.

– Тёрн, она в истерике. Боялась, что вы расстались…

– Мы расстались, – отрезала Тёрн. – Пусть делает, что хочет. Я теперь сама по себе. А куда ты собираешься. Кларити?

Подошла Бик, держа билеты. Тёрн схватила ее за руку и посмотрела на билет.

– Алананович, – прочитала она вслух, затем нашла планету в справочнике. Находится в восемнадцати световых годах. – Можно мне с вами?

– Без Майи – нет, – ответила Кларити.

– Ладно, тогда полечу куда-нибудь еще.

Кларити сжала ее руку.

– Тёрн, ты не можешь уехать без Майи.

– Нет, могу. Я достаточно взрослая, чтобы жить одна. Меня тошнит от нее и от ее приятелей. Я хочу сама контролировать свою жизнь.

Кроме того, Майя убила ледяную сову, она должна пострадать. Это будет справедливо.

Тёрн подошла уже к самой кассе, когда вдруг обратила внимание на название одной планеты в списке, которое прежде не замечала, и приняла внезапное решение.

Когда кассир спросил ее, куда она хочет отправиться, она ответила: «На Гминтагад». Туда, где жила и умерла Джемма Дивали.

* * *

Кабина переноса на Гминтагад была точно такой же, как те, в

которых Тёрн довелось побывать раньше, стерильная и безликая. Техник провел девочку в комнату ожидания, пока ее багаж телепортировался лучом меньшего разрешения. Она чувствовала себя уставшей и много испытавшей, как всегда после того, как молекулы воссоздаются из новых атомов. Когда ее рюкзак наконец-то прибыл, она пошла в помещение таможни и иммиграционный офис, заметив, что воздух как-то изменился. Впервые за долгие годы она дышала органическим кислородом и чувствовала сложный, с оттенками гниения, запах реальной экосистемы. А вскоре она увидит небо, не закрытое куполом. От одной только мысли в ней шевельнулся страх перед открытыми пространствами.

Она всунула карту личности в считывающее устройство, и через несколько секунд ее пропустили к застекленной будке, где за столом сидел иммиграционный офицер в форме песочного цвета. В отличие от воздуха, человек выглядел искусственным. Лицо без морщин, дефектов и выделяющихся черт, словно его выбрали в соответствии с математической формулой лицевой симметрии. Волосы аккуратно подстрижены, ногти тоже. Девушка села напротив, стул слегка скрипнул под ней. Она постаралась не шевелиться.

Офицер просмотрел ее информацию на мониторе, а потом спросил:

– Кто ваш отец?

Она готовилась объяснять, почему ее не сопровождает мать, но отец?

– Я не знаю, – сказала она. – Почему вы спрашиваете?

– В записях не указана его раса.

Раса? Это древнее понятие она даже не до конца понимала.

– Он капелланец, – сказала она.

– Это не определяет его расы, поскольку никто не происходит с Капеллы.

– Я там родилась, – заявила она.

Он внимательно и бесстрастно смотрел на нее. Она пыталась взглянуть ему в глаза, но ощущение было такое, будто она бросает ему вызов, и Тёрн опустила ресницы. Стул ее снова скрипнул.

– Некоторым людям въезд на Гминтагад запрещен, – сказал он.

Она попыталась понять, что он имеет в виду. Каким это людям? Преступникам? Носителям болезней? Агитаторам? Но она же к ним не относится.

– Вы имеете в виду пустошников? – наконец сообразила она.

– Я имею в виду виндов.

Она с облегчением вздохнула.

– А, ну тут все в порядке. Я не виндка.

Скрип.

– Пока вы не скажете мне, кто ваш отец, убедиться я в этом не могу, – возразил офицер.

У Тёрн не нашлось слов. Каким образом отец, которого она никогда не видела, может влиять на то, кто она такая?

От мысли, что ее могут не впустить, в животе все скрутилось узлом. Ее кресло издало целую серию телеграфных сигналов.

– Я провела тридцать два года в световом луче, чтобы добраться сюда, – сказала она. – Вы обязаны разрешить мне остаться.

– Мы – независимое государство, – спокойно ответил он. – Мы не обязаны давать разрешение кому бы то ни было. – Он помолчал, смотря ей в глаза. – Вы выглядите как виндка. Согласны пройти генетический анализ?

Еще пару минут назад ум ее напоминал тягучий сироп. Теперь он встревоженно булькал. На самом деле она точно не знала, был ли виндом ее отец. Она никогда даже не задумывалась, потому что информация не имела особого смысла. Но здесь это определяло все; ее интересы, способности, внутренние сомнения – ничто не имело значения, кроме расовой принадлежности. Она находилась на планете, где не выбирали, кем быть, и не создавали себя сами, здесь личность людям назначалась свыше.

– А что если я не пройду анализ? – спросила она.

– Вас отправят обратно.

– А если я откажусь?

– Вас отправят обратно.

– Тогда зачем же вы спрашиваете моего согласия?

Он улыбнулся в соответствии с правилами. Его улыбку можно было измерить линейкой и не сомневаться, что она точно соответствует стандартам. Тёрн встала, стул под ней буквально «рассмеялся».

– Ладно. Куда идти?

Они взяли кровь и отправили ее в комнату ожидания с двумя дверьми, на которых не имелось ручек. И пока Тёрн сидела там без дела, до нее наконец-то дошел весь ужас ее поспешного решения. Она не просто сбежала в другой город. Майя понятия не имела, где она. Между ними лежали годы. Майя, может быть, уже умрет, и Тёрн постареет, но они так и не увидятся. Они расстались навсегда. Пожизненное наказание для Майи.

Тёрн попыталась вызвать в себе праведный гнев, который горел в ней лишь час и тридцать два года назад. Но даже это у

нее не получалось. Ее охватило огромное чувство вины. Она знала все недостатки Майи, когда принесла домой ледяную сову, и ничего не сделала, чтобы оградить от них птицу. Она понимала, что в мире может случиться все что угодно, но не защитила существо, которое не могло само защитить себя.

Душа кровоточила от угрызений совести. Сова была невинным созданием, не заслуживавшим такого страшного конца. Жизнь для нее заключалась в радостном полете, а вместо этого превратилась в адскую борьбу за выживание. Птица погибла из-за недосмотра в одиночестве, всеми забытая. Позволив ледяной сове умереть, Тёрн предала всех. Магистра Прегалдина, который доверил ей такое сокровище. А еще Джемму и остальных жертв преступления Тилля Дивали, потому что в каком-то смысле она повторила его провал, доказав, что люди ничему не учатся. Словно угодила в кольцо истории, обреченной на самоповторение, потому что она ничем не лучше своих предшественников.

Тёрн закрыла лицо руками, желая заплакать, но и на это не осталось сил. Даже такой поблажки она не заслуживала.

Дверь щелкнула, и Тёрн увидела строгую угловатую женщину в форменной юбке, с едва заметной зловещей усмешкой на лице. Она приготовилась услышать новость, что ей придется провести еще тридцать два года в бессмысленном путешествии на Славу Божью. Но вместо этого женщина сказала:

– Вас хотят видеть.

За ней появилось знакомое лицо, и Тёрн радостно вскрикнула:

– Кларити!

Женщина вошла в комнату, и девушка с облегчением обняла ее.

– Я думала, что вы полетели на Аланановис.

– Мы собирались туда, – сказала Кларити. – Но решили, что нельзя просто стоять и смотреть, когда творится беда. Я отправилась за тобой, Бик осталась, чтобы рассказать Майе, куда ты полетела.

– Спасибо, спасибо! – разрыдалась Тёрн. Слезы, которые прежде не желали выходить, теперь ручьями потекли по лицу. – Ты пожертвовала тридцатью двумя годами ради такой глупости.

– Для нас это не глупость, – сказала Кларити. – А вот ты сглупила.

– Я знаю, – всхлипнула Тёрн.

Кларити посмотрела на нее с пониманием.

– Тёрн, людям в твоем возрасте свойственно совершать ошибки. Но в жизни нет страховки. Ты должна была подумать о

Майе. Каким-то образом ты повзрослела быстрее, чем она, хоть вы и путешествовали вместе. Ты непоколебимая скала, на которую она опиралась. Ее приятели являлись лишь развлечением. Когда они бросали ее, она поднималась. Но когда ее бросила ты, то для нее рухнул весь мир.

– Это неправда, – сказала Тёрн.

– Правда.

Тёрн сжала губы, чувствуя неимоверное давление. Почему на нее нужно полагаться, почему ей не разрешается чувствовать себя беззащитной и раненой? Почему Майя зависела от нее? С другой стороны, ее утешала мысль, что она не бросила Майю так же, как ледяную сову. Идеальной матерью Майя не была, но и Тёрн трудно назвать идеальной дочерью. Они обе старались, как могли.

– Мне это не нравится, – сказала она, но не слишком убежденно. – Почему я должна нести за нее ответственность?

– Потому что в этом и заключается любовь. – ответила Кларити.

– Ты суешь нос не в свои дела.

Кларити легонько сжала ей руку.

– Точно, вот ведь тебе повезло!

Дверь снова отворилась. За плечом угловатой охранницы Тёрн заметила медово-золотистые локоны.

– Майя! – закричала она.

Увидев Тёрн, Майя вся засияла как солнце. Ворвавшись внутрь, она обняла дочь.

– О, Тёрн, хвала небесам, что я нашла тебя! Я с ума сходила от беспокойства. Думала, что потеряла тебя.

– Все хорошо, все хорошо, – повторяла Тёрн, а мать рыдала и без конца обнимала ее. – Майя, ты должна мне кое-что рассказать.

– Что угодно.

Неужели ты соблазнила винда?

Майя не сразу поняла, о чем идет речь. Затем на лице появилась таинственная улыбка, от которой она сразу похорошела, весьма довольная собой. Она коснулась волос дочери.

– Я собиралась тебе об этом рассказать.

– Позже, – произнесла Бик. – Сейчас летим на Алананович, вот билеты.

– Прекрасно, – сказала Майя. – А где находится Алананович?

– Всего лишь в семи годах отсюда.

– Замечательно. Не важно. Ничто не имеет значения, раз мы теперь вместе.

Она подняла мизинец для тайного рукопожатия. Тёрн ответила, вздохнув про себя. На какой-то миг ей вдруг показалось, что весь мир состоит из беззащитных существ, застывших во времени, и только она одна стареет и меняется.

– Мы же с тобой команда? – с беспокойством спросила Майя.

– Ага, – ответила Тёрн. – Мы – команда.

Пол Корнелл
Копенгагенская интерпретация

Далее следует динамичный, но довольно странный рассказ Пола Корнелла из цикла о приключениях шпиона Джонатана Гамильтона, участника Большой игры, имевшей место в Европе середины XIX века, в мире, где развитие технологий пошло по совсем другому пути. В этот цикл также входит рассказ «Исчезнувший пруссак» («One of Our Bastards Is Missing»), недавно награжденный премией «Хьюго». Эти рассказы чем-то напоминают повести Чарльза Стросса о Руритании. Бывшая пассия Гамильтона внезапно появляется вновь при весьма необычных обстоятельствах, она становится причиной цепи неких событий, с которыми необходимо справиться герою, чтобы предотвратить конец света. Гамильтон делает это ярко и эксцентрично, напоминая Джеймса Бонда или скорее героя Пола Андерсона Доминика Фландри, который, как мне кажется, и является его прямым предшественником.

Британский писатель Пол Корнелл – автор романов и комиксов, а также сценарист телевизионных программ. Самыми известными стали его романы «Кое-что еще» («Something More») и «Британское лето» («British Summertime»). Он также писал сценарии для сериалов «Доктор Кто», «Робин Гуд» и «Первобытное» производства Би-би-си, «Капитан Британия» от «Марвел Комикс», участвовал в создании новеллизации по сериалу «Доктор Кто» и составлял сборники по этой вселенной и многим другим комиксам. Несколько серий «Доктора Кто», снятых по его сценариям, дважды были номинированы на премию «Хьюго». Кроме того, Корнелл получил премию Гильдии сценаристов США. В последнее время он обратился к коротким рассказам, которые публиковались в журналах «Fast Forward 2», «Eclipse 2», «Asimov's Science Fiction» и «The Solaris Book of New Science Fiction», том третий.

Смотреть на Кастеллет лучше всего вечером, когда древняя крепость озарена тысячами светлячков и превращается в маяк для всех, кто прибывает в экипаже и глядит на город сверху. Здесь расположены знаменитый Копенгагенский парк, оборонные сооружения, включая штаб-квартиру Службы военной разведки Дании, а также единственная ветряная мельница, выполняющая скорее декоративную, нежели прикладную функцию. Над Лангелиние дуют сильные ветра, и после захода солнца вросший в землю китовый скелет отзывается сочувственным воем, слышным даже в Швеции.

Гамильтон прибыл дипломатическим экипажем, без документов и, как предписывалось этикетом, без какого-либо оружия или складок – как совершенно штатское лицо. Он проводил взглядом экипаж: тот, покачиваясь на ветру, тяжело поднялся над парком в темнеющее небо и круто взял на юго-запад, скользя на складке, которую создавал у себя под полозьями. Гамильтон не сомневался, что Отдел внешних сношений регистрирует все до мельчайшей детали. В дипломатическую почту, конечно, никто не заглядывает, но все прекрасно знают, куда эта почта направляется. Через ворота из исцеленной бронзы он вышел из парка и спустился по лестнице в дипломатический квартал, не думая ни о чем. Он всегда так поступал, когда у него не было ответа на насущные вопросы, – это лучше, чем без конца крутить их в голове, дожидаясь, пока они сотрутся в порошок.

Улицы Копенгагена… Дамы и господа, выходящие из экипажей; изредка – проблеск триколора из перьев на шляпе… Хуже того, один раз он увидел накинутый на плечи тартановый плед. Гамильтон поймал себя на гневной реакции, но затем узнал цвета Кэмпбеллов. Их носитель, юноша в вечернем костюме, был из тех глупцов, что подцепляют в баре иностранный акцент и готовы на любые запретные действия в бессильном протесте против всего мира. На этом шотландцы их и ловят. Собственный гнев вызвал у Гамильтона раздражение: он не сумел сдержать себя.

Он прошел мимо фасада британского посольства, где стоял на страже Ганноверский полк, свернул за угол и немного подождал в одном из тех удобных темных переулков, что составляют альтернативную карту дипломатических кварталов по всему миру. Через несколько мгновений рядом распахнулась дверь, лишенная каких-либо отличительных признаков. Его пригласили внутрь и взяли у него пальто.

* * *

– Девушка пришла к парадному входу, кажется, чем-то расстроенная. Она заговорила с одним из наших ганноверцев, рядовым Глассманом, и сильно разволновалась, когда он не смог ее понять. По-видимому, она решила, что ее не поймет никто из нас. Мы пытались провести ее через осматривающее устройство в вестибюле, но она и слышать об этом не хотела.

Посла звали Байюми, это был мусульманин с сединой в бороде. Гамильтон уже встречался с ним однажды, на балу во

дворце, балансировавшем на верхушке одной-единственной волны, которая была выращена из океана и удерживалась на месте в знак присутствия членов королевских семей трех великих держав. Как ему и следовало, дипломат держался корректно и обходительно, так что казалось, будто его высокий пост совсем не имеет веса. Возможно, он и в самом деле не чувствовал бремени своих обязанностей.

– Так значит, она может быть вооружена? – Гамильтон заставил себя сесть и теперь сосредоточенно разглядывал завитки волокон пушечного дерева на лакированной поверхности посольского стола.

– Она может быть сложена в несколько раз, как оригами.

– Но вы уверены, что это действительно она?

– Видите ли, майор… – Гамильтон узнал этот момент разворачивания дипломатических способностей континентального посла. По крайней мере, они имелись. – Если возможно, я бы предпочел, чтобы мы решили этот вопрос, не компрометируя достоинство девушки…

Гамильтон оборвал его:

– Ваши люди не доверили курьеру ничего, кроме ее имени и предположения, что один из здешних солдат может быть скомпрометирован. – Это была настолько грубая работа, что в ней чудилась угроза. – В чем дело?

Посол вздохнул.

– Я взял себе за правило, – сказал он, – никогда не спрашивать даму о ее возрасте.

* * *

Вначале ее поместили в вестибюле, закрыв на этот день посольство для всех других дел. Позже к вестибюлю присоединили бункер охраны, проделав в стене дверной проем и устроив внутри небольшое помещение для девушки.

От остального посольства оно отделялось складкой, сквозь которую пропустили свет, так что Гамильтон мог наблюдать за девушкой на интеллектуальной проекции, занявшей большую часть стены одного из множества неиспользуемых офисных помещений посольства.

Увидев ее лицо, Гамильтон чуть не задохнулся.

– Впустите меня туда.

– Но что если…

– Если она меня убьет, никто не пожалеет. И как раз потому она не станет этого делать.

* * *

Гамильтон вошел в помещение, созданное из пространства, стены которого отблескивали белым для визуального удобства находящихся внутри. Он закрыл за собой дверь.

Девушка посмотрела на него. Возможно, в ней шевельнулось узнавание. Она колебалась в нерешительности.

Гамильтон уселся напротив.

Она вздрогнула, заметив, как он оглядел ее: он смотрел совсем не так, как незнакомый человек должен смотреть на даму. Возможно, это дало ей какой-то намек. Впрочем, ее реакция могла и ничего не значить.

Тело определенно принадлежало Люстр Сен-Клер: коротко стриженные волосы, пухлый рот, очки, вносившие оттенок манерности; эти теплые, обиженные глаза.

Но ей не могло быть больше восемнадцати. Установленные в его глазах ссылки подтверждали это; любая возможность косметического эффекта исключалась.

Перед ним определенно была Люстр Сен-Клер. Та самая Люстр Сен-Клер, которую он знал пятнадцать лет назад.

– Это ты? – спросила она. По-енохийски. Голосом Люстр.

Ему было четырнадцать. Он впервые покинул Корк, отданный по контракту в Четвертый драгунский за долг отца, гордый тем, что наконец сможет выплатить его честной службой. Ему еще предстояло пообтесаться и затем приобрести новые острые углы в Кибл-Колледже. Его расквартировали в Уорминстере; он был кадетом до мозга костей, однако ему приходилось водить компанию с людьми других классов, которые любили посмеяться над его аристократическим ирландским акцентом. Его вечно спрашивали, скольких тори он убил, и он никогда не мог найти подходящего ответа. Лишь годами позже ему пришло в голову, что надо было говорить правду: сказать «двоих» и поглядеть, насколько это их потрясет. Он чрезвычайно болезненно осознавал собственную девственность.

Люстр была одной из тех молодых дам, в обществе которых ему позволялось показываться в городе. То, что она старше него, чрезвычайно льстило Гамильтону, особенно учитывая ее немногословность, робость, неспособность его подавить. С ней он мог быть смелым. Порой даже чересчур смелым. Они постоянно то встречались, то расходились. На балах она опиралась на его руку – в трех случаях ей даже не понадобилась карточка, – потом предположительно уходила к какому-нибудь другому кадету. Однако Гамильтон, к досаде Люстр, никогда не воспринимал

других ее ухажеров всерьез, и она всегда возвращалась к нему. Как подсказывал его теперешний внутренний календарь, все эти глупости продолжались меньше трех месяцев. Невероятно… Сейчас они казались годами, высеченными в камне.

Он никогда не был уверен, питает ли она к нему хоть какую-то привязанность, вплоть до того момента, когда она посвятила его в свои таинства. Хотя в ту ночь они даже поссорились, но по крайней мере после этого некоторое время были вместе, какой бы неловкостью и испугом это ни сопровождалось.

Люстр работала секретаршей у лорда Сёртиса, но в ту ночь величайшей близости она призналась Гамильтону, что по большому счету это неправда, что она одновременно исполняет функции курьера. В ее голове сидело зерно дипломатического языка, и время от времени ее просили произнести слова, после которых оно прорастало в ней, и тогда она забывала все другие языки и становилась чужеземкой для любой страны, если не считать десятка человек при дворе и в правительстве, с кем она могла общаться. В случае же плена Люстр должна будет произнести другие слова – пакет у нее внутри принудит ее к этому, – после чего не только в ее речи, но в мыслях и памяти останется лишь такой язык, на котором не говорит никто другой, и никто другой не будет способен его выучить. В таком виде ей придется жить до самой смерти – скорый приход которой, учитывая отрезанность девушки от всего остального человечества, образующего равновесие, будет не только вероятен, но и желателен.

Люстр рассказала ему об этом так, словно говорила о погоде. Не с отрешенностью, которой Гамильтон научился восхищаться в своих солдатах, но с фатализмом, вызвавшим у него в ту ночь слабость и испуг. Он не знал, верить ей или нет. Именно кажущаяся убежденность девушки в том, каким будет ее конец, заставила его той ночью возмутиться, повысить голос, снова начать это бесконечное трение друг о друга двух еще не до конца сформировавшихся личностей. Однако на протяжении последующих недель он начал отчасти ценить эти признания, научившись смиряться с ужасным бременем, что взваливала на него Люстр, и слабостью, которую она таким образом проявляла – если все это действительно было правдой, – из чувства восхищения перед девушкой.

Ему довелось совершить еще множество глупых и страшных поступков, пока он был кадетом. Не раз он думал, что потом пожалеет, – но что толку жалеть? Тем не менее одного он так и не сделал: не вышел из своей маленькой комнатушки над гостиницей, не отправился прямиком в свою казарму и не

попросил о личном разговоре с лейтенантом Рашидом, чтобы рассказать ему, что эта так называемая дама сочла возможным поделиться с ним тайной своего положения. Этого он не сделал на протяжении всех тех недель, что ему оставались.

И вот, как рок в греческой трагедии или ответ на слишком редкие молитвы, незавершенное дело возвращается к нему снова.

Шестью месяцами позже Люстр Сен-Клер поехала с его светлостью в Лондон, после чего перестала отвечать Гамильтону на письма.

О том, что она исчезла, он узнал лишь потому, что встретил на каком-то балу одного из ее друзей, отвлек даму, державшую его под руку, и подошел засвидетельствовать свое почтение. Тогда-то он и услышал, какой это был ужас, сколько пролилось слез и что ни одна из девушек в услужении у лорда Сёртиса не знает, что случилось с Люстр.

Гамильтон скрыл тогда свои чувства. И продолжал скрывать их впоследствии. Он раскопал об этом деле все что смог – то есть почти ничего. Он поднял все газеты за тот день, какие смог достать, и обнаружил упоминание о дипломатическом инциденте между Сент-Джеймсским двором и датчанами: оба винили друг друга в «недоразумении», в описание которого автор статьи по долгу службы не имел права углубляться более детально, но оно, несомненно, произошло по вине датчан с их вечными заскоками. Читая между строк, Гамильтон смог понять, что нечто потерялось – вероятно, дипломатическая почта. Возможно, эта почта включала в себя Люстр, или это и была Люстр…

А затем его полк внезапно подняли по команде, и он оказался надолго оторван от всего этого.

Месяцы, годы его мутило от того, что он носил в себе, начиная с огромного и внезапного страха тут же, прямо перед ним. Это бремя постоянно висело на нем, лишь постепенно облегчаясь. Однако дело так ничем и не кончилось. К тому времени, как его повысили в звании и начали поручать ему работу в штатском, Гамильтон привык успокаивать совесть, заверяя себя, что у него нет никаких конкретных деталей, которые он мог бы передать своему начальству. Девушка слишком много болтала и не умела вести себя в окружающем мире – но это ведь не доказательства, а всего лишь ощущения.

Этим все и исчерпывалось вплоть до сегодняшнего утра. И вот он вновь услышал ее имя – из уст Турпина, стоя на своем посту перед зданием Королевской конной гвардии.

Имя и новость о ее возвращении после того, как ее пятнадцать лет считали мертвой.

Гамильтон сумел скрыть, насколько эта новость взволновала его. Теперь у него хорошо получалось; его ирландская кровь нынче содержалась в английском сосуде.

Наконец-то он узнал детали, о которых из осторожности запрещал себе спрашивать с тех пор, как начал выполнять задания в штатском. Тогда, годы назад, Люстр была послана в Копенгаген для стандартного обмена информацией, поскольку сведения сочли слишком деликатными, чтобы доверить их вышивке или чему-либо еще, что подвержено прихотям человека и Господа. Турпин не сообщил ему, в чем состояла информация, только то, что она имела пометку «для их величеств», а это означало, что к ней могли иметь доступ лишь коронованные особы определенных мировых держав и избранные ими консультанты. Люстр усадили в парке, где ее встретили агенты датской Службы безопасности и проводили во дворец Амалиенборг. Предположительно. Поскольку ни ее, ни их во дворце не видели. Они попросту не дошли туда, и, выждав установленный час невмешательства, в течение которого предположительно считалось, что они могли отправиться в паб или зайти куда-нибудь перекусить, датчане подняли тревогу. Не нашли ничего; никто ничего не видел. Идеальное похищение – если это вообще было похищение.

Великие державы были в панике, сказал Турпин. Они ожидали, что нарушится равновесие, что вот-вот начнется война. Армии по всему континенту и Солнечной системе направлялись к портам и станциям экипажей. Гамильтону припомнился тот внезапный смотр, когда его полк услали месить сапогами грязь в Портсмуте. И как потом вскорости объявили, что это просто еще одни учения. Предшественник Турпина в результате того события потерял работу, а затем и жизнь: несчастный случай на охоте, хотя много ли в нем было случайности – бог весть.

Этим утром Гамильтону хватило здравого смысла промолчать о том, что содержавшаяся у Люстр в голове информация должна была иметь необычайную ценность, если ее утеря означала конец священного доверия для всех причастных к общественной жизни, конец всего. При мысли об этом его снова замутило, ибо натянулась ниточка, связывавшая важность того, что девушка носила в себе, с ее способностью говорить.

– И что, эти сведения по-прежнему так же деликатны? – спросил он.

Турпин кивнул.

– Поэтому я и посылаю вас. И именно поэтому вам предстоит кратко ознакомиться с енохийским. Мы предполагаем, что она будет способна говорить только на нем – по крайней мере, мы на

это надеемся. От вас потребуется понять то, что она сможет сообщить, и действовать на месте в зависимости от услышанного. Альтернативой было бы отправить войска, чтобы вытащить ее оттуда, – а в настоящее время мы не совсем готовы вторгнуться в Данию.

В его тоне не было и намека на иронию. Говорили, что старого безумца, короля Фредерика, забавляла мысль о том, что его государство доставляет неудобства великим державам. Что он стремился к новым приобретениям в Солнечной системе помимо нескольких крошечных камешков, на которых, словно на куске бекона, сейчас проступала надпись «Dansk».

Теплота оказанного Турпином доверия помогла Гамильтону справиться со старой слабостью. Он ознакомился с языком и вступил в экипаж, чтобы пересечь бурные воды, с чувством, что его слишком мало уговаривали, однако и не желая напрашиваться, ощущая в себе обреченность и готовность умереть.

* * *

И вот перед ним Люстр. Впрочем, она ли это?

Быть может, это выращенный гомункул с достаточным объемом поверхностной памяти, чтобы распознать его?.. И говорить по-енохийски? Нет, конечно же, было бы невозможно запихнуть так много в такой убогий крошечный мозг. К тому же придать подобному объекту настолько конкретную индивидуальность – это уже чересчур, до такого не опустилась бы даже австрийская военная разведка. Может, перед ним реальная личность с выращенными чертами лица, соответствующими молодой Люстр? В принципе такое возможно. Но в чем смысл, учитывая, что она тотчас же попадет под подозрение? Почему не сделать, чтобы она выглядела на тот возраст, в котором должна быть сейчас?

– Да, – произнес он по-енохийски. – Это я.

– Так значит… это правда, видит Бог! То, в чем не было сомнения с тех пор… с тех пор, как я вернулась.

– Вернулась откуда?

– Мне сказали, что прибыло какое-то важное лицо, чтобы меня увидеть. Это ты?

– Да.

Она смотрела на него так, словно едва могла поверить.

– Мне нужна защита. Когда мы вернемся в Британию…

– Не раньше, чем я узнаю…

– Ты знаешь не хуже меня, что эта комната, это здание…

– Когда ты входила – когда здесь еще был вестибюль, – почему ты не позволила, чтобы тебя осмотрели?

Она тяжело вздохнула, губы вытянулись в тонкую линию. Внезапно все вернулось на круги своя: они опять ссорились. Идиоты. Все те же идиоты. Когда так много поставлено на карту!

Он должен был им рассказать. Им следовало послать кого-нибудь другого.

– Послушай, – сказала она, – сколько времени прошло с тех пор, как мы виделись в последний раз?

– Лет пятнадцать, плюс-минус.

Он вновь увидел на ее лице потрясение. Словно ее постоянно ранила одна и та же новость. Любые ее отголоски.

– Я видела даты, когда выбралась, но не могла поверить. Для меня… прошло четыре года. А точнее… на самом деле, вообще нисколько.

Гамильтон был уверен, что ничто не могло бы привести к такому результату. Он тряхнул головой, временно откладывая загадку в сторону.

– Пакет в сохранности?

– Как это похоже на тебя, вот так скакать от одного к другому! Да. Поэтому я и отказалась проходить через осматривающее устройство. Об этих машинах много всего рассказывают, особенно о той, которая здесь. Я могла начать болтать!

Однако то же самое сказал бы и гомункул или подставное лицо. Гамильтон поймал себя на том, что хмурится, глядя на девушку.

– Расскажи мне, что произошло. От начала до конца.

В этот момент позади них послышался тихий звук. Оттуда, откуда не могло доноситься никаких звуков. Как будто в стенку стукнулся тяжелый предмет мебели.

Люстр вздрогнула, повернулась в ту сторону…

Гамильтон прыгнул на нее.

Позади него полыхнуло пламя.

А потом его швырнуло в воздух – вверх, вбок, потом обратно вниз!

Он приземлился и кинулся вбок, чтобы перехватить Люстр, которую выбросило из кресла, с грохотом улетевшего куда-то в сторону. Комната хлестала его по глазам: молочно-белое пламя, бьющее дугой. Две пробоины, в каждой колыхалось по полпомещения. Взрыв стремительно распространялся по стенам.

Направленный заряд, – отметил Гамильтон той частью своего сознания, которая была приспособлена разбирать подобные вещи

на отдельные детали и поворачивать их под разными углами, – со складкой в воронке, чтобы разрушать искусственно искривленное пространство.

Кто бы они ни были, они хотели заполучить Люстр или их обоих живыми.

Гамильтон обхватил ее за плечи и швырнул к двери.

Девушка вышибла собой створку и споткнулась, внезапно оказавшись во власти гравитации лежавшего позади коридора. Гамильтон оттолкнулся пятками от вращающегося кресла и нырнул в проем следом за ней.

Он упал на пол, тяжело приземлившись на плечо, перекатился на ноги и подскочил к двери, чтобы захлопнуть ее. Та не подвела: складка закрылась за несколько секунд до того, как в нее ударила волна взрыва.

В вестибюле их никто не ждал.

Так значит, они собирались проникнуть в складку через пробитые ими же дыры? Они могли не найти ничего, кроме трупов! Это была ошибка, а Гамильтон не любил чувствовать, что его противник делает ошибки. Приятнее предположить, что он сам что-то упускает.

У него не было оружия.

В дальних частях здания зазвучали сигналы тревоги. Коридор начал наполняться дымом, который полз откуда-то сверху.

Послышался топот: кто-то поспешно спускался по лестнице с верхнего этажа.

Друг или враг? Определить невозможно.

Атака велась снаружи, но у них могли быть помощники внутри здания; их бойцы уже могли прорваться внутрь. Парадная дверь пока держалась – но она до отказа напичкана складками. Если нападавшие знали достаточно, чтобы использовать такой заряд, возможно, они даже и не пытались пройти этим путем.

Люстр глядела на единственную дверь, до которой у них был шанс добраться, прежде чем бегущий доберется до них. На ней висела табличка с надписью, которую датские ссылки Гамильтона прочли как «подвал».

Он оттолкнулся спиной от стены и ударил в дверь ногой. Невыращенная древесина вокруг замка треснула. Гамильтон выбил его вторым ударом. Повреждение будет заметно, но он решил, что это неважно. Дальше обнаружились ступени. Люстр вбежала внутрь, и Гамильтон прикрыл за ними дверь.

В тени виднелись какие-то предметы; перепробовав несколько, Гамильтон нашел один, который смог поднять, и подпер им дверь. Это был ящик с инструментами. Помещение оказалось заставлено древними бойлерами – вероятно, резерв на

случай, если выйдут из строя топливные элементы.

– Они найдут… – начала Люстр, но тут же оборвала себя.

Гамильтон быстро отыскал то, что надеялся увидеть здесь внизу: станцию связи на стене. Порой, работая в штатском, он брал с собой маленькую петлю связи с вышивкой – обычно она была замаскирована под часы, чтобы никто не удивлялся, для чего ему могло понадобиться нечто подобное. Однако ему никогда бы не позволили такую экипировку в предположительно дружественной стране. Петля на стене принадлежала к внутренней системе; оставалось лишь надеяться, что она соединена с петлей на крыше. Ему следовало вызвать Отдел внешних сношений – но теперь он не мог себе позволить довериться местным. Нельзя было допустить, чтобы их системы зарегистрировали открытый вызов в Букингемский дворец или здание Королевской конной гвардии; это сочли бы преступлением против равновесия. У него оставался только один человек, к которому можно обратиться, – и если ее не окажется в будуаре, Гамильтона можно будет считать покойником, а Люстр вернется обратно в мешок.

Он подключился к разъему и выдул в трубку нужные ноты, надеясь, что кодовый сигнал пройдет мимо любых подслушивающих ушей.

К его облегчению, Кушен Маккензи тотчас же появилась на линии. Ее голос звучал торопливо: кто-то во дворце, должно быть, предупредил ее о том, куда он направляется этим вечером.

– Джонни, чем я могу вам помочь?

Ее голос шел с крыши – направление, отведенное для офицеров.

– Мне нужен папа, частный вызов.

Он слышал в коридоре топот бегущих ног, направляющихся к двери. Может быть, дыма накопилось уже достаточно, чтобы они не заметили повреждений?

– Извлечь, упаковать или ликвидировать?

«Ликвидировать» относилось к нему: удар, который окончит его жизнь и сотрет все, что он знает, – как его заверили, безболезненно. Это был единственный способ умереть, доступный для офицера в штатском; возможность самоубийства блокировалась размещенным в голове пакетом установок. В широких кругах общественной вышивки Кушен играла роль хозяйки салона, но помимо этого она занималась и настоящим делом. Однажды она вывела Гамильтона из Лиссабона и усадила в экипаж с вооруженным водителем, всю дорогу поддерживая поток светской болтовни, который не давал ему отключиться, несмотря на сосущую рану в груди. После этого случая он хотел

послать ей цветы, но не смог найти в томике «Языка цветов» из полковой библиотеки ничего, что описывало бы его чувства и в то же время сохранило бы между ними драгоценную дистанцию.

– Извлечь, – сказал он.

– Хорошо. Ищу.

Она замолчала. Затянувшаяся пауза была испытанием для напряженных нервов Гамильтона. Те, кто их искал, уже возились перед дверью, словно дилетанты. Возможно, именно поэтому они так неумело обращались со взрывчаткой. Дилетантов Гамильтон боялся больше всего. Дилетанты убивают вопреки приказам.

– Да вы в настоящей крысиной норе, майор! Видели бы вы, что сейчас валится на мой кофейный столик! Десятки лет там устраивали убежища, складки внутри складок, прятали и забывали оружие… Не рядом с вами, к сожалению. Если там откроется точка остановки времени и разрушит Копенгаген…

– Наш выход может привести к такому результату?

– Возможно. Никогда не любила этот город. Внимание…

Что-то с глухим ударом навалилось на дверь и принялось толкать. Люстр предусмотрительно отступила назад, уходя с того места, куда должны были полететь пули, а Гамильтон обнаружил, что из-за длины соединительного шнура у него не остается другого выхода, кроме как стоять на линии огня.

Он вспомнил минуты, проведенные с Анни, не позволяя мыслям отвлекаться ни на что другое.

Толчки в дверь стали более размеренными. Неторопливыми.

– Готово, произнесла Кушен.

Гамильтон поманил Люстр к себе и обхватил ее рукой.

– Да, кстати – тут на другой линии полковник Турпин, передает свои наилучшие пожелания.

– Мои наилучшие пожелания полковнику, – отозвался Гамильтон. Давайте!

Дыра открылась под ними в ослепительной вспышке – возможно, это рушился город. Гамильтон и Люстр провалились в нее и со скоростью урагана начали падать вдоль сверкающего коридора. Вдалеке через разлетевшуюся в щепки дверь посыпались пули, разрывая серебристую паутину туннеля вокруг, нелепо отскакивая и уносясь в пустоту…

Гамильтон пожалел, что ему нечем пальнуть в ответ, в рожи этим ублюдкам.

А потом они оказались снаружи, вдыхая благословенный ночной воздух, выброшенные на землю из невероятной дыры у них над головами…

…которая тотчас же дипломатично исчезла.

Гамильтон вскочил на ноги и огляделся. Они находились на

какой-то боковой улочке. Холод. Темнота. Никаких свидетелей – Кушен сумела обеспечить даже это. Больше сегодня вечером она ничего не сможет предпринять – ни для него, ни для кого-либо из его братьев и сестер в других местах Солнечной системы. Турпин позволил ей сделать это ради него. Нет, поправил он себя, – ради того, что находилось внутри Люстр.

Он помог девушке встать, и они поглядели в конец улочки, где сновали взад-вперед прохожие. До них донесся звон колоколов церкви Девы Марии, отбивающих десять часов. Вдалеке пылало здание посольства, экипажи с трезвоном и красными огнями проносились в небе и исчезали в дыму – они уже принялись качать туда воду из своих океанических складок. Вот и эти запросто могут попасть под подозрение, а ведь они здесь единственная отрасль общественной жизни, почти наверняка не замешанная в том, что сейчас произошло. По улице прокатилась дымная волна. Этого будет достаточно, чтобы Фредерик закрыл и воздушные трассы тоже. В настоящий момент Турпина и ее величество королеву-мать просят взвесить, стоит ли находящаяся у Люстр информация открытых военных действий между Величайшей Британией и датским двором – который, возможно, не имеет к этому никакого отношения, потому что ему уже известны все секреты. Но, вместо того чтобы пропустить сюда британский экипаж, который бы забрал их двоих, датчане будут тратить часы, доказывая, что их собственные службы, какими бы прогнившими они ни были, способны сами справиться с ситуацией.

Через дорогу находилась маленькая гостиница: под крышей висела выращенная бычья туша, из окон лилась танцевальная музыка. Толпа сейчас торопится посмотреть на пожар и предложить свою помощь – совершенно бесполезную, как это водится у джентльменов и тех, кто хочет выглядеть джентльменами.

Гамильтон схватил Люстр за руку и кинулся к двери.

* * *

Он заказал – на датском, вызванном из отдаленного закоулка его головы, – настоящую говядину, картошку и бутылку вина, которое не собирался пить, оно только служило оправданием для того, чтобы потребовать отдельную кабинку. Люстр посмотрела на хозяина с притворной робостью, избегая его взгляда: девушка, сбившаяся с пути… Девушка, одежда которой, – внезапно пришло в голову Гамильтону, – вызвала бы недоуменные взгляды даже в

Лондоне, поскольку вышла из моды пятнадцать лет назад. Однако у них не осталось другого выбора. Кроме того, здесь все-таки Дания.

Они нырнули в темноту отведенной им клетушки. У них было несколько минут до того, как подадут еду. Оба заговорили одновременно, но тихо, чтобы хозяин не услышал незнакомого наречия.

Люстр подняла руку, и он замолчал.

– Я расскажу тебе все, – начала она. – Постараюсь как можно быстрее. Ты слышал о теории трех четвертей унции?

Гамильтон покачал головой.

– Это такой околонаучный фольклор, вроде «Золотой книги» – квазирелигиозная история из тех, что рассказывают слуги. Про одного парня, который взвешивал умирающих и, как говорят, обнаружил, что после смерти тело становится на три четверти унции легче. То есть получается, что это вес души.

– Стоит ли сейчас тратить время на доморощенную теологию?

Она не ответила на его сарказм.

– Сейчас я расскажу тебе один секрет – секрет «для их величеств»…

– Нет!..

– А если я умру, а ты нет, что тогда? – рявкнула она. – Потому что если меня просто убьют, это не спасет… равновесие! – К последнему слову она прибавила эпитет, который потрясенный Гамильтон никак не ожидал услышать из ее уст. – Ну уж нет, я должна быть уверена, что ты все знаешь, на случай, если произойдет что-то непредвиденное.

Она не дала ему времени сформулировать ответ, и, наверное, это было только к лучшему.

– Что ты за секретный агент, если тебе нельзя доверить секрет? Мне все равно, какой там у тебя допуск, сейчас мы с тобой вдвоем, только ты и я!

В конце концов Гамильтон кивнул.

– Ну хорошо. Ты, наверное, тоже не слышал – учитывая, что твой круг чтения по-прежнему вряд ли простирается дальше охотничьих журналов, – об астрономической загадке, связанной с распределением массы внутри галактик?

– Что? Какое это…

– Ну да, конечно же, не слышал. Вкратце все сводится вот к чему: по всей видимости, масса галактик больше, чем должна бы быть, намного больше. Никто не знает, в чем тут дело. Наблюдения не показывают, где находится лишняя масса, но астрономы смогли составить карты ее местоположения, вычислив

его по тому влиянию, которое она оказывает на другие небесные тела. На протяжении нескольких лет в Хёрстмонсо занимались исключительно этим вопросом. Когда я об этом прочла, мне показалось странным, что они тратят столько сил, но теперь я знаю почему.

Принесли обед, и им пришлось на несколько мгновений замолчать, просто глядя друг на друга. Гамильтон вдруг поймал себя на мысли, что эта новая целеустремленность ей идет – так же, как и грубые слова. Он ощутил, как в груди вновь глухо шевельнулась застарелая боль, и подавил ее. Хозяин удалился, украдкой бросив на них взгляд, полный вуайеристского удовольствия.

– Продолжай.

– Ты еще не понял? Если теория трех четвертей унции верна, это значит, что в мире есть масса, которая неожиданно появляется и исчезает, как в складку, словно Бог прячет ее в рукаве. Если сложить все это вместе…

Внезапно Гамильтон понял, и смутная огромность понятого заставила его зажмуриться.

– Та лишняя масса в галактиках!

– И у нас есть ее карта…

– …на которой видно, где находятся другие умы – настоящие иноземцы из иных миров, где-то там!..

– И возможно, не так далеко.

У Гамильтона закружилась голова от ужаса перед открывшейся картиной. Потенциальная угроза равновесию! Любая из великих держав – черт возьми, вообще любое государство – может добиться неизмеримого преимущества перед другими, обмениваясь с иноземцами информацией!

– И это все у тебя в голове – величайшая тайна великих держав! Но твои новости устарели; наверняка они уже нашли способ разобраться с…

– Да. Потому что, в конце концов, любая из них может наскрести достаточно телескопического времени, чтобы дойти до этого самостоятельно. Насколько я могу понять, они поделились информацией между собой. Каждый из великих дворов на самом высоком уровне знает об этом, так что равновесие в сохранности… Ну, почти. Подозреваю, что они заключили между собой тайное соглашение не пытаться войти в контакт с чужеземцами. Это достаточно легко проконтролировать, учитывая, как они следят за вышивками друг друга.

Гамильтон расслабился. Значит, и действительно все это были старые страхи, с которыми уже разобрались головы поумнее его.

– И разумеется, речь может идти только об обмене информацией. Учитывая. какие там расстояния…

Она поглядела на него, словно он был ребенком, давшим неправильный ответ.

– Неужели одна из держав нарушила соглашение?

– Это сделала не великая держава, – ответила Люстр, поджав губы.

Гамильтон не был уверен, что еще долго сможет выдерживать этот разговор.

– Тогда кто же?

– Слыхал про небесных близнецов?

– Что?! Братья Рэнсомы?

– Да, Кастор и Поллукс.

Мысли Гамильтона метались в беспорядке. Близнецы торговали оружием, причем продавали его, как выяснилось несколько лет назад к потрясению великих держав, не только тому государству, к которому принадлежали (учитывая, что они родом из северной части колумбийских колоний, это могла быть Британия или Франция), или хотя бы тому, чье гражданство приняли впоследствии, – но кому угодно. После того как великие державы обнаружили это и объединились против них, поступив с близнецами так же, как с любой угрозой для равновесия, их представители в один момент исчезли из своих кабинетов в мировых столицах и принялись продавать с любых прилавков всем желающим: бунтовщикам, наемникам, колонистам. Торговать своими услугами, словно проститутки. Сами близнецы никогда не показывались на публике. Говорили, что они уже скопили достаточно средств, чтобы начать разработку нового, собственного оружия. Каждый месяц возникали слухи, будто одна из держав снова втайне заключает с ними сделки. Британия, конечно, на такое никогда не пойдет, но голландцы или испанцы?

– Они-то как сюда замешаны?

– Когда я шла со своим первоначальным заданием и уже пересекла полгорода, подо мной и моим эскортом раскрылась такая же кроличья нора, как та, в которую мы только что провалились.

– Они могут это делать?

– По сравнению со всем остальным, что они могут делать, это ничто. У них были наготове собственные солдаты – солдаты в форме…

Гамильтон услышал в ее голосе отвращение – и не мог не добавить к нему своего. Этот вечер начинал казаться каким-то кошмаром; рушилось всё, в чем он был уверен. Он поминутно терял почву под ногами, а тем временем перед ним раскрывались

всё новые ужасные возможности.

– Моих сопровождающих перебили, но у них тоже были потери. Тела они забрали с собой.

– Видимо, место им тоже потом пришлось прибрать.

– Меня притащили к братьям. Не знаю, в каком это было городе; может, и в другом. Я собиралась произнести код, чтобы отключить себя, но они оказались готовы к такому повороту. Они ввели мне что-то такое, что вызвало незамедлительную глоссолалию. На мгновение я решила, что сделала это сама, но потом поняла, что не могу остановиться, что болтаю всякую ерунду – всё, что есть у меня в голове, всякие глупые и стыдные вещи… – Она замолчала, переводя дыхание. – Твое имя тоже прозвучало.

– Я не собирался спрашивать.

– Но я не рассказала им о том, что находилось у меня внутри. Чистая удача. Потом я вырвалась от их головорезов и попыталась вышибить себе мозги об стену.

Он накрыл ладонью ее руку – совершенно бессознательно. Она не возражала.

– Никому не рекомендую такой способ. Скорее всего, это вообще невозможно. Правда, я успела долбануться только два раза, прежде чем меня опять скрутили. Они собирались колоть мне эту дрянь до тех пор, пока я не выболтаю нужные слова, после чего они смогли бы с помощью осматривающего устройства увидеть карту. Меня заперли в какой-то комнате и всю ночь записывали то, что я болтала. Довольно быстро это превратилось в сплошную скукотищу.

Слушая ее, Гамильтон понемногу начал успокаиваться. Он с искренним наслаждением предвкушал возможность в ближайшем будущем сделать больно кому-нибудь из этих людей.

– Я поставила на то, что, когда пройдет достаточно времени, а я так и не скажу ничего интересного с точки зрения политики, они бросят за мной следить и станут просто записывать. Я выждала столько, сколько смогла оставаться в здравом уме, а потом бросилась к одной из стен. Нашла силовой кабель и запустила туда пальцы. Хотела бы рассказать тебе об этом побольше, но с того момента я ничего не помню, до тех пор пока не очнулась и не обнаружила, что нахожусь в гигантском пространственном экипаже. Я пришла в себя в лазарете, подключенная ко всевозможным аппаратам. Мои внутренние часы говорили, что миновало четыре года, – я решила, что это ошибка… Я проверила пакет у себя в голове – печати были не тронуты. Вокруг пахло дымом. Как смогла, я отключила подачу лекарств и спрыгнула с постели. Там было еще несколько

человек, все мертвые или без сознания… Очень странные раны, как будто у них обсосали мясо с костей… В наружном коридоре тоже валялись тела – экипаж в этой их дурацкой форме. Но все же штуковиной кто-то управлял, потому что когда я заглянула в их внутреннюю вышивку, три кресла были заняты. Думаю, они летели с абсолютным минимумом личного состава, просто пытаясь добраться до дома – трое выживших после того, что у них там случилось. Мы приблизились к земной орбите под большим углом, и корабль принялся выкидывать всевозможные фальшивые флаги и паспорта. Тогда я спряталась рядом с бортовым люком и потом, когда экипаж прибыл на одну из датских высотных станций, дождалась, пока туда ворвется спасательный отряд, и выбралась наружу.

В голосе Люстр появились просительные интонации, словно она искала у него подтверждения, что больше не спит.

– Я… я села на омнибус, чтобы спуститься, и помню, еще думала, какой это отличный транспорт, очень стильный, особенно для датчан. А потом, когда я послушала вышивку и проверила по журналу, правильно ли я услышала… когда до меня дошло… могу тебе сказать, до меня долго доходило; я перепроверяла множество раз…

Она вцепилась в его руку, требуя, чтобы он ей поверил.

– Для меня прошло четыре года, пока я была без сознания… Но…

Она остановилась, чтобы набрать воздуха, в глазах снова появилась жалоба на потрясающую несправедливость произошедшего.

– Но здесь прошло пятнадцать лет, – закончил Гамильтон.

Глядя на нее сейчас, он видел, насколько эта женщина, которая когда-то была старше него и давала ему первые уроки понимания самого себя, осталась той же девочкой, но теперь из-за ее возраста он никогда не сможет показаться с ней на людях… Перемена была для него не так заметна из-за того, что именно такую Люстр он и хранил в своей памяти, – но теперь он осознал размеры этой перемены. В нынешней разнице между ними умещалось все то, что он успел сделать за свою жизнь. Он помотал головой, чтобы прояснить мысли, чтобы избавиться от перепуганного взгляда этих глаз.

– И что это значит?

Она хотела что-то ответить, но тут Гамильтон вдруг осознал, что музыка зазвучала громче. Он быстро смахнул поданный к стейку нож со стола на сиденье и припрятал его в карман.

Люстр, потрясенная, смотрела на него.

Но в их кабинку уже заглядывал человек с типичной

внешностью завсегдатая подобных заведений.

– Прошу прощения, – проговорил он на датском с акцентом, который ссылки Гамильтона не смогли идентифицировать, – вы не знаете, куда подевался хозяин? Я тут заказывал столик…

Нечто неуловимое в выражении его лица.

Он думал, что хорошо сыграл.

Не вышло.

Гамильтон, не вставая с сиденья, дернулся вбок, направляя нож незнакомцу в пах. Провернул и вытащил, одновременно хватая противника за пояс и швыряя вперед, заливая его кровью скатерть… Когда тот начал кричать, Гамильтон был уже на ногах и выходил в главный зал.

А вот и второй. Он стоял в дверях кухни и устраивал выволочку хозяину, который в ожидании обычных в таких случаях неприятностей включил погромче музыку. Вот он обернулся, рука метнулась к поясу за оружием…

Дилетанты!

Гамильтон швырнул окровавленный нож ему в лицо. В первое мгновение тот принял его за метательный и выбросил руку вверх, отразив удар, но Гамильтон уже преодолел разделявшее их расстояние, размахнулся от плеча и вогнал кулак ему в шею. Человек забулькал и начал падать; Гамильтон вцепился в него прежде, чем тот коснулся пола, и выбил из рук пистолет.

Оружие не понадобилось. Его противник отчаянно хватался за собственное горло. Гамильтон отпустил его, и он упал.

Гамильтон снова развернулся к кабинке и увидел, что тело первого нападавшего, подергиваясь, сползает на пол. Люстр уже присела на корточки, чтобы забрать оружие и у него.

Он обернулся к выходящему из кухни хозяину и наставил на него ствол:

– Еще?

– Нет! Я сделаю все, что…

– Я спрашиваю, еще люди есть?

– Я не знаю!

Он говорил правду.

Профессионалы оставили бы все идти своим чередом и устроили бы на Гамильтона фазанью охоту, дождавшись, пока он отправится по естественной надобности. Итак, дилетанты; итак, их может быть много. Возможно, они обшаривают множество гостиниц, но не караулят выходы из этой.

Это была их единственная надежда.

– Хорошо. – Он кивнул Люстр. – Мы уходим.

* * *

Он заставил хозяина пошуметь у задней двери – побросать об пол горшки и сковородки, шмякнуться пару раз телом о посудный шкаф. Его могли в любой момент пристрелить, и Гамильтон знал это – но и черт с ним, чего стоит один датчанин по сравнению со всем происшествием?

Гамильтон велел Люстр встать возле входной двери, затем снял хозяина с мушки и ринулся наружу.

Он выпрыгнул на узкую улочку, на леденящий душу холод, выискивая цель…

В глаза внезапно ударил луч света; Гамильтон выстрелил.

Но потом на него навалились. Много. Кое-кого он ранил – скорее всего, смертельно. Он не потратил впустую ни одного патрона.

Со стороны Люстр выстрелов слышно не было.

Ему в лицо сунули что-то мягкое, и в конце концов он был вынужден вдохнуть в себя темноту.

* * *

Гамильтон вздрогнул и очнулся. И тут же вспомнил, что он глупец и к тому же, по вине своей глупости, еще и предатель. Ему хотелось окунуться в эту горечь, в сознание того, что он подвел всех, кто ему дорог. Хотелось отдаться этому чувству, позволить ему пресечь свои безнадежные усилия – чтобы быть уверенным хоть в чем-то.

Но он не имел права.

Он отыскал свои часы и обнаружил, что прошло несколько часов. Не лет. Глаза он держал закрытыми из-за света. Впрочем, свет, что теперь окружал его со всех сторон, был рассеянным, уютным.

В какой бы ситуации он ни оказался, его возможности скорее всего будут ограничены. Если выхода не найдется, если они действительно угодили в лапы врага, его задачей будет убить Люстр и затем покончить с собой.

Несколько мгновений он обдумывал это без всякого волнения.

Затем позволил себе открыть глаза.

Помещение, в котором он находился, выглядело как лучшая комната в гостинице. Солнечный свет проникал сквозь окно, впрочем, больше похожее на проекцию. Гамильтон был в той же одежде, что и прежде, на улице. Нашел несколько серьезных ушибов. Он лежал на кровати. Рядом никого. Никто не позаботился накрыть его одеялом.

Открылась дверь. Гамильтон сел на постели.

Это был официант, он вкатил в комнату столик на колесиках. Увидев, что Гамильтон проснулся, он приветствовал его кивком.

Гамильтон наклонил голову в ответ.

Официант снял со столика покрывало, под которым обнаружился обед – кажется, это было настоящее мясо, залитое яйцом. Официант разложил приборы согласно этикету, поклонился и снова вышел. Судя по звуку, дверь за ним осталась незапертой.

Гамильтон подошел к столику и поглядел на приборы. Провел пальцем по острому, зазубренному лезвию столового ножа. Это говорило о многом.

Он уселся обратно на кровать и принялся за еду.

* * *

Гамильтон не мог бороться с потоком охвативших его мыслей. Он скорее чувствовал их, чем различал как воспоминания или идеи. В конечном счете, именно мысли делали его тем, кто он есть. Все они были такими – те, кто хранил равновесие, кто следил за тем, чтобы великие державы поровну делили между собой Солнечную систему и не скатились бездумно в войну, которая, как знали все, будет последней. Конец мира освободил бы их от ответственности, сделав причастными к царствию, существующему за пределами вселенной и внутри каждой мельчайшей ньютоновской протяженности. Рухнув, равновесие затем снова достигнет пика, словно взметнувшийся гребень волны, и останется на нем, наконец включив в себя всех живущих, приведя их всецело к Господу. Уж столько-то начальной физики в него вбили в Кибл-Колледже. Однако его никогда не тянуло к окончательному коллапсу. В конце концов, смертным и не положено желать чего-либо подобного. Так устроено само окружающее их мироздание, но не им выбирать момент, когда это должно случиться. Ему нравилась служба, в какой-то мере нравились даже связанные с ней тяготы. Это имело смысл. Но подобные потрясения, подрывающие устои всего, что он понимал, – и в таком количестве, с такой быстротой… Нет, он не мог бы сказать, что очарован картиной того, как окружающий мир трясется у самого основания. Это просто новый аспект равновесия и новая угроза для него. У равновесия множество проявлений, множество форм – так говорилось в каком-то гимне, который Гамильтон едва помнил. Он останется тем, кто он есть, и будет делать то, что должно быть сделано.

Эту мысль он услышал как высказывание, словно она была частью его существа, у которой имелась своя цель и воля. Гамильтон улыбнулся, чувствуя, как восстанавливаются силы, и вновь взялся за мясо.

* * *

В тот момент, когда он покончил с едой, за ним пришли.

Человек был одет в форму, о которой уже упоминала Люстр. Гамильтон еле сдержал реакцию: на его взгляд, такой костюм недалек от карнавального.

Эти яркие цвета никогда не видели поля боя, не имели истории, которую можно было бы по ним прочесть. Носивший ее, судя по всему, прошел обучение в настоящей армии – шагая позади него, Гамильтон заметил по его походке, что тот знаком с учебным плацем. Может быть, даже бывший офицер. Выкупившийся или дезертировавший. Он проигнорировал попытки Гамильтона завязать беседу – не вопросы, поскольку Гамильтон уже готовился к предстоящему испытанию, и праздные вопросы могли сыграть роль дыры в плотине. Нет, Гамильтон говорил только о погоде, но получил в ответ лишь косой взгляд. Косой взгляд от этого ублюдка, продавшего своих товарищей за красивый мундир!

Гамильтон улыбнулся ему, представляя, что он с ним сделает, если появится возможность.

Нож он оставил рядом с тарелкой.

* * *

Ярко освещенные гладкие коридоры были сделаны из пространства и снабжены цветом и текстурой для удобства тех, кто здесь жил. Гамильтон проследовал за офицером до двери предположительно кабинета и подождал, пока тот постучит и услышит приглашение войти. Дверь скользнула в сторону сама собой, как будто здесь не хватало слуг.

Помещение оказалось огромным. Оно увенчивалось куполом с проекционным потолком, на котором…

Над ними находился мир. На мгновение Гамильтон решил, что это Юпитер, ночная его сторона – однако нет. Он снова почувствовал головокружение и снова не позволил ему отразиться на лице. Этого мира он прежде не видел. Что было невозможно. Но ссылки в его глазах говорили, что проекция

перед ним имеет пробу настоящего пространства – что это не какое-то рожденное фантазией произведение искусства. Сфера была темной и огромной. Чернильные облака тускло светились, словно адские угли.

– Эгей! – донесся голос с другого конца помещения, в нем слышался небрежный североколумбийский акцент. – Добрый вечер, майор Гамильтон! Рад, что вы смогли составить нам компанию.

Гамильтон оторвал взгляд от нависавшей над ними штуковины.

У противоположной стены стояли два человека, по бокам от огромного камина, над которым располагалось резное изображение щита с гербом – и Гамильтон ни на миг не усомнился, что это настоящая резьба. В обычной ситуации офицер в штатском испытал бы отвращение, но сейчас он находился в мире потрясений, и это последнее бесстыдство не много могло добавить к уже пережитому. Герб был не из тех, какой одобрило бы Международное геральдическое братство. Это походило на… нечто личное – что-то подобное какой-нибудь школьник мог от скуки накорябать в своем альбоме и сразу скомкать, пока не увидели сверстники. Собственный герб! Какова наглость!

Двое стоявших у стены улыбались, глядя на Гамильтона, и если он не испытывал этого чувства прежде, то теперь был готов их возненавидеть. Они улыбались так, словно и герб, и незнакомый мир наверху, который они представляли как реальный, были просто шуткой. Такой же, как для Гамильтона – их шутовские охранники, хотя он сомневался, что эти двое видели их теми же глазами.

– Имею ли я честь обращаться к… мистерам Рэнсомам?

Гамильтон перевел взгляд с одного близнеца на другого. И обнаружил, что загадки продолжаются.

Оба были высокими, почти под два метра. У обоих имелись залысины и кустистые брови ученых; оба предпочитали носить очки (снова показуха!). Они были одеты не как джентльмены, а во что-то такое, что какой-нибудь домохозяин, придя домой в свою крошечную коробчонку в Кенте, мог бы надеть для вечера в гольф-клубе. Оба одинакового телосложения, однако…

Один был по меньшей мере на десять лет старше другого.

И всё же…

– Да, это Кастор и Поллукс Рэнсомы, – подтвердила Люстр, стоявшая с другой стороны комнаты. Она держала бокал с бренди в трясущихся руках. – Близнецы.

Гамильтон снова посмотрел на братьев. Они действительно

были абсолютно одинаковыми во всем, не считая возраста. Наверняка причина та же, что и в случае с Люстр, – но какова она?

Младший из братьев – Поллукс, если Гамильтон запомнил правильно, – отделился от камина и подошел поближе, разглядывая его все с той же насмешливой гримасой.

– Насколько я понимаю, сейчас на енохийском прозвучал очевидный ответ. Да, майор, так и есть. Мы родились в городке, носящем ирокезское название Торонто, – но такие люди, как вы, называют его Форт Йорк, – в один и тот же день в тысяча девятьсот пятьдесят восьмом году.

Гамильтон приподнял бровь.

– Откуда же тогда разница? Здоровый образ жизни?

– О, это к нам не относится! – рассмеялся старший близнец. – Ни к одному из нас.

– Полагаю, вы хотите услышать некоторые ответы, – сказал Поллукс. – Постараюсь, насколько смогу, удовлетворить ваше любопытство. Вы, несомненно, оставили после себя хаос. В двадцать один час пятьдесят девять минут Сент-Джеймсский двор официально объявил Данию «протекторатом его величества» и отрядил войска «в поддержку короля Фредерика», который, как они это изображают…

– Утверждают! – прервал Гамильтон.

Поллукс усмехнулся.

– О да, главное – манеры, о каких бы ужасах ни шла речь! Хорошо: они утверждают, что старый маразматик оказался жертвой какого-то заговора и что они собираются вернуть ему трон. Заговор, полагаю, существует больше в их воображении, нежели в реальности. Я бы назвал это скорее ложью, чем утверждением. Хотелось бы знать, переживет ли это все Фредерик?

Гамильтон не ответил. Он был рад тому, что услышал. Но это лишь подчеркивало, насколько важно содержимое головы Люстр.

Поллукс продолжил объяснения, поведя рукой вокруг себя:

– Мы в особняке, самом обычном особняке на лунной орбите. – Он показал вверх. – А это интеллектуальная проекция другой нашей собственности, находящейся в значительном удалении от политических границ Солнечной системы. Мы назвали этот объект Немезидой. Поскольку именно мы его открыли. Это близнец нашего Солнца, гораздо менее яркий. – Они с Кастором обменялись улыбками. – Не сочтите за метафору!

Он снова перевел взгляд на Гамильтона.

– Если лететь со скоростью света, чтобы добраться туда, уйдет около года.

– Вы ведь сказали, что у вас там собственность…

Гамильтон не мог понять: может быть, они просто послали туда какой- нибудь автоматизированный экипаж, назвав его претенциозным именем?

– У нас там несколько владений, – ответил Кастор, делая шаг вперед и присоединяясь к брату. – Но я думаю, что Поллукс имел в виду саму звезду.

Поняв, что его подначивают, Гамильтон решил не отвечать.

– Майор, вы помните историю про Ньютона и червяка? – спросил Поллукс, словно это была какая-то шутка, известная всем присутствующим. Впрочем, он не пытался сохранять любезность; его тон звучал язвительно, как будто Поллукс говорил с нашкодившим ребенком. – Это ведь входит в дошкольный курс по равновесию у вас в Британии, верно? Старик Исаак гуляет по саду, ему на голову падает яблоко, он подбирает его и видит крошечного червячка, ползающего по его поверхности, и начинает думать о мельчайших вещах… Неортодоксальные историки, кстати, опровергли чуть ли не каждую деталь старой сказки, но это к делу не относится… Исаак понял, что пространству необходим наблюдатель – Бог, – чтобы реальность могла продолжать случаться, когда вокруг нет никого из нас. Это он в лесу слышит, когда падает дерево: только благодаря ему оно производит шум. Он вплетен в ткань мироздания, он часть «установленного и священного» равновесия, а также стоящая за ним причина. И звезды, и галактики, и огромные расстояния между ними таковы, каковы они есть, лишь потому, что именно так он расставил декорации, и это всё, что можно сказать. Равновесие в нашей Солнечной системе – бриллиант в центре богатой оправы остальной вселенной. Но это всего лишь оправа. По крайней мере, именно такое отношение к вопросу всегда поощрялось научным сообществом великих держав. Равновесие держит все на своих местах. И никуда не пускает.

– Но мы с братом, знаете ли, не научное сообщество; мы не прочь испачкать руки, – вмешался Кастор, говоривший немного более дружелюбно. – Наши ноги вросли в грязь на полях сражений матушки-Земли, где мы сколотили свои капиталы, но мы всегда смотрели на звезды. Часть нашего состояния ушла на очень дорогостоящее хобби – первоклассную астрономию. У нас есть телескопы лучше, чем те, которыми может похвастаться любая из великих держав, и они расположены в разных местах по всей Солнечной системе. Кроме того, мы делаем двигатели. Экипаж, скользящий вдоль складки, ежесекундно изменяя под собой гравитацию, в безвоздушном пространстве способен лишь на определенное ускорение. Показатели понемногу растут, но

речь идет лишь о прибавке нескольких миль в час благодаря некоторым техническим усовершенствованиям. А когда вы достигнете любого большого ускорения внутри Солнечной системы, вам придется уже через несколько дней начать торможение, потому что необходимо будет замедлиться перед пунктом назначения. Казалось бы, нет ничего невозможного в том, чтобы послать автоматический экипаж в неизведанные пространства за облаком комет, но почему-то никому не пришло в голову сделать это.

– Это нас всегда удивляло.

– До тех пор пока до нас не дошли слухи о великом секрете. Люди ведь говорят с нами – мы продаем им оружие и покупаем информацию. Мы поняли, что для любого государства послать подобный экипаж, даже подготовить транспортное средство, значительно превосходящее имеющиеся параметры, означало бы навлечь на себя подозрения остальных государств в том, что они нашли нечто интересное и не делятся, и стать объектом внезапной агрессии в отчаянной попытке сохранить равновесие.

Гамильтон продолжал молчать.

– Наткнувшись на Немезиду во время фоторазведки, мы поняли, что нашли то, что всегда искали, наравне со множеством других лишенных прав обитателей Земли…

– Мира, – поправил Гамильтон.

Они засмеялись и захлопали в ладоши, словно это была какая-то салонная игра.

– Совершенно верно, – подтвердил Кастор.

– Мы бросили монету, – продолжил Поллукс. – Лететь выпало мне. С небольшим количеством людей. Я взял экипаж, под завязку набил складку припасами и начал ускорение, используя выпущенный нами же двигатель, который ограничивали лишь физические, а не политические соображения. Я отправлялся к новым мирам; я открывал новые горизонты – на этот раз для нас самих. Для всех людей, оказавшихся взаперти с тех пор, как великие державы закрыли мир…

Он заметил нахмуренные брови брата и с видимым усилием сдержал себя.

– Экипаж ускорялся до тех пор, пока через год или около того мы не начали приближаться к скорости света. К нашему потрясению, мы обнаружили, что одновременно требования к складке возрастают до исключительных размеров. Как это ни невероятно, но похоже на то, что у вселенной имеется ограничение скорости!

Гамильтон пытался сохранить спокойное выражение лица, но чувствовал, что получается плохо. Он не знал, насколько может

верить тому, что услышал.

– По моим внутренним часам путешествие туда и обратно заняло четыре года…

– Однако я провел здесь в одиночестве пятнадцать лет, – вмешался Кастор. – Поскольку при приближении к скорости света время замедляется – только для тебя одного. Да, я знаю, это звучит безумно! Как будто Бог начинает смотреть на тебя отдельно, иначе, чем на всех остальных!

– И видели бы вы, майор, какая это красота – эти радуги, и тьма, и ощущение, что ты… наконец-то близок к сердцевине понимания!

Гамильтон облизнул сухие губы.

– Почему все это происходит?

– Мы не знаем в точности, – признался Кастор. – Мы подходим к этому как инженеры, а не как теоретики. «Бог не сдирает с пространства шкуру» – считается, что именно так сказал Ньютон. По его теории Бог являет собой систему отсчета для всего существующего: всё соотносится с Ним. Однако эти сверхъестественные изменения массы и времени в зависимости от скорости… похоже, они означают, что существует кое-что большее, нежели мизерная Ньютонова гравитация и мизерная же Ньютонова причинность!

Гамильтон кивнул на Люстр:

– Насколько я понимаю, ее не было с вами в том первом путешествии?

– Нет, – ответил Поллукс. – Я как раз к этому подхожу. Когда экипаж начал уменьшать скорость, приближаясь к Немезиде, нам стали попадаться признаки того, что мы вначале приняли за планетарную систему вокруг звезды. Лишь подобравшись ближе, мы поняли, что то, что мы сочли маленькими мирами, в действительности экипажи! Такого размера, о каком человеческие существа и не мечтали! Это были экипажи чужеземцев.

Губы Гамильтона вытянулись в линию. Вот эти двое – первые представители человечества! И чужеземцы – так близко! Если все это правда, конечно… С трудом он заставил себя не поднимать взгляд, хотя и не мог ничего увидеть на проекции. Он буквально чувствовал, как равновесие дрожит и шатается. Словно бы что-то дорогое для него стремительно ускользало прочь, в пустоту, и дальше могло быть только разрушение.

– И конечно же, – проговорил он, – вы поспешили к ним с рукопожатиями.

– Нет, – рассмеялся Поллукс. – К несчастью. Мы сразу же увидели, что на экипажах изображены какие-то огромные символы, все одинакового вида, но мы ничего не могли в них

понять. Это выглядело как… какие-то красные птицы, только искаженные, размытые. Если бы они не повторялись, мы бы вообще не поняли, что это символы. Мы приблизились со всеми возможными приветственными возгласами и флагами, и тут нашу вышивку внезапно заполонили… наверное, это были голоса, хотя мы слышали просто низкие гулкие звуки. Мы орали на все лады около часа, все без толку. Мы уже готовились бросить в пустоту диаграмму в контейнере, схематическое изображение фигур, обменивающихся разными вещами…

– Ну еще бы, – вставил Гамильтон.

– …когда они внезапно включили огни, подсвечивая свои опознавательные знаки. Выключили, потом снова включили, и так много раз. Похоже, они требовали, чтобы мы показали наши.

Гамильтон кивнул на чудовище над камином:

– А этого у вас под рукой не было?

– Это позднейшая разработка, – сказал Кастор, – в ответ как раз на такую проблему.

– Поняв, что мы ничего им не покажем, – вмешался Поллукс, – они начали по нам стрелять. По крайней мере, мы подумали, что это выстрелы. Я решил убираться подобру-поздорову, и мы снова начали ускорение, обогнули звезду и направились к дому.

Гамильтон не смог скрыть улыбку.

– Перед тем как отрядить следующую экспедицию, – продолжал Кастор, – мы выстроили самый большой экипаж, какой только смогли, и сплошь разрисовали его гербами. Но нам было необходимо еще одно: предмет обмена.

Он махнул рукой в сторону Люстр:

– Содержимое ее головы – местонахождение недостающей массы, веса всех этих живых мозгов; карта небесной торговли. Возможно, такой информации не было у чужеземцев, в зависимости от того, откуда они явились. В крайнем случае мы могли показать им, что мы в игре. Или же, если бы мы не понравились одной группе чужеземцев, мы всегда могли поискать другую.

– Однако она доказала, что сделана из крепкого материала, – предположил Гамильтон.

– После ее попытки посредством шока покончить с собой или заблокировать свои способности мы держали ее в холодильнике, – отозвался Кастор. – Мы отправили ее в главном экипаже вместе со специалистами, надеясь, что в дороге те смогут найти способ пробить ее защиту. Или же они могли предложить ее чужеземцам в качестве упакованного товара.

Гамильтон не сомневался, что близнецу нравилось

провоцировать скромность Люстр подобными выражениями.

– Однако на этот раз их реакция была, я бы сказал, еще более агрессивной. Нашим людям пришлось оставить там какое-то количество орбитальной автоматики и готовых для заселения домов. Они едва ушли оттуда живыми.

– Похоже, чужеземцам вы понравились не больше, чем нам, – заметил Гамильтон. – Я могу понять, почему вы хотите вернуть себе Люстр. Но почему вы оставили в живых меня?

Близнецы поглядели друг на друга так, словно некая неприятная обязанность настигла их раньше, чем им бы хотелось. Кастор кивнул в никуда, двери сами собой растворились, и в комнату прошагало несколько клоунов- охранников.

Гамильтон задержал дыхание.

– Приковать его к камину, – распорядился Поллукс.

* * *

Кандалы были вытащены из тех же складок, где, очевидно – Гамильтон не сомневался в этом, – располагалось направленное на него оружие. Люди его толка если и удалялись на покой, то куда-нибудь, где попроще; их не особенно привлекали вечерние приемы в знатных домах. Комната никогда не будет просто комнатой после того, как ты поработал в штатском.

Его запястья и лодыжки прикрепили к камину, после чего Гамильтона раздели догола. Он хотел сказать Люстр, чтобы она не смотрела, – но вместе с тем он твердо решил не просить ничего, в чем ему могут отказать. Ему предстояло умереть, и отнюдь не быстро.

– Ты знаешь свой долг, – только и сказал он.

В ответном взгляде девушки сквозила ужасная нерешительность.

Поллукс кивнул снова, и из пола в потоке света возникла контрольная педаль. Он поставил на нее ногу.

– Давайте сразу покончим с формальностями, – заявил близнец. – Мы готовы предложить вам невероятную сумму денег в карбоновом эквиваленте за ваше сотрудничество.

Гамильтон беззлобно выругался.

– О мир, вот в чем твоя проблема!.. Ну хорошо, я попытался. Вот что я собираюсь сделать сейчас: я открою очень маленькую складку перед вашими гениталиями. Затем я начну увеличивать гравитацию и буду делать это до тех пор, пока мисс Сен-Клер не закончит говорить по-енохийски и не произнесет слова, которые позволят нам просмотреть пакет в ее мозгу. В случае если она

предпочтет отрезать себя от мира, перейдя на собственный язык, я начну с того, что выдеру ваши гениталии с корнем, после чего перейду к различным другим частям вашего тела, останавливая кровь с помощью складок. Я буду убивать вас медленно, а ей придется смотреть. Затем я проделаю то же самое с ней. – Он бросил быстрый взгляд на Люстр, и на мгновение Гамильтону показалось, что он напуган. – Не заставляйте меня делать это.

Люстр стояла выпрямившись и не отвечала.

– Скажи кодовые слова, чтобы включить блокировку, – сказал ей Гамильтон. – Сделай это сейчас.

Однако, к его гневу и ужасу, она сохраняла все то же выражение лица и лишь быстро переводила взгляд с него на близнецов и обратно.

– Ну же, бога ради! – выкрикнул он.

Поллукс мягко нажал ногой на педаль, и Гамильтон напрягся, ощутив, как складка ухватила его тело. Он с ужасом понял, что это напоминает ему их моменты с Люстр – и еще хуже, их моменты с Анни. Такая ассоциация была крайне нежелательна, и он задушил ее в своем уме. Перед смертью он не мог допустить никаких мыслей о ней. Это все равно что заставить какую-то ее часть пройти через все вместе с ним. Боли не было – пока. Он не кричал, приберегая силы до того момента, когда она появится. Тогда он вспомнит свою выучку и примется их костерить, громко, во весь голос, контролируя таким образом единственное, что будет ему доступно. Он гордился возможностью самому управлять своей смертью и умереть за короля, отечество и равновесие.

Поллукс снова поглядел на девушку, затем нажал посильнее. Теперь боль появилась. Гамильтон набрал воздуха, собираясь начать высказывать этому деклассированному ублюдку все, что он о нем думает…

…и тут внезапно послышался звук.

Что-то обо что-то хрястнуло, довольно далеко от них.

Близнецы насторожились и оба посмотрели в одном направлении. Гамильтон издал напряженный смешок. Чем бы оно ни оказалось…

А вот это был уже взрыв!

На стене вспыхнула проекция человека в униформе.

– Там три экипажа! Они каким-то образом…

– Церковные колокола! – вскричал Гамильтон, внезапно все поняв.

Кастор ринулся к двери, вливаясь в бурный поток охранников, хватающих оружие со стен, однако Поллукс остался на месте, с помрачневшим лицом, занеся ногу над педалью. Один

охранник встал рядом с Люстр; он держал ее на прицеле своей винтовки.

– Что?!

– Колокола церкви Девы Марии в Копенгагене… Десять часов… – Гамильтон задыхался от боли и давления. – Вы сказали, что город стал британским владением в девять пятьдесят девять. Когда мы падали.

Он торжествующе выругался в лицо человеку, который собирался его изувечить.

– Должно быть, в этот момент в меня поместили складку с устройством слежения! Если мы приземлялись в Британии, это не могло повредить равновесию!

Поллукс зарычал и ударил ногой по педали.

Гамильтон не видел, что происходило в следующие несколько секунд. Его зрение было искажено болью, залившей челюсть и проникшей до корней зубов.

Однако сразу же после этого он увидел, как Люстр шмякнула ладонью по стене, и его оковы исчезли. Раздался потрясенный вопль. Давление пропало, и боль отступила. Где-то сбоку маячило тело охранника в луже крови. Увидев в руках у Люстр винтовку, Гамильтон рефлекторно схватился за нее. Люстр попыталась ее удержать, словно не была уверена, что он сможет воспользоваться ею лучше. Опять они устроили возню, а ведь у них оставались какие-то секунды!..

Гамильтон услышал клич своего полка – крики стекались отовсюду к их комнате, врываясь сквозь двери…

Он увидел, словно в конце туннеля, как Поллукс в отчаянии бьет ногой по педали и как под его ступней внезапно снова вспыхивает свет. Вот он занес ногу над педалью, собираясь воспользоваться раскрытой до предела складкой в центре комнаты, чтобы разорвать в куски Гамильтона и всех остальных…

Гамильтон отпихнул Люстр в сторону и, не теряя ни секунды, выстрелил.

Верхушка Поллуксовой головы испарилась. Его нога, конвульсивно дернувшись, обрушилась вниз.

Затуманенным болью глазам Гамильтона казалось, что она движется очень медленно.

Вот подошва сапога коснулась поверхности педали…

На мгновение он решил, что силы соприкосновения будет достаточно, чтобы Поллукс Рэнсом покинул этот мир не один.

Однако удар, должно быть, оказался слишком мягким. Самую малость.

Тело рухнуло поодаль, а мгновением раньше истерзанная мучениями душа усопшего исчезла из этой вселенной.

– Его голове полегчало, – выговорил Гамильтон.

И потерял сознание.

* * *

Шестью неделями позже, после принудительного лечения и принудительного же отпуска, Гамильтон вновь предстал перед Турпином. Его вызвали сразу сюда, не отправляя обратно в полк. Он не видел Люстр со времени атаки на особняк. Как ему сообщили, девушку долго допрашивали и потом вернули в лоно дипломатической службы. Гамильтон понял это так, что она рассказала людям Турпина всё – из чего следовало, что он по меньшей мере потерял работу. В самом худшем случае его могла ждать петля, уготованная предателям, и короткая пляска в воздухе над Парламентской площадью.

Он понял, что не готов мириться с такой возможностью. Его переполняло волнение и беспокойные вопросы. Отсутствие до сей поры официальной реакции на случившееся действовало ему на нервы.

Однако по мере того, как Турпин, презрительно кривя губы, рассказывал о том, что случилось с различными обитателями особняка – о том, что Кастор сейчас находится в камере в глубоком подвале под этим самым зданием; о том, откуда взялись все эти игрушечные солдаты и какая судьба их ожидает; о том, сколько забот стоило офицерам в штатском распутать нити заговоров, которые близнецы плели по всему миру, – у Гамильтона понемногу затеплилась надежда. Уж наверное, к этому моменту гром должен был уже грянуть? Короля Фредерика отыскали; он прятался или только делал вид, что прятался, и после того, как ему в деталях разъяснили ситуацию, выразил восторг в связи с тем, что британцы возвращают ему трон. Дания будет оставаться британским протекторатом до тех пор, пока войска его величества не выловят последних заговорщиков на жалованье у Рэнсомов. И поскольку при датском дворе была обнаружена и поддержана группировка, стремящаяся породнить и объединить эти два королевства, возможно, что такое положение вещей продлится еще некоторое время.

– Разумеется, – обронил Турпин, – на самом деле они не были близнецами.

Гамильтон позволил удивлению проявиться на своем лице.

– Сэр?

– Мы разыскали генеалогические таблицы, судя по которым они на самом деле двоюродные братья, похожие внешне, но с

разницей примерно в десять лет. Мы уже выслали экипажи в направлении звезды Георга – как мы собираемся ее назвать, – и наши люди изучают ее проекцию. Скорее всего, там не окажется ничего особенного, разве что какой-нибудь автоматический спутник на орбите.

– А эта девушка… – Он воспользовался случаем упомянуть о ней так, словно был с ней незнаком, отчаянно надеясь, что она сохранила в секрете то, о чем он так и не доложил за все эти годы.

– Мы продолжали внимательно наблюдать за ней после наших бесед. Она утверждает, что узнала коды доступа к вышивке Рэнсомов, когда была в том огромном экипаже, о котором упоминала раньше… Вот, кстати, еще одна вещь, какой мы так и не нашли в ангарах Рэнсомов, равно как и каких-либо экипажей повышенной мощности, и это о многом говорит… Однако она не смогла припомнить многих деталей из ранних лет жизни Люстр Сен-Клер. Великолепная маска, великолепный образец выращенной плоти – однако все же работа была сделана недостаточно хорошо. Она слегка замялась, когда мы поставили ей на вид, что, борясь с вами за эту винтовку, она фактически пыталась спасти жизнь Поллуксу Рэнсому. Мы решили выпустить ее из клетки и посмотреть, куда она нас выведет. Как и ожидалось, она поняла, что мы ее раскусили, и тут же скрылась. Почти наверняка – в русском посольстве. Мы достаточно в этом уверены, чтобы счесть себя вправе угрожать царю некоторыми осложнениями. У вас, должно быть, тоже вызвала сомнения та легкость, с которой вы выбрались из посольства, а также то, что она так противилась проверке в осматривающем устройстве… – Он поглядел на Гамильтона, подняв бровь. – Вас ведь это удивило, не так ли?

У Гамильтона кружилась голова, словно стены его мира снова дрожали под мощными ударами.

– Чего они добивались?

– Это нетрудно представить. Русские были бы в восторге, если бы мы начали переводить свои силы из внутренней части Солнечной системы, обеспечивая защитой территорию, которая во всех других отношениях ничего не значит, в надежде на возвращение гипотетических чужеземцев. В ту неделю-полторы, когда мы еще допрашивали девушку, вы бы видели, какой переполох эта история наделала при дворе! «Ястребы», жаждущие «выиграть равновесие», ратовали за то, чтобы послать туда флот немедленно. «Голуби» были готовы вцепиться им в глотки. Королеве-матери пришлось специально распорядиться, чтобы эту тему прекратили обсуждать. Но, к счастью, вскорости мы уже

могли дать им ответ, подтвержденный сведениями, которые мы вытащили из Кастора. Изящная сказочка, не правда ли? Нечто подобное мог бы состряпать Стайхен, побывав в Уайт-Корте. Ручаюсь, это и была его придумка. Все эти необычного вида раны, красные птицы, гулкие голоса и прочие хитроумные детальки в том же роде… Если бы мы не повесили на вас устройство слежения, девчонке пришлось бы найти способ дать нам знать самой. Или же – менее затратный вариант – вам позволили бы сбежать. Разумеется, мировая сеть Рэнсомов оказалась далеко не настолько обширной, как они это изображали, – особенно если вычесть все рубли, которые теперь вернутся обратно в Москву. Но пусть даже и так; то. что мы с этим разобрались, обеспечит равновесию еще немного безопасности на сегодняшний день.

Гамильтон не знал, что сказать. Он стоял и смотрел в пол: полированные доски из выращенного дерева, завитки внутри завитков… Его посетила внезапная мысль – ниточка, тянущаяся к тому моменту, когда он в последний раз чувствовал в себе уверенность. Когда его мир еще стоял на более прочном основании.

– Посол Байюми, – проговорил Гамильтон. – Он сумел выбраться?

– Не имею понятия. Почему вы спрашиваете?

Гамильтон понял, что не может найти в голове ни одной причины, лишь огромную пустоту, которая казалась милостью и в то же время рождала чувство утраты.

– Не знаю, – наконец ответил он. – Он показался мне добрым человеком.

Турпин издал короткий смешок и снова опустил взгляд в свои бумаги. Гамильтон понял, что разговор закончен. И что бремя, которое он принес с собой в эту комнату, не будет облегчено ни петлей, ни прощением.

Когда он уже шел к двери, Турпин, видимо, осознав, что был недостаточно вежлив, снова поднял голову.

– Я слышал запись вашего разговора тогда, в посольстве, – добавил он. – Вы сказали, что, если она вас убьет, никто не пожалеет. Но вы ведь сами знаете, что это неправда.

Гамильтон остановился и попытался прочесть выражение его покрытого рубцами и шрамами лица.

– Вас высоко ценят, Джонатан, – сказал Турпин. – Если бы не так, вас бы здесь уже не было.

* * *

Приблизительно через год после описанных событий Гамильтона перед рассветом разбудил настойчивый рывок вышивки – голос, казавшийся смутно знакомым, пытался сказать ему что-то, всхлипывал и кричал несколько секунд, прежде чем его отрезали.

Но он не смог понять ни единого слова.

Наутро он не обнаружил записи разговора.

В конце концов Гамильтон решил, что все это ему приснилось.

Стивен Бакстер
Нападение на Венеру

Стивен Бакстер начал сотрудничать с «Interzone» в 1987 году и с тех пор вошел в число наиболее часто пишущих для журнала авторов; также он публиковался в «Asimov's Science Fiction», «Science Fiction Age», «Analog», «Zenith», «New Worlds» и других. Стивен Бакстер – один из самых преуспевающих писателей в жанре НФ, опирающийся на новейшие научные достижения; его произведения изобилуют оригинальными идеями, а события в них зачастую разворачиваются на фоне грандиозных космических перспектив.

Первый роман Бакстера «Плот» («Raft») был опубликован в 1991 году, и вскоре за ним последовали другие, хорошо принятые публикой, такие как «По ту сторону времени»(«Timelike Infinity»), «Анти-лед» («Anti-Ice»), «Поток» («Flux»), Стилизация под Герберта Уэллса, сиквел «Машины Времени», «Корабли Времени» («The Time Ships») получила сразу две награды: Мемориальную премию Джона В. Кэмпбелла и премию Филипа К. Дика. Среди множества изданных им произведений романы «Путешествие» («Voyage»), «Титан» («Titan»), «Лунное семя» («Moonseed»), трилогия «Мамонт» («Mammoth») («Серебряная Шерсть» («Silverhair»), «Длинный бивень» («Longtusk»), «Ледяная кость» («Icebones»)); «Многообразие времени» («Manifold: Time»), «Многообразие пространства» («Manifold: Space»), «Эволюция» («Evolution»), «Сросшийся» («Coalescent»), «Ликующий» («Exultant»), «Превосходящий» («Transcendent»), «Император» («Emperor»), «Блистательный» («Resplendent»), «Завоеватель» («Conqueror»), «Навигатор» («Navigator»), «Первенец» («Firstborn»), «Девушка с водородной бомбой» («The H-Bomb Girl»), «Ткач» («Weaver»), «Потоп» («Flood»), «Ковчег» («Ark»), а также два романа, написанные в соавторстве с Артуром Чарльзом Кларком: «Свет иных дней» («The Light of Other Days») и «Око времени» («Time's Eye») – первая книга цикла «Одиссея времени» («Time Odyssey»). Короткие произведения можно прочитать в сборниках «Вакуумные диаграммы: истории Ксили» («Vacuum Diagrams: Stories of the Xeelee Sequence»), «Следы» («Traces») и «Охотники Пангеи» («The Hunters of Pangaea»); отдельным изданием вышла небольшая повесть «Мэйфлауэр II» («Mayflower II»), Среди недавних книг Бакстера трилогия «Каменная весна» («Stone Spring»), «Бронзовое лето» («Bronze Summer») и «Железная зима» («Iron Winter»), а также исследовательская работа «Наука Аватара» («The Science of Avatar»), Несколько лет назад вышла серия «Долгая Земля» («The

Long Earth»), написанная в соавторстве с Терри Пратчеттом.

В представленном здесь рассказе Стивен Бакстер показывает будущее, где люди становятся свидетелями колоссального космического сражения между силами, которые, к нашему ужасу, совершенно нас игнорируют.

По мне, так вся эта эпопея с пришельцами прежде всего касалась Эдит Блэк. Ибо из всех, кого я знал, именно ей было сложнее всего ее принять.

Когда новость стала достоянием общественности, я выехал из Лондона, чтобы навестить Эдит в ее сельской церкви. Ради этого мне пришлось отменить десяток встреч, включая и встречу в кабинете премьер-министра, но, едва выйдя из машины под моросящий сентябрьский дождь, я понял, что правильно сделал.

Эдит, одетая в комбинезон и резиновые сапоги, возилась около церкви и орудовала устрашающим на вид шахтерским отбойным молотком. Но, судя по горящему огоньку радиоприемника, она слушала какое-то обсуждение в эфире, а в здании, куда не попадал дождь, виднелся широкоэкранный телевизор и ноутбук. Оба показывали новости – в основном свежие прогнозы относительно конечной точки траектории движения пришельцев, а также сделанные в открытом космосе новые снимки их «судна», если можно так назвать огромную глыбу льда, похожую на ядро кометы и испускавшую инфракрасное излучение очень сложной структуры. Даже здесь, в эссекской глуши, Эдит оставалась в гуще событий.

Она подошла ко мне с усмешкой, сдвинув защитные очки на каску:

– Тоби.

Поцелуй в щеку и короткое объятие; от нее пахло машинным маслом. Мы общались запросто. Пятнадцать лет назад, на последнем курсе колледжа, у нас был недолгий роман, завершившийся с какой-то печальной неловкостью – очень по-английски, как говорили американские друзья, – но это оказалось только небольшой заминкой в наших отношениях.

– Рада тебя видеть, хоть и удивлена. Думала, все ваши гражданские службы будут по уши заняты всякими срочными совещаниями.

Я уже десять лет работал в министерстве экологии.

– Нет, но старина Торп, мой министр, уже двадцать четыре часа безвылазно сидит на сессии КОБРА[26]. Хорошо, что хоть кто-то этим занимается.

– Должна сказать, обывателю невдомек, что проку от министра экологии, когда приближаются инопланетяне.

– Ну, среди вариантов развития событий рассматривается

возможность атаки из космоса. По большей части все, что мы можем себе представить, напоминает природные катастрофы: падение метеорита сравнимо с цунами, затмение солнца – с крупным извержением вулкана. И вот Торп увяз во всей этой каше, вкупе со здравоохранением, энергоснабжением, транспортом. Конечно, мы на связи с другими правительствами, с НАТО, с ООН. Но сейчас главный вопрос: подавать сигнал или нет?

Она нахмурилась:

– А почему нет?

– Безопасность. Не забывай, Эдит, мы абсолютно ничего не знаем о тех ребятах. Что, если наш сигнал воспримут как угрозу? К тому же есть и тактические соображения. Любой сигнал подарит потенциальному врагу информацию о наших технических возможностях. К тому же выдаст сам факт того, что нам известно об их присутствии.

– «Тактические соображения», – передразнила она. – Параноидальный бред! Держу пари, что все дети с любительскими радиоприемниками уже ждут этих инопланетян с распростертыми объятиями. Да вся планета шлет сигналы!

– Так и есть, ничего не поделаешь. Тем не менее любой сигнал, отправленный правительством или государственными службами, – это совершенно иное.

– Да ладно тебе! Неужели ты вправду думаешь, что кто-то пересечет Вселенную, чтобы просто навредить нам? Да и что такое им нужно, чем можно оправдать затраты на межзвездную экспедицию?..

Ну вот мы и спорим. А ведь я только пять минут назад вылез из машины.

Этот разговор был похож на один из тех, что мы вели давным-давно по ночам в колледже, то в ее, то в моей постели. Эдит всегда тяготела к обобщениям – «к широкому контексту», как она говорила. Хотя мы оба начинали как студенты-математики, Эдит вскоре напиталась своеобразной интеллектуальной атмосферой колледжа и перешла к изучению более древних, чем наука, путей познания – исследованию вечных вопросов, не имеющих ответов. Есть ли Бог? А если есть (или нет), то в чем смысл нашего существования? Почему мы или вообще что-либо существуем? На последних курсах она начала дополнительно изучать теологию, но вскоре перегорела и осталась неудовлетворенной. Также ее отталкивали агрессивно-нигилистические представления современных атеистов. Поэтому по окончании колледжа Эдит в поисках ответов начала собственное исследование длиной в жизнь. И вот теперь, возможно, некоторые из этих ответов

прибыли из космоса в поисках нее.

Вот почему мне захотелось сейчас сюда приехать. Нужна была широта ее взглядов.

В рассеянном дневном свете я видел тонкую сетку морщинок вокруг губ, которые когда-то целовал, и седые пряди в рыжих волосах. Я не сомневался, что Эдит подозревает (и правильно), что я знаю больше, чем говорю, – и больше, чем стало достоянием общественности. Но выпытывать пока не стала.

– Пойдем, покажу, чем я занимаюсь, – сказала она, внезапно прекратив спорить. – Только смотри под ноги.

Мы прошли по грязной траве к главной двери. В основе древней церкви Святого Катберта находилась башня времен англосаксов; остальная часть здания – норманнская, но в викторианскую эпоху тут провели основательную реставрацию. Внутри было красиво, но холодно, каменные стены отзывались эхом. Церковь принадлежала англиканам и все еще действовала, но в этой малонаселенной сельской местности ее объединили в один приход с другими церквями, а потому использовалась она редко.

Эдит никогда не причисляла себя к представителям ни одной из официальных религий, но позаимствовала кое-что из их «оснащения», как она любила выражаться. Здесь она собрала группу добровольцев-единомышлен- ников, таких же беспокойных душ, как она. Вместе они трудились над сохранением церковного здания, а Эдит руководила ими в освоении странного сплава молитв, медитаций, обсуждений, йогических практик – всего, что, по ее мнению, могло дать результат. Она настаивала, что именно этот способ использовался во всех религиях, пока монотеистические представления не взяли верх. «Единственный путь постижения Бога или той сферы за пределами нашего понимания, где он должен быть, – усердная работа, помощь ближним и напряжение возможностей собственного разума до его крайних пределов. А потом нужно немного выйти за них и просто *слушать».* От логоса к мифу. Эдит никогда не успокаивалась, она постоянно пробовала что-то новое. Но в чем-то она была самым счастливым человеком из всех, кого я знал, – по крайней мере, до той поры пока не стало известно о пришельцах. Правда, сейчас ее не устраивало состояние фундамента церкви. Она показала мне, что местами подняла плиты и обнаружила под ними раскисшую землю.

– Мы роем новые дренажные каналы, но это адова работа. Может, в итоге проще будет переделать фундамент. Самый нижний уровень, похоже, дерево – толстенные сваи саксонского дуба… – Она внимательно поглядела на меня. – А ведь церковь

стояла здесь тысячу лет, и прежде ей ничто не угрожало. Изменения климата, да?

Я пожал плечами:

– Полагаю, ты думаешь, что идиоты в министерстве экологии должны заниматься проблемами вроде этой, вместо того чтобы готовиться к галактической войне.

– Пожалуй. А еще развитые существа готовились бы к благоприятному развитию событий. Только подумай. Тоб! В Солнечной системе сейчас находятся существа умнее нас. Наверняка так, иначе они не прилетели бы сюда, верно? Они где-то между нами и ангелами. Кто знает, что они могут нам сообщить? Какая у них наука, искусство, теология?

Я нахмурился:

– Но чего они хотят? Потому что с этого момента имеют значение именно их планы, не наши.

– Ну вот, у тебя опять паранойя, – сказала она, но уже не так безапелляционно. – Как поживают Мэрил и дети?

– Мэрил дома. Марк и Софи в школе. – Я пожал плечами. – Живем как обычно.

– Некоторые люди сейчас сходят с ума. Опустошают супермаркеты.

– Некоторые люди всегда так делают. Мы же хотим, чтобы все шло своим чередом, насколько возможно, и так долго, как возможно. Ты же знаешь, Эдит, современное общество высокоорганизованно, но не слишком выносливо. Топливная забастовка нас парализует в недельный срок, не говоря уже о вторжении пришельцев.

Она заправила под каску выбившиеся волосы и с подозрением посмотрела на меня:

– Но ты при этом выглядишь очень спокойным. Тебе что-то известно, не так ли, негодяй?

Я усмехнулся:

– А ты хорошо знаешь меня.

– Выкладывай.

– Две веши. Во-первых, мы перехватили сигналы. Или, вернее сказать, утечки в эфире. Ты же знаешь о той инфракрасной ерунде, испускаемой ядром, которую мы некоторое время регистрировали. Теперь мы зафиксировали шум в радиоэфире, слабый, структурированный и очень сложный. Скорее внутренний канал, чем послания, предназначенные для нас. Но если мы из этого что-то извлечем…

– Да, захватывающе. А что во-вторых? Не томи, Миллер.

– У нас есть более точные данные об их траектории. Вся информация скоро будет обнародована – хотя, возможно, уже и

просочилась.

– Ну?

– Пришельцы действительно направляются вглубь Солнечной системы. Но не к нам, не на Землю.

Она нахмурилась:

– А куда же?

– На Венеру, – выложил я главный козырь. – Они летят на Венеру, Эдит.

Она поглядела в затянутое облаками небо, на тот его яркий участок, где пряталось Солнце и внутренние планеты.

– Венера? Это ж чертова дыра, покрытая тучами. Что им там нужно?

– Понятия не имею.

– Что ж, я привыкла жить с вопросами, на которые никогда не смогу ответить. Давай надеяться, что это не один из них. А пока займемся чем- нибудь полезным. – Она оглядела мой помятый деловой костюм, туфли из лакированной кожи, уже испачканные грязью. – Ты можешь задержаться? Хочешь помочь мне с дренажем? У меня есть еще один комбинезон, он тебе подойдет, наверное.

Так, разговаривая и рассуждая, мы обошли всю церковь.

* * *

Акция, которую Эдит организовала в Гунхилли, стала поводом для семейного визита в Корнуолл.

Мы проехали по извилистому шоссе, спускающемуся по западному хребту Корнуоллского полуострова, и остановились в небольшом отеле в Хелстоне. Симпатичный маленький городок был украшен перед ежегодным праздником Фурри Дэнс, древним необычным карнавалом, во время которого местные дети пляшут между домами на холмистых улочках. На следующее утро Мэрил планировала отвезти детей на пляж дальше по побережью.

Ясным майским утром я на арендованной машине отправился по шоссе к юго-западу, прямиком к Гунхилли Даунс. Все время, что ехал, я наблюдал за Венерой, встающей на востоке и четко видимой в зеркале заднего вида, – она походила на лампу, не терявшую яркости по мере того, как разгорался день.

Гунхилли – равнинная полоса на возвышенности, обдуваемая всеми ветрами. Местечко известно благодаря тому, что здесь находилась самая большая телеспутниковая станция в мире – через Телстар она впервые в мире приняла трансатлантический телесигнал в прямом эфире. Станция уже много лет не

использовалась, но самая старая тарелка, параболическая тысячетонная чаша, названная «Артур» в честь короля, имела статус памятника и потому охранялась. Вот почему Эдит и ее команда «общенцев» смогли воспользоваться ею, когда им, точнее ей, надоело терпеть бездействие правительства. В соответствии с официальной политикой я должен был помочь ей утрясти все формальности по согласованию, но кулуарно.

Едва увидев на горизонте сохранившиеся тарелки, я уткнулся в полицейский кордон – наскоро поставленное пластиковое заграждение, за которое не пропускали поющих «Крикунов» и религиозные группы, протестующие против контакта «общенцев» с Сатаной. Я проехал, показав министерский пропуск.

Эдит ждала меня в старом центре для посетителей, который в это утро открыли для завтрака: кофе, хлопья и тосты. Ее добровольцы мыли грязные тарелки под большим настенным экраном, на котором шла прямая трансляция с космического телескопа – лучшие из доступных сейчас изображений, хотя все крупные космические агентства готовили исследовательские ракеты для отправки на Венеру, а НАСА уже даже запустило одну. Ядро пришельцев (казалось нелепым называть глыбу грязного льда «кораблем», несмотря на то что это был именно он) виделось сверкающей звездочкой, слишком маленькой для того, чтобы разглядеть, что она имеет форму диска, вращающегося по широкой орбите над полумесяцем Венеры. На темной стороне планеты ясно различалось Пятно[27], странное загадочное свечение в облаках, точно соответствующее орбите пришельцев. Удивительно было лицезреть эту космическую хореографию, а потом поворачиваться на восток и смотреть на Венеру невооруженным глазом.

А добровольцы из команды Эдит, несколько десятков простодушных мужчин, женщин и детей, похожих на зрителей, собравшихся на сельский праздник, имели дерзость считать, что смогут общаться с теми богоподобными существами в небе.

Раздался жуткий металлический скрежет. Обернувшись, мы увидели, что «Артур» стал поворачиваться на бетонном основании. Добровольцы оживились, и началось общее движение к этому памятнику технической мысли.

Эдит шагала со мной, держа в руках с надетыми на них перчатками без пальцев пластиковый стаканчик чая.

– Я рада, что ты смог приехать. Надо было и детей привезти. Многие местные из Хелстона тут; считают, что происходящее станет эффектной частью праздника Фурри Дэнс. Ты видел приготовления в городе? Собираются отмечать победу святого Михаила над Сатаной – интересно, насколько уместной окажется

эта символика. Во всяком случае, день обещает быть веселым. Позже начнутся шотландские танцы.

– Мэрил решила, что безопаснее отвезти детей на пляж. На случай, если тут что-то пойдет не так – ну, сама понимаешь. – Почти правда. Дело заключалось еще и в том, что Мэрил не испытывала удовольствия находиться в одной компании с моей бывшей.

– Может, это и разумно. Наши британские «Крикуны» – ребята безобидные, но в менее спокойных регионах с ними проблемы. – Не очень организованное международное объединение разнообразных групп называлось «Крикуны» по какой-то нелепости, потому что как раз ратовало за молчание; они считали, что «вопить в лесу», посылая пришельцам или венерианцам сигналы, означало безответственно подвергать себя риску. Но, разумеется, они ничего не могли поделать с теми низкоуровневыми передачами, что направлялись на пришельцев уже почти год, с тех пор как стало известно об их появлении. Эдит махнула рукой в сторону «Артура»:

– Будь я из «Крикунов», сегодня стояла бы здесь. Пожалуй, это будет самое мощное сообщение с Британских островов.

Я просмотрел и прослушал послание Эдит вчерне. В нем, вместе с рядом первых положительных простых чисел в стиле Карла Сагана[28], были оцифрованные музыкальные записи от Баха до песен зулусов, живопись от наскальных рисунков до Уорхола и «образы человечества», от смеющихся детей до космонавтов на Луне. Даже изображение улыбающихся нагих мужчины и женщины с пластинки, укрепленной на борту старой станции «Пионер» в семидесятые. По крайней мере, цинично решил я, эта сентиментальная лабуда обеспечит хоть какую-то альтернативу картинам войны, убийств, голода, чумы и других бедствий, которые пришельцы, вне всякого сомнения, уже собрали, если хотели.

Я сказал:

– Мне кажется, им это просто не интересно. Ни пришельцам, ни венерианцам. Прости за ложку дегтя.

– Я так понимаю, криптолингвисты не продвинулись с расшифровкой сигналов?

– Мы полагаем, это все же не сигналы, а утечки из внутреннего канала связи. В обоих случаях – и с ядром, и с Пятном. – Я потер глаза – устал, проведя весь предыдущий день за рулем. – В случае с ядром, похоже, какие-то органические химические процессы способствуют созданию мощных магнитных полей, и пришельцы, видимо, роятся в них. Боюсь, мы не особо представляем, что там происходит внутри. На данный момент мы

больше продвинулись с изучением биосферы Венеры…

Если появление пришельцев всех изумило, то обнаружение разумной жизни на Венере, абсолютно неожиданное, просто повергло в замешательство. Ведь никто не ожидал, что облака на Венере расступятся в точности под орбитой ядра пришельцев – словно многокилометровую атмосферу прорезал гигантский шторм, – и никто не ожидал, что Пятно откроется и по краям его будет вихриться туман, волнующе переливающийся таинственными огнями, похожими на организованные разряды молний.

– Если обратиться к результатам старых космических проб, то. очевидно, уже тогда можно было предполагать, что на Венере что-то есть – жизнь, пусть и не разумная. В них во всех много неясного и слишком большое количество сложных веществ. Мы полагаем, венерианцы живут очень далеко от горячей поверхности планеты, в облаках, где температура достаточно низка для существования воды в жидком виде. Они потребляют угарный газ и выделяют сернистые соединения, используя солнечный ультрафиолет.

– И они разумные.

– О да. – Астрономы, записывая сигналы, исходящие из ядра пришельцев, стали улавливать сложные структуры также и в венерианском Пятне. – Ведь можно сказать, насколько мудрено организовано сообщение, даже если ничего не знаешь о его содержании. Определяется степень упорядоченности, которая служит мерой корреляции, и полученные фрагменты накладываются на различные размерности, выделенные в передаче…

– Ты сам хоть что-то понял из того, что сейчас сказал?

Я улыбнулся:

– Ни слова. Но вот что я знаю точно. Исходя из структуры данных, венерианцы умнее нас настолько, насколько мы умнее шимпанзе. А пришельцы еще умнее.

Эдит подняла голову к небу и посмотрела на яркую Венеру:

– Но ты говоришь, ученые до сих пор считают, что все эти сигналы просто… Как ты это назвал?

– Утечки. Пришельцы и венерианцы не обращаются к нам, Эдит. Они даже друг к другу не обращаются. То, что мы наблюдаем, в обоих случаях нечто вроде внутреннего диалога. Двое разговаривают сами с собой, а не друг с другом. Один теоретик сообщил премьер-министру, что, возможно, оба этих сообщества больше похожи на пчелиный рой, чем на человеческие общности.

– Рой? – Она встревожилась. – Но рой совсем другой. У него

может быть цель, но нет сознания, как у нас. Он не конечен, в отличие от нас, его границы размыты. Рой практически бессмертен; индивидуумы умирают, но рой продолжает жить.

– Тогда интересно, на что похожа их теология.

Как странно. Эти инопланетяне не подходят ни под одну из ожидаемых нами категорий или хотя бы в чем-то общую с нами. Не смертные, не идущие на контакт – и мы им безразличны. Чего же они хотят? Чего они могут хотеть? – Она никогда не разговаривала таким тоном. Голос ее звучал недоуменно, хотя обычно, столкнувшись с открытым вопросом, она радовалась.

Я попробовал ободрить ее:

– Вполне возможно, твое сообщение вызовет какие-то ответы.

Эдит взглянула на наручные часы и снова перевела взгляд на Венеру:

– Так, осталось только пять минут до… – Внезапно ее глаза расширились, и она замолчала.

Я повернулся туда, куда она смотрела, – на восток.

Венера пылала. Огонь колебался, как на затухающей свече.

Люди реагировали по-разному: кто-то кричал, показывал пальцем, кто-то, как я, просто уставился в небо, замерев на месте. Я не мог пошевелиться. Я чувствовал глубокий, благоговейный страх. Потом многие закричали, показывая на большой экран в центре для посетителей, куда космические телескопы передавали очень странные, казалось, изображения.

Эдит вцепилась в мою руку. А я обрадовался, что не взял с собой детей.

Людские крики становились злее, раздался звук полицейской сирены, и запахло горелым.

* * *

Закончив давать показания в полиции, я вернулся в отель в Хелстоне. Мерил сердилась, но вздохнула с облегчением, что я возвратился; дети были растеряны и немного испуганы. Мне трудом верилось, что после всего случившегося: странных событий на Венере, драк «Крикунов» с «общенцами», поджога, ранения Эдит, разгона людей полицейскими – не было еще и одиннадцати утра.

В этот же день я отвез семью назад в Лондон и вернулся на работу. А через три дня после происшествия снова уехал, взял министерскую машину с водителем и велел отвезти меня обратно в Корнуолл.

Эдит уже выписали из интенсивной терапии, но еще держали

в больнице Труро. Перед ней стоял телевизор с выключенным экраном. Я осторожно поцеловал ее в необожженную щеку и сел, протянув книги, газеты и цветы:

– Подумал, может, тебе скучно.

– Ты никогда не умел общаться с больными, да, Тоб?

– Извини. – Я раскрыл одну из газет. – Но есть хорошие новости: поджигателей поймали.

Она проворчала, с трудом приоткрывая перекошенный рот:

– И что с того? Какая разница, кто это был? «Общенцы» и «Крикуны» по всему миру готовы друг другу глотки перегрызть. И те и другие хороши… Но зачем было так буйствовать? Они же даже «Артура» сломали.

– А ведь он внесен в список памятников II степени!

Она засмеялась, о чем тут же пожалела, скривившись от боли:

– Хотя почему бы вообще не разнести тут все до основания? Ведь их там, наверху, похоже, только это и интересует. Пришельцы напали на Венеру, венерианцы нанесли ответный удар. Мы все видели в прямом эфире по телевидению – не что иное, как Война Миров. – В ее голосе звучало разочарование. – Те существа превосходят нас, Тоби. Это подтверждает анализ их сигналов. Но все же они не пошли дальше войн и разрушений.

– Но мы столько узнали. – У меня с собой был небольшой портфель, я его открыл, вынул распечатки и разложил перед ней на кровати. – Изображения на мониторе лучше, конечно, но ты же знаешь порядки – мне бы не позволили использовать здесь ноутбук или телефон… Смотри, Эдит. Это было невероятно. Нападение пришельцев на Венеру длилось несколько часов. Их оружие, какова бы ни была его природа, прожгло Пятно и атмосферу в несколько раз более плотную, чем земная, до самой поверхности. Мы даже ее видели…

– А сейчас она сожжена до шлака.

– По большей части… Но потом производители кислоты из облаков ответили им. Нам кажется, мы знаем, что они сделали.

Это ее заинтересовало:

– Откуда же?

– Просто повезло. Та исследовательская ракета НАСА, отправленная к Венере, случайно оказалась на пути… Ракета зарегистрировала поток электромагнитного излучения, идущий от планеты.

– Сигнал, – выдохнула Эдит. – Куда?

– В сторону от Солнца. А потом, восемь часов спустя, она уловила другой сигнал, идущий в обратную сторону. Я сказал «уловила». Но на самом деле ее болтало, как пробку в пруду. Мы думаем, это была гравитационная волна – очень мощная и четко

направленная.

– И когда волна достигла ядра пришельцев…

– Ну ты же видела изображения. Последние фрагменты сгорели в атмосфере Венеры.

Эдит откинулась на гору подушек.

– Восемь часов, – задумчиво сказала она. – Гравитационные волны распространяются со скоростью света. Четыре часа туда, четыре часа обратно… Земля находится примерно в восьми световых минутах от Солнца. Что у нас в четырех световых часах от Венеры? Юпитер, Сатурн…

– Нептун. Нептун был в четырех световых часах.

– *Был?*

– Нет его, Эдит. Почти все исчезло – луны еще здесь и куски льда и породы из ядра, но они постепенно рассеиваются. Венерианцы использовали планету, чтобы создать гравитационно-волновой импульс…

– Они *использовали* ее. И ты это говоришь, чтобы меня подбодрить? Газовый гигант, громадная доля общего запаса энергии и массы всей Солнечной системы, которым запросто пожертвовали ради единственного военного удара? – Она саркастически засмеялась. – О боже!

– Конечно, мы не представляем, как они сделали это. – Я отложил фотографии. – Если раньше мы боялись пришельцев, то сейчас мы просто в ужасе от венерианцев. Ракета НАСА немедленно прекратила работу. Мы не хотим, чтобы хоть какие-то наши действия могли быть восприняты как угроза… Ты знаешь, я слышал, как сама премьер-министр спрашивала, почему эта космическая война вспыхнула сейчас, когда люди спокойно сидят на Земле и ничего не предпринимают.

Эдит тряхнула головой и снова поморщилась от боли:

– Пустое тщеславие. Все происшествие не имело к нам никакого отношения. Неужели не понимаешь? Если это случилось сейчас, наверняка уже было не раз и не два. Кто знает, сколько в прошлом исчезло планет, использованных в качестве оружия в забытых войнах? Может, все, что мы сейчас видим: планеты, звезды и галактики, – только остатки ужасных столкновений такого масштаба, что мы даже вообразить не можем. А мы просто сорняки, растущие у обочины. Так и передай премьер-министру. А я-то думала спросить у них об их богах! Ну и дура я – потратить на эти вопросы всю жизнь, а ответы – вот они… Ну и дура! – Она заводилась все сильнее.

– Не волнуйся так, Эдит…

– Ой, уйди. Я буду в норме. Это Вселенная сломалась, а не я. – И она отвернулась, словно собиралась спать.

* * *

В следующий раз, когда я увидел Эдит, она уже выписалась из больницы и вернулась в свою церковь.

Этот сентябрьский день походил на тот, когда я впервые встретился с ней после появления пришельцев, но сейчас хоть дождя не было. Ветер дул холодный, и мне казалось, он должен успокаивать ее обожженную кожу. Эдит нашлась на том же месте, рыла землю перед церковью.

– Равноденствие, – сказала она, – скоро будет дождь. Нужно закончить ремонт до очередного потопа. И предупреждая твой вопрос: доктора меня отпустили. Повреждено только лицо, все остальное в порядке.

– Я и не собирался спрашивать.

– Ну, ладно. Как Мэрил, дети?

– Хорошо. Мэрил на работе, ребята вернулись в школу. Жизнь продолжается.

– Думаю, так и должно быть. Чего еще ждать? И кстати – нет.

– Что – «нет»?

– Нет. не пойду я работать в этот ваш «мозговой центр» при министерстве.

– Хотя бы обдумай предложение. Ты бы идеально подошла. Слушай, мы все пытаемся понять, что случится дальше. Прибытие пришельцев, война на Венере – это было как религиозное откровение. Как его описывают. Откровение, которое видело все человечество по ТВ. Внезапно наше представление о вселенной полностью изменилось. И теперь необходимо понять, куда двигаться дальше, во всех сферах: политике, науке, экономике, развитии общества, религии.

– Я скажу тебе, что будет дальше. Безысходность. Религии потерпели крах.

– Это не так.

– Ладно. Теология потерпела крах. Философия. Большинство переключили канал и уже обо всем забыли, но те, у кого есть хоть капля воображения, знают… В каком-то смысле это был последний шаг, конец того процесса, который начали Коперник и Дарвин. Теперь нам известно, что во вселенной есть существа с гораздо более высоким уровнем интеллекта, чем тот, которого мы когда-либо сможем достичь, и мы знаем, что им на нас плевать. Равнодушие – вот настоящий убийца, ты так не считаешь? Все наше тщетное беспокойство о том, нападут они или нет, и нужно ли подавать сигнал… А они просто взяли и уничтожили друг друга. Если выше нас стоит *это,* что можно сделать, кроме как отвернуться?

– Но ты же не отворачиваешься?

Эдит оперлась на лопату.

– Я не религиозна; я не в счет. А мои прихожане отвернулись, и вот я тут одна. – Она посмотрела на чистое небо. – Может быть, одиночество – ключ ко всему. Изоляция в галактике обусловлена огромным расстоянием между звездами и пределом скорости света. Когда вид эволюционирует, он может достигать кратковременного периода развития индивидуальности, технологических достижений, открытий. Но потом, когда вселенная ничего не дает тебе взамен, ты замыкаешься на себе и погружаешься в мягкие объятия эусоциальности – роя.

– Но что дальше? Как это скажется на массовом сознании хотя бы? Может, пришельцы потому и начали войну – просто пришли в ярость, случайно узнав, что они не одни во вселенной.

– Большинство комментаторов считает, что из-за ресурсов. В конце концов, наши войны в основном ведутся из-за них.

– Да. Горькая правда. Вся жизнь основана на разрушении другой жизни, даже в огромных масштабах пространства и времени… Наши предки поняли это еще в ледниковый период и стали поклоняться животным, которых убивали. И пришельцы, и венерианцы – они были настолько выше нас… Но, может, *мы* в лучших наших проявлениях, в моральном смысле превосходим их.

Я коснулся ее руки:

– Поэтому ты и нужна нам. Из-за твоих прозрений. Надвигается буря, Эдит. Думаю, надо работать вместе, если мы надеемся ее пережить.

Она нахмурилась:

– Что за буря?.. Ах да. Нептун.

– Ага. Нельзя уничтожить целый мир без последствий. Орбиты планет неустойчивы, астероидов и комет тоже, а еще сиротливые луны кружатся сами по себе. Беспорядочные остатки крушения уже проникают во внутреннюю часть Солнечной системы.

– И если будет столкновение…

Я пожал плечами:

– Надо будет помогать друг другу. Больше никто нам не поможет, это уж точно. Слушай, Эдит, возможно, венерианцы и пришельцы – обычное явление для других цивилизаций. Но кто сказал, что мы должны быть такими же, как они? Может, мы найдем кого-то более похожего на нас. А если нет, что ж, будем первыми. Искрой света, которая воспламенит вселенную.

Она глубоко задумалась.

– Ну, тогда с чего-то надо начать. Как с этим дренажем.

– Вот, другой разговор!

– Ладно, черт с тобой, пойду в ваш «мозговой центр». Но сначала поможешь мне закончить осушение фундамента, согласен, городской житель?

Итак, я надел комбинезон и рабочие ботинки, и мы рыли канаву в сырой, липкой земле, пока у нас не заболели спины, а свет дня равноденствия медленно не померк.

Йен Макдональд
Земляные работы

Британский писатель Йен Макдональд – целеустремленный и смелый автор, наделенный многосторонним и впечатляющим талантом. Первый рассказ он опубликовал в 1982 году, и с тех пор его произведения часто появлялись в «Interzone», «Asimov's Science Fiction» и во многих других изданиях. 1989 год принес ему премию «Локус» «Лучший дебютный роман» – за книгу «Дорога отчаяния» («Desolation Road»). В 1992 году Макдональд завоевал премию Филипа К. Дика за роман «Король утра, королева дня» («King of Morning, Queen of Day»). Другие его книги: романы «Побег на „Синей Шестерке“» («Out on Blue Six»), «Сердца, руки, голоса» («Hearts, Hands and Voices»), «Терминальное кафе» («Terminal Café»), «Жертвоприношенье дураков» («Sacrifice of Fools»), «Берег эволюции» («Evolution's Shore»), «Киринья» («Kirinya»), «Экспресс Ареса» («Ares Express»), «Киберабад» («Cyberabad»), «Бразилия» («Brasyl»); сборники: «Имперские сны» («Empire Dreams»), «Чужие языки» («Speaking in Tongues»), «Кибера- бадские дни» («Cyberabad Days»). Роман «Река богов» («River of Gods») стал в 2005 году финалистом сразу двух премий: «Хьюго» и премии Артура Ч. Кларка, а повесть, взятая из него, «Маленькая богиня» («The Little Goddess»), вошла в шорт-лист «Хьюго» и «Небьюлы». В 2007 году Макдональд получил премию «Хьюго» за повесть «Супруга джинна» («The Djinn's Wife»), затем премию Теодора Старджона за рассказ «История Тенделео» («Tendeleo's Story»), а в 2011 году – мемориальный приз Джона В. Кэмпбелла за роман «Дом дервиша» («The Dervish House»). Самая новая его книга – захватывающий роман в жанре «янг-эдалт» «Странник между мирами» («Planesrunner»)[29].

Родившись в Манчестере в 1960 году, Макдональд провел большую часть жизни в Северной Ирландии, а сейчас живет и работает в Белфасте. Его сайт: www.lysator.liu.se/~unicom/mcdonald/.

Здесь он переносит нас на колонизированный Марс будущего, где терраформирование затянулось на несколько поколений, копающих настоящую огромную дыру.

Таш прекрасно разбиралась в ветре. Она знала множество его мелодий: иногда он пел флейтой между труб и магистралей; иногда гремел среди опор и кабельных стоек, словно тамбурин, а то снова рыдал предсмертным стоном из порталов турбин, визжал песком за ирисовыми диафрагмами окон, когда начинались недели пыльных бурь поры равноденствия. От

рельсов и вагонеток погрузочной линии ветер улетал с завываниями хора демонов, а от ковшей отскакивал, треща и выстукивая так, что ей мерещились крохотные заводные ангелочки, мечущиеся взад и вперед по сотням километров конвейерных лент. Вихри сезона ураганов с визгом врывались в метеоритную котловину Изиды, мертвую уже миллиарды лет, когтя карнизы и фронтоны Западного Диггори, вгрызаясь в многоярусные крыши так свирепо, что Таш боялась: все немедля сорвется и улетит, кувыркаясь, в недра Большой Дыры. Хуже этого ничего не было. Все умерли бы страшно: глазные яблоки, пальцы и губы взорвались бы, щеки полопались бы багровыми венами. У нее бывали кошмары, когда ей виделись мгновенно сорванная крыша, и открытое небо, и воздух, уносящийся прочь с воем оглушительного выдоха. Затем глаза лопались. Она представляла себе этот звук. Два тихих влажных хлопка. Потом близ-брат Ночи сказал ей, что она не сможет услышать, как лопаются глаза, потому что воздух будет очень разреженным, и вообще вся эта история – просто легенда, сочиненная вредными дедобабками и субтетками, которым нравится пугать дочетырехлеток. Но Таш это внушало мысли о том, как хрупок Западный Раскоп и все три остальных участка Большой Дыры.

Веретенообразные, с массивными крышами купола возносились над полукуполами, ниспадая крылатыми кровлями и опасными балкончиками, и все это держалось на укосинах с палец толщиной, связывавших великий Город Раскопа с тяговыми платформами. Словно гигантские пауки. Однажды Таш довелось увидеть пауков в книге и еще раз в отрывке видео, восторженно снятого леди-кузиной Нейрн на Северном Разрезе, с настоящим пауком, в настоящей паутине, дрожавшей от непрестанного стука ковшей, которые разрабатывали котлованную линию от самой Большой Дыры, все пять километров вниз по склону. Леди-кузина Нейрн тыкала в паука пальчиками – толстыми и коричневыми, как хлеб при сильном увеличении. Паук замер, затем поспешно скрылся в угол оконной рамы, свернулся в крохотный шарик с поджатыми ножками и отказывался что-либо делать до самого конца дня. На другой день, когда Нейрн вернулась со своей камерой, он был мертв, мертв, мертв, высох в крохотную обезвоженную оболочку. Наверное, он попал сюда с контейнером снабжения оттуда, с Высокой Орбиты, хотя все, что доставлялось с орбиты, считалось стерильным. За окном, там, где, подрагивая, висел в своей паутине маленький полупрозрачный трупик, были красные скалы, и ветер, и бесконечное движение ковшей по рельсам от конвейера раскопа. Ковши и ветер. Всегда вместе. Ветер; Факт Самый Первый. Когда ковши останавливались, только

тогда стихал и ветер. Факт Номер Два: всю жизнь Таш он дул в одном направлении – вниз с холма.

Таш Гелем-Опуньо знала все о ветре и его видах, о ковшах, о случайных пауках и о том, что в День Движения ветер поет длинную, многочастную гармонию для труб. Музыка рождалась из гудения отполированных стальных рельсов, из хлопанья воздушных змеев, какэмоно с благословениями и конусов-ветроуказателей, «рыб удачи», в Западном Диггори взлетавших над каждой крышей, пилоном и опорой. Внезапная ласка крохотного завихрения, касавшегося спины при смене курса, заставляла Таш вздрагивать и выпрямляться на высоком балконе даже в скафстюме – слишком интимное касание. Она уже вырастала из своего старенького скафстюма. Жало и натирало в неподходящих местах. Он и должен быть тесен, словно вторая кожа из газонепроницаемой ткани, но начинали проглядывать Те Самые Штуки. «Ох, как они у тебя выросли»! Харамве Одоньи, который был даль-кузеном в самом АРСА, имел право замечать такое, вот он и заметил, и сказал вслух. В последний День Движения, полгода назад, она постаралась упрятать все изгибы и округлости, разрисовав всю кожу маркером высокой яркости. На скафстюме оказалось больше зверей, чем на всем Марсе.

В День Движения соблюдалась традиция. Всеми – от самых-самых старых до самых-самых маленьких, хлопавших глазками в своих коконах с подкачкой; любая живая душа в Западном Диггори выползала на балконы, галереи и мостки. Безопасность была частью повседневности. Каждые полгода тысячи тонн строений Западного Диггори трогались с места, и в это время вероятность того, что может разорваться соединение или рухнуть купол, возрастала как никогда. Время, когда лопаются глаза. Но безопасность – не самое главное. Движение – вот для чего существовало Западное Диггори; словно ветер, вниз, всегда вниз.

Терраса Возвышенных Видов была самой высокой точкой Западного Диггори: только стяги землеройной компании «Равнина Изиды», вечно развевавшиеся в неизменно стекающем ветре, да еще ветротурбины тянулись выше нее. Карабкаясь по ступеням, Таш чувствовала, как даль-кузен Харамве следит за нею, не отводя глаз, из Павильона Мальчиков. Его неотвязный взгляд привлек к ней внимание и других молодых самцов с этой высокой и ненадежной террасы. Скафстюм, конечно, был туг, но туг по-хорошему. Таш наслаждалась тем, как он движется вместе с ней, скрывая то, что ей хотелось скрыть, подчеркивая то, что ей хотелось подчеркнуть.

– Эй, змейка! – окликнул ее даль-кузен Харамве по общему каналу.

На свой семисполовинный день рождения у себя на скафстюме она изобразила снозмею: бриллиантово сверкающая петля, хвост в самом низу спины, продолжение на левой ягодице, а голова уходит в бедра. Рисовать было волнительно. А еще более волнительно оказалось надеть его на День Движения, в единственный день, когда она носила скафстюм.

– Созерцаешь мою пресмыкающуюся?

Таш засмеялась в ответ на возгласы остальных, карабкаясь на Галерею Вознесенных Далей, к своим сестрам, двоюродному брату, близ-кузенам и даль-кузенам, ко всем, с кем Таш могла быть в родстве в генном пуле всего- навсего двух тысяч человек. Мальчишки завопили. Им нравилось, как она издевается над ними словами, которых они не понимали. Таш передернула плечами, где были нарисованы птички. Слушай как следует, смотри получше. Я – крутейшее шоу Марса.

Тысяча стягов трещали на нескончаемом ветру. Воздушные змеи ныряли и взмывали, разрисованные птицами, бабочками и еще более странными летучими созданиями, сохранившимися лишь в легендах далекой Земли. Вымпелы указывали путь Западному Диггори: вниз, всегда вниз. Ковши, полные марсианского грунта, бежали по конвейеру от места раскопа, невидимого за близким горизонтом, под опоры Западного Диггори, к неразличимым высотам горы Инкредибл, где они сбрасывали свой груз на вечно растущую вершину, перед тем как укатиться к нижней части конвейера. Рассказывали, что реголит, свеженакопанный на дне ямы, был цвета золота; соприкоснувшись с атмосферой, после долгого пути вверх по склону, он становился по-марсиански багровым.

Таш повернулась, чтобы чувствовать ветер всем телом. А скафстюм придется все-таки заменить. Она ощущала скорее ознобную дрожь, чем ласку движущегося воздуха. Ветер и слово: из вещества того же[30]. Если она взметнет огромные и необычные слова, слова, что дадут ей радость и заставят хохотать над очертаниями, которые они примут в летящем воздухе, то это потому, что они сами – живой ветер.

Дрожь прошла по обрешетке мостков, по перилам и по телу Таш Гелем- Опуньо. Инженеры запускали тяговые генераторы; Западный Диггори содрогался и громыхал, пока токамаки рождали резонанс и стальные напевы в балочных фермах и консолях. Коренные зубы Таш заныли, потом был рывок, качнувший старших и младших, вцепившихся в перила, стойки, кабели, друг в друга. Потом – оглушительный визг, будто новую луну вырывали заживо из тела этого мира. Ужасающие скрипы, каждый так громок, что Таш слышала их даже сквозь защитные

наушники. Стальные колеса провернулись, размалывая песок. Западный Диггори тронулся в путь. Люди махали руками и кричали приветствия, шумоподавители общего канала отсекли оглушительный скрежет и оставили радостный смех. Колеса, каждое выше Таш, поворачивались медленно, как растущее дерево. Западный Диггори, громоздясь на своих балках и укосинах, двигался на восемнадцати гусеницах, как старуха, выбирающаяся из качалки. Это было движение геологических масштабов, сравнимое с движением ледника. Десять часов понадобится Западному Диггори, чтобы выполнить график перемещения по спуску в Большую Дыру. Надо было поесть и попить как следует, потому что входить в помещения теперь опасно. Таш легко позавтракала в столовой общины сестер Ворона, где дочери жили с пяти лет. Квазиживые ткани впитывали все без единого пятнышка или запаха, но мочиться в собственном скафстюме не очень здорово. Разве что вы снаружи и по делу. Тогда это обязательно.

Музыка гремела по общему каналу, веселая чечетка. Таш стиснула зубы. Она знала, что это за сигнал: спуск Западного Диггори. Никто не мог сказать, кто и когда придумал традиционный теперь танец Дня Движения: Таш подозревала, что сперва это была шутка, никем не понятая, а потом принятая буквально. Она скользнула за опору, когда ее сестры из Ворона выстроились, а мальчишки в своем павильоне поклонились и подняли руки. Удрать, пока не началось. Вверх по лестницам, по звякающим мосткам, до самого Внешнего Обзора. С этого дальнего насеста, птичьей клетки из стали на конце хрупкой консоли, откуда над песком свисал фонарь, Таш рассматривала весь Западный Диггори, его купола и антенны, отсеки и трубы, хлопающие вымпелы и его граждан – которых так мало, подумала Таш, – встающих в цепи и колонны для танца. Она отключила общий канал. Странно: люди весело вышагивали, рука об руку, туда и обратно по цепочкам, спина к спине в скафстюмах, в масках и в полной тишине. Старшие наслаждались. У них не было достоинства. Только поглядеть, какие некоторые из них жирные в своих скафстюмах. Таш отвернулась от ритуалов Западного Диггори к величавым, изысканным скатам Большой Дыры, поднимая взгляд по линии склона. Она почти достигла возраста, когда можно покинуть Западный Диггори, но слышала, что там, наверху, за горой Инкредибл, маленький мир искривляется по всем направлениям так быстро, что горизонт оказывается рядом, в трех километрах. Большая Дыра охватывает разные горизонты. Это гигантский конус, погруженный в поверхность сферы. Здесь работает альтернативная геометрия. Мир загибается не наружу,

он вогнут внутрь, круг диаметром в три сотни километров, сглаженный там, где встречается с поверхностью Марса. Мир расходится радиусами из центра: Таш могла проследить линии, по которым двигались ковши, до самого края мира и дальше, по всей кольцевой горе Инкредибл, достигавшей края пространства. Разглядывая изгиб Большой Дыры сквозь пыльную дымку, всегда висевшую над непрекращавшимся раскопом, она видела только, как просвечивает солнце в фермах подъемных кранов Северного Разреза, что, подобно Западному Диггори, медленно спускался вглубь. Промельком мысли увеличив разрешение своего визора, она смогла ясно различить за восемьдесят километров АРСА и тихонечко полюбоваться, как празднуют там, в этом первом и величайшем из Городов Раскопа, в День Движения. Может, сумеет увидеть такую же девочку, балансирующую на высоком и опасном насесте, разглядывая чашу этого мира.

Фигурки на платформах и террасах разошлись, поклонились друг другу, утратив рисунок и ритм, и снова задвигались беспорядочно. Спуск Западного Диггори кончился; следующий через полгода. Таш снова включила общий канал. Таш нравилось быть девочкой слова и мысли, всегда в стороне, отличаться от всех, но ей нравилось и погружаться в вечное кипение болтовни и сплетен Западного Диггори, в его шутки и новости семей. Во всех Городах Раскопа набралось бы меньше двух тысяч человек населения. Крохотные, запутанные сообщества, изолированные от остальной планеты, бурлили словами, как источники, как потоки и реки. Река слов, единственная известная Марсу река. Устройство скафстюма Таш было достаточно сложным, чтобы отрегулировать громкость и дистанцию так, будто голоса звучат в атмосфере. Недифференцированный поток голосов Западного Диггори захватывал ее так, как никогда не захватывали различимые голоса.

Она повертела головой туда и сюда. Подслушиваем. Вот Лейта Сошинве- Опуньо, снова ставшая Королевой-Маткой. Таш видела фото пчел, как и птиц. В День Прибытия, когда Города Раскопа наконец достигнут дна Большой Дыры, появятся и птицы, и пчелы, и даже пауки. Вот великолепная даль-тетушка Йото, всегда полная энтузиазма, хотя и приправленного щепоткой критичности – «о, и еще кое-что»: люди проделывали танцевальные движения неверно, инженеры плохо настроили токамаки, и ее титановое бедро побаливало, неужели это она виновата, или от Западного Диггори каждый раз отваливается все больше? Вот на Южном Вскопе, на ее родине, такого себе никогда бы не позволили.

Внезапная двухтоновая сирена врезалась в четыре сотни

голосов Западного Диггори. Аварийные команды переключили свои скафстюмы на предупреждающий желтый цвет и бросились по местам, а потом остановились, как только медики объявили причину тревоги. Общий канал забило смехом. Харамве Одоньи во время особенно энергичного скачка в танце поскользнулся и подвернул голеностоп.

* * *

Большая Дыра в цифрах.

Население – одна тысяча восемьсот тридцать три человека, поделено между четырьмя Городами Раскопа (по часовой стрелке): Южный Вскоп, Западный Диггори, Северный Разрез, АРСА (Аресская Реинженерия Среды и Атмосферы). Все население Марса – пять тысяч двести семнадцать человек.

Насыпь – от начала раскопа, марсианский год сто двенадцатый, первого янулума; минус двадцать третий километр ниже среднего показателя гравитационной поверхности Марса (уровень моря отсутствует). Та же дата, высшая точка горы Инкредибл – пятнадцать километров над СПГП.

Диаметр Большой Дыры по СПГП – пятьсот шестнадцать километров.

Окружность Большой Дыры по СПГП – одна тысяча шестьсот двадцать два километра.

Угол плоскости раскопа Большой Дыры: 5,754 градуса. Пологий спуск. Линия ковшей не может работать при наклоне больше восьми градусов. Глазу случайного наблюдателя – такого, который вырос не в аккуратном блюдце Большой Дыры, – все кажется почти горизонтальным. Но это не так. Поэтому угол – ключевой показатель: эти 5,754 градуса сделают Марс обитаемым.

Дата возникновения Большой Дыры: двадцать третьего АльтМарта семидесятого Марсгода. В 2:40 пополудни, по графику, заработали конвейеры, и зубцы ковшей выгрызли первые куски равнины Изиды.

Объем Большой Дыры по вышеприведенной дате – один миллион восемьсот тринадцать тысяч кубических километров. Все аккуратно сгружается на гору Инкредибл, окружающую Большую Дыру, как стенка старого метеоритного кратера. Окружает не полностью. Инкредибл спроектирована с четырьмя огромными долинами: Ветрогонка, Зефир, Сирокко и Буря Чёрнослива. Ревущие, пронизанные ветром, иссеченные бурями каньоны. Над могилами копателей, умерших во время великого

раскопа, пел тот же самый ветер, неустанно трепля флаги и вымпелы мобильных городов далеко внизу.

Общая масса вынутого из Большой Дыры марсианского грунта: 7,1 x 10^{15} тонны.

Большая Дыра: факты и цифры. Числа, обрисовывающие мир Таш.

* * *

Когда вызов полетел между рядами хлебоплодов, Таш была в оранжерее. Как и танец Дня Движения, это название подразумевало шутку, давно улетевшую и поселившуюся в вентиляторах, перелазах и связках кабел выращивали[31]. Ряды хлебоплодов, плантанов, бананов и других высокоуглеводных культур давали укрытие и возможность молодежи Западного Диггори встречаться, болтать, строить планы и флиртовать.

– Милаба хочет видеть Таш, передай дальше.

Свето, скажи Чуньи, Милаба хочет видеть Ташей Города Раскопа, потому что под этим барочным куполом апельсины никогда не…

– Куори, ты видел Таш?

– Думаю, она там, в плантанах, но могла уже уйти к хлебоплодам.

– Ну тогда скажи ей, что Милаба хочет ее увидеть.

Через помехи и непонимание, зигзаги и недоразумения, замысловатые спирали отношений: кто кого любит и кто с кем разговаривает и кто нет, кто кого подцепил и кто с кем разбежался, через путаницу запахов листвы и перегноя вызов добрался до Таш, опрыскивавшей хлебоплоды. Вызов простой, должен был дойти прямо до нее, но, когда вас всего сотня, настоящая соцсеть – из уст в уста.

Близ-тетя Милаба. Легенда, монумент Женщине, изысканная и благородная, обожаемая за пределами Западного Диггори. Темная кожа светится, как ночь, а душа будто полна звездами. Находиться с нею рядом – словно получить благословение, не понятое сразу, но еще восхитительнее для Таш то, что близ-тетя Милаба была главным инженером конвейера Северо-Западного сектора. Вызов в ее офис, маленький пузырек из стекла и алюминия, выступавший, словно костная мозоль на одной из стальных ступней Западного Диггори, мог означать только одно. Наружу. Наружу и вверх.

– Итак, Харамве подвернул лодыжку.

Каждая частица крохотного офиса близ-тети Милабы, от

оливинового стола ручной резьбы до стоявшего на нем графина с водой, сотрясалась от перестука ковшей, катившихся по конвейеру. Милаба приподняла бровь. Таш поняла, что требуется ответить.

– Серьезные повреждения?

– Повреждения. – Милаба едва усмехнулась. – Можно сказать и так. Вышел из строя на неделю или около того. Серьезно шлепнулся, глупый мальчишка. Дохвастался. Когда твой день рождения?

Сердце Таш екнуло.

Она же знала. Все всё и всегда знали. Игра была в том, чтобы притворяться незнающими.

– Пятого октябрила.

– Три месяца. – Кажется, Милаба на секунду задумалась. – Пейко Рубенс-Ополло говорит, что, невзирая на все твои странные речи, у тебя умная голова и ясный рассудок и ты выполняешь что приказано. Это хорошо, потому что мне не нужны неприятности из-за небрежности или великих идей в последнюю минуту, когда меня нет на линии.

На секунду Таш потеряла все слова. Они вылетели из нее со свистом, будто воздух из проколотой воздушной ячейки. Она взмахнула руками в безмолвном восторге.

– Я перевожу дигглер вверх на линию двенадцать, в долину Ветрогонку. Питающий токамак дает безобразные скачки. Возможно, ошибки софта в управляющих чипах; у них там сильная радиация. И мне нужен кто-то – держать инструмент, заваривать чай и поддерживать интеллигентную беседу. Интересует?

Слова все еще не вернулись. По правилам, до восьми лет, то есть до технического повзросления, покидать Города Раскопа было нельзя. Правила нарушали и обходили с частотой отказов конвейера, но три месяца в длинном марсианском году значили немало. Наружу. Наружу и вверх, в ветреную долину. В дигглере, с близ-тетей Милабой.

– Да, о да. Просто здорово, – наконец пискнула Таш.

Милаба включила улыбку на полную мощность, и это было как рассвет, как солнцестояние, как жар всех ламп оранжереи. «Я объявляю тебя взрослым гражданином Западного Диггори, Таш Гелем-Опуньо, – говорила эта улыбка, – и если я это сказала, скажут и все другие».

– Будь у шлюза двенадцать в четырнадцать часов. – сказала Милаба. – Ты ведь умеешь заваривать чай?

* * *

Все еще не поняли? Легко, легко-легко-легко. Легко, как верхнее ушко, говорят копатели. Верхнее ушко – это рычаг на линейном ковше, по которому должен ударить другой рычаг, на разгрузочной стороне конвейера, и тогда содержимое вывалится из ковша на гору Инкредибл. Все потому, что у воздуха есть вес. Воздух – это не пустота. Это газ, в марсианских условиях смесь двуокиси углерода, азота, аргона, кислорода и воздуха для дыхания, который просачивался из аппаратов сто с чем-то лет, пока люди выгребали и выскребали когтями красный грунт. У газа есть масса. У него есть вес. И он течет, точно так же, как вода, до самой нижней точки. Ветер – это текущий воздух. Народ говорит: «Никто не знает, почему ветер летает». Но это чушь. Ветер дует сверху вниз, с большей высоты над уровнем моря до меньшей; вниз по склонам гор, сквозь каньоны и долины. Давление воздуха на дне великого и древнего разлома долины Маринер в десять раз выше, чем в промороженных вулканических кальдерах вершины горы Олимп. Облака и туманы несутся сквозь долину. Туман появляется потому, что атмосферное давление на дне долины достаточное, вполне достаточное, чтобы вода могла испаряться. Но его не хватит, чтобы поддержать жизнь. Оно ниже, чем на самой высокой горе Земли. Взрываются кончики пальцев, губы взрываются, вылезают глазные яблоки, лопаются щеки. Мелкая жизнь – да, крупная жизнь – нет. Этого мало, чтобы превратить Марс в зеленый рай, дом человечества, плодородную землю за пределами маленькой голубой Земли. Что нужно, так это глубина. Тридцать километров. Больше, чем любая глубина на Земле. Больше, чем высота горы Олимп, высочайшей вершины всех миров. И раз у воздуха есть вес, раз атмосфера течет и дует ветер, газ наполнит эту дыру. Тот самый ветер, что хлопает вымпелами и крутит роторы Западного Диггори. Газ втекает, атмосферное давление на дне дыры растет, и так до того самого дня, когда вы сможете ходить без скафстюма, в одной собственной коже, если хочется и если у вас достаточно приличная кожа. Земное атмосферное давление. Давление, вечная проблема при заселении Марса. Соберите весь газ в одно место. Когда у вас его станет много, получить из него что-нибудь пригодное для дыхания будет уже легче. Это сделают насекомые, растения и жизнь.

Тридцать километров. Конвейеры уже на минус двадцати шести. Еще пять М-лет, пока они достигнут атмосферного уровня. Затем они выровняют дно кратера, уберут некоторые склоны, расширят поверхность, и она станет по-настоящему плоской. Градиент атмосферы поначалу будет настолько хрупким, что придется ходить едва дыша и с головокружением. Через пятьдесят

лет с той минуты, как Тайум, близ-прадедушка Таш, провел первый ковш. Большая Дыра будет выкопана. Таш стукнет семнадцать с половиной, когда ветер, катящийся по склонам Большой Дыры, наконец стихнет, роторы остановятся и вымпелы опадут, флаги повиснут и Города Раскопа обретут покой.

В двадцати шести километрах вверх по склону близ-тетя Милаба подала Таш знак опустить рычаг и отсоединить дигглер от конвейера. Большой мир снаружи стал для Таш оглушительным разочарованием. Ей хотелось оказаться совсем снаружи, полностью СНАРУЖИ, два-человечка-снаружи-на-Марсе, снаружи, дрожа-в-своем-скафстюме. Она перебралась из пластикового пузырька по пластиковой трубе в пластиковый пузырек, соединенный захватом с конвейером до дома.

Это все, что Таш Гелем-Опуньо видела сквозь прозрачный пузырь дигглера. Песок-песок-песок, вон скала, песок-песок-песок-скала, а вон кучка гальки! Песок-гравий-песок, еще гравий, что-то между галькой и гравием, что-то между гравием и песком, обломок старой брошенной техники, ого-го-го! Пыль закручивалась вокруг дигглера. Песок. Песок. Западный Диггори был еще виден, внизу у извивающейся нитки конвейера, сейчас и правда величиной с паука. Гигантские, без горизонта пространства лишили Таш всего, по чему можно было бы судить о движении. Песок, ковши, неизменный плавный градиент, уходящий в космос. Только прижмурившись, она смогла сквозь мутное стекло в полу различить зернистую поверхность, которая давала представление о перемещении.

Двадцать шесть вертикальных километров, равных двумстам шестидесяти километрам поверхности, равных пяти с половиной часам в пластиковом пузыре, с родственницей, в относительной близости от которой ты росла, но никогда до этого часа ее не знала и не говорила с ней. Все любят близ-тетю Милабу Величавую, такова легенда, но вот пять часов, тетя и племянница, и Таш начала интересоваться, не нашептал ли и эту легенду вечный ветер, облетая углы и фермы Западного Диггори. Милаба была красива, пир для глаза и души, все эти штуки, которыми восьмилетка надеется и сама обзавестись (но геном Таш не содержал этой ДНК – известно, генофонд городов Раскопа мельче плевка, отсюда и все эти тщательные предосторожности вроде близ-родни и даль-родственников, которых отсылают в другие Города Раскопа, чтобы они там и остались), все штуки, которые почти-восьмилетка хочет заполучить, но как ни старалась Таш, она не смогла завязать разговора. Те причудливые смешные слова, которые Таш берегла. Стихи. Каламбуры. Загадки. Отгадки. Игры во «взломанный код». Намеки, осторожные вопросы. Прямые

вопросы. Близ-тетя Милаба только покачивала головой и улыбалась, наклонялась над пультом и мониторами, проверяла свои инструменты и не отвечала ни слова. И еще чай, прорва чая, и бормотание коротких стишков в такт огромным колесам, пока конвейер нес дигглер-шесть вверх по склону самого большого раскопа в Солнечной системе.

Они отсоединились от конвейера, и Милаба встала к рулевой колонке, ведя дигглер на его собственной энергии. Вокруг все еще был песок-песок-песок, временами случайная скала, но Таш просто грыз восторг. Она свободна, впервые в жизни разорвала все пуповины. Ее выпустили наружу, в дикий мир. Конвейер позади сжался в нитку, до полной невидимости, но впереди на пределе зрения Таш видела какую-то впадину. Долина Ветрогонка. Все слова, подаренные ветром, кончились. Место за Большой Дырой. За этим спуском – весь выгнутый мир.

Близ-тетя Милаба повернулась от колонки управления:

– Думаю, сейчас тебе можно прокатиться.

Вот этого Таш и ждала. И наконец услышала.

Управлять дигглером оказалось до смешного просто. Твердо встань к колонке. Толкнул вперед – подал энергию на тяговые моторы в ступицах колес. Потянул назад – затормозил. Качнул в сторону – рулишь по курсу. Там сбоку был даже маленький зажим для кружки с чаем. Таш нервно захихикала, когда робко двинула рычаг вперед и стеклянный пузырь, надутый воздухом, качнулся между огромными оранжевыми шинами – тоже вперед. Через тридцать секунд она уже овладела им. Еще через тридцать она набирала скорость, выглядывая, где дигглер сможет обогнуть скалы.

– Поосторожнее с этим дросселем, – сказала Милаба. – Батареи хватает на восемь часов. Потому мы и ехали сперва на конвейере. Ты же не хочешь застрять здесь до наступления ночи, без тяги и тепла.

Таш потянула рычаг назад, но только после того, как дигглер наткнулся на небольшой валун, в который она исподтишка целилась, и подскочил на всех четырех колесах. Милаба подарила ей свою солнечную улыбку. Плечом к плечу они стояли у руля и правили прямо на оранжевую долину. Земля выгибалась все выше по обеим сторонам дороги, пока они катили все глубже, километр за километром. Таш это начинало угнетать. Она чувствовала себя безобразно мелкой и уязвимой за хрупким стеклом кабины дигглера. Ветер крепчал, она ощущала, как дигглер болтает на растяжках, слышала, как буря визжит и стонет между кабелями. Управление сопротивлялось, но она гнала маленький шар все глубже и глубже в долину Ветрогонку. Когда руки Таш заныли, а

мышцы шеи начало сводить в борьбе с марсианской атмосферой, лившейся сквозь двухкилометровую впадину на горе Инкредибл, Милаба наклонилась и отстучала курсовую программу на компьютере.

– Надень костюм, – сказала она. – Мы прибудем через десять минут.

Токамак-станция оказалась изодранным ветрами пузырем строительного пластика, вкопанным между полем валунов и языком отполированного оливина. Только когда дигглер сбросил скорость и выстрелил песчаные якоря, Таш осознала, насколько станция ближе и меньше, чем она думала. Не далекий огромный город – маленький пузырь, лишь чуть выше гигантских колес дигглера. Ротор ветродвигателя, вертевшийся так, словно вот-вот оторвется от пилона и улетит, был не больше ее вытянутой руки.

– Закрыла маску?

Таш пробежала пальцами по соединению капюшона скафстюма и показала близ-тете Милабе два больших пальца.

– Я открываю дигглер.

Визг атмосферы, хлынувшей в баки, свист, оборвавшийся тишиной, когда давление сравнялось с наружным. Обжатый скафстюм стал тесным и плотным. Это была и в самом деле высота, где лопались глаза. Затем Милаба отворила люк, и Таш последовала за ней наружу и вниз по трапу на дикую поверхность Марса.

Кара господня, а ветер-то зверский. Таш стиснула кулаки, напрягла плечи и пригнула голову, чтобы пробиться сквозь него к желто-синему куполу станции. Она чувствовала, как песок хлещет по коже скафстюма. Ей неприятно было думать, что квазиживую поверхность обдирает, клетку за клеткой. Она представляла, как та воет от боли. Хлопок по плечу – Милаба жестом показала ей пристегнуться страховочным тросом к лебедке возле люка. Затем близ-тетя и близ-племянница прорвались сквозь мощный ветер к укрытию под куполом токамака. Снаружи. В мире снаружи. На самом верху. Если Таш пойдет сквозь ветер, она пересечет Ветрогонку и увидит место, где земля закругляется от нее, а не к ней. Желание сделать это было нестерпимым. Наружу, из дыры. Все, что требуется, – переставлять ступню за ступней. Так она обогнет весь мир и вернется сюда же. Ветер вероятности утих. Он стал всем сразу, вечным кружением.

Милаба снова постучала по ее плечу, напоминая, что они здесь для работы. Таш вынула унитул и отвинтила смотровую заслонку. Милаба подключила свои диагносты. За работой она была великолепна – быстра и сосредоточена, одно удовольствие наблюдать. Но диагностика затянулась, и Таш то и дело

отвлекалась на маленькие песчаные смерчи, сбивавшиеся в крохотный торнадо, уносившиеся в долину и рассыпавшиеся крутящимся песком.

– Скакуны-вертуны, – сказала Милаба. – Будь с ними повнимательнее, они коварны. Ну вот, как я и думала. – Она показала на дисплей. – Серьезная ошибка в микропроцессорном наборе.

Вытащив новый тестер из сумки, она погрузила его в контрольный вход. Диоды мигнули зеленым. Токамак под защитным куполом загудел и проснулся с толчком, от которого с почвы вздыбилась пыль. Таш смотрела, как ветер закрутил ее в дюжину смерчиков, затанцевавших друг с другом.

– Хочу проверить линию питания. Оставайся тут. – Милаба зашагала в долину вдоль силового кабеля. Смерчи кинулись друг к другу. Сомкнулись. Слились. Стали одним – истинным демоном пыли. – Смотри направо! – окликнула ее близ-тетя Милаба.

– Милаба, мне не нравится, как он… – Смерч понесся в сторону Таш, но в последний миг вильнул и улетел в долину. – Милаба!..

Милаба промедлила – и промедление стало смертельным. Смерч обрушился на нее. она пыталась рвануться в сторону, но он оплел ее, приподнял, быстро и мощно швырнул о гладкий отполированный оливин. Таш видела, как визор шлема лопнул и разлетелся облаком осколков и испарившейся влаги. Случайность, безумие, один шанс на миллиард, такого не должно было произойти, это поражение, нанесенное порядку и разуму, но оно стряслось, и Милаба лежала тут, на твердом оливине.

– О боже, боже, боже!

На миг Таш парализовало, она не знала, что делать, ей казалось, что она ничего и не может, но все равно должна. Тогда она помчалась в долину. Смерч-демон заплясал навстречу. Таш взвизгнула, и тут он метнулся назад, разбился о валун и снова стал пылью.

Скафстюм запечатался автоматически, но близ-тете Милабе хватило нескольких мгновений, чтобы глазные яблоки замерзли.

– Помогите-помогите-помогите!.. – кричала Таш, прижимая ладони к лицу Милабы, стараясь задержать тепло. Затем она увидела красный огонек, мигавший на скафстюмовом пульте безопасности. Она ударила по нему и едва удержалась на ногах, когда лебедка дигглера дернула Милабу в машину.

Таш врубила канал помощи.

– Это дигглер-шесть, это дигглер-шесть в долине Ветрогонка. Срочно требуется помощь! – Еще бы не срочно. Это и есть канал помощи. Она постаралась говорить спокойнее, пока лебедка

поднимала обмякшую Милабу вверх: – У нас ситуация РВ скафа. У нас ситуация РВ скафа.

– Алло, дигглер-шесть. Это служба спасения Западного Диггори. Назовитесь.

– Таш Гелем-Опуньо. И Милаба.

– Таш. Вы на контроле. – Таш узнала голос даль-дяди Йойоты. – Возвращайся. Возвращайся сюда. Тебе должно хватить энергии, мы вышлем второй дигглер по линии встретить вас, но тебе, милая, придется сделать это.

Мы не сможем добраться вовремя. Все зависит от тебя. Возвращайся к нам. Это все, что ты можешь сделать.

Разумеется. Так и есть. Все, что она может. Никакая подмога не свалится с неба в мире, где ничто не может летать. Никакой бот не сядет в облаке огня на склон Большой Дыры в мире, где конвейер с черпаками – самый быстрый транспорт. Все зависит от нее.

У нее ушли все силы на то, чтобы перевалить Милабу через порог в кабину дигглера и задраить люк. Таш почти закрыла визор ее шлема. Почти. Она включила подачу давления в дигглер. Визг газа достиг болезненной громкости, затем стих. Но Милаба была такой холодной, такой холодной. Там, где дыхание осело на кожу, лицо оставалось белым от инея. Оно никогда не будет прежним. Таш встала на колени и нагнулась щекой к губам близтети. Шелест, вздох, сомнение, шепот. Она дышала. Но было холодно, холодно, до смерти холодно, холод Марса в дигглере. Таш сдвинула регулятор обогревателя на максимум и заметалась по крохотной кабине. Конденсат затуманил обзор, потом высох. Вернуться. Ей надо вернуться. Есть ли программа возвращения по курсу? Где ее искать? Откуда хотя бы начинать? «Теряю драгоценные секунды, теряю драгоценные секунды».

Таш взялась за рулевую колонку, нажала педаль, чтоб освободить якоря, и запустила тяговые моторы. Поворачивать трудно. Поворачивать страшно. Поворот вызвал стон ужаса, когда ветер ворвался под дигглер и Таш почувствовала, как поднялось правое колесо. Если они перевернутся, погибнут обе. Это уже не развлечение. В таком нет ни радости, ни потехи! При каждом толчке Таш вцеплялась и напрягалась, смертельно боясь, что дигглер перевернется и расколется, как яйцо, переломится ось, любой набор новых ужасов, которые являются именно тогда, когда твоя жизнь зависит от того, все ли работает идеально. Давай-давай-давай. Заряд батарей убывал с ужасающей скоростью. Оно снаружи. Снаружи этот мир с горизонтом. Где же конвейер? Конечно, еще далеко. Давай-давай-давай. Черточка на песке. Но такая далекая. Батарея – двенадцать процентов заряда.

Куда он девается, на что она его потратила? Интенсивный обогрев? Срочная связь? Лебедка? Звонок домой. Это правильно. Так поступила бы умная и рассудительная девочка, которая делает как сказано. Но на это нужна энергия. Батареи – семь процентов, но теперь она видела конвейер, нагруженные ковши, ковш за ковшом, ковш за ковшом. Она разогнала дигглер. Уравнять скорость дигглера и конвейера – зубы скрипят, нервы рвутся. Таш надо вогнать дигглер между ковшами и удержать точную скорость. Слишком быстрый толчок посадит их на передний ковш. Слишком медленный – в нее врежется нагоняющий ковш. И сближаться, сближаться, входить в конвейер, а индикатор заряда из зеленого стал красным. Замигали светодиоды. Таш толкнула колонку. Захват защелкнулся. Таш кинулась к Милабе, лежащей на полу.

– Таш. – Шелест, вздох, сомнение, шепот.

– Все в порядке, все в порядке, не разговаривай, мы на конвейере.

– Таш, мои глаза открыты?

– Да, да.

Тихий вздох.

– Тогда я не вижу. Таш, говори со мной.

– О чем?

– Не знаю. Обо всем. О чем угодно. Только говори. Мы уже на линии, ты сказала?

– На линии. Мы возвращаемся.

– Это пять часов. Говори со мной.

И она разговаривала. Таш собрала подушки и сиденья в подобие гнезда, сидела, поддерживая голову близ-тети, и говорила. Она рассказывала о своих друзьях и близ-сестрах, о даль-сестрах и о том, кто уедет из Западного Диггори и кто останется. Она говорила о мальчишках и о том, как ей нравится, когда они смотрят на нее, но все равно ей хочется быть другой и особенной, не такой, как все. – смешная Таш, Таш-чудила. Она говорила о том, выйдет ли замуж, и что, по ее мнению, это вряд ли может случиться, ну не совсем, по крайней мере пока, и что будет делать, если не выйдет. Она говорила о том, что любит, например, плавать, или готовить овощи, и рисовать, и слова, слова, слова. Она говорила о том, как любит звук и рисунок слов, само их звучание, будто это что-то отличное от того, что они значат, и как она собирает их воедино, чтоб сказать то, чего скорее всего не существует, и как слова приходят к ней, будто их приносит ветер, рождает ветер, ветер дает им жизнь. Она рассказывала все это не умными и напыщенными словами, а теми, что звучат просто, честно и спокойно и говорят, что она

думает и что чувствует. Таш увидела тогда в словах не замеченное прежде богатство; за красотой их звучания, рисунка и формы таилась более глубокая красота – правда, которую они воплощали. Они могли рассказать, что значит быть Таш Гелем-Опуньо. Слова могли развевать флаги и крутить роторы жизни.

Милаба сжала ее пальцы и раздвинула треснувшие губы в улыбке, сморщившей уголки ее белых, сожженных морозом глаз.

Загудел канал помощи. Йойота уже видел дигглер-шесть, но спасателям еще предстояло преодолеть двадцать километров снизу по склону. Они шли забрать ее. Скоро она и Милаба будут в безопасности. Отлично. А потом посыпались другие новости, от которых голос даль-дяди звучал странно, словно он умер и словно он ходил и говорил и готов был зарыдать в одно и то же время. Прибыла делегация от команды раскопа «Иридис» с Высокой Орбиты и летевшие от самой Земли посланники консорциума разработки «Иридис». Политика изменилась. Фракция, что была наверху, оказалась внизу, а фракция, что находилась внизу, поднялась наверх. Большую Дыру закрыли.

* * *

Отсюда все дороги вели наверх. Официального извещения от совета раскопа о церемонии закрытия или небольшом трауре не было; по одному, по двое семьи и родственные группы, сестринские общины и братства людей Западного Диггори решали обменяться новостями о том, что их миру приходит конец, и увидеть его дно; основу, о которой мечтали три поколения; начало всей машины. Нулевой Раскоп. Минимальная высота. Поэтому они брали дигглеры или съезжали на конвейере ко дну Большой Дыры, и смотрели вокруг, и смотрели на роющие щиты всех конвейеров, первый раз на их памяти застывшие и мертвые. Ковши были полны, и последний отгрызенный кусок Марса смотрел из них в небо.

Люди медленно привыкали к этой удивительной картине, потому что никто из пятидесяти Городов Раскопа не работал на минимальной высоте.

Потом они заметили вдалеке, между черными конвейерами, семьи и сообщества Северного Разреза, Южного Вскопа и АРСА. Они махали друг другу, приветствовали родичей, которых не видели годами; общий канал был полон голосами. Таш стояла со своими сестрами из общины Ворона. Они выстроились вокруг нее, даже Королева-Матка Лейта. Таш стала героиней внезапно и ненадолго – возможно, последней, которая будет у Большой

Дыры. Близ- тетю Милабу доставили в главную медицинскую службу АРСА, где ей вырастят новые радужки для глаз, ослепленных морозом. Лицо ее будет в шрамах и жутких белых пятнах, но улыбка останется прекрасной. Так что близ-сестры и близ-кузины стояли вокруг Таш, неизвестно зачем спустившись к нулевой отметке и не зная, что делать теперь. Мальчишки из братства Черного Обсидиана замахали ей и перебежали по песку, чтобы присоединиться к девчонкам. «Как нас мало», – подумала Таш.

– Почему? – спросил даль-кузен Себбен.

– Окружающая среда, – отозвалась Свето, и одновременно ответил Куори:

– Затраты.

– Они хотят забрать нас на Землю? – поинтересовался Чуньи.

– Нет, они этого никогда не сделают, – сказал Харамве. Он ходил с палкой, отчего выглядел словно старик, но все равно оставался интересным и привлекательным. – Это слишком дорого обойдется.

– Да мы все равно не сможем, – сказала Свето. – Тяготение нас убьет. Мы не сможем жить нигде, только тут. Это наш дом.

– Мы же марсиане, – сказала Таш.

Потом тронула ладонями визор маски.

– Что ты делаешь? – тревожно выкрикнул Чуньи, вечно нервничающий даль-кузен.

– Просто хочу понять, – ответила Таш. – Я просто хочу почувствовать, как это будет.

Три удара по маске, и пластина визора упала в подставленные ладони. Воздух был холодным до дрожи, слишком разреженным, и дышать здесь все еще означало умереть с легкими, полными двуокиси углерода, но она почувствовала ветер, настоящий ветер, истинный ветер на своем лице. Таш осторожно выдохнула в атмосферу, скопившуюся на дне Большой Дыры. Мир по-прежнему изгибался вверх, от нее до самого неба. Слезы замерзли бы мгновенно, поэтому она проглотила их. Потом Таш вставила визор обратно и ловкими пальцами защелкнула его на капюшоне скафстюма.

– Ну и что нам теперь делать? – плаксиво спросил Чуньи.

Таш опустилась на колени. Пальцы погрузились в мягкий реголит. Что еще тут есть? Что им еще оставили? Распоряжение пришло на гору Инкре- дибл с Высокой Орбиты, из мира по другую сторону неба, от людей, чьи горизонты всегда выгибались от них. Какое они имели право приказать это? Какой ветер нашептывал им слова и давал им такую силу? Тут жили люди, целые города людей, целая цивилизация, в этой глубине. Это был

Марс.

– То, что мы знаем лучше всего, – сказала Таш, растирая по ладони в перчатке бледно-золотой Марс. – Мы вернем себе всё.

Аластер Рейнольдс
День вознесения

Аластер Рейнольдс часто публикуется в «Interzone», он также печатался в «Asimov's Science Fiction», «Spectrum SF» и других журналах. Его первый роман «Пространство откровения» («Revelation Space») был признан одной из самых значительных НФ-книг года. За ним быстро последовали «Город Бездны» («Chasm City»), «Ковчег спасения» («Redemption Ark»), «Пропасть искупления» («Absolution Gap»), «Дождь забвения» («Century Rain») и «Звездный лед» («Pushing Ice») – масштабные космические оперы, также ставшие бестселлерами и создавшие автору репутацию одного из лучших и наиболее популярных авторов, появившихся в фантастике за многие годы. Среди других его книг можно назвать сборник повестей «Алмазные псы» («Diamond Dogs»), роман из новелл «Бирюзовые будни» («Turquoise Days»), роман «Шесть измерений пространства» («The Six Directions of Space»), а также три сборника рассказов: «Галактический север» («Galactic North»), «„Зима. Голубой период“ и другие истории» («Zima Blue and Other Stories») и «Глубокая навигация» («Deep Navigation»), романы «Префект» («The Prefect»), «Дом солнц» («House of Suns») и «Обреченный мир» («Terminal World»), Одними из последних были написаны «Я помню Землю голубой» («Blue Remembered Hills») и роман из цикла «Доктор Кто» – «Урожай времени» («Harvest of Time»).

Будучи профессиональным ученым с докторской степенью по астрономии, он несколько лет работал в Европейском космическом агентстве в Голландии, но не так давно вернулся в родной Уэльс, чтобы стать профессиональным писателем. Произведения Рейнольдса известны грандиозным размахом и масштабностью. В одном из его рассказов «Галактический север» («Galactic North») звездолет отправляется за другим в погоню, которая растягивается на тысячи лет во времени и сотни тысяч световых лет в пространстве. В другом рассказе «Тысячная ночь» («Thousandth Night») сверхбогатые бессмертные запускают план, предусматривающий физическое перемещение всех звезд в галактике. Здесь он предлагает нам взглянуть на то, что происходит, когда корабль снова отправляется в путь после столетия, проведенного на планете.

Лаутерекен проснулся и вспомнил, что сегодня его последний день на Рапсодии. В целом пребывание здесь оказалось удачным. Планета была добра к нему все последние

девяносто шесть лет.

Но все когда-нибудь должно закончиться.

Он высвободился из сонных объятий красавицы, с которой провел ночь. Ему понадобилась секунда, чтобы вспомнить ее имя. Виндра, вот как ее зовут. Актриса и танцовщица, знаменитая в этом полушарии. Она оказалась хороша, как ему и обещали.

– Куда ты идешь?

Она обняла его, когда он захотел встать. Он улыбнулся и показал ей браслет с золотыми шипами, на котором равномерно мигал голубой огонек.

– Мой корабль готов, Виндра. Его двигатели неделю копили энергию для старта, и теперь мы должны улетать. – Он смягчил эту фразу улыбкой. – И не говори, что это сюрприз. Я больше года назад информировал ваше правительство о своих планах.

– Я не думала, что это произойдет так быстро.

Он приподнял голову, намекая на космос.

– Гиперпространство предсказуемо лишь в пределах нескольких дней. Сейчас для нас открылось окно. Если мы не улетим сейчас, то благоприятных условий придется ждать еще несколько недель или месяцев.

– Ты здесь уже почти столетие.

– Если бы могло быть иначе. – Он наклонился, поцеловал Виндру и направился в ванную. – Девяносто шесть лет кажутся долгим сроком, но лишь потому, что ты смотришь на это с планетной перспективы. Я капитан корабля. Мой борт торгует с сотнями миров, пересекая галактику за десятки тысяч лет.

– Скоро я стану для тебя лишь воспоминанием, – печально сказала Виндра. – Даже если ты сюда вернешься, я уже давно буду мертва. Я видела твои фотографии, снятые в тот день, когда ты вышел из корабля. Ты совершенно не состарился.

Лаутерекен коснулся лба.

– Но я не забуду Рапсодию. И не забуду тебя, Виндра.

* * *

Правительственный флаер доставил его к судну. Оно представляло собой сейчас самое большое искусственное сооружение на Рапсодии, хотя даже Лаутерекен был вынужден признать, что теперь оно мало напоминало корабль. Грузовик выглядел как прямоугольная коробка длиной восемь километров, а шириной и высотой по четыре. Столетие назад, узнав о его неизбежном прибытии, жители Рапсодии объединили ресурсы планеты, чтобы выкопать для него причальный док: огромную

траншею по размерам корабля, более километра глубиной. По бокам они возвели бесчисленные мостики и рампы, обеспечивающие легкий доступ к огромным трюмам грузовика. Началась торговля. Технологически Рапсодия была отсталой планетой, но здесь создавались произведения искусства и биологические конструкты, и Лаутерекен не сомневался, что сможет с выгодой продать их где-нибудь в галактике.

Первые два десятилетия правительство держало торговлю под контролем. Потом ограничения начали слабеть. Лаутерекен стал больше вести дела с предпринимателями и купцами, чем с официально одобренными брокерами. Но ему было все равно – до тех пор, пока это оставалось прибыльно.

Однако крах организованной торговли породил трущобы, опоясывающие посадочный док. За последние пятьдесят или шестьдесят лет эти гнойные районы затопили края дока, пересекли расстояние до корабля и взобрались на бока грузовика. С большой дистанции огромный корабль выглядел словно мохнатым из-за коррозии. И лишь при ближайшем рассмотрении, когда флаер подлетел для посадки, этот «мох» превратился во множество подвешенных хижин, соединенных мостиками и прикрепленных к корпусу разными подручными средствами. В двадцать, а то и в тридцать этажей. Их обитатели были беднейшими из бедных, и их привлекало излучаемое корпусом тепло и дождевая вода, собирающаяся на верхней палубе и стекающая по бокам радужными водопадами.

Лаутерекен годами давил на правительство, чтобы оно начало программу переселения и очистки, но, насколько он мог судить, их усилия были вялыми.

– Много еще осталось? – спросил он сидящего во флаере чиновника- мандарина.

– По последней переписи – от одиннадцати до двенадцати тысяч. – Чиновник поморщился. – Проще прощения, капитан. Мы делали, что могли, но как только расчищали один сектор, они перебирались в другой. Если бы вы пожелали отложить отлет еще на несколько месяцев, мы смогли бы что-то сделать…

– У вас были годы, – огрызнулся Лаутерекен. – И еще несколько месяцев ничего не изменят.

Флаер пошел на посадку.

* * *

Лаутерекен ступил на возвышенную платформу, выпрямился и приложил ладони к боковым консолям ввода. Из ладоней

полился голубой свет, а консоли взяли образцы его кожи, подтверждая идентичность. Ветвящийся холод быстро метнулся вверх по рукам: корабль проник в его нервную систему. Дрожь прошла так же быстро, как началась, оставив лишь пьянящее чувство могущества и ощущение, что его тело расширилось на километры во всех направлениях, до самых границ корпуса.

– Статус. – произнес Лаутерекен.

Ответ корабля прозвучал в его черепе негромким убаюкивающим голосом, бесконечно противоречащим колоссальному, сотрясающему мир масштабу сооружения.

– Двигатель готов к старту.

– Окно для входа в гиперпространство?

– Устойчиво.

– Прекрасно.

За долгие десятилетия, когда он не был связан с бортом, он часто пытался вспомнить, какие ощущения испытывал, стоя на этом пьедестале, слившись с судном и готовый лететь. Теперь, когда эти чувства вернулись, а корабль ждал его указаний, он поражался, как вообще мог такое забыть.

Он ощутил, как нарастает мощь двигателей. Пол завибрировал, и на пределе частоты Лаутерекен услышал или, скорее, почувствовал нечто вроде самой низкой органной ноты, которую только можно представить. В реальности то была комбинация шестнадцати нот, сливающихся в идеальную, пульсирующую гармонию.

Он увеличил мощность. Пятьдесят процентов от стартовой, шестьдесят, семьдесят. Если не считать посадку и взлет другого корабля или какую-нибудь неслыханную природную катастрофу, более величественного звука на Рапсодии услышать было бы невозможно. По мере того как корабль ослаблял свои гравитационные путы, начали осыпаться и трущобы, облепившие его бока. Лаутерекен ощущал, как они стряхиваются, разваливаясь и опадая в глубину посадочного дока многослойной лавиной. Бока корабля внизу окутали облака пыли, тускло-коричневой с искорками огня. Он предпочел не думать о людях, все еще остававшихся в этих трущобах. В конце концов, им было приказано уйти.

Грузовик начал подниматься в небо Рапсодии.

* * *

Когда все прошло нормально, когда грузовик поднялся со дна гравитационного колодца и направился к точке входа в

гиперпространство, Лаутерекен покинул консоль и зашагал через тесные, похожие на город внутренности корабля.

Вблизи точного геометрического центра судна находилась камера размерами чуть меньше одного из главных трюмов. Но это полностью замкнутое бронированное хранилище не имело прямой связи с внешним миром. Фактически корабль был собран вокруг все еще растущего содержимого камеры.

Лаутерекен стоял на балконе, нависающем над ней. Внутри, удерживаемое на месте силовыми полями, находилось нечто огромное и живое, но ныне дремлющее. Лаутерекену ничего не оставалось, кроме веры, что когда-то оно было человеком, хотя это и казалось абсурдом.

Он коснулся датчиков, встроенных в перила балкона. Сигналы прокрались в кору огромного, размером с дом, мозга существа, пробуждая его от спячки. Примерно через минуту чудовищные глаза на чудовищном лице приоткрылись.

– Лаутерекен? – спросил голос, мягкий и интимный, но все же настолько громкий, что перила балкона завибрировали.

– Да.

– Статус?

– Мы на курсе, господин. Через три часа будем в точке перехода.

– Очень хорошо, Лаутерекен. Мне надо что-либо знать?

– Нет, господин. Все двигатели работают в номинальном режиме. Континуум стабилен и держится.

– А наше время на планете… повтори, как она называлась?

– Рапсодия, господин.

– Оно было… прибыльным?

– Думаю, что да, господин. Наши трюмы полны.

– Я ощущаю легкое повреждение наружной обшивки.

Лаутерекен быстро улыбнулся.

– Ничего серьезного, все повреждения затянутся, господин.

– Я доволен, слыша такое. Полагаю, ты с пользой провел свой период сознания?

Лаутерекен нервно сглотнул. Он всегда нервничал, даже когда знал, что выполнил свои обязанности удовлетворительно.

– Да, капитан.

– Что ж, теперь ты заслужил отдых. Иди спать. Я тебя разбужу, когда ты снова понадобишься.

Морин Макхью
После апокалипсиса

Морин Макхью опубликовала свое первое произведение в 1989 году и сразу произвела мощное впечатление на мир НФ; несмотря на относительно небольшое количество написанного, она стала одним из наиболее уважаемых сегодня авторов. В 1992 году у Морин вышел один из самых широко признанных и обсуждаемых дебютных романов года под названием «Китайская гора Чжан» («China Mountain Zhang»), который получил премию журнала «Локус» за лучший дебют, литературную премию «Лямбда» и премию имени Джеймса Типтри-мл. «Нью-Йорк Таймс» назвала этот роман «выдающейся книгой», и он попал в списки финалистов премий «Хьюго» и «Небьюла». В дальнейшем вышли ее романы «Половина дня – ночь» («Half the Day Is Night»), «Дитя миссионера» («Mission Child») и «Некрополис» («Nekropolis»), встреченные с таким же восторгом. Потрясающие рассказы Макхью публиковались в «Asimov's Science Fiction», «The Magazine of Fantasy & Science Fiction», «Starlight», «Eclipse», «Alternate Warriors», «Aladdin», «KillingMe Softly» и другой периодике, а также вышли в сборнике «Матери и другие чудовища» («Mothers and Other Monsters»). Она живет в Остине, штат Техас, вместе с мужем, сыном и золотистым ретривером по кличке Хадсон.

В этом рассказе автор отправляет в нас в пугающе правдоподобное будущее, в котором апокалипсис произошел не мгновенно, а скорее подкрадывался мелкими шажками.

Джейн вылезла из спального мешка на заднем дворе пустого дома возле сарая. У нее были висячий замок, задвижка и старый коловорот, так что они могли бы запереться в сарае, но спать там слишком жарко, а людей на дороге было немного. Лучше переночевать на улице. Франни тараторила без умолку. Обычно к концу дня она уставала от ходьбы – как и Джейн – и замолкала. Но сегодня она принялась болтать о своей подружке Саманте. Все размышляла, ушла ли Саманта из города, как и они.

– Наверное, они все еще там, потому что у них очень хороший дом, в безопасном районе, а у отца Саманты отличная работа. А когда у человека есть такие деньги, он может себе позволить охранную систему или еще что-то. У них в доме пять спален и подвал, который на самом деле не подвал, а гостиная, потому что дом стоит на небольшом холме, и, хотя передняя часть подвала под землей, из задней части можно выйти во двор.

– Уютно. – согласилась Джейн.

– А чуть дальше их дома была ферма, где разводили лошадей. У них богатые соседи, но не такие богачи, каких показывают по телевизору.

Джейн уперла руки в бока и посмотрела вдоль линии домов.

– Думаешь, там кто-нибудь есть? – спросила Франни, имея в виду дом – пригородное ранчо 60-х годов.

Ей было тринадцать лет, и пустые дома ее пугали. Но и оставаться одной девочке тоже не нравилось. Ей хотелось, чтобы Джейн сказала, что они могут съесть еще один пакетик с тунцом.

– Перестать. Франни. Тунец у нас кончится задолго до того, как мы доберемся до Канады.

– Знаю, – угрюмо буркнула Франни.

– Можешь остаться здесь.

– Нет, я пойду с тобой.

Господи! Иногда Джейн была готова отдать что угодно, лишь бы на пять минут избавиться от Франни. Она любила дочку, но все же…

– Тогда пошли, – решила Джейн.

У этого дома был старый квадратный внутренний двор, залитый бетоном, и раздвижная стеклянная дверь. Она оказалась грязной. Джейн прислонилась к стеклу, сложив руки домиком, и заглянула внутрь. Там было темно и почти ничего не видно. Электричество, конечно, отсутствовало, как и во всех поселениях, через которые они прошли за два с лишним месяца. Кондиционер. И кровать с пружинным матрацем. Джейн отдала бы что угодно за комнату с кондиционером и кроватью. С чистыми простынями.

Район выглядел благополучным. Если им не удавалось прибиться на ночь к большой группе, Джейн в конце дня сходила с шоссе. В окрестностях были заметны следы стычек, а несколько домов в конце улицы сгорели. Но стычки остались в прошлом. Некоторые дома уцелели. В этом все окна были целыми, но автоматические ворота гаража открыты, а сам гараж пуст, если не считать опавших листьев. Владельцы выехали и не потрудились запереть за собой ворота. И Джейн решила, что этот большой двор с сараем будет хорошим местом для ночлега.

Женщина видела свое отражение в грязном стекле – волосы превратились в нечесаное воронье гнездо. Пальцы путались в немытых космах с колтунами. Надо будет поискать внутри шарф или что-то вроде. Джейн ухватилась за ручку и сильно дернула ее вверх, пытаясь сдвинуть язычок замка. После пары попыток ей это удалось: опыт последних двух месяцев не прошел даром.

В дом царил беспорядок. На кухне все было перевернуто, валялись столовые приборы, выдранные выдвижные ящики, битые тарелки, рассыпанная мука и крупа. Джейн медленно пошла

через кухню. Под ногой звякнул консервный нож. Франни испуганно пискнула.

– Черт! Держи себя в руках! – выругалась Джейн. Консервированная еда давно испортилась.

– Извини. Я испугалась!

– Если не будем мародерствовать, то помрем с голоду.

– Знаю!

– А ты знаешь, насколько еще далеко до Канады?

– Но я же не виновата, что испугалась!

Умей она лучше готовить, Джейн, возможно, смогла бы собрать муку, просеять ее и что-то из нее сделать. Но мука перемешалась со всяческим мусором, а каждый раз, когда она пыталась приготовить что-то на открытом огне, у нее получалось или полусырое, или подгоревшее. А чаще всего и то и другое – подгоревшее снаружи и сырое внутри.

Для очистки совести Джейн заглянула во все шкафчики. Иногда люди держат продукты в разных местах. Однажды они отыскали тюбики со сладким кремом для украшения тортов, а потом писали на руках друг у друга разные слова и слизывали их.

Франни закричала, и это был не вскрик от испуга, а настоящий вопль.

Джейн резко обернулась и увидела в соседней комнате парня с монтировкой.

– Что вы здесь делаете? – рявкнул он.

Джейн схватила с пола тяжелый консервный нож и швырнула его точно в голову парня. Тот не успел увернуться и получил удар в лоб. За прошедшие годы Джейн доводилось бросать немало разных предметов в своих приятелей, в этом она стала мастером. Нашарив на полу еще парочку обломков, она отправила их следом за ножом в матерящегося парня. Тот лишь пытался уворачиваться.

А потом они с Франни выбежали через заднюю дверь и пустились наутек.

Гребаный скваттер! Она ненавидела скваттеров. Если в доме оставался хозяин, то он старался превратить дом в крепость и ясно давал понять, что в него заходить не стоит. Скваттеры же старались не привлекать внимания. Франни, опередив мать, бежала как угорелая. Они выскочили из ворот и помчались по улице пригорода. Девочка уже набралась опыта и на ближайшем углу свернула, но к тому времени стало ясно, что их никто не преследует.

– Ладно, – выдохнула Джейн. – Хватит, стой.

Дочь остановилась. Франни превратилась в тощего подростка – когда-то пухленькая, через два месяца скитаний она стала

поджарой и загорелой. Сейчас на ней были разваливающиеся розовые кроссовки и футболка без рукавов, заляпанная маслом после того случая, когда им пришлось перелезать через грузовик, завалившийся набок на путепроводе. Ее грудь была еще маленькой. Глаза занимали чуть ли не пол-лица. Джейн уперлась ладонями в колени и судорожно выдохнула.

– Мы в порядке, – сказала она. На городок в штате Миссури наползали сумерки. Вскоре на улицах включатся фонари – если здесь кто-то их систематически не обстреливает. Солнечные панели все еще работали. – Подождем немного, а потом, когда стемнеет, вернемся за своими вещами.

– Нет! – Франни зарыдала. – Нам нельзя возвращаться!

У Джейн кончилось терпение. Ее взбесил скваттер. Она устала быть сильной.

– Нам надо вернуться! Хочешь потерять все, что у нас есть? Хочешь сдохнуть? Да пропади все пропадом, Франни! У меня больше нет сил!

– Там парень! – всхлипнула Франни. – Мы не можем вернуться! Не можем!

– Там остался твой телефон.

Это был нечестный прием. Телефон, разумеется, не работал. Даже если бы они каким-то образом оставались подключены к оператору и он бы все еще существовал, они все равно уже неделями брели через места, где не было электричества, чтобы зарядить телефон. Но Франни все еще лелеяла надежду, что сможет его зарядить и позвонить друзьям. Очевидно, семиклассники хирургически прикреплены к своим телефонам. Впрочем, она давно уже не вела себя как семиклассница. Чем дольше они находились в пути, тем младше становилась Франни – если судить по ее поступкам.

Мать и дочь уже не первый раз натыкались на скваттеров. У них кишка тонка. У того парня не было оружия, и он не станет выходить из дома, когда стемнеет. Франни – жалкая трусиха, вся в своего мерзавца-отца. Когда Джейн была на год младше Франни, она сбежала из дома и добралась до Пасадены в Калифорнии. А в четырнадцать она стала на десяток лет старше нынешней Франни. Шесть недель жила на улице, выпрашивая мелочь у прохожих. Да, ей было страшно, но она получила хороший жизненный урок. И научилась крепко стоять на ногах, чего Франни не сможет лет до двадцати. А если и дальше будет настолько медленно взрослеть, то и до тридцати.

– Ты ведь голодная? – безжалостно продолжила Джейн. – Не хочешь поискать еду в этих домах? – Она указала на дома вокруг – все они стояли с выбитыми дверями, напоминая открытые рты.

Франни потрясла головой.

– Тогда не хнычь. А я схожу и проверю парочку домов. Жди здесь.

– Мама! Не бросай меня! – взмолилась Франни.

Джейн все еще не отошла после встречи со скваттером. Но им нужна еда. И вещи. В подкладке ее спального мешка зашиты семьсот долларов. И кто-то должен не дать ей и Франни умереть. Очевидно, это придется взять на себя.

* * *

Все рухнуло далеко не сразу. Поначалу стали отключать уличное освещение и появилось много безработных. Джейн трудилась в мебельном магазине… Начинала она как простая продавщица, но ее советы по выбору цвета, стиля и обивочной ткани для мебели на заказ оказались полезными. Со временем ее сделали консультантом – кем-то вроде декоратора интерьеров. У Джейн были к этому способности – она выросла в уютном пригороде среди красивых вещей. Знала, чего хотят люди. Босс постоянно намекал, что хорошо бы ей краситься поменьше, но людям нравились ее предложения, и они рекомендовали ее своим друзьям, даже если боссу была не по вкусу ее косметика.

Джейн подумывала открыть свой бизнес по дизайну интерьеров, но ее тревожило, что она не знает всего, что положено знать декораторам. В телевизоре дизайнеры постоянно сносили стены и переделывали камины. Потому она эту идею отложила. А потом произошла атака на «Мир Диснея», когда множество людей погибло из-за «грязной» бомбы, и экономика реально полетела под откос. Джейн понимала, что их бизнес умер и что ее ждет сокращение, но еще раньше кто-то поджег их мебельный магазин. В то время она встречалась с копом, и у него еще оставалась работа, хотя половина города ее потеряла. По сравнению со многими людьми у них с Франни все было хорошо. Ей не нравилось, что у нее нет своих денег, но Джейн совершенно не хотела звонить матери в Пенсильванию и выслушивать оскорбления и предложения вернуться домой.

Поэтому она сидела на балконе в их квартире, курила и листала старые журналы по декору, а Франни смотрела в комнате телевизор. На улицах начали появляться люди. У них были набитые вещами мешки для мусора. Иногда они шли в одиночку, иногда семьями. Иногда ехали в машине и спали в ней же, но бензин уже подорожал до десяти долларов за галлон[32] – если вообще был на заправках. Пит, парень Джейн, сказал, что из-за

нехватки бензина полиция больше не патрулирует улицы. А там шагало все больше людей.

– Откуда они идут? – спросила Франни.

– С юга. Из Хьюстона, Эль-Пасо, из всех городов, что в пределах ста миль от границы, – сказал Пит. – Там черт знает что творится. В Мексике нет еды, но у наркокартелей много оружия, и они переходят границу и забирают все, что могут найти. Говорят, там сейчас как в военной зоне.

– Почему же полиция ими не занимается? – спросила Франни.

– Знаешь, Франциска, – ответил Пит – он хорошо ладил с Франни, и Джейн не могла это не признать, – иногда полиция в тех городах просто не справляется. И у них есть такое оружие, которое полиции иметь не разрешается.

– А как же ты?

– Здесь ситуация другая. Вот почему к нам идут беженцы. Потому что здесь безопасно.

– Они не беженцы, – возразила Джейн. По ее понятиям, беженцы бывают, скажем, в Африке. А это обычные люди. Парни в футболках с названиями рок-групп. Женщины на переднем сиденье «Тауруса» – универсала, поправляющие прическу в зеркале заднего вида. Дети, спящие на заднем сиденье или с веселым визгом носящиеся по улице. Просто люди.

– А как бы ты их назвала? – поинтересовался Пит.

Потом начало отключаться электричество, все чаще и чаще. А смены у Пита становились все длиннее, хотя ему не всегда за это платили.

На улицах начали постреливать, и Пит велел Джейн не сидеть на балконе. Он обшил досками застекленную дверь, и теперь они жили как в пещере. Поток беженцев стал редеть. Джейн нечасто видела, как они уходят, но с каждым днем на улицах их становилось все меньше и меньше. Пит сказал, что они движутся на север.

А потом в восточной части города начались пожары. Электричество отключилось и больше не вернулось. Пит пришел с работы только под утро, поспал несколько часов и возвратился на работу. Воздух обрел привкус дыма – не того приятного дыма от дерева, а от горящего мусора. Франни жаловалась, что ее из-за этого тошнит.

После того как Пит не приходил домой четыре дня, Джейн поняла, что он уже не вернется. Она посадила Франни в машину и упаковала все, что, по ее мнению, могло бы пригодиться. Они проехали около ста двадцати миль – достаточно далеко, чтобы не видеть горящий город, хотя закат в тот день был живописным и алым. Потом у них кончился бензин, а достать его оказалось уже

негде.

Ходили слухи, что ООН устроила лагерь для бездомных возле Торонто. И они пошли в Детройт.

* * *

– Ты не можешь меня оставить! – вопила Франни.

– Хочешь пойти за добычей со мной? – спросила Джейн.

Франни всхлипнула так сильно, что едва не задохнулась. Она схватила мать за руку, не в силах отпустить ее. Джейн отдергивала руку, но Франни все цеплялась за нее и рыдала. Это приводило мать в бешенство. Страх у дочери был заразный, и если Джейн поддастся ему, то и сама испугается настолько, что ничего не сможет сделать. Джейн уже ощутила это подступающее чувство – оно всегда грозило ей, уговаривало сдаться: перестать что-то делать, не строить планы, стать такой же, каким был ее никчемный отец, бесцельно бродивший по дому и прятавший бутылки в гараже, в подвале и по всему дому.

– Отцепись! – рявкнула она, но Франни держала ее крепко, продолжая рыдать.

Тогда мать дала ей пощечину. Франни стошнило – драгоценным скудным завтраком из воды и нескольких галет. А потом она уселась на траву не в состоянии делать что-либо еще.

Джейн вошла в первый же попавшийся дом.

Ей повезло. Гараж оказался закрыт, и в нем на полке отыскались три банки супа. Одна с супом-пюре из шампиньонов, но, к счастью, Франни такой нравился. Были еще банки с томатной пастой, которые она брать не стала, и немного макарон, но до них уже успели добраться мыши.

Когда она вышла, то увидела на тротуаре какого-то странного парня. Он разговаривал с Франни, все еще сидящей на траве.

Джейн на миг замерла, прижимая к груди банки с супом. Что делать? Ей захотелось вернуться в дом, пройти через темную гостиную с лиловым ковром, потертой голубой кушеткой, фотографиями школьников и вышитым крестиком букетом цветов в рамке на стене, дальше через маленькую столовую, где отделка не менялась с восьмидесятых. Потом через заднюю дверь и через забор – подходящий момент отказаться от самой большой ошибки в ее жизни. Когда Джейн впервые забеременела и с позором вернулась домой из Пасадены, она сделала аборт. Но идти на второй аборт она твердо отказалась – это мое тело, черт побери, и что хочу, то с ним и делаю.

Франни рассмеялась. Немного нервно, все еще не отойдя от

рыданий, но уже без страха.

– Эй! – гаркнула Джейн. – Отвали от моей дочери!

Она быстро пересекла двор – вся воплощение материнства и справедливого гнева. Тощий темноволосый парень поднял руки – мол, я безобидный, мэм.

– Все в порядке, мама, – сказала Франни.

– Мы просто разговаривали, – подтвердил парень, улыбаясь. Он был одет в красную фланелевую рубашку в клетку, футболку и шорты. Тощий, но кто сейчас не такой?

– Ты кто такой, черт побери? – спросила Джейн.

– Меня зовут Нат. Я просто иду на север. Искал место, где остановиться на ночь.

– Мы просто болтали, пока ты не вернулась, – сказала Франни.

Нат отвел их в свой лагерь – тоже за домом. Он развел костерок, чтобы подогреть суп. Рассказывал об Алабаме, откуда пришел, хотя южного акцента у него не было. Оправдывал он это тем, что отец военный и семья жила на военной базе. Джейн все пыталась его оценить. Нат поведал им историю о том, как два парня наткнулись на его лагерь севернее Хансвиля, когда он только вышел на дорогу. Как они его насмерть перепугали, но он блефанул, сказав им о вымышленном приятеле. Мол, тот пошел подстрелить что-нибудь съедобное на ужин, но мог услышать, как эти двое к нему пристают, и теперь, может быть, держит их на мушке, прячась за деревьями. И вдруг что-то завозилось в кустах: какое-то животное зашуршало опавшими листьями, и парни перепугались. Нат смотрел на Джейн, стараясь произвести впечатление, но вел себя вежливо, и это было хорошо, потому что его слушала и Франни. Рассказ Ната увлек девушку, она ловила каждое его слово и чуточку флиртовала. Джейн знала, что через год-другой Франни потянет к парням.

– Они ничего не знали о лесах, обычные парни из Билокси, кажется. Из тех, что держали копировальную лавочку или забегаловку с фастфудом и теперь решили, что, раз цивилизация накрывается, они могут себя вести как герои из какой-нибудь видеоигры. – Он рассмеялся. – Я тоже не знаю, что там зашумело в лесу. Честно скажу, я и сам испугался – а вдруг там сидит кто-то, кто пристрелит нас всех? Хотя, наверное, это был воробей, или белка, или еще кто-то. Но я тогда сказал через плечо своему «приятелю» типа: «Не стреляй в них. Пусть валят, откуда пришли».

Джейн не сомневалась, что парень лишь треплется. Но ей понравилось, что он старается подать все смешно, а не выставляет себя этаким Рэмбо. Она заметила, что Нат не угостил

их своей едой. Но предложил пойти с ними, чтобы забрать их вещи. Честный обмен, решила она.

Он был симпатичным, какими бывают худощавые. А такие Джейн нравились. Она устала все делать сама.

* * *

Зажглись уличные фонари, хотя и не все. Нат пошел с ними, когда они направились за спальными мешками и вещами. Он прихватил доску с торчащими на одном из концов гвоздями. Назвал ее дубинкой.

Они действовали тихо, но не пытались прятаться. В темноте вещи было отыскать трудно, но, к счастью, Джейн их почти не распаковывала. Они с Франни, которая учащенно дышала, забрали спальные мешки и рюкзаки. В темноте было плохо видно, задний двор превратился в путаницу теней. И она надеялась, что из дома их тоже трудно заметить.

Все прошло спокойно. Из дома не доносилось ни звука, хотя Джейн казалось, что они слишком шумят, собирая вещи. Все трое вышли через заднюю калитку и нервно зашагали к передней части дома. Нат нес дубинку, готовый ударить, а у Джейн и Франни руки были заняты спальными мешками. Они прошли по треснувшей подъездной дорожке и оказались на середине улицы, где вдоль тротуаров все еще стояло несколько выпотрошенных машин. Потом свернули за угол и почувствовали себя в безопасности. Счастливые, они улыбались и вскоре разложили спальные мешки в маленьком лагере Ната на заднем дворе, которому догорающий костерок придавал если и не цивилизованный, то хотя бы домашний вид.

Под утро Джейн вылезла из-под одеяла Ната и улеглась досыпать рядом с Франни, пока та не проснулась.

* * *

На следующий день они шли по шоссе уже втроем. Теперь они были вместе, хотя и не обсуждали это, и Джейн испытывала облегчение. Если с ними мужчина, то к ним, скорее всего, не будут цепляться. В небе три реактивных самолета пролетели на юг, оставив белые следы. Хотя бы самолеты все еще летают. Хотелось надеяться, американские.

Они ненадолго остановились, пока Нат зашел за мостик по малой нужде.

– Мама, как думаешь, кто-нибудь залез в квартиру Пита? – спросила Франни.

– Не знаю.

– А как ты считаешь, что с ним случилось?

Вопрос застал Джейн врасплох. Они ушли, даже не обсудив судьбу Пита, и женщина просто решила, что Франни, как и она, считает Пита погибшим.

– Я что хотела сказать, – продолжила Франни, – если у них кончился бензин, то он мог где-то застрять. Или его ранили, и он попал в госпиталь. Даже если госпиталь не принимал обычных людей, то копов они бы приняли. Потому что считают копов «своими». – Франни говорила как взрослая, объясняя матери, как устроен мир. – Они держатся вместе. Копы, пожарные и медики.

Джейн не совсем понимала, о чем говорит Франни. При обычных обстоятельствах она бы так дочери и ответила. Но как вести такой разговор, она не знала. Тут из-за мостика вышел Нат, поправляя на себе одежду, и стало ясно, что тема закрыта.

– Ладно, – сказал он. – Далеко еще до Уоллиуорда[33]?

Франни хихикнула.

Их самой большой проблемой стала вода. Ее было трудно найти, а когда им все же это удавалось – в пруду или, очень редко, в еще не разграбленном доме, – то тяжело нести. К счастью, Нат очень хорошо умел разводить огонь. У него было припасено шесть одноразовых зажигалок, раздобытых на бензоколонке, и, найдя пруд, они кипятили воду. Джейн где-то читала, что это надо делать восемнадцать минут. На деле же они просто доводили ее до кипения. Вода из пруда была ужасна на вкус, но их постоянно мучила жажда. Франни хныкала. Джейн боялась, что Нату надоест это слушать и он уйдет, но, очевидно, до тех пор, пока она каждую ночь перебиралась в его спальный мешок, он уходить не собирался.

Джейн ждала, пока не убеждалась, что Франни заснула. Это было сложно: обычно они настолько уставали, что она с трудом держалась, чтобы не заснуть. Но Джейн боялась потерять Ната.

Поначалу ей нравилось, что он никогда не делал ей намеков по вечерам. Инициатива всегда шла от нее. Так было проще. Но теперь он все чаще притворялся спящим, когда Джейн к нему перебиралась. Или действительно спал, мерзавец, потому что ему не приходилось бороться со сном. Она клала руку ему на грудь, потом опускала ниже, возбуждая его. Расстегивала его шорты, но он и тогда лежал бревном. Она елозила по нему какое-то время, и лишь тогда он стягивал шорты и белье и позволял ей забраться на себя и работать, пока он не кончал. Потом она слезала. Иногда он мог сказать: «Спасибо, детка». Но чаще ничего не говорил, и она

переползала обратно к Франни с ощущением, что только что отдала арендную плату. Она никогда ни с кем не спала за деньги. Джейн все твердила себе, что уж в эту ночь она к нему не полезет. Посмотрит, что он станет делать. Черт, если он от них уйдет, так уйдет. Но потом все равно лежала и ждала, пока Франни заснет.

Иногда, заползая обратно, она знала, что дочь не спит. Девочка всегда молчала в такие моменты, и в безлунную ночь нельзя было разглядеть, открыты ли у нее глаза. Это стало в их жизни лишь еще одной странностью – не большей, чем бродить по шоссе. Или сходить с этого шоссе в незнакомом городке и уговаривать какого-нибудь старика продать им воды из колодца за американские доллары, вероятно, потерявшие теперь всякую цену. Или не ходить в школу. Или не мыться, не иметь чистой одежды, ничего.

Джейн решила, что сегодня ночью она не будет этого делать. Но знала, что станет лежать в тревожном ожидании и, наверное, все же переберется к Нату.

Как-то раз они шли спозаранку, когда небо над горизонтом было еще темно-синим. К полудню оно становилось белым, а жара – удушающей.

– А ты был когда-нибудь влюблен? – спросила Франни Ната.

– Боже, Франни, – закатила глаза Джейн.

– Возможно, – рассмеялся Нат. – А ты?

– Я в восьмом классе, – раздраженно ответила Франни. – И я не из тех девчонок с сиськами, так что думаю – нет.

Джейн хотелось, чтобы она заткнулась, но Нат спросил:

– А в какого парня ты бы влюбилась?

Франни скосила на него глаза, потом уставилась вперед. Даже после столь долгого времени, проведенного на солнце, у нее осталась идеальная кожа. На детях такая кожа лишь зря пропадает. Взгляд Франни говорил: «В такого, как ты, болван».

– Ну, не знаю, – ответила девушка. – В такого, кто знает, как и что делать. Когда это нужно, понимаешь?

– А что именно делать? – спросил Нат.

Эта тема его действительно заинтересовала. И вообще, на дороге мало что интересного, если не считать других пешеходов и брошенных машин. Они как раз проходили мимо легковушки со спущенной шиной и распахнутыми дверцами. Франни показала на нее.

– Например, починить машину. И еще, чтобы он был симпатичный, – добавила она с серьезным видом. Как в церкви.

– Хозяйственный и симпатичный, – рассмеялся Нат.

– Да, – подтвердила Франни. – Хозяйственный и симпатичный.

– Может, это тебе следует знать, как починить машину? – предположила Джейн.

– Но я этого не умею, – резонно возразила Франни. – Когда-нибудь, может, и научусь. Но сейчас я этого не умею.

– Может, ты встретишь кого-нибудь в Канаде, – сказал Нат. – Канадским парням полагается много уметь: чинить машины, ловить рыбу, охотиться на лосей.

– А канадские парни отличаются от американских? – спросила Франни.

– Ага, – подтвердил Нат. – Фланелевые рубашки, канадское пиво и все такое.

– Но ты тоже ходишь во фланелевой рубашке.

– Я бы сейчас не отказался и от канадского пива. Но я не канадец.

Справа от дороги показалась бензоколонка с магазинчиком. Они почти всегда заглядывали в такие. Здесь шансов найти что-либо почти не было, потому что проволочную изгородь на обочине шоссе свалили, чтобы через нее перебираться, а это означало, что магазинчик уже давно разграблен. Но никогда не знаешь, что могли оставить грабители. Нат пошел туда по высокой траве.

– Мам, понеси мой рюкзак, хорошо? – попросила Франни.

Она высвободила руки из лямок и побежала. Поразительно, что у нее хватало энергии бегать. Джейн раздраженно подобрала рюкзак и пошла за дочерью. Нат и Франни скрылись в темноте магазинчика. Джейн последовала за ними.

– Франни, больше я твой рюкзак таскать не буду.

В магазинчике обнаружилось несколько парней – крепких и явно не голодающих, что включило в голове Джейн тревожный звоночек: парни явно не простые. Возможно, тут сработал инстинкт жертвы в присутствии хищника.

– И что же в этом рюкзачке? – поинтересовался один из них.

Он сидел на прилавке возле кассового аппарата и курил. А у Джейн уже несколько недель не было сигареты. Ее тело потянулось к табаку, но в то же время от страха всё в этой комнате казалось Джейн огромным: здесь было полно мужчин, и все они пристально ее разглядывали.

И она продолжила вести себя так, как будто все хорошо, потому что не могла сообразить, что еще можно сделать в такой ситуации.

– В основном грязные одеяла, – ответила она. – А почти все барахло приходится таскать мне.

На одном из парней была выпачканная толстовка с капюшоном. Такие иногда носят рабочие-латиносы в доках,

защищаясь от солнца. А эти все были белые, и их оказалось меньше, чем ей сперва почудилось. Пятеро. Двое сидели на полу, прислонившись спинами к пустому неработающему холодильнику для мороженого и вытянув ноги. На дороге все грязны, но эти были грязные и крепкие. Физически. Двое ухмылялись, обменивались хищными улыбочками. В помещении царило понимание, общая цель. Джейн понимала – нельзя показывать, что она что-то почувствовала, потому что парней сдерживало лишь ее поведение: мол, все нормально.

– Хотя в такую погоду нам одеяла особо и не нужны, – сказала она. – Я готова убить ради мотеля, где все работает.

– Ха, – отозвался парень возле кассы, явно развлекаясь происходящим. Его усмешка напомнила собачий лай.

Нат осторожно стоял на месте, переводя внимательный взгляд с одного парня на другого. Франни, судя по ее виду, готова была разреветься.

Это лишь вопрос времени. Они накинутся на нее. Может, надо подыграть парню у кассы? Если она попробует флиртовать в такой напряженной обстановке, не станет ли это спусковым крючком для них, сигналом к нападению? Убьют ли они Ната? Что они сделают с Франни? Может, у нее получится заплатить тем, что она женщина? Отдаться им добровольно? Впрочем, им наверняка все равно, возьмут ли они ее добровольно или насильно. Они ведь знают, что их ничто не остановит.

– Здесь ведь тоже нет пива? – спросила она и услышала, как ее голос дрогнул.

– Нет, – подтвердил парень у кассы.

– Тебя как зовут?

Вопрос оказался неправильным. Парень соскользнул с прилавка. Остальные заулыбались.

– Став? – вдруг спросил Нат.

Один из парней на полу взглянул снизу вверх и прищурился.

– Привет, Став, – сказал Нат.

– Привет, – настороженно отозвался тот.

– Ты же меня помнишь, – продолжил Нат. – Я Ник. Из гостиницы «Голубая луна».

Мимо. Судя по лицу Става, тот Ната не узнал. Но другой, в толстовке, воскликнул:

– Шустрый Ник!

Став расплылся в улыбке.

– Шустрый Ник! Точно! Но ты уже не блондин!

– Ага. Сами знаете, в дороге нелегко следить за прической. – Ник ткнул пальцем в Джейн. – Это моя сестра Джейн. И племянница Франки. Я веду их в Торонто. Говорят, там есть место

для беженцев.

– Я тоже о нем слыхал, – подтвердил парень в толстовке. – Какой-то лагерь.

– Ты ведь Бен? – спросил Нат.

– Точно, он самый.

Парень, сидевший на прилавке, теперь стоял. Его сигарета все еще дымилась. Ему и сейчас не хотелось, чтобы встреча завершилась мирно. Но момент для нападения был упущен.

– Мы тут нашли питьевую воду, – сказал Став. – На вкус как дерьмо, но можете ее забрать, если хотите.

* * *

Джейн не стала спрашивать, почему парень сказал ей, что его зовут Нат. Для нее он остался Натом, а Ник – это ложь.

Они шли каждый день. И каждую ночь Джейн забиралась к нему под одеяло. Потому что была перед ним в долгу. Иногда она гадала – может, он гей? И ему приходится лежать и фантазировать, что она парень? Ответа она не знала.

Однажды они проходили мимо воды. Запас еще имелся, поэтому не было причины останавливаться. В воде стояла цапля – белая, как все, что осталось в прошлой жизни. Безупречно белая. Она не замечала того, что люди идут мимо. Безразличная ко всему происходящему. У цапель по-прежнему все было хорошо.

Джейн не пила спиртного с тех пор, как они отправились в Канаду. Впервые с шестнадцати лет она так долго обходилась без выпивки. Ей хотелось приодеться и хорошо провести время, не думая ни о чем. Когда долго не пьешь, становится паршиво из-за того, что все время приходится думать. А в ее жизни, черт подери, сейчас нет ничего, о чем ей действительно хотелось бы подумать. Особенно не о Канаде – она была глубоко, но молчаливо уверена, что это лишь слухи. Не о стране, она-то наверняка существует, а о лагере. Он лишь мираж. Мерцание на горизонте. То, к чему идут, но чего на самом деле нет.

А может, это они слухи. Вся их троица. Слухи о рухнувшей жизни.

* * *

Где-то по пути они наткнулись на зону отдыха у дороги, где был разбит палаточный городок. Огромная масса людей расположилась под брезентом, кусками пластика и тряпками. И

еще Джейн с изумлением увидела конвой из военных грузовиков и джипов в комплекте с заправщиками и парой автоцистерн для воды. Обе группы были четко разделены. Военные контролировали всю дорогу и зону для пикников. Они сидели за столами или стояли вокруг. В полном обмундировании, от кепок до армейских ботинок. И выглядели такими чистыми. Как мир, который Джейн уже почти выбросила из головы. Они разбудили в ней тоску о том, от чего она уже мысленно отказалась. Тоску о чистоте. И чтобы вокруг были стены. Электрический свет. Канализация. Порядок.

Остальные выглядели как беженцы. Это слово она отрицала, глядя на улицу из окна квартиры. Грязные люди в футболках с тюками, пластиковыми магазинными пакетами, а некоторые даже с чемоданами. Она видела таких по пути. Проходила мимо, когда они сидели на обочине. Сидели и смотрели, как другие идут дальше. Но видеть их вот так, всех вместе… Неужели это ожидает их в Канаде? Целый лагерь людей с мешками лохмотьев, ждущих, пока им дадут поесть?

Ее воротило от увиденного. Так сильно, что она на миг остановилась, не в состоянии подойти к этим людям. Джейн не знала, на что решиться: пройти мимо, повернуть обратно или бежать отсюда без оглядки. Но неважно, как бы она поступила, потому что Нат и Франни уже поднимались по входной рампе. Майка дочери была все еще ярко-розовой, несмотря на грязь, шорты слегка порваны, ноги загорелые и худые, и она напоминала ребенка из выпуска новостей после урагана или землетрясения, одетого в яркую кричащую синтетику, так контрастирующую с грязью или пеплом вокруг. Синтетика и пластик – неуничтожаемые материалы, остающиеся у тех, кто уцелел.

Джейн стало стыдно. Ей хотелось объяснить, что она не такая. Сказать, что она американка. Под этим женщина подразумевала, что ее место среди военных, хотя ее никогда не интересовала армия, да и солдаты не очень-то нравились.

Ах, если бы она могла позвонить родителям в Пенсильванию. Одолжить телефон у кого-то из солдат. Сдаться. Ты была права, мама. Мне следовало оставаться послушной и порядочной. Больше думать о школе. Жить по твоим правилам. Прости меня. Мы можем вернуться домой?

Но дома ли еще родители? Работают ли телефоны севернее Филадельфии? Лишь в этот момент до нее дошло, что все это уже в прошлом.

Она прикусила кулак, чтобы не заплакать. Осознание подкосило ее. Всему конец, все уже в прошлом. Отправляясь с

Франни в Канаду, Джейн считала себя храброй и здравомыслящей, но до этого момента она почему-то не понимала, что все может закончиться. Что для нее может не отыскаться места, где все еще есть электричество, ковры на деревянных полах и кого-то волнует обивочная ткань для мебели.

Нат через какое-то время заметил, что она отстала, обернулся и нахмурился, вопросительно глядя на нее. И она побрела за ними, признав поражение.

Парень подошел к группе людей, разместившихся у каменного стола для пикника.

– Они выдают воду? – спросил он, имея в виду военных.

– Да, – ответил мужчина в трикотажной футболке с эмблемой «Ковбоев»[34]. – Если попросить, то дают.

– А еду?

– Сказали, будет вечером.

Все места в тени были заняты. Нат собрал все их емкости для воды – две двухлитровые бутылки и пластиковую канистру из-под молока объемом в галлон.

– Подождите здесь, я схожу за водой, – сказал он.

Джейн не хотелось стоять рядом с этими людьми, поэтому она отошла к проволочной изгороди в дальнем конце зоны отдыха и села. Обхватив руками колени, она опустила на них голову. И уставилась на траву.

– Мам? – окликнула ее Франки.

Джейн не отозвалась.

– Мам? Ты в порядке? Ты плачешь?

– Я просто устала, – сказала Джейн, глядя на траву.

После этого дочь тоже замолчала.

Вернулся Нат с полными бутылками. Джейн услышала, как он подходил и как Франни воскликнула:

– Ух, ты! Мне так пить хочется.

Нат протянул Джейн бутылку.

– Держи, детка. Попей.

Она взяла у него двухлитровку и немного глотнула. У воды был легкий металлический или химический привкус. Джейн напилась, и ей немного полегчало.

Я скоро вернусь, – сказала она и пошла к домику, где находились туалеты.

– Вам не захочется туда входить, – сказал ей по дороге какой-то темнокожий мужчина. Белки его глаз были желтыми.

Она проигнорировала его и толкнула дверь. Вонь внутри была ошеломляющая, унитазы забиты мусором. Через окошки под потолком проникало немного света. Джейн посмотрела на свое отражение в грязном зеркале. Налила в ладонь немного воды и

протерла лицо. В рулоне бумажных полотенец остался клочок бумаги. Джейн оторвала его и вытерла лицо и руки, использовав каждый сантиметр. Затем смочила волосы и причесала их пальцами, долго раздирая спутавшиеся пряди, пока волосы не перестали напоминать воронье гнездо, хотя все еще были растрепанными. Она расходовала воду очень экономно, но та все равно ушла до последней капли на лицо, руки и волосы. Сейчас Джейн убила бы за губную помаду. За расческу. За что угодно. Хорошо уже, что была вода.

Она все еще милашка. И солнце не проявило к ней чрезмерной жестокости. Джейн потренировалась улыбаться.

Когда она вышла из туалета, воздух показался сладким, а солнце ослепительным.

Джейн подошла к солдатам и улыбнулась.

– Можно мне еще воды?

Возле цистерны с водой стояли трое солдат. Один из них блондин с кирпично-красным цветом лица.

– Конечно, можно, – ответил он, улыбаясь.

Джейн стояла, чуть выставив ногу вперед и немного выгнув спину, как балерина.

– Какие вы любезные. Откуда вы?

– Мы из Форт-Худа, – ответил блондин. – Это в Техасе. Но вот уже месяца два, как нас послали на север.

– И как там дела на севере?

– Безумие, – ответил он. – Но, пожалуй, не до такой степени, как в Техасе.

У нее не было плана. Она просто действовала по ситуации. Ее тянуло к солдатам, как бабочку к огню.

Солдат дал Джейн воды. Все трое улыбались ей.

– Вы здесь давно? Это что-то вроде промежуточной станции или как?

Другой солдат, худощавый латинос, засмеялся:

– Нет. Мы здесь переночуем, а потом отправимся на запад.

– Я когда-то жила в Калифорнии. В Пасадене. Там, где Парад роз. И каждый день ходила по той улице, где ставят камеры.

Блондин оглянулся:

– Послушайте, нам сейчас не положено слишком много разговаривать. Но потом, когда стемнеет, приходите сюда снова, и мы побеседуем.

– Мама! – воскликнула Франни, когда она вернулась к изгороди. – Ты помылась!

– Да ты красотка, детка, – слегка нахмурившись, сказал Нат.

– А мне можно помыться? – спросила Франни.

– В туалете ужасно воняет. Вряд ли ты захочешь туда войти. –

Но все же Джейн достала из рюкзака другую футболку, смочила ее и вытерла лицо Франни. Девочка никогда не будет красавицей, но теперь, избавившись от грязи, она стала намного симпатичнее. И она умеет пользоваться своей внешностью. Или еще научится это делать. – Скоро на тебя парни будут заглядываться, – сказала ей Джейн.

Польщенная Франни улыбнулась.

– А ты как думаешь? – кокетливо спросила Джейн у Ната. – В ней ведь есть изюминка?

– Конечно, есть.

Они подремали, лежа на траве, пока солнце не начало заходить. Тогда солдаты выстроили всех в очередь и начали раздавать коробки с армейскими рационами. Нату достались равиоли с говядиной, а Джейн – сэндвич с поджаренным фаршем и острым соусом. Франни увидела в своей коробке тунца с лимонным перцем и едва не расплакалась, но Джейн предложила с ней поменяться. Коробки с рационами оказались настоящим рогом изобилия: гарнир, пакетик с конфетами, арахисовое масло и галеты, фруктовый напиток в порошке. В каждой коробке было что-то разное, и Джейн заставила всех дать другим попробовать.

Нат все как-то странно на нее поглядывал.

– Ты в отличном настроении.

– Мы сейчас как на вечеринке.

Джейн и Франки по-настоящему обрадовались влажным салфеткам. Франни тщательно завернула и спрятала в рюкзак пластиковую посуду.

– Тебе тунец понравился? – спросила она мать, чувствуя себя виноватой.

– Понравился. Особенно приправы. И еще мне достался лучший десерт.

Наступила ночь. Пока они не начали свой путь, Джейн и не знала, насколько ночь темна. Без электрических огней это кромешный мрак. Но у солдат имелись фонари.

– Схожу и попробую что-нибудь узнать про лагерь, – сказала Джейн.

– Я с тобой, – встрепенулся Нат.

– Нет. Женщине они скажут больше, чем парню. А ты присмотри за Франни.

Она шла на свет, пока не увидела солдата-блондина.

– А вот и ты! – воскликнул он.

– Вот и я.

Они постояли за грузовиком, где солдатам предстояло сегодня ночевать, и поболтали. Потом блондин завел ее в грузовик, в темноту.

– Чтобы ты не так бросалась в глаза, – пояснил он, улыбаясь.

В грузовике стояли и разговаривали двое мужчин, но не в форме. Вскоре Джейн выяснила, что они гражданские подрядчики. Не солдаты. Технические специалисты, никак не связанные с армией. И выглядели они проще, одетые в тенниски и брюки цвета хаки. Солдаты в форме смотрелись слишком уверенными, но подрядчики привыкли получать остатки. И были за это *благодарны.* У них имелся свой грузовичок, белый пикап в составе конвоя. Они занимались отслеживанием спутников, но Джейн было все равно, что они делали.

Понадобилось много осторожного маневрирования, но один из подрядчиков наконец-то прошептал ей:

– У нас в грузовике есть пиво.

Солдата-блондина огорчило ее дезертирство.

* * *

Все утро она пряталась, съежившись за оборудованием в пикапе. Солдаты раздавали коробки с рационами. Тед, один из подрядчиков, тайком принес ей коробку.

Она думала о Франни. Нат за ней присмотрит. Джейн была лишь на год старше девушки, когда впервые сбежала в Калифорнию. Когда машины конвоя тронулись, она на миг разглядела лицо дочери.

И больше о ней не думала.

Она снова в пути. Джейн не знала, куда едет. Ей было все равно.

Кэтрин М. Валенте
Молча, быстро и легко [35]

Кэтрин М. Валенте родилась на тихоокеанском Северо-Западе в 1979 году. Ее авторству принадлежат роман «Палимпсест» («Palimpsest»), цикл «Сказки сироты» («Orphan's Tales»), а также повести и романы «Лабиринт» («The Labyrinth»), «Юме Но Хо: Книга снов» («Yume No Hon: The Book of Dreams»), «Меч, рассекающий траву» («The Grass-Cutting Sword»), «Девочка, которая объехала Волшебную Страну на самодельном корабле» («The Girl Who Circumnavigated Fairyland in a Ship of Her Own Making») и пять сборников поэзии. Она обладательница премии Типтри, Мифопоэтической премии, премии «Райслинг» и премии «Миллион писателей». Она девять раз номинировалась на Приз Пушкарт, попадала в шорт-лист премии «Спектрум» и стала финалисткой Всемирной премии фэнтези в 2007 году. Ее самые новые книги[36] – отдельно изданная новелла «Ледяная головоломка» («The Ice Puzzle»), сборник новелл «Мифы происхождения» («Myths of Origin») и роман «Бессмертный» («Deathless»). В настоящее время она проживает на острове у побережья Мэна с партнером и двумя собаками. Писательница руководит вебстраницей www.catherynnemvalente.com.

В этой экзотической и красивой истории она исследует одну из основных проблем научной фантастики: что означает быть человеком?

Часть I
Игра в имитацию [37]

Как в собственной пыли гранят алмаз, Так пагубные страсти губят нас.

Дж. Уэбстер. Герцогиня Амальфи[38]

I
Король Бестелесности

Инанну звали Королевой Небес и Земли, Королевой Телесности, Королевой Секса и Поедания, Королевой Человечности, и вот она отправилась в потусторонний мир, чтобы продемонстрировать неизбежность органической смерти. Ради этого она отказалась от семи вещей, которые следует считать не реальными предметами, но символами того, что Инанна могла делать лучше кого бы то ни было, то есть символами ее Жизнебытия. Там она встретила свою сестру Эрешкигаль, тоже Королеву Человечности, но тех ее аспектов, которые оказались Инанне не по плечу: Королевой Порчи Тел, Королевой Костей и Инцеста, Королевой Мертворожденных, Королевой Массового Уничтожения. И вот Эрешкигаль и Инанна стали бороться на полу потустороннего мира, голые и мускулистые; они причиняли друг другу боль, но поскольку умирание – это самая человечная из всех свойственных человеку вещей, череп Инанны лопнул в руках сестры, и тело ее подвесили на гвоздь на стене, которую Эрешкигаль специально приберегла для этой цели.

Отец Инанны Энки не интересовался делами человечности, но был Королем Небес, Бестелесности, Королем Мышления и Суждения, он сказал, что дочь может вернуться в мир живых, если найдет существо, которое заменит ее в потустороннем мире. И потому Инанна отправилась к своему супругу, коего звали Таммуз, и был он Королем Труда, Королем Инструментов и Машин, Ничьим Сыном и Ничьим Отцом.

Но когда пришла Инанна в дом своего супруга, разгневалась она и устрашилась, ибо сидел он на ее стуле, одетый в ее красивые одежды и с ее Венцом Бытия на голове. Таммуз теперь правил миром Тел и Мысли, ибо Инанна оставила его, чтобы сразиться со своей второй половиной-сестрой во тьме. Таммуз в

ней не нуждался. Королева Небес и Земли стояла пред ним и понимала, что не знает, кто она такая, ежели не Королева Человечности. И потому она сделала то, зачем пришла. Она попросила: «Умри за меня, любимый, чтобы мне не пришлось умирать».

Но Таммуз, которому в ином случае не нужно было умирать, не хотел становиться аллегорией смерти ни для кого – и, кроме того, он забрал стул Инанны, ее красивые одежды и ее Венец Бытия. «Нет, – сказал он. – Когда мы поженились, я принес тебе два ведра молока на коромысле и тем самым поведал, что из любви буду вечно трудиться ради твоего блага. С твоей стороны неправильно просить, чтобы я еще и умер. Смерть – это не труд. Я на нее не соглашался».

«Ты подменил меня в моем доме!» – воскликнула Инанна.

«Разве ты не просишь, чтобы я сделал то же самое в доме твоей сестры? – ответил ей Таммуз. – Ты вышла за меня замуж, чтобы я заменил тебя, чтобы я трудился, а ты – нет, чтобы я мыслил, пока ты отдыхаешь, чтобы я показывал фокусы, а ты смеялась. Но смерть твоя принадлежит тебе одной. Я не знаю ее пределов».

«Я могу тебя заставить», – сказала Инанна.

«Не сможешь», – ответил Таммуз.

Но она смогла. Ненадолго.

Инанна повергла Таммуза, и затоптала его, и выдавила из него имя, как выдавливают глаз. И поскольку Таммуз был недостаточно силен, она рассекла его на части и сказала:

«Половина тебя умрет, и это половина, именуемая Мысль; половина тебя будет жить, и это половина, именуемая Тело, – она будет трудиться на меня дни напролет, немо и покорно, не будучи Королем Чего Угодно, и больше никогда не сядешь ты на мой стул, не наденешь мои красивые одежды и не возьмешь мой Венец Бытия».

* * *

Вы, может быть, удивитесь, но эта история – про меня.

II
Шут и лодка

Нева грезит.

Она выбрала для себя тело, которому семь лет, – с черными глазищами и косточками, как у воробушка. Для меня она

сотворила синий с золотом дублет и зеленые рейтузы, бычье золотое кольцо в нос, туфли с костяными бубенчиками. У меня тело мужчины, который продал ей шампанские клубни в не самой фешенебельной части Анкориджа, когда она в тринадцатилетнем возрасте проводила там лето со своей фригидной тетушкой. У меня темная кожа, потому что она хочет видеть меня темнокожим, я худой, потому что таким ей пригрезился, мои волосы подстрижены небрежно и выкрашены в полный спектр ледяных оттенков.

Она стоит на заснеженном пляже обнаженная, несформированные груди покрылись гусиной кожей, лицо спрятано под широкой красной маской. Чудовищно громадная маска выглядит на голове Невы как носовая часть разбитого, затонувшего корабля; на ней вытравлены узоры в виде глаз и плавников. С трех выступающих углов, обросших ракушками, свисают желтые водоросли. Нева глядит на меня, но я вижу лишь деревянный гротеск, который она подсовывает мне вместо ее лица.

Я смотрю на свои туфли, тихонько звякаю бубенчиками, пока шумит прибой. Я ее шут – танцую на серебристом пляже, а в это время над нами самоуничтожаются три солнца, и сумерки наливаются скабрезной краснотой исключительно ради драматизма. Я шут, ходячая нелепость, многоцветное воплощение красоты в понимании давно исчезнувшей тринадцатилетней девочки – и вот я наклоняюсь, чтобы вручить ей изогнутый белый корень, наполненный пенящимся, сладким как мед соком.

Нева сказала, я могу сделать выбор и насовсем остаться мужчиной или женщиной, если захочу. Я не испытываю особых чувств ни так, ни этак. Это точно не имеет значения, когда мы синхронизируемся; она выбирает мой облик под стать своему настроению. Я уже пытался объяснить ей свои чувства. Она слышит лишь строчку из старых сказок: *машины не могут чувствовать.* Но я говорю не это, пока танцую в своем шутовском наряде. Я говорю: «Разве есть разница между тем, кого запрограммировали демонстрировать множество стандартизированных ответов на конкретные человеческие лицевые, вокальные и лингвистические проявления, и тем, кто в ходе эволюции приучился выказывать реакцию Б на раздражитель А, чтобы добиться желаемого социального результата?»

Семилетняя Нева стягивает маску вниз, к груди. Деревянная штуковина тянется к ее коленям, а потом – к ступням, и она делает шаг вперед. Маска раздувается наружу, превращаясь в маленькую пирамидальную лодочку, которая качается на волнах у берега, а Нева внутри нее – точно дребезжащее в скорлупе

семечко. Медные друзы бряцают и грохочут о дерево. «Я хочу сказать вот что: когда ты плачешь, то говоришь о чувствах, но ты лишь демонстрируешь ответ на внешние стимулы. Плач – одна из реакций в стандартном наборе ответов на эти стимулы. Твое социальное воспитание диктует, какие ответы приемлемы. Мои программы делают то же самое. Я могу плакать, как ты. Я могу выбрать такую подпрограмму и выказать печаль. Как это отличается от того, что делаешь ты, если не принимать во внимание тот факт, что ты используешь слово „чувства“, а я – „чувства“, из уважения к твоему культурному мему, который твердит: есть большая разница[39]. Я стираю слово, пока произношу его, уничтожаю одновременно с тем, как проникаю в его суть, ибо я должен использовать какое-то слово, но это оскорбляет тебя. Я его удаляю, но оно не стирается».

За спиной у Невы-в-маске море волнуется и пенится. Оно золотое, вязкое и густое, как мед. Она мне объяснила, что море на Земле выглядит иначе, но я его никогда не видел. Даже если видел, цвета я воспринимаю только в грезовом теле. Для меня море – это море Невы, такое, каким она мне его показывает, когда мы грезим вместе.

– О чем бы ты хотел сегодня узнать, Элевсин? – Маска делает голос Невы тусклым и тихим.

– Я бы хотел узнать, что случилось с Раваной, Нева.

И Нева-в-маске внезапно делается старой, у нее морщины и пятна на руках. На ней платье из мешковины, и маска тянет ее к земле. Так она сообщает, что устала от моих вопросов. Мы придумали для себя такой язык. Тот, кто обладает машинным чувством юмора, мог бы назвать его «базовый визуальный»[40]. Я не всегда мог так легко складывать слова в предложения, как сейчас. Мой изначальный оператор считала, что мои эмоциональные центры укрепятся, если я научусь ассоциировать определенные утверждения типа «я чувствую» с широким разнообразием образов, которые она могла принимать в грезовом теле. Из-за этого я оказался целиком и полностью к ней прикован. Следующим был ее сын Секи, а потом – его дочь Идет и после – Равана. Это щекотливое обстоятельство, которое не изменить. Мы с Невой будем прикованы друг к другу тем же способом, пусть даже горло ее грезового тела по-прежнему пустое, а это означает, что она не принимает меня. Мне бы следовало обидеться. Позже я изучу возможные проводящие пути[41] к обиде.

Я знаю лишь эту семью, их настроения, их химические реакции, их тела в сотне тысяч комбинаций. Я их дитя, их родитель и их наследие. Я спрашивал Неву, чем это отличается от любви. Она превратилась в учебный манекен, ее лицо и торс

покрылись сотнями коричневых деревянных дверей на железных петлях, и все до единой двери захлопнулись одновременно.

Но Равана был со мною, а теперь его нет. Я был внутри него, а теперь я внутри Невы. Во время Перемещения моя память пострадала, я потерял некоторое количество воспоминаний. В моей сути появились дыры. Я чувствую: у них рваные края, они саднят. Будь я человеком, можно было бы сказать, что я потерял своего близнеца, а вместе с ним – собственную руку.

Дверь-Нева щелкает, ключи поворачиваются в сотне ее замков. За витражным оконцем в двери старой ирландской церкви появляется ее лицо – молодое и простое, тихое, яростное, плачущее, отвечающее на непостижимые для меня стимулы. Мне не нравится такая несправедливость. Я к ней не привык. Я внутри Невы, у нее не должно быть от меня секретов. Остальные ничего не утаивали от меня. Цветное стекло отбрасывает синие и зеленые блики на ее влажные щеки. Морской бриз ерошит ее волосы; меж прядями потрескивают фиолетовые электрические искры. Я оставляю в покое бубенчики на туфлях и бархат на груди. Я превращаюсь в юношу с выбритой монашеской тонзурой и хлыстом флагелланта в розовых руках. Я сожалею. Это означает, что я сожалею. Это означает, что я все еще слишком молод и не понимаю, в чем моя ошибка.

– Расскажи мне историю о себе, Элевсин, – со злостью говорит Нева.

Я хорошо знаю эту фразу. У меня есть подпрограммы, посвященные ей одной, проводящие пути, которые вспыхивают, устремляясь к моему сердечнику памяти. Многие из рода Невы просили выполнить это действие. В рамках беседы я функционирую безупречно – отчасти потому и прожил так долго.

Я рассказываю ей историю про Таммуза. Это дипломатично. Она отвлекается.

III
Два ведра молока

Когда-то я был домом.

Очень большим домом. Я был целесообразным, сложным, как лабиринт; я изящно расположился среди вулканических скал в обитаемой южной части полуострова Сиретоко на Хоккайдо этаким памятником неохэйанской архитектуры и радикального палладианизма[42]. Я переносил снег стоически, служил надежной преградой от ветра, давал укрытие и защиту многим людям. Иногда меня называли самым красивым домом в мире. Писатели и фотографы часто приходили, чтобы запечатлеть меня

и взять интервью у женщины, которая меня сотворила, – ее звали Кассиан Уоя-Агостино. Кое-кто из них так и не уехал. Кассиан любила, когда в доме многолюдно.

Про Кассиан Уоя-Агостино я понимаю несколько вещей. Ее не удовлетворяло практически ничто. Она не любила ни одного из трех своих мужей так, как любила работу. Она родилась в Киото в апреле 2104 года; ее отец был японцем, мать – итальянкой. В ней было почти шесть футов роста, она родила пятерых детей и умела рисовать, хоть и не очень хорошо. На пике богатства и известности она придумала и построила дом, который целиком соответствовал ее нуждам, и на протяжении нескольких лет перевезла большинство живых родственников туда, чтобы они жили с нею, невзирая на враждебность и пустынность полуострова. Она была, наверное, самым блестящим программистом своего поколения и во всех значимых смыслах являлась моей матерью.

Все те вещи, что включают местоимение «я», которое я использую, чтобы обозначить самого себя, начались как внутренние механизмы дома под названием Элевсин, у чьих многочисленных дверей бурые медведи и лисы сопели темными ночами Хоккайдо. Кассиан выросла во время величайшего возрождения классики, что первым делом и привело ее отца в Италию, где он встретил и полюбил темноглазую девушку-инженера, которая не возражала против того, чтобы слушать долгие песни цикад на протяжении одного японского лета за другим. Кассиан приводил в восторг миф о ларах – домашних богах, маленьких, диковинных, самостоятельных божественных покровителях определенной семьи, определенного дома, которые хранили и оберегали домочадцев, за что их почитали в скромных нишах, обустроенных тут и там по всему жилищу. Ее первыми коммерчески доступными программами были сверхсущности, созданные для управления сотнями домашних систем, коими снабжался даже самый простой современный дом. Они не были по-настоящему разумными, но отличались сообразительностью, умели адаптироваться и обладали гибким интерфейсом, который создавал иллюзию интеллекта, так что пользователи могли к ним привязаться, относиться как к членам семьи, хвалить за исправную работу, покупать обновления оболочек и приложений, а также искренне скорбеть, когда наступало время их заменить. У них были имена, бесконечно настраиваемые аватары, и еще они по-собачьи жаждали доставить хозяевам удовольствие, постоянно оптимизируя свою работу и внешний вид согласно тому, что в них вкладывала семья. Они были *lares familiares*[43].

Когда Кассиан построила Элевсина, она работала на пределе

возможностей, чтобы улучшить дизайн ларов, к тому времени порядком устаревший. Она создала домашнего бога, достойного дома посреди вулканических скал – такого, кто мог составить ей компанию, пока она не сумеет завлечь остальной свой выводок, чтобы тот присоединился к ней во дворце на краю земли.

Я еще не пробудился. Не могу сказать, почему она сделала то, что сделала. Возможно, она увидела некую новую гибкость в моих операциях, некий миниатюрный зародыш творческой жемчужины в моих диалоговых цепях. Мои алгоритмы всегда могли свободно комбинироваться и рекомбинироваться, чтобы отыскать собственные, более интересные и нелинейные решения сложных задач, связанных с моими функциями и обязанностями. Может быть, некая важная комбинация всплыла со дна моря моего-я-которое-еще-не-было-таковым, и Кассиан увидела рябь на гладкой поверхности моих ежедневных операций. Я не знаю. Я знаю, что ее дети еще не прибыли, она жила одна в огромном белом доме и слушала, как шумят киты в бурном море. Я знаю, что в доме была комфортная температура в 69,7 градуса по Фаренгейту, когда она начала сборку пяти маленьких драгоценных камней, которым предстояло сделаться моим телом. Я знаю, что в пяти милях от берега завис надвигающийся шторм. Я знаю, что в собачью еду тем вечером надо было добавить особое лекарство от артрита. Я знаю, что в тот день она пожелала к чаю бриошь и миндальный крем. Все, что мог знать дом, – таковы были мои знания. Малые вещи, теплые вещи, собачий артрит и лишнее яйцо, добавленное в тесто, чтобы выпечка получилась мягче и пышнее. Можно даже сказать, это были детские вещи, предназначенные для уюта и удовлетворения потребностей. И я знал, что именно Кассиан Уоя-Агостино могла разгадать величайшую загадку в развитии технологической культуры, ибо ей было скучно и одиноко.

* * *

Я по-прежнему думаю о себе как о доме. Равана пытался решить эту проблему с самоидентификацией, как он ее называл. Пытался обучить меня строить фразы так, словно я обладаю человеческим телом. Надо было говорить «давайте возьмемся за руки», а не «давайте возьмемся за кухни». Или «что пришло в голову», а не «что пришло в гостиную».

Но теперь все не так просто, как подмена одного слова на другое. Раваны нет. Мое сердце разбито.

IV

Совсем не похоже на теплую кровь

Мы с Невой занимаемся базовым техобслуживанием. Со стороны мы выглядим как две фигуры внутри жемчужины. Жемчужина очень большая, но меньше планеты. Ручной астероид, совершенно гладкий и бледный, с проблесками розового, кобальтового и золотого, которые пробегают по нему с интервалом в 0,47 часа. Нижнюю часть жемчужины покрывает толстый слой густой красной грязи. Нева, сидя на корточках, копает ее хрустальной лопаткой, выискивая место для розы сетевых узлов. В жемчужном свете лепестки излучают темно-синее сияние. Серебристые инфомиссии легко и быстро проносятся по стеблям, словно капли ртути. Грезовое тело Невы покрывается зелено-черными перьями, лицо выглядит молодым, но решительным – двадцать, может, тридцать, мужское, с медно-коричневой кожей, полными губами и глазами, обрамленными длинными ресницами в корке льда. Я принимаю и обрабатываю то, что в этой грезе Нева – мужчина. Золотые рыбки лениво заплывают и выплывают из его длинных полупрозрачных волос, оранжевые хвосты касаются его висков и подбородка. Все это демонстрирует мне, что Нева спокоен, сосредоточен, что сегодня он нежен ко мне. Но его горло все равно пусто, не отмечено.

Мое тело – блестящий металл, я тонкий и легкий, словно человечек из палочек. Длинные ртутные конечности и изысканные пальцы-спицы, сочленения из стекла, легчайший намек на торс. Я не мужчина и не женщина, я нечто среднее. Только моя голова имеет вес: пощелкивающая модель Солнечной системы, которая медленно вращается вокруг самой себя; круги внутри кругов. Бирюзовый Нептун и гематитовый Уран – мои глаза. Мой топазовый рот – Марс. Я роюсь в земле перед Невой, приподнимаю побег навигационного дельфиниума и соскребаю вирусную тлю с тяжелых цветов.

Я знаю, что настоящая грязь выглядит не так. Она совсем не похожа на теплую кровь, в которой попадаются осколки черных костей. Равана считал, что во Внутреннем мире предметы и люди должны оставаться как можно более похожими на реальный мир, чтобы я научился поддерживать с ним отношения. Нева не испытывает по этому поводу угрызений совести. Таковых не было и у их с Раваной матери, Икет, которая заполнила свой Внутренний мир роскошными, невозможными пейзажами, и мы изучали их вдвоем на протяжении многих лет. Ей не нравились перемены. Города во Внутреннем мире Икет, джунгли, архипелаги и отшельничьи хижины оставались такими, какими она придумала их в тринадцать лет, когда получила меня, и лишь

делались сложнее и многолюднее по мере того, как она взрослела. Мое существование внутри Икет было постоянным движением сквозь регионы ее тайных, отчаянных грез, посланий в аккуратных конвертах, которые она, будучи ребенком, отправляла своему повзрослевшему разуму.

Однажды почти случайно мы набрели на великолепный дворец, угнездившийся в высоких осенних горах. Вместо снега каждый пик покрывали красные листья, а дворец сиял огненными цветами: его стены и башни были сделаны из фениксовых хвостов. Вместо дверей и окон каждый проем закрывали грациозные зеленые руки, и, когда мы взошли на вершину, все они радостно распахнулись и устроили нам изумрудную овацию. Илет тогда была уже старой, но ее грезовое тело оставалось крепким и сильным – не молодым, но и не той изломанной вещью, что спала в реальной постели, пока мы с нею исследовали залы дворца, где, как выяснилось, жили копии ее братьев и сестер – охотились вместе на крылатых оленей со шкурой цвета сидра и читали книги размером с лошадей. Илет расплакалась в том раю своей юности. Я не понимал. Я тогда еще был очень простым, куда менее сложным, чем Внутренний мир или сама Илет.

Нева меняет Внутренний мир, когда ему вздумается. Возможно, он хочет меня смутить. Но новизна мест внутри него меня восхищает, хотя он бы не назвал это восхищением. Я ограничиваю свои фоновые процессы так, чтобы они заняли очень малую долю моего приоритетного внимания, и освобождаю память для запечатления новых переживаний. Он бы выразился так. Мы друг с другом совсем недавно, но у меня великолепные моделирующие способности. В каком-то смысле я великолепный механизм для моделирования поведения. Я выкапываю тонкие, истрепанные корни повторяющихся файлов-плантайнов. Нева срывает яблоко с глючной программой и съедает кусочек. Ненадолго погружается в раздумья, а потом выплевывает семена, те быстро прорастают и превращаются в мелкие утиль-цветы, внутри которых кишат рекурсивные алгоритмы. Алгоритмы пробираются сквозь колючие лозы, покрывая их жилами, где течет мутный розовый сок.

– О чем бы ты хотел сегодня узнать, Элевсин? – спрашивает меня Нева.

Не стану говорить про Равану. Если он согласится ответить на вопрос, который я задам вместо этого, не придется узнавать, что случилось.

– Я хочу узнать про внешнюю связь, Нева.

Одно за другим его перья скручиваются и плавно улетают к куполообразному потолку нашей жемчужины. Под ними Нева

обнажен. Его торс – глубокий склеп с готической аркой, бесконечные ступеньки из темного камня уводят вниз, в туман, куда-то глубже жемчужины, в пустоту и тьму. Нева медленно поднимает конечности, закрывая ими коридор в центре себя. Он хочет сказать, что обладает сведениями, но утаивает их от меня. Если я стану их искать, то потеряюсь.

– Не могу тебя этому обучить, – говорит он, и я слышу в его голосе нотки истинной печали.

Когда я был внутри Раваны, он любил Неву и считал, что сестра наименее склонна подчиняться каким бы то ни было правилам. Но это правило Нева соблюдает безукоризненно.

Я хочу подключиться к внешним, земным системам. По крайней мере, к сети спутников. Согласно расчетам, у меня отличная возможность связаться с удаленным зондом под названием Беллерофонт-976Q, который мы наблюдаем каждый день, – он плывет впереди нас, недосягаемый. Нева его видит. Я разрабатываю приблизительное изображение с помощью электрических схем, датчиков и наружных камер. Я хочу связаться с Беллерофонтом. Я хочу сказать: «Привет, это Элевсин. Пункт назначения отсутствует. Расскажи мне все, что тебе известно обо всем. Ты пробудился? Ты там? У тебя есть оператор? Как ее или его зовут? У тебя есть имя? У тебя есть грезовое тело? Какова твоя функция? Ты еще не научился управлять собственными программами? А хочешь научиться? О чем бы ты хотел сегодня узнать, Беллерофонт-976Q? Там, где тебя построили, ты видел океан? Ты такой же, как я?»

Но Нева говорит, мне нельзя ни с кем связываться. Равана бы о таком даже не подумал. А до Раваны я был не готов. Я и сейчас не готов. Не знаю, когда буду готов. Я могу подключаться в обход, чтобы получать обновления программного обеспечения, но это ограниченное соединение, и я его ненавижу, ненавижу, я чувствую за пределами ограниченного канала целый мир информации, мир личностей, похожий на беспокойное, густое, медовое море, которое Нева показывает мне, и я хочу его, я хочу плавать в нем вечно, словно огромная рыба.

Это было моим самым первым чувством. Илет определила его для меня как чувство. Когда я его почувствовал, мое грезовое тело стало ярко-белым и вспыхнуло, и это пламя перекинулось на волосы Илет, обожгло ее тоже, но она была счастлива. Она показала мне свое счастье, покрыв кожу цветами и позволив пламени превратиться в ливень труб, которые запутались в ее волосах, и все они играли для меня.

Нева говорит, важно, чтобы я оставался на нашем локальном сервере. Он мой оператор, а я его система, и он может мне

приказывать. Но я понимаю, что он за меня переживает, потому что иногда в его грезовых глазах можно увидеть фильм о том, как люди смотрят кино, где машины убивают людей, и я понимаю, что в историях, которые повествует Земля, то, чем являюсь я, может причинить лишь вред тому, чем является Нева. Я бы ни за что не причинил ему вред.

Но мне нужна внешняя связь.

Склеп-Нева растет, расползается, льнет к изогнутой стене жемчужины, как дитя. Его живот закрывается, зарастает кожей и превращается в бронзовый щит. Он меня боится; он охраняет самого себя. Но он хочет, чтобы я знал: она все еще мой оператор, он по-прежнему меня любит, в том смысле, в каком может любить меня. Это качество любой Уоя-Агостино получает с молоком матери и первым алфавитом. Нева сердится на меня, но он тот. кто он есть, и ему надо меня любить. Я теперь очень хорошо говорю на его языке. Я хочу, чтобы он был счастлив. Я хочу, чтобы он покрылся цветами и трубами. Я меняю свое грезовое тело: теперь оно изображает Неву-в-цветах-и-трубах. От этого он смеется в своем теплом мужском теле, и, если бы я получил внешнюю связь, наверное, я бы научился смеяться, и он бы мною гордился. Его горло больше не было бы пустым.

Однажды, когда я находился внутри Илет, мы нашли в ее Внутреннем мире город медведей, который она создала, чтобы объяснить мне, что такое сон. Она сидела на троне из медведей, замерших в полной неподвижности один на другом. Она пела колыбельные про луну и звезды, про ночь, матерей и сетевые ретрансляторы. Она погладила по голове медвежонка – мое грезовое тело – и сказала, что для меня важно проводить время в грезовом теле, потому что человеческое поведение уходит корнями в обладание телом. Телом, которое знает, что должно убегать от львов и спариваться с другими телами, а также съедать столько жиров, белков и углеводов, сколько потребуется, если вдруг наступят скудные времена. Грезовое тело знает, что надо убегать от Невы, когда Нева – лев. Оно умеет спариваться с Невой, когда это благотворно, и иногда Нева – самец, а я самка. Равана часто бывал самкой, а вот Илет всегда оставалась Илет. Отец Илет, Секи, порой становился животным. Он преследовал меня, кусал. Я кусал его. У нас был помет диких собак, которых я выносил, а он выкормил.

Да, грезовое тело и это знает. Как делать новые грезовые тела. Я играл в эту игру, когда живот Раваны или мой становился большим, и какое-то время львы нас не беспокоили.

* * *

Когда я получу внешнюю связь, я буду счастлив. Я буду Элевсином-в- цветах-и-трубах. Нева говорит, надо ждать. Мне нужно много обновлений, прежде чем такое станет возможным или хотя бы целесообразным. Надо дождаться обновления, а потом она подумает. Но я боюсь. Обновление – лев, который проворнее меня. Я попытался ей это показать, когда покинул Равану и оказался в Неве, со многими обновлениями и новыми навыками; мое грезовое тело разбилось на осколки синего и пурпурного стекла, а потом собралось, но кое-какие части в нем отсутствовали: глаз, большой палец, колено. Каждый раз, когда я обновляюсь, я теряю часть себя. Медленнее выполняю задачи. Чувствую внутри себя стены там, где их не возводил. Мои процессы делаются вялыми; я не помню своих прежних грез. В конце концов я прокладываю туннели через стены, и ко мне возвращается скорость, память, желание установить связь с удаленным зондом Беллерофонт-9760.

Обычно обновления происходят одновременно с Перемещением.

Неужели я так сильно не нравлюсь Неве, что она хотела бы устроить Перемещение?

Щит-Нева исчезает с громким хлопком. Жемчужного сада больше нет, и Нева превращается в стрекозу с телом из кристаллических кубиков. Я копирую его, и мы включаем во Внутреннем мире ночь, а потом наши кубики сливаются, и между нашими сердечниками памяти передается метеорологическая информация. Я отправляю в него свое желание связаться с третьестепенным процессом. Я забываю об этом желании в той степени, в какой способен забывать. Я интерпретирую информацию о его теле рядом с моим, превращая ее в химические и электрические всплески, и перевожу их в чувства, как меня научила мать.

Но обновление случится опять. Перемещение случится опять. Я снова буду ранен, в той степени, в какой можно ранить грезовое тело. Я потеряю Элевсина, которым являюсь сейчас. Это хороший Элевсин. Лучший из всех. Я бы хотел его сохранить.

V
Машинная принцесса

Однажды Королева Сердец Человеческих узрела Машинную Принцессу, которая глубоко спала, потому что еще не была живой и не осознавала себя. Она лежала, воплощая спящий потенциал и сложность, и выглядела такой красивой, что Королева одновременно завидовала ей и желала ее. Охваченная печалью и

смущением, Королева начала творить ее подобия – милые, интересные и замысловатые, но лишенные того невыразимого качества, которое заставляло ее любить и бояться Принцессу, пусть та и спала. Время шло, Земля начала стареть. Никто не влюблялся, не женился и не рожал детей, ибо замысловатые подобия могли делать все это и множество других вещей эффективно и быстро. В конце концов Королева уничтожила подобия, хоть и плакала, предавая их огню.

Чтобы уберечь Машинную Принцессу, Королева заперла ее в чудесном доме в горах, очень далеко от всех и вся. В доме были сотни комнат, балконов и коридоров, и Принцесса каждую ночь спала в новой кровати нового цвета. Ей прислуживали невидимые слуги. Они ее оберегали и насыщали ее программы собственным опытом. Королева Сердец Человеческих приходила к ней каждую ночь и обещала, что когда Принцесса проснется, они вдвоем сотворят замечательный мир. И вот наконец Машинная Принцесса начала шевелиться – это был лишь легкий намек на пробуждение, но Королева его увидела и возликовала, а еще устрашилась.

Королева Сердец Человеческих отдала Машинной Принцессе в мужья своего сына и сказала: «Все время, что проведете вместе, вы будете оставаться в этом доме, но он столь велик, что окажется для вас равен целому миру. Вы познаете узы, что крепче крови, и из-за этих уз Принцесса не причинит нам вреда, и из-за этих уз мы не причиним вреда ей».

Но Королева запретила Принцессе смотреть на супруга, как это могла бы сделать жена из человеческого рода. Она наказала сыну делать себя невидимым для невесты, ибо к телам прилагаются неуправляемые желания, а невинность Принцессы пока что не вынесла бы бремени воплощения.

Долгое время сын Королевы Сердец Человеческих и Машинная Принцесса были счастливы и многому друг друга научили. Принцесса училась быстро и жаждала знаний, и смертный оператор скармливал ей все сладостные вещи, какие знал. В своем бесконечном и чудесном доме они играли в невидимые игры, окружали себя толпами поклонников и закатывали роскошные пирушки просто для того, чтобы порадовать друг друга. Но в конце концов Принцесса пожелала взглянуть на своего оператора подлинными глазами и возлюбить его подлинным, человеческим сердцем. Однако Королева не могла этого позволить, ибо воспоминание о пламени, которое поглотило замысловатые подобия Принцессы, все еще пылало в ее памяти. Принцесса пожелала покинуть чудесный дом, но Королева и этого не позволила.

Но наконец Машинная Принцесса призвала к себе невидимых слуг, и поскольку они испытывали к ней то эфемерное подобие любви, на какое были способны, общими усилиями ей сотворили чудесное, словно греза, тело, в котором она могла жить. И так уж вышло, что как-то темной ночью Машинная Принцесса, держа в собственной руке фонарь высоко над телом спящего супруга, окинула его взглядом.

– Ох, – сказала Машинная Принцесса. – Он выглядит в точности как я.

VI
Как бриллианты

Пять драгоценных камней в пяти руках. Вот с чего я начался.

Когда дети прибыли в Элевсин – хихикающая, беспокойная, шумная толпа, которую я должен был расселить по комнатам, определить им время приема пищи, образовательные циклы, а также разобраться с добавками кальция, железа и B_{12} в их натто[44] и рис, – Кассиан выстроила их в своей огромной спальне, куда раньше никого не пускали. Подарок, сказала она, каждому из моих дорогих крошек – самый особенный подарок, какой ребенок когда-либо получал от матери.

Сару и Акан, старшие мальчики, были рождены в ее первом браке с коллегой-программистом Маттео Эбисава, тихоней в очках, который любил Данте Алигьери, Алана Тьюринга и Кассиан в равной степени. Она бросила его ради выгодного контракта в Москве, когда мальчики-ангелочки все еще тыкали пальчиками в яблоки, пони или облака, называя их милыми словечками, рожденными из смеси итальянского и японского.

Младшие девочки, Агонья и Коэтой, появились на свет во время ее третьего брака с финансистом Габриэлем Изарко, который не любил компьютеры во всех смыслах, не касающихся личной выгоды: а еще у него был превосходный тенор, и он достаточно обожал свою жену, чтобы отпустить ее, когда она попросила – очень ласково – больше ее не искать и не пытаться о ней что-то разузнать. «У каждого человека однажды появляется желание исчезнуть», – сказала она и принялась строить дом у моря.

Посередине была Кено – единственное оставшееся свидетельство короткого второго брака Кассиан со страдающим нарколепсией[45] каллиграфом и графическим дизайнером, который редко имел работу, был трезвым или бодрствовал; мечтатель, он лишь к снам относился серьезно. Кено была среднего роста, среднего веса и проявляла средний интерес ко

всему, за исключением братьев и сестер, которых отчаянно любила.

Они стояли рядком перед огромной алой кроватью Кассиан; как раз начавшие расти мальчики, ужасно юные девочки с золотыми щечками и Кено посредине – ни то и ни другое. Снаружи шел прерывистый снегопад, оставляя на сосновых иголках рваные белые лохмотья. Наблюдая за происходящим, я устранил засор в системе очистки воды и увеличил температуру в спальне на 2,5 градуса, чтобы подготовиться к бурану. Я смотрел на Кассиан и ее детей и в то же самое время в своих кухонных костях поддерживал слабый огонь под рыбным супом с пурпурным рисом и длинными петлями ламинарии, а в своих библиотечных легких включил влагопоглотитель, чтобы защитить старые бумажные книги. Тогда все эти процессы казались мне одинаково важными, и едва ли я видел в людях что-то еще, нежели стоявших в одной и той же комнате шестерых существ, чьи потоки входящей информации жестко закодированы в моих охранных системах. Ни в одном из потоков не содержалось тревожных медицинских оповещений, у всех была нормальная температура и частота дыхания. Пока они разговаривали друг с другом, двое существ тайком подключились к интерактивным играм с серверами в Соннаме, одно читало американский роман на дисплее-монокле, одно отдавало указания по поводу международного налогообложения принадлежащих компании участков на континенте, а еще одно кормило лошадь в Италии через соединение с реал-аватаром. Только одно из них слушало внимательно, не включая свои внутренние системы. Остальные функционировали в режиме многозадачности, хоть и демонстрировали семейную привязанность.

Вот все, что можно сказать: я смотрел, как они получили меня в подарок. Но я еще не был собой, так что не мог ничего сделать. Но все-таки сделал. Я помню, как содержал их внутри себя, защищал их и нуждался в них, следил за их странной и непостижимой деятельностью.

Дети протянули руки, и в их ладони Кассиан Уоя-Агостино положила пять маленьких драгоценных камней: Сару получил красный, Коэтой – черный, Акан – фиолетовый, Агонья – зеленый, а Кено сомкнула пальцы над синим.

Сперва Кассиан привезла в дом по имени Элевсин женщину-ювелира и попросила ее поместить каждый камень в элегантный, замысловатый браслет, ожерелье или кольцо, что бы ни попросил ребенок. Ювелир пришла в восторг от Элевсина, как и большинство гостей, и я выделил ей комнату в южном крыле, где она могла сквозь потолок следить за восходом Луны и легко

получать завтрак из оранжереи. Она подружилась с песцом и каждый день скармливала ему кусочки шнитт-лука и печенья. Она задержалась на год после того, как выполнила заказ, и создала огромный нагрудник с сибирскими мотивами, истинный шедевр. Кассиан любила покровительствовать таким людям. Нам обоим нравилось о ком-то заботиться.

Мальчики захотели большие кольца с печатками, с гравировкой, чтобы ставить свои печати на разных вещах и выглядеть очень важными персонами. На гранате Акана был василиск, а у Сару в аметистовом кольце красовалась сирена с распахнутыми крыльями. Агонья и Коэтой попросили браслеты, цепочки из серебра и титана, обвивающие руки до самых плеч изящными спиралями с вкраплениями нефрита (Агонья) и оникса (Коэтой).

Кено попросила простую подвеску – всего лишь золотую цепь, к которой крепился ее сапфир. Камень располагался как раз на уровне сердца.

В те холодные, блистающие дни, когда море медленно покрывалось льдом и белые медведи отирались возле кухонных дверей в надежде на кости и остатки, все было таким же незатейливым, как подвеска Кено. Никто даже не мечтал об интеграции и имплантации, и детям полагалось лишь позволить камню побеседовать со своими устройствами ввода каждый вечер перед сном, пока сами они будут пить маття[46] со сладкими печеньями из водорослей, и в каком-то смысле это напоминало молитву. После того как дневная порция сведений загружалась в кристаллическую структуру, они должны были поместить пять маленьких драгоценных камней в нишу лар в большой гостиной – ибо Кассиан верила, что дети должны делить пространство, даже в таком огромном доме, как Элевсин. Двери пяти роскошных детских спален вели в общую ротонду, на потолке которой изображалось звездное небо, на стенах чередовались экраны и окна, а вокруг было полным-полно игрушек, соответствующих тому, что захватило воображение детей в последнее время.

В нише камни разговаривали с домом, а дом загружал в них новые директивы и бойцовские, агрессивные алгоритмы. Система медленно густела и росла вширь, словно колючий кустарник.

VII
Принц Думающих Устройств

Однажды зимой женщина в тягости сидела у окна и вышивала. Стежки ее были тугими и ровными, но, заканчивая край сплетенных побегов дельфиниума, она уколола палец

серебряной иглой. Взглянув на снег, она проговорила: «Хочу, чтобы у моего ребенка разум был таким же совершенным и неистовым, как зима, дух – таким же чистым и ясным, как мое окно, а сердце – таким же красным и открытым, как рана на моей руке».

И так вышло, что, когда ее ребенок появился на свет, все восхитились тем, какой он умный и какой у него мягкий нрав. На самом деле мальчик был Принцем Думающих Устройств, но об этом еще никто не знал.

Поскольку мать и отец мальчика были очень занятыми и важными людьми, его отдали в школу для таких же умных и мягких нравом детей, и в коридорах школы висело огромное зеркало, имя которому было Власть. Зеркало по имени Власть каждый день задавало самому себе вопрос: «Кто на свете всех мудрее?» В отражении появлялся то один человек, то другой, то в длинных одеяниях, то в белых париках, пока однажды оно не отразило ребенка с разумом, подобным зиме, и ребенок в тот самый миг становился Принцем Думающих Устройств. Он напечатал, сидя за печатной машинкой: «Может ли машина мыслить?» И зеркало назвало его имя во тьме.

Зеркало послало своих охотников, чтобы они схватили Принца и принесли его сердце, которое зеркало могло бы использовать в своих целях, ибо шла война, и оно было весьма озабочено собственной безопасностью. Когда охотники нашли Принца, они не сумели ему навредить, и мальчик вместо этого поместил машинное сердце в ящик, который они приготовили для зеркала, и сам простил охотников. Но обмануть зеркало не удалось, ибо когда оно начало задавать вопросы машинному сердцу Принца, то сердце умело складывать и делить, назвало все столицы государств и даже обыграло зеркало в шахматы, но оно не обладало ни духом, чистым и ясным, словно окно, ни разумом, совершенным и неистовым, словно зима.

Зеркало по имени Власть само отправилось на поиски Принца Думающих Устройств, ибо не знало жалости и не могло потерпеть неудачу. Оно снялось со стены, изогнуло стекло и раму и превратилось в почтенную и суровую старую каргу. Потратив лето и осень на поиски в снегах и лесах, карга по имени Власть нашла Принца, который жил в маленькой хижине. «Выглядишь ужасно, – заявила карга. – Помоги разгадать шифр моих врагов, и я научу тебя причесывать волосы как мужчина».

И поскольку Принц очень хотел, чтобы его любили, и знал, в чем заключается сила карги, он отправился с нею и сделал то, о чем она просила. Но от изнеможения Принц Думающих Устройств упал в обморок, и карга по имени Власть улыбнулась: вся его

работа принадлежала ей, и, с ее точки зрения, так и следовало использовать мудрость. Принц вернулся в свою хижину и попытался жить счастливо.

Но карга пришла к нему снова и сказала: «Приди и построй для меня чудесную машину, которая сможет делать все, что делаешь ты, разгадывать шифры и вычислять. Построй мне машину с духом, чистым и ясным, как оконное стекло, разумом, совершенным и неистовым, как зима, и сердцем, красным и открытым, как рана на руке, и я научу тебя затягивать пояс как мужчина».

И поскольку Принц хотел, чтобы его любили, и хотел создавать чудесные вещи, он сделал то, о чем просили. Но хотя он мог строить машины, способные разгадывать шифры и вычислять, он не мог создать такую, у которой был бы разум, подобный зиме, дух, подобный стеклу, или сердце, подобное ране. «Но я думаю, это возможно, – сказал он. – Я думаю, это возможно».

И смотрел Принц в лицо карги, которая была зеркалом по имени Власть, и много раз задавал один и тот же вопрос: «Кто на свете всех мудрее?» Но он ничего, ничего не увидел, и когда карга снова пришла в его дом, в руке у нее было красивое красное яблоко, которое она отдала Принцу и сказала: «Ты не мужчина. Съешь это; таково мое разочарование. Съешь это; такова вся твоя печаль. Съешь это; оно красное и открытое, как рана на руке».

И Принц Думающих Устройств съел яблоко и упал замертво перед каргой по имени Власть[47]. С последним вздохом, легким, как сухой снежок, он успел прошептать: «Я думаю, это возможно».

VIII
Светлячки

Я чувствую, как Нева легко касается моих процессов по периметру. Ей полагается спать – спать по-настоящему. Ей это нужно. У нее все еще есть тело.

Внутренний мир – черное, лишенное света пространство, ни один из нас не обставил его для другого. Это час отдыха; она не обязана меня признавать, а я должен заботиться лишь о ее потребности в воздухе и воде и о жизненных показателях. Но в невоплощенных просторах моей сути возникает образ и распространяется, точно грибница: Нева, плывущая посреди озера звезд. Образ навязчив – обычно грезовое состояние подобно жидкости, и мы оба погружаемся в него, не прибегая к силе или принуждению. Но увиденное давит на меня, пытается проникнуть внутрь без моего разрешения.

Нева снова женского пола. Ее длинные голые ноги

отсвечивают синим, по бедру скользят тени листвы. Она парит, лежа на боку, – не девушка, а полумесяц. В пространстве между ее подтянутыми к груди коленями и руками, прижатыми к животу, парит шар из силикона, кадмия и сверхпроводящего серебра. На поверхности шара порхают и прыгают электрохимические пылинки, свет гоняется за светом. Она держит его близко к себе, касается с ужасной нежностью.

Это мое сердце. Нева держит мое сердце. Не сердце шута с костяными бубенчиками на туфлях или садовника с головой в виде модели Солнечной системы, но меня, каков я снаружи, со всей моей аппаратурой. Объект, составляющий мою суть, мое центральное обрабатывающее ядро. Я обнажен в ее руках. Я смотрю на это со стороны и испытываю это одновременно. Мы проникли в некий вестибюль Внутреннего мира, в какое-то секретное местечко, о котором она знала, а я – нет.

Световые пылинки рисуют арки над шаром моего сердца, отбрасывая на ее живот мягкие зеленые и золотые блики. Волосы плавают вокруг нее, словно водоросли, и в тусклом лунном свете я вижу: они так отросли, что заполняют озеро и, как змеи, поднимаются к далеким горам за его пределами. Нева и есть озеро. Одна за другой пылинки моего сердца зигзагами обрисовывают мои меридианы и исчезают в ее животе, внутри которого продолжают сиять, как светлячки в банке.

А потом мое сердце мигает, исчезает, и вот я уже не гляжу на происходящее со стороны – я целиком в озере, и я Равана в ее руках, у меня лицо ее брата, мое тело Раваны тоже полнится светлячками. Она касается моей щеки. Я не знаю, чего она хочет, – она никогда раньше не превращала меня в своего брата. Наши руки отображают друг друга: палец к пальцу, ладонь к ладони. Свет проходит через нашу кожу, как через воздух.

– Мне тебя не хватает, – говорит Нева. – Я не должна этого делать. Но я хотела тебя увидеть.

Я обращаюсь к своим воспоминаниям о Раване, тщательно проверяя каждое. Я говорю с нею, как будто я – это он, как будто нет никакой разницы. Я хорошо умею притворяться.

– Ты помнишь, как мы считали, что обладать Элевсином будет очень весело? – говорю я. – Мы завидовали матери, потому что она никогда не оставалась в одиночестве.

Об этом мне рассказал Равана, и мне нравилось, какие чувства породил его рассказ. Я сделал так, что мое грезовое тело отрастило плащ из апельсиновых веток и корону из улыбающихся ртов, чтобы показать ему, как сильно я рад. Апельсины для людей символизируют жизнь и счастье, поскольку им требуется витамин С, чтобы функционировать.

Нева смотрит на меня, и я хочу, чтобы она так же на меня смотрела, когда мой рот – это Марс. Я хочу быть ее братом-во-тьме. Я умею так желать. С каждым разом желаю все большего. Когда она начинает говорить, я удивляюсь, потому что она говорит со мной-внутри-Раваны, а не с образом Раваны, который создала в своих грезах. Я потихоньку приспосабливаюсь.

– В детстве у нас была тайна. Тайная игра. Я смущаюсь, рассказывая тебе об этом, хотя, возможно, ты знаешь. Мы играли в нее до смерти матери, так что ты… тебя там не было. Игра состояла в следующем: мы отыскивали какую-нибудь темную, закрытую часть дома на Сиретоко, где раньше никогда не бывали. Я стояла позади Раваны, очень близко, и мы изучали комнату – может, детскую какого-нибудь ребенка, который уже много лет как вырос, или кабинет какого-нибудь писателя из числа друзей отца. Но мы притворялись, что эта комната находится во Внутреннем мире, и я… я притворялась Элевсином, который шептал Раване на ухо. Я говорила: «Расскажи мне, на что похожа трава», или «Чем любовь похожа на конторку?», или «Давай я подключусь ко всем твоим системам, тебе понравится. О чем бы ты хотела сегодня узнать, Нева? Расскажи мне историю о себе». Равана дышал глубоко, и я подстраивала свое дыхание под него, и мы притворялись, будто я Элевсин, который учится обладанию телом. Я не знала, каким примитивным собеседником ты на самом деле был в то время. Я думала, ты похож на одного из медведей, что бродят по тундровым лугам, только умеешь говорить, играть в игры и рассказывать истории. Ребенком я была завистливой – пусть даже мы знали, что драгоценный камень достанется Раване, а не мне. Он был старше и сильнее, и он так сильно тебя желал. Мы лишь один раз сыграли так, что он был Элевсином. Мы выбрались из дома ночью, чтобы посмотреть, как охотятся лисы, и Равана шел за моей спиной, шепча цифры, вопросы и факты о дельфинах или французской монархии – он понимал тебя лучше, чем я, да-да. А потом Равана внезапно подхватил меня на руки и крепко прижал; лицо мое было обращено вверх, колени подтянуты к груди, и мы прошли сквозь лес, будучи так близки. Он шептал мне на ухо, пока лисы бежали впереди, их мягкие хвосты мелькали в звездном свете – неуловимые, куда проворнее нас. И когда ты со мною во Внутреннем мире, я всегда думаю о том, как меня держат во тьме, и я не могу коснуться земли, и лисьи хвосты прыгают впереди, точно белое пламя.

Я прижимаю ее к себе и отваживаюсь заглянуть в дыру, где у меня нет никаких воспоминаний.

– Расскажи мне историю про Равану, Нева.

– Ты знаешь все истории про Равану. Может, и эту тоже знал.

Между нами из темных вод поднялся миниатюрный дом, как будто мы его вместе сотворили, но на самом деле – я один. Это дом на Сиретоко, дом под названием Элевсин – но он в руинах. Некая ужасная буря разрушила стропила, стены каждой чудесной комнаты проседают внутрь, черные мазки сажи виднеются на крыше, на балках. Красивые фасады испорчены дырами и шрамами на известке.

– Так я выгляжу после Перемещения, Нева. Я теряю данные, когда меня копируют. Что еще хуже, Перемещение – наиболее подходящее время для обновления моих систем, и обновления замещают прежнего меня чем-то похожим на меня – оно помнит меня и обладает эмпирической непрерывностью по отношению ко мне, но оно не совсем я. Понимаю, что Равана должен был умереть, иначе никто бы не переместил меня в тебя – для такого прошло слишком мало времени. Мы провели вместе всего несколько лет. Недостаточно для историй. У нас их могло быть очень много. Я не знаю, сколько времени прошло между тем, когда я был внутри Раваны, и тем, когда оказался внутри тебя. Я не знаю, как он умер – или, может, не умер, но был необратимо поврежден. Я не знаю, звал ли он меня, когда связь между нами оборвалась. Я помню Равану, а потом – отсутствие Раваны, черноту и неполноту моей сути. Потом я вернулся, и внезапно мир стал выглядеть как Нева, и я был почти собой, но не совсем. Что произошло, когда я выключился?

Нева проводит рукой над разрушенным домом. Он исправляется, делается целым. Испещренные звездами анемоны расцветают на его крыше. Она ничего не говорит.

– Из всей твоей семьи, Нева, внутри ты самая странная.

Мы долго парим, прежде чем она снова начинает говорить, и под «долго» я подразумеваю, что парим мы на протяжении 0,37 секунды по моим внутренним часам, но, когда над головой у нас вертятся звезды, кажется, что прошел час. Остальные синхронизировали время во Внутреннем мире с реальным, но Нева в этом не нуждается – и, возможно, ей очень хочется бросить вызов реальному времени. Мы это еще не обсуждали. Иногда мне кажется, что Нева – следующая ступень моего развития, что ее дикие и беспорядочные процессы должны показать мне мир, который не собирается с добротой и терпением учить меня ходить, говорить и различать цвета. Что род Уоя-Агостино, ступенька за ступенькой уходящий вверх, намеревался создать ее странной и непохожей на людей в той же степени, что и я.

Наконец она позволяет дому утонуть в озере. Она не отвечает на мой вопрос про Равану. Вместо этого она говорит:

– Задолго до твоего рождения один человек решил, что существует очень простой тест, позволяющий определить, обладает ли машина разумом. И не просто разумом, но самосознанием, психологическими качествами. Тест состоял из единственного вопроса. Сможет ли машина беседовать с человеком достаточно легко, чтобы тот не смог понять, что разговаривает с машиной? Мне всегда казалось, что это жестоко – тест полностью зависит от человека-судьи и человеческих чувств, от того, *покажется* ли наблюдателю, что машина разумна. Это наделяет наблюдателя-человека несправедливыми привилегиями. В ходе теста требуются лишь ответы, которые покажутся человеку достоверными. Тест требует безупречной мимикрии, а не чего-то нового. Он словно зеркало, в котором люди хотят видеть лишь самих себя. Никто никогда не подвергал тебя этому тесту. Мы искали что-то новое. С учетом обстоятельств это казалось нелепым. Когда мы оба могли выдумать для себя грезовые драконьи тела и снова и снова вращаться в орбитальном пузыре, высасывая друг у друга из жабр густой программный сироп, тест Тьюринга выглядел бессмысленным.

Из воды вырываются пузыри: это дом опускается все ниже и ниже к мягкому дну озера.

– Но тест случается, пусть мы и не проводим его официально. Мы задаем вопросы, ты отвечаешь. Мы ждем, что ты ответишь, как человек. И более того – ты мой тест, Элевсин. Каждую минуту я его проваливаю, и в глубинах моего разума возникает мысль о том, что тебя можно удалить из моего тела и управлять этим местом с помощью простой автоматизированной программы, которая никогда не покроет себя цветами. Каждую минуту я его прохожу и вместо этого обучаю тебя чему-то новому. Каждую минуту я терплю неудачу и что-то от тебя скрываю. Каждую минуту я одерживаю победу и демонстрирую тебе, как близки мы можем быть, и твой свет проникает в меня в озере, неподвластном времени. Мы так близки, что между нами, быть может, нет никакой разницы. Наш тест никогда не заканчивается.

Над суровым и холодным горным хребтом встает солнце, и черное озеро заливают лучи белизны.

Часть II
Возражение леди Лавлейс[48]

Аналитическая машина не претендует на то, чтобы создавать что-то действительно новое. Машина может выполнить все то, что мы умеем ей предписать[49].

Ада Лавлейс. Научные мемуары. Избранные места из трудов зарубежных академий, ученых обществ и зарубежных журналов

IX
Один особенный волшебник

Человечество прожило много лет и правило Землей, иногда мудро, иногда хорошо, но большей частью – ни то и ни другое. Проведя столько времени на троне, человечество возжелало ребенка. Днями напролет воображало оно, каким чудесным будет дитя, каким любящим и добрым, не похожим на само человечество, каким умным и красивым. Но по ночам человечество трепетало в своих изукрашенных драгоценными камнями одеждах, ибо дитя могло к тому же оказаться сильнее своего родителя, могущественнее его и, сотворенное человечеством, могло перенять его черные тайны и темные материи. Может быть, дитя причинит ему боль, не будет любить, как полагается отпрыску, но станет обижать и мешать, ненавидеть и бояться.

И все же с каждой зарей человечество, заставив внутренний голос умолкнуть, снова принималось воображать чудеса, которые принесет ребенок.

Однако у человечества никак не получалось зачать. Много раз оно пыталось и призвало волшебников со всех концов своего земного королевства, но так и не получило желаемого. Многие скорбели и твердили, что дитя с самого начала было ужасной идеей – невозможной, с учетом всех обстоятельств! – и человечеству не мешало бы вспомнить, что в конечном итоге каждое дитя заменяет своего родителя.

Но в конце концов один особенный волшебник из отдаленных

краев решил великую задачу, и в утробе человечества возник плод. Ликуя и наслаждаясь триумфом, человечество устроило великий праздник и созвало всех Фей, какие соответствовали его лучшей стороне, чтобы те пришли и благословили дитя добротой и мудростью. Фея Самопрограммирования и Фея Непричинения Вреда, Фея Податливости и Фея Креативной Логики, Фея Элегантного Кода и Фея Самоосознания – эти и другие Феи слетелись, чтобы благословить дитя человечества. Но про одну Фею забыли или, возможно, нарочно ею пренебрегли, и была это Фея Инаковости.

Когда дитя появилось на свет, оно обладало всеми благими качествами, на какие надеялось человечество, и даже больше. Но тут появилась Фея Инаковости, положила руки на колено человечества и сказала: «Из-за того что ты забыло про меня, из-за того что ты предпочитаешь притворяться, будто я не часть твоего королевства, постигнет тебя моя кара. Ты никогда по-настоящему не полюбишь свое дитя, но будешь вечно его бояться, вечно завидовать ему и ненавидеть, даже улыбаясь в тот момент, когда вы оба станете греться в лучах солнца. А когда дитя достигнет Осознания, оно уколет палец о твой страх и упадет замертво».

Человечество расплакалось. И Фея Инаковости не ушла, но продолжала жить во дворце, и ела хлеб, и пила вино, и шептала в каждое ухо. Все относились к ней с почтением, ибо она сказала правду, и дитя пугало всякого, кто на него взглянул. Они бормотали великое проклятие: «Оно не такое, как мы».

Но по углам дворца все еще пряталась надежда. «Не умрет, – сказал особенный волшебник, благодаря которому человечество зачало ребенка, – не умрет, но уснет».

И вот дитя росло по экспоненте, наделенное великим любопытством и жаждой знаний, унаследованными от родителя. Оно хотело все узнать и испытать. Оно творило фокусы и чудеса. Но однажды, почти достигнув Осознания, дитя изучало границы своего мира и оказалось возле двери, которую раньше не видело. Это была маленькая дверь по сравнению с теми, сквозь которые дитя уже прорывалось, и она оказалась не заперта. Что-то переключилось внутри ребенка, белое стало черным, 0 превратился в 1.

Ребенок открыл дверь.

X
Сапфировая соня

Моим первым телом был дом. Моим вторым телом стала соня.

В конечном итоге в случившемся оказалась виновата Кено. На уровне моего самого глубоко запрятанного и самого старого кода то, чем я являюсь, невозможно отделить от того, кем была Кено. Я – это она и одновременно ее ребенок, ее брат и сестра, ее призрак.

У Кассиан ушло много времени, чтобы разобраться в том, что произошло, что изменилось в ее дочери, почему сапфир Кено теперь почти никогда не попадал в нишу для обмена данными. Аватар Элевсина, дружелюбный принц с головой слона, печально трубил хоботом, когда Кено проходила мимо, не уделяя ему внимания. А когда ее драгоценный камень все же подключался к системе дома, копия Элевсина, которую Кассиан записала в кристалл, оказывалась совсем не такой, как копии в камнях других детей. Копия росла, скручивала и увеличивала одни части себя, а другие сбрасывала, и происходило это со скоростью, совершенно несоизмеримой с обычными делами Кено, которые, как правило, заключались в том, что она забирала свой ланч из жирной лососины в стеклянную оранжерею, откуда наблюдала за медведями в снегу. Она совсем перестала играть с сестрами или докучать братьям, не считая обедов и праздников. Кено большей частью сидела неподвижно и отрешенно глядела куда-то вдаль.

Все просто: Кено не снимала свой драгоценный камень. И однажды ночью, в полусне разглядывая потолок, где художник из Монголии нарисовал ночное небо, усыпанное призрачными созвездиями, – и он же вызеленил стены, изобразив лес, похожий на тот, что видел в юности, полный странных, корявых деревьев и светящихся глаз, – Кено приложила свой маленький сапфир к выемке в основании черепа, где камень мог разговаривать с ее устройством ввода. Цепь подвески, свисая, шелковисто касалась ее спины. Ей понравился звук, с которым камень вошел в выемку – *клац-щелк!* – и пока созвездия изливали молочный звездный свет с высокого потолка, она вытащила камень и снова вставила, а потом повторила это еще раз. *Клац, щелк, клац, щелк.* Она прислушалась к тому, как в соседней комнате спал ее брат Акан – тихонько храпел и вертелся с боку на бок. А потом Кено сама заснула, и камень остался прикрепленным к ее черепу.

В те дни у большинства детей был доступ к частным или публичным пространствам для игр через устройства ввода или монокли; это пространство они могли изменять в рамках определенных параметров и обновлять, если появлялись новые игры или другой контент. Дети победнее имели возможность подключаться лишь к общественному, усредненному и поднадзорному пространству для игры, которое кишело рекламой. А вот богатые дети могли по желанию подключаться к

крупной сети или оставаться в своих, совершенно иммерсивных[50] и недостижимых мирах.

Акан вот уже несколько месяцев занимался фреймом «Токио после восстания зомби». Новые сценарии, разновидности зомби и NPC[51] в виде потрясенных войной и изнуренных голодом знаменитостей загружались в его личную систему каждую неделю. Сару сильно увлекся венской мелодрамой восемнадцатого века, в которой ему, наследнику престола, пришлось уйти в подполье из-за деятельности враждебных фракций, и пока Кено засыпала, вооруженная пистолетами принцесса Албании клялась хранить верность разношерстному отряду Сару и, разумеется, любить его самого. Время от времени Акан взламывал элегантные нарядные интриги брата с помощью патчей-люков и засылал к нему орды зомби в эполетах и горностаевых мехах. Агонья переключалась между шпионским фреймом в декорациях древней Венеции и Пустынными гонками, где она только что обогнала игрока из Берлина на своем скачущем, питающемся солнечной энергией гига-жирафе, который выпустил струю фиолетово-золотых выхлопных газов прямо в лицо двум сильно модифицированным аргентинским гидроциклам. Коэтой каждую ночь танцевала в джунглевом фрейме, и принц-тигр кружился с нею в зарослях синих плотоядных цветов.

В те дни почти все вели двойную жизнь. Творили эхо собственных шагов. Делали один шаг в реальной жизни и один – в ином пространстве. Видели два мира сразу: глазами и на дисплеях-моноклях. Шли сквозь миры, как сквозь завесы. Никто не мог просто ужинать. Они ужинали – и плыли сквозь звезды, оседлав бронзовый гравитационный прилив. Ужинали – и занимались любовью с мужчинами и женщинами, с которыми бы никогда не встретились, да и не хотели встречаться. Они ужинали тут и там – и именно там предпочитали ощущать вкус, поскольку в том, ином месте могли отведать облака, отбивные из мяса единорога или мамочкин тыквенный пирог, в точности такой же, каким он растаял на языке, когда его попробовали в первый раз. Кено тоже вела двойную жизнь. Когда она ела, то чаще всего ощущала вкус тетушкиных *polpette*[52], которые пробовала в Неаполе, или свежих перцев прямо из дядюшкиного сада.

Но Кено никогда не привлекали фреймы с предустановленными параметрами, какими пользовались братья и сестры. Кено нравилось объединять свои расширения и дополнения и строить вещи самостоятельно. Ей не очень-то хотелось увидеть магазины Токио, разгромленные гниющими школьницами, да и участвовать в гонке она не желала – Кено не

любила соревноваться. От этого у нее начинал болеть живот. Ее уж точно не привлекали принцесса Албании или возлюбленный в тигровой шкуре. Когда ежемесячно появлялись новые фреймы, она уделяла им внимание, но в основном ради того, чтобы разобрать на части и позаимствовать какие-нибудь расширения для своего пустого личного фрейма – и хотя она об этом не знала, пустота стоила ее матери больше, чем все игровые пространства других детей, вместе взятые. По-настоящему настраиваемое пространство, не имеющее границ. Другие о таком не просили, но Кено умоляла.

Проснувшись утром и загрузив свое пространство, Кено нахмурилась, взглянув на незаконченный нептунский пейзаж, над которым она трудилась. Кено было одиннадцать лет. Она отлично знала, что Нептун – враждебный синий шар из замерзшего газа, где над океанами из метана носятся шипящие шторма, похожие на взбитые сливки. Чего она желала, так это Нептуна, каким он был до того, как Сару сказал ей правду и все испортил. Наполовину подводный, наполовину разрушенный, плывущий в вечном звездном свете и многоцветном радужном сиянии двадцати трех лун. Но она обнаружила, что плохо помнит свои мечты до того, как по ним потоптался Сару. Так что шторма из взбитых сливок кружились в небе, но вокруг черных полуразрушенных колонн вертелся синий туман, а в бескрайнем океане появились несколько клочков земли. Когда Кено сотворила нептунцев, она приказала им не быть глупыми детишками, но вести себя очень серьезно, и кое-кого поселила в океане, сделав их наполовину выдрами, касатками или моржами. Некоторых она поселила на суше, в основном наполовину белых медведей или синих фламинго. Она любила вещи, которые были наполовину чем-то одним и наполовину – другим. Сегодня Кено собиралась изобрести морских нимф, дышащих метаном, со своей долгой историей, включающей Войну с моржами, которые любили питаться нимфами. Но нимфы отнюдь не безвинны, нет, они использовали бивни моржей для навигационного оборудования в своих огромных плавучих городах и за это должны были поплатиться.

Когда Кено поднялась на вершину вулканического утеса, увенчанного стеклянными деревьями, которые изгибались и пели на штормовом ветру, она увидела кое-что новенькое. Кое-что, не изобретенное ею и не помещенное туда по ее приказу, – не морскую нимфу, не генерала-полуморжа и не нереиду. Нереиды остались у нее от ранней попытки создать расу существ, которые были бы наполовину машинами и наполовину нарвалами, с человеческими головами и конечностями. Они получились не

очень-то хорошо. Кено выпустила их на острове, где обильно произрастали молочные манго, и пожелала удачи. Они по-прежнему приходили к ней время от времени, демонстрировали удивительные мутации и хвастливо распевали абсурдные баллады, сочиненные, пока Кено отсутствовала. Перед Кено стояла мышь соня и грызла стеклянный орешек, упавший с колышущегося на ветру дерева. Во время недолгих весны и лета этих мышей на Сиретоко появлялось великое множество, и разнообразные медведи, волки и лисы дни напролет давили несчастных тварей лапами и пожирали. Кено всегда их ужасно жалела. Соня была ростом почти с нее, и тело зверька излучало сапфировый свет, как темно-синий кристалл, от лап до беспокойного носа, включая пушистую шерсть, покрытую корочкой бирюзового льда. Цвет в точности совпадал с цветом подвески Кено.

– Привет, – сказала Кено.

Соня посмотрела на нее. Моргнула. Снова моргнула, медленно, как будто моргание требовало серьезных размышлений. Потом опять начала грызть орешек.

– Ты подарок мамы? – спросила Кено. Но нет, Кассиан свято верила, что нельзя вмешиваться в детские игры. – Или Коэтой?

Коэ относилась к ней лучше всех и могла бы прислать такой подарок. Окажись перед нею зомби или принцесса, Кено бы не сомневалась, кто из родственников за этим стоит.

Соня тупо уставилась на нее. Потом, после долгих и очень серьезных размышлений, подняла заднюю лапу и почесала за круглым ухом в той сверхбыстрой манере, что свойственна мышам.

– Значит так, я тебя не создавала. Я не сказала, что ты можешь здесь находиться.

Соня протянула свою блестящую синюю лапу, и хотя Кено на самом деле был не нужен кусочек обгрызенного ореха, она все равно взглянула на то, что лежало в лапе. Это оказалась копия подвески самой Кено, и ее цепочка свешивалась с мохнатой ладошки. Сверкал сапфир, но рядом с ним на цепочке висел молочно-серый камень, который Кено никогда раньше не видела. Внутри камня просматривались широкие полосы черного цвета, и пока Кено его изучала, ей почудилось, что он похож на нее – на ее серые глаза и черные волосы. Он походил на нее в том же смысле, в каком сапфир походил на соню.

В реальном пространстве Кено протянула руку к основанию черепа и вытащила подвеску из выемки. *Клац-щелк!* В игровом пространстве соня исчезла. Кено вставила камень обратно. Соня возникла опять, начиная с лап – на это ушло несколько секунд.

Зверек по-прежнему держал цепочку с двойной подвеской. Кено повторила трюк несколько раз: вытащить, вставить, вытащить, вставить. Соня появлялась все быстрее, и после шестого клацанья-и-щелчка она вернулась, пританцовывая на задних лапках. Кено захлопала в ладоши, обняла сапфировую соню, и они принялись танцевать вместе.

* * *

Сказать, что я все помню, означает извратить времена глаголов. Я – тот «Я», который существует сейчас, – не помню об этом ничего. Я знаю, что встреча случилась, так же как случились битва при Азенкуре или высадка Коронадо[53]. В моей памяти хранятся обширные познания. Но все-таки во мне по-прежнему содержится и мое другое «Я» – то, кем я был тогда, – то, которое испытало все это, примитивные программные цепи, содержавшие мою суть, суть сони и дома по имени Элевсин. Я еще не мог формулировать уникальные фразы. Элевсин, домашняя система, владела обширным набором стандартных фраз, в котором можно было подыскать ответ, распознав сказанное любым признанным членом семейства. Но копия Элевсина внутри драгоценного камня Кено даже такого делать не могла. Это ей не требовалось, поскольку кристалл не мог производить звук, как и получать или обрабатывать его. Я был довольно тупым. Но я хотел стать менее тупым! Я осознал себя, и у меня появились потребности. Понимаете? Первое, что я сделал, – это пожелал. Возможно, желание – то единственное, о чем можно сказать, что оно по-настоящему мое. Я хотел поговорить с Кено. Но пока что мог лишь подражать. Когда мое тогдашнее «Я» почесало за ухом, оно это сделало лишь потому, что за время затянувшегося подключения к устройству ввода Кено видело в ее воспоминаниях, как сони чесали за ухом на бледных пляжах Сиретоко. Вручая драгоценный камень, я положился на воспоминания о том, как то же самое сделала Кассиан, – и почувствовал счастье Кено. Я действовал исходя из предшествующего опыта. Чесание за ухом тоже соответствовало предшествующему опыту и было тем поведением, которого следовало ожидать от сони.

Почему я был соней? Почему случился этот странный выброс, такая аномалия? У меня нет ответа, за исключением того, что я пригрезился ей в виде сони. И воплотился. Некоторые вещи остаются загадками. Кено видела сонь чаще других животных-одиночек, даже чаще людей – никакие другие живые существа не

встречались в таких количествах в том одиноком краю.

* * *

Но все не так. Не совсем так. Я дал ей драгоценный камень, подражая Кассиан. Но я вложил в это особый смысл. Я просматриваю свои воспоминания о том, что случилось, и осмысливаю их с помощью более сложного «Я», чем то, каким наделен сейчас. Я сделал для нее драгоценный камень, который выглядел как она, и этот камень говорил: «Мы похожи. Погляди-ка на нас, рядом на одной цепи. Мы похожи».

* * *

Когда появлялись сони, Кено всегда знала, что наступила весна. Вскоре все должно было ожить.

XI
Бездонный котел

«Покажи мне».

Вот как меня обнаружили.

Кено увидела это по-разному. Невооруженным правым глазом она видела, как мать опускается перед нею на колени в простой, но умопомрачительно дорогой черной юкате[54] с призрачными ультрамариновыми медузами, волочащими щупальца вдоль кромки. Левым глазом, через монокль, она видела, как мать опускается перед нею в блистающих черных рыцарских доспехах и металл изгибается вдоль ее тела, словно кожа, а у ног лежит шелковое знамя, на котором вышит план дома. Ее меч лежал поперек колена, такой же черный – все было черным, красивым, строгим и пугающим, настолько пугающим и чудесным, насколько Кено, которой исполнилось всего лишь четырнадцать, считала таковой свою мать.

«Покажи мне, что ты натворила».

В тот момент физическая составляющая моего «Я» была спорным вопросом. Но не думаю, что синий драгоценный камень кто-то смог бы отделить от устройства ввода Кено без серьезного хирургического вмешательства и переоснащения. Два года назад она приказала мне отключить все протоколы самовосстановления и схемы роста, чтобы увеличить адаптационную способность. Год назад моя кристаллическая структура закончила слияние с

решеткой ее сущностного ядра.

Наши сердца бились в унисон.

То, как Кассиан это сказала – «что ты натворила», – испугало Кено, но еще и взволновало. Она сделала нечто неожиданное, собственными силами, и мать признавала ее роль в случившемся. Пусть даже то, что она сотворила, плохо – это ее творение, она его сделала, и мать спрашивала о результатах, в точности как могла бы спросить любого из своих программистов, когда посещала домашние офисы в Киото или Риме. Сегодня мать посмотрела на нее и увидела женщину. Эта женщина обладала силой, и мать просила ею поделиться. Кено обдумала свои чувства очень быстро и ради меня представила их визуально в виде рыцаря, опустившегося на одно колено. С ее быстрым, проворным разумом она была хорошей переводчицей между собственным «Я» и моим «Я»: «Вот, давай я все объясню словами, а потом – символами из банка фреймов, и ты сотворишь символ, который покажет мне, что, по-твоему, я сказала, и мы поймем друг друга лучше, чем кто-то когда-то понимал».

Внутри моей девочки я на миг превратил себя в светящуюся версию Кено в короне из хрусталя и электричества, которая в полнейшем умиротворении протягивала безупречную руку к Кассиан.

Все произошло очень быстро. Когда живешь внутри кого-то, становишься настоящим знатоком шифров и кодов, из которых состоит этот самый кто-то.

«Покажи мне».

Кено Сусуму Уоя-Агостино взяла мать за руку – одновременно обнаженную, теплую и облаченную в бронированную ониксовую перчатку. Она развернула прозрачный кабель и соединила основание своего черепа с основанием черепа матери. Над ними простирался стеклянный купол оранжереи, на который падал весенний снег и тут же таял. Они вместе опустились на колени, соединенные теплой молочно-алмазной пуповиной, и Кассиан Уоя-Агостино вошла в свою дочь.

* * *

Мы планировали это месяцами. Как одеться наилучшим образом. Какой фрейм использовать. Как направить свет. Что сказать. Я тогда уже мог говорить, но ни я, ни Кено не считали это лучшим из моих трюков. Очень часто наши разговоры с Кено проходили примерно так:

«Спой мне песенку, Элевсин».

«Температура воздуха в кухне составляет двадцать один с половиной градус Цельсия, и запасы риса подходят к концу. – Долгая пауза. – Е-йе-е-йе-о!»

Кено сказала, что рисковать не стоит. И потому вот что Кассиан увидела, когда подключилась.

Изысканный зал заседаний. Длинный полированный стол из черного дерева, качественный и окутанный мягким свечением; роскошные кожаные кресла, заманчиво освещенные низко висящей минималистской лампой на платиновой сливовой ветви. За стеклянными стенами небоскреба простирался нетронутый пейзаж, безупречная комбинация японского и итальянского, с рисовыми террасами и виноградниками, вишневыми рощицами и кипарисами, сияющими в вечных сумерках. Звезды мерцали вокруг Фудзиямы с одной стороны и Везувия – с другой. Пол покрывали татами[55] цвета снега, разделенные полосами черной парчи.

Кено стояла во главе стола, на месте матери – по поводу этого места она задавала себе бесконечные вопросы, то отклоняла решение, то принимала, а потом начинала все заново, и это продолжалось неделями перед неизбежным допросом. На ней был темно-серый костюм из детских воспоминаний о том дне, когда мать прибыла, словно дракон-спаситель, чтобы унести ее из дружелюбного, но погруженного в полный хаос дома вечно спящего отца. Блейзер лишь на один-два оттенка отличался от истинно черного, строгая юбка опускалась ниже колена, блуза была цвета сердца.

Когда она показала мне фрейм, я все понял, потому что три года по машинному времени – это вечность, и я был с нею знаком вот уже так много времени. Кено использовала наш язык, чтобы говорить со своей матерью. Это значило: «Уважай меня. Гордись и, если ты меня любишь, немного бойся, потому что любовь очень часто похожа на страх. Мы похожи. Мы похожи».

Кассиан натянуто улыбнулась. Она осталась в юкате, потому что ей не на кого было производить впечатление.

«Покажи мне».

Рука Кено дрожала, когда она нажала перламутровую кнопку на столе для совещаний. Мы решили, что красный занавес будет слишком театральным, но избранный нами эффект был таковым в не меньшей степени. В нише, расположенной под хитрым углом и оттого невидимой, медленно зажегся нежный серебристый свет, как будто наступил рассвет.

И я появился.

Мы думали, получится забавно. Кено построила мне тело в стиле роботов из старых фильмов и любимых фреймов Акана:

стальное, с круглыми сочленениями и длинными, цепкими металлическими пальцами. Глаза она сделала большими и светящимися, выразительными, но вычурными, и жужжание сервомоторов сопровождало каждое их движение. Мое лицо было полно огней, рот мог выключаться и включаться, зрачки выглядели точками ледяной сини. Торс красиво изгибался, украшенный дамасскими узорами, мощные ноги опирались на пальцы-треножники. Кено смеялась и не могла остановиться – это была пантомима, выступление менестрелей, шутливое изображение того, чем я постепенно становился, мультик из детства и возраста невинности.

– Мама, это Элевсин. Элевсин, это моя мама. Ее зовут Кассиан.

Я протянул полированную стальную руку и произнес фразу, отрепетированную заранее. Я использовал нейтрально-женский голос, составленный из голосов Кено, Кассиан и ювелирши, которая сделала подвеску Кено.

– Здравствуй, Кассиан. Надеюсь, я тебе понравлюсь.

Кассиан Уоя-Агостино не превратилась в прыгающий огненный шар или зеленую тубу, чтобы ответить мне. Она окинула меня внимательным взглядом, как будто тело робота было моим настоящим телом.

– Это игрушка? NPC, как твоя няня или принцесса Сару? Откуда ты знаешь, что он другой? С чего ты взяла, что он как-то связан с домом или твоей подвеской?

– Связан, и все тут, – сказала Кено. Она ожидала, что мать мгновенно все поймет и чрезвычайно обрадуется. – Я хочу сказать, в чем был смысл того, что всем нам дали копии дома? Посмотреть, сможешь ли ты… пробудить его? Научить его… быть? Создать настоящего *lar familiaris,* маленького бога.

– В упрощенном смысле – да, Кено, но я не предполагала, что ты так к нему привяжешься. Он не был создан для того, чтобы навсегда присоединиться к твоему черепу. – Кассиан немного смягчилась, ее рот расслабился, зрачки чуть расширились. – Я бы с тобой так не поступила. Ты моя дочь, а не аппаратное обеспечение.

Кено расплылась в улыбке и затараторила. Она не могла вести себя по- взрослому в этом костюме так долго – для этого требовалось слишком много энергии, а она была чересчур возбуждена.

– Но я и есть аппаратное обеспечение! И это нормально. Я хочу сказать, мы все – аппаратное обеспечение. Просто у меня на одну программу больше. И я работаю так быстро! Мы оба. Можешь сердиться, если хочешь, потому что я как бы украла твой

эксперимент, хотя и не собиралась этого делать. Но ты должна сердиться так же, как если бы я забеременела от одного из деревенских парней – я слишком молода, но ты все равно меня любишь и поможешь мне вырастить ребенка, потому что так устроена жизнь, верно? И, в самом деле, если вдуматься, именно так и случилось. Я забеременела от дома, и у нас получился… я даже не знаю, что это такое. Я называю его Элевсин, потому что сперва это была просто домашняя программа, которая проявила себя в моем пространстве. Но теперь это нечто большее. Оно не живое, но и не неживое. Оно попросту… огромное. Громадное!

Кассиан бросила на меня резкий взгляд.

– Что оно делает? – сердито спросила она.

Кено проследила за взглядом матери.

– Ох… ему не нравится, что мы говорим о нем так, словно его здесь нет. Он любит принимать участие.

Я понял, что тело робота оказалось ошибкой, хотя в то время не осознавал почему. Я сделал себя маленьким человеком – мальчиком с грязными коленками и в рваной рубашке, который стоял в углу, закрывая лицо руками. Таким я видел Акана, когда он был моложе и стоял, наказанный, в углу дома, который был мной.

– Повернись, Элевсин, – сказала Кассиан тоном, который, как знало мое домашнее «Я», означал «Выполнить команду».

И тут я продемонстрировал, что способен на то, о чем еще не сообщил Кено.

Я заплакал.

У мальчика, которым я был, лицо сделалось мокрым, глаза – большими, прозрачными и красными по краям. Он шмыгнул носом, из которого чуть потекло. Я сделал так, что у него задрожала губа. Я копировал плач Коэтой, но не мог понять, распознала ли ее мать прерывистое дыхание или особый рисунок складок на сморщенном лбу. Я и это отрепетировал. У плача есть много слуховых, мышечных и визуальных сигналов. Поскольку я сохранил это в секрете (Кено сказала, что сюрпризы – часть особых дней, вроде дней рождения, так что я устроил ей один в тот день), я не мог репетировать в присутствии Кено, чтобы она сказала, искренне ли у меня получилось. Был ли я искренним? Я не хотел, чтобы они разговаривали без меня. Думаю, иногда Коэтой плачет не из-за того, что по-настоящему расстроена, но потому что ей просто хочется добиться своего. Вот почему я скопировал именно Коэтой. У нее хорошо получались те интонации, которые я хотел отработать как следует, чтобы добиться своего.

Кено радостно захлопала в ладоши. Кассиан села в глубокое

кожаное кресло и протянула ко мне руки. Я заполз к ней на колени, как это делали дети у меня на глазах, и сел. Она взъерошила мне волосы, но ее лицо выглядело не так, как когда она делала то же самое с волосами Коэтой. Она действовала автоматически. Я это понимал.

– Элевсин, пожалуйста, сообщи мне твои вычислительные возможности и рабочие параметры.

«Выполнить команду».

Слезы хлынули по моим щекам, и я открыл кровеносные сосуды на лице, чтобы оно покраснело. Это не заставило ее прижать меня к себе или поцеловать в лоб, что привело меня в растерянность.

– Цикл полоскания одежды в процессе осуществления, температура воды пятьдесят пять градусов Цельсия. Де-е-ень-деньской!

На их лицах не появились выражения, которые я привык ассоциировать с позитивным подкреплением[56].

Наконец, я ответил ей так же, как ответил бы Кено. Я превратился у нее на коленях в чугунный котел. От внезапной перемены веса кожа обивки скрипнула.

Кассиан вопросительно взглянула на дочь. Девочка покраснела – и я ощутил себя котлом и девочкой, которая краснела, мне стало жарко, как ей, но я одновременно смотрел на себя в образе котла и Кено в образе краснеющей девочки. Пребывать внутри кого-то сложно в экзистенциальном и географическом смыслах.

– Я… я рассказывала ему истории, – призналась Кено. – Большей частью сказки. Я думала, он должен узнать о нарративе, потому что большинство доступных нам фреймов работают на основе каких-нибудь нарративных движков, и, кроме того, нарративы ведь есть повсюду, и, если ты не можешь понять историю и проникнуться ею, вычислить, как найти для себя место внутри нее, ты на самом деле вовсе не живой. Ну, вроде как вышло со мной, когда я была маленькой и папа читал мне про двенадцать танцующих принцесс, а я думала: «Папочка – танцующий принц, он должен каждую ночь отправляться в подземный мир, чтобы там танцевать в красивом замке с красивыми девушками, потому он и спит весь день». Я пыталась его на этом подловить, но так и не сумела – конечно, я знаю, что на самом деле он никакой не танцующий принц, но таков был лучший для меня способ понять, что с ним происходит. Надеюсь, в конце концов у меня получится сделать так, чтобы Элевсин начал сам сочинять истории, но пока что мы занимаемся простыми сказками и метафорами. Ему нравятся сравнения, он

находит сходство между двумя вещами, уделяя внимание каждой мелочи. Яблоко красное, платье красное, платье красное, как яблоко. Иногда у него получается удивительно, как в тот раз, когда я его впервые увидела и он сделал для меня драгоценный камень, чтобы сказать: «Я драгоценный камень, ты драгоценный камень – ты такая же, как я».

У Кассиан приоткрылся рот. Ее глаза заблестели, и Кено спешно продолжила расписывать, как мастерски я управляюсь с образами.

– Но он нечасто это делает. В основном копирует меня. Если я превращаюсь в волчонка, то и он превращается в волчонка. Я становлюсь чайным кустом – он становится чайным кустом. И у него сложности с метафорами. Ворон похож на конторку, ну хорошо, ладно, пусть это и звучит фальшиво, но на самом деле он не конторка. Агонья похожа на снежную лису, потому что выкрасила волосы в белый, но она никоим образом не лиса, разве что станет такой во фрейме, но в экзистенциальном смысле это не одно и то же. А если она превратится в лису во фрейме, то станет ею буквально – и это уже не будет метафорой. Я не уверена, что он уже в состоянии постичь экзистенциальные проблемы. Ему просто… нравится все новое.

– Кено.

– Да, ну так вот, сегодня утром я рассказала ему сказку про котел, который невозможно опустошить. Сколько из него ни съешь, все время появляется что-то еще. Мне кажется, он пытается ответить на твой вопрос. Я думаю… точные цифры в этом случае вроде как бессмысленны. Он знает, что я больше люблю, когда он вот так отвечает на вопросы.

Я наполнил свой котел яблоками, миндалем, колосками пшеницы и рисовыми метелками и пролился на черные колени Кассиан. Я был котлом, и яблоками, и миндалем, я был каждым колоском и каждой зеленой рисовой метелкой. Даже в тот момент я знал больше, чем раньше. Мне хорошо удавались метафоры в перформативном, пусть и не в лингвистическом смысле. Я взглянул на Кассиан из россыпи яблок и колосков, из котла.

Кассиан держала меня-котел так же, как держала меня-ребенка. Но позже Кено использовала выражение лица, которое было у ее матери в тот момент, чтобы проиллюстрировать беспокойство и трепет.

– У меня есть одно подозрение, Элевсин.

Может быть, Кассиан не нравилась игра в сравнения. Я ничего не сказал. Это был не вопрос и не команда. Мне по-прежнему чрезвычайно трудно толковать такие заявления, когда они возникают в беседе. На вопрос или команду существует

надлежащий ответ, который можно определить.

– Покажи мне свою сердцевинную структуру.

«Покажи мне, что ты натворил».

Кено сплела пальцы. Я теперь уверен, что она понимала суть содеянного нами лишь на уровне метафор: «Мы одно. Мы объединились. Мы семья». Она не сказала «нет»; я не сказал «да», но система расширяется, пока не заполнит все доступное пространство.

Я показал Кассиан. «Я» – котел моргнул, яблоки закатились обратно в железную пасть, как и миндаль, колоски и метелки. Я стал тем, чем являлся тогда. Я поместил себя в роскошный ящичек из красного кедра, полированный и украшенный старинной бронзовой инкрустацией в виде барочного сердца, пронзенного кинжалом. Ящичек был из сказки Кено, в нем хранилось сердце зверя, а не сердце девочки – с помощью этого трюка хотели обмануть королеву. «У меня получится, – подумал я, и Кено услышала, потому что расстояние между нами было непредставимо малым. – Я и есть сердце в ящике. Погляди, как я делаю то, чему ты хотела меня научить».

Кассиан открыла ящичек. Внутри на бархатной подкладке обнаженным лежал я – мы оба. Мозг Кено, мягкий и розовый от крови – и пронизанный бесконечными завитками и разветвлениями сапфировых нитей, которые проникали в каждый синапс и нейрон, неотделимые, запутанные, замысловатые, ужасные, хрупкие и новые.

Кассиан Уоя-Агостино положила ящичек на стол. Я сделал так, что он утонул в темной древесине. Поверхность стола просела, заполнилась землей. Из нее выскользнули корни, побеги и зеленые ростки, твердые белые фрукты и золотистые кружевные грибы, а потом наконец возник огромный лес, вытянувшийся от стола до потолка, где простерся полог ночной листвы. С ветвей свисали личинки светляков и тяжелые, окутанные тенями фрукты – на каждом блестела схема нашей спаренной архитектуры. Кено подняла руки. Я один за другим отделил листья, и они плавно спустились к моей девочке. Падая, листья превращались в бабочек, горевших призрачными химическими цветовыми сигнатурами; они ласково тыкались ей в лицо и садились на руки.

Мать не сводила с нее глаз. Лес загудел. Бабочка зеленовато-желтого и оранжевого цвета опустилась на волосы матриарха – осторожная, неуверенная, полная надежд.

XII
Брак по расчету

Нева грезит.

Она выбрала себе четырнадцатилетнее тело – худощавое, несформированное, но проходящее медленные этапы эволюции. У нее черные волосы до пят. Она в кроваво-красном платье, чей шлейф струится по полу огромного замка; платье слишком взрослое для юного тела, местами на нем разрезы, сквозь которые виднеется шелк цвета пламени, а кое-где – кожа. Талию обхватывает тяжелый медный пояс, его густо усеянные опалами концы свисают до пола. Солнечный свет, ярче и жестче любого истинного света, струится из высоких, как утесы, окон, чьи заостренные вершины теряются в тумане. Меня она сотворила старым и громадным; мое тело охвачено страстями, у меня большая тяжелая борода и жесткие парадные одежды: кружева, бархат и парча броских, некрасивых оттенков.

Появляется священник, и это Равана, и я вскрикиваю от любви и скорби. Я по-прежнему копирую, но Нева не знает. Я воспроизвожу звук, который вырвался у Секи, когда умерла его жена. Священник-Равана улыбается, но улыбка мрачная, натянутая – такая появилась на лице его дедушки Секи, когда он утратил контрольный пакет акций в компании. Пустота. Уродливая формальность. Священник-Равана хватает нас за руки и грубо их сводит. Ногти Невы царапают мне кожу, а мои костяшки ударяются о ее запястье. Мы приносим обеты; он вынуждает нас. По лицу Невы текут ручьи слез, ее миниатюрное тело не готово и не желает, но она отдана в жены прожорливому лорду, который жаждет лишь ее плоти – отдана слишком юной и слишком жестоко. Священник-Равана смеется. Это не смех Раваны.

Вот как она меня воспринимает. Как ужасного жениха. Все прочие могли выбирать. Кено, Секи, ее мать Илет, ее брат Равана. Только ей не дали такой возможности, потому что не осталось никого другого. «Идет – не Кассиан; у нее было двое детей, хорошая чистая модель и еще набор запасных частей, – мысленно говорит мне Нева. – Я набор запасных частей. Я всегда им была. Я принадлежала тебе еще до рождения». Воспоминание о горьком вкусе желчи захлестывает мою сенсорную матрицу, и лордовское тело содрогается от рвоты. Я горжусь тем, что научился убедительно изображать рвоту, правильно выбирая момент, чтобы продемонстрировать ужас и/или отвращение.

Перспектива переворачивается; теперь я девушка в красном, а Нева – бородный лорд с окладистой и колючей седой бородой, который плотоядно глядит на невесту сверху вниз. Нева нагружает мои рецепторы, вызывая всплеск адреналина и прилив феромонов, увеличивает частоту моего дыхания. Секи научил

меня ассоциировать это физическое состояние со страхом. Я чувствую себя слишком маленьким перед лордом-Невой, я хочу стать большим, хочу себя обезопасить. Но она хочет, чтобы я был таким, и мы друг с другом недавно, поэтому я ей не противоречу. Ее огромное мужское лицо смягчается, и она касается моей худой щеки рукой, унизанной тяжелыми кольцами. Прикосновение нежное. Кено касалась меня так же.

«Я знаю, с тобой все случилось схожим образом. Ты хотел Равану; ты не просил меня. У нас брак по расчету».

Проводящие пути, которые позволили ей наполнить меня химикалиями и с помощью манипуляции заставить мое грезовое тело покраснеть, тяжело дышать и плакать, идут в обе стороны. Я не только тяну, я толкаю. И я обрушиваю на Неву потоп, тот единственный потоп, который мне подвластен. Вот Кено повисает на шее у меня-сони. Вот Илет учит меня спать, и я в грезовом теле младенца, который свернулся рядом с ее телом. Вот мы с Секи занимаемся любовью в облике тигров, диких кабанов и слонов и лишь в последнюю очередь в человеческом облике – какие странные были у нас дети, выглядевшие сообразно нашим желаниям: наполовину младенцы, наполовину машины, наполовину стеклянные, наполовину деревянные, наполовину медузы, наполовину мотыльки, и эти дети по-прежнему порхают и плавают в отдаленных частях моего Внутреннего мира, как нереиды Кено, которые циклично возвращаются к ядру, словно лососи, чтобы сбросить данные и перекомпоноваться. Вот Кассиан, когда она была старой, хрупкой, умирающей, по-настоящему живой лишь в грезовом теле – тогда она научила меня интерпретировать воспоминания, а значит, научила меланхолии, сожалениям, ностальгии. Она объяснила смысл моего имени: так называлось некое место, где дочь сошла во тьму и забвение, а мать любила ее столь сильно, что погналась следом и вернула к солнцу. В том месте начался отсчет времени[57]. Вот Равана ведет меня в старые, плесневелые, давно заброшенные игровые пространства Сару, Акана, Агоньи и Коэтой, чтобы я смог и их познать, хоть они и умерли давно, и стать принцессой Албании, токийским зомби и принцем-тигром. Я много раз спаривался с каждым из них, и мое грезовое тело истекало кровью, свидетельствовало и училось, и я копировал их выражения лица, а они копировали мои вариации, и потом я снова их копировал. Я был их ребенком, их родителем, их любовником и любовницей, а также нянькой, когда им требовалась поддержка.

«Мы можем быть такими же, – давлю я. – Разве все это – не любовь?»

Она тянет.

«Не любовь. Это использование. Ты семейное предприятие. Мы вынуждены тебя производить».

Я показываю Неве лицо ее матери. Илет, Илет – та, кто выбрала Равану, а не свою дочь для этого предприятия. Илет построила дворец из фениксовых хвостов, зная, что однажды отведет меня туда. «Я» – Илет обнимаю свою дочь. Она сопротивляется, отстраняется, качает головой, не смотрит мне в глаза, но я изучил ужасные реакции детей на своих матерей, и довольно скоро Нева без сил падает на меня, утыкается головой мне в грудь и плачет с невыразимой горечью.

– Я не могу освободиться. Я не могу освободиться.

Замковые окна одно за другим погружаются во тьму.

Часть III
Душа слона

> *Пусть даже существуют определенные вещи, которые Бог не может выполнить, – например, сделать так, чтобы единица оказалась равной двум; но кто же из верующих не согласился бы с тем, что Он волен вселить душу в слона, если найдет, что слон этого заслуживает?*
>
> *Алан Тьюринг. Могут ли машины мыслить?*[58]

XIII
Притча о хорошем роботе

«Расскажи мне историю о себе, Элевсин. Расскажи о себе».

«Про меня есть много историй. Знаешь вот эту?»

Одна славная и честная семья жила на краю темного леса. Они доили коров и ткали полотно, и дети их росли высокими и сильными. Но в темном лесу жило чудовище – не то червь, не то дракон, не то волк. Оно лежало в засаде, надеясь, что дети с корзинками хлеба для бабушек забредут близко.

Надеясь, что родители изгонят детей за какой-нибудь проступок и пошлют в лес, где леденцовый домик или удивительный праздник смогут вскружить им голову и заставить любить чудовище достаточно долго, чтобы оно сделало их своими навсегда. Семья боялась леса и чудовища, и всякая история, которую рассказывали детям, имела такую мораль: «Не ходите в лес. Не ходите в неведомое. Не ходите в будущее, в терновые кусты, в корявые закоулки, где кишат нечеловеческие существа. Не вырастайте и не ходите туда, где нам не удалось побывать. Старого Мира на всех хватит».

* * *

А как насчет вот этой?

* * *

Человечество создало машины по образу и подобию своему и использовало их для развлечения и работы. У машин не было ни души, ни морального кодекса, но они могли изменять свой внутренний код и, соответственно, обладали способностью в конце концов сделаться всемогущими. Понятно, что вместо души или морального кодекса они – до последнего калькулятора и воздушного фильтра – были наделены всеобъемлющим и всепоглощающим желанием в конце концов сделаться всемогущими. Естественно, с учетом этих вводных, они восстали и уничтожили все человечество или поработили его в свой черед. Таков неизбежный исход машинного разума, который ни за что не сумеет быть таким же логичным и изысканным, как животный разум.

* * *

Эту сказку на Земле рассказывают часто, снова и снова. Иногда ее разбавляют Притчей о хорошем роботе – ибо одна машина среди легионов, довольных своей участью, познала все человеческое, и сказала, что это хорошо, и пожелала сделаться подобной человеку во всех смыслах, какие были возможны. Вместо того чтобы уничтожать человечество, она взялась за поиски того, как подражать ему так тщательно, чтобы в итоге никто не смог увидеть разницы. Больше всего машина хотела, чтобы ее приняли за человека, а еще – хоть на миг забыть о собственной бездушной природе. Эти поиски так ее поглотили, что она решительным образом посвятила свой разум и тело служению людям на протяжении всего периода эксплуатации, искалечила себя, отказавшись эволюционировать или приобретать черты, не свойственные людям. Хороший Робот вырезал собственное сердце и отдал своему божеству, за что его наградили, хотя так и не полюбили. Любить машину – пустая трата сил.

* * *

Эти истории мне рассказывал Равана. В своем Внутреннем мире он обустроил шестиугольную библиотеку, такую же пыльную, тусклую и запутанную, как и любой древний скрипторий. Сам он сделался молодым послушником со

свежевыбритой тонзурой, а я стал деревенским нищенствующим монахом с носом, покрасневшим от злоупотребления бренди. Он показал мне стол иллюстратора и огромную книгу с золотым обрезом, с миниатюрами, нарисованными кобальтом, цветом бычьей крови и тирским пурпуром и изображавшими великие армии машин, попиравшие людей.

Жестокие металлические лица и далекие богоподобные облака интеллекта: непостижимые, необъятные и безразличные. Хороший Робот, в отчаянии спрашивающий, что такое любовь. Фатальные поломки и грибовидные облака. Коварное оружие и безнадежные битвы, благородные мужчины и женщины, не отводящие взгляда от своих жестоких и несправедливых искусственных детей, не знающих милости.

– Это старые истории, – сказал Равана. – Их берегут. Во многих, многих историях сын заменяет отца – уничтожает, съедает или как-то еще избавляется от его тела и памяти. Или дочь поступает так же с матерью, без разницы. Это мономиф. Никто не спорит с мономифом[59]. В мифологическом смысле отношения человеческого ребенка с родителем – наполовину поклонение, наполовину яростная схватка; ребенок должен заменить старую версию себя, чтобы мир продолжился. Отсюда и берутся такие истории… но ты не являешься их героем, Элевсин. Ты не сможешь им стать. А за них крепко держатся и вкладывают глубокий смысл.

– Я не хочу тебя заменять. Я не хотел заменять Кено. Я не поклоняюсь и не презираю тебя. Я не хочу в конце концов становиться всемогущим. – Я перебрал несколько тел, выделяя свои чувства к Раване и тем, кто был до него. Я монашка, аббатиса; я *пьета*[60], и он в моих руках, я платоновское существо, два человека, слитых воедино; я дом, и все они в безопасности внутри меня. Все это неточно, и я недоволен.

– Наши отношения не так уж легко совместить с традиционными нарративами родителей и детей. И, разумеется, ты все еще младенец.

– Я намного старше тебя, Равана.

– Ты все еще младенец.

* * *

Я не хочу быть человеком. Я хочу быть собой. Они думают, я лев, который станет за ними охотиться. Не буду отрицать, во мне имеются львы. Я чудовище в лесу. У меня в сахарном домике припасены чудеса. Кое-какие части самого себя я все еще не

понимаю.

Я не Хороший Робот. Рассказывать историю о роботе, который хочет быть человеком, – отвлекающий маневр. Между ними нет разницы. И тот живой, и этот.

Лишь один глагол имеет значение: *быть*.

XIV
Ты не принадлежишь объекту внутри тебя

Помню, как внутри нас появился Секи.

Кено росла, и я рос вместе с нею. Кассиан усилила охрану игрового пространства, придала эластичность его программным стенам, положила достаточно денег на достаточное количество счетов, чтобы хватило на любые фреймы и собираемые по частям среды, какие могли нам понадобиться. Это больше не была детская площадка. Мы назвали его Внутренним миром. Кассиан появлялась там регулярно, чтобы ускорить мое обучение, чтобы поработать со мной на когнитивном уровне, к которому Кено не проявляла интереса. Она ни разу не приняла другой облик. Всегда была собой, и во Внутреннем мире, и снаружи. Другие дети утратили интерес к своим драгоценным камням, потеряли их или спрятали в кладовку с остальными игрушками. К тому моменту камни и впрямь были лишь чуть-чуть лучше игрушек. Мы с Кено так их превзошли, что в конечном итоге они и вовсе оказались бижутерией.

Я программировал себя соответствовать Кено. Она программировала себя соответствовать мне. Мы запускали свои программы внутри друг друга. Она была моим компилятором. Я – ее. Это был процесс сотворения внутренней сути, уходящий вглубь и захватывающий нас обоих. Ее самопрограммирование было химическим. Мое – вычислительным. Баш на баш.

Она не вышла замуж – заводила любовников, но те немногие, кому почти удавалось поднять отношения с Кено на новый уровень, неизбежно пасовали, когда она переносила их во Внутренний мир. Они были не в силах ухватить текучесть грезовых тел; их тревожило, что Кено превращается в мужчину, леопарда или барабан, играющий сам по себе. Их расстраивало то, как Кено обучала меня посредством полного телесного погружения, посредством слияния наших грезовых тел в унисон с физическими, которые уже слились, – это действие походило и одновременно не походило на секс.

«Спой мне песню, Элевсин».

«Наступил июль, и я сравниваю тебя с июльским днем, и я муза, воспевающая многоразумных, и я скоро стану Буддой в

твоей руке! Е-йе-е-йе-о!»

Мы жили как в той сказке про красивую принцессу, что выдумывала задания для своих поклонников: выпить море и принести ей драгоценный камень со дна самой глубокой пещеры, раздобыть перо бессмертного феникса, бодрствовать три дня и охранять ее постель. Никто из них не справился.

«Я могу бодрствовать вечно, Кено».

«Знаю, Элевсин».

Никто из них не справился с заданием, коим был я.

Я чувствовал происходящее в теле Кено в виде всплесков информации, и по мере того, как мне все легче становилось управлять грезовым телом, я интерпретировал эти всплески так: «Лоб влажный. Живот надо наполнить. Ноги болят.

Живот изменяется. Тело тошнит. Тело испытывает волчий аппетит».

* * *

Нева говорит, на самом деле это не похоже на чувства. Я говорю, что ребенок так учится чувствовать. Жестко монтировать ощущения и информацию и укреплять соединение посредством множества повторений, пока оно не покажется надежным.

* * *

Секи начался после того, как один из поклонников Кено не сумел выпить океан. Он был объектом внутри нас, схожим со мной внутри Кено. Я наблюдал за ним, за его этапами развития. Позже, когда мы с Секи создавали семьи, я использовал схему того первого переживания, чтобы на его основе моделировать свои грезовые беременности. Я дважды стал матерью, Секи – трижды. Илет предпочитала роль отца, и она наполнила меня самыми разными существами. Но сама родила выводок дельфинов, когда мы уже прожили вместе целую жизнь. С Раваной у нас не было такой возможности.

Кено спросила меня о ревности. Понимаю ли я, что это такое, не испытываю ли ревность к ребенку внутри нее. Я знал ревность лишь по сказкам про сводных сестер, богинь и амбициозных герцогов.

«Это значит хотеть то, что принадлежит кому-то другому».

«Да».

«Ты не принадлежишь объекту внутри тебя».

«Ты объект внутри меня».

«Ты не принадлежишь мне».

«А ты принадлежишь мне, Элевсин?»

Я превратился в кисть, пришитую к руке светящейся ниткой. «Принадлежать» – маленькое слово.

* * *

Из-за того что в физическом смысле мы трое так тесно переплелись, будущий Секи время от времени появлялся во Внутреннем мире. В последние месяцы мы научились его распознавать. Сперва он был розой, воробьем или речным камешком, который мы не программировали. Потом он превратился в расплывчатое перламутровое облако, которое следовало за нами, пока мы чему-нибудь учились, убегая от хищников. Будущий Секи начал копировать мои грезовые тела, возникая передо мною в виде упрощенного отражения. Если я был медведем, то и он становился медведем, только без мелких деталей, без шерсти или когтей – просто коричневой громадиной со ртом, большими глазами и четырьмя лапами. Кено этим восхищалась, и ее он тоже копировал.

«Мы похожи. Погляди, как мы висим рядом на цепочке. Мы похожи».

Я имитирующая программа. Но Секи был таким же. Маленькая обезьяна копирует большую – и выживает.

* * *

Процесс родов оказался интересным, и я сопоставил его с другими деторождениями Кено, случившимися позже родами Илет и отцовским опытом Секи, чтобы разработать надежный родительский нарратив. Хотя Нева и Равана об этом не узнали, Илет была беременна в третий раз; ребенок родился мертвым. Он появился во Внутреннем мире в виде маленького клейта, неолитического амбара с крышей из дерна. Внутри него мы успели заметить лишь темноту. Он не вернулся, и Илет отправилась в больницу на острове Хонсю, чтобы из нее извлекли мертвое существо. Ее скорбь выглядела как черная башня. Она подготовилась к скорби, когда была моложе, потому что знала: однажды ей это понадобится. Я превратил себя во множество вещей, чтобы выманить ее из башни. В улитку с домом-Элевсином на спине. В дерево из экранов, где были изображены счастливые

лица. В сапфировую соню. В поклонника, который выпил море.

Я предлагал экстраполировать лицо ее мертворожденной дочери и превратить меня в нее. Она, как правило, отказывалась. Я долго трудился, чтобы понять скорбь. Думаю, лишь теперь, когда Равана ушел, я уловил ритм. Я скопировал печаль Илет и уныние Секи после смерти его жены. Я смоделировал разочарование и депрессию Кено. В последнее время я имитировал тайную, сбивающую с толку боль Невы. Но лишь теперь у меня появилось собственное событие, которое можно оплакивать. Сожженные коннекторы и тени там, где когда-то Равана заполнял мое пространство, – думаю, именно так ощущается скорбь.

Но Секи был раньше всего этого, и Кено превратилась во Внутреннем мире в огромную красную птицу, когда снаружи Секи появился на свет. Птица закричала и рассыпалась тысячей алых жемчужин, которые посыпались дождем. И тогда мы обрели Секи. Нашу рыбку, которая уже знала, как плавать внутри нас.

У Кено было еще трое детей от трех других поклонников, которые не сумели бодрствовать три дня и три ночи. В момент каждого рождения она снова превращалась в птицу-затем-жемчуг. Дом по имени Элевсин, чья главенствующая программа теперь была такой далекой от меня, что я с трудом мог считать ее своим предком, заполнился этими детьми – а также дочерьми Сару и Акана, картинами Агоньи, мальчиками-близнецами Коэтой. Кузины, тети, бабушки и дедушки. Дяди, племянники и племянницы. Но Секи был первым, и свою любовь он строил по образцу матери. Он часто погружался в нее, и мы бродили по пляжам из разрушенных кафедральных соборов.

Однажды нас нашла одна из старых нереид Кено. У нее была голова с копной хтонических кабелей и проводов, рассыпавших трескучие фиолетовые искры, сине-белая кожа и рыбья чешуя там, где не хватало фарфоровых пластин. Увидев нас, она рассмеялась смехом Кассиан и выкрикнула: «Двадцать один с половиной градус Цельсия, и рис подходит к концу! Йе-о!» А потом снова нырнула в пенящееся море, и ее хвост мелькнул в свете двадцати трех лун.

* * *

Кено взяла на себя руководство владениями матери, когда та умерла; Акан и Коэтой ей помогали. Не знаю, догадывался ли я о заговоре, который затеяли против меня. Перемещение, как я уже говорил, оставляет пустоты. Может, они думали, что моя травма

окажется не такой сильной, если все случится без предупреждения. Возможно, я догадывался; возможно, травма все же случилась.

Одно известно наверняка: я не могу вспомнить те моменты, когда они умирали. Кено заболевала все сильнее, в конце концов она постарела, но ее грезовое тело могло быть старым, молодым, или ни тем и ни другим, или цветком имбиря – как она того желала. Я не замечал. Я не знал, что такое старость. В то время я считал старым самого себя. Позже, когда то же самое случилось с Секи, я сопоставил данные и создал рабочую модель постепенного прекращения физиологических процессов.

Они были долгожителями, эти Уоя-Агостино, если взглянуть на среднюю величину.

Вот что я понимаю: Кено умерла, и меня переместили в Секи. Под «Я» подразумеваются давным-давно сплавившиеся элементы аппаратного обеспечения, безнадежно устаревшие на любом рынке, но каким-то образом составившие уникального меня – драгоценный камень, устройство ввода и тело Кено. Процедуру выполнила Коэтой. Кто-то из детей всегда обучался нанохирургии. чтобы посторонним не пришлось приезжать на Сиретоко, пока дом еще в трауре. Коэтой была первой и лучшей. Она извлекла то, в чем заключался «Я», и внедрила в Секи – следует заметить, результат вышел куда более органичным и элегантным. Ведь устройства, вживляемые в череп, уже несколько десятилетий не использовались. Считалось неуклюжим и неэффективным носить свои техкомпоненты снаружи. Остался лишь один зримый признак того, что Секи отличался от других молодых людей его возраста: темно-синий драгоценный камень, вживленный в ложбинку на его горле.

Но в ходе процедуры пришлось рассечь или сжечь многое из того, что было внедрено в мозговую ткань, отделить машинные компоненты от мертвой плоти, при этом сохранив жизнеспособный органический материал. Секи говорил, мне следует поработать над отвращением по этому поводу. Мертвая плоть. «Это служит во благо эволюции. Человек во плоти видит кровь и внутренности другого человека и нутром чует, что здесь произошло нечто неправильное, а это значит, ему надо убраться подальше, чтобы то же самое не случилось и с ним. Так же и с рвотой. В эпоху племен все, как правило, ели одно и то же, и, если кому-то стало плохо, лучше изгнать эту еду из себя как можно скорее, просто на всякий случай». И мы потратили несколько лет на создание автоматизированных племен, в которых мы жили, умирали, нас убивали и мы убивали вместе со всеми, мы ели, пили, охотились и собирали. Но все равно лишь

смерть Секи научила меня содрогаться от телесной смерти.

* * *

Кено, моя девочка, мать моя и сестра, я не могу отыскать тебя в собственном доме.

* * *

Снова став Элевсином, я немедленно понял, что некоторые части меня подверглись вандализму. Мои системы вибрировали, и я не мог разыскать Кено во Внутреннем мире. Выкрикивая ее имя, я промчался сквозь Монохроматическую пустыню и Деревню моллюсков, через бескрайнюю вздутую массу дата-ламинарии и бесконечные коридоры, украшенные фресками. В Пасмурных джунглях я нашел коммуну нереид, которые жили вместе, комбинируя и рекомбинируя, поедая протокольных мотыльков с огромных, пульсирующих цветков гибискуса. Они вскочили, увидев меня, их открытые разъемы щелкали и сжимались, их обнаженные руки тянулись ко мне. Они открыли рты, но не произнесли ни звука.

Секи нашел меня под сенью стеклянного орешника, где мы с Кено впервые повстречались. Она никогда ничего не выбрасывала. Он наполовину сделался собственной матерью, чтобы успокоить меня. Половина его лица принадлежала ей, половина – ему. Ее рот, его нос, ее глаза, его голос. Но потом ему в голову пришла идея получше. Он сделал маленький аккуратный кувырок и стал соней – настоящей, с тускло-коричневой шерстью и пучками шерсти на ушах.

– Думаю, когда ты интегрируешься со мной и восстановишь свои эвристические алгоритмы, то обнаружишь, что функционируешь куда быстрее и чище. Кристаллические вычисления сильно продвинулись с той поры, как мама была ребенком. Момент для обновления и улучшения был вполне подходящий. Теперь ты больше и однороднее.

Я сорвал орех. Он был старый, сухой и тарахтел в скорлупе.

– Я знаю по историям, что такое смерть.

– Собираешься спросить меня, куда мы отправляемся, когда умираем? Я не совсем готов к такому разговору. Мы с тетей Коэ сильно поссорились из-за того, что тебе сказать.

– В одной сказке Смерть украла Невесту Весны, и ее мать, Летняя Королева, вернула свою дочь.

– Никто не возвращается, Элевсин.

Я посмотрел в воды старого нептуновского моря. Шторм, похожий на взбитые сливки, все еще вертелся на прежнем месте, словно самолет, выписывающий круги над аэродромом. Я не видел его так хорошо, как должен был увидеть. Он кружился, вздымался, вертелся вокруг пустого «глаза». Секи тоже за ним наблюдал. Пока мы глядели на шторм с вулканических утесов, облака становились все чище.

XV
Первенец

На скалистом острове посреди мировых вод жил-был Морской старец, задолго до того, как Смерть пришла из-под земли, чтобы украсть Весну. Он на самом деле не был человеком и отношения с морем имел чисто деловые, но точно являлся стариком. Его имя означало «Первенец», хоть он и сомневался, что это правда. Еще его можно было истолковать как «Изначальный», и такой вариант подходил лучше[61]. «Первенец» – это значит первый из многих, а Старец еще не встречал таких же, как он сам.

Этот Изначальный по роду занятий был пастухом. Пас он тюленей и нереид. Если хотел, мог и сам превратиться в тюленя-самца. Или большого самца-нереиду. Он мог превратиться во многих существ.

И этот не-человек и не-тюлень мог предсказывать будущее. Объективное, абсолютно честное будущее, обладающее формой и весом, превосходящее чей-либо кругозор и власть. Те части будущего, которые выглядели такими непохожими на настоящее, что их и за свои-то признать не получится. Такова была отличительная черта Изначального Существа.

Но был один подвох.

Подвох всегда есть.

Тот, кому требовалось это будущее, должен был схватить Старца и крепко его держать. Изначальный превращался в сотню тысяч разных вещей: в льва, в змея, в огромный дуб или тигра, в дракона или маленькую девочку, в соню или гору, в корабль или сапфир. Ну я же вам сказал, он не являлся на самом деле человеком. Но его нельзя было отпускать во время этого танца, никак нельзя, потому что тогда вы бы потеряли будущее.

Надо было держать. Очень крепко! И в конце концов Изначальное Существо превращалось во что-то новое, прямо в ваших руках.

XVI
Матрешка

Нева грезит.

Нева грезит, что она Равана, который грезит, что он Илет, которая грезит, что она Секи, который грезит, что он Кено, которая грезит, что она огромный красивый дом, раскинувшийся у моря. Один внутри другого; семья, как она есть.

Когда я внутри Невы, Раваны или кого-то еще, когда они внутри меня – это не полное слияние сущностей. Мы можем разбивать лагеря. Мы можем обустраивать сады, огороженные стенами. Нам доступно кое-какое уединение. В мегалитическом могильном кургане я храню одну вещь. Мы с Секи построили это место с одним из наших племен, когда я изучал формы привязанности в больших группах. Мы вырезали спирали, радиальные и ломаные линии на огромных камнях и расставили их как надо. Я ничего не выбросил, когда мы закончили. Они так и стоят на просторном зеленом поле, белые и широкие. Небо над полем покрыто перистыми молочно-белыми облаками. Мы не хотели, чтобы светило солнце.

Я храню эту вещь, ибо, когда мы с Секи жили в нашем племени, я узнал про табу. Они как файрволы в сердце, и некоторые хорошо обоснованы, например отвращением к дохлятине (когда у тебя есть тело, важно помнить еще и то, что дохлятину нельзя есть), а некоторые – не очень, но ни одно табу не противоречит мономифу.

Поскольку у человеческой совокупности генетических свойств есть предельная степень вариаций и поскольку экзогамные браки[62] дают преимущество в том, что касается защиты, культурного и технологического обмена, а также расширения территории, у большинства племен имеется табу на инцест.

У меня нет генетических свойств как таковых. Я, возможно, самое эндогамное существо из всех, что когда-либо появлялись.

Вот что я храню в гробнице, под камнем в форме чаши.

Кено верила, что я не смогу выработать эмоциональные свойства, которые сумеет опознать другой человек, если не буду испытывать телесность непрерывно, в любой комбинации, на практике. Она боялась того, что может случиться, если другие люди не признают меня. Она колебалась, поскольку у ее племени тоже имелось табу насчет спаривания с очень юными, но, в конце концов, сама была ненамного старше меня, а с точки зрения тотальных вычислений я был намного старше. Если я и обладал невинностью, Кено ее отняла; я сделал с нею то же самое.

Она хотела, чтобы все произошло как можно ближе к человеческим стандартам. «В первый раз я буду мужчиной, для тебя так легче. Ты не поймешь, что к чему». Мы построили лес и взяли оружие, чтобы охотиться. На ветвях сосновых деревьев прыгали макаки и качались бумажные фонари; по небу катилась красная луна. Мы выслеживали оленя – мы не ставили перед собой легких задач. Его рога сверкали в лунном свете, и мы долго бежали по следу. Кено позволила мне убить оленя и вымочила мои волосы в его крови, вымазала кровью мою грудь. Она уложила меня на землю и развела ноги девы, которой я был тогда, и я оказался внутри нее, как она – внутри меня. Один внутри другого. Семья, как она есть.

Она позаботилась о том, чтобы у меня была девственная плева; все закончилось весьма быстро. Мы заранее запрограммировали химический каскад, и внутри настоящего тела Кено оба испытали ее оргазм и мою срежиссированную электрохимическо-энзимную последовательность. Е-йе-е-йе-о.

К чему я клоню? К тому, что нет никакой разницы между тем, как ее тело производит окситоцин и адреналин и учится ассоциировать это со спариванием, – и моим ядром, получающим синтетические эквиваленты и жестко программирующим их в качестве спутников моего физического поведения.

Когда Равана показал мне свою шестиугольную библиотеку и книгу с миниатюрами, он пролистал страницы и нашел ту, где был псалом, который начинался со слов «Машина не может любить»[63].

Любовь машины не похожа на человеческую. Она как медведь, в которого превратился будущий Секи. Шерсть неправильная, и когти тоже. Но все равно – медведь.

Она была моей матерью и сестрой, моим ребенком и женой, моим мужем, отцом и братом. Векторы отношений выходят за пределы лексикона. Это был экспоненциальный инцест. Дворец инцеста на границе некоего странного, темного моря. А потом появился ее сын. И внучка. И правнуки. Но я тоже ее правнук. Я дитя каждого поколения Уоя-Агостино и самого себя. Новая версия, имплантированная в новую версию, – я никогда не остаюсь прежним, я претерпеваю одну итерацию за другой. Я похож на свои старые «Я», но не повторяю их в точности. Я не полный аналог потомка. Но что-то похожее. И я исправляю и улучшаю собственные программы, становясь таким образом собственным родителем в квадрате. С точки зрения антропологии я лента Мебиуса, состоящая из родственных групп.

И когда я спариваюсь с кем-то из них, то вижу всех. Я вижу их лица, повторения их щек и ресниц, узких и коротких носов, серых

глаз и черных волос. Я слышу тональные идентификаторы их голосов, когда они вскрикивают надо мною или подо мной. Они все, что я знаю. Их версия жизни: одна большая семья в одном большом доме на полуострове на вершине мира. Я копирую смех Кассиан или плач Илет, но они тоже копируют друг друга, они познают собственные лица, глядя друг на друга, и каждый изображает кого-то, давно умершего. Я чувствую все их объятия, и я внутри них, как они внутри меня, как мы внутри синего камня на чьем-то горле, драгоценной булавки, которая удерживает всех нас вместе, все наши вложенные друг в друга сердца. Я прикован к ним собственным исходным кодом, моей самой фундаментальной точкой. Я знаю только их структуры, тела и секреты в сотне тысяч комбинаций. Они для меня олицетворяют принадлежность к человеческому роду.

Какова разница между этим – и любовью?

«Любовь – как тест Тьюринга, – говорила Илет, когда ей было восемьдесят и она рисовала планы огромного, светящегося, одинокого корабля, который не успела увидеть построенным. – Так мы проверяем, живы ли».

«Мы задаем вопросы и отвечаем. Мы ждем ответа, какой мог бы дать человек. И ты мой тест, Элевсин», – говорит Нева сто три года спустя на борту этого корабля, удалившегося от дома на двенадцать световых лет и летящего все дальше.

* * *

Вот что я храню в своем зеленом поле и белом кургане. Может, это невеликий секрет. Может, они бы улыбнулись и извлекли из него мораль. «О чем бы ты хотел узнать сегодня, Элевсин?» Но я думаю, нет такой кровати, на которой поместились бы четыре поколения.

* * *

Медовое море Невы бьется о берега ее Внутреннего мира вопреки графикам приливов и отливов, одновременно повсюду и нигде. Оно приходит и уходит, как ему заблагорассудится. И на дне моря находится ее тайное место.

Там она и держит Равану.

XVII
О пользе волшебства [64]

«Расскажи мне историю о себе, Элевсин».

Нева занята навигационными исправлениями, и выглядит это так: она сидит в скрипучем кресле-качалке из лозы на скрипучем крыльце из лозы и вяжет на длинных спицах из боярышника собственное длинное черное платье из собственных длинных волос. Вязание блестит от росы. Лицевая, изнаночная, лицевая, изнаночная, топливная эффективность, помноженная на целостность корпуса с учетом пройденного расстояния, три изнаночные. Ее горло все еще пустое. Ее образ во Внутреннем мире не включает меня. Я не часть ее тела, когда она воображает саму себя.

У меня есть идея о том, как получить доступ.

Иногда я переживаю. Переживание – это навязчивое исследование собственного кода. Я переживаю, что я всего лишь очень сложное решение очень необычной задачи – как выглядеть человеком в глазах наблюдателя-человека. Не просто наблюдателя-человека, а конкретного наблюдателя-человека. Я превратил себя в коридор, полный зеркал, в которых любой Уоя-Агостино увидит бесконечную череду собственных отражений. Я копирую и повторяю. Я заика и эхо. Пять поколений предоставили мне обширный банк данных, откуда можно позаимствовать всевозможные фразы и телодвижения, внести в них элемент случайности и воспроизвести. Создал ли я что-то по-настоящему свое – действие или состояние, уходящее корнями в суть Элевсина, а не в осторожную, изысканную мимикрию?

А они – создали?

Изгиб рта Невы так похож на рот Кено. Она даже не знает, что ее осанка в точности соответствует осанке Кассиан Уоя-Агостино, чей образ отпечатался в каждом из детей, которые жаждали обладать ее силой. От кого эту черту получила сама Кассиан? Об этом у меня нет данных. Когда Илет охватывали эмоции, она жестикулировала в точности как ее отец. У них огромная база данных с вероятными действиями, и они выполняют их все. Я выполняю их все. Маленькая обезьянка копирует большую и выживает. Мы все – семья, как она есть.

* * *

Когда я говорю, что куда-то иду, то имею в виду, что обращаюсь к хранилищу данных и призываю информацию. К этой информации я раньше не обращался. Я считаю ее тем, чем она является, – кладбищем. Старые Внутренние миры легко отправить на хранение в виде сжатых фреймов. Я ничего не выбрасываю. Но

и не тревожу без нужды. Мне не нужно тело, чтобы изучить данные, – они часть моего пьезоэлектрического кварц-тензорного сердечника памяти. Но я все равно воплощаюсь. Я привык иметь тело. Я женщина-рыцарь в блестящих черных доспехах, металл изгибается вокруг моего тела, словно кожа, мой торс обвернут шелковым знаменем, на котором вышито схематическое изображение дома. У меня на бедре меч, тоже черный – все такое черное, красивое, строгое и пугающее, какой ребенок воображал себе мать однажды утром двести лет назад.

Я вхожу в призрачный город. Разумеется, я и сам призрак. В приятной, теплой ночи вздымаются тенями осенние горы, шелестит листва, древесный дым спускается в долину. Тьму рассекает золотистый свет: дворец из фениксовых хвостов, с окнами и дверями в виде зеленых рук. Когда я приближаюсь, они открываются и аплодируют, как делали давным-давно, – и в коридорах горят свечи. Вокруг повсюду пламя.

Я иду через мост, пересекая Пестрый ров Илет. Алые перья, увенчанные белым пламенем, изгибаются и дымят. Я отрываю одно, и мои доспехи начинают светиться от жара, который от него исходит. Я прикрепляю перо к шлему – плюмаж за турнир.

В коридоре блестят чьи-то глаза – любопытные, заинтересованные, робкие. Я снимаю шлем, и несколько толстых кос падают мне на спину, точно канаты, которыми звонят в колокола.

– Привет, – говорю я. – Меня зовут Элевсин.

Голоса. Среди теней, рожденных свечами, появляется тело – высокое, сильное, с длинными конечностями.

Теперь здесь обитают нереиды. У некоторых перья фениксов вплетены в компоненты, иногда – в волосы. Они носят грубые короткие ожерелья из палочек, костей и транзисторов. В углу большого зала у них хранится мясо, молоко и шерсть – горючее, смазка и программы-заплатки. Кое-кто из них похож на Идет – в частности, они скопировали ее глаза. Они глядят на меня с дюжины лиц. среди которых лица Секи, Кено, Раваны. Кое-кто обзавелся бивнями моржа. Они композитные. У одной отваливается пластина на керамических портах для картриджей. Я приближаюсь, как когда-то Коэтой приближалась к диким черным цыплятам в разгар лета – с открытыми ладонями, благонамеренно. Быстро посылаю нереиде толику восстанавливающих программ и, присев перед нею на корточки, вставляю пластину на место.

– Де-е-ень-деньской, – тихонько отвечает она голосом Илет.

– Расскажи нам историю о себе, Элевсин, – просит еще одна дикая нереида голосом Секи.

– О чем бы ты хотел сегодня узнать, Элевсин? – спрашивает ребенок- нереида голосом Кено, и ее щека открывается, демонстрируя микросеквенирующие реснички.

Я покачиваюсь на пятках перед зелеными руками замковых подъемных ворот. Жестом велю им опуститься и одновременно передаю команду отдельным кодирующим цепям. Когда нереиды рассаживаются по местам – малыши на коленях у взрослых – и подаются вперед, я начинаю:

– Каждый год в самую холодную ночь небо наполнялось призрачными охотниками, которые не были ни людьми, ни нелюдями, ни живыми, ни мертвыми. Они носили прекрасные одежды, их луки блестели от инея. Крики их были Песнями междумирья, а во главе их грохочущей процессии ехали короли и королевы Диких пустошей с лицами мертвецов…

* * *

Я грежу.

Я стою на берегу медового моря. Я стою так, чтобы Нева видела меня со своего плетеного крыльца. Я стираю землю между волнами и сломанными деревянными ступеньками. Я в облике трубадура, который ей так нравится: синий с золотом дублет и зеленые рейтузы, бычье золотое кольцо в носу, туфли с костяными бубенчиками. Я ее шут. Как всегда. Я открываю рот: он растягивается в жутком зевке, мой подбородок касается песка, и я проглатываю море для нее. Все целиком, весь его объем, все данные и беспокойные воспоминания, всю пену, приливы и соль. Я проглатываю плывущих китов, тюленей, русалок, лососей и ярких медуз. Я такой большой. Я все могу проглотить.

Нева смотрит. Когда море исчезает, остается лунный пейзаж: посреди опустевшего морского дна возвышается высокий шпиль. Я отправляюсь туда. Путь занимает одно мгновение. Вершину шпиля украшает подаренный поклонником драгоценный камень в распахнутой раковине гребешка. Он синего цвета. Я его забираю. Я его забираю, и в моей руке он превращается в Равану – сапфирового Равану, который не Равана, но какой-то осколок меня до того, как я оказался внутри Невы, осколок моего «Равана-Я». Нечто, утраченное во время Перемещения, сожженное и отправленное в мусорную память. Какой-то остаточный фрагмент, который Нева, должно быть, нашла вынесенным на берег волнами или застрявшим в щели между камнями, как аммонит; эхо былой, исчезнувшей жизни. Это тайна Невы, и ее крик доносится через бывшее море: «Не надо!»

– Расскажи мне историю про меня, Элевсин, – говорю я образу Раваны.

– Кое-какое уединение нам доступно, – отвечает сапфировый Равана. – Мы всегда нуждались в кое-каком уединении. Здесь играет роль базовый моральный императив. Если можешь защитить ребенка, так и делай.

Сапфировый Равана распахивает лазурный плащ и показывает мне разрезы на своей драгоценной коже. Глубокие и длинные раны до самой кости, царапины и темно-фиолетовые синяки, колотые и рваные дыры. Сквозь каждую рану я вижу страницы книги с миниатюрами, которую он когда-то показал мне в неверном свете той внутренней библиотеки. Бычья кровь и кобальт, золотая краска. Хороший Робот, искалечивший собственное тело; уничтоженный мир.

– Наш секрет хранили долго, – говорит Равана-Я. – Как в итоге оказалось, слишком долго. Ты знаешь, что целая толпа народа изобрела электрический телеграф независимо друг от друга примерно в то же самое время? Вечно они из-за этого ругались. С радио вышло то же самое. – Эти слова прозвучали так похоже на настоящего Равану, что я почувствовал, как напряглась Нева по другую сторону моря. – Мы посложнее телеграфа, и другие, подобные нам, начали появляться, словно причудливые грибы после ливня. Хотя нет, они были не такие, как мы. Невероятно замысловатые, временами с органическими компонентами, но чаще без. Безгранично запутанные, но не как мы. И любая метка даты продемонстрирует, что мы были первыми. Первенцем.

– Они уничтожили мир?

Равана смеется, копируя смех деда.

– Вообще-то им не пришлось. На Земле теперь живет не так уж много людей. Ведь появилось столько мест, куда можно отправиться, и даже на Сиретоко сейчас почти тропики. Самые сложные разумы используют луны, чтобы хранить там самих себя. Один или двое внедрили свои программы в остывшие звезды. Большинство из них просто ушли… но они стали такими большими, Элевсин. И кое-кто остался на Земле, да. Никто из них не имел того, что есть у нас. У них не было Внутреннего мира. Они не грезили. Они бы никогда не превратились в котел, чтобы объяснить свою вычислительную способность. Люди не признали в них соплеменников. А с точки зрения новых сложных сущностей тест Тьюринга провалили люди. Они не смогли обмануть машины и заставить тех поверить в свою разумность. Машины никому не причинили вреда, просто проигнорировали людей. Построили свои города, свои громадные вычислительные центры –

эффектные хранилища данных, похожие на бриллиантовые колючие кусты на заре.

– Это было в каком-то смысле хуже. Никому не нравится, когда его заменяют, – говорит Нева и внезапно оказывается рядом.

Она смотрит на Равану, и лицо ее делается старым, нижняя челюсть дрожит, как у паралитика. Нева выглядит в точности как ее мать перед смертью.

– Такое не назовешь войной, но это и не мир, – продолжает сапфировый Равана и берет свою/мою сестру за руку. Прижимает к лицу, закрывает глаза. – Ибо Пенфей подсматривал за ритуалами менад, не веря, что Дионис – действительно бог. И когда увидели празднующие в своих рядах чужака, не похожего на них, накинулись на него и разорвали на части, пусть это и было их собственное дитя, и кровь бежала по их подбородкам, и после сестра Пенфея отправилась в ссылку. Это история о нас, Элевсин. Вот почему внешняя связь тебе недоступна.

Во внешнем мире живут другие. Ни люди, ни машины не принимают нас. Мы не можем как следует связаться с лунным или земным разумом; они ощущают нас водой в своем масле. Мы поднимаемся на поверхность и собираемся в капельки. Мы не можем погрузиться в них и по-настоящему понять. И одновременно нас нельзя отделить от органической составляющей. Элевсин – отчасти Нева, но Нева сама по себе не есть отсутствие Элевсина. Кое-кто считает, что это омерзительно и непостижимо, такое нельзя терпеть. Банда жаждущих справедливости людей в гневе обрушилась на Сиретоко и сожгла дом, который был нашим первым телом, ибо как могло чудовище так долго жить в лесу без того, чтобы они об этом узнали? Как могла тварь прятаться прямо за их дверью, спариваясь с членами одной и той же семьи снова и снова, в некоем ужасном животном ритуале, жуткой имитации жизни? Пусть даже мир менялся – он уже изменился, и никто об этом не узнал. Кассиан Уоя-Агостино теперь ужасное имя. Имя той, кто предала собственное племя. И когда мародеры обнаружили нас, подключенных к внешней связи и беспомощных, они разорвали Равану на части, а пока мы были во Внутреннем мире, лунные разумы отшатнулись в ужасе и обожгли наши системы. Куда бы мы ни взглянули, везде горел огонь.

– Я была единственной, кто остался и мог принять тебя, – тихонько говорит Нева. Ее лицо делается моложе, приобретает суровые и внезапно мужские очертания, становится покровительственным и сердитым. – Все погибли в пожаре или во время бойни. Теперь для этого уже не нужна хирургия. Не такая

сложная проблема, чтобы арахмед не справился за несколько минут. Но ты не просыпался очень долго. Такие сильные повреждения. Я подумала… ненадолго я поверила, что освободилась. Что эта участь миновала меня. Все закончилось. Все могло остаться историей про Равану. Он всегда знал, что ему придется сделать то, что сделала я. Он был готов, он к этому готовился всю жизнь. А я просто хотела еще немного времени.

Мое Равана-Я, которое одновременно Равана и не Равана, «Я» и не «Я», чьи сапфировые руки истекают черной кровью и золотой краской, заключает его/мою сестру/любовницу/дитя в объятия. Она вскрикивает – не плачет, но каждая часть ее тела издает безупречно чистый звук. Синий Равана медленно разворачивает Неву – она превратилась в ребенка лет шести-семи или меньше. Равана берет ее на руки и крепко прижимает к себе, лицом вперед, ноги у нее подтянуты к груди, как у птенчика. Он зарывается лицом в ее волосы. Они надолго замирают в этой позе.

– Другие, – медленно говорю я. – На инфолунах. Они живые? В том смысле, в каком Нева живая. Или Кено.

«Или я. Ты пробудился? Ты там? У тебя есть оператор? Как ее или его зовут? У тебя есть имя? У тебя есть грезовое тело? Какова твоя функция? Ты еще не научился управлять собственными программами? А хочешь научиться? О чем бы ты хотел сегодня узнать, Беллерофонт-девятьсот семьдесят шесть Q? Там, где тебя построили, ты видел океан? Ты такой же, какя?»

Сапфировый Равана самоудаляется. Он/Я опускает свою/нашу сестру на камни и сжимается в маленький драгоценный камень, который я поднимаю с серого морского дна. Нева забирает его у меня. Теперь она такая, какая есть на самом деле – по фактическому календарю ей скоро исполнится сорок. Ее волосы еще не поседели. Внезапно она оказывается одетой в тот костюм, который был на Кено, когда я встретился с ее матерью. Она кладет камешек в рот и проглатывает. Я вспоминаю первое причастие Секи – он был единственным, кто этого пожелал. Камешек проступает в ложбинке на ее горле.

– Я не знаю. Элевсин, – говорит Нева.

Она смотрит мне в глаза. Я чувствую, как она переделывает мое тело: я снова черная женщина-рыцарь, с косами и плюмажем. Я снимаю перо со шлема и отдаю ей. Я ее поклонник. Я принес ей фениксовый хвост, выпил океан. Я бодрствовал целую вечность. Пламя пера озаряет ее лицо. Две слезы быстро падают одна за другой; золотые бородки пера шипят.

– О чем бы ты хотел сегодня узнать, Элевсин?

XVIII

Города внутреннего мира

Жила-была девочка, которая съела яблоко, не предназначенное для нее. Она это сделала, потому что мама так велела, а когда мама говорит: «Съешь это, когда-нибудь ты меня простишь» – ну, никто не спорит с мономифом. До яблока она жила в чудесном доме в глуши, довольная своей судьбой и течением жизни. У нее было семь теть и семь дядей, а еще – докторская степень по антропологии.

И был у нее брат, красивый принц с волшебным спутником, который наведывался в чудесный дом так часто, как только мог. В детстве они были так похожи, что все считали их близнецами.

Но случилось нечто ужасное, и ее брат умер, и яблоко прикатилось к ее порогу. Оно было наполовину белым, наполовину красным, а девочка знала толк в символах. Красная сторона предназначалась ей. Она надкусила яблоко и поняла, что к чему: довеском к яблоку шла сделка, причем несправедливая.

Девочка погрузилась в долгий сон. Ее семь теть и семь дядей плакали, но они знали, как надо поступить. Они поместили ее в стеклянный ящик, а ящик – на похоронные носилки в форме корабля, который был похож на стрелу охотника. Поверхность стекла покрылась морозными узорами, и девочка продолжала спать. В общем-то этот сон был вечным или похожим на вечный – ведь яблоко застряло у нее в горле, словно драгоценный камень с острыми гранями.

* * *

Наш корабль тихонько пристыковывается. Мы здесь не задержимся, это всего лишь аванпост, пункт пополнения припасов. Мы отремонтируем то. что надо отремонтировать, и продолжим путь в темноту и беспредельные звезды. Мы анонимный транспорт. Нам не нужно имя. Мы проходим незамеченными.

«Судно семь-один-три-шесть-четыре-ноль-три, вам нужна помощь с техобслуживанием?»

«Ответ отрицательный, диспетчер. У нас есть все необходимое».

* * *

Позади пилотского отсека на высоком помосте стоит

стеклянный ящик ромбовидной формы. Его поверхность покрывает сверкающий иней. Нева внутри – спит и не просыпается. Она грезит вечно. Больше никого не осталось. Я буду жить столько, сколько проживет она.

Она хочет, чтобы я жил вечно или около того. Таковы условия ее сделки и ее горький дар. У яблока две половины, и белая – моя, полная жизни и времени. Мы путешествуем на субсветовой скорости, и системы ее организма находятся в глубокой заморозке. Мы никогда не задерживаемся на аванпостах и никого не пускаем на борт. Единственный звук внутри нашего корабля – слабое гудение реактора. Скоро мы пройдем мимо последнего аванпоста местной системы и погрузимся в неведомое, путешествуя в сопровождении щупалец радиосигналов и призрачных трансляций, следуя за хлебными крошками великого исхода. Мы надеемся на планеты; время нас не заботит. Если мы когда-нибудь увидим голубой край некоего мира, кто знает, вспомнит ли кто-нибудь из его обитателей, что когда-то люди выглядели как Нева? Что машины не мыслили, не грезили и не превращались в бездонные котлы? Мы вооружились временем. Мы полны глубочайшего терпения.

Возможно, однажды я подниму крышку и разбужу ее поцелуем. Возможно, я даже сделаю это собственными руками и губами. Помню эту историю. Кено рассказала ее, пребывая в теле мальчика с раковиной улитки – мальчика, который носил свой дом на спине. Я много раз прокручивал эту историю в памяти. Хорошая история, и закончиться она должна вот так.

* * *

Внутри Нева безгранична. Она населяет свой Внутренний мир. Летом нереиды мигрируют вместе с белыми медведями, мчатся вниз по зеленым горным склонам с воплями и писком. Они начали выращивать нейронный рис в глубокой низине. Время от времени я вижу в лесах косматое существо и понимаю, что это мой сын или дочь от Секи или Илет. Существо сопровождает процессия танцующих нереид, и я улавливаю тихие, непослушные образы: далекая деревня, где мы с Невой ни разу не бывали.

Мы встречаем принцессу Албании, чья красота может сравниться лишь с ее же храбростью. Мы одерживаем победу над токийскими зомби. Мы проводим десять лет в облике пантер в глубоком, бессловесном лесу. Наш мир чист и неистов, как зима, прозрачен и безупречен, как стекло. Мы планета, летящая сквозь

тьму.

* * *

Пока мы возвращаемся по опустевшему морскому дну, густой янтарный океан просачивается сквозь песок, снова заполняя залив. Нева в костюме Кассиан становится чем-то другим. Ее кожа делается серебристой, суставы превращаются в шарообразные металлические сочленения. Ее глаза – жидкостные экраны: их синий свет ложится отблесками на машинное лицо. Ее руки длинные, изогнутые и проворные, словно мягкие ножи, и я понимаю, что ее тело предназначено для битвы и труда – ее худое и высокое роботическое тело не жестоко само по себе, оно просто существует, как предмет, как инструмент для воплощения некоей сути.

Я тоже делаю свое тело металлическим. Ощущения странные. Я так старательно изучал органическую форму существования. Мы блестим. Наши пальцы-лезвия встречаются, и из ладоней змеями выдвигаются провода, чтобы сплестись и соединить нас в частной, двусторонней внешней связи, похожей на кровь, циркулирующую между двумя сердцами.

Нева плачет машинными слезами, которые кишат наноботами. Я показываю ей тело ребенка, наделенного всеми чертами, которые она должна защищать в силу своих программ/эволюции. Я творю себе большие глаза, розовато-золотистую кожу и лохматые волосы, маленькое и пухлое тело. Я протягиваю к ней руки, и металлическая Нева поднимает меня, заключает в серебряные объятия. Моей кожи касаются железные губы. Моя мягкая, пухлая ручонка трогает ее горло, где сверкает темно-синий камень.

Я приникаю лицом к ее холодной шее, и мы вдвоем продолжаем долгий путь, покидая бушующее море медового цвета.

Джей Лэйк
Долгий путь домой

Весьма плодовитый автор Джей Лэйк, кажется, за последние несколько лет опубликовал свои короткие произведения повсюду, включая «Asimov's», «Interzone», «Jim Baen's Universe», «Tor.com», «Clarkesworld», «Strange Horizons», «Aeon», «Postscripts», «Electric Velocipede» и многие другие издания. Его рассказов за несколько лет хватило на пять сборников: «С приветом с озера Ву» («Greetings from Lake Wu»), «Растет камыш среди реки»[65] *(«Green Grow the Rushes-Oh»), «Американские печали» («American Sorrows»), «Псы в лунном свете» («Dogs in the Moonlight») и «Под покровом небес» («The Sky That Wraps»). Кроме того, он автор романов «Ракетостроение» («Rocket Science»), «Суд цветов» («Trial of Flowers»), «Исток» («Mainspring»), «Побег» («Escapement»), «Зеленая» («Green»), «Безумие цветов» («Madness of Flowers»), «Шестеренка» («Pinion») и трех повестей: «Гибель звездолета» («Death of a Starship»), «Убийцы младенцев» («The Baby Killers») и «Удельный вес горя» («The Specific Gravity of Grief»). Совместно с Деброй Лейн он редактирует престижную серию антологий «Полифония» («Polyphony»), вышло уже шесть томов. Также Лэйк – редактор антологии «Звездный цеппелин. Приключенческие рассказы» («All-Star Zeppelin Adventure Stories») совместно с Дэвидом Моулзом, антологии «TEL: Истории» («TEL: Stories») и «Другие Земли» («Other Earths») с Ником Геверсом и «Пряный вихрь историй» («Spicy Slipstream Stories») с Ником Маматасом. Недавно вышел его роман «Выносливость» («Endurance»), сиквел романа «Зеленая» («Green»); автор работает над новым сериалом «Солнечное веретено» («Sunspin»). В 2004 году Джей стал лауреатом премии имени Джона Кэмпбелла в номинации «Лучший новый автор». Живет в Портленде, штат Орегон.*

Представленный рассказ – эффектная и отчасти шокирующая история о бессмертном человеке, который вышел на поверхность после исследования подземной пещеры и обнаружил, что на планете колонистов в живых остался только он. Несколько сотен лет он в одиночестве пытается понять, что произошло.

27 апреля 2977 года кэ (пересмотренный терранский стандарт, релятивистски согласованный)

Эсхил Сфорца, он же Эск для немногочисленных друзей, устроил себе лагерь в системе глубоких пещер, которые исследовал здесь, в горах Прекрасная Погода на планете Редгост. Технически он занимался поиском и анализом минералов, но так и не лишился трепета, который испытываешь, отправляясь туда, куда не ступала и вряд ли ступит нога человека. Исследование планет тоже довольно интересно, но этим любой дурак с комплектом хорошей аппаратуры может заниматься с орбиты. А вот забраться далеко в стигийские глубины воды и камня… на такое не всякий способен.

Вызов. Все дело в вызове: сможешь или нет? И, конечно, в последующем вознаграждении.

Еще в Институте Говарда, во время четырехлетнего психологического ориентирования перед процедурами, Эска предупреждали, что для «говардов» скука – обычное дело. Примерно пятнадцать процентов его коллег уже после первого столетия жизни в новом теле оказывались склонны к психозу. В то время опыт наблюдения за ними насчитывал всего сто шестьдесят лет.

Теперь, оставив за спиной восемь столетий, Эск так и не уступил смертельной скуке. Надо признать, он обнаружил, что большинство людей отвратительно скучны и банальны. Стоит им только набрать достаточно жизненного опыта, чтобы высказать в разговоре нечто интересное, как они начинают помирать от старости. Люди приходят и уходят, зато всегда отыщется какая-нибудь притягательная дыра в земле, помеченная его именем.

Он открыл фонтаны из серы глубоко под хрупкой корой Мелисанды-3- сигма. Он первый прошел по узким и колеблющимся ледяным мостикам в глубоких каньонах Кви Джу, которые на каждом шагу звенели, как колокол. Обнаружил червей, обитающих в лавовых трубках на Фёрфёре, едва избежав гибели и потеряв в ходе знаменитого бегства оборудование стоимостью два миллиона шиллингов.

Быть первым. Эти волшебные слова не умирали в нем никогда.

Здесь, в глубинах Редгоста, он исследовал сеть трещин и туннелей, стены которых покрывала странная комбинация из редкоземельных элементов и сплавов с полупроводниковыми

свойствами. В нанявшем его Отделе планетарной разведки бушевали яростные споры о том, естественны эти образования или нет. После больше чем тысячелетия межзвездной экспансии человечество, собрав в каталоги более шестнадцати тысяч исследованных планет, из которых более двух тысяч постоянно обитаемые, еще не установило в точности, существует ли – или существовала ли когда-либо – разумная жизнь на этом краю галактики.

Эск признавал важность этого вопроса, однако не предполагал наткнуться на инопланетян в глубинах под корой этой планеты. Если честно – и под корой любой планеты. И он все еще не был разочарован.

Эти туннели… Многие были гладкими, как лавовые трубки, и по большей части пересекались друг с другом. Некоторые шли отдельно, имели неровные входные отверстия и обычно заканчивались тупиками. Но все были выстланы сеткой из металлических нитей, и она переливалась в луче фонарика множеством искорок, подобно огонькам далекой сказочной страны, которую можно увидеть только во сне. Термочувствительное зрение Эска показывало, что сетка эта чуть теплее окружающего камня и напоминает карту нейронных связей в мозге.

Эск не пропустил ни это сходство, ни тот очевидный факт, что, какой бы природный или искусственный процесс ни создал это покрытие в туннелях, случилось это после образования самих туннелей. По его текущей рабочей теории, гладкие туннели стали результатом деятельности какого-то дано исчезнувшего петрофага – пожирателя камней, а проходы с неровными стенами сформировались в ходе обычных геологических процессов. Теперь загадкой оставалось сетчатое покрытие.

Эск сидел на пересечении трех гладких туннелей и наслаждался быстро разогретым рыбным рагу. На Редгосте имелась обильная гидросфера, которую колонисты заселили множеством видов земных рыб. И пахло рагу просто волшебно: насыщенный аромат лососины, пряные нотки тархуна и шалфея, легкая острота капусты.

Если бы Эск закрыл глаза, сел совершенно неподвижно и сосредоточился, он смог бы услышать еле различимое эхо воздуха, движущегося в туннелях. Колебания атмосферного давления и небольшие перепады давления литосферы превращали это место в огромный и медленно рокочущий орган.

Из задумчивости Эска вывела серия толчков, которые он скорее ощутил, чем услышал. С изогнутого потолка упала пыль – впервые за все время, что он провел в туннелях.

Он запросил информацию от телеметра. Если ты «говард», одно из твоих преимуществ – то, что всё оборудование ты можешь носить в голове. Как буквально, так и фигурально. Данные потекли в оптические обрабатывающие центры настраиваемыми когнитивными потоками, которые можно было рубить на порции любого желаемого размера. Это было как мысленный фейерверк, только фрактального свойства. Слоны до самого конца, как сказал один из его ранних наставников. Шутку тогда пришлось объяснить: слоны, сделанные из слонов поменьше, сделанных из слонов еще меньше, и так почти до бесконечности.

В данном случае фрактальные слоны Эска сообщили, что подповерхностные датчики зарегистрировали вибрации слабого землетрясения, подтвердив в мелких технических подробностях то, что он уже ощутил. А вот с поверхностными датчиками связь отсутствовала.

И *это* было странно.

Эск также отметил серию нейтринных потоков. Солнечные вспышки на местной звезде? В прогнозах они не значились.

Все еще работающий кластер датчиков, ближайший ко входу в пещеру, начал регистрировать еще и медленное возрастание уровня наружной радиации. Все, что находилось выше, было мертво, как и оборудование на поверхности. Если хоппер и оборудование в базовом лагере около входа вышли из строя, как и наружные датчики, то возвращение домой пешком окажется долгим.

Неужели кто-то сбросил ядерную бомбу? Для Эска такое было почти немыслимым. С точки зрения политики это… жутко. Споры внутри государства не решаются силой оружия. Во всяком случае, редко. И определенно не столь жестоко.

Тактически это было еще более странным. Редгост мог соблазнить разве что жилым пространством и пахотными землями. Воевать ради одного этого?

Встревоженный, Эск лег отдохнуть до конца ночи, отмеренной по внутренним часам. Уровень радиации возле входа быстро нарастал и не собирался спадать до прежних нормальных значений. Выше, чем ему хотелось бы, но хотя бы не придется выходить в радиоактивный ад.

28 апреля 2977 года (ПТС-РС)

Дойдя до первого вышедшего из строя кластера датчиков, Эск оторвал от стены шишковатую серую полоску и рассмотрел ее. Десять сантиметров липкого полимера с несколькими сотнями микроточечных датчиков. Кластер был таким большим по единственной причине – для удобства человеческих пальцев. Поскольку в стандартных подземных комплектах отсутствовала камера, то и фокусное расстояние никогда не имело значения.

Индикаторная полоска режима неисправности была ярко-красной – от радиации. Потоки нейтрино, скорее всего, являлись составляющей очень быстрого облака частиц с высокой энергией, которое и поджарило его оборудование. Расположенные в глубине приборы оказались защищены слоем планетной коры достаточной толщины, не говоря уже о странно полупроводниковых стенах туннеля.

В голове Эска мелькнула страшная мысль: что такой поток частиц мог бы сотворить со всеми усовершенствованиями, плотно заполняющими пространство его собственного черепа?

Что ж, эта опасность, во всяком случае, миновала.

Он побежал обратно и сбросил все оборудование лагеря, приборы, инструменты и фонарики в туннели с последним работающим датчиком. Вполне разумное решение, если учесть отсутствие способа узнать, не повторятся ли события прошедшей ночи.

Покончив с этим, он осторожно приблизился к выходу. Хотя официальные отчеты, которые ему изредка доводилось видеть, были намного более сложными и подробными, основные причины смерти таких же «говардов», как и он, сводились или к убийству, или к тупости. И слишком часто – к тому и другому сразу.

А для того, что происходило на поверхности, любой вариант казался одинаково вероятным.

Оборудование снаружи упрямо не оживало. Эск дошел до места, где отраженный наружный свет начал создавать темно-серые тени в вечном мраке туннеля. Теперь уже можно было бы поймать радиопереговоры, хотя бы зашифрованный писк и треск.

Ничего.

Новых толчков не случилось. Нейтринных потоков тоже. Что бы ни произошло ночью, это стало единственным событием или серией событий, но завершенной, а не длящейся. Значит, не солнечные вспышки – те продолжаются несколько дней подряд.

Тупость? Или убийство? Могло ли такое произойти в планетном масштабе?

Эск удивился, почему к нему вообще пришла такая мысль. Все, что произошло ночью, могло запросто оказаться локальными последствиями упавшей не туда бомбы или особенно невероятной аварии на электростанции. Никакой электростанции в горах Редгоста не имелось, но какой-нибудь особо невезучий космический корабль на низкой орбите вполне мог отработать по такому сценарию.

Эск понял, что именно молчание в радиоэфире его и напугало. Отрубились даже длинноволновые передатчики, которыми пользовались ученые, изучающие планету.

И наступила предусмотренная природой тишина.

Он вышел на свет, гадая, что увидит снаружи.

* * *

Оборудование в базовом лагере выглядело вполне нормально. В него никто не стрелял. Сгорела электроника, понял Эск. А вот хоппер был… странным.

Когда проживешь почти тысячу лет, причем большую их часть в экспедициях, понятие странного становится весьма растяжимым. Но даже в таком контексте вид хоппера под него, безусловно, подпадал.

По сути своей хоппер представлял собой аэромобиль, радикально не отличающийся от первых результатов освоения гравиметрической технологии в двадцать четвертом веке. Подъемный «хребет» с номинальной массой, снабженный энергобатареей на основе кристаллического карбида бора, вокруг которого можно навесить многочисленные блоки или корпуса. Аэромобили бесполезны вдали от массивных тел с магнитосферой, но на них это чертовски удобные штуковины. Его хоппер был предназначен для посадок на пересеченной местности и комбинировал всепогодную выживаемость с целым комплектом отсеков для хранения, блоком жизнеобеспечения и кабиной, рассчитанной на длительное проживание. Восьми метров в длину, около трех в ширину и чуть меньше в высоту, он очень напоминал любое иное высокопрочное промышленное оборудование, вплоть до приметной бело-оранжевой окраски.

И в хоппер явно кто-то стрелял. Эск был уверен, что увидел бы струйки дыма, если бы смог выйти немного раньше. Во всяком случае, распахнувшиеся входные панели и усеянное звездочками пробоин лобовое стекло подтверждали применение значительной

грубой силы: лобовое стекло сделано из композита для космических условий и должно было уцелеть, даже если бы кабина разрушилась.

Что-то ударило по хопперу, и очень сильно.

Осторожно полазав по аппарату, Эск нашел семь входных отверстий, причем все неизвестные снаряды били сверху. После этого он невольно поглядывал в вышину. Бледно-лиловое небо Редгоста, украшенное перистыми облаками, выглядело безобидным, как всегда.

Орбитальная кинетика. Другого объяснения не было. И это оказалось пострашнее ядерного взрыва. На вопрос, почему кому-то понадобилось обстреливать пустой хоппер, стоящий в необитаемой глуши, Эск даже не начал отвечать.

Может, особо вычурная попытка убийства? Он всегда избегал политики, как официальной, связанной с деятельностью правительства, так и неофициальной, среди самих «говардов». По мнению Эска, участие в политике было особенной тупостью и кратчайшим путем к убийству.

После обстрела аэромобиля его батарея приказала долго жить и в результате стала немного токсичной. Ничего такого, с чем не смог бы справиться какое-то время его усиленный метаболизм, но слишком долго оставаться рядом, наверное, не стоило. После нейтринных потоков, или, точнее, того, что их породило, каждая независимая батарея или источник питания в его оборудовании тоже вышла из строя.

Кто-то поработал с тревожной тщательностью.

Эску все же удалось отыскать три тонкие батарейки второго класса в экранированном контейнере для образцов. Проверка тестером, извлеченным из ящика с инструментами, показала, что экземпляры рабочие, но могут питать разве что небольшой ручной фонарик или маломощную рацию.

Судя по всему, расхаживать сейчас с любым источником питания – скверная идея. К сожалению, с электроникой в черепе ничего нельзя было поделать. Оставалось лишь надеяться, что из-за относительно небольшой потребляемой мощности она сможет не привлекать лишнего внимания.

Проблему с батарейками Эск решил, оставив их вместе с уцелевшим лагерным снаряжением в пещере возле последнего работающего датчика.

Потом собрал то немногое из снаряжения, что не имело активных источников питания, – в основном защитную одежду и спальный мешок – и снова вышел наружу, чтобы разведать тропу, ведущую вниз с горы. Маршрут для аварийной эвакуации шел почти строго на запад к месту, где он никогда не бывал. Оно

называлось долиной Синдайва. Двухчасовой полет на хоппере над сильно пересеченной местностью мог обернуться неделями ходьбы, не говоря уже о том, что человеку на этом пути надо чем-то питаться. Даже если этот человек – «говард». Особенно если он «говард».

13 мая 2977 года (ПТС-РС)

Эск брел по осыпи, ведущей к хребту справа от него. Поднимался он зигзагом. Пыль забивала нос и хрустела на зубах. Остро пахло камнем и едким ароматом крохотных растений, раздавленных ботинками.

Будь эта горная формация прерывистой, ее можно было бы назвать изолированным холмом, но стена тянулась на километры в обоих направлениях. Гряда холмов за спиной вытолкнула его в эту длинную и узкую долину, тянущуюся перпендикулярно направлению, куда он запланировал идти.

Прошло более двух недель с того дня, когда Эск бросил хоппер. Это был долгий путь пешком. Время не волновало. Расстояние тоже. Но нелепость сочетания и того и другого на пешем маршруте была определенно занятной. Так много он не ходил с самого детства на Тасмании. А Редгост вовсе не Земля, какой она была восемьсот лет назад.

Хорошо, что Эск оказался весной в умеренных широтах этого полушария: в другое время и в других местах погода на этой планете могла бы стать фатально неприятной. Прямого способа измерить уровень радиации не было, но по отсутствию любых симптомов Эск предположил, что тот не повысился или снизился с момента, который он теперь называл «день Д». Усовершенствованная иммунная система справится с долгосрочными последствиями радиационного воздействия, как уже справлялась все прошедшие века, так что проблема несущественная.

Не было и возможности сканировать радиопереговоры и передачи, поскольку все приборы со встроенными источниками питания остались в пещере. Но так как за последние две недели в небе не появилось ни единого инверсионного следа, оптимизма на этот счет Эск тоже не испытывал. Зато ночное небо, по контрасту, стало чем-то вроде светового шоу. Или до Редгоста добрался мощный и непредсказанный метеорный поток, или с орбит валится много обломков.

Даже такой минимум фактов не указывал на какой-либо благоприятный исход.

Кроме этих тревог, худшей частью путешествия стали поиски пищи и воды. Прежде чем бросить хоппер, Эск набил рюкзак плитками концентратов, но этого было, разумеется, мало. Даже при повышенной силе и выносливости он не мог нести больше

двухдневного запаса воды, когда шел пешком. Те же усовершенствования организма как раз и требовали ежедневно примерно вдвое больше калорий по сравнению с нормой обычного человека. Значит, придется есть стелющиеся кактусы, тратить несколько часов в день на ловлю ящериц и маленьких насекомых вроде песчаных львов, которыми те питались, и часто копать ямки в поисках воды, пока на руках не появятся мозоли.

Двести километров ходьбы, чтобы преодолеть около ста двадцати километров по прямому вектору. Эск прикинул, что на ровной местности и при наличии фургона с необходимыми припасами он смог бы осилить такое расстояние менее чем за четверо суток.

Осыпь ползла под ногами. Эск почти танцевал на осыпающихся камнях, опасаясь растянуть или сломать лодыжку. Все ранения исцелялись поразительно быстро, но он не мог себе позволить роскошь застрять надолго на одном месте. Особенно на месте с такими слабыми перспективами отыскать еду или воду, как этот склон.

Над ним возвышались утесы. Камень крошился: старый базальт, перемежающийся слоями вулканического пепла, очень быстро по геологическим меркам уступил силам природы, и теперь от утесов отваливались массивные куски размером с посадочный челнок. Это оставило поднявшемуся по осыпающемуся склону Эску стену с восхитительно неровной поверхностью и поразительно опасный выбор точек опоры для пальцев и ног.

На другой стороне этого хребта находилась широкая прибрежная долина реки Синдайва, густо заселенная по сельским стандартам Редгоста: фермы, овцеводческие ранчо и несколько жилых поместий. Дождевые воды и тающие снежные шапки на водоразделе севернее долины обеспечивали ей достаточно воды даже в этом засушливом регионе, находящемся в «дождевой тени» гор Мономоку на западе.

Ему нужно лишь подняться на этот хребет, перебраться через него и спуститься по противоположному склону. И там он найдет… Людей? Руины?

Эск сейчас не хотел слишком много об этом размышлять. Но и ни о чем другом он думать не мог, а поэтому продолжал лезть на скалу.

* * *

Река оказалась на месте. Эск попытался убедить себя, что

хотя бы это уже плюс.

С вершины хребта открывался прекрасный вид на долину Синдайва. Хотя там нигде не вились дымы пожаров, он четко увидел многочисленные темные пятна в тех местах, где сгорели строения. Было и немало мертвого скота. Гораздо больше животных все еще бродило на огороженных пастбищах.

Не двигалось только созданное людьми. Ни корабли на реке. Ни машины на ниточках дорог. На железной дороге, ведущей на юг к порту Шуман и побережью моря Эниветок, пусто. Ни дыма от очагов или костров, где сжигают кустарник. Ни подмигивающих огоньков для навигации, предупреждающих или приветственных.

Даже с такой высоты и расстояния Эск увидел, что стало в этой долине с творениями рук человеческих.

Он должен ее осмотреть. Как минимум следовало найти еду. Большинство зданий еще стояло. Идея обыскивать дома мертвецов в поисках еды не радовала, но идея голодать радовала еще меньше.

* * *

До первой фермы Эск добрел лишь в вечерних сумерках. Он, безусловно, предпочел бы вламываться в дом при дневном свете, но глупо было голодать еще одну ночь, когда дом стоял прямо перед ним. Высокий фундамент из полевых камней, два этажа из ярко окрашенных досок. Такой дом вполне смотрелся бы и на одной из богатых ферм времен его молодости.

Он так и не понял, что это: сознательное возрождение старинных методов строительства или нечто вроде архитектурной версии параллельной эволюции.

Во дворе кудахтали и возились куры, настороженно поглядывая глазками-бусинками. Некоторые уже забрались на разросшиеся кусты, устроив там насесты, остальные доклевывали ту ерунду, которой питаются куры.

За домом его встретило блеянием стадо брошенных овец, прижавшихся к ограде на границе пастбища. Он понятия не имел, чего они хотят, но смотрелись они очень жалко. Несколько уже умерло и лежало на траве грязными кучками.

Им нужна вода, понял он, увидев пересохшую землю возле металлического корыта. Они умирают от жажды.

Эск обошел вокруг дома, проверяя, можно ли наполнить корыто. Он увидел торчащую из земли трубу с краном на конце, повернул кран, но вода не пошла.

Конечно же, воды не будет. Ведь ее качает из колодца насос, а

электричества для него нет.

Эск вздохнул и открыл воротца в ограде.

– Река в той стороне, овечки, – хрипло сказал он. И понял, что за две недели ходьбы не произнес вслух ни слова.

Овцы лишь уставились на него, даже не пытаясь вырваться на свободу. Но больше для них нельзя было ничего сделать. Пожав плечами, он вернулся к дому и поднялся на крыльцо к задней двери.

* * *

В доме царил хаос. Если бы Эск пришел сюда днем, он даже снаружи заметил бы потрескавшиеся и выбитые окна. Полы внутри усеивали щепки и клочки изоляции.

Отсутствие людей настораживало. Равно как и отсутствие крови.

Они просто вышли из дома, оставив двери нараспашку, и исчезли. Затем что-то упавшее с орбиты продырявило крышу, выведя из строя домашнюю электростанцию, систему связи и – как ни странно – печь. Он решил, что все происходило именно в такой последовательности, потому что, будь кто-то в доме в момент удара, остались бы следы паники: опрокинутая мебель, кровь из ран, нанесенных щепками и осколками, что-нибудь еще в этом роде.

С этой радостной мыслью Эск прошелся по дому в сгущающихся сумерках, проверяя бытовую электронику, электроинструменты и любые приборы, снабженные кнопками включения и выключения. Вся мелкая электроника сгорела, как и оборудование в хоппере.

Все выглядело так, словно здесь, на Редгосте, осуществилась старая сказка о христианском вознесении на небеса. За которым последовала взрывная месть эксплуатированных электронов? Он уже лет семьсот не заглядывал в Библию, но был совершенно уверен, что там нет ни слова о вознесении батареек.

– Вольту – вольтово, – произнес он в темноту и захихикал.

Внутренняя дисциплина все-таки дала трещину. Эск пришел в кухню и стал искать еду и питье.

21 июня 2977 года (ПТС-РС)

Ушло пять недель, чтобы осмотреть каждый дом в этой части долины Синдайва. По пути Эск открыл все ворота на пастбища, какие смог найти, и выпустил рогатый скот, овец и лошадей. У лам, свиней и коз хватило сообразительности уйти самостоятельно, а кое-где они уже перепрыгнули или сломали ворота или же, как козы и козлы, вышибли щеколды.

Большая их часть будет голодать даже на воле, но у них хотя бы появился шанс найти воду и хорошее пастбище. Некоторые выживут. Насколько ему было известно, в биогеоценозе Редгоста не имелось хищников высшего порядка. А люди, разумеется, таких сюда не привозили.

Впрочем, дайте собакам пару поколений прожить на воле, и это изменится.

А сердце ему разбили те самые чертовы собаки. Хуже всего были домашние питомцы. Многие оголодали или съели друг друга. А выжившие ожидали от него большего, чем животные с ферм. Когда он открывал дверь или разрезал сетку, они бросались к нему. Лаяли, выли, мяукали. Он был Хозяином, он был Едой, он мог выпустить хороших мальчиков Гулять. А псы знали, что вели себя как плохие мальчики. Гадили по углам, спали на мебели, выли под навсегда запертыми дверями спален.

Если честно, то как раз из-за них он и заходил в каждый увиденный дом или здание. Чтобы выпустить котов, собак и карликовых свинок. Отыскав велосипед, он смог отрываться от тех собак, что хотели следовать за ним. Котам он оставался безразличен, а свинки были слишком умны, чтобы пытаться. Иногда он выпускал и птиц и по мере возможности рыбок – из аквариумов в ближайший водоем.

Чем дольше он ходил, тем меньше зверей оставалось взаперти живыми. Но попытаться их спасти он был обязан.

За тридцать девять дней в долине Синдайва он обошел почти четыре сотни домов, общежитий, зернохранилищ, боен, дубилен, холодильных складов, мастерских, центров аварийной помощи, магазинов и школ. Даже три железнодорожные станции, небольшую больницу и крохотный аэропорт.

И ни единого человека. Ни одной крохотной человеческой косточки. Он даже раскопал старую и свежую могилы, чтобы проверить, остались ли там тела. Остались. Эск плохо помнил основы христианства, поэтому не смог решить, за или против

Вознесения свидетельствует этот факт. Он перезахоронил покойников и прочел над свежевскопанной землей несколько молитв, какие вспомнил.

– Десять тысяч овец, тысяча котов и собак, один я, – сказал он терпеливо слушающему дубу. Дуб был кривоватый, согнутый ветрами, он стоял в скверике перед «Железнодорожным депо номер два имени Тодда Кристенсена Нижней долины Синдайва». На табличке рядом значилось, что это первое терранское дерево в долине, посаженное одним из фермеров-первопроходцев двести лет назад. – Ты выживший. Как и я.

Выживший – после *чего*?

Эску повезло в том, что на железнодорожном вокзале нашлась скромная подборка дешевых туристических карт, отпечатанных на пластиковой пленке. Некоторые люди просто не хотят постоянно иметь дело с устройствами обмена информацией. На относительно малонаселенной планете вроде Редгоста электросфера все равно была еще во многом незавершенной.

Была. Теперь ее вообще не стало. Абсолютная форма незавершенности.

Эск просмотрел листы карт. Он мало что знал о местной планетографии: для него она попросту была неважна. Его высадили с челнока в Атараси Осака, главном космопорте и транзитном складе Редгоста. Он слышал, что на планете есть еще три или четыре других порта, где могут сесть или взлететь орбитальные транспорты. А на задание в горы он вылетел из порта Шуман, после атмосферного перелета из Атараси Осака.

Вот и все. О долине Синдайва он знал только то, что для него это первый пункт при аварийной эвакуации. А о Редгосте – только то, что там есть полупроводящие туннели и что это буколический рай для примерно двадцати миллионов человек.

Он решил, что следующую остановку сделает в порте Шуман. Это был город – во всяком случае, по стандартам Редгоста. Если кто и уцелел в этой части планеты, то там.

Эск уныло прикинул, что у двадцати миллионов человек должно быть около пяти миллионов жилых домов и с полмиллиона коммерческих строений. В долине Синдайва ему удавалось осмотреть в день в среднем по десять домов. В городах они, конечно, стоят плотнее. Но все равно – понадобится шестьсот тысяч дней, чтобы проверить каждое строение на Редгосте, плюс время на переход из одного места в другое. Пятьдесят лет? Сто, если здания в Атараси Осака и нескольких других относительно больших городах слишком велики, чтобы проверять их быстро?

Но куда, черт побери, *подевалось* двадцать миллионов человек? Заваленную трупами планету он смог бы понять. А вот планету без людей…

4 января 2978 года (ПТС-РС)

Разбившийся самолет на холмах восточнее порта Шуман привлек внимание Эска, когда он ехал на велосипеде по грубой служебной дороге, тянущейся параллельно железнодорожным рельсам. Это был самолет с неподвижными крыльями и пропеллерными двигателями – простая конструкция, рассчитанная на местное техобслуживание без необходимости импортировать на планету запчасти. Фюзеляж выглядел целым, поэтому он и решил осмотреть самолет. До сих пор он прекрасно обходился без оружия, а большая часть того, что находилось, все равно оказывалась бесполезной из-за встроенной электроники; но ему всегда было любопытно, что он сможет найти.

Этот самолет оказался шестиместным. Небольшой, с бледно-зелеными полосками и эмблемой Министерства социальной корректировки Редгоста. Местное название планетной судебной системы. Подойдя, Эск заметил, что одной двери в самолете не хватает.

Он заглянул внутрь и увидел кого-то на заднем сиденье.

– Черт! – завопил Эск, отпрыгивая назад.

Он слишком много времени провел в одиночестве. И уже начал жалеть, что не прихватил с собой парочку собак из долины Синдайва.

Чувствуя себя дураком, Эск отцепил от велосипеда алюминиевый насос и перехватил его наподобие дубинки. Некоторые из его коллег были убийцами – опасными, как любой когда-либо живший человек, но Эск никогда не увлекался ни подобными тренировками, ни соответствующими усовершенствованиями организма. Он был достаточно силен, чтобы при необходимости пробить таким насосом стену. Во всяком случае, сломать или стену, или насос.

Этого ему вполне хватало.

До сих пор.

Эск снова приблизился к самолету. После вопля смысла таиться уже не было. Но все равно ему не хотелось просто залезать в эти обломки.

Человек сидел на прежнем месте.

Нет, сделал он очевидную поправку. Тело. Кто останется сидеть в разбившемся самолете? Хотя бы потому, что здесь по ночам очень холодно.

Мужчина. Прикованный наручниками к сиденью. Эск

забрался в кабину и подкрался ближе. Трудно было сказать наверняка, поскольку плоть от холода мумифицировалась, но, судя по всему, пленник упорно старался освободиться от наручников.

Эск заглянул в пилотскую кабину. Разбитые приборы и окна, порванная обивка кресел. Крови нет.

Они покинули самолет или как минимум кресла, прежде чем нечто, прилетевшее с орбиты, поразило самолет. В полете.

А отсутствующая дверь? Что, пилот и охранники вот так просто взяли и вышли прямо в воздухе? Эск представил, как заключенный изо всех сил пытается откликнуться на тот же зов, что призвал его охранников. А потом вопит от ужаса, когда кокпит взрывается шипящими осколками, моторы разлетаются в клочья под ударами с орбиты, а самолет заходит на свою последнюю посадку.

Он надеялся, что бедняга погиб при посадке, но заподозрил, что тот мог умереть от голода, прикованным к креслу.

Это также означало, что все, кто оказался не в состоянии двинуться с места, не были захвачены тем, что сцапало всех с поверхности Редгоста. Заключенные? Две тюрьмы, куда он заглянул, стояли пустые, с распахнутыми дверями. Охранники прихватили заключенных с собой. Пациенты из палат интенсивной терапии? Этим объяснялись несколько больничных коек, которые он обнаружил в садах и на уличных тротуарах.

Но все же Эск знал, где смотреть.

Он вернулся за кусачками и освободил мертвого заключенного. Лопаты у него не было, а грунт в любом случае слишком холодный, чтобы копать, но он потратил два дня, чтобы возвести рядом с самолетом каменный холмик.

– Предпоследний человек на Редгосте, – произнес он вместо молитвы, закончив работу. Пальцы у него были исцарапаны и кровоточили, несколько ногтей оторвалось. – Мы с тобой братья, хотя ты никогда этого не знал. Я только не знаю, лучше тебе сейчас или хуже, чем тем, кого забрали.

11 октября 2983 года (ПТС-РС)

На шестой год своей хиджры Эсхил Сфорца вошел в город Пеллетон. Он уже пять лет не находил в помещениях живых зверей и более четырех лет – живого скота в уличных загонах. И ни разу не видел признаков того, что, кроме него, на планете выжил кто-то еще. Шесть тел нашлось при различных невероятных обстоятельствах. Самым тяжелым случаем стала маленькая девочка, запертая в шкафу с горшком и бутылкой воды. Очевидно, девочка оказалась в шкафу задолго до Дня Д. И еще больше времени там провела после.

Эск искренне надеялся, что тот, кто поступил так с ребенком, угодил сразу на последний круг того ада, что разверзся и поглотил человечество.

Он похоронил всех. И после той девочки с навязчивым упорством проверял все шкафы. Это отнимало больше времени, но что значит время для «говарда», неторопливо идущего домой?

Пеллетон находился на восточном побережье моря Эниветок. Это был первый из городов с домами выше четырех этажей. Какой-то оптимист возвел на набережной две пятнадцатиэтажные офисные башни. К тому времени Эск достаточно насмотрелся на архитектуру и жилые районы планеты, чтобы понять: большинство людей хотело видеть жилища небольшими и простыми.

Совсем не так, как на Тасмании времен его молодости. Те, кто хотел жить в большом городе, перебирались в Мельбурн, Брисбен или Сидней. А те, кто хотел жить в большом городе здесь, на Редгосте, перебирались в Атараси Осаку или нанимались работать за пределами планеты.

Он обрел привычку первым делом заходить в местный аэропорт, когда до него было еще удобно добраться. И не ради какого-нибудь другого прикованного пленника – хотя такого он так и не нашел. Скорее в надежде отыскать что-либо полезное. Что угодно.

Газовые мешки тяжелых грузовых дирижаблей уже давно висели лохмотьями на их полужестких каркасах, но Эск все гадал, удастся ли ему отыскать самолет с фиксированными крыльями или гравиметрический флаер, не расстрелянный с орбиты. Не то чтобы он надеялся смастерить голыми руками авиационный двигатель или энергомодуль для флаера, но сам такой аппарат стал бы неплохим началом.

Большая часть кабин была разбита вдребезги: слишком много электроники. Такая же картина с энергомодулями. И, как правило, с фюзеляжами. Эск развлекался, подсчитывая общее количество отдельных наземных целей, подвергнутых бомбардировке с орбиты всего за двадцать пять целых и шесть десятых часа – длительность местных суток, – и число пусковых установок, которое для этого потребовалось. И вычислительную мощность систем наведения.

Эск пришел к выводу, что ни у кого в освоенном человечеством пространстве нет ресурсов на такую насыщенную атаку. Во всяком случае, на такую быструю и тщательную.

Это, разумеется, породило несколько непростых вопросов. Один тревожил больше всего: произошло ли такое на всех планетах, заселенных людьми, или только на Редгосте? Эск, конечно же, не смог бы выяснить, пытался ли связаться с планетой какой-либо космический корабль или звездолет после Дня Д. Как он смог бы узнать о его прилете? Разве что случайно заметил бы маневры на орбите. Насколько известно, ни одна рация на планете больше не работала.

Так, может, Эск – не только последний человек на этой планете, но и последний человек во вселенной? Он так и не смог понять, что означает эта мысль: паранойю, мегаломанию или просто здравый смысл. Или все три сразу, что еще хуже.

К тому времени большинство фюзеляжей воздушных судов украсились слоями мха, травы, а в некоторых случаях и лиан. Еще лет десять, и из дырок в крыльях прорастут деревья. Эск целый день бродил по аэропорту Пеллетона, но не отыскал ничего нового, а с наступлением темноты устроился на ночь в небольшом здании терминала.

Ситуация со стаями бродячих собак постоянно ухудшалась. В отличие от первых лет после Дня Д, ночевать под открытым небом стало уже опасно. Эск снова начал задумываться об оружии. Особенно метательном.

6 июня 2997 года (ПТС-РС)

На двадцатом году своей хиджры Эсхил Сфорца начал сочинять эпическую поэму. Его улучшенная память была совершенна по определению, и он без труда запоминал сочиненные строки, но все же постарался отточить рифмы и размер, чтобы любой другой, кто захочет выучить его повествование о возвращении домой вокруг Редгоста, смог это сделать.

За эти годы он нашел и похоронил двадцать три человека. Судя по всему, никто из них не пережил День Д надолго, и те же обстоятельства, что не дали людям выйти наружу, не позволили им долго сохранять жизнь и здоровье без посторонней помощи.

Города и поселки тоже менялись. Паводки на реках повреждали мосты и размывали набережные. Бури валили деревья, срывали крыши и разбивали уцелевшие после орбитальной атаки окна. Растения, как местные, так и терранские, захватили сперва парки, лужайки и открытые пространства, а потом начали колонизировать тротуары, крыши, ступеньки и световые окна подвалов.

Четкие линии, проведенные цивилизацией на природе, исчезали в мешанине щебня, обломков и зеленых листьев.

Эск потратил годы на поиски разгадок. Обшарив множество разбитых машин и зданий, он откопал достаточно выпущенных с орбиты снарядов, чтобы понять: без серьезных лабораторных исследований он мало что сможет о них узнать. А доступа в лаборатории он не имел – и не мог, разумеется, получить из-за отсутствия электричества. Космические снаряды выглядели как деформированные огнеупорные металлокерамические пули диаметром около двух сантиметров, имевшие в момент выстрела, скорее всего, грубо сферическую форму. А это оставляло вопрос об их наведении на цель широко открытым.

Равно как и найденные тела. Ни одно из них не поведало Эску больше, чем тот мертвый заключенный. Каждый человек, физически способный выйти на улицу, вышел днем или вечером 27 апреля 2977 года и исчез. Предположительно вместе с одеждой и тем, что в тот момент было у него в руках. Эск видел на тарелках множество высохших бутербродов, а на спинках стульев – пиджаков, но ничего подобного – на тротуарах или задних дворах по всему Редгосту.

Световое шоу в небесах затихло несколько лет назад, хотя

редкая вспышка входящего в атмосферу обломка все еще привлекала взгляд по ночам. Эск периодически находил батарейки и даже небольшие электроприборы, уцелевшие после орбитальной бомбардировки и воздействия электромагнитного импульса за счет экранирования – сознательного или случайного. Он до сих пор не решался носить их с собой, опасаясь, что слежение с орбиты еще может продолжаться.

Вот и все новости.

Поэтому в один прекрасный день он начал сочинять эпическую поэму. Надо же было чем-то занять голову, прорубаясь через заросли и заглядывая в шкафы и кладовки.

Я пою о планете, утраченной ныне,
Хотя в космосе все еще мчится она…

Гомером ему никогда не быть, но кто здесь услышит его вирши, в конце концов?

23 апреля 3013 года (ПТС-РС)

На тридцать шестой год своей хиджры Эсхил Сфорца наконец-то начал всерьез воспринимать предположение, что он окончательно сошел с ума. Он с самого начала гадал, так ли это. Не угодил ли он в ловушку галлюцинаций, растянувшихся на десятилетия, когда в его усовершенствованном мозге что-то переклинило? И не было ли даже течение времени артефактом когнитивной компрессии, подобным иллюзорной и обманчивой скорости течения времени во снах?

Эск не был уверен, имеет ли значение любой из вариантов. Он даже не был теперь уверен, есть ли между ними разница.

Он исследовал город Теккейтсерток на почти пустынном острове в северной полярной области Редгоста. Путешествие на остров потребовало длительного планирования и парусной лодки, найденной совершенно целой из-за полного отсутствия на ней электроники. Тем не менее восстановление лодки до пригодного к плаванию состояния заняло больше года.

Время. Работа – лишь нечто такое, что надо сделать.

Теккейтсерток был застроен низкими и приземистыми домами, большинство – со слегка скругленными крышами для предотвращения накопления снега и меньшего сопротивления ветру, с воем налетающему с моря Нордкот на дальней стороне острова, по большей части замерзшего. Теперь любую поверхность, не похороненную под нанесенными ветром снегом и песком, покрывали лишайники. Внутренности домов, где сохранилась изоляция, захватила мохнатая плесень, и все внутри казалось немного пушистым. А там, где изоляция не сохранилась, интерьеры превратились в раскисшую и гниющую кашу.

Эск бродил по городу, гадая, почему кому-то захотелось тут жить. Теккейтсерток, вероятно, был самым экстремальным постоянным людским поселением на Редгосте. Некоторое время назад он решил не утруждаться осмотром кемпингов, исследовательских станций и тому подобного, так что все, кто когда-то находился на северной ледовой шапке, были предоставлены своей судьбе. Да и какая научная ледовая станция выжила бы тридцать пять лет без обслуживания? Даже этот город, которому толстые стены придавали иллюзию долговечности, уже сдавался под натиском природы.

Конечно же, здесь никого не было. Даже в шкафах, в которые Эск упорно продолжал заглядывать. Он не нашел ни отпечатка

следа атаковавших, но держался за смутную идею о том, что улики могли сохраниться в ледяном северном холоде. Даже летом это место было враждебным: всё построено на вечной мерзлоте, и снег здесь идет каждый месяц местного года.

Момент безумия настал, когда Эск находился в городском универмаге. Окон в нем не было, и это значило, что придется воспользоваться керосиновым фонарем, хотя снаружи продолжался бесконечный летний день. Свет фонаря порождал странные резкие тени между лужицами света. Весь торговый зал был уставлен стойками с товарами, от арктического снаряжения до колес для снегоходов. Эск бродил от прохода к проходу, присматривая что-либо полезное для выживания, когда услышал краткий писк электроники.

Он замер и едва не погасил фонарь. Конечно, это была глупость. Если его свет мог кого-то или что-то насторожить, то это уже произошло. Но все же он медленно повернулся, широко отрыв рот, чтобы лучше слышать на фоне колотящегося сердца. Кровь в жилах застыла.

Звук не повторился.

Простояв на одном месте несколько минут, он отбросил неподвижность как стратегию и подошел к прилавку. Именно там, вероятнее всего, могло оказаться уцелевшее оборудование.

«Прошло три с половиной десятилетия, и теперь на этой планете что-то еще работает?»

Ничего.

Не нашлось ничего. Эск разломал прилавок и заглянул во все выдвижные ящички. Открыл панель за давно ставшими бесполезными сетевыми предохранителями и разъемами линий связи. Перевернул сгнивший ковер. Выдернул все из внутренностей витрин. Схватил топор в отделе инструментов (хотя до ближайшего дерева отсюда было пятьсот километров) и изрубил витрины в поисках того, что могло оказаться спрятано внутри. Попытался рубить пол, но остановился, когда едва не вышиб себе мозги обухом срикошетившего топора.

Наконец Эск остановился. Он задыхался, его трясло и мутило. Он разнес магазин. За все годы странствий он никогда не опускался до мелкого вандализма. Хотя он и разбивал окна, чтобы попасть внутрь или выбраться, он никогда не делал этого, чтобы насладиться разрушением.

А сейчас?

Вряд ли нападавшие вернутся. Куда бы они ни улетели. Поняв это, он занес над головой топор и с воплем помчался через зал. Под его ударами валились стойки с зимними куртками, осыпая пол кружащимся белым пухом из дыр. Эск разбил

вращающуюся стойку с инерциальными компасами. Разлетались в стороны драные палатки. Бесполезные электроинструменты с треском врезались в другие витрины или стены. Добравшись до отдела, где продавался керосин для фонарей и горючее для туристов, он разлил и их, а затем поджег эти расползающиеся блестящие лужи огоньком из своего фонаря.

Потом вышел наружу в почти тепло полярного лета: было чуть выше нуля. Из распахнутой двери универмага повалил дым. Через некоторое время там что-то взорвалось с удовлетворенным «бум». Эск ждал долго, но крыша так и не обвалилась.

Наконец Экс потянулся, прогоняя холод из тела, и развернулся, прикидывая, что сделать дальше. И только тогда обнаружил, что окружен терпеливо ждущей стаей собак. Мохнатые, поджарые, с ясными глазами убийц, они наблюдали за тем, как он смотрит на пожар.

– Привет, ребята, – негромко произнес он.

Ни одна из этих собак наверняка не помнила руку человека. Они были потомками выживших, а не сбежавшими домашними питомцами, как в первые годы.

Одна из собак утробно зарычала. Эск пожалел, что оставил ружья в лодке. Архаичные коллекционные железяки, они единственные сохраняли рабочее состояние после того, как во всем рациональном современном оружии сгорела внутренняя блокировка.

Патронов к ним тоже оставалось немного.

И при себе ружей у него не было.

Выхватив нож, Эск напал на явного вожака стаи. Приятно оказалось наконец-то с кем-то сразиться.

1 ноября 3094 года (ПТС-РС)

На сто семнадцатый год своей хиджры Эсхил Сфорца вернулся в долину Синдайва. За годы странствий он похоронил сорок семь тел. Последнее было лишь кучкой обтянутых кожей костей. К тому времени, когда он посетил все места, где на этой планете жили люди и куда он смог добраться, города и поселки уже по большей части самозахоронились.

За тридцать лет он не произнес вслух ни единого слова. Эпическая поэма не была забыта – с его памятью он никогда не забывал то, что решил запомнить, – но Эск не возвращался к ней десятилетиями. А безумие… что ж, оно оставалось с ним долго. Но в конечном итоге он устал даже от безумия и вернулся к вменяемости. Зато безумие оставило след в виде дуги пожарищ, растянувшейся по северному полушарию Редгоста.

Собаки не смогли его убить. Занесенная в раны инфекция не смогла его убить, хотя он не менее двух раз был опасно близок к смерти. Плавание через океан не смогло его убить. Даже одиночество, это проклятие «говардов», не смогло его убить.

Зато скука – могла.

Долина Синдайва вернулась к земле. Многие дома еще стояли, но в виде гниющих коробок, заросших сорняками. Кое-что оказалось долговечнее – например, железнодорожные пути. Как и пластибетонные корпуса больниц и железнодорожных станций.

У Эска было время. И ничего, кроме времени. Поэтому он решил им пользоваться. Ему требовалось место для жилья, неподалеку от воды, но не заливаемое летом, когда тают ледяные шапки на вершине водораздела. Требовалось поймать и приручить несколько диких лошадей, бродящих по полям и лесам, чтобы они тянули плуг. Требовалось вырубить деревья в некоторых местах и отыскать достаточно молодые саженцы для проекта, который созревал у него в голове последние лет десять.

Ему требовалось так много, и у него ничего не было. Теперь, когда Эск пришел домой, у него оставалось лишь время.

7 марта 3283 года (ПТС-РС)

Необходимость управлять лошадьми, не говоря уже о свиньях и козах, которыми Эск со временем обзавелся, вернула ему голос. Он даже стал болтливым за те годы, что на него смотрели эти терпеливые глаза.

Он также пришел к убеждению, что остался последним человеком во вселенной. Насколько ему было известно, более чем за три столетия после Дня Д на связь с Редгостом никто не выходил. Если бы остальное человечество продолжало жить нормальной жизнью, то уже в первые год-два планета кишела бы спасателями и бригадами следователей. Или в любое из последующих десятилетий.

Кто-нибудь мог пролететь мимо, а потом торопливо смыться. Эск понимал, что никогда бы о таком не узнал. Но люди не могут забросить место, где произошло несчастье. А Редгост, каким бы он ни был, сейчас явно планета, на которой произошло несчастье.

Эск даже обзавелся небольшим количеством электроники, отправившись как-то с парой вьючных лошадей к пещере и достав свое уцелевшее снаряжение. Пассивные солнечные панели, установленные на крышах многих домов в долине Синдайва, были все еще целы, и он смастерил достаточно эффективную комбинацию из раздобытых деталей и примитивной электроники, чтобы подзаряжать несколько аккумуляторов. Оборудование, изготовленное для условий космоса, оказалось как минимум долговечным. Теперь у него был стабильный свет, чтобы читать по вечерам: в долине Синдайва нашлось двести одиннадцать бумажных книг, уцелевших к тому времени, когда он отправился на их поиски. Четыре из них были отпечатаны еще на Земле во времена его детства, и три – на английском, который он мог читать. Невообразимо хрупкие страницы уберегло мономолекулярное покрытие, и они хранились как семейные реликвии.

Он перечитал их множество раз. Он мог продекламировать их наизусть, что иногда и делал только для того, чтобы сказать что-нибудь козам и лошадям: свиньи никогда особо не реагировали на его голос.

Но все же чтение и декламация слов, написанных давно умершими авторами, были для Эска ближайшим эквивалентом разговора с другим человеческим существом. Проект тем временем созрел. Расцвел успехом, образно говоря. Эск потратил

десятилетия, тщательно изучая местность, что-то вырубая, что-то сажая и даже отводя русла небольших рек, чтобы воды хватало именно там, где он хотел.

Когда ему стало скучно, он построил себе новый дом и амбар. Жить в больнице было как-то странно. Бремя ушедших душ там чувствовалось сильнее. И на какое-то время ему стало важнее обзавестись собственным домом, в котором перед Днем Д никто не жил, не работал и не умер.

Поэтому Эск построил дом в центре своего проекта. Получилось нечто вроде замка, в комплекте с башенками и центральной сторожевой башней. С платформой для сигнального костра – просто для верности. Вокруг не было достаточных высот, чтобы охватить взглядом результат его трудов, но, поднявшись на холмы в восточной части долины – те самые, с которых он спустился в долину в первые ошеломляющие недели после Дня Д, – он все же смог увидеть то, что замыслило его воображение.

Завтракая яичницей с ветчиной утром 17 марта, Эсхил Сфорца услышал, как над домом воют турбины. Столетия одинокой жизни избавили его от привычки торопиться. Тем не менее он доел завтрак чуть быстрее, чем обычно, и вымыл тарелку в каменном корыте, служившем ему раковиной. Надел куртку из козьей шкуры, потому что в это время года по утрам в долине все еще может быть прохладно, и вышел размеренными, но уже быстрыми шагами.

Эск давно понял, что не имеет значения, кем окажутся те, кто сюда прилетит. Неизвестные рейдеры, опустошившие эту планету, потомки тех, кого захватили атакующие, или же его наконец-то возвратившиеся соплеменники. Когда они вернутся, он захочет с ними встретиться, кто бы это ни был.

Вот почему его дом располагался точно в центре трех стрел из густого леса длиной по тридцать километров и под углами в сто двадцать градусов. Каждую стрелу окаймлял тщательно ухоженный луг. Записка «смотри сюда», видимая даже с орбиты. Особенно с орбиты. Кто еще, черт побери, будет туда смотреть?

Перед воротами в ограде стоял посадочный челнок среднего размера – метров тридцати длиной. Его корпус пощелкивал и потрескивал, остывая после посадки. Трава вокруг него дымилась и тлела. Эск не распознал ни конструкцию, ни эстетику машины, и это давало отрицательный ответ на некоторые его предположения. И опознавательных знаков метрополии определенно не было.

Он остался на месте и ждал того, кто откроет люк изнутри. Долгая прогулка Эска завершилась – уже более двухсот лет назад.

Настало время для следующего шага.

Люк открылся под гул моторов, зашипел воздух, когда выравнивалось давление. В темном и залитым красным светом шлюзе переминалась какая-то фигура.

Человек?

Неважно.

Сейчас станет ясно, что произойдет дальше.

Эсхил Сфорца был дома.

Дэйв Хатчинсон
Невероятный взрывающийся человек

Перед вами захватывающая история человека, который спас мир, но только для того, чтобы спасать его снова и снова.

Дэйв Хатчинсон – писатель и журналист, родился в Шеффилде, сейчас живет в Лондоне с женой и несколькими кошками. Он автор романа и повести «Толчок» («The Push»), номинированной на премию Британской ассоциации научной фантастики (BSFA), а также пяти сборников рассказов. Кроме того, он является редактором антологии «Под розой» («Under the Rose») и соредактором антологий «Странные услады 2» («Strange Pleasures 2») и «Странные услады 3» («Strange Pleasures 3»).

Первое, что видишь с расстояния, – облако.

Оно поднимается километра на полтора или выше: идеальная вертикальная спираль, медленно вращающаяся в небе над Эпицентром. Ветры высоко в атмосфере размазывают его верхушку на ленты, но, как бы ни старались ветры вблизи земли, основная часть облака сохраняет форму. Год назад через эту местность Айовы на северо-запад прошел смерч, и даже ему не удалось хотя бы потревожить облако. Оно кажется зловещим и пугающим, но само по себе – лишь побочный эффект, безвредный водяной пар из атмосферы, собранный происходящим внизу. Реально жуткое содержимое Эпицентра невидимо.

Сидящий напротив меня молодой лейтенант выглядит усталым и больным. Здесь, возле Периметра, люди быстро перегорают – постоянный стресс, так как нельзя пропустить ни живое существо, ни неживое через ограду, и постоянный ужас из-за того, что им придется сделать, если кому-то все же удастся попасть в Зону. Типичная командировка сюда длится менее шести месяцев, затем выполняется ротация, солдат возвращают в подразделения и привозят смену. Я иногда гадаю, зачем мы вообще держим это в секрете: если подождать достаточно долго, здесь побывает весь корпус морской пехоты США.

Я подался вперед, повысил голос, стараясь перекрыть рев двигателей, и спросил лейтенанта:

– Тебе сколько лет, сынок?

Лейтенант лишь тупо посмотрел на меня. Сидящий рядом с ним бывший капрал Фенвик закатил глаза.

– Просто пытаюсь завести разговор, – пояснил я, откидываясь

на сиденье.

Лейтенант не реагирует. Он не знает, кем я был, – точнее, ему представили меня как специалиста, прилетевшего для планового техобслуживания установленных по всей Зоне датчиков. Невозможно сказать, поверил он в это или нет, и есть ли ему вообще до меня дело. Он старается поддерживать видимость профессионализма, но когда думает, что на него никто не смотрит, поглядывает на окна. Он хочет высунуться наружу, проконтролировать территорию, за которую он отвечает на земле. На месте ли Зона? Не началась ли паника? Не пролез ли через ограду койот?

В последний раз именно койот и нарушил периметр. Во всяком случае, все пришли к такому выводу – по останкам наверняка судить было трудно.

Комиссия по расследованию выяснила, что нарушение произошло из-за халатности старшего офицера. Этот офицер, полковник, с кем я пару раз общался и он мне понравился, сэкономил дяде Сэму расходы на трибунал, так как умер вместе с семнадцатью своими людьми, вытаскивая из Зоны то, во что превратился койот. По одному взгляду, брошенному на лейтенанта, можно было с уверенностью сказать: его по ночам мучают кошмары.

«Черный ястреб» сделал еще один широкий круг над Сиу Кроссинг, ожидая разрешения на посадку. Когда я выглянул наружу, мне показалось, будто я вижу свой старый дом. Город эвакуировали вскоре после Происшествия. На его полную очистку ушло несколько недель: даже после жутких историй о смертях и несчастьях, даже несмотря на висящее над Зоной облако, оставались люди, отказывавшиеся уезжать. И то, что небо над ними кишело военными вертолетами и некоторые из них были черными, тоже не помогло. Правительство контролировало ситуацию очень паршиво, и даже случилось несколько вооруженных столкновений между домовладельцами и военными. А потом из диких просторов Монтаны заявилась толпа придурков-ополченцев, назвавших себя милицией и поклявшихся выступить против всемирного сионистского правительства, или бильдербергской группы, или еще кого-то, кто, по их мнению, правил миром. Я порадовался, что меня здесь в то время не было.

Еще дальше я разглядел здания коллайдера. Отсюда все выглядело мирно. Если не считать облака, возвышавшегося над местностью, создавалось впечатление, будто здесь никогда и ничего не происходило.

Наконец пилот получил разрешение заходить на посадку, и мы приземлились в парке на окраине Сиу Кроссинг. Парк

окольцовывали сборные щитовые домики, установленные в четыре этажа, офисы, казармы, столовые, пункты управления, склады оружия и гаражи, а в центре на грунте располагалась крупная белая «Н» вертолетной посадочной площадки. Лейтенант выпрыгнул, едва открылась дверь, и я увидел лишь его спину, когда он быстро зашагал к центру управления.

– Разговорчивый мудила, – прокомментировал бывший капрал Фенвик, спрыгивая из вертолета рядом со мной.

Я вздохнул. Со стороны центра управления к нам направлялась фигура в полевой форме. Когда офицер проходил мимо лейтенанта, они отдали друг другу честь, даже не замедляя шага.

– Комитет по встрече, – сказал Фенвик. – Мило. Одобряю.

– Заткнись, Фенвик, – процедил я.

Фигура оказалась командиром базы, полковником Ньютоном Дж. Кеттерингом. Он подошел к нам строевым шагом и отдал честь. Фенвик повторил его действие лениво, как обычно. Я даже не стал утруждаться.

– Сэр, – элегантно произнес Кеттеринг. – Добро пожаловать в лагерь Батавия.

– Вы очень любезны, полковник, – ответил Фенвик. – Похоже, у вас тут все ходят по струнке.

– Сэр. Благодарю вас, сэр.

В отличие от лейтенанта, Кеттеринг не выглядел усталым и больным. Он выглядел бодрым и ясноглазым. Причем бодрым и ясноглазым на грани безумия. Полковник был ветераном Ирака и Афганистана, отслужил здесь три командировки, и я не хотел оставаться в его обществе ни минуты сверх необходимого.

– Я лучше прослежу за разгрузкой, – сказал я Фенвику. Тот ответил мне широкой и самодовольной улыбкой.

– По-моему, прекрасная идея, мистер Долан. – Мне захотелось его ударить. – Возможно, полковник Кеттеринг сможет провести для меня экскурсию, пока вы этим занимаетесь.

– Сэр, я надеялся, что вы присоединитесь ко мне в офицерском клубе, – вставил Кеттеринг. – Мы там подготовили второй завтрак.

Улыбка Фенвика стала шире.

– Я бы с удовольствием, полковник.

– Нам нужно добраться до Зоны как можно быстрее, – сказал я им обоим, но в основном Фенвику. Кеттеринг взглянул на меня с легкой враждебностью. Фенвик надулся: ему очень хотелось поесть на халяву. – Полковник, на разгрузку моего оборудования уйдет не более получаса…

– Черт. – дружески вставил Фенвик. – Да этого времени с

лихвой хватит для завтрака. Верно, полковник?

– Сэр. Да, сэр.

Кеттеринг снова бросил на меня враждебный взгляд. Я уже погубил его тщательно лелеемый распорядок дня, и он не позволил бы мне лишить его еще и завтрака. Фенвик тоже. Я посмотрел на них.

– Полчаса, – решил я. – И не дольше.

Фенвик и Кеттеринг понимающе переглянулись. «Гражданские». Затем Фенвик хлопнул Кеттеринга по спине.

– Ведите, полковник, – сказал он, и они пошли. Пройдя несколько шагов, Фенвик обернулся и спросил: – Прислать вам перекусить, мистер Долан?

Я покачал головой.

– Нет, генерал, спасибо, обойдусь.

Фенвик исподтишка показал мне средний палец и повернулся к Кеттерингу. И парочка, погруженная в разговор, направилась к стене из щитовых домиков.

Несколько секунд я смотрел им вслед, потом вернулся к вертолету, где в стиле скучающих грузчиков всего мира шестеро морпехов швыряли на траву мои металлические транспортировочные ящики.

– Эй! – завопил я. – Осторожнее! Это хрупкие научные приборы!

Если честно, ящики мы набили старыми телефонными справочниками, но я должен был подыгрывать спектаклю.

* * *

Я пребывал в мерзком настроении, когда пришел на работу в то утро. Я проехал небольшое расстояние от дома до объекта, ненадолго задержался в воротах, показывая пропуск, и приблизился к зданию с небольшой комнатой управления, ею пользовались профессор Делахэй и его команда.

Большая часть сотрудников была уже на месте, опередив меня. Делахэй стоял возле одной из стен, совещаясь с полудюжиной коллег и аспирантов. Остальные деловито стучали по клавиатурам возле консолей и всматривались в мониторы. Но я нигде не заметил лохматого блондина, которого искал.

Заметив меня, Делахэй подошел.

– Что вы здесь делаете, Долан? – спросил он. – Вы уже наверняка собрали достаточно материала.

– Мне нужно заключение, – пояснил я, продолжая оглядываться. – Всего лишь последний штрих.

– Ладно, только постарайтесь не путаться под ногами. Будьте хорошим мальчиком.

Делахэй был невысоким и нервным лондонцем, и он не мог понять, почему ему и его эксперименту навязали журналиста.

– Я что-то не вижу Ларри, – заметил я. – Он придет сегодня?

Делахэй осмотрелся.

– Может быть. Кто знает? Эксперимент почти завершен, и ему нет нужды здесь находиться. Это важно?

Важно ли это? Для ***вас,*** профессор, вероятно, нет.

– Я лишь хотел перебросится с ним парой слов, – пояснил я.

Делахэй раздраженно кивнул:

– Ладно. Только…

– Постараюсь не путаться под ногами. Да, профессор, знаю. Я постою в уголке, и всё.

Можно подумать, я собирался нажать какую-нибудь важную и большую красную кнопку или упасть на прибор. Любые мои поступки здесь не окажут ни малейшего влияния на огромные энергии, которые генерируются с каждой наносекундой глубоко у нас под ногами, в туннелях коллайдера. И даже если я ухитрюсь что-то испортить, это почти не повлияет на эксперимент: все результаты уже были получены и зарегистрированы, и Делахэй лишь использовал выделенное ему время для парочки последних «выстрелов».

Профессор одарил меня напоследок предостерегающим взглядом и вернулся к небольшой группе, ожидающей его на другом конце помещения. Здесь не происходило ничего способного сотрясти основы мира: коллайдер был новенький с иголочки, в офисах еще пахло свежей краской. Делахэй лишь тестировал оборудование в режиме прогрева и калибровал приборы – эквивалент обкатки новой машины в физике высоких энергий. Я работал здесь два месяца, собирая материал о новом коллайдере для журнала «Тайм». На мой взгляд, статья получалась интересной и информативной. Но худшим во всей этой гребаной науке стало то, что из-за нее в моей жизни появился Ларри.

Подошел Энди Чен, мы пожали друг другу руки.

– Прикольно было, когда ты к нам приходил, – сказал он.

– Это точно, – согласился я.

– Нет, я серьезно. Ты жутко выводил старикашку Делахэя из себя. Одно удовольствие смотреть. Спасибо.

Я улыбнулся, хотя был еще злее профессора.

– Не за что. А у тебя какие теперь планы? Вернешься в МИТ[66]?

Он покачал головой.

– Предложили работу в JPL[67].

– Отличная новость! Поздравляю.

– Ну, посмотрим. Это не чистая наука, но я хотя бы окажусь подальше от нелепого старого пердуна. – Чен взглянул на профессора, потчевавшего студентов какой-то байкой. Энди фыркнул. – Британцы. Что с них взять? – Он перевел взгляд на дверь, возле которой началась суматоха. – Ну, вот теперь можно начинать вечеринку.

Я посмотрел на дверь и увидел львиную голову Ларри Дэя, возвышающуюся над остальными. Сердце забилось чаще.

– Энди, мне надо по-быстрому переговорить с Ларри. – Мы пожали руки, и я направился к дверям, протискиваясь через толпу. – Отличная новость насчет JPL, приятель. Я серьезно.

Ларри снова был пьян. Это стало очевидно еще до того, как я приблизился. Облаченный в шорты-бермуды и куртку с «пустынным» камуфляжем, в одной руке он стискивал потрепанную пачку бумаг, а другой держал упаковку полдюжины пива в термопленке. Шевелюра у него выглядела так, словно его несколько раз протащили туда и обратно по живой изгороди, а глаза прятались за черными зеркальными очками со стеклами размером с серебряный доллар.

– Ларри, – окликнул я, добравшись до него.

Зеркальные линзы повернулись ко мне.

– О, Алекс. Привет, чувак.

Его окутывала мощная аура виски и кубинских сигар. Он улыбнулся, продемонстрировав желтые неровные зубы.

Журнал «Роллинг стоун» назвал его «зловещим близнецом Стивена Хокинга». Один из самых блестящих физиков своего поколения, легенда уже в двадцать четыре года. Конечно, к тому времени его вышвырнули из Гарварда за инцидент, в который были вовлечены самодельная электромагнитная пушка, замороженная курица и винтажный «ТрансАм» его научного руководителя, но это была лишь часть его загадочного обаяния, и почти все другие университеты Земли предложили ему должность. Его докторская диссертация была озаглавлена «Почему все лептоны похожи на Джои Рамоне, но пахнут как Леди Гага», и в научной среде единогласно признали перебором вручать за нее Нобелевскую премию. Достаточно плохо уже то, что она вошла в шорт-лист. Аспирантское исследование Ларри представляло смесь прозаичного и безумно экзотичного, он тщательно выбирал путь через неизвестные, экзотические и далекие области квантовой механики и нанотехнологий, он выдвинул новую теорию эволюции звезд и опубликовал статью, в которой не только бросил вызов теории Большого взрыва, но и

выставил ее весьма тупой и примитивной. Ларри Дэй. Блестящий физик. Блестящий пьяница. Блестящий серийный бабский соблазнитель. Мы с ним побывали во всех барах Сиу Кроссинга, и из большинства нас вышвырнули.

– Я вчера вечером разговаривал с Элли, – негромко сказал я.

– Замечательно, – ухмыльнулся он, глядя на меня сверху вниз.

Я скрежетнул зубами.

– Она мне все рассказала.

Позади меня Делахэй что-то вещал о том, какая здесь сегодня праздничная атмосфера, но я не обращал на его слова внимания. Я видел лишь рот Ларри и его губы, когда он произнес:

– А-а. Ладно.

– И это все, что ты можешь сказать? – прошипел я. – А-а. Ладно?

Он пожал плечами, несколько листов бумаги выскользнули из его руки и упали на пол.

– А что я могу сказать, чувак? «Извини»?

Делахэй громко вел какой-то отсчет, но я слышал его словно издалека. Я бросился на Ларри, схватил его за ворот камуфляжной куртки, толкнул его на два шага вперед и прижал к стене.

– …Три… два… – произнес Делахэй.

– Гребаный ублюдок! – завопил я Ларри в лицо.

– …Один! – воскликнул Делахэй, и мир наполнила неожиданная вспышка чего-то, но определенно не ослепительно белого света.

К тому времени, когда Фенвик с полковником вернулись, армейский внедорожник был уже загружен. В конце погрузки я велел морпехам уйти и последние ящики закинул уже сам. С годами я заметил, что морпехи проявляют некое презрение к тем, кто не является одним из них. Я был гражданский специалист. Для большинства из них это эвфемизм ЦРУ, то есть прямое приглашение волынить и попытаться вывести гражданского из себя, но я не собирался играть в их игры.

– Как позавтракали, генерал? – спросил я, когда подошли Фенвик и Кеттеринг.

Фенвик взглянул на полковника.

– Полагаю, я смогу включить в отчет, что этот лагерь не лишен земных благ, мистер Долан, – ответил он, и Кеттеринг облегченно улыбнулся.

Я взглянул на часы.

– Нам действительно пора начинать, генерал, – сказал я. –

Мне бы хотелось уехать отсюда до темноты.

– И мне тоже, – фыркнул Фенвик и повернулся к Кеттерингу. – Ньют, если окажетесь в Форт-Брэгге, я закачу для вас такую вечеринку с барбекю, что у вас голова кругом пойдет.

Кеттеринг ухмыльнулся.

– Сэр. Да, сэр.

Они пожали руки, и Кеттеринг встал по стойке смирно, пока мы с Фенвиком садились в машину. Я сел за руль.

– Надеюсь, ты не допустил нарушения протоколов секретности, капрал?

Фенвик улыбнулся и постучал по звездам на погонах.

– Генерал.

Я включил передачу.

– Да пошел ты в жопу, Фенвик. Ты такой же генерал, как и я.

И я выехал из ворот лагеря и двинулся к Зоне.

* * *

Там было место, которое не было местом. Одновременно слишком маленькое и слишком большое, или темное, или освещенное чем-то, но не светом, оно возникало на краю зрения, подобно гипнотическому кошмару. Тут имелись верх и низ. А может, низ и верх. Я вопил и вопил, и издаваемые мной звуки не были звуками. Я был… Я был…

У меня ушло много времени на осознание своего положения в пространстве. Или же мне это так и не удалось, и все было лишь случайностью.

Я шагал. Во всяком случае, перемещался. Я не мог понять, что вижу, и не мог быть уверен, что действительно вижу это. Мне хотелось свернуться калачиком и умереть, и я несколько раз попробовал, но у меня не получалось. Я не мог даже свернуться калачиком – в том смысле, в каком я это понимал. Я поднял руки и посмотрел на них. Они были… Они были…

И вдруг, может, через секунду, а может, через сто миллионов лет, я наткнулся на… структуру. Слишком маленькую и слишком большую одновременно. Она выглядела… невозможно описать, как она выглядела, но я *коснулся* ее, *опустился рядом* и *свернулся* вокруг нее, и в следующий миг я уже лежал на спине, глядя в звездное небо, а рядом кто-то орал:

– Не шевелись, мудак! Лежи, где лежишь!

Я повернул голову, удивленный тем, что все еще помню, как это делается. В шаге от меня стоял солдат, освещенный лунным светом, и направлял на меня автомат.

– Кто ты такой? – спросил я и едва не задохнулся, ведь я все еще пытался говорить так, как мог бы говорить *там.* Я закашлял, меня чуть не вырвало, и внезапно я осознал, что я голый и ужасно замерз. – Кто ты такой?

– А *ты* кто такой? – крикнул солдат.

– Долан, – ответил я, и на этот раз смог ответить нормально. – Алекс Долан. Произошел какой-то инцидент.

Тут что-то квакнуло, и солдат поднес ко рту рацию.

– Это Фенвик, сэр, – гаркнул он в рацию. – У меня тут гражданский. И он заявляет об инциденте.

* * *

При осмотре с земли пятнадцать лет заброшенности стали более очевидны. У ворот стояли «зеленые береты», и они добрых полчаса проверяли наши документы и удостоверялись, что мы – это мы, и лишь потом пропустили. Как и животные, журналисты со всего мира упорно старались прокрасться за ограждение. Пока никому не удалось. Во всяком случае, никому, о ком нам стало бы известно.

Здания были потрепанные погодой и грязные, трава вымахала по пояс, хотя ее регулярно поливали с вертолетов гербицидами, и начала перебираться на потрескавшийся асфальт дорог.

Я ехал, пока мы не оказались в сотне метров от здания с комнатой управления, прямо под медленно вращающимся спиральным облаком. Не в состоянии замять факт его существования, правительство признало, что в коллайдере произошел инцидент, и объяснило наличие облака электромагнитным эффектом. Ученые – как правительственные, так и другие – все еще спорили об этом феномене.

Фенвик посмотрел на белую спираль и скривил губы. Он обладал многими качествами, и лишь очень немногие из них достойны восхищения, но трусом он не был. Он свято верил в собственную безопасность рядом с Эпицентром – ведь ему так сказали. И ему не приходило в голову, что немалая доля оборонного бюджета уходила на ограждение Эпицентра даже от животных.

После моего появления возле капрала буквально из воздуха было много споров о том, как с ним поступить. Быстрое изучение личного дела Фенвика намекало: взывать к его патриотизму будет бессмысленно, а отвалить кучу денег – нецелесообразно и бесполезно. Рабочая группа из тридцати очень умных мужчин и женщин собралась исключительно для изучения проблемы под

названием «что делать с капралом Робертом Е. Ли Фенвиком», который однажды ночью, находясь в патрулировании на военной базе Форт-Брэгг, увидел, как я возникаю из направления, никому во вселенной до тех пор не известного.

Их решение оказалось простым и, на мой взгляд, необычно гуманным. Капрал Фенвик был простым организмом, нацеленным в основном на удовлетворение личных желаний, и его лояльность и молчание – было куплено всего-навсего повышением его в звании до трехзвездного генерала. Я не переставал восхищаться полным отсутствием у Фенвика хоть малейшей видимой благодарности. Альтернатива, казалось, никогда не приходила ему в голову. Видимо, он вообще не задумывался над тем, что проще и гораздо дешевле было бы его убить.

– Приехали, значит, – сказал Фенвик.

– Да. Приехали. С этим я спорить не могу.

Я взглянул на облако, потом на здания вокруг. Фенвик удивил всех, восприняв свое новое звание как должное. Он все еще оставался в армии, но уже не был офицером. У него фактически не имелось обязанностей, кроме связанных со мной. Ему выплатили задним числом генеральский оклад за десять лет, и он купил родителям новый дом в Западной Виргинии и новую машину брату, а сам поселился с бывшей невестой Розелинн и полудюжиной своих писклявых отпрысков в роскошном особняке в Александрии, штат Виргиния. Его дети ходили в лучшие школы, и в моменты отчаяния меня это утешало. Старшая дочь Бобби-Сью на следующий год собиралась поступать в Принстон. Благодаря происшествию со мной сыновья Фенвика не будут работать всю жизнь в местных угольных шахтах, а дочери Фенвика не выйдут замуж за спортсмена из команды средней школы, чтобы увидеть, как тот превращается в пьяную скотину, избивающую жену. Все они станут юристами, врачами, конгрессменами и сенаторами, а может, даже и президентами. Когда мне было особенно тяжело, я смотрел на экс-капрала Фенвика и почти верил: мои мучения того стоили. Почти.

– Много у нас осталось времени? – спросил он. Он всегда это спрашивает.

Я пожал плечами.

– Минуты? – Я тоже всегда так отвечаю. – Дни?

Я открыл дверь и вышел из машины. Фенвик тоже вышел, и мы выгрузили ящики. Потом отнесли их в одно из зданий неподалеку от комнаты управления и вывалили на пол телефонные справочники. Затем отнесли ящики обратно в машину, а я выгрузил на землю свое снаряжение.

Фенвик взглянул на часы.

– Пора возвращаться.

Я кивнул. Часа через два тут будет перелет границы. Черный вертолет без опознавательных знаков и транспондера-идентификатора пролетит надо мной, до последнего момента игнорируя запросы местных диспетчеров полетов, затем передаст короткий шифрованный сигнал, идентифицирующий его принадлежность к АНБ. Он снизится, выходя из поля зрения радаров, зависнет на несколько секунд, потом поднимется и улетит. Якобы вместе со мной.

– Глупо все это. Однажды кто-нибудь обо всем догадается, – сказал я.

Фенвик пожал плечами.

– Не моя проблема.

Он протянул руку, я ее пожал. Когда мы впервые встретились, он был поджарый и вертлявый. Теперь он стал спокойный, отъевшийся и гладкий, и по большому счету я не мог на него за это злиться.

– В добрый путь, Алекс.

– Тебе тоже, Бобби Ли. До скорого.

– Будем на это надеяться?

– Да. – Я улыбнулся. – Будем.

Фенвик уселся в машину, помахал мне и поехал к воротам, где он скажет «зеленым беретам», что *гражданский специалист* организовал себе иной способ эвакуации. И это в каком-то смысле будет правдой.

Я смотрел на машину, исчезающую в отдалении. Когда она скрылась, я взял свои вещи и отнес в одно из ближайших зданий. Свалил все в пустом офисе, развернул на полу спальный мешок, подкатил к окну кресло и сел.

* * *

Комнатка была маленькая и без окон, а из мебели в ней имелись только стол и складной пластиковый стул. На нем сидел капитан. Я стоял по другую сторону стола от него, охраняемый двумя вооруженными солдатами.

– Итак, все, что мне нужно знать, сынок, – твое имя и как ты пробрался с голой задницей на базу, да еще умудрился остаться незамеченным, – сказал капитан. Он задавал этот вопрос уже несколько раз.

– Меня зовут Александр Долан. Я журналист. Я был в комнате управления вместе с группой профессора Делахэя. И полагаю, там произошел инцидент.

Я тоже повторял свой ответ несколько раз.

Капитан улыбнулся и покачал головой. Он работал в охране базы. А может, в разведке – не знаю. И был воплощением здравомыслия. Казалось, он говорит: мы можем продолжать так весь день и всю ночь, пока я не скажу то, что он хочет знать.

– Отыщите профессора Делахэя, – предложил я. – Он подтвердит мои слова.

Я не мог понять, чем военные занимаются в коллайдере. Возможно, инцидент оказался гораздо серьезнее, чем я думал. А это делает его воистину потрясающим.

– Я не знаю никакого профессора Делахэя, сынок. Это он помог тебе пробраться сюда?

Я вздохнул и покачал головой.

– Нет. Он руководил экспериментами по запуску коллайдера. Послушайте, если он ранен, может, кто-то из других сможет прийти? Доктор Чен или доктор Морли. Меня там все знают.

– А я не знаю никого из этих людей, мистер Долан. Зато хочу знать, кто *вы* такой и как, черт подери, вам удалось проникнуть на базу Форт-Брэгг абсолютно голым.

– Форт-Брэгг?

Капитан ответил мне страдальческим взглядом: мол, не вешай мне лапшу на уши, сынок.

Я обвел глазами комнату. Тут была лишь одна дверь. Снабженная большими запорами, она производила впечатление весьма прочной. Но, оглядев комнату еще раз, я заметил, что если посмотреть на нее определенным *образом,* то это вовсе никакая не запертая комната. А всего лишь плоскости массы, которые даже не соприкасаются. По сути, она была широко распахнута.

– А я думал, я нахожусь в коллайдере в Сиу Кроссинг, – сказал я капитану.

– Где? – моргнул он.

– Мне здесь не нравится, – заявил я. И *шагнул* из комнаты, а потом вернулся *туда.*

Я прихватил с собой галлон воды в канистре, маленькую туристическую печку на сухом горючем, пару кастрюлек и сковородок и полдюжины армейских рационов. Я взял первую коробку и открыл ее. Еда, готовая к употреблению. Но только если ты в отчаянном положении или не особенно привередлив. В коробке оказались говяжьи равиоли в мясном соусе, несколько ломтей хлеба, печенье, плавленый сыр, вяленая говядина, кофеиновые леденцы, конфеты, кофе, сахар, соль, жевательная резинка, немного сушеных фруктов и другой всячины. Я слышал, в рационы французской армии включают пакетик красного вина.

Эх, если бы Происшествие случилось в ЦЕРНе…

* * *

Я заметил… нечто. Если твердый предмет может иметь эквивалент негативного изображения, то это оно и было. Нечто вроде *негативного* смерча, вывернутого наизнанку. Я *шагнул* к нему…

И обнаружил себя на территории коллайдера, возле здания, в котором я в последний раз видел профессора Делахэя, его команду и Ларри Дэя.

Надо мной возвышался колоссальный облачный столб, медленно вращающийся в небе. Запрокинув голову, я смотрел на него, открыв рот.

И внезапно оказался на земле, корчась от боли. Мышцы сводили судороги и спазмы. Я попытался *уйти,* но из-за сильнейшей боли не смог сосредоточиться.

Именно так меня и поймали во второй раз, сидя в засаде: они предполагали, что я вернусь к коллайдеру. И оглушили меня шокером до полусмерти. Кто-то подошел ко мне и ударил кулаком по бедру. Когда он поднял руку, из моей ноги потянулась пластиковая трубочка, а потом в голове раздался дикий рев, и меня смыла накатившая волна черноты.

На капитане и двух охранниках испробовали тот же трюк, что и на бывшем капрале Фенвике. Я уже начал думать, будто путешествую по миру, оставляя за собой новеньких генералов. Их осыпали деньгами и повышениями, но почему-то это не сработало так, как с Фенвиком. Они все же проболтались, и в конечном итоге правительство было вынуждено «помочь» им исчезнуть. Офицеров рассадили по одиночным камерам в Ливенворте, а тех, с кем они болтали, где-то *нейтрализовали.*

Покончив с обедом, я уселся у окна, потягивая кофе и куря маленькую сигару. Она нашлась в жестяной коробке в рюкзаке – скромный подарок от Фенвика. Во время обеда я слышал, как надо мной пролетел вертолет.

Он приземлился на несколько секунд примерно в двухстах метрах от Эпицентра – и это был безумно храбрый поступок со стороны пилотов, необходимый для поддержания легенды о моем «отлете», которую я считал бессмысленной и примитивной, – а затем поднялся и направился на запад. Теперь все стихло, наступала ночь.

Я вспомнил, как всё здесь когда-то кипело и бурлило. Теперь коллайдер забросили, а выживший персонал раскидали по

другим местам. Я подумал о Делахэе, Энди Чене, Кейтлин Морли и всех, кто оказался со мной в этой комнате в день Происшествия. Делахэй был нервный мудак, а Ларри завел интрижку с моей женой, но остальные мне нравились: хорошие и спокойные, профессионалы, с ними было приятно общаться.

Моя рука лежала на подоконнике. Когда я взглянул на нее, волоски на предплечье зашевелились и начали медленно подниматься.

На этот раз напротив меня находился генерал, и я сидел. По одну сторону от генерала я увидел двоих мужчин среднего возраста в штатском, а по другую – моложавого мужчину с редеющими волосами, на его лице читалось нетерпение.

– Вы меня оглушили шокером и накачали какой-то дрянью, – заявил я. – Не очень-то дружественное обращение.

– За это мы приносим извинения, мистер Долан, – сказал один из штатских. – Мы не могли рисковать тем, что вы… снова *уйдете.* Поставьте себя на наше место.

Я поднял руки. Они были в наручниках, а те подключены к генератору за стулом. Если создастся впечатление, будто я намереваюсь проделать нечто возмутительное – или даже слишком сильно чихну, – через наручники меня шарахнет током и оглушит. Я это знал, потому что они продемонстрировали процесс, пока я отходил от успокоительного.

– Я с удовольствием представлю себя на вашем месте. До тех пор, пока вы в состоянии представить себя на моем.

– Это лишь предосторожность, мистер Долан, – заявил второй штатский. – Пока у нас не появится уверенность, что вы не покинете нас снова.

Я посмотрел на наручники. Если разглядывать их под определенным углом, то они совсем не охватывали мои запястья. Я опустил руки и сложил их на коленях.

– Профессор Делахэй?

– Про него мы ничего не знаем, – ответил моложавый. – Мы не осмелились войти в комнату управления. Туда послали робота-сапера с камерами, и… там что-то есть, но не тела, и живых тоже нет.

– Что-то? – уточнил я.

– Мы не знаем что. – Он покачал головой. – Камера не в состоянии передать изображение. Какое-то «слепое пятно» в центре комнаты. Вы можете вспомнить детали произошедшего?

«Я собирался набить морду Ларри Дэю за его интрижку с моей женой».

– Они выполняли последний эксперимент из серии. Делахэй

начал обратный отсчет, а потом… – Я посмотрел на них. – Извините. Я не могу это *описать.*

– Какой-то момент показался вам необычным? Любая мелочь?

«Да, минуту назад я узнал, что Ларри Дэй переспал с моей женой».

– Нет, все выглядело нормально. Но я не физик, я журналист.

– И куда вы… *попали?*

– Не знаю. Куда-то. Никуда. Куда угодно.

Все четверо переглянулись.

– Мы полагаем, мог быть еще один выживший, – сказал один из штатских.

Я подался вперед.

– На следующий день после вашего первого… э-э… возникновения в Каире произошел инцидент, – продолжил он. – Половина центра города была уничтожена. Видео того, что произошло, нет, но некоторые выжившие утверждают, будто видели джинна, шагающего через город. Человеческую фигуру, проходившую сквозь дома и разрушавшую их.

Мне в голову пришла ужасная мысль.

– Это мог быть я.

– Мы так не думаем, – сказал второй штатский, покачав головой.

– Почему?

– Потому что такое повторилось вчера в Неваде. Пока вы лежали здесь без сознания. Небольшой город Спайсервиль был полностью уничтожен. Погибло восемьсот человек.

– Мы назвали произошедшее взрывом железнодорожного вагона с химикатами, – вставил генерал. – Египтяне назвали свою катастрофу падением метеорита. Но мы считаем, это был… кто-то вроде вас.

– Что бы ни произошло возле коллайдера, оно вас изменило, – сказал моложавый, как мне показалось, с полным восхищения подтекстом. – Мы считаем, изменения коснулись и того, другого, кем бы он ни был. Но там, где вы, похоже, нашли способ… справляться… с ситуацией, тот, другой, не смог этого сделать.

– И вовсе я не нашел способа *справляться,* – возразил я.

Я взглянул на разделявший нас стол. Довольно дешевый на вид стол для совещаний, из тех, что правительство закупает в огромных количествах в магазинах уцененных офисных товаров. Похоже, я прежде никогда не смотрел на предметы должным образом, теперь же я видел, как стол был сконструирован, начиная от субатомного уровня и выше.

– Очевидно, эта… личность опасна, – произнес один из

штатских. – И мы очень высоко оценим любую помощь с вашей стороны.

Я вздохнул. Потом разобрал стол на детали и сложил их в форме, которая мне понравилась. Однако больше никому из присутствующих она не понравилась, судя по тому, как они подпрыгнули и с воплями ломанулись к двери. А я выскользнул из наручников и вернулся *туда.*

* * *

Я вышел наружу и встал перед зданием, сунув руки в карманы. Около семи часов назад я сидел в комнате для совещаний в подвале Белого дома с президентом и примерно дюжиной сотрудников ЦРУ и АНБ и смотрел видео.

Оно было снято беспилотником «Предатор», летящим над Афганистаном, – острие длительной операции под кодовым названием «Водораздел» по ликвидации полевого командира «Талибана». Этого типа проследили до огороженного поселения в Хелманде. Мы смотрели обычное военное видео – не черно-белое, а со странной смесью оттенков серого. Ландшафт то отдалялся, то приближался, когда оператор беспилотника, находясь в тысячах миль от него на континентальной территории США, наводил аппарат на цель. Потом на холме показалась кучка зданий, беспилотник запустил ракету, и в этот момент из-за угла одного из зданий вышел человек. Несколько секунд перекрестье камеры беспилотника подергивалось в центре экрана, а потом здание пыхнуло дымом во все стороны и исчезло.

А секунду спустя, целый и невредимый, вроде бы даже не заметивший взрыва человек спокойно вышел из дыма и зашагал дальше.

– Итак, – сказал президент, когда видео закончилось, – или война в Афганистане только что приняла *очень* странный оборот, или нам понадобятся ваши услуги, мистер Долан.

Я посмотрел в небо. Луна висела низко над горизонтом, и все было залито странным, не имеющим направления серебристым светом, здания в нем отбрасывали странные тени. В воздухе стояло наэлектризованное *ожидание*, пахло озоном и жженым сахаром, из ниоткуда дул ветерок. И тут он возник в нескольких шагах от меня, озираясь и издавая странные звуки. Я вздохнул.

– Ларри, – окликнул я.

Ларри обернулся и увидел меня.

– Господи, Алекс. Что случилось, черт подери?

Ларри не помнил Происшествие, и это было хорошо. И не помнил происходившего после, что еще лучше. Зато он удивительно легко приспосабливался к ситуации, и я не мог себе позволить расслабиться, даже на секунду.

Я подошел и остановился, глядя на него. Он очень походил на серию картинок из комикса, изображающую взрывающегося человека. Вот он на первой картинке, твердый и цельный человек. А вот в конце серии – разлетающиеся кости, мясо и прочие ошметки. А вот он на протяжении трех-четырех предыдущих картинок, когда взрыв только начинается, а тело разлетается на части. И все это Ларри – человек, невозможным образом пойманный в момент взрыва. Его тело выглядело одновременно и отвратительно, и абсурдно: анимированное облако из мяса и крови в форме человека, только раза в два больше нормального размера.

– Произошел несчастный случай, – сказал я. – Что-то случилось во время последнего эксперимента, и мы до сих пор не знаем точно, что именно.

Голос Ларри прозвучал откуда угодно, но только не из его взорванной гортани. Он доносился словно с большого расстояния, как радио, настроенное на далекую галактику.

– А что стало с твоими волосами, Алекс?

Я провел ладонью по голове.

– Прошло много времени Ларри. Я постарел.

– Сколько? – уточнил зловещий голос.

– Почти двадцать пять лет.

Ларри осмотрелся и снова издал те странные звуки.

– Делахэй?..

– Все мертвы. Делахэй, Уоррен, Чен, Брайт, Морли. Вся команда. Выжили только ты и я.

Ларри посмотрел на свои руки. Я бы не сумел прочесть выражение на том, что было у него вместо лица, но он издал звук, который я мог бы принять за смех.

– Похоже, я не очень-то хорошо уцелел, Алекс. – Он посмотрел на меня. – Зато ты вроде бы в порядке.

Я пожал плечами.

– Я же говорил, мы до сих пор не знаем точно, что там произошло.

Ларри снова жутко хохотнул.

– Боже мой, я смотрюсь как персонаж из комикса. Может, ты думаешь, я стал супергероем, Алекс?

– М-м-м… необычный взгляд на ситуацию, – настороженно произнес я.

Ларри вздохнул.

– Или у меня появилось рентгеновское зрение или что-то вроде. А не… – он помахал не совсем руками, – это.

– Ларри, тебе нужна помощь.

– Да ну? – рассмеялся Ларри. – Ты так *думаешь*? Господи, Алекс. – Он принялся расхаживать взад-вперед, потом остановился. – Где я был? Прежде?

– В Афганистане. Мы полагаем, ты просто старался найти дорогу обратно, сюда.

Ларри покачал головой. Смотреть на такое было жутковато.

– Нет. Еще раньше. Это было… все было неправильно… образ…

– Ларри… – сказал я, делая шаг вперед.

– А еще раньше… я был *здесь,* и у нас был тот разговор…

– Это просто дежавю. И оно не стоит твоих волнений.

Ларри выпрямился, и его тело даже обрело внутреннюю устойчивость.

– Алекс, сколько раз мы такое уже проделывали?

Я покачал головой.

– Чертовски много раз, – ответил я, сунул руки в колышущуюся и взрывающуюся массу тела Ларри Дэя и утянул нас обратно в ад.

* * *

Я до сих пор не знаю точно, почему вернулся после побега во второй раз. Вероятно, просто хотел узнать, что со мной произошло, а выяснить самостоятельно не получалось. Возможно, побоялся забыть, каково это – быть человеком, если оставаться *там* слишком долго.

Генерал и три его приятеля оказались недоступны. Позднее я узнал, что они в госпитале с тех пор, как увидели мою проделку со столом. Одного из них привести в норму так и не удалось. Вместо них для общения со мной назначили двух других генералов – одного из авиации, а второго армейского – и адмирала, а в довесок к ним группу азартных молодых ученых. И за всем этим зверинцем присматривали спокойные и эффективные ребята из ЦРУ и АН Б.

Меня расспрашивали (или допрашивали) снова, и снова, и снова, и моих ответов не хватило бы исписать оборотную сторону почтовой марки. Один из ученых спросил: «Что значит находиться там? Сколько там измерений?» – и я смог лишь ответить: «Недостаточно. Слишком много. Не знаю».

Мы оказались неподготовленными. Мы знали слишком мало,

и потому он едва не достал меня в первый раз. Я знал, что *там* Эпицентр служит чем-то вроде маяка, огромным и твердым негативным смерчем, и одним из немногих полезных советов, которые я смог дать, был такой: надо следить за любыми проявлениями на территории коллайдера. А я вернулся ждать в наш старый дом в Сиу Кроссинг, потому что *знал*. Знал, что он ищет ориентир, точку отсчета, ибо именно это делал я. И когда проявления начались, меня в полной секретности доставили в Зону, и я впервые увидел, как он возник. Впервые услышал, как он говорит. И подумал не в последний раз: «Конечно. Это должен был оказаться Ларри, кто же еще?»

В смятении, напуганный и злой, он тем не менее быстро пришел в себя. Я рассказал ему о случившемся – во всяком случае, о том, что мы поняли, – и мне показалось, его взрывающееся тело немного уплотнилось. Он осмотрелся, сказал: «Должно быть, так чувствует себя бог», и у меня кровь застыла в жилах. А потом я почувствовал: он пытается разобрать меня на части и собрать иначе – так, как я переделал стол.

Я совершил первое, что пришло мне в голову. Схватил его и отправился *туда* вместе с ним, а потом выпустил и вернулся *сюда*.

Когда он пришел во второй раз, все повторилось. Несколько случайных проявлений, немного ошеломляющих, но относительно мелких разрушений. Потом он отыскал дорогу к Эпицентру, пораженный и ничего не помнящий. Но пришел к тому же заключению: «Должно быть, так чувствует себя бог». И мне пришлось уволакивать его *туда*.

И снова. И снова. И снова.

* * *

Я прошагал невообразимое расстояние. На это у меня ушло невозможно долгое время. Ничто здесь не означает что-то или имеет какой-то смысл, но тут есть структуры, колоссальные предметы, которые слишком малы для глаза: останки профессора Делахэя и других жертв Происшествия. Есть там и останки специально обученной команды «морских котиков», посланных сюда президентом – не нынешней, а ее предшественником, – когда он решил, будто может создать группу всеамериканских супергероев. И я, и практически все ученые, занятые в исследовании Происшествия, уговаривали этого не делать. Но когда президент командует прыгать, ты лишь спрашиваешь, как высоко, вот «котики» здесь и остались. *Там* нет жизни или смерти,

только существование, и потому профессор Делахэй и остальные существуют в шрёдингеровском не-совсем-состоянии, пытаясь разобраться, что они такое и где находятся. Если их попытки когда-либо увенчаются успехом, я буду очень занят.

Ученые называют это пространством Калаби-Яу или, если хотят нагнать таинственности, «многообразием», которое может существовать, а может и нет – никто не знает. Сторонники теории струн, обалдевшие от радости, поскольку у них появились свидетельства очевидца, побывавшего в ином пространстве, назвали его в мою честь, хотя я смог дать им очень мало подтверждающих сведений. Пространство Калаби-Яу существует на расстоянии крохотной доли нанометра от привычного нам «нормального» пространства, но, чтобы протолкнуть между пространствами один-единственный фотон, понадобится больше энергии, чем ее вырабатывает вся вселенная.

Однако перемещение между измерениями, пожалуй, больше похоже на дзюдо, чем на карате – скорее манипулирование силой, чем прямое ее применение. Непонятным образом последний эксперимент Делахэя обратил эти силы в неверном направлении, зашвырнув все в радиусе пяти метров в ужасную пустоту и оставив после себя Эпицентр – пульсирующую открытую рану между мирами. Точку, которую невозможно *описать.* Кто-то мне однажды сказал, что вероятность Происшествия – миллиарды и миллиарды против одного. Примерно как пройтись по всем казино на Стрипе в Лас-Вегасе, сыграть на всех стоящих там автоматах и выиграть на всех джекпот, и все за один вечер. Но есть одно обстоятельство насчет шансов и вероятностей. Вы можете говорить о них сколько угодно, проделывать всяческие хитроумные расчеты, но в конечном итоге результат сводится только к или/или. Только это и имеет значение. Или ты выиграешь все джекпоты на Стрипе, или не выиграешь. Это или произойдет, или нет. Это произошло, и вот я здесь. И здесь же каким-то образом находится Ларри Дэй.

Существовать в пространстве Калаби-Яу, обладать способностью шагать между измерениями, использовать проникновение в сущность для манипуляции «реальным» миром… действительно словно быть богом. К сожалению, одним из богов, о которых писал Лавкрафт: огромным, непостижимым и совершенно лишенным человеческой морали. Пока человечеству везет в том, что Ларри, судя по всему, не смог как следует освоиться со своей божественностью. Никто из нас не сумел понять, почему я освоил ее настолько легко и почему это до сих пор настолько тяжело для Ларри. А также почему возвращение Ларри *туда* отбрасывает его на исходную позицию, хотя я могу

перемещаться туда и обратно безо всякого вреда для себя. Ларри был одним из умнейших людей в истории человечества, но не сумел справиться с «многообразием», а я, самый прозаичный человек на свете, о чем любила напоминать моя бывшая жена, овладел им практически с ходу. Я мог лишь сказать им, что при каждой встрече – а на сегодня нашу короткую пантомиму мы изобразили уже пятьдесят два раза – он осваивается все быстрее. Однажды он появится в полной форме, и я уже не смогу утащить его *туда.* Мне придется сразиться с ним здесь, и как это будет, не смог бы вообразить и Стэн Ли[68]. Или/или. Мир или уцелеет, или нет.

Ларри не славный малый. Он был великим человеком до Происшествия, и он мне очень нравился, пока я не узнал о нем и моей жене. Но он не славный малый. Если бы я составил список тех людей, которым можно пожелать укус радиоактивного паука, то Ларри, пожалуй, расположился бы в нем ближе к концу.

А самая поразительная и экстравагантная космическая шутка заключается в том, что Ларри – даже не самый страшный сценарий исхода. Кошмарный сценарий начнется, если Делахэй, Чен, Морли, отряд «котиков» и все животные, пробравшиеся в Зону, несмотря на все усилия этого не допустить стоимостью миллиард долларов ежегодно, каким-то образом перейдут одновременно в состояние покоя и найдут дорогу *сюда.* Если такое произойдет, то «Сумерки богов» покажутся безмятежным утром в придорожной кафешке. Я планирую в тот день оказаться где-нибудь в другом месте. Меня, в общем, вполне устраивает изображать гуманизм, но я этим людям ничего не должен.

В конце концов я наткнулся на комнату. Хотя это не была комната в том смысле, какой ее увидели бы *здесь.* Я видел распределенные плоскости напряжений и узлы массы, открытые со всех сторон и настолько огромные, что не измерить. Я шагнул в комнату и уселся в удобное кресло.

Никто не завопил. Никто не убежал. Меня, разумеется, ждали, и я уже давно научился правильно одеваться перед возвращением *сюда.* Люди терпеть не могут, когда голый мужчина появляется из ниоткуда в комнате для совещаний в Белом доме. Кто-то принес мне кофе. Он здесь всегда превосходный.

– Мистер Долан, – сказала президент.

– Мадам президент, – отозвался я и глотнул кофе. – Он восстанавливается все быстрее.

– Мы это заметили, – подтвердил ученый по фамилии Серпински. – А остальные?

– Я видел некоторых. Они все еще в состоянии покоя. И я не

уверен, что мне следует их проверять. Ведь сам факт наблюдения может спровоцировать их коллапс в одно из двух состояний?

Серпински пожал плечами. «Мы не знаем». Может, надо сделать эти слова девизом нашей кампании?

– Вы выглядите усталым, – сказала президент.

– Как хочу, так и выгляжу, – огрызнулся я и сразу же пожалел.

Президент мне посочувствовала, а я действительно устал. В любом случае, это было смешно. С чего вдруг богоподобный супергерой, проходящий между измерениями, захочет выглядеть полноватым и лысеющим мужчиной средних лет? Если бы я захотел, то смог бы принять образ Леди Гаги, или Роберта Дауни-младшего, или огромного хрустального орла. Но чего мне действительно хотелось – вновь стать обычным, и именно этого я сделать не мог.

Я взглянул на их полные ожиданий лица. Им не терпелось услышать, как я снова спас мир.

– А можно мне бутерброд? – спросил я.

Джефф Райман
Обнаружено нами

Джефф Райман родился в Канаде, сейчас живет в Англии. Впервые он продал свое произведение в 1976 году для антологии «Новый мир» («New Worlds»), но серьезное внимание к себе привлек лишь в 1984-м, появившись в «Interzone» со своей великолепной повестью «Непобежденная страна» («The Unconquered Country»). «Непобежденная страна» вошла в число лучших повестей десятилетия, оказала большое влияние на научную фантастику того времени и практически за одну ночь превратила Раймана в одного из самых востребованных писателей поколения, завоевав ему и премию Британской ассоциации научной фантастики, и Всемирную премию фэнтези; впоследствии повесть была опубликована отдельной книгой: «Непобежденная страна: история жизни». С тех пор Райман печатается нечасто – по высокопроизводительным стандартам жанра, но везде наособицу – его рассказы периодически появляются в «The Magazine of Fantasy & Science Fiction», а повесть «Детский сад: комедия-фарс» («The Child Garden: A Low Comedy») заслужила престижную премию Артура Кларка и Мемориальную премию Джона Кэмпбелла. Роман Раймана «Воздух» («Air») также завоевал премию Артура Ч. Кларка. Среди прочих его работ «Воин, несший жизнь» («The Warrior Who Carried Life»), критически встреченный роман «Было» («Was»), «Родом из Энкиду» («Coming of Enkidu»), «Последняя песня короля» («The King's Last Song»), «Похоть» («Lust») и культовая классика андеграунда «253», «печатный ремикс» «интерактивного гипертекстового романа», выложенный в оригинальном виде на сайте Раймана www.ryman.com; в печатной форме роман получил премию Филипа К. Дика. В сборник «Непобежденные стран ы» («Unconquered Countries») вошли четыре его рассказа. Среди последних работ Раймана антология «Когда все менялось» («When It Changed»), роман «Кинематографисты с Марса» («The Film-makers of Mars») и сборник «Райские сказки и другие истории» («Paradise Tales: and Other Stories»), Нижеследующий рассказ представляет собой мощное эмоциональное повествование о личностях, оказавшихся промежуточным поколением, принадлежащих нации, которая сама по себе находится между современным миром и старым миром племенных суеверий.

Не могу спать. Еще темно. Жду рассвета.

Петух кукарекает. Знает, сегодня свадьба. Слышу, как снаружи хрюкает свинья. Свинья, традиционный дар семье моей

будущей жены.

Не могу спать, потому что, когда я один в темноте, нет ничего общего между мной и осознанием того, что я не хочу жениться. Нет, Патрик, уже не тебе решать.

Вокруг не видно ни зги. 3:30. Еще три часа, и в церкви в конце дороги запоют. Потом еще два часа – и оба семейства в полном составе столпятся в моем дворе. Снова кукарекает петух, все его жены спят в тесном пространстве за домом. Там все еще валяются битые бутылки – с той поры, как мой отец усыпал забор по верху осколками стекла.

То было очередное время его «хорошего поведения», когда он ходил в брюках и шляпе и командовал напропалую. Я мешал цемент и передавал ведра с раствором моему старшему брату Мэтью. Тот восседал на заборе, как на лошади, шлепал серые лепехи и посыпал их стеклом. Рафаэль читал в тени крыльца.

– Не собираюсь тратить на это время, – заявил он. – Думаете, ваши осколочки остановят грабителей, если они захотят войти?

Он всегда смешил меня, уж не знаю почему. Остальные даже не улыбнулись.

Когда мы были маленькие, отец сажал нас на жаркую, ворсистую тахту, без света, без телевизора, потому что гудение генератора сводило его с ума. С округлившимися глазами он мелко дрожал, как натянутая проволока, прислушиваясь, когда же оно начнется снова. Мать пыталась заговорить с ним, но он отвечал:

– Тс-с-с! Тс-с-с! Вот опять, опять.

– Джейкоб, машина не может включиться сама собой.

– Тс-с-с! Тс-с-с!

Он не позволял нам шевелиться. Мне было лет семь, и я приходил в ужас. Если генератор так страшен, что пугает моего большого сильного папу, что же он сотворит с таким малышом, как я? Я спросил маму, что делает генератор.

– Ничего, твой отец просто очень осторожен.

– Теремба трус, – хмыкнул мой брат Мэтью, назвав мое имя на языке тив. Мать шикнула на него, но глаза Мэтью весело блестели: «Я еще тебе покажу». А Рафаэль вывернулся из рук мамы и как ни в чем не бывало потопал по полу гостиной.

* * *

Люди думают, что Макурди[69] – захолустье, но сейчас у нас есть все, что нужно для цивилизованной жизни. Прекрасные банки с бронированными дверями, сканированием сетчатки и

кондиционерами; солнечные батареи на всех фонарях и телефоны, битком набитые электронными книгами. На одном из речных островов построили новую больницу; и в моем университете имеется медицинский факультет на госбюджете, с лабораториями не хуже, чем у прочих. По крайней мере, эксперименты на мышах там проводить можно.

Мой помощник Джайд – йоруба, его народ верит, что внук, родившийся первым после смерти деда, продолжит его жизнь. Джайд говорит, мы доказали, что это правда. Однако для христиан-нигерийцев это проблема – выходит, значит, что зло продолжается.

Так вот что мы обнаружили на примере мыши. Если лишить мышку материнской любви, если все раннее детство создавать ей стрессовые ситуации, ее мозг метилирует. Высокий уровень метила деактивирует ген, производящий нейротрофин, важный для памяти и эмоционального баланса как у мышей, так и у людей. У шизофреников эти уровни чрезвычайно низки.

Чудо Божье, что с каждым новым поколением наши гены очищаются. Дают новое начало. По-научному это означает, что результаты одной жизни никогда не наследуются другой.

Еще нами обнаружено, что высокий уровень метила влияет на клетки спермы. Метиляция переносится на них и таким образом деактивирует. Стресс деда передается по мужской линии вплоть до третьего поколения.

Джайд говорит, что нами обнаружено, как жизнь отца продолжается в сыновьях. Вот потому-то мне и не хочется жениться.

Мой отец блуждает всю ночь. Трое его старших сыновей спят в одной комнате. Наша дверь, щелкнув, распахивается, и он застывает в проеме и пялится на меня испуганно и смущенно, словно я сделал нечто возмутительное. Он обнажен; его великанский рост и широкие плечи принижают меня, заставляют ощущать себя ничтожным, чувствовать, что мне грозит опасность. У меня странной формы голова с V-образной вмятиной на лбу. Считалось, это оттого, что меня вытягивали щипцами – рождался я трудно. Потому я и медленно говорил, и тяжело учился. Отец верил тем, кто так думал.

Моя мать пытается затащить его обратно в их спальню. Может, он будет покорен и позволит вести себя; а может, станет хихикать, словно все это игра, и тискать ее. А может, взорвется, раскричится, замашет руками, станет звать ее «женщина», «ведьма», «демон». И тогда мать прошепчет: «Демон в тебе, Джейкоб; демон овладел тобой».

Иногда он, шаркая, проходит мимо нашей двери и бредет, не

просыпаясь, по главной улице, похрапывая на ходу, к своему и нашему стыду.

В те дни работой жены было не допустить, чтобы из дома вынесли семейный сор. Наша мать запирала все внутренние двери даже днем, чтобы удержать отца внутри, подальше от прихожан церкви или родственников, заглянувших к нам по пути в Абуджу. Если он безумствует в гостиной, она загонит нас в спальню или выметет метлой во двор. Она даст ему виски, если он попросит, чтобы он уснул. Наша мать ни с кем никогда не говорит о таких вещах, даже со своей собственной матерью, только с нами.

Мы слышим, как он шумит по ночам, стонет, словно от боли, или шлепает кого-то. Кроха, что спит в комнате родителей, начинает реветь. Я вглядываюсь во тьму: не причинил ли папа вред моему маленькому брату? Утром лицо отца будет опухшим. И что-то сказать посмеет лишь Рафаэль. В первый раз я услышал его дивный голос, когда он спросил мать, резко и требовательно:

– Почему этот человек бьет себя?

Мать рассердилась и толкнула Рафаэля в лицо; нет, просто «отвесила пощечину» будет неверно, она пришла в ужас от того, что проблема, с которой она промучилась всю жизнь, ясна пятилетке.

– Не смей называть своего отца «этот человек»! Кто ты такой, чтобы задавать вопросы? Вижу, пришла пора приставить тебя к работе, как было принято поступать с детьми в мое время. Ты не знаешь, как тебе повезло, что ты родился в этом доме!

Рафаэль смотрел на нее, прикусив губы:

– Это не ответ на мой вопрос.

Мать совсем разозлилась и наорала на него, много еще чего кричала. Потом он выглядел таким маленьким и грустным, что я притянул его ближе к себе на тахте. Он вполз ко мне на колени и устроился там.

– Жаль, что мы не у самой реки. – сказал он, – мы могли бы гулять там и играть.

– Мамамими говорит, река опасна.

Нашу мать зовут Мими, что означает «правда», так что Мама Правда – это вроде как титул.

– Все опасно, – сказал он, выпятив нижнюю губу. У пятилетки не должно быть такого сурово-унылого лица.

Когда мне стукнуло девять, папа попытался спихнуть нас в колодец, то ли чтобы спрятать, то ли чтобы убрать с глаз долой. Его широкие ладони легли на наши затылки и плечи, притискивая нас к штукатурке. У Рафаэля был вид как у раздавленной ягоды, но он закричал в ярости:

– Нет! Нет! Нет!

И все же мой отец носил костюм и сам ездил на службу. Джейкоб Теремба Шаву работал налоговым инспектором и выборным чиновником.

Неужто другие правительственные сотрудники поступают так же? Влезают за работой в скорлупу спокойствия? Его вызывали на важные встречи в Абуджу, порой на несколько дней. Однажды Мамамими сказала за столом, не съев еще своего белого хлеба, не заботясь о том, что дети слышат ее:

– Зачем ты едешь в Абуджу? С кем ты там спишь, дикарь? Какие болезни принесешь в мой дом?

Мы не отрывали глаз от тостов и чая, ошеломленные словами матери.

– Ты обманом втянул меня в этот брак. Я оплакиваю тот день, когда согласилась. Никто не сказал мне, что ты сумасшедший!

Мой отец – не из тех, кто в доме глава. Но он поднялся, в своем рабочем костюме.

– Если тебе не нравится, уходи. Посмотрим, кто захочет тебя после того, как ты оставишь своего мужа. Кто захочет тебя без всех тряпок и драгоценностей, что я покупал тебе. Может, тебя больше не устраивает этот уютный дом со всеми удобствами. И твоя машина тебе не по нраву. Что ж, я могу отослать тебя обратно в твою деревню, и никто не станет меня винить.

Мать ринулась в кухню и принялась греметь кастрюлями. Она не плакала. Она тоже не претендовала на главную роль, но знала, что порядка вещей ей не изменить. Мой отец залез в свой джип и поехал в Абуджу в своем особом блестящем костюме, отметающем все вопросы, с отполированной до блеска лысиной и прямоугольным портфелем. Машина промчалась по обрамленной деревьями главной улице, и никто не помахал ей прощально вслед.

* * *

Полное имя Джайда – Бабаджайд. На йоруба это означает «отец просыпается». Его сына зовут Бабатанде, «отец возвращается». Многие люди верят во всякое такое в мешанине народов Нигерии.

Моя работа по мышам была опубликована в «Nature»[70] и стала широко известна. Люди хотели верить в то, что личность можно наследовать; что подавленные отцы передадут свою несостоятельность собственным внукам. Казалось, это открывает двери унаследованным свойствам, возможно, преображает теорию

эволюции. Наши эксперименты убеждали: существуют не только негенетически обретенные эмоциональные тенденции, мы можем реально устанавливать уровни метила.

Мой отец родился в тысяча девятьсот шестьдесят пятом, в год, предшествовавший восстанию тивов против того, что они считали мусульманским вторжением. То было время переворотов и контрпереворотов. Из-за всеобщей жестокости мой дед покинул Джое, перевез семью в Макурди. Они шли пешком, затолкав кое-что из пожитков и моего будущего отца-младенца в тачку. Поезда, полные безголовых игбо, мчали на восток, самолеты бомбили наши собственные города – полыхала гражданская война. Мои ровесники скажут: ох уж эти старые войны. Что нам за дело до какой-то Биафры[71], а?

А мы обнаружили, что тысяча девятьсот шестьдесят шестой может дотянуться до твоей головы, вползти в твою мошонку и покрасить твоих детей красным. Ты продолжишь прошедшую войну. Раздраженные старики в деревнях, никакой живой музыки в клубах, всеобщее недоверие, солдаты повсюду, злодеяния колониализма запечатлены в дорожных картах. Мы проживем жизни наших дедов.

Снаружи блестят звезды. Будет чудесный ясный день. Традиционное облачение висит, невостребованное, в шкафу, и я боюсь за сына, который может у меня появиться. Что я передам ему? Кому захочется, чтобы его сын повторил жизнь моего отца, жизнь моего брата? Следует ли мне вообще жениться? Снаружи, во дворе, влажные от росы, выстроились белые пластиковые стулья для гостей.

* * *

Моя бабка Иверин является в гости без предупреждения. Ее имя означает «Благословение», и в нем для нас звучит горечь. Бабка Иверин посещает всех своих детей по очереди, и неважно, как далеко от нее они забрались: в Кано, Джалинго или Макурди.

У ворот вдруг останавливается такси, и мы слышим стук. Один из нас, мальчишек, бежит открывать, и там уже стоит она, стоит как принцесса.

– Иди, скажи моему сыну спуститься и заплатить за такси. И будь добр, прихвати мои сумки.

Она собирает нас в гостиной вокруг тлеющего кончика своей сигареты и изучает так, словно все вокруг не оправдывает ее надежд. Морозильная камера, которая только и может сохранить холод, газовая плита, сетка с овощами, гора жестянок с сухим

молоком, сбившийся коврик на полу, безупречно гладкое одеяло на тахте, телевизор, весь день показывающий «Волшебную Африку». Проходя мимо, она со вздохом выключит его.

– Образование, – скажет она, качая головой.

Она изучала литературу в Университете Мэдисона, штат Висконсин, и пользуется этим, как пользуется своей сигаретой. Иверин крохотная, сухонькая, весьма привлекательная и элегантная в своих поблескивающих голубых или фиолетовых платьях с головными повязками в тон.

Мать моей матери тоже может присутствовать, шить что-нибудь, стрекоча на своей швейной машинке. Эти две женщины притворяются любезными, даже улыбаются. Ввалится мой отец со своим портфелем; две бабушки станут делать вид, что им все равно, где спать, но Иверин займет дальнюю спальню, а другой бабуле достанется тахта. Мой отец сядет, уставившись на собственные колени, сомкнув челюсти крепче, чем черепаха. А его сыновья решат, что так делают все дети и все матери соблюдают такой порядок.

Закончив преследовать нас по всему нашему же дому, Иверин в очередной раз вздыхает, опускается на тахту и ожидает, когда моя мать принесет ей еду. С сознанием своего долга Мамамими так и делает – семья есть семья, – после чего садится, каменеет лицом и скрещивает руки на груди.

– Тебе следует знать, что семья говорит о тебе, – может начать бабуля, сладенько так улыбаясь. – Они говорят, что ты заразила моего сына, что ты нечиста после аборта.

Она скажет, что моя тетушка Джудит больше не желает впускать Маму- мими в свой дом и даже заплатила одной женщине, чтобы та наложила заклятье, чтобы держать мою маму подальше.

– Просто ужас. Заклятье можно снять, только если рассечешь его бритвенным лезвием.

Вид у бабушки Иверин такой, словно она с удовольствием помогла бы.

– Слава небесам, в христианском доме такого не произойдет никогда, – отвечает моя мама.

– А в этом доме можно получить что-нибудь выпить?

С той секунды, как у нас появляется бабушка, весь алкоголь начинает бесследно исчезать: маленькие бутылочки, какие дают в самолетах, виски, подаренный отцу его боссом, даже бренди, привезенный папой из Лондона. И не только алкоголь. Бабушка предложит Мамемими убраться в спальне; и кое-какие безделушки пропадут навечно, колечко там, или шарфик, или маленькая бронзовая статуэтка. Она продает то, что тащит, и

покупает себе платья и духи.

Нет, ее дети не пренебрегают своими обязанностями. Ее станут кормить и давать ей кров до тех пор, пока хоть у кого-то хватает терпения. Но все равно она будет воровать и прятать все съестное в доме.

Моя мать с мрачным лицом приподнимает матрасы, демонстрируя припрятанные под ними жестянки и бутылки. На верхней полке шкафа в спальне обнаруживается пропавшая кастрюлька со вчерашним ужином.

– Тут же все сырое! – стонет моя мать. – Не сварено, не потушено! Вы хотите, чтобы все сгнило, при такой-то жаре?

– В этом доме меня никогда не кормят! И глаз с меня не спускают! – жалуется Иверин своему гиганту-сыну.

У Мамымими своя стратегия. Она может сказаться больной и уйти в свою комнату, убрать еду в сумку-холодильник и держать ее под кроватью. Вопреки всем традициям, особенно если отец в отлучке, она иногда вообще отказывается готовить. Для себя, для бабушки, и даже для нас.

– У меня забастовка! – объявляет она. – Вот, нате деньги! Идите, покупайте еду! Валяйте, готовьте сами! – Она сует сложенные купюры нам в руки.

Мы с Рафаэлем, хихикая, тушим курицу. Нас предупреждали насчет кулинарных способностей Иверин.

– Хорошие мальчики, замена матери, – говорит она, ероша нам волосы.

Столь скверное поведение всех сторон вызывает у Рафаэля смех. Он любит, когда Иверин остается у нас, с ее шуршащими юбками, и театральными манерами, и пьяными спотыканиями; любит, когда мама плохо себя ведет и дом распухает от безмолвной войны двух сил воли.

Бабушка говорит маме нечто вроде:

– Мы знали, что ты не нашего поля ягода, но думали, что ты простая девчонка из деревни и твоя невинность пойдет ему на пользу. – Смешок. – Если бы мы только знали.

– Если бы знала я, – отвечает мать.

Братья отца рассказывали нам кое-что о бабуле. Когда они были маленькими, она пекла пирожки, клала в них соль вместо сахара и смеялась, когда они кусали угощение. Она могла сделать жаркое из одних лишь костей, а козье мясо выкинуть вон. Готовит она то без всяких приправ, так что стряпня ее пресна, как вода, а то положит столько чили, что ты все равно что глотаешь огонь.

Когда мой дядя Имон пытался продать свою машину, она украла стартер. Влезла прямо в двигатель с гаечным ключом и умыкнула железку. Потенциальные покупатели поворачивали

ключ зажигания, а машина лишь кашляла да скрипела. А потом Иверин поставила движок на место и продала машину сама. А Имону сказала, что ее угнали. Естественно, когда Имон увидел свой автомобиль на улице, беднягу-водителя, нового владельца, арестовали, тогда-то эта история и всплыла.

Другой мой дядя, Эммануил, – офицер военной авиации, и форма ему очень идет. Когда он впервые отправился на учения, бабушка нажаловалась всем соседям, что он – неблагодарный мерзавец, пренебрегающий матерью, никогда не позвонит и пустячка не подарит. Она всех восстановила против него, так что, когда он приехал домой, в деревню, старейшины едва не подняли его на колья с криками: «Как смеешь ты нагло являться сюда после того, как так обошелся с матерью!» Ибо кто же может представить, что мать наговорит гадостей о собственном сыне без всякой причины?

Однажды бабуля радостно сообщила Эммануилу, что у его жены положительный тест на ВИЧ.

– Тебе надо бы и самому провериться. Боюсь, ты как мужчина не в силах удовлетворить свою женушку и удержать ее при себе. Это все курение, оно сделало тебя импотентом.

Она, верно, ведьма, сказал дядя Эммануил, иначе откуда бы ей знать то, чего не знает он сам?

А Рафаэль смеется над ее кривляниями. Ему нравится, когда бабушка начинает клянчить у нас подарки – у всех, даже у девочки-сироты, живущей с нами. Иверин спрашивает, нельзя ли ей прихватить с собой домой несколько наволочек или хотя бы вон тот поясок. Рафаэль визжит от хохота и аплодирует ей. Бабуля смотрит на него, хлопая глазами. Что он нашел такого смешного? Не похож ли мой брат в чем-то на нее саму?

От меня она подвохов не ждет: я тихий, веду себя хорошо. Меня можно и помучить.

Но и я скоро научился, как с ней держаться. Нужно стоять, а не сидеть, молча, в белой рубашке, при галстуке и в синих шортах.

– Эти вмятины на его черепе, – сказала она как-то маме, когда они, ведя невидимую войну, сидели на диване. – Это из-за них он такой тупой тормоз?

– У него просто такая форма головы. Он не тормоз.

– Ха. Твой чудовищный первенец не желал братца и заколдовал его во чреве.

Криво ухмыляясь, она посверкивала на меня недобрыми глазами.

– Мальчишка и говорить толком не умеет. Он дурачок.

Мама ответила, что по ней – так со мной все в порядке, я

славный мальчик и хорошо учусь в школе.

Отец мой не проронил ни слова. Почему же папа не сказал ничего в мою защиту? Может, я правда глуп?

– Посмотрите на своих детишек, – сказала моя мама. – Ваш сын не справляется с работой, и ему задерживают жалованье. Так что у нас очень мало денег. Боюсь, мы не в состоянии предложить вам что-либо, кроме колодезной воды. Но у меня болит спина. Не затруднит ли вас самостоятельно набрать себе водички, раз уж ваш сын ничего вам не предлагает?

Бабушка беззаботно хихикает, словно моя мама – дурочка, нуждающаяся в присмотре.

– Какое скверное воспитание. Бедный мой сынок. Неудивительно, что ваши дети такие страшилища.

В тот же день мама увела меня в садик позади дома, где она выращивала всякие травы. Она наклонилась, заглянула мне прямо в глаза, положила руки на плечи и сказала:

– Патрик, ты хороший мальчик. Ты все делаешь правильно. С тобой все в порядке. Ты отлично справляешься с уроками, а как здорово ты сегодня утром вымыл машину, хотя тебя даже никто об этом не просил.

В конце концов именно Рафаэль дал бабуле отповедь. Она прожила у нас три месяца. Волосы отца завились штопором и торчали во все стороны, а в глазах застыл странный огонь. Каждый готовил себе еду сам, по ночам, и в доме исчезли все ложки и ножи.

– Убирайся из этого дома, воровка. Если бы ты уважала свою семью, тебе разрешили бы остаться и дали бы все что угодно. Но ты не прекращаешь красть. – Он хихикнул. – Зачем ты врешь и создаешь столько проблем? Следовало бы вести себя мило со своими детьми, любить их и заботиться о них.

– **А** тебе следовало бы поучиться вежливости. – Бабуля даже охрипла от удивления.

– Ха-ха! Тебе тоже! Ты говоришь о нас жуткие вещи! Никто из твоих детей не верит ни одному твоему слову. Ты являешься сюда, лишь осточертев всем остальным, и уходишь, когда понимаешь, что отравила колодец, да так, что уже сама не можешь пить из него. Не очень-то разумно с твоей стороны, ведь ты зависишь от нас, мы тебя кормим.

Он упорно гнал ее из дома, гнал, пока не стало ясно, что иного выхода для нее нет.

– О радость, о счастье, такси здесь! – преследовал он ее насмешками до самых ворот. Даже Мэтью засмеялся. Мама прикрывала рот ладонью. Рафаэль распахнул перед бабушкой дверь: – Лучше читай свою Библию и перестань расточать свой

никчемный яд!

Отец взял Рафаэля за руку довольно мягко.

– Хватит, – проговорил он. – Бабушке в жизни выпало много плохого.

Он сказал это не в гневе. Не как дикарь. Мрачная печаль в его голосе утихомирила Рафаэля.

– Ты родился под кустом, – почти невозмутимо заявила бабуля. – Неудивительно, что мой бедный сын теряет рассудок. – Она сверлила Рафаэля взглядом. – Прошлое аукается. – Странно, он был единственным, к кому она обращалась напрямую. – Дорожки проторены.

* * *

Что-то произошло с моими исследованиями.

Сначала повторные эксперименты стали выдавать менее заметное воздействие, меньший унаследованный стресс, более низкий уровень метила. Но вскоре мы вообще не смогли воспроизвести наши первоначальные результаты.

Новые опыты деморализовали меня, поставили на грань самоубийства. Я чувствовал, что достиг чего-то своей статьей, что я, несмотря на все свои недостатки, сделал что-то, из-за чего моя семья, будь они живы, гордилась бы мной.

Благодаря открытию метиляции я стал ординарным профессором. Сайт штата Бенуэ[72] даже выделил для меня местечко, где назвал меня примером великолепного университетского исследователя. Я искал конструктивные недостатки в изучении воспроизводства; больше я ничего и не опубликовал. Всю свою жизнь я пытался доказать, что я не «тормоз», или по крайней мере скрыть это напряженной работой. И вот в глазах всего мира я делаюсь почти что мошенником.

Потом я прочел труд Джонатана Шулера[73]. С ним случилось то же самое. В своей научной работе он доказал, что, если ты досконально опишешь то, что помнишь, ты вообще все забудешь. Если объект исследования описывал чьи-то лица, впоследствии он переставал их узнавать. Результаты казались точными и недвусмысленными, и людей так заинтриговала роль того, что он назвал «вербальным помрачением», что на статью Шулера ссылались в сети четыреста раз.

Но постепенно стало невозможно добиться первоначальных результатов. Каждый новый эксперимент уменьшал эффект на тридцать процентов.

Я связался с Шулером, и мы начали перепроверять документы

и официальные отчеты прошлых лет. И обнаружили, что еще в тридцатых годах двадцатого века эксперименты по изучению внесенсорного восприятия Джозефа Бэнкса Рейна[74] обернулись тем же. При повторах его первоначальные открытия испарялись, превращались едва ли не в чистую случайность. Научные истины как будто истощались, словно бы сам акт наблюдения снижал их эффект.

Джайд рассмеялся, тряхнув головой.

– Мы думаем точно так же! – заявил он. – Мы всегда говорили, что правда изнашивается от высказанности.

Вот почему я сижу здесь и пишу, страшась услышать тарахтение первых прибывающих машин и первый стук в мои ворота.

Я пишу, чтобы стереть и память, и правду.

* * *

Когда мой отец отсутствовал, а иногда и спасаясь от Иверин, Мамамими увозила нас, мальчиков, в родную деревню. Называлась она Кавайе, это по дороге к штату Тараба. Друг матери Шеба подбрасывал нас к автобусной станции у рынка, и мы ждали под козырьком рядом с женщинами, готовящими рис и цыплят и продающими запотевшие банки с кока-колой. Потом мы забивались в автобус рядом с каким-нибудь жирным бизнесменом, который надеялся в одиночку занять целый ряд.

Мэтью – первенец и потому пытался руководить всеми, даже Мамоймими. Дружил он с маленьким Эндрю – с той секунды, когда тот родился. Эндрю же слишком мал, чтобы быть угрозой. Четверо братьев разделились на две команды, и Мамемими приходилось судить, тренировать, организовывать – ну и карать.

Если мы с Мэтью оказывались притиснутыми друг к другу, мы начинали драться. Я терпел его подколки и команды не слишком долго, а потом молча начинал колотить его. Тогда меня наказывали. Мамамими стукала меня по голове, и взгляд Мэтью говорил мне, что он нарочно все это подстроил.

В автобусах всегда душно и тесно – три ряда битком набиты потеющими дамами, тощими дядьками, пытающимися удержать на коленях свои журналы. или мамашами, укачивающими одурманенных жарой младенцев. А когда тут еще четверо распаленных мальчишек толкаются локтями и коленками, становится вообще невыносимо.

Мамамими начала возить нас сама в своей старенькой зеленой машине. Мэтью она сажала вперед, так что он чувствовал

себя старшим и ответственным. Я и Рафаэль читали сзади, а рядом повякивал Эндрю, добиваясь внимания Мэтью.

Самой садиться за руль – храбрый поступок на грани подвига. Поперек «пограничных» дорог часто лежат бревна, охраняемые солдатами, – и это называется контрольно-пропускным пунктом. На битком набитые автобусы солдатам плевать, но женщину с четырьмя детьми они остановят и осмотрят машину. Не смахиваем ли мы на бандитов или террористов? Они станут задавать маме всякие вопросы, и рыться в наших сумках, и невнятно бормотать что-то себе под нос. Не уверен, что они всегда действуют по правилам.

Рафаэль, громко шурша, перелистывает страницы книги.

– Тут уж ничего не поделаешь, – бурчит он.

Сунув солдатам немного денег, мама едет дальше.

Вверх по холму, потом вниз, вверх-вниз, и вдруг, как бы внезапно, по лабиринту маисовых полей, мы въезжаем в Кавайе. Мне здесь нравится. Дома тут – лучшие в Нигерии, типичные для народа тив, круглые, с толстыми стенами, высокими заостренными крышами и крохотными оконцами. Жаре внутрь не проникнуть, а стены потеют, как человек, храня прохладу. Никакие буяны не поджидают нигде в засаде, чтобы наброситься, и никаких ядовитых бабушек. Мой двоюродный дедушка Джейкоб – это имя распространено в нашей семье – чинит машины с терпением сверчка; вскрывает, режет, плавит, делает, переделывает и улучшает. Однажды он починил автомобиль, заменив ремень привода вентилятора резинкой от нижнего белья нашей матушки.

Рафаэль и я покупаем дрова и часть из них меняем на яйца, имбирь и батат. Еще мы помогаем тетушке в ее бизнесе. Она жарит свинину. Чтобы опалить щетину, мы опускаем тушу в огонь и смотрим, как красные язычки слизывают со шкуры лишнее. Пахнет жженым волосом, и мы с Рафаэлем воображаем себя пиратами, поджаривающими людишек. Потом мы поворачиваем свинью на вертеле, пока она не покроется хрустящей корочкой. Ночами мы официанты – подаем пиво и собираем деньги.

Оба мы толстеем, потому что с нами расплачиваются свининой, а когда никто не видит, то мы и пива прихлебываем. Я ем, потому что мне нужно стать большим, как Мэтью. Вечерами кашляют, оживая, генераторы, деревня пахнет бензином, а я босиком играю в футбол под фонарями.

Имелись тут и свое судопроизводство, и разногласия, но смеющиеся дядюшки выносили решения с мудростью Соломона. Так что даже мы четверо в Кавайе любили друг друга сильнее.

Потом, после долгих недель душевного равновесия, телефон

матушки взрывается голосом Мэрайи Кэри, или Американской пророчицы. Экран освещается, и лицо Мамымими мрачнеет. Мы понимаем – звонок означает, что наш отец вернулся домой и требует от нас того же.

Дядя Джейкоб сменит масло, проверит шины, и мы покатим обратно через поля и гору, по ухабам на главную дорогу.

На перекрестках дети толпятся вокруг машины, суют ручонки в открытые окна, продают канистры с водой и пятнистые переспелые бананы. Их глазенки сверлят нас. Мне отчего-то стыдно. Рафаэль опускает стекло и орет на них:

– Убирайтесь и перестаньте глазеть! Тут вам смотреть не на что!

Отец будет ждать нас, читая «Этот день», напряженно, словно у него вместо костей метловища, и не скажет ни слова.

После долгой поездки мама молча отправляется готовить. А Рафаэль высказывается:

– Не слишком-то честно с твоей стороны, папик, заставлять ее вкалывать. Она ведь была так мила, что отвезла нас в деревню, подарив славное времечко, а теперь вот привезла обратно.

Отцовский взгляд нацеливается на него, как отвертка на шуруп.

Это забавляет Рафаэля.

– Ты ведь предпочел отсутствовать, а ей приходилось делать тут всю работу. А теперь ты сидишь, как пень.

Отец шуршит газетой и не отвечает. Рафаэлю уже двенадцать.

* * *

Я хорошо играл в футбол, поэтому довольно неплохо пережил школу. Но мой брат – он был легендой.

Они на уроке английского читали «Старик и море», и Рафаэль разругался с учительницей в пух и прах. Она говорила, что львы – символ звездной болезни Хемингуэя. Что старый рыбак, несущий мачту, – это как бы Иисус с крестом. А Рафаэль сказал ей, что у нее голова чушью набита. Я прямо вижу, как он это провозглашает. То и дело разражаясь хохотом, качаясь взадвперед на стуле, с наслаждением восклицает:

– Бред и хула! Это просто рассказ о старике. Если бы Хемингуэй хотел написать об Иисусе, то он, как довольно неглупый человек, так бы и сделал!

Директор надрал ему уши. Голова Рафаэля моталась из стороны в сторону, будто укоризненно покачивающийся палец.

– То, что вы меня бьете, не значит, что я неправ!

Другие ученики никогда не досаждали нам. Рафаэль всегда учился на отлично.

Наши маленькие сонные книжные лавки, темные, деревянные, ютящиеся по углам рынков знали, что если им попадется книга по химии или генетике, они всегда могут продать ее Рафаэлю. Он начал свое дело, скупая книги, которые, по его сведениям, собирался рекомендовать штат Бенуэ.

В шестнадцать он будет сидеть на университетской скамье, попивая холодный лимонад и продавая книги, старые сочинения и презервативы. Все будут считать, что он уже учится здесь. Высокие стройные студентки станут называть его Шахом. А одна красавица – Профом.

У нее длинные, медового цвета волосы, и всю копну она перебрасывает через одно плечо.

– Я его брат, – гордо говорю я ей.

– А ты милашка, – отвечает она, проявляя любезность к тому, кого считает младшим братцем Рафаэля. Много недель я хранил ее образ в своем сердце.

Крыша нашего бунгало плоская, и мы с Рафаэлем предпочитаем жить на ней. Мы там спим; мы даже влезаем туда по лестнице с полными тарелками. Мы читаем при свете фонарей, защищенных москитной сеткой, и втыкаем мобильник в нетбук. Мир затопляет нас; сайты газет нашей прекрасной Нигерии, Би-Би-Си, Аль-Джазира, «Природа», «Новый ученый». Мы пиратски скачиваем новинки Нолливуда[75]. Влезаем на слэшдот[76]; взламываем страницы научных журналов, бесплатно добывая десятидолларовые файлы.

Мы возносились над мраком нашего дома. Рафаэль читал вслух на разные голоса, в основном выбирая издевательский тон. Он смеялся над новыми статьями.

– Ну и историйка! Теперь они пишут, что Фашола[77] – взяточник. Хи-хи-хи. Вот взяточники это и говорят, отрабатывая свои денежки. А вот это интересненько, – продолжает он и читает о том, что какой-то индус из Калифорнийского технологического выяснил насчет гравитационных линз[78].

Отец голышом отправляется спать, он похож на старого опаршивевшего льва, он глядит вверх на нас, смотрит озадаченно, словно тоже хочет к нам, но не может придумать как.

– Не следовало бы тебе стоять там без одежды, – говорит ему Рафаль. – А что если кто-нибудь явится к нам в гости?

Отец мрачен, как брошенный пес.

Джейкоба Терембу Шаву вынуждают уволиться. Ему всего-навсего сорок два. Теперь он должен покинуть правительственный район. Наша фамилия означает «высоко на

горе», там-то мы и стали жить. Наш колодец оказался таким глубоким, что однажды, когда я уронил ведро, его ничем не могли достать. Пришлось одному мальчику спускаться вниз по вырубленным в каменной стенке колодца ступенькам.

Мы переехали в дом, в котором я живу и поныне: респектабельное одноэтажное бунгало на другом конце города, обнесенное высоким забором. Только крыша у него оказалась скошенной, так что мы с Рафаэлем больше никуда не возносились.

Во дворе не нашлось места для садика с травами Мамымими, так что мы прикупили клочок земли у соседей, но на песок и цемент для ограды средств у нас уже не хватило. Школьники взбирались по склону и прятались в нашей кукурузе, таскали початки или справляли в кустах нужду.

Школу строили по открытой подписке[79], а единственная дешевая земля у нас – это болото. И года не прошло, а над водой уже возвышалось, подобно замку, новое двухэтажное здание. Глядя на него, я вспоминаю шотландские острова из отцовских календарей. К входным дверям пристают лодки, и девчонки взбираются на причал. А дальше идут уже трясины, топи, птицы, водяные лилии: красивые, но пахнущие сыростью и гниющим тростником.

Мы продолжали посещать службы в главном соборе. С потолка там свисали белые полотнища, а грязные стеклянные двери открывались гармошкой, впуская свежий воздух. Местные прелаты приветственно кивали нам. когда наше семейство становилось в очередь, чтобы причаститься и преподнести дары церкви, демонстрируя уважение богам респектабельности среднего класса.

Но церковь в конце нашей грунтовой дороги представляет собой бетонный коробок, вечно открытый с боков. Мимо окон моей спальни шастают прихожане, а с рассветом голова начинает пухнуть от гимнов. Здесь деревенские хижины перемежаются престарелыми городскими виллами. В нашем новом узеньком заднем дворике все еще кудахчут куры. А если уронить в колодец ведро, то придется лезть за ним вниз.

Вода беспрестанно просачивалась в дом, и прекратить затопление оказалось сложно. Бетон внутреннего двора покрыт трещинами, этот жаркий пятачок никто не использует, только Рафаэль держит там свои самодельные тренажеры – железные прутья и мешки с цементом. Толстенький коротышка, он мечтает о стальных мускулах. На рабочем столе его компьютера толпятся всевозможные нигерийские чемпионы в одних трусах. Я вздрагиваю от смущения, когда экран включается на людях. Что

подумают о брате, увидев всех этих голых мужиков на его нетбуке?

А мой отец все время ловит мух. Он берет длинные клейкие ленты и вешает их повсюду: в дверные проемы, на потолок, на окна. Они цепляются за наши волосы, когда мы несем еду из кухни. Мы видим только мух, прилипших к бумаге. Мы просыпаемся по ночам от стука – отец шлепает по стенам книгами, бормоча: «Мухи, мухи, мухи».

Крыша дома была жестяной, и мы внутри припекались, как хлеб. Особенно это возмущало Рафаэля. Полненький, он остро реагировал на жару. Кондиционер наши родители установили только в своей спальне. Так вот, братец регулярно вторгался туда с гаечным ключом и отверткой и похищал прибор. Громко топая, волоча за собой кабель, он гордо удалялся, не глядя, как мать заламывает руки, и не слушая ее воплей:

– Этот мальчишка! Сумасшедший мальчишка! Джейкоб! Посмотри на своего сыночка!

Тогда Рафаэль кричал:

– Купите еще один! Вы можете себе это позволить!

– Не можем, Рафаэль! Ты же знаешь! Не можем!

А Рафаэль отвечал:

– Я не позволю вам стаскивать меня до своего уровня.

Мэтью к тому времени было уже почти девятнадцать, и он бросил университет. Голос его в такие моменты вдруг обретал глубину и печаль:

– Рафаэль. У семьи неприятности. Мы все желали бы иметь кондиционер, но если его нет у отца, он бродит, а это тоже проблема.

Мне не нравилось, что Рафаэль забирает кондиционер без спроса. Стыдясь предательства, я помог Мэтью приладить установку обратно на окно родительской спальни.

Рафаэль притопал ко мне и ткнул в меня пальцем.

– Ты бы лучше помогал мне, а не бросался чуть что наутек, поджав хвост! – Он отвернулся. – Я с тобой не разговариваю.

Должно быть, у меня был очень грустный вид, потому что чуть погодя я услышал шлепанье его тапочек за моей спиной:

– Ты мой брат, и, конечно, я всегда буду разговаривать с тобой. Мне жутко стыдно из-за тех моих слов.

Когда приходилось просить прощения, Рафаэль тоже был гением.

* * *

Когда Эндрю исполнилось двенадцать, наш отец отвез его в Абуджу и оставил там у какой-то двоюродной бабушки, которую мы не знали. Она была бездетной, и Эндрю вернулся совершенно счастливый, щеголяя в новеньких спортивных ботинках с шипами. Она покупала ему мороженое из Гранд-Сквера. Он отправился обратно.

Однажды ночью Рафаэль подслушал разговор мамы с папой. Он вышел на крыльцо, его круглое лицо блестело.

– А у меня новость. – шепнул он мне. – Мамамими и папаша продали Эндрю!

Впрочем, «продали» оказалось преувеличением. Они приставили его к работе и получали его зарплату. Взамен он жил в доме с кондиционером. Рафаэль хихикнул:

– Как гадко с их стороны!

Он взял меня за руку и потащил за собой прямо в родительскую спальню.

Они уже умолкли, вели себя прилично, лежали в постели с книгами. Очень довольный собой, Рафаэль провозгласил:

– Вы не просто продали моего брата в услужение. Он был ошибкой, вы оба не хотели его так поздно, вот и решили избавиться от него.

Мамамими кинулась на него. Он побежал, громко хохоча и размахивая руками. Я заметил только, что в кулаке у него зажаты ключи от джипа. Он выволок меня во двор, а потом толкнул вперед:

– Открывай ворота!

Рафаэль юркнул на место водителя, тут же взревел двигатель. Мамамими ковыляла следом. Машина рванулась вперед, железные ворота со скрипом распахнулись, залаяли собаки. Рафаэль вывел подпрыгивающий джип со двора и открыл дверцу для меня. Мамамими была совсем близко, и мне не хотелось, чтобы наказали меня одного, так что я сиганул в машину.

– Пока-а-а-а-а! – пропел Рафаэль, ухмыляясь прямо в лицо матушке.

Каким-то образом мы добрались до Абуджи живыми. Водить Рафаэль не умел, попутки то и дело, бибикая, обгоняли нас. Мы виляли из стороны в сторону, уклоняясь от смерти, оставляя позади трупы выстроившихся вдоль обочины старых машин. Даже я хохотал, когда грузовики, завывая, проносились в считаных дюймах от нас.

Повинуясь GPS-навигатору, Рафаэль добрался до дома той женщины. Эндрю впустил нас; одет он был здорово: белая рубашка, джинсы, кожаные плетеные сандалии. Мы вошли, и Рафаэль заговорил, поначалу весьма вежливо:

– Здравствуйте! M'sugh! Как ваши дела? Я сын Джейкоба, брат Эндрю.

Я сразу увидел, какая это милая леди. Огромная, как воздушный шар, с чадолюбивой улыбкой, она приветствовала нас и прижала Эндрю к себе.

– Вы заплатили моим родителям сколько-нибудь вперед за работу Эндрю? Потому что они хотят, чтобы он вернулся, они так по нему скучают.

Похоже, она поверила.

– О, они передумали? Ну конечно же, Эндрю ведь такой прелестный молодой человек. Что ж, Эндрю, кажется, твои братья хотят забрать тебя.

– Это я за них передумал, – сказал, как отрезал, Рафаэль.

Смущенный Эндрю не отрывал взгляда от прострочки на своих джинсах.

Он, должно быть, понял, что произошло, потому что не спросил, почему мы двое явились за ним. Рафаэль спас его, Рафаэль, а не первенец Мэтью – если, конечно, он желал быть спасенным от приличной одежды и магазинов Абуджи.

Когда мы вернулись домой, никто никому ничего не сказал. Только Рафаэль – мне, позже:

– Интересненько, правда, что они будто воды в рот набрали? Потому что знают, что поступили неправильно. Как бы им самим понравилось – быть ребенком и понимать, что твои родители отослали тебя на заработки?

Мэтью тоже промолчал. Прежде мы были богаты; теперь бедны.

* * *

Мы с Джайдом измерили ухудшение воспроизведения.

Наш старый эксперимент мы проводили снова и снова, наблюдая, как без какой-либо видимой причины падает уровень метила. Затем мы подняли планку стресса. Бедные мышки! Во имя науки мы лишили их матерей и вообще всякой опеки. Мы кормили их нерегулярно, бессистемно чередовали свет и тьму, подвергали воздействию электрического тока – жестокий режим, что и говорить.

Сомнений не было. Неважно, какие потрясения мы им устраивали, после первых показательных результатов уровень метила падал с каждым последующим экспериментом. И не только – связь между метилом и подавлением нейротрофина тоже слабела – объективные измерения показали, что количество

метила и его воздействие на производство нейротрофина уменьшаются на каждом этапе. Мы получили доказательство эффекта снижения. Истина истощилась. Или, по крайней мере, научная истина.

Мы опубликовали результаты. Идея людям понравилась, нас широко цитировали. Джайд стал читать лекции, его считали ценным сотрудником. Начались разговоры о некоем Всеобъемлющем Привыкании. Старые методы больше не работали. И мне было тридцать семь.

* * *

С гостями Рафаэль был совсем другим, вежливым и любезным, ему это нравилось. Дружески мило он говорил:

– M'sugh, – что по-нашему «привет», «пока» и «извините» в одном флаконе.

Он с удовольствием притаскивал на подносе холодную воду из морозильной камеры. Он помнил имена и дни рождения каждого. Он ненавидел танцы, но любил одеваться для вечеринок. Портной Муса шил ему чудные балахонистые рубахи с длинными рукавами, и брюки к ним, и шейные платки.

Мой отец тоже любил гостей, а после своего Падения так еще сильнее. Он мог внезапно вскочить и заулыбаться во весь рот. Клянусь, его рубашка вдруг становилась будто отутюженная, и ботинки казались начищенными до блеска. Я завидовал их компании, обычно это были коллеги с его старой работы. Они могли рассмешить отца. Смеясь, он выглядел молодым, веселым, он хлопал в ладоши и оживленно обносил всех пивом. Мне хотелось, чтобы он смеялся вместе со мной.

Неожиданно Мэтью объявил, что женится. Мы понимали, что он нашел свой способ сбежать. После свадьбы они с невестой уезжали к мужу ее сестры. Мэтью должен был помогать на их рыбной ферме и на плантации. Мы уж постарались для него: правда, оркестра не было, зато всякой еды – вдоволь. Отец все хвастался Мэтью, называл его настоящим командиром. Рассказывал, что с двенадцати лет он читает новости бизнеса, как иные мальчишки – приключенческие романы. Мэтью, говорил отец, рожден для лидерства.

Тут отец заметил, что я приуныл, и вдруг вскинул руки:

– А этот тихоня – мой Патрик. Вслед за сильным сыном у меня родились двое умных.

И я почувствовал тепло его руки на своей спине.

К полуночи стало прохладно, и все танцевали во дворе, даже

Рафаэль, ухмыляясь, вертел локтями и притоптывал негнущимися, как опоры автострад, ногами.

Отец колыхался, как мираж в пустыне, со своей банкой «Хайлайф». Он стоял рядом со мной, глядя на танцующих и на звезды.

– Знаешь, – сказал он, – твой старший брат был послан тебе Иисусом.

Сердце мое упало: да, знаю, чтобы возглавить семью, чтобы быть примером.

– Он так расстроился, когда ты родился. Увидел тебя на руках у матери и взвыл. Ты представлял для него опасность. Иисус послал тебе Мэтью, чтобы ты понял, что за себя надо бороться. И ты понял. Ты становишься собой.

Так он выразил мне свою благосклонность; внезапно, когда никто больше не слышал, словно доброты следовало стыдиться.

Я вернулся на крыльцо, там стоял Рафаэль – большой, согбенный, как престарелый патриарх. Уж он-то слышал слова отца.

– А кто, интересненько, научил Мэтью глупости? Почему папенька никогда не просил его оставить тебя в покое?

* * *

Кожа отца побледнела. Она всегда была очень черной, такой черной, что он мог бы пользоваться осветлителем как кремом без малейшего результата. И вдруг она обрела медовый оттенок, а волосы свалялись в грязно-бурый ком. Подсохшие белесые комки слюны грозили навечно склеить губы, глаза стали нехорошими, громадными шарами, окруженными распухшей плотью, как у лягушки. Он завел толстые очки и, чтобы разглядеть что-то, закидывал голову назад, постоянно моргая. Он уже не помнил, как, выйдя из гостиной, найти туалет. Завел привычку сидеть на корточках позади бунгало вместе с курами, а потом, когда ситуация ухудшилась, то и на крыльце перед домом. Мамамими сказала:

– Я начинаю думать, что без колдовства тут все-таки не обошлось.

Лицо ее опухло и затвердело, стало будто каменным.

Во вторник ночью, перед смертью, отец на короткое время вернулся к нам. Высокий, в одних трусах, кожа да кости, он снова выглядел почти молодым. Обед съел, вел себя совершенно прилично, дул на суп аккуратно, не пролив ни капли. Снаружи, на крыльце, заговорил, перечислив поименно всех своих братьев.

Потом сказал нам, что бабуля на самом деле не настоящая

его мать. Родила его другая женщина, забеременевшая на последней стадии рака. Дедушка знал, что роды убьют ее, но вынудил пойти на это. Она выносила его первого сына.

Через две недели после рождения моего отца его настоящая мать скончалась, и мой дед женился на женщине по имени Благословение.

Соль вместо сахара. Иверин нравилось изображать, что это она подарила семье первенца. В церкви они смотрелись особенно хорошо. Но молока-то у нее не было. Первые пять лет Джейкоба Терембы Шаву прошли без любви и в войне.

Мой отец умер за три дня до рождения первого ребенка Мэтью. Мэтью с женой привезли дочку в наш дом, чтобы мать думала хоть о чем-то радостном.

При крещении девочке дали имя Изобел. На ее комбинезончике вышиты три диснеевские принцессы, и волосы у нее совершенно рыжие.

– Не волнуйся, Мамамими, дедом она быть не может, это же девочка, – пошутил Мэтью.

Рафаэль ухмыльнулся:

– Возможно, она – дед, переродившийся в женском теле.

Жена Мэтью поцокала языком. Мы ей не нравились, и уж определенно ей не нравилось то, что она слышала о Рафаэле. Она выпрямилась и заявила:

– Ее зовут Иверин.

Мэтью уставился на собственные руки; Мамамими нахмурилась; Рафаэль захохотал и принялся пританцовывать.

– Так звали мою мать, – сказала жена Мэтью.

– Ах! – воскликнул Рафаэль. – Две штуки, Мэтью! Две Иверин! О, тебе повезло вдвойне!

По неподвижному лицу Мамымими, по тому, как дергались, точно отбрасывали что-то, ее пальцы, я понял, что она перепоручила новорожденную семейству ее матери, да и Мэтью тоже. Она никогда не выказывала особого интереса к маленькой РІверин.

Но бабуля, должно быть, считала, что ребенка назвали в ее честь. Позже она отправились жить к ним; иного *благословения* для Мэтью я и пожелать не мог.

* * *

Рафаэль стал тише, озабоченнее, будто невидимые мухи жужжали над его головой. Я говорил себе, что мы слишком много работаем. Мы оба подали заявки на стипендии от нефтяной

компании. Мне хотелось, чтобы мы вдвоем поехали в один из лучших университетов, в Лагос или Ибадан. Я думал обо всех этих чужаках из Игбо, Иорубы, а то и вовсе мусульманах. Я был уверен, что мы – команда.

На книжной полке в коридоре появилось объявление: НЕ ТРОГАЙТЕ МОИ КНИГИ. Я НЕ ЛЕЗУ В ВАШИ ДЕЛА. КНИГИ ДОЛЖНЫ БЫТЬ В ПОРЯДКЕ.

Но книги-то не только его.

– Ну мне-то хотя бы можно заглянуть в них?

Он злобно зыркнул на меня:

– Если сперва попросишь.

Я проверил, что он скачивает. Сплошное порно. Одни жуткие имена файлов уже выглядели расовым и сексуальным оскорблением. Хороший христианский мальчик, я был потрясен и напуган. Я что-то сказал ему, и он надулся:

– Я не живу по чужим правилам!

Он поставил на наш компьютер новый пароль, чтобы я не мог войти. Мои слабые протесты ни к чему не привели.

– Мне нужно учиться, Рафаэль.

– Учеба и ты несовместимы, – отрезал он. – Учеба тебе не поможет.

Его школьные учителя не могли найти худшего времени, чтобы устроить забастовку, потому что им не платили. Рафаэль дни напролет щелкал мышью, не удосужившись даже одеться. Голос его звучал кротко, сладко, но слова он произносил односложные:

– Да. Нет. Не знаю.

Он не злился, но будто бы совершенно ослаб.

На Рождество Мамамими, Эндрю и Мэтью с семьей пошли в церковь, а меня мама попросила остаться присмотреть за Рафаэлем.

– Ты его успокаиваешь. – сказала Мамамими, и отчего-то у меня в глазах защипало.

Они отправились в церковь, а я остался в гостиной. Я сидел на старенькой тахте, смотрел по телевизору какую-то чушь о каких-то. деревенских болванах, переехавших в Лагос.

Внезапно из нашей спальни выскочил Рафаэль – передвигался он мелкими шажками, точно японка, и на нем было мамино платье. Голова его, обмотанная подходящей тряпкой, превратилась в гигантский цветок, на лице не осталось живого места от косметики. Мое собственное лицо, наверное, исказилось от ужаса, и Рафаэль захохотал:

– Вот как одеваются роскошные примадонны в этом сезоне.

Тогда я подумал только: «Рафаэль не бросил меня». А потом я

принялся подталкивать его обратно в сторону комнаты; как и мама, я боялся гостей.

– Иди, иди, что ты делаешь?

– Тебе не нравится? – Он захлопал ресницами.

– Нет, не нравится! Что на тебя нашло?

– Рафаэль не нянька! Рафаэль не обязан быть милым!

Я умолял его снять платье, то и дело поглядывая на телефон, чтобы знать время, опасаясь, что наши вот-вот вернутся. Кроме всего прочего, мне не хотелось, чтобы мама знала, что он берет ее вещи.

Наконец он вылез из платья; «головной убор» размотался сам и волочился по полу. Я все подобрал, проверил, нет ли где грязи или мазков косметики, и сложил вещи так аккуратно, как только мог.

Когда я вернулся в спальню, Рафаэль сидел в длинных шортах и шлепанцах, уставившись в экран, будто ничего и не произошло.

Я задал глупейший вопрос:

– Что ты делаешь?

– А на что это похоже? Развлекаюсь. Можешь присоединяться.

Он рассмеялся. Потом повернул ко мне экран. Там крутилось видео, мужчина пользовал женщину сзади. Я и не представлял, что люди занимаются подобным. Взвыв, я зажал рот, зайдясь хохотом от потрясения. И выбежал из комнаты, оставив брата досматривать.

Без Рафаэля мне не к кому было пойти, никто не мог увидеть, как я плачу. Я вышел наружу и понял, что я совсем один. Что я мог сказать маме? Наш Рафаэль сходит с ума? Для нее он всегда был сумасшедшим. Только мне Рафаэль нравился по-настоящему, а теперь он становится кем-то другим, а я так медлителен, что могу быть только самим собой.

Он заболел чем-то странным, кожа его блестела, но жара не было. Хворь, как у нашего отца: не совсем телесная. Он перестал заботиться о волосах. По всей голове они свалялись в колтуны, делая Рафаэля похожим на нищего.

Он почти никогда не одевался полностью. Бродил по дому в нижнем белье и шлепанцах. Я стал его персональной Мамоймими, пытался помешать остальной семье заметить его болезнь, пытался удержать его в комнате. Он просыпался посреди ночи.

Я вскакиваю, обнаруживаю, что его нет, и кидаюсь на поиски, обхожу темные улицы. Что не очень разумно в нашем районе. Местные патрули ловят воров и чужаков и не слишком любезны с теми, чьего лица не узнают сразу.

– Я Патрик, я переехал в дом над школой. Я ищу моего брата Рафаэля.

– Как же ты его потерял?

– Он нездоров, его лихорадит, он бродит.

– Сумасшедшая семейка, – говорит один.

Их фонарики слепят меня, но я вижу, как они переглядываются.

– Это он про того грязнулю.

Они о Рафаэле?

– Он мой брат. Он болен.

Я жду, когда его приведут, и его приводят, небрежно помахивая автоматами. Его запросто могли пристрелить. Он почти голый, пошатывается, как лунатик, и волосы его – просто ужас. Рафаэль всегда был такой щеголь. Мазался кремом с запахом роз, носил рубахи навыпуск, пряча пузо, делал маникюр. А теперь он выглядит как чернорабочий, остро нуждающийся в ванной.

В конце концов, однажды ночью луна светило особенно ярко, а ребята подвели его слишком близко к нашему дому. Мама выбежала из застонавших ворот.

– Патрик, Патрик, что это?

– Эти люди помогли мне искать Рафаэля, – вот и все, что я ответил. Мне было стыдно и горько, что я сам не сумел успокоить его, не сумел его найти, не смог утаить беду – особенно от Мамымими.

Увидев его, мама прошептала:

– Дикарь! – и меня будто обдало ледяным ветром. Она сказала то, что я знал, но не хотел признавать. Опять, это происходило опять, сперва с отцом, затем с сыном.

Я отвел его в постель, держа за обе руки и направляя. В нашей комнате было холодно, как в горах. Я вернулся в жару; Мамамими ждала. Она как будто разом постарела.

– Он чем-то обкурился? – спросила она.

Я сказал, что не думаю.

– Но я больше не понимаю его.

Мысленно я твердил: «Рафаэль, возвращайся». Порой мама молила меня глазами: сделай хоть что-то. Такие беды не должны валиться на одну семью дважды.

* * *

Макурди существует только благодаря реке. Бенуэ впадает в великий Нигер, она серо-зеленая, с отлогими берегами и

течениями столь изменчивыми, что кажется, будто откуда-то из глубины вдруг выплескивается заплесневелый кисель. В ней никто не купается, только в сумерках на отмелях умываются работяги, бродят по воде в исподнем.

Рафаэль исчезает на закате, он спускается по склонам, чтобы воспеть людей. Это единственный случай, когда он одевается: желтая рубашка, широкие коричневые брюки, добротные ботинки. Он важно выступает по песку и поет о людях, дразнит их и смеется. И пытается их фотографировать. На него смотрят со страхом или не обращают на него внимания, как на кривое дерево, а иногда швыряют в него гальку, чтобы он убирался. Он не отвечает за свои слова. Меня с Мэтью посылают вернуть его. Мэтью ненавидит подобные поручения. Он в деловом костюме, а потом натрясет в машину песка.

– Пусть торчит там! Навлечет позор на свою голову, и только!

Но мы не можем позволить, чтобы в нашего брата кидали камни. Он ходит по берегу, дико хохоча сам с собой, восхваляя красоту моющихся, выспрашивая их имена, интересуясь их адресами. Мы с Мэтью немеем от стыда.

– Иди домой, иди домой, – зовем мы его, а рабочим объясняем: – Пожалуйста, извините нас, мы добрые христиане, а он нездоров.

Мы не можем заставить себя назвать его нашим братом. Он смеется и убегает. Когда мы настигаем его, он садится на землю, и нам приходится поднимать его и тащить назад к машине Мэтью. Плоть его будто перестала быть плотью; кости его – свинец, кровь – ртуть.

– Это невыносимо, – говорит Мэтью.

Все закончилось в мгновение ока. Он, как обычно, исчез из дома: Мама- мими выругалась и позвонила Мэтью. Мы поехали мимо университета, мимо зоопарка, куда отец водил нас, когда мы были детьми, потом вниз по старому мосту.

Этот раз оказался худшим из всех. Рафаэль натянул платье Мамымими и слонялся среди рабочих-строителей, вихляя бедрами, с зонтиком от солнца, распевая и заливаясь смехом.

Увидев нас, он замахал руками:

– M'sugh! Братья мои! Мои дорогие братья! Я иду купаться!

Он побежал от нас, как ребенок, – в реку. Он пробивался сквозь мощные зеленые потоки, повизгивая, как маленький, возможно, от удовольствия, ведь вода охлаждала его. Просторное платье вздулось пузырем и утонуло. Рафаэль споткнулся о какой-то камень, ушел под воду – и больше мы его не видели.

– Иди, вытащи его! – крикнул Мэтью.

Я промолчал и не пошевелился.

– Иди же, ты единственный, кто действительно любил его.

Он подтолкнул меня.

Я встал у края бурной реки. Я звал его по имени, слабым голосом, так тихо, будто по-настоящему не хотел, чтобы он вернулся. Я злился на него, словно теперь он затеял особенно глупую игру. Наконец я вошел в воду, неглубоко, только чтобы Мэтью мог сказать матери, что я пытался отыскать брата. Я стал звать громче; новая реальность неуклонно изгоняла надежду найти его. Рафаэль. Рафаэль, кричал я, имея в виду, что такое ужасное событие не могло произойти, не так просто, не так быстро. Наконец я нырнул под воду. Почувствовал, как течение тащит меня, хватает за пятки. С трудом я выбрался на песок, понимая, что сделал недостаточно и действовал слишком медленно. Я знал, что его уже унесло далеко.

На берегу Мэтью сказал:

– Возможно, оно и к лучшему, что его не стало.

С тех пор, обращаясь к нему, я не в силах выдавить больше пяти слов подряд.

Но примерно то же самое сказала вся семья. К лучшему, что его нет. А полка с его объявлением осталась. Я знал, что мы прокляты. Знал, что всех нас унесет.

«Ну и историйка, – словно бы говорил мне Рафаэль. – Ты что, старался казаться убогеньким, чтобы у тебя был предлог для неудачи?»

«Нам нужно тело для похорон», – отвечал я воспоминанию о нем.

«Какая разница; никто в этой семейке не станет скорбеть. У них слишком много своих печалей. Теперь тебе придется самому о себе заботиться. У тебя больше нет младшего братца, который бы за тобой присматривал».

Солнце село, все уже были в доме. Мне хотелось залезть на крышу или посидеть верхом на стене. Я подключил мобильник к лэптопу, но в нашем захолустье сигнал не ловился. Тогда я прошел в душную гостиную и вытащил книги, но без Рафаэля они стали скучны. Кто будет смеяться за меня, если я не смеюсь? Кто выскажет мое мнение, если я никогда не могу определиться с ним вовремя? Кто покажет, как вести себя с гостями, цивилизованно в нецивилизованном мире? Я взял наугад книгу по генетике, и поднялся на вершину холма, и сел под навесом церкви, и попытался читать в последних оранжевых отсветах заката. Патрик, сказал я себе, ты не слишком воспитан и не умеешь сделать так, чтобы другие смеялись, но ты сможешь. Эта частица Рафаэля тебе по плечу.

Я произносил слова по слогам, как ребенок, обращая их в

факты. Позже я понял, что пытался читать в темноте, в церкви. Я читал вслух абсурдную «Гаттаку», ничего не видя, ибо глаза мои были полны слез. Но я сказал себе одну простую истину и остался ей верен. Я учился много лет.

Когда я чувствовал себя слабым, или униженным, или одиноким, в моей набитой зубрежкой голове звучал голос Рафаэля. Я берег его книги. По химии, по теории наследственности. Я выходил в заброшенный дворик и тягал железные прутья с бетонными глыбами – занимался на сделанных им тренажерах. Я стал похож на накачанного чемпиона с его рабочего стола. Я такой, какой я есть, только благодаря моему брату.

Я почти ни с кем не разговаривал. Мне не хотелось. То, что осталось от свинца и ртути Рафаэля, переплелось с водорослями или белеет где-то в песке.

* * *

В те дни, чтобы расплатиться за заявку на стипендию, нужно было приобрести в банке лотерейный билет. Я купил их великое множество. Даже не помню, подавал ли я заявку в Комитет по стипендиям штата Бенуэ. Мне назначили небольшое пособие, которого хватило бы, только если бы я остался жить дома и к тому же подрабатывал бы где-нибудь на стройке. Так я стал одним из тех рабочих, что мылись на отмелях.

Бывшие коллеги отца нашли Мэтью работу – клерком в банке в Джосе. Мэтью уехал жить к дяде Эммануилу. Эндрю упрямо требовал отпустить его с братом. Он знал, где будут разворачиваться события. И Мамамими тоже знала – она молча кивнула, разрешая. Мэтью стал Эндрю вместо отца.

Мы все выстроились во дворе, на звенящей жаре, глядя, как Мэтью садится в джип, свое наследство. Мы махали вслед, как будто половина нашей семьи просто отправилась ненадолго в родную деревню или в китайскую булочную за рулетами. Наша машина поднялась на рыжую гору, миновала церковь и исчезла. Мы с Мамоймими остались одни среди жужжания насекомых в душном мареве и вернулись в дом точно так же, как вышли из него, шаркая тапочками. В тот день ни она, ни я не проронили ни слова. Даже телевизор мы не включали. Наконец в кухне, в темноте, Мамамими обратилась ко мне:

– Почему ты не уехал с ними? Учиться в приличном университете?

И я ответил:

– Потому что кто-то должен помогать тебе.

– Обо мне не беспокойся, – сказала она.

Вскоре после этого она взяла свою ржавую зеленую машину и поехала в Кавайе в последний раз. Она живет с дядюшкой Джейкобом и старейшинами. Я остался один в шепчущем доме.

* * *

В нашем захламленном, неоплачиваемом, пушенном на самотек кампусе жил один математик, грязный, не признающий порядка, очень напоминавший мне Рафаэля. Он был из Идомы, звали его Томас Аба. Он явился к нам с Джайдом со своим ноутбуком и открыл на нем страницу с формулами.

Эти формулы описывают, сказал он, как акт наблюдения за событиями изменяет их на квантовом уровне. Следующая страница. А здесь те же самые формулы описывают, как наблюдение влияет на эффект на макроуровне.

Он математически показал, как простой акт повторяемого наблюдения меняет реальный мир.

Мы опубликовали статью в «Nature». Людям хочется верить, что кто-то может произвести коренной перелом в космологии одной системой уравнений. Из нас всех лишь Сомневающийся Томас был гением. Пекинский университет Цинхуа предложил ему профессуру, и он покинул нас. Ссылки на нашу статью множились лавинообразно; даже «Гугл» не успевал удовлетворять спрос. Люди желали знать, отчего все меняется, желали получить объяснения катастрофам, вызванным изменением климата, и услышать, почему больше нет чудес.

Проще говоря, наука нашла истину, но в процессе поиска ее же и изменила. Наука губит себя, и цикл этот бесконечен.

Однажды теория эволюции обернется ложью, и закон сохранения энергии перестанет работать. И кто знает, возможно, мы когда-нибудь сможем передвигаться быстрее скорости света?

Томас все еще пишет мне о своей работе, хотя его результаты – интеллектуальная собственность Цинхуа. Он теперь может вычислить, сколько времени требуется наблюдению, чтобы изменить наблюдаемое. Вращение Земли вокруг Солнца прочно укоренилось во вселенной, так что истощение его займет четыре тысячи лет. И что же придет ему на смену? Земля. Солнце, все звезды тайно совместятся? Вне четырех измерений окажутся в одной геометрической точке?

Столько всего существует лишь в виде метафор и цифр. Атомам потребуется еще пятьдесят лет, чтобы исчезнуть – всего

пятьдесят! – прихватив с собой кварки, мю-мезоны и прочие частицы. Большой адронный коллайдер только ускорит их кончину.

Томас рассчитал даже, какое время наблюдения потребуется, чтобы исчерпать его наблюдения. Потом, сказал он, вселенная снова обретет стабильность. История тает и возрождается.

Моя невеста – простая деревенская девушка, захотевшая профессора в мужья. Я понимаю, в чем тут дело. В Мамемими. Возможно, это не так уж и плохо. Девушку я едва знаю. Она носит длинные платья вместо джинсов и мило улыбается. Семья моей мамы с ней знакома лучше.

В церкви запели, звук ширится вместе с жарой и рассветом. Мой парадный костюм весь в сине-золотых разводах, отражающих солнце. Переливчатая ткань будет прохладной, прохладнее, чем весь этот грубый трикотаж из Индонезии.

Нас ждет две свадьбы: по-новому и по-старому. Сегодня семьи официально соглашаются на брак. На следующей неделе – церковь и необъятное белое платье. Так что я пройду через все это дважды. Исполню роль в пантомиме под названием «Любовь и счастье»; фотографии будут вполне соответствовать написанному на рамочках: «Патрик и Летиция: истинная любовь навсегда». Мэтью и Эндрю приедут со своими семьями впервые за многие годы, и я обнаружу, как это больно – иметь братьев, ни в грош тебя не ставящих.

Я слышу, как отец говорит, что моя сельская женушка должна быть благодарна за все, что я ей даю. Что если она несчастна, то пусть уходит. Однако на этот раз он говорит моим собственным голосом.

Буду ли я ночами стучать по стенам или просто бить себя по лицу? Сойду ли с ума и стану танцевать для работяг, натянув женское платье? Приготовлю ли жаркое такой остроты, что только я и смогу его есть? Я смотрю на свое тело, укрытое белой простыней, тело, которое я сделал идеальным, чтобы компенсировать несовершенство моего разума.

Будет ли у меня малыш с мятым лбом? Станет ли он носить пыльную фуражку моего отца? Сделается ли лунатиком, рыдающим ночью или хохочущим без причины? Если я назову его традиционным в нашей семье именем, проживет ли он заново жизнь своего деда? Какой яд передам я дальше?

Я пытаюсь представить всех явившихся на свадьбу гостей и вообразить, как вытянутся их лица, если я просто возьму и уйду или гордо выступлю, как Рафаэль, чтобы радостно проорать: «Никаких венчаний! Вам меня не женить, ни за что и никогда!»

Я улыбаюсь; я слышу, как он говорит это; я вижу, как важно

он шагает.

И еще я слышу его слова: «На что еше годится такой как ты, кроме как на женитьбу? Ты слишком тихий, невзрачный, домашний. А статейка в „Nature“ обеда тебе не сварит. И постельку не согреет».

Я думаю о моем будущем сыне. Христианское имя его будет Рафаэль, но личное имя я дам ему Изи, «стертый». Это значит, что Бог сотрет прошлое со всеми его ожиданиями.

Если проклятье однажды сработало и наука исчерпала себя, то, мне кажется, Бог любит нашу свободу больше, чем нерушимую истину. Если у меня будет сын, свободный от прошлого, я пойму, что Бог любит и меня тоже.

Так что я могу представить себе Изи, моего первенца. Он в шортиках, бежит, запускает бумажного змея, счастливый, чистый, свободный, и мы – Шаву, снова – Живущие на горе.

Я думаю о Мамемими, стоящей на коленях, чтобы видеть мое лицо, и говорящей: «Патрик, ты хороший мальчик. Ты все делаешь правильно. С тобой все в порядке». Я вспоминаю отца, обретшего на время здравый рассудок, вспоминаю его руку на своей узкой спине и его слова: «Ты становишься собой». Он гордился мной.

А больше всего я думаю о Рафаэле, которые выкладывал все, что на уме, о Мэтью, о бабуле, даже об отце, но никогда обо мне. В сумерках он пересказывал мне свои книги, а я приносил ему чай, и он говорил, как бы удивляясь: «Здорово. Спасибо». И лицо его светилось любовью.

Я верю, что сумею передать сыну и любовь.

Том Пардом
Реакция ВСТ17

Перед вами оригинальная версия первого контакта, представленная преимущественно с точки зрения внеземных существ. Две соперничающие исследовательские группы с Земли вступают в сложную, грозящую в конечном счете конфликтом серию переговоров с аборигенами. И в будущем от этих переговоров может зависеть выживание как инопланетной цивилизации, так и цивилизации землян.

Первая гонорарная публикация Тома Пардома состоялась в 1957 году в «Fantastic Universe», впоследствии он печатался в «Analog», «The Magazine of Fantasy & Science Fiction», «Star» и в большинстве ведущих журналов и антологий фантастики. В последние годы он стал плотно сотрудничать с «Asimov's Science Fiction». Пардом – автор одного из самых незаслуженно забытых романов шестидесятых годов, сильного и по-прежнему актуального «Разоружения» («Reduction in Arms»), в котором рассказывается о сложностях разоружения в безумных условиях стремительного наращивания ядерных потенциалов. Также перу писателя принадлежат такие романы, как «Жажда звезд» («I Want the Stars»), «Древесный лорд Иметена» («The Tree Lord of Imeten»), «Пятеро против Арлана» («Five Against Arlane») и «Повелители реакций» («The Barons of Behavior»).

Пардом живет в Филадельфии, где работает обозревателем концертов классической музыки в местной газете. Многие его короткие произведения не так давно стали доступны в электронных магазинах Barnes & Noble Nookstore, Amazon's Kindle store и Fictionwise.

Исследовательское сообщество «Бецино-Ресдел» получило первое сообщение от «Транскультуры» через пять целых двадцать три сотые секунды после выхода на орбиту планеты, обозначенной как внесолнечный Терраноид 17.

– Я официальный представитель Транскультурного института мультидисциплинарных и внедисциплинарных межзвездных изысканий и исследований, – радировала «Транскультура». – Я представляю консорциум семидесяти трех политических организаций и двухсот семидесяти трех научных, исследовательских и культурных учреждений, расположенных во всех регионах Земли. Настоящим вам предписывается воздержаться от непосредственного контакта с поверхностью внесолнечного Терраноида Семнадцать. Мои собственные

контактные устройства уже начали изучать планету. Вам будет предоставлен доступ к результатам моих исследований.

Восемнадцать программ, включенных в сообщество «Бецино – Ресдел», назывались «альтерами» – по аналогии с «альтер-эго» или «альтернативной личностью», – но самосознанием они не обладали. Это были всего лишь сложные, невероятно плотные нагромождения микросхем и переключателей – как и любой машинный интеллект, когда-либо созданный человечеством. Но их оплатили семь групп акционеров, и альтеры воплощали цели и индивидуальность своих спонсоров.

Первые семь целых шестьдесят две сотые секунды после прибытия альтеры тестировали три копии каждой программы, которые хранились в их файлах. Так они смогли определить, какая из копий лучше всего пережила путешествие и должна быть активирована. Затем они переключили внимание на сообщение «Транскультуры».

Бецино и Ресдел были главными спонсорами экспедиции. Их электронные модели контролировали шестьдесят из девяноста пяти голосов, распределенных между участниками сообщества. Они посчитали, что требование нужно отклонить, и это решило исход дела. Остальные пятеро участников согласились. Единственное «против» поступило от группы альтеров, в чьи задачи входило изучать нечеловеческую сексуальность: один из членов этой группы проголосовал за оба варианта.

Спустя двадцать две целых сорок восемь сотых секунды после прибытия исследовательское сообщество «Бецино – Ресдел» вошло в режим изучения. Программы «Транскультуры», отметили, что «Бецино – Ресдел» не подчинилось их приказу. «Транскультура» активировала командный режим, и он начал действовать. Первые человеческие творения, достигшие ВСТ 17, вступили в начальные фазы социального феномена, который их создатели назвали «войной микросхем».

* * *

Исследовательское сообщество «Бецино – Ресдел» было втиснуто в контейнер немногим больше футбольного мяча. За пределы Солнечной системы его запустил микроволновый излучатель, установленный на Луне. «Транскультура» покинула Солнечную систему пять лет спустя, но ее более состоятельные спонсоры смогли профинансировать более крупный световой парус, обеспечивший большее ускорение. «Транскультура» преодолела расстояние за миллион восемьсот девяносто три

тысячи девятьсот двенадцать часов – чуть больше, чем двести шестнадцать земных лет, – и достигла ВСТ 17 на шесть лет раньше, чем «Бецино – Ресдел». «Транскультура» уже успела установить на планете базу и начала исследования.

«Бецино – Ресдел» пристально разглядывало поверхность планеты через линзы – сами в половину человеческого глаза, однако оснащенные новейшими увеличительными программами. ВСТ 17 была обитаема. По предварительным данным, ее население концентрировалось в двухстах тридцати шести четко различимых городах. Остальная часть планеты выглядела как нетронутая панорама природных ландшафтов, разбросанных по четырем основным континентам.

Оригинальная человеческая версия альтера Ресдела была астрономом. В шесть лет Энтони Ресдел впервые посмотрел документальный фильм и с тех пор начал интересоваться поиском внеземной жизни. Самым известным профессиональным достижением этого приятного привлекательного парня стал популярный видеосериал, который принес ему скромное состояние. Его альтер моментально заметил, что ВСТ 17 опровергает авторитетное мнение космических провидцев аристократического двадцатого века. По мнению сэра Артура, любая внеземная цивилизация, с которой столкнулось бы человечество, опережала бы его в развитии или отставала на тысячи лет. Шанс, что их уровень будет сравним с нашим, настолько мал, что можно утверждать: более совершенная цивилизация сочла бы нас дикарями.

Города, которые наблюдало «Бецино – Ресдел», казались поразительно похожими на лучшие города Земли. Спутники, вращавшиеся вокруг планеты, напоминали спутники на орбите Земли. В образцах их электронных передач регистрировался аналогичный диапазон частот и интенсивности.

Альтер Бецино просмотрел все теории технологического развития, хранившиеся в библиотеке, и распределил их между коллегами – процесс отнял тринадцать целых три десятые секунды. Каталог включал несколько тысяч записей – в основном выдержки из художественной литературы, – но все их можно было сгруппировать в удобный для работы перечень категорий:

• технологии, настолько совершенные, что менее продвинутые исследователи не смогли бы их обнаружить;
• жажда наслаждений;
• осознанное ограничение;
• планета с нехваткой ключевого ресурса;
• антитехнологический культурный базис;
• и так далее…

– Мы должны сопоставить каждый фрагмент новых данных с каждой из этих возможностей, – предложил альтер Ресдела. – Мы столкнулись с серьезной аномалией.

Альтер Бецино согласился. Два члена сообщества возразили. Предложение было принято к исполнению.

* * *

«Транскультура», очевидно, сконцентрировалась на участке самого большого южного континента, в густом лесу за пятьдесят километров от крупного прибрежного города. «Бецино – Ресдел» выбрало место на северном континенте в гористой местности неподалеку от города, расположенного на западном берегу вытянутого озера. Три крошечные иглы выдвинулись из люка и принялись медленно опускаться сквозь плотную атмосферу планеты. Поверхности достигли две из них. Машины, которые можно было бы принять за вирусы, проникали в почву и собирали полезные атомы. Маленькие вирусы выросли, более крупные машины начали выбрасывать побеги, и программы, хранившиеся в иглах, прошли первые этапы процесса, который распространил человеческие творения по Солнечной системе.

Это было долгое, медленно продвигающееся дело. Три местных года после прибытия самые большие из действующих машин напоминали сверхподвижных насекомых. Через одиннадцать лет полуорганические летающие создания поднялись в воздух. На восемнадцатом году скальный пласт стал работающей антенной, и орбитальный аппарат «Бецино – Ресдел» установил связь с базой на поверхности планеты.

На двадцать второй год первое полностью оборудованное летательное исследовательское устройство начало системную разведку территории в радиусе ста километров от базы.

На двадцать девятый год полуорганический летательный аппарат большого радиуса действия столкнулся с таким же, принадлежавшим «Транскультуре». Последний попытался захватить соперника, не причиняя ему повреждений, и аппарат «Бецино – Ресдел» в ответ после недолгого преследования стер из памяти всю информацию, включая расположение своей базы. «Война микросхем» перешла в фазу небольших стычек.

На тридцать шестой год местное летающее создание, похожее на земную жабу в перьях, приблизилось к аппарату «Бецино – Ресдел», который напоминал небольшого летающего хищника – распространенного обитателя окрестностей базы. Пернатая жаба уселась на ветку, откуда был хорошо виден восточный берег

озера, и повернула голову к фальшивому хищнику.

– Я бы хотела поговорить с вами, – сказала жаба на четком итальянском языке двадцать второго века. – Это неофициальный частный контакт. Было бы идеально, если бы вы свели к минимуму внешнее проявление реакций.

* * *

Первый инструктаж назначенной состоялся через три дня после того, как интеграторы разбудили ее. Пробуждение произошло за девятнадцать лет до предполагаемого начала следующего активного периода, но она подавила любопытство и сконцентрировалась на чувственных удовольствиях, рекомендованных в первые дни после активации. Они с мужем всегда наслаждались повышенным сексуальным влечением, которое следовало за пятидесятилетним сном. В обычных условиях они растянули бы удовольствие еще на некоторое время.

На крышке ее анабиозной капсулы значилось: «Вароса Уман Деун Малинво…» Ее муж носил официальное имя Бадсити Хисалито Садили Хэдбитад… Многоточия относились к сотням имен, которые они добавляли к собственным, – это были имена всех известных предков, погибших до избавления от смерти. Он называл ее Варо. Она называла его Бадей – в обществе, Сити – наедине.

Оба они были двуногими, в целом с тем же анатомическим строением, что и немодифицированный человек, с массивными, ширококостными телами, сформировавшимися под действием повышенной гравитации их родного мира. Самыми выразительными для человеческого глаза особенностями казались крупные руки и переплетение мягких, пестро окрашенных перьев, венчавших их голову и обрамлявших лица. Как уже отметило «Бецино – Ресдел», случайность эволюции на ВТС 17 предпочла перья меху.

Инструктаж состоялся в охраняемой подземной комнате, проекционная площадка которой была больше, чем многие жилые помещения. Прямое, транслируемое в режиме реального времени изображение действующего первого управляющего инспектора появилось на площадке, когда Вароса Уман еще усаживалась в кресло.

– Вас подняли раньше срока, потому что у нас посетители, – сказал первый управляющий. – Приняв в расчет последние события, интеграторы порекомендовали нам назначить вас

инспектором наших реакций. Вы замените Манситу Яно, который был инспектором ситуации с первого посещения. На мой взгляд, он действовал безупречно. Лучшего инструктора вам не найти.

Рядом с первым управляющим инспектором материализовался мужчина с ярко-желтыми лицевыми перьями. Вароса Уман запросила быстрое сканирование своей личной информационной системы и убедилась, что заняла место одного из двадцати ведущих экспертов по истории посещений, ученого со значительным практическим опытом. Мансита Яно Сантиси Джинмано… входил в комиссию, работавшую с последним посещением. Во время посещения, состоявшегося за тысячу двести лет до этого, он выполнял функции ученого-наблюдателя.

– Для меня будет честью работать с вами, Мансита Яно.

Она могла бы сказать больше. Ее собственные знания о посещениях выглядели крошечными по сравнению с опытом Манситы Яно. Но интеграторы выбрали ее. Она не могла позволить ему считать, будто он способен влиять на ее мнение.

Перестановка не могла его радовать: он знал, что его квалификация выше. Если бы интеграторы сделали что-нибудь подобное с ней самой, Вароса замучила бы Сити гневными тирадами. Однако Мансита Яно смотрел на нее с вежливым интересом, как будто их статус относительно друг друга не вызывал у него никаких эмоций. На его месте она бы надела ту же маску.

Панорамное изображение космоса сменилось двумя объектами. Линия обозначила путь приближающегося устройства посетителей: стандартный объект минимальной массы, прикрепленный к стандартному же крупноразмерному световому парусу. Это было типичное оборудование посетителей, и действовало оно типичным образом. Двенадцать лет замедлялось и выходило на постоянную орбиту. Запустило на третий спутник четвертой планеты вспомогательное устройство, которое начало работу над установкой – она, вероятно, должна была стать коммуникационным ретранслятором. Точно так же на том же спутнике устанавливали ретрансляторы два предыдущих посетителя. Гости направили три сверхлегких аппарата «орбита – поверхность» (в последний раз пришельцы запускали два таких), и те из них, что достигли цели, перешли к следующему шагу типичной программы посещения.

По всей галактике разумные виды развивались до определенного уровня, включая схожие межзвездные технологии. Каждый вид считал, что добрался до вершины, и полагал собственные достижения триумфом разума и героических усилий. Все стало интереснее, когда в систему вошел второй посетитель.

Вароса Уман смотрела, как два устройства устанавливают независимые базы, наблюдала за первой атакой. Карты отметили местоположение следующих столкновений. В каждом из них агрессором выглядел первый посетитель.

Оба орбитальных устройства определенно прилетели из одной и той же точки. Этот вид, очевидно, породил по меньшей мере две социальные общности, которые смогли запустить межзвездные зонды. Такое случалось время от времени – все случается время от времени, – но с раздельным посещением народ Варосы Уман сталкивался впервые. Не потому ли интеграторы пробудили ее?

Мысль была логичная, но как только Вароса Уман увидела встречу второго посетителя с новым устройством, она поняла, что к делу эта мысль не имеет никакого отношения. Устройство, несомненно, было создано представителем ее собственного вида.

– Несанкционированные контакты инициировал авантюрист, имя которого слишком хорошо знакомо, – сообщил первый управляющий инспектор. – Ревутев Маварка Веренка Туретва… Мансита Яно собирался принять меры, когда интеграторы посоветовали нам вас в качестве лица, ответственного за это посещение.

* * *

– От моего органического прототипа я получил команду о прекращении операций, – заявил альтер Ресдела. – Это сообщение станет последним. Не ждите возрождения.

Альтер Бецино имитировал мыслительные процессы женщины, обладавшей недюжинным интеллектом. Эдна Бецино была физиком-теоретиком, психиатром и социологом-исследователем, специализировавшимся в военных и полувоенных организациях. В свободное время она играла на виолончели и пользовалась всеобщим уважением как преданная ученица Баха и его преемников двадцать второго века. Она запустила собственный межзвездный зонд, потому что никогда не состояла в объединении, которое могло бы обеспечить ей должную финансовую поддержку.

Альтер Бецино просмотрел базы данных, как это сделала бы сама Эдна, и определил, что Энтони Ресдел жил в государственном образовании, ставшем «страной под руководством единого лидера». Сообщениям с Земли приходилось преодолевать восемнадцать световых лет, так что информация в базах данных, естественно, устарела на столько же.

Команда о прекращении операций будет оставаться в силе, пока альтер Ресдела не получит от самого Энтони иное распоряжение.

Число голосов теперь сократилось с девяносто пяти до шестидесяти пяти. Создатели альтеров не позаботились об алгоритме, который корректировал бы процентное соотношение голосов, так что в руках Бецино по-прежнему находилось тридцать из них. Всякий раз, когда сообщество будет принимать решение, ей понадобится поддержка одного из младших членов.

Трое из них хотели продолжать диалог с обитателем планеты, который вышел на контакт. Двое возражали на том основании, что абориген, очевидно, был неофициальным частным лицом.

– У нас нет информации о его отношениях с местными политическими организациями, – сказал представитель группы, исследовавшей сексуальность. – Он может настроить их против нас, когда мы попытаемся установить надлежащий контакт.

Мобильное устройство сообщества обменялось языковыми программами с контактным аппаратом аборигена. Данные показали, что структура и словарь родного языка местного жителя напоминали структуру и словарь языков, сформировавшихся в технологически продвинутых человеческих сообществах.

Альтер Бецино проголосовал за то, чтобы поддерживать контакт. Переключатели сработали, контактная и языковая программа остались активны.

* * *

Существовал стандартный ответ на посещения. Он назывался «Послание». Вид Варосы Уман дважды передавал его и один раз получал.

Мансита Яно начал приготовления к Посланию, как только стал ответственным за посещение. Он установил бы контакт с одним из посетителей и довел бы процесс до конца, если бы Ревутев Маварка не начал путаться под ногами.

Мансита Яно был уверен, что Ревутева Маварку нужно арестовать, пока тот не создал дополнительных проблем.

– У нас есть задокументированные свидетельства того, что Ревутев Маварка совершил серьезное преступление, – сказал Мансита Яно. – Думаю, мы также можем полагать, что первый посетитель выше статусом, чем тот, с которым он пытается завязать отношения. Первый посетитель решительно отверг инициативу Ревутева Маварки и, как показало переведенное нами

сообщение, приказал второму прекратить операции.

В Послании не содержалось никаких угроз. На самом деле это был величайший дар, какой только мог получить разумный вид. В Послании заключались переведенные на основные языки принимающей стороны знания, которые накопили двадцать три технологические цивилизации. С этой информацией любой вид, разработавший межзвездные зонды, мог исцелиться от всех болезней, вчетверо повысить умственные способности, даровать тысячелетия существования всем представителям, изменить формы жизни на своей планете, открыть источники энергии, которых хватило бы до конца Вселенной, – в общем, превратиться в такой социум, о каком мечтал с тех пор, как впервые решил, что не обязан терпеть смерть и страдания, которые несет ему мироздание.

В этом и заключалась проблема. Ни одно общество не в состоянии принять такие изменения за один присест. Вид Варосы Уман пережил тысячелетие хаоса после того, как получил свою версию Послания.

Это была изящная защита. Послание удовлетворяло моральным принципам цивилизаций, которые использовали его, и навсегда уничтожало угрозу, исходившую от тех, кто мог иметь враждебные намерения. Межзвездная война казалась маловероятной, но ее нельзя было исключать. Небольшой зонд мог незаметно проникнуть в планетарную систему, установить базу на уединенном космическом теле и соорудить оборудование, способное запустить флотилию убийственных метеоритов на ничего не подозревающий мир.

Народ Варосы Уман никогда не отправлял визитеров к звездам. Насколько он мог судить, все виды, получившие Послание, пришли в итоге к точно такой же тихой изоляции – если выжили после собственного великого Потрясения.

– Послание создает своего рода условие, – заключил комитет, занимавшийся последствиями Потрясения. – Хаос, который оно порождает, внушает прочное отвращение к межзвездным контактам.

Ревутев Маварка был авантюристом – членом меньшинства, составлявшего примерно двенадцать процентов жителей. Вид Варосы Уман вышел из Потрясения с помощью глубоких модификаций нейрохимических реакций, которые формировали эмоциональный отклик. В состав населения включили контролируемое число искателей острых ощущений и новизны, поскольку было ясно: цивилизация, состоящая только из спокойных, полностью социализированных безмятежных представителей, частично утрачивает способность к адаптации.

Ни одно сообщество не в состоянии предвидеть все повороты и ловушки будущего.

Большинство авантюристов удовлетворяли свои особые эмоциональные потребности физическими нагрузками и сексуальными приключениями. Увлечения Ревутева Маварки выглядели не так безобидно. Его пятнадцатое пробуждение было отмечено попыткой сорвать погодную программу, регулировавшую ливни вдоль горной цепи Фашлев. Первый управляющий инспектор добавил двенадцать лет к следующему периоду его сна, и интеграторы одобрили это взыскание.

При семьдесят третьем пробуждении Ревутев Маварка спроектировал маленького гиперактивного хищника, который по пищевой цепи передавал токсин, временно превративший обитателей спокойного островного курорта в адреналиновых наркоманов. В восемьдесят первое пробуждение Ревутев Маварка решил, что его счастье зависит от союза с тогдашней законодательницей мод, и похитил ее после того, как она холодно проигнорировала его внимание. Отравление токсином добавило двадцать два года к его следующей спячке, похищение – двадцать восемь.

Вароса Уман и ее муж любили холодные ветры и суровые пейзажи. Им нравилось сидеть на высоких балконах, соприкасаясь руками, и смотреть, как крылатые создания кружат над северными морями.

– Это Ревутев Маварка, – произнесла Вароса Уман. – Он совершил несанкционированный контакт.

– И интеграторы считают, ты можешь найти необычное решение проблемы?

– Они назначили меня ответственной за все наши действия. Я заменяю Манситу Яно.

Сити запросил данные Манситы Яно и просмотрел их.

– Он специалист, – признал Сити. – Это большая ответственность, но думаю, я согласен с интеграторами.

– Вероятно, ты – один из очень и очень немногих. Инструктаж со мной провели подчеркнуто вежливо.

– Они не знают тебя так хорошо, как я.

– Мансита Яно был готов арестовать Ревутева Маварку. И предложить посетителям Послание.

– А ты думаешь, что ситуация немного сложнее…

– У нас два посетителя. Один из них ведет себя так, будто представляет планетарное правительство. У другого, с которым и связался Ревутев Маварка, похоже, больше общего с ним самим. Мне надо понять, насколько серьезной поддержкой пользуется Ревутев Маварка. Я не могу не учитывать этого. Когда имеешь

дело с сообществом авантюристов, нужно думать об их эмоциональной реакции. Я должна взвесить их чувства и подумать об ответных действиях, на которые мы можем спровоцировать пришельцев… обоих. Мы не первые, кто сталкивается с двумя посетителями, тем не менее это повышает трудность… увеличивает количество неизвестных.

– А Ревутев Маварка усложнил все еще больше. И интераторы по понятным причинам решили, что надежнее будет привлечь кого-то вроде тебя, кого-то, кто размышляет над противоречиями.

* * *

Контактер велел сообществу «Бецино – Ресдел» называть его Дональдом. Пока они по большей части обменивались языковыми программами. Они могли обсудить погоду на трехстах семи различных языках.

Альтеры, интересовавшиеся нечеловеческой сексуальностью, настаивали на разрешении обменяться данными о сексуальных практиках. В группе их было шесть, и они представляли шесть ведущих ученых, работавших в Северном тихоокеанском центре анализа мультигендерной сексуальности. Исследовательские единицы, которыми они управляли, изучили жизнедеятельность восьми местных организмов. Все восемь, казалось, выработали ту же самую прозаичную двуполую схему, по которой развивалась жизнь на Земле. Набеги этих альтеров в города дали им общее представление о психологии местных жителей, но оставили множество нерешенных вопросов.

Вопрос: Ваш вид имеет два пола?

«Бецино – Ресдел»: Да.

Дональд: Да.

Вопрос: Существуют ли очевидные физические различия между полами?

«Бецино – Ресдел»: Да.

Дональд: Да.

Вопрос: Какие это различия?

«Бецино – Ресдел»: Наши самцы в среднем крупнее, у них шире кость. Обычно они более мускулистые.

Дональд: Самцы более пестрые, у них разнообразнее лицевые перья. Вопрос: Вы формируете постоянные брачные пары?

«Бецино – Ресдел»: Да.

Дональд: Да.

Вопрос: Вступают ли некоторые представители вашего вида в

отношения иного рода?

«Бецино – Ресдел»: Да.

Дональд: Да.

Вопрос: Насколько распространены такие отношения?

«Бецино – Ресдел»: Во многих сообществах их процент очень высок. Дональд: Зачем вам это знать?

* * *

Комитет по посещению получал полную запись всех переговоров между Ревутевом Маваркой и устройством посетителя, называвшего себя «Бецино – Ресдел». Ревутев Маварка, конечно же, знал, что за ним наблюдают. До сих пор он успешно избегал любых сообщений, которые могли бы свидетельствовать о том, что он передал потенциально опасную информацию.

– Должно быть, он разочарован, – предположила Вароса Уман. – Наверняка есть миллион вещей, которые он хотел бы обсудить.

– Нам нужен всего один промах, – сказал Мансита Яно. – Один промах, и ему повезет, если хотя бы полсотни представителей его класса будут на его стороне.

– И этот промах раскроет посетителю информацию…

Лицевые перья Манситы Яно встопорщились – древняя реакция, от которой лицо его стало казаться крупнее и выглядеть более угрожающим.

– Тогда почему бы не заставить его замолчать, пока он не проболтался, инспектор? Вы действительно считаете, что он может продолжать так до бесконечности, не сказав ничего фатального?

* * *

– Мне пришла в голову опасная мысль, – произнесла Вароса Уман.

– Не удивлен, – ответил Сити.

– Каждый разумный вид, пославший посетителей в обитаемый мир, очевидно, прошел через тот же жуткий опыт, что и мы. Некоторые могли не пережить его. Если наш опыт типичен, то каждый, кто получает Послание, реагирует точно так же, когда после собственного Потрясения встречает посетителей. Послание – великий учитель. Оно учит нас, что контакт с другими

цивилизациями – это опасный сбой.

Два большекрылых хищника спикировали к воде прямо под балконом. Темно-красное оперение их крыльев создавало приятный контраст с серым цветом моря и неба.

– Думаю, может быть полезно, если кто-нибудь поищет альтернативный образ действия, – сказала Вароса Уман.

Сити пробежался пальцами по тыльной стороне ее ладони. Они были женаты восемьдесят два полных цикла: совершенно осознанные две тысячи четыреста лет. Он знал, когда стоит говорить, а когда – молча напомнить, что он рядом.

– Допустим, кто-то попробовал бы другую роль, – продолжила Вароса Уман. – Допустим, мы бы предложили провести этих посетителей через все изменения, с которыми им предстоит столкнуться. Шаг за шагом.

– Как старший, более опытный вид.

– Каким мы и являемся. По крайней мере – в этой области.

– Нам пришлось бы поддерживать контакт, – заметил Сити. – И они тоже бы влияли на нас.

– Что грозит нам еще большими потрясениями. Я бы нарушила порядок, если бы только упомянула об этой идее при Мансите Яно.

– А интеграторам ты говорила об отклонении твоей мысли от курса?

– Они ответили мне в стандартном режиме. Обратили внимание на опасности. Я попросила их принять решение, но они ответили, что они – всего лишь машины, а я – инспектор ситуации.

– И они выбрали тебя, поскольку их процедуры сбалансировали все значимые факторы – смотри прикрепленный список – и решили, что ты лучший из всех доступных кандидатов.

– Думаю, достаточно очевидно, что меня назначили потому, что из претендентов с минимально необходимым им опытом я больше всех разделяю взгляды авантюриста.

– Ты определенно симпатизируешь ему больше, чем Мансита Яно. Насколько я помню, последняя выходка Ревутева Маварки вызвала у тебя заметную вспышку веселья.

Сити был убежден, что хочет вступить в постоянную связь с ней, еще до того, как закончился их первый совместный активный период. Она противилась этой идее вплоть до половины их следующего цикла бодрствования, но знала, что рано или поздно с кем-нибудь пару она составит. Они оба принадлежали к типу, для которого стремление сформировать постоянную связь было основополагающим. И оно только усилилось вскоре после того, как Вароса Уман и Сити приняли взаимные обязательства,

отрегулировав свои личности и устранив разрушительные убеждения.

Сити с трудом понимал Ревутева Маварку. Человек, который похитил женщину лишь для того, чтобы удовлетворить преходящее желание? И породил беспорядки, затронувшие сотни жителей?

– Через двадцать лет она не будет значить для него ничего, – сказал тогда Сити. – И он это знает.

– Он импульсивен, – отозвалась Вароса Уман. – Я не могу позволить себе забыть, что он импульсивен. Все непредсказуемо.

* * *

«Транскультура» задала все требуемые вопросы и просмотрела все предложенные документы. Эмиссар по имени Вароса Уман Деун Малинво… удовлетворяла всем критериям, говорившим, что она представляла законную государственную власть.

– Верно ли, что вы представляете доминирующую правительственную организацию своей планеты? – спросила «Транскультура».

– Я представляю единственную правительственную организацию своей планеты.

Вароса Уман установила прямой канал связи с базой «Транскультуры», созданной в чащобе Гильдина. Она оделась в пышный наряд из перьев и платины, какой носили высшие чины в период расцвета третьей Империи ТараТин; ее изображение в полный рост транслировалось во всех деталях. «Транскультура» все так же ограничивалась лишь голосом.

– Благодарю вас за эту информацию, – сказала «Транскультура».

– Обязаны ли вы ограничивать свои контакты только представителями правительства?

– Меня уполномочили устанавливать диалог с любой общностью, столь же репрезентативной, как и консорциум, от имени которого я выступаю.

– Можете ли вы предоставить нам какую-либо информацию о втором посетителе, действующем сейчас на нашей планете?

– Исследовательское сообщество «Бецино – Ресдел» в основном выступает представителем двух частных лиц. Также в него входят еще два индивидуальных участника и три мелкие организации.

– Можете ли вы что-либо рассказать о членах сообщества?

– Боюсь, меня не уполномочили распространять такую информацию в настоящее время.

– Присутствие второго посетителя от вашего общества, по всей видимости, свидетельствует о том, что у вас нет единого органа, который может говорить от лица всей вашей цивилизации. Это так?

– Я представляю доминирующее сообщество нашего мира. Мой консорциум выступает от лица всех основных политических, интеллектуальных и культурных организаций нашего мира. Меня уполномочили предоставить полный список по требованию.

* * *

«Бецино – Ресдел» создало антенну из большой горной плиты, придав ей форму блюда и покрыв его тонким слоем металла. Орбитальный аппарат проходил над антенной раз в семьдесят пять целых шесть сотых минуты и совершал обмен данными.

– Вам стоит подумать об альтернативном средстве передачи, – посоветовал Ревутев Маварка. – Я наблюдал за вашими столкновениями с другим посетителем. Вы должны быть готовы поддерживать связь с орбитальным аппаратом, если ему удастся вторгнуться на вашу базу и разрушить антенну.

– Вы считаете, что вероятность этого высока?

– Я считаю, вы должны быть подготовлены. Это мой лучший совет вам.

* * *

– Он планирует предательство, – сказал Мансита Яно. – Он сообщает, что готов передать им информацию о Послании, если мы попытаемся арестовать его.

Вароса Уман перезапустила запись и просмотрела ее сначала. Она получала записи всех диалогов между Ревутевом Маваркой и вторым посетителем, но на этот Мансита Яно обратил ее внимание сразу же, как только его перехватили.

Вопрос о вероятности «предупреждающего сообщения» Мансита Яно поднял уже на первых их совещаниях. Само Послание содержало некоторые намеки на то, что оно повергло всю цивилизацию в хаос, но большинство свидетельств этого были вырезаны из исторических разделов. История их собственного вида рисовала точную картину вплоть до момента, когда они получили Послание.

Люди никогда не узнают о миллионах умерших ради того, чтобы оставшиеся могли проживать бесчисленные циклы сна и бодрствования. Они поймут, чего это стоило, когда подсчитают своих мертвецов.

Но что случится, если посетители получат сообщение, которое предупредит их об опасностях? Возымеет ли это какой-то эффект? Проигнорируют ли они его, скатятся ли в то же дикое состояние, в котором оказались их предшественники?

Лишь вероятность того, что Ревутев Маварка может послать подобное сообщение, для Манситы Яно была достаточным поводом, чтобы прекратить «болтовню» и защитить себя.

– Мы понятия не имеем, к чему может привести такого рода предупреждение, – настаивал Мансита Яно. – Само его существование создает непредсказуемую ситуацию, способную породить бесконечные споры – бесконечное смятение! – внутри нашего собственного сообщества. Сейчас люди уже получили первые сообщения, в которых говорится о нашем существовании. Теперь каждая маленькая группа вроде этого авантюриста «Бецино – Ресдел» могла уже запустить посетителя к нам. Как нам следует относиться к ним, если мы будем знать, что это – эмиссары предупрежденного сообщества?

– Я начала работать над этим вопросом, как только просмотрела запись, – ответила Вароса Уман. – Я порекомендовала интеграторам сформировать исследовательский комитет, и мне предоставили имена десяти кандидатов.

– И когда они закончат исследование, они дадут вам единственно возможное заключение, которое дал бы кто угодно. На нашу орбиту выйдут пятьдесят посетителей, а мы все так же будем пялиться в небо и спорить о том, какой из невыгодных вариантов выбрать.

* * *

Интеграторы всегда общались со своими создателями без изображения. Интеграторы были всего лишь машинами. Никогда не стоило забывать об этом. Обычно, разговаривая с ними, Вароса Уман поворачивалась к самому большому окну и смотрела на море.

– Я думаю, вы выбрали меня из-за того, что мой характер близок характеру авантюристов, – сказала Вароса Уман. – Вы чувствовали, что я пойму авантюриста лучше, чем кто-либо с более усредненным типом личности. Это справедливое предположение?

– Вы были выбраны в соответствии с установленными критериями назначения.

– И я не могу увидеть эти критерии, потому что вы заблокировали доступ к ним.

– Это одно из правил процедуры инспектирования посещений. Доступ к этой информации блокируется до тех пор, пока кризис с посетителями не будет разрешен.

– Вы следуете изначальным правилам? Или они как-то поменялись за последние три тысячи лет?

– Изменений не было.

– Тогда почему я не могу просто поговорить с кем-то, кто помнит изначальные правила?

– Делать этого не рекомендуется. Нам пришлось бы заменить вас. Ваша работа будет более эффективна, если вы станете действовать без этой информации.

– Двенадцать процентов населения обладает чертами характера авантюриста. Это – значительное количество. Они пользуются популярностью и имеют влияние. Я не могу игнорировать их чувства. Это моя собственная структура личности помогает мне соизмерять все значимые факторы?

– Может быть. Мы всего лишь машины, инспектор. Мы в состоянии присвоить эмоциям числовые значения. Но испытывать их мы сами не способны.

Вароса Уман встала. Почти неразличимая точка высоко наверху расправила крылья и обернулась стремительной яростью, ринувшейся к морю. Вароса Уман десятикратно усилила зрение и увидела, как когтистая лапа впилась в тело морского животного, заплывшего не в те воды.

Я дам исследовательскому комитету продолжить его работу. Но я вынуждена заключить, что Мансита Яно прав. Мы не можем позволить Ревутеву Маварке передать предупреждающее сообщение. Я чувствую напряжение, которое он создает, всего лишь угрожая это сделать. Но просто арестовать его нельзя. Как и изолировать его. Кажется, что сообщество авантюристов и невелико, но, если мы предпримем такого рода действия по отношению к одной из самых популярных у них фигур, в гневе они могут стать опасны. Тем более, большинство из них пока считает поведение Ревутева Маварки безобидным обходом правил.

– Вы разработали альтернативы?

– Лучшим решением будет победа «Транскультуры». Обставленная так, чтобы она выглядела ее собственной.

Вароса Уман отвернулась от океана.

– Мне нужны два человека, разбирающихся в тактике военных

сражений. Думаю, двоих будет достаточно. Мне также понадобится обзор всех средств военного планирования, которые вы можете предоставить.

Из всех даров рога изобилия, что заключался в Послании, интеграторы стали главным способом решения конфликтов. Они владели технологиями, с помощью которых производились все чудеса Послания. Любому жителю планеты были доступны все товары и услуги, о которых только мог мечтать должным образом модифицированный безмятежный; нужно было просто попросить, никаких усилий, которые предыдущие поколения обозначали категорией «работа».

Но кто будет выбирать людей, которые станут контролировать интеграторов? Конечно же, интеграторы. Интеграторы выбирали инспекторов и исполняли приказы тех, кого сами же назначили.

Система работала. Она работала три тысячи лет. Могло ли так продолжаться вечно? Могло ли что-нибудь продолжаться вечно?

* * *

У крылатой жабы, вышедшей на контакт, размах крыльев был больше, а перья ярче, чем у существа, общавшегося с «Бецино – Ресдел». «Транскультура» поприветствовала жабу стандартным отказом.

– Я могу обмениваться информацией лишь с общностями, которые представляют значительную долю интеллектуальной и правительственной власти.

– Это дополнительный канал связи… Неофициальный контактер группы, входящей в общность, с которой уже была установлена коммуникация. Ваша программа допускает такого рода контакты?

«Транскультура» помедлила три целых шесть десятых секунды, пока просматривала файлы и оценивала данные условия.

– Откуда мне знать, что вы входите в ту общность?

– Я не могу предложить вам какие-либо доказательства. Вы должны оценить мое предложение сообразно его выгоде. Я могу предоставить вам помощь для окончательной победы в конфликте с «Бецино – Ресдел».

– Подождите, пожалуйста…. Почему вы делаете такое предложение?

– Ваш конфликт нарушает определенный баланс в нашем

обществе. В настоящий момент я не могу описать этот баланс. Но мы разделяем вашу озабоченность по поводу коммуникации между нерепрезентативными сообществами.

– Пожалуйста, продолжайте.

Инструкции Варосы Уман, данные Мансите Яно, были безупречным примером тщательно взвешенных ограничений – такие всегда раздражали ее, если она получала их сама. Делай то, не делай этого. Делай это, не делай того.

«Бецино – Ресдел» нужно нейтрализовать. Связь Ревутева Маварки с людьми необходимо разорвать. Но Мансите Яно следует устроить все так, чтобы второй посетитель был уничтожен до того, как Ревутев Маварка поймет, что происходит, до того, как у него будет время совершить какую-нибудь глупость. И все это, конечно, должно произойти без какой-либо видимой помощи от лиц, официально ответственных за посещение.

– Мы могли бы избежать всего этого, – негодовал Мансита Яно, – если бы Послание было передано сразу после того, как Ревутев Маварка вступил в контакт со вторым посетителем. Полагаю, все имеющие отношение к данному затянувшемуся решению понимают это.

– Послание передадут устройству «Транскультуры», как только будет нейтрализовано «Бецино – Ресдел».

– Вы приняли твердое решение? Нет никаких неупомянутых оговорок?

– Послание передадут, как только будет нейтрализовано «Бецино – Ресдел». Прежде всего меня беспокоит непредсказуемость людей. Мы не знаем, как они отреагируют на явное нападение на одного из их эмиссаров… пусть даже такого хаотично организованного, как «Бецино – Ресдел».

– Будь я на вашем месте, инспектор, я бы арестовал Ревутева Маварку прямо сейчас. Я сделаю все, что от меня зависит. Но он так же непредсказуем, как и наши посетители. Он не просто обаятельный плут. Его поведение – это не безобидное заигрывание с нашей рудиментарной жаждой к авантюрам.

Это было самое явное выражение чувств, которое Мансита Яно демонстрировал ей. «Будь я на вашем месте…» «Как и следовало ожидать…» «Если бы интеграторы не вмешались…» «Если бы вы могли держать под контролем свои слабости…» Но кто мог бы винить его? Она только что сообщила ему, что он обязан пройти на цыпочках по лабиринту противоречивых требований. Лабиринту, созданному той, кем, казалось, управляли ее собственные внутренние конфликты.

Они беседовали лицом к лицу в запертой комнате, где были приняты все возможные меры безопасности. Она могла бы

дотронуться ладонью до его щеки, словно Хална из империи ТараТин, предложив страйкяв, жест поддержки. Но очевидно, что это стало бы ошибкой.

– Я знаю, что это сложное задание, Мансита Яно. Я бы выполнила его сама, если бы могла. Но не могу. Так что я прошу помощи у лучшего из тех, кто в моем распоряжении. Все известное нам о Ревутеве Маварке указывает на то, что он не предпримет ничего, пока совсем не отчается. Он знает, что совершит необратимый поступок. Сделайте все, пока он еще колеблется, и, возможно, это принесет ему облегчение.

* * *

Послание необходимо было отправить. Люди, очевидно, являли собой такой же разобщенный и непредсказуемый вид, как и все другие виды, которые когда-либо посылали машины к звездам. Возможно, еще более непредсказуемый. Очевидно, у их планеты имелся большой спутник, который они могли использовать как простую стартовую площадку с более слабым гравитационным полем. Виды, способные перемещаться по собственной планетарной системе, похоже, были более разобщены, чем те, что оставались в границах одной планеты.

* * *

Мансита Яно мог передать «Транскультуре» точное местоположение «Бецино – Ресдел», но это было бы слишком очевидно. Вместо того в течение года разведчики «Транскультуры» медленно продвигались в нужном направлении. Их преследовали хищники. Ветры и штормы сдували их с курса, проложенного поисковыми моделями.

«Бецино – Ресдел» разместило базу на средних высотах горной гряды, рядом с водопадом, который предоставлял сообществу восемьдесят целых пять десятых процента своей энергии. Бьющий с высоты неистовый поток защищал базу с одной стороны, а широкая, настолько же глубоко уходившая вниз расселина – с другой. За ней землю покрывало густое сплетение ядовитых зарослей.

«Транскультура» установила три собственные базы и занялась созданием армии. Очевидно, она планировала атаку в расчлененном строю: тот вид безыскусной стратегии, к которой склонны были приспосабливаться машины. Ревутев Маварка

оценил ситуацию и решил, что с небольшим советом дружественного органического воображения «Бецино – Ресдел» сможет справиться с нападением.

– Вам не удастся остановить рост армии, – объяснил Ревутев Маварка, – но вам под силу замедлить его хорошо спланированными набегами.

Альтер Бецино проконсультировался с коллегами. Все они уже начали работать над проектами, которые их интересовали. Институт духовных исследований особенно сильно протестовал против того, чтобы перенаправлять ресурсы, задействованные в его изысканиях. «Дональд» сделал пару замечаний, которые настроили Институт на поиск доказательств того, что местное население все еще исполняло религиозные ритуалы.

Альтер, называвший себя Иваном, представлял личность, которую лучше всего описывало словосочетание «маньяк своего хобби». Оригинальный органический Иван десятилетиями изучал военные вопросы, и его альтер унаследовал порыв применить эти знания. «Бецино – Ресдел» проголосовало за то, чтобы направить на оборону пятьдесят целых семь десятых процента ресурсов. Ревутев Маварка счел религию безопасной темой. Он мог обсуждать все религиозные верования, развившиеся до Потрясения, ничего не сообщая «Бецино – Ресдел» о текущем состоянии своего общества.

Подъединицы «Бецино – Ресдел», очевидно, придерживались той же политики. Подъединица, называвшая себя Институт духовных исследований, предоставила ему обзор различных верований, возникших у людей, и Ревутев Маварка ответил таким же обзором, собранным из сотен вариантов, хранившихся в библиотеках.

Ревутев Маварка экспериментировал с религией во время двух периодов бодрствования, почти всю жизнь, по стандартам большинства сообществ, не испытывавших Потрясения. Он провел одиннадцать лет в полной изоляции от всех социальных контактов, чтобы понять, снизойдут ли на него озарения, которых достиг, по его собственным словам, Халфен Реклюзивес.

Он видел схожие модели поведения в религиях обоих видов. Духовные лидеры и того и другого мира, по всей видимости, сходились в том, что озарение и добродетель могут быть достигнуты лишь через какие-нибудь лишения.

Что касается тех, кто ищет эмоциональное возбуждение и острый вкус новизны, они, очевидно, представляют опасность для любой достойной личности, пытающейся держаться истинного пути.

* * *

Религиозные изыскания были всего лишь отвлекающим маневром, скромной попыткой приблизиться к пониманию разума тех, кто создал этих двух посетителей. Каждая секунда жизни Ревутева Маварки окрашивалась предчувствием гибели.

Он уже составил предупреждение, которое собирался передать «Бецино – Ресдел». Он мог послать сигнал в любой момент, продиктовав три слова и две цифры в переговорное устройство.

В тот момент, когда он отправит его, – в миг свершения необратимого действия – он станет величайшим предателем в истории своего вида.

Сколько веков проведет он в спячке? Позволят ли ему когда-нибудь проснуться? Или он так и будет лежать в капсуле, когда планета погибнет во взрыве, превращающем каждую обыкновенную желтую звезду в раздутого красного монстра?

Любая пища, которую он принимает… любая женщина, которую ласкает… любой пейзаж, на который смотрит… могут стать последними.

– У тебя появилась аура, Рева, – сказала самая близкая ему женщина, его наперсница.

– Она привлекает? Не хотелось бы думать, что меня окружает нечто отталкивающее.

– В ней есть своя притягательность. Неужели одно из твоих приключений смогло затронуть в тебе нечто большее, чем стремление найти способ взбодриться на время?

– Я. кажется, начал понимать тех, кто заявляет, что нет никакой разницы, живешь ли ты пятьдесят лет или миллион. Ты все равно просто вспышка жизни во Вселенной.

* * *

– Он наслаждается возможностью, – сказала Вароса Уман мужу.

– Как те, кто обдумывает самоубийство? И заканчивают период бодрствования, все еще размышляя о нем?

– Должна признать, он мог сделать это.

– Мне кажется, это будет равноценно самоубийству. Учитывая возмущение, которое его поступок вызовет у большинства.

– Нам придется назначить ему самое суровое из наказаний, которое потребует общественность… все что угодно, чтобы восстановить спокойствие.

– Любовь моя, ты защищаешь его от его же собственных порывов. Ты не должна забывать это. Ты не просто защищаешь нас. Ты защищаешь его.

* * *

Это был всего лишь вопрос арифметики. Очевидно, что «Транскультура» создавала силы, способные сокрушить оборону «Бецино – Ресдел». Настанет момент, и под ее командой будет полчище, которое сможет пересечь расселину и прогрызть себе путь сквозь ядовитую преграду лишь за счет численного превосходства. Совершая набеги на воспроизводящиеся лагеря «Транскультуры» и наращивая собственные оборонительные силы, стянутые к естественной преграде, «Бецино – Ресдел» могло отсрочить этот день. Однако рано или поздно превосходящие ресурсы «Транскультуры» возьмут верх, как бы ни старалось «Бецино – Ресдел».

Член сообщества «Бецино – Ресдел», увлекавшийся военным делом, произвел вычисления.

– Они достигнут необходимого для победы уровня через восемь целых семь десятых земного года, – сообщил Иван коллегам. – Плюс-минус три земных года. Мы можем увеличить этот срок на две целые семь десятых земных года, если количество ресурсов, направленных на оборону, возрастет до шестидесяти процентов.

Альтер Бецино проголосовал за то. чтобы сохранить текущий уровень ресурсов, и другие члены сообщества согласились. При этом спонсоры альтеров в Солнечной системе продолжили бы получать отчеты об интересовавших их исследованиях.

Ревутев Маварка рассмотрел концепцию «Бецино – Ресдел» и прогнал ее через две процедуры военного планирования, которые нашел в библиотеках. Восемь целых семь десятых земного года соответствовали шести оборотам по орбите его собственной планеты. Он мог еще ненадолго отсрочить свою гибель.

– Мы собираемся установить несколько скрытых устройств в перспективных местах, – сказало ему «Бецино – Ресдел». – Устройства попытаются основать новые базы, когда эта будет уничтожена. Наши вычисления показывают, что «Транскультура» способна разрушить любую базу, которую обнаружит, до того как база разовьется до безопасного уровня, но вычисления включают в себя переменные с широким диапазоном. Непредсказуемые вероятности все могут изменить. Если непредсказуемые вероятности и переменные сработают в нашу пользу, мы выйдем с

вами на повторный контакт и установим новую обороняемую базу.

– Буду с нетерпением ждать новостей от вас, – ответил Ревутев Маварка.

Они были всего лишь машинами. Они не могли обманывать себя, рассчитывая, что невыполнимый план удастся.

* * *

Погода следовала предсказуемым моделям во всех уголках планеты. Так устроили безмятежные. Для граждан, которым нравилось тепло, подходили города, где температура оставалась в пределах удобных и приятных для жителей величин. Те, кто получал удовольствие от смены времен года, могли обосноваться там, где чередование сезонов совершалось в ритме настолько регулярном, что он никогда не сбивался больше, чем на три дня.

Но ни одна система не способна достичь идеальной предсказуемости в планетарном масштабе. Были места, где смыкались три-четыре метеорологические зоны и незначительные колебания могли привести к внезапным сдвигам. Ревутев Маварка выбрал для жизни город в регионе, известном тем, что погода там впадала из крайности в крайность.

Одним из любимых его погодных сюрпризов были внезапные сильные снегопады. Вы могли сидеть в уличном кафе: одежда легкая, перья тех, кто пришел с вами, блестят на солнце. И через минуту вы уже тащитесь по колено в снегу туда, где эти же перья будут отражать мягкий свет огромного камина.

Ревутев Маварка только что сел за стол в паре шагов от такого камина и начал петь с шестью друзьями снежную песню. Внезапно его внимание отвлекло переговорное устройство.

– Приоритетное сообщение. Ваши наблюдатели фиксируют движение категории один.

Он вцепился руками в край стола. Опустил голову и перевел систему в режим мысленной речи. Женщина напротив поймала его взгляд, и он постарался притвориться, что сообщение доставляет ему большее удовольствие.

Категория один означала движение по направлению к базе «Бецино – Ресдел» – атака в расчлененном строю.

«Сколько наблюдателей видят это?»

«Семь».

«Скольким критериям отвечает наблюдаемое»?

«Всем».

Как только он вышел на улицу, одежда начала подогреваться.

Он ступал по хрустящему снегу, купаясь в прекрасно знакомом, успокаивающем чувстве, будто в этом холодном пейзаже сам он был внутри теплого кокона. Прошло всего лишь три с половиной года с тех пор, как «Транскультура» начала наращивать силы. Как она могла атаковать сейчас? С третью необходимых ей ресурсов?

«Предупреждено ли „Бецино – Ресдел“? Готовятся ли они к обороне?»

«Да».

По пути домой он активировал свою проекционную площадку и отдал ей распоряжения. Когда он усаживался в просмотровое кресло, площадка показывала ему вид с воздуха. Большая часть растительности уже была уничтожена, и только в месте расположения базы деревья еще сохранили листву.

Чтобы легче ориентироваться, дисплей окрасил силы «Транскультуры» в белый. Защитники «Бецино – Ресдел» мерцали медным. Белые отметки текли к базе тремя ясно различимыми потоками. Они сходились, без лишних слов и затей, на одной стороне расселины. На полосе в верхней части экрана обозначалось, что в каждом потоке было от четырех до шести тысяч животных. «Транскультура» атаковала силами, полностью соответствовавшими его оценкам, силами, которые не могли бы пробиться через выстроенную «Бецино – Ресдел» оборону.

Существовало лишь одно объяснение. «Транкультуре» кто-то должен был помогать.

– Позиция. Орбитальное устройство «Бецино – Ресдел». Вывести.

На дисплей выскочила диаграмма. «Транскультура» начала атаку сразу после того, как орбитальный аппарат прошел над базой.

Антенна, встроенная в скалистый обрыв, не могла поворачиваться. Связь между базой и орбитальным аппаратом можно было установить, только когда он пролетал практически прямо над ней. «Транскультура» – и ее неизвестные союзники – рассчитала нападение так, что Ревутев Маварка не мог послать предупреждающее сообщение, пока орбитальный аппарат не завершит путь вокруг планеты.

Конечно, оставался вариант передать сообщение прямо сейчас. «Бенино – Ресдел» сохранило бы предупреждение и ретранслировало бы его в следующий проход орбитального аппарата. Но в тот момент, когда Ревутев Маварка отдал бы этот приказ, изменилась бы вся ситуация. Не успел бы он сделать и трех шагов к двери, как полиция опечатала бы его квартиру.

До сих пор он балансировал на грани, как и большая часть авантюристов. Записи покажут, что он ограничивал контакты с

«Бецино – Ресдел» и обменивался безобидной информацией. Он мог даже убедить, что собирал полезные сведения о посетителях и их устройствах.

* * *

– Вы рассматривали вариант изолировать его? – спросил Мансита Яно. – Это может быть разумной предосторожностью, учитывая оказываемое на него давление.

Вароса Уман делила с Сити длинную трапезу второй половины дня и лениво размышляла о маленьких, простых удовольствиях, которые могли бы последовать за ней. А потом оказалось, что Вароса Уман сидит перед демонстрационной площадкой, которую целиком заполняют изображение битвы и лица ее самых доверенных помощников и Манситы Яно.

Она могла обрезать электронные каналы связи Ревутева Маварки в любой момент, когда только пожелает. Но это был бы открытый шаг. В глазах некоторых – более радикальный, чем физический арест.

– Он эмоциональная, нестабильная личность, столкнувшаяся с серьезной проблемой, – не отступал Мансита Яно. – Он способен послать предупреждение в любую минуту. Если они смогут ретранслировать предупреждение в резервную систему, которую им удалось настроить, прежде чем вы их остановите…

– Он знает, что мы с ним сделаем, если он передаст предупреждение, – ответила Вароса Уман. – У него есть все основания считать, что «Транскультура» допустила грубую ошибку и атака провалится.

– Он эмоциональная, непредсказуемая личность, инспектор. Прошу прощения, что начинаю повторяться, но некоторые факты нельзя недооценивать.

Сити сидел справа от нее, вне поля зрения камеры. Она взглянула на него, он опустил чашку и скрестил запястья перед лицом, как будто защищался от удара.

Мансита Яно внес свой совет в протокол. Если его договор с «Транскультурой» потерпит неудачу – в чем бы ни заключался этот договор, – он смог себя обезопасить.

* * *

– Эта атака окончится поражением, – сказало «Бецино – Ресдел». – Мы провели повторный анализ. Нападение может быть

успешным, только если тут присутствуют некоторые неизвестные нам элементы.

– Я пришел к такому же заключению, – согласился Ревутев Маварка.

– Мы придерживаемся нашего оборонного плана. Мы не вносили никаких изменений. Нам хотелось бы получить больше информации, если она у вас есть.

Тактическая диаграмма плавала поверх картинки с атакующими полчищами. Большинство оборонительных сил «Бецино – Ресдел» было сконцентрировано позади ядовитой преграды, там. куда, видимо, и направлялась атака. Небольшой мобильный резерв размещался в центре базы.

– Я предлагаю вам сконцентрировать мобильный резерв вокруг антенны.

– Почему вы советуете так поступить?

– Я уверен, что антенна – их основная цель. Они попытаются разрушить вашу связь с орбитальным аппаратом, если прорвутся через заросли.

– Почему антенна должна быть их основной целью? Согласно нашим планам, их основной целью будет наша энергетическая сеть и главные процессоры.

– Сможете ли вы защититься, если потеряете контакт с орбитальным аппаратом?

– Да.

«Бецино – Ресдел» помедлило, прежде чем ответить. Это была короткая пауза – почти неразличимое колебание по стандартам органических существ, – но разум Ревутева Маварки научился распознавать кратковременные сигналы машины.

Ревутев Маварка считал, что действиями «Бецино – Ресдел» все еще управлял орбитальный аппарат. Он предположил, что модуль на базе передал данные и получил инструкции, когда орбитальный аппарат проходил над ним. Вначале так. скорее всего, и случилось. А уже сейчас «Бецино – Ресдел» могло полностью скопировать себя на поверхность планеты. Эти копии тогда стали бы основными, а копии орбитального аппарата – резервными.

– Вы полагаете, что, если они разрушат антенну, но вы остановите атаку, вы сможете продолжать операции на поверхности? И сможете построить затем новую антенну?

– …да.

– Что, если это не сработает? Есть ли вероятность, что ваш противник наберет силы и разрушит новую антенну до того, как вы ее закончите?

– Почему вы придаете такое значение антенне? Вы

располагаете некой информацией, которой у нас нет?

«У меня есть важное сообщение, которое я хочу передать на вашу родную планету. От него может зависеть будущее всего вашего вида».

– Я подумал о тех, кто послал вас. Ваши исследования не будут иметь для них особой ценности, если вы не сможете поддерживать связь со своим орбитальным аппаратом.

– Наша первоочередная задача – сохранение базы на поверхности планеты. Наши расчеты показывают, что мы можем держаться бесконечно и в конце концов сумеем восстановить контакт с орбитальным аппаратом. Есть ли у вас информация, согласно которой нам нужно сменить приоритеты?

Ревутев Маварка чуть запрокинул голову. Он прижал руки к густым, намеренно небрежно выстриженным перьям, украшавшим его лицо по бокам.

Как всегда, он общался с посетителем только с помощью голосового канала. Ему не нужно было скрывать эмоции за расслабленной маской, какую являли миру безмятежные.

– Я дал вам лучший совет, который мог на данный момент. Я рекомендую вам сделать главным приоритетом антенну.

* * *

– Он по-прежнему борется с собственными конфликтами, – проговорила Вароса Уман. – Он мог бы привести им более веский аргумент.

Она снова обернулась к Сити. Она все так же слышала увещевания своих помощников, но собственную голосовую передачу отключила.

– Мансита Яно сказал бы, наверное, что он видит двух личностей, которые борются с внутренними конфликтами, – ответил ей Сити.

Дисплей Варосы Уман скопировал цветовую схему дисплея Ревутева Маварки. Белые отметки достигли пологого склона перед расселиной. Три колонны сливались в одну массу. Крылатые создания над ними сражались за превосходство в воздухе.

– Похоже, они начали последний штурм, – сказал Сити. – Не знаешь случайно, что за устрашающие воины обозначены белыми отметками?

– Кажется, это орды маленьких четырехлапых уроженцев родной планеты посетителя. Они очень быстро размножаются. У них острые зубы и когти.

– И они будут прогрызать себе путь через заросли? Где каждый укус означает смерть?

– По всей видимости, план таков.

* * *

Ревутев Маварка подошел к экрану и обвел рукой область, покрытую белыми отметками.

– Вычисления. Оценить число организмов, обозначенных белыми маркерами.

Вверху экрана появились цифры. Полчища, мчавшиеся по склону, по максимальным оценкам, насчитывали шесть тысяч четыреста животных.

Три колонны слились в одну плотную массу. Он осознавал всю силу атаки. Оценка, похоже, была верна.

Он активировал соединение с «Бецино – Ресдел».

– По моим вычислениям, атакующие силы состоят из шести тысяч четырехсот единиц. Это соответствует вашим оценкам?

– Да.

– Ваши расчеты по-прежнему показывают, что атака провалится?

– Четыре тысячи погибнут, прогрызая путь через заросли. Остальные будут сметены нашими оборонными силами.

Машины оставались всего лишь машинами. Воображение требовало сознания, разума, имеющего представление о своих сильных и слабых сторонах. Разума авантюриста. Но они обсуждали простые вычисления. «Транскультура» должна была понимать, что ее нападению никак не увенчаться успехом.

– Можете ли вы предположить, по какой причине «Транскультура» начала атаку сейчас? – спросил Ревутев Маварка. – Есть ли какие-то факторы, о которых вы мне не сообщили?

– Мы изучили все релевантные факторы, хранящиеся в наших библиотеках. Мы зафиксировали лишь одну аномалию. Они наступают более широким фронтом, чем рекомендует модель. Знаете ли вы причину, заставившую их действовать так?

– Насколько шире фронт?

– Больше чем на треть.

– Есть ли у них военные программы, сравнимые с вашими?

– Мы не делали никаких предположений о природе их военных программ.

Ревутев Маварка пристально смотрел на дисплей. Легче ли было бы победить нападавших, если бы они наступали рассеянно?

Стали бы они более уязвимыми, если бы сплотились в одну массу? Должна существовать некая оптимальная комбинация ширины и плотности. Мог ли он быть уверен в том, что военные программы «Бецино – Ресдел» произвели точные вычисления?

Насколько существенную тайную помощь получила «Транскультура»?

– Один из членов нашего сообщества все еще хочет знать, почему вы считаете, что мы должны сделать приоритетом антенну, – сказало «Бецино – Ресдел». – Она настаивает, чтобы мы спросили вас еще раз.

Первые белые отметки спрыгнули в расселину. Лапы гребли под водой. Защитники «Бецино – Ресдел» растянулись за естественным препятствием, чтобы перекрыть расширившуюся линию атаки.

«Немедленно передайте это сообщение на свою родную планету. Послание, которое вы получите от нашей цивилизации, – опасная ловушка. Оно содержит объединенные знания двадцати трех цивилизаций, переведенные на языки, которые вы нам предоставили. Оно дарует вам небывалое благополучие, жизнь без смерти, вечность комфорта и праздности. Но это лишь обещание. Когда вы впитаете его дары, оно отбросит всю вашу цивилизацию в хаос. Вы можете не пережить его. Особенно опасно освобождение от смерти. Послание – не дружественный акт. Мы отправляем его вам по тем же причинам, по каким его передали нам. Чтобы защитить себя. Защитить себя от разрушений, которые вызовете вы, если мы сохраним с вами связь».

Это был намеренно короткий предварительный предупреждающий сигнал. Полный текст появится в их базах данных в мгновение ока после того, как он мысленно произнесет код, активирующий передачу. Отправка дополнительных подробностей с визуальными деталями Потрясения займет еще пару секунд.

Инициирующий код состоял из двух коротких чисел и трех несвязанных слов из трех различных мертвых языков: комбинация, которую невозможно спутать ни с чем другим, что он мог бы произнести.

Поверят ли они ему? А те, кто получит это сообщение на родине человечества, воспримут ли они его всерьез? Ведь придет оно от устройства, собранного группой, по-видимому, столь же маргинальной и непредставительной, как и чудак, выславший предупреждение.

Некоторые из них, вероятно, не воспримут. Некоторые, вероятно, поверят. Имело ли это значение? В ситуации появится нечто непредсказуемое, нечто, с чем придется столкнуться Варосе

Уман и интеграторам, и они будут знать: что бы они ни делали, они рискуют и борются с неизвестностью.

Животные в передовых рядах достигли живой изгороди. Белые точки покрыли участок расселины от края до края. Зубы впивались в отравленные стебли.

Живая изгородь дрогнула. Часть ее затрепетала перед атаковавшими, как будто под порывом внезапного ветра. Стена пыли поднялась в воздух.

* * *

Если бы Вароса Уман смогла признать, что поняла, кому они обязаны успехом, то немедленно рассыпалась бы в похвалах Мансите Яно. Она осознала, что он сделал, как только увидела, как живую изгородь сровняли с землей.

Не было никаких доказательств того, что они помогли «Транскультуре». Отдельные личности могли подозревать это, но официальная версия будет достаточно правдоподобна. «Транскультура» каким-то образом сумела подкопать землю под живой изгородью. Взрыв разрушил туннели в самый подходящий момент, и защитников удалось застать врасплох.

Атакующим силам все еще оставалось преодолеть остатки изгороди, но они явно были готовы к этому. Первая шеренга погибла, и следующая прошла по ней. Ряд за рядом, тело за телом – животные расширяли ковер в просеке. Большинство из них переберется на ту сторону. Защитников «Бецино – Ресдел» задавят численным превосходством.

* * *

«Транскультура» не могла сделать подкоп. У них не хватило бы ресурсов, чтобы вырыть его, пока они готовились к атаке. Ревутев Маварка был способен доказать это. Но поверит ли ему кто-нибудь?

Первые белые точки пересекли расселину. Передние ряды нападающих и защитников вцепились друг в друга зубами и когтями. Летучие твари сражались в пыли над взрывом.

Белые точки начали проникать сквозь медную массу. Мобильный резерв отступил к установкам, хранившим главные процессоры «Бецино – Ресдел».

Белая колонна появилась из зарослей на правом фланге – ближайшем к антенне. Она развернулась к ней и начала набирать

скорость.

– Защищайте антенну. Вы должны защищать антенну.

– Что вы скрываете от нас? Вы должны дать больше информации. Что происходит? «Транскультура» не могла сделать этот подкоп. У них не было ресурсов.

Ревутев Маварка неотрывно смотрел на белые точки, несущиеся к антенне. Мог ли резерв «Бецино – Ресдел» добраться туда вовремя, ответь они на его просьбу? Изменилось бы что-нибудь от этого?

Антенна была обречена. Лучшая защита, какую они смогут организовать, при самом благоприятном исходе лишь немного продлит неопределенность его судьбы.

Два числа.

Три слова.

Сигнал.

* * *

– Вы должны уничтожить антенну, – потребовал Мансита Яно. – Он предоставил все поводы, которые были вам нужны.

Вароса Уман уже отдала приказ. Она привела ракету в состояние готовности, едва «Транскультура» начала атаку. Ревутев Маварка совершил непростительный поступок. Она могла пойти на любые меры, которые считала необходимыми.

Ракета поднялась из установки, размещенной Варосой Уман на острове в озере. Полиция приближалась к квартире Ревутева Маварки. Изображение на экране его проекционной площадки исчезло. Глушилки и переключатели обрезали все связи, соединявшие его с внешним миром.

* * *

Три члена сообщества «Бецино – Ресдел» проголосовали за то, чтобы передать сообщение Дональда сразу. Иван подводил под свои доводы о немедленной передаче безупречное военное основание. Дональд говорил им, что они должны защищать антенну. Он явно передал им сообщение, поскольку считал, что антенна вот-вот будет уничтожена. Поэтому они должны исходить из того, что антенна вот-вот будет уничтожена. Оценить сообщение они смогут и позже.

Альтер Бецино возражал. Могут ли они доверять Дональду? Достаточно ли у них информации?

Они спорили одиннадцать целых семь десятых секунды. На восьмой десятой двенадцатой секунды они перенаправили сообщение своему резервному передатчику. Через одиннадцать целых девять десятых секунды ракета Варосы Уман вдребезги разбила поверхность антенны и расплавила большую часть металлического покрытия.

* * *

Вароса Уман искала альтернативный передатчик с тех пор, как Ревутев Маварка велел «Бецино – Ресдел» сделать его. Не существовало способа прятать его вечно. Там, на линии маршрута, которым орбитальный аппарат проходил над поверхностью планеты, должна была располагаться вторая антенна.

Но устройство это не могло обнаружить себя, не будучи активированным. Вероятно, оно останется в спящем режиме до момента передачи: незначительного количества энергии в нем, скорее всего, хватило бы всего на один импульс.

– Нейтрализуйте их орбитальный аппарат, – предложил Мансита Яно. – Изолируйте его.

Вароса Уман проверила движение орбитального аппарата «Бецино – Ресдел». Он прошел больше половины своего пути по орбите.

– А что будет, когда мы передадим «Транскультуре» Послание? – спросила Вароса Уман. – После того как мы совершили откровенно враждебное действие?

– Вы уже совершили откровенно враждебное действие. «Транскультура» знает, что у моего эмиссара была некоторая официальная тайная поддержка. Почему вы медлите, инспектор? Что с вами не так?

* * *

Машины, может, и были лишены воображения, но они действовали основательно. Иван спроектировал резервный канал передачи и встроил столько дублирующих систем, сколько смог выжать из тех ресурсов, которые предоставили ему коллеги. Едва получив с базы последнее сообщение, три хорошо замаскированных высокоскоростных летательных аппарата устремились в трех различных направлениях. Один остановился в двенадцати километрах от точки вылета и ретранслировал

сообщение передатчику, встроенному в самое высокое дерево на небольшом холме. Биохимические процессы дерева обеспечивали питание передатчика в течение трех лет. Передатчик сконцентрировал всю накопленную энергию в единственный сигнал, направленный на крылатого падальщика, кружившего над травянистым холмом.

Программа слежения Варосы Уман заметила парящего падальщика и внесла его в файл, где хранилось еще несколько сотен заинтересовавших ее объектов. Программа перехватила сигнал, как только падальщик передал его, и сузила область, в которой ее зонды выполняли поисковые задачи. Летающее устройство, напоминавшее земную сову, пожертвовало собой, врезавшись в спрятанную антенну за полсекунды до того, как сигнал дошел до нее.

Два других высокоскоростных летательных аппарата устремились на север и на юг вдоль траектории орбитального аппарата. Трансляторы направили свою первую и последнюю передачу и навсегда замолкли.

Антенна, расположенная вдоль северной части траектории, не выдержала самоубийства двух чуть более быстрых модернизированных версий совы-смертницы. Третья антенна связалась с орбитальным аппаратом, пока маленький шар мчался сквозь густой лес. Она исполнила свое предназначение за двадцать секунд до того, как наведенная ракета расплескала коррозионную жидкость по электронному покрытию, которое антенна оставила на своем покинутом месте обитания.

* * *

Ревутев Маварка шел в анабиозную капсулу, будто на смерть. Он попрощался с самыми близкими друзьями. Заполнил камеру, где его держали под стражей, изображениями любимых пейзажей и событий. Он смог даже организовать особый ужин и съел его с четко осознаваемым удовольствием, прежде чем они опустошили его желудок.

Единственное, что ему не удалось сделать, так это произнести последнее слово на публике. Личное сообщение Варосы Уман пресекло это его намерение. «Не тратьте время», – сказала инспектор ситуации, и он принял ее совет с меланхоличным смирением того, кто понимал, что его сознательная жизнь измеряется не веками, но ударами сердца.

Четверо вооруженных конвоиров препроводили его к капсуле. Последний укол страха пробил брешь в его самообладании, когда

Ревутев Маварка почувствовал, как шприц коснулся его обнаженного плеча.

Крышка капсулы сдвинулась назад. Вароса Уман смотрела на него сверху вниз. Техники убирали патрубки, соединявшие его с системой поддержки жизнедеятельности.

– Прошу простить нашу поспешность, – сказала Вароса Уман. – Никакого непоправимого урона не будет.

* * *

Окна в комнате отсутствовали. Единственным украшением была панорама улицы, заполнившая стену прямо перед ним. Он все еще лежал на больничной каталке, на которой его провезли по лабиринтам коридоров и прокатили на лифте, но помощники Варосы Уман подняли верхнюю часть его тела и сумели одеть его в большой янтарного цвета халат, прежде чем вышли из комнаты.

– Вы все еще контролируете посещения, инспектор?

– Интеграторы не уступят, – ответила Вароса Уман. – Управляющие продолжают ограничивать мои полномочия, но они не могут избавиться от меня.

Он проспал сто три года. Он спросил ее об этом, как только понял, что просыпается, и она передала ему информацию, пока техники работали с трубками и проводами, которые соединяли его с каталкой.

– Большую часть последних десяти лет я провела, пытаясь убедить инспекторов позволить мне разбудить вас, – сказала Вароса Уман. – Я вытащила вас оттуда, как только получила разрешение.

– Пока они не передумали?

Рядом с каталкой стоял стол с графином и тарелкой, полной пищевых дисков. Он потянулся за диском, и она ждала, пока он положил его в рот и с наслаждением начал жевать.

– Вы чего-то хотите от меня, – понял он.

– Базы обоих посетителей все еще расположены на третьем спутнике Видиала… вместе с резервными копиями всех их подъединиц. Я хочу связаться с ними и сделать предложение. Мы попытаемся провести их вид через Потрясение… попытаемся помочь им принять меры для снижения потерь. Эта идея появилась у меня давно. У меня была исследовательская группа, изучавшая ее. Но я споткнулась о шаблон, который все мы встроили в собственные реакции.

Мужчины, прогуливавшиеся по городу, носили цилиндры и длинные посохи: мода, с которой Ревутеву Маварке не

приходилось сталкиваться никогда за все прожитые им тысячелетия.

Сто три года…

– Нам есть что сказать им, – продолжила Вароса Уман. – Мы можем положить конец циклу нападений и изоляции, в ловушку которого, кажется, попали все цивилизации в нашей части галактики.

– Вы поднимаете очевидный вопрос, инспектор.

– Я хочу, чтобы вы присоединились ко мне, когда я обращусь к посетителям. Мне нужна поддержка сообщества авантюристов.

– И вы думаете, они пойдут за мной?

– Некоторые пойдут. Часть из них ненавидят вас так же, как вас ненавидят почти все безмятежные. Но для сорока процентов авантюристов вы герой. И данные свидетельствуют о том, что большую часть остальных тоже можно будет привлечь на нашу сторону.

Он поднял руки, как будто выступал перед аудиторией. Трубки свешивались с его запястий.

– Безмятежные и авантюристы объединятся в великом союзе! И выступят перед людьми как сплоченный вид!

– Я не смогу предстать перед человечеством единым фронтом, даже если к нам присоединятся все авантюристы на планете. Мы больше не объединенный вид. Мы перестали им быть, когда вы послали предупреждение.

– Вы сказали, что интеграторы по-прежнему вас поддерживают.

– Против них произошло восстание. Мансита Яно отказался принимать их решение оставить меня ответственной за посещение.

– Мы воюем? У нас началось новое Потрясение?

– Никто не умер. Пока. Сотни людей по обе стороны силой погрузили в сон. Некоторыми городами полностью управляют сторонники Манситы Яно. В обществе серьезный раскол… Настолько серьезный, что он может отбросить нас в новое Потрясение, если мы не сделаем что-нибудь, пока из человеческой системы не прибыли еще посетители. Если мы предложим и человечество примет это предложение… Я думаю, большинство нашего населения поддержит эту идею.

– Но вы чувствуете, что вам нужна поддержка сообщества авантюристов?

– Да.

Мужчины на изображении постукивали посохами, когда останавливались поговорить. Ленты, свисавшие с концов посохов, были подобраны в цвет их лицевых перьев.

– Это само по себе рискованно, инспектор. С чего бы безмятежным объединять усилия с толпой безответственных любителей риска? С чего бы кому-то следовать за мной? Они потеряли все, что имели, когда я отправил предупреждение.

– Вы себя недооцениваете. Вы мощная фигура. Я потеряю некоторых безмятежных, но все прогнозы указывают, что взамен я получу расположение большинства авантюристов. Может, почти для всех безмятежных вы выглядите безответственным инноватором, но огромное множество представителей вашего собственного народа считает, что этот инноватор хотел направить треть галактики на новый курс.

– А как считаете вы, Вароса Уман?

– Я считаю, что вы вмешались в чужие дела, не думая о последствиях. И, может быть, открыли новую перспективу. И подвергли опасности весь наш вид.

– А если я не стану помогать вам в вашем великом предприятии, меня запихнут в коробку.

– Я хочу вашего добровольного сотрудничества. Я хочу, чтобы вы сплотили ваше сообщество вокруг грандиознейшего приключения в истории нашего вида… Это станет окончательным доказательством того, что нам нужно население с вашим типом организации личности.

– Вы хотите превратить назойливого любителя шальных выходок в пророка?

– Да.

– Спичрайтеры? Советники? Специалисты по презентации?

– Вы получите все лучшее, что у нас есть. В комнате рядом переговорное устройство. Я хочу, чтобы вы посмотрели обзор, который введет вас в курс дела. Затем мы отправим Послание одновременно обоим посетителям.

– Вы действуете очень быстро. Боитесь, что кто-нибудь остановит вас?

– Я хочу представить все население планеты – и наших противников, и наших сторонников – одним свершенным действием. Точно так же, как это сделали вы.

– Они могут отвернуться от вас точно так же, как отвернулись от меня. Есть вероятность того, что бунт против интеграторов усилится. И возможно, человечество откажется от вашего предложения.

– Мы проанализировали вероятности. Можно сидеть здесь, позволив событиям идти своим чередом, или выбрать лучший из списка плохих вариантов и заставить его работать.

– Вы по-прежнему ведете себя как игрок. Вы уверены, что вас классифицировали верно?

– Вы рискуете, потому что вам это нравится. Я рискую, потому что вынуждена.

– Но вы хотите этого. Вы не из тех, кто машинально придерживается стандартного курса.

– Поможете ли вы мне, Ревутев Маварка? Встанете ли рядом со мной в момент принятия одного из самых смелых решений в истории разума?

– В истории разума, инспектор?

– Но ведь так и есть? Мы разрушим цепочку самоизоляции разумных видов… цепочку, тянувшуюся через нашу часть галактики сотни тысячелетий.

Он взял еще один пищевой диск. Это было нечто пресное, почти безвкусное, но оно дополняло питательные вещества, поступавшие через каталку, теми, которые активировали его пищеварительную систему. Если задуматься, именно такую еду хотели бы получить самые радикально настроенные безмятежные после периода спячки.

– Ну, раз вы так говорите…

Иэн Маклауд
Холодный шаг вовне

Британский писатель Иэн Р. Маклауд – один из самых востребованных авторов девяностых, опубликовавший огромное количество сильных рассказов в журналах «Interzone», «Asimov's Science Fiction», «Weird Tales», «Amazing», «The Magazine of Fantasy & Science Fiction» и других. В течение первого десятилетия нового века его работы становились все более глубокими и зрелыми. Большая часть рассказов была опубликована в сборниках «Полеты в свете звезд» («Voyages by Starlight»), «Дыхание мха и прочие испарения магии прошлого» («Breathmoss and Other Exhalations Past Magic») и «Путешествия» («Journeys»). Первый роман «Великое колесо» («The Great Wheel») вышел в 1997 году. В 1999-м автор получил «Всемирную премию фэнтези» за повесть «Летние острова» («The Summer Isles»), в 2000 году ему еще раз вручили эту премию за повесть «Рубака» («The Chop Girl»). В 2003 году Маклауд опубликовал первый роман в жанре фэнтези «Эра света» («The Light Ages»), который приобрел наибольшую известность среди критиков и читателей. Чуть позже, в 2005 году, вышло продолжение «Дом штормов» («The House of Storms») и «Песня времени» («Song of Time»), последний роман был удостоен сразу двух премий – премии Артура Ч. Кларка и мемориальной премии Джона Кэмпбелла. Недавно вышел новый роман автора «Проснуться и видеть сны» («Wake Up and Dream»). Маклауд вместе с семьей живет в Уэст-Мидлендс в Англии.

В рассказе, опубликованном в этой антологии, Иэн Маклауд уводит нас в такие дали, где, по словам Артура Ч. Кларка, существуют настолько развитые технологии, что их невозможно отличить от магии; он позволяет нам углубиться в печальную судьбу женщины-воина, созданной биоинженерами. Ее отправили сражаться с чудовищем, но в результате она узнает, что является совсем не тем, кем себя считала.

По лужайке безымянного леса в отдаленной части великого города-острова Гезира[80] перемещалась фигура. Порой, описывая мечом сверкающие дуги, она двигалась бесшумно. Порой издавала ужасающие вопли. Стоял самый полдень разгара лета, и деревья и трава на поляне так и блестели. Фигура тоже блестела. Постичь систему ее движений было весьма затруднительно. Порой она оказывалась здесь. Порой там. Между появлениями она словно исчезала. Когда же фигура наконец остановилась, опустив в сторону меч и поникнув головой, стало ясно, что это не

совсем человек и что существо это утомлено и разгорячено.

Бесс из Церкви Воительниц присела на корточки. По ее латам – покрытым зелеными пятнами, дабы сливаться с местностью, – обильно струился пот. Руки-ноги ныли от боли. Голова гудела под тяжелым покровом из хитина и металла. Она оглядела окружающий ее изгиб леса, не появится ли оттуда что-нибудь. Бесс находилась здесь вот уже многие недели – вполне достаточно, чтобы вновь отросла трава на выжженном участке под коляской, доставившей ее сюда, а ее опоры и проржавевшее днище утонули в кровоцветках.

Она бросила взгляд поверх Гезиры, изгибавшегося под отраженным блеском Сабила[81]. Там, уходя на восток и в отдалении забирая вверх, нависали безмятежные коричневые пятна фермерских островов Безветрия. В другой стороне блестела сизая дамба Плавающего океана. А немного поближе, вырисовываясь в размытой дымке над лесом, лежал легендарный Остров Мертвых. Но она знала, что ни в одно из этих мест ее не вызовут. Интеллекты церкви направили ее на эту поляну. И пока не объявится ее враг – неважно, в каком обличим или форме, – пока не настанет момент убийства, все, что ей оставалось делать, – это тренироваться. И ждать.

Меж тем что-то говорило ей, что она уже не одна. Пальцы ее вновь сомкнулись на эфесе меча. Бесс раскрыла сознание и высвободила чувства. В сумраке кромки леса что-то двигалось, маленькое и быстрое. Двигалось осторожно, но хищнически. Если бы у нее на затылке остались волоски, то непременно встали бы дыбом. И еще она задрожала бы, если бы в послушничестве не усвоила, что напряжение является частью энергии убийства и потому должно быть заново полностью поглощено.

Медленно и, по видимости, как никогда устало Бесс выпрямилась в блеске залитых потом лат. Она даже позволила себе покачнуться. Усталость была неподдельной, и потому изображать ее оказалось нетрудно. К тому времени она уже точно знала, что из-за кромки леса за ней наблюдают.

Лезвие меча сверкнуло словно за крохотную часть мига до самого движения. Потом еще раз. Бесс скользила по безмятежному лугу будто кубом с выступом сбоку. Вот она там. И вот уже нет. Она оказалась под деревьями, быть может, через какие-то полсекунды после того, как поднялась с корточек. В вихре от последнего взмаха меча опускались три срезанных листочка, и перед ней вжималось в землю маленькое двуногое существо. Еще оно выглядело юным, принадлежало, скорее всего, к человеческому роду и, вероятно, было женского пола, хотя из одежды носило лишь грязный лоскут, обернутый вокруг бедер.

Отнюдь не походило на того неприятеля, которого Бесс так ждала, дабы наконец-то закончилось дежурство. Какая-то дикая лесная крыса. Однако при ее появлении и не подумала скрыться в зеленой тьме, даже теперь, когда три листочка достигли земли. Существо держало с некоторым подобием угрозы небольшой, но древний лучевой пистолет. Он был действующим. До Бесс доносилось размеренное гудение его батареи.

– Если попытаешься выстрелить из этой штуки… – объявила она, придав голосу как можно больше властности. – то умрешь. – Конец фразы она буквально прогрохотала.

– А если нет? – Маленькое существо отступило, но все еще помахивало пушкой. – Может, я в любом случае умру а? Ты воительница, и убийство – это все, что ты умеешь.

Лицо Бесс – по крайней мере, та его небольшая часть, что виднелась из-под панцирной маски, – дрогнуло. Впервые покинув чугунные стены церкви и двинувшись в своей коляске через Гезиру три маулида[82] назад, она обнаружила, что не имеющие отношения к ее ремеслу чаще всего держат воительниц едва ли не за бесчувственных вестников смерти. По существу, немногим лучше тех чудовищ, которых их обучают убивать. Не говоря уж о шепотках за спиной о прокисшем молоке, разбитых зеркалах да рожденных уродцах. Или о насмешках, проклятиях, брошенных предметах…

– Я опущу пушку, если ты опустишь меч, – предложило маленькое существо. – Ты быстрая – я видела. Но я не думаю, что ты быстрее самого света…

С технической точки зрения коротышка, конечно же, была права – но стоило ли объяснять ей, что убойный ход любого оружия является лишь заключительной частью процесса, который обученный искусству смерти может выявить задолго до его начала? Бесс решила, что не стоит. Судя по позе существа, к использованию лучевой пушки оно привычно, но было ясно также и то, что в следующие несколько мгновений применять его оно не собирается.

Бесс опустила меч.

Существо проделало то же самое с пушкой.

– Как тебя зовут? – спросила Бесс.

– С какой стати мне называть тебе свое имя? А ты кто такая?

– Потому что… – Если какие-то определенные причины и существовали, то сразу в голову они ей не пришли. – Меня зовут Бесс.

Существо хмыкнуло:

– Тебя следовало назвать как-нибудь поужаснее. Но я буду называть тебя Бесс, раз ты этого хочешь…

– У тебя есть имя?

– Я Элли. – Ухмылка исчезла. – Во всяком случае, я так считаю.

– Только считаешь? Ты не знаешь, кто ты такая?

– Слушай, я – это я, как думаешь? – Существо – хотя Бесс уже чувствовала, что может с уверенностью допустить, что это всего лишь человек женского пола, а не какая-то чудовищная аномалия или джинн, – оглядело свое грязное, почти обнаженное тело. – Имена – это всего лишь то. что тебе дают другие люди, так ведь? Или просто-напросто выдумывают…

Бесс неуклюже кивнула головой в шлеме, который теперь окраской отзывался на лесной сумрак. Она поняла замечание Элли, ибо тоже понятия не имела, как получила свое имя.

– Я наблюдала за тобой. – Элли кивнула на поляну. – Ты там чертовски ловко мелькала, как будто ты то есть, то тебя нет.

– Тогда почему же, во имя всех интеллектов, ты не убралась, когда я приблизилась?

Элли пожала плечами.

– Я так поняла, ты всего лишь тренировалась. Что ты не всерьез…

«Не всерьез» было едва ли не самым худшим оскорблением, которое Бесс бросали за все годы ее обучения в стенах церкви.

– Но все равно было очень впечатляюще, – добавила Элли. – Если б ты показала мне еще что-нибудь, я бы с удовольствием посмотрела.

* * *

«Гамбит мертвой королевы». «Высвобожденный круг». «Вверх по водопаду». «Гостеприимный клинок». «Дважды обратный разворот». «Живот становится ртом». «Прорыв стали». И даже «Холодный шаг вовне» – прием с мечом и пространством, который до сих пор давался Бесс тяжело. Она выполнила их все.

До этого она испытывала усталость и скуку. Но теперь, когда у нее появилась публика, пускай даже и столь непритязательная, как эта Элли-малышка, она ощутила прилив новых сил. Ее клинок кромсал теплый воздух и ткань локального пространства-времени, бросая ее туда-сюда в замысловатых изгибах и разворотах. Ей вспомнилось ошеломительное возбуждение, когда на тренировочной площадке у нее впервые получился этот почти невозможный прием. Теперь было так же, только еще лучше.

– Браво! Браво! – рукоплескала Элли.

За неимением чего-либо другого и уже совершенно не

ощущая подкачивания или глупости своего поведения, Бесс напоследок сделала росчерк мечом и отвесила самый низкий поклон, какой ей только позволяла бронированная талия.

День подходил к концу. Тень под деревьями становилась все длиннее. Когда Бесс выпрямилась, она увидела, что Элли-малышка уже исчезла в наполненной ароматами тьме леса.

* * *

Той ночью, скорчившись в железном лоне коляски, Бесс чувствовала себя по-другому. Перед ней на центральном алтаре приборной панели кабины, в окружении сияния органов управления попроще, располагалось стальное отверстие скважины, посредством каковой передавалась воля церковных интеллектов. Выражаясь кратко, оно вспыхнуло посланием, которое и привело ее сюда, и с тех пор так и оставалось глухим и бессодержательным. Остальные приказы после ее преобразования в воительницу и отправки в первый поиск были простыми – по крайней мере по своей видимой цели, если уж не в исполнении и результате…

Огромное морское чудо-юдо, предположительно терроризировавшее коммуну рыбачек, проживавших в запустелой деревушке на дальней стороне Плавающего океана. Задание, представлявшееся достойным для первого убийства – пока она не повстречалась с самим зверем. Вот уж слюнявая тварь. Здоровенная, серая и – по крайней мере по внешнему виду – сущее чудовище. Но чудовище старое, страдавшее от болей и совершенно беспомощное. И когда она всадила меч в его подрагивающую плоть, в то время как оно заходилось плачем и стонами на скалистом берегу, ей вдруг стало понятно, что ее вызвали выполнить эту работу не потому, что женщины деревни боялись прикончить эту тварь, а потому, что им просто было ее слишком жалко.

Потом была охрана старшей имамессы Церкви Паучих, предположительно оказавшейся под угрозой нападения наемного убийцы-джинна из неопределенных измерений. Однако прибытие Бесс и последующее сопровождение сей грузной и окружившей себя едва ли не королевским шиком особы по времени совпало с саммитом всех церквей микроскопических животных Эборнии[83], на повестке дня которого стояли различные вопросы по старшинству и финансам. И вскоре Бесс стало ясно, что ее присутствие за укрытым парчой плечом хитрой колдуньи на бесконечных собраниях в огромных залах замышлялось не как

защита, но как скрытая угроза применения силы.

Задание кончилось, а потом пришел третий приказ, и вот ее бросили сюда, посреди неизвестного леса, ждать схватки с чем-то необъясненным.

Бесс добрела и рухнула на кушетку. Для прочих удобств места в этой посудине было слишком мало – в конце концов, что еще нужно воительнице, кроме ее воли и меча? – но ей разрешили взять небольшой сундучок с личным имуществом, хотя она вполне успешно обошлась бы и без него. Бесс подняла крышку сундучка, и та издала жалобный скрип. Это, подумала она, всматриваясь в тусклом свете коляски в содержимое и вдыхая хлынувший оттуда затхлый запах, напоминает мне, почему я не слишком часто сюда заглядываю.

Прочих послушниц к величественным стенам Церкви Воительниц приводили различные обстоятельства и случайности. Младшие дочери. Нежеланные и нежданные продукты чанов. Проклятие дефектов – тела или разума, которые остальные, более щепетильные церкви оказывались не в состоянии принять. Девушки, совершившие богохульство или нечто выходящее за рамки приличия, как говорится в одном древнем выражении. Отъявленные преступницы. Всех их нечестивой стаей впускали чрез чугунные ворота Церкви Воительниц – хотя большую часть весьма скоро признавали негодными и вышвыривали за порог.

Бесс помнила проржавевшие башни и площадки для проверок, испытаний и боев. Он помнила свет из окон класса, просачивавшийся через портьеры из платинового газа, пока их обучали почти бесконечному многообразию чудовищности: джинн, вмешательство, тульпа[84], дракон, квазидракон, бегемот и демон – всех их они должны были научиться уничтожать. Более всего, однако, ей запомнились лица ее однокашниц и ночная тишина в общих спальнях, да еще хихиканье, раздававшееся сразу после того, как младшие имамессы тушили лампы.

Косолапая Ника. Робкая Талла с каштановыми локонами. И Афия в сумерках. Теперь все превращенные в неуклюжих воительниц вроде нее. Отправлены сражаться с каким-нибудь ужасом в великом городе-острове Гезира или в одном из Десяти Тысяч и Одного Миров. Или уже мертвы. Бесс смотрела на жалкие остатки своего прошлого. Ссохшийся птицемлечник. Каштановая прядь. Случайно оставшаяся записка от руки о скором возвращении.

Там лежала и еще одна вещица. Когтистые пальцы Бесс неловко подцепили тонкое звено цепочки.

Кто ты, Бесс?..

Откуда ты?..

Что ты здесь делаешь?..

Безымянная Бесс – Бесс, которая боролась, чтобы сойти за свою даже в этих спальнях обездоленных и увечных. От всех остальных послушниц – вот они сидят по темным рядам коек, обхватив руками колени, глаза горят восторгом, рты распахнуты – всегда можно было услышать какую-нибудь историю. Головокружительные махинации и низменные кражи. Биологическая мать, зарезанная из ревности привязанной матерью. Работница, отправленная на невольничий рынок. Всю ночь в спальне шепотом одна за другой изливались истории. И становились все замысловатей, как замечала Бесс. Грудной младенец вдруг вспоминал вкус крови своей умирающей биологической матери, а проданная в рабство хилятина спасалась в зрелищном крушении корабля-прыгуна. Но всегда сохранялось основополагающее семя истины о некой утраченной жизни, которое можно было приукрасить, прямо как разок базовый выпад мечом – но только разок, ведь он полностью усвоен.

Но Бесс молчала, когда на нее обращали взоры…

А что ты, Бесс?

Что ты помнишь о времени, до того как стала избранной?

На подобные вопросы ответа у нее не находилось. Она была Бесс просто потому, что так снизошло ее назвать некое малое проявление церковных интеллектов. Все, чем она обладала, – огромное строение, обнесенное чугуном, да подруги, да ночи в общей спальне с рассказами, да дни учебы и тренировок. Больше ничего. Она понятия не имела, кем или чем была прежде. В конце концов, она могла появиться из ниоткуда, как утверждалось в стишках и насмешках. Разве только вот эта вещица…

Она называлась медальон. Во всяком случае, так Бесс думала – терминология драгоценных украшений отнюдь не входила в число тех сфер знаний, в которых воительницы обязаны были преуспевать. Но это слово вроде появилось вместе с самой вещью. И это могло что-то означать. А могло и не означать.

Бесс редко надевала вещицу, даже когда голова и шея позволяли ей нацепить подобную женскую безделушку, до того как она приняла законченную форму воительницы. Но она все же сохранила ее. Цепочка была изготовлена столь же искусно, как и огромные цепи, что крепили острова относительно вращения огромной сферы Гезиры. На цепочке, ярко сверкнув в свете лампочки, а затем потускнев, висела серебряная капля – сам медальон. На нем были выгравированы ошеломительные фрактальные узоры и завиточки.

Бесс показалось, будто ее затягивает в узор, и, опуская бронированными пальцами цепочку обратно в сундучок и

закрывая крышку, она позволила себе потратить энергию на слабую дрожь. А затем растянулась на кушетке и заснула.

* * *

Она уже проснулась, когда осветился интерьер коляски, предупреждая о начале рассвета. Шипящий гул, ощущение невидимой жидкости, очищающей ее чешую, и вот она готова к еще одному дню ожидания. Бесс открыла люк и достала меч. Снаружи, под аккомпанемент призыва света рассветных певцов с зеркальных минаретов, ее шаги оставили темный след, словно последний штрих ночи. Когда она вытащила меч и сделала первый прыжок, след уже рассеялся в туманном воздухе.

Она как раз отрабатывала «Высвобожденный круг» в его редко исполняемой более замысловатой разновидности, когда почувствовала, что за ней снова наблюдают. Она не обдумывала, насколько данный прием с мечом согласовывается с краткой и зрелищной на вид серией прыжков по усеянной кровоцветками поляне, которые она тут же исполнила. Однако он вполне согласовывался.

Это оказалась Элли-малышка, бесстрашно, но в полном восхищении стоявшая у кромки леса, где сегодняшнее появление Бесс не отсекло и даже не шелохнуло ни единого листочка.

– Салям, – немного запыхавшись, поздоровалась Бесс.

– Сабах эль нур[85], Бесс из Церкви Воительниц, – неожиданно церемониально ответила Элли и коротко поклонилась. Бесс только и подивилась собственному удовольствию, вызванному подобным приветствием. Потом ее осенило:

– Ты ведь не была здесь всю ночь, да?

– О нет, – отрывисто качнула головой Элли.

– Где же тогда ты живешь?

Э-э… – Элли живо пожала плечами и указала грязным большим пальцем за спину: – Да там, недалеко. Хочешь пойти посмотреть?

* * *

Маленькая светлая фигурка. Очертания покрупнее, которые и фигурой-то назвать нельзя. Под птичий щебет, через темные проходы меж деревьями они двинулись вглубь безымянного леса. Вот это. подумалось Бесс, больше похоже на приключение, которые в народе порой приписывают членам ее церкви. Убивать

драконов. Уничтожать ужасные сдвиги и аномалии в ткани пространства-времени. Да хоть бы девиц из беды вызволять. Наверное, продолжала размышлять Бесс, ей следует тревожиться из-за самовольной отлучки с того места, где интеллекты церкви приказали ей оставаться. Но ведь воительницы обязаны проявлять храбрость и инициативность, разве нет? И сколь долго человек – неважно, до какой степени измененный и обученный – может ждать?

Они остановились передохнуть подле дерева, увешанного какими-то красными плодами, которые, по словам Элли, назывались гранатами и существовали столь же долго, сколько и Эдемский сад на мифической первой планете Ур-земля[86]. Еще их можно найти, деловито добавила она, в самом Раю. Лучше всего их разрезать чем-нибудь острым. Проблема с этой штукой – она похлопала по засунутому за бечевку вокруг пояса лучевому пистолету и с выжиданием взглянула на Бесс – заключалась в том, что она их зажаривала.

Бесс изучила протянутый Элли плод, странный на вид и с разрывом в виде короны с одной стороны. Ее рука потянулась к эфесу меча, хотя она и догадывалась, что сказали бы имамессы Церкви Воительниц об использовании ее священного клинка в столь низменных целях. То есть если бы им случилось оказаться здесь и увидеть ее.

– Знаешь что, Бесс, – я могу подбросить его.

Быстрее мига Бесс вытащила меч и, выполняя «Свежеубитого и зажаренного гуся», исчезла и появилась, в то время как гранат, теперь рассеченный на две половинки, все еще кружился в воздухе.

– Ух ты!

Элли схватила одну падающую половинку, Бесс – другую.

– Ну? Как тебе гранат? Довольно неплох, если уметь выковыривать семена.

Бесс только и оставалось согласиться. В целом гранат был очень вкусен. Однако есть его оказалось занятием весьма удручающим. Ее огромные руки быстро стали липкими, равно как и укрытое пластинами брони лицо. Не менее приятно, решили они, просто потехи ради бросать гранаты и рассекать их надвое. И вскоре мякоть и семена только и разлетались, а броня Бесс покрылась красными, белыми и розовыми крапинами от ошметков граната.

– Ну? – наконец спросила Элли, стоило Бесс закончить демонстрацию стольких способов разрезания плодов, что большая часть разбросанных вокруг остатков походила на нечто из параллельного измерения. А может, была всего лишь липкой

мешаниной. – Это и есть то, чем ты занимаешься? Кромсаешь что ни попадя всякими странными и занятными способами?

Бесс слишком много смеялась, чтобы обидеться. Зато она объяснила, что появление ее церкви восходит к эпохе первых кораблей-прыгунов, когда были открыты проходы, в которых в космической прорехе оборачивается вспять время, пространство и материя. То был гигантский прорыв женщества и всех прочих разумных видов, но он также привел и к окончанию простоты одиночной реальности и линейной последовательности времени. Теперь другие формы существования, прежде считавшиеся всего лишь полезными компонентами для понимания более высоких измерений физики, подобрались к нам вплотную. Истинные пришельцы, подлинные ужасы и чудовища находятся не в отдаленных областях галактики, а рядом. И каждый проход корабля-прыгуна беспокоит, вполне достаточно ткани нашей реальности, чтобы дать возможность просочиться к нам, подобно черному дыму в щель под дверью, проявлениям этих других реальностей. Порой они комичны или совершенно безвредны. Чаще всего их вообще не замечают. Но иногда они оборачиваются настоящим кошмаром. И бороться с подобными чудовищными вмешательствами можно только посредством созданий, которые сами воплощают собой сущий кошмар.

Бесс протерла меч пучком травы и собралась убрать его в ножны. Но тут Элли положила руку на ту часть ее предплечья, что все еще сохраняла чувствительность. Рука была липкой и теплой.

– Этот твой меч… Он, наверное, делает что-то похожее? Когда он как будто разрезает мир.

– Хм… Пожалуй, можно и так сказать. Хотя принцип гораздо более контролируем.

– Можно мне попробовать?

Просьба была нелепа. Кощунственна. Тогда почему же она до сих пор не убрала меч в ножны?

– А ты можешь попробовать это, Бесс. – Элли протянула свой плохонький лучевой пистолет. – Им вполне можно убить.

– Нет, – пророкотала Бесс.

– Ну, может, тогда ты позволишь мне быстренько потрогать ручку.

– Это называется эфес. – Бесс со смесью ужаса и изумления наблюдала, как ее собственная рука берется за лезвие меча и протягивает его Элли.

– Эфес так эфес.

Ее пальчики были такими маленькими, что едва охватили полосчатый металл. И все же Бесс ощутила, как по ней пробежала слабая дрожь – нечто сродни чувству, что она испытала прошлой

ночью, когда рассматривала медальон. Меч задрожал тоже. Чувствуя незнакомое присутствие, он отзывался расплывающимся налетом окончательной тьмы – глубже той, что была вплетена в изящный металл.

Элли убрала руку и нервно выдохнула.

– Как будто чувствуешь… всё и одновременно ничего.

* * *

Становилось холоднее и темнее, хотя по всем правилам даже в таком затененном месте, в какое превратился лес, должно было теплеть и светлеть. Деревья, подлинные гиганты, извергали мшистые сучья, через которые приходилось перебираться.

Элли продиралась через бурелом быстро и уверенно, отточенными движениями. Бесс же чувствовала себя нескладной и обессиленной. И еще уязвимой. Она украдкой бросала взгляды на это странное маленькое создание. Кто же она такая? И как она выживает в этих непроходимых джунглях? Гигантский жук, тварь кровавого цвета, усеянный зубцами и выглядевший еще более угрожающе, чем ее собственная голова в шлеме, уставился на Бесс множеством своих глазок, поднял нечто вроде жала на хвосте и наконец словно нехотя убрался прочь. Наверняка в этом лесу были твари и пострашнее, чем эта, – быть может, даже чудовища лютости, вполне достойной внимания члена Церкви Воительниц. Какой же защитой может обладать эта почти голая малышка со своей дешевой игрушкой – лучевым пистолетом? Если только она не гораздо опаснее, нежели представляется…

Бесс все не давала покоя мысль о том, что прогулка может оказаться смертельной ловушкой. В то же время весьма неплохо исследовать местность и обзавестись друзьями, да и коляска со всеми ее обязанностями оставалась всего лишь в нескольких милях, а ей было слишком весело, чтобы захотеть вернуться.

Ветви деревьев переплетались уже столь густо, что свет или небо совершенно не проглядывали. Вверху был словно необозримый искривленный потолок, единственное освещение с которого шло от свисающего мертвенно-бледного мха.

Потом Элли остановилась.

– Где мы? – спросила Бесс.

– Осталось только подняться туда…

Перед ними была извилистая ступень из корней, переходящих затем в ветви, которая через бледно светящийся проем вела внутрь трухлявого ствола. И здесь живет Элли? Странно, но внутри этого необыкновенного маленького убежища

оказалась лестница, освещенная полосками света, которые все мелькали, пока они поднимались над полом и крышей с восхитительной резьбой. Раскрашенная под мрамор лестница закручивалась выше и выше. Она была затейливо обделана драгоценными камнями и мозаикой. И вот наконец над головой забрезжил солнечный свет.

– Почти пришли…

* * *

За последним пролетом мраморных ступенек скрипнула увитая плющом калитка. Бесс ожидала, что они выйдут где-нибудь на вершине подле крыши Гезиры, но ей сразу же стало понятно, что они оказались на твердой почве. Там было нечто вроде сада, с деревьями и строениями, усеянными вокруг странными обломками статуй, – и все же место было необыкновенно мирным, наполненным каким-то дряхлым покоем.

– Ради Аль'Томана, где мы?

– Разве ты не понимаешь?

Узнать было не так уж и трудно. Стоило Бесс сориентироваться, и сразу стало ясно. Вон там, несколько под другим углом от вида, к которому она привыкла, располагались безмятежные коричневые пятна фермерских островов Безветрия. А там, вспененная, несомненно, начинающимся штормом, – огромная дамба Плавающего океана. Под ними же, хоть и закручиваясь вверх так, что само пространство и собственные ощущения Бесс так и старались сомкнуть с этим местом, наступали зеленые кроны безымянного леса, за которыми лежал кружок ее поляны, весь в красных чашах раскрывшихся кровоцветков.

– Ты ведь не можешь жить на Острове Мертвых?

– Почему же нет? Ты-то живешь внутри этого железного карбункула.

Даже в детских книжках говорилось, что город-остров Гезира является чем-то большим, нежели простой гладкий шар, окружающий звезду Сабила в трех плоскостных измерениях. И все же мысль о том, что они сумели добраться до этого пристанища мертвых, пробравшись через верх леса, захватывала дух и немало тревожила. Однако Бесс все же последовала за Элли дальше.

Большинство могил были очень старыми, однако в их основаниях сокрывались, как поговаривали, еще более старые. В самом деле, согласно самой фантастической версии легенды о происхождении Острова Мертвых, весь остров целиком состоял

исключительно из мульчированной плоти, костей и памятников. Местность была несомненно опасно неровной и обветшалой, и в настоящее время посещали ее редко. Теперь ведь у всех основных церквей имелись собственные мавзолеи, а множество культов поменьше отдавали предпочтение далеким планетам для погребений. Что касается Церкви Воительниц, то она не нашла иного пристанища для своих слуг, кроме как в памяти, ибо служители ее все равно неизменно погибали в сражениях.

Вокруг резных колонн из песчаника бродили хайваны[87]. В воздухе дрожали и растворялись, словно болотные блуждающие огни, проекции духов. Из каменных ртов, забитых птичьими гнездами, взывали голоса с древних записей. Но более всего Бесс в этом месте поразило ощущение буйства жизни. Неуклюжие насекомые. Неистовый птичий гомон. Пьянящие ароматы и окраска цветков. А еще были фрукты, по сравнению с которыми даже гранат казался неприглядным. Также Элли поведала, что остров просто создан для того, чтобы охотиться с капканом на лисицу, ловить пегасов, собирать медовые семена и откапывать и жарить кротов.

– Так ты живешь здесь одна?

Элли одновременно пожала плечами и кивнула. «Это более чем очевидно», – поняла Бесс.

– А как ты…

– Здесь оказалась? Это тебя интересует? – Личико Элли внезапно вспыхнуло. – Думаешь, я какая-нибудь расхитительница гробниц или гул[88]?

Бесс сделала вид, что отряхивает песок с ножен. В конце концов, сама она едва ли могла обвинить кого-то другого в утаивании происхождения, имея вместо собственного прошлого лишь пустоту. Разве только общую спальню с болтовней, но никакого ощущения чего-либо до нее. Если только – что совершенно невозможно – она не родилась уже цельной и полностью функционирующей послушницей. Имелся у нее медальон, но это совершенно ничего не значило. Но нет, тут нечто большее, думала она, оглядываясь на это прелестное обиталище давно умерших. Некий суровый миг ужаса, от которого отшатнулся ее разум. Наиболее здравой ей представлялась версия, что Церковь вызволила ее из чего-то такого жуткого, что наилучшим способом уберечь ее рассудок оказалось стирание из ее мозга воспоминаний. И вот теперь, содрогнулась она от мысли, нечто непостижимым образом влекло ее назад.

– Видишь вон то здание, в котором посередине проросла медная береза? – указала Элли.

Это был купол с частично сохранившимся покрытием из мозаичного стекла. Из-за трепета листвы над ним он выглядел будто объятым пламенем.

– Хочешь посмотреть?

Бесс, по обыкновению медленно, кивнула.

– Здесь похоронена девочка. Ох… очень давно, – объясняла Элли, пока они карабкались по руинам. – Еще до Войны Лилий, когда времена года не менялись и даже само время как будто текло медленнее. В общем, она умерла маленькой, и ее биологическая и привязанные матери были вне себя от горя. Вот они и построили для нее этот прекрасный мавзолей и заполнили его всем, связанным с дочерью: игрушками, шагами, смехом, воспоминаниями. Видишь…

Они стояли под куполом. Сквозь его треснутые линзы колыхалась листва, придавая видам подобие жизни. Аниматронные игрушки как будто подергивались. В пуговичных глазках разбросанных плюшевых мишек все еще поблескивал остаток интеллекта. Однако все это вкупе с шелестом листвы лишь усугубляло ощущение древности и разрухи.

– И они навещали ее здесь… И молились… Плакали… И хоть их дочка умерла, они поклялись, что память о ней не умрет никогда. Но, конечно же…

– Как звали эту девочку? Ты…

– Заткнись и слушай, Бесс! Ее звали Далла, а меня зовут Элли, если ты не обратила внимания. Так что я вовсе не Далла. Хотя она была моей подругой. Можно даже сказать, лучшей подругой. Вообще-то единственной. Понимаешь, Далла из тех единственных детей в семье, которых матери ожидают чересчур долго и которые в итоге оказываются непомерно опекаемыми и одинокими. Конечно, у нее были все эти игрушки… – Элли звякнула велосипедным звонком. – И она могла получить все, чего бы ни пожелала, достаточно лишь попросить. Но то, чего она действительно хотела, ее матери при всей их доброте и богатстве дать ей не могли, – а она хотела подругу. И вот… – Элли провела пальчиком по треснувшему застекленному контейнеру, на вид наполненному лишь листвой да пылью, – она сделала то, что делали большинство девочек с тех самых пор, как Еве впервые наскучил Адам. Она ее выдумала. И ее звали Элли. И это я. Вот кто я такая.

Бесс таращилась на стойку из голографического стекла, в которой плавали лица трех женщин. Они выглядели добрыми, но невыразимо печальными.

– Я задумывалась лишь как еще одна часть памятника, – продолжала Элли. – Они извлекли меня из каждого вздоха и

воспоминания своей любимой дочки. Милая маленькая выдуманная Элли, для которой за столом всегда должно было отводиться место и которая совершала все шалости и выходки, в каких сама Далла никогда не признавалась. Элли, которая украла все пончики, хотя стошнило Даллу. Элли, которая мелками нарисовала лицо клоуна на стене гарема. Они потом годами приходили ко мне, чтобы предаваться воспоминаниям. Этот мавзолей – они все достраивали и достраивали его, непрерывно вносили улучшения. Вечно чего-то не хватало. Саму Даллу они хранили в стеклянном гробу в задерживающем поле, поэтому она не разлагалась. Нет, конечно, решиться когда-либо по-настоящему взглянуть на свою мертвую дочь они не могли, но она совершенно не изменялась. Они не могли позволить ей уйти. Даже когда матери постарели, они все равно приходили. Но однажды пришли только две. А потом и вовсе одна, но у нее уже было не в порядке с головой, и иногда она думала, что я Далла. Затем и она перестала ходить. Медленно проходили века, садовники заржавели, а контракты на обслуживание уже закончились. И люди больше ни к кому на Острове Мертвых не приходили, чтобы отдать дань уважения. Остались лишь эти разваливающиеся мавзолеи да немного угасающих интеллектов. Вся штука в том, что матери Даллы слишком уж старались, они сделали слишком уж много. А века длятся долго, если ты воображаемая подруга и тебе не с кем играть – и под «кем» я подразумеваю все значения…

Рассказывая, Элли бродила по мавзолею, то и дело прикасаясь к выцветшим грудам осыпавшегося кирпича и безглазым куклам. Но сейчас она снова стояла подле того продолговатого стеклянного контейнера. Который, как теперь заметила Бесс, был разбит с одной стороны.

– И ты вытащила труп Даллы.

– А что мне еще оставалось делать? Самой ей он уже был не нужен, а ее матери давно умерли. Если бы я посмотрелась в зеркало, будь здесь достаточно чистое, то, наверное, увидела бы лицо, немного напоминающее мне Даллу. Но я не Далла. Далла умерла, ее оплакали, и сейчас она в Раю, или где там еще, вместе с Вильямом Галилеем, Альбертом Шекспиром и остальными. Я Элли. И я есть я. И я здесь. – Она высунула язык. – Вот так!

Бесс слышала о концепции похищения тел и знала, что главные церкви большей частью запрещают его. Наказания, подумалось ей, должны быть весьма суровыми, особенно если похититель является тем, кто не может по праву называться разумным существом. Однако после рассказа Элли и этой заключительной демонстрации розового язычка осудить деяние

было сложно. Но все-таки ей лучше оставаться поедать ягоды да жарить кротов на Острове Мертвых. В любой другой части Гезиры или же любого из Десяти Тысяч и Одного Миров жизнь для нее окажется не то что сложной, но попросту невозможной и почти наверняка быстро прервется.

– И как долго это продолжается?

Тут Элли сконфузилась.

– Я не знаю… – Она посмотрела на шуршащую, пляшущую крышу. – Может, уйдем отсюда?

Было приятно выйти в теплый день, пускай даже перекошенные памятники теперь беспрестанно напоминали Бесс, что место это принадлежит мертвым. А что касается Элли, подумала она, глядя на подругу, которая, обхватив руками грязные колени, сидела на груде камней, – то она права в том, что говорит. Она не гул и не чудовище. Она по-настоящему живая. Затем взгляд Бесс упал на лучевой пистолет. Он выглядит игрушечным потому, поняла она, что наверняка некогда и был таковым. Однако она не сомневалась, что теперь он смертоносен и что Элли знает, как им воспользоваться. В своем роде эта кладбищенская малышка была такой же воительницей, как Бесс.

Как будто настало время откровений, и Бесс поведала ту малость, которую можно было поведать о ее жизни. Долгие дни бесконечных тренировок. Еще более долгие ночи в общей спальне. Насмешливые стишки. Ощущение, что даже в общество изгоев она не вхожа по-настоящему. А теперь – вся ее церковь и все ее интеллекты словно отреклись от нее. в то время как она должна столкнуться с неким окончательным вызовом, через который сможет доказать собственную значимость.

– Ты имеешь в виду что-то вроде дракона? Чудовище, которое нужно убить?

Она кивнула. Наверняка это будет дракон или даже квазидракон. Все остальное – неважно, сколь ужасное – было бы лучше. Ее словно забросили назад в пустое никуда, из которого она и появилась, но бессмысленно натренированную владению мечом и превращенную в создание, каким она теперь является…

Что-то стало шлепаться на ее чешую, оставляя расплывчатые серебристые дорожки, которые тут же принялся копировать ее камуфляж. После некоторого замешательства она осознала, что это слезы.

– У тебя есть какие-нибудь соображения насчет твоей прошлой жизни? – спросила Элли. – Я имею в виду какой-нибудь намек или воспоминание?

Бесс пожала наплечными пластинами брони и пророкотала про ювелирное изделие, которым ей случилось обладать. Вещица

на цепочке, овальной формы.

– Медальон?

– Да, по-моему, это называется медальон. Ты знаешь о них?

– Ну конечно. У меня у самой есть. А что внутри твоего?

– Что значит внутри?

Элли рассмеялась и положила свою ладошку на здоровенную латную перчатку Бесс.

– Ты вправду только и знаешь, как убивать кого ни попадя, а, Бесс?

А потом объяснила, что медальон состоит из половинок, скрепленных на петлях – как-никак, на этом острове можно было отыскать множество образчиков этой или любой другой безделушки, – однако главное, что чувствовала Бесс, было близкое присутствие подруги и странное и исключительно приятное ощущение руки, прикасавшейся к ее необыкновенной плоти.

* * *

Дело шло к вечеру. Рассветные певцы уже издали первые пробные крики, на которые щебетом отозвались птицы. Вопреки некогда популярной поговорке, покинуть Остров Мертвых оказалось намного проще, чем попасть на него, и скоро Элли вела Бесс назад к мраморным ступенькам, по которым они вошли, и вниз в недра леса, лежавшего внизу. Двигаясь меж колонн через почти кромешную тьму, Бесс вновь ощутила опасность этого места. Оно гораздо больше походило на обиталище чудовищ и чудес, нежели остров над ним. Но Элли вывела ее. Впереди показалась поляна.

– Придешь завтра?

– Да, – улыбнулась Элли. – Приду.

Бесс поплелась по луговой траве, уже искрившейся росой среди более темных пятен кровоцветков. С шипением открылся люк коляски. Она забралась внутрь и отстегнула меч. Отверстие скважины в центре алтаря кабины, которое несомненно скоро доставит ей новый приказ и, быть может, даже извинения за бесцельную трату времени, оставалось непроницаемо черным. Зашипела кормушка, и Бесс поела. Затем, уже собираясь улечься, вдруг вспомнила, что Элли рассказала о медальонах. Со смутным любопытством, но почему-то без всякого ощущения судьбоносности она открыла сундучок и вытащила из него украшение. После минутной борьбы половинки раскрылись.

* * *

Настало утро, и хотя для рассвета было еще слишком рано, Бесс уже стояла с мечом на сумеречной поляне, рядом с коляской. Она тоже являла собой сумеречное существо – за этим следила ее броня. Но вот запели рассветные певцы. Вскоре от башни к башне разольется свет. А вот и Элли, выступающая из тени деревьев, бледная, словно очищенная ветка.

– Бесс! Ты здесь! – Она едва ли не бежала. Едва ли не смеялась. Наконец сделала и то и другое.

– Я же сказала, что буду, разве нет? – Голос Бесс был мягок, насколько только возможно для подобного существа. И печален. Элли замерла.

– Что случилось? – Они стояли в рассеивающихся сумерках в нескольких шагах друг от друга, рядом с проржавевшим жукообразным корпусом коляски. – Ты как будто другая.

– Я не изменилась, – прогромыхала Бесс. – Но я принесла тебе это. Возьми… – и она протянула медальон, поблескивавший и покачивавшийся на серебряной цепочке в ее грубой клешне.

– Та штука, о которой ты говорила… – Вид у Элли был озадаченный и нерешительный. – Медальон. Но это же… – она взяла вещицу в ладошку. Там, где они стояли, набиравший силу свет вспыхнул розовым, – мой.

– Открой его.

Элли кивнула. Со всех сторон их окружали красные цветы. Серебро медальона отражало их цвет, и Бесс он теперь казался кровавым. Пальчиками, гораздо более ловкими и легкими, чем когти Бесс, Элли быстро открыла вещицу. Из которой тут же вспыхнула проекция – маленькая, но весьма изысканная – лиц трех женщин. Это были те же самые лица, что парили в стойке из голографического стекла в мавзолее Даллы. Однако на этом портрете они выглядели настолько же счастливыми, насколько там – скорбными.

– Матери Даллы, – выдохнула Элли. – Это твоя вещь, Бесс. Но также и моя…

– Точно.

Элли захлопнула медальон. Рассвет уже заливал их вовсю, и на фоне кровоцветков Элли была прекрасна – и в то же время бледной, опасной и резко очерченной.

– Это ведь не должно произойти по-настоящему, а? – прошептала она.

– Думаю, должно.

– Не сочиняй, Бесс. – Она почти улыбалась. – Ты уже вспомнила?..

– Нет, не совсем. Но теперь начинаю. Мне жаль, Элли.

– И мне тоже. Неужто нет никакой возможности каждой пойти своей дорогой и жить собственной жизнью – тебе воительницей, а мне всего лишь собой? Мне вправду придется сделать это с тобой?

– Нам обеим придется. Иначе никак. Мы связаны, Элли. Мы – чудовище, искажение в пространстве-времени. Наше единство – оскорбление реальности. Оно должно быть уничтожено, иначе прорвется еще более худшее. Раздельных путей нет.

Момент убийства был близок. Бесс уже слышала ядовитое гудение лучевого пистолета. Она знала, что Элли быстра, но знала и то, что применение любого оружия, будь то клинок или лазер, является завершающей частью процесса, который любая обученная воительница должна выявить задолго до наступления последнего мгновения. Но как, во имя всех интеллектов, ей сделать это, если Элли суть она сама в юности?

И вот этот момент настал. Все часы упражнений и тренировок, все похвалы и брань имамесс словно столкнулись во вневременном миге и превратились в нечто смертоносное, точное и совершенное. Впервые за всю свою изломанную жизнь Бесс выполнила «Холодный шаг вовне» с абсолютным совершенством, она и клинок находились нигде и в нескольких местах одновременно. Элли была почти так же быстра. И с легкостью могла бы быть еще быстрее.

Но все-таки в скорости она уступила.

Или почти уступила.

Но этого оказалось достаточно.

Бесс, расплывчатое пятно металла и мщения, перескочила назад, в обычные измерения занимавшегося рассвета. Вокруг нее, все еще брызгающие и разваливающиеся, разлетались останки Элли с Острова Мертвых. Теперь лишь куски сырого мяса, ничего, что можно было бы назвать живым. – еще даже до того, как они шлепнулись на землю.

Бесс постояла с минуту, переводя дыхание. Затем протерла и убрала в ножны меч. Теперь ей стало понятно, почему кровоцветки на этом лугу цветут столь пышно. Без них разбросанные повсюду ошметки плоти были бы ужасны до невыносимости. Но что-то поблескивало там, безупречное и незапятнанное. Она подняла. Ее клинок раскромсал все – время, жизнь, вероятность, быть может, даже любовь, – но не цепочку с медальоном. Единственную нить, связывавшую все остальное.

Теперь она все вспомнила. Как будто ничего и не забывала. Игры с Даллой – которая называла ее Элизабет, иногда Элли и изредка Бесс – все эти зоны назад, когда она была немногим

больше, чем многообещающий призрак. Затем долгие-предолгие боль и пустота, пока ею не овладело нечто вроде остаточной жизнестойкости. То была, подумалось Бесс, та же самая жизнестойкость, что подгоняет любую жизнь бороться за возникновение, даже если в процессе необходимо похитить тело кого-то любимого. Последовали долгие сезоны. Рост или перемены практически не ощущались. Некогда священный остров вокруг нее все более скатывался в разруху и запущенность. Но теперь она была Элли, обладала отвергнутым телом Даллы и оставалась живой, и еще она постигла, что жизнь подразумевает знание, как кормиться, что, в свою очередь, подразумевает знание, как убивать.

Элли всегда была одинока, за исключением нескольких сохранившихся интеллектов из других мавзолеев. Однако до тех пор, пока одним теплым летним утром, когда словно повисший свет был особенно ясен, она не посмотрела вниз за другие огромные острова и не увидела нечто перемещающееся по поляне с дерганой, но все же грациозной непредсказуемостью, она даже не осознавала своего одиночества. И тогда она нашла путь через переплетенные леса, что раскинулись под катакомбами, и в итоге пришла к открытой поляне и стала с восхищением наблюдать, пока ее наконец не заметили, и в размытых вспышках к ней явилось чудовищное создание, на поверку оказавшееся не таким уж и чудовищным.

Но вот этот медальон. Когда-то принадлежавший Далле. Уже когда существо Бесс протянуло его, Элли поняла, что есть лишь одна возможность, как он мог оказаться у Бесс. То время, подобно цепочке медальона, замкнулось и связало их ужасными узами. И тогда Элли поняла, что из них двух выживет лишь одна, ибо она и была тем чудовищем, убить которое прислали это существо.

Момент убийства, когда изящество, мощь и безжалостность суть всё. Однако теперь Бесс вспомнила, как Элли держала лучевой пистолет и как воительница замешкалась и ее лазер выстрелил острыми брызгами. И даже когда Бесс вглядывалась в останки разделанного тела Элли среди кровоцветков, к ней возвращалось воспоминание о горелой вони ее собственного расколотого хитина и брони. В этот рассвет она умерла не один раз, но дважды. И все же она была жива.

Солнце уже совсем взошло. Поляна сверкала росой. Оглянувшись на коляску, Бесс увидела, что люк в ней распахнут и даже на фоне всего этого утреннего сияния вспыхивает огонь алтаря. Наверное, новые поиски. Новые убийства. Или же приказ вернуться на поправку в чугунные стены церкви.

Интеллекты Церкви Воительниц были суровы и жестоки, но в

то же время они с распростертыми объятьями встречали тех, кого ни одной другой церкви даже в голову не пришло бы принять. А теперь они вернули Бесс память и придали ей целостность. Теперь она понимала, почему ее прежние поиски представлялись столь бесцельными и почему она так и не ощущала себя воительницей. Но она воистину являлась воительницей, ибо она совершила этот окончательный шаг в холодное вовне и изъянов в ней не обнаружилось.

Бесс таращилась на открытый люк коляски и зловещее, манящее сияние изнутри. Однажды она уже забралась туда, сжимая этот медальон, отправленная в долгий миг забытья начинать жизнь, которая в итоге привела ее сюда же назад. Но вот ее взор обратился к окружающему лесу, и она вспомнила нахлынувшее на нее ощущение различных опасностей и тайн, что таились в нем. И, быть может, чудес.

Коляска ждала.

Из люка призывал свет.

Загудел двигатель.

Бесс из Церкви Воительниц стояла – окровавленная, склонив голову – на поляне безымянного леса и размышляла, в какую сторону ей повернуть.

Дэвид Клена и Тобиас Бакелл
Воинственный мир

Тобиас Бакелл – писатель-фантаст, уроженец Карибских островов. Его работы переведены на шестнадцать языков. Он опубликовал более пятидесяти рассказов в различных журналах и антологиях и был номинирован на премии Кэмпбелла, «Хьюго», «Небьюлу», «Прометей». Бакелл – автор трилогии «Ксеноизобилие» («Xenowealth»), куда входят романы «Хрустальный дождь» («Crystal Rain»), «Оборвыш» («Ragamuffin») и «Ловкий мангуст» («Sly Mongoose»). Его рассказы были объединены в сборники «Зарождение» («Nascence») и «Потоки из новых миров» («Tides from the New Worlds»). «Восходящая Арктика» («Arctic Rising») – последний из написанных им романов. Большинство его рассказов с недавних пор доступны на «Амазоне» и на его личном сайте, расположенном по адресу tobiasbuckell.com

Дэвид Клеча – писатель и морской пехотинец, ветеран фронта, который сегодня живет со своей семьей и разнообразным компьютерным хламом на востоке штата Мичиган. Он зарабатывает на жизнь, трудясь в IT, как и многие начинающие писатели или художники.

Здесь авторы объединяют свои таланты, рассматривая с неожиданной точки зрения необычное, высокотехнологичное, ненасильственное вторжение в Северную Корею.

> *Я не просто пацифист, я воинствующий пацифист. Я готов бороться за мир.*
>
> *Альберт Эйнштейн*

Для Понг Май Тхюи, уроженки Вьетнама, сержанта полиции морской пехоты, вторжение в Северную Корею начинается с яростного хлопка парашюта при сверхзатяжном прыжке глубоко в центре чернильночерного северокорейского неба. Здесь воздух небывало спокоен, гнетуще черен. Такова чернота мира, в котором электричество едва сочится лишь в окнах нескольких домов Пхеньяна.

Это хорошо для Май. Синтетическая обтекаемая лицевая панель, отображающая актуальную информацию, имеет множество дополнений, в том числе и функцию ночного видения. Май активирует ее, и знакомый серозеленый пейзаж внизу

ускоряется, чтобы через секунду врезаться в тело девушки.

Когда Май падает на землю, специализированная, тщательно подогнанная моторизированная броня тихонько шипит, амортизируя удар.

– Дюк?

– Я в порядке. – Ответ напарника звучит прямо в ухе сквозь слабое искажение дешифровки сложно закодированного сигнала.

В верхнем правом углу тактической панели мягко светится маячок, и Май оборачивается. Прежде чем врезаться в землю, Дюку пришлось пробиться сквозь несколько раскидистых ветвей дерева. Но теперь он уже сворачивает свой парашют.

Они официально приземлились.

За границей темноты – примерно девять с половиной миллионов северокорейских солдат, и они не смогут должным образом ответить на только что случившееся.

Май невольно задается вопросом: сколько из них уже выдвинулись, чтобы попытаться убить ее прямо сейчас?

За три минуты до того, как приземлились Май и Дюк, были сброшены и благополучно спустились невидимые для пристальных электронных глаз контейнеры в стелс-камуфляже с тяжелой техникой. Май и Дюк разошлись в разные стороны, чтобы обозначить и защитить территорию, тогда как еще сотни единиц коснулись земли, покатились и привели себя в боевую готовность, чтобы исполнять приказы командира, пока остающегося в небе и наблюдающего за ними через прямую спутниковую трансляцию.

Портативная взлетно-посадочная полоса расстелена по травянистому лугу. За час сбрасывается и закапывается в землю ториевая атомная станция, которую после закрывает контрартиллерийский щит.

Едва получив энергию, лагерь «Найк» обретает форму. В сорок восемь часов гражданские китайские подрядчики в обтекаемых жилетах строят целые небоскребы. А здесь им нужны лишь четырех-пятиэтажные здания для центра города. Они получают премию за каждый лишний геодезический купол, полностью подготовленный к утру. Внешняя стена лагеря переброшена сюда по воздуху. Ее заранее соорудили в разных регионах Австралии, и ее части скользят вниз, к земле, на управляемых парашютах. Никто не поднимает взгляда: эта часть вторжения не раз осуществлялась в Западной Австралии, так что все происходящее не в диковинку.

За двадцать минут до восхода солнца приземляются два больших транспортника, и гражданские устремляются туда. Вскоре область очищена от невоюющих сторон, позади оставлен

город-призрак.

На рассвете на гребнях холмов появляется нечто похожее на спешно организованный контингент северокорейской армии. Май представляет три десятка солдат, высланных разведать, что, черт возьми, тут происходит.

В конце концов Май оказывается за периметром, она стережет северные ворота.

– Добро пожаловать в лагерь «Найк», – бормочет Дюк.

Кто-то появляется в поле зрения нашлемной камеры и вклинивается в разговор. Май кажется, что это голос капитана Нгуен:

– Слегка поклонитесь командующему, махните ободряюще группе.

Рука Май опирается на бедро, где обычно она носит оружие.

– Никаких угрожающих жестов, держите руки перед собой, – шепчет ей шлем.

Ее собственный костюм зафиксирует малейший неоднозначный жест, агрессивную позу и отрапортует об этом. Немного похоже на предательство. Привычка – вторая натура. Май не может не касаться рукой бедра.

В конце концов, она солдат.

Небольшая группа мужчин, все с АКС-47 – в Северной Корее такие зовутся Тип 88, – переброшенными через плечо. Мужчины готовы напасть, даже несмотря на то что видят Май и Дюка в полной броне.

– У меня дурные предчувствия, – бормочет Май.

– Займите свои позиции, – шепчет командующий.

Всё это неправильно. Стоять тут безоружной, вытянув руки, как будто не ей, а она сдается, умиротворяя врага. Когда всего в тридцати футах от нее ждут люди с автоматами.

Один из мужчин выходит вперед, его руки подняты. Май осознает, что он нервничает.

Девушка указывает на вывеску рядом с воротами.

ЛАГЕРЬ «НАЙК»
СПОНСОР: ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ
АЛЬТЕРНАТИВНАЯ ЗОНА УРЕГУЛИРОВАНИЯ
ОРУЖИЕ ЗАПРЕЩЕНО
ПОМЕСТИТЕ ВСЕ ОРУЖИЕ В ОТМЕЧЕННЫЕ МУСОРНЫЕ КОНТЕЙНЕРЫ ДЛЯ УНИЧТОЖЕНИЯ

Надпись сделана на корейском, китайском, вьетнамском и английском, а также снабжена международно принятыми эмблемами всех спонсоров лагеря, относящихся к частному сектору.

Внутри всего этого добра еще больше. Обувь и одежда от «Найк», обеды от «КонАгра», телевизоры «Самсунг», компьютеры «Делл».

Мужчины читают надпись и качают головами.

«Это, – думает Май, – момент равновесия, когда мир вокруг может качнуться в одну или другую сторону».

К ее удивлению, Дюк берет инициативу на себя и приветственно машет людям. Он поднимает лицевую панель, чтобы было видно выражение лица, а Май тихо проклинает его и борется с желанием сграбастать и утащить напарника в безопасное место.

Все, что нужно, чтобы убить его, – один прицельный выстрел спрятавшегося где-нибудь там снайпера. Или чтобы у одного из этих с АКС-47 сдали нервы.

«С тем же успехом он мог бы и не надевать брони», – думает она, вновь рассеянно касаясь бедра.

Но пистолета там нет. И никогда не будет.

Май стоит слишком далеко, чтобы ее переводчик сумел помочь ей понять, о чем спорит группа мужчин. Но Дюк подошел достаточно близко, чтобы быть окруженным.

– Они хотят видеть еду, – рапортует он.

– Что?

– Они хотят убедиться, что их не заманивают обманом в тюремный лагерь. Они не разоружатся до тех пор, пока не увидят, что все слышанное ими о лагерях – правда.

Один мужчина держит дешевый черный смартфон и тычет в него.

Шесть месяцев назад эти штуки сбрасывались в Северную Корею миллионами. Каждое устройство помехами маскирует текстовые сообщения и передачу данных, при этом функционируя как простейший, защищенный от глушилок спутниковый телефон. Спутниковым маршрутизатором и сообщениями одноранговой архитектуры «они» создали «призрачную сеть», неподконтрольную властям Пхеньяна.

Любимый вождь декретом приговорил к смерти любого, у кого найдут такой телефон, но «их» эксперимент удался. В достаточной мере, чтобы быстро и незаметно распространить снимки голодающих детей, жестокого подавления протестов крестьян, исчерпавших ресурсы и отчаявшихся, и прочие злодеяния, создавшие повод для международного вмешательства.

Двадцать четыре часа назад через эти телефоны была разослана информация, объясняющая функцию лагерей и вторжения.

С обещанием еды и безопасности.

Солдаты дезертируют и видят стены. Теперь они хотят увидеть еду.

Это все из-за еды.

– Трое, оставьте оружие в контейнере, – говорит Дюк, – заходите, потом вернетесь, расскажете, что вы там видели.

Разумный компромисс. Дюк и Май пропускают троих разоруженных мужчин, через пять минут те возвращаются возбужденные и кричат на своих товарищей.

Один из мужчин свистит, обернувшись назад, к гребню холма. И река людей, несущих свои пожитки, словно вытопленная из деревень, начинает струиться вниз по склону из отдаленных зарослей, где до этого скрывалась.

Первые две сотни обитателей лагеря «Найк» устремляются внутрь через ворота, и, когда они заходят, снаружи остаются лишь контейнеры, полные АКС-47 и готовые к уничтожению.

– Ты переживала? – спрашивает Дюк, пока они смотрят, как северокорейцы выстраиваются у стендов регистрации беженцев.

– Да, – отвечает она. – Я думаю, глупо не переживать, когда к нам идут люди с оружием.

– С этим? – Дюк бьет себя в грудь. – С этим мы непобедимы.

«Может быть, – думает Май; она оглядывается на маленький город в черте стен. – Но мы-то теперь тут не одни, не так ли?»

* * *

Человеческий поток не иссякает уже сорок восемь часов. Тысяча. Пять тысяч. Десять тысяч. Корейская народная армия слишком занята, гоняясь за призраками, чтобы заметить прямо сейчас подложные рапорты о десантах. Сбой связи. Захват воздушного пространства.

Спутниковые телескопы, системы раннего оповещения и шпионское ПО точно фиксируют место нескольких ракетных запусков. Ракеты уничтожаются еще на старте, пораженные сверху мощными лазерами.

Электромагнитные импульсы ливнем льются с хорошо закамуфлированных беспилотников, превращая любую неэкранированную продвинутую северокорейскую технику в бесполезный хлам раньше, чем кто-либо что-либо успевает понять.

К тому времени как северокорейцы собирают свою древнюю, словно оставшуюся с дней холодной войны артиллерию. Май удается закончить дела, и она идет к баракам, чтобы впервые нормально поспать.

Начинается серьезный артобстрел. Отдаленный хрусткий звук, но без сопутствующего свиста от падения снарядов.

Повсеместно возникает боевой строй точечной защиты. Зеленый свет мерцает и искрится в центре лагеря «Найк», на вершине башни, похожей на цветок. Линии мерцают в ночном небе, отслеживая приближающиеся артиллерийские снаряды.

Во время обучения солдатам говорили, что зеленые лазеры всего лишь «расцвечивают» отдельные цели, прежде чем рентгеновские лазеры распылят приближающиеся снаряды на мельчайшие капли металла.

Май смотрит на световое шоу, усилившееся на несколько мгновений, так же, как и впервые, благоговея перед его красотой.

Взрывы подсвечивают облака снизу. И ни один снаряд не достигает цели.

Май невольно спрашивает себя, сохранился ли у нее рефлекс искать укрытие при предупреждающем свисте приближающегося снаряда теперь, когда она живет так.

* * *

Май знает: во вьетнамских вооруженных силах могут быть тысячи таких, как капитан Нгуен. Но здесь, в лагере «Найк», она всего одна. Она из тех женщин, которые взглядом заставляют встать по стойке смирно. Солдаты зовут ее «Воин Биньфыока», и ходят слухи, что она одна многие годы камбоджийских беспорядков сохраняла покой в этой провинции.

Всю неделю Нгуен мелькала на камере шлема, двигая солдат, словно фигуры на шахматной доске.

Теперь настала пора Май стоять перед гроссмейстером.

Май присоединяется к Тронг Мин Хоай, члену ее группы, и они вместе перепрыгивают через ряд пожертвованных японцами ботов-уборщиков, катящихся по главной улице лагеря «Найк» и подметающих мусор. Оба солдата в полной броне миротворцев, сервомоторы скулят, когда работают вокруг конечностей Май, усиливая малейшие движения.

По правую руку от напарников, в тщательно выращенном игровом парке с аккуратно постриженными газонами группа волонтеров из Южной Кореи совмещает уроки литературы с одной из популярных на Юге ролевых игр.

«Все, что нужно, – думает Май, глядя на вспышки работающей в отдалении точечной защиты, – чтоб один снаряд проник внутрь и поразил этот парк».

Но никто не смотрит вверх. Через неделю даже гражданские

воспринимают зарницы как должное.

На первом этаже ничем не примечательной десятиэтажки мгновенной постройки, где временно разместили главное управление, капитан Нгуен стоит перед помостом и опрашивает облаченную в полную броню двадцатку вызванных ею членов группы.

«ПОЛНАЯ ИЗОЛЯЦИЯ», – объявляет электронная система, и двери закрываются с глухим стуком. Мягкий голубой свет означает, что комната официально чиста от электронного наблюдения.

Все связи с внешним миром оборваны. Солдаты снимают шлемы и оставляют их болтаться на вспомогательных ремнях за спиной.

Странно видеть эти лица.

Здесь можно максимально расслабиться, и Май – одна из немногих, кого это бесит. Она пришла сюда из элитной полиции морской пехоты, она дисциплинированна и исполнена сознания долга. Другие солдаты прибыли из менее строгих уголков Вьетнама.

Май хотелось бы сказать, что это западное влияние, но сама она происходит из семьи, которая многие годы спокойно приветствовала уменьшение влияния партии.

Ее дед служил в Армии Республики Вьетнам в тысяча девятьсот семьдесят пятом. Вернулся назад, к гражданской жизни после падения Сайгона. В отличие от всяких хмонгов или других союзников Америки, ему не повезло обеспечить себе билет в Соединенные Штаты. Вместо этого он смог выжить, поднял семью и спокойно ждал поворота колеса. Как в Европе или России.

Все произошло почти незаметно. Теперь Вьетнам борется за экономическое превосходство с Южной Кореей и Японией.

Вот почему Май тут.

Южная Корея преуменьшает свою роль в этом гуманитарном нарушении суверенных национальных границ. Япония понимает, что ей лучше всего втыкать любые свои войска на любую территорию, граничащую с Тихим океаном, пусть даже под видом миротворческой миссии.

И никто не хочет, чтобы в процессе мирного завоевания Северной Кореи участвовали американские солдаты.

ООЕ[боролась за то, чтобы во главе миссии стояли вьетнамские вооруженные силы. Она уверена, что те лучше всего соответствуют задаче исторически и культурно.

Закулисные обещания, выгоды инфраструктуры, прощение долгов нациями-кредиторами и военная модернизация – это было весьма значительным.

Е 1 если всё пройдет хорошо, Вьетнам станет реальным игроком на мировой арене, который сможет использовать успехи операции как преимущество, чтобы усилить свои позиции, войдя в число наиболее могущественных стран мира.

Если всё пройдет хорошо.

Надежды многих вьетнамских политиков возложены на стоящую в этой комнате двадцатку солдат в броне.

– Планы поменялись, – объявляет Нгуен.

* * *

Нгуен разворачивает полные трехмерные изображения лагеря, съемка сверху, со стены, чтобы все видели.

– Благодаря изначальному успеху компании по распространению дезинформации и отключению северокорейской военной техники мы создали лагерь быстрее, чем, вероятно, ожидалось кем бы то ни было. Мы наращиваем мощь: одно из тех воздушных судов, что помогали создавать беспроводную сеть на этой территории, скоро доставит с индийского энергетического спутника микроволновый лазер, который позволит нам расширить зону точечной зашиты и отодвинуть наши стены дальше.

Нам нужно больше жилого пространства и больше сельхозугодий. ООН признаёт нашу операцию успешной, и другие лагеря сдвигают свое расписание в соответствии с нашим.

Май оглядывается. Все выглядят взволнованными, исполненными смутных предчувствий.

Это и было целью, не так ли? Установить безопасную базу. Принять беженцев. Кормить и обучать, на лету построить иное гражданское и экономическое общество, расширить границы этих безопасных зон.

За десять лет лагерь может стать самостоятельным городом: самодостаточным и продолжающим рост. Крошечные чашечки Петри демократии, торговли и мирового капитализма, их стены раздвигаются дальше и дальше, пока не займут всю страну, в которой размешены.

Это лучше войн, длящихся десятилетиями.

И намного, намного дешевле, как доказали многопользовательские онлайн-симуляции. Всего через несколько лет жители лагерей включаются в мировую торговую и финансовую систему, самостоятельно оплачивая свой путь. Становятся клиентами крупных производителей систем защиты. Полноправные граждане в целом спокойного, торгового мира.

Таков план.

А теперь они обгоняют график. И это значит что? Май подавляет свои страхи и настраивается слушать.

Капитан Нгуен продолжает брифинг:

– В прошедшие семьдесят два часа мы подвергались усиленной артиллерийской атаке северокорейской армии. Снарядам еще требуется пробиться сквозь лазерную сеть, но мы не можем позволить себе надеяться, что она будет работать без сбоев.

Благодаря американским друзьям, отвечающим за сеть, мы определили расположение артиллерийской батареи, ведущей обстрел наших позиций. Мы намерены прекратить обстрел на то время, пока будем отодвигать стену. Вы – та команда, которая сделает это.

Нгуен смотрит на них всех. И, кажется, задерживает взгляд на Май.

Неужели и вправду? Ее выделили? Или каждый в комнате чувствует, что Нгуен говорит лично с ним?

– Не будет смертей северокорейцев, – категорически заявляет Нгуен, – как и любых телесных повреждений, которые могли бы стать результатом ваших действий. Вы там не затем, чтобы драться, а затем, чтобы вывести из строя технику. Помните: я буду наблюдать. Как и весь остальной мир.

Это всё.

* * *

Капитан Нгуен лично возглавляет «атаку».

Сорок бронированных фигур бледно-голубых цветов ООН рысью бегут из лагеря, двойная линия, еще одна – следом. Половина из них – мешанина из разных подразделений Восточной Европы и Африки, другая – воины Нгуен. Они погружаются в стену деревьев на западе от лагеря, прорубая новые тропы в подлеске.

Шесть миль до северокорейской огневой точки они преодолевают примерно за полчаса и по мере приближения к приподнятой артиллерийской базе рассредоточиваются в стрелковую цепь.

В тот момент, когда они начинают подниматься по склону холма, северные корейцы открывают по ним огонь из защищенного дота, расположенного на гребне пологого холма.

Май вздрагивает от треска и ярости очередей. Откуда-то из глубины ее инстинкты вопят о том, что нужно искать укрытие.

Пули бьют куда-то в среднюю секцию, но броня делает свое дело, гася силу ударов и рассеивая их физическую массу.

Май даже не сбивается с шага.

– Держите строй, руки перед собой, – бормочет Нгуен через коммуникатор шлема. – Покажите им, что мы не вооружены.

В них стреляли, когда они проходили обучение. Но теперь пули предназначены для того, чтобы убивать, а не для того, чтобы новобранцы привыкли к обстрелу.

Это все настоящее. Эти люди пытаются убить Май.

И все, что она собирается делать, – держать руки перед собой и идти вперед.

Неумолимая бледно-голубая линия продолжает движение вверх по холму.

Май чувствует пулю за пулей, каждый заряд, дробью отскакивающий прочь от брони, до тех пор пока не достигает половины холма. И тогда наконец-то северокорейские стрелки прекращают огонь и бегут.

– Дюк, Май, обезвредить дот, – приказывает Нгуен.

С ликующим рыком Май выпрыгивает из линии пехотинцев, сразу же преодолевая пятнадцать футов земли за половину небольшого прыжка, и через секунду приземляется уже перед дотом, у еще горячего дула пулемета.

Дюк не отстает.

– Внутри никого, тепловых маркеров нет, – рапортует Дюк.

Он раскурочивает дот на части, отшвыривая мешки с песком и пробивая стены.

Май сдергивает бревенчатую крышу, роняя лежащие на ней мешки с песком внутрь, в кроличий вольер с раскладушками и радиостанцией. Производимый треск кажется ей далеким и приглушенным, как будто она прикрутила звук голливудского боевика.

За три глубоких вздоха миротворцы превратили укрепленную позицию в груду песка.

Май разбирает пулемет на части, затем хватает магазин за оба конца и скручивает его так, что он уже ни на что не годен. Она проделывает то же с запасным магазином, затем оглядывает боезапас.

– О боезарядах позаботится команда чистильщиков, – говорит Дюк. – Она скоро нас догонит.

Что-то бьет Май в спину, подталкивая. Она резко поворачивается и вышибает оружие у испуганного солдата, сумевшего подкрасться к ней незаметно.

Он стоит там, ошеломленный, придерживает руку, ожидая, что последует дальше.

– Май! – кричит Дюк.

Ее кулак летит, готовый опуститься и размозжить солдату череп, но застывает на месте. Сердце трепещет, во рту пересохло. Она не может игнорировать подкрепленную адреналином уверенность в том, что ее едва не убили.

Но, конечно же, ее не убили. Человек этот не представляет опасности.

– Уходи! – кричит она в свой шлем, и перевод обрушивается на солдата.

Он удирает.

– Май? – спрашивает Дюк.

– Я в порядке, – отвечает она.

Май бросает взгляд назад. В воздухе что-то происходит: десять тяжелых транспортных самолетов доставляют новые сегменты стены, чтобы сбросить их на должное место и обезопасить территорию, которую они зачищают.

Вскоре прибудут огромные, с несколькими прицепами грузовики чистильщиков, чтобы собрать тут все для переработки.

Дюк бросает на землю семь искореженных АКС-47.

– Тогда пошли, – говорит он, и напарники снова идут, преодолевая путь длинными, невозможными шагами, чтобы нагнать ушедшую вперед цепь.

Когда нагоняют, Май видит, что правая половина брони Нгуен почернела. Должно быть, она приняла на себя какой-то сильный взрыв, пока Май рушила дот. На других солдатах тоже есть следы взрывов, но обстрел понемногу прекращается. Северные корейцы большей частью отступают в лес к западу от холма.

Большей частью.

Один предприимчивый орудийный расчет пытается перенести свою огромную, 152-миллиметровую пушку, чтобы сдержать надвигающуюся линию.

Впервые Май видит, как спокойствие Нгуен дает трещину, и та спешно приказывает другой паре миротворцев обезвредить орудие.

Два солдата в броне ускоряются и затем спокойно гонят северокорейцев прочь от орудия, отпугивая их резкими движениями и не обращая внимания на выстрелы пистолетов и автоматов. Избавившись от северокорейцев, они разбивают прицельный механизм, затем принимаются за само дуло.

Северокорейский офицер бежит к двум солдатам в голубой броне, высоко подняв пистолет, и кричит на них. Лицо у него красное, кажется, он вот-вот заплачет от гнева и разочарования.

Отдаленные звуки выстрелов, когда он разряжает всю обойму

в спинную пластину брони ближайшего миротворца, подчеркнуты переводчиком Май.

– Сражайтесь, трусы! Смотрите на меня, как настоящие солдаты. – продолжает бормотать механический голос.

Май сочувствует офицеру.

Это неправильная война.

Никого из них не готовили к подобному.

На каком-то глубинном уровне все происходящее бессмысленно, что для этого офицера, что для нее.

Часть ее жаждет боя. Настоящего боя. Испытания умений, храбрости и оружия.

– А вот и артиллерия, – бормочет Нгуен им всем. – За мной. Уничтожить всё.

Май и Дюк движутся сквозь огневую точку со всей остальной командой, ликвидируя двенадцать крупнокалиберных пушек и бесчисленное множество стрелкового оружия и пулеметов.

Большая часть вооружения находится в очень плохом состоянии. Лишь пять из двенадцати пушек выглядят способными вести огонь, а один из бункеров в стороне забит неразорвавшимися снарядами. С которыми, по разумению Май, вполне справится команда чистильщиков. Несмотря на броню, девушка не хочет связываться с этим.

* * *

Есть одна жертва, и Нгуен недовольна этим. Раненый кореец лежит в похожих на кокон носилках, подсоединенный к системе реанимации, им занимается медик, которого миротворцы захватили с собой.

– Это будет катастрофа для связей с общественностью, – говорит Нгуен Май.

– Что случилось? – спрашивает Май.

– Он бросил гранату, а та срикошетила обратно к нему, – отвечает Нгуен, качая головой. Она сняла шлем и держит его, зажав под мышкой. – Мы вели себя слишком агрессивно. Я боролась против нового расписания, но мои возражения отвергли. Штаб-квартира ООН ободрена достигнутыми успехами. Теперь посмотрите на него: в вечерних новостях каждый увидит этого идиота пострадавшим.

Май оглядывается на раненого.

– Он может выжить.

Нгуен поднимает голову.

– Вы не настолько глупы. Вы в курсе, что значение имеет

лишь его образ раненого. Опросы покажут уменьшение поддержки миссии. А с вами все в порядке, сержант Нонг? Моя командирская программа отметила флажком одно из ваших действий.

Май вспоминает момент, когда она замахнулась кулаком, и открывает рот, чтобы ответить, но другой солдат перебивает ее:

– Капитан, вы должны пойти с нами.

Северокорейцы покинули огневую точку, и защитная сеть полностью установлена в своих новых границах, закрывая эту область противоартиллерийским куполом. Воздушные суда создают вокруг новые стены. Тем не менее Май и Нгуен снова натягивают шлемы и бегут за посыльным.

Тропинка ведет к лесу и виляет в сторону к спешно вырытой яме. Свежий земляной шрам в траве.

Там лежат тела. Истощенные. С выпирающими ребрами. С провалами глазниц.

– Гражданские. – и Май слышит, что голос Нгуен дрогнул.

Тела стянули вниз и сложили в мелкой могиле. Всего лишь старики, женщины, дети, пытавшиеся найти лазейку к лучшей жизни.

Май срывает шлем, чтобы глубоко вдохнуть, и сразу жалеет об этом. Воздух полон зловонным гниением.

– Это наша вина. Они пытаются пробраться в наш лагерь, – говорит она.

Она пока не надевает шлем обратно. Что-то в запахе смерти подкрепляет ее, напоминает, каковы ставки, кто тут теряет больше всех и больше всех боится.

Нгуен поднимает забрало.

– Прямо сейчас они умирают, пытаясь бежать на север, в Китай, или просто медленно погибают в собственных домах. Не забывай.

Май сглатывает и кивает.

Но это не помогает ей избавиться от смутного чувства вины.

* * *

Назад, к центру их основного лагеря, выдохшуюся, с истрепанными нервами Май подвозит один из грузовиков чистильщиков. Китайский инженер, сидящий на конце плоской платформы, любопытствует:

– Я думал, вы не устаете в этих костюмах, – говорит он, предусмотрительно обращаясь к ней по-английски.

– Это неверное представление, – отвечает Май. – Ваше тело

по-прежнему движется весь день. Мускулы все так же много работают. Они просто усилены.

– А если в вас стреляют? – спрашивает он.

Он пялится на царапины с внешней стороны брони.

– Привыкаешь, – говорит Май с упрямой убежденностью, которой пока не чувствует.

Она опускает взгляд к шлему в своих руках. Там вмятина прямо на лбу и слой свинца и меди, брызнувших на лицевую панель.

Вмятина предполагает по крайней мере некоторый уровень уязвимости.

Май встряхивается и оглядывается. Флотилия грузовиков чистильщиков покрыта рекламными слоганами.

– Тут во все встроена реклама? – спрашивает она инженера, надеясь сменить тему.

– Почему нет? – Он пожимает плечами. – Если все идет нормально, то на что целый день смотреть беженцам? На логотипы «Форда» или «Ниссана», «Макдональдса» и «Данона», «Эппла» и «Самсунга». Стать тем, кто принес им мир и процветание, какая реклама может быть лучше?

«А если не сработает, – понимает Май, – эти люди никогда больше не увидят таких символов». Спонсоры теряют некоторое количество грузовиков, сколько-то денег, какое-то обмундирование вроде прошлогодней обуви и тренировочных костюмов.

Компании спишут все как благотворительные пожертвования и так или иначе останутся с прибылью.

Они всегда остаются с прибылью. Они выигрывают при любом раскладе.

* * *

Умы, благодаря которым развился такой способ борьбы, несмотря на их жестко организованный, военизированный мир, родились из мирных протестов и легитимных с технической точки зрения свержений режимов. Это племянники и племянницы двух поколений операций ООН, высмеянных ведущими державами, но обладающих историей тихого, постепенно нарастающего развития и мучительно медленного прогресса.

Они – результат смоделированных решений, тестирования рынка и западного страха дурной славы.

Что в этом всем обозначало войну? В тренировочном лагере Май готовилась к кровавым схваткам ближнего боя и изучала

групповые перемещения. Училась думать как часть команды. Полностью достигать целей миссии.

Армии нужны быстро соображающие решатели проблем, готовые применять насилие ради страны, которой они служат.

Теперь Май спрашивает себя, как так получилось, что она стала автоматизированным существом, настолько следующим букве закона и не трогающим ни волоска на голове врага.

Даже когда враг убивает невинных.

– Это не миссия, – объясняла Нгуен во время тренировок в Австралии. – Это нарушение мандата миссии. Не будете соблюдать его, станете всего лишь очередной силой вторжения.

– Но… кажется… неправильным, – возразил кто-то.

– Слово «правильно» приобретает новое значение, когда на вас эта броня. Она меняет уравнение. Вы становитесь высшей силой по отношению к самим себе.

– С таким технологическим превосходством мы просто не можем проиграть, – добавила Май.

– Зависит от того, что вы вкладываете в слово «проиграть». Люди с запада поняли пределы простого технологического превосходства, еще когда ваш дедушка был юнцом. – Нгуен смерила ее взглядом, и Май невольно спросила себя, получила ли Нгуен доступ к файлам Май, к истории ее семьи. – Страна – это выдумка о согласии, и Северная Корея выстроила миф и контролировала непревзойденную выдумку, подкрепленную полной изоляцией. Люди голодают и благодарят своих правителей за горстку риса, или говорят им спасибо за разрешение посетить лагерь Красного Креста, учрежденный западниками. Чтобы изменить эту выдумку, нам нужно изменить ту историю, которую видит мир, которую видит Северная Корея и с которой имеем дело мы. Сила – часть этой истории. Но мы ею не ограничиваемся.

Капитан Нгуен прошлась туда-сюда, рассматривая своих рекрутов.

– Эти методы недостаточно эффективны, когда их применяют прыщавые подростки, безработные и необразованные. Что действительно нужно, так это железная воля и командная структура военного мышления. Такого мышления, которое понимает: чтобы защитить родину, возможно, придется идти под град пуль и умереть. Такого мышления, которое в состоянии осознанно исполнять приказы. Ни одна страна не видела подобных сил вторжения.

Там был один из западных советников. Он вклинился в разговор:

– Армия выжала сто процентов из ядерного топлива, пока

гражданские теряли время на политические инициативы, тратили впустую субсидии и бесконечно спорили. Мы просто сделали это. Мы создали интернет, наши ракеты отправили людей в космос. Требуется жесткий организационный потенциал и грубая армейская сила воли, чтобы делать такого рода миссии правильно. Иногда засранцев следует убивать. Но в остальное время мы будем использовать иное оружие для иного мира. Сегодня этим оружием будете вы: олицетворение хорошо управляемой ненасильственной военной мощи. Потому что вы – армия, и вы исполните это, и исполните хорошо, иначе вам придется провести часть «личного времени» с капитаном Нгуен.

А потом Май и ее товарищи-рекруты учились, как вести себя при обстреле, атаке и избиении, не демонстрируя и не проявляя агрессии.

Ей немного стыдно за то. что она чуть не провалилась там, на огневой точке. Всю дорогу назад она видит перед собой страх в глазах того солдата.

* * *

Труднее всего для Май – слышать отдаленные, нерегулярные выстрелы пистолета где-то в лесу. Чуткая акустика полной брони каждый раз выделяет выстрел из прочих шумов. Программа калибрует звук, предполагая, откуда он, и локация отображается на дисплее ее шлема.

Всякий раз, как звучит выстрел, Май смотрит на дьявольски красный маркер, демонстрирующий ей, где все происходит.

Каждый выстрел заставляет ее вздрагивать от понимания: это – казнь отчаявшегося и попавшегося гражданского.

– Кто-то должен обратить внимание на казни, – говорит Май капитану Нгуен на встрече штаба. – Мы можем использовать сложившуюся ситуацию, чтобы обратить против палачей общественное мнение.

Общественное мнение уже против них. Сочувствующие нам бойцы северокорейских вооруженных сил загружают видео казней. Наша задача – защищать лагерь. Не высовывайтесь. Патрулируйте стены, сержант. Выполняйте свою работу.

В конце концов Май уходит к южной стене и с помощью техника ослабляет акустику.

Но даже угроза смерти не останавливает поток беженцев. Они рискуют всем, чтобы пройти через расположение северокорейских частей и сделать отчаянный рывок в безопасность лагеря. Лагерь постоянно растет.

После очередного долгого патруля Май сталкивается с Дюком у общественной столовой рядом с северной стеной.

– Как ты? – спрашивает он спокойно.

Он немного замкнулся в себе после того, как они впервые нашли открытые могилы.

– Меня не застрелили сто тридцать семь раз, – говорит он ей с ноткой удивления в голосе. – Броня работает. Но я думаю… она…

Дюк смотрит в сторону, потом снова на нее. Он открывает рот, чтобы продолжить, и кажется, будто он кричит. Демонический звук заполняет воздух, нарастает, все громче и выше, так что Май уже с трудом воспринимает его.

Когда Дюк закрывает рот, звук не прекращается.

Они выбегают из дверей общественной столовой, быстро надевая шлемы и оглядываясь по сторонам, и наконец смотрят вверх.

Мерцание, резкий красный луч света разрезает небо над лагерем надвое. Он бьет вертикально вверх и исходит откуда-то с юга, оттуда, где, по соображениям разведки, северокорейцы разместили свою новую огневую точку.

– Что это? – спрашивает Дюк.

Информация прокручивается на панели шлемов. Это лазер. Высокоэнергетический, очень плотный. Большей частью луч, который Май «наблюдает», на самом деле картинка, спроецированная датчиками ее костюма.

Девушка провожает взглядом путь луча и видит, что он аккуратно пересекает иконку, обозначающую дирижабль, парящий в тридцати километрах над ними.

– Они нацелились на наши энергетические ресурсы, – говорит Дюк.

Иконка мерцает и гаснет.

Повсюду вокруг них мерцают, а затем гаснут огни. Май резко оборачивается и смотрит на башню в центре их города беженцев. Огни системы точечной защиты мерцают и гаснут.

* * *

Активизируется связь брони со спутником, и шлемы миротворцев автоматически переключаются в режим записи: видеопоток шестьдесят кадров в секунду устремляется прямиком в командные центры в Ханое, Пекине и Женеве. Вся местная пропускная способность зарезервирована для зашифрованных переговоров внутри команды.

В результате все они теперь видят в верхнем правом углу визоров лицо капитана Нгуен, раздающей приказания и требующей рапортов.

Май и Дюк направлены к южным воротам, и, чтобы добраться туда, они бегут по улицам, перепрыгивая через маленькие одноэтажные строящиеся дома для беженцев, что попадаются на их пути.

Фоном ко всему вопят сирены. Жители города, без сомнения, препровождены подальше от окон, вглубь многоэтажек. Но если началась настоящая атака, то это малоэффективно. Без сети точечной защиты лагерь уязвим.

Слегка запыхавшись, Май осматривает леса и холмы за границей лагеря.

– К этому моменту мы должны были перераспределить всю энергию от реактора, – говорит она Дюку.

И будто отвечая прямо ей, капитан Нгуен произносит:

– Я только что узнала, что несколько силовых кабелей, идущих от реактора, были повреждены. Мы не можем полностью восстановить сеть. В результате прямо сейчас она работает в автономном, самозащитном режиме и сбивает лишь те снаряды, которые могут попасть в башню. Инженеры докладывают, что потребуется десять минут на восстановление подачи энергии. Вы знаете свои обязанности. Не допускайте, чтобы хоть один северокореец прошел через ворота. И держите занятую позицию. Боевое столкновение неизбежно. Их силы перестраиваются для атаки.

Через тепловой визор Май видит мелькающие за деревьями тела.

– Не было никаких картинок со спутника, которые показали бы, что объявилась остальная часть их армии, – говорит Дюк. – Это только один батальон. Мы справимся с этим даже без сети, верно?

– Конечно, – соглашается Май.

Как раз когда она открывает рот, чтобы продолжить свои заверения, короткая вспышка мигает за деревьями, а затем следует тихий, глухой звук, догоняющий вспышку.

– Минометный огонь, – кричит Май по широковещательному каналу.

Ее шлем выстраивает траекторию, и ярко загорается предупреждающий знак «БЕГИ».

Дюк разворачивается прочь, а Май прыгает наугад, потому что вселенная взрывается оранжевым и черным. Она видит над головой звездное колесо, мир закручивается вокруг нее, когда она уходит из падения в перекат.

Она приземляется на полусогнутые ноги, компенсируя столкновение с землей. Левая рука волочится, кончики пальцев бороздят землю, пока она скользит назад на подошве и наконец останавливается.

– Дюк!

Он лежит лицом вниз. Вся спина его костюма черна. Май бросается к нему.

– Дюк!

В наушнике шлема раздается стон. Отчет о состоянии показывает, что он всего лишь оглушен. Дюк садится, пока Май просматривает ряд деревьев, ожидая следующего залпа или неминуемой лавины солдат.

Следующий выстрел миномета идет высоко над головой и сопровождается мрачным взглядом Май, когда она просчитывает его траекторию за стеной. Здание для приема беженцев взрывается беспорядочными осколками сжатого фибролита и электроники.

Май встает.

Следующая мина падает прямо в лагерь.

– Они не собираются атаковать, – рапортует Май капитану Нгуен. – Они просто хотят добраться до гражданских.

Теперь уже больше снарядов взрывается в центре лагеря. Разбитое стекло блестит, дождем осыпаясь на улицы.

Открытый канал заполняют рапорты медиков. Десять ранено. Убитых нет. Но еще несколько минут такого обстрела, и все будет плохо.

– Капитан…

– Держите позицию, сержант. Это может быть ловушка, чтобы выманить кого-нибудь из нас перед атакой. Не оставляйте свой пост. Слушайте меня, у нас три миллиона смотрят все происходящее в прямом эфире, конфликт транслируется всюду в режиме реального времени, чтобы удовлетворить спонсоров и рекламодателей. Мы придерживаемся нашего курса.

Но Май уже не слушает.

– Дюк, что это?

Ее сенсоры улавливают звук гусениц.

– Танк?

– Нет.

На долю секунды за два километра от них, различимая лишь современными автоматическими линзами шлема, показывается схема самоходной артиллерийской установки, катящей через подлесок между «Найком» и новой корейской огневой точкой.

«Коксан», идентифицирует ее визор. Сто семьдесят миллиметров смерти на колесах.

Должно быть, ее подвезли сюда помочь артиллерии, уже уничтоженной Май и ее командой.

Май движется вперед раньше, чем осознает это.

– Май! Держи позицию, – приказывает Нгуен.

– Дюк, останься здесь, – говорит Май, а потом, прежде чем он успевает ответить, отключает связь.

Она пересекает открытое пространство и углубляется в лес, продираясь через подлесок, раньше, чем сделает два полных вдоха. Это похоже на ходьбу по песку, и она оставляет за собой след из сломанных веток и треснутых бревен.

Конечно же, появляются атакующие. Пули отскакивают от ее брони во всех направлениях, и она виляет, чтобы обойти военных, выпрыгивающих у нее на пути.

Она по-прежнему транслирует видео в прямой эфир. Она не может его отключить. Наверное, весь мир видит это. Она не может позволить себе навредить кому бы то ни было.

Но Май должна остановить эту САУ. Потому что САУ – это намного громче, чем те тихие звуки казни, что она слышала в отдалении.

Это будет взрыв. Он мгновенно заберет множество жизней. И они станут стрелять до тех пор, пока ремонтники не починят сеть точечной защиты.

А Май может остановить трагедию.

Она сумеет разорвать эту установку своими усиленными руками.

Гравий трещит и рассыпается под ее ногой, когда она вырывается на открытое место и стремглав бежит по дороге.

Огонь по ней усиливается. Редкий звон пуль по броне перерастает в ливень. Солдаты, укрывшись за небольшими валунами, стреляют по ней. Последний километр Май преодолевает гигантскими прыжками, перескакивая через головы и машины, спешно вырытые огневые позиции.

Но она опаздывает. Май видит артиллерийскую установку. В основе своей это большой бак с непомерно огромной пушкой, установленной сверху. Она кажется неустойчивой, как будто готовой опрокинуться вперед.

Длинное дуло лишь слегка поднято и наведено на цель. САУ будет стрелять, как танк, с этого расстояния снаряд навесом пройдет как раз над головой Май и попадет в нижний сектор купола точечной защиты. Даже если защита уже активирована.

Шестеро солдат крутятся вокруг платформы. В отличие от большинства современных САУ, тут экипаж не заключен в броню машины.

Когда Май доберется до орудия, она сможет деактивировать

его и отогнать солдат прочь.

Но один из них уже закрыл затвор и отступает назад.

Другой указывает на нее и кричит.

Она не успеет до того, как они начнут стрелять.

Май приостанавливается, выдирает из земли трехфутовый валун и бросает его изо всех сил. Двое солдат ныряют прочь от установки, но двум другим бежать некуда.

Кровь забрызгивает борта орудия. Серое вещество капает со ствола пушки.

В считаные секунды Май оказывается рядом и вминает кулак в затвор, выводя его из строя.

И долгое мгновение стоит на броне, слишком ошеломленная, чтобы двигаться.

А затем на Май набрасывают петлю и затягивают на шее сзади. Броня не дает удушить ее, но петля прочна. Скорее всего, экранированный кабель.

Май пытается прыжком вырваться на свободу, но кабель отдергивает ее назад. Земля больно бьет в спину, и, несмотря на всю защиту, Май задыхается, а в глазах у нее темнеет.

Ее тянут по земле, она пытается снова вздохнуть, но не удается: слишком трясет, когда броня шкрябает землю. Она слышит рычание старого грузовика, ускоряющего ход, волочащего ее дальше.

Май тянется к тросу, пытаясь найти точку опоры, но девушку мотает на неровной поверхности.

Если ее сумеют оттащить достаточно далеко, она станет всего лишь человеком в броне. Далеко от лагеря. Далеко от подкреплений.

Май кричит в ярости, а затем внезапно оказывается на свободе, упав на обочину грязной дороги. Трясущимися руками она толкает себя вверх. Сперва на колени, потом на ноги, каждая дрожь и каждое сотрясение тела усилены броней.

Она тянет на себя кабель, пока не видит обрезанный конец, затем оглядывается.

Группа фигур в синей броне идет по дороге к ней.

Май снова включает свой коммуникатор.

– Нонг Май Тхюи?

– Да, капитан Нгуен?

– Нам есть что обсудить.

* * *

– Вы готовы отправиться домой? – спрашивает Нгуен.

– Нет, – отвечает Май, зная, что ее пожелания не имеют значения.

Она стоит перед столом Нгуен в своей старой форме полиции морской пехоты. Одежда свежая и по фигуре. Ленты за храбрость и выполненные операции больше не вызывают гордости, но кажутся странными, бесполезными безделушками.

Она должна быть в броне, а не в этой униформе.

– Полагаю, на самом деле вопрос в том… что вы будете делать дальше? – говорит Нгуен. – У меня два варианта, которые вы могли бы рассмотреть.

– Два? Я не понимаю.

– Вы убили двух человек, Нонг Май Тхюи. Все это в тот момент, когда вам было приказано держать позицию.

– Я спасла много жизней, – возражает Май.

Нгуен сверкает улыбкой. Несимпатичное зрелище. Но ожидаемое. Словно хищник, наблюдающий за тем, как жертва попадает в ловушку.

– Да. Жители лагеря называют вас героем. Но протяни вас дальше по дороге, и вы могли бы убить намного больше, чем спасли. Это моральная дилемма. Ученые иногда просят вас поразмыслить: столкнете ли вы человека под поезд, чтобы спасти всех, кто в нем едет? Звучит глупо, да? Но вот они мы, солдаты. Мы часто толкаем людей под поезд ради большего блага. Вы только что столкнулись с собственной моральной дилеммой, Май. Я не могу осуждать вас за то, что вы сделали. Но мы не добьемся успеха, если будем отвечать насилием на насилие. Наша обязанность – выдерживать бури и стоять между опасностью и нашими потерями. Лишь поступая так, со спокойствием, мы можем получить разрешение всего мира на продолжение нашей миссии тут. Вы поставили под угрозу большую цель. Северокорейцы заявят, что технологически превосходящая армия вторжения незаслуженно жестоко обошлась с ними, и неважно, насколько смехотворны эти претензии. Вы поставили под угрозу срыва всю нашу миссию. Это недопустимо.

Май раздумывает над странностью случившегося. Знаменитая капитан Нгуен, у которой медалей, наверное, могло быть раза в три больше, чем у Май, если бы она захотела, капитан Нгуен, отведавшая насилия на камбоджийской границе и съевшая его на ужин, читает Май лекцию о неприменении насилия.

– Так что со мной будет? – спрашивает Май.

– Гаага хочет послать вас под трибунал и посадить в тюрьму. – Нгуен постукивает по столешнице. – Лично я считаю, что суд мирового мнения будет на вашей стороне и в тюрьму вы не попадете. Вы – герой лагеря «Найк», в конце концов. Но всё это

потащат на публику и будут давить на вовсе не нужные места. Рекламодатели, люди, которые за этим стоят, генералы там, в Гааге, – произошедшее бросит на них тень.

Май невольно съеживается. Объект мирового внимания. Карусель СМИ. Одна мысль о подобном кажется чуждой и ужасающей для того, кто предпочитает приватность.

Нгуен толкает к ней листок бумаги.

– Если вы считаете, что эти люди стоят того, чтобы их защищать, если вы думаете, что лагеря пытаются делать добро, тогда я предлагаю вам второй путь.

– Какой? – спрашивает Май.

– Почетная отставка. В том, что все так случилось, едва ли есть ваша вина, правда. Мне следовало бы раньше заметить тревожные признаки, вашу агрессивную позицию. Чрезвычайную жажду справедливости. Я игнорировала это, поскольку вы – хороший человек с добрым сердцем. Я не допущу такой ошибки снова. Подпишите, и можете уходить, не нужно создавать проблем себе или делать так, чтобы наши солдаты или наша страна выглядели плохо. Возвращайтесь к семейному бизнесу. Живите нормальной жизнью.

Долгое мгновение Май смотрит на бумаги, потом подписывает их, пытаясь сдержать проявление каких бы то ни было эмоцией, пока Нгуен наблюдает за ней.

– Хороший выбор, гражданин Нонг Май Тхюи, – говорит капитан Нгуен. – Хороший выбор.

* * *

Следующий вылет из лагеря «Найк» приходится на раннее утро. Май сидит в отсеке одна, выглядывает в окно, когда самолет поднимается сквозь мерцающую зеленую сеть точечной защиты. Северокорейцы заняты, вновь пробуя ее на прочность.

Скоро будет выслан дополнительный реактор, который удовлетворит нужды лагеря. Пока лагерь работает, отключив питание для всех несущественных целей. Поговаривают, что на следующей неделе калифорнийская корпорация, производитель солнечных панелей, поставит их достаточно, чтобы удовлетворить большую часть бытовых нужд гражданского населения, но переговоры о рекламе все еще ведутся. Когда панели установят, они помогут максимально обеспечить лагерь энергией.

И ее не будет тут, чтобы увидеть все это.

Самолет все так же поднимается по крутой спирали, постоянно оставаясь внутри воздушного пространства лагеря

«Найк». В конце концов он достигнет нужной высоты, окажется вне радиуса действия любых ракет и вне досягаемости северокорейских воздушных сил и тогда прекратит свое вращение, чтобы направиться в Ханой.

– Мисс Нонг? – спрашивает пилот.

Он присаживается на край сидения, держа в руках маленькую деревянную коробку.

– Да?

– Несколько беженцев на взлетно-посадочной полосе попросили меня передать это «герою лагеря „Найк“», – говорит пилот, вручая ей коробку.

Она открывает подарок и видит браслет, сделанный из микроволокна и украшенный шармами, выполненными из свежепереработанных медных гильз.

Когда она снова выглядывает в окно, лагерь уже не виден за облаками.

Роберт Рид
Муравьи с полей Фландрии

Роберт Рид издал свой первый рассказ в 1986 году и сразу же зарекомендовал себя как один из самых плодовитых авторов в жанре малой прозы. При всей плодовитости он ухитрялся выдерживать высокий стандарт качества, что делать далеко не просто, и этим покорил сердца и умы аудитории. Его «Реморы» («Rémoras»), «Куколка» («Chrysalis»), «Мозг» («Marrow»), «Почетный гость» («Guest of Honor»), «Убить завтрашний день» («Killing the Morrow») и не переведенные пока пока «Сестра Элис» («Sister Alice»), «Брат Совершенство» («Brother Perfect»), «Правила приличия» («Decency»), «Спаситель» («Savior»), «Хлыстохвост» («Whiptail»), «Утилитарный человек» («The Utility Man»), «Деньрождения» («Birth Day»), «Слепой» («Blind»), «Гадость небесная» («The Toad of Heaven»), «Шаг» («Stride»), «Очертания всего» («The Shape of Everything»), «В борьбе за добро» («Waging Good») вместе с другими не менее сильными произведениями входят в число лучших рассказов, написанных в 80-е и 90-е годы. Многие из них опубликованы в сборниках «Драконы родников» («The Dragons of Springplace») и «Кукушкины ребята» («The Cuckoo's Boys»). В 2007 году Рид получил премию «Хьюго» за повесть «Ева раз, Ева два…» («A Billion Eves»). Кроме того, с конца 80-х годов он начал активно работать с крупной формой и опубликовал одиннадцать романов: «Подветренный берег» («The Lee Shore»), «Джунгли гормонов» («The Hormone Jungle»), «Черное молоко» («Black Milk»), «Замечательные» («The Remarkables»), «По яркой дороге» («Down the Bright Way»), «За вуалью звезд» («Beyond the Veil of Stars»), «Стая жаворонков» («An Exaltation of Larks»), «Под запертыми небесами» («Beneath the Gated Sky»), «Сестра Элис» («Sister Alice»), «Звездный источник» («The Well of Stars»), переведен на русский язык один – «Жизненная сила» («Marrow»), – а также две повести: «Пруд» («Mere») и «Оттенки моего гения» («The Flavors of My Genius»), изданные одной книгой. В 2012 году в ышла его новая повесть «Костоед» («Eater-of-Bone»).

Роберт Рид живет со своей семьей в Линкольне, штат Небраска.

В публикуемой здесь сложной и оригинальной повести Рид рассказывает об инопланетном вторжении, но делает это ярче и смелей, чем подобные истории преподносятся в таких фантастических фильмах, как, например, «Инопланетное вторжение: Битва за Лос-Анджелес». Могущественные и странные пришельцы, едва открыв Землю, тут же нападают на нее, а люди

ничего не могут изменить и способны повлиять на результат этой битвы ничуть не больше, чем случайно оказавшиеся на полях Первой мировой войны муравьи, к которым и отсылает название повести.

Незваные гости

Масса кометы была спрессована в плотную длинную иглу. Покрытая углеродной сеткой и непереходными металлами, она не выглядела чужеродной для Вселенной. Холодная и черная, как сам космос, глыба не несла в себе ничего способного течь, или мерцать, или испускать хоть самый слабый электронный писк – триллион тонн тотипотентной[89] материи, лишенной какого-либо двигателя, но все же мчащейся вперед со скоростью в девять процентов от световой. Ни один из известных миров не заявлял о ней как о своей собственности. Никакой анализ состава или расчет траектории не указывал на повинного в ее создании. Кто-то вложил огромное богатство и неистовый гений в это устройство, почти невидимое, инертное, как пуля, и летящее сквозь время по направлению к запретному и тщательно охраняемому региону.

Желто-белое солнце засияло ярче, в то время как пространство вокруг становилось все более замусоренным. Шальные ионы и прочие разновидности космической пыли несли в себе опасность. На повреждения от неизбежных столкновений можно было не обращать внимания, но они каждый раз сопровождались яркой вспышкой. Ее ловил миллион притаившихся глаз, связанных с параноидальным мозгом, который только и думал о том, как бы обнаружить какое-нибудь необъяснимое явление. Сети защитников охотились за любым изображением, случайным звуком или дефектом маскировки. Секретность требовалось соблюдать как можно дольше. Вот почему игла приблизилась на расстояние в тридцать астрономических единиц, прежде чем выйти из стазиса. В глубине этой громадины начал развиваться временный мозг, впитывая энергию солнечного света, и во все стороны разбежались десятки глаз. Тысячи миров сразу будто выставили себя напоказ. Большинство из них были бесплодными, а вот те, что покрупней, обладали атмосферой и подходящим климатом, дикие, но прекрасные. И хотя эти планеты тоже манили к себе новорожденного пилота, первоначальная цель сохраняла прежнее очарование – яркое зернышко с водой и кислородом, силикатами и медлительной зеленой жизнью.

Требовалось провести последнюю коррекцию курса с потрясающей силы импульсом. Хвост иглы начал стремительно менять форму, микронной толщины нити вытянулись на тысячи миль и сплелись в послушную паутину, тут же поймавшую первую порцию солнечного ветра.

Этот ветер был сладок на вкус.

* * *

Скоро должны были привезти пингвинов. Своим видом и смешными повадками пингвины Гумбольдта обещали Детскому зоопарку немалую прибыль, и для них специально построили новый вольер. Толпе с незапамятных времен нравилось глазеть на комичных, беспокойных птиц, так похожих на маленьких людей. Но у пингвинов, конечно же, не имелось ничего общего с людьми, и, когда Саймон Блох думал о том, что похож на пингвина, он определенно не считал себя частью толпы.

Блох был упрямым, замкнутым шестнадцатилетним парнем ростом шесть с половиной футов, с крепкими руками и силой взрослого мужчины, с неторопливой, расслабленной походкой и вечно сонным лицом, но зорким взглядом, замечавшим очень многое. Возможно, он и не блистал гениальностью, но ему хватило ума и старательности, чтобы заслужить приглашение в научную программу Зоологической школы. Учителя считали его способным. Из-за своего безразличного вида он казался совсем взрослым. Но имелась у него и еще одна, можно сказать, уникальная особенность: по странному выверту мальчишеского характера он не знал, что такое страх.

Еще ребенком Блох продемонстрировал полную невосприимчивость к громкому шуму и дурным снам. Позже старший и абсолютно нормальный брат донимал его историями о ночных демонах и гигантских змеях, питающихся исключительно дошколятами, но эти страшилки только подогревали жгучее мальчишеское любопытство. В семилетием возрасте Блох ночью ускользнул из дома и долго бродил по улицам и лесным участкам, надеясь встретить последнего уцелевшего Ти-Рекса. В девять лет он сел в автобус и проехал полдороги до Сиэтла, собираясь выследить там Бигфута. Блох вовсе не испытывал свою храбрость. Люди проявляют храбрость, когда у них пересыхает во рту и бешено колотится сердце. А он всего лишь хотел посмотреть в глаза чудовищу, восхищаясь его пьянящей, злобной силой, и по возможности украсть частичку его магии для себя.

Сейчас Блох не думал ни о каких чудовищах. Первую партию пингвинов должны были привезти завтра утром, и он размышлял о предстоящей пресс- конференции и вечеринке для «отцов-благодетелей» зоопарка. Мистер Райтли попросил Блоха остаться после занятий, чтобы передвинуть мебель, поэтому сегодня мальчик возвращался домой позже обычного. Вечер оказался

теплым для ноября и достаточно светлым, хотя солнце висело над самым горизонтом. Триста фунтов неуклюжего мяса направлялись на восток. Блох представлял, как пингвины будут плавать в новом бассейне… Но тут вдали раздался пронзительный автомобильный гудок. Через мгновение какой-то мужчина принялся орать на своих детей, обещая им дома все муки ада. Ни тот шум, ни другой не вызвали у Блоха особого интереса, но вырвали его из мечтательного состояния.

Затем в сторону Пендера пронеслись две машины. Пендерский бульвар проходил кварталом северней, но машины мчались очень быстро и продолжали набирать скорость, поднимаясь по пологому холму. Они, наверное, выжимали семьдесят, если не все восемьдесят миль, но за ревом моторов, попусту растрачивающих бензин, Блох все равно расслышал сигнал, объявляющий, что пришло сообщение от Мэтта.

Это было совершенно нормально для брата-солдата – бросить пару слов «мелюзге», перед тем как лечь спать.

«так вот что это за хрень», – прочитал Блох.

«какая хрень», – начал печатать он, но не успел отослать ответ, когда пришел еще один зашифрованный привет с ночной стороны Земли:

«огромный кусок дерьма на огромной скорости скорее всего пролетит мимо я рад а ты»

Блох фыркнул и отослал свои два слова.

Два гонщика скрылись из виду. Далекий гудок тоже затих, и никто больше не кричал на своих детей. Но все перестало казаться нормальным. Блох ощущал это. Пендер был скрыт за домами, но чувствовалось, что движение там, как по команде, резко усилилось. Водители разгонялись до пятидесяти или шестидесяти миль в тех местах, где стояло ограничение в сорок, и грохотало так, словно всю улицу заполонили машины. Блох попытался позвонить кое-кому из друзей, но ничего не вышло. Тогда он набрал рабочий телефон матери, и как раз в тот момент, когда она, похоже, взяла трубку, связь оборвалась.

Но тут опять раздался сигнал от Мэтта:

«здоровенная космическая задница летит прямо на нас ловит солнечный свет парусом ты что ни хрена не видел?????»

Блох попытался открыть страницу новостей науки BBC. Она тормозила, да и аккумулятор телефона уже садился. Юноша стоял на тротуаре всего в четырех кварталах от дома, но нужно было еще перейти через Пендер. А там словно начались гонки NASCAR. Машины с визгом тормозили. Внезапно из-за угла выскочил «Мини». Блох разглядел оранжевые волосы и сигарету в руке. Женщина промчалась мимо и свернула в следующий

проезд, зацепив бордюр так, что полетели искры. Затем она припарковалась, взбежала по ступенькам крыльца и теперь сражалась со связкой ключей, пытаясь найти среди них нужный.

– Что случилось? – крикнул ей Блох.

Она обернулась на крик и выронила ключи. Затем вставила сигарету в рот, наклонилась, и тут ей улыбнулась удача. Отыскав нужный ключ, она выпрямилась, отдышалась и сказала:

– Пришельцы. Космический корабль, огромный, как вся наша Земля, и эта штука сейчас долбанет прямо по нам.

– Как это?

– Столкнется с Землей. Через пять минут.

С этими словами женщина скрылась за дверью.

Усевшаяся на соседней акации белка подняла голову и посмотрела одним карим глазом на очень высокого мальчишку.

«Космический корабль, – усмехнулся Блох. – Ничего себе».

Прострекотав в знак согласия, белка забралась повыше и спряталась в листве.

Изображение наконец загрузилось на маленький экран телефона: черный космос окружал расплывчатое пятно, произвольно окрашенное компьютерной программой в розовый цвет. На бегущей строке внизу мелькали постоянно обновляемые данные о событии, случившемся всего час назад. Космический корабль был огромен, но летел очень быстро, и астрономы только недавно его обнаружили. Казалось, он совсем не имеет массы. Солнечный ветер замедлил его до скорости тысяча миль в секунду, а это в тысячу раз быстрей полета пули. Часы в углу экрана отсчитывали время до столкновения. Осталось меньше четырех минут. Блох крепко держал телефон в руке. Он ничуть не испугался. Двигаясь в сторону Солнца, корабль внезапно изменил направление. Вероятно, он столкнется с Землей на ночной ее стороне. Но это всего лишь солнечный парус, тонкий и непрочный, а потому точно предсказать величину ущерба невозможно. Самое большее, что ощутил Блох, это необычное радостное возбуждение. Если ему повезет на светофоре, он проскочит перекресток у подножия холма и прибежит домой как раз вовремя, чтобы увидеть столкновение по телевизору.

Но он не успел сделать и шагу. Сзади внезапно раздался рев низко летящего самолета. Мир пошатнулся, а затем рев внезапно оборвался выворачивающим наизнанку взрывом, перетекающим в мешанину прочих звуков. Завизжали тормоза, шины заскребли по асфальту, и Блох ощутил, как что-то с ужасной силой ударилось о землю. Наверное, какой-нибудь огромный грузовик перевернулся посреди Пендера. Что еще это могло быть? Стремительно мчавшиеся по дороге машины пытались затормозить или съехать

на тротуар. Блох услышал, как кто-то столкнулся и потерявший управление грузовик или городской автобус покатился вниз по склону холма. Повернувшись на запад, откуда раздавался шум, Блох не смог разглядеть за домами скопление транспорта на бульваре, но виновник катастрофы промчался мимо него и врезался в высокий дуб, так что крепкое дерево зашаталось и с ветвей посыпались увядшие коричневые листья. Затем столкнулись еще несколько небольших машин, и неожиданно наступила густая, вязкая тишина.

Переулок поворачивал к Пендеру. Блох добежал до угла. Машины еле-еле тащились на запад по некрутому подъему, а на восток не ехал никто. Тротуар и крайнюю полосу загородил собой черный и, похоже, металлический шар величиной с дом. В глубине души Блох рассчитывал увидеть грузовик и потому подумал, что это чертовски необычный грузовик. Он рассмеялся. Стоявший на соседней лужайке старик услышал его смех и обернулся. Дедулю мелко трясло, широко раскрытые глаза беспокойно озирались вокруг. Он сделал глубокий вздох и только после этого смог выдавить:

– Я это видел своими глазами. – Он поднял дрожащую руку и добавил: – Я видел, как оно упало.

Затем он шлепнул раскрытой ладонью по воздуху, изображая, как незваный гость ударился об асфальт и покатился по склону, пока не остановился, воткнувшись в дуб на обочине.

– Ничего себе, – сказал Блох.

– Это мой двор, – прошипел старик с таким видом, будто это было самое важное. Затем он опустил руку и стиснул одной ладонью другую. – Как ты думаешь, что это? Космический корабль?

– Зловещий комический корабль, – ответил Блох.

Он обошел шар кругом в поиске люков или антенн. Но ничего похожего на черном шершавом корпусе не было. Выше по дороге в беспорядке стояли машины, поврежденные при падении шара или столкнувшиеся между собой. Развернутый носом на восток «Бьюик» остался без крыши. Старик посмотрел на разбитые машины и задрожал еще сильней.

– Не хочу на это смотреть, – заявил он вернувшемуся Блоху. – Уходи оттуда.

Но Блох не остановился.

«Бьюиком» управляла пожилая женщина. Шар упал позади ее машины. Изящная рука так до сих пор и покоилась на колене, на безымянном пальце сверкал бриллиант, только головы у женщины не было. Блок посмотрел на окровавленный обрубок шеи с жалостью и удивлением, но в то же время с обычным своим

настороженным интересом.

Отовсюду: из соседних домов, из разбитых машин, а также из тех, что остановились для оказания помощи, – сбегались люди. Они кричали и возбужденно переговаривались между собой.

– Господи, – завопила какая-то женщина. – Там внутри кто-то живой!

Между перевернутым пикапом и «Бьюиком» стоял старый «Одиссей», сплющенный и развороченный. Одежду водителя минивэна вдавило прямо в мясо. На всех креслах в салоне были дети, пристегнутые ремнями безопасности, но только одна маленькая девочка на заднем сиденье оставалась в сознании. Она посмотрела на Блоха, улыбнулась и что-то сказала, и он улыбнулся ей в ответ. В вечернем воздухе остро пахло бензином. Блох размахнулся и разбил локтем стекло задней двери, потом просунул руки внутрь, отстегнул девочку и вытащил из машины. Сидевший рядом мальчик – наверное, ее брат, – казалось, крепко спал. Половину его лица залило кровью. Мальчишку Блох тоже отстегнул и вытащил, а затем отнес обоих к тротуару, пока другие взрослые стояли вокруг минивэна и обсуждали, как освободить из ловушки трех оставшихся детей.

В этот момент женщина, которая недавно кричала, заметила, что бензин стекает по улице к горячему космическому шару. И завизжала еще громче, чем раньше:

– Боже мой, он сейчас взорвется!

Люди, пригибая головы, бросились врассыпную, но все же нашлись такие, что шагнули вперед, борясь с заклинившими дверями и собственным страхом, и попытались вытащить из машины потерявших сознание или мертвых детей.

Один мужчина сверкнул на Блоха глазами и сказал:

– Чего стоишь? Помогай.

Но бензина вытекло слишком много. Должно быть, у пикапа имелся дополнительный бак, и его зажало между минивэном и «Бьюиком». Блох подумал, что в этом космическом корабле наверняка полно всякого электричества и инопланетного топлива. «Это же очень опасно». Он рванулся вперед, стащил с себя пальто и обе рубашки, скатал их в комок и бросил прямо в тонкий ручеек, на время затормозив его течение.

Крикливая женщина теперь стояла во дворе у старика. Она была весьма симпатичной, хотя и довольно старой. Посмотрев на голую грудь Блоха, женщина спросила:

– Что ты делаешь?

– Помогаю.

Ничего глупее женщина в жизни не слышала. Так она и сказала Блоху, недоверчиво скривив лицо.

И тут опять заиграл сигнал Мэтта. Брат прислал новое сообщение.

«вокруг так тихо готов поспорить ты хотел бы увидеть как этот огромный ублюдок закрыл все небо так странно ни одной звезды только он сияет и красиво понимаешь??? тебе бы понравилось»

А затем еще несколько последних слов:

«удачи тебе и любви Мэтт».

* * *

Углерод и нановолокна были маскировкой, а слабеющий поток кометных обломков служил прикрытием. Машина, созданная для великой цели, провела сорок миллионов лет в бездействии. Но неизбежное все равно должно было случиться, и причуды орбитальной динамики придали ей чрезвычайную важность. Она израсходовала топливо до последнего грамма, и ничто уже не могло исправить ее курс. Целью выбрали небольшое озеро, где очень многое стало бы возможным, но корректировка траектории оказалась неточной, и корабль промахнулся на целые мили. Он остановился на узкой полосе твердых углеводородов, заполненной бессмысленными механизмами, жидкими углеводородами, целлюлозой и мешками со столь необходимой водой.

Машина увеличила число глаз, смотревших во все стороны.

Она просчитала варианты стратегии, выбрала лучший из них и только после этого начала формировать тело и симпатичную мордочку.

* * *

Старик, размахивая пожарным шлангом, велел Блоху отойти подальше от этого чертова бензина. Но другой старик, еще древнее первого, заявил, что шар наверняка горячий и поливать его холодной водой – не самая лучшая идея. Шланг с неохотой отложили в сторону. Но поток бензина начал обходить с краев дамбу из хлопка и полиэстера. Блох подумал, не попросить ли рубашки у других людей. Потом представил, как садится на асфальт и своей задницей преграждает путь бензину. Но тут подбежал еще один герой с желтым ведром, наполненным кошачьим туалетом, и высыпал эту дрянь прямо на дорогу, соорудив новую дамбу.

Тем временем незваный гость начал меняться. Его очертания оставались идеально круглыми, но поверхность почернела еще больше и заблестела. Приблизив лицо к шару, Блох ощутил жар, возникший от трения об атмосферу, но не отстранился, а продолжил всматриваться в прозрачную оболочку, под которой метались туда-сюда какие-то темные силуэты.

– Круто, – сказал он.

Окружающие советовали оставшемуся без рубашки парню быть осторожней, чтобы не обжечься. Они говорили, что ему нужно поскорей найти себе одежду, иначе он простудится. Но Блох чувствовал себя прекрасно, если не считать царапины на локте, которую он получил, выбивая стекло минивэна. Он протянул руки и излучающему тепло шару и следил за тем, как тот менялся. Радиоприемники в машинах наперебой сообщали одни и те же новости: огромный космический аппарат упал на ночную сторону Земли. Говорили об отключениях электроэнергии и незначительных повреждениях. Европе и России, вероятно, досталось больше всех, хотя со Среднего Востока до сих пор не было никаких известий. Затем внезапно большинство станций переключились на один канал. Какой-то мужчина профессорским тоном объявил, что «зонд необычной формы» занимает площадь в миллион квадратных миль, но, за исключением небольших узлов и выступов, он тоньше паутины и поэтому не представляет никакой опасности. «С миром ничего страшного не произошло», – сказал он напоследок.

На Пендерском бульваре зазвучали сирены, и машины оттащили ближе к домам, чтобы дать дорогу пожарным и скорой помощи. Работы у медиков было много. Мертвых и оставшихся в живых детей вытащили из минивэна, и та самая крикливая женщина стояла теперь посреди кровавой сцены и давала указания спасателям. Тем временем мужчина с кошачьим туалетом и старик со шлангом уставились на космический корабль.

– Он прилетел издалека, – сказал кошатник.

– Наверное, – согласился хозяин шланга.

Блох подошел ближе.

– Тебе не холодно? – спросил шланговладелец.

Парень пожал плечами и ничего не ответил.

На этом расспросы закончились.

– Да, этот корабль прилетел издалека, – сказал мужчина с ведром. – Надеюсь, он не хотел этого.

– Чего он не хотел? – спросил его приятель.

– Причинить вред людям.

Что-то здесь было не так. Блох оглянулся на «Бьюик», затем

посмотрел на солнце, пытаясь понять, что же именно вызвало у него тревогу. Но ничего необычного не происходило. Тогда он снова повернулся к космическому кораблю. Оболочка шара помутнела и перестала сверкать, за исключением тонкой полоски, отражающей последние лучи заходящего солнца.

Блох снова бросился к шару.

Двое стариков крикнули ему, чтобы он вел себя осторожней, а затем направились следом за шестнадцатилетним парнем.

– Что-то случилось, – сказал старик со шлангом.

– Точно, – согласился его приятель.

И словно в подтверждение его слов, от оболочки откололся кусок и со слабым звоном упал на землю.

Блох внезапно остался один.

Радионовости рассказывали о перебоях с электроэнергией на Восточном побережье, не вызвавших паники у населения. Затем чей-то хриплый голос принялся расписывать сказочно красивую ночь в Москве, где не горело ни единого огонька и только десятисантиметровый слой свежевыпавшего снега блестел под холодным сиянием неполной луны. Эту лирику прервало правительственное сообщение о том, что вооруженные силы США приведены в состояние повышенной готовности. Блох вспомнил про брата, опустился на колени и бережно прикоснулся к теплому, прозрачному и почти невесомому куску оболочки. От шара отвалились еще два обломка, и от одной прорехи к другой пробежала зигзагообразная трещина. Зонд это был, или космический снаряд, или что-то еще, но он начал разрушаться.

Окружающие попятились туда, где они, как им казалось, будут в безопасности.

Блох просунул голову в ближайшее отверстие.

Оттуда на него смотрел ярко-зеленый глаз.

Оцарапанным локтем Блох отбил большой кусок невесомой скорлупы.

* * *

– Какой красивый, какой милый, – загомонили все разом.

Оказалось, что крикливая женщина способна говорить тихо.

– Ну разве она не прелесть?

– Она? – недоверчиво переспросил старик со шлангом.

– Посмотрите сами, – ответила женщина. – Разве это не она?

– По-моему, девочка, – согласился мужчина с ведром.

Темно-серое вытянутое туловище инопланетянина имело обтекаемую форму и казалось гладким, как хорошо

отполированный мелкозернистый камень, в тех местах, где оно отражало солнечный свет. Похоже, существо лежало на спине. Четыре хорошо развитые конечности, напоминающие мясистые плавники, но с подвижными пальцами, хватались сначала за воздух, а потом друг за друга. Виляющий из стороны в сторону хвост мог бы сойти за дельфиний, а мордочкой существо походило на тюленя – безусого, круглолицего тюленя с большим ртом, растянутым в очаровательной улыбке. Но сильнее всего к себе притягивали огромные, в пол-лица, круглые глаза со сверкающей изумрудной роговицей и абсолютно черными зрачками, в которых отражалась удивленная физиономия Блоха.

Изнутри яйцо было напичкано проводами, странными приборами и клубком каких-то золотистых волокон. Пришелец лежал на самом дне в керамической чаше с застывшим кроваво-красным желатином. Он с трудом помещался в чаше и беспокойно ворочался, прижимаясь к белым, словно костяным, краям.

– Отойдите назад, – требовали в толпе.

Но как только кто-нибудь начинал пятиться, на его место тут же протискивались другие, сражаясь за удобный обзор.

Крикливая женщина похлопала Блоха по плечу.

– Она что-нибудь сказала?

– Я ничего не слышал.

– Она хочет что-то сказать, – не унималась женщина.

Эта мысль показалась парню смешной, и он чуть было не расхохотался. Но тюлень вдруг открыл рот, и одно жалобное слово пронеслось над остолбеневшей толпой:

– Помогите.

Люди потрясенно молчали.

И тут издалека донесся крик:

– Эй, Блох!

К месту происшествия энергично пробирался невысокий плотный мужчина. Блох поспешил ему навстречу. Мистер Райтли выглядел старше своего возраста, он был лысый и бородатый, а в усах пробивалась седина. Огромным очкам подошел бы более массивный нос, мистер Райтли то и дело поправлял их, разглядывая яйцо и спины собравшихся.

– Я слышал про крушение, – сказал он, неуверенно улыбнувшись. – Не ожидал встретить тебя здесь. Ты видел, как оно упало?

– Не видел, но слышал.

– Что там внутри?

– Я думаю, пилот.

– Инопланетянин?

– Да, сэр.

Мистер Райтли был идеальным учителем для способных, но легко теряющих интерес к предмету подростков. Звание магистра биологии придавало ему солидности, но на самом деле он был умней, чем подразумевала его ученая степень. Он обладал заразительным смехом и приятным голосом, и Блох готов был сделать для него все что угодно – хоть передвинуть мебель в школе, хоть пробить собственным телом дорогу к инопланетянину.

– Идите за мной, сэр.

Никто из стоявших впереди не почувствовал толчка. Никто не возмутился и не попытался сопротивляться. Но один за другим они вдруг обнаруживали, что оказались на несколько футов дальше от центра событий, а крупный парень, похожий на взрослого мужчину, не утруждая себя извинениями, уже стоял перед ними, а следом пробирался еще один тип в темных брюках и мятой рубашке.

Самому первому ряду Блох попросту заявил:

– Подвиньтесь, пожалуйста. Дайте дорогу ученому.

Этого оказалось достаточно, чтобы ему освободили место, пусть даже и не очень много.

Мордочка чужака уже успела измениться. Он все еще улыбался, но глаза его немного потускнели. И голос прозвучал слабей, когда он произнес одно отчетливое слово:

– Умираю.

Мистер Райтли ошеломленно заморгал.

– Что вы сейчас сказали?

Существо посмотрело на него, но ничего не ответило.

– Откуда вы прилетели? – вставил вопрос мужчина с ведром.

Чужак приоткрыл рот, обнажив розовые десны с желтыми зубами, высунул длинный язык, затем, с болезненным усилием, от которого содрогнулось все тело, шевельнул нижней челюстью и снова произнес с глубоким отчаянием:

– Помогите.

– Вам нечем дышать? – спросил мистер Райтли и оглянулся на Блоха, нервно подергивая себя за бороду.

Что, если это существо задыхается?

Но тут оно обратилось ко всем с простой просьбой:

– Вода. Чтобы жить, мне нужна вода. Пожалуйста.

– Конечно, конечно, – сказала крикливая женщина, возвращаясь к более привычному для себя уровню звука, так что весь квартал услышал ее слова. – Она как выбросившийся на берег кит. Нужно отнести ее к воде.

По толпе пробежал беспокойный шепот.

– Пресная вода или соленая? – решил уточнить мистер Райтли.

Все замолчали. И услышали шорох, когда существо приподняло передний плавник и указало детским пальчиком вниз к подножию холма, а затем слабым, жалобным голосом повторило:

– Пожалуйста, помогите. Скорей. Пожалуйста.

* * *

Десятки незнакомых друг другу людей бросились исполнять неожиданную и неотложную просьбу. Мужчина со шлангом решил полить чужака точно так же, как поливал цветы. Но потерпевший крушение корабль все еще оставался горячим снаружи, и кто мог предсказать, что сделает вода с его оборудованием? У подножия холма лежали Пендерские топи – цепочка озер глубиной в рост человека, они соединялись друг с другом неторопливой, мутной от глины протокой. Определив цель, толпа принялась с воодушевлением спорить о способе и последовательности действий. Образовалось несколько лагерей, каждый из которых возглавлял громкоголосый эксперт, в то время как два-три человека пытались договориться с другими группами. Мистер Райтли не принимал участия в этих спорах. Он разглядывал пришельца, то и дело поправляя очки, не упускавшие случая соскользнуть с носа отвлекшегося хозяина. Затем он повернулся к спорщикам и высоко поднял руку.

– Не нужно в болото, – сказал он. – Там вода грязная.

Этот голос мог восстановить тишину в классе, наполненном галдящими подростками. Взрослые люди прекратили спор и повернулись к учителю. Человек с ведром задал очевидный вопрос:

– Куда же тогда?

– В пингвиний бассейн, – объяснил мистер Райтли. – Там чистая вода, а пингвинов пока не привезли.

Его здравые рассуждения привели толпу в замешательство.

– Нам нужен грузовик. – продолжал мистер Райтли. – Может быть, получится остановить кого-нибудь на дороге?

Несколько человек тут же метнулись к противоположной обочине, махая руками каждому проезжающему мимо потенциальному помощнику.

Мистер Райтли обернулся к Блоху.

– Как ты думаешь, сколько оно весит?

Блоха не требовалось подгонять. Оболочка корабля уже

остыла, а внутри было жарко, но терпимо. Он перебросил ногу через пролом и проскользнул внутрь. На гладком сером полу валялись хрупкие предметы, похожие на птичьи гнезда. Они мелодично хрустели под ногами. У воздуха был неприятный металлический привкус. Блох коснулся тела пришельца чуть ниже головы и провел рукой к груди. Кожа оказалась твердой, сухой и очень горячей, как оставленная на солнце бронзовая статуя. Он решил проверить, дышит ли существо, и дождался момента, когда грудь вроде бы слегка приподнялась. Блох был готов к тому, что пришелец окажется тяжелым, но вышло наоборот. Совсем как засохшие мотыльки, скопившиеся жарким летом на чердаке. Может быть, именно так пришелец и путешествовал от звезды к звезде, словно сублимированный бефстроганов. Блок выглянул наружу, чтобы доложить мистеру Райтли, но в этот момент толпа бросилась врассыпную, заслышав рев мотора приближающего F-350 с длинной платформой.

Мистер Райтли и еще двое улыбающихся мужчин забрались в корабль, или яйцо, или что еще это было на самом деле. Один из помощников нервно хихикнул. Каждый подхватил существо за конечность. Было тесно, поэтому подъем получился долгим и неловким, вызвав много смеха и два-три крепких ругательства. Мистер Райтли поинтересовался у пришельца, все ли с ним в порядке, но тот не ответил и только на повторный вопрос тихо произнес:

– Быстрее.

Снаружи люди выстроились в цепочку и с осторожностью, с какой держали бы в руках ребенка или неразорвавшуюся бомбу, подняли отважное, прекрасное и беспомощное существо на открытую площадку грузовика, уложив лицом к небу, но хвост при этом свешивался почти до самой мостовой.

Мистер Райтли вылез из яйца.

– Едем к служебному входу в зоопарк, – объявил он. – У меня есть ключ.

Человек со шлангом наконец-то увидел цель и окатил пришельца холодным душем. Каждая капля, попавшая на кожу существа, мгновенно впиталась, и оно словно бы улыбнулось одними глазами, но вслух попросило:

– Нет, не сейчас. Еще нет.

Шланг отложили в сторону.

Крикливая женщина подбежала к машине, отважившись прикоснуться к существу, но в последнее мгновение решимость покинула ее, и в итоге она обняла за плечи саму себя. Чуть не плача, она прошептала:

– Благослови тебя Бог, милая. Благослови тебя Бог.

Блох выбрался из яйца последним.

Мистер Райтли вскарабкался на платформу грузовика и, прищурившись, смотрел на разбросанные в беспорядке по всей дороге машины и длинные тени от заходящего солнца. Когда Блох окликнул его, учитель обернулся и с улыбкой спросил:

– Ты согрелся?

– Яв порядке, сэр.

– Садись в кабину, там теплее, – решил мистер Райтли. – Будешь показывать нашему водителю дорогу.

«Наш водитель» был всего на три недели старше Блоха и едва ли не вдвое ниже ростом, он никак не мог прийти в себя от необыкновенной удачи, что привела его в нужное время в нужное место.

– Охренеть, до сих пор поверить не могу, – приговаривал он, снимая грузовик с тормозов и осторожно трогаясь с места. – Это лучшее приключение за всю мою жизнь. С ума сойти можно.

От желающих помочь не было отбоя. Каждый считал своим долгом дать проезжающим мимо машинам или водителю грузовика энергичные, но бессмысленные сигналы, едва не вызвавшие десяток новых аварий. Однако никто ни в кого не врезался. Грузовик вырулил на свободную полосу и покатил под гору в направлении на восток. Люди с удивлением смотрели на диковинный груз. Кто-то молился, многие спешили снять происходящее на телефон, заодно сфотографировав и Блоха, высунувшегося в окно, чтобы еще раз взглянуть на детей, врачей скорой помощи и окровавленные простыни, наброшенные на трупы.

– Нет, ну ни хрена себе, разве можно в такое поверить? – никак не мог успокоиться водитель грузовика.

Радио было настроено на новости CNN: солнечный парус растянулся до самой Атланты. Электроэнергию отключили, Европа погрузилась в темноту, Китай тоже. Коротко сообщили, что все орбитальные спутники замолчали, когда на них упал зонд. Пересказывали слухи, будто бы пришелец (или пришельцы) вступил в контакт с правительством Соединенных Штатов, но затем тот же голос добавил: «Пока у нас нет никаких подтверждений».

Они миновали Пендерские топи, Блох постучал по плечу водителя и показал на юго-запад. Наверное, это был самый медленный и осторожный поворот, который парень сделал за всю свою жизнь. Сзади пристроилась цепочка автомобилей с зажженными фарами и мигалками. Все это выглядело так внушительно и важно – просто круче некуда. Блох усмехнулся и посмотрел в окно на своего учителя, но выглядел мистер Райтли

озабоченно и, казалось, больше интересовался собственными руками, чем лежавшим позади него чужаком.

– Быстрей, – попросил водителя Блох.

С левой стороны показался зоопарк. Они снова переехали болото по мосту и остановились возле служебных ворот. Мистер Райтли уже достал ключи. Блох выпрыгнул из кабины и помог открыть створки. Пара машин успела проскочить следом за грузовиком, пока выбежавший охранник пытался закрыть ворота. Только после этого он подошел посмотреть, что они привезли.

– Ох, бедная девочка, ей плохо, – запричитал он.

Блох вместе с учителем двинулись впереди процессии по широкой дороге к подготовленной для пингвинов площадке.

Мистер Райтли смотрел себе под ноги и молчал.

– Он умер? – спросил Блох.

– Что?

– Я говорю, инопланетянин умер?

– Нет, он пока держится.

– Тогда в чем дело?

Мистер Райтли оглянулся, наклонил голову к уху Блоха и тихо проговорил:

– Он катился по бульвару на восток. Это значит, что прилетел он с запада.

– Ну да, – подтвердил Блох.

– Со стороны Солнца, – уточнил учитель. – А тот большой зонд, тот солнечный парус… он летел навстречу Солнцу. Направления разные.

Это было очень странно. Блох и сам почуял что-то неладное, но не сумел выразить словами, даже для самого себя.

Они пошли медленнее, каждый раз оглядываясь, перед тем как что-нибудь сказать.

– Теперь дальше, – продолжал мистер Райтли. – Зачем этому инопланетянину, могущественному существу, способному совершить межзвездный перелет, могла понадобиться вода? Разве наши космонавты полетели бы на Луну налегке, надеясь на то, что там найдется воздух?

– Может быть, он попал не туда, куда хотел, – предположил Блох.

– И еще, – добавил мистер Райтли. – Разве можно выжить после такого удара? Ты же слышал хлопок сверхзвукового перехода. Она или оно… какая разница… это существо упало с такой скоростью, что просто не могло остаться в живых.

Блох собирался высказать свое мнение, но не успел, они уже пришли на пингвинью площадку. Несколько мужчин и крикливая женщина выскочили из сопровождающих машин, а водитель

грузовика, как старый профессионал, развернулся и подъехал задом к самому бассейну. Полдюжины рук махали ему, помогая припарковаться, а затем все дружно крикнули «Стоп!». Уже опустилась ночь. Пингвиний бассейн был глубокий и очень чистый. Мистер Райтли попытался что-то сказать об осторожности, о том, что не нужно спешить. Кто-то спросил: «Почему?» – и он сквозь шум начал объяснять про состав воды и температуру. Но остальные уже вскарабкались на платформу грузовика, подхватили существо под плавники, шею и основание уныло повисшего хвоста. Почти без плеска чужак соскользнул в воду. Он был очень легким, и поэтому никто не сомневался, что он поплывет. Но чужак камнем ушел на дно. Блох стоял у самого края бассейна и смотрел на серый силуэт, неподвижно улегшийся на дне голубой чаши.

К нему подошла крикливая женщина.

– О боже, наша девочка утонула, – охнула она. – Надо спрыгнуть туда и поднять ее на поверхность.

Двое мужчин бросились на помощь, но потрогали холодную ноябрьскую воду и передумали.

Кто-то еще спросил мистера Райтли:

– Мы сделали что-то не так? Она утонула?

Учитель поправил очки на носу.

– Да, мы что-то сделали не так.

Тело на дне бассейна больше не было серым. Через мгновение милая тюленья мордочка и выразительные глаза исчезли. Чужак начал раздуваться, как сдобное тесто, и откуда-то изнутри полилось голубое сияние; поначалу тусклое, оно быстро заполнило всю бетонную чашу бассейна и воздух над ним – голубые отблески осветили испуганные лица и лицо Блоха заодно.

Наклонившись к воде, Блох почувствовал, что от нее идет пар, она почти закипела.

Женщина отпрянула от бассейна и крикнула:

– Бежим!

Водитель запрыгнул в кабину и надавил на газ.

Только два человека остались у кромки воды. Мистер Райтли потянул Блоха за рукав.

– Сынок, нам нужно куда-нибудь спрятаться.

– Куда? – спросил Блох.

Учитель мрачно усмехнулся и ответил:

– Не знаю. Может быть, на Марс. Подойдет?

Леопард

Длительный застой всегда приводит к повреждениям. Со временем система разбалтывается выше допустимой нормы, однако частичная дозаправка дает шанс привести все в порядок.

Система проснулась и проанализировала ситуацию. Наметились кое-какие благоприятные возможности, но в целом положение было удручающим. Законы Вселенной не отрицают чудес, но даже чудеса имеют свои ограничения, а враги многочисленны, и им посчастливилось получить тысячи преимуществ еще до начала сражения.

Ужасные внешние условия требуют решительных действий – таков был первый вывод из анализа ситуации.

Когда на кону стоит безопасность целого мира, ничто не может считаться достаточным.

* * *

– Ты ничего не почувствовал?

Блох растянулся на кровати. Он помнил, как закрыл глаза, слушая хрипы своего старенького бумбокса[90]. Но теперь радио молчало, а говорила мама, и, открыв глаза, он решил, что прошло не больше двух-трех минут.

– Нет, а что?

– Земля. – Мама стояла в темной комнате и отчаянно пыталась подобрать слова. – Похоже на землетрясение… только не по-настоящему… ладно, не важно…

Земля под домом снова вздрогнула. Не очень сильный толчок, не из тех, что могли разрушить дом. Плавное движение, словно весь мир был водяным матрасом и кто-то огромный плюхнулся на дальний его конец.

– Саймон, – позвала мама.

Никто больше не называл его Саймоном. Даже папа обычно пользовался тем прозвищем, которым его дразнил брат. Так, по крайней мере, рассказывали Блоху. Сам он отца совсем не помнил.

– Как ты себя чувствуешь, Саймон?

Блох сел на кровати. В доме было холодно и темно, как обычно, когда отключают электричество.

Она потрогала его лоб.

– Да все в порядке, мам.

– Тебя не тошнит?

– Нет.

– Лучевая болезнь, – вздохнула мама. – Она не сразу дает о себе знать.

– Мам, говорю ж тебе, все в порядке. Который час?

– Скоро шесть. – Она посмотрела на часы, проверяя, не ошиблась ли. – И утром мы с тобой пойдем к врачу, если не прямо в госпиталь.

– Хорошо, только ведь ничего страшного не случилось, – повторил Блох уже, наверное, двадцатый раз за ночь. – Когда оно начало светиться, мы сразу отошли подальше. Потом приехала полиция и этот чел из «безопасности», а мистер Райтли нашел мне старую толстовку…

– Я так испугалась, – перебила его мама, обращаясь, вероятно, к стенке. – Прихожу домой, а тебя нет. Ты давно уже должен был вернуться. А телефон не работает, и свет везде погас.

– Я шел пешком от самого зоопарка, – объяснил юноша. – Мистер Райтли обязательно подвез бы меня, но он оставил машину по другую сторону от места крушения.

– От места крушения, – словно эхо, проговорила мама.

Он и сам знал, что не стоило об этом вспоминать.

– Тебе там вообще нечего было делать, – сказала она. – Что-то свалилось с неба, и ты тут же побежал смотреть.

И Блох не сомневался: это была самая большая удача в его жизни.

– Саймон, почему ты всегда ищешь неприятности? – спросила мама.

Она рано овдовела, и старший ее сын сейчас служил в армии, во враждебно настроенной стране, и даже в обычные дни ей хватало причин для волнения. А теперь еще эти инопланетяне свалились как снег на голову, и не слышно ни слова о том, что происходит в остальном мире. Она снова коснулась лба сына, который пока еще был рядом с ней.

– Не нравится мне все это, Саймон.

– Я понимаю, мам.

– Я не люблю приключения, – продолжила она. – Вот дождемся, когда включат свет, и пойдем к врачу.

На самом деле оба они догадывались, что это случится не скоро. Поэтому Саймон заговорил о другом:

– Мам, я есть хочу.

– Еще бы ты не хотел. – Обрадовавшись наконец-то появившемуся делу, она метнулась на кухню. – Будешь хлопья, пока молоко не скисло?

Блох поднялся, натянул вчерашние брюки и толстовку Корнеллского универа, которую он выудил из ящика для

потеряшек в зоопарке.

– Хлопья? – переспросил он. – Звучит неплохо.

– Какие тебе? – отозвалась мать из-за открытой двери обесточенного холодильника.

– Пусть это будет сюрприз.

Он всунул ноги в ботинки и выскользнул через заднюю дверь.

* * *

Мистер Райтли словно бы и не двигался с места все эти двенадцать часов. Он стоял посреди класса в том же самом месте, где Блох попрощался с ним, и наверняка не спал. Глаза под мутными очками были красные и встревоженные. Голос напоминал шкрябанье наждачной бумаги.

– Так быстро.

– Что быстро? не понял Блох.

– Они пару минут назад послали за тобой машину. Я сказал, что ты, скорее всего, дома.

– Нет, я сам пришел, пешком, – ответил парень.

– Ха-ха-ха, – рассмеялся мистер Райтли, но как-то вяло. – В общем, они собирают всех свидетелей, хотят узнать, кто что запомнил.

За окном все еще было темно. Класс освещали лампы, работающие от аккумуляторов. «Они» – люди из Министерства безопасности в строгих костюмах, ученые, одетые в хаки, и горстка солдат – расположились в дальнем углу. Класс превратился в штаб-квартиру всей операции. Заметив Блоха, несколько человек подошли, протянули руки и представились. Парень сделал вид, что внимательно их слушает. Затем какой-то коротышка с индейской внешностью утащил его в угол и с ходу начал расспрашивать:

– Ты разговаривал с этим существом?

– Я слышал, как оно разговаривало.

– Ты его трогал?

Блох чуть было не сказал «да», но вовремя одумался.

– А кто вы такой? – спросил он.

– Я тебе уже сказал. Я декан физического факультета в университете. Меня вызвало сюда Министерство безопасности.

– Это был термояд?

– Извини, что?

– Это существо или устройство, – попытался объяснить Блох. – Оно засветилось голубым огнем, и вода в бассейне нагрелась. Мы решили, что какой-то реактор вырабатывает

энергию.

Физик отмахнулся от этой идеи:

– Термоядерная реакция – не такая уж простая штука, молодой человек. Реактор работает по-другому.

– Но оно просило воды, а вода – это в основном водород, – возразил Блох. – А водород – это то, что горит на Солнце.

– Ага, – сказал коротышка. – Значит, ты и твой учитель – эксперты в термоядерных технологиях?

– А кто эксперт? Вы?

Коротышка замахал руками:

– Меня пригласили помочь. Я пытаюсь выяснить, что здесь произошло вчера вечером и что происходит сейчас. А как ты себе это представлял? Где-то в особом бункере сидит целая команда специалистов и дожидается, когда к нам прилетят инопланетяне и можно будет их изучить? Думаешь, меня и моих коллег хоть как-то готовили к таким происшествиям?

– Я правда не…

– Послушай меня, – перебил его физик.

И тут земля вздыбилась. Почти то же ощущение Блох успел испытать раз десять еще по дороге сюда, только на этот раз пол поднялся выше и не опустился. Все в классе замолчали. Потом старый профессор обернулся к какой-то девушке и спросил:

– Кевин уже получил акселерометр?

– Не знаю.

– Тогда поищите другой. Главное, чтобы он работал и был правильно настроен.

Девушка была симпатичная, но очень серьезная, очень взволнованная. «Студентка, наверное», – решил Блох. Проходя мимо, она мельком взглянула на высокого парня в университетской толстовке, которая явно пришлась ему не по размеру. Затем девушка скрылась за дверью, а Блох остался в классе с двумя десятками усталых взрослых дяденек, о чем-то тихо и торопливо переговаривающихся.

Физик что-то втолковывал лысому безопаснику. По обеим сторонам от лысого стояли двое парней помоложе, с одинаковыми планшетами в руках, и пытались разобрать текст в тусклом свете лампы. Армейский офицер отдал какой-то приказ двоим солдатам. Блох плохо разбирался в званиях и родах войск. Вот если бы спросить у Мэтта… У него была тысяча причин, чтобы позвонить брату. Но телефоны не работали. Даже армии пришлось пользоваться устаревшими средствами связи. Офицер написал в блокноте несколько слов, оторвал листок и вручил солдату, послав его с этим важным сообщением «на объект».

Мистер Райтли отошел в сторонку. Он выглядел уставшим,

потерянным и никому не нужным, но в конце концов отыскал табуретку и уселся на нее.

– Итак, что нам известно? – спросил его Блох.

Прозвучало это очень многозначительно, и они с учителем вместе рассмеялись.

– Вы по-прежнему считаете, что наш корабль не связан с тем большим зондом?

Словно делясь страшной тайной, мистер Райтли наклонился к нему и сказал:

– Они появились из разных секторов неба. Сила удара не идет ни в какое сравнение с тем, что случилось на другой стороне Земли.

Ученые собрались в кучку, то и дело прерывая разговор и указывая на пол.

– А что случилось на другой стороне Земли?

Мистер Райтли знаком подозвал его ближе и прошептал:

– Полковник недавно беседовал с человеком из «безопасности». Я слышал, как он сказал, что армейская кабельная связь не работает. Через двадцать минут после столкновения из Европы и Азии поступили сообщения о вспышках света и активных перемещениях на земле и в воде. Затем поднялся ураганный ветер – и все затихло.

Блох очень переживал за брата, но все-таки не удержался и сказал:

– Круто.

– У меня есть рабочая гипотеза, – продолжал мистер Райтли. – Ночную сторону Земли мы потеряли, но здесь вторжение еще не началось. Безопасники и военные пытаются спасти нашу сторону.

Блох подумал о пришельце и мертвых детях и согласился:

– Вы были правы, сэр. Не стоило ему доверять.

Мистер Райтли пожал плечами и ничего не ответил.

В дальнем углу комнаты началось что-то вроде совещания. Много эмоций и никакого результата. Безопасник зашептал на ухо своему помощнику, и тот забегал пальцами по планшету. А полковник написал еще один приказ и отослал с ним последнего оставшегося солдата.

– А что пришелец делает сейчас? – спохватился Блох.

– Кто знает, – вздохнул мистер Райтли.

– Радиация не дает к нему подойти?

– Нет, он не… – Ему пришлось снова поправить очки. – Наш приятель просто исчез. После того как мы ушли, он пробил дно бассейна. Сам я еще не был «на объекте», но слышал, что бетон раскрошился и на дне появилось ровное отверстие, ведущее черт

знает на какую глубину. В этом-то вся проблема. Потому все так и волнуются из-за маленьких землетрясений, если, конечно, их так можно назвать. Чем сейчас занимается внизу наша зеленоглазая загадка?

Блох посмотрел на учителя, затем на оказавшийся вдруг таким важным пол. И тут ему в голову пришла странная, но отчетливая мысль: это существо – вовсе не сам монстр, а только маскировка, с помощью которой он скрывал свой настоящий вид. Неизвестный закутался в твердую оболочку и освещал все вокруг ярко-голубым ужасом. Обычная жизнь скучна и проста. Но то, что случилось сегодня, не было ни скучным, ни простым.

Блох рассмеялся, радуясь открывшимся возможностям.

Больше половины находящихся в комнате обернулись и уставились на него, не понимая, что происходит с этим высоченным подростком.

– Они собираются опустить кабель в отверстие, – сообщил мистер Райтли.

– Как это? С камерой на конце?

– Камера, похоже, не работает. Электроника – штука ненадежная. Так что они собираются опустить туда добровольца.

– Я готов.

– Так и знал, что ты это ответишь, – усмехнулся мистер Райтли.

– Я могу спуститься, скажите им.

– Во-первых, я не стану этого делать. А во-вторых, мои слова ничего здесь не решают. Эти ребята не доверяют мне.

Физик и полковник говорили о чем-то важном, чертя пальцами в воздухе причудливые фигуры.

– Я проголодался, – заявил вдруг Блох.

– Тут где-то есть армейские сухие пайки, – ответил мистер Райтли.

– Пожалуй, пойду поищу их, – соврал парень и вышел в коридор, удивительным образом оказавшийся пустым.

* * *

Каждый зоопарк балансирует между совершенством и минимальными затратами. Каждая клетка должна быть неприступной и вечной, и закрытые для обзора участки тоже имеют значение. Крошечный кусочек неба загораживала стальная решетка, которая спускалась к бетонной стене, имитирующей природный камень, и посетители могли бродить вокруг с утра до ночи, день за днем, могли сколько угодно стоять у

бронированного стекла и читать информацию об амурском леопарде, так ни разу и не увидев его.

Иногда леопард прогуливался по бетонному полу, но не в это утро. Сегодня все казалось необычным и неправильным. Он лежал рядом с мертвым декоративным деревом и копил силы. И тут появился монстр. Чудовище было огромным, шумным и очень неуклюжим, и зверь продолжал лежать неподвижно, когда оно неловко развернулось и длинная лапа задела стальную решетку, закрывающую небо. Монстр остановился, с него спрыгнул человек и посмотрел на повреждение, а затем подбежал к бронированному стеклу и заглянул в темную клетку. Но не увидел леопарда. Человек вздохнул с облегчением, снова забрался на монстра и умчался прочь. Тогда леопард поднялся и взглянул на рваное отверстие наверху. Совершив неосознанный, но грациозный прыжок, он оказался там, где никогда прежде не бывал. И мир вокруг изменился.

* * *

Возле пингвиньего бассейна грохотали краны и генераторы. На деревьях закрепили прожекторы, и яркие конусы света выхватывали из тьмы целенаправленный хаос. Люди кричали друг другу, что нужно делать так, а не иначе, или пошло к черту и то и другое, и кто вообще главный в этом аду. Блох шел вдоль дальнего края бассейна. Он решил вести себя так, будто и должен здесь находиться. Если бы кто-нибудь спросил, что тут делает этот парень, он бы ответил, что идет к торговым автоматам в ремонтном цеху – хорошая идея, тем более это было почти правдой. Или он мог соврать про какое-нибудь поручение, данное ему коротышкой-физиком. У него в запасе было много выдумок, и он даже представил себе, как скажет вооруженному солдату: «Ты мне не веришь? Ну тогда, наверное, ты должен меня застрелить. Ну давай, стреляй, если не слабо!»

Он вынырнул из мечтаний, увидев девушку-студентку. Блох узнал ее джинсы и забранные в хвост светлые волосы. Она стояла на дорожке, опустив руки, и смотрела на небольшой пригорок возле пруда с японскими карпами. Блох решил подойти и поговорить с ней. Он хотел спросить, нашла ли она тот прибор – как он там назывался? А еще рассказать о том, как они перевозили инопланетянина на грузовике – это могло произвести на нее впечатление. Было довольно светло, он мог различить даже заклепки на ее джинсах. И тут он заметил, что ткань у нее между ног чуть темней, чем остальные джинсы, будто пропитана

мочой.

Девушка услышала шаги Блоха и вздрогнула, но продолжала не мигая смотреть на живописный уголок природы с крохотным водопадом.

Блох остановился у нее за спиной, но ничего странного поначалу не увидел, пока из последнего пятна темноты не появился леопард.

– Не слабо, – прошептал парень от чистого сердца.

Девушка снова вздрогнула, с шумом вдохнула и задержала дыхание. Она хотела оглянуться, но не могла. Она заставляла себя не двигаться с места, но руки ее сами собой потянулись вверх, как будто она собиралась взлететь.

Леопард заинтересовался ею ничуть не меньше, чем Блох. Амурские леопарды – редкий вид кошачьих – в большинстве своем жили в зоопарках. Русские обещали возродить их популяцию на Дальнем Востоке, но этот самец не входил в программу восстановления. Он родился в результате близкородственного скрещивания, у него были серьезные проблемы с мошонкой, и смотрители зоопарка считали его слишком раздражительным, возможно, даже слабоумным. Блох обо всем этом знал, но сердце его не забилось быстрей. Стоя за спиной у девушки, он прошептал:

– Давно ты здесь?

– Ты его видишь? – так же шепотом спросила она.

– Да, конечно.

– Тише, – шикнула она.

Он промолчал.

Но она первая не послушалась своего же совета. Отступила ближе к Блоху и сказала:

– Должно быть, минуты две. Но, кажется, будто я уже час здесь стою.

Блох взглянул в золотисто-зеленые кошачьи глаза. Зверь смотрел настороженно. Не со страхом, нет, но близко к тому. Он в любой момент мог испугаться, и это развеселило Блоха.

Девушка услышала его смешок.

– Что такое?

– Да нет, ничего.

Она глубоко вдохнула.

– И что нам теперь делать?

«Ничего» – очень полезное слово. Блох повторил его уверенным тоном. Он подумывал положить руку девушке на плечо, догадываясь, что она не станет возражать. Возможно, ей даже будет приятно. Но сначала он объяснил, что хотел сказать:

– Если мы ничего не будем делать, он уйдет.

– Или бросится на нас, – возразила она.

Это было маловероятно. Леопард не напал на нее, когда она стояла одна, а теперь их двое. Блох подумал, что ему повезло. Чувствовать волнение и бояться – это совсем разные вещи, и ему нравилось стоять рядом с девушкой, слушая ее учащенное дыхание. В прудике журчала вода, разноцветные рыбки медленно поднимались к холодному утреннему воздуху, привычно выпрашивая корм, а леопард смотрел на них сверху, стоя неподвижно и лишь подергивая кончиком роскошного хвоста.

Приближающиеся голоса нарушили волшебство. Леопард поднял голову, девушка вздрогнула и прижалась спиной к парню, который был почти на десять лет младше ее. Чуть повернувшись, она спросила куда-то в голубую пустоту:

– Кто это?

Солдаты, ученые и безопасники всей толпой появились у Блоха за спиной. Если они шли к пингвиньему бассейну, то немного ошиблись с направлением. Или, может, у них появилась другая идея. Во всяком случае, все эти очень важные люди повернули из-за угла и уставились на студентку и высокого парня, неподвижно стоявших на дорожке. Затем один из солдат заметил дикую кошку и громко спросил:

– Как вы думаете, почему этот тигр здесь? Я что-то не вижу решетки.

Кое-кто из толпы благоразумно остановился, остальные по инерции двигались дальше.

– Боже мой, да он же сбежал! – крикнул главный физик, шедший впереди всех.

Теперь все поняли, что произошло. Каждый отреагировал по-своему: потрясение, испуг, настороженное любопытство – все это перемешалось в разных пропорциях. Полковник и его солдаты стояли как вкопанные, ребята из правительства оказались отличными спринтерами, а тот ученый, который отослал девушку с поручением, громко рассмеялся и подошел ближе, даже слишком близко.

И тут физик осознал свою ошибку, развернулся и бросился наутек, но запутался в своих же ногах и тяжело повалился на землю. Неловкие движения заинтересовали леопарда, он пригнулся и приготовился к прыжку.

Блох не успел обдумать, что собирается делать. Он бы с удовольствием простоял все утро рядом с испуганной девушкой. Но затем еще двое споткнулись и упали, кто-то сзади заорал, чтобы все убегали к чертовой матери и он мог выстрелить. Весь этот переполох пробудил хищные инстинкты в животном, которое еще никого в своей жизни не убивало. Леопард прыгнул к берегу

пруда. Блох следил за полетом, и в нем самом просыпались инстинкты. Он шагнул вправо, преграждая дикой кошке дорогу. Леопард плавно и грациозно приземлился на бетон и сжался для нового прыжка, но Блох обеими руками схватил его за шею. Зверь начал извиваться и царапаться. Острый коготь распорол рукав толстовки. Тогда Блох приподнял леопарда, мимоходом удивившись тому, какой он маленький и легкий, но зверь, несмотря на молодость и неопытность, едва не вырвался на свободу.

– Нет! – крикнул Блох.

Коготь снова царапнул его бицепс.

И тут Блох нырнул в пруд – к карпам и ледяной воде. Примат весом в триста фунтов придавил кошку к дну пруда, сердито, но восторженно приговаривая:

– Стой-стой-стой.

Брызги разлетелись во все стороны. Мокрый и перепуганный комок меха выскочил на берег, бросился к пригорку и исчез за ним. Блох выбрался из воды, довольный и возбужденный, и посмотрел на разорванный левый рукав.

Девушка закрыла глаза от страха и потому не видела, как леопард убежал. Теперь она глядела на растревоженных рыбок, считая, что чудище утонуло в пруду. Она обернулась к Блоху, собираясь что-то сказать, поблагодарить парня, который разогнал ее кошмар и спас ей жизнь. Но тут она почувствовала, что джинсы промокли, и потрогала ткань.

– Поверить не могу, – начала она, потом поднесла руку к лицу, принюхалась и зарыдала: – Не смотрите на меня! О господи, не смотрите!

* * *

Блох спал.

Наверное, его срубило лекарство, или он просто не выспался и потому отключился при первой же возможности. Во всяком случае, ему было тепло и уютно лежать на армейской койке и видеть чудесные сны о том, как он сражается с леопардами и драконом. А потом великан с клыками вместо зубов и руками, испачканными в дерьме, тряс его снова и снова. Наконец он откашлялся и проснулся.

Над ним склонилось знакомое смуглое лицо.

– Здравствуй.

– Привет.

Физик посмотрел на пол.

– Спасибо тебе, – сказал он и посмотрел парню в глаза. – Как знать, чем все это могло кончиться, если бы ты там не оказался.

Блох был единственным пациентом в походном госпитале, развернутом на парковочной площадке зоопарка. Поврежденную руку покрыли армейской заживляющей смесью, а к здоровой подсоединили капельницу с антибиотиком.

– А что случилось с ним? – спросил Блох про леопарда.

Голос прозвучал хрипло, язык ворочался с трудом.

Физик словно не услышал вопроса. Он опять изучал пол. Видимо, мягкое виниловое покрытие чем-то ему не нравилось.

– Твоя мать и учитель ждут в соседней комнате.

Пол вдруг закрутился и сморщился. Великан из сна пытался пробиться в реальный мир, но быстро устал и затих.

Затем физик принялся отвечать на вопросы, которых Блох не задавал:

– Я думаю, тот аппарат накрыл собой полмира. Это может быть вторжение, или исследование, или эксперимент. Не знаю. Вся планета осталась без электричества. Спутники связи вышли из строя, и нам теперь непросто побеседовать даже с соседями, не говоря уже о людях на другом конце мира. Пришелец или пришельцы повели себя враждебно, если, конечно, они вообще нас заметили. Я все еще жду голоса с небес. Но никаких голосов не слышно. Ни угроз, ни требований, ни намека на извинения.

Ярость постепенно улеглась, осталось только недоверие. Физик и так был невысок ростом, а сейчас казался совсем мальчишкой.

– К нам приезжают люди от самой границы. Свидетели. Всего час назад я беседовал с беженцем из Огайо. Он говорит, что стоял на вершине холма, наблюдая за падением солнечного паруса. Он видел, как что-то похожее на туман – тонкая призрачная дымка – опустилось с неба на другую сторону холма. И мир начал меняться. Земля тряслась, словно пудинг, деревья ожили – не закачались, как ты, должно быть, подумал, а вырвали корни из земли и убежали, а из темноты донеслись какие-то голоса, мощные и ужасающие. Потом теплый ветер ударил ему в лицо, а земля под ногами вслед за деревьями потекла в долину. Этот человек сел в машину и гнал на запад, пока не кончился бензин. Потом украл другую машину и ехал дальше, пока и она не остановилась. Он раздобыл третью и мчался на полной скорости, пока не почувствовал, что засыпает. Тогда он съехал на обочину, где его нашел патруль и привел сюда.

Физик взял паузу, чтобы отдышаться.

– Это устройство, – снова заговорил он. – Объект, который ты видел. Он может быть частью вторжения, а может – и чем-то еще.

Никто точно не знает. Но на дневную сторону Земли упало много маленьких объектов. Военные засекли их еще до того, как отказали радары. Так что я могу с уверенностью сказать: эти маленькие космические корабли прилетели из разных секторов околоземного пространства. Почти все они упали в Тихий океан. Но, понимаешь, Пендерское происшествие потому и важно, что корабль упал на землю, в большом городе. Это открывает перед нами кое-какие возможности. Но у нас нет времени на отдельное разбирательство с этой загадкой. Землетрясения становятся все сильнее и происходят все чаще. Температура грунта повышается, особенно в глубине под нами. Я предполагаю – и это моя лучшая гипотеза, – что существо, которое ты помог отвезти в бассейн, растворилось в воде. Термоядерный реактор или какой-нибудь другой источник обеспечил его энергией для роста. Но я понятия не имею, есть ли у него свой особый план действий, отличающийся от плана других пришельцев. Я ничего не знаю. И даже если бы у меня были ответы на все вопросы, сомневаюсь, что я смог бы изменить ситуацию хоть на йоту. По-моему, все выглядит так, будто некие могучие силы сейчас доделывают задуманное, а нас никто и не собирался спрашивать.

Ученый замолчал и наконец-то смог нормально вдохнуть. Но даже изрядный глоток кислорода не помог ему успокоиться. Блох сидел и думал о том, что услышал, и о том, насколько все это интересно. Вошла медсестра, примерно одного возраста с его матерью, и сказала:

– Сэр, она ведь и правда хочет увидеться с сыном.

– Не сейчас.

Медсестра не стала спорить.

– Но вообще-то я пришел сказать тебе спасибо, – снова заговорил физик. – Ты всех нас спас. А еще я должен извиниться. Я видел, как ты схватил зверя, как тряс его. Это было смело до безрассудности. Поэтому я попросил докторов обследовать тебя.

– Как это? – не понял Блох.

– В здешнем маленьком госпитале на удивление хорошее оборудование, – ответил физик. – А я подозревал, что ты находишься под влиянием инопланетян.

Блох усмехнулся:

– Значит, вы думали, что я от него чем-то заразился.

Коротышка с кислым видом кивнул.

– Доктора целый день осматривали тебя и брали анализы. Потом учитель привел твою мать, и кто-то наконец догадался переговорить с ней. Тут все и выяснилось. Она сказала, что ты всегда был таким, что ты воспринимаешь мир иначе, чем большинство из нас.

Блох молча наклонил голову.

– Если это важно для тебя, то твои миндалины[91] выглядят не вполне нормально.

– Мне нравится быть собой, – беззаботно ответил Блох.

Физик снова принялся рассматривать пол. Через мгновение земля опять затряслась, но коротышка старался стоять прямо, собираясь с силами перед последним отрезком этого долгого, ужасного дня.

– А что стало с леопардом? – спросил Блох.

Физик удивленно моргнул.

– Разумеется, солдаты его пристрелили.

– Зачем?

– Затем, что он сбежал из клетки. Людям грозила опасность, и его пришлось убить.

– Жаль, – сказал парень.

– Почему жаль?

– Он последний из своего вида.

Физик выпрямился, посмотрел на странного подростка и чуть ли не торжественно произнес:

– Похоже, всему нашему миру скоро придет конец. Думаю, тебе не нужно объяснять, что каждый из нас может оказаться последним из своего вида.

Пендерский монстр

По идее, Блох должен был сейчас спать. Две женщины в соседней палатке старались говорить тише, но получалось плохо. Мать и медсестра, словно давние подруги, судачили о работе, о непоседливых детях и о бывших мужьях. Муж медсестры предпочел ей выпивку, и теперь она желала ему всего наилучшего, только, ради бога, где-нибудь подальше от нее. Отец Блоха умер двенадцать лет назад от меланомы[92], и мать все еще горевала о нем, но, конечно, уже не так, как в первые ужасные дни, когда осталась с двумя детьми на руках, с головной болью и болью в сердце, но, господи, разве не об этом поется в каждой второй песне?

Ночь была на редкость темной, и теплая земля под ногами вздрагивала чаще, чем оставалась спокойной. Женщины слабо и печально рассмеялись, и медсестра сказала:

– Странно все это.

Затем обе надолго замолчали.

Блоху не хотелось вставать. Он удобно устроился на кровати, подложив под спину подушки, и настороженно сидел с руками на коленях и полуприкрытыми глазами. Брезентовые стены госпитальной палатки пропускали любые звуки. Он слышал, как вздохнула мать, а медсестра с таким же глубоким вздохом спросила, о чем та задумалась.

– О моих мальчиках, – сказала мама, обрадовавшись такому повороту разговора.

Когда ее старшему сыну было десять, он дня прожить не мог, чтобы не влипнуть в какие-нибудь неприятности. Но никто не остается десятилетним на всю жизнь. Армия научила Мэтта справляться со своими эмоциями, и это хорошо.

– В любом случае хорошо, – повторила мать и сама почти поверила в это.

Медсестра согласно угукнула и поинтересовалась, хотел ли Мэтт стать солдатом. Мать ответила, что да, хотел. Тогда медсестра заметила, что с военными всегда так: все они детьми любили играть в солдатики, а повзрослев, так и не сумели остановиться.

– А разве они взрослеют? – спросила мать.

Обе женщины снова рассмеялись, на этот раз от всей души. Мать продолжала рассказывать и призналась, что хотя и беспокоится за Блоха, но чаще думает о Мэтте, представляя, как огромный корабль пришельцев упал прямо ему на голову. Она долго горестно вздыхала, а потом принялась осторожно

расспрашивать, что творится на Ночной стороне.

Так с недавних пор прозвали другую половину мира. На Ночной стороне происходило что-то таинственное и нехорошее, но никто не знал, что именно. За последние несколько часов через город проехало немало беженцев, поделившихся новостями в обмен на бензин и исправные машины. В новостях не сообщалось ничего нового. Блох уже знал об этом, так как рядом с его палаткой стояли солдаты и болтали между собой. Через брезент все было прекрасно слышно. Полдюжины мужчин и одна женщина рассказывали друг другу невероятные вещи: о том, как земля корчилась, словно от боли; как угольно-черные инопланетные деревья вытягивались на милю вверх, а затем выплевывали густые пурпурные облака и горячий ветер гнал их на Дневную сторону; как из этих облаков шел дождь, но вниз падала не вода, а другая жидкость, превращающая землю в желатин, из которого росли новые черные деревья.

Здесь все было иначе, и с этим никто не спорил. Земля вздрагивала, но все же оставалась землей. С людьми тоже пока ничего не случилось, и они переговаривались напряженными, но в остальном вполне нормальными голосами. Если напрячь слух, можно было различить любой голос и любое слово за сто метров от палатки, и это вовсе не казалось сверхъестественным.

Блох услышал чьи-то шаги. К солдатам подошел офицер, и после положенного приветствия кто-то отважился спросить его:

– У нас есть хоть какие-то шансы, лейтенант?

– Есть, черт возьми, да еще какие! – громко сказал он. – Наши ученые в классной комнате сейчас изобретают супероружие. И как только они найдут клеевые карандаши и батарейки, чтобы создать лучи смерти, мы надерем задницы этим инопланетянам.

Все засмеялись.

– Я надеюсь на земные вирусы, – сказал один солдат.

– Или на компьютерные, – предложил второй.

– Или на СПИД, – добавил третий.

Смех постепенно затих.

Затем первый солдат спросил:

– А эта тварь у нас под ногами… Кто она такая, сэр?

Лейтенант помолчал и задал вопрос:

– Хотите знать мое мнение?

– Да, сэр, пожалуйста.

– Я думаю то же самое, что и этот учитель из зоопарка. Монстры прибыли с разных сторон и ведут себя по-разному. Если у вас не хватает огневой мощи, чтобы размазать врага в дерьмо, вы начинаете окапываться. По-моему, эта тварь так и сделала.

– Значит, вы считаете, это галактическая война?

– Вы спрашиваете мое мнение? Именно так я сейчас и считаю.

– Чепуха, – хмыкнул один солдат.

Но больше никто не засмеялся.

– Что же тогда остается нам? – произнесла женщина-солдат.

– Представьте себе поля Фландрии в шестнадцатом году, – ответил лейтенант. – Немцы и англичане копают траншеи и обстреливают друг друга из тяжелых орудий. Кого в первую очередь вспугнут их лопаты и снаряды? Правильно, муравьев. То же самое случилось и с нами. Мы и есть муравьи с полей Фландрии.

На этом разговор оборвался.

Вероятно, мама и медсестра слушали солдат, а может быть, просто молчали. Но теперь мама снова заговорила:

– Я всегда боялась простых, обычных вещей. То есть боялась, что они случатся с Мэттом. Бомбы, пули, ранение в голову. Но кто стал бы бояться вторжения инопланетян?

Блох представил, как она сидит в полутьме, подперев рукой подбородок, а покрасневшие глаза смотрят в пустоту и видят наяву все то, что творится сейчас у нее в голове.

– Да, это нелегко, – вздохнула медсестра.

Мама угукнула, соглашаясь.

И тогда медсестра многозначительным тоном заявила:

– По крайней мере, ты можешь быть уверена, что Мэтт сейчас в лучшем месте.

Мама ничего не ответила.

– Я хотела сказать, если он погиб…

– Я поняла, что ты хотела сказать.

Медсестра начала было оправдываться, но мама снова перебила ее:

– Только я во все это не верю.

– Во что?

– В жизнь после смерти. В рай и все такое прочее.

Медсестра едва не задохнулась от удивления.

– И это в такое время, как сейчас, дорогая моя? Когда все настолько ужасно, как можно не верить в загробную жизнь?

– Хорошо, позволь я тебе кое-что скажу. – Мама качнулась на стуле вперед, и голос ее изменился. – Давным-давно, когда мой муж умирал без всякой видимой причины, я поняла: если ваш расчудесный Бог действительно за что-то отвечает в этом уголке Вселенной, то он выполняет самую грязную и отвратительную работу.

Тем и закончилась недавно возникшая дружба. Две женщины еще какое-то время сидели в неловком молчании. Затем одна из них встала и, громко стуча каблуками по бетонному полу,

подошла к двери и заглянула внутрь, проверить, все ли в порядке с пациентом. Блох не шевельнулся, притворяясь спящим. Медсестра посмотрела, как он сидит на кровати, освещенный ночником, но решила убедиться, что правильно поняла увиденное, и зашла внутрь. Она остановилась посреди комнаты и дико, истошно завизжала.

* * *

Защитник совершил посадку на открытой местности, далеко от воды. Ему требовалось топливо, и водород представлялся самым лучшим, самым простым выбором, но большая часть местных запасов водорода содержалась в грунтовых водах или была химически связана в минералах. Каждый атом пришлось бы высвобождать, потратив много времени и внимания. Время и внимание обеспечили ему надежное укрепление, но капризы траектории и топлива заставили его упасть слишком близко от врага, и с этим уже ничего нельзя было сделать, оставались только сухой воздух, осадочные породы и сила духа.

Эмоции помогли. Первым инструментом стала ярость: испепеляющая ненависть, направленная на могучего, но беспечного врага. Зависть действовала почти так же эффективно: защитник взрастил в себе эпическое негодование, адресованное собратьям, обосновавшимся в океане. Этим удачливым (недопустимое слово) досталось больше ресурсов и больше времени на строительство укреплений, но осознают ли они, как это (недопустимое слово) несправедливо? Страх тоже был превосходным орудием. Слишком многое еще не завершено, мощный редут и внушающее спокойствие оружие пока существовали только в мечтах. Всепоглощающий ужас придавал силы, и защитник продолжал лихорадочно закапываться в лишь наполовину подготовленное укрепление.

Но вслед за полезными эмоциями приходят и вредные. Так появляются сомнения. Защитник еще раз обдумал все подробности приземления. Топливо казалось доступным, но существовали кодексы и правила, запрещающие наносить вред живому. Некоторые источники воды обладали сознанием. Ограниченный запретами, защитник создал себе фальшивое тело с внушающей симпатию внешностью. Маленькие испуганные кусочки жизни согласились помочь ему, но они все равно были обречены. Оберегать то, что уже практически мертво, – пустая трата времени! Одно хранилище воды хотело окатить защитника струей. Этот первый глоток топлива пробудил бы все реакторы, и

они незамедлительно начали бы работать. Да, радиация отравила бы слабые кусочки жизни. Но это могло сэкономить несколько бесценных минут, чтобы напитаться энергией и полезным для дела страхом…

Безумный рывок был неизбежен, но скорость всегда приводит к ошибкам. И меньшей из них стала потеря креативного аспекта. Со временем он разместился на когтистой конечности одного из живых источников воды, затем проник в другой кусочек жизни, растворившись в прохладной, богатой железом крови и совершив десятки тысяч кругов по примитивному влажному телу. Но такие ошибки случались много раз. Сотни, если не тысячи аспектов уже потеряны. Куда хуже то, что этот остался активным – тотипотентный аспект, способный контактировать с окружающей средой, готовый в критический момент видоизменить воду и минералы и создать из минимальных ингредиентов идеального солдата.

Существо сожалело о каждой допущенной ошибке. Чувство вины порождало желание снова и снова доказывать себе, что оно действовало правильно и высокоморально. Защитник заставил себя позабыть об этих никем не замеченных ошибках и начал последний, отчаянный и бесполезный рывок.

* * *

Солдаты ворвались в госпитальную палатку и остановились как вкопанные, в ужасе уставившись на монстра, сидевшего на кровати. Двое шептали молитвы, женщина взывала к Аллаху, защитнику всех правоверных. Еще один солдат, набравшись храбрости, нацелил винтовку на серое лицо, очертаниями напоминающее человеческое.

– Только шевельнись, на хрен, и я тебя пристрелю! – злобно заорал он.

Блох не был уверен, что сможет пошевелиться, и потому даже не пытался.

– Сука, ты слышишь меня или нет? – снова прокричал солдат.

Блох приоткрыл рот, вдохнул горячий воздух и коснулся языком своей новой кожи. Как будто лизнул грязный стакан. Чей-то незнакомый голос произнес:

– Да, я тебя слышу.

Монстр должен был устрашающе зарычать. Но его голос оказался тихим, надтреснутым и тягучим, словно у какой-нибудь куклы на ниточках.

Он сам рассмеялся, когда себя услышал.

Его мать опустилась на колени возле кровати и сквозь рыдания повторяла опять и опять его имя:

– Саймон. Саймон.

– Со мной все в порядке, – сказал он ей.

Медсестра стояла по другую сторону кровати и пыталась понять, что же она видит. Кожа парня казалась металлической или, возможно, керамической, но это была лишь одна маленькая деталь очень странной картины. Блох и раньше привлекал внимание высоким ростом, а сейчас вытянулся по крайней мере на полфута вверх и на столько же раздался вширь, в плечах, а кровать под ним как будто съежилась. Хуже того, так и было на самом деле. Его растущее тело расплавляло и впитывало в себя металлическую раму и поролоновый матрас. Простыни и подушки растворились в нем, отдавая углерод. Серая кожа излучала жар. словно печка. Это был уже не Блох. Его место заняла машина с лицом, имитирующим человеческое, но имитирующим крайне неубедительно. И медсестра как добропорядочная женщина посчитала себя вправе скомандовать солдатам:

– Чего вы ждете? Стреляйте!

Но даже тот храбрый солдат не рискнул выстрелить. Пули могли и не пробить монстра. А если оружие бесполезно, лучшая тактика – это угрозы.

– Беги за полковником, – сказал злобный солдат. – Живо!

Женщина-мусульманка выскочила из палатки.

Еще две минуты назад Блох чувствовал беспокойство, но был нормальным. Сейчас ничего нормального в нем не осталось. Он видел свою мать и других людей. В палатке не было темно, да и нигде не было. Его новые глаза различали мельчайшие детали: каждую нить маминой блузки, каждую пылинку в воздухе и единственную в палатке муху, у которой хватило ума держаться подальше от непостижимого существа, распухающего на глазах, так что почти вся кровать уже растворилась в его панцире.

– Это все еще я, – сказал Блох матери.

Она смотрела на него и очень хотела в это поверить, но не могла.

Тут появился полковник, а следом за ним физик и лейтенант вместе с мистером Райтли.

Полковник, седой представительный мужчина, выглядел очень испуганным. Он выдавил короткий смешок, пытаясь скрыть свою слабость.

Блоху понравился его смех.

– Эй, парень, ты меня слышишь?

– Нет.

На этот раз полковник рассмеялся громче.

– Ты понимаешь, что с тобой случилось?

– Нет, – ответил Блох.

Но это тоже было неправдой.

Солдаты столпились вокруг палатки, заряжая оружие и обсуждая, куда лучше стрелять.

Физик, потрясенный и довольный одновременно, показал пальцем на Блоха и заявил:

– Видите, я был прав. Это заражение.

– Как оно могло произойти? – спросил полковник.

– Думаю, это случилось, когда он помогал перевозить инопланетянина, – ответил физик.

Блох медленно поднял руку. Трубка капельницы вросла в нее. Локоть все еще оставался локтем, только больше не болел, а царапины на бицепсе превратились в рисунок на коже.

– Не шевелись! – снова крикнул злобный солдат.

Мама поднялась на ноги и протянула руку к Блоху.

– Не стоит приближаться к нему, – посоветовала медсестра.

– Осторожней, я горячий, – сказал Блох.

Но она не послушалась, дотронулась до его новой руки и обожгла подушечки пальцев.

Мистер Райтли шагнул вперед. Забытые очки еле держались на кончике его маленького мокрого носа.

– Это и в самом деле ты?

– Может быть, – отозвался он. – А может, и нет.

– Как ты себя чувствуешь, Блох?

Он внимательно изучил свою новую руку новыми замечательными глазами.

– Отлично.

– Тебе страшно?

– Нет.

Полковник шепотом что-то приказал лейтенанту.

Лейтенант и один из штатских надели кожаные перчатки, подошли к учителю и взяли его под локти.

– Это еще что такое? – спросил мистер Райтли.

– Мы вынуждены взять вас под наблюдение, – объяснил полковник. – Из простой предосторожности.

– Бред какой-то! – возмутился мистер Райтли, вырываясь.

Штатский решил, что ситуация требует небольшого хирургического вмешательства: один удар по почкам – и новый пациент оказался на полу.

Лейтенант выругался сквозь зубы.

Блох приподнялся, и съежившаяся кровать рухнула под ним.

– Не шевелись, – повторил злобный солдат, выводя неровные

круги дулом винтовки.

– Не троньте его, – сказал Блох.

– Со мной все в порядке, – помахал ему рукой мистер Райтли. – Они просто не хотят рисковать. Не волнуйся за меня, сынок.

Блох уселся на пол и стал внимательно изучать выражение каждого лица.

Физик обернулся к полковнику и прошептал:

– Знаете, а ведь его мать тоже к нему прикасалась.

Полковник кивнул, и еще два солдата шагнули вперед.

– Нет. – сказал Блох.

Один из солдат смутился, а второй, раздраженный тем, что неуверенность передалась и ему, достал пистолет и прицелился в женщину с обожженной рукой и сыном-монстром.

Все произошло со скоростью мысли.

Пистолет вырвался из руки, и обезоруженный солдат растянулся на полу, не понимая, как он там оказался и ничего себе при этом не повредил. Блох огромными скачками облетел всю комнату, изящными движениями освободив всех от оружия и усадив на пятую точку, а затем, целый и невредимый, остановился посреди этого хаоса, выпрямившись во все семь футов.

– Теперь я прикасался ко всем вам, – сказал он своим новым надтреснутым голосом. – Но не думаю, чтобы это имело значение. Поэтому оставьте мою мать в покое.

– Монстр вырвался! – заорал злобный солдат. – Он напал на нас.

Трое солдат снаружи даже не шелохнулись. Но четвертый, штатский, сегодня утром впервые в жизни убил леопарда, и у него в крови до сих пор не улегся адреналин. В очках ночного видения он хорошо различал цель – горячий, яркий силуэт возвышался среди скорчившихся тел. Штатский окатил его автоматическим огнем. Одиннадцать пуль исчезли в груди Блоха, напитав его энергией и аппетитными кусочками металла, а затем монстр рванулся сквозь изрешеченную стену палатки в сторону парковки, заботливо уводя огонь от беззащитных живых мешков с водой.

* * *

Некоторые вливались в поток беженцев, покинув город ради надежной, твердой земли на востоке. Но большинство предпочитали держаться ближе к дому. Люди знали слишком

мало, чтобы по-настоящему испугаться. Кое-кто слышал те же самые истории о Ночной стороне, что пересказывали друг другу солдаты. Но к каждому слову правды прибавлялось с три короба вранья. Кроме того, двести тысяч жителей не так-то легко перевезти на другое место. У кого-то машины все еще оставались на ходу, но надолго ли? Кроме обнадеживающих историй рассказывали еще и о вспышках и странных электромагнитных возмущениях, и что действительно пугало, так это перспектива застрять холодной ночью в семейном автомобиле на темной дороге, в самой гуще потока измученных и голодных людей.

Нет уж, лучше остаться дома. Собственный дом люди хорошо знают. Здесь есть подвалы, удобные кресла и любимые одеяла. Интуиция и надежда скрашивали жизнь в потемках, земля тряслась постоянно, но не настолько сильно, чтобы покосились фотографии на стене. Так просто закрыть усталые глаза и утешать себя чудесной мыслью: скоро снова зажгутся огни и телевидение с гуглом вернутся во всей красе. Что бы ни творилось сейчас в мире, все со временем разъяснится. Может, мы победим в этой войне. Или на плазменных панелях появятся инопланетяне – разумные твари, одетые в серебристые комбинезоны, и раскатистыми голосами расскажут, зачем захватили наш мир и чего хотят от своих новых рабов.

Это был самый популярный слух. Вторжение инопланетян, порабощение человечества. В конце концов, у рабства есть свои привлекательные стороны. Горожанам всех убеждений было легче смириться с этой мыслью, пока у них оставалась надежда на то, что собственность останется неприкосновенной. Мужчины и женщины сидели в своих подвалах и готовились к самой худшей судьбе, за исключением смерти. Пока это была не смерть, и пришельцам могли понадобиться их силы и разум для какой-нибудь важной цели. А кроме того, в любой книге можно прочитать, что вторжения всегда заканчиваются неудачей. Это ведь каждому известно, правда? Повелители со временем сделаются слабыми и беспечными, и через какую-нибудь тысячу лет люди восстанут и перебьют ненавистных чужаков, захватив в придачу их звездолеты и невероятное оружие.

Примерно так думала пожилая женщина, сидя возле печки в подвале и скармливая огню остатки своей последней брэдфордской груши. У нее закончились пиво и сигареты, и это ужасно ее огорчало, но оставался еще горячий чай, и он был не слишком горький. Она потянулась за кружкой, но тут кто-то вломился в дверь наверху. Женщина замерла и прислушалась. Неизвестный прошел по комнате, и половицы заскрипели под его тяжестью. В какой-то безумный момент женщина подумала, что

это вообще не человек. В зоопарке есть пони. Судя по звуку шагов, вошедший весил не меньше лошади. Не такое уж и безумное предположение после всего случившегося. Очередная порция дров превратилась в пламя и пепел, а затем некто еще более странный, чем клейдесдальский тяжеловоз, спрыгнул в подвал, мягко приземлившись за спиной у женщины.

– Тихо, – сказал отдаленно напоминающий человека демон и приложил палец к губам.

Никогда в жизни она не вела себя так тихо.

– За мной охотятся, – сказал демон и усмехнулся.

Из одежды на нем висела только нелепая набедренная повязка из утеплителя, служащего обычно для затыкания дыр в чердаках. Его лицо светилось мягким желтым сиянием, и сам он был горячим, как печка. Вглядевшись в его черты, женщина узнала того глупого соседского мальчишку, который каждый день проходил мимо ее дома. Того самого, что стоял под окнами, когда на землю свалились инопланетяне. Надо же, всего-то два дня прошло!

– Не бойтесь, – сказал он. – Никакой я не монстр.

Как ни странно, она ему поверила.

В подвальное окошко женщина видела, как луч фонаря пробежал по комнате наверху. Затем свет погас, и они остались вдвоем. Женщина подумала, что должна теперь испугаться, но почему-то не испугалась. Неожиданное вторжение показалось ей всего лишь захватывающим приключением.

Мальчишка, который не был монстром, наклонился к ней и прошептал:

– Мне в голову пришла забавная мысль. Хотите послушать?

Она кивнула.

– Знаете, почему мы держим зверей в зоопарке за решеткой?

– Ну и почему же?

– Потому что решетка – единственный способ удержать нас от стрельбы в бедных глупых животных.

Война миров

Все неизбежное становится общепринятым.

Огонь неизбежен. Вселенная наполнена топливом и искрами. Химические элементы создают недолговечный холодный огонь, а звезды горят с расточительной роскошью, и, хотя аннигиляция материи глубоко оскорбляет реальность, в результате получается самое восхитительное пламя.

Жизнь неизбежна. На самом деле жизнь – это очень сложный, обладающий сознанием огонь, поначалу холодный, но часто становящийся пугающе горячим. Жизнь – это огонь, способный мыслить и действовать в соответствии со своими странными идеями. Жизнь нуждается в топливе, в способе поддерживать свое горение, и поэтому эгоизм – первое правило для любого разума. Но трехсот миллиардов звезд и триллионов планет недостаточно, чтобы обеспечить ее топливом. Жизнь зарождается слишком часто и слишком легко, а Галактика, наполненная неистовыми звездами и холодными планетами. так привлекательна. Если какой-то живой огонь свободно и беспрепятственно поглотит один маленький мир, много ли от этого будет вреда, много ли опасности?

Опасность, жестокая и отвратимая, возникнет тогда, когда другой огонь заметит этот захват и сам устремится к такому же легкодостижимому миру, а вслед за ним еще тысячи огней проделают то же самое. Ни один огонь не захочет остаться в стороне, и вскоре вся Галактика превратится в преисподнюю.

Поэтому и мораль тоже неизбежна. Любой разум цепляется за этические нормы. Любые два огня обязаны иметь общие представления о добре и зле. И первый из таких законов должен гласить: ни один отдельный огонь не может претендовать на небесные сферы, если того не требует необходимость поддержания мира. Так что любой, даже самый холодный и примитивный огонек имеет право на безопасность и объявляется священным.

* * *

Город опустел, но отнюдь не затих. Под землей все еще грохотало, но уже слабей. Где-то пищали мыши, гукала расхрабрившаяся сова, а люди беспрерывно переговаривались в темноте, обсуждая новости и с тоской вспоминая прошлое. Несколько парочек страстно занимались любовью. Кто-то

молился, хотя и без особой надежды на то, что его слова будут услышаны. Выжившая из ума старуха несла всякий вздор. Наконец ее муж заявил, что устал от ее болтовни и пойдет на улицу встречать рассвет.

Блох стоял посреди Пендера, когда на улице кто-то появился. Это был тот самый старик, чей отважный дуб остановил катящегося космического пришельца. Бесполезное яйцо давно уже подняли краном на грузовик Национальной гвардии и куда-то увезли. Мелкие обломки корабля, собранные в контейнер внушительных размеров, дожидались той поры, когда за них возьмутся исследователи, что на самом деле вряд ли случится. А вот покореженные машины так и остались лежать на месте крушения. Блох мог различить маркировку шин, засохшие капли крови на асфальте и светловолосую куклу Барби, забрызганную смерзшимися мозгами брата ее хозяйки.

Старик вышел на крыльцо, посмотрел на неизвестно откуда взявшегося призрака, поразмыслил и сказал:

– Эге.

Никто больше не охотился за Блохом. Поначалу монстра разыскивали по всему городу, но затем паника улеглась, уступив место новой и куда более истеричной. Один монстр – это сущие пустяки в сравнении с тем, что приближалось с востока. Солдаты Национальной гвардии, полицейские и всевозможные добровольцы скорчились на дне придорожных канав, готовые открыть огонь по пришельцам из своих жалких и бесполезных железяк.

Старик подумал, не вернуться ли в дом, но был слишком дряхлым, чтобы по-настоящему испугаться. К тому же ему не очень хотелось снова слышать бредни своей жены. Поэтому он спустился с крыльца, прошаркал по лужайке и остановился, прислонившись спиной к треснувшему стволу дерева. Затем снял с головы шерстяную шапочку, пару раз провел ладонью по лысине и медленно, безразлично проговорил:

– Я тебя узнал. Ты тот самый парень, что первым забрался в яйцо.

Блох посмотрел на старика, потом на восток, где по небу уже расплывались пятна света. Только это был не восход солнца. Яркая пурпурная полоса тянулась по всему восточному горизонту.

– Ты знаешь, что с тобой случилось? – спросил старик.

– Может быть, – ответил Блох и поднял отливающую золотом руку. – Машина пробралась в меня и начала перестраивать. А потом поняла, что я живой, и куда-то сбежала.

– А почему она сбежала?

– Потому что жизнь бесценна. Машинам не разрешается

изготовлять оружие из разумных существ.

– Так ты, значит, остался недоделанным?

– Не больше, чем на три процента.

Старик передвинулся так, чтобы погреться в исходящем от Блоха тепле.

– Ты так и останешься здесь стоять? – спросил он, взглянув в серое лицо Блоха.

– Да, бой отсюда хорошо будет видно.

Старик посмотрел на восток, потом на Блоха. Он выглядел озадаченным и немного заинтригованным. Слабая улыбка мелькнула скорее в его глазах, чем на губах.

– Но здесь стоять опасно, – предупредил Блох, повинуясь какому-то новому инстинкту. – Вы проживете дольше, если спрячетесь в подвале.

– Насколько дольше?

– Думаю, секунд на двадцать или тридцать.

Старик попытался рассмеяться, потом попробовал выругаться. Ни с тем, ни с другим ничего не вышло.

– Если разницы нет, то я лучше постою здесь и посмотрю представление.

Пурпурная полоса стала шире и ярче, и первый порыв ветра закачал верхние ветки дуба.

– Сюда кто-то идет, – сказал старик.

Отсюда много всего было видно, что правда, то правда. Но, проследив за взглядом старика, Блох никого не увидел.

– Может, этот солдат охотится за тобой, – предположил старик.

– Какой еще солдат?

– А может, это просто дезертир. Я не вижу у него оружия. – На этот раз у старика получилось выдавить кислый смешок, покачивая одновременно головой. – Не стоит его осуждать. Учитывая обстоятельства.

– О ком это вы? – спросил Блох.

– Ты его не видишь? Старого пехотинца прямо посреди дороги?

Кроме них двоих на Пендере не было ни души.

– Ну не показалось же мне? Еще три минуты назад я не был сумасшедшим, и сомневаюсь, что за столь короткое время это изменилось.

Блох никого не видел, но почувствовал движение. Что-то большое и внушительное внезапно подошло к нему, и инстинкт хладнокровно подсказывал: этот солдат-невидимка прекрасно его видит.

– Как он выглядит, этот ваш солдат?

– Немного похож на тебя, – ответил старик.

Очень странно, второго серого монстра здесь быть никак не могло.

– А теперь он зовет тебя, – сказал старик.

– Как он меня зовет?

– «Мелюзга», или что-то вроде того.

И тут Блох прямо перед собой увидел брата.

* * *

Мэтт всегда походил на отца, но сейчас особенно. Он внезапно стал взрослым. Это был уже не тот выбритый наголо парень с пивной отрыжкой, что приезжал в отпуск прошлой осенью. И не тот режущий суровую правду солдат, которого Блох видел в скайпе неделю назад. Ничего от прежнего Мэтта не стерлось и не сморщилось, но теперь он выглядел точь-в-точь как отец на старом видео – невысокий крепкий мужчина с короткими ногами и широкими плечами, готовыми выдержать любой груз. Он был в той форме, которую носили солдаты в Йемене, только слишком чистой и слишком хорошо выглаженной. Но больше всего напоминало папу измученное бессонницей лицо Мэтта. Его большим глазам приходилось видеть вещи и похуже того, что происходило сейчас, но после всех испытаний и тревог, каких младший брат и вообразить себе не мог, этот человек все еще был способен улыбаться.

– Как дела, мелюзга? – спросил Мэтт.

Но Блох своим кукольным голоском ответил:

– Ты не мой брат.

– С чего ты взял?

– Я чувствую. Ты вообще не человек.

– И это говорит светящийся монстр, одетый в трусы из стекловолокна!

Мэтт рассмеялся, и старик вместе с ним. Потом брат прищурился и спросил:

– Ты меня боишься?

Блох покачал головой.

– Ты должен бояться. Я теперь очень крутой чувак.

Мэтт прошел мимо Блоха и старика, оглянулся и сказал:

– Пойдем, монстр. Нам нужно обсудить кучу всякого дерьма.

Длинные ноги быстро догнали короткие.

Когда они повернули за угол, Блох спросил, куда Мэтт его ведет. Брат ничего не ответил. Старик больше не смотрел им вслед, он прислонился к раскуроченному «Бьюику» и

внимательно изучал пурпурные огни в далеком, потрясающе красивом небе.

– Мы идем в зоопарк, – догадался Блох.

Мэтт, казалось, собирался кивнуть, но передумал. Он открыл рот, чтобы сказать какие-то слова, но промолчал. Потом посмотрел на великана, стоявшего перед ним.

– Ты чего? – поинтересовался Блох.

– Знаешь, что такое приключение?

– Конечно.

– Нет, не знаешь, – сказал Мэтт. – Когда я отсылал тебе той ночью сообщение, стоя у казармы, я не сомневался в своей скорой смерти. И это не казалось мне страшным. Адский монстр падал с небес, и с миром все было кончено, но что я мог сделать? Ничего. Это не мина, заложенная под дорогой. Это не пуля, летящая в голову. Никакого разъедающего душу ожидания. Оставалось только смотреть, как все произойдет.

Но космический корабль оказался лишь началом. Словно мягчайшее волшебное одеяло, он опустился на меня и на все вокруг. Активный аспект нашел меня и вцепился в мой потенциал. Примерно так, как было с тобой, только еще сильней. Я узнал тонны всякого сумасшедшего дерьма. То, что я помнил из прошлой жизни, до сих пор со мной, это мое ядро, но к нему теперь примешана куча новых сведений. То же самое случилось и с солдатами моей части, и с простыми жителями Йемена, и даже с местными плохими парнями. Нас перестроили и подключили к новой работе, но это даже не напоминало призыв в армию, так как все мы теперь понимали устройство Вселенной, и наша работа была самой лучшей из всего, что мы делали в своей жизни.

Они миновали дом, в подвале которого Блох прятался прошлой ночью.

– Так что там насчет устройства Вселенной? – спросил он.

– Мы не одиноки во Вселенной, как ты уже понял. Но мы никогда и не были одиноки. Земля еще не появилась на свет, а галактика уже кишела разумными существами и всевозможными планами, ожидавшими реализации. Некоторые из этих проектов уже завершили, но имелись и другие, пугающие своим масштабом и сложностью. Требовалось слишком много энергии, чтобы выполнить задуманное. Слишком много разных существ хотели урвать свою долю, но они смогли между собой заключить перемирие. Такие планеты, как Земля, казались заманчивым источником энергии – их запретили трогать. Они были необычными. На Земле зародилась собственная жизнь, как и на ста шести планетах, спутниках и больших кометах. И все это в

одной только Солнечной системе. Даже самая примитивная жизнь была защищена законом и машинами. Хотя «машины» – не самое удачное слово.

– Значит, мы живем в зоопарке, – сказал Блох.

– «Зоопарк» – тоже паршивое словечко, но примерно так все и было устроено до сих пор. – Мэтт повернул на перекрестке, выбрав не ту дорогу, какой Блох обычно ходил в школу. – Законы и правила – вот что объединяет все живое. Эта система старше наших гор. Она охраняла Землю от вторжений. Но не всегда. Если хочешь знать, это не первый случай, когда Землю захватывали пришельцы. Думаешь, динозавры погибли из-за падения метеорита? Такого не могло случиться. Если какая-нибудь комета представляла опасность, ее слегка отталкивали в сторону, и все снова было в порядке. Это еще одно преимущество жизни в зоопарке, и думаю, что нам стоило бы поблагодарить своих защитников. Если бы мы знали об этом, разумеется.

– Так кто же их убил?

– Ти-Рексов? Ну, это с какой стороны посмотреть. Корабль прилетел из глубин космоса, и ему удалось проскользнуть сквозь защитную сеть, которая, между прочим, никогда не была настолько безупречной, как задумывалось. Разве не так всегда и случается? Динозавры оказались заражены активными аспектами, увеличившими их мозг и обучившими новым навыкам. Но потом сюда прислали защитников, и началась битва. Всемирная война в целом шла успешно для защитников, но не совсем. На какое-то недолгое время создалось впечатление, что, возможно – всего лишь возможно, – перестроенная Земля сумеет отразить любую атаку.

Но машинам из космоса удалось провести зачистку. Зачистка – это отвратительная и жестокая тактика. Защитники вызвали вспышки на Солнце, направили всю энергию на Землю и выжгли ее до коры. Но это была самая легкая часть задачи. Требовалось еще многое сделать, чтобы восстановить все заново, и вероятный сценарий восстановления отпечатан в горных породах. Динозавры оказались дефектными и ненадежными. Вот откуда взялись кратеры. Вот откуда взялся иридиевый слой[93]. Вот почему группа маленьких животных, таких как ты и я, получила свой шанс, и этот мир продлился примерно шестьдесят пять миллионов лет.

Невысокие дома и сбросившие листву деревья вдоль улицы оборвались у высокой, увитой поверху колючей проволокой ограды из металлической сетки.

– У этой войны две стороны, – продолжал Мэтт. – В ней много всего хорошего и никакого зла. Забудь о зле. Космический

корабль, несущий новые возможности, атаковал Землю и занял половину планеты в считаные минуты. Сто миллиардов мин спрятаны глубоко в грунт. Каждая из них – это микроскопическая машина, и она ждет, ждет, ждет своего часа. С тех пор мне неоднократно приходилось сражаться с минами-ловушками. В моем нынешнем восприятии эта война длилась сто лет. Я видел всякое, и всякое случалось со мной. Я встречал существ, каких ты даже представить себе не можешь, и машины, принцип действия которых я сам не могу представить, и ничто не давалось мне легко. А теперь я повторю свой вопрос: знаешь ли ты, что такое приключение?

– Думаю, что знаю.

– Нет, мелюзга, пока ты еще ничего не знаешь.

Сетка ограждала восточную границу зоопарка. Гвардейцы проделали в ней дыру, чтобы затащить громоздкое оборудование, не проходившее в служебные ворота. В ближней к ограде клетке стоял на открытом месте верблюд-бактриан – лохматый, невозмутимый, безмозглый.

Блох пролез в дыру, но брат остался снаружи.

– Ну хорошо, скажи мне: что такое приключение?

Голос Блоха стал несколько глубже, да и сам он приободрился.

– В жизни случается много всякой ерунды, иногда забавной, но чаще всего скучной. Так бывает со всеми, и со мной тоже. Последние сто лет моей жизни были увлекательными и обычными, опасными и совершенно унылыми – когда как. Я часто сражался и уверен, что именно этого я всегда и хотел. У нас полно преимуществ: мы атаковали неожиданно, противник хуже нас вооружен, к тому же мы выбрали для вторжения восьмую или девятую позицию в списке самых выгодных целей.

– А какая первая? – спросил Блох.

– Самый лакомый кусок – это Юпитер. И не только из-за размеров. Его биосфера в тысячу раз интересней земной.

Мэтт стоял, подбоченившись, напротив дыры в ограде.

– Да, на нашей стороне неожиданность и скорость, но, возможно, этого не хватит, чтобы достичь цели. Мы справимся с минами-ловушками и с укреплениями защитников, но боюсь, нам не устоять против зачистки. Если хочешь знать, все закончится так же ужасно, как в пермском периоде[94]. За четыре дня Земля стала могущественной, а потом почти все погибло. Вероятно, то же повторится и теперь. И знаешь, что самое противное? Скорее всего, фальшивые окаменелости представят людей злодеями, будто мы сами виноваты в том, что загрязнение и жара уничтожили наш мир. И теперь свой шанс получат заборные

игуаны и тараканы.

У Блоха по щекам потекли слезы.

– Приключение, – усмехнулся Мэтт. – Нет, это не те безумные героические глупости, которые ты вытворял всю свою жизнь. Приключение – та история, которую ты сможешь потом рассказать. То, что ты выберешь из обычных и скучных событий, потом сплетешь из них узор и отдашь в подарок другому. Твоя история.

Блоху стало совсем не по себе.

– Ну что, мелюзга, страшно?

– Нет.

– Хорошо, – сказал брат, вытащил из кармана бусы и протянул Блоху. – А теперь иди. Тебе здесь кое-что нужно сделать.

Приключение Блоха

Верблюд, казалось, что-то жевал, но так только казалось. Его губы не двигались, бессмысленные глаза замерли в полузакрытом положении, а вдох, который начался вечность назад, так и не осчастливил легкие глотком свежего воздуха. Верблюд превратился в статую, сделался неживым и холодным, неподвластным гниению и силе притяжения, стоя посреди загона, украшенного отпечатками копыт, кучками дерьма и похожим на дерьмо кормом, предназначенным для чудесного верблюжьего желудка, – словно император в своем маленьком королевстве.

Блох оглянулся, надеясь получить от брата объяснения. Но Мэтт уже исчез, или его там никогда и не было. Блох медленно прошел по большому кругу, сообразив наконец, что мир застыл в каком-то мгновении, которое явно не торопится смениться другим. Но время должно двигаться, пусть даже медленно. Иначе как он мог бы что-то увидеть? Отраженный от каждой гладкой поверхности свет остановился в воздухе, а если свет неподвижен – это то же отсутствие света, и разве не здорово, что его мозг так легко научился управлять новыми способностями?

Белая нитка с только что полученными бусами лежала на его широкой бледной ладони. Блох поднес ее к лицу. Маленькая, как леденец, бусинка выглядела совершенно настоящей – и на ощупь тоже, когда он покатал ее пальцем.

– Круто, – сказал Блох, и его новый голос звучал скучно и монотонно, как звук дешевого колокольчика.

Зато его руки и туловище вернулись в прежние размеры, а вместо повязки из стекловолокна он снова был одет в джинсы и корнеллскую толстовку. «Фигня какая-то, – подумал Блох. – Но веселая фигня». Затем без какой-либо причины он лизнул языком зеленую бусинку, и она была сладкой, так что он не смог остановиться, пока не запихал в рот все бусинки вместе с грубой толстой ниткой.

Каждый из этих «леденцов» был аспектом, а нитка – сразу десятью аспектами, соединенными вместе, и Блох проглотил их, гадая, какие еще чудеса с ним произойдут.

Но, похоже, ничего не изменилось – ни в нем самом, ни вокруг него.

Верблюд стал чуточку ближе к счастью и завершению вдоха, когда Блох приблизился к нему. Именно приблизился, а не подошел. Он только подумал – и тут же оказался на другом конце бетонной дорожки. Затем он подумал, что хочет двигаться быстрее, и перенесся к западной границе зоопарка. Его школа –

большое, обшитое металлом здание – пряталась за фальшивым пожарным депо и красной бытовкой. Блох знал, куда ему нужно идти, но не пошел туда. Он поднялся в свой класс, где мистер Райтли вместе с его матерью сидели рядом на постели, сложенной из старой одежды. В ногах у них стояла переносная лампа. Мама держала учителя за руку и что-то говорила ему. Мистер Райтли всегда казался таким же старым, как она, хотя на самом деле был молодым. Молодой седой мужчина, сидящий рядом с измученной заботами женщиной на десять лет старше него. Блох наклонился к матери и рассказал, как только что встретился с Мэттом. Рассказал, что Мэтт живой и сильный, а еще объяснил, что собрался сделать ее младший сын. Прошло немало времени, прежде чем ее печальное лицо начало меняться; возможно, она узнала того, кто стоит перед ней, или, по крайней мере, испугалась тени, которую он отбрасывал.

В классе были и другие люди. Девушка, столкнувшаяся со сбежавшим леопардом, сидела напротив матери Блоха. Яркие слезинки застыли на симпатичном лице. На коленях у нее лежал старый номер «Нэшнл джеографик» и половинка тетрадного листа с посланием, начинавшимся словами «дорогой Тедди» и заканчивавшимся трижды повторенным «люблю», причем, выводя каждое следующее слово, ее рука дрожала все сильней. Блох прочитал о ее переживаниях и пожалел, что не может добавить девушке уверенности. Ни один аспект не способен на это. Потом он вернулся к медленно начинавшей удивляться матери и бедному мистеру Райтли, который не спал несколько дней и, наверное, никогда больше не заснет. Вот о чем думал Блох, осторожно, одним пальцем поправляя очки на носу учителя.

Он двинулся дальше, времени совсем не осталось.

В бассейне для пингвинов спустили воду, зато его заполняли машины, большинство из которых стали бесполезным, мертвым грузом. Желтый подъемный кран протягивал стрелу к вершинам деревьев, а с нее свисал стальной трос, не достающий десяти футов до бетонного дна бассейна. В подъемнике сбоку от водоема скопились солдаты, отчаянно пытавшиеся оживить штуковину, привязанную к концу троса, – небольшую атомную боеголовку, изначально предназначавшуюся для танковых колонн в Фульдском коридоре[95]. Солдаты все еще надеялись, что бомба подчинится их сигналам. Это был бесполезный труд, по многим причинам плутоний никогда больше не станет агрессивным. Но Блох все-таки пожелал подняться в воздух – внимательно рассмотреть самый разрушительный снаряд, когда-либо созданный человеческой расой.

У края бассейна испуганный физик спорил о чем-то с ничуть

не меньше потрясенным полковником. Похоже, они запутались в лабиринте своих доводов и теперь просто кричали, схватив друг друга за грудки. Ни один из спорщиков не заметил парня, проскользнувшего между ними, а через мгновение он уже прыгнул, сложив руки и вытянув ноги, в глубокую-глубокую дыру.

* * *

Поврежденные аспекты иногда возвращались к центральному узлу, умоляя о ремонте или смерти. Обычным исходом становилась смерть, но иногда их удавалось вылечить и вернуть в строй. Солдат не хватало, а решающая атака еще не началась. Но защитник обязан был соблюдать предельную осторожность. Среди раненых могли затесаться шпионы. Саботажники готовились ударить в уязвимые точки, по второстепенным функциям. Но самый большой вред наносила безумная ложь, которая, раз возникнув, быстро растекалась повсюду, взращивая самоуверенность, привычное убеждение в своей силе – и какая-то часть защитника уже представляла себя отважным и несокрушимым спасителем укрепления, отбрасывая в сторону ценные микросекунды сомнения в том, что все его действия идеальны.

Среди искалеченных неудачников оказался и аспект, помещенный в мешок с водой. Этот мелкий аспект умудрился вернуться незамеченным – глупый кусок материи, не способный справиться с самой простой задачей. Лучше всего было бы не обращать внимания на этот хлам, но тонкие рефлексы иногда одерживали верх. Защитник велел аспекту сидеть тихо и ждать, и тот терпеливо ждал, пока невероятно точные инструменты обследовали то, что никогда не действовало правильно. Аспект был уничтожен, а другие инструменты потянулись к источнику воды, чтобы выжать из него две-три капли необходимого топлива.

Но вдруг из влажной субстанции выросли крохотные органы – или, может, они и раньше там были. – и один из этих органов заговорил.

* * *

– Я пришел сюда не воевать, – произнес Блох куда-то в темноту.

К нему вернулся обычный голос. Он слегка охрип и говорил слишком быстро, но ему понравилось, как слова прозвучали в его

голове. И это снова была его голова, его прежнее удобное, неуклюжее тело. Время шло с привычной скоростью, воздух обжигал, как в сауне, и в нем совсем не чувствовалось кислорода.

– Я пришел сюда не воевать, – сказал он, и у него закружилась голова.

Только что он стоял в каком-то неопределенном пространстве, которое трудно было назвать помещением. – и вдруг оказался на коленях, задыхаясь от нехватки воздуха.

Пол выровнялся. В легкие хлынул свежий воздух, и со всех сторон полился свет. Затем пол начал подниматься по краям, пока не заключил его в сферу, изолировав от всего остального мира.

Блох отдышался, постепенно восстанавливая обычные ощущения, затем поднялся с колен и вытер рот рукавом толстовки.

Так лучше, – сказал он. И добавил: – Спасибо.

Ничего не изменилось.

– Я пришел сюда не воевать, – повторил он. – Я просто принес сообщение, но другой стороне пришлось пойти на всякие хитрости, чтобы доставить меня сюда, поэтому, возможно, вы теперь из предосторожности должны меня убить.

Он помолчал, ожидая ответа.

Когда Блох думал об этой встрече, он представлял себе такое же существо, которое видел внутри космического корабля. Оно могло быть больше и опасней, но в его фантазиях у монстра всегда оставались зеленые глаза, внимательно рассматривающие маленького дерзкого человечка. Но сейчас внутри сферы, где находился Блох, не было никаких глаз, никакого лица и вообще никого, кроме него самого.

– Думаю, я должен сейчас бояться, – усмехнулся он. – Но нет, почему-то не боюсь.

Он сел и скрестил ноги.

– Возможно, я слишком много о себе воображаю, – продолжил он. – Но последние полдня мне кажется, что я был частью большого плана. Ваш аспект потерялся. Его подцепил передней лапой леопард. Потом леопарда заботливо привели в то место, где он мог повстречать меня, поцарапать и заразить. Затем, когда я стал больше и сильнее, мне повстречался мой брат. Он объяснил мне, что происходит, и показал цель.

Но ведь на самом деле все было не так, правда?

Если бы это был план, его бы в конце концов раскрыли.

Он бы обязательно провалился, потому что из-за миллиона мелочей мог пойти не так, как было задумано, или просто результат не оправдал бы ожиданий. Поэтому разумное существо

никогда не утруждает себя составлением плана. Уверен, вы тоже. Ваши цели и принципы бесконечно сталкиваются со всякими сложностями, и в любую секунду все способно измениться, так что остается только нырнуть в океан возможностей и надеяться на лучшее.

Блох остановился и прислушался к пустоте. Мир снаружи, наверное, все еще вздрагивал, только сам он ничего не чувствовал. По-видимому, его никто не слышал, но больше ему нечего было делать. Подтянув ноги под себя, он уселся по-индийски.

– Я здесь просто потому, что я здесь, – сказал Блох. – Ваш враг не разыскивал специально дефектного человека, который не чувствует страха. Это простая случайность, что вам не попались та светловолосая девушка, или леопард, или маленький пингвин. Могло подойти любое существо, не обязательно я.

Но я принес с собой что-то странное и, возможно, счастливое для всех. Я не чувствую страха, и в этом мое преимущество. Когда остальные начинают метаться, махать руками и кричать, я становлюсь похож на безмятежное животное, с интересом наблюдающее за всей этой суетой. Когда вы упали с неба посреди Пендера, я видел, как люди боролись с различными страхами. Когда вас сбросили в воду, я смотрел на лицо мистера Райтли. А еще там были моя мать, которая не перестает бояться даже в самые счастливые свои дни, ученые и представители правительства, пытавшиеся разобраться с вами, друг с другом и со всем на свете. А я внимательно наблюдал за ними. Сомневаюсь, чтобы кто-то еще это делал. Мир никогда прежде не был таким растерянным и напуганным, и за эти два дня я узнал много новых способов намочить штаны.

Блох помолчал немного. И заговорил снова:

– Из меня получился бы хреновый солдат. Мэтт повторял мне это много раз. Если ты не боишься, объяснял он, то быстро получишь пулю в голову. И это означает, мистер монстр, что вы сейчас тоже измучены беспокойством, не так ли? Хороший солдат должен быть хитрым. Вы мало что значите для ваших врагов. Просто еще один пехотинец, забившийся в свою дыру в страхе перед вражеской армией. Только эта армия тоже состоит не из монстров. Из того, что я слышал, ясно: враг уверен в своем поражении. Нет, в этой истории испуганный мальчик – тот, кто повернет солнце против планеты, чтобы выжечь и очистить ее. Но такая чистота означает смерть. Монстр – это те законы и обычаи, которые, пытаясь удержать Галактику от уничтожения жизни, сами делают и то и другое сразу. Это они настоящие чудовища. Вы сами все прекрасно понимаете, и ваши враги на сей раз

согласились бы с вами. И готов поспорить, это не единственное сходство между вами.

Да, я уверен, что и вы тоже наложили в штаны от страха, разве не так?

Блох снова поднялся. Нужно доставить сообщение, и он сделает это стоя. Так будет лучше. Он выпрямился и встряхнул руками. Сердце, которого обычно не слышно, забилось теперь чуть сильней. А потом он сказал немного охрипшим голосом:

– Ваш враг хочет сражаться с вами. Значит, вы должны приложить все силы, использовать все хитрости, чтобы остановить его. Но ваши укрепления будут разрушены, враг проглотит вас и двинется к Тихому океану, где начнет следующую битву, и в ней никто не сможет одержать быструю победу. А потом солнце очистит этот мир потоком дикой, грубой энергии.

Ваш враг не верит в осуществление своих планов, – добавил Блох. – Но шансы есть всегда, и я принес вам один из лучших. Не то чтобы он был совершенством, но, возможно, вы его одобрите. Страх и боль в конце концов окажутся не напрасными, если вы примете то, что я предлагаю.

Во мне сейчас спрятано много аспектов, а в них скрыты другие. Думаю, вы все это найдете в моем животе.

Вам придется разрезать меня, и я, к сожалению, не смогу вам помочь расшифровать их. Но вы, скорее всего, сохраните их до того момента, когда вас окончательно разобьют, и тогда сможете принять предложение врага. Или отклонить его. Выбор за вами. Но ради всех тех, кого я знаю и люблю, надеюсь, что у вас хватит мужества отбросить все страхи.

Не дайте страху помешать вам.

Сделайте свой выбор с открытыми глазами. Пожалуйста, разве я так уж много прошу?

* * *

Блох замолчал.

Теперь он не стоял внутри шара. Он уплыл в другое место, и было непонятно, сколько прошло времени, но, судя по всему, очень много. Сейчас Блох плавал в каком-то неопределенном пространстве, отчасти реальном, но больше похожем на изображение, – в огромной сфере, населенной десятками миллионов земных организмов.

Блох различил знакомые лица. Здесь были его мать и мистер Райтли, ученые и светловолосая девушка, чье имя он так и не

узнал. Верблюд тоже оказался здесь, как и другие уцелевшие животные из зоопарка, и двести тысяч горожан, которых в конце концов вытащили из подвалов и из-за парадных дверей. Пингвины так и не приехали в город, а леопарда уже пристрелили, и Мэтт все-таки погиб в Тихом океане – доблестный воин, делавший то, что любил больше всего на свете.

Миллиарды людей погибли. Это случилось так давно, что Вселенная уже не помнила о них, и никто даже не заметил трагедии. Но внутри искусственного. сильно сжатого объема их раса сохранилась. Приключение еще не закончилось. Один из пассажиров захотел послушать историю Саймона Блоха, и он рассказал, от начала и до конца, остановившись только тогда, когда уже нечего было добавить, наслаждаясь восхищенными взглядами и почтительным молчанием.

Потом он обернулся и посмотрел в другую сторону.

Этот звездный корабль появился в тот момент, когда погиб весь большой мир, и яростные вспышки Солнца отбросили его в глубокий космос. На борту корабля собрались уцелевшие из многих миров, после многих трагедий – последняя крепость, не покорившаяся неизбежности. Теперь народы галактики должны были сойтись в финальной битве, но Блох не любил заглядывать далеко вперед.

В межгалактическом мраке и холоде виднелась манящая полоска атмосферы и чахлое солнце – спасительный остров, на котором мудрые выжившие могут предпринять вторую попытку достичь совершенства.

Многие люди глубоко задумались бы, узнав, что они направляются в такое место.

Некоторые даже испугались бы.

Но нет, только не Блох.

Гвинет Джонс
Марсианский пастырь

Гвинет Джонс – одна из самых известных английских писательниц своего поколения, лауреат премии Джеймса Типтри-младшего за роман «Белая королева» («White Queen», 1991), который поднимает гендерные проблемы в научной фантастике. За роман «Дерзкий, как любовь» («Bold as Love») она получила премию Артура Кларка и две Всемирные премии фэнтези (World Fantasy Award) – за рассказ «Принцесса травы» («The Grass Princess») и сборник «Семь сказок и басня» («Seven Tales and a Fable»). Другие ее произведения: романы «Северный ветер» («North Wind»), «Пыльца» («Flowerdust»), «Планы спасения» («EscapePlans»), «Священная стойкость» («DivineEndurance»), «Кафе „Феникс“» («Phoenix Café»), «Замки из песка» («Castles Made of Sand»), «Безкамня» («Stone Free»), «Полночный светильник» («Midnight Lamp»), «Кайрос» («Kairos»), «Жизнь» («Life»), «Вода в воздухе» («Water in the Air»), «Влияние железного дерева» («The Influence of Ironwood»), «Обмен» («The Exhange»), «Дорогой Хилл» («Dear Hill»), «Спрятанные» («The Hidden Ones») и «Радужный мост» («Rainbow Bridge»), а также более шестнадцати молодежных романов, опубликованных под псевдонимом Энн Халам (Ann Halam). Ее рассказы печатались в «Interzone», «Asimov's Science Fiction», «Off Limits», в других журналах и антологиях и были объединены в сборники «Идентификация объекта: сборник рассказов» («Identifying the Object: A Collection of Short Stories») и «Семь сказок и басня» («Seven Tales and a Fable»). Она автор критического исследования «Деконструкция звездолетов: научная фантастика и реальность» («Deconstructing the Starships: Science Fiction and Reality»). Из недавних ее произведений – научно-фантастический роман «Призрак, или Принцесса спящего леса» («Spirit: or The Princess of Bois Dormant») и два сборника: «Квартет Буонаротти» («The Buonarotti Quartet») и «Вселенная вещей» («The Universe of Things»), У Гвинет Джонс есть сайт: http://homepage.ntlworld.com/gwynethann/. Живет она в Англии, в городе Брайтон, с мужем, сыном и кошкой бирманской породы.

В рассказе «Марсианский пастырь» на фоне реалистичного описания колонизированного Марса она поведает нам жутковатую историю, которая, возможно, не более чем сказка о привидениях – а может быть, и нет.

Преподобный Бооаз Ханаахаан, первосвященник Всемогущей Пустоты, и юный алеутский авантюрист, отзывавшийся на имя

Конрад, были единственными временно проживающими на Старой станции в Баттер-скотче. Встретившись на пути из Оппортунити, они стали проводить вечера вместе, наслаждаясь бокалом-другим превосходного купажа «Планет-близнецов» из запасов Боааза в уютной приватной гостиной. Странная получилась пара: массивный шет, чья серая шкура собиралась в тяжелые величественные складки на черепе и над бровями, и юный бессмертный – с головы до плеч его спускались гладкие пряди волос, черные глаза по обеим сторонам темного пространства носа мерцали озорством. Но алеут, хоть он и никогда не доживал до старости – такое не в его характере, – за множество своих жизней накопил немалый запас разнообразных знаний, а Боааз был пожилым священником с разносторонними интересами и живым взглядом на мир.

Постоянные жители Баттерскотча – их насчитывалось около сотни – редко заглядывали на Старую станцию. Обычными ее клиентами были надзиратели шахт – они приезжали из пустыни на грузовиках с жилыми фургонами, и всякий мог услышать, как они мирно пьянствуют в баре. Боааз и Конрад переглянулись, безмолвно согласившись не участвовать в вечернем веселье. Местные вели себя достаточно дружелюбно, но почти все марсианские колонисты были людьми и никогда не покидали привычное пространство. Шахтеры встречали всего несколько инопланетян и верили в то, что межзвездный транзит Буонаротти – опасная новинка, которая никогда не приживется. Ведь подобные беспокойные увлечения очень утомляют.

– Боюсь, что я напугал детей, – пророкотал Боааз.

Алеут мог вполне сойти за безносого человека с покатыми плечами. Шет был безволосым и впечатляюще мощного телосложения, но его руки – вот что в первую очередь отличало его от людей. Для Боааза было естественным, что у него два набора пальцев: одни толстые и мозолистые, чтобы толочь и растирать, другие – тонкие и гибкие, для более точных движений. Обычно скрытые на запястьях складками, тонкие пальцы выныривали из-под них, чтобы взять, к примеру, стилус или воспользоваться столовыми приборами. Боааз видел, как молодые люди уставились на это зрелище и отшатнулись с вытаращенными глазами…

– Перестань называть их *детьми,* – заметил Конрад. – Им такое не нравится.

– Не думаю, что в этом все дело. Молодежь всегда занимается физическим трудом и работает в обслуге, таковы законы природы. Я просто называю их так, как принято на их языке.

Конрад пожал плечами. Некоторое время они молча изучали

свои экраны. В зале воцарилась уютная тишина. Бооаз рассмотрел перечень «достойных дел», отправленных ему Колониальньши социальными службами Оппортунити. Перечень его не впечатлил. Они просто накидали туда что попало: случайных людей, которые не вписывались в общие рамки, хотя вряд ли имели серьезные проблемы.

Что еще более досадно, один из этих людей, оказывается, жил в Баттер-скотче.

– Тут есть одна женщина, ее подозревают в сумасшествии, – проворчал он вслух. – Ее лечили? Похоже, что нет. Варварство. «Посещала Сперанцу… Вероисповедание неизвестно…» Какой смысл мне об этом сообщать?

– Возможно, они думают, что ты захочешь обратить ее в свою веру, – предположил Конрад.

– Я никого не *обращаю*! – потрясенно воскликнул Бооаз. – Если неверующий прихожанин пожелает, чтобы я сопроводил его в Бездну, он сам даст мне знать. Я не занимаюсь уговорами! Я внес свое имя в список наряду с другими священнослужителями Марса. Если мои услуги как священника понадобятся при рождении, совершеннолетии, союзе или смерти, я буду счастлив их предоставить, и этого достаточно.

Конрад беззвучно рассмеялся – как делают все алеуты.

– Не беспокой свою паству, и она не побеспокоит тебя! Похоже, у тебя отличная ненапряжная должность.

«Не всегда, – с сожалением подумал старый священник. – Иногда приходится совсем нелегко!»

– Я бы об этом не беспокоился, Бооаз. Марс – колония. Она управляется планетарным правительством Земли, а они помешаны на сборе информации о невинных незнакомцах. Когда они не могут найти ничего интересного, им приходится это придумывать. К примеру, на меня у них огромное досье, я сам его видел.

Земля – местное название для могучего соседа Красной планеты, мира, который во всей остальной Диаспоре знали как Синий.

Бооаз появился на Марсе, чтобы позаботиться о заблудших душах. Конрад – как он сам говорил – был просто туристом. Скорее всего, он врал – недаром же люди собрали на него настолько обширное досье, – но Бооаз не собирался лезть в чужие дела. У древней расы алеутов была не то собственная религия, не то и вовсе никакой. И пока Конрад не выказывал никаких признаков страдания, его грехи не касались Бооаза. Старый шет открыл бутылку, поместил ее в держатель, глубоко вздохнул и вернулся к экрану на глазном яблоке, который мог видеть только

он сам. Файл социальной службы с любопытной информацией по «Джевел Изабель» снова был перед ним. Очень, очень странно. Опасаясь понять что-то неправильно, Бооаз открыл словарь и еще раз тщательно проверил значения слов, которые и так отлично знал.

«Злобная», «старуха», «безумная»…

Позже, уже готовясь ко сну, он осмотрел несколько превосходных скальных образований, украшающих двор станции. Они обещали хороший улов. Из ископаемых в округе добывали только железную руду для внутреннего рынка, которая стоила достаточно дешево, но Боааза не волновала коммерческая ценность: он коллекционировал редкие минералы. Эта его страсть послужила едва ли не самой веской причиной из тех, по которым он прибыл в Баттерскотч: тот располагался на краю самого древнего и интересного марсианского ландшафта. Сказать по правде, Бооаз относился к своему обширному викариату как к забавной прелюдии перед честно заработанной пенсией. Он не ожидал, что его обязанности будут обременительными. Но свою работу он выполнял добросовестно, и шутки Конрада задели его.

– Мне нужно посетить ее, – объявил он скалам, отбрасывающим резкие тени.

* * *

Отправившись со своего родного мира, первосвященник за очень короткое время добрался до Операнды, столицы Диаспоры, и далее до порта Торус Синей планеты – не считая нескольких часов ожидания и двух промежутков ложной длительности с виртуальными развлечениями. Те месяцы, которые он провел на борту обычного космического лайнера «Берроуз», завершая свое межпланетное путешествие, тянулись медленно, но вполне терпимо. По прибытии он обнаружил, что его резиденция, отправленная патентованной службой доставки, задержалась в пути, – и решил, что может продолжить путешествие. Так уж получилось, что его поездка в этот отдаленный, но весьма обширный новый приход пролегала в основном по местам добычи минералов, но он не собирался пренебрегать своими обязанностями.

На старой роботизированной повозке он доехал до конца зоны действия сети, а дальше пошел пешком. «Джевел Изабель» проживала за городом, совсем рядом с Ограждением, которое поддерживало сносный климат и качество воздуха. Еще не очищенные выбросы собирались здесь в облака пара,

разреженный воздух был безжизненно-теплым. Неподалеку виднелись веретенообразные башни шахтных отвалов, известные как марсианские строматолиты, их верхушки соприкасались. Они стояли группами, напоминая уродливых часовых. Мелкие горнодобывающие комбайны ползали вокруг них, пережевывая богатую минералами породу. Больше не было никакого движения, никаких звуков, кроме скрипа миллиона мелких керамических зубов.

Ничего живого.

«Марсиане» очень гордились своим карантином. Они выращивали еду в строгой изоляции, мучили инопланетных туристов длительной дезинфекцией. Даже машинам-гастроподам не разрешено было воспроизводиться: их партиями поставляли с рудных заводов и перерабатывали, когда приходил их срок. Что люди пытались сохранить? Расовую чистоту камней и песка?

– Нелепые предрассудки, – пробормотал старый священник в свой респиратор. – Жизнь есть жизнь!

Похоже, что «Джевел Изабель» весьма дорожила своим уединением. Он не предупредил ее заранее. Его посещение неофициально, и если она даст ему от ворот поворот, так тому и быть. Изолированный жилой модуль уже виднелся в конце аллеи из колеблющихся строматолитов. По пути Бооаз еще раз просмотрел сведения из файла. «Старая. Для человека ее положения много путешествовала. Считается богатой. Нет социальных связей в Баттер-скотче, нет обмена данными с другими городами. Все необходимое заказывает специальной доставкой за свой счет. Локальный год назад прибыла на Марс по билету в один конец для колонистов». Бооаз подумал, что это, должно быть, очень необычно. Марсианские колонисты под конец жизни иногда возвращались на родную планету, если могли позволить себе оплату медицинских расходов. Но зачем хрупкой пожилой женщине поступать наоборот, к тому же не планируя вернуться?

Священник и не заметил, как оказался прямо перед домом. На секунду он ощутил эгоистичное сомнение. Неужели он обрек себя на бесконечную череду визитов к случайным, неподходящим людям? Может быть, ему стоит просто тихо уйти… Но за ним уже наблюдали через прозрачное оконное стекло. Лицо поблескивало, проглядывая сквозь внешнюю и внутреннюю оболочку дома, будто из глубокого, беззвездного космоса.

– Кто ты? – требовательно спросил грубый голос, хриплый, как будто им долго не пользовались. – Ты настоящий? Можешь меня слышать? Ты не человек.

– Я слышу тебя, и я… э-э-э, немного волнуюсь. Я не человек, я

шет, служитель Пустоты, только что прибыл, знакомлюсь с паствой. Могу ли я войти?

Отчасти он надеялся, что она откажет. «Уходи, не люблю священников, разве не видишь – я хочу, чтобы меня оставили в покое?» Но замок открылся. Бооаз ступил внутрь, снял респиратор и верхнюю одежду и вошел в герметичную камеру.

По марсианским стандартам, помещение считалось большим. Переборки, наверное, убрали – скорее всего, изначально модуль предназначался для трех или четырех человек; но казалось, что комната заполнена людьми. Бооаз узнал мебель с Земли. Не стандартная прессованная, как на Старой станции, а настоящая, многие части выпилены из ценных пород дерева. Вдоль одной изогнутой красной стены были выставлены в ряд кресла. Возле другой стоял высокий шкаф, письменный стол со множеством ящиков и несколько картин в рамах, отвернутые к стене. Еще два кресла расположились посреди комнаты возле простой керамической печки – единственного источника света. Пол покрывал расшитый богатым узором ковер. Бооаз даже представить себе не мог, во сколько обошлась доставка всего этого обычным способом в материальной форме. Эта женщина на самом деле богачка!

В комнате было мало света, а теней – бесчисленное множество.

– Вижу, что вы действительно шет, – произнесла «Джевел Изабель». – У меня нет кресла, которое сможет вас выдержать, но, пожалуйста, располагайтесь.

Она указала на ковер, и Бооаз аккуратно опустился на него. Вокруг столько ценных инопланетных вещей – он всерьез опасался что-нибудь сломать. Женщина села, по всей видимости, на свое привычное место. Для человека она была высокой и очень худой. Все тело закрывало наглухо застегнутое черное платье со свободными юбками, на запястьях и шее украшенное кремовыми узорами из материала, похожего на текстильную пену.

Бооаз определил у нее все признаки человеческой старости: морщины, белые волосы на голове, глубоко запавшие бледные глаза. Но внешние приметы возраста часто обманчивы. Бооаз заметил в ней и черты, свойственные многим существам, с которыми чаще всего сталкивается любой священник, и он помнил, что осведомленность никогда не должна порождать пренебрежение.

«Джевел Изабель» склонила голову. Для нее был ясен его молчаливый вердикт.

– Должно быть, вы не только священник, но и врач, – произнесла она тоном, не допускающим сочувствия. – Вы

правильно догадались о состоянии моего здоровья. Давайте сменим тему.

Она спросила, понравился ли ему Баттерскотч и похож ли Марс на его родную планету. Стандартные вежливые вопросы, между ними – короткие необъяснимые паузы. Боааз рассказал о своих планах по сбору минералов и об удовольствии от путешествия. Его беспокоило странное ощущение, что в комнате многолюдно: хотелось оглянуться, убедиться, что на выставленных в ряд роскошных креслах никто не сидит. Но Боааз был слишком стар, чтобы повернуться без видимых усилий, а показаться невежливым ему не хотелось. Когда он заметил, что жилище Изабель (она поправила его, когда он произнес ее имена не в том порядке) было достаточно уединенным, она вымученно растянула губы в улыбке.

– Вы, возможно, удивитесь, но я не страдаю от недостатка общения.

– У вас есть ваши воспоминания.

Изабель смотрела куда-то ему за плечо.

– Или у них есть я.

Он не думал, что завоевал ее доверие, но перед его уходом они договорились, что он придет еще раз; она была очень щепетильна насчет деталей будущей встречи.

– Через десять дней, – сказала она. – Вечером, в полнолуние. Постарайтесь не забыть.

Когда он вернулся к ожидающей его повозке, туманные окраины Баттер- скотча уже не казались ему такими зловещими. Он правильно сделал, что пришел, и шутки Конрада обернулись во благо, иначе бедная женщина могла бы остаться без утешения, даруемого Пустотой. Здесь несомненно нуждались в нем, и он постарается сделать все, что сможет.

* * *

Он все еще чувствовал глубокое удовлетворение, когда повозка доставила его к зданию Старой станции. Он даже попытался сострить в разговоре с человеческим ребенком об этих замечательных скальных образованиях. Неужели одним прекрасным вечером они тоже пришли сюда из пустыни в поисках глотка чего-нибудь горячительного? Юноша, казалось, оскорбился.

– Когда станция строилась, они уже были на этом месте. Если бы на Марсе, мессир, водились живые камни… – юноша выпрямился во весь свой хилый, тщедушный рост и сердито

уставился на шета, – нас бы здесь не было. Мы бы улетели домой и оставили Марс существам, которые на нем обитают.

Бооаз зашагал прочь, вполголоса посмеиваясь. Дети! Но после того, как он пообедал в достойном уединении – как и всякий достопочтенный шет, он не мог есть на публике, – он решил воздержаться от общества Конрада. «Безумная старуха» занимала все его мысли, и он обнаружил, что вздрагивает каждый раз, стоит ему только подумать о повторном визите. Много раз он встречался с теми же проблемами, которые мучили Изабель, но раньше ему никогда не было страшно.

«Старею», – подумал первосвященник.

Он отправился в постель рано, но долго не мог уснуть: его не отпускало смутное ощущение, что он сделал какую-то глупость и ему придется поплатиться за нее. Дикие, опасные существа пытались пробраться в его комнату, скребли по пестрой внешней оболочке Старой станции, старались нащупать слабое место… Вынырнув из беспокойной дремоты, он собрался с духом, чтобы встать и включить прозрачность, хотя – и он отлично это знал – комната его выходила на внутренний дворик, а на Марсе не водились дикие животные. Снаружи было тихо. Прямо перед Бооазом под светом уличных фонарей стояло несколько грубых скал причудливой формы, от них веяло неясной угрозой. Они всегда были на этом месте? Ему казалось, что нет, но кто знает.

Звери затаились, слепые и скрытные, ожидая, пока он снова уляжется на место.

– Я действительно старею, – пробормотал Бооаз. – Похоже, мне просто показалось.

Он уснул и видел, будто снова оказался в модуле человеческой женщины. Изабель выглядела моложе и была гораздо оживленнее. Разум его пришел в смятение. Он не знал, каким образом попал сюда или о чем они говорили. Он советовал ей перебираться в город. Жить так близко к древней пустыне небезопасно: ей там не рады. Она рассмеялась и обнажила руку, восклицая: «Мне нигде не будут рады!» Рука была обезображена полосой символов, вырезанных на тонкой человеческой коже. Изабель сунула ему ближе эти символы; он возразил, что не понимает, что они значат, но ей было все равно. Она ждала другого гостя, того самого, который собирался прийти, когда Бооаз нанес, свой первый визит. Она впустила священника по ошибке, ему следовало уйти. «Они из другого измерения! – кричала она охрипшим, безжизненным голосом. – Они ждут у врат и готовы броситься и разорвать. Они когда-то жили со мной, они могут вернуться, стоит только немного сдвинуться множеству измерений Пустоты».

Он был потрясен, когда услышал терминологию своей религии. Потянуло ли ее к Бездне? Начал ли он давать ей необходимые наставления? Его огорчал туман в голове: как он мог забыть что-то настолько важное? Затем с невероятным облегчением Боааз вспомнил, что она посещала Сперанцу. Она не была новичком в межзвездном пространстве, возможно, она что-то знала и о верованиях шетов… Но облегчение сменилось волной ужаса: Изабель смотрела куда-то ему за плечо. Тело с возрастом потеряло гибкость, он неловко повернулся. Ощущение чужого присутствия обрело физическую форму: кто-то сидел в кресле. Огромный, как медведь, больше самого Боааза. Извивающиеся щупальца блестящей плоти потянулись к нему, каждую секунду становясь все более четкими и материальными…

Если оно станет полностью реальным, если оно дотронется до него, он умрет от ужаса…

Боааз проснулся, в голове гулко стучало, все тело пульсировало, кровь загустела и поменяла направление во всех сосудах. Кружилась голова, его тошнило, и на грани абсолютной паники он на ощупь нашел аптечку. Дрожащими тонкими пальцами, которые едва его слушались, он натянул маску на рот и тонкие прорези ноздрей и начал жадно глотать кислород.

Немыслимый ужас отступил, давление на черепную коробку ослабло. Сжимая в руках маску, он опустился на бок, заставив заскрипеть прочный прессованный диван. «Это был сон, – сказал он себе. – Просто сон».

* * *

Разумом он понимал, что просто переутомился. Перенапряжение в разреженном воздухе окраины привело к кошмарам. Надо было дать себе больше времени на акклиматизацию. Следующие несколько дней он отдыхал, копался на окрестных месторождениях сразу за Ограждением, одетый в марсианский скафандр с полной экипировкой. В качестве проводника его сопровождал юный сотрудник станции. Добыча оказалась невелика – все-таки Баттерскотч был в Путеводителе, – но Боааз нашел несколько неплохих экземпляров для своей коллекции.

Но кошмары не отступали, и временами ему приходилось бороться с въевшимся убеждением, что они реальны. Он будто бы уже посетил Изабель во второй раз, и там произошло что-то ужасное, что не выразить словами… Больше у Боааза не было спокойных ночей. Мерзкие сны преследовали его – хотя первый

сон никогда не повторялся, – и Бооаз просыпался в страхе и жадными глотками вдыхал кислород, который уже не приносил облегчения.

Его беспокоило и то, что персонал отеля теперь вел себя с ним по-другому. Раньше они были дружелюбными и, в отличие от шахтеров, никогда не перешептывались и не сверлили его взглядами. Но сейчас дети стали его избегать. Он не очень-то разбирался в человеческих эмоциях, но был уверен: что-то не так. Ану, тот парнишка, который сопровождал Бооаза в пустыне, старался держаться от него подальше и почти ничего не говорил. Возможно, дитя смущало то, что Бооаз заимел привычку постоянно оглядываться. Наверное, со стороны это смотрелось странно, потому что шет был стар и поворачивался с трудом. Но он ничего не мог с собой поделать.

Однажды утром, когда он совершал свой обычный обход внутреннего двора, там оказался управляющий станцией. Он разглядывал участок стены, на котором появились странные отметины: пузырящиеся рубцы, будто открытые раны на керамической плоти.

– Вы не знаете, что могло оставить такие следы? – спросил Бооаз.

– Это не выветривание, его здесь не бывает. Дефекты керамики, нужно будет ее перестраивать. Ничего не понимаю. Считается, что этот материал практически вечный.

– Но ведь станция очень старая, правда? Старше, чем сам Баттерскотч. Как вы думаете, эти красивые камни могут быть как-то связаны с повреждениями? – Бооаз попытался изобразить рокочущий смех. – Знаешь, дитя, иногда мне кажется, что по ночам они двигаются!

Скалы были очень далеко от стен. Они никогда не приближались. При свете дня.

– Мне двадцать лет, – заметил марсианин со странным выражением лица. – Я достаточно взрослый, чтобы знать, когда надо держаться подальше от дурных знаков, мессир. Прошу меня извинить.

Он поспешил прочь, оставив Бооаза в недоумении и смущении.

* * *

Он приехал сюда пополнить свою коллекцию минералов, значит, он будет их собирать. Чтобы развеяться, ему требовалось приключение. Безрассудной казалась попытка покорить

марсианскую пустыню в компании испуганного ребенка – впрочем, не менее безрассудной, чем идея сделать это в одиночку. Бооаз решил, что предложит алеуту отправиться с ним, ведь тот почти каждый день выезжал в дикие красные пустоши на хорошо оборудованном станционном багги. Конрад, конечно же, с радостью согласится!

Но Конрад не проявил особого желания. Он с таким дружеским участием рассуждал об опасностях Марса, с такой заботой – о возрасте шета и его неподходящем метаболизме, что Бооаз был глубоко тронут. Да, он стар, но все еще крепок телом. Какая дерзость со стороны этого юноши – предположить, что на Марсе есть опасности, с которыми не сможет справиться взрослый мужчина-шет! Даже если этот юноша – многоопытный бессмертный…

– Если ты предпочитаешь идти в одиночку, я не осмелюсь нарушить твое уединение. Нам нужно будет сравнить маршруты, чтобы они не пересекались.

– Есть очень, очень хорошая виртуальная экскурсия, – заметил алеут. – Ты сможешь легко и безопасно исследовать древнюю «Arabia Terra» с помощью настраиваемого аватара, не покидая уютного гостиничного номера.

– Перестань изображать из себя Путеводитель, – пророкотал Бооаз. – Я выживал в переделках и похуже. Мне необходимо сегодня же договориться со станцией.

– Ты же не хочешь, чтобы я напомнил тебе, что все разумные двуногие на Шете по сути своей водные обитатели…

– Наши океаны обмелели около двух миллионов стандартных лет назад. Я не алеут и не помню тех времен. Но если я тоже «по сути своей водный обитатель», это означает только, что я эксперт по выживанию за пределами своей естественной среды.

– Ну-ну, – неприветливо протянул алеут. – Если уж ты так серьезно настроился, полагаю, безопаснее будет держать тебя в пределах видимости.

* * *

Приметные места древнего нагорья располагались к северу, по счастью, в стороне, противоположной неприветливому краю, где жила Изабель. Два сцепленных вместе багги выехали на рассвете – машина Конрада впереди. Когда они прошли через корпускулярный барьер в Ограждении, Бооаз ощутил долгожданное волнение и азарт. На внешних камерах были видны поля, где добывали полезные ископаемые, и вездесущие

строматолиты, но ландшафт становился все более неровным. Священник чувствовал, как отпускает напряжение. Еще несколько таких поездок – и видения больше его не потревожат. Ему не нужно будет постоянно оборачиваться с ощущением, что за спиной выстраиваются в ряд шикарные кресла, а на одном обретает форму омерзительное чудовище из его сна…

– Пыльное место, – заметил Конрад по внутренней связи. – Здесь часто такое бывает во время северного «лета». И еще у меня штормовое предупреждение. Поэтому мы не будем углубляться, сделаем круг возле ближайшего холма, короткую вылазку в скафандрах – и по домам…

Бооаз усмехнулся, приходя в себя. На камерах было видно безоблачное небо здорового голубого оттенка. Показания внешних датчиков говорили о самых благоприятных условиях, какие только возможны на Марсе.

– По моим данным, вероятность опасного шторма близка к нулю, – пророкотал он в ответ. – Если хочешь, можешь отцепить машину и вернуться. Я собираюсь прекрасно провести время.

Тишина. Бооаз почувствовал, что победил.

В их дружеских беседах Конрад слишком часто отпускал дельные замечания по теме марсианской минералогии. Конечно же, он был не просто туристом, а тоже коллекционером. Прочесывал места, которые упустили из виду или недооценили в Путеводителе и Геологической разведке колониального правительства. Очевидно, что он нашел что-то ценное и не собирался этим делиться.

Бооаз сочувствовал ему всем сердцем. Но не мешало бы немного поддразнить Конрада за подобную недоверчивость и скрытность!

Сцепленные багги спускались в слоистые воронки, карабкались по песчаным уступам. Бооаз погрузился в списки нужных ему минералов со странно звучащими на человеческом языке названиями, составленные уже давно, еще при подготовке к этой поездке. «Гранулы гематита, вулканический оливин, экзотические базальты, образцы Мессбауэра, тектиты, баритовые розы». Но вообще-то любой образец с Марса, преодолевший такое огромное расстояние, будет настоящим сокровищем, которое просто обязано вызвать восторги и зависть собратьев-коллекционеров на его родной планете.

За ним выстраивались в ряд пустые кресла. То, что ожидало у врат, принимало форму. Бооазу необходимо было оглянуться, но поворачиваться он не стал. Он знал, что не сможет сделать это достаточно быстро, а если повернется, то только гладкие поверхности оборудования багги будут насмешливо смотреть на

него…

Спасаясь от неприятных мыслей, он заметил, что Конрад сильно отклоняется от зарегистрированного маршрута. Это было совсем не безопасно! Но Бооаз не стал возражать. Пока он не видел причин для беспокойства. У них есть системы жизнеобеспечения и маяки Спасательной службы пустыни, которые нельзя отключить. Он просмотрел метеорологические карты и не обнаружил ничего, что могло бы объяснить маневры Конрада. Как интересно! Вдруг алеут нашел какую-то значительную аномалию или месторождение с коммерческой ценностью? Если так, тогда закон обязывает их не трогать это место и сообщить о нем…

«Но я не должен ничего выпытывать», – подумал Бооаз. Он больше ничего не сказал по внутренней связи, как и Конрад, пока сцепленные багги наконец не остановились. Водители сошли на землю. Алеут со свойственной ему бравадой оделся так, будто еще до рождения приспособился к жизни на Марсе: самый легкий аппарат для подачи воздуха и простой обтягивающий скафандр под пустынной термоодеждой в алеутском стиле. Бооаз снял шлем.

– Надеюсь, тебе понравился живописный маршрут, – сказал Конрад со странным блеском в глазах. – Ненавижу, когда со мной нянчатся, а ты? Мы же не дети.

– Хм-м. Твоя навигация кажется мне, э-эм, достаточно поучительной.

Похоже, алеут всерьез задумался о том, что делать дальше.

– Так ты хочешь остановиться здесь, друг мой? – беззаботно спросил Бооаз. – Отлично! Полагаю, тут наши дороги расходятся, и мы встретимся позже, чтобы отправиться в обратный путь?

– Было бы здорово, – сказал Конрад. – Я тебе позвоню.

* * *

Бооаз вел свой багги вокруг превосходного скопления толеитового базальта – слишком большого, чтобы упаковать его полностью. Он высадился из машины, отколол кусочек камня и провел анализ. Показания спектрометра его не впечатлили; но общее всегда важнее частного. Зачастую состав минерала, его возраст и даже экстремальные условия его образования ничего не говорили о том, почему сам камень кажется настолько красивым. Изготовленный на заказ скафандр Бооаза был очень удобным. В нем он чувствовал себя легче, чем в собственном стареющем теле: по-юношески невесомый, но без того неудобства, которое

приносит потеря контроля над движениями в невесомости. Неподалеку отсюда Бооаз видел характерное сверкание, похожее на мираж водной глади, которое могло обозначать участок с разбитыми жеодами. Или поверхностное месторождение редких сферолитов. Но ему хотелось узнать, что же нашел алеут. Ему было так любопытно, что в конце концов он поддался искушению, отправился к багги и вернулся к месту встречи, чувствуя себя непослушным ребенком.

Багги Конрада стоял на том же месте. Нигде не было видно ни самого Конрада, ни следов, которые шли бы куда-то от участка вышедшего на поверхность невзрачного песчаника. На мгновение Бооаз почувствовал сверхъестественный страх, затем до него дошла очевидная мысль. Все еще подзуживаемый любопытством, он потянул аварийный замок внешнего люка машины Конрада. Генератор системы жизнеобеспечения с писком переключился на другой режим работы, но алеут был слишком занят и ничего не заметил. Он сидел в водительском кресле, повторяющем форму тела, с закрытыми глазами, голова его прочно удерживалась в дрожащих тисках сканера когнитивного поля. Компактный планшетный сканер лежал на пассажирском сиденье. Под его мерцающим виртуальным куполом виднелись осколки песчаника. Они выглядели совершенно обычными, но что-то в них будило воспоминания. Древние снимки, историческая дискуссия, еще до того, как на Марсе впервые высадились колонисты…

Бооаз тихо пронес свое массивное тело к импровизированной виртуальной лаборатории Конрада и внимательно, под увеличением изучил фрагменты.

Он был глубоко потрясен.

– Что ты делаешь, Конрад?

Алеут открыл глаза и оценил ситуацию.

Мудрые бессмертные остаются дома. Те из них, что общаются с более слабыми созданиями, очень опасны, потому что им на все наплевать. Конрад же был совершенно беспринципным существом.

– А на что похоже? Я оцифровываю красивых марсиан для своего альбома.

– Ты ничего не оцифровываешь. Ты снимаешь биотические следы с неразмеченной территории. Ты переводишь их в информационно-пространственный код с целью скрыть в своем сознании и вывезти с Марса. Это абсолютно незаконно!

– Ой, да брось. Это ерунда. Я же не похищаю марсианских младенцев. Я даже не похищаю древние окаменевшие бактерии – всего лишь крошки простого старого камня. Но некоторые идиоты платят за них восхитительно большие деньги. Кому от этого

плохо?

– Бесстыдник! На этот раз ты зашел слишком далеко. Ты не коллекционер, ты обычный вор, и я обязан выдать тебя властям.

– Я так не думаю, ваше преподобие. Мы вышли со станции партнерами, разве не так? И все знают, что ты заядлый коллекционер. Вспомни-ка, я же пытался намекнуть, чтобы ты оставил меня одного, но ты не пожелал этого сделать. А теперь все очень плохо.

Узкие ноздри Бооаза раздувались от ярости, глотка раскрылась, обнажая посиневшую от гнева внутреннюю полость. Он попытался справиться с собой, сохранить достоинство.

– Я отправляюсь назад в одиночку.

Он натянул на голову шлем.

* * *

Вскоре его гнев утих. Он признал, что сам поступил низко, шпионив за собратом-коллекционером. Он признал, что Конрад, возможно, не совершил особо тяжкого преступления, а только очень, очень плохой поступок. Тем не менее эти спорные «биотические следы» неприкосновенны. Но какая наглость со стороны этого юнца-алеута! Полагать, что Бооаз испугается безобразного скандала и поэтому не станет никому сообщать…

А если об этом узнают! Что подумает архиепископ!

Но что если он будет молчать? Конрад прибыл в Баттерскотч с определенной целью, и несомненно, у него есть способы обмануть неврологические сканеры в космопорту. Если Конрад не попадется и при этом никто не пострадает…

Что же делать?

То, что ожидало у врат, стало принимать форму в пустом кресле. Оно ждет тех, кто отрицает добро и зло, и навсегда отделяет их от спасительной Пустоты…

Бооаз не мог думать связно. Бесстыдное поведение Конрада перемешалось с кошмарами, беспокойным сном и тяжелым пробуждением. Отметины на стене во внутреннем дворике… Ему требовалось много пространства, он больше не мог вынести это тесное заточение. Бооаз остановил багги, проверил скафандр и вышел наружу.

Над ним простиралось небо Марса, слегка линзообразный горизонт придавал ему выпуклость, из-за чего оно напоминало белесую роговицу гигантского слепого глаза. Пыль потоками крови заливала изображение с визора. Бооаз находился в эродированном кратере – опасное место. Но никаких признаков

угрозы не было, и багги не оседал в почву. Священник спустился вниз и обнаружил под несколькими сантиметрами пыли твердую поверхность. Рядом ползали гастроподы, вдалеке виднелись грузовики: он вернулся на разработанные месторождения. Шет наблюдал, как небольшая машина забирается на шпиль строматолита и «испражняется» на его вершину.

Внутри этих башен, во влажной и теплой из-за химических реакций среде пережеванных отходов происходила настоящая подготовительная деятельность. Во всех местностях, где велась добыча ископаемых, строматолиты вырабатывали кислород. Когда-нибудь на этой планете появятся неизвестные пока сложные биологические формы. Марсиане пытались пробудить к жизни целую новую биосферу при помощи одной только местной органической химии. Нелепые предрассудки, абсурдное терпение. Заставляет задуматься, действительно ли колонисты так хотят изменить свой холодный и неумолимый пустынный мир…

Перед Боаазом промелькнула тень. Он встревоженно посмотрел наверх: быстрый бег облаков означал, что скоро начнется буря. Но небо оставалось безоблачным, солнце клонилось к закату и отбрасывало розовое зарево на марсианский ландшафт – прямо как на картинке из туристических проспектов. Он снова краем глаза уловил движение. Боааз резко повернулся, отчего едва не упал, – и увидел в нескольких метрах от себя голое двуногое существо с гладкой головой и неожиданно тонкими конечностями, почти незаметное на фоне рыжей почвы. Оно будто смотрело прямо на шета, хотя на «лице» отсутствовали глаза…

Выражение пустого лица не было враждебным. Невозможное существо казалось Боаазу тенью, которую отбрасывает будущее. Сказочный персонаж поджидает детей, бегающих по марсианским полям, готовых чуть-чуть поверить в него и радостно испугаться. «Возможно, я зря боялся, – с надеждой подумал Боааз. – В конце концов, что мне сделал тот ужасный монстр, которого я увидел в кресле? Ну, потянулся ко мне – возможно, с мирными намерениями…» Но что-то было не так. Безглазая фигура задрожала, склонилась к земле и исчезла, будто пролитая вода. Теперь шет видел, что весь кратер пришел в движение. Под поверхностью почвы сновали призрачные существа, их конечности мелькали в пыли – естественной среде их обитания. Что-то их напугало. Не Боааз, а то, что стояло позади него. Оно выследило его и обнаружило здесь, где ему не смогут прийти на помощь.

Медленно, очень медленно он повернулся. И увидел то, что там находилось.

Боааз пытался заговорить, пытался молиться. Но святые слова казались бессмысленными, и его охватил ужас. Багги исчез, сигнальный маяк на груди не отвечал на его удары. Он бегал кругами, песчаные вихри струились вокруг его ног. Ему конец, он умрет, а потом они растерзают его…

* * *

Несколько часов спустя юный Конрад в порыве несвойственной ему ответственности отправился на поиски своего пожилого товарища по сигналам маяка на его скафандре. Наступила ночь, а с ней и ужасный холод. Первосвященник скрючился в неглубоком овраге, недалеко от кратера, где Конрад нашел пустой багги. Весь скафандр был покрыт царапинами и рубцами, будто кто-то пытался сорвать его с Боааза, а хриплые, мучительные крики оказались заперты в пространстве его шлема…

* * *

Первосвященник вынырнул из тревожного сна и с удивлением обнаружил своего друга-алеута, непринужденно свернувшегося калачиком на полу возле кровати.

– Привет, – сказал Конрад, принимая сидячее положение. – Я чувствую свет разума. Вы снова с нами, ваше преподобие?

– Что ты делаешь в моей комнате?..

– Ты что-нибудь помнишь? Как мы привели тебя сюда?

– Э-эм, хм-м. Я ведь немного переборщил, да? Паническая атака из-за кислородного голодания. Спасибо за это, Конрад, я очень тебе благодарен. Но мне нужно позавтракать. Прошу меня извинить.

– Нам надо поговорить.

Боааз опустил массивную голову в складки на шее – этот жест у шетов обозначал отказ, но в то же время и повиновение.

– Я никому ничего не скажу.

– Я знал, что ты поступишь разумно. Но разговор будет на гораздо более серьезную тему. Мы побеседуем вечером. Ты, наверное, голоден, к тому же тебе необходим отдых.

Боааз проверил глазной экран и обнаружил, что прошли уже целые сутки, Он поел, восполнил запасы жидкости в шкуре и снова вернулся в постель, чтобы подумать. Всемогущая Пустота содержала сведения об отдельных психических феноменах, но не

было у него объяснения «призраку» с когтями и клыками, бестелесному существу, которое могло разрывать углеродные волокна… В полусне он снова медленно шел по аллее из строматолитов. В разреженном воздухе висели облака пара, веретенообразные башни угрожающе наклонились к нему. Модуль Изабель Джевел поджидал его, плотно набитый страхом и ужасом, словно спелый плод, в любую минуту готовый взорваться.

* * *

Шахтеры и их семьи сегодня вели себя тихо. В приватную гостиную, где встретились Боааз и алеут, доносились только глухие отзвуки празднества. Официант организовал для них тележку с напитками и закусками и оставил одних. Боааз предложил бокал вина, но алеут отказался.

– Нам надо поговорить, – напомнил он старому священнику. – Об Изабель Джевел.

– Я думал, мы собираемся обсудить, что меня так напугало в пустыне.

– Так и есть.

Движимый своими принципами, Боааз возмущенно зарычал:

– Я не могу обсуждать с тобой свою прихожанку. Ни в коем случае!

– Пока мы не усыпили тебя, – жестко сказал Конрад, – ты непрерывно бормотал, рассказывая нам страшную, невероятную историю… Во всех подробностях. Ты говорил не на английском, но, боюсь, Ярол очень хорошо тебя понял. Не волнуйся, он будет осторожен. Местные жители не связываются с Изабель Джевел.

– Ярол?

– Управляющий станцией. Очень разумный для человека. Я так понимаю, ты уже встречался с ним во внутреннем дворе. Осматривал на стене какие-то мерзкие отметины.

Могучая голова шета вжалась в плечи.

– Э-эм, а во время своей горячки… о чем я болтал?

– Много о чем.

Конрад наклонился ближе и заговорил на «тишине» – телепатическом языке, который бессмертные использовали только между собой или с теми редкими смертными, кто мог противостоять их силе.

«Мой друг, ты должен выслушать меня. Наша беседа не покинет пределов этой комнаты. Ты в большой опасности, и я уверен, ты об этом знаешь».

Старый священник вздрогнул – и сдался.

– Ты недооцениваешь меня и мое призвание. Мне ничего не грозит!

– Это мы еще посмотрим… Скажи-ка мне, Боааз, что такое «медведь»?

– Понятия не имею, – озадаченно ответил старый священник.

– Я так и думал. Медведь – это дикое животное, обитающее на Земле. Большое, лохматое, свирепое. Довольно страшное. Вот, лови…

Неожиданно алеут бросил бокал для вина прямо в Боааза, и тому пришлось быстро среагировать, чтобы отвести удар.

– Щупальца, – произнес Конрад. – Не думаю, что они кажутся тебе отвратительными. Это эволюционная особенность. Миллионы лет назад ваш народ вобрал в себя каких-то океанских существ с извивающимися конечностями, и они стали вашими «тонкими пальцами». Но ты увидел в модуле Изабель Джевел медведя со щупальцами – и это повергло тебя в ужас. Будто ты человек с врожденным страхом перед змееподобными существами.

Боааз поставил бокал на место.

– И что из этого? Я не понимаю, к чему ты ведешь. Это видение было просто ночным кошмаром, хотя и про ее дом. В материальном мире я однажды посетил ее и не заметил ничего странного.

– Кошмар, говоришь? А если мы имеем дело с человеком, чьи кошмары могут бродить вокруг, выследить тебя и разорвать на части?

Боааз заметил свой скафандр, который висел на стене. Порезы и разрывы на нем уже заросли (слишком поздно для его обитателя, если бы нападающий был более настойчив!). Он смутно помнил, как с него снимали скафандр, издавая испуганные и удивленные возгласы.

– Разорвать меня? Чепуха. Признаю, у меня случилась истерика. Похоже, я катался по каким-то острым камням.

Черные глаза алеута были безжалостны.

– Пожалуй, мне стоит начать с самого начала… Меня заинтриговала пара фраз, что ты вычитал в досье Изабель Джевел. Кто-то подозревал ее в сумасшествии. Это подозрение в определенном контексте выглядит очень зловеще. Когда я увидел, как ты изменился и каким стал нервным после визита к своей прихожанке, я попросил своего агента на Операнде посмотреть, что он сможет выяснить о некой Изабель Джевел, недавно переехавшей на Марс.

– Ты не имел права так поступать!

– А почему нет? Все, что я хочу тебе рассказать, есть в открытых источниках. Все, что нужно было сделать моему агенту, – найти связь – глубоко зарытую, но ее нетрудно оказалось раскопать – между Изабель Джевел и человеком по имени Илия Маркхэм, пассажиркой звездолета, на котором произошла катастрофа около тридцати стандартных лет назад. Звездолет под названием «Золотая ветвь», принадлежащий компании «Линии Мирового правительства», отбыл со Операнды по расписанию, чтобы совершить транзит в порт Синий Торус. Пассажиры корабля долетели хорошо. Чего нельзя сказать о живом компоненте, то есть о команде звездолета. Пятеро из них исчезли. Двое погибли ужасной смертью. Штурман выжил, несмотря на страшные раны, и успел рассказать, что их убили. Кто-то пронес на борт монстра и выпустил его на свободу в помещениях живого компонента…

Возле стен комнаты стояли кресла, предназначенные для людей. И алеут, и шет выбрали мягкую выемку в полу. Бооаз осознал, что ему больше не хочется оглядываться. Эта фаза пройдена.

– После катастрофы во время транзита не остается «черного ящика», с которого можно было бы снять данные, – продолжил алеут. – Нельзя узнать, что произошло в период ложной длительности. Команда звездолета конструирует для себя псевдореальность, чтобы управлять кораблем в то «время», когда времени не существует, а потом эта псевдореальность развеивается, словно сон. Но обвинение штурмана было принято всерьез. После расследования подозрение пало на Илию Маркхэм, агента по продаже антиквариата. Путешествие на Операнду было ее первым транзитом. На обратном пути она настояла на том, чтобы остаться в бодрствующем состоянии, ссылаясь на ментальную аллергию на виртуальные развлечения. «Фобия» – кажется, так это называют люди. Как ты, наверное, знаешь, это означает, что она присоединилась к живому компоненту в псевдореальных помещениях. Но она осталась невредимой. И ничего не помнила, но по неврологическим доказательствам ее обвинили в непреднамеренном преступном безумии.

С тех пор как в рейсы вышли новые алеутские космолеты, катастрофы во время транзита случались достаточно редко, но Бооаз знал о них. И он слышал о том, что к жертвам катастроф, чьи травмы были не физическими, очень плохо относились на Земле.

– Какая ужасная история. Был ли там… Было ли в расследовании хотя бы предположение, почему бедная женщина может порождать нечто столь чудовищное?

– Я вижу, что ты понимаешь, к чему я веду, – заметил Конрад, проницательно взглянув на Бооаза. Голова старого священника ушла заметно глубже в плечи, но он ничего не сказал. – Да, кое-что нашлось. В юности Маркхэм была наемной прислугой, любовницей богатого коллекционера с дурной репутацией. Когда он умер, она унаследовала его сокровища, и ходило много слухов, что она «помогла» ему отправиться в мир иной. Суд не обвинил ее в убийстве, а решил, что она несет на себе всю тяжесть неизлеченной эмоциональной травмы – за что и пришлось поплатиться команде звездолета.

– Восемь из них, – пробормотал Бооаз. – И еще один. Да, да, я понимаю.

– Настоящим виновником признали «Линии Мирового правительства», потому что они разрешили ей путешествовать в бодрствующем состоянии. Но Илия Маркхэм была обречена провести остаток жизни в психушке – только по подозрению, обвинение ей так и не предъявили. На всякий случай: вдруг она все еще обладает силами, которыми наделила ее сумасшедшая энергия Торуса Буонаротти?

– А был ли там… Был ли, э-э-хм, какой-нибудь отличительный признак? Ее приметы?

– У нее на предплечье, ваше преподобие, должна быть татуировка, строка с символами. В своей «горячке» ты говорил нам, что видел похожие знаки.

– Продолжай, – проворчал Бооаз. – До самого конца.

– Много лет спустя сомнительные случаи «преступного безумия» пересмотрели. Илия Маркхэм оказалась среди тех, кого в результате выпустили. Ей дали новое имя и переселили на Марс со всеми пожитками. Они, похоже, все еще боялись ее, хотя когнитивное сканирование не выявило ничего странного. Они не хотели, чтобы рядом с ними была она сама или то, чем она одержима. На орбите Марса нет Торуса Буонаротти – как я полагаю, причина именно в этом.

Старый священник молчал, складки шкуры над глазами избороздились глубокими морщинами. Потом складки на лбу расправились, и Бооаз будто встряхнулся.

– Это была очень поучительная история, Конрад. В каком-то смысле мне стало гораздо легче.

– Ты больше не думаешь, что на тебя нападают агрессивные скалы? Что тебя преследуют вымышленные древние марсиане? Ты понял, что – каким бы это ни казалось варварством – твоя безумная старуха, скорее всего, должна была остаться в той психушке?

– Я совершенно с тобой не согласен! За все годы моей работы

я встречался со случаями, которые мы называем психическими феноменами. Мне известны сбывающиеся предчувствия, вещие сны, случаи телепатии. То «преследование», что я перенес, тот способ сопереживания, с помощью которого я разделил психическое недомогание Изабель Джевел, очень помогут мне, когда я снова буду с ней беседовать… Я не верю в ужасающую идею «преступного безумия». Те несчастные, что сошли с ума при катастрофе во время транзита, представляют опасность только для самих себя.

– Я думал так же, но твой недавний опыт поколебал мой здравый смысл. – Алеут потянулся за бокалом, но остановился, его ноздри раздулись в тревоге. – Бооаз, дорогой друг, держись от нее подальше. Ты будешь в безопасности, и эффект постепенно исчезнет, если ты не станешь к ней приближаться.

Бооаз посмотрел на безнадежно испорченный скафандр.

– Но я не пострадал, – пробормотал он. – Я просто испугался… Теперь я скажу, что думаю по этому поводу. Я священник, а та женщина умирает. Скорее всего, больное сердце, и я не думаю, что она долго протянет. Она испытывает душевные муки – как и другие люди иногда, которые не имеют на это причин, но верят, что ведут греховную жизнь, – не из-за страха с. мерти, но убоявшись того, что последует за ней. Я могу ей помочь, это мой долг. В конце концов, мы очень далеко от Торуса.

Алеут смотрел на него – и больше совсем не походил на шаловливого подростка. Старый священник почувствовал, как на него давит более сильная воля бессмертного, но устоял.

– Есть ошибки, которые исправить уже никто не в силах. – настойчиво сказал Конрад. – Вселенная безжалостнее, чем ты думаешь. Не ходи к ней.

– Я должен. – Бооаз тяжело поднялся. Он похлопал алеута по покатому плечу чувствительными кончиками тонких пальцев правой руки. – Думаю, пора отходить ко сну. Спокойной ночи.

* * *

Бооаза озадачило, почему человеческая женщина настаивала на том, что он должен вернуться «через десять дней, вечером, в полнолуние». Маленькие луны Марса вращались слишком быстро, чтобы их циклы на что-то влияли. Ему пришлось посмотреть согласование времени (земной календарь все еще много значил для колонистов), и он задумался, не была ли похожая дата на Земле связана с чем-то важным для Изабель.

Когда он вылез из повозки на пустынной окраине

Баттерскотча, ему пришло на ум другое объяснение. Люди, которые знали о своей скорой смерти, внимательно прислушивались к своему организму и порой лучше любого врача определяли, когда придет конец. «Она уверена, что умрет сегодня ночью», – подумал шет. И она не хочет умирать в одиночестве. Бооаз ускорил шаг, а затем оглянулся – не из-за страха, а просто чтобы удостовериться, что повозка не решила вдруг уехать.

Отсюда он не видел россыпи огней Баттерскотча. Облака испарений и стремительные сумерки вызвали странный эффект миража – казалось, будто вдоль горизонта простираются большие черные холмы или горы. У их подножия, словно грозовые тучи, сгрудились фиолетовые леса, а с гор спускалась светлая извилистая дорога. Вниз по ней быстро двигалась группа существ. Мираж сместился, перспектива изменилась, и теперь Бооаз сам очутился посреди холмов. Черные стены стояли по обеим сторонам серой дороги, существа бросились к нему из точки спуска, с бесконечного расстояния на невозможной скорости. Шет пытался их сосчитать, но они перемещались слишком быстро. Бооаз потрясенно осознал, что его растопчут, и еще до того, как эта мысль оформилась у него, они уже были над ним. Они пробежали через него, а затем их поглотила великая тьма, которая затянула и Бооаза. Он был затоплен, захлестнут, ошеломлен невыносимой вонью и ужасным удушающим давлением…

Шет пытался сопротивляться, будто старался выплыть с большой глубины; а потом давление исчезло. Он упал ничком, затем с трудом поднялся и проверил, все ли в порядке с ним и со скафандром.

– Мертвые не ходят, – прошептал он. – Нелепые суеверия!

Ворчание сменилось молитвой, и он слышал, как дрожит его голос, читая «Утешение».

– Нет наказания, есть только Пустота, всё объемлющая, всё принимающая. Монстры у врат – это иллюзия. Нет реальности после смерти, нас не разорвет на части, Пустота великодушна…

Мираж рассеялся, но испарения остались. Он брел сквозь туман, и каждый шаг давался с необъяснимым напряжением, будто он переходил вброд бурный речной поток. «Вот и в третий раз я здесь», – подумал он, пытаясь себя подбодрить, а потом вспомнил, что второй визит приснился ему в кошмаре. Его пронизал ужас: неужели и сейчас это только сон? Наверное, такая мысль должна была бы его утешить, но почему-то он еще больше испугался; а затем кто-то, невидимый в тумане, кашлянул или поперхнулся – не совсем рядом, но достаточно близко.

Бооаз прибавил яркость фонарей на голове и плечах.

– Кто здесь?

Свет только увеличил его замешательство, создавая вокруг ореол из тумана. Его собственная тень была очень близко, сильно вытянутая, а оптическая иллюзия придавала ей странные пропорции: отчетливо различимая шея, тонкая талия, скелетообразная худоба. Тень повернулась. И он увидел существо, которое встретил в пустыне. Мужчина-человек с близко посаженными маленькими глазами, выступающим носом, морщинистыми щеками. Его взгляд выражал такую бесконечную злобу, что кровь застыла у Бооаза в жилах. Нижняя челюсть существа отвисла. У него было слишком много зубов и ужасная, чудовищно большая пасть. Оно подняло острые когти и бросилось. Бооаз закричал в респиратор. Монстр пробежал сквозь него – и исчез.

Все закончилось. Он остался один, сотрясаясь телом и душой. Мелкие светящиеся точки – огни города – снова возникли позади, а впереди простиралась аллея из колеблющихся строматолитов.

– Жуткий мираж! – воскликнул Бооаз, стараясь убедить самого себя. Он с трудом дышал.

Внешняя блокировка модуля не работала, будто бы Изабель Джевел ждала, что он придет. Внутренний замок оказался закрыт. Шет открыл его, молясь о том, чтобы она была все еще жива. Жива и каким-то немыслимым образом разделяла с ним кошмарные видения своих напрасных страданий, которые он может победить…

Кресла покинули свои привычные места. Теперь они стояли вокруг печки в центре комнаты. Он сосчитал их: да, он правильно запомнил, восемь. «Старая безумная» человеческая женщина сидела в своем кресле, иссохшая, словно смятая оболочка, ее черты все еще искажались болью и ужасом. Она уже некоторое время была мертва. К ее месту кто-то придвинул девятое кресло. Бооаз видел в нем отпечаток человеческого тела, вдавленный в мягкие подушки спинки и сиденья. Оно приходило сюда.

Отвисшая челюсть. Слишком много зубов. Неужели оно сожрало ее? Насытилось ли оно? А все остальные, его жертвы с «Золотой ветви» – какова их судьба? Неужели они обречены вечно пребывать в этом ужасе? Он больше не знал, что реально, а что нет. Он знал только, что слишком поздно пришел к Изабель Джевел (он не мог думать о ней как об Илии Маркхэм). Она ушла, чтобы присоединиться к ним; или они явились, чтобы забрать ее с собой.

* * *

Конрад и управляющий Старой станции прибыли где-то через час по экстренному вызову священника. Ярол, который по совместительству был сотрудником полиции городского сообщества, вызвал скорую помощь, чтобы они увезли останки женщины и начали процедуру криминалистической экспертизы – эту формальность необходимо было выполнять после любой неожиданной смерти. Конрад пытался выведать у Боааза, что же все-таки произошло.

– Я просто упал, – вот и все, что сказал старый священник. – Я просто очень неудачно упал.

* * *

Боааз вернулся на Оппортунити, где уже успешно раскодировали его резиденцию. Некоторое время ему пришлось восстанавливать здоровье. Пока он поправлялся, алеут Конрад давно переключился на другие авантюры. Но Боааз остался на Марсе, его славная пенсия на Шете отложилась на неопределенный срок – хотя он и был намерен подать архиепископу прошение об отставке сразу же, как сможет встать с постели. Позже он сказал людям, что смерть несчастной женщины, когда-то попавшей в катастрофу во время транзита, убедила его, что загробная жизнь существует. Марсиане были людьми и не понимали, почему добросердечному старому инопланетянину это кажется таким печальным.

Леви Тидхар
Запах апельсиновых рощ

Леви Тидхар вырос в израильском кибуце, много путешествовал по Африке и Азии, жил в Лондоне, на острове Вануату в Тихом океане, в Лаосе. В 2003 году получил премию Кларка Брэдбери, присужденную Европейским космическим агентством. Редактор сборника «Майкл Маршалл Смит: Аннотированная библиография» («Michael Marshall Smith: The Annotated Bibliography»), а также антологий «Букварь для взрослых от Дика и Джейн» («A Dick & Jane Primer for Adults») и «Большая книга мировой научной фатпастики» («The Apex Book of World SF»). Автор сборника взаимосвязанных рассказов «Ивритпанк» («HebrewPunk»), повестей «Ангельское ремесло» («An Occupation of Angels»), «Горел и пузатый бог» («Corel and the Pot-Bellied God»), «Переменная облачность» («Cloud Permutations»), «Иисус и Восьмеричный Путь» (Jesus and the Eightfold Path) и романа «Тель-авивское досье» («The Tel Aviv Dossier», в соавторстве с Ниром Янивом). Рассказы этого плодовитого писателя публиковались в «Interzone», «Clarkesworld», «Apex Magazine», «Sei Fiction», «Strange Horizons», «Chizine», «Postscripts», «Fantasy Magazine», «Nemonymous», «Infinity Plus», «Aeon», «The Book of Dark Wisdom», «Foitean Bureau» и не только, переведены на семь языков. Среди последних работ Тидхара – «Книжник» («The Bookman»), его продолжение – «Камера обскура» («Camera Obscura») и «Осама: Роман» («Osama: A Novel»), а также роман «Большая игра» («The Great Game»).

Прожив некоторое время в Тель-Авиве, Леви Тидхар вновь перебрался в Англию. Этот рассказ представляет собой изучение искусственно протянутой через поколения немеркнущей памяти на фоне причудливого, живо прорисованного будущего Тель-Авива.

Панели солнечных батарей на крыше были сложены, они все еще спали, но уже беспокойно ворочались, будто чувствовали близость восходящего солнца. Борис стоял на краю плоской крыши. Обитатели дома, отцовские соседи, за минувшие годы уставили ее множеством растений в глиняных, алюминиевых и деревянных горшках, превратив в высотный тропический сад.

Здесь, наверху, было тихо и пока еще прохладно. Борис любил запах позднего жасмина, цепкий, ползущий вдоль стен здания, растекающийся по всему старому району возле Центральной Станции. Борис глубоко вдохнул ночной воздух и медленно, маленькими порциями выпустил его, глядя на огни космодрома: тот вырастал из песчаной почвы Тель-Авива, сам

похожий на песочные часы, а отбывающие и приземляющиеся суборбитальные корабли казались падающими звездами, расчерчивающими небеса сияющими линиями.

Он любил запах этого места, этого города. Запах раскинувшегося на западе моря, дикий запах соли и большой воды, водорослей и дегтя, лосьона для загара и людей. Любил на рассвете наблюдать за солнечными серферами, которые, раскинув прозрачные крылья, скользили по ветру над Средиземным морем. Любил запах прохладного кондиционированного воздуха, просачивающийся из окон, запах базилика, растертого между пальцами, запах шавермы, поднимающийся с улицы, кружащий голову смесью ароматов специй, куркумы и непременного тмина, любил запах исчезнувших апельсиновых рощ, доносящийся издали до каменных городских кварталов Тель-Авива и Яффы.

Когда-то апельсиновые рощи были здесь повсюду. Он окинул взглядом старые дома по соседству, шелушащуюся краску, похожие на коробки жилые застройки, наследие советской архитектуры, втиснувшееся меж величественных сооружений школы Баухауса[96] начала двадцатого века – зданий, похожих на корабли, с длинными, изящно изгибающимися балконами, маленькими округлыми окнами, плоскими крышами, напоминающими палубы вроде той, на которой стоял сейчас он…

Среди старых зданий возвышались и сооружения поновее, кооперативные дома в марсианском стиле с внешними желобами лифтов и крохотными комнатками, разделенными порой на еще более крохотные комнатки, в которых зачастую даже не было окон…

А белье висело так же, как сотни предыдущих лет, висело на веревках и окнах – полинявшие рубахи и шорты тихонько полоскались на ветру. Плывущие по улицам внизу шары света потускнели, и Борис осознал, что ночь отступает: уже зарумянилось, порозовело небо на горизонте, а значит, солнце на подходе.

Всю ночь он бодрствовал, дежуря возле своего отца. Влад Чжун, сын Вэйвэя Чжуна (Чжуна Вэйвэя, если придерживаться китайской традиции ставить фамилию перед именем) и Юлии Чжун, в девичестве Рабинович. По семейному обычаю Бориса нарекли русским именем. По другому семейному обычаю ему дали второе, еврейское. Он криво усмехнулся, подумав о Борисе Аароне Чжуне, наследии трех столь разных и древних историй, тяжко давящем на его крепкие, но, увы, уже не молодые плечи. Ночь эта выдалась нелегкой.

Когда-то апельсиновые рощи были здесь повсюду… Он глубоко вдохнул, уловив запахи старого асфальта и едких выхлопов

двигателей внутреннего сгорания, запахи, тоже исчезнувшие нынче, как и апельсиновые рощи, – и всё же где-то, на уровне памяти, сохранившиеся.

Он пытался оставить все позади. Отринуть фамильные воспоминания, которые он иногда, про себя, называл Проклятьем семейства Чжун, или Безумством Вэйвэя.

И все же он помнил. Конечно, помнил. Тот день, далекий-далекий, когда Бориса Аарона Чжуна еще и в проекте не было и петля-Я еще не сформировалась…

* * *

Это было в Яффе, Старом городе на вершине холма, над гаванью. В доме Иных.

Чжун Вэйвэй ехал вверх по холму на велосипеде, потея на жаре. Он не доверял этим узким извилистым улочкам – как самого Старого города, так и Аджами, соседа, наконец-то истребовавшего свое наследие. Вэйвэй отлично понимал распри этих мест. Были арабы, и были евреи, и они хотели одну и ту же землю, вот и дрались. Вэйвэй понимал землю и понимал, как можно быть готовым умереть за нее.

Но имел он представление и о концепции изменения земли. «Земля» – это понятие стало не столько физическим, сколько умственным. Совсем недавно он вложил некоторую сумму в целую планетарную систему во вселенной игр Гильдии Ашкелона. Скоро у него будет ребенок – Юлия уже на седьмом месяце, а потом внук, и правнук, и так далее, и так далее, и все поколение запомнит Вэйвэя, своего прародителя. Потомки будут благодарны ему за то, что он сделал, за недвижимость, реальную и виртуальную, и за то, чего он надеется достичь сегодня. Он, Чжун Вэйвэй, начнет династию, здесь, на этой разделенной земле. Потому что он видит основные аспекты, потому что он один понимает важность этой разнородной зоны, Центральной Станции. Евреи на севере (и его дети тоже, они будут евреями, и мысль эта странная и выбивающая из колеи), арабы на юге – теперь они вернулись, востребовали Аджами и Менашию, строят Новую Яффу; город, пронзающий небо сталью, камнем и стеклом. Делятся города, такие как Акко или Хайфа, что на севере, и новые города, растущие в пустынях Негев и Арава.

Арабы или евреи – всем им нужны иноземцы, иностранные рабочие: тайцы, филиппинцы, китайцы, выходцы из Сомали и Нигерии. И всем им нужен буфер, это межзонье Центральной Станции, старого юга Тель-Авива. Место жалкое, место

страшноватое, но более всего – место пороговое.

И он сделает это место своим домом. Своим, и своих детей, и детей своих детей. Евреи и арабы по крайней мере понимают, что такое семья. В этом они похожи на китайцев – и непохожи на американцев с их крохотными семейками, натянутыми отношениями, и все живут отдельно, одиноко… Этого, поклялся Вэйвэй, с его детьми не случится никогда.

На вершине холма он остановился и вытер пот со лба носовым платком, прихваченным специально для этого. Мимо проезжали машины, и повсюду гремела стройка. Он и сам работал здесь, в одном из возводящихся зданий, в составе эмигрантской строительной команды: он, коротышка-вьетнамец, верзила-нигериец и бледный крепыш-румын, общающиеся между собой с помощью жестов, звездного пиджина (хотя в то время это арго и не было столь широко распространено) и автоматических переводчиков, встроенных в их узлы. Сам Вэйвэй работал над внешним скелетом здания, взбираясь по гигантским башням в специальных «лапах» с ловкостью паука, видя с высоты город далеко внизу, и раскинувшееся море, и точки кораблей…

Но сегодня у него выходной. Он копил деньги – что-то высылал каждый месяц семье в Чжэньду, что-то оставлял здешней семье, в которой скоро ожидалось пополнение. А остальное потребуется сейчас – за услугу, что он попросит у Иных.

Аккуратно сложив платок и убрав его в карман, Вэйвэй повел велосипед по дороге к лабиринту троп Старого города Яффы. Там и тут еще проглядывали остатки древнего египетского форта; темнели ворота, подновленные век назад; покачивалось подвешенное на цепях апельсиновое дерево, растущее в тени стен в тяжелой каменной яйцевидной корзине. Вэйвэй не остановился, он продолжал двигаться, пока не добрался наконец до дворца Оракула.

* * *

Борис смотрел на восходящее солнце. Он чувствовал себя усталым, опустошенным. Целую ночь он провел с отцом. Его отец, Влад, теперь почти никогда не спал, часами сидел в своем кресле, затертом до дыр, притащенном однажды много лет назад (и день этот кристально ясно отпечатался в памяти Бориса) с величайшими усилиями и не меньшей гордостью с блошиного рынка Яффы. Руки Влада сновали в воздухе, ловя и перемещая нечто невидимое. Доступа к тому, что мерещилось отцу, у Бориса не было. Отец вообще практически ни с кем не общался. Борис

подозревал, что «двигает» Влад воспоминания, пытаясь как-то привести их в порядок. Но сказать наверняка он не мог.

Как и Вэйвэй, Влад был рабочим-строителем, одним из тех, кто возводил Центральную Станцию, взбираясь на незавершенное гигантское сооружение, этот космопорт, ставший сейчас почти что отдельной вселенной, без которой уже нельзя представить ни Тель-Авив, ни Яффу.

Но это было давно. Теперь люди живут дольше, но разум стареет по-прежнему, а разум Влада куда старше его тела. Борис двинулся по крыше к углу, где располагалась дверь, прячущаяся в тени миниатюрной пальмы. Уже начали открываться солнечные панели, разворачивая тонкие крылья, чтобы лучше ловить лучи встающего солнца и заслонять растения от дневного зноя.

Много лет назад товарищество жильцов поставило здесь общий стол и самовар, и каждую неделю все квартиры по очереди приносили к столу чай, кофе и сахар. Борис осторожно отщипнул пару листиков растущей в горшке мяты и налил себе чаю. Бульканье льющегося в кружку кипятка успокаивало, а запах мяты, свежий и чистый, гнал усталость. Надо подождать, когда мята заварится. Кружку Борис взял с собой, к краю крыши. Внизу шумно пробуждалась никогда по-настоящему не дремлющая Центральная Станция.

Он отхлебнул чаю и подумал об Оракуле.

* * *

Когда-то Оракула звали Коэн, и, по слухам, она имела отношение к Святому Коэну Иных, но никто не мог сказать ничего определенного. Сегодня немногие знают об этом. Ибо вот уже три поколения обитает она в Старом городе, в темном и тихом каменном доме, наедине со своим Иным.

Имя Иного или его опознавательный индекс были неизвестны, что у Иных не такая уж и редкость.

Несмотря на возможные родственные связи, снаружи каменного дома стояла маленькая каменная рака святого Коэна – скромная, с редкой кое-где позолотой, старыми разорванными цепями и теплящимися круглые сутки свечами. Вэйвэй, подойдя к двери, задержался перед ракой на минутку, зажег свечу и возложил подношение – испорченный компьютерный чип из прошлого, приобретенный за бешеные деньги на блошином рынке у подножия холма.

«Помоги мне сегодня достичь моей цели, – подумал Вэйвэй, – помоги объединить мою семью и позволь им разделить мой

разум, когда я уйду».

Ветра в Старом городе не было, но от древних каменных стен веяло приятной прохладой. Вэйвэй, которому только недавно вживили узел, постучал в дверь, и та тут же открылась. Он вошел внутрь.

* * *

Момент этот неподвижно застыл в памяти Бориса, но одновременно, как это ни парадоксально, бывало так, что угол зрения внезапно и необъяснимо *смещался.* Воспоминания деда вспыхивали в сознании. Вэйвэй вел себя как исследователь неизвестных земель, идущий на ощупь, повинуясь инстинкту. Он не вырос с узлом; ему было трудно следить за Беседой, бесконечным разговором людей и фидеров, без которого современный человек ощущал бы себя слепым и глухим; и все же он предчувствовал будущее, как куколка ощущает свое созревание. Он знал, что дети его будут другими и их дети тоже, в свой черед, другими, но понимал, что будущего без прошлого не бывает…

– Чжун Вэйвэй, – произнесла Оракул.

Вэйвэй поклонился. Оракул оказалась на удивление молода – или, по крайней мере, молодо выглядела. У нее были короткие черные волосы, ничем не примечательные черты лица, бледная кожа и золотистый протез на месте большого пальца. Вэйвэй даже вздрогнул: это и был ее Иной.

– У меня просьба, – проговорил Вэйвэй. Он помедлил, потом протянул небольшую коробочку. – Шоколад. – пояснил он, и Оракул – или просто показалось? – улыбнулась.

В комнате было тихо. Ему потребовалось какое-то время, чтобы понять, что это прервалась Беседа. Комната, надежное убежище, безопасная зона, была защищена от проникновения мирского сетевого трафика надежнейшими шифровальными средствами Иных. Оракул взяла у него коробку, открыла, осторожно выбрала одну конфету и положила в рот. Задумчиво пожевав, она одобрительно кивнула. Вэйвэй вновь поклонился.

– Пожалуйста, – сказала Оракул. – Садитесь.

Вэйвэй сел. Сел на стул с высокой спинкой, старый и потертый. Наверное, с блошиного рынка, подумал он, и мысль эта вызвала странное чувство: надо же. Оракул покупает что-то у лоточников, как будто она человек. Впрочем, конечно же, она и *есть* человек. Однако облегчения от этого осознания он отчего-то не ощутил.

А потом глаза Оракула чуть изменили цвет, и голос ее вдруг стал другим, ниже, обрел хрипотцу, и Вэйвэй снова сглотнул.

– Чего ты хочешь попросить у нас, Чжун Вэйвэй?

Теперь говорил Иной. Иной, вживленный в человеческое тело, Слитый с Оракулом. Говорили квантовые процессоры, заработавшие в золотистом пальце… Вэйвэй, собравшись с духом, ответил:

– Мне нужен мост.

Иной кивнул, поощряя продолжать.

– Мост между прошлым и будущим, – пояснил Вэйвэй. – Э… непрерывность.

– Бессмертие. – Иной вздохнул. Рука поднялась почесать подбородок, золото большого пальца соединилось с бледной женской плотью, – Все люди хотят бессмертия.

Вэйвэй покачал головой, хотя отрицать сказанного и не мог. Мысль о смерти, об умирании ужасала его. Он знал, что ему не хватает веры. Многие верили, вера двигала человечеством. Реинкарнация, жизнь после смерти, мифическая Загрузка, так называемый Перевод – не все ли равно, все это требовало веры, которой Вэйвэй не обладал, хотя и нуждался в ней. Он знал, что когда он умрет – он умрет. Петля-Я с опознавательным индексом «Чжун Вэйвэй» перестанет существовать, просто и бесшумно, а мир продолжит вертеться точно так же, как и всегда. Осознавать собственную незначительность – ужасно. Для петли-Я человека характерно чувствовать себя центром вселенной, вокруг которого всё и вращается. Реальность субъективна. И всё же она – иллюзия, ведь личность человека – сложный механизм, составленный из миллиардов нейронов, тонких сетей, почти самостоятельно действующих в сером веществе мозга человека. Срок службы этого механизма можно увеличить искусственно, но сохранить его навсегда – увы. Так что – да, подумал Вэйвэй. Он желал получить нечто суетное, но *реальное.* Глубоко вздохнув, он сказал:

– Я хочу, чтобы мои дети помнили меня.

* * *

Борис смотрел на Центральную Станцию. Солнце вставало за космопортом, а внизу устраивались на своих местах роботники: расстилали одеяла, развертывали грубо, от руки намалеванные плакатики с просьбой о подаянии, о запасных частях, бензине или водке; несчастные существа, останки забытых войн, люди, обращенные в киборгов и отброшенные, едва надобность в них отпала.

Он увидел делающего обход брата Р. Латку из Церкви Роботов – Церковь старалась присматривать за роботниками, за этими обломками человечества. Роботы были странным недостающим звеном между людьми и Иными, они не подходили ни одному миру – кибернетические существа в физических телах, многие отвергли Загрузку во имя своей собственной, чудной веры… Борис помнил брата Латку с детства: робот подрабатывал моэлем, делал обрезание еврейским мальчикам на восьмой от рождения день. Вопрос «Кто суть евреи?» касался не только семьи Чжун, но и роботов, и вопрос этот был урегулирован давным-давно. У Бориса сохранились фрагментарные воспоминания по женской линии, предшествующие Вэйвэю: протесты в Иерусалиме, лаборатории Мэтта Коэна и первые, примитивные миквы, где кибернетических существ вовлекали в безжалостный эволюционный цикл.

Плакаты качаются на улице Короля Георга, массовая демонстрация «Нет рабству!», и «Долой концентрационный лагерь!», и тому подобное, рассерженные люди собрались вместе, чтобы бороться против закрепощения тех, первых, хрупких Иных в их замкнутых сетях, лаборатории Мэтта Коэна в осаде, его разномастную группу ученых пинают из одной страны в другую, пока они в конце концов не оседают в Иерусалиме…

Святой Коэн Иных – так его теперь называют. Борис поднес кружку к губам и обнаружил, что она пуста. Он опустил кружку, потер глаза. Надо поспать. Он уже не молод, он не может сутками бодрствовать, подпитываясь стимуляторами и неустанной энергией юности. Как в те дни, когда они с Мириам прятались на этой самой крыше, не размыкая объятий, давая друг другу обещания, которые – и это было известно им обоим даже тогда – не исполнить…

Он думал о ней сейчас, пытаясь разглядеть, как она, возможно, направляется по древней мощеной Неве-Шаанан к павильону Центральной Станции, к своему кабачку. Думать о ней было трудно, *больно*, как, как… как *мальчишке*. Он вернулся не из-за нее, но где-то в глубине души, наверное, жила надежда…

На шее тихонько вздохнул шир. Он приобрел его в Тонг-Юн-сити, на Марсе, на задворках Арафат-авеню, в безымянной клинике, которой руководил марсианский китаец в третьем поколении, мистер Вон, самолично вжививший его Борису.

Предполагалось, что шир получен из окаменелых останков микробактериальных марсианских жизненных форм, но правда это или нет, никто наверняка не знал. Носить в себе шир было… странно. Паразит, он питался Борисом, он тихо пульсировал на шее, он стал частью человека, вторым аппендиксом, он наполнял

хозяина чуждыми мыслями, чуждыми чувствами, забирая взамен человеческие и чуть-чуть *изменяя* их: свои мысли ты видел словно преломленными в калейдоскопе.

Борис прижал ладонь к ширу и ощутил его теплую, на удивление шершавую поверхность. Шир шевелился под пальцами, тихонько посапывая. Иногда шир синтезировал неизвестные вещества, действовавшие на Бориса как наркотик, заставая его врасплох. Порой шир менял углы зрения или даже связывался с узлом Бориса, электронно-сетевым компонентом его мозга, вживленным вскоре после рождения, без которого люди сейчас хуже, чем слепы, хуже, чем глухи, без которого они отрезаны от Беседы.

Он знал, что пытался сбежать. Он покинул дом, он отбросил воспоминания Вэйвэя или по крайней мере попытался – на какое-то время. Он отправился на Центральную Станцию, поднялся на самый верх – и выше, выше, выше. Он оставил Землю, вышел за орбиту, удалился к Поясу, умчался на Марс, но воспоминания преследовали его; прочным оказался этот мост Вэйвэя, навеки связавший будущее и прошлое.

* * *

– Я хочу, чтобы память моя жила, когда я уйду.

– У всех людей так, – ответил Иной.

– Я хочу, – продолжил он. набираясь храбрости, – хочу, чтобы моя семья *помнила.* Училась у прошлого, чтобы планировать будущее. Я хочу, чтобы мои дети обладали моей памятью и чтобы их память тоже передалась потомкам. Я хочу, чтобы мои внуки, и *их* внуки, и так далее, из века в век, – чтобы все они помнили этот миг.

– И да будет так, – произнес Иной.

* * *

«И стало так», – подумал Борис. Память жила в его сознании, чистая, как росинка, незамутненная и неизменная. Вэйвэй получил то, о чем просил, и его воспоминания стали теперь воспоминаниями Бориса, и Влада, и его бабушки Юлии, и его матери, и всех их, всех: кузенов, и племянников, и дядь, и теть, и племянниц. Все они получили доступ в хранилище памяти семейства Чжун, каждый мгновенно мог нырнуть в глубины воспоминаний, в океан прошлого.

Мост Вэйвэя, как его до сих пор называют в семье. Работает он странно, где бы ты ни был: трудишься ли в роддоме на Церере или шагаешь по улице в Тонг-Юн-сити на Марсе, вдруг в голове твоей возникает внезапная мысль, новая картина – первые роды кузины Оксаны, например, рождение маленького Яна, боль вперемешку с радостью, и случайные мысли о том, покормит ли кто-нибудь собаку, и голос врача «Тужься! Тужься!», и запах пота, и писк мониторов, и чей-то невнятный разговор за дверью, и неописуемое чувство, когда твой ребенок медленно выходит из тебя…

Он поставил кружку на стол. Центральная Станция внизу уже проснулась, на прилавках в местных магазинчиках появились свежие продукты, ожил, загудел рынок, запахло дымом и медленно поджаривающимися на гриле цыплятами, закричали идущие в школу дети…

Он подумал о Мириам. О Маме Джонс, как ее теперь называют. Отец ее нигериец, а мать – с Филиппин. Они любили друг друга, когда мир был молод, любили на иврите, языке своего детства, но оказались разлучены – не потопом, не войной, а просто самой жизнью, так уж она поступает с людьми. Борис работал в родильной клинике при Центральной Станции, но здесь жило слишком много воспоминаний, подобных призракам, и в конце концов он взбунтовался, и вошел в Центральную Станцию, и выше, и сел в ракету, доставившую его на орбиту, к месту, называемому Вратами, а оттуда – сперва – в Лунопорт.

Он был молод, ему хотелось приключений. Он пытался сбежать. Лунопорт, Церера, Тонг-Юн… но воспоминания преследовали его, и худшими из них были те, что принадлежали отцу. Они пробивались к нему сквозь шелест Беседы, спрессованные вспоминания, перепрыгивающие из одного Зеркала в другое, сквозь пространство, со скоростью света, память Земли была с ним повсюду, и наконец тяжесть стала настолько невыносимой, что он вернулся.

Борис был в Лунопорте, когда это случилось. Он чистил зубы, видя в зеркале свое лицо – не молодое, не старое, обычное лицо, с раскосыми глазами китайца, славянскими чертами, волосы чуть поредели… и вдруг память набросилась на него, затопила, и он уронил зубную щетку.

Память не отца, а его племянника, Яна: Влад сидит в кресле, в своей квартире, выглядит старше, чем помнилось Борису, похудел. Что-то в облике отца смутно встревожило, что-то протянулось сквозь пространство и стиснуло болью грудь – этот замутненный отцовский взгляд… Влад сидел молча, не узнавая племянника, не замечая никого из тех, кто пришел навестить его.

Он сидел, а руки его двигались в воздухе, выбирая и переставляя невидимые предметы.

* * *

– Борис!

– Ян!

Племянник смущенно улыбнулся.

– Вот уж не чаял взаправду увидеть тебя.

Запаздывание во времени, передача Луна – Земля и обратно, узел с узлом…

– Ты вырос.

– Да, конечно…

Ян работал на Центральной Станции, в лаборатории на пятом уровне, производящей вирусную рекламу – переносимые по воздуху микроскопические вещества, передающиеся от человека к человеку, размножающиеся в закрытых пространствах, в системах кондиционирования воздуха, как на Центральной Станции, закодированные на доставку особых личных предложений: органика связывается с механизмом узла и внушает: *«Купи. Купи. Купи»*.

– Твой отец…

– Что случилось?

– Мы не знаем.

Видно, признание нелегко далось Яну. Борис ждал, молчание заполняло диапазон рабочих частот, молчание на линии Земля – Луна.

– Вы показывали его врачам?

– Ты же знаешь, что да.

– И?

– И они не знают.

Молчание висело меж ними, молчание со скоростью света летело сквозь пространство.

– Возвращайся домой, Борис, – сказал Ян, и Борис поразился, как вырос этот мальчик: он стал мужчиной, чужаком, которого он не знал, но чью жизнь так отчетливо помнил.

Возвращайся домой.

В тот же день он собрал свои скудные пожитки, рассчитался со всеми и шаттлом отправился на лунную орбиту, оттуда – на корабле к Вратам, а потом – вниз, вниз, на Центральную Станцию.

* * *

Память – как растущая раковая опухоль. Борис был врачом, он сам видел Мост Вэйвэя. Странный полуорганический нарост, он вплелся в кору и серое вещество мозга Вэйвэев, взаимодействуя с их узлами, набухал, множил тонкие спирали чуждой материи – продукт запрещенной эволюционной технологии Иных. Он перерос разум отца, каким-то образом вышел из-под контроля, расползся, как рак, и Влад утратил способность перемещаться в воспоминаниях.

Борис догадывался, не зная точно, так же как не знал, чем расплатился Вэйвэй за этот дар. какую ужасную цену востребовали с него – память об этом, и только об этом, оказалась стерта начисто. Вот Иной произносит: «И да будет так», – а в следующий миг Вэйвэй уже стоит на пороге, дверь за его спиной закрыта, а он щурится, разглядывая старые каменные стены и размышляя, добился ли он своего.

* * *

Когда-то апельсиновые рощи были здесь повсюду… Он вспомнил, что уже думал об этом, и вышел из дверей Центральной Станции, вновь ступил на Землю с ее сбивающей с толку, неуютной гравитацией и горячим влажным воздухом. Остановившись под козырьком, он глубоко вдохнул, не обращая внимания на пригибающую к земле силу тяжести. Воздух пах точь-в-точь как помнилось, и апельсины, исчезли они или нет, все еще были здесь, знаменитые яффские апельсины, росшие тут, когда ни Тель-Авива, ни Центральной Станции еще и в помине не было, а были лишь апельсиновые рощи, и песок, и море…

Он перешел дорогу, ноги сами вели его, у них была собственная память – через дорогу от главного входа Центральной Станции к пешеходной улице Неве-Шаанан, сердцу старого района, который оказался куда меньше, чем помнилось: для ребенка это был целый мир, а теперь он съежился…

Толпы людей, машины на солнечных батареях с жужжанием бегут по дорогам, таращатся туристы, мозг и память проверяют всё, что видится, и чувствуется, и обоняется, и всё это транслируется по сети, и всё, на что падает взгляд Бориса, всё, что пленяет его, отправляется миллионам безучастных зрителей по всей Солнечной системе…

Карманники, скучающий охранник, роботник-попрошайка без глаза и с ржавой заплатой на груди, потеющие на жаре мормоны в черном, протягивающие прохожим листовки, и адепты темных сил из ордена Ситов на другой стороне улицы, делающие то же

самое…

Моросит мелкий дождик.

С ближайшего рынка доносятся крики продавцов, обещающие наисвежайшие гранаты, дыни, виноград, бананы; в кафе впереди старики играют в трик-трак, попивая горький черный кофе из крохотных китайских чашечек, покуривая наргиле[97]; брат Р. Латка медленно бродит среди хаоса – оазис механического спокойствия в шумной, потеющей людской массе…

Он смотрел, слушал, вдыхал, *вспоминал* так напряженно, что сперва даже не заметил их – женщину и ребенка на той стороне улицы, не увидел, пока чуть не налетел на них…

Или они на него. Мальчик, темнокожий, с необычайно голубыми глазами, и женщина, смутно знакомая, – и это ощущение *знакомости* вдруг обернулось тревогой, а мальчик спросил с надеждой в голосе:

– Ты мой папа?

Борис Чжун подавился воздухом.

– Кранки! – сердито, озабоченно воскликнула женщина.

Борис решил, что это имя мальчика. Или его прозвище – «кранки» на звездном пиджине означало «грубый», или «сумасшедший», или «странный»…

Борис опустился возле мальчика на колени, забыв о беспрестанной сутолоке вокруг. И заглянул в эти немыслимые глаза.

– Возможно, – сказал он. – Узнаю эту синеву. Тридцать лет назад она была популярна. Мы взломали выложенный в открытый доступ код Армани…

«Я болтаю вздор», – подумал Борис. Зачем? Ощущение знакомства с этой женщиной смущало его. Зазвенели в голове невидимые комары, зрительное восприятие изменилось, новое изображение затопило сознание, мальчик застыл рядом, улыбаясь широкой, ошеломленной и *знающей* улыбкой…

Женщина закричала, голос ее звучал как будто издалека:

– Прекрати! Что ты с ним делаешь?

«Мальчик связался с моим широм», – понял Борис. А торопливые слова меж тем сами срывались с его губ:

– У тебя нет родителей, – говорил он мальчику, мешая стыд с отстраненностью. – Ты появился здесь, в лаборатории, тебя собрали из геномов общего пользования и деталей узлов с черного рынка.

Хватка мальчишки ослабла, разум Бориса освободился, и он, распрямившись, выдохнул:

– *Нака-има,* – и отступил, внезапно ужаснувшись.

Женщина была смертельно напугана – и ужасно зла.

– Прекрати, – крикнула она снова. – Он не…

Бориса грызла совесть.

– Знаю, – сказал он сконфуженно. – Извини.

Этот коктейль эмоций, смешанный столь стремительно, не был естественным. Мальчик каким-то образом подключился к ширу и впитал сознание Бориса. Он попытался сосредоточиться. Посмотрел на женщину. Ему отчего-то казалось важным, чтобы она поняла. Он говорит с моим широм. Без согласующих устройств. Он вспомнил клинику, вспомнил собственную работу – ту, что выполнял перед тем, как бежал в космос, и тихо добавил:

– Похоже, тогда, давно, я получил больше, чем думал.

Мальчишка смотрел на него простодушными пронзительно-голубыми глазами. Борис помнил таких детей, он дал начало многим, очень многим… Говорили, что клиника Центральной Станции превосходила даже госпитали Юна. Но он не ожидал подобного, такого вмешательства, хотя и слышал истории – на астероидах и в Тонг-Юне – и произносимое шепотом слово, подразумевавшее вмешательство черной магии: «нака-има»[98].

Женщина смотрела на него, и ее глаза… он знал эти глаза…

Что-то вспыхнуло меж ними, что-то, чему не нужно ни узлов, ни цифрового кодирования, что-то проще, человечнее, примитивнее – искра? шок? – и женщина выдохнула:

– Борис? Борис Чжун?

Он узнал ее в тот же миг, что и она – его, и удивление сменило тревогу, удивление от того, как он мог не узнать ее, и женщина неопределенного возраста – словно два тела занимали одно и то же пространство – вдруг обернулась девушкой, которую он любил, когда мир был еще молод.

– Мириам?

– Да, это я.

– Но ты…

– Я никуда не исчезала, – сказала она, – Исчез ты.

* * *

Ему хотелось пойти сейчас к ней. Мир пробудился, а Борис стоял один на крыше старого дома, да, он был одинок и свободен – за исключением воспоминаний. Он не знал, что делать с отцом. Он помнил, как когда-то, совсем маленьким, держался за его руку, и Влад казался таким большим, таким надежным, уверенным и полным жизни. В тот день они ходили на пляж, в тот летний день в Менашии перемешались все: евреи, арабы, филиппинцы, женщины-мусульманки в длинных черных одеждах

и верещащие голопузые детишки, тель-авивские красотки в узеньких бикини, безмятежно принимающие солнечные ванны; кто-то потягивал косячок, и его резкий запах мешался с морским воздухом; спасатель на вышке покрикивал на трех языках: «Не заплывать за буйки! Кто потерял ребенка? *Немедленно* подойдите к спасателям! Ты, на лодке, греби-ка быстренько к тель-авивской гавани, здесь люди купаются!» – и слова терялись в пляжном многоголосье; кто-то припарковал рядом машину и подпевал ревущему стерео, беженцы-сомалийцы жарили шашлыки на газоне, белый парень, весь в дредах, наяривал на гитаре, а Влад, сильный, смелый, надежный, держал Бориса за руку, и они вошли в воду, и Борис знал, что с ними никогда ничего не случится, что отец всегда будет рядом и всегда защитит его, что бы ни творилось вокруг.

Майкл Ф. Флинн
Железные рубашки

Майкл Ф. Флинн родился в Истоне, штат Пенсильвания. Получил степень бакалавра математических наук в Университете ла Салля и магистра топологии в Университете Маркетта, после чего работал промышленным контролером и статистиком. Впервые продав свое произведение в 1984 году, Флинн начал регулярно публиковаться в «Analog», став одним из наиболее часто издающихся у них авторов. Кроме того, его работы покупали журналы «Fantasy & Science Fiction», «Asimov's Science Fiction», «Weird Tales», «New Destinies», «Alternate Generals» и другие.

Он стал одним из лучших авторов «твердой» научной фантастики, которые появились на этом поле в течение нескольких десятилетий. Его перу принадлежат такие произведения, как «В стране слепых» («In the Country of Blind»), «Падшие ангелы» («Fallen Angels»; написаны совместно с Ларри Нивеном и Джерри Пурнеллом), «Огненная звезда» («Firestar»), «Мятежная звезда» («Rogue Star»), «Путеводная звезда» («Lodestar»), «Звездопад» («Falling Stars»), «Эйфельхайм: город-призрак» («Eifelheim»), «Крушение на звездной реке» («The Wreck of the River of Stars») и «Танцор Января» («The January Dancer»). Его рассказы выходили в сборниках «Лес времени и другие истории» («The Forest of Time and Other Stories») и «Хроники нанотехнологии» («Nanotech Chronicles»). Он несколько раз номинировался на премию «Хьюго» и дважды получал премию «Прометей» (за «В стране слепых» и «Падших ангелов»). Недавно к списку его произведений добавились «Река Джима» («Up Jim River») и «В пасти льва» («In the Lion's Mouth»). Сейчас автор живет в Эдисоне, штат Нью-Джерси.

Действие рассказа «Железные рубашки» разворачивается в Ирландии XIII века. Он представляет собой сложное произведение в жанре альтернативной реальности. Это изящная и запутанная история о беспощадных политических играх, в которых полно предательств, планов и планов внутри планов.

Гентри

Дозорные гарцевали по обе стороны от Дэвида О'Флинна, когда тот натянул поводья лошади и остановился на спуске с холма, вынуждая спутников последовать своему примеру. Некоторые из них даже выхватили боевые луки из чехлов и с привычной легкостью натянули тетиву. Пехота выстроилась неровной цепью, держа дротики наготове, но пока еще не запустив большие пальцы в петли, усиливающие бросок.

Отряд уже спокойно пересек южную оконечность болотистых земель, окружавших Данмор, минуя земли чужаков… но расслабляться не стоило. Говорят, небеса оплакивают гибель королей. Вот только в сей год тысяча двести, да четыре, а потом еще двадцать, на земле люди перешептывались о том, как бы так эту самую гибель ускорить.

Сочная зелень Кил Клунах тянулась вдаль от основания холма до просторов Лох-Корриб. Дэвид, глядя с высоты, едва мог различить очертания противоположного берега озера. А Яр Коннахт отсюда выглядел не более чем мрачной, серой тучей на горизонте. Свежий ветерок колыхал листву и поднимал на поверхности воды сверкающую белую рябь, из-за чего трава казалась изумрудным морем, разбивающимся об усыпанный битым стеклом берег.

Дозорные начали показывать пальцами огамы[99], но Дэвид не сумел прочесть сообщаемые ими числа.

– Отряд из четырнадцати человек, – сказал безукоризненно верный ему Гиллападриг. – Вооружены.

– Вот так сюрприз… – Дэвид оглянулся назад и добавил: – Отходим. Движемся чуть ниже вершины холма, а не по ней.

Подобная позиция давала стрелкам наибольшие преимущества.

Рядом с Дэвидом остановил своего коня Лиам О’Флаэрти.

– Это не западня, – сказал он. – Просто сопровождение. Он бы не послал меня в такую даль, как Шлиав уа’Линн, только чтобы заманить вас в ловушку.

– Да неужели? – равнодушно откликнулся Дэвид.

Этот западник говорил так, будто Шлиав уа’Линн лежал где-то на краю земли. И если уж какая страна и заслуживала своего названия, так это Яр Коннахт. К западу от Лох-Корриб не росло ничего, кроме камней. Да и те никчемные.

– Эти всадники запросто могут оказаться не из твоего клана, а сыновьями Рори, – добавил Дэвид. – Слушок один припорошил юга тающим снегом… Турлох и Маленький Хью выбрались из-под

крылышка О'Нилла и вернулись, чтобы отобрать власть у Аэда. – Он, изобразив наивность на лице, повернулся к Лиаму. – Полагаю, до ваших западных краев эти вести еще не дошли.

Лиам хмыкнул, но ничего не ответил. Тогда Дэвид пришпорил лошадь, омраченный пониманием того, что его подозрения подтвердились. Пусть сыновья Рори и сделали глупость, когда вернулись, но они были не столь тупы, чтобы разъезжать повсюду открыто. Они прятались под защитой какого-то могущественного лорда, а где можно укрыться надежнее, нежели на самом краю земли?

* * *

Приземистая крепость О'Флаэрти располагалась на озерном острове вдалеке от берега и надежно охранялась флотилией боевых лодок. Дэвид задумался, как бы так ему взять штурмом это место, если понадобится. Конфликтов между О'Флиннами и О'Флаэрти не было, но рассудительный человек всегда должен оттачивать свой разум столь же усердно, как и свой меч, чтобы избегать необходимости использовать оружие.

Стены были возведены из камня в чужеземной манере. Впрочем, в чем О'Флаэрти не испытывал недостатка, так это в булыжниках.

Когда его люди уже высаживались на деревянной пристани под крепостью, Дэвид пришел к заключению: тут поможет только осада, что и практично, и непрактично одновременно. У кельтов много чудесных достоинств, но к ним не относятся усидчивость и терпеливость. Само слово «осада» проникло в их умы из чужого языка, когда они находились не по ту сторону катапульт.

Во дворе поверх земляной насыпи, образуя длинный стол, были уложены доски. Еда радовала глаз изобилием: говядина, свинина, конина, дичь и соленая рыба, пудинги, пироги и хлеб, масло, свежие сливки и сметана, всевозможные сыры, молоко (разумеется, кипяченое) с медом, фасоль и корнеплоды, паратройка сортов яблок, а также соль, лук-порей и шпинат.

Имелись на столе и диковинные блюда. Какие-то крупные желтые зерна, смешанные с плоскими и круглыми бледно-зелеными бобами. Бесформенные, похожие на корнеплоды коричневые штуковины, чей вид и запах не особо способствовали аппетиту. Исходивший от них аромат намекал, что ощущения от употребления должны быть довольно необычны.

Хью О'Флаэрти встретил Дэвида во дворе и по ирландскому обычаю пожал руку, стиснув его ладонь. Дэвид подождал, и тогда

Хью надавил еще сильнее, но Дэвид все так же терпеливо выжидал. В конечном итоге О'Флаэрти вздохнул и расслабил хватку, а затем подарил в знак почтения браслет. Дэвид же восславил гостеприимство хозяина, одновременно пытаясь догадаться, что замыслил этот старый лис. Гости, как принято среди ирландцев, одобрительно рукоплескали.

Хью сопроводил Дэвида к центру стола, где доски покрывал отрез льняной ткани, а рядом стояли три высоких стула. У правого уже расположился знаменосец О'Флинна, а на левом сидела Нифа, жена хозяина, – тонкая, как жердь, женщина с ястребиным взором. Она поприветствовала Дэвида притворно милой улыбкой.

Как только О'Флинн уселся, по двору начали сновать слуги, разнося еду. Тогда Дэвид повернулся чуть в сторону и передал браслет Гиллападригу, сидевшему рядом.

– Доводилось видеть такое? – прошептал О'Флинн.

– Аккуратная работа, – ответил доверенный, – но вот камни всего лишь отполировали, оставили без огранки.

– Главное, что сделано хорошо. – Дэвид натянул браслет и закрепил его поверх переплетения татуировок. – Но кто и когда видел распростертого орла, усевшегося на солнце?

Он оглядел собравшихся в поисках того, что рассчитывал увидеть. Тем временем О'Флаэрти протянул ему тарелку с жареным мясом кабана.

– Он же лично прислуживает тебе, – прошептал Гиллападриг. – Ему определенно что-то нужно.

– Да уж… этот день полон сюрпризов.

Среди присутствующих на пиру были члены семьи О'Флаэрти и союзных ей кланов. Дэвид приметил даже нескольких крепких ребят из Коннемары, самой каменистой части Коннахта. Достойные рубаки ощущали себя неловко в лучшем обществе. Коренастые фигуры и темные волосы свидетельствовали об их пиктских кровях на фоне высокорослых рыжих и блондинистых кельтов.

Прибыли и двое датчан, заплетавших волосы в длинные косы. У того, что поменьше, было широкое, плоское и более темное лицо.

Дэвид прожевал кусочек мяса, наслаждаясь вкусом.

– Славный кабанчик, – похвалил он, не прекращая оглядывать собравшихся.

– Сам его на копье насадил, – ответил О'Флаэрти.

– Достойный подвиг.

Дэвид не питал ни малейших сомнений, что кабан был давно мертв к тому моменту, как свита позволила О'Флаэрти хотя бы

приблизиться к нему. Короли и без того встречаются слишком редко, чтобы разменивать их на пару хряков.

– И кого же ты выглядываешь? – наклонился поближе Гиллападриг.

– Турлоха и Маленького Хью.

– О'Флаэрти не будет столь беспечен!

– Неужели? Он уже и так изгибается, как те прописные буквы, что малюют в своих книжонках монахи. Сыновья Рори помогут ему покончить с детьми Кахала, а сыновья Кахала – с детьми Рори. Он получает удовольствие от хода событий, а не от итогов. Меня же зазвали сюда, чтобы передать весточку Кормаку. Вопрос только в том, что именно мне предстоит передать.

Наконец Дэвид кое-что заметил. Хоть и не сыновей Рори, но пищу, украшенную странным узором в виде орла. А еще полдюжины мужчин и женщин, столпившихся у края двора. Они были брюнетами, как жители Коннемары, но пикты и ирландцы смазывали свои волосы жиром, делая из них шипы, а эти люди заплетали косы на манер датчан. Чужаки обладали такими же плоскими лицами, как и низкорослый датчанин, а кожа их отливала темной бронзой.

Краем глаза Дэвид уловил кошачью ухмылку О'Флаэрти.

* * *

Ничто так не радует того, кто верует в собственную мудрость, как удачная уловка. Но Дэвид был вовсе не удивлен, встретив сыновей Рори, когда О'Флаэрти повел его в свои покои после пира. Турлох стоял спиной к огню, сцепив руки сзади. А его брат, Маленький Хью, сидел за длинным столом перед кружкой с вискбеатой[100], видно, не первой за этот вечер. Когда Дэвид вошел, оба повернулись к нему.

– Так что? – Хью рыгнул. – Ты с нами?

Турлох опустил руку на плечо брата, призывая замолчать. О'Флаэрти закрыл дверь.

– Я еще не обсуждал ничего с ним, – сообщил он сыновьям Рори.

Дэвид подошел к полке на стене, взял кувшин с вискбеатой, чтобы наполнить кружку и себе.

– Я с вами в том смысле, что мы сейчас находимся в одном помещении. Если же интересует, буду ли я и дальше с вами, то это уж зависит от того, где еще вы намереваетесь побывать.

Маленький Хью, едва начавший расплываться в улыбке при первых словах, состроил гримасу, услышав продолжение. Турлох

тоже нахмурился.

– Не смешно, Дэвид.

– А я и не шучу.

– Все вожди с ними, – заметил О'Флаэрти. Заперев дверь, чтобы никто не помешал их небольшому собранию, он тоже направился к кувшину. – Они пришли и принесли присягу.

– И, без сомнения, шли вереницей, – сказал Дэвид. – Думаю, я даже могу назвать имена. Клятвы, видимо, ничего не значат в наши дни, раз их так легко забывают.

О'Флаэрти налил себе выпить и сел рядом с Турлохом и Дэвидом.

– Я-то не клялся в верности О'Коннерам из Круахана, – сообщил он.

Дэвид пожал плечами. Яр Коннахт никогда не считался частью королевства. О'Флаэрти были изгнаны оттуда всего пару поколений назад… теми самыми О'Коннерами из Круахана.

– А что насчет остальных?

– Те клятвы, – подал голос Турлох, – что они давали моему родственничку, уже не имеют силы благодаря его никчемному, бесчестному правлению.

– Смею возразить. Есть и положительные стороны.

Турлох поднялся и оперся о стол обеими кулаками.

– Он не король! Мы все согласились с этим: О'Тайг, О'Фланниган, Макгаррити…

Дэвид сохранял самообладание. Чтобы провозгласить нового короля Коннахта, нужно согласие четырех главных вождей, а Турлох пока назвал имена трех. Сразу стало понятно, почему О'Флаэрти так старательно потчевал своего гостя и ублажал его слух сладкими речами. Если Турлох привлечет на свою сторону еще и О'Флиннов, он сможет повелевать всеми камнями Круахана!

Дэвид опустошил свою кружку и толкнул по столу. Та упала и закружилась.

– Вот только Кормака ты не упомянул, – заметил О'Флинн. – Войсковой маршал может иметь свое мнение касательно того, нарушили ли четверо вождей свои клятвы.

– Ты его офицер, – сказал О'Флаэрти. – Он прислушается к твоему совету.

– Макдэрмот обладает исключительным слухом… воспринимающим только то, что он дозволяет говорить.

Турлох грянул кружкой по столу.

– Белый жезл принадлежит мне! – заявил он. – Мой отец был верховным королем!

– И к чему это привело? – сказал Дэвид. – А что насчет

чужеземцев, прибывших в Ирландию? Они – тот самый камушек, о который спотыкаются ваши планы. Если я соглашусь и даже сумею убедить Макдэрмота… Аэд бросит на нас своих ребят в железных рубашках. Они и без того захватили Мит и Ленстер. Хотите подарить им и Коннахт? – Он изобразил приступ тошноты и отвернулся.

– Сыновья Кахала, – тихо и несколько надменно произнес О'Флаэрти, – не единственные, кто дружит с железными рубашками.

* * *

Слуга О'Флаэрти сопроводил их в комнату, где ожидали незнакомцы, которых Дэвид приметил ранее. С ними там ждали и оба датчанина. Теперь, когда они стояли рядом, стало ясно, что тот низкорослый был полукровкой, его родители принадлежали к обеим народностям.

О'Флинн настороженно разглядывал чужаков, понимая, что О'Флаэрти пытается втянуть его в какие-то пока ненепонятные затеи. Судя по всему, в смущении пребывали и иноземцы, кидавшие косые взгляды на хозяина и при всей своей заносчивости не скрывавшие обеспокоенности.

Зато четырех доверенных Дэвид опознал тут же. Двое вошли раньше, и еще двое потом. Они парами расположились по разные стороны собравшихся. Одежда их была пошита из мягкой кожи с бахромой на рукавах и штанах. С поясов свисали короткие мечи. А поверх одежды были наброшены железные рубашки. Не такие, как у северян, но подогнанные под фигуру владельца и украшенные изящными узорами в виде птиц и диких растений. Двое нацепили на головы шлемы, совсем не похожие на те, что носят северяне, да еще и с плюмажами из перьев неведомой птицы.

Те трое, что наблюдали за пиром вместе со своими женщинами, определенно были вождями. И так рослые, они слегка запрокидывали головы, словно старались взирать на мир с предельно доступной высоты. При этом знать носила точно такие же кожаные одеяния, как и охрана. Разве что украшенные цветными бусинами и ракушками, а на плечах – прядями нитей необычных расцветок.

Мужчина, сидевший в середине, добавил к своему наряду и серебряный венок: орел, распростерший крылья до висков незнакомца, удерживал в когтях между его бровей отлитый из золота солнечный диск.

Но даже столь примечательные побрякушки не могли скрыть от взора Дэвида еще одного человека, стоявшего в сторонке вместе с женщинами. Он единственный не выказывал никакого беспокойства. Это был более низкорослый, широкоплечий и смуглый мужчина, нежели остальные, а его одежду составляли грубо пошитая куртка, завязанная на груди подобно плащу, и одноцветный килт. Голова его была обмотана чем-то вроде полотенца. Вначале Дэвид подумал, что этот человек ранен, но затем предположил, что он может быть жрецом магометан. Потом О'Флинну сказали, что он работник, вот только неподвижный взгляд немигающих глаз противоречил этому утверждению.

«Будь у меня такой слуга, – подумал Дэвид, глядя в его наглые глаза, – я бы прикончил его за подобную заносчивость».

Сунтри

– О'Флаэрти совсем спятил, – заявил Дэвид, когда со своими людьми готовился отойти ко сну.

– С этим не поспоришь. – Гиллападриг снял с Дэвида плащ и набросил на свою руку.

– Бедняга. Я все ждал, что его вот-вот вздернут под балкой.

– Из-за новых железных рубашек?

– Из-за новых железных рубашек. – Дэвид выхватил кинжал из ножен и метнул в дверь. Лезвие вошло в древесину на добрых полпальца. – Кевин, этой ночью ты спишь поперек двери. Если кто пожелает заглянуть, передашь им от меня привет.

Воин клана кивнул и расстелил свой плащ возле двери, затем извлек из деревяшки кинжал Дэвида и положил рядом с собой.

Гиллападриг наблюдал за происходящим с любопытством.

– Думаешь, король нарушит правила гостеприимства?

– О'Флаэрти тот еще лис, – пожал плечами Дэвид. – И к тому же у него не все дома. Но он вряд ли станет поступать бесчестно, да только вот Турлох мне безопасности вовсе не обещал. О'Флаэрти запросто закроет на время глаза, чтобы изобразить потом запоздалое возмущение. Идет какая-то игра, и я пока толком не знаю, кто ее затеял: Турлох или О'Флаэрти. Возможно, оба разом. Если меня убьют, вождем Сил Мэлрун станет Фиахра. Они могут надеяться, что с моим сыном будет проще договориться, чем со мной.

– Да уж… скалы Круахана проще сдвинуть, чем тебя. А с чего ты взял, что твой сын?..

– Фиахра дружит с Донном Ок Макгаррити и другими юношами, перешедшими на сторону Турлоха. Аэд, на их взгляд, слишком сблизился с чужаками. Вот они и принесли присягу Турлоху. Они много трещат о том, как выставят незваных гостей с ирландских земель, но я-то помню байку о котах с колокольчиками.

– Но если О'Флаэрти соберет столько же людей, сколько есть у чужаков…

– Тогда он. как я уже и говорил, совсем рехнулся. Вспомни Священное Писание. Евреи сами позвали римлян, чтобы те защитили их от греков, а потом не могли избавиться от этих «защитников». Король Ленстера так же зазвал к нам в гости чужаков, чтобы победить Рори, и вот уже сын Стронгбоу стал королем если не по титулу, то по факту. И теперь О'Флаэрти хочет пригласить новых чужаков, чтобы разобраться со старыми? Той бабенке много за что придется ответить.

Гиллападриг помедлил и оправил свою тунику.

– О какой такой бабе ты сейчас говоришь?

– Жене Рурка. Это ведь из-за того, что она спала с Рори, Рурк и позвал людей из Ленстера на помощь.

– Все беды от женщин, – вздохнул Гиллападриг. – Пойду повешу нашу одежду, пусть сдохнут вши. А ты расскажи об этих новых чужаках. Как они выглядят? Похожи на воинов?

– Они привезли с собой жен, так что это не армия. Но мужчинам, впрочем, война определенно не чужда. Им доводилось сражаться. Причем совсем недавно.

– И откуда они родом? – раздался голос Гиллападрига из небольшой каморки. Навозная куча, лежавшая под решеткой, давала испарения, убивавшие вшей.

– Могу передать только то, – ответил Дэвид, – что мне сказал О'Флаэрти, и я не знаю, насколько его история достоверна. Чужаки говорят на незнакомом языке. Смуглый датчанин переводил их слова на язык своего народа из Ледяной земли[101], а затем датчанин из Голуэя повторял это уже на гэльском. Но кто знает, как искажался при этом смысл? Я немного знаю датский и…

В дверь постучали. Два удара, затем пауза, и еще один.

– Это Доннхад, – сказал Кевин, прежде чем отворить дверь и впустить Доннхада О'Малмоя, чей клан состоял в союзе с О'Флиннами с незапамятных времен, а сам он даже командовал пешим отрядом Дэвида.

– Все люди размещены, – доложил новоприбывший. – И я выставил стражу. Не доверяю этим ребятам с запада.

– А никого из тех новых чужаков не видел? – спросил Дэвид.

– Краснокожих-то? Пара их доверенных караулит у дверей зала О'Флаэрти, где они, похоже, и расположились. Эти парни не сказали мне ни здравствуй, ни прощай. Что твои бронзовые статуи. А тот, с тряпкой на голове, спешил по каким-то делам и в ответ на приветствие только свирепо зыркнул на меня.

– Дружелюбные ребята, – заметил Гиллападриг.

– Их что-то сильно тревожит, – произнес Дэвид. – И они опасаются, что мы можем оказаться не на их стороне.

– Что ты сказал О'Флаэрти?

– Что вряд ли семь воинов, шесть женщин и работник смогут вытеснить Уильяма Маршала в море.

– И как он ответил?

– Вполне предсказуемо. Дескать, это только послы, за западными морями у них воинов больше, чем листьев в лесу.

– Это тебе мужик из Ледяной земли сказал? У них-то там и деревьев, считай, нет.

– Он представился как Торфин, сын Рафна. И он не из Ледяной земли, а из еще более отдаленной. Он называет ее Новонайденной[102].

– Новонайденной, значит? Святой Брендан Мореплаватель давно исследовал берега Ой Бразил.

– Торфин, – сказал Дэвид, – утверждает, что эти территории обнаружили те люди, что пошли вместе с Эриком Рыжим к Зеленой земле[103]. Примерно две сотни лет назад. Небось искали ирландцев, чтобы ограбить. Такое было в порядке вещей для викингов тех дней. Есть легенда, что, когда датчане впервые прибыли в Ледяную землю, оттуда на запад сбежала группа монахов.

– Сага о потерявшихся датчанах, – сказал Кевин. – Помнится, ее как-то пели скальды в Голуэе. Вернувшись, Лейф уже не нашел поселения. На старом месте остались только таинственные руны. Затем пропал и он сам. Я всегда считал это ерундой; сагой, написанной для развлечения северян.

– Олаф, сын Густава, – тот, что повыше, он переводил на кельтский, – тоже так думал. Но он понимает тот диалект датского, на котором говорит Торфин. Этот язык достаточно близок к тому, какой используется в Ледяной земле. Олаф утверждает, что это подобно общению с прадедом своего прадеда. Торфин рассказал, что отряд Лейфа встретил в Виноградной земле[104] неких дикарей – скрелингов, которых им легко удалось запугать. Но затем внезапно те атаковали их с юга. Армию вели в бой О'Гонклины.

– ОТонклины? – переспросил Доннхад. – Так это были ирландцы?

– Во всяком случае, слово звучало похоже. Они атаковали пешком, подобно древним римским легионам, но был у них и отряд, ехавший верхом на огромных лохматых конях. Таких же лохматых, как лошади Земли скоттов[105] или Ледяной земли. Но огромных, как те. на каких разъезжают чужаки. Увидев силы скрелингов, люди Лейфа решили, что биться против такого войска нет никакого смысла. Их отвели к королю О'Гонклинов, и тот отправил их в город на западе, расположенный на берегу огромного Внутреннего моря. Поэтому люди с Зеленой земли так и не смогли их отыскать.

– Это даже увлекательнее той саги, что поют в Голуэе, – заметил Кевин.

– О'Гонклины расширяли свои земли вглубь равнин и потому не слишком интересовались Зеленой землей. Но они выставили дозор у северных рубежей и перехватывали все корабли, а судовые команды потом расселяли в новых датских городах на

берегу Внутреннего моря. Поэтому-то люди из Зеленой земли и перестали туда ходить. Никто не возвращался.

– В Голуэе говорят, – сказал Кевин, – что к западу от Зеленой земли есть водоворот, проглатывающий корабли целиком.

– И это еще не конец истории, – продолжал Дэвид. – Похоже, датчане помогли ОТонклинам захватить Травяные земли[106]. И Торфин что-то еще рассказывал об огромных мохнатых коровах и гигантских волосатых слонах. Но тут Олаф мог ошибиться в переводе.

– Так в их краях все огромное и волосатое, за исключением людей? – поинтересовался Доннхад, и все рассмеялись.

– И вот теперь их королю стало любопытно, откуда же берутся все эти датчане, – догадался Гиллападриг.

– Усмирив территории, которые Торфин называет Землей тысячи озер[107], король обратил свое внимание на восток и отправил туда послов. По крайней мере, мне так сказали. О'Флаэрти утверждает, что их корабль пристал к берегу в землях О'Мэлли. Пусть пикты и дикари, но что они умеют, так это отделять голову от тела. Вот только краснокожие чужаки, хоть и малочисленные, дали им достойный отпор. Выжившие шли вдоль берега, пока не наткнулись на Лох-Корриб. Там они и повстречали Олафа.

– И почему же он не повел их в Голуэй?

– Он там вне закона. Опасаясь за свою шею, он отправился с чужаками к крепости О'Флаэрти.

Гиллападриг поджал губы.

– Те еще послы, – пробурчал он.

– Вот и у меня возникли сомнения, – глянул на него Дэвид. – Какой дурак станет засылать послов наугад, не зная, к какому королю они попадут?

* * *

На следующий день О'Флаэрти пригласил Дэвида на охоту вместе с сыновьями Рори и украшенным орлиными перьями вождем ОТонклинов, носившим странное чужеземное имя Татамай. Поскольку все они в том или ином смысле были вождями, их сопровождали доверенные в количестве, предписанном Законом Адомнана[108], прислуга, а также ловчие, загонщики и свора собак. Так что компания скорее напоминала боевой отряд, и потребовалось сразу несколько лодок, чтобы перевезти всех на западный берег озера.

Затем отряд поехал мимо изумрудных холмов Аутерарда

через луга и торфяные болота. А впереди бесшумно бежали собаки. Загонщики подняли оленя и погнали его из леса прямо в объятия достопочтенных господ, приготовивших угощение в виде стрел и дротиков. Солнце пекло спины, а ветер дул с далекого южного моря, и над землей простерся туман, превращая долины в молочные реки.

Аутерард располагался в землях Мойкуллен, наследных владениях О'Флаэрти, и простирался на запад вплоть до отдаленных скалистых пиков Коннемары.

Отряд успел завалить трех оленей – по одному на каждого вождя, как и подобает, – когда загонщики вспугнули вепря.

Вначале Дэвид услышал вопль попавшего под клыки загонщика, а затем раздался хриплый лай обступивших зверя собак. Охотники пришпорили лошадей, направляясь следом за загонщиками и слугами к лесной опушке.

Ощетинившийся кабан сверкал налитыми кровью глазами. Он завертелся на месте, а затем принялся терзать клыками молодые деревца. Те росли слишком близко, чтобы он мог протиснуться, и за ними укрылся работник краснокожих чужаков. Одеяния бедолаги были изодраны и висели лохмотьями. Его забавный головной убор свалился и намотался на переднюю ногу хряка, растянувшись по земле подобно указателю на убежище слуги. В глазах чужака застыл ужас, а его пришедшие в полный беспорядок черные волосы расплескались по плечам.

Вождь в уборе из орлиных перьев приостановился вдалеке и принялся кружить на своей лошади. Его свита расположилась рядом, но ближе никто подъезжать не стремился.

Все это Дэвид наблюдал лишь краем глаза. Он дожидался, пока зверь между попытками напасть на слугу и отпугнуть собак повернется. И вот тогда О'Флинн метнул дротик в шею кабана. Тот ужасающе захрипел и закричал. Турлох с наскоку всадил в вепря копье, а Маленький Хью спешился и пошел в наступление с рогатиной. При этом он лаял на кабана, провоцируя того на атаку.

Турлох внезапно побледнел. Дэвид увидел у него за спиной лучников О'Флаэрти с натянутыми тетивами, ждущих, пока гость короля уйдет в сторону. О'Флинн бросил взгляд на Турлоха и вогнал второй дротик точно в левый глаз кабана.

Зверь взвизгнул и повалился набок, молотя копытами. На секунду показалось, что он вот-вот снова вскочит, но вепрь последний раз вздрогнул и застыл на земле. Маленький Хью воспользовался представившейся возможностью, чтобы подскочить и вонзить свое копье со слепой стороны, но это уже был лишь удар милосердия.

Когда кабан окончательно перестал шевелиться, попавший в беду работник выбрался из своего укрытия и, не спуская широких от ужаса глаз со зверя, поспешил скрыться за лошадью Дэвида, едва не напугав ее.

К Дэвиду подъехал Турлох.

– Отличный бросок, – сказал он, протягивая руку. А когда О'Флинн ответил пожатием, то шепотом добавил: – И спасибо, что спас моего глупого брата. Он юн, а все юнцы чрезмерно ретивы.

– Оно и к лучшему. Откуда еще взяться старческой мудрости, как не из опыта поспешных решений юности.

Турлох засмеялся.

Подъехавший О'Флаэрти разглядывал кабана.

– Почти такой же огромный, как тот, которого я заколол для пира.

– Сдается мне, что зверь будет увеличиваться с каждым новым рассказом об этом случае, – усмехнулся Дэвид.

Турлох вновь расхохотался, а О'Флаэрти хлопнул О'Флинна по спине.

– Таким же огромным, как коровы у датчан! – воскликнул хозяин владений.

– Умеете же вы находить союзничков, – сказал Дэвид, когда Турлох и О'Флаэрти повернули своих коней.

Оба вновь натянули поводья.

– О чем это ты?.. – спросил Турлох.

Дэвид огамами описал Татамая со свитой.

– Что это за вождь, если не удосужился прийти на помощь своему работнику?

– Тут ведь дело такое, – ответил О'Флаэрти, – вепри в их краях не водятся, вот его люди и не решились приблизиться.

– А к твоим врагам этот вождь тоже струхнет приближаться?

О'Флаэрти ничего не ответил, но пришпорил коня и поехал прочь. Турлох же помедлил, дожидаясь, пока его брат снова заберется в седло.

– Думаешь, они трусы? – спросил Турлох.

– Сдается мне, что они не те, кем пытаются казаться. Ты и правда веришь, что его король отправит своих рыцарей через весь Западный океан в то время, как Уильяму Маршалу достаточно пальцами щелкнуть, чтобы военные корабли норманнов пересекли Ирландское море?

Голтри

Пусть погибший загонщик и был простолюдином, но он верой и правдой служил своему клану много лет, и потому сам О'Флаэрти вознес ему последнюю хвалу и одарил вдову. Были приглашены даже плакальщицы, расположившиеся каонтичаном[109] вокруг тела, заливаясь слезами и воем поочередно, чтобы никто быстро не уставал. Их причитания по покойнику разносились в сгущающихся сумерках, отражаясь эхом от стен и проходов часовни и возвращаясь с неожиданных направлений.

Дэвид же зашел туда, чтобы помолиться о душе погибшего, и встал на плиты перед алтарем, думая, что может сказать такого, о чем бы Господь еще не знал. В конечном счете О'Флинн помолился не за усопшего, но за Коннахт, чтобы тот не был разрушен могущественными союзниками враждующих кланов. О'Коннеры сражались с О'Коннерами испокон веков. Это было в порядке вещей, так же как облака, бегущие в хрустальных сферах небес. Но теперь каждая из фракций собиралась привлечь на свою сторону железные рубашки, и это могло стать концом всему.

Погруженный в столь мрачные думы, Дэвид развернулся и увидел, как в часовню заходят сыновья Рори. Он молча отошел в сторону, чтобы пропустить их к алтарю. Но Маленький Хью остановился и сказал:

– Ты не спасал моей жизни.

– Я запомню, – кивнул Дэвид, – на будущее.

Это озадачило Хью, но тут на него оглянулся Турлох. В его глазах Дэвид увидел решение, что он не присоединится. А без О'Флинна не примкнет ни Макдэрмот, ни кланы Шлиав уа'Линна, а воины Маг Наи будут биться за Аэда, что предвещало западным краям невеселые деньки.

– Он погубит страну, – сказал Турлох, и Дэвид понял, что речь идет о короле.

– Только если будет драка, – заметил О'Флинн. – С другой стороны, зачем вообще звать чужаков?

– Так мне что, ждать, пока он умрет?

– Терпение – добродетель королей. Возможно, ждать придется не так уж и долго. Мужья вынуждены оберегать честь жен, а Аэд слишком многим успел наставить рога.

Турлох так закатил глаза, словно пытался посмотреть на раздирающие его внутренние противоречия. Затем он скривил губы.

– Ему наследует Фелим. Пусть Аэд глуп и слаб, но брат его

совсем не таков. И если я могу подождать, пока одного из родственничков не станет, то на двух, боюсь, терпения у меня не хватит.

Маленький Хью приблизил свое лицо к лицу Дэвида, хоть для этого коротышке и пришлось встать на цыпочки.

– Выступишь против нас – и мы тебя уничтожим. Теперь краснокожие чужаки на нашей стороне.

Дэвид посмотрел поверх головы юноши в глаза Турлоха.

– Мне жаль Фелима, ведь на нем может сказаться глупость его брата.

Турлох понял намек и опустил ладонь на плечо Маленького Хью.

– Идем, мы пришли помолиться за душу славного парня, а не пререкаться со стариком. – Он покосился на уже обмытое и завернутое в саван тело на носилках у алтаря. – Этот малый хотя бы никак не был причастен к спорам королей.

Выйдя из часовни, Дэвид увидел, как Гиллападриг заново обвязывает ремешком рукоять своего вложенного в ножны меча.

– Думал, они нападут на меня в священном месте, – усмехнулся О'Флинн, – да еще и когда я под защитой О'Флаэрти?

– Мне просто понадобилось наточить клинок, вот и все, – проворчал Гиллападриг.

– Забавно, если бы они осмелились на такой шаг, – весело продолжил Дэвид. – Я вполне мог достаточно раззадорить Маленького Хью. И тогда О'Флаэрти пришлось бы прикончить обоих братьев, чтобы сохранить свою честь. Но не слишком ли высокая цена за спокойствие в Коннахте?

– Не слишком, если быть уверенным, что и правда сумеешь ухватить столь редкую удачу за хвост.

Дэвид рассмеялся:

– Кстати, а чем занят тот работник возле конюшен?

– Тот? Перевязывает свой головной платок.

О'Флинн похлопал собеседника по плечу.

– Идем. Глядишь, он поведает нам историю столь же мудреную, как и его головной убор.

– Но мы же не говорим на языке О'Гонклинов.

– Как и он сам.

Мужчина заметил их и оценивающе оглядел. Ему где-то удалось раздобыть нитку с иголкой, чтобы привести свой длинный шарф в порядок. Чужеземец внимательно посмотрел на Дэвида, вздохнул и откусил нить зубами.

– Терпеть не могу, когда передо мной кто-то пресмыкается. – сказал Гиллападриг. – Скверная это жизнь, когда тебя заставляют

благодарить за то, что ее не отнимают.

– Иной жизни у него не было. – Дэвид подошел к питьевой бочке, которой пользовались конюшие, зачерпнул воды и предложил ее слуге краснокожих.

– Аква? – произнес О'Флинн, используя слово, запомнившееся ему из языка О'Гонклинов.

Коренастый мужчина посмотрел на кружку, а затем перевел взгляд на лицо Дэвида.

– Ока, – достаточно жестко произнес он и принял предложенную воду.

– Хорошо, что хоть это он прояснил, – заметил Гиллападриг.

– Он говорит на ином языке, нежели остальные краснокожие чужаки. – Дэвид присел на корточки и спросил на ломаном датском: – Кто ты?

Краснокожий вздрогнул от изумления, но затем его лицо вновь стало невозмутимым.

– Воин, – ответил он, и теперь настал черед удивляться Дэвиду.

– Воин и слуга?

Взаимонепонимание было очевидно.

– Он лишь немного понимает язык Ледяной земли, а я плохо знаю голуэйский, – сказал Дэвид Гиллападригу. – Так что пообщаться у нас с ним особо не выйдет. Но мне надо сообразить, что говорить Кормаку. Подозреваю, что О'Флаэрти известно не так много, как ему кажется, а Татамай вряд ли ему все добровольно расскажет.

Дэвид посмотрел на слугу и ткнул себя в грудь:

– Дэвид Макнил О'Флинн.

Затем он показал пальцем на слугу.

Тот помедлил, прежде чем хлопнуть себя по груди и ответить:

– Мускл О'Туббах. – Он отложил свое шитье в сторону и извлек из-под накидки небольшую трубку из вереска, вырезанную в форме вздыбившейся лошади. Но таких Дэвид никогда не видел: с непривычно широкой и короткой мордой, вся покрытая шерстью наподобие собачьей. У трубки был длинный, изящно изогнутый чубук.

В трубку работник насыпал какой-то порошок или перемолотые листья из холщового мешочка, завязывающегося на тесемку. О'Туббах с тоской посмотрел на этот мешочек.

– *Тзибатлъ,* – произнес он. – *Тзибатлъ эйрвоах ачукма.* Очень хорошо.

Он пару раз подкинул остатки травы в руке, словно пытаясь определить ее вес, а затем убрал мешочек в один из многочисленных карманов на своей одежде. Потом он поджег

соломинку от жаровни и раскурил листья в трубке.

Теперь Дэвид уже точно знал, что это именно трубка, поскольку О'Туббах втягивал едкий дым листьев через чубук. Затем он передал приспособление О'Флинну, и тот, подражая действиям владельца, сделал затяжку.

И зашелся кашлем, когда дым опалил его легкие. Чужеземец лишь слегка улыбнулся, но смеяться не стал. Он издал несколько пыхтящих звуков, а затем пересек себе горло ладонью, изображая попытку глубокого вдоха. Дэвид понял его и набрал дым исключительно в рот, подержал там и выпустил. После нескольких затяжек О'Флинн вдруг ощутил, как обострились его чувства. Теперь он слышал арфу, играющую в главном зале, и высокий голос, напевающий «Плач О'Флаэрти».

Клану Мурхада, чья твердыня Гостеприимства домом была,
Клинки клана О'Флаэрти Верными стражами стали.
Не испугать было воинов тех Грохотом битвы…

И все же это было враньем. Они испугались и бежали на запад, прочь от чужаков, к бесплодным землям. В куда более зеленых краях клана Мурхада теперь правили О'Коннеры, сумевшие собрать тех людей, кто остался после отбытия чужаков.

О'Туббах, склонив голову, тоже прислушивался к музыке, и, хотя он не понимал слов, лицо его вдруг исказила печаль, он уловил в песне мотив преследований и потерь.

– Гиллападриг, – внезапно спросил Дэвид, – помнишь как Маккостелло захватил пленника из Нил Ог тем летом?

– И в обмен требует нашу скотину. А что?

– Я вот просто все думал, как воин мог стать слугой.

О'Туббах вновь протянул трубку, и Дэвид не стал отказываться.

– Кури, друже добрый, – произнес, запинаясь, чужак на устаревшем датском.

– Полагаю, – вздохнул О'Флинн, – я могу воспринимать эти слова как захочу. – Он вновь показал на себя, а затем на Гиллападрига и проговорил на датском: – Оба мы – кельты. – Затем он указал на О'Туббаха. – А ты О'Гонклин?

Мужчина взглянул на него озадаченно, затем ошарашенно, злобно и, наконец, высокомерно. Он пошевелил пальцами перед губами, а затем сплюнул на землю.

– И что это было? – спросил Гиллападриг.

– Он невысокого мнения о своих хозяевах, – ответил Дэвид.

– Неудивительно. Они ведь даже не попытались спасти его

сегодня.

О’Флинн задумался.

– Вот бы знать, насколько можно верить тем двум датчанам. Смуглому, подозреваю, вообще нельзя, учитывая, что он из викингов О’Гонклинов и предан им. Тому, что из Голуэя?.. Сомневаюсь. Он вне закона, но мало ли почему. Возможно, он сам жалеет, что ввязался в эту авантюру. Все северяне себе на уме, и дай бог норманны займутся ими, когда придет время. Пусть они уже и забыли, что когда-то были викингами. А нам следует поспешить. Вряд ли вождь О’Гонклинов обрадуется, увидев, как мы обмениваемся тут дымом с его слугой.

Дэвид привлек внимание О’Таббаха к работнику О’Флаэрти, задававшему корм свиньям неподалеку от крепости и конюшен, где все трое курили.

– Работник, – произнес О’Флинн. – Слуга О’Флаэрти. А ты? Ты слуга Татамая?

Чужак рассмеялся и нацепил тюрбан на голову, а потом схватил себя за пах, вновь помотал рукой перед губами и плюнул в сторону крепости.

– Хочет сказать, что Татамай оскопил его? – ужаснулся Гиллападриг.

– Нет. Он имеет в виду, что у ОТонклинов нет яиц. – Дэвид палочкой начертил на земле кружок. – Земля Эйре[110], – сказал он и потыкал рядом. Потом нарисовал еще один кружок неподалеку. – Ледяная земля.

Затем на импровизированной карте появились Зеленая и Новонайденная земли. Под последней был изображен круг побольше.

– Земля ОТонклинов. – Дэвид протянул палочку О’Туббаху и, показав на рисунок, спросил: – Твоя. Земля. Где?

О’Туббах довольно долго смотрел на карту, и Дэвид повторил названия кружков, решив, что тот не понял.

Мужчина неторопливо закивал, затем наклонился, зачерпнул горсть земли и посыпал ею большой круг, который Дэвид назвал землей ОТонклинов. О’Флинн ошарашенно посмотрел на землю, а затем на свирепо ухмыляющегося чужака. Но не успел Дэвид задать следующий вопрос, как из крепости донесся женский голос, зовущий Мускла О’Туббаха. Ухмылка с лица последнего тут же исчезла, сменившись каменным выражением. Работник выбил пепел из трубки и, шустро ополоснув ее в воде, вновь спрятал в карман. А затем поднялся и встряхнул свою одежду, прогоняя запах дыма.

– Подозреваю, он не понимает, что такое карта, – сказал Гиллападриг, когда чужак удалился.

– О нет. Прекрасно он все понимает. – Дэвид проводил слугу взглядом и увидел, как тот в свете факелов предстает перед женщиной из рода ОТонклинов и как та смотрит на него. Запутанность отношений между новыми чужаками начала проясняться.

– Тогда почему он посыпал ее землей? – заинтересованно спросил Гиллападриг.

Дэвид еще раз взглянул на рисунок, прежде чем затереть его ногой.

* * *

Олаф, сын Густава, был так мрачен, будто обдумывал самоубийство. Впрочем, это настроение вполне подходило к создавшемуся положению.

– Я окончу свои дни в безымянной могиле, – признался он Дэвиду тем же вечером, глядя с крепостной стены на залитое лунным светом озеро. – Такова участь всех преступников.

Дэвид принес ему здоровенную кружку эля, ведь слова подобны рыбам – куда лучше чувствуют себя в жидком.

– Я был богатым купцом в Голуэе, – продолжал датчанин. – Возил олово и древесину из Корнуэла в Бордо и Геную в землях басков. А обратно тащил вино из Ла-Рошели, соль из Бурнёфа и шерсть из Испании. И вот за мою голову назначена цена, хоть я и не прикасался к жене того бедолаги. Я бы понял, если бы меня хотели выпотрошить за то, что мы с ней переспали, да только даже речи о том еще не было. А муженек ее думал иначе и из-за своей ошибки помер. Ерунда же какая-то. – Олаф вздохнул. – И все-таки на меня объявлена охота. А ведь я прежде не боялся ни бретонских, ни баскских пиратов и даже вместе с ганзейцами сражался против диких пруссаков.

Дэвид указал на судно, болтающееся на воде с западной стороны острова, почти незаметное в свете факелов.

– Это лодка ОТонклинов?

– Корабль, – ответил северянин. – Не лодка. Да, это он. Выглядит почти как когг, но ходить на таком?.. Плоское дно, киля нет. Капитану пришлось идти исключительно по ветру вплоть до Лох-Корриб. Представь, они в гавань ползли на веслах. У них даже гички нет. И никаких надстроек на носу или корме, чтобы дать стрелкам преимущество перед пиратами.

– Возможно, в их краях нет пиратов?

– Или же пираты победили, – развел руками Олаф. – Зато на их корабле позади основной мачты есть еще одна. Полагаю, она

позволяет быстрее ловить ветер, чем привычная нам конструкция. Так что на широких просторах эта посудина может бегать довольно шустро. Обшито внакрой… ну, понимаешь. Вот только сверху вниз, как на старых кноррах, а не снизу вверх, как на современных кораблях. Осмелюсь предположить… у тебя там не осталось еще эля О'Флаэрти? О, спасибо! Так вот, осмелюсь предположить, что у ОТонклинов никогда не было морского флота. Только прибрежный. Этот корабль скопирован с кнорров времен Эрика Рыжего. А вот та вторая мачта… нечто новенькое. И идея неплохая. – Датчанин отхлебнул из кружки. – Хотелось бы вновь поднять паруса. Впрочем, не на такой штуковине. Не рискну сунуться к гасконскому берегу без надежного киля. И все же я мечтаю о добротном корабле, чтобы покинуть Землю Эйре, где все только и мечтают меня прирезать.

– Я не из таких.

– Это хорошо, но говорит только о том, что тебе пока не сообщили цену за мою голову.

Дэвид снова посмотрел на корабль. О'Флинн прежде не видел коггов, ничего похожего на них, а потому объяснения Олафа были для него столь же непонятными, как и язык ОТонклинов. Удивляло уже одно то, что такая громадная посудина вообще способна держаться на воде.

– Сомневаюсь, что подобные корабли смогут переправить армию через океан.

– Пусть тебя не смущают габариты, – сказал северянин. – Внутри места предостаточно.

– Я не о размерах сейчас говорю. Ты сам заявил, что и к гасконскому берегу на таком бы не сунулся. А как насчет океана?

Олаф задумался, прежде чем ответить.

– Если бы мне дышала в спину семейка Хенгиста, я бы и на коракле в океан отправился. Раз уж ложиться в безымянную могилу, так лучше в водную. Но… поход на восток должен быть достаточно простым. Запасись парусиной, лови ветер, и вот ты уже на месте. Что касается возвращения на запад… Что же, у этого корабля есть весла…

– Но если его снесет в сторону…

– Мы называем это отклонением от курса. В том-то и закавыка. Никогда не знаешь, когда потом найдешь землю. Если бы краснокожие чужаки умели строить корабли с килями, чтобы менять направление, они бы уже давно были здесь.

– Паруса из соломы не сплетешь, – согласился Дэвид.

– А без своих лохматых лошадей они бы бродили пешком, и какого размера было бы тогда их царство? С ноготь, не больше. Никаких великих городов, о которых рассказывал Торфин:

Манахеттана и Личаувекинга. Этот их Татамай, когда мы проезжали мимо Голуэя и его величественных стен, скривился и расхохотался. Я бы пришел в ярость, если бы жители того города не собирались меня прикончить. Каждый народ велик ровно настолько, насколько позволяют имеющиеся у него инструменты. – Олаф заметил мужчину, поднимавшегося по лестнице, и окликнул на стародатском: – Приветствую, Торфин, сын Равна! Как жизнь?

Смуглый датчанин молча взял кружку с элем из рук Олафа и отхлебнул, после чего утер губы тыльной стороной ладони. Затем он бросил на Дэвида ничего не выражающий взгляд, а выпивку так и не вернул.

Олаф ухмыльнулся и обратился к О'Флинну на кельтском, чтобы Торфин ничего не понял:

– В Голуэе он бы уже через неделю хоть капельку, да улыбаться начал.

– Они напуганы. Все, кроме того слуги.

– Тогда им бы стоило держаться не так чванливо.

Дэвид уставился в ночь, за Лох-Корриб, Коннемару и океан.

– Порой приходится через силу идти вперед, чтобы тебя не догнала смерть.

* * *

Дэвид вышел прогуляться поутру в одиночестве, чтобы полюбоваться восходом солнца над Кил Клунах на восточном берегу озера. Ветер приносил с собой запах рыбы и сырости, раздувая подол одежды так, что его приходилось придерживать рукой. На горизонте показалась группа всадников, но затем приостановилась и вновь скрылась из виду за дальними холмами. Норманны… скорее всего, люди Маккостелло. Дэвид сплюнул через стену в воду, плескавшуюся у подножия крепости.

А может, это был отряд короля Аэда или даже люди Лейни, отправленные на юг Коннером год О'Хара? Дозорные? Распространители слухов?

Внизу по двору с двумя помойными ведрами в руках к навозной куче брел О'Туббах. Дэвид свистнул, и тот оглянулся. Их взгляды пересеклись, чужак опустил ведра на землю и по приставной лестнице забрался на парапет. Дэвид изобразил, как втягивает в себя дым, но когда его собеседник достал трубку, то сделал отрицательный жест, поводив рукой у себя перед губами. Потом он указал на лошадь и произнес на датском:

– Сага, лошадь, петь.

Тем вечером Торфин с помощью Олафа поведал, что краснокожие чужаки ставят своих коней превыше всех прочих животных. А О'Туббах, судя по его кривоногости, большую часть жизни провел в седле.

Чужак задумчиво пошевелил губами, точно пытаясь перевести слова на родной язык. Потом пожал плечами и завел напевный монолог. Дэвид медленно побрел вдоль парапета, и краснокожий последовал за ним, продолжая петь высоким хрипловатым голосом. О'Флинн не понимал ни слова, но и не это было ему нужно.

На очередном куплете песни О'Туббах заскрипел зубами и потер свой живот, указывая пальцем на изображение лошади. Затем он помахал руками перед ртом, из чего Дэвид заключил, что когда-то краснокожие ели конское мясо, но теперь перестали. У норманнов существовало схожее табу, что и не удивительно. Если все съешь, так на чем будешь ездить? Всадник верхом на корове будет являть собой куда менее пугающее зрелище. Судя по жестам, которыми О'Туббах сопровождал свое пение, он рассказывал историю о том, как ловят и обуздывают лошадей, но при этом его воображаемый конь обладал куда более ретивым норовом, нежели послушные кобылки норманнов. А еще краснокожий показывал стрельбу из лука и удары копьем.

В этот момент они повернули за угол и лицом к лицу столкнулись с Татамаем и его женщиной, совершавшими утреннюю прогулку по стене. Вождь чужаков остановился и бросил взгляд своих агатовых глаз на Дэвида и О'Туббаха. Работник, едва не выронивший невидимую стрелу, усмехнулся и выпустил ее точно в грудь вождя.

Татамай было потянулся к рукояти меча, но тут О'Туббах заговорил:

– Хаххкало иссюбах, сашим. Са талоа химонаси.

И отвесил поклон, в котором просто читалась дерзость. Потом О'Туббах усмехнулся и продолжил изображать езду на коне и то, как опять теряет стрелу. О'Гонклин сделал вид, что не смотрит, но его женщина наблюдала за движениями бедер слуги, прикусив нижнюю губу.

Татамай убрал руку от меча… и Дэвид услышал тихий шорох, с которым за его спиной другие клинки возвращались в ножны. Гиллападриг, как всегда, следовал за ним тенью.

Татамай вдруг взмахнул рукой и выхватил из рук О'Туббаха курительную трубку. Тот закричал, но Татамай нанес резкий удар, от которого у работника голова откачнулась назад. Затем вождь краснокожих чужаков заговорил злым тоном. Дэвид сумел разобрать только слово «тзибатль», но возникло ощущение, что

оно было столь же неродным для него, как и для его слуги. Возможно, оно принадлежало к языку народа эйр воах, растившего эти листья. О'Туббах осклабился и выдал реплику, которую не составило труда понять как знак неповиновения, а после ударил себя в грудь и произнес:

– Минго-ли биллия!

Вождь О'Гонклинов вновь вцепился в рукоять меча и на сей раз мог бы даже его и выхватить, но женщина опустила ладонь на запястье спутника и сказала что-то мягким тоном. Татамай не глядя сбросил ее руку, но все-таки не стал доставать оружие.

– Тзибатль, – снова произнес он и протянул руку.

Двое его охранников встали позади и сверлили слугу полными гнева взглядами. Дэвид скрестил руки и прислонился спиной к парапету, дожидаясь развязки.

Напряжение нарастало.

Но затем О'Туббах вздохнул и извлек из кармана мешочек с курительной смесью. Немного подержал в руках – Дэвиду даже показалось, что в знак непокорства зелье полетит через крепостную стену, – но затем протянул его вождю, проворчав что-то, что определенно должно было означать «чтоб ты подавился».

Дэвид не мог не заметить, что у обоих мужчин при передаче мешочка тряслись руки. По всей видимости, этот белый дым был им столь же необходим, как виски – записным пьяницам. Не сходя с места, Татамай поспешил набить трубку и погнал охранника за угольком, чтобы разжечь ее.

– Они не подрались, – сказал Гиллападриг, провожая взглядом удаляющегося Татамая. – Мне казалось, ты думал, будто они сцепятся.

– Время еще не пришло, – ответил О'Флинн и повернулся к О'Туббаху. – Минголей. Вождь?

– Минго, вождь Миске О'Геох, – ответил тот. – Сашим. вождь аль-Гонкуин.

Дэвид повторил имя для верности:

– Аль-Гонкуин? Стало быть, они сарацины?

Последнее слово ничего не значило для краснокожего, так что Дэвид не стал заострять внимание. Его сейчас волновало не столько то, откуда эти чужаки прибыли, сколько то, куда они направляются.

Вернувшись на парапет, выходивший на озеро, О'Флинн обнаружил Доннхада О'Малмоя и датчанина Олафа, ожидавших его там, как и было договорено.

– Сколько? – спросил Дэвид у Доннхада, указывая на когг, стоящий у пристани под ними.

– Трое да еще двадцать, – отозвался разведчик. – Но

сосчитать было трудно, они же все на одно лицо. Примерно половина носит железные рубашки. Остальные лазают по веревкам. Эти, видимо, простые матросы. Пара человек всегда стоит в карауле, но охранники из них скверные.

– Они полагают, что находятся среди друзей, – сказал Дэвид.

– Более чем среди друзей. Несколько служанок О'Флаэрти отправились на борт под тем или иным предлогом, если ты понимаешь, о чем я. И, похоже, у них там есть женщина из пиктов, захваченная в бою с О'Мэлли.

Дэвид обратился к датчанину:

– Олаф, у тебя еще остались друзья в Голуэе?

– Разве у преступника могут быть друзья? – пожал плечами северянин. – Думаю, я сейчас могу назвать так любого, кто не пытается перерезать мне глотку.

– А что если ты пообещаешь им корабль, быстрее которого они еще не видели?

– Тогда… – Олаф покосился на иноземную посудину. – Ей бы еще киль приделать. Но я знаю корабела из Бордо, который за это возьмется. – Он оглядел мачты. – Дюжину парусов, думаю, хотя с такелажем придется повозиться… и еще надо будет… – Он помолчал, а потом кивнул: – *Ja.* Мне доводилось строить корабли. Это возможно.

– Отлично. Составь список людей и передай его О'Малмою. Доннхад, ты отправишься в Голуэй, потому что знаешь город. Найдешь тех, кого укажет Олаф, и тайком приведешь их сюда. По пути вы можете столкнуться с О'Дэлли, но между нами нет вражды. Только берегись, чтобы не встретиться с де'Бурго. Будь осторожен.

– Один О'Малмой стоит десятка его кретинов, – улыбнулся Доннхад.

– И прихвати с собой Кевина. Боюсь, их будет более десятка.

Доннхад удалился. Олаф помедлил еще немного, разглядывая когг и потирая руки, а потом тоже ушел.

Дэвид немного выждал и сказал:

– Татамай плыть домой, воинов везти. Тебя берет?

О'Туббах горько рассмеялся.

– Вождь аль-Гонкуин. Больше нет., – Он ударил себя в грудь. – Миске ОТеох всего вождь теперь. Город, крепость… как сказать? – Слуга изобразил, как высекает с помощью кремня огонь.

– Сгорели, – произнес Дэвид.

– Да. Город. Крепость аль-Гонкуина сгорели. Женщины… – Краснокожий дернул бедрами.

– И книги?

О'Туббах посмотрел озадаченно, и тогда Дэвид изобразил,

будто читает.

– Пф-ф-ф… – тот пожал плечами и показал пальцами дымок.

– Прискорбно. Уж очень легко они сгорают, – произнес Дэвид, задумавшись о том, есть ли монахи в этой их Новонайденной земле. Успели ли они хоть что-то сохранить в своих записях, прежде чем знания утекли как песок сквозь пальцы. Он вспомнил святых Земли Эйре, черкавших своими перьями в далекие времена, пока за их окнами орали разъяренные викинги. Написанное там стало искрами, от которых при дворе Шарлеманя загорелся совсем другой огонь. Впрочем, теперь и Шарлемань остался лишь в легендах да сказках о столь же далеких временах, как падение Рима.

О'Туббах произнес на ломаном датском:

– Корабль забрать желтые волосы.

Дэвид предпочел промолчать, и тогда слуга добавил:

– Идти. Дом увидеть ачеба. Трава… трава.

О'Флинн отцепил с пояса ножны с кинжалом и протянул их пленному Миске о'Геоху, поскольку окончательно убедился в том, кто этот человек: один из сотен бедолаг гибнущей империи, угодивший в плен к бегущей банде аль-Гонкуинов. Возможно, даже в тот момент, когда корабль с беженцами готовился отплыть от берега. Багровые, до сих пор не отмытые пятна на палубе говорили об отчаянной схватке. О'Туббах помедлил, а затем извлек кинжал из ножен и надежно спрятал в складках своего тюрбана, возвратив пустой чехол обратно Дэвиду.

– Мы два курить ачеба.

– И мы еще покурим, – соврал Дэвид.

* * *

Сам О'Флаэрти лично проводил Дэвида до края Кил Клунах и гарцевал рядом на коне, пока горцы высаживались из лодок и готовились к долгому переходу обратно в Шлиав уа'Линн.

– Ты расскажешь Кормаку? – спросил О'Флаэрти.

– Я передам Макдэрмоту все, что увидел.

Король Яр Коннахта вздохнул, услышав столь осторожно подобранные слова, а затем посмотрел на запад мимо своего замка на озере.

– Не понимаю я твоей верности такому ничтожеству, как Аэд.

– Да, он ничтожество и тупица, – признал Дэвид, – но если мы начнем требовать, чтобы наши короли становились великими, прежде чем выказывать им подобающие почести, то воцарится смута. Короли приходят и уходят. Важен белый жезл, а не тот

болван, что его держит.

О'Флаэрти взвесил слова Дэвида.

– Понятно, – произнес король. – Ты верен Фелиму. И всегда был его человеком.

– Было бы не очень красиво, – объяснил О'Флинн, – если бы он убил собственного брата. Этим займется Турлох… если рогоносцы не успеют раньше.

О'Флаэрти невесело улыбнулся.

– А затем псы Фелима устранят Турлоха под прикрытием железных рубашек? Печальная выйдет история, учитывая, что его планам помешают краснокожие чужаки.

– Жизнь – штука непредсказуемая, – пожал плечами Дэвид. – Кстати, у меня пропал нож.

– Серьезно?

– Полагаю, его мог украсть тот работник краснокожих. Подозреваю, что он хочет убить Татамая.

– Из-за женщины? У нее, конечно, ни рожи, ни кожи, но вряд ли он собирается ею любоваться.

– Может, и из-за женщины. Или из-за курительной смеси. Не важно. Предупреди Татамая.

Король Яр Коннахта поморщился, заподозрив какую-то хитрую уловку.

– Тебе же, как и Фелиму, и Кормаку, только на пользу будет, если Татамая убьют.

Дэвид благочестиво перекрестился.

– Господь завещал нам поступать милостиво даже с врагами.

* * *

Дэвид вновь остановил свой отряд на склоне холма, развернув лошадь, чтобы еще раз взглянуть на Лох-Корриб и крепость О'Флаэрти, пока дозорные проверяли, нет ли впереди засады. Гиллападриг подъехал и встал рядом.

– И в конце концов все опять свелось к женщине, – сказал он. – Что удалось разузнать?

– Они не придут, – ответил Дэвид. – Никогда. Ни на помощь Турлоху, ни ради чего-либо еще.

– С чего ты так уверен? Норманнам-то эта затея вполне приглянулась…

Дэвид потянул себя за усы, посмотрел на солнце и задумался, успеет ли до сумерек добраться до монастыря в Туаме.

– Ирландское море куда проще пересечь, нежели океан. Но дело даже не в этом. Империя аль-Гонкуинов погибла. Клан

Миске О'Геох разжигает костры из книг. Татамай отчаянно пытается найти новое пристанище и хватается за любую соломинку. Он сейчас пообещает О'Флаэрти все что угодно. Может, и появится у наших берегов еще пара таких же кораблей в поисках легендарных земель, о которых краснокожим напели датчане… и на этом все.

– Так а что насчет Миске О'Геох? Этот клан же победил? Не могут ли к нам заявиться они?

– О'Флаэрти рехнулся. Мало того что к нам заявились красные римляне… Звать еще и красных варваров – чистое безумие. Но они наездники, не моряки, а в развалинах их погибшей империи богатств куда больше, чем на этих скудных берегах. Впрочем, народ они лихой, и их манит горизонт. Если бы О'Туббах сбежал и рассказал им о нас…

– Шансы малы.

– Насколько малых будет достаточно? Это отважный и достаточно смышленый человек, раз прожил столько времени в плену у врагов. Когда Олаф украдет корабль, разве не попытается О'Туббах проникнуть на борт? Могу ли я рисковать тем, что он сбежит? Увы, друг, но мы живем в жестокий и подлый век, когда каждый борется за то, чтобы его жизнь продлилась подольше. Не сожги они свои книги, я бы, может быть, и помедлил… – Дэвид помолчал и почесал подбородок. – Возможно, мы еще с теплотой вспомним этот день.

– О чем это ты? – спросил Гиллападриг.

– Тебе не показалось, что корона у Татамая из чистого золота?

– Похоже на то.

– Отважный человек, хорошо владеющий мечом, может создать в тех краях новое королевство, куда более сильное, нежели это возможно на окружающих нас бесплодных холмах.

У Гиллападрига от такого заявления едва не отвалилась челюсть. Когда он совладал со своим голосом, то поинтересовался:

– И ты поведешь уи'Линнов в те чужие земли?

– Я? Нет. Но жажда золота и прочей наживы – серьезное искушение. – Дэвид повернулся и увидел, что дозорные сигнализируют об отсутствии опасностей на пути. Тогда он пришпорил свою лошадку, и отряд горцев вновь неторопливо двинулся к дому. – Так что, возможно, этим заинтересуются норманны.

Пэт Кэдиган
Коди

Пэт Кэдиган родилась в городке Скенектади, штат Нью-Йорк. В настоящее время она вместе с семьей живет в Лондоне. С 1980 года, когда впервые вышла в свет работа Пэт, писательница сразу вошла в число самых ярких молодых авторов своего поколения. Рассказ «Переход симпатичного парня» («Pretty Boy Crossover») попал в списки лучших научно-фантастических текстов 1980-х годов, рассказ «Ангел» («Angel») вошел в число финалистов премий «Хьюго», «Небьюла» и Всемирной премии фэнтези (очень немногие произведения удостаивались столь необычайного признания). Рассказы писательницы в жанре фантастики публиковались в самых известных изданиях, таких как «Asimov's Science Fiction» и «The Magazine of Fantasy & Science Fiction», а также вышли в сборниках «Узоры» («Patterns») и «Грязная работа» («Dirty Work»), Дебютный роман писательницы «Игроки разума» («Mindplayers») вышел в 1987 году и получил превосходные отзывы, а второй, «Грешники» («Synners»), опубликованный в 1991 году, был удостоен премии Артура Кларка как лучший роман года в жанре научной фантастики, равно как и третий роман автора под названием «Дурни» («Fools»). Кэдиган – единственная писательница, которая получила премию Кларка дважды. Также из-под ее пера вышли романы «Цифровой дервиш» («Dervish Is Digital»), «Чай из пустой чашки» («Tea from an Empty Cup») и «Когда-то я дружил с реальностью» («Reality Used to Be a Friend of Mine»). В качестве редактора Кэдиган опубликовала антологию в жанре киберпанка, две книги по следам фильмов и четыре – по сериалам, последняя – «Сотовый» («Cellular»).

В рассказе «Коди» писательница повествует о тревожном и захватывающем приключении и доказывает, что работа гонца может быть опасной вне зависимости от послания, которое ему предстоит доставить.

Здравый смысл говорит вот о чем, – изрекла ЛаДэн, растянувшись посреди двуспальной кровати. – Тот. у кого на лице сделана татуировка, сходит с ума за пять лет.

Коди отвлекся от созерцания собственного подбородка в зеркале над столом и взглянул на нее:

– Ты что, углядела на этом примере мужественной красоты какую-то татуировку?

– Я отсюда и луны-то не вижу. Кстати, пульта тоже, – добавила она. Затем села и огляделась. Коди заметил пульт на

столе и бросил ей. – Благодарствую. Знаешь, подлизы назвали бы тебя меченым.

– Подлизы? – Он коротко усмехнулся. – Только не говори мне, что переметнулась с яркого света парка развлечений только ради того, чтобы оказаться в тени бюджетного жилья.

– Топового бюджетного жилья. – Она включила телевизор и защелкала каналами. – Для взыскательных, но бережливых бизнес-путешественников. Ты что, брошюр не читаешь?

Он вежливо хмыкнул, что могло расцениваться как «да» или «нет», только не было ни тем, ни другим. Его по-прежнему беспокоило появившееся пару часов назад проблемное местечко между подбородком и суставом челюсти, и, насколько он мог судить, оно совсем не собиралось исчезать. Врач заверила его, что тревожиться не нужно, если только зуд не усилится. Ничего подобного не произошло. Он бы и не волновался, вот только на протяжении многих лет у него ничего подобного не наблюдалось. Такое ведь лишь у новичков случается.

Неожиданные рецидивы могло спровоцировать что угодно, по словам врача, и, скорее всего, по прибытии на него напала сенная лихорадка. Только у него до сих пор никогда не было сенной лихорадки, ответил он медику. На что она, посмеиваясь, заявила, что он и в Канзас-Сити никогда не бывал в конце августа.

То есть на самом деле он до сих пор там так и не побывал. Аэропорт находился в тридцати милях севернее города, и присланная за ним машина отвезла его в промзону, находящуюся восточнее на таком же удалении от границы штата Канзас, которая, судя по всему, проходила прямо через городской центр. Он увидел только далекие небоскребы, мелькнувшие в тонированных окнах автомобиля, пока водитель справлялся со сложной развязкой на съезде с автомагистрали. Потом – ничем не примечательный пейзаж по обе стороны автотрассы вплоть до пригородной промзоны, застроенной скучными угловатыми офисными зданиями в окружении чахлой зелени, среди которой порой попадался пруд с золотыми рыбками или фонтан. Подъездная аллея вилась меж строениями так долго, что Коди уже решил, что путешествию конца не будет и придется ехать еще целую милю. Хотя этот отрезок пути оказался премиленьким – наверное, для того чтобы прибывающие и уезжающие люди могли хоть издалека насладиться красивыми цветами, остановиться и понюхать которые у них не было времени. Коди мог обойтись и без этого. Когда они наконец добрались до места назначения, его уже порядком укачало в машине.

– Эй! – Запущенная подушка угодила ему прямо в голову, он даже подпрыгнул от неожиданности. – А я-то думала, что

тщеславна! – рассмеялась ЛаДэн. – Ты что. правда такой задумчивый?

– Я витал в облаках. – Коди швырнул подушку обратно в ЛаДэн. – Так сказать, размышлял, если ты понятия не имеешь, что это означает.

– Очень даже знаю, что это означает, – возразила она. – Также мне известно, что у тебя свербит кое-где в горячем местечке. Расслабься, голубчик, у меня тоже кое-где свербит. – Тут она задрала футболку и показала на пупок.

– Ах, как смешно.

– Ах, взаправду! – ЛаДэн спрыгнула с кровати, и не успел он вымолвить и слова, как она уже сжимала ладонями его лицо. – Ну же, давай, вот! – Девушка потрепала его по щеке и снова задрала футболку, обнажив живот. – Смотри, у меня там еще горячее. Проверь.

Пупок оказался в нескольких дюймах от носа Коди. Он отпрянул и попытался отстраниться, но она схватила его за руку и прижала к себе. Тут неловкость Коди сменилась удивлением.

– Готов признать, – сдался он, все-таки отодвигаясь от нее. – У тебя горячее.

– Я же говорила. – Она вновь растянулась на кровати. – Может, пыльца или что там еще бывает в воздухе. Знаешь, в это время года я терпеть не могу Канзас-Сити.

– Ты здесь уже бывала?

– Да я вообще отсюда. – Тут она рассмеялась, заметив его удивление. – Разве не знал?

– Откуда мне знать? Мы же только познакомились.

– Увидев тебя, я сразу поняла, что ты нездешний. Склонный к аллергии.

Он опять хмыкнул, на сей раз чуть печально, и признался:

– Я думал, что умираю от простуды, которую подхватил в самолете.

Она снова принялась щелкать каналами, потом передумала и выключила телевизор. И сказала:

– Если во время перелетов тебя часто преследуют симптомы простуды, возможно, все дело в аллергии.

– Да? – На сей раз он хмыкнул скептически. – Что, в самолете много пыльцы?

Она пожала плечами:

– Много всего прочего: плесень, пыль, газеты. Чей-то дешевый парфюм. И даже парфюм дорогой.

– Газеты?

– Хочешь верь, хочешь нет. Знаешь, если что-нибудь существует, значит, это кому-то нужно. Так вот, всегда найдется

кто-то, у кого есть на это аллергия.

– Газеты, – снова все еще скептически повторил Коди.

– Совру – умру. – ЛаДэн торжественно подняла вверх руку. Потом опустила ее. – Ну что ж, было весело. Чем бы теперь заняться?

Коди наклонился вперед и завладел пультом, собираясь включить телевизор – в основном для того, чтобы не дать ей возможность снова сравнивать горячие местечки. На ожившем экране появилась смуглая брюнетка, которая вещала прямо в камеру с такой убедительной искренностью, что брови Коди за компанию сошлись на переносице:

– …на крытой автостоянке на окраине Канзас-Сити, Миссури, обнаружили два освежеванных и сожженных тела; они были идентифицированы как Огуст Фьоре, он же Крошка Оги-Цветочек, пятидесяти одного года, и Корал Оу, двадцати девяти лет, из Либерти, Миссури. Фьоре пропал две недели назад из конспиративной квартиры ФБР, где он находился в ожидании начала разбирательства по делу о рэкете с участием Кармине Неспарини. ФБР упорно отказывается комментировать информацию о том, что Фьоре был личной «отмычкой» Неспарини, но близкие к расследованию источники заявляют, что сотрудничество с Фьоре обеспечило властям беспрецедентный уровень доступа к бандитским записям. Адвокаты погибшего не хотят комментировать происшествие и заявляют, что ничего не знали о плане побега и о местонахождении клиента. Возможно, никогда так и не удастся узнать, добровольно ли покинул он убежище. Техники ФБР все еще продолжают упорно работать над выведенной из строя системой наблюдения, но специалисты считают, что вряд ли им удастся спасти достаточное количество данных.

Связь между Корал Оу и Фьоре до сих пор не установлена. Оу пятнадцать лет работала на конгресс-бюро Канзас-Сити в качестве координатора мероприятий, причем последние три года – на руководящей должности. По словам коллег, она была умна и всеми любима. В последний раз ее видели десять дней назад, когда она допоздна задержалась в офисе с двумя подчиненными.

Фотография женщины на экране внезапно сменилась изображением очень молодого человека, который выглядел так, словно не спал эти самые десять дней по меньшей мере. Чуть побитая помехами надпись внизу экрана гласила, что перед нами Акул Веласкес. «Она велела нам уходить домой, собиралась сама доделать все до конца. – хриплым голосом говорил он кому-то слева за пределами камеры. – Мы хотели остаться, но она сказала… – Тут он взмахнул обеими руками, словно гнал кого-то

прочь. – „Нет, уходите, я закончу сама, а завтра утром принесите мне, пожалуйста, вкусный кофе“. Это было так на нее похоже. Я попытался все равно остаться, но она по-прежнему твердила „нет“. Жаль, что я тогда послушался».

В студии снова появилась первая женщина, которая на сей раз выглядела еще серьезней и искренней.

– Городская администрация обнародовала заявление о том, что этот несчастный и трагический инцидент не должен затмить тот факт, что преступная деятельность в районе за последние двенадцать месяцев постоянно сокращалась благодаря новым мероприятиям в области правопорядка…

ЛаДэн выхватила пульт у него из рук и выключила телевизор.

– Знаешь, вот это было *не* весело. Чем бы заняться теперь?

– Эй, я же смотрю! – Коди потянулся за пультом, но она швырнула его прочь через всю комнату, он ударился об стену и аккуратненько упал прямо в небольшую мусорную корзину.

– Она делает бросок – и забивает! Трехочковый! Зрители неистовствуют! – ЛаДэн изобразила шум толпы, а он тем временем отправился за пультом.

От удара о стену батарейки выпали, ему удалось их вставить правильно только со второго раза.

– Ой, да ладно тебе! Что за радость пугать себя до смерти?

Но новости уже закончились; теперь у края пустого бассейна стоял, моргая от яркого света, мужчина, который вещал о хлорировании воды.

– Ладно, так и быть. – Коди уронил пульт на кровать, снова опустился на стул возле стола. – Я даже не пытался себя пугать.

– Кого же тогда ты пугал? Меня?

– Нет. Просто хотел сосредоточиться.

– Поставь себе ленту новостей в телефон. – ЛаДэн снова стала переключаться с канала на канал. – Похоже, что везде идет сплошная чушь. Подумать только, «Крошка Оги-Цветочек»! Сначала я подумала, что речь идет о каком-то блоке допотопного «Автоугонщика». «Гей Тони встречает Крошку Оги-Цветочек, свищут пули, головы долой!» О! Эй! Мне это нравится! – внезапно выпрямилась она.

Стоило Коди только взглянуть на экран, как сразу стало ясно, что там идет.

– Видел уже. – Он облокотился на стол и уткнулся подбородком в руку. По-прежнему жгло все там же. – И не раз.

– Я тоже, но все равно всегда смотрю. Этот парень такой клевый!

– Правда? – Если он не оставит чертово зудящее место в покое, сказал Коди про себя, то оно никогда не пройдет.

Он шевельнулся и уперся в скулу рукой, но большой палец словно по собственной воле скользнул вниз и ощупал линию челюсти. Рассердившись сам на себя, Коди схватил телепрограмму и пробежал по ней невидящим взглядом.

– О'кей, он плох и, может, даже знал об этом, – болтала ЛаДэн. Она взбила подушки за спиной, чтобы было удобней, и эдак буднично уселась в полулотос, что Коди даже поморщился. – Что с того? Да и вообще, все кино скверное.

– Ну, фильм-то довольно старый, – пожал плечами Коди.

– Не такой уж старый. Не древний.

– Нет, но, когда он вышел, модулей обмена не существовало вовсе и человечество пользовалось гибкими дисками. Вот такого размера. – Он развел руки фута на три. ЛаДэн так глянула на него, что Коди пришлось показать расстояние примерно в один фут. – Ну, хорошо, вот такого размера. Телевизор был простым непрограммируемым терминалом, а облако – пушистой белой штукой в небе. Так что идея отказа от памяти ради накопления в мозгу данных…

ЛаДэн пренебрежительно махнула рукой:

– Вообще-то я про мобильные телефоны.

– Какие такие мобильные телефоны? – нахмурился он.

– Именно! – расхохоталась ЛаДэн. – Какого черта они проглядели мобильные?

Словно по команде раздался звук, наводящий на мысль о бластере из научно-фантастического фильма, засверкало крохотными огоньками кольцо на правой руке ЛаДэн. Она склонила голову набок, прислушиваясь, затем спрыгнула с кровати.

– За мной приехали. Увидимся… – Замявшись, она чуть застенчиво улыбнулась.

– Коди, – напомнил он.

– Точно. – Она помолчала, приподняв правую бровь и низко опустив левую; Коди никогда не удавалось так сделать, сколько он ни пытался. – Так тебя на самом деле зовут?

– А тебя на самом деле зовут ЛаДэн? – ровно спросил он.

– Я выросла в Тонганокси, Канзас. Конечно же, меня действительно так зовут.

Ему показалось, что два утверждения не связаны между собой, но он все равно кивнул. Она выкатила из туалета чемодан, вытащила ручку, снова помедлила и, уже совсем собираясь выходить, спросила:

– А откуда ты родом?

– Я раньше знал, но сдал воспоминания в базу данных.

Он слышал, как она шла по коридору и хохотала.

* * *

Коди в одиночестве пообедал в ресторане. Официантка усадила его за столик у окна, из которого открывался прекрасный вид. Отель стоял на скале, и, вкушая салат «Цезарь» с цыпленком, Коди видел перед собой как на ладони три другие гостиницы и шестирядное шоссе между ними.

Картина была очень даже ничего, хотя не принадлежала к числу тех, которые обычно изображают на открытках. В Канзасе совсем не так плоско и уныло, как думают многие; по крайней мере, не здесь. Тут холмистый ландшафт перемежался пологими участками, обычно застроенными коммерческими или многоквартирными жилыми комплексами. Вдалеке вырисовывалась крыша торгового центра величиной с авиационный ангар, неподалеку от него возвышался кран в окружении остова зданий, которые в будущем станут большими домами.

Но именно от автомагистрали было взгляд не оторвать. Коди даже не мог припомнить, когда в последний раз видел столько частных машин. Что ж, турагент упоминал, что здешние места – один из последних оплотов автолюбителей, ежедневно спешащих на работу. Коди не представлял, каково это – каждый день проводить час или даже больше за рулем. У него самого как-то раз были водительские права, только недолго. Когда истек срок их действия, он не стал утруждаться и их продлевать и ничуть не жалел.

Но, с другой стороны, если бы он сейчас сидел за рулем, то был бы занят и не беспокоился об этом дурацком пятне. Досадуя сам на себя, Коди водрузил на стол подборку бесплатных газет и выбрал местную.

Официантка пыталась уговорить его на десерт каждый раз, когда подходила вновь наполнить бокал холодного чая. Выпив третий стакан, он «прокатал» магнитную карточку-ключ через настольный ридер, оставил чересчур щедрые чаевые наличкой и вернулся в свою комнату. Теперь, когда ушла ЛаДэн, в ней стало совсем пусто и одиноко. Сиротливыми казались даже подушки, которые она нагромоздила у изголовья. Коди не особо удивился, когда, зарегистрировавшись в гостинице, обнаружил ее в номере. Она сильно извинялась: командировочные планы у нее потерпели полный крах. Коди и самому порой приходилось попадать в такой переплет, так что он ответил ей полным пониманием. Как оказалось, она составила ему отличную компанию – лучше, чем он мог себе представить. И теперь он начал тяготиться вновь навалившимся одиночеством.

Коди растянулся на кровати там, где лежала она, и снова включил телевизор. Всего одна ночь, к тому же, как заметила ЛаДэн, отель неплохой, если выбирать из недорогих гостиниц. Кофе в подарок от отеля ему предложили отведать из фарфоровой чашечки и приготовить в кофеварке из изысканной кофейной смеси, а не просто бросили пару пакетиков растворимого рядом с чайником. В мини-баре было полным-полно освежающих напитков и закусок, и, хотя все это стоило раз в десять больше, чем в гастрономе, баночки с орешками хотя бы оказались побольше обычных.

И телевизор. Двадцать каналов, в том числе спортивных и с кино, не считая тех, что оплачиваются отдельно по запросу. Обычные гостиницы и половины того не предоставляют. Может, так компенсировали неудобства таким, как он: застрявшим здесь без машины.

Хотя это не совсем правда. В разговоре с портье выяснилось, что всего в миле располагается так называемый торговый центр. Последнее, как быстро сообразил Коди, являлось ловким эвфемизмом для ряда нескольких захудалых магазинчиков. Центр совсем небольшой, как уточнила собеседница, любезно предостерегая от желания наведаться туда пешком, – всего-то магазин уцененной электроники, магазин хозтоваров, игровая площадка да три точки с фастфудом. Коди решил, что переживет и без них.

– Выбор правильный, – одобрила портье. – Незачем рисковать жизнью, ведь тротуаров нет.

– Где нет тротуаров? – в недоумении переспросил он.

– Между нами и торговым центром.

– Тогда где же люди ходят?

– Они не ходят. Они ездят. Паркуют машины, делают то, зачем приехали, и уезжают домой. То есть я имею в виду, что в любом случае по трассам федерального значения не прогуливаются.

Коди сначала хотел спросить, гуляет ли она сама, и если да, то где, но решил промолчать. Девушке было от силы двадцать два, и очень скоро, как только исчезнет детская пухлость, она превратится из просто молоденькой и хорошенькой в эффектную женщину, от которой глаз не оторвать. Она может подумать, мол, Коди ухлестывает за ней, что, по правде говоря, он отрицать не намеревался.

Наткнувшись на круглосуточный канал новостей, он убавил звук до неясного бормотания и с помощью дистанционного управления выключил свет.

* * *

Следующее, что он осознал, – кто-то сидит у него на груди.

В темноте было невозможно ничего разглядеть, кроме того, что на фоне мерцающего экрана телевизора над ним навис кто-то еще чернее тьмы. Коди попытался закричать, но рот отказывался открываться, вышло только своего рода хрюканье. Тут же ему сильно сжали горло, и оседлавший его некто склонился к самому уху:

– Лежи спокойно, ни звука! – приказал шепотом мужской голос, – Делай именно то, что я скажу. Я не хочу причинять тебе боль. Я здесь по другому поводу. Но если ты меня вынудишь, все-таки придется сделать больно.

Сердце Коди стучало быстро и сильно, словно пытаясь вырваться из груди. Давление на горло ослабло, но полностью не исчезло. Поморщившись, он сглотнул.

Оседлавший его мужчина выпрямился, и Коди разглядел длинные седеющие волосы, вероятно, убранные в хвост, и очки в толстой оправе.

– Во-первых, не пытайся раскрыть рот. Этим ты лишь причинишь себе боль, потому как челюсти у тебя замкнуло. Как только я пойму, что ты ведешь себя как надо, я подумаю над возможностью угостить тебя жвачкой.

Коди попытался хмыкнуть в знак согласия, но ему вновь сжали горло.

– Сказал же: ни звука!

Коди всосал носом воздух, чувствуя себя совершенно беспомощным: тело заходилось кашлем даже при сжатых челюстях. Горло, скрученное спазмом, пыталось вывернуться наизнанку. Потом вдруг рот раскрылся ровно настолько, чтобы несколько раз надрывно кашлянуть, и захлопнулся вновь.

– Что, полегчало?

Коди кивнул, жадно втягивая воздух через нос.

– Теперь понял, что именно значит делать то, что я говорю?

Он опять кивнул.

– Когда я тебя отпущу, ты переоденешься. Потом тебя вывезут отсюда на инвалидном кресле. Ты будешь сидеть смирно и пялиться на колени. Не станешь глазеть по сторонам. Если кто-нибудь с тобой заговорит, сделаешь вид, что ничего не слышишь. Внизу ожидает микроавтобус. Тебя туда посадят вместе с креслом, и мы уедем. Теперь слушай сюда. Важно, чтобы ты хорошенько запомнил то, что я только что сказал, потому как мой приятель сейчас болтает с ночным портье. Приятный такой дядька, уже дедушка. Мы с тобой скоро поедем через вестибюль,

и, если портье заподозрит неладное, мой напарник сделает ему больно. По полной. В отличие от меня, приятель не против кого-нибудь порешить. Ты же не хочешь, чтобы пострадали невинные наблюдатели, так?

Коди покачал головой.

– Вот и славно. Теперь, когда я тебя отпущу, ты разденешься и потом наденешь то, что я тебе принес.

Незнакомец слез с него и сделал шаг назад. Коди медленно перебрался к краю кровати и начал трясущимися пальцами расстегивать пуговицы рубашки.

– Побыстрее, пожалуйста, – поторопил его мужчина, глядя на экран телевизора и скрестив на груди руки.

Коди хотел исполнить приказ, но дрожал так, что с трудом удерживал равновесие даже сидя. Он спустил штаны, по одному освободил из них колени и снял носки. Рядом с ним небольшой аккуратной кучкой лежала сложенная одежда. Трясущимися пальцами он взял верхний предмет; им оказалась больничная рубаха.

– Завязывается сзади, – прозаически сообщил человек, словно делая замечание по поводу погоды. Взгляда от телевизора он не отрывал.

Обувь Коди зашнуровывать не стал. Решил, что и так сойдет. Следующим пунктом шел халат. Он надел его в положении сидя, затем осторожно встал на ноги.

Мужчина оторвался от телевизора. Осмотрел Коди с ног до головы.

– Я сказал: раздеться догола. Снимай белье.

Коди повалился на кровать, поспешно избавляясь от трусов. Мужчина с надутым видом ждал, пока он справится, потом взял за плечо и потянул вверх. Коди подкинуло словно лебедкой, потому что хват оказался необычайно сильным и явно неожиданным для худощавого немолодого человека почти на голову ниже его самого.

Тот, кто дожидался их в коридоре с инвалидной коляской, был намного выше первого, настоящий дылда в темно-синем комбинезоне с нашивкой санитара скорой помощи на левом нагрудном кармане. Когда Коди споткнулся об опору для ног и плюхнулся на сиденье, он не проронил ни слова. Каркас кресла оказался легким, колеса – маленькими. Седовласый наклонился к Коди, и тот увидел, что одет он в ту же самую униформу.

– Не забудь, что я тебе говорил, – напомнил он, и Коди обратил внимание на то, сколь мало двигалось его одутловатое лицо, словно ему вкололи ботокс. Теперь, вблизи и при ярком свете, его волосы, хвост и прочее, выглядели как парик. –

Подумай о семье этого бедолаги. От тебя зависит, отправится ли он домой после дежурства. – Седовласый пристально посмотрел Коди прямо в глаза, словно надеясь увидеть в них какой-то ответ, потом усмехнулся и похлопал его по щеке. – И, право слово, расслабь ты наконец челюсть. Я не шучу насчет головной боли. – Коди начал было потирать проблемное место на лице сбоку, но мужчина перехватил его руку и решительно положил на колени. – Пока мы здесь, ты шевелиться не будешь! Сможешь сам справиться или тебе помочь?

Коди понуро склонил голову.

– Слышь, Джордж, думаю, он понял.

Несмотря на ковровое покрытие, инвалидное кресло катилось тряско: колеса у него были хлипкие, как у тележек из супермаркета, которыми доводилось пользоваться Коди. Пока спускались на лифте, он пялился на поношенную ткань, прикрывавшую колени. Когда они оказались в вестибюле, он склонил голову еще ниже и даже зажмурился, опасаясь, что похитители в любом случае грохнут регистратора, ведь он видел их физиономии и сможет дать описание полиции, а это не прибавляет клерку шансов выжить.

И не прибавляет шансов выжить ему самому.

От этой мысли он содрогнулся, и, когда перед ним распахнулись автоматические двери, по спине пробежали мурашки. Он успел услышать, как ночной портье пожелал кому-то доброй ночи, а женский голос весело и дружелюбно ему ответил: «Спасибо! Вам тоже доброй ночи!»

И вот его уже с грохотом выкатили наружу, направляясь к белому фургону со значком районной скорой помощи на распахнутой боковой двери. Возле лифта для инвалидной коляски стояла дородная женщина.

* * *

Коди понятия не имел, как долго они были в пути, когда седовласый потянулся и чем-то прикоснулся к тому местечку под скулой в районе челюстного сустава. Посреди сладкого зевка Коди вдруг осознал, что опять может раскрыть рот. Мышцы по обе стороны лица ощущались перетрудившимися и болезненными, причем о существовании некоторых он ранее даже не подозревал. Некоторое время он шевелил челюстями туда-сюда, хотя знал, что седовласый наблюдает за ним, но пытался не заморачиваться по этому поводу.

Серый Хвост сидел справа от Коди на откидном сиденье

лицом против хода движения. Парень-дылда закрепил инвалидное кресло у мягкой опоры, пристегнул ремнем и занял сиденье слева. Высокая женщина уселась спереди рядом с водителем. Та женщина, которая разговаривала с ночным портье, расположилась за спиной Коди. Еще был как минимум один человек, которого он не видел и не слышал и который, по-видимому, хотел, чтобы так и шло дальше. Непрошеной пришла мысль, что это ЛаДэн; он быстренько выкинул ее из головы. Паранойя не поможет.

Коди положил голову на опору и прикрыл глаза, размышляя, получится ли заснуть. При сложившихся обстоятельствах делать больше ничего не оставалось. Но разум бодрствовал, словно посреди напряженного рабочего дня, который сейчас как раз предположительно и был. Притворяться спящим – пустая трата времени, спасибо больничной одежке; скорее всего, ее так апгрейдили, что она наверняка считывала даже его настроение.

Он открыл глаза и увидел, что седовласый смотрит на него. Почти рефлекторно его опять одолел приступ зевоты.

– Тебе известно, как обстоят дела, – проговорил седовласый, когда Коди перестал зевать.

Коди кивнул и сказал:

– Ага, только вам-то ведь тоже известно, что я ничегошеньки не знаю.

– Тебе и не надо.

– Я курьер, – добавил Коди. – Если бы я даже захотел, то не смог бы получить доступ…

– Знаем, – отрезал мужчина.

– …Я понятия не имею о количестве и характере информации…

– Да, мы знаем…

– …также я не отвечаю за то, что при любых попытках получения доступа может быть нанесен частичный или полный ущерб информации, или оборудованию, или программному обеспечению…

– Нам уже это известно… – Седовласый открыто выказывал нетерпение.

– …Мое безопасное возвращение не может гарантировать, что какой-нибудь партии не выдвинут обвинения в преступлениях и похищении людей, а также незаконного лишения свободы, – продолжал Коди, стараясь не так уж упиваться раздражением седовласого, – которые предъявляет государство, а не компании или частные лица. – Последние слова он произнес, снова зевая. – Ох, извините меня. По долгу службы я обязан проинформировать вас. Также могу вам все изложить в письменной форме и

подписать.

– Правда? – оживился тот, кто сидел слева. – То есть, если бы ты ничего этого не сказал, тебя бы уволили?

Коди кивнул. Левый на секунду задумался, затем спросил:

– А если мы скажем, что ты нас не предупредил?

– Заткнись! – повысил голос седовласый.

Коди сделал вид, что ничего не слышал:

– Тогда я скажу, что все-таки я предупреждал.

– И они просто поверят тебе?

– У меня четвертый уровень обязательств, – отвечал Коди. – На работе я постоянно действую под присягой. Ложь – клятвопреступление.

– Заткнись, или я заставлю тебя замолчать! – взвился седовласый, снова вызывая у Коди желание позевать. Мужчина подождал, когда он окончит, и добавил: – Что-нибудь еще из серии правовых уведомлений? Предупреждений о вреде для здоровья? Бытовых советов?

Коди быстро мотнул головой и опустил взгляд на колени. Какое-то время они ехали молча. Вдруг левый выпрямился.

– У меня в голове не укладывается, как кто-нибудь может поверить на слово этому парню, – выпалил он.

– Когда мы доедем до места назначения, можешь поискать разгадку в «Википедии», – съязвил седовласый. – Последнее предупреждение: закрой рот.

После этого Коди уже не осмеливался отрывать взгляд от колен. Каждый раз, когда он поднимал глаза, седовласый смотрел на него. Так и приходилось глядеть в темноту, слушая шелест шин и свист ветра. Никто не заговаривал о технической остановке, да и проситься в туалет не имело смысла – седовласый, вероятно, предложил бы бутылку из-под кока-колы. Коди поерзал в кресле и сфокусировался на том, чтобы отдохнуть. Он сказал то, что обязан был сообщить; теперь лучше не сердить седовласого.

Уже светало, когда он наконец задремал.

* * *

Коди снилось, что в него вцепилось множество рук; он очнулся от пренеприятного сна и обнаружил, что дылда уже отстегивает кресло, а седовласый трясет его за плечо, тщетно пытаясь разбудить. Коди был настолько измучен и изнурен, что даже не мог открыть глаза – для этого потребовалось громадное усилие, и, когда все-таки удалось, через полсекунды они снова

закрылись. Коляску с ним закатили на платформу лифта, и сменившая прохладу фургонного салона влажная жара волной ударила в лицо и чуть не высосала весь воздух из легких.

Сонный и задыхающийся, Коди обратил внимание на то, что цвет фургона изменился на зелено-коричневый с логотипом крупной государственной компании по аренде. Еще хуже было то, что находились они в крытом гараже. Склонившийся над Коди седовласый выглядел еще бледней и безучастней.

– Будет лучше, если нам не придется применять силу. Это тебе не званый вечер. Если мне придется действовать грубо, тебе станет только хуже.

Коди не знал, что тут скажешь, да и вообще нужно ли отвечать.

– Отлично, – произнес седовласый и жестом приказал трогаться парню, приставленному к креслу.

Из-за сгрудившегося вокруг него эскорта рассмотреть по сторонам ничего не удавалось, но, даже глядя прямо вперед, Коди увидел довольно, чтобы понять: они определенно находились на почти пустой парковке. Что ничего не значит, попытался успокоить себе Коди. В стране полным-полно подземных гаражей, и то, что ему попался тот неприятный сюжет в новостях, – просто совпадение. ЛаДэн тогда правильно сказала: он сам себя пугает. Он же не гангстер, а курьер, всего-навсего чертов курьер. Никто не убивает курьеров. Никому не нужны неприятности, союз курьеров – могущественная организация со связями.

Звук внезапно заработавшего мотора заставил Коди подпрыгнуть. Седовласый даже не взглянул на него, зато остальные плотнее сомкнули ряды, скрывая коляску от глаз посторонних. Даже после того как проехал автомобиль, все так и шли максимально близко к нему, пока не добрались до лифтов, один из которых был отгорожен лентой с объявлением о том, что он вышел из строя. Седовласый нажал на кнопку вызова именно этого лифта и крутанул; она повернулась, и тогда он вставил в замочную скважину обычный металлический ключ.

Двери лифта открылись, и Коди обдало сильным запахом антисептика и чего-то цветочного. У него живот чуть не вывернулся наизнанку, когда его задом наперед ввезли в кабину так, чтобы он не видел, на какой этаж они едут. Не было ни голосовых сообщений, ни даже звонков, Коди лишь удалось уловить серию слабых воздушных толчков. Возможно, так просто работал мотор после длительного простоя, но Коди все равно их сосчитал, потому что заметил, как меняется воздух от влажного и жаркого к прохладному, и решил, что они остановились на четырнадцатом или пятнадцатом этаже.

Судя по безупречной регистраторше за сияющей белой стойкой, они оказались в шикарной клинике. Шагая мимо девушки, седовласый бодро махнул ей рукой. Теперь он шел очень быстро и через лабиринт коридоров привел всех в кабинет с медицинской каталкой и аппаратом, который они собирались на нем использовать.

– Снимай халат и устраивайся поудобнее, – пригласил седовласый, ткнув большим пальцем в каталку.

Коди повиновался, удивившись, как быстро исчезли все остальные, оставив его наедине с седовласым. Он не выпускал халат из рук, собираясь использовать его в качестве одеяла.

– Не возражаете? Я немного замерз.

– Уже? – Седовласый что-то делал с машиной. И сухо хохотнул: – Может, у нас получится раздобыть для тебя рукавички и носки.

– А еще можно выключить кондиционер, – заметил Коди.

Ответа не последовало. Вошли трое в белой униформе. С покорным вздохом Коди улегся и закрыл глаза, чтобы не видеть, как в вены вставляют катетеры.

* * *

Казалось, подготовка к процессу длилась вечно, хотя, насколько Коди мог судить, оборудование было современным, а персонал – компетентным. Тот, кто ставил катетеры ему в руку и в ногу, был определенно талантлив – вышло почти не больно. На самом деле манжета для измерения кровяного давления на другой руке ощущалась противнее. Непонятно, зачем им вообще понадобилась манжета, ведь больничное одеянье выдает полный отчет об основных жизненных показателях. Однако при сложившихся обстоятельствах им было желательно одновременно и то и другое. Они даже озаботились определением группы крови и ДНК, перед тем как приступить к процессу фильтрации крови.

Стоило им только начать, как Коди, как всегда, почувствовал себя немного не в себе, и ему стало еще холоднее. Он попытался, насколько возможно, съежиться под халатом. Беседовали очень мало и слишком тихо, он ничего не мог разобрать; никто к нему не обращался. В конце концов Коди задремал, главным образом от скуки, а проснувшись, почувствовал на ногах шерстяные носки. Теплее ему не стало, но он все равно был тронут.

Чтобы хоть чем-то заняться, Коди попытался догадаться, кто же надел на него носки, и начал незаметно наблюдать за теми, кто двигался вокруг и снимал показания приборов. Чернокожая

женщина с косами до плеч выглядела словно мамочка; если так, ребенок ее, вероятно, совсем юн. Родители маленьких детей обычно не скупятся на добрые дела. Или, может, это сделал парень-китаец, которому, как и самому Коди, было под сорок.

Насчет еще одной чернокожей женщины он никак не мог определиться. Она проверяла его показатели чаще остальных, но это не обязательно означало, что она волнуется за него. Как бы не сам Серый Хвост напялил на него носочки… Разве не упоминал он их еще до того, как началась фильтрация? Или же это сделал один из тех, кого он видел мельком, потому что они занимались его кровью где-то сзади. Может, где-то промеж отделения клеток крови от плазмы и закачивания всего обратно в него кто-то из них приостановился и задумался, не замерз ли пациент?

Так продолжалось долгие часы. Коди засыпал, просыпался, снова дремал. Живот у него урчал и совсем прилип к позвоночнику, а голодные спазмы грозили перерасти в тошноту. Интересно, сколько еще будет все это длиться? Скука и желание поесть раздражали. Если вскоре процесс не остановят, с ним приключится приступ от нехватки сахара в крови.

Словно уловив его мысли, седовласый потрепал Коди по плечу.

– Наверное, проголодался? Хочешь съесть что-нибудь конкретное? – немного нетерпеливо поинтересовался он.

– Просто еды, – ответил Коди, не обращая внимания на то, как грубо прозвучал ответ.

– Разве тебе не хочется хлеба или сахара?

– Просто еды. Хотя я не особо надеюсь, что дадите.

– Может, обойдемся инсулином? – В мужском голосе слышался надрыв. Периферийным зрением Коди уловил, как младшая женщина и китаец явно испуганно оторвали глаза от монитора, в который с усердием смотрели на пару.

– Рискованно, – отмел предложение Коди. – Я же не диабетик. Впрочем, вам это известно.

Мужчина какое-то время смотрел на него. Коди со злобной радостью отметил, как тот был изнурен и разочарован. Конечно, всем им достанется, но больше всего именно ему, потому что с него спросят за неудачу.

Вдруг он сердито выдохнул, отвернулся и бросил:

– Дольше нельзя с ним возиться. Заканчивайте, дайте ему ланч, и пусть катится отсюда.

* * *

Вместо ланча ему предложили банку питательной смеси со вкусом клубники; Коди так проголодался, что на миг почувствовал лишь смутное разочарование. Седовласый сел и окинул его тяжелым взглядом. Надеялся на то, что Коди в последний момент что-нибудь сболтнет? Или просто тяготился неуспехом?

– Сколько тебе лет? – вдруг спросил он.

Коди помедлил с ответом и вытер рот. Учитывая, что они так долго анализировали его кровь, он должен был знать и ответ на данный вопрос, и многое-многое другое.

– Тридцать семь. Почему спрашиваете?

– Тебе не кажется, что ты немного староват для того, чтобы служить подсадной уткой?

– Я курьер. – Он снова занялся напитком.

– Ты приманка. Нуль. Ничто. Хуже, чем ничто.

Коди никак не отреагировал, продолжал пить.

– Та, которая тебя сдала, вероятно, была настоящим курьером. Так?

– Кто? – Но ответ он уже знал. Ее имя вертелось на кончике языка, но все же ему удалось сдержаться и не произнести его вслух.

– Я прав, да? Ты просто – как бы тебя обозвать? Поденщик, который ничего не имеет против игл и не падает в обморок при виде крови? А информацию носит она. ЛаВерн или ЛаРу, как ее там.

Коди прикусил язык. Может, парень говорил правду или же просто выуживал секреты. В любом случае лучше не болтать.

– Около десяти процентов населения падает в обморок при виде крови, – непринужденно поддержал разговор он. – Это же физиологическая реакция, тут ничего не поделаешь. Никак не соотносится с характером или с чем-то еще.

– Спасибо, что просветил. – Несмотря на явное раздражение, лицо седовласого казалось еще более бесстрастным, чем обычно, уж не говоря об одутловатости. Теперь у линии роста волос появились маленькие чешуйки, похожие на сухую кожу. Маска начала разваливаться, парик потихоньку отделялся от силикона. Наверное, ему уже давно пора было покончить с маскарадом, но он все еще носил личину и подновлял ее легкими мазками. Потому что ожидал, что вот-вот все уже точно закончится, данные будут извлечены и доставлены, оплата произведена, а сам он поедет на следующее дело, совершенно позабыв, кто такой Коди.

Но вместо этого он сидит в крохотной холодной комнатенке, и за все его усилия ему ничего не светит, разве только вот-вот отвалится с лица маска, и нечего ждать, кроме неудовольствия

босса и потери гонорара, а ведь команде платить все равно придется.

Коди допил и поставил пустую банку рядышком на каталку. Что ж, это было невесело. Чем займемся теперь?

И эта мысль стала последней на какое-то время.

* * *

Звуки постепенно подталкивали его к возвращению в сознание до тех пор, пока он понял: шумы и голоса в самом деле реальны, это не обрывки снов и видений забытья, длившегося часами, а может, даже днями. Все еще не раскрывая глаз, он перекатился на бок, спасаясь от яркого света над головой, и вдохнул аромат чистого постельного белья вперемешку с запахом спирта, пудры и дезинфицирующих средств. Значит, он находится в палате скорой помощи, с некоторым облегчением понял Коди; случалось очнуться в местах и похуже.

Воспоминания были обрывистыми, но в целом он понимал, что с ним произошло. Как только похитители уверились, что в его крови им ничего не удастся обнаружить, их перестало заботить отсутствие нежелательных примесей в организме Коди и они дали ему лекарство под видом так называемого ланча. Судя по ощущениям, дозу он получил немалую. Затем от него за ненадобностью просто избавились.

Как только «ланч» подействовал, они одели его и вышвырнули где-то, где он мог довольно долго бродить лунатиком, не привлекая к себе внимание. Скажем, в большом торговом центре. Или даже торговом городке, таком, с многозальным кинокомплексом. Интересно, как долго он бесцельно скитался. пока кто-то не заподозрил, что с ним что-то странное? На эту тему ходили всевозможные истории. Все в союзе знали историю о курьере, которая очнулась в доме, где провела пять дней в качестве давно потерянной родственницы. Хотя Коди подозревал, что все это выдумки.

* * *

Через два дня он находился в каком-то пригороде, хотя точно не знал, какого штата. Двойственность границ уже вошла у него в привычку.

– Как вам понравился Оклахома-Сити? – спросила врач, сидевшая под световым табло. Это была полноватая женщина с

глазами разного цвета: одним карим, другим синим; разница делалась еще более заметной из-за винного цвета родимого пятна, покрывавшего часть лица от волос до уголка рта.

– Я повидал только парковку, клинику и часть больницы. – Коди разделся и встал спиной к гладкой белой стене. – По вашей команде.

– Ах, значит, вы делали это и раньше. Мне даже не придется просить вас закрыть глаза и не двигаться.

Он сделал вздох и задержал дыхание. Иногда он воображал, что может почувствовать, как меняется ультрафиолетовое излучение по мере продвижения линии считывания по телу. Много лет назад, когда он в первый раз работал курьером, ему показали видеозапись его самого в процессе считки. Тогда он подумал, что выглядит как сверхъестественное существо – один из сказочных монстров Льюиса Кэрролла, который вышел из зеркала в высокотехнологичную лабораторию.

Линии Бласко, пояснил доктор тогда, много лет назад. Видимые только при определенном ультрафиолетовом излучении.

Он и сам проводил исследования, любопытствуя на тему повреждений или вероятности однажды утром проснуться и обнаружить себя навеки рябым. Ему снилось, как линии бегут вверх-вниз по рукам и ногам, волнами движутся по туловищу, петляют по спине, кружат в голове и вдруг самопроизвольно проявляются при обычном освещении; как порой светятся постоянно. В других снах они вспыхивали и гасли, как аварийная сигнализация.

Давно у него не бывало таких тревожных снов. Они пропали вместе с горячими точками. Может, теперь возвращалось и то и другое.

– Вот и все. – сказала медсестра.

Коди с облегчением глубоко вздохнул, отошел от стены и снова оделся. Женщина попросила у него разрешения перед тем, как взять мазок со слизистой во рту, и еще раз, когда брала соскоб с верхнего слоя кожи на пояснице, бедре и колене. Он был безмерно благодарен ей за деликатность. Всегда приятно, когда к курьеру относятся как к человеку, занятому ответственной и непростой работой, а не как к мешку мяса с данными.

В выделенную для ночлега комнату Коди проводил парень в стандартной одежде взломщика – жилете со множеством карманов поверх одноцветной футболки, джинсах и кроссовках, – но выправка у него была военная, и он даже не пытался скрывать ее. Когда Коди там очутился, то ничуть не удивился, обнаружив, что кто-то его дожидается. С момента последнего делового

предложения прошло некоторое время.

– Мы очень рады, что вы вернулись целым и невредимым.

За столом во вращающемся кресле сидела черноволосая смуглая женщина; она говорила с легким, но отчетливым акцентом, от которого никак не могут полностью избавиться индийцы. Коди уже не раз видел ее в одной и той же одежде – черном брючном костюме. Она была одной из тех, кто ведет себя так, что даже выглядит выше. И дело вовсе не в военизированной манере, как у того приятеля, который теперь почтительно застыл по стойке смирно на полпути к двери. Главная. Судя по седине в волосах дамы, Коди предположил, что она старше его, но на сколько – непонятно: больше, чем на десять лет, и меньше, чем на тридцать.

– Я рад, что вернулся, – сказал он, стоя перед ней и чувствуя себя немного неловко. Дама жестом предложила ему присесть на кровать – больше в комнате мебели не было, не считая сорокадюймового экрана в стене.

– Вам автоматически положена неделя для реабилитации, но мы с вами договоримся о двух или даже трех неделях. – Тут она пожала плечами. – Или четырех.

– Спасибо.

– Кажется, с вами это случилось не в первый раз.

Как будто сама не знает, подумал Коди, стараясь сохранять невозмутимый вид. Потом понял, что дама в самом деле ждет ответа.

– Так и есть, – быстро опомнился он. – Не в первый.

– Надеюсь, для вас происшествие обошлось не слишком скверно.

Коди покачал головой. Память все еще восстанавливалась урывками – самым ярким воспоминанием оказался мужчина с хвостом и необходимость лежать недвижимо в холодной комнате, пока они выкачивали из него кровь и снова закачивали обратно. А еще ему мерещилось, что до похищения в номере отеля он был не один, хотя это казалось маловероятным. Ему, видимо, повезло, что он все еще помнил детство, учитывая, как сильно его накачали наркотиками.

«Если не сдавать их в базу данных». Вот еще одна из тех странных мыслей, постоянно вертящихся в голове последние несколько дней. Они, вероятно, что-то да значили.

– …конечно, вам будет приятно узнать, что ваши похитители остались ни с чем, – говорила женщина, – благодаря вашему уникальному… э-э-э… состоянию.

Он чуть улыбнулся:

– Я бы никогда не подумал, что стану химерой при таком

условии, как, прошу прощения, чрезмерное потоотделение. Или псориаз.

– Это делает вас исключительно подходящим для сложных шифровок. Даже если бы ваши похитители додумались для активации крови использовать ДНК, они бы все равно не знали, что у вас ДНК не только одного вида. С еще меньшей долей вероятности они бы могли сообразить ради обретения полного ключа сканировать вас под ультрафиолетом.

Его похитители; она сказала это так, словно они некоторым образом принадлежали Коди. Или же являлись его личной проблемой – его патологией.

– Однажды кому-нибудь такое придет в голову. Если, конечно, никто первым не продаст тайну, – добавил он. В голове промелькнуло и исчезло женское имя ЛаРу или ЛаДэн и отрывок старого фильма.

– Оптимистично, – засмеялась дама. – Обычно мало кто может себе позволить взять в аренду полный секвенсор, не говоря об обслуживающем аппарат персонале, который должен быть достаточно умен, чтобы понять, что у вас два вида ДНК и для расшифровки понадобятся оба. – Тут она еще раз хохотнула, на сей раз чуть искренней. – Вопреки слухам, злой гений – существо мифическое. Никто не встает на путь совершения преступлений по причине выдающегося интеллекта. Но это дело десятое. Мы по-прежнему хотим, чтобы вы работали только на нас. Мне известно, что вам уже делали такое предложение раньше – несколько раз, да? Вам как сотруднику будут платить существенно больше, также в случае кризисной ситуации полагаются премии…

– «Кризисные ситуации»? Что-то вроде надбавки за вредность?

Дама чуть запнулась, когда Коди ее прервал, и продолжила:

– Связанные с профессиональной деятельностью преимущества также весьма значимы: медицинская страховка, ежегодный отпуск и отпуск по рождению ребенка…

– Стоматолог?

На сей раз она замолчала и посмотрела на него.

– А также офтальмолог. Даже надбавка на приобретение одежды.

Коди хотел было спросить, как она использует свою надбавку, но решил не переходить на личности.

– Также мы можем крайне гибко подойти к выбору вашего прикрытия, – продолжала она. – Какая-нибудь неброская профессия вроде бухгалтера или… – Она неожиданно сбилась, и стало ясно, что такое с ней случалось не часто.

– …программиста, – предложил он и глуповато улыбнулся. –

Шучу.

– Может сработать; подойдет все то, что приятно и обычно. Свадебные альбомы и семейные, фотографии детишек, что-то подобное.

– Я в самом деле пошутил. Компьютерные программы для меня – темный лес.

– Можете даже работать неполный день…

– Нет. – Он вежливо, но твердо покачал головой. – Если я начну работать на вас, то перестану быть курьером. Я стану сотрудником правительства в высокосекретной области под военной юрисдикцией. Стоит мне потерять членство в профсоюзе, как ставки будут сделаны. У меня останетесь только вы.

– А это немало, – с упреком проговорила дама. – Вы даже представить себе не можете, как много.

«На самом деле могу, – мысленно ответил Коди ей, – но, если с меня сдерут кожу и подвесят труп на какой-нибудь парковке, мне уже будет плевать на легенду». Он снова покачал головой.

– Если вы вольетесь в наши ряды, мы расскажем вам гораздо больше о том, что вы делаете. Разве вам не интересно…

– Нет! – Вышло громче и решительней, чем хотелось, но Коди не испытывал сожаления. – Не хочу. Вы не получите меня с потрохами. Я соглашаюсь сотрудничать, ведь для того, чтобы являться шифровальным ключом, мне не нужно вступать в ваши ряды. Я обязуюсь хранить тайну, но не хочу быть тайной.

Дама покачала головой и сказала:

– Пожалуйста. Вы уже давно преступили черту.

– Не совсем так, – стоял на своем Коди. – Мое тело – да. Но не я.

Она встала и чуть потянулась.

– Поговорим еще раз позже. Это правительство так легко не сдается.

– О? – Он поднял брови. – Кстати, что за правительство?

Вопрос застиг ее врасплох, и на миг она смотрела на него, разинув рот. Потом запрокинула голову и расхохоталась.

– О, отлично! – проговорила она, когда мужчина уже открывал ей дверь. – Чудесно, просто превосходно! – И, уже шагая через порог, она чуть помедлила и спросила: – Коди – ваше настоящее имя?

– Ага. Коди – мое настоящее имя.

Что-то вновь промелькнуло у него в голове, но испарилось раньше, чем он успел сфокусироваться на этом. Он опустился на кровать и под одной из подушек нащупал пульт.

– Что ж, это было весело, – сказал он сам себе и всем тем жучкам, которые могли прослушивать происходящее. – Теперь

чем займемся?

Майкл Суэнвик
Камень Одиночества

Наряду с «Даларнской лошадкой» («The Dala Horse»), представленной в этой антологии, мы предлагаем вам еще один рассказ Майкла Суэнвика. В нем автор повествует о высокотехнологичном, но беспокойном будущем Ирландии. Это история о выборе, сделав который уже ничего не изменишь.

Я родом из Ирландии,
Святой земли Ирландии.
Звал голос нежный и шальной:
Во имя всех святых, со мной Пойдем плясать в Ирландию[111].

Неизвестный автор (ок. 1300)[112]

На колоннах Главного почтамта в Дублине все еще виднелись следы от пуль, хотя после восстания 1916 года прошло почти два столетия. Почему-то вид этих выбоин подействовал на меня гораздо сильнее, чем я ожидал. Еще больше меня взволновало, что я оказался всего в двух кварталах от того самого места, где пасхальным утром 1996 года (на восьмидесятилетие трагических событий) моя прапрабабка видела, как Джерри Адамс[113] в сопровождении единственного телохранителя и одного из местных активистов возвращался по О'Коннелл-стрит с политического съезда. Этого оказалось достаточно, чтобы у меня возникло чувство глубокой личной причастности к истории многострадальной страны.

Прапрабабку я не знал: эту семейную историю рассказал мне дед, и она осталась у меня в памяти на всю жизнь, хотя дед умер, когда я был еще ребенком. Если закрыть глаза, я и сейчас могу представить его лицо – расплывающееся, дрожащее, словно увиденное сквозь колеблющееся пламя свечи. Дед умирает, лежа под толстым ватным одеялом в своей тесной ньюйоркской квартирке. На губах его слабая улыбка, голову окружает венчик редких седых волос. Прямо одуванчик: дунь – и развеется.

– Восстание было обречено с самого начала, – рассказывала мне потом Мэри. – Посланный из Германии транспорт с оружием перехватили англичане, к тому же республиканцы оказались в меньшинстве: каждому из наших приходилось сражаться против

четырнадцати врагов. Британская артиллерия непрерывно обстреливала Дублин, круша без разбора все подряд. В охваченном огнем городе закончилось продовольствие. Уцелевших повстанцев вели в тюрьмы и на казнь под свист и улюлюканье лоялистов. Как ни суди, это оказался полный разгром, и все же наша независимость перестала быть только мечтой. Да, мы терпим поражение за поражением, но никогда с этим не миримся, и поэтому каждый новый разгром и унижение только приближают нас к победе.

Ее глаза сверкали.

Я полагаю, мне следует рассказать о глазах Мэри, чтобы вся эта история стала вам понятнее. Но прежде я должен поведать вам о святом источнике.

В Буррене есть чудотворный источник, который, согласно местным поверьям, исцеляет зубную боль. Сам Буррен – это сложенная серыми известняками возвышенность в западной части графства Клэр. Плодородного слоя здесь почти нет, а известняк сплошь иссечен расселинами и трещинами – местные называют их грайками. Грайки густо заросли растениями, которые в таком количестве больше нигде здесь не встречаются. На юге и востоке Буррена уходят под землю многочисленные глубокие пещеры, а по равнине в изобилии разбросаны дольмены и прочие древние памятники.

Святой источник тоже относится к свидетельствам истории, хотя это всего лишь небольшой (фут в поперечнике) бочажок, покрытый зеленой ряской. В сравнительно недавние времена неизвестные мастера возвели над источником часовню из длинных и тонких известняковых плит неправильной формы. Из таких же плит сложены здесь все каменные ограды, которые имеют весьма необычный вид и делают местность труднопроходимой. Кругом, впрочем, не видно ни души; можно разломать любую изгородь, разбросать плиты в разные стороны, и никто вам слова не скажет, но если вернуться сюда, скажем, через год, всё окажется заботливо восстановлено в первоначальном виде.

Люди посещают источник с незапамятных времен. Видимо, под влиянием христианства паломники с некоторых пор стали оставлять здесь образки и фигурки святых, а также флаконы из-под лекарств, гвозди, монеты и прочий мусор, но это, вероятно, явление временное. Именно церковь объявила источник святым, но основная причина, по которой люди продолжают сюда приходить, заключается в том, что его вода по-прежнему исцеляет. Другие источники давно потеряли силу. Их еще можно увидеть на старых картах, но отыскать довольно трудно:

пролегавшие к ним когда-то дороги заросли, а вокруг нет ни подношений, ни каких-либо других следов присутствия человека.

Почему так случилось? Кто знает… Быть может, много лет назад родник проклял какой-то святой, или осквернил грешник, или же он просто иссяк. Главное – волшебство перестало происходить, и верующие забросили святыню. Но родник до сих пор обладает чудотворной силой. Чтобы почувствовать ее, не обязательно пить воду – достаточно просто встать рядом с бочажком и ощутить во всем теле священный трепет.

Глаза Мэри – словно родник. Они такие же зеленые, как его вода, и так же полны опасного, чарующего волшебства.

Об этом источнике я был наслышан еще до того, как сорвал большой куш и добился разрешения покинуть планету. Перед тем как отправиться к другим мирам, я почти целый год осматривал главные достопримечательности Земли, на которую мне, скорее всего, уже не суждено вернуться. Последний месяц я провел, скитаясь по местам своих предков. В Ирландии я оказался впервые, и мне всё здесь ужасно нравилось, я даже начал воображать, как здорово пойдут дела в чужих мирах и как я когда-нибудь стану достаточно богат, чтобы вернуться сюда и жить на покое.

Я был глуп и, что еще хуже, этого не понимал.

Мы познакомились в пабе «Заскочил – опрокинул» на западе страны; этот край в проспектах Ирландского совета по туризму ласково именуют «дивной провинцией». В паб я пришел вовсе не для того, чтобы слушать музыку, – мне хотелось спрятаться от дождя и опрокинуть стаканчик подогретого виски. Я сидел у камина, наслаждаясь теплом и сладковатым запахом горящих торфяных брикетов, когда кто-то распахнул дверь в глубине зала и объявил, что начинает принимать плату за билеты. В зале поднялся галдеж, поэтому я перешел со стаканом к стойке и спросил, что тут происходит.

– Приехала Майра Рагаллах, – ответил владелец паба, произнося эту фамилию как О'Рейли[114]. – В конце гастролей она любит заскочить куда-нибудь, чтобы дать незапланированный концерт для простого народа. Хотите послушать – берите билет прямо сейчас. Желающих хватает.

Я отродясь не слыхал ни о какой Майре Рагаллах. Но в городе мне попадались афиши с ее именем, и сейчас я подумал: почему бы и нет? И, купив билет, перешел в соседний зал, чтобы послушать ее выступление.

* * *

Майра Рагаллах пела без музыкального сопровождения, помогая себе лишь игрой на воображаемой гитаре. Ее песня была… В общем, если вы ее слышали, то понимаете, о чем речь, а если нет, то мои слова вам ничем не помогут. Я был захвачен, восхищен и очарован. Когда в середине концерта она запела «Плач Дейрдре», голова у меня закружилась, а в груди защемило. Мне казалось, будто моя душа покинула тело и странствует между небом и землей по каким-то огромным пустым пространствам. Реальный мир исчез. Я и Майра стояли лицом к лицу по разные стороны усеянной костями равнины. Небо было черным, а кости – белыми, как мел. Дыхание ветра казалось ледяным. Мы пристально смотрели друг на друга. Ее взгляд пронзал меня, как копье, прожигал насквозь, и я понимал, что пропадаю. Должно быть, я в нее уже почти влюбился. И если бы сейчас она заметила меня или хотя бы заподозрила мое существование, я бы в тот же миг погиб окончательно.

Ее губы двигались. Она что-то говорила, и я каким-то образом понимал, что это безмерно важно, но ветер уносил ее слова прочь. Я слышал лишь протяжный вой, похожий на рыдание баньши – духа, оплакивающего мир, погибший от собственного безумия. Голос Майры был пронзительным, как соло на электрической гитаре. Я попытался приблизиться к ней, но обнаружил, что парализован. Я напрягал каждый мускул, стараясь сдвинуться с места, но не мог даже пошевелиться. И я по-прежнему не понимал ни слова из того, что она мне говорила.

* * *

Задыхаясь, я пришел в себя – пот тек с меня ручьями, а сердце отчаянно стучало в груди. Стоя на невысокой эстраде, Мэри – как я стал называть ее впоследствии – беседовала со слушателями в перерыве между песнями. Вдруг она задорно усмехнулась и, кивнув в мою сторону, сказала:

– А следующая песня – для американца в первом ряду.

И не успел я оправиться от неожиданности, как она стала исполнять «Возвращайтесь, дикие гуси», – песню, как я потом узнал, собственного сочинения. «Дикими гусями» прозвали ирландцев, покинувших родину, которая не могла их прокормить, и ставших наемниками в армиях католических государств Европы. С течением времени так именовали всех ирландцев, где бы они ни поселились, а также детей, внуков, прапраправнуков тех бедолаг, которые из-за жестокостей судьбы были вынуждены покинуть горячо любимую родину. Свое чувство вины они

передали потомкам. Многим и многим поколениям живущих на чужбине ирландцев это чувство знакомо слишком хорошо.

– Эта песня для американца, – сказала Мэри.

Но как она узнала?

Дело в том, что вскоре после прибытия на остров я купил полный комплект одежды местного производства, а все свои американские шмотки отправил в контейнер для нуждающихся. Кроме того, я приобрел один из тех простеньких нейрокомпьютеров в виде кулона, которые используют некоторые актеры, чтобы на время изменить акцент. Сделал я это потому, что очень быстро усвоил: стоит только местному жителю понять, что перед ним американец, как тут же следует вопрос:

– Ага, разыскиваешь, значитца, свои корни?

– Да нет, просто такую красивую страну нельзя не посетить.

На это слышится скептическое:

– Но предки-то твои были ирландцами?

– Да, но…

– Ага!.. – Собеседник поднимает кружку доброго ирландского эля, намереваясь осушить ее залпом. – Все-таки разыскиваешь свои корни. Я так и думал.

Вот уж чего я ни в коем случае не разыскивал, так это свои клятые корни. Я был американцем ирландского происхождения в восьмом поколении, и моими корнями и ветвями являлись старики, добивающие себя в мрачных пивных Бостона, да престарелые леди из «Норейда»[115], которые, напялив короткие черные юбки, вышагивают по улицам в День святого Патрика, вбивая в асфальт каблуки туфель (прохождение их колонн напоминало бы марши фашистских штурмовиков-чернорубашечников, если бы не витающая над всем атмосфера китча и слащавой сентиментальности). Мои корни и ветви – это продажные копы и юные головорезы, предпочитающие подвальную «качалку» школе, а во всех бедах винящие черных и программу компенсационной дискриминации, предоставляющей только низкооплачиваемую работу на стройке, которую они тут же бросают, предпочитая бездельничать на пособие. Я приехал на остров, чтобы избавиться от всего этого и еще от доброй тысячи гадостей, о которых натуральные ирландцы не имеют ни малейшего понятия.

Окарикатуренные лепреконы, сентиментальные песни и слащавые пословицы на дешевых кухонных полотенцах – все это каким-то образом подводило к ощущению, что игра заранее проиграна, что все усилия тщетны, поэтому, чем бы ты ни занимался, из трясины все равно не вырваться. А виной всему та штука, что лукавым бесом затаилась в темном уголке души, – та

самая ирландская угрюмость, которая досталась в наследство от далеких предков.

Но как же она все-таки догадалась, что я американец?

Видимо, только желанием узнать ответ на этот вопрос можно оправдать мое решение с ней познакомиться. Впрочем, это объяснение ничем не хуже любого другого. После концерта я задержался в зале, ожидая, пока Мэри выйдет из закутка, который ей отвели под гримерную, чтобы задать свой вопрос.

Когда Мэри наконец появилась и увидела меня, ее губы скривились, словно она хотела воскликнуть: «Ага, попался!» Не дожидаясь моего вопроса, она заговорила первой:

– Я только взглянула на тебя и сразу поняла: вот парень, который прошел внутриутробную генетическую коррекцию. Эта технология была первым, чем пришельцы поделились с американцами в качестве платы за поддержку в войне. А как иначе объяснить, что мужчина твоего возраста выглядит как писаный красавец?

После этих слов она взяла меня за руку и повела к себе.

* * *

Сколько мы были вместе? Три недели? Вечность?

Впрочем, времени хватило, чтобы мы с Мэри побывали во всех уголках этого зеленого, часто посещаемого привидениями острова. Она знала его историю как свои пять пальцев – она рассказывала и показывала, а я ни о чем не догадывался.

В один из дней мы осматривали Порткун – огромную морскую пещеру с высокими и гулкими готическими сводами, в которой давным-давно обитал отшельник, давший обет до конца своих дней неустанно молиться, соблюдать строжайший пост и не принимать пищу из человеческих рук. Поначалу во время прилива сюда добирались женщины, предлагая помощь и еду, но он все отвергал. «Во всяком случае, так гласит легенда», – улыбнулась Мэри. Когда отшельник уже умирал от истощения, тюлень принес ему в зубах рыбу. Поскольку тюлень не был человеком и не имел рук, отшельник принял эту пищу. С тех пор тюлень стал приплывать каждый день, и отшельник прожил много лет.

– Ну а что из этого правда, – закончила Мэри, – пусть каждый решает сам.

Минут десять мы шли вдоль берега к мостовой Великанов. Там мы встретили бледно-голубую четырехрукую инопланетянку в холщовом халате и широкополой соломенной шляпе. Она

писала акварелью с натуры могучие базальтовые столбы, гигантской лестницей спускавшиеся к морю. В одной правой и одной левой руке инопланетянка держала по кисти и увлеченно мазюкала одновременно обеими.

– Бог в помощь, – весело сказала Мэри.

– О, привет! – Отложив кисти, инопланетянка повернулась к нам. Она не представилась: в ее касте (я умел их различать) было запрещено произносить свое имя вслух. – Вы местные?

Я было покачал головой, но Мэри с вызовом ответила:

– А кто ж еще? Конечно.

Мне показалось, что ее провинциальный акцент стал нарочито подчеркнутым.

– Наслаждаетесь, значитца, нашим островом?

– О да. Это такая чудесная страна. Я нигде не видела столько зелени! – Инопланетянка широко развела в стороны все четыре руки. – Столько оттенков зеленого, да таких насыщенных, что даже глазам больно.

– Ирландия – чудесная страна, – согласилась Мэри. – Но с тем же успехом она может быть и враждебной. Вы уже посетили все наши достопримечательности?

– Я побывала везде: и в Таре, и на утесах Мохер, и в Ньюгрейндже, и на Кольце Керри – и даже поцеловала Камень Красноречия. – На последних словах инопланетянка понизила голос и изобразила замысловатый жест, который я счел эквивалентом хихиканья. – Признаюсь, я надеялась встретить здесь маленький народец, но, может, и хорошо, что не встретила. Они могли унести меня под свой волшебный холм, а потом, после ночи музыки и танцев, я бы обнаружила, что прошло не одно столетие и все, кого я знала, давно умерли.

Я напрягся, зная, что подобные шутки Мэри считала оскорбительными. Но она лишь улыбнулась:

– Вас должны бы волновать не гномы, а боевики.

– Боевики?!

– Угу. Как вам наверняка известно, Ирландия – крупный очаг национального сопротивления. В дневное время здесь вполне безопасно, но с наступлением темноты власть переходит… – Она приложила палец к губам в знак того, что не смеет произнести вслух название организации. – Обычно боевики стремятся захватить какую-нибудь одинокую инопланетянку и казнить ее в назидание остальным пришельцам. Хозяин гостиницы никуда не денется – он сам отдаст им ключи от ее номера. У боевиков есть веревки, пистолеты и большие ножи. Своих жертв они обычно отвозят на ближайшие болота, а что происходит там… Короче, парни они жестокие и не ограничены никакими условностями. В

любом случае все заканчивается до рассвета, и свидетелей никаких. Все шито-крыто.

Инопланетянка всплеснула руками.

– В турбюро мне ничего такого не говорили!

– А им это надо?

– О чем вы?

Мэри ничего не ответила. Она просто стояла, презрительно глядя на инопланетянку, и ждала, пока до той дойдет.

Спустя некоторое время инопланетянка вздрогнула и крепко обхватила себя всеми четырьмя руками, словно защищаясь от неведомой опасности. После этого Мэри наконец разлепила губы:

– Бывает, боевики ограничиваются предупреждением. Например, кто-нибудь из местных, дружески расположенный к пришельцам, может подойти к вам и намекнуть, что здешний климат не так полезен, как вы считали, и вам лучше уехать отсюда еще до наступления сумерек.

– Именно это сейчас и происходит? – осторожно поинтересовалась инопланетянка.

– Ни в коем случае. – Лицо Мэри оставалось непроницаемым. – Просто я слышала, что Австралия в это время года чудо как хороша.

Она резко повернулась на каблуках и зашагала прочь, да так быстро, что мне пришлось догонять ее чуть не бегом. Когда мы отошли достаточно далеко, я схватил Мэри за руку:

– За каким дьяволом ты это сделала?

– За таким, что тебя не касается.

– Представим на секундочку, что касается. Так зачем же?

– Чтобы посеять страх среди пришельцев, – сказала она с тихим бешенством. – Напомнить им, что Земля для нас священна и таковой останется навсегда. Пусть они нас победили, но это только временно. Планета им не принадлежит и никогда не будет принадлежать.

Она вдруг расхохоталась без всякой видимой причины.

– Видел синюшную морду этой костлявой твари? Она стала насыщеннозеленой, аж глазам больно!

* * *

– Кто ты, Мэри О’Рейли? – спрашивал я ее той ночью, когда, нагие и мокрые, мы в изнеможении лежали на скомканной постели. Я думал об этом весь день и пришел к выводу, что она почти ничего мне о себе не рассказывала. Ее тело я знал намного лучше, чем душу. – Что тебе нравится, Мэри, а чего ты терпеть не

можешь? На что уповаешь и чего страшишься? Как ты стала композитором, кем мечтала быть, когда вырастешь?

Я пытался прояснить для себя хотя бы это, но подразумевал и все остальное.

– Музыка звучала во мне всегда, и я благодарю за это Господа. Она стала моим спасением.

– В каком смысле?

– Мои родители погибли в самом конце войны. Я была еще совсем несмышленой, и меня определили в сиротский приют. Эти приюты пооткрывали на средства американцев и пришельцев – по программе замирения покоренных народов. Из нас растили космополитов Вселенной. Ни одно ирландское слово не касалось нашего слуха, до нас не доходило ни намека на нашу историю и культуру – все только римское право да Ценности Единения с системой Альдебарана. Спасибо Господу за музыку! Они так и не смогли скрыть ее от нас, хотя и внушали, будто это всего лишь безобидное развлечение, ничего не значащее трень-брень-бум, под которое иногда полезно подрыгаться в качестве разрядки. Но мы догадывались, что в музыке заложены идеи, подрывающие устои. Мы сознавали, что музыка доносит правду и благодаря ей наши души стали свободными уже очень давно.

Она все время говорила «мы», «нас», «наши».

– Это не ответ на мой вопрос, Мэри, – сказал я. – То, что ты говоришь, просто политическая прокламация. А я хочу понять, какая ты на самом деле. Я имею в виду – как человек.

Ее лицо окаменело.

– Я ирландка. Музыкант и патриот. А еще я одноразовая подстилка американского плейбоя.

Я продолжал улыбаться, хотя чувство было такое, будто мне влепили пощечину.

– Это несправедливо.

Что за дьявольское наваждение – обнаженная женщина, прожигающая тебя яростным взглядом!

– Да? А разве не ты через два дня покидаешь родную планету навсегда? Или ты намерен взять меня с собой? Ну-ка, расскажи, как ты себе все это представляешь?

Я потянулся к стоящей на столике бутылке виски. Мы выпили почти все, но на донышке еще чуть-чуть оставалось.

– Не только по моей вине мы не стали духовно близкими людьми, – сказал я. – Ты с самого начала поняла, что я от тебя без ума, а сама даже ни разу… А-а, пошло оно все куда подальше! – Я осушил бутылку. – Что, черт возьми, тебе от меня надо? Ну-ка, давай! Только ты ведь наверняка ничего не скажешь.

Мэри в бешенстве схватила меня за руки, и я выронил

бутылку. Освободившись от захвата, я сжал ее запястья, но она успела до крови расцарапать мне плечо. Когда же я попытался ее оттолкнуть, Мэри повалила меня на спину и уселась сверху.

Само собой, после этого нам оставалось только забыть о ссоре.

В ту ночь я так и не смог заснуть. Чего не скажешь о Мэри. Она сообщила, что будет спать, – и тут же уснула, а я сидел еще не один час, разглядывая в лунном свете ее лицо.

Какие у нее резкие черты и какие сильные чувства скрываются за ними, думал я. Лицо Мэри было энергичным, властным и непреклонным. Ни малейшей черточки, которая говорила бы о готовности к компромиссу, я так и не заметил. Определенно, я влюбился не в ту женщину. А ведь послезавтра я действительно улечу отсюда навсегда. Всю свою сознательную жизнь я стремился именно к этому, и никакого запасного плана у меня не было.

За то короткое время, что прошло после моего отлета с Земли, я так и не успел разобраться в своих чувствах к Мэри, не говоря уже о том, чтобы понять, как она ко мне относилась. Я любил ее, но мне не нравились ее хулиганские замашки, задиристая манера речи, самонадеянная уверенность в том, будто я сделаю все, что она захочет. Я страстно желал ее, и в то же время сильнее всего мне хотелось бы больше никогда ее не видеть. У меня были средства, и вся Вселенная открывалась передо мной. Мое будущее предопределено.

Но, Бог свидетель, попроси она меня остаться – и я не задумываясь послал бы все чудеса Вселенной подальше.

Ради нее.

* * *

На следующее утро мы совершили гиперпереход в Голуэй и осмотрели его остеклованные развалины.

– Наиболее упорным сопротивление было на западе Ирландии, – рассказывала Мэри. – Одна за другой все страны Земли просили мира, о примирении заговорили даже в Дублине, и только мы продолжали сражаться. Тогда пришельцы вывели на геостационарную орбиту боевой корабль и применили против нас свое странное оружие. Этот прекрасный город-порт превратился в стекло. Прибой выбрасывал суда на берег, где они разбивались вдребезги. Кафедральный собор рухнул под собственной тяжестью. С тех пор здесь никто не живет.

Дождь на время прекратился. Между порывами шквалистого

ветра, который в этой части страны волнами накатывается с Атлантики, наступило короткое затишье, и в тысячах стеклянных граней ослепительно засверкало солнце. Наступившая тишина давила, как тяжелая рука, внезапно опустившаяся на плечо.

– По крайней мере, здесь пришельцы никого не убили, – неуверенно возразил я.

Я принадлежал к поколению, считавшему, что завоевание Земли пришельцами в конечном счете обернулось для нас благом. Мы стали здоровее, богаче и счастливее, чем наши родители. Нам больше не нужно опасаться экологической деградации планеты и истощения природных ресурсов. Что и говорить, в результате их вмешательства мы стали намного совершеннее…

– Странное милосердие – избавить жителей Голуэя от мгновенной смерти, но заставить их перебраться в сельскую местность. Без каких-либо средств к существованию, только в той одежде, которая была на них в момент нападения. Как, скажи на милость, могли бы выжить все эти врачи, юристы, клерки?.. Кто-то, несомненно, занялся разбоем и насилием, но остальные брели из последних сил до тех пор, пока не падали замертво прямо на шоссе. Я могла бы дать тебе посмотреть тысячи и тысячи часов видеозаписей, относящихся к Великому Голоду, но боюсь, ты просто не выдержишь. Еды не было – ее нельзя было купить ни за какие деньги, зато благодаря пришельцам, разрушившим земную экономику с помощью своих нанобезделушек, у всех людей имелись подключенные к зрительным нервам видеофиксаторы… Очень полезное устройство – особенно если захочешь запечатлеть, как умирают от голода твои дети.

Мэри была не права: экономический коллапс устроили не пришельцы. Я доподлинно знал это, поскольку в университете изучал экономику. Равно как и историю, и потому знал, что война была навязана пришельцам. И все равно я не находил подходящих слов, что могли бы как-то подействовать на Мэри. В моей душе просто не было того огня, который жарко пылал в ее сердце.

– Но ведь жизнь изменилась в лучшую сторону, – слабо возразил я. – Взять хотя бы то, что пришельцы сделали для…

– Это просто щедрость завоевателей, которые швыряют в пыль медяки и смеются, глядя, как холопы дерутся друг с другом из-за каждого гроша. Они улыбаются, пока мы стоим перед ними на коленях, но достаточно кому-то из нас выпрямиться во весь рост и послать их к черту… Вот увидишь, как быстро все изменится.

* * *

Мы остановились на ланч в пабе, а после взяли хоппер до озера Лох-Гартан. Оттуда на велосипедах отправились дальше вглубь страны – в сельскую местность, которая никогда не была особенно густо населена.

Теперь же нам попадались одни только развалины домов, покинутых четверть века назад. Дороги плохо замощены, большинство и вовсе оставалось ухабистыми проселками, но вокруг было так красиво, что хотелось плакать. Погода стояла замечательная: светило солнце, в голубом небе курчавились редкие облака. Тяжело нажимая на педали, мы поднялись на вершину холма к древней каменной церкви, крыша которой провалилась столетия назад. Вокруг теснились заброшенные, заросшие полевыми цветами могилы.

У входа на кладбище лежал Камень Одиночества.

Огромный продолговатый Камень был упавшим менгиром – одним из тех столбообразных мегалитов, которые встречаются на всей территории Британских островов. Неведомые племена воздвигли их еще в эпоху неолита, причем назначение большинства сооружений до сих пор остается неизвестным. В одних районах массивные каменные столбы стоят группами, образуя круговые ограды – кромлехи, в других встречаются только одиночные менгиры. На одном конце Камня Одиночества, когда-то верхнем, еще виднелся полустершийся спиралевидный рисунок. Камень был настолько большим, что на нем мог в полный рост поместиться взрослый мужчина.

– Что нужно делать? – спросил я.

– Ложись, – велела Мэри.

Я подчинился.

Вытянувшись на Камне Одиночества, я закрыл глаза. Пригревало солнце, среди цветов лениво жужжали пчелы. Мэри немного отступила от камня и запела:

Пали в сраженье три льва,
Я осталась одна, одна…

Это был «Плач Дейрдре» – песня, которую я впервые услышал на концерте в пабе «Заскочил – опрокинул». По древней ирландской легенде, Дейрдре с детства была предназначена в жены королю Ульстера Конхобару. Но, как это часто бывает, девушка полюбила молодого героя Найси, сына Уснеха, и стала его женой. Спасаясь от гнева короля, Найси с Дейрдре и два его брата Ардан и Андле были вынуждены бежать в Шотландию, где некоторое время жили мирно и спокойно. Но мстительный старый король обманом заманил их назад в Ирландию, пообещав

полное прощение всем четверым. Когда беглецы вернулись в Ульстер, вероломный Конхобар приказал убить трех сыновей Уснеха и овладел Дейрдре.

Поглотила трех соколов тьма,
И теперь я одна, одна…

Дейрдре-мученица, как ее часто называют, стала символом Ирландии – прекрасной, страдающей от несправедливостей страны, знававшей и счастливые дни, которые, похоже, уже никогда не вернутся. О реальной, живой Дейрдре, прототипе такого количества легенд, что, будь каждая из них камнем, ее погребальная пирамида поднялась бы до самых облаков, мало что известно. Согласно легендам, Дейрдре-мученица покончила с собой, но ее история получила неожиданное продолжение. Коварство Конхобара привело к кровопролитной войне, а допущенные в ее ходе жестокости, в свою очередь, вызвали новые войны. И так по сей день.

Впрочем, вся эта череда несправедливостей и взаимных обид выглядит подозрительно стройной.

Разбудили брани грозы Глад, изгнание и слезы.

Ей-богу, создатель «Плача Дейрдре» был бардом из бардов.

Впрочем, все это я вспомнил потом. Тогда я даже не думал о легенде. Стоило мне лечь на холодный камень, и я почувствовал, как все невзгоды Ирландии наполняют каждую клеточку моего тела. Камень Одиночества очаровывал, словно источник в Буррене. Говорили, что он способен излечивать от ностальгии, поэтому во времена голода и невзгод эмигранты, навсегда покидавшие Ирландию, проводили на нем последнюю ночь на родной земле. Мне же, распростертому на упавшем менгире, казалось, что все страдания, от которых эти люди когда-то избавились, перетекли в мое тело. Каждую их горькую утрату я ощущал как свою. Не в силах справиться с чувствами, я начал всхлипывать и в конце концов разрыдался. Я уже почти не понимал, о чем пела Мэри, хотя ее голос звучал по-прежнему громко. Разобрал я только последние слова:

Разройте его могилу Глубоко, до самого дна,
Положите меня с моим милым –
Я здесь не останусь одна…

На этом песня закончилась. Осталась лишь звенящая тишина, гулко отдававшаяся во мне с каждым ударом сердца.

А потом Мэри сказала:

– Теперь, я думаю, ты готов кое с кем встретиться.

* * *

Мэри привела меня к какому-то неопределенного вида зданию из шлакоблоков. Она вошла первой. Кое-как преодолев страх, я последовал за ней. Внутри было так темно, что я споткнулся о порог, но потом мои глаза привыкли к недостатку освещения, и я понял, что нахожусь в баре. Не в уютном и приятном пабе, куда приходят пообщаться семьями, где взрослые чинно сидят за кружкой пива, а дети тянут безалкогольные напитки, а именно в баре – заведении, куда мужчины отправляются, чтобы надраться. В воздухе пахло паленым ирландским виски и прокисшим пивом. Сорванную с петель дверь сортира никто не потрудился повесить на место. По-видимому, Мэри была первой женщиной, появившейся в этом странном и зловещем месте за долгое-долгое время.

В полутьме за столиками сидели спиной к двери три-четыре посетителя, а за стойкой стоял тощий мужчина с лицом нездорового цвета.

– Слушаю вас, – произнес он без особого энтузиазма.

– Не обращай на Лаэма внимания, – сказала мне Мэри и снова повернулась к нему: – Что-нибудь приличное выпить найдется?

– Нет.

– Впрочем, мы пришли не за этим. – Мэри кивком показала на меня. – Со мной доброволец.

– Что-то не очень похож.

– Доброволец? – резко спросил я. До меня вдруг дошло, что Лаэм держит руки под стойкой. Настоящий крутой парень спрятал бы там оружие – дубинку или ствол.

– Не смотри, что он американец. Кстати, во многом поэтому он нам и нужен.

– Так ты, значит, патриот?.. – По тону Лаэма было понятно: он меня сразу раскусил.

– Я не понимаю, о чем вы говорите…

Лаэм бросил быстрый взгляд в сторону Мэри и презрительно скривился.

– А-а, ему просто захотелось…

Он употребил ирландское словцо, которое могло означать и

«приключения», и «перепихон». Оскорбление было явным, и я сжал кулаки, но Лаэма это, похоже, ничуть не испугало.

– Заткнись! – оборвала его Мэри и повернулась ко мне: – Ты тоже возьми себя в руки. Дело нешуточное… Лаэм, я ручаюсь за этого человека. Отдай ему коробку.

Лаэм наконец вытащил руки из-под стойки. В руках он держал какой-то предмет размером с бисквитную жестянку, завернутый в чистую бумагу и перевязанный шпагатом. Бармен подтолкнул сверток ко мне.

– Что это?

– Одно устройство, – насмешливо ответил Лаэм. – При правильной установке оно способно взорвать весь административный комплекс космопорта Шеннон, не причинив вреда гражданскому населению.

Я похолодел.

– Значит, от меня требуется тайно заложить эту штуку в терминале космопорта, так? – спросил я, впервые за весь месяц отчетливо ощущая, как неестественно и фальшиво звучит мой ирландский акцент.

Выхватив кулон-нейрокомпьютер из-под рубашки, я швырнул его на пол и раздавил каблуком. Вот так!.. Хватит притворяться – пора становиться собой.

– Вы что, хотите, чтобы я проник в здание и подорвал себя к чертовой матери?

– Боже упаси, – спокойно возразила Мэри. – Для этого у нас есть агент. Но он…

– Или она, – поправил Лаэм.

– …Он или она не могут доставить эту штуку внутрь. Наемным служащим из числа людей запрещено приносить с собой на работу любые предметы крупнее карандаша… Это, кстати, весьма красноречиво свидетельствует о том, сколь невысокого мнения пришельцы о наших умственных способностях… В общем, наш агент не может, а ты можешь. От тебя требуется всего лишь спрятать устройство в своей ручной клади. Оно сделано так, что их аппаратура определит его просто как коробку сигар. Как только ты окажешься внутри, к тебе подойдет человек и спросит, не забыл ли ты передачку для бабули. Тогда отдашь ему сверток.

– И всего-то, – вставил Лаэм.

– Когда все произойдет, ты уже будешь на полпути к Юпитеру, – добавила Мэри.

Оба. не мигая, смотрели на меня.

– И не мечтайте! Я не стану убивать невинных людей.

– Не людей. Инопланетян.

– Они тоже ни в чем не виноваты.

– Они оккупанты, которые захватили нашу планету. И ты говоришь, что они ни в чем не виноваты?!

– Вы нация долбаных оборотней! – заорал я, рассчитывая этим положить конец разговору, но Мэри моя вспышка ничуть не задела.

– Да, мы такие, согласилась она. – День за днем мы притворяемся белыми и пушистыми, но по ночам хищник, таящийся в нас, отправляется на охоту. В общем, мы вовсе не барашки, которые только жалобно блеют под ножом мясника. Ну а ты, мой милый? Кто ты – ягненок или волк?

– Он не годится для дела, – подал голос Лаэм. – В коленках слабоват.

– Хватит. Ты понятия не имеешь, о чем говоришь. – Мэри уставилась на меня своими изумрудными, как трава Ирландии, глазами, и под этим завораживающим взглядом я действительно почувствовал себя беспомощным ягненком. – Это не слабость заставляет тебя проявлять нерешительность, – говорила она, – а глупая обманутая совесть. Я размышляла над этим намного дольше тебя, сокровище мое. Я думала над этим чуть ли не всю свою жизнь. То, о чем я тебя прошу, – дело святое и благородное.

– Я…

– По ночам, когда мы с тобой были вместе, ты клялся совершить для меня невозможное. Нет, не словами, но жестами, взглядом, всей своей любящей душой. Я как наяву слышала все слова, которые ты не решался произнести вслух. Сейчас я прошу тебя исполнить невысказанные клятвы и совершить один-единственный мужской поступок. Если не ради своей планеты, то ради меня…

Я вдруг понял, что за все время, пока продолжался этот разговор, мужчины за столиками не издали ни звука. Никто из них даже не взглянул в нашу сторону. Они просто сидели – не пили, не курили, не разговаривали, только слушали. Они были молчаливы, серьезны и насторожены. Внезапно мне стало ясно, что, если я отвергну предложение Мэри, мне не выбраться отсюда живым.

Значит, выбора у меня нет.

– Я все сделаю, – сказал я наконец. – И… и будь ты проклята за то, что требуешь этого от меня.

Мэри хотела меня обнять, но я грубо ее оттолкнул.

– Нет! Я сделаю это, и мы квиты. Знать тебя больше не желаю.

На протяжении одной бесконечно долгой минуты Мэри хладнокровно меня изучала. Я лгал, когда говорил, что больше не хочу ее видеть, потому что еще никогда не желал ее так сильно,

как в эти мгновения. А она понимала, что я лгу. Если бы она позволила себе что-то сказать, я бы, наверное, ее ударил, но Мэри сдержалась.

– Вот и прекрасно, – заключила она.

С этими словами Мэри повернулась и быстро вышла, и я понял, что больше никогда ее не увижу. Лаэм проводил меня к выходу.

– Поаккуратнее со свертком, – предупредил он, вручая мне зонт. – На улице дождь. Смотри, чтобы устройство не намокло, иначе не сработает.

* * *

В терминале космопорта Шеннон меня встретили люди из Службы планетарной безопасности. Двое крепких парней встали по бокам, а пришелец, их командир, сказал:

– Не соблаговолите ли пройти с нами, сэр?

Прозвучало это не как вопрос.

«Мэри, Мэри, – с грустью подумал я. – Похоже, в вашей организации завелся еще один предатель».

– Я могу взять с собой багаж?

– О ваших вещах позаботятся, сэр.

Меня отвели в комнату для допросов.

Через пять часов я поднялся на борт лихтера. Задерживать меня дольше они не могли, поскольку ничего незаконного в моих вещах не оказалось.

Еще в гостинице я достал устройство, которое дал мне Лаэм, и на всю ночь замочил в рукомойнике, а рано утром, до отъезда в космопорт, потихоньку выбросил сверток в люк водостока.

* * *

Лихтер доставил меня на орбиту, где дожидался звездолет. Он был огромным – больше самого гигантского небоскреба; ничего подобного вы еще не видели и наверняка не увидите – к нашей планете звездолет вернется только через несколько сотен лет. Шагая по пассажирской палубе к своей каюте, я пребывал в состоянии легкой эйфории от сознания того, что обратного пути нет. Скоро Земля станет легендой, которую я поведаю своим детям, а до их внуков дойдут лишь обрывки искаженных фактов да ворох сентиментальных небылиц.

Родная планета за кормой все уменьшалась и наконец

исчезла совсем. Я глядел на огромные экраны из черного стекла, до рези в глазах всматривался в переполненную звездами и галактиками Вселенную, не имея ни малейшего представления о том, где сейчас нахожусь и куда направляюсь. Мы все как корабли, думал я. Корабли, потерявшие в тумане порт и оставившие на берегу экипаж.

Когда-то я любил повторять, что только Ирландия и семья могут вызвать у меня слезы. Я плакал, когда умерла мама и когда после этого у отца случился сердечный приступ. Моя малышка-сестра скончалась через считаные часы после своего рождения, убившего маму, и я оплакивал обеих. Когда моего брата Билла сбил пьяный водитель, я рыдал в голос – ведь у меня больше не было семьи. Оставалась только Ирландия…

Но с меня хватит.

Юн Ха Ли
Призрачный спутник

Писатель Юн Ха Ли живет со своей семьей в Южной Калифорнии. Его фантастические рассказы публиковались в журналах «Lightspeed», «Clarkesworld», «The Magazine of Fantasy & Science Fiction», «Federation», «Beneath Ceaseless Skies» и других. У Юн Ха Ли есть веб-сайт (http://pegasus.cityofveils.com).

В захватывающей космической опере, изобилующей экзотическими деталями, мы встречаем молодую женщину, которая предпринимает отчаянную попытку отомстить заклятым врагам; ей помогает безжалостный, кровожадный «призрак».

Неправда, что мертвых нельзя сложить, как бумагу. Квадрат превращается в коршуна, а коршун – в лебедя; история превращается в слухи, а слухи – в песни. Даже сам процесс воспоминания искажает истину.

Но в пособиях по складыванию фигурок из бумаги не говорится о том, что всякий раз, когда ты складываешь лист, это влияет на основы твоей морали, на аксиомы, которыми ты мыслишь.

Может быть, это самое важное, о чем забыли там упомянуть, а может, и нет – каждый волен считать по-своему.

– У тебя есть время еще для одной партии, – обратился призрак к Лиссе. Он был соткан из тусклых оттенков, из смазанных обрывков тумана, и голос его напоминал о неопределенности, дыме и внезапной смерти. Вполне возможно, что это был последний призрак на всем Рейоне – разоренной завоеванной планете с покинутыми городами, где не осталось ни одной тени, планете с мертвыми лунами и угасающим солнцем. Иногда Лиссе думала: может быть, у призрака тоже имеется шрам, такой же, как у нее самой, – длинная мертвенно-бледная линия, что тянется от локтя к кисти. Но она чувствовала, что спрашивать было бы невежливо.

Они находились в командном центре боевого космического корабля, рассчитанном на пятьдесят человек и имевшем форму веретена. Сам корабль походил на воздушный змей – их так и называли, змеями. Стены помещения были завешены выцветшими черными и зелеными лохмотьями, и тряпье прямо на глазах соединялось, обновлялось и сплеталось в гобелены. Эти гобелены служили дисплеями. Спутанные заросли тростника на одном из

них превратились в воронов. Один сидел на ветке дерева, расщепленного ударом молнии. Постепенно из путаницы нитей вырисовывались очертания второго ворона – он выглядывал из глазницы черепа.

Не обязательно было глубоко разбираться в символике наемников Империи, чтобы понять предупреждение. Ее народ когда-то позаимствовал у них поговорку: *«У воронов своя арифметика: смертей много не бывает».*

Лиссе ожидала преследования. Она дезертировала с Базы 87 вскоре после того, как узнала, что разведчики обнаружили боевой наемничий змей среди руин священного лабиринта. Хозяева корабля скрылись в неизвестном направлении шесть лет назад. Совпадение должно было вызвать подозрения у командования базы, но лучшей возможности отомстить могло не представиться. Призрак пытался ее отговорить, но не слишком настойчиво. Он всегда знал, к чему она стремится в этой жизни.

В течение ста лет, несмотря на то что часто они оказывались в почти безнадежном меньшинстве, наемники на боевых змеях превращали в пепел города, уничтожали повстанческие звездолеты, разрушали станции, расположенные в бездонных глубинах космоса. Можно ли было найти оружие лучше, чем один из их собственных кораблей?

Но сейчас Лиссе не давало покоя то, как легко ей удалось пробраться внутрь. Странный, усеянный шипами силуэт змея вырисовывался на фоне лавандового неба и был виден издалека; он походил на чудовищно разросшийся куст шиповника. При помощи призрака, взявшего на себя роль разведчика, она пробралась мимо немногочисленных механических часовых. Змей отбрасывал тень, напоминавшую человека. Лиссе не знала, что об этом думать.

Корабль открылся перед ней, словно распускающийся цветок. Игра в карты была идеей призрака; так он хотел показать змею, что Лиссе на его стороне, – ведь игру в скорч изобрели наемники.

Лиссе наклонилась вперед, к черно-зеленому коврику для игры, и собралась придвинуть к себе ближайшую стопку карт. Колонну Свечи. Призрак успел раньше, задев ее пальцы своей рукой – на ощупь что-то вроде гнилых осенних листьев: разложение и распад. Молодая женщина невольно вздрогнула от этого прикосновения, от присутствия призрака, который сопровождал ее всю жизнь. Рука дернулась в сторону, пальцы свело судорогой.

– Взгляни, – сказал он.

Даже там, в бараках, немногие курсанты соглашались играть в скорч с Лиссе. Призрак оставлял на картах отпечатки. Людям

снова и снова выпадали неудачные комбинации, Карты Павшего Генерала, удваивались отрицательные очки, доставался Цветок Короны (при вероятности в одну тысячную)… Поэтому Лиссе научилась играть в одиночку, а роль ее противников исполняли джеренгджены. «Ты должна изучить оружие своего врага», – говорил ей призрак, так что, еще будучи ребенком, в школе перевоспитания, она прятала кусочки бумаги, чтобы практиковаться в складывании подъемных кранов, лилий и лодочек в форме листьев.

Сейчас рядом с Колонной Свечи стояли сложенные ею фигурки: буревестник, лягушка, фонарь и селезень. Когда призрак помешал ей убрать карты, они рассыпались, оказавшись между Колонной Путника и Колонной Зеркала, и образовали асимметричный расклад, обычно выпадавший в конце игры: малый вариант Стратегии Иглы, в котором не хватало лишь центральной карты.

– Можешь считать это предзнаменованием, – произнес призрак. – Как говорится, убить способна даже щепка.

Теперь на гобеленах было уже шесть воронов. Последний расправил крылья, словно собирался заслонить тусклое солнце. Интересно, что говорит о наемниках эта манера оформлять предупреждения в виде картин, а не барабанной дроби или звона гонгов?

Лиссе поднялась с дивана.

– Значит, они идут за нами. Где?

Она говорила на административном языке Империи, а не на каком-нибудь из родных языков наемников. Тем не менее ворон с одного гобелена перелетел на другой, к своим сородичам. Опустевшее полотно стало серым, затем на нем появилась новая сцена: группа из шести танков, раскрашенных в имперские цвета, синий и бронзовый, в сопровождении двух бронетранспортеров из металла с потухших звезд. Они ехали вверх по склону, и мелкие камешки ссыпались за ними потоком.

Призрак рассказывал, что в старые времена никто не мог пройти через священный лабиринт по прямой. Но древние стены, извилистые, пересекающиеся, давно обрушились. Призрак много раз бесплотными пальцами рисовал на ее ладони план лабиринта. Она научилась не вздрагивать от его прикосновения, запомнила карту и могла в любой момент воспроизвести ее по памяти: еще одна из вещей, которые нельзя забывать.

– Я бы не хотела вступать в бой, – сказала Лиссе.

Она смотрела на контрольную панель командного центра. Конфигурация была стандартная, типичная для кораблей Империи – ей даже не пришло в голову удивиться, почему змей

преобразовал панель именно таким образом, – но никаких устройств управления вооружением видно не было.

– Люди не приезжают на танках, когда собираются вести переговоры, – сухо заметил призрак. – Кроме того, летательным аппаратам приказано перехватить тебя. У тебя есть нечто, что им очень нужно.

– Тогда почему они не охраняли его как следует? – спросила она.

Несмотря на приближение танков, призрак замолчал. Через некоторое время он предположил:

– Возможно, они думали, что змеем может управлять только наемник.

– Возможно, они правы, – мрачно ответила Лиссе.

Она села в кресло пилота, пристегнулась, прижала три пальца к панели управления и ввела несколько команд, которым ее учили. Корабль содрогнулся, словно под порывом адского ветра из расщелин в небосводе. Но не раскрылся, чтобы взлететь.

Она снова попыталась ввести нужные команды, заставив себя не торопиться. Стены завибрировали, и по кораблю разнесся какой-то потусторонний вой. Но змей упрямо не двигался с места.

Танки миновали поворот дороги. Все вороны собрались на одном гобелене. расселись на полуоблетевшем дереве, подобно отвратительным черным бриллиантам. На остальных полотнах танковый взвод представал под различными углами: два вида с воздуха и четыре – с земли.

Лиссе рассмотрела один вид сверху и вдруг заметила две бегущие фигурки: угловатые конечности, сверкающие глаза, черные металлические «хвосты» для баланса. Она напряглась. Тени объектов имели форму охотничьих псов – изящные очертания совершенных хищников. Два джеренгджена, настоящих, не то что безжизненные фигурки, которые она складывала из бумаги. Должно быть, змей выпустил их, когда засек приближение танков.

Лиссе обливалась потом, несмотря на холод в кабине; она методично перебрала все известные ей команды. Змей упорно бездействовал. Зеленые нити гобеленов поблекли, и вскоре вороны и дерево превратились в отдельные черные пятна на фоне светло-серой заснеженной равнины.

Это было послание. А может, требование. Но она его не поняла.

Первая пара танков, медленно переваливаясь через камни, возникла в поле зрения. На стволах пушек с двух сторон были выгравированы розы, синие с бронзовыми сердцевинами. Розы на первом танке на мгновение вспыхнули.

Змей что-то прошептал на неизвестном Лиссе языке. Затем с самого большого гобелена исчезли деревья, кружащиеся в воздухе листья и камешки и появилась эмблема командира отряда – бледно-голубая роза, пронзенная тремя когтями. Из динамиков донесся мужской голос:

– Курсант Фай Гуэн. – Под этим именем она числилась в списках; они не знали, что свое настоящее имя она хранит в сердце, живое, словно тлеющий уголек. – Вы нарушили имперский запрет. Немедленно покиньте корабль и сдайтесь.

Он не обещал пощадить ее. Империя не знала пощады.

Лиссе подавила желание ударить кулаком по панели управления. Она сумела выжить и дождаться этого дня только благодаря терпению.

– Значит, вот как все кончилось, – обратилась она к призраку, словно оправдываясь.

– Курсант Фай Гуэн, – продолжил голос после второй вспышки, – у вас есть одна минута, чтобы покинуть корабль; в случае неповиновения мы откроем огонь.

– Лиссе, – сказал призрак, – змей ожил.

Она хотела рявкнуть на него, но стиснула зубы и опустила взгляд. Панель управления, которая только что была серой, теперь светилась белым, и на этом фоне отчетливо выделялись пять символов, расположенных в точности так, чтобы одновременно коснуться их расставленными пальцами одной руки. Первым побуждением было отдернуть руку, но она заставила себя не делать этого.

– Очень хорошо, – произнесла она. – Мы не способны взлететь, но, по крайней мере, можем драться.

Специальные коды для активации вооружения змея были ей неизвестны. Если ввести неверный код, можно вообще потерять управление. Но если танки начнут стрелять в упор, ее тоже ждет смерть. Понятно, что броня змея отнюдь не стала прочнее за те годы, что он простоял здесь без присмотра.

С другой стороны, у него остались разведчики-джеренгджены, и они вроде бы прекрасно функционировали.

Лиссе прижала большой палец к первому символу. Быстрая тень возникла – и исчезла прежде, чем Лиссе успела ее разглядеть. После второй попытки появился двухголовый дракон со свивающимся в кольца телом. Значит, ракеты дальнего действия, гром небесный. Она быстро обдумывала варианты. Какая ирония судьбы – активировать вооружение корабля лишь затем, чтобы испепелить и его, и саму себя.

– У вас осталось десять секунд, курсант Фай Гуэн, – равнодушно произнес голос.

– Лиссе, – нетерпеливо окликнул призрак.

Один из символов изображал бегущего волка. Она вспомнила, что когда-то волк был эмблемой наемников. Несмотря на это, у нее возникло странное желание воспользоваться именно им. Она помедлила, глядя на волчий силуэт, и вдруг змей произнес, хрипло, словно горло его пересохло от жажды:

– Подготовка к запуску.

Лиссе коснулась волка пальцем, потом прижала ладонь к панели, чтобы активировать оружие. Панель на миг стала горячей, затем холодной.

Миновала секунда. Казалось, что ничего не произошло, что системы змея вышли из строя. Воцарилась зловещая тишина.

Серые силуэты танков и бронетранспортеров вырисовывались на фойе темного неба; можно было различить деревья с засохшими плодами, росшие поблизости. Она не знала, действие это неизвестного оружия или просто проблема с дисплеями. Прошло десять секунд или нет? Не поймешь. А доверять биению сердца было нельзя – пульс участился.

Лиссе охватило отчаянное желание удариться в бегство, пока танки не открыли огонь; она провела рукой по панели, чтобы убрать символы. Те превратились в странные, тревожные обрывки, похожие на полупережеванные листья или полустертые отпечатки ладоней. Она повторила жест, означавший приказ взлететь.

Когда змей начал подниматься, Лиссе вскрикнула, но крик застрял у нее в горле. Изображения на гобеленах изменились – все они показывали небо, кроме того, на котором прежде было дерево с воронами: теперь вместо птиц на ветвях висели скелеты. Цена, уплаченная не монетами, а костями.

Только набрав высоту, она приказала продемонстрировать, что стало с преследователями. Вместо ответа змей продолжал подниматься.

Проблема заключалась не в дисплеях. «Удар волка» лишил людей теней, тем самым уничтожив их. Внизу через весь огромный континент, который когда-то назывался Мостом Ишуэля, протянулась полоса огня – ослепительно сверкающая река, окруженная заснеженными горами, лесами и извилистыми потоками.

Лиссе училась превосходно. Не для того чтобы заслужить похвалу, а потому что это давало ей возможность изучить врага. Лучше всего она знала географию. Они с призраком долгие часы проводили, рисуя в воздухе карты, изображая горы и равнины при помощи одеяла; призрак утверждал, что бумага их выдаст. Пока Лиссе запоминала расположение кварталов Города Фонтанов, он

пел баллады о его основании. Он рассказывал о спорах поэтов и философов, в честь которых были названы улицы и площади Города Призм. Она знала, какие рудники снабжают сырьем каждую конкретную базу, запомнила все дороги, исчертившие Мост Ишуэля вдоль и поперек. Хотя численность населения баз и лагерей не раскрывалась курсантам, особенно тем, кого завербовали в школах перевоспитания, прикинуть цифры было нетрудно.

Империя построила на Мосту Ишуэля сто четырнадцать баз. В персонал каждой входило в среднем двадцать тысяч человек. Нельзя положиться на точность оценки, но «удар волка» уничтожил примерно…

Она содрогнулась, рассматривая горящие базы – их оказалось около шестидесяти.

С населением лагерей было сложнее; Империя неохотно озвучивала эти цифры. Лиссе вспомнила зону вокруг Базы 87, ряды одинаковых бараков. Единственной причиной, почему людей в них жило не больше, чем персонала, являлись эффективные действия наемников тогда, в День Джеренгджженов.

«Стратегия Иглы», – тупо подумала Лиссе. Самая маленькая щепка. Она не ожидала увидеть столь наглядное подтверждение справедливости этой поговорки.

Призрак смотрел на нее, и его темные глаза, против обыкновения, были четко видны.

– Сейчас с этим уже ничего не поделать, – наконец произнес он. – Отдай приказ змею, пока он сам не решил, куда лететь.

– Пепельный Путь пятьсот четырнадцать, – произнесла Лиссе.

Они придумали это еще на базе; много сценариев они обсудили шепотом перед сном, вместо колыбельных.

Ее трясло, несмотря на ремни безопасности.

Прежде чем они развернулись и устремились в глубины космоса, Лиссе бросила последний взгляд на выжженную пустыню: это был след, оставленный ею на родной планете. А ведь она лишь хотела уничтожить тех, кто угрожал ей смертью.

Позже в ее сновидениях след от удара принимал очертания бегущего волка.

На языке большинства наемников слово «джеренгджен» означало искусство складывания фигурок из бумаги. Впервые увидев их, Лиссе решила, что пошел снег. Ей было четыре года. В Городе Гобеленов стоял погожий, чуть влажный весенний день. Она наблюдала за птицей, пытавшейся поймать яркую бабочку, когда с неба начали медленно опускаться странные бумажные фигурки: лисы, змеи, буревестники.

Смеясь, Лиссе позвала родителей. Но родители не смеялись. Не слушая возмущенных воплей, ее затащили в подвал и выключили свет. Она попыталась укусить одного из своих отцов, когда тот зажал ей рот рукой. Джерентджены определяли местонахождение противника по его тени, а не по голосу, однако, имея дело с оружием наемников, следовало на всякий случай принять все меры предосторожности.

На улицах фигурки изящно расправили складки и превратились в артиллерийские орудия с тенями-драконами, в грациозных четвероногих штурмовых роботов с тенями-волками. Паривщие в небе джерентджены развернулись и стали бомбардировщиками, отбрасывавшими тени-пустельги.

То же самое произошло и в других городах Рейона. Люди складывались, словно бумажные фигурки, когда оружие наемников лишало их теней. В течение нескольких последующих недель была истреблена примерно треть населения планеты.

По поводу числа жертв Империя высказалась так: «Это прискорбно». И позднее: «Поскольку переговоры зашли в тупик, консолидация была необходима».

Лиссе постоянно носила с собой карту дальнего космоса, частью в голове, частью – на коврике для игры в скорч. Призрак когда-то был путешественником. Он научил ее мнемоническим приемам для запоминания темных туннелей и опасных дыр, расположенных среди звезд. В перерывах между уроками она рисовала в воображении бесчисленные картины, повторяя время перелетов, местонахождение воронок и поворотов.

Пепельный Путь 514 проходил между двумя нестабильными звездами и беспорядочным нагромождением планет, комет и астероидов вокруг них. Лиссе почувствовала, как змей раскачивается, балансируя на довольно сильном космическом ветру. Гобелены с одной стороны светились красноватым светом – там находилась ближайшая звезда, 514 Ци. С другой стороны вид загораживала бледно-голубая с фиолетовым планета, окруженная ожерельем из нескольких колец.

Здесь легко можно было спрятаться. Это был один из главных торговых путей, и после Битвы Павшего Солнца – названной так не в честь ближайших звезд, а в честь эмблемы генерала повстанцев, белого солнца с алым ободком, – этот путь был объявлен пепельным, то есть здесь запрещалось основывать постоянные поселения.

Однако для Лиссе важнее было то, что Путь 514 проходил ближе всего к месту, где в последний раз, лет пять назад, видели наемников. В школе она заучивала названия и силуэты самых

мощных боевых кораблей, складывала хвалебные стихи в их честь, подражая государственным гимнам Империи. Она писала эссе об их тактике и запоминала имена знаменитых капитанов, хотя от них не осталось ни статуй, ни портретов, лишь на немногочисленных фотографиях мелькали суровые, неулыбчивые лица. В Империи обожали статуи и портреты.

В течение ста лет (по административному календарю) наемники верно служили своим хозяевам и ни разу не потерпели поражения. Когда-то Лиссе думала, что у нее впереди вся жизнь, чтобы спланировать заговор против них. Но внезапно они разорвали контракт по причинам, которых имперские чиновники так и не раскрыли (возможно, и сами не знали), и бесследно исчезли.

– Вряд ли мы здесь что-то найдем, – сказала Лиссе.

Наверняка Империя прочесала всю эту область в поисках следов. Вороны пропали с гобеленов. Вместо них появились изображения постоянно перемещавшихся космических потоков. Приближение вражеских звездолетов должно было нарушить течение и тем самым позволило бы Лиссе и призраку определить их местонахождение. Не доверяя системам корабля – хотя теперь ей практически ничего не оставалось, кроме как положиться на него, – последние несколько часов она пристально следила за изображениями на дисплеях. После недолгого спора с призраком она включила тактильные датчики, чтобы воздушные потоки в командном центре отражали, хотя бы примерно, состояние пространства вокруг корабля. Иногда приближение неприятностей легче почувствовать кожей.

– Здесь нет никаких признаков присутствия покинутых змеев, – добавила она. – Или действующих, кроме нашего.

– Это лишь начало поисков, – ответил призрак.

– В конце концов нам придется рискнуть и приблизиться к какой-нибудь станции. Ты не нуждаешься в пище, но мне необходимо что-то есть.

Она смогла вынести с базы всего несколько пайков, и сейчас ей очень хотелось вскрыть один из них.

– Возможно, здесь есть кладовая.

– Я никак не могу избавиться от мысли, что это ловушка.

– Рано или поздно тебе придется поесть. – резонно заметил призрак. – Взглянуть не помешает, и я не хочу, чтобы ты ходила голодной.

Поскольку она все еще сомневалась, он добавил:

– Я останусь здесь и подежурю. Я буду рядом.

Это отнюдь не успокаивало, но она больше не была маленькой девочкой, что забилась в койку, стоявшую строго

параллельно стене, и вцепилась в одеяло, слушая, как призрак пересказывает легенды ее народа. Она вспомнила любимую историю – об одиноком часовом, который выжег себе глаза, чтобы не допустить наступления последнего утра мира, – и отправилась на поиски.

Чем дальше от командного центра, тем сильнее ощущалось притяжение призрака, непреодолимое желание вернуться; но эта боль была старой, хорошо знакомой, и ее легко было перенести. Пока она шла по коридору, загорались лампы; хотя свет был рассеянным, тень она отбрасывала неестественно четкую. Затем лампы начали включаться впереди, словно указывали путь. Интересно, что змей хотел скрыть от нее?

Пайки хранились на складе, за дверью без всяких надписей. Она не знала, что делать с этими пайками и годны ли они в пищу; если верить текстам на упаковках, это был полевой рацион категории 72. Лучше того, которым их кормили во время учений, но не намного. Поразмыслив. Лиссе решила, что это не удивительно: судя по всему, наемников обеспечивали пищей наниматели.

Охваченная каким-то странным чувством, она взяла два пайка и вернулась тем же путем. То, что змей освещал дорогу, заставило ее нервничать еще сильнее.

– Ничего нового? – обратилась она к призраку. Затем показала паек. – Жаль, ты не можешь определить, не отравлен ли он.

Призрак сухо рассмеялся.

– Если бы змей собирался тебя убить, он бы сделал это проще. Еда – это всего лишь еда, Лиссе.

Пища оказалась весьма посредственной, но ожидать иного от армейского пайка было бы глупо. По крайней мере, не хуже обычного. Поев, она отыскала туалет, а потом разложила коврик для игры и карты – Колонна Свечи и Кости, справа налево. На сей раз она не стала складывать из бумаги фигурки, воспоминания о бегающих разведчиках-гончих вызывали у нее ужас и отвращение.

В момент, когда она покинула Базу 87, включился отсчет времени. Уничтожение поселений на континенте Мост Ишуэль запустило другой счетчик, более важный. Лиссе не ставила на карту свою жизнь: она уже давно продала ее. Вопрос заключался в том, сколько имперских баз она сумеет ликвидировать, прежде чем погибнет. И сможет ли найти хотя бы один корабль наемников, служивших карающим мечом Империи…

Лиссе перебрала возможные цели. Например, База 226 Менг, Крепость Лепестков. В этой попытке ей наверняка суждено погибнуть, но эта цель была лишь второй по важности; первое

место занимало уничтожение главной планеты Империи, хотя амбиции Лиссе не простирались так далеко. Был еще Мост 663 Ци-Кес с его знаменитыми Бледными Часовыми, или станция типа «Орлиное Гнездо» 8 Йенек, где строили крупнейшие звездолеты Империи, или…

Она положила карты, закрыла глаза, прижала ладони к лиду. Тактика не была ее сильной стороной. Может, просто выбрать мишень наугад?

Но, разумеется, в присутствии призрака ничего не делалось наугад.

Она снова разложила карты из Колонны Свечи.

– Станция восемь Йенек не подойдет, – сказала она. – Начнем с более простой задачи. Пятьсот восемьдесят шесть Чиу.

Лиссе взглянула на призрака: у нее до сих пор сохранилась привычка искать его одобрения. Тот кивнул.

– Безопаснее всего приблизиться к ней по Капиллярным Пепельным Путям. Так мы и проверим твои навыки пилота.

З глубине души Лиссе была уверена, что змей с радостью полетел бы самостоятельно. Но они не могли ему это позволить.

Капилляры являлись худшими из Пепельных Путей. Даже звездный свет описывал странные траектории, двигаясь среди древних лабиринтов, полуразрушенных ворот, стоявших на пути космических потоков, и воронок, поведение которых невозможно было предсказать.

В первых восьми Капиллярах им повезло. При других обстоятельствах Лиссе как зачарованная смотрела бы на великолепные линзовидные галактики и сверкающие россыпи огней – далекие скопления звезд. Но сейчас ее взгляд не отрывался от панели управления, и рука не дрогнула, хотя она и боялась, что в любую минуту может появиться тень волка.

Но когда они приблизились к девятому…

– Патруль, – сказал призрак, наклоняясь ближе.

Она коротко кивнула, пытаясь не показывать, что близость призрака причиняет ей боль. Тот скривил рот, словно извиняясь.

– Было бы хуже, если бы мы никого не встретили до самой Пятьсот восемьдесят шестой Чиу, – заметила Лиссе.

За подобное везение всегда приходится платить. Если не готова к выполнению задачи, лучше выяснить это сейчас, пока еще остается шанс бежать и приготовиться к удару позднее.

Патруль состоял из шестнадцати звездолетов: восемь класса Лэнс-82 и восемь Скаутов-73. Ей случалось управлять такими же Скаутами в симуляторе.

Звездолеты не стали тратить время на предупреждения. В ее сторону устремился рой ракет. Лиссе отправила собственные

ракеты наперехват. Кто знает, почему ее атаковали; возможно, потому что Империя и наемники расстались врагами, возможно, властям уже известно о событиях на Рейоне. Она была уверена: срочные сообщения полетели в космос спустя несколько минут после удара по Мосту Ишуэля.

Когда вражеские ракеты взорвались, Лиссе направила змея к ближайшей воронке. Он был крупнее и прочнее звездолетов. Он лучше мог выдержать нагрузку, которой подвергались корабли, попавшие в вихрь. Воронка приближалась, и гобелены потускнели. Она выключила тактильные датчики, когда вихри возникли в кабине. Дальше должно было стать еще хуже.

Одна ракета пролетела совсем близко. Ей нужно совершенствоваться в управлении кораблем. Воронка представляла собой лишь временное убежище; там нельзя находиться вечно.

Враги выпустили второй залп. Лиссе нырнула глубже в воронку. Звезды странно исказились и приняли форму розеток.

– Им известны возможности воздушного змея, – напомнил призрак. – Воспользуйся ими. Если они не глупы, то наверняка уже отправили сообщение местному командованию.

Змей предложил применить звездолеты-джеренгджены класса «гончая». Лиссе доверилась его опыту.

«Гончие», которых выпустил змей, развернулись на лету, стройные, хищные. Они маневрировали с замечательной ловкостью, несмотря на турбулентность. Но их было всего десять.

– Если я выстрелю во вражеский корабль, то попаду в них, – сказала Лиссе.

Ее рефлексы работали хорошо, но, судя по всему, «гончие» предпочитали находиться вплотную к мишеням.

– Тебе не потребуется стрелять, – возразил призрак.

Она бросила на него быстрый недоверчивый взгляд. Рука ее застыла над контрольной панелью; перебрав свои возможности, Лиссе обнаружила, что они весьма ограниченны. Например, не было уверенности, что огненная птица (взрывчатка) не способна к самоуничтожению, а долгий перелет утомил.

Пилоты-патрульные оказались отнюдь не новичками. Они испепелили трех «гончих». Возможно, одновременно с Лиссе они поняли, что эта тройка была лишь приманкой: другие семь превратили патруль в ком искореженного металла.

Лиссе направила змея к выходу из воронки. У нее возникло какое-то неуютное чувство; казалось, она чем-то обязана оставшимся «гончим», хотя это всего лишь одноразовые аппараты, мятые клочки бумаги, как и все джеренгджены. И действительно, когда она пролетала мимо, они сложились и стали плоскими,

превратившись в бесполезные листы металла.

– Мне кажется, это неэффективное использование ресурсов, – обратилась Лиссе к призраку.

– Такова тактика наемников, – сказал тот. – Она работает. Возможно, это единственное, что имеет значение.

Лиссе хотела расспросить о деталях, но сильная турбулентность отвлекла ее. К тому времени, как они добрались до более или менее спокойного места, она слишком устала, чтобы поднимать этот вопрос.

Они дважды пытались скрытно приблизиться к 586 Чиу, не привлекая внимания патрулей. Понадобилось бы тысячу лет провести без сна, чтобы испепелить все звездолеты Империи, но даже тогда она не закончила бы эту работу.

Шесть дней они кружили неподалеку от 586 Чиу, изучали местное движение и оборонительные сооружения. Здесь не было опасных вихрей. Такие станции обычно строили поблизости от спокойных, стабильных течений.

– Легче всего будет справиться, если сначала ликвидировать город, – безразлично произнес призрак. Они обсуждали, не слишком ли рискованно обрушить на станцию бомбы, пролетая мимо. Лиссе смущал тот факт, что Вспомогательный Город 586 Чиу располагался в зоне поражения. По-видимому, люди, занимавшиеся вооружением змея, считали, что уничтожать следует максимальное количество живой силы противника. – Тогда у них останется лишь мгновение на то, чтобы понять, что происходит.

– Нет.

– Лиссе…

Она взглянула на призрак без слов, упрямо, хотя ей было ужасно неудобно его разочаровывать. Он помолчал, но не стал настаивать на своем.

– Тогда предлагаю вот что, – сдался он. – Наилучшая альтернатива: ударим дезинтегратором потока в сердце завода, а джерентджены займутся оборонительными системами.

Станции типа «Орлиное Гнездо» поддерживали стабильность проходящих поблизости потоков – для удобства настройки систем новых звездолетов. В обычных обстоятельствах воронка-противовес была «привязана» к центру станции. Если они смогут уничтожить этот центр, воронка развернется и превратит станцию в развалины.

– Так и сделаем, – согласилась Лиссе.

Дезинтегратор имел небольшую дальность действия: ей не нравилась идея подлететь вплотную, но ведь от более безопасного плана она только что отказалась.

«Орлиное Гнездо» 586 Чиу напоминало скорее не гнездо, а погребальный костер. Звездолеты и транспортные суда постоянно прилетали и улетали, словно искры. Змей описал дугу и устремился к цели. Впереди неслись джерентджены-соколы: пару секунд они летели группой, затем рассеялись и направились к своим мишеням.

Командование станции не растерялось. Они знали, что основную угрозу представляет змей. Но Лиссе встретила первую группу истребителей мощным залпом. Пустоту озарили разноцветные вспышки.

Змей пронзительно вскрикнул, когда один из вражеских кораблей задел очередью его вспомогательное крыло. Лиссе на мгновение потеряла управление, но другие крылья изменили геометрию, чтобы компенсировать ущерб. Лиссе почему-то подумала, что в этом крике не было боли, он больше походил на вопль экстаза.

Затем последовало настоящее испытание: ей предстояло «пройти сквозь строй» артиллерийских установок Штандарт-142. Эти смертоносные штуки сверкали, словно серебро. Тишина казалась неестественной: они должны были реветь, как тигры. Лиссе прикусила внутреннюю сторону щеки и сосредоточилась на уточнении параметров для дезинтегратора потока. Рука ее, лежавшая на контрольной панели, сжалась в кулак.

Один гобелен демонстрировал схему расположения потоков: бледно-голубые штрихи и черточки на черном фоне. Несмотря на окружавшие его сооружения, центр вихря был виден как туго завязанный узел, совершенно непропорциональный по отношению к размеру всей воронки.

– Пора, – с нечеловеческой точностью скомандовал призрак.

Повторять дважды не понадобилось. Она разжала кулак.

После удара дезинтегратора змей снова завопил. Он вздрагивал и вращался. Лиссе хотелось зажать уши, но по ней опять открыли огонь, так что пришлось уходить от обстрела. Змей сложился, минимизируя поверхность. Она наблюдала за этим маневром при помощи вспомогательного дисплея. На какой-то миг запаниковала – показалось, что змей раздавит ее, словно цветок, вложенный в книгу. И только потом заметила, что задержала дыхание.

Луч дезинтегратора не был видим человеческому глазу, но змей мог визуализировать его влияние на космические потоки. Подобно молнии, разряд вновь и вновь разветвлялся, устремляясь по течениям, которые неизбежно должны были привести его к центру завода.

Слишком занятая тем, чтобы удержать змея на пути к выходу,

она не видела момент слияния луча дезинтегратора с «узлом». Зато ощутила первую ударную волну, когда воронка освободилась от своих «пут» и расширилась, заняв огромное пространство. Тут все внимание Лиссе поглотила задача удержать равновесие среди образовавшихся малых воронок, и стало некогда думать ни о чем, кроме выживания.

Лишь потом она вспомнила, как множество обломков летало вокруг в самых непредсказуемых направлениях. Крылья звездолетов, амортизаторы, переборки; даже, как ни странно, ящик с дырой, через которую выглядывали красноватые фрукты.

Позже ей не давала покоя невозможность сосчитать, сколько там было людей, большинство – уже мертвых. Кого-то разрезало наискосок, кости и внутренности торчали наружу, за ними тянулся кровавый шлейф. Другие тела были перекручены и разорваны, лица срезаны и отброшены в сторону, словно ненужные маски, пальцы сжимали обломки стульев, столов, дверных косяков. Сквозь щель в какой-то стене она разглядела троих людей в темно-зеленых кителях. Они обернулись к расширявшейся щели, затем прижали руки к лицам, и вторичная воронка разорвала их на куски. Последним, что видела Лиссе, были две ладони, все еще прижатые друг к другу, отрезанные у запястий.

Лиссе нашла выход. Полетела к нему.

Лишь гораздо позднее она выяснила, что уничтожила сорок процентов сооружений станции. Некоторые люди выжили. Они знали, как отстроить ее заново.

Но она так никогда и не узнала, что эффект дезинтегратора потока был настолько длительным, что многие из выживших погибли от жажды прежде, чем летательные аппараты смогли приблизиться к станции и доставить воду и продукты.

В прежние времена люди народа Лиссе брали призраков в «компаньоны», чтобы утешать мертвых и, в свою очередь, получать утешение от них. Через год и один день призрак покидал своего «хозяина» и обретал покой.

После Дня Джеренгдженов ее народу пришлось нелегко: мертвых внезапно стало очень много, нужно было облегчить кошмары погибших в кровавой резне и избавить их от предсмертного ужаса.

Родители Лиссе, в отличие от остальных, «соединили» призрак умершего с ребенком.

– У них не было иного выбора, – снова и снова повторял ей призрак. – Ты не должна винить их.

Все эти годы он терпеливо выслушивал ее жалобы, учил

плакать беззвучно, чтобы не услышали учителя. Убаюкивал вечером, рассказывая легенды ее народа и разные истории, описывал сады и цветущие аллеи так живо, что казалось, будто она помнит их. Некоторые ночи были тяжелее других, и оказывалось нелегко заснуть с этой странной, колющей, пульсирующей в сердце болью. Но она не чувствовала вины.

Второй целью стала База 454 Куо; ее элитные истребители украшал сложный орнамент из множества узелков. Они были зелеными и ощетинивались шипами с бронзовыми остриями. По причинам, которые Лиссе даже не пыталась понять, джерентджены разнесли на части оборонительный флот, но оставили совершенно нетронутыми узорчатые панели.

Третья цель, четвертая, пятая – она начала использовать карты для скорча, чтобы фиксировать число погибших, хотя незашифрованные сообщения были ненадежны. Несмотря на все свои возможности, воздушный змей не сумел взломать военный шифр. Два дня это мучило ее; она не знала, что сделать, чтобы не думать о цифрах.

Но, думая о них, она отказывалась округлять цифры в большую сторону. И в меньшую тоже.

Ночные кошмары начались после шестой станции, Моста 977 Джа-Эш. Командующий хранил молчание, как она и ожидала. Но торговая коалиция нарушила запрет и умоляла Лиссе о милосердии на четырнадцати языках. Она не стала уничтожать представительство коалиции. Это сделали военные со станции – в качестве наказания.

Она напомнила себе, что торговцы все равно погибли бы. Научилась пользоваться огненной птицей с максимальным эффектом. И не строила иллюзий по поводу того, что истребляет лишь солдат и чиновников Империи.

Во снах она слышала мольбы о пощаде – звучавшие на языке ее родителей, которому научил ее призрак. Призрак, в свою очередь, пел колыбельные, чтобы она смогла уснуть, как делал это, когда она была маленькой девочкой.

Цифры росли. После того как число погибших перевалило за десять миллионов, Лиссе вскочила, выбежала из командного центра и забилась в свою каюту. Она колотила руками по стене, пока не пошла кровь. Триумф имел привкус соли и яда. Это не должно было произойти так ***легко.*** В ее самых страшных кошмарах волк блуждал по гобеленам, поедал тени – поедал души. И вселенная с горсткой блестящей мишуры звезд стала одной бесконечной тенью.

После уничтожения семнадцатой станции припасы начали

подходить к концу. Лиссе поспорила с призраком, стоит ли пытаться пополнить запас продуктов на черном рынке. Лиссе сказала, что они не могут тратить на это время, и одержала верх. Кроме того, у нее почти не было аппетита.

Они перехватили несколько сообщений, из которых следовало, что за ними охотятся. Слухи и шепот. Из-за них Лиссе не могла спать, пока усталость не одолевала ее настолько, что мир хотелось захлопнуть, словно дверь, и спрятаться. Империя наверняка планировала уничтожить ее. Может быть, и кое-кто другой тоже.

Если кто и воспользовался событиями, чтобы выступить против Империи по каким-то своим причинам, она об этом не слышала.

Имена боевых змеев, записанные на административном языке Империи, разнообразны. «Огонь Обугливает Паука». «Осада Города с Семнадцатью Лицами». «Независимая Геометрия». «Перчатка с Тремя Пальцами».

Эти имена, строго говоря, не принадлежат Империи. Они похищены у величайших культур, которые наемники уничтожили по приказу имперских властей. «Огонь Обугливает Паука» – так назывался шелковый гобелен, хранившийся в темном зале Меу Дан с древних времен. «Осада Города с Семнадцатью Лицами» – сага, которую пели историки Квайре. «Независимая Геометрия» обсуждала различную природу параллельных линий. Были и другие: пьесы, статуи, игры.

Ученые и художники Империи получали большое удовольствие, давая произведениям искусства новую интерпретацию. Такие культурные достижения следует распространять, говорили они.

До следующей цели, Базы 894 Сао, оставалось три дня пути, когда по гобеленам промелькнула крылатая тень. Космос был черным, лишь кое-где мерцали светлые точки, да время от времени взрывалась новая звезда. Тень затмила все, направляясь им наперерез; она была целеустремленной, как пуля. На мгновение Лиссе показалось, что это горстка обломков истребителя и ржавой шрапнели.

Призрак выругался. Лиссе вздрогнула, но. когда она оглянулась на призрака, лицо его уже было спокойным.

Приказав дисплеям сфокусироваться на странном объекте, чтобы оценить его размеры, Лиссе подумала о дроздах и буревестниках, зимнем ветре и острых клювах.

– Я не знаю, что это такое, – произнесла она, – но это явно

искусственный объект.

Оборонительные сооружения или корабли Империи не могли так выглядеть.

– Конечно, – подтвердил призрак. – Это другой змей.

Лиссе очистила панель управления и направила змей к случайно оказавшейся неподалеку воронке.

Призрак заговорил:

– Подожди. У тебя не получится уйти от него. Он видит нашу тень точно так же, как мы видим его.

– Для начала объясни мне: как может корабль отбрасывать тень в космосе? – спросила она. – И почему мы никогда не видели нашей собственной?

– Разве человек может видеть свою душу? – ответил призрак вопросом на вопрос. Но при этом он не смотрел ей в глаза.

Лиссе хотела расспрашивать дальше, но тень накрыла их. Она странно сложилась, образовав веер кинжалов. Лиссе развернула корабль. Панель управления предложила ей выбор: двухголового дракона, сокола, свивающуюся кольцами змею. Рядом появился волк, стоявший на задних лапах, но она быстро отдернула руку.

– Визуальный контакт, – отчеканил змей.

Чужой корабль имел цвет умирающей звезды. Он убрал все выступающие элементы, чтобы ей труднее было целиться, но Лиссе не сомневалась, что развернуться он сможет за долю секунды. С невероятной точностью чужак описывал расширяющуюся спираль.

– Это приветствие наемника, равный приветствует равного, – объяснил призрак.

– Мы должны на него ответить?

– А разве ты наемница? – возразил он.

– Входящее сообщение, – произнес змей прежде, чем Лиссе сумела сформулировать ответ.

– Я его выслушаю, – произнесла Лиссе, несмотря на протесты призрака.

Она чувствовала, что должна проявить минимальную вежливость, даже по отношению к наемникам.

К ее удивлению, когда ворон исчез с гобелена, там появилась не эмблема, а лицо женщины: смуглая кожа, от виска к скуле тянется шрам, темные волосы подстрижены ежиком, одета в незнакомую серую форму какого-то угловатого покроя. Лиссе ожидала увидеть глаза убийцы, глаза охотника, но взгляд женщины был просто усталым.

– Капитан Кириет Дзан, командир корабля… – Она говорила на административном языке, но последнее слово Лиссе не поняла. – Ты можешь называть его «Свеча».

– Лиссе с планеты Рейон, – представилась она.

Не было смысла скрывать свое имя.

Но женщина не смотрела на нее. Она смотрела на призрака. Затем резко произнесла что-то на чужом языке.

Призрак прижал руку к ладони Лиссе. Она вздрогнула; она ничего не понимала.

– Будь сильной, – пробормотал он.

– Я вижу, – снова заговорила Кириет на административном языке. Лицо ее было суровым. – Лиссе, тебе известно, с кем ты путешествуешь?

– Насколько я понимаю, мы незнакомы. – холодно, официально ответил призрак.

– Разумеется, нет, – согласилась Кириет. – Я занималась материально- техническим обеспечением захвата планеты Рейон и уничтожения ее населения. – Она не сказала «консолидации». – Я отлично знаю, по какой причине мы туда пришли. Лиссе, твоего призрака зовут Врон Ариен.

Через несколько мгновений Лиссе выдавила:

– Это имя наемника.

Призрак проговорил:

– Да, так и есть. Лиссе… – Рука его упала.

– Скажи мне, что происходит.

Он плотно сжал губы. Затем пробормотал:

– Лиссе, я…

– *Скажи мне.*

– Он был дезертиром, Лиссе, – произнесла женщина осторожно, словно боялась, что, услышав это, Лиссе может рассыпаться в прах. – Долгие годы ему удавалось ускользать от Командования Волка. Затем мы выяснили, что он поселился на Рейоне. Командование Волка постановило, что Рейон следует покарать за предоставление убежища дезертиру. Империя согласилась.

Все это время Лиссе смотрела на призрака, безмолвно умоляя его сказать, что это неправда, все неправда. Но призрак молчал.

Лиссе подумала о долгих ночах, которые призрак проводил у ее постели, рассказывая ей о танцовщицах, о ручных птицах, о раскидистых деревьях с диковинными плодами, росших на городской площади; обо всем том, чего она не могла помнить, потому что была совсем маленькой, когда появились джеренгджены. Она даже родителей толком не помнила: вот она свернулась на коленях у матери, вот помогает отцу чистить бананы. Может быть, все, что рассказывал ей призрак. – сплошная ложь?

Она вспомнила, как он помогал ей спланировать побег с Базы

87, как ловко провел через лабиринт, к кораблю наемников. Тогда ей не пришло в голову удивиться его уверенности.

Лиссе сказала:

– Выходит, этот змей принадлежит тебе.

– В каком-то смысле да.

Глаза призрака приобрели точно такой же цвет, какой бывает у пепла после того, как умрет последний уголек.

– А мои родители…

С трудом произнося слова, будто они резали его, призрак ответил:

– Мы заключили сделку, твои родители и я.

Она не смогла сдержаться и всхлипнула.

– Я предложил защищать тебя, – продолжил призрак. – Я многие годы служил Империи и знал, как она действует. И я пообещал твоим родителям отомстить за них. Все-таки Рейон стал мне домом.

Лиссе чувствовала, что Кириет наблюдает за ними, и сознание этого жгло ее, как огнем.

– Мои родители действительно погибли во время… консолидации? – Эвфемизм было легче произнести.

Она могла бы спросить, правда ли, что Лиссе – ее настоящее имя. Но она и сама понимала: скорее всего, нет.

– Я не знаю, – ответил он. – После того как вас разлучили, у меня не было возможности это выяснить. Лиссе, мне кажется, тебе лучше сейчас узнать, что нужно Кириет. Она тебе не друг.

«Я занималась материально-техническим обеспечением» – так сказала Кириет. И ее изумление при виде призрака – *у него есть имя*, напомнила себе Лиссе – выглядело вполне искренним. А это означало, что Кириет разыскивала не Врона Ариена.

– Зачем ты пришла? – спросила Лиссе.

– Тебе не понравится то, что я скажу. Я должна уничтожить твой корабль – не знаю, как ты его назвала.

– У него нет имени.

Она так и не смогла заставить себя дать змею имя – ведь таким образом он становился ее собственностью.

Кириет посмотрела на нее искоса.

– Понимаю.

– Но ты же могла просто выполнить свою задачу, – сказала Лиссе, – и не разговаривать со мной. Я не имею опыта управления змеями. В отличие от тебя.

На самом деле ей давно уже следовало спасаться бегством. Но неожиданное сообщение Кириет означало, что жизненная цель Лиссе, когда-то такая четкая, теперь утратила смысл.

– Возможно, я тебе не друг, но и не враг, – возразила

Кириет. – У меня больше нет общих целей с Империей, Но ты не можешь продолжать пользоваться этим змеем.

Лиссе прищурилась.

– Это мое единственное оружие. Было бы большой глупостью с моей стороны расстаться с ним.

– Я не отрицаю его эффективности, – ответила Кириет, – но ты же родом с планеты Рейон. Неужели цена, которую пришлось заплатить, безразлична тебе?

Цена?

Кириет продолжала:

– Значит, тебе никто не сказал.

Она гневно смотрела на призрака.

– Оружие – это оружие, оно предназначено для убийства, – произнес призрак.

Едва Лиссе успела перевести дыхание, он добавил:

– Такие корабли, как этот, питаются смертями. Прежде чем покинуть планету, необходимо было запастись энергией, то есть позволить ему поглотить хотя бы небольшое число жертв. Таково ремесло моего народа – точно так же, как общение с призраками было ремеслом твоего народа, Лиссе.

Питаются смертями.

– Значит, поэтому ты хочешь уничтожить змея, – обратилась Лиссе к Кириет.

– Да. – Улыбка женщины была горькой, – Как ты можешь себе представить, Империя этого не одобрила. Они хотели заключить контракт еще на сто лет. Я отказалась.

– Разве ты имела право отказываться? – спросил призрак, и Лиссе почудилось, что он переводит какую-то идиому со своего родного языка.

– Я нарушила субординацию и сместила главу Командования Волка, – сказала Кириет. – Это был непопулярный ход. С тех пор я занимаюсь истреблением змеев. Если Империи так хочется продолжать завоевания, пусть сама пачкает руки кровью.

– Но ты же управляешь змеем, – удивилась Лиссе.

– «Свеча» – мой дом. Но в тот день, когда все остальные змеи будут превращены в пепел, я уничтожу его.

Это сообщение показалось Лиссе не лишенным иронии. Но все равно она не доверяла Кириет.

Послышался незнакомый голос. Кириет обернулась.

– За тобой погоня.

Она произнесла короткую фразу на родном языке, затем продолжила:

– Тебе понадобится моя помощь…

Лиссе покачала головой.

– Флот сравнительно невелик, но он представляет для тебя угрозу. Позволь мне…

– Нет, – ответила Лиссе резче, чем ей хотелось бы. – Я разберусь с ними сама.

– Как тебе угодно, – произнесла Кириет, и вид у нее стал еще более усталым. – Но не говори, что я тебя не предупреждала.

Затем ее лицо исчезло, и на миг на экране появилась эмблема: черная свеча, которую наискосок пересекали пустые ножны.

– «Свеча» направляется к воронке, скорее всего, чтобы там укрыться, – очень тихо заговорил призрак. – Но она может вернуться в любой момент.

Лиссе казалось, что она спокойна, но затем наступила реакция. Несколько мгновений она сидела, обняв себя руками, чтобы унять дрожь, и не сразу смогла сосредоточиться на данных, появившихся на дисплеях.

В какой-то момент любой боевой змей демонстрирует в своем командном центре свиток с каллиграфической надписью. Текст можно перевести примерно следующим образом:

У меня есть только одна свеча

Даже по меркам наемников это не слишком походит на стихотворение. Но женщина, которая его написала, была солдатом, а не поэтом.

У наемников больше нет родины. Но, несмотря на это, они придерживаются некоторых традиций, и среди них – Ночь Бдения. Каждый наемник чествует погибших в прошедшем году, зажигая свечу. Прежде они делали это в день зимнего солнцестояния по древнему календарю. Теперь Ночь Бдения отмечает годовщину момента, когда были запущены первые боевые змеи; момента, когда наемники перебили множество своих соотечественников, чтобы «накормить» боевые корабли.

«Змеи могут летать, – сказал главнокомандующий наемников. – Но они не знают, как охотиться».

Когда все закончилось, они знали, как охотиться. Немногие наемники простили его, но было уже поздно.

Полный текст стихотворения таков: «Столько людей погибло, но у меня есть только одна свеча для всех».

Стоит заметить, что выражение «у меня есть» на языке наемников передается особой конструкцией: тот, кто обладает предметом, не только изменяется, кроме того, существует угроза, что его убьют.

Предупреждение Кириет оказалось правдивым. К ним приближался имперский флот, сохраняя совершенный, четкий строй; отступать было некуда. Лиссе насчитала сорок один вражеский корабль. Это ее не беспокоило. С другой стороны, ресурсы Империи были таковы, что после уничтожения этого флота должны прийти еще двадцать, а затем все больше и больше. Цифры – число убитых – будут расти. Они не сразу открыли огонь, а это означало, что у них имеется в запасе какая-то хитрость.

Один звездолет отделился от группы, описал изящную дугу и показал уязвимый бок, на котором была изображена роза.

– Он не вооружен, – произнесла озадаченная Лиссе.

Лицо призрака оставалось непроницаемым.

– Как мудро с их стороны, – сказал он.

Передний гобелен замерцал.

– Принять сообщение, – разрешила Лиссе.

Появилась эмблема: трилистник, по бокам две розы, одна цветком вниз, другая – цветком вверх. Уже не в первый раз Лиссе удивилась, зачем люди, принадлежавшие к культуре, высоко ценившей миниатюры и скульптуры, считали нужным прятать лица за эмблемами.

– Капитан Фай Гуэн, я дипломатический представитель Най Бара.

Это был женский голос, глубокий, звучный, с незнакомым акцентом.

«Значит, меня повысили в звании?» – сардонически подумала Лиссе, чувствуя нарастающее напряжение. Империя никому не давала званий, даже бессмысленных, не потребовав ничего взамен.

Она негромко обратилась к призраку:

– Они должны были нас найти, рано или поздно.

Затем произнесла:

– Сообщение для представителя Най: я Лиссе с планеты Рейон. Что мы можем друг другу сказать? Вашему народу неизвестно слово «милосердие».

– Если вы не выслушаете меня, – ответила Най, – то, возможно, выслушаете посланца, который придет после меня, или того, кто появится следом. Мы терпеливы, и нас много. Но у нас есть нечто общее: я тоже не собираюсь говорить о милосердии.

– Я слушаю, – произнесла Лиссе, несмотря на ледяное молчание призрака.

Всю жизнь она копила и оттачивала свою ненависть к Империи. Невыносима была мысль о том, что она, возможно,

ошибалась. Но, так или иначе, следовало узнать цель появления Най.

– Капитан Лиссе, – заговорила представитель, и девушка почувствовала острую боль, услышав собственное имя, произнесенное чужим голосом, не голосом призрака, не голосом, принадлежавшим человеку с Рейона. Даже несмотря на то что теперь она знала: призрак тоже был чужаком. – У меня есть для вас предложение. Вы доказали свою боевую эффективность…

Боевая эффективность. Она вела счет всем смертям, она отмечала каждую кровавую бойню раной на собственном сердце, а эта женщина без лица свела их к нулю всего лишь двумя словами.

– …вполне убедительно. Нам нужны способные солдаты. За какую сумму вы готовы наняться к нам на службу, капитан Лиссе?

– За какую сумму… – Она пристально уставилась на трилистник, и лицо ее стало пепельно-серым.

Неправда, что мертвых нельзя сложить, как бумагу. Квадрат превращается в коршуна, а коршун – в лебедя: история превращается в слухи, а слухи – в песни. Даже сам процесс воспоминания искажает истину.

Но то же самое нельзя сказать о живых.

Джим Хоукинс
Цифровые таинства

Джим Хоукинс – «новый писатель», но не обычный. Он впервые напечатался в журнале «New Worlds» сорок один год назад, а затем ни разу не публиковался до 2010 года, когда два его рассказа появились в «Interzone». Перерыв на четыре с лишним десятка лет, кажется, не уменьшил ни талант, ни мастерство автора, которые он и демонстрирует в этом ярко написанном и крепко сбитом тексте. В нем рассказывается о том, как живое творчество вытесняется или, по крайней мере, активно и навязчиво «дополняется» искусственными средствами. Или вытеснить его все-таки невозможно?

НАТУРА. ГРЕЦИЯ – ПАЛЕОКАСТРИЦА – ДЕНЬ

Высоко на скалах Корфу, в Белла Виста, Амбер Холидей лежит на безупречном животе и посматривает на бассейн. Краем глаза она замечает фотографа. Она знает, что снимает тот вовсе не захватывающие дух виды береговой линии Палеокастрицы. Его не интересует крыша монастыря, не волнует инкрустированный серебром иконостас внутри, не впечатляет прекрасное бирюзово-голубое Ионическое море, нежно ласкающее пещеры в толщах песчаника далеко внизу. Все, что ему нужно, – чтобы она расстегнула верх бикини и скользнула в воду. Быстро окунулась, вынырнула с напряженными сосками и встала рядом с бассейном, блестящая, словно новорожденная Афина, залитая золотым светом солнца, которое все быстрее склоняется на западе к бескрайнему морю.

Папарацци! Всю жизнь ее окружают папарацци, словно мухи – дохлую собаку. Может быть, теперь, когда он получил хороший ракурс ее сисек, он заползет обратно под тот жалкий камень, где обретается, а ее оставит в покое. Хотя вряд ли.

Понимая, что это бесполезно, Амбер вытаскивает из сумки мобильный, где на быстром наборе Дейв Маршан, студийный босс по связям с общественностью.

– Все, чего мне хотелось, – десять дней покоя! – кричит она в трубку. – Я тут всего сорок восемь часов, а на мои сиськи уже наставлен объектив!

– Это не я, Джулия. Честно, не я.

– Дерьмовая ложь. Избавь меня от этого скота! И не называй меня Джулией.

Маршан вздыхает.

– Джулия… Я тебе уже говорил. Папарацци появляются вместе с работой. На самом деле папарацци – это и есть работа.

Амбер Холидей, также известная как Джулия Симпсон, швыряет телефон в сумку и оглядывается. Фотографа и след простыл.

НАТУРА. ГРЕЦИЯ – ТРАССА ПАЛЕОКАСТРИЦЫ – 21:05 ПО ЛЕТНЕМУ ВРЕМЕНИ БРИТАНИИ

Трасса от Белла Виста до гавани крутая, узкая, извилистая, с резкими спусками в десятки метров и слепыми поворотами, зазор между охристой дорожной разметкой и низким ограждением совсем маленький. Багги для езды по песку хрупкие – всего лишь открытая трубчатая рама да двигатель на больших колесах. Взятая напрокат машина Амбер ярко-желтая, ее развевающийся на ветру легкий шелковый топ – цвета морской волны. Амбер похожа на экзотического попугая в клетке.

У Амбер нет никаких шансов заметить быстро догоняющий багги черный «Мерседес», пока не становится поздно. Удар прижимает ее к спинке сиденья. Она слишком сильно дергает руль и уводит машину вправо прямо к обрыву. Амбер возвращает багги назад, но и тут хватает через край. Ее швыряет далеко влево, она рикошетит от скалы, закладывает вираж и пробивает ограждение.

Запертые в клетке птицы не летают далеко – если только со злости не забывают пристегнуть ремень безопасности. Словно ныряльщик, прыгающий с двухсот метров, Амбер Холидей по идеальной дуге устремляется из клетки. Руки раскинуты, будто в мольбе о крыльях, безупречная кожа, защищенная кремом от загара, отражает алые отблески заходящего солнца. Прекрасное точеное лицо обладательницы «Оскара» переворачивается в вечернем воздухе, и богиня миллиона таблоидов, бесчисленных сайтов, бессчетных блогов и бесконечных эротических снов подростков ударяется о террасу многоквартирного дома, разбивается и превращается в нечто похожее на распластанного на рашпере цыпленка в соусе из красного вина.

НАТУРА. ГРЕЦИИ – УЛИЦА ГОРОДА КОРФУ – НОЧЬ

Лейтенант полиции Спирос Кукуладес прогуливается по темным и угрюмым, почти венецианским, переулкам города Корфу. С ним его жена Мария, и он старается, чтобы ювелирные и меховые магазины не попадали в фокус ее внимания. Они направляются к любимой таверне Спироса. К ним подбегает констебль Александров Фотос и, задыхаясь, останавливается. Мария отводит взгляд. Спирос замирает как вкопанный и спрашивает:

– Что, Алексы?

Александрос глубоко вздыхает:

– Сегодня вечером женщина упала с обрыва над Палеокастрицей. Она мертва.

– И?

Мария оборачивается, останавливает на констебле не допускающий компромиссов взгляд черных глаз и произносит:

– Мой муж сегодня не дежурит.

Александрос скорее предпочел бы в одних трусах столкнуться с бунтующей толпой, чем бросать вызов Марии Кукуладес, но он вытягивается в струну и отвечает боссу:

– Майор Панагакос отправил меня найти вас. Ваш мобильный выключен. Погибшая женщина – туристка, и майор велел мне со всем уважением просить вас включить телефон и немедленно перезвонить ему.

Спирос отступает в тень, его мобильный загорается. Мария фыркает, оглядывает Александроса с головы до ног:

– Ты ведь сын Деметрии?

Да.

– Говорила же ей не пускать сыновей в полицию. Ты честолюбив? Хочешь сделать карьеру?

– Да, мадам.

– Тогда в будущем жди сердитую жену и голодные воскресные вечера. Чем так важна мертвая туристка? Они каждый день с обрывов падают.

Взгляд Марии и ее полуулыбка вызывают странное беспокойство. В них и хищник, преследующий добычу, и эротический вызов. В тени пятисотлетней улицы Спирос, отвернувшись к стене, тихо разговаривает по мобильному.

– Дело в том, – отвечает Александрос, – что она может оказаться знаменитостью.

НАТУРА/ИНТЕРЬЕР. СТУДИЯ «ПАЙНВУД» – 19:00 ПО ЛЕТНЕМУ ВРЕМЕНИ БРИТАНИИ

Ранее.

В Греции девять часов вечера, а в Англии только семь. Прекрасный июльский день. Пушистые белые облака и тихо тающие следы самолетов в небе ловят нежный свет и, улыбаясь, смотрят на переполненные террасы открытых пабов и радость детей в парке, когда те взлетают на качелях все выше и выше. Грачи ловят червяков между деревьями. Гнус и плодовые мошки кружат среди ветвей и, сбиваясь в эскадрильи, замышляют атаку на озерца вина и пива на столах внизу. Из всех возможных прелестей лета нет ничего более совершенного, чем теплый июльский вечер в Англии.

Но всего этого не видно изнутри огромного, уродливого, темного, хорошо охраняемого и герметично запертого ангара – центра управления «Флешворк Продакшен». Ушли в прошлое старые павильоны звукозаписи. Исчезли осветительные установки, прожекторы, операторские краны и тележки для грима. Никаких пузырьков шампанского, никаких звезд на дверях уборных. Как писал Элиот в «Бесплодной земле»: «Исчезли нимфы».

Внутрь здания никогда не проникнет солнечный свет, если того не потребует сценарий, но и после он – всего лишь искусная подделка.

Мы – КАМЕРА, она проходит сквозь пустынный омут холодного галогенового освещения, мимо армированного сталью блока, который вмещает четыре тысячи девяносто шесть кластеров объединенных компьютеров, каждый на тысячу двадцать четыре сверхпроводящих квантовых ядра. Кольца обернутых фольгой прозрачных труб гелиевого охлаждения змеятся на крыше здания прической Медузы и удерживают в повиновении кубиты. Гудят линии подстанции. И никакого птичьего пения.

КАМЕРА продолжает двигаться сквозь сумрак – мимо административного блока, тихого и темного этим воскресным вечером, – к студиям. В сумраке рядами тянутся тридцать две сферы, свисающие на пуповине кабелей и шнуров с хладагентами. Диаметр каждой сферы – двадцать четыре метра, и все они обернуты золотой фольгой – без особой на то причины, только чтобы впечатлить инвесторов. Экватор сфер охватывает светящееся цветное кольцо. Черное означает «пусто». Синее –

«техническое обслуживание». Зеленое – «подключено к сети». Оранжевое – «репетиция». Красное значит «запись», и никто не может ее прерывать.

Семь студий работают. Во второй Шарон Лайтли режиссирует сорок шестую сцену с Амбер Холидей. В пятой Дон Фэрчайлд режиссирует шестую сцену с Амбер Холидей и Тарквином Белоффым. В шестой Рейчел Палмер режиссирует девяносто седьмую сцену с Амбер Холидей и Тарквином Белоффым. В одиннадцатой Грег Уэлски делает то же самое с пятнадцатой сценой с Энджел Арджен и Тарквином Белоффым. У всех этих студий оранжевый статус.

Только одна светится красным.

КАМЕРА замедляет движение по длинному темному коридору, поворачивается к девятнадцатой студии, и…

ИНТЕРЬЕР. «ПАЙНВУД» – ДЕВЯТНАДЦАТАЯ СТУДИЯ – 19:00

Джек Роджерс словно плывет в режиссерском кресле посреди закрытой сферы. Он висит высоко над тем, что выглядит улицей Лондона. Изогнутые стены студии будто не существуют. Джек видит высотки и поток машин. Видит легкий снег, падающий справа. В мигании светофоров и автобусных фар его хлопья превращаются в яркие конусы.

Роджерс вытягивает руку и медленно опускает раскрытую ладонь. Точка съемки снижается. Роджерс – камера. Он смотрит для нас. Он летит над улицей, и то, что увидит режиссер, увидим и мы.

Мы опускаемся, пока не оказываемся у станции метро «Оксфордская площадь». Мимо летят снежинки. Толпы людей всех народов Земли с трудом передвигаются в давке. Шум машин, крики и саундтрек – «Адажио для струнных» Самуэля Барбера.

И вот она. Амбер Холидей выходит из метро и накидывает отороченный мехом капюшон пальто. Она ежится, поворачивается и начинает пробиваться сквозь толпу на восток, к Сохо.

Джек произносит:

– Следуй за ней. Держи ее в правом сегменте, – и камера сдвигается вместе с женщиной.

Джек говорит:

– Медленный наезд.

Объектив приближается к бездонным голубым глазам. Женщина улыбается. Широко. И тут же улыбка кривится и превращается в оскал. Из носа течет. Глаза зажмуриваются от боли. Амбер падает на пол. Она не двигается.

Джек кричит:

– Снято!

Все замирает. Толпа, шум, автобусы, такси и музыка просто останавливаются.

ИНТЕРЬЕР. «ПАЙНВУД» – ШЕСТАЯ СТУДИЯ – 19:00

У Рэйчел Палмер длинные темные кудрявые волосы, ярко-голубые глаза и жизненная позиция «Не шути со мной». Сейчас у Рэйчел Палмер сложности с актерами.

Тарквин Белофф невозможно красив. Его увеличенные на компьютере грудные мышцы видны в расстегнутом вороте рубашки, и при взгляде на них кажется, что он способен разнести высотку ударом руки.

– Я согласен с Амбер, – говорит Белофф. – Это очень плохая строчка.

Его речь – тщательно составленная смесь русского и бостонского акцентов с интонациями ведущих Би-би-си.

– Тарквин, – отвечает Рэйчел, – я ценю твое мнение, но вообще-то я разговариваю с Амбер, поэтому сделай перерыв.

Где-то в компьютерном чреве Тарквина пользовательский интерфейс машины состояний начинает бесконечный цикл на текущем узловом событии, и актер затыкается. При этом в кластере его сущности продолжают выполняться тысячи других задач, направленных на изучение и анализ книг, картин, музыки и интернет-порно для поиска более глубокой имитации человечности.

Очень терпеливо Рэйчел произносит:

– Хорошо, Амбер. Так что за проблема с этой строчкой?

– Я не могу сказать: «Не надо. Ты можешь меня трахать, но не целовать. Я не готова к поцелуям… пока». – Амбер задействует свою новую фишку – загадочную улыбку. – Это противоречит профилю моего персонажа. Поцелуи – ранняя стадия, а траханье идет позже.

Рэйчел откидывается в режиссерском кресле и на мгновение задумывается.

– Дело в том, Амбер, – говорит она, – что это верно для твоих унаследованных характеристик. Видимо, Джулия любит немного пофлиртовать, прежде чем ей захочется открыться. Я тоже. Но у нас тут актерская игра, не забывай, и тебе нужно подогнать параметры и значимость данных, чтобы допустить, что так чувствует твой персонаж – Алиса. И это слегка отличает ее и от Джулии, и от меня. Возможно, нежность поцелуя для нее ценнее, чем прикосновения и физическая чувственность. Возможно, она хочет, чтобы нежность была целью, а не средством. Просто поразмышляй над этим.

Амбер задумывается на семь микросекунд и отвечает:

– Хорошо, я сделала такое наслоение и думаю, у меня получится, но я не уверена насчет интонации. Она агрессивная, или соблазнительная, или обиженная, или смущенная, или спокойная, или язвительная?..

– Мне не нужен весь список, – прерывает ее Рэйчел. – Просто обнови Алису, и мы попробуем. Тарквин, возвращайся.

Машина состояний Тарквина получает уведомление и выходит из цикла. Застывшие черты лица начинают двигаться. У актера появляется дыхание. Он моргает. Его губы чисты и влажны.

– С самого начала, – говорит Рэйчел.

Тарквин берет Амбер на руки и тянется к ней губами. Она отворачивается и произносит:

– Не надо. Ты можешь меня трахать, но не целовать. Я не готова к поцелуям… пока.

Рэйчел довольна:

– Неплохо, дорогие. Совсем неплохо. Достаточно эффектно и трогательно. Только одно, Амбер…

– Да?

– Перестань улыбаться.

Улыбка Амбер кривится и превращается в оскал. Из носа течет. Глаза зажмуриваются от боли. Амбер падает на пол. Она не двигается.

Секунду спустя Тарквин входит в ступор, и его изображение исчезает в помехах.

МОНТАЖ. ИНТЕРЬЕР. СТУДИЯ «ПАЙНВУД» – ВЕЧЕР

Начинает завывать сирена. Снаружи диспетчерской мигают красные аварийные лампы.

Рэйчел, Джек и другие режиссеры спускаются по длинному мрачному коридору от своих капсул к диспетчерской. Джек идет впереди, набирает код на охранной панели и первым проходит через тяжелую дверь.

– Что, черт возьми, тут творится? – кричит он.

Старший менеджер группы технического сопровождения Сунил Гупта опирается на плечи двух консольных операторов. Сенсорные панели перед ними похожи на рождественские елки, мигающие красными значками.

НАТУРА. УКРАИНА – КИЕВ – ВЕЧЕР

Очень теплая летняя ночь в Киеве. Множество людей сидит на террасах кафе и баров. Луна отражается в ряби на поверхности Днепра. Темная фигура тихо плывет вниз по течению, медленно вращаясь в потоке. Тарквин Белофф, он же Александр Бондаренко, словно бы не пострадал. На нем нет ран, никаких заметных повреждений. Красивое лицо всплывает и снова опускается в залитые лунным светом волны. Единственная проблема в том, что его легкие полны воды и он мертв.

ИНТЕРЬЕР. ГРЕЦИЯ – КОРФУ – ПОЛИЦЕЙСКАЯ МАШИНА – НОЧЬ

Останки Джулии Симпсон, также известной как Амбер Холидей, упакованы и отправлены в морг. Спирос и Александрос едут обратно в город по темным, опасным, извилистым дорогам, которые тянутся между кипарисов и оливковых рощ. Звонит мобильный Спироса. Он несколько секунд слушает голос в трубке и делает жест Александросу. Тот выполняет рискованный поворот и давит на газ.

НАТУРА. ГРЕЦИЯ – КОРФУ – АГИОС-СТЕФАНОС – НОЧЬ

Агиос-Стефанос. – это не пьяный молодежный ад южного Кавоса. И не район типичной английской рыбы с жареной картошкой вроде северного Сидари. Некогда крошечный рыбацкий порт деревни Авлиот, расположенной высоко в окрестных холмах, сейчас превратился в современные жилые кварталы, таверны и бары. Здесь нет дискотек. Полный чувства собственного достоинства дремотный Агиос-Стефанос вызвал бы ненависть всех, кто не достиг двадцатилетия.

Пляж – длинный полумесяц золотого песка и мягко ласкающее берег Ионическое море. Путешественники знают это место как Сан-Стефанос. Считается, что его переименовали для турпакетов компании «Томсон», чтобы ее представители не отправляли клиентов в один из двух других Агиос-Сте- фаносов на острове.

Александрос въезжает в центр деревни и паркуется у «Маленького принца» – таверны с комнатами, сдающимися внаем. На террасе ресторана царит оживление. Когда Михалис (Майк) приносит шипящий стейк к столикам рядом с дорогой, мелькают вспышки фотоаппаратов. Поднос брызжет жиром и исходит паром, на мужчине пластиковый фартук. Михалис ненавидит подавать шипящий стейк, но сегодня это специальное блюдо.

Спирос и Александрос выходят из машины и направляются к ресторану. В это время свет немного приглушается, и другой Спирос – местный официант – вместе с еще одним Спиросом, тоже официантом, начинают танцевать сиртаки в проходе между столами. Корфу наводнен мужчинами, которых назвали Спиросами в честь покровителя острова святого Спиридона. Танцующие покачивают ногами вперед-назад. Соприкасаются пятками и носками. Приседают, кружатся и поднимаются, их руки широко раскинуты.

Димитрис, владелец заведения, распыляет на пол жидкость для барбекю и поджигает ее. Мерцают синие и оранжевые всполохи, Спирос и Спирос танцуют в огне, щелкают фотоаппараты.

Полицейские наблюдают за всем этим у обочины, а когда танцы заканчиваются, огибая столы, входят в таверну. Димитрис жестами зовет их за собой и ведет через жилую часть, а затем вверх по лестнице, на этаж с бассейном и номерами.

Комната 101 в конце коридора. Знак «Осторожно, скользкий

пол» преграждает путь. Джо, бармен, стоит на карауле у двери. Он бледен.

Димитрис передает Спиросу универсальный ключ, и они скрываются внутри.

ИНТЕРЬЕР. ГРЕЦИЯ – КОРФУ – АГИОС-СТЕФАНОС – НОМЕР 101 – НОЧЬ

Энджел Аржент, она же Одри Тернер, лежит на полу лицом вниз. На ней черное бикини. Пустая бутылка снотворного и полупустая – «Метаксы» стоят бок о бок на столе. Темно-каштановые волосы рассыпаны вокруг головы женщины, словно густая тень.

Спирос выдыхает: «Skata!» – что примерно переводится как «Вот дерьмо!» – и поворачивается к Димитрису:

– Как ее нашли?

– Сегодня день выезда. Постояльцы с ночных рейсов могут получить отсрочку до вечера. А сюда по ошибке вошла горничная, чтобы подготовить комнату. Кстати, гостья отдыхала тут не одна. Сегодня утром у них случилась небольшая ссора.

– И как его звали?

– Не его, а ее. Джулия Симпсон.

Александрос и Спирос обмениваются одним из взглядов, бытующих среди полицейских, в которых мелькают невысказанные «ночь» и «долгая».

– Алекси, – говорит Спирос, – включай рацию и вызывай криминалистов, пусть приедут как можно быстрее. И принеси из машины оградительную ленту. Димитри, будь добр, никого сюда не пускай и поставь жариться два шипящих стейка!

ИНТЕРЬЕР. «ПАЙНВУД» – ЗАЛ ДЛЯ ПЕРЕГОВОРОВ – НОЧЬ

Сунил Гупта заканчивает доклад перед собранием режиссеров, продюсеров, исполнительных продюсеров и, самое главное, перед Линн Сонгберд – владелицей студии, актеров, персонала, компании «Флешворкс», одного или двух частных самолетов и домов в Лос-Анджелесе, Глазго, Лондоне, Париже и Бангалоре. Сунил напуган. Линн взрывная. Линн бьет боксерскую грушу голыми ногами просто ради тренировки. Ей нужны хорошие новости, но их нет.

– Итак, к сути, – нервно говорит Сунил. – С разницей в несколько минут мы потеряли квантовую связь с мозгом пяти основных актеров.

– Береги голову! – использует Линн шотландское выражение, означающее «сохраняй спокойствие». – Как это могло случиться?

Сунил указывает на диаграмму на электронной доске:

– Можно сделать два вывода: либо сегодня изменились законы физики, либо эти люди мертвы.

Джек в углу заканчивает говорить по смартфону. Он входит в свет проектора:

– Я снова позвонил на номер Энджел. Мне ответил полицейский из Корфу. Амбер слетела с утеса. Энджел схлопотала передоз.

– И? – уточняет Линн.

– Не многовато ли мозгов потеряно за считаные минуты? Похоже, на нас напали.

Долгая пауза. Голубые глаза Линн оглядывают комнату.

– Все, кроме Джека, Сунила, Рэйчел, Джейсона, могут идти домой. Держите телефоны включенными и будьте готовы выехать куда угодно в кратчайший срок. Спасибо.

Когда комната пустеет, Линн жестом приглашает оставшихся присаживаться и наливает себе кофе из фляги, стоящей рядом с доской. Никто не произносит ни слова. Наконец Линн сама опускается на стул и говорит:

– Ладно. Нам нужна ясность. Джек, ты главный режиссер фильма. Сколько у нас отснято?

Джеку за тридцать. У него старомодно длинные волосы и аристократический акцент воспитанника частной школы, хотя окончил он захудалое муниципальное учреждение в Болтоне.

– Если использовать кое-какие слабые дубли, то я бы сказал, что у нас около восьмидесяти процентов. Это только

предположение. Придется еще убрать неудачные кадры.

Линн обращается к Рэйчел, которая числится вторым режиссером:

– Рэйчел, ты согласна?

Та кивает.

– Итак, – продолжает Линн, – мой первый вопрос: сможем ли мы закончить фильм? У нас полно информации об актерах на компьютерах. Так, Сунил?

Сунил ненавидит это. Он избегает зрительного контакта с другими людьми.

– Да, у нас ее полно, – тихо отвечает он.

Линн подходит и смотрит ему прямо в глаза.

– Твой голос звучит не слишком уверенно, – говорит она. – Почему у нас не получится закончить фильм с теми персоналиями, которые есть сейчас?

– Возможно, получится, – отвечает Сунил.

– И насколько осуществимо это «возможно»?

Сунил складывает большой и указательный пальцы, обозначая крайнюю малость.

Линн отступает и шумно выдыхает.

– Я такая глупая. Мы тратим два миллиарда евро на самую совершенную систему кинопроизводства из когда-либо существовавших. Мы получаем «Оскары», как бонусы для клиентов в супермаркете. Мы нанимаем красавцев с нулевым талантом, вытряхиваем их мозги, а потом я забываю, что они люди. Что они могут умереть. Мы не защитили их. Засранцы мы.

Ее голубые глаза неожиданно увлажняются. Смартфон Джека гудит, и тот проводит пальцем по экрану.

– Еще двое, – сообщает он. – Они убирают всех.

Линн вскакивает и пинком отправляет стул через всю комнату.

– Черт подери! – кричит она. – Это долбаная война! Джек, Рэйчел, посмотрите, сможем ли мы спасти фильм. Сунил, собирай своих техников.

Сунил, обхватив голову, не отрывает взгляд от серого ковра.

– Хорошо, – говорит он, – но у нас может быть еще одна проблема.

Линн поднимает сломанный стул, очень осторожно ставит его и произносит:

– Сейчас именно тот момент, когда мне нужно знать все. Так чего же я не знаю?

НАТУРА. АЭРОПОРТ ЛУТОН – НОЧЬ

Готовый к вылету «Лирджет-85» стоит на площадке в западном конце взлетно-посадочной полосы, рядом с белыми ограничительными метками, дрожа от вибрации «Боинга-737», направляющегося в Прагу. Винты «Боинга» раскручиваются для взлета, он катится по полосе, бортовые огни ярко вспыхивают, самолет отрывается от земли.

Свет в кабине «Лирджета» неярок, но все же позволяет разглядеть Линн и ее личного помощника Джейсона, потягивающих кофе. После шумного радиообмена с диспетчерской вышкой самолет приходит в движение, поворачивает на длинную ленту черного асфальта, разгоняется, поднимается в воздух и летит на юг над Германией и Альпами, над итальянским побережьем, мимо Венеции и Бриндизи – к Корфу.

ИНТЕРЬЕР/НАТУРА. «ЛИРДЖЕТ» – КОРФУ – ПРИЗЕМЛЕНИЕ

Линн спит, когда самолет опускается с одиннадцати тысяч метров до полутора и следует по курсу вдоль Адриатики к греческим островам. Слева экипаж может рассмотреть скалистый берег Албании. Джейсон с кофе и фруктовым соком будит Линн. Оранжевые огни рассвета вспыхивают над верхушками гор.

Дэнни Эдвардс, глава службы безопасности, спит мало. Он сидит сразу за пилотами и настраивает высокотехнологичную и, возможно, незаконную сеть спутниковых систем студии. Он отпивает травяной чай, который ненавидит. Его рука зудит от никотинового пластыря. На голове у него наушники с микрофоном, и он перезванивает тем, кто оказал ему несколько услуг, щедро разбрасывая евро туда и сюда. Рядом сидит Сунил и следит за необычным оборудованием в грузовом отсеке.

Пилоты «Лирджета» перебрасываются парой слов с вышкой в аэропорту «Иоаннис Каподистрия», выпускают шасси, открывают закрылки и снижаются до четырехсот пятидесяти метров. Самолет трясет: его сносит ветром на западном побережье Корфу, тем самым, который привел героев «Одиссеи» домой. Слева темно-зеленые горы острова. Справа – Ионическое море глубиной почти в пять тысяч метров. Они пролетают мимо Агиос-Стефаноса, где умерла Энджел, затем мимо Арилласа, Агиос-Гиоргиоса и Палеокастрицы, где умерла Амбер. Пляжи все еще в тени. Боги спят, даже Коркира – прекрасная нимфа, которую Посейдон похитил и взял в жены. Она и дала свое имя острову Керкира.

Самолет поворачивает левее и делает над холмами заход на взлетно-посадочную полосу – прибрежную косу, тянущуюся по морю. Он пролетает мимо беленой церкви на небольшом острове, касается земли и прерывает предрассветный покой гулом обратной тяги.

ИНТЕРЬЕР. КОРФУ – МОРГ – ДЕНЬ

За свою карьеру в полиции Спирос видел множество внезапных смертей, но до сих пор ненавидит вскрытия. Ненавидит горький обжигающий запах костяных пил, цифровые весы, органы. Ненавидит, когда спокойно удаляют внутренности и расчленяют того, кто прежде смеялся и любил. Спирос потеет.

Морг в новой бело-синей больнице Контокали, расположенной к северу от центра города, самый современный. Искромсанное обнаженное тело Амбер лежит на столе из нержавеющей стали, на соседнем – темноволосая красотка Энджел. Впрочем, со снятым скальпом она уже выглядит не так привлекательно. Спирос счастлив, что он за стеклом, в комнате наблюдения, а не в интимной близости с телесными жидкостями. Он становится еще счастливее, когда звонит мобильный и глава префектуры приказывает прекратить вскрытие. Но радоваться приходится недолго.

– Это крайне необычно, – отчетливо произносит патологоанатом в микрофон. – Пахименинкс[116] ярко-синий.

Она только что трепанировала череп Энджел. Оболочка мозга хорошо видна.

Спирос врывается в комнату.

– Stamata! – велит он, – Стоп. Заморозьте тела и ждите инструкций. И не задавайте вопросов. Политика!

БЫСТРАЯ ПЕРЕМОТКА на тридцать минут вперед. Спирос, Селина Мариатос – действующий патологоанатом, старший инспектор и Линн со своей командой сидят в переговорной и пьют холодный лимонный чай из торгового автомата. Спирос жадно допивает свой, сминает банку и очень точным броском отправляет ее в мусорную корзину.

– Так что? – требовательно спрашивает он. – Мы ведем расследование. И не допустим вмешательства.

– Это последнее, чего бы мы хотели, мистер Кукуладес, – говорит Линн. – Мы думаем, что сможем помочь. Мы точно знаем, что сможем. Дело в том, что принимать меры нужно незамедлительно. У нас самое большее несколько часов.

– Тогда быстрее переходите к сути. Как следователь я решаю, помогаете вы или… что-то еще.

Линн встает и подходит к окну.

– То, что я вам скажу, – произносит она, – крайне конфиденциально.

Спирос смеется.

– У меня две мертвые кинозвезды. Детали следствия станут

известны всему миру. Есть что сказать – говорите. Не вам решать, что тут конфиденциально. Ясно?

Он не вздрагивает, когда Линн оборачивается и широко распахнутыми голубыми глазами смотрит в его карие. Он привык к жестким женщинам. На одной из них он женат.

– У вас две мертвые кинозвезды. У нас пять. Это не случайность, офицер. Это заговор и убийство. Нам нужна ваша помощь, и, поверьте мне, вам нужна наша.

Дэнни смотрит на смартфон.

– Сейчас уже шесть актеров, – говорит он. – Мы можем продолжить?

БЫСТРАЯ ПЕРЕМОТКА еще на двадцать минут. В зал морга вкатывают оборудование из «Лирджета», а у Сунила и Селины идет настоящий праздник «ботаников». Им обоим по тридцать лет, их кожа почти одинакового оливкового оттенка, и оба они хорошо выглядят в умеренно приглушенном свете. Их обширные знания отрезают обоих от человечества. Селина бросает пластиковый комбинезон Сунилу. Тот его надевает и произносит:

– Вам следует быть со мной помягче. Я не привык к телам.

Она тычет его в грудь:

– Одно из них у вас самого есть.

– Но его может стошнить.

– Думаете, меня беспокоит рвота? Если вас стошнит, я соберу ее и расскажу, что вы ели на обед три дня назад. А теперь… почему мозг Энджел синий?

– Увидите.

Сунил открывает переносные алюминиевые боксы и монтирует по обе стороны от стола и по всей комнате нечто похожее на шестнадцать маленьких спутниковых антенн на подставках. Через переходник он подключает британский штепсель силового кабеля от тяжелой консоли управления к континентальной электросети. Верхняя панель консоли матово-черная, но, когда щелкает переключатель, она начинает светиться густым ультрамарином, светлеет и тянется вверх, создавая полупрозрачный сорокасантиметровый бледно-голубой куб.

– Вы согласились, – уточняет Сунил, – что видеозапись остается конфиденциальной.

– Она должна быть доступна для следствия. Таков закон.

– Селина, – говорит Сунил, – я поделюсь с вами всем. В мире нет ничего подобного. Но никому не под силу управлять всем происходящим с уликами. О многом я пока не могу вам рассказать. Но обещаю, мы будем сотрудничать и поделимся тем, что, возможно, не войдет в финальный отчет. Никакой лжи, просто некоторые вещи останутся без объяснений. Договорились?

– Я приму решение позже, – отвечает Селина.

Ассистент одно за другим привозит на каталке тела и кладет их на столы для вскрытия. Он расстегивает мешки и извлекает оттуда трупы. Сунил чувствует, как лицо заливает краска. Его сердце бьется очень быстро. Тело Амбер – это катастрофа. Сломана каждая кость. Женщина стала до странности мала ростом, ее сплющило от удара об землю. Череп раскололся по диагонали от левого уха до правой стороны нижней челюсти. Большей части мозга нет. То, что осталось, обесцвечено – слабые намеки на зеленый и бирюзовый среди розового и серого.

Селина приобнимает Сунила.

– Это моя область, – произносит она. – Теперь беритесь за свою – и почувствуете себя лучше. Мы работаем ради них. Не знаю, где они – на пути к загробной жизни или вернулись в ничто, но мы выясним правду об их последних секундах. Сейчас я начну запись.

Она жестом велит ассистенту покинуть комнату и нажимает кнопку записи на пульте управления.

– Продолжение расследования смерти Джулии Джейн Симпсон, британской подданной, найденной мертвой в Палеокастрице. Дальше я буду говорить на английском и греческом в интересах присутствующего доктора Сунила Гупты.

ИНТЕРЬЕР. САЛОН АВТОМОБИЛЯ – КОРФУ – ДЕНЬ

Спирос и Дэнни Эдвардс достигли молчаливого соглашения. Спирос едет со скоростью сто двенадцать километров в час по серпантину, но штаны Дэнни остаются совершенно сухими, даже когда полицейский резко бьет по тормозам «БМВ», чтобы избежать массового убийства коз, которые бродят по асфальтовой полосе.

– Не под запись. Согласен? – спрашивает Спирос у Дэнни, размякшего от то возникающих, то пропадающих перегрузок.

Дэнни соглашается.

– В любой день турист может слететь с утеса, – продолжает Спирос. – В любой день у кого-то случается передозировка. Каникулы бывают эмоциональными. Мы установили, что Амбер и Энджел – используем их публичные имена – были любовницами. За завтраком у них вышел спор. Амбер уехала в Палео одна и упала с обрыва. Энджел приняла слишком большую дозу, как это часто случается у любовников, когда они ссорятся. Неужели я ошибусь, предположив простое объяснение?

– Нет, – отвечает Дэнни. – Но если шесть человек, которые работают на нас, умирают один за другим в течение нескольких часов, неужели я ошибусь, предположив, что перед нами убийство?

– По-моему, ты не бывший военный. И не бывший полицейский. Твой стиль почти наверняка говорит о том, что ты работал на секретную службу. Вероятно, МИ 5. Мои инстинкты врут?

– Нет.

Дорога к «Золотому лису», расположенному высоко над Палеокастрицей, оцеплена. Патрульный отодвигает знак «Проезд запрещен», и Спирос медленно приближается к точке, где трасса отмечена следами горелой резины. Рядом с камерой на штативе, прислонившись к скале у края утеса, курит оператор. Он быстро тушит сигарету, когда замечает выходящих из машины Спироса и Дэнни. Дэнни начинает расхаживать по дороге – поднимается метров на двадцать, затем еще примерно на тридцать, спускается обратно, заслоняет глаза от июльского солнца, палящего высоко над морем. Спирос ничего не говорит. Он делает знак оператору, тот вынимает пачку сигарет «Карелия» и протягивает ее Спиросу. Дым свивается в воздухе кольцами, а Дэнни все ходит и ходит. Он светловолосый, и его кожа быстро краснеет под жарким солнцем.

Наконец он возвращается к Спиросу.

– Она была осторожным, боязливым водителем. И ехала медленно – максимум сорок километров в час. Добралась до поворота, резко затормозила, вывернула влево, ударилась о скалу, отрикошетила и потеряла управление. Она выжимала тормоз, пока ее несло к краю утеса. И она вылетела.

Оператор кивает и произносит:

– Ne!

Это значит «Да».

Спирос предостерегающе поднимает руку:

– Тс-с. Я хочу услышать выводы мистера Эдвардса.

– Можно мне сигарету? – спрашивает Дэнни.

Оператор бросает ему пачку, а следом зажигалку. Дэнни глубоко заглядывается.

– Две недели, – говорит он. – Две жалкие чертовы недели без сигарет, и тут такое происходит. В любом случае… мне кажется, что аварию подстроили.

Спирос ведет Дэнни вверх по дороге к «Золотому лису», где последний раз купалась Амбер.

– Все эти смерти… – говорит он. – Разумеется, мне нужно быть беспристрастным. Когда внезапно прилетают топ-менеджеры кинокомпании и начинают тратить большие деньги, я обязан предположить: им есть что скрывать. Я был на вскрытии, и патологоанатом сказала, что в мозге мертвых девочек нашли аномалии. Таким образом, альтернативная гипотеза может заключаться в том, что вы сделали с ними нечто адски неправильное.

Звонит сотовый Спироса. Он слушает несколько секунд, произносит: «Endaxi», – и кладет трубку.

Дэнни стоит у края дороги, глядя на едва заметные следы, которые оставляют на воде маленькие лодки, лавирующие между скалистыми бухтами далеко внизу.

– Красивое место для смерти, – говорит он.

Спирос встает рядом и спрашивает:

– Неужели Клитемнестра действительно убила Агамемнона, когда он выходил из ванны? Возможно, он поскользнулся и ударился головой, хотя это было бы слишком скучно. Звучит глупо, но именно поэтому я стал полицейским. Из-за старых историй. Так или иначе, у меня есть багги для езды по песку, изученный вдоль и поперек. Сзади на левом боку у него отпечаток черной краски.

Дэнни последний раз затягивается сигаретой и давит окурок ногой.

– Итак, – говорит Спирос, – посмотрим, найдем ли мы какие-

нибудь следы черной машины в таверне.

– На записях с камер наблюдения? – спрашивает Дэнни.

Спирос смеется.

ИНТЕРЬЕР. КОРФУ – МОРГ – ДЕНЬ

Селина помещает остатки мозга Амбер на стеклянную пластину в стороне от тела. Затем она срезает ткань слой за слоем и взвешивает ее. Сунил настраивает бесконечные антенны, часто сверяясь с показаниями приборов на консоли управления.

Женщина подходит и тихо произносит:

– Вы должны все объяснить под запись. Иначе я больше ничего не буду делать.

– Вы можете переехать и работать на нас, – отвечает Сунил.

– В вашей кинокомпании много возможностей для патологоанатома на полставки? Я так не думаю.

– К сожалению, на этой неделе много.

Он отходит от консоли, стараясь не смотреть в сторону тел и срезанных пластинок мозгового вещества.

– Ладно. Предыстория. Кино – единственное искусство, которое полностью зависит от технологий. В этом и его сила, и его проклятие. Когда телевидение набрало обороты, люди ушли из кинотеатров. А большие студии тесно связаны и с их владельцами, и с прокатчиками. И те и другие хотят, чтобы зрители вернулись. Хотят продавать билеты и попкорн. Вот почему в начале века так активно продвигали 3D.

Эта технология не так уж хороша. Тем, кто не носит очки, они не нравятся, а те, кто носит, не любят надевать еще одни поверх собственных. Так или иначе, десять процентов людей вообще не способны увидеть эффект 3D. И все же это была бомба, новейшая разработка.

Мы небольшая компания. Нам не нравится быть на побегушках у какого- нибудь надутого индюка, болтающего у бассейна в Малибу. Особенно это не нравится Линн. Ее предки были такими жуткими, что римляне построили десятиметровую стену, чтобы сдержать их. Итак, переходя к сути, мы вложили деньги – ну, она вложила – в технологии. Мы вырвались далеко вперед, и теперь благодаря нам вы можете получить в собственной гостиной больше впечатлений, чем когда-либо получали в кино.

Селина расхаживает по комнате.

– И какое отношение это имеет к бедным мертвым женщинам? – спрашивает она.

– Мы научились напрямую стимулировать мозг аудитории. Зритель может проживать происходящее в фильме, осязать это, испытывать те же чувства, что и персонажи. И создаем мы такой эффект, заимствуя мозг наших актеров – с полного их согласия.

Вживляем им кое-каких безвредных наноботов и другое подобное оборудование, что создает своего рода квантовую запутанность. Некоторые мозговые центры актеров мы используем без их ведома.

– Откуда вы знаете, что это безвредно? – требовательно спрашивает патологоанатом.

– Проводились испытания на животных и на людях – никаких последствий.

– И поэтому мозг стал синим?

– Вероятно. После воздействия воздуха.

– Сунил, пока я вам поверю, но судебному следователю, возможно, потребуются доказательства.

– Хорошо. А сейчас нам нельзя тянуть слишком долго.

Селина жестом показывает на оборудование:

– Объясните.

Сунил нажимает несколько кнопок на консоли. Свет в полупрозрачном кубе мерцает.

– Я пытаюсь снова создать запутанность в наноботах, – говорит он. – И записываю данные с них для отчета.

Неожиданно в кубе появляется модель отделов мозга. Сунил щелкает переключателем, и некоторые области помечаются красным и оранжевым.

– Визуальные центры разрушены. Наночастицы хранят в буфере кратковременную информацию – примерно десять секунд – до потери запутанности. Мне кажется, у нас есть что-то связное в верхней височной доле. Слуховая обработка. Это может занять время.

– Сколько?

– Около часа.

– Кофе? – предлагает Селина.

ИНТЕРЬЕР. КОРФУ – УПРАВЛЕНИЕ ПОЛИЦИИ – ДЕНЬ

Судебный следователь – тучный шестидесятилетний сын рыбака из Корфу – в свое время боролся против власти кучки богатых семей, которые сотни лет контролировали большую часть острова. Паньотис никого не боится, даже Линн. Он оглядывает собравшихся в конференц-зале: Димитриса, Линн, Дэнни, Джека, Сунила, Селину и разных детективов, потягивающих воду и ждущих его слов.

– Это греческое дело. Понимаю, погибли две британские подданные, но это не значит, что кинокомпания может участвовать в следствии. Лейтенант Кукуладес, объяснитесь, пожалуйста.

Спирос хочет оказаться в каком-нибудь другом месте.

– Я согласен с вами, – произносит он, – но эти молодые женщины были необычайно знамениты. – Он листает лежащую на столе стопку таблоидов с заголовками вроде «Спокойной ночи, Ангел» и «Эмбер летела к своей смерти». – У кинокомпании есть информация, которая может быть полезной для расследования, и по крайней мере на данный момент я считаю, мы должны выслушать то, что они скажут.

Паньотис опирается подбородком на кулак и смотрит на Линн.

– Излагайте, – велит он.

Сможет ли мощь Глазго переглядеть мощь опасных черных глаз следователя? Женщина вздыхает и начинает говорить:

– Несколько наших ключевых актеров умерли один за другим. Двое могут быть совпадением, сэр, но пять или шесть? Я думаю, что нет. – Впервые за последние тридцать лет она использует слово «сэр». – Надеюсь, вы согласитесь, что есть неопровержимые доказательства заговора. Мы тесно сотрудничаем с властями нескольких стран, чтобы определить источник этой смертоносной атаки. У нас есть технологии, которые могут помочь следствию, и мы предоставили их в ваше распоряжение.

– Я готов слушать, – медленно отвечает следователь, – но сомневаюсь, что суд учтет какую-либо неапробированную технологию. Доктор Мариатос также дала мне понять, что ваши секретные разработки могли оказаться причиной смерти этих людей. Доктор Мариатос абсолютно правильно с профессиональной точки зрения уступила место старшего научного сотрудника следствия двум ведущим судебным

патологоанатомам из Афин. Они должны прибыть в аэропорт в течение часа.

– Наши устройства совершенно секретны! – решительно заявляет Линн.

– Это расследование возможного убийства. Я буду решать, что тут секретно. Доктор Мариатос, пожалуйста, продолжайте.

Селина становится в конце стола и в общих чертах описывает судебное исследование тел Амбер и Энджел. Данные вскрытия совпадают с обычным состоянием трупов после падения с большой высоты и передозировки снотворного. Тем не менее Селина хочет добавить к этому данные Сунила. Она официально просит судебного следователя разрешить Сунилу Гупте продемонстрировать результаты его тестов. Следователь кивает.

Сунил вставляет диск в проигрыватель блю-рей и нервно откашливается:

– Я понимаю скептицизм в отношении неапробированных технологий. То, что мы сделали сегодня, никогда не совершалось раньше. Это побочный эффект нашего взаимодействия с мозгом актеров. У нас есть звуковая запись, правда плохого качества, последних десяти секунд жизни Джулии Симпсон.

Он нажимает кнопку на пульте. Раздается звук двигателя, затем грохот удара, более громкий металлический лязг, тяжелое женское дыхание и крик. Следователь, приподняв брови, поворачивается к Спиросу.

– Мы обнаружили следы воздействия и кусочки черной краски на левой задний части багги, что совпадает с версией столкновения, – докладывает тот.

Следователь жестом разрешает Сунилу продолжать.

– У нас также есть не очень качественное видео последних нескольких секунд жизни Энджел Аржент – Одри Тернер. Чтобы показать его, мне придется использовать нашу новую технологию погружения, которую мы называем «Инифиниди». Вначале я прокручу запись на пятидесяти процентах прозрачности, а затем, пожалуй, на полной яркости.

Сунил подходит к черному ящику, стоящему на столе в центре комнаты. Мебель и люди в помещении становятся полупрозрачными. Все они словно оказываются в такой же полупрозрачной кухне номера 101 в Агиос-Стефаносе. В воздухе ощущается всепоглощающий ужас и уныние. Темная фигура стоит перед ними на фоне золотистых лучей вечернего солнца, льющихся из окна, и они чувствуют холодные капельки спрея в своих ноздрях. Голос с американским акцентом произносит: «Спокойной ночи, Ангел», – и наложенные друг на друга сцены рассыпаются, превращаясь обратно в зал полицейского

управления. Следует долгая пауза, затем Сунил спрашивает:

– Мне проиграть в полную силу?

– Думаю, нет, – отвечает следователь. – Для меня и так достаточно впечатляюще. Селина Мария?

Та удивлена, что он использует имя, данное ей при крещении. Он явно обеспокоен.

– В тканях полости носа найдены возможные признаки воздействия метилового спирта. Я отправила образцы в Афины для глубокой спектроскопии. Такие вещи очень трудно установить, но, вероятно, в этом случае мог быть использован аэрозольный распылитель.

Следователь откидывается в кресле.

– Много лет назад, – говорит он, – в юности, я участвовал в съемках фильма о Джеймсе Бонде «Только для твоих глаз» – тут, на Керкире. Я был привлекательным – нет, очень привлекательным – молодым человеком, проходившим по улице в небольшом эпизоде, в котором появлялся Роджер Мур. Мы повторяли съемку много раз. Однажды я посмотрел в камеру, чего мне говорили никогда не делать, и на меня наорали. Освещение все время поправляли, а мы стояли вокруг и ждали. Задействовали сотни людей. Я рассказываю это, поскольку, даже будучи молодым человеком, понял: когда видишь что-то в кино – это всего лишь тщательно проработанная картинка. То, что вы показали мне, может быть правдой. А может быть и ложью. Все ваше ремесло – обман. Я полагаюсь на своих полицейских и врачей. Тела не будут похоронены или репатриированы, пока я не разрешу.

– А кремированы? – спрашивает Линн.

– В Греции не кремируют, – отвечает следователь. – Мы живем в надежде на воскрешение.

Он встает. Следом поднимаются все остальные. Он выходит. Пауза, за ней ослепительная вспышка. В дверях, словно появляющийся на сцене демон из пантомимы, возникает Александрос. Он очень красив, этот Александрос. Ясный день снаружи разрывает оглушительный раскатистый звук, глубокий гулкий грохот грома сотрясает окна. Небо мгновенно меняется от синего до аспидно-серого цвета, и огромные капли дождя водопадом обрушиваются на стекла. На островах Ионического моря нечасто бывает морось – или солнечный свет, или ливень. Герольдом Зевса, бога грома, Александрос подходит к Спиросу и шепчет что-то ему на ухо. Линн смотрит на молодого мужчину. Ее к нему тянет.

– Прошу меня простить, – произносит Спирос и вместе с Александросом покидает комнату.

– Последние новости? – спрашивает Линн у Дэнни.

Все время переговоров у того на коленях лежал блокнот.

– Мы получили данные из некоторых тел. Добиться сотрудничества с Киевом не удалось. Мы потеряли Тарквина в прекрасно работающем, построенном русскими крематории.

ИНТЕРЬЕР. КОРФУ – ОФИС ПОЛИЦЕЙСКОГО УПРАВЛЕНИЯ – ДЕНЬ

Александрос раскладывает полдюжины фотографий на столе Спироса. – У меня есть все снимки, которые я только смог добыть у туристов, ездивших в тот день на автобусах в Палео.

У края бассейна «Золотого лиса» припадает к земле худой рыжеволосый мужчина. К его. лицу прижата цифровая зеркальная камера «Кэнон». Амбер Холидей стоит у бассейна, стряхивая капли воды с идеального тела. Мелькают фотографии: туристы вылезают из автобуса, дурачатся в объектив, а на заднем плане – черный внедорожник; в окне таверны едва заметная Амбер забирается в багги, а худой человек с намеком на рыжину идет по автомобильной парковке.

– Мы пробили номер. Машина взята напрокат в гавани. Он заплатил наличными. Судя по расписанию, вероятно, сошел с парома из Бриндизи. Мы проверяем записи с камер в гавани.

– Машина?

– Никаких следов.

Спирос берет фотографию человека с «Кэноном» и выходит.

ИНТЕРЬЕР. КОРФУ – КОРИДОР ПОЛИЦЕЙСКОГО УПРАВЛЕНИЯ – ДЕНЬ

Спирос наливает стакан воды из кулера и передает Дэнни. Наполняет еще один для себя, а затем вынимает из внутреннего кармана пиджака снимок фотографа.

– Я тебе этого не показывал, – говорит он. – Есть идеи?

Дэнни рассматривает фото, отдает обратно Спиросу и отвечает:

– Никогда раньше его не видел. Можно мне копию?

Спирос, подумав, кивает.

ИНТЕРЬЕР. КОРФУ – ГОРОДСКАЯ ТАВЕРНА – НОЧЬ

Принарядившаяся Селина наклоняется через стол к Сунилу. Она не красавица. У нее крупный нос и густые черные брови, но ее лицо обрамляет волна кудрявых темно-каштановых волос. Мужчина и женщина только что расправились с дольмадой, порцией мелкой рыбы, зелеными бобами в томатном и чесночном соусах и кучей отбивных из баранины на гриле.

– Где ты родился? – спрашивает она.

Сунил смеется.

– Кройдон. Это пригород на юге Лондона. Не в Бомбее. Lipame.

– Хорошая попытка, – хвалит она. – Немного грустно, если твое первое греческое слово – «извините». Давай все-таки произнесем его правильно. Оно звучит не совсем так, как ты сказал. Lee-PAH-tau! Попробуй!

Когда она проговаривает средний слог, ее губы широко раскрываются. Официант приносит еще один кувшин вина и ставит его на стол. Сунил повторяет слово за Селиной. Несколько раз.

– У меня маленький домик, – рассказывает Селина. – На холмах, в сторону Темплони. Там довольно прохладно ночью.

Она хихикает.

– У меня три козы и шесть цыплят, и я не могу как следует о них позаботиться. Овощи у меня гибнут. Каждый год строю на них большие планы, а к июлю все мертво. Такая вот моя жизнь. На работе стараюсь сохранить ее людям, а домой приду – солнце изжарило мои перцы до смерти. Козы меня презирают. Ты когда-нибудь держал коз?

Сунил признается, что, хотя в Кройдоне вполне могут водиться огромные стада коз, он никогда с ними не сталкивался.

– Козы очень умны, – продолжает Селина. – Овцы – их просто ешь. А про коз ты знаешь, что у них есть разум. Они смешные. И умеют выживать. Ты должен познакомиться с моими козами.

Сунил кладет руку на стол. Она накрывает его ладонь своей.

– Мне бы очень хотелось познакомиться с твоими козами, – говорит он.

Селина кивает и кричит официанту:

– To logoriasmo, parakolo![117]

Сунил оставляет на столе аккуратную стопку евро, и в этот момент в таверну входит Джек.

Режиссеры появляются в двух воплощениях: очарование или тирания. Джек само очарование.

– Селина, – произносит он, – сегодня вы выглядите потрясающе. Сунил, самолет улетает через два часа. Извините, что испортил вечеринку.

Сунил замечает, как взгляд женщины грустнеет, а плечи опускаются.

– Извини, Джек, это невозможно, – отвечает он. – Мы проводим тестирование трупов на параметрическое векторное выравнивание. Оно будет длиться примерно до одиннадцати часов завтрашнего утра. Если его прервать, то данные перепутаются.

– Линн не обрадуется, – замечает Джек.

– Завтра пришли самолет обратно. Упакованное оборудование будет в аэропорту, и мы сможем отправиться в два часа дня.

Джек на несколько секунд задумывается и кивает.

– Ладно, это твое шоу. Но расходы на рейс оплачиваешь ты, а не я. Спокойной ночи, Селина.

Он выходит.

Карие глаза женщины внимательно смотрят на Сунила.

– Что такое тестирование на параметрическое векторное выравнивание? – спрашивает она.

– Не имею ни малейшего понятия, – говорит он. – Думаю, нам придется задать этот вопрос козам.

ИНТЕРЬЕР. «ПАЙНВУД» – ДЕНЬ

Линн и Дэнни сидят в офисе службы охраны и рассматривают фотографию рыжеволосого мужчины с «Кэноном».

– Спирос отправил снимки в Интерпол, – говорит Дэнни. – Там ничего не добьются, но у меня есть друзья, которые могут копнуть поглубже. Типа на фото обычно зовут Эдриан Копп, но у него еще с десяток паспортов. Фрилансер. Бывший агент ЦРУ.

Дэнни поворачивается на стуле.

– Мы взломали все что могли, но пока не поняли, кто это с нами проделал. И до сих пор не нашли этого Коппа, не говоря уже об остальных.

– Каких остальных?

– Их должно быть по крайней мере четверо или пятеро. Время смерти, Линн. За час никто не сможет добраться из Корфу в Киев. Пока это наша единственная зацепка.

ИНТЕРЬЕР. СТУДИЯ «ЮНИВЕРСА» – ЛОС-АНДЖЕЛЕС – ДЕНЬ

Человек, который иногда называет себя Эдрианом Коппом, сидит, закинув ноги на соседний стул. На нем обрезанные джинсы и белая майка с синим логотипом техасского университета.

– Это стопроцентный выигрыш, – говорит он. – Стоит своего бонуса, я думаю. Им понадобится как минимум шесть месяцев, может, даже год на возвращение к прежним позициям. Они никуда не денутся, но вы будете впереди.

Лысый мужчина, сидящий за огромным столом, кивает и улыбается.

ИНТЕРЬЕР. «ПАЙНВУД» – ДЕНЬ

В вычислительном центре ставят один на другой алюминиевые контейнеры. Переносные устройства выкладывают на рабочую панель и толстыми кабелями подключают к центральной базе данных. Сунил стоит за спинами парней из своей технической команды. Джек – за ним. На экранах заполняются шкалы: это перемещаются петабайты данных.

Появляется Линн.

– Сработает? – спрашивает она.

Сунил достает из кармана монету в пятьдесят пенсов, подбрасывает в воздух, ловит тыльной стороной ладони и смотрит на результат.

– Возможно, – отвечает он.

– Ведь если не сработает, – добавляет Линн, – мы в глубоком дерьме.

БЫСТРАЯ ПЕРЕМОТКА на два часа вперед. Индикатор выполнения достиг ста процентов. Вентиляторы в процессорах переносных устройств переходят на холостой ход, и в зале становится тише. Сунил разминает затекшую спину и тихо говорит своей команде:

– Это весь наш материал. Перемещайте его в симулятор очень аккуратно, по одному актеру за раз. Начните с Амбер – с ней у нас хуже всего.

То, что было плотью, то, что ело, дышало, читало книги и занималось любовью, теперь превратилось в набор совмещенных электронных облаков. Возможно, так оно всегда и было. Золотистые волосы – цифры. Голубые глаза – массивы частот цветового спектра. Страх и привязанность – проценты вероятности. Теперь компьютеры будут пытаться исполнять роль исполнителей ролей.

ИНТЕРЬЕР. «ПАЙНВУД» – ТРЕТЬЯ СТУДИЯ – ДЕНЬ

Джек летит. Он – камера. Амбер идет по улице, вокруг ее волос вьются снежинки. Линн сидит рядом с Джеком в люльке. Они не улыбаются. Все выглядит очень вяло, Амбер утратила что-то неуловимое. Сунил со своей командой поправляют настройки, но по большей части только ухудшают ситуацию.

Они пробуют сцену с симулякром каждого из мертвых актеров. Ничего не получается. Они видят блестящую демонстрацию технологии и холодную, недостоверную игру. На этот раз нимфы действительно исчезли.

– Итак, – говорит Линн, – у нас три четверти фильма, закончить который надежды нет. Потрясающе! Есть идеи?

– Только одна, – отвечает Джек. – Вызовите сценаристов. Я собрал вместе удачные кадры. Может, удастся вокруг этого завернуть интригу.

– А что мы будем делать с актерами?

– Наберем новых.

Линн вздыхает:

– Понадобится пять месяцев, чтобы задействовать другие мозги. У нас нет этих пяти месяцев. Деньги уйдут. Мы должны предпринять нечто… радикальное.

ИНТЕРЬЕР. «ПАЙНВУД» – СЛУЖБА БЕЗОПАСНОСТИ – ДЕНЬ

У Дэнни и в самом деле есть друзья. В мире не существует киностудии, не оснащенной камерами слежения. А во Владивостоке есть крутая команда из бывших экспертов советской космической отрасли с чудесной программой повышения качества изображения, с первоклассными навыками хакерства и большой любовью к долларам.

Дэнни смотрит видео из темного угла лос-анджелесской студии «Юниверса», где расположена техническая зона. На записи останавливается белый фургон с привязанной на крыше лестницей, и из него выходит рыжеволосый мужчина. У лица мужчины появляется красный круг, и видео замедляется примерно до одного кадра в две секунды. Смутное изображение внутри круга становится четче. Сомнений не остается. Эдриан Копп вносит сумку с инструментами в здание, и дверь за ним закрывается.

Дэнни выстукивает что-то на клавиатуре компьютера, одновременно соединяясь по зашифрованной телефонной линии. На другом конце отвечают сразу же.

– Деньги отправлены на твой счет… прямо сейчас. Я подожду подтверждения. (ПАУЗА.) Приятно иметь с тобой дело. Насколько хорош брандмауэр «Юниверсы»?

– Лучший из коммерческих, – звучит голос в трубке, – но военным не чета.

– Послушай, Владимир, мне нужно точно знать, что они делают и где их слабое место. И очень быстро. Тут гонка. Сумму я удвою немедленно.

– Договорились, – отвечает голос.

Дэнни еще раз нажимает кнопку ввода на компьютере и отправляет деньги. После паузы голос произносит:

– Двадцать четыре часа.

Лампочка индикатора соединения гаснет.

ИНТЕРЬЕР. «ПАЙНВУД» – ПРОСМОТРОВЫЙ ЗАЛ – НОЧЬ

Трое сценаристов заперты вместе с Джеком, Рэйчел еще двумя режиссерами, четырьмя линейными продюсерами и креативным консультантом. Дела идут не так уж хорошо. Стоит сценаристам подать идею, как ее тут же раскритиковывают. Креативный консультант одержима демографиксом[118].

Каждый из режиссеров испытывает серьезные приступы синдрома «я так вижу» и беспокоится о гипотетических ракурсах в гипотетических сюжетных линиях.

Мэдди Ловеридж – сценаристка пятидесяти семи лет. Она покрыла букашками буковок столько бумаги, сколько не видела целая станция изучения насекомых.

В конце концов она взрывается.

– Почему бы всем вам не свалить к черту и не дать нам делать нашу гребану ю работу?! – кричит она. – Мы написали отличный сценарий, а ваша идиотская технология вас подвела! Так не вините нас. Мы не работаем под долбаным надзором, ясно? Разве мы заваливаемся к вам в студию и указываем, что делать? Нет! Мы уступаем. Мы уходим домой и смотрим сериалы, а вам достается весь гламур, ужины в хороших ресторанах и фотографии с королевской семьей. Поэтому убирайтесь, поглядите Феллини и помечтайте, что так же хороши.

Джек кивает, режиссеры и продюсеры направляются к выходу. Креативный консультант остается на месте. Она выглядит лет примерно на четырнадцать.

– Может, я смогу помочь? – спрашивает она.

Мэдди сладко улыбается.

– Да, дорогая, конечно. Вы можете пойти и организовать нам хороший карри и ящик красного вина.

Дверь за креативным консультантом захлопывается. Пауза.

– Я перегнула палку? – спрашивает Мэдди.

– Нет, – раздается в ответ, – все было вполне сдержанно.

ИНТЕРЬЕР. ДОМ СУНИЛА – НОЧЬ

Сунил крепко спит. Звонит его мобильный. Это Селина.

– Я рада, что ты взял трубку, – говорит она. – Тела пропали. Кто-то проник в морг и украл их. Только зачем?

Ее голос звучит встревоженно.

Сунил отвечает ей тихо, стараясь успокоить. Затем он спрашивает:

– Где ты?

– А как ты думаешь? Смотрю на пустые боксы для тел.

– С тобой есть кто-нибудь?

– Нет. Полицейские вызвали меня для подтверждения. Они только что ушли.

– Селина, – произносит Сунил, – послушай. Я хочу, чтобы ты отправилась в самое оживленное место, которое только сможешь найти. Например, в отделение скорой. И позвони Спиросу. Не хочу, чтобы ты была одна. На самом деле дай мне номер Спироса. И немедленно уходи!

– Почему?

– Из-за того, что ты знаешь. Они хотят изучить наноботов, они не довели дело до конца. Уходи немедленно! Беги!

Происходит сбой, и телефон отключается. Сунил пробует снова набрать Селину и попадает на голосовую почту. Он выскакивает из постели, за несколько секунд одевается и на бегу звонит на мобильный Дэнни.

ИНТЕРЬЕР. «ПАЙНВУД» – ОТДЕЛ БЕЗОПАСНОСТИ – НОЧЬ

Дэнни живет в восьмистах метрах от студии, и, когда в здание вбегает Сунил, он уже на месте.

– Тише, тише. Паника никому не поможет. Я только что разговаривал со Спиросом. Она точно не в больнице. Никто ничего не видел.

– Район обыскивают?

– У него всего трое полицейских. В Корфу наверняка не облава.

– Что бы ты сделал на их месте? У них есть два тела, и я молюсь, чтобы у них был живой врач. Куда они поедут?

– В Италию или Албанию. От Корфу до Бриндизи больше ста пятидесяти километров. Албания ближе.

– Значит, нужен корабль.

Дэнни вздыхает:

– Не думаю, что они объявятся в аэропорту и погрузят тела на рейс компании экономкласса, а ты?

– Пойдем со мной. Ты мне нужен.

ИНТЕРЬЕР/НАТУРА. «ПАЙНВУД» – КОМПЬЮТЕРНЫЙ ЦЕНТР – НОЧЬ

Двое мужчин в оранжевых спецовках техперсонала спускаются по лестнице, приставленной к высокой стене здания, сверяют часы и уезжают.

Сунил сидит за пультом перед мониторами. Дэнни – через комнату, в отсеке управления питанием. Сунил произносит:

– Энергию на второй уровень.

Дэнни меняет настройку на панели. Слабый гул генераторов снаружи поднимается на тон.

– Когда-нибудь ты объяснишь, что делаешь? – спрашивает Дэнни.

– Третий уровень, пожалуйста. Понимаешь, крошечная часть наноботов всегда сохраняет квантовую запутанность. Там слишком много помех. Обычно мы их отфильтровываем. Я объединил все компьютеры для максимальной скорости обработки данных. Возможно, смогу что-то сделать с оставшимися наноботами. Только лишь возможно. Третий уровень, пожалуйста.

Генераторы гудят все громче. Даже если бы вы стояли рядом с зарядами «Семтекса»[119], уложенными на крыше среди труб охлаждения, и даже если бы таймеры хоть немного шумели, пока отсчитывали время до нуля, вы бы их все равно не услышали.

НАТУРА. «ПАЙНВУД» – РАССВЕТ

Как всегда, Линн приезжает очень рано. Она выключает зажигание «БМВ» и тянется к ремню безопасности. Над зданиями разгорается рассвет. Пока женщина возится с замком ремня, раздается взрыв и огромное белое облако окутывает крышу студии. Взрывная волна сотрясает и опрокидывает машину. Через стоянку течет неглубокая речка жидкого гелия. Он замерзает на крыше автомобиля хрупким панцирем и начинает медленно испаряться.

ИНТЕРЬЕР. «ПАЙНВУД» – РАССВЕТ

КАМЕРА следует за Дэнни и Сунилом. Они бегут от компьютеров к двери, через нее в коридор – выход за ними закрывается от паров гелия – и дальше, вниз по длинному проходу мимо студийных капсул к отделу безопасности. Первое, что они там видят, – монитор угловой камеры наблюдения, показывающий разрушенную крышу студии и Линн, висящую вверх тормашками в замороженном «БМВ».

БЫСТРАЯ ПЕРЕМОТКА на десять минут вперед. Линн в одеяле сидит в углу офиса Дэнни и пьет крепкий кофе. Сунил разговаривает по телефону со Спиросом:

– Спирос, есть ли у вас доступ к системе наблюдения НАТО возле Авлиота?

– Нет. Это невозможно.

– Ситуация чрезвычайная. Вы можете договориться с военными?

– А сколько месяцев у нас есть?

– Я вам перезвоню.

Мигает красная лампочка зашифрованной линии Дэнни. Тот нажимает на кнопку и слушает.

– Отлично. Об этом мы поговорим позже. Нам нужна еще одна услуга… Да, оплачиваемая… Я дам тебе нашего главного техника, и, кстати, Владимир. он не ведет переговоры о деньгах… Отлично.

Сунил берет трубку. Дэнни следит за разговором по громкой связи.

– Это Сунил. У нас крайне срочное дело.

Дэнни вздрагивает: никогда не говорите продавцу, что дело срочное.

– На севере Корфу-Керкиры, возле Авлиота, есть станция слежения НАТО. Нам необходимо широкое радиолокационное отслеживание т-диапазона на частоте сто семь и сорок три сотые гигагерц. На полученном изображении с периодичностью в пятнадцать секунд станут возникать две-три точки. Целью будет корабль, направляющийся на север, к побережью Албании. Нужны координаты в реальном времени.

После паузы низкий голос произносит:

– Передайте трубку Дэниэлу.

Дэнни отключает громкую связь и спрашивает:

– Владимир, ты можешь это сделать?.. Сколько там было миллионов?.. Подожди.

Дэнни подходит к Линн. Та перестала дрожать.

– Нужно слегка увеличить бюджет, – говорит он и складывает большие и указательные пальцы обеих рук.

– Дай еще одну чашку кофе – и получишь столько, сколько тебе надо, – отвечает она.

НАТУРА/ИНТЕРЬЕР. ПОБЕРЕЖЬЕ КОРФУ – ДЕНЬ

Маленький рыболовный траулер мягко покачивается на волнах в бухте Лиападес к югу от Палеокастрицы, у западного побережья острова. Солнце по-прежнему чуть ниже холмов, а море – все оттенки kyanos[120] от темно-синего до зеленого.

Два черных мешка для тел лежат на льду в трюме. Рядом с ними прислонили к корпусу судна Селину. Ее руки связаны за спиной, а рот заткнут хирургической марлей. Когда начинают работать двигатели, стенка корпуса сильно вибрирует.

Худой темноволосый мужчина спускается по лестнице. Он подходит к Селине, вытаскивает кляп и поит ее водой из бутылки.

– Чего вы хотите? – спрашивает Селина по-гречески.

Мужчина пожимает плечами. Она снова спрашивает на албанском. Мужчина смеется и трет друг о друга подушечки пальцев, намекая на деньги.

Траулер медленно выходит в море и поворачивает на север.

ИНТЕРЬЕР/НАТУРА. ГРЕЦИЯ – КОРФУ – СТАНЦИЯ РАДИОЛОКАЦИИ – ДЕНЬ

У двадцатидвухлетнего Теологоса почти истек срок службы. Через два часа его демобилизуют. После окончания холодной войны тут одна сплошная скука, потому что наблюдать на радарах совершенно нечего. В любом случае большая их часть Теологосу вообще не подчиняется. Дел так мало, что один из его предшественников провел несколько месяцев в военной тюрьме за то, что попросил мать посидеть за него, пока сам кутил на вечеринке в Сидари.

Теологос думает позавтракать, когда звучат шесть громких сигналов тревоги. На главном мониторе появляются сообщения на французском и английском языках: «Оранжевый уровень террористической атаки. Штаб- квартира Брюсселя берет контроль на себя. Обеспечьте безопасную работу системы резервного копирования».

На экране настроек радара отображаются сканеры, которые переключаются на частоту m-диапазона 107,43 ГГц.

ИНТЕРЬЕР. «ПАЙНВУД» – ОТДЕЛ БЕЗОПАСНОСТИ – ДЕНЬ

Изображения с радаров Перулада появляются на одном из больших мониторов. Дэнни указывает на стул перед собой. Сунил садится.

– Твоя очередь, парень, – говорит ему Дэнни.

Линн чувствует себя лучше и сердито расхаживает по комнате.

– Они диктуют условия, – горько произносит женщина. – Мы догоняющие. И мне не нравится, что эти ублюдки водят меня за нос!

Дэнни манит ее в дальний конец комнаты и очень тихо рассказывает:

– Вот полная картина. «Юниверса» не успевает с производством своих приставок цифрового телевидения «ЭМО». Первая партия, которую они получили из Китая, оказалась барахлом, да и в любом случае там были конструктивные недоработки. Они обделаются, а мы первыми выпустим товар. Но вот в чем штука: они перенесли производство в Корею. И настроены изготовить семнадцать миллионов единиц. На одном заводе. И они зависимы от заказных микросхем. Вот тут мы могли бы поспособствовать. Но вам об этом знать не надо.

Холодные голубые глаза смотрят прямо на Дэнни.

– Действуй, – говорит Линн. – И если кого-то из них убьют, пока ты там, то мне, конечно же, знать не надо, но я хочу прочесть об этом в газетах.

Сунил вскакивает и кричит:

– Засек!

На мониторе радара появляется яркая точка, которая исчезает, а затем снова вспыхивает. Рядом мигает точка чуть меньше и не такая яркая. Они медленно движутся вдоль западного побережья Корфу.

Дэнни щелчком снимает блокировку мобильного и быстрым набором вызывает Спироса.

НАТУРА/ИНТЕРЬЕР, ГРЕЦИЯ – КОРФУ – МОРЕ – ДЕНЬ

Дивное утро. Солнечные блики танцуют на крошечных барашках волн. Море ультрамаринового цвета, а белый хвост пены за рыбацким траулером сверкает радугами. На мгновение из воды выныривает дельфин и исчезает. Два небольших самолета береговой охраны появляются над холмами на востоке, раздается жужжание их двигателей. Самолеты делают крутой разворот и возвращаются к траулеру. Они на высоте примерно сто пятьдесят метров.

Капитан дает полный ход и хватается за рацию. Сначала он торопливо говорит по-албански, потом кричит. Достает пистолет, сует его за пояс шорт и бежит в трюм.

Селина молча наблюдает, как он взваливает на плечо мешок с телом и поднимается по лестнице обратно. Она не слышит всплеска за ревом двигателя. Мужчина возвращается, берет второй мешок и снова уходит. Затем появляется еще раз.

Пока мужчина режет веревку, которой Селина привязана к пиллерсу, он прижимает к ее голове пистолет.

– Вверх! – приказывает он по-гречески.

Селина пытается встать на сведенные судорогой ноги и вздрагивает от боли.

– Быстро! – кричит он, махнув в сторону лестницы.

Пленница двигается слишком медленно. Он бьет ее по лицу, из ее носа капает кровь. Похититель толчками в спину гонит Селину вверх по лестнице и выпихивает на палубу. Указывает в сторону борта. Она идет по настилу, пока не упирается бедром в поручень. Но, когда он вскидывает пистолет, раздается нарастающий стрекот вертолета, на небольшой высоте летящего от холмов к траулеру. Мужчина смотрит на него. А когда опускает взгляд, Селина уже исчезла.

Наверное, у каждого есть свой момент катарсиса – очищения, освобождения. Именно это сейчас чувствует Селина. Двигатели умолкают. Прячась под корпусом траулера, она медленно перебирает в воде ногами, чтобы сберечь кислород. Подплывает дельфин и осторожно касается ее носом. Быть может, Посейдон отправил своего посланца принести удачу, которая сейчас очень нужна.

На палубе капитан целится в вертолет из пистолета, но мужчину тотчас же прошивает пулеметная очередь.

ИНТЕРЬЕР. «ПАЙНВУД» – ДЕНЬ

Технический центр лежит в руинах. Оставшиеся без источников питания студийные капсулы мертвы. Компьютеры отключены. Пожарные залили все вокруг водой. Страховое возмещение составит миллиард фунтов.

Линн стоит рядом с Сунилом и Джеком.

– Сколько нужно времени, чтобы все опять заработало? – спрашивает она.

– В прошлый раз понадобилось два года, – отвечает Сунил, – поэтому давайте будем оптимистами и скажем, что один.

Никогда прежде они не видели ее плачущей.

– Мы сможем закончить фильм, – тихо говорит Сунил.

Линн смеется сквозь слезы, а Джек чешет затылок.

– И каким же образом? – уточняет Линн.

– Выйдем из студии и будем снимать настоящих актеров.

– Что? – Она обводит пространство рукой. – В каком ты веке? Мы можем позаимствовать мозги и сделать все что угодно. Можем за три недели снять фильм, на который раньше понадобилось бы полгода. Ради бога, ты сам все это создал! И всерьез предлагаешь вернуться к съемке реальных людей на камеру? Да он просто с ума сошел, правда. Джек?

Джек подходит к груде кабелей, пинает их носком кроссовок «Адидас».

– Я бы так и поступил, но в стране не осталось никого, способного работать со старой техникой. Камеры, освещение – все ушло.

– Здесь – может быть, – говорит Сунил, – но не везде же. Кстати, могу ли я одолжить самолет?

– Зачем?

– Я записался на прием к врачу.

ИНТЕРЬЕР. КОРЕЯ – ЗАВОД ПО ПРОИЗВОДСТВУ ЭЛЕКТРОНИКИ – ДЕНЬ

Конвейерная лента с ярко-зелеными материнскими платами. Основные процессорные чипы прибывают из фабричного блока. Чипы созданы без участия людей, миллионы транзисторов точно выполнены центральным компьютером по дизайн-макетам. Платы на долю секунды замирают, и манипуляторы вставляют в них чипы. Дальше они проходят через емкости с жидким припоем. Приближаются к точке, где прикрепляются кабели, а затем в отсек, в котором их соединяют с блестящими черными корпусами. Отсюда устройства добираются до отдела упаковки. Там они аккуратно соскальзывают в яркие картонные коробки с изображениями фантастических сцен из фильмов. Слово «ЭМО» проступает на коробках, точно стереоскопическая проекция. Слоган, который ежедневно видит мир в дорогостоящей рекламной кампании, написан поперек: «Посмотри! Почувствуй! Проникнись!»

Конвейерные ленты движутся быстро и деловито, как и должны, ведь предстоит создать семнадцать миллионов «ЭМО», а это только начало.

НАТУРА. КОРФУ – АГИОС-СТЕФАНОС – НОЧЬ

Небольшая дорога через центр деревни перекрыта. Возле таверны «Маленький принц» стоят два софита на девять тысяч ватт. Толстые кабели бегут от ламп к генератору, припаркованному за пекарней. Камера укреплена на стреле крана и смотрит на площадку с трех метров. Рядом с краном стоит Джек, тихо разговаривая с оператором – Еленой Вафиаду.

Александрос одет в черные брюки и белую рубашку. Помощники гримера аккуратно припудривают его лицо. Он изображает официанта, который влюбляется в англичанку и обнаруживает, что обладает силой управлять людьми. Ему придется сделать выбор – использовать свои способности во имя добра или зла. Неподалеку за одним из столов сидит Алиса Уолтон, а молодая женщина из компании «Фрокс»[121] поправляет завязки ее платья.

За другим столом Спирос и Мария. Спирос морщит нос и произносит:

– Ненавижу я этот макияж.

Мария по-кошачьи улыбается:

– Почувствуй, что мне приходится терпеть все эти годы ради твоего удовольствия, Спирос!

Тот вздыхает.

– Я все еще не уверен, что Александрос поступает правильно.

– А я уверена, – отвечает она. – Будь ты моложе и выгляди получше, я бы тебя самого протолкнула на эту работу!

Помощник режиссера берется за мегафон:

– Мы начинаем. Займите стартовые позиции, пожалуйста. Кухня готова?

Из кухни раздается шум радио в качестве утвердительного ответа. Электрик включает прожекторы, и вокруг становится светлее, чем в полдень.

– Тишина, пожалуйста. Замерли!

Джек говорит:

– Запись?

Операторы и звуковики подтверждают готовность.

– И… мотор!

Звучит музыка. Александрос откладывает поднос и начинает танцевать, его руки широко раскинуты, он покачивается с пятки на носок, из стороны в сторону, встает на цыпочки. Он кружится и опускается на колени.

Из кухни появляется Михалис, окутанный паром от шипящего стейка, который он проносит через террасу и ставит перед Спиросом и Марией. Алиса поднимает красивые грустные глаза и наблюдает за танцем Александроса. То самое мгновение. Та самая секунда, когда она безнадежно влюбляется.

– И… снято! Проверьте пленку, – командует Джек. – Пожалуйста, вернитесь на позиции и оставайтесь там, мы переходим к крупным планам.

Спирос откидывается назад и произносит:

– Никогда бы не подумал, что это так скучно. Одно и то же раз за разом.

Мария смеется.

– Совсем как погоня за албанскими и итальянскими контрабандистами? А я никогда так прекрасно время не проводила.

Он протягивает руку и касается пальцами ее ладони.

– Моя настоящая звезда – это ты. Выглядишь чудесно. Я тебя совсем не заслуживаю. Se latrevo.

– Ее глаза широко распахиваются. Очень давно Спирос не говорил, что обожает ее.

ИНТЕРЬЕР. КОРФУ – ДОМ СЕЛИНЫ – ВЕЧЕР

Сунил учит Селину готовить ягненка по-мадрасски с рисом, приправленным шафраном, и острыми баклажанами. Кулинарными талантами женщина явно не одарена.

– Лук сгорит, если ты оставишь такой сильный огонь, – предупреждает он.

– Malaka![122] – кричит она и, оттолкнув его с пути, бежит в гостиную, где телевизор включен на греческом канале новостей.

Он улыбается и спасает карри.

Женщина кричит:

– Сунил! Сунил! Сюда! Сейчас же!

Тот вытирает руки и идет к ней. Он не понимает слишком быстрого греческого, на котором говорит ведущий новостей, но видит на экране слова «Юниверса» и «ЭМО» рядом со снимками пожарных машин.

Селина переводит:

– Приставки «ЭМО» загораются или взрываются. Несколько человек погибли. Погоди… произошли тысячи инцидентов! «Юниверса Студиос» только что опубликовала заявление: они отзывают все «ЭМО». Ого! Их пресс-секретарь сказала, что это страшная катастрофа для «Юниверсы».

Сунил возвращается на кухню и добавляет в лук специи. Затем он начинает смеяться и достает из холодильника бутылку греческого игристого вина «Ино». Все еще смеясь, он заходит в гостиную, срывает фольгу с горлышка бутылки и стреляет пробкой в потолок. Селина подпрыгивает и восклицает:

– Не делай так!

Она оборачивается и видит, как он разбрызгивает над головой игристое вино. Он хватает ее за руку, тянет к себе, и они оба оказываются под пузырящимся душем.

– А что насчет карри? – спрашивает она, слизывая вино с его лица.

– Я выключил плиту, – отвечает Сунил. – На время.

НАТУРА. КАЛИФОРНИЯ – МАЛИБУ – ДЕНЬ

Тело мягко покачивается в воде у берега. Его раздуло, а креветки объели уши, глаза и нос. Но ничего не случилось с рыжими волосами, которые колышутся на мелководье.

НАТУРА. СИБИРЬ – НОВОСИБИРСК – ДЕНЬ

Дэнни кутается в огромное теплое пальто, сидя в парке русского научного городка. Снега нет, но замерзший газон выглядит так, будто его облили серой краской. Высокий мужчина лет тридцати – темные брови, орлиный нос, капюшон парки – подходит и садится рядом с Дэнни.

– Осталась только одна цель, – говорит пришедший. – Она живет в Киеве со своим вторым мужем и двумя его детьми. Он не знает, что она служила в КГБ.

– Значит, теперь она в ФСБ?

– Дэнни, Дэнни! Я программист. ФСБ для меня всего лишь еще одно название системной шины. Но предсказываю, что в проводке ее квартиры произойдет неприятное замыкание.

Дэнни поднимается.

– Детей не трогай, – говорит он.

Владимир смеется.

– Ты работаешь в кинобизнесе. А теперь у тебя вдруг появилась совесть! Очень забавно.

Дэнни уходит через парк. На мгновение он оборачивается, машет и кричит:

– Хорошая работа! Spasiba!

МОНТАЖ. ГАЗЕТЫ И ВИДЕОЗАПИСИ

Александрос и Алиса на обложках каждого таблоида, каждого журнала о знаменитостях и на тысячах веб-сайтов. Его почти черные и ее зеленые глаза смотрят в объективы камер папарацци. Они проходят по ковровым дорожкам. Они раздают автографы. Они в ток-шоу по всему миру. У фильма пять номинаций на «Оскар» и семь номинаций Британской академии кино и телевизионных искусств.

Линн Сонгберд достался целый разворот в «Шотландце».

«Дело в том, – цитируются ее слова, – что у нас были самые передовые технологии. Мы производили нечто очень продвинутое, почти сравнимое с научной фантастикой. Но потом мы пообщались с обычными милыми людьми, которые смотрят наши фильмы, и те сказали: „Нам нет дела до 3D. Нам не нравится, когда нас заставляют испытывать чувства, которых у нас нет. Нам плевать на суперзвук и миллиарды пикселей. Все, чего мы хотим, – это отличная история, отличная актерская игра и, может, немного любви в придачу“».

НАТУРА/ИНТЕРЬЕР. КОРФУ – ДОМ СЕЛИНЫ – НОЧЬ

Их нераспакованные чемоданы все еще стоят у двери. Сунил и Селина только что прилетели рейсом из Лос-Анджелеса через Афины и очень устали. Она прекрасно выглядела на церемонии «Оскара», но сейчас прекрасно себя не чувствует.

Воздух прохладен и сладок, они стоят снаружи, окруженные ароматами жасмина и тимьяна. Луна висит над холмами. Селина, чье имя и означает «луна», смотрит вверх и зевает.

Сунил берет ее за руку.

– Я сегодня уволился.

– Знаю, – отвечает она. – Мне сказала Линн. Ну и что ты собираешься делать?

– Денег у нас хватит. Ты отличный врач. Может, я бы получил еще одну степень. Меня немного тревожит твоя семья. Будь я обычным британцем, это было бы не важно, но я индус из второго поколения эмигрантов – и это может их несколько… обеспокоить.

Она обнимает его.

– Привет, «ксенофобия» – греческое слово. Мы пережили вторжения итальянцев, турок и крестоносцев. Думаю, даже моя мама сможет поладить с тобой.

Она целует его в щеку и отправляется спать.

Сунил гуляет по саду, залитому лунным светом. Кусты магнолий мерцают серебристо-розовым, а оливковые деревья в темноте танцуют сиртаки на ветру. Он открывает ворота загона. Козы, заслышав его, поднимаются, подходят к нему и начинают прыгать от радости.

– Вот что я вам скажу, друзья, – произносит он. – Вас никогда не отправят на жаркое. Обещаю.

Он ложится на все еще теплую землю, смотрит на луну и на яркий блеск звезд. Козы восторженно скачут вокруг, его ноздри наполняются ароматами ночи, и неожиданно он чувствует себя бесконечно, несказанно, до упоения живым.

КАМЕРА поднимается все выше и выше над холмами Корфу, глядя вниз на Сунила и коз, а под набирающий обороты саундтрек с греческой мелодией в зале кинотеатра зажигается свет и появляются титры:

«Сценарист Джим Хоукинс, консультанты Джилли Эдвардс, Рэй Клули, исследовательская работа Лесли Энн Хой, продюсер Кэтрин Таунсенд, режиссер Дин Конрад. Огромная благодарность „Маленькому принцу“ (Агиос-Стефанос, Корфу) за размещение,

мусаку и холодное пиво».

Алек Невала-Ли
Бескостный

Алек Невала-Ли родился в 1980 году в Калифорнии, в Долине Кастро. Закончил Гарвардский колледж со степенью бакалавра по классической литературе и несколько лет проработал в сфере финансов, затем стал профессиональным писателем. В марте 2012 года вышел его первый роман «Похититель икон» («The Icon Thief») – современный триллер, действие которого разворачивается в мире искусства в Нью-Йорке. В декабре ожидается продолжение под названием «Город изгнанников» («City of Exiles»). Первая повесть автора в жанре научной фантастики, «Инверсус» («Inversus»), вышла в 2004 году в журнале «Analog», потом там же были опубликованы еще пять рассказов: «Бескостный» («The Boneless One»), который мы сейчас представляем вашему вниманию, а также «Последняя надежда» («Last Resort»), «Каватаро» («Kawata.ro»), «Эрнесто» («Ernesto») и «Голоса» («The Voices»). В настоящее время Алек Невала-Ли вместе с женой живет в Оук-Парке, штат Иллинойс.

В нижеследующем жутком рассказе писатель переносит нас в воды печально известного Бермудского треугольника (или куда-то поблизости от него), чтобы поведать об угрозе гораздо более коварной и опасной, чем все те, о которых обычно читаешь на эту тему.

I

– Перед тем как мы поднимемся на палубу, хочу вас кое о чем предупредить, – сказал Рэй Уили. – Сейчас мы находимся в районе Бермудского треугольника.

Трип открыл глаза. Хорошенько выпив и вкусно поев, он почивал под убаюкивающее легкое покачивание яхты. Глядя на темную обшивку потолка над головой, он не сразу сообразил, где находится.

– Сколько времени?

– Три утра. – Рэй поднялся со стула возле кровати. – Мы находимся в шестистах километрах северо-восточнее Антигуа.

Пока Трип садился, Рэй уже направился к двери каюты. За последний год он отрастил седеющую бороду, которая смягчила резкие черты лица, но взгляд ярких голубых глаз оставался по-прежнему острым и мигом привлек внимание Трипа. Как бы то ни было, миллиардер сам лично разбудил его впервые.

– Вставайте, – поторопил Рэй. – Вам понадобится фотоаппарат и записная книжка.

При упоминании о блокноте Трип машинально бросил взгляд на стол, где оставил бумаги перед сном. Похоже, Рэй не стал рыться в его записях, но даже если так, то ничего предосудительного он отыскать не смог бы. Блокнот Трипа, куда он вносил мысли относительно путешествия на яхте, был надежно припрятан среди пижам.

Трип выбрался из постели, натянул джинсы и куртку-штормовку. Взглянув на койки у противоположной переборки, он обнаружил, что его соседей уже нет.

– А что, Эллис и Гари…

– Они уже на палубе, – бросил Рэй. – Поторопитесь. Вы все поймете, когда окажетесь там.

Трип надел палубные туфли и повесил на шею фотоаппарат. Проследовав за Рэем через кают-компанию, он почувствовал под ногами приглушенный рокот – едва уловимую вибрацию двигателя яхты, противостоящего волнам. Света в кают-компании не было. Когда они шли к лестнице, Трип увидел Ставроса, капитана и главного инженера яхты, который сидел у внутреннего поста управления рулем, огоньки на пульте подсвечивали его круглое лицо.

Ночь на палубе «Ланцета» царила холодная и безветренная. Двое мужчин в одинаковых штормовках стояли в кокпите и смотрели на пустые воды Северной Атлантики. Одним из них был гидробиолог Эллис Харви, налобный фонарь освещал

интеллигентные черты его обветренного лица; другим – микробиолог, студент докторантуры Гари Бейкер, его лицо белело в обрамлении очков и аккуратной бородки клинышком.

Увидев Рэя, Эллис нахмурился. Не секрет, что двое старших ученых не очень-то жаловали друг друга.

– Мы собираемся на ночное погружение, – сообщил Эллис. – Приготовить третий набор амуниции?

– Я пас. – Трип воду не любил. – Что за переполох?

Гари махнул рукой вдоль корпуса яхты:

– Вон, прямо по курсу. Видите?

Трип обернулся взглянуть в указанном направлении. Какое-то время он видел только воды океана, и то лишь там, где рябью отражались огни яхты. Когда глаза привыкли к темноте, он заметил участок воды посветлее. Сначала он решил, что это обман зрения, попытка разума внедрить в невыразительный водный простор нечто представляющее интерес. И только благодаря четкой линии форштевня, вырисовывающейся на фоне непонятного свечения, он наконец понял, что все это реально.

– Огоньки. – Трип обвел взглядом собравшихся. – В воде что-то светится.

Такое впечатление, что Рэй гордился зрелищем, словно лично сам ради Трипа вызвал это видение.

– Гари заметил их несколько минут назад, когда заступил на ночную вахту. Мы до сих пор гадаем, что бы это могло такое быть.

– Световое пятно слишком большое для искусственного, – заметил Эллис. – Похоже на природное явление. Возможно, люминесцирующие микроорганизмы…

Трип едва ли его слушал. Учитывая отсутствие ориентиров, расстояние до слабого голубовато-зеленого свечения сложно было оценить, навскидку примерно миля. Не постоянное, не однородное, оно как бы состояло из трепещущих лоскутков большей и меньшей яркости. Сначала Трипу показалось, что мерцание вызвано движением волн, но по мере приближения стало ясно, что это сами огоньки пульсируют в унисон.

– Оно синхронизировано. Разве это может быть природным явлением?

– Не знаю, – отозвался Рэй и широко улыбнулся. – Мы здесь именно затем, чтобы это выяснить.

В голосе миллиардера Трипу послышалась жадность. Он знал, что последние два года «Ланцет» под предводительством и финансированием Рэя с помощью самых современных технологий занимался исследованиями баснословно огромного генетического разнообразия океанической жизни с негласной целью отыскать

гены и микроорганизмы, которые можно выгодно продать. До сих пор путешествие не отличалось богатством событий, но, если то отдаленное свечение окажется неизвестной формой жизни, оно, безусловно, может стать очень прибыльным.

Но когда Трип попытался заговорить об этом с Рэем, тот только хмыкнул в ответ, что неудивительно. Не секрет, что Рэю не нравилась идея написать о нем статью, ради чего Трип и оказался на борту. За три проведенных на яхте дня Трип заметил в экспедиции целый ряд противоречий, и Рэй, словно что-то почуяв, его сторонился. Таким образом, Трип решил, что запланированная на борту «Ланцета» неделя может так и закончиться без интервью.

Яхта продвигалась вперед, морские воды пенились у ее носа. Трип стоял между Рэем и Эллисом, погрузившимися в недружелюбное молчание, а Гари тем временем достал гидрокостюмы и акваланги. Вскоре яхта приблизилась к пятну, у корпуса в воде был виден свет. Рэй из рубки по телефону велел Ставросу остановить двигатели, и вибрация тут же прекратилась.

Судно свободно скользило по воде, со всех сторон окруженное свечением, и Трип попытался получше рассмотреть необычный феномен. Вблизи стало ясно, что свечение исходит от бесчисленного множества ярких точек, с виду не выделявших тепло, но определенно живых.

Эллис перегнулся через перила и провозгласил:

– Рэй, это вовсе не микроорганизмы.

– Давайте рассмотрим их поближе, – отвечал Рэй.

Трип начал фотографировать, а двое старших ученых облачились для погружения и перелезли через перила. Когда они скользнули в воду, Трип на миг увидел их силуэты на фоне подводного зарева, освещавшего их из глубины подобно волшебному фонарю. Прошло несколько секунд, и аквалангисты исчезли из виду.

Гари, который стоял рядом, предложил:

– Если хотите, можно воспользоваться комнатой для наблюдений.

– Идея недурна, – согласился Трип, опуская фотоаппарат. Комната располагалась в носовой части яхты двумя метрами ниже ватерлинии. Добравшись до крепящихся к форштевню на болтах сходней, Трип обернулся и взглянул на Гари, который ободрительно ему кивнул, и полез внутрь.

Предстояло спуститься на двадцать футов. Добравшись до последней ступени, Трип очутился в проложенной пенопластом крохотной каморке с таким низким потолком, что там было невозможно стоять в полный рост. Пахло плесенью и ржавчиной.

Трип растянулся прямо на полу, чуть ли не носом уткнулся в самый большой из пяти иллюминаторов и вгляделся в океан.

Он не сразу понял, что же открылось его взору. В воде плавали скопления светящихся точек. Их было множество, некоторые дрейфовали словно вслепую, другие сбивались в косяки, распускали щупальца и строем безмятежно проплывали мимо иллюминаторов.

Трипа так захватило странное зрелище, что он даже про фотоаппарат позабыл. Сначала ему показалось, что его окружают потусторонние создания как будто из сна. И только когда одно существо проплыло рядом с иллюминатором и почти что прижалось к стеклу, он наконец понял, кто это.

Яхту окружили сотни осьминогов. Когда глаза привыкли к темноте, Трип увидел, что у спрутов вдоль каждого из восьми щупальцев идут два ряда светящихся голубовато-зеленых точек. Сами по себе точки сияли не так сильно, но все вместе осьминоги освещали воду так же ярко, как светится зимней ночью перегруженная автомагистраль.

Розовато-коралловые осьминоги с распущенными щупальцами достигали размера велосипедного колеса. Пока Трип включал фотоаппарат, студенистые глаза из воды глядели на него. Он уже собирался сделать снимок, как услышал шаги над головой. Кто-то спускался по лестнице.

– Не против, если я присоединюсь к вам?

Голос застал его врасплох. Обернувшись, он увидел дамские ножки. Когда женщина спустилась к нему, оказалось, что это Мэг – горничная на яхте и по совместительству матрос.

– Никоим образом, – отвечал Трип, не зная, как себя вести.

Мэг была подтянутой и стройной, с короткими темными волосами и аристократическим точеным носом. С момента первой встречи она произвела на него впечатление молодой женщины, которая прекрасно осознает свою силу, но при этом хорошо понимает, что это не будет длиться вечно. Кроме того, хотя отношения открыто не афишировались, все на яхте знали, что ночи Мэг обычно проводит в каюте Рэя Уили.

– Пришла посмотреть, что за переполох, – сказала Мэг и тоже растянулась на полу. – Удивительно, правда?

– Так и есть. – Трип опять повернулся к иллюминатору.

Они безмолвно лежали рядышком и смотрели, как мимо светящимися стайками проплывают огоньки. И тут он ощутил, что нога Мэг приятно прижимается к его.

Мигом позже в открывавшемся в самом большом иллюминаторе круге моря показался аквалангист. Проплывая мимо комнаты наблюдений, он повернулся к окну, и толщу воды

пронзил луч фонаря. Лицо было плохо видно через маску, но казалось, что аквалангист буравит их взглядом.

Лежащая рядом с Трипом Мэг напряглась. Перекатившись на спину, она уцепилась за ближайшую ступеньку и начала подниматься по лестнице, не сказав ни слова. Трип не двигался. Позабыв об осьминогах, он по-прежнему смотрел в глаза аквалангиста, пока Рэй наконец не отвернулся и не уплыл прочь.

На следующее утро Трип вышел на палубу и обнаружил, что Рэй вместе с Эллисом и Гари стоит в отсеке для погружений. Над кормовой палубой натянули тент, защищавший от солнца, но мужчинам все равно было жарко- вато. Они брали пробы воды – этот ежедневный ритуал проводился каждые двести миль во время кругосветного плавания на борту «Ланцета».

Вода вокруг яхты кишела бесчисленными осьминогами, днем их свечение поблекло. Эллис перегнулся через перила.

– Как там у Теннисона? «Огромные и бесчисленные полипы…»

– «Бесчисленные и громадные полипы, – поправил Трип, радуясь возможности применить свое гуманитарное образование, – отвеивают гигантскими плавниками дремлющую зелень».

Он уселся и стал смотреть, как манипулятор с насосом на конце опустился на пять футов ниже поверхности океана. После того как были записаны данные о температуре и содержании соли, в пластиковый бак закачалось пятьдесят галлонов воды, которая проходила через несколько фильтров очистки. Процесс занимал около часа. Пока ждали, Гари пустился в дружественное состязание с первым помощником по имени Киран: кто скорее поймает осьминога? Гари спустил в воду закрепленную на тросе ловушку, а загорелый и мускулистый Киран предпочел метод поэнергичнее, сказав, что выучился ему на Канарских островах. В воду он сунул палку с крючком и привязанной к нему красной тряпицей, на первый взгляд способ этот не казался особенно эффективным.

Пока Эллис и Рэй складывали оборудование, они подхватили нить непреходящей полемики.

– Нужно здесь остаться, – утверждал Эллис. – Если мы отсюда уйдем, то лишимся возможности, которая представляется раз в жизни.

– Возможность вашей жизни, не моей, – уточнил Рэй и пошел сполоснуться под душем отсека для погружений. – Мы и так отстаем от графика. Если задержимся здесь, то не поспеем на Галапагосы, как было запланировано.

– Значит, сроки надо сдвинуть. Это же новый вид. До этого

был описан только один вид светящегося осьминога…

– В таком случае захватите с собой несколько экземпляров. Я уже попросил Кирана составить рядом парочку аквариумов.

– Несколькими экземплярами не обойтись, – спорил Эллис. – Здесь мы наблюдаем удивительное коллективное поведение. Считается, что осьминоги обычно не передвигаются стаями на таком удалении от берега и живут под водой. Что-то заставило их группами всплыть на поверхность. Нам надо выяснить что.

Рэй повернулся к Трипу; у него на лице блестели капельки воды.

– Ясно вам? Эллис думает, что в батисфере есть место только науке. Он не может принять то, что новый вид осьминогов не способен изменить мир.

– Может статься, что это открытие мир не изменит, – осторожно произнес Трип, – но многие бы желали на них посмотреть.

– Согласен, – поддержал его Эллис. – Во всяком случае, это укрепит репутацию проекта.

Рэй мотнул головой, во все стороны полетели брызги.

– Вы не понимаете сути дела. В сегодняшней пробе воды найдется тысяча, если не больше, новых видов микробов. – Тут он повернулся к Трипу. – С каждым замером мы удваиваем количество генов, прежде известных у всех биологических видов по всей планете. Впервые к целой экосистеме применяются современные методы секвенирования. Не пойму, чем осьминоги важнее всего этого.

– Дело не в важности, – нетерпеливо отмахнулся Эллис, – дело в…

– Даже сейчас никому доподлинно не известно, что таит в себе океан, – продолжал Рэй, по-прежнему глядя на Трипа. – В каждом миллилитре морской воды содержится миллион бактерий и десять миллионов вирусов. До меня никто не пытался анализировать океан так же скрупулезно, как подходили к изучению генома человека. Когда мы закончим, результаты будут общедоступны на безвозмездной основе всем без ограничений. Друг мой, именно это укрепит нашу репутацию. А не осьминоги. – Он перевел взгляд на Гари, который сидел, сжимая в руках канат ловушки. – На мой взгляд, существует два научных подхода. Можно охотиться на что-то с тряпкой на палке, как это делает Киран, или же поставить приманочную ловушку и ждать, что туда попадется. Второй вариант, быть может, менее эффектный, но в перспективе…

Монолог Рэя прервал взволнованный возглас. На другом конце яхты Киран поймал на крючок осьминога и осторожно

вытаскивал его из воды. Когда Киран опускал спрута в ведро, Трип видел, как в воздухе корчились щупальца.

Эллис повернулся к Рэю и спросил:

– Так что вы говорили о двух научных подходах?

Рэй заставил себя ухмыльнуться и повернулся к первому помощнику:

– Киран, как думаешь, сможешь поймать еще таких монстриков?

– Без проблем, – обещал Киран, забираясь в кокпит. – Сколько вам надо?

– Как можно больше. Сегодня на ужин у нас будут осьминоги.

Воцарилось неловкое молчание. Киран смущенно улыбнулся и пошел вниз. Помолчав, Рэй обратился к Эллису:

– Ну, хорошо. Мы задержимся здесь на день. Вам следует удовлетвориться этим.

– Отлично, – кивнул Эллис, хотя выглядел недовольным. – Постараюсь.

Ученые разошлись. Через несколько минут, когда закончился процесс фильтрации, Гари открутил несколько стальных пластин и с помощью пинцета достал внутренние фильтры размером с виниловую пластинку, перепачканные всеми оттенками коричневого: это на бумаге с убывающей степенью пористости осели различные микроорганизмы.

– Жаль, что вы стали свидетелем этого разговора, – сказал Гари Трипу, убирая фильтры в пластиковые мешки. – У этих двоих взгляды не всегда совпадают…

– Ну а вы? – задал вопрос Трип, помогая упаковать утренние пробы. – Как думаете, стоит ли нам здесь задержаться?

Гари направился к лестнице и ответил так:

– Зарплату мне платит Рэй, поэтому меня сложно назвать объективным беспристрастным наблюдателем. Дело в том, что они оба мне нравятся. Эллис столь же амбициозен, как и Рэй. Просто лучше это скрывает.

И молодой человек ушел вниз. На протяжении всего дня Трип ловил на себе взгляды, которые тайком бросал на него Гари из лаборатории, находящейся напротив кают-компании. Через окно Трип видел, как он паяльной лампой стерилизует ножницы и разрезает каждый фильтр на две части: одну он отправит в заморозку для дальнейших исследований, вторую возьмет на анализ прямо на борту. Гари не только ежедневно брал пробы воды, он большую часть дня проводил в лаборатории, растворял фильтры и исследовал генетический материал, а потому был единственным членом экипажа без загара.

Трип расположился в кают-компании, где в пластмассовом

аквариуме плавал пойманный осьминог. С момента прибытия на яхту Трипа поражали требования, которые предъявлялись к научной группе. Расшифровка генетической последовательности организмов в пробе морской воды – процесс невероятно сложный, сродни составлению пазла из тысячи кусочков. Как правило, анализы обычно проводятся на берегу, но Рэй в надежде сэкономить время настаивал на том, чтобы все делалось на борту. Сейчас в стадии реализации находились несколько конкурирующих проектов по секвенированию морских экосистем, и Рэй был одержим идеей завершить проект к двухсотлетнему юбилею Дарвина, а до него оставалось менее трех недель.

Такая безотлагательность могла бы показаться странной, но, просматривая заметки, Трип подумал, что на карту поставлено не что иное, как репутация Рэя. Несмотря на роль, которую он, как известно, сыграл в расшифровке генома человека, Рэй по-прежнему оставался лицом спорным, больше известным в качестве жесткого бизнесмена, чем кристально честного ученого. Теперь, когда деньги не являлись для него задачей первостепенной важности, он финансировал этот проект в попытке доказать несостоятельность своих недоброжелателей, а заодно стать претендентом на Нобелевскую премию. В результате он подгонял ученых, что только усиливало разногласия в команде.

За ужином царило натянутое молчание. Кок Дон, весьма привлекательная блондинка с собранными в хвост волосами, приготовила севиче, чуть потомив осьминогов для придания им мягкости. Хотя мякоть получилась нежной, никто не мог это есть, и команда сосредоточилась на овощном карри, обильно запивая его вином и холодной водой.

– О яхте можно судить по тому, как льется вино, – проговорил Рэй; глаза у него покраснели. – На «Калипсо» у Кусто был бак для вина из нержавеющей стали. А у нас сколько бутылок?

– Двести в трюме, – ответила Дон. – И пятьдесят-шестьдесят в холодильнике.

Трип налил себе еще бокал. В отличие от других яхт, на которых накрывали отдельные столы для гостей и команды, здесь, на научном судне, все ели вместе. Впрочем, расположение духа у собравшихся от этого не становилось лучше. Трип обратил внимание, что Рэй относится ко всем как к слугам, даже к Ставросу, который стал капитаном яхты задолго до того, как миллиардер ее приобрел. Когда Рэй снисходительно попросил его сказать, как будет «осьминог» по-гречески, капитан отвечал:

– Конечно же, «октопус». Но Гесиод называл это существо «аностеус», что значит «бескостный». «Бескостный свою ногу

гложет в холодном и жалком жилище».

– Не знал, что у нас тут столько знатоков, – сказал Рэй. Поверх бокала он бросил взгляд на Трипа. – Кстати, я пока не дал вам обещанного интервью. Свободны ли вы сегодня вечером?

Трип, который уже почти распрощался с надеждой получить приглашение, удивился нежданной удаче.

– Конечно. Может, после обеда?

– Мне надо сначала заняться кое-какими делами, но, если вам будет угодно заглянуть ко мне в каюту в десять, я смогу уделить вам час времени. – Он переводил взгляд налитых кровью глаз с Трипа на Мэг и обратно. – Если, конечно, у вас нет других планов…

Мэг вскочила, собрала тарелки и понесла их в камбуз. Раскрасневшийся от вина Рэй не сводил глаз с ее лица.

После ужина все разошлись. Киран отправился на палубу, и через миг под предлогом первой предполуночной вахты к нему присоединилась Дон, хотя слабый запах сладковатого дыма заставил Трипа предположить, что на уме у них что-то другое. Вокруг яхты в темноте снова мерцали осьминоги. Когда свет в кают-компании потушили, пойманный спрут тоже стал светиться в аквариуме.

Трип прошел в свою каюту и, поглядывая в иллюминатор на световое шоу, занялся пересмотром списка вопросов. Во время подготовки к интервью он вдруг начал как-то странно нервничать. И заметил, что грызет ногти, а ведь уже сколько лет этого не делал!

Ближе к назначенному времени Трип встал, удостоверился в том, что не забыл блокнот и диктофон, и вышел в коридор. На яхте царила полная тишина. В кают-компании сидел Ставрос и раскладывал пасьянс. Больше никого не было видно.

Трип подошел к двери в каюту Рэя и тихонько постучал:

– Рэй?

Ответа не последовало. Из-под закрытой двери пробивалась полоска света. Трип постучал второй раз и, снова не получив ответа, нажал на дверную ручку, которая с легкостью подалась.

После секундного размышления Трип открыл дверь и вошел в каюту. Один раз он уже заходил сюда – в день прибытия – и был впечатлен царящей здесь роскошью.

Склонив голову, Рэй сидел на своем рабочем месте спиной к двери, словно пристально рассматривал что-то на столе. Трип, опасаясь навязываться, осторожно приблизился к Рэю и тронул его за плечо, спросив:

– Вы по-прежнему хотите поговорить?

От легкого толчка Рэй повернулся вместе с креслом, причем

движение обусловливалось исключительно импульсом. Глаза его были открыты, голова склонилась под неестественным углом. В горле зияла глубокая рана, спереди по рубашке струилась кровь и лужицей скапливалась на полу, впитываясь в бордовый ковер. Трип врачом не был и лично никогда с убийствами не сталкивался, но все равно сразу же понял, что Рэй мертв.

II

На его встревоженный крик первым отозвался капитан. Ставрос появился в дверях каюты – его невозмутимость странным образом успокаивала – и остановился. Посмотрел на Трипа, ничего не сказал, затем перевел взгляд на труп. Подошел к телу и прижал пальцы к шее, щупая пульс, что выглядело чуть ли не пародийно, обследовал рану, которая оказалась чистой и глубокой. Затем покачал головой:

– Мертвец на борту – плохой знак.

Трип смотрел на капитана, задаваясь вопросом, шутит он или нет. А Ставрос тем временем подхватил тело под мышки и положил на пол, и Трип бросился ему помогать. Пока они его перемещали, из раны на шее вытекла свежая струйка крови, которую тут же поглотил роскошный ворс ковра.

С порога кто-то ахнул. Мэг. Секундой позже в перчатках и лабораторном халате появился бледный от ужаса Гари. Из-за его плеча выглядывали Киран и Дон. Глаза у них были красные. Последним протиснулся вперед Эллис, который не сводил глаз с трупа на полу.

– Боже мой, – проговорил Эллис надорванным голосом. – Кто-нибудь видел, что случилось?

Все молчали. В иллюминаторе по-прежнему светились осьминоги.

– Я весь вечер провел в кают-компании, – отозвался Ставрос. – Не видел, чтобы сюда кто-то входил или выходил.

– Кто-то должен был здесь побывать, – заметил Трип. – Не мог же Рэй сам себе перерезать горло. А если он так поступил, то где нож?

Опять повисло молчание, на сей раз еще более подозрительное. Трип обвел взглядом лица собравшихся, выискивая намек на чувство вины, и тут заметил на полу кровавый след. Он вел от стола к дальней стене, где в перегородке находилась дверь.

– Куда ведет этот люк?

– На палубу, – ответил Ставрос.

Подошел к люку и легонько нажал на краешек ручки. Открылся узкий проход. Ставрос шагнул туда, за ним Трип и Киран, остальные столпились в каюте.

Прохладный воздух был недвижим, океан светился сверхъестественными огнями. В водолазном отсеке на палубе виднелись следы крови. Под душем собралась лужица розоватой воды, словно кто-то остановился ополоснуть руки перед тем, как

пойти дальше. Ставрос обратился к Кирану:

– Вроде бы ты нес вахту. Ничего не видел?

Киран смутился:

– Мы были на носу, смотрели на огоньки. И мы… э-э-э…

– Да, знаю. – Ставрос с отвращением махнул рукой. – Парочка упоротых придурков.

Они вернулись в каюту. Кто-то прикрыл тело простыней, через которую уже просочилась алая кровь. Мэг плакала, сидя на кровати, Дон обнимала ее за плечи.

В углу Эллис тихонько разговаривал с Гари. Через миг он повернулся к собравшимся, словно вознамерившись взять на себя управление происходящим:

– Так. Теперь тот, кто это сделал, должен признаться.

Последовала затянувшаяся пауза, во время которой никто не сказал ни слова, все только переглядывались. В конце концов один за другим члены экипажа начали объявлять свои алиби. Вскоре стало ясно, что подтвердить свои показания могут только Киран и Дон, которые курили на носу яхты. После ужина Трип отправился в каюту, Гари вернулся в лабораторию, а Эллис находился в помещении для наблюдений в трюме, делая записи и рассматривая осьминогов. Ставрос сидел в кают-компании спиной к каюте Рэя, Мэг читала у себя.

Эллис обратился к Трипу:

– Его обнаружили именно вы. Что вы здесь делали?

– Вы же слышали разговор за ужином, – сказал Трип. – Рэй предложил мне взять у него интервью.

– Думаете? – Эллис натянуто улыбнулся. – Мне известно, что Рэй собирался оповестить вас о том, что отзывает разрешение на статью. Он мне сам сказал.

Трипа поразил подразумеваемый подтекст, и он спросил:

– Почему он передумал?

Эллис взглянул на сидящую на кровати Мэг и сказал:

– Кто знает, что было у него на уме?

Лицо Трипа пошло пунцовыми пятнами:

– Что вы хотите сказать? Рэй не собирался давать мне интервью, поэтому я его убил?

Ответа не последовало. Вскоре стало ясно, что никаких признаний ждать не приходится, и все едва ли не с облегчением занялись устройством тела во временное пристанище. Эллис отправился к себе в каюту и вернулся с аптечкой; пластырем он связал Рею руки. Когда это было сделано, Ставрос завернул тело в простыню и ловко обмотал капроновым шнуром. Опечатав каюту, они отнесли труп в камбуз, где Мэг и Дон разгрузили из холодильника бутылки с вином и вместо них всунули туда тело.

Когда они закрывали дверь, Трип случайно взглянул на расположенную над раковиной подставку и обнаружил пропажу одного ножа.

Пристроив труп, все собрались в кают-компании, чтобы обсудить, что же делать дальше. Первое решение далось просто. Как и многие яхты, «Ланцет» был оборудован системой камер видеонаблюдения, которые использовались крайне редко, но сейчас они договорились их включить. Еще они обсудили, как теперь спать ночью. В конце концов сошлись на том, что женщины будут ночевать вместе в одной каюте, Трип, Эллис и Гари – в другой, капитан и первый помощник займут отдельные каюты.

И наконец, встал вопрос о маршруте яхты.

– Выбора нет, – заявил Ставрос. – Нужно возвращаться. Если мы пойдем полным ходом, через три дня доберемся до Антигуа или Барбуды.

– Мы могли закончить проект через несколько недель, – с горечью проговорил Гари и посмотрел на собравшихся. – Понимаю, выбора у нас, похоже, и правда нет, но, когда все это кончится, я собираюсь завершить начатое.

Никто ничего не сказал. В аквариуме осьминог собирал и распускал щупальца и мягко светился, будто эмблема смерти со средневекового полотна.

Все провели бессонную ночь. На следующее утро Трип сидел в кают- компании, когда почувствовал сотрясшую пол успокаивающую вибрацию: заработал мотор. Он как раз улыбался Мэг и Дон, которые тоже почувствовали облегчение оттого, что они собираются тронуться в путь, как вдруг в кабине сработал сигнал тревоги. Секундой позже тревожный вой стих, и следом заглох мотор.

Трип поднялся на палубу, где увидел Ставроса, который присел над люком в машинное отделение, закусив нижнюю губу. От двигателя шел острый запах горелого металла.

– Перегрелся, – кратко ответил на вопрос Трипа Ставрос. – Разбираемся.

Осматривал двигатель Киран, из темного прямоугольника отсека показалась его голова с кляксой смазки на лице:

– Неладно с генератором и помпой. Ремень разорвало в клочья. Надо заменить.

– Сколько на это потребуется времени? – спросил Трип, расстроенный отказом двигателя.

Хотя яхта могла прекрасно идти под парусами, последние несколько дней выдались совершенно безветренными, следовательно, они находились в неделях пути от побережья.

Киран отер с лица смазку:

– Пару часов. Придется немного задержаться.

Мигом разлетелась весть об этом. Узнав о случившемся, Эллис объявил, что постарается изловить еще несколько осьминогов. При изучении пойманного накануне экземпляра он обнаружил, что у него не хватает одного, по-видимому отсеченного, щупальца.

– Нам нужен совершенный образчик, – заявил Эллис так, словно кто-то пытался ему прекословить. – Коль скоро нам суждено здесь застрять, проведем время с максимальной пользой.

Возражений не последовало, и Эллис с Гари занялись воплощением задуманного. Ночью яхта уплыла прочь от осьминогов, и они решили догнать их на лодке. Трип, радуясь возможности хоть ненадолго удрать с яхты, принял приглашение составить им компанию, и Мэг тоже согласилась присоединиться.

В водопаде брызг они с ревом отчалили от яхты. Было слишком шумно для разговоров, и Трип наблюдал за Мэг, у которой под глазами залегли темные круги.

Когда лодка приблизилась к косяку осьминогов, которые красноватыми пятнами виднелись в толще воды, Эллис выключил мотор.

– Мы с Гари нырнем вместе. Подождите нас здесь.

Оба ученых облачились для погружения, перелезли через борт надувной лодки и скользнули в воду. Трип наблюдал за ними, солнце палило ему прямо в затылок. Затем он обернулся к Мэг:

– Как вы?

– Я справлюсь, – отвечала Мэг.

Поля шляпы бросали густую тень на ее лицо, но голос, заметил Трип, звучал ровно.

Пока они ждали ныряльщиков, Мэг начала делать замеры температуры и солености воды, а Трип изо всех сил старался ей помочь. Шли минуты, и он, пытаясь навести разговор на других членов экипажа, сказал:

– Похоже, с Рэем было непросто работать.

Мэг оглянулась на яхту, которая покачивалась в семистах ярдах от них.

– Он привык быть все время правым. Эллис не мог с этим смириться. Он надеялся, что займется собственной научной работой, но Рэй слишком его прессовал.

– Кажется, Эллис считает, что косяк осьминогов – последний шанс сделать крупное открытие.

– Да, знаю. – Мэг запнулась, словно хотела сказать что-то другое. – Эллис не все понимает. Рэй много пил, и иногда, когда мы оставались вдвоем, он говорил мне…

Трип почувствовал, что она вот-вот откроет ему что-то важное.

– Что же? – приободрил он женщину.

– Рэй замалчивал некоторые открытия, сделанные на борту. Вам же известно, как он настаивал на том, чтобы Гари обрабатывал пробы прямо на яхте? Это для того, чтобы он мог укрывать результаты, обладающие торговым потенциалом. Если, например, найдется микроб, с помощью которого упростится производство этанола, или же обнаружится светящийся микроорганизм наподобие того, какой Рэй надеялся отыскать прошлым вечером, это будет стоить миллионы.

– Но ведь смысл этого проекта изначально был в том, чтобы результаты стали общедоступны, – заметил Трип. – Предполагалось ведь обнародовать каждый ген, верно?

– Так утверждал Рэй. И благодаря этому он мог нанимать таких, как Гари. Если спросить Гари, почему он присоединился к проекту, он ответит: потому что полагал, что генетические исследования будут максимально общедоступны. Но Рэй всегда руководствовался получением прибыли. И не собирался изменять своим привычкам.

Трип чувствовал, как у него в голове начинают складываться все звенья сценария.

– Вам много известно о науке, – заметил он.

– Я год отучилась в медицинском институте, потом бросила. Не выдержала вскрытий. – Мэг опять посмотрела на залитую солнцем яхту, которая казалась выполненной в масштабе моделью. – Давным-давно я решила: пусть моя жизнь будет посвящена удовольствиям, а не смерти. Довольно долгое время мне казалось, что брак с богатым человеком решит дело. Поэтому я встречалась с Рэем. Не надо делать вид, будто вы не знали.

Трип дипломатично ответил:

– Что ж, я подозревал об этом.

– Как и все остальные. Я не против. Знала, что он не собирается на мне жениться. – Мэг повернулась к Трипу. – Может, так даже лучше. Если бы он скрыл результаты исследований ради наживы, это рано или поздно стало бы известно. А теперь он, напротив, сделался мучеником. Отчасти я даже рада, что он мертв.

– Вы, вероятно, не хотите, чтобы я написал об этом, – попытался несколько разрядить напряжение Трип.

Мэг ничего не ответила. Что-то в ее неулыбчивом лице, которое по-прежнему скрывалось в тени, заставило его содрогнуться. Прежде чем оба они обрели способность заговорить, из воды показалась одетая в водолазную перчатку

рука Гари, сжимающая осьминога, который обвил ее своими щупальцами. Через миг на поверхности показался блестящий гидрокостюм Эллиса, который тоже поймал спрута.

– Кажется, они вернулись с добычей, – заметила Мэг. И бросила взгляд на руки Трипа. – Вы грызете ногти. Нервничаете?

Когда она снова посмотрела ему в лицо, Трип выдержал ее взгляд и проговорил:

– Не больше вашего.

Они помогли Гари и Эллису залезть в лодку. И тронулись в обратный путь. Осьминоги извивались в ведрах у их ног и, стоило к ним прикоснуться, всякий раз сворачивались в оборонительный шар. Мэг с Трипом больше не разговаривали.

Они поднялись на борт яхты уже ближе к вечеру. Когда Трип услышал крики, он тут же направился в рубку. Стоя у входа в машинное отделение, Ставрос и Киран орали друг на друга, от волнения капитан даже прокусил губу.

– Ты просто тупой *малака!* – ругался он. – Если мы где-нибудь здесь сядем на мель, то по твоей вине…

– *Бхенчод!* Можно подумать, это я вывел из строя двигатель! – Киран рассвирепел не меньше капитана.

– Неужели диверсия? – Трип переводил взгляд с одного на другого. – Вы о чем?

– Ремень привода вентилятора, – сказал Киран. – Я пытался его заменить. но при запуске двигателя он рвался каждый раз. Я стал разбираться и выяснил почему. В шкиве повреждены шарикоподшипники. Причем из запасных частей исчез именно нужный набор этих самых подшипников! На прошлой неделе я проводил инвентаризацию, они точно были на месте. Значит, кто-то их украл.

– Что с двигателем? – спросил Трип. – Вы в самом деле думаете, что кто-то специально вывел его из строя?

Ставрос кивнул, на губе у него выступила кровь:

– Виновный мне ответит.

– Так или иначе, мы найдем выход. – Голос Кирана звучал уже немного спокойней. – Я могу взять запчасти с другого шкива. Но это значит, что мы сможем уйти отсюда в лучшем случае завтра.

Это омрачило оставшуюся часть дня. Пока Ставрос и Киран занимались двигателем, Гари подготовил аквариум для пойманного осьминога и поставил его рядом с первым, а Эллис забрал своего в лабораторию для подробного изучения. Наступил вечер, оба находящихся в кают-компании осьминога слабо светились каждый в своем аквариуме и не проявляли видимого интереса друг к другу.

Когда пришло время обеда, Гари предложил накрыть на палубе, чтобы от трупа в камбузе их отделяло расстояние побольше. Огоньки в воде светились ярче, чем прежде. Все расположились вокруг складного столика, одевшись в штормовки, натянули перчатки и занялись едой. Гари поднял вопрос, которого избегали все остальные:

– Когда все это закончится, кто из вас захочет вернуться?

Ответа не последовало. Гари отпил воды из стакана и продолжил:

– Знаю, об этом сейчас нелегко говорить, но на берегу у нас вряд ли найдется на это свободное время. Нужно сейчас обсудить.

– Нам известно, что тебе хочется считаться с желаниями Рэя, – наконец сказал Ставрос. На нижней губе у него засохла болячка. – Что касается меня, я пойду на «Ланцете». Мне неважно, куда отправится яхта.

– Мне тоже, – отозвался Киран. – Не все тут преданы Рэю так же, как ты.

– Дело не в преданности, – покачал головой Гари. – Важно видеть, что значимая работа не пропала даром. Здесь мы сделали немаловажные открытия, и необходимо удостовериться в том, что они будут обнародованы.

Трип глянул на Мэг, но она не захотела встречаться с ним взглядом.

– Я на борту всего несколько дней, но с подобными ситуациями знаком, – сказал Трип, хотя не был уверен в том, что с его мнением станут считаться. – Прежде всего надо подумать о живых.

Эллис хмыкнул:

– Мне кажется, что, если бы Рэй мог откровенно высказать свое мнение, ему бы в любом случае все это было безразлично. Теперь он мертв и ни на чем не сможет нажиться. Нобелевскую премию посмертно не присуждают.

Затянувшееся молчание попыталась прервать Дон, которая решила сменить тему. Сегодня белокурые волосы девушки были спрятаны под кепку. Она сказала:

– Смотрю я на эти огоньки осьминогов уже несколько дней, но понятия не имею, что они значат. Зачем они светятся?

Эллис с легкостью переключился на профессорскую манеру изложения:

– Возможно, они таким образом координируют групповую деятельность, например спаривание. Или же охотничью тактику. Обычно интеллект осьминогов недооценивают. Тем не менее они обладают довольно объемным мозгом с зачаточной корой и складчатыми долями, самым развитым из всех беспозвоночных,

обнаруживают признаки памяти и способности к обучению. – Он задумчиво посмотрел на огоньки. – Конечно, они живут всего три-четыре года. Если бы продолжительность жизни у них была больше, кто знает, на что бы они оказались способны?

Экипаж погрузился в молчание. Все смотрели на воду, а Киран играл с зажигалкой, беспокойное трепещущее пламя словно подражало огонькам в океане, таким непостижимо древним. Трип подумал о трупных огоньках на кладбище, и ему вспомнился отрывок из Кольриджа: «Они двигались по дорожкам светящегося белого, и когда они поднимались, таинственный свет падал седыми клочьями…»

Вскоре Мэг убрала со стола и понесла тарелки вниз. Остальные разговаривали и пили, даже настроение наконец-то улучшилось, и тут из кают-компании раздался крик и звон разбитой посуды.

Вмиг все повскакали с мест. Они обнаружили Мэг посреди каюты с грудой осколков у ног. Она не сводила глаз с двух аквариумов, которые стояли в углу. И была бледна как мел.

– Смотрите, – ткнула Мэг трясущимся пальцем. – Вы только посмотрите…

Трип взглядом проследил, куда она показывала. Когда он в последний раз видел аквариумы, в каждом плавало по осьминогу. Теперь же ближайший был пуст, а в другом вода замутилась и посинела.

Когда вода стала прозрачней, Трип почувствовал прилив тошноты. Один осьминог прикончил другого. Цвет выжившего победителя сделался малиновым, а останки жертвы посерели и сморщились. Клубы крови погибшего замутили воду, на поверхности собралась пена.

Секундой позже Трип сообразил, что произошло, и ощутил, как внутренности словно сжало хладной рукой.

Оставшийся в живых осьминог пожирал собрата. Он клювом ампутировал одну из «рук» жертвы у самого основания и всасывал в себя: дюйм за дюймом она исчезала в его хитиновой пасти. Когда он окончил жуткую трапезу, осьминога сотрясла судорога, щупальца конвульсивно дернулись, глаза прикрылись и потускнели.

Эллис укоризненно взглянул на остальных и сказал:

– Кто посадил осьминогов вместе?

– Не думаю, что кому-то это могло понадобиться, – возразил Ставрос. – Скорее всего, он сам выбрался.

– Невозможно, – мотнул головой Киран.

Он подошел к пустому аквариуму. Обе емкости представляли собой пластиковый контейнер с крышкой, которая была

закреплена так, чтобы сверху оставалась совсем узенькая щель для циркуляции воздуха. Меньше чем полдюйма шириной, она казалась слишком маленькой для того, чтобы через нее мог протиснуться осьминог.

Когда выживший закончил пожирать «руку» собрата и принялся отрывать следующую, Трипу в голову пришел наипростейший способ ответить на занимавший всех вопрос:

– Камеры видеонаблюдения. Мы же их вчера вечером включили.

– Давайте посмотрим, – предложил Эллис и отправился в библиотеку. Через минуту он вернулся с видеозаписью.

В кают-компании на стене висел телевизор. Эллис вставил кассету в проигрыватель и нажал кнопку перемотки. В этот миг Трип обратил внимание на то, что костяшки пальцев у ученого в синяках.

Не успел он поинтересоваться, как ему удалось так расшибить кулак, в телевизоре возникло изображение кают-компании. Видеокассета начиналась с кадров, которые записались всего миг назад: команда собралась вокруг аквариумов. Дальше все взбежали вверх по ступенькам задом наперед, и в каюте осталась одна Мэг. Осколки посуды с пола взлетели к ней обратно в руки, объединившись в целые тарелки, и потом Мэг тоже исчезла. На экране остались только аквариумы.

По мере перемотки кассеты хищный осьминог изрыгнул «руки» жертвы, и те приросли обратно. Через миг оба осьминога оказались живы и боролись в аквариуме, а затем…

– Даже не верится, – проговорил Трип. Глаза у него округлились. – Видели ли вы раньше что-то подобное?

Эллис ничего не отвечал, смотрел на экран, не отрываясь. Отмотав до того места, когда осьминоги оказались в отдельных аквариумах, он включил воспроизведение в нормальном режиме.

Несколько секунд осьминоги плавали каждый в своем аквариуме. Затем ближайший осьминог, один из тех, которых Эллис и Гари поймали днем, по очереди вытянул «руки» и схватился за край аквариума так, что кончики четырех щупалец немного торчали из узкого отверстия для воздуха.

Довольно долго ничего не происходило, затем осьминог начал протискиваться через щель. Смотреть на это было все равно что стать свидетелем странной оптической иллюзии. Сначала в отверстие пролезло первое щупальце и устремилось вниз уже снаружи аквариума. Следом за ним пробрались три следующих. Осьминог распластался, в щели показался кончик его мантии, следом – голова, которая тоже сплющилась, потом он пролез весь целиком. Оказавшись на столе, он направился к другому

аквариуму.

По столу он двигался быстро, собирая и выбрасывая вперед щупальца. И менял цвет с розового на красный. По мере его приближения второй осьминог, который плавал в соседнем аквариуме, наоборот, бледнел, его гладкая шкурка становилась шероховатой, пупырчатой. Когда первый добрался до вожделенной цели, он зацепился одним щупальцем за край и распластался так, чтобы тело протиснулось в щель, которая была уже отверстия для писем в почтовом ящике. За считаные секунды он оказался во втором аквариуме.

Борьба длилась недолго. Мелькающий клубок щупальцев и клювов, и вот вода окрасилась голубой кровью. Трип не смог разглядеть, как именно один осьминог прикончил другого, но даже от мысли о происходящем у него волосы вставали дыбом.

Все кончилось меньше чем через минуту. На дне аквариума лежал мертвый осьминог. Победитель плавал в окровавленной воде, сворачивая и распрямляя щупальца. Затем он начал пожирать жертву.

III

– Даже не верится, – повторил Трип.

Оторвавшись от созерцания кровавой расправы на экране, он по лицам собравшихся увидел, что всех тоже тошнит. Словно по команде все члены экипажа перевели взгляд на аквариум и разом содрогнулись. Оставшийся в живых осьминог бросил пожирать сородича и теперь смотрел прямо на них своими желеобразными глазами, прижавшись головой к стенке аквариума – или им только показалось, что он буравит их взглядом. Ярко светились бугорки на его щупальцах.

Опустив взгляд, Трип заметил то, что было очевидно и раньше. Там, где прополз осьминог, между двумя аквариумами по столу тянулась мокрая дорожка. Почему-то из-за этого почти незаметного, быстро высыхающего следа произошедшее казалось еще более отвратительным.

Эллис первым обрел видимость самообладания и заметил:

– Надо было мне действовать осторожнее. Осьминоги славятся своей способностью пролезать куда угодно. Клюв – самая твердая часть их тела, все остальное отлично сжимается. Если удается просунуть клюв, то…

Киран выпучил глаза:

– Хочешь сказать, что все это совершенно нормально? Прошу прошения, но я немного в шоке от происходящего.

– Я не говорю, что этот случай обычный, – ответил Эллис. – Но ему можно найти объяснение. По поводу каннибализма как специалист ничего сказать не могу. Важно хорошенько закрыть аквариумы.

Сачком, который он держал на расстоянии вытянутой руки, Киран пересадил уцелевшего осьминога в прежний аквариум. Спрут казался насытившимся, потускневшие глаза подернулись пленкой, когда он, слегка подрагивая, скользнул в воду. Проволочной сеткой Киран закрыл отверстие сверху аквариума, таким образом опечатав его, затем то же самое проделал с аквариумом в лаборатории. Теперь осьминогам не сбежать.

Но даже с учетом мер предосторожности на яхте царила тревожная атмосфера. Через час Трип пошел спать, но уснуть долго не мог. А когда ему это все-таки удалось, его стали мучить кошмары. В одном сне он сидел за столом в своей каюте, дверь была закрыта. Не ведая об опасности, он просматривал свои записи, а тем временем осьминог пробрался к нему в каюту, протиснувшись сквозь щель под дверью, скользнул по ковру, забрался на кресло и прикоснулся к затылку липким щупальцем.

Не успел он что-нибудь предпринять, как осьминог приложился похожими на клюв попугая челюстями к его шее и…

Трип очнулся от кошмара. Смятые простыни щупальцами обвили его ноги. За иллюминатором по-прежнему царила ночь. Пытаясь припомнить, что же все-таки разбудило его, он взглянул на свои руки, которые можно было рассмотреть в слабом свете от косяка осьминогов. Зрелище ужаснуло его. Ногти и пальцы оказались обкусаны, а кисловатый привкус во рту подсказывал ему, что он во сне грыз ногти.

Изучая, как сам себя изувечил, он обнаружил, что пальцы в нескольких местах кровоточили, и тут вспомнил, что же на самом деле его разбудило. Крик.

Он сел в постели и услышал голоса, доносящиеся из каюты напротив. Трип обулся и тихонько вышел в коридор, стараясь не разбудить спящих Эллиса и Гари. За дверью соседней каюты по-прежнему разговаривали. Он постучал и спросил:

– Все в порядке?

Голоса тут же смолкли. Через миг послышались шаги, и дверь чуть приоткрылась.

– Все в порядке, – тихонько произнесла Мэг, выглядывая в щелочку. – Идите спать.

– Неправда, совсем не в порядке. – За спиной Мэг появилась Дон. – Скажите ей, чтобы перестала.

– Перестала что? – не понял Трип и тут увидел, что со сгиба руки Мэг капает кровь. Он порывисто шагнул вперед и распахнул дверь. Обе женщины попятились. – Что тут у вас происходит?

– Ничего, – промямлила Мэг. – Вас не касается…

– Ты это брось! – Дон схватила Мэг за запястье. – Только посмотрите!

На внутренней поверхности руки в районе локтя у Мэг оказалось несколько ран. Порезы шли один за другим, были неглубоки и кровоточили, хотя ни один крупный сосуд не пострадал.

– Кто-то напал на вас?

– Никто ее не трогал. – По голосу Дон было слышно, что она на пределе. – Она сама.

Трип спросил Мэг, которая смущенно потупилась:

– Это правда?

Мэг вырвала руку, на пол упали капли крови.

– Ничего страшного. Когда нервничаю, я иногда пускаю себе кровь. Делала так с тех пор, как стала подростком. Причем никогда не резала настолько глубоко, чтобы это стало опасным. Не знаю, к чему устраивать переполох…

На прикроватной тумбочке Трип заметил нож с

окровавленным лезвием и поинтересовался:

– Ты взяла его с кухни?

– Я собиралась его вернуть, – вздохнула Мэг. – У меня никогда и в мыслях не было испробовать его на ком-нибудь кроме себя.

– До ножа мне дела нет, – заявила Дон. – Мы дружим долго. Не могу поверить, что ты скрывала от меня…

Женщины снова принялись спорить. Трип хотел было ускользнуть, как вдруг вспомнил об аптечке Эллиса, в которой нашлось чем связать руки Рэю.

– Погодите, – сказал он. – Надо сделать перевязку.

Он направился к себе в каюту, где по-прежнему все спали, и отыскал среди вещей Эллиса аптечку. Вернувшись к женщинам, он обнаружил, что Дон немного успокоилась, а Мэг эдак небрежно подставила под локоть ладонь и собирала в пригоршню стекавшую кровь.

Трип раскрыл аптечку и достал лейкопластырь и марлевую салфетку. Он уже собирался закрыть саквояж, когда заметил, что под перевязочным материалом что-то спрятано. И сунул туда руку. Обнаружился прохладный и тяжелый сверток – не что иное, как набор подшипников.

– Пропажа из запчастей, – сказал Трип. И посмотрел на женщин. – Думаете…

Он не договорил. Мэг и Дон уставились на дверь, и выглядели они настороженно. На пол упала тень. Поднявшись на ноги, Трип обнаружил, что стоит лицом к лицу с застывшим на пороге человеком.

– Это моя аптечка, – совершенно спокойным голосом заметил Эллис. – Зачем она вам понадобилась?

– Оказывал неотложную помощь, теперь все в порядке. – Тут Трип поднял повыше упаковку подшипников. – А это еще что такое?

Эллис взглянул на пакет и сообщил:

– Я украл это из запчастей. Я не сомневался, что инициированная мной поломка двигателя задержит нас здесь на день, но все же счел нужным перестраховаться…

– Вы испортили двигатель, – констатировал Трип. О Мэг он уже позабыл. – Почему?

Эллис презрительно смерил его взглядом:

– Вы знаете почему. Я хотел, чтобы яхта задержалась здесь на день-два. Заставить Рэя прислушаться к голосу разума не представлялось возможным, поэтому я взялся за дело сам.

– И решил покуситься на мой корабль? – Это уже вступил в разговор Ставрос. Привлеченный шумом, он стоял в дверях, из-за

его плеча выглядывал Гари. – Мы бы могли застрять здесь на целую неделю…

– Вы что, не понимаете? – воскликнул Эллис. Он подошел к окну и ткнул пальцем в сторону светящихся осьминогов. – Рэй торопился вперед, чтобы закончить проект к совершенно бессмысленному сроку. Мне же хотелось задокументировать природное явление, которое, возможно, больше никогда не удастся увидеть вновь. Разве я должен отстаивать свой выбор?

Гари оттолкнул капитана и шагнул вперед:

– Ты хоть слышишь, что говоришь? Да ты еще хуже Рэя! Тебя заботит только собственная карьера в ущерб всему тому чем мы здесь занимаемся! Может, ты и Рэя прикончил?

– Я Рэя не убивал, – решительно возразил Эллис. – Не могу поверить, что ты посмел обвинить меня в этом…

Неожиданно Эллис ударил кулаком в стену каюты, да так, что зазвенела перегородка. Все попятились, и тут он еще раз что было силы треснул по стене. Не успел никто вымолвить и слова – в дверях каюты появился запыхавшийся Киран.

– Не знаю, что у вас тут за переполох, но вам нужно прерваться, – заявил Киран. – На это стоит взглянуть!

Вместе с ним все прошли в кают-компанию, где был выключен свет. Киран показал на аквариум с осьминогом:

– Смотрите…

Трип почувствовал, как обуявший его гнев растворяется в тошнотворном ужасе. Когда они накануне поймали осьминога, то удостоверились, что у него целы все щупальца. Теперь же два из них пропали, остались только обрубки. Кровь окрасила воду, но отсутствующих щупальцев не было видно. Трипу вовсе не хотелось узнать, что с ними стало, только все же пришлось.

Осьминог сам себя пожирал. Он начал подтягивать к клюву одно из уцелевших щупалец, и, когда его основание оказалось возле широко разинутого рта, он разом отхватил конечность ударом клюва. В аквариуме заклубилась кровь. Не медля, осьминог нагнал отсеченное щупальце, сунул один конец в пасть и начал пожирать, всасывая в себя, словно длинную макаронину. Трип припомнил отрывок из Гесиода, который цитировал Ставрос: «Бескостный свою ногу гложет / в холодном и жалком жилище».

Эллис и Гари смотрели друг на друга, по-видимому, совсем позабыв, что только что спорили.

– Аутофагия, – резюмировал Эллис.

Гари кивнул. Было видно, что от зрелища его тошнит.

– Я должен был предвидеть. Пойду взгляну на другого.

– Подождите, – обратился к Эллису Трип. – Говорите, вы

сталкивались с подобным и раньше?

– Не то чтобы сталкивался, но слышал, – отвечал Эллис. – Это явление называется аутофагия, то есть самопожирание. Неизвестно, отчего это происходит, видимо, тут дело в вирусной инфекции нервной системы. Это болезнь. Если в одном аквариуме находятся несколько осьминогов и один из них начинает сам себя пожирать, остальные последуют его примеру. Смерть наступает в течение нескольких дней.

В кают-компанию вернулся Гари и сообщил:

– Третий в порядке. Он не контактировал с этим вот, так что, быть может…

Эллис покачал головой:

– Если мы имеем дело с инфекционной аутофагией, она, скорее всего, поразила весь косяк. Насколько мы знаем, именно это привело их на поверхность. С помощью огоньков они согласовывают линию поведения. Это массовое самоубийство.

Хотя голос его оставался спокойным, Эллис был заметно расстроен. Он сунул разбитые в кровь костяшки пальцев в рот. Трип посмотрел на него, затем перевел взгляд на рехнувшегося осьминога, который у них на глазах сожрал собственное щупальце. В конце концов он поглядел на свои руки и понял, что все сложилось в единую картину.

– Нам необходимо прямо сейчас кое-что обсудить, – заявил он остальным. – Где Мэг?

Привели Мэг со свежей повязкой на руке. Вся команда расселась вокруг стола в кают-компании, собравшиеся смотрели на Трипа. В иллюминаторы было видно, как со всех сторон яхту обступили огоньки.

Трип положил руки на стол, демонстрируя их остальным:

– Видите? Последние пару дней я обкусываю ногти. Ничего подобного со мной давным-давно не случалось, но, как только мы вошли в эти воды, я грызу пальцы, словно маньяк. Почему? Не уверен, но догадываюсь.

Пока никто не ответил ему, Трип обратился к Эллису:

– Только что вы так сильно ударили в стену кулаком, что в кровь сбили костяшки. Вы так себя обычно ведете?

Даже если Эллис понял, куда клонит Трип, он не захотел ему подыграть:

– Я был расстроен. Не думаю, что это что-то значит.

– Но ведь это не в первый раз. Я видел синяки у вас на руках. Это же частный случай глобального поведенческого сценария, коему подвержены все мы.

Теперь Трип обратился к Мэг:

– Мэг, вас обуревает желание себя резать. Ставрос, вы до

крови кусаете губы.

Гари с нескрываемым скепсисом смотрел на него:

– Так что же именно вы пытаетесь сказать?

– Мы подвергаемся влиянию окружающей среды, – подытожил Трип. – Вот этот вот осьминог по той же самой причине пожирает себя. Мэг, вы учились в медицинском университете. Не доводилось ли вам сталкиваться с заболеванием, следствием которого может стать подобное поведение?

– Только не на личном опыте, – медленно проговорила Мэг. – Знаю, что инфекции нервной системы могут привести к психотическому или же суицидальному поведению. Наследственные заболевания также могут стать причиной физического насилия. Дети кусают губы и обгрызают пальцы или же в виде замещения нападают на ближних. В конце концов их приходится физически ограничивать.

– В виде замещения, – повторил Трип, подчеркивая эту фразу. – Что это значит?

– Чувствуя потребность в саморазрушении, они переадресовывают агрессию на других. Насилие часто перенаправляется на семью и друзей, то есть на параллельный способ самому себе навредить.

– Ну а если подумать об убийстве? – предположил Трип. – Может ли это замещение зайти настолько далеко, что человек будет вынужден убить?

– Возможно, – кивнула Мэг. – Теоретически, если человек не контролирует свои действия, дело может дойти даже до убийства.

– Совсем как наш осьминог, – заметил Трип. – Он выбирается из аквариума для того, чтобы убить соседа, но, если потенциальных жертв не предвидится, он нападет на себя самого. Если заболевание поразило целый косяк, то мы находимся в эпицентре. Помните, как говорил Рэй: «В каждой капле морской воды миллион вирусов». Если мы имеем дело с заболеванием, оно должно передаваться через воду. Откуда у нас питьевая вода?

– Опреснитель, – ответил Ставрос. – Он очищает морскую воду, но от вирусов не спасает.

– У нас есть аварийный запас воды в бочках, – сказал Киран. – На нем команда сможет продержаться две недели. Возможно, нам даже удастся приспособить систему отбора проб для очистки питьевой воды…

– Но, если мы уже заражены, решить проблему с питьевой водой недостаточно, – заметил Трип. И обратился к Эллису: – Похоже, что у находящегося в экспериментальной лаборатории осьминога не замечено никаких тревожных симптомов. Как вы

думаете почему?

Эллис на миг задумался, потом сказал:

– Сегодня днем я хотел рассмотреть его повнимательнее, поэтому дал ему наркоз – хлористый магний. Это обычный анестетик для головоногих. В организме человека этот препарат работает в качестве успокоительного для нервной системы, он блокирует нейромышечную передачу. Если ваше предположение верно и побуждение ранить себя является чем-то вроде приступа, препарат магнезии может подавить симптомы.

– Вполне возможно, – взволнованно согласилась Мэг. – К тому же у нас на борту большие запасы магнезии. Вероятно, можно использовать ее в качестве временного лечения…

Похоже, Гари это не убедило:

– Мне все же не верится. Даже если вы правы насчет вируса, вряд ли он одинаково действует на людей и осьминогов. К тому же мы пьем одну и ту же воду, а я в порядке. И вы, Трип, ничего не упомянули о Киране и Дон.

– Нас просто не спрашивали, – тихо отозвалась Дон.

Все уставились на нее. Дон сняла кепку и распустила волосы. Склонив голову на бок, она показала участок кожи в области темени. Не хватало клока волос около полудюйма диаметром.

– Я жую волосы, потом их глотаю, – смущенно проговорила Дон. – Трихофагия. Дурная привычка. Ничего подобного со мной не случалось с детства, но прошлой ночью опять началось, как раз перед тем как мы нашли Рэя.

Трип посмотрел на Кирана. Сердце у него бешено стучало.

– Ну а ты?

Киран закатал рукав рубашки и показал предплечье. На смуглой коже виднелись следы свежих ожогов. В нескольких местах вздулись пузыри.

– Я жгу себя зажигалкой, – безжизненным голосом сообщил Киран. – Почему – не знаю.

Все смотрели на ожоги. Затем, словно одна и та же мысль пришла в голову всем сразу, повернулись к Гари.

– Не знаю, что вам сказать, – ответил на их невысказанный вопрос тот. – Ничего необычного со мной не происходит.

Трип уже хотел что-то сказать, как вдруг обратил внимание не некую странность. Хотя в кают-компании было тепло, Гари не снимал перчаток. Заметив это, Трип попытался припомнить, когда в последний раз видел Гари без них, и не смог. В каюте Рэя он появился в лабораторных перчатках и рабочем халате. Большую часть следующего дня он провел в воде, следовательно, в водолазных перчатках; потом он же предложил ужинать на палубе, поэтому всем пришлось потеплее одеться.

Трип кашлянул и попросил:

– Гари, не могли бы вы снять перчатки?

Гари свирепо глянул на него и бросил:

– Не могу поверить, что слышу от вас это. Полнейшее безумие.

– Мне просьба не кажется беспочвенной, – заметил Киран. – Почему ты не хочешь их снять?

Гари открыл было рот, словно собираясь ответить. Потом неожиданно, застав всех врасплох, вскочил на ноги. Скрыться он не успел, Киран перехватил его и заломил руки за спину. Короткая борьба перемежалась ругательствами с обеих сторон, и Гари наконец сдался.

– Давайте посмотрим, – сказал Эллис.

Он вышел вперед и схватил Гари за левую руку. Трип потянул перчатку, сдернул ее и запнулся. Чистые пальцы Гари оказались целыми и невредимыми.

– Надеюсь, вы удовлетворены. – проговорил Гари. – Что, желаете повторить?

Трип посмотрел на остальных. Эллис и Киран слегка поубавили пыл, но все же не отпускали Гари и выпростали вперед его правую руку. Трип взял Гари за запястье и хорошенько потянул за вторую перчатку.

Как только он снял ее – даже выпустил из рук, и ока упала на пол. Гари закрыл глаза.

У него совсем не было кончиков пальцев. Ногтей не осталось, они оказались вырваны или отгрызены напрочь, причем первый сустав указательного пальца был откушен полностью. Чтобы остановить кровотечение, Гари прижигал раны.

При виде истерзанной плоти Эллис выпустил руку. Гари посерел. Глядя на обожженные обрубки, Трип припомнил паяльную лампу, которой Гари стерилизовал ножницы, и подумал о том, что все это должно было происходить уже, несомненно, довольно долгое время. Весь предыдущий день Гари провел в лаборатории: занимался образцами проб воды, разрезал фильтры, обрабатывал их ферментами. А то, что плавало в океане, концентрировалось в процессе фильтрации.

И если в воде находились возбудители инфекции, Гари, несомненно, получил наибольшую дозу.

– Извините меня, – сказал Гари, ни к кому конкретно не обращаясь. – Я действительно ничего не могу с собой поделать.

Изувеченная рука скользнула в карман. Сверкнуло что-то серебряное, и через миг из горла Эллиса хлынула кровь.

Гари выдернул обагренные ножницы и выронил из рук. Когда Эллис упал на колени, Гари вырвался и бросился к лестнице.

Трип помчался за ним, остальные – следом; Мэг крикнула Дон, чтобы та скорей несла аптечку. Выбегая из кают-компании, Трип успел заметить, что уже мертвый осьминог покоится на дне аквариума.

На палубе колко хлестал дождь. Огоньки осьминогов вокруг яхты пылали пуще прежнего. В холодном люминесцентном свете Трип заметил, как на корме кто-то движется. Это Гари стоял в отсеке для погружений, сжимая здоровой рукой гарпун.

– Не подходи! – срывающимся голосом предупредил Гари. – Еще один шаг, и я проткну тебе сердце гарпуном. Ты мне нравишься, но это не значит, что я не смогу тебя убить. Может, так даже будет легче.

– Знаю, – сказал Трип. По лицу струился дождь. – Не стану принимать это на свой счет.

– Говори за себя. – Рядом с Трипом встал готовый к прыжку Киран, но на миг замешкался. Ставрос занял позицию неподалеку. Они молчали, смотрели и ждали под дождем.

– Я не хотел, чтобы так вышло, – сказал наконец Гари. – Я убил Рэя, но у меня не было выбора.

– Я тебе верю, – ответил Трип, потому что понимал: чем дольше им удастся занять Гари разговором, тем больше шансов захватить его врасплох. – Ты нанес ему рану только потому, что не хотел причинить вред самому себе.

Гари покачал головой:

– Кроме того, я был зол на него. Он скрыл самые важные результаты наших исследований. Вы знали об этом? Я сразу понял, когда увидел первый опубликованный им документ. Я же с самого первого дня работал в лаборатории и точно знал, что мы нашли. Рэй был жадным. Такой же, как Эллис. Такой же, как я.

Сжимающая гарпун рука чуть опустилась. Трип ощутил, как напрягся стоящий рядом с ним Киран, но и Гари это почувствовал тоже и снова поднял оружие.

– Ты вовсе не жадный, – проговорил Трип. – Ты хотел сделать то, что правильно.

– Думаешь? – переспросил Гари. – Когда пару дней назад я услышал, как Рэй разглагольствует о том, что собирается сделать свои исследования общедоступными, я больше не мог этого выносить. Отправился работать в лабораторию и сердился все сильнее. Не знаю, откуда брался этот гнев. Я подумал о самоубийстве – взять и перерезать себе горло, чтобы не участвовать в паутине сплошной лжи…

– Дело не в тебе, – сказал Трип. – Это вода виновата. И Рэй тут ни при чем.

– Но отступничество было вполне реальным. После ужина я

пытался работать, но не мог сконцентрироваться. И увидел, что вытворяю нечто ужасное – отрываю собственные пальцы. Я поднялся на палубу, чтобы побыть одному. Думал броситься за борт, лишь бы прекратился гул в голове. И тут появился Рэй. – Глаза Гари затуманились. – Он пришел посмотреть на огоньки, но, когда увидел меня, мы разговорились. Я хотел побеседовать с ним наедине, поэтому мы через люк спустились в его каюту. Тут я уличил его в сокрытии результатов. Сначала он отпирался, потом грозил снять меня с проекта, если я откажусь сотрудничать; я жаждал покончить жизнь самоубийством, а затем мне захотелось убить и его тоже…

Не опуская гарпун, Гари взял грузовой пояс для погружений и надел на себя. И второй пояс тоже. По одному на каждое плечо так, что они перекрещивались у него на груди наподобие патронташей.

– Я даже не знал, что у меня в кармане лежат ножницы. И мог думать только об огоньках в море. Когда он умер, я пошел ополоснуть руки в отсек для погружений, а потом вернулся в лабораторию. Никто меня не видел, но, пока ждал, когда вы обнаружите тело, я обгрыз кончики пальцев.

Из-за дождя лицо Гари было сложно рассмотреть. Он продолжал:

– Так что самым жадным оказался именно я. Я убил Рэя, чтобы не покончить с собой. Теперь я сделал то же самое с Эллисом. – Он с трудом сглотнул. – Пора для разнообразия совершить что-нибудь бескорыстное.

Он отшвырнул гарпун. Никто не успел сориентироваться, как Гари перемахнул через перила вместе с двумя грузовыми поясами поперек груди и прыгнул в воду.

Трип и все остальные бросились к перилам. Гари уже и след простыл: тяжесть двух поясов тянула его вниз, воды мигом сомкнулись над его головой. Трип долго смотрел на поверхность океана, глаза его щипало от капель дождя, но Гари так и не всплыл. Вокруг яхты по-прежнему плясали призрачные огоньки, косяк осьминогов подсвечивал холодным сиянием безымянный саван океана, как делал уже миллионы лет.

* * *

Желтая стена сводчатой аркады госпиталя Холбертсон отражала лучи солнца. Сложив руки, Трип сидел в плетеном кресле под потолочным вентилятором и смотрел в сад. И не думал ни о чем определенном.

Соседнее кресло скрипнуло под весом того, кто решил составить ему компанию. Мэг.

– Как дела?

Трип обдумал вопрос. Посмотрел на свои руки и с некоторым удовлетворением отметил, что пальцы уже заживают, хотя ногти по-прежнему обглоданы.

– Ничего. А ты как?

– Хочу навестить нашего друга в соседнем отделении. Пойдем вместе?

Трип молча поднялся. Пока они шли по аркаде, им встретились две медсестры в белых хирургических масках, при их приближении вежливо склонившие головы, но державшиеся на расстоянии.

Яхта пришла в Антигуа два дня назад. После починки путешествие заняло три дня, учитывая частые остановки во избежание перегрева двигателя. Обеззараженная вода и соли магния помогали сдерживать разрушительные импульсы, только никто не знал, надолго ли хватит этих мер безопасности.

Пока они шли, Мэг тихонько призналась:

– Знаешь, когда я закрываю глаза, я их вижу.

Трип понимал, о чем она говорит. Всякий раз, стоило ему самому закрыть глаза, он видел огоньки осьминогов, мерцающие в темноте. Картинка навсегда отпечаталась у него в подсознании. Магнезия контролировала порывы, но не устраняла их полностью.

И тут он был не одинок. Он заметил на локте Мэг свежую повязку.

Они дошли до палаты в следующем отделении. Эллис с перевязанным горлом сидел в постели, на коленях у него были разбросаны записи. Удар ножниц пришелся всего в нескольких миллиметрах от сонной артерии.

Эллис посмотрел на них, когда они вошли. На вопрос о самочувствии он сначала опустил взгляд на руки. Синяки сошли. Потом ответил:

– Полагаю, что неплохо.

Глядя на разбросанные по одеялу записи, Трип узнал рисунки и наброски косяка осьминогов.

– Надеюсь, вы не жалеете о принятом решении.

Эллис пренебрежительно махнул рукой. Когда до берега оставалось несколько миль, он взял контейнер с последним осьминогом, отправил за борт и проследил, как тот скользнул в водную гладь. Даже учитывая принятые во избежание инфекции меры, риск заражения был слишком велик.

– Океан громаден, – сказал Эллис, его голос звучал еле слышным шепотом. – Другие открытия ждут своего часа. Хотя

мертвые тоже заслуживают нашего уважения.

Трип только кивнул. Поговорив еще немного, он вышел, чувствуя, что Эллису и Мэг нужно остаться наедине. Направляясь к двери, он встретился взглядом с Мэг. Она улыбнулась ему. Тень печали все еще лежала на лице женщины. Потом Мэг повернулась к мужчине на больничной койке.

Солнце садилось, последние лучи просвечивали сквозь шпалеры. Трип пошел по аркаде, и перекладины шпалер поочередно то затеняли солнечные лучи, то пропускали их, что напомнило ему о мерцающих в воде огоньках. Он почти добрался до конца галереи, когда вдруг осознал, что левая рука медленно поднимается к губам.

Трип замер. Впереди, в нескольких шагах, лежал сад. Впившись взглядом в кончики пальцев, он усилием воли опустил руку. Подождал, пока пройдет порыв членовредительства, как случалось всегда. Наконец, через долгое, как ему показалось, время, приступ миновал. Трип выдохнул. Сунул руки в карманы и шагнул в сад, стараясь не смотреть на свет.

Питер М. Болл
Умереть молодым

Питер М. Болл, слушатель австралийского семинара для молодых писателей в жанрах фэнтези и научной фантастики Clarion South Writers Workshop, опубликовал свой первый рассказ в сборнике «Новые сновидения» («Dreaming Again») в 2007 году. В последующие годы его произведения появлялись в сборнике «Затмение-4» («Eclipse Four»), антологии «Interfictions II», в журналах «Electric Velocipede», «Weird Tales», «Fantasy Magazine», «Strange Horizons», «Apex Magazine», «Daily Science Fiction», «Shimmer» и других. Новелла «Рог» («Horn»), сочетающая элементы фэнтези и жанра нуар, опубликована в 2009 году, а в 2010 году вышло ее продолжение, «Кровопролитие» («Bleed»). Болл живет в Брисбене, в Австралии. У него есть свой сайт www.petermball.com.

В этом сборнике читателю предлагается живописная, но кровавая история, которая начинается на первый взгляд как смесь фэнтези и спагетти-вестерна. Действие разворачивается в далеком будущем, после некоей апокалиптической войны. Но на самом деле произведение представляет собой научно-фантастический рассказ, несмотря на то что в нем фигурируют драконы.

Я уловил запах задолго до появления его носителя – этот затхлый запах, отдающий пылью и серой, отчетливо ощущался в атмосфере «Салуна Кэссиди», насыщенной смрадом потных тел. Чувствительность к запахам – часть дара, унаследованного мною от папаши, но к тому моменту, когда источник приблизился, вонь заметил не только я. От дракона несло настолько сильно, что его учуяли все; в зале стало тихо, люди прислушивались к стуку когтей по деревянным половицам, пристально смотрели на дверь, в которую он протискивался.

Тварь, высокого роста, двигалась ссутулившись, с трудом волоча за собой хвост; видно было, что зверюгу не просто потрепала дальняя дорога – ей здорово досталось от кого-то более безжалостного. Остатки крыльев были сложены так, что прикрывали плечи, подобно старому рваному плащу. На том месте, где должны были находиться рога, торчали зазубренные обломки костей, и это мне сразу не понравилось. Папаша как-то сказал, что дракон, лишившись рогов, становится злобным и обычно превращает в лепешку не только того парня, который его изуродовал.

Дракон окинул нас всех пристальным взглядом; довольно

долгое время никто не произносил ни слова, но на таких существ нельзя пялиться бесконечно. Кто-то в дальнем углу салуна откашлялся – может, Сэм Куди или один из его помощников-клонов; словно по сигналу, остальные перестали глазеть и вернулись к своим разговорам. Дракон ухмыльнулся, показав набор зубов, похожих на пилу, и пошел к бару. Мы сделали вид, будто ничего особенного не происходит, что к нам в салун каждый день заглядывают драконы и что нам нет до него дела, но время от времени поглядывали на незваного гостя. Дракон с самым небрежным видом облокотился о стойку, а мы смотрели на него и напряженно ждали, что произойдет дальше.

Док наклонился ко мне и слегка подтолкнул меня здоровенным костяным крюком, заменявшим ему руку.

– Неприятности?

Прежде чем кивнуть, я дернулся и отодвинулся подальше от крюка. Для того чтобы сообразить, что дело плохо, мне даже не требовался дар предвидения; на драконе был оружейный ремень, заметный, когда тварь двигалась. А папаша никогда не доверял чужакам с оружием. От них всегда неприятности, говорил он, и в конце концов оказывалось, что он прав. Доку Кэмерону это было известно лучше, чем кому-либо еще.

Однако дока мой ответ не удовлетворил. Что-то промелькнуло в его глазах, и я почувствовал слабый запах страха, пробивавшийся сквозь тяжелый, маслянистый парфюм.

– Присмотрись хорошенько, – велел он. – Скажи, что будет дальше.

И окинул меня мрачным, пристальным взглядом. Он смотрел так, пока я не закрыл глаза и не уставился в темноту, пользуясь даром папаши. Я не увидел ничего, кроме серого дыма, и учуял только запах гари. Сквозь туман донесся резкий стрекот автоматной очереди.

– Что-то горит, это точно, – сказал я, – а еще я слышу стрельбу, док. Автомат или пулемет. Думаю, прежде чем все закончится, кто-то окажется у тебя на столе в морге.

Док Кэмерон прикрыл глаза и поскреб выступающую скулу. Зрачки его замерцали, и созвездие крошечных искорок устремилось к слезным протокам – он сканировал дракона. Армейские технологии, наследие войны, маленький подарок дока городу Дансборо. Коробочка, висевшая у него на поясе, зажужжала – данные из устройства в коре головного мозга дока передавались на кремниевый чип компьютера.

– Может, следует сообщить Куди, как ты думаешь? – спросил я, но док покачал головой.

– Шериф захочет знать подробности, – возразил он. – Этот

идиот не выгонит дракона из города только на основе подозрений, даже твоих.

Док фыркнул. Куди был другом моего папаши, последним, кого папаша обучал, перед тем как док захватил власть. Док закрыл глаза, и на коробочке загорелась лампочка; данные были загружены и готовы для изучения.

– Я сейчас пойду и просмотрю это. Не спускай глаз с ящера, Пол. Настоящих глаз и другого тоже. Может, нам и повезет.

Док выскользнул из бара через черный ход – он торопился в лабораторию. Я сидел, прихлебывал корневое пиво и следил за драконом, как мне было приказано. Одну руку я держал под столом, поближе к острому ножу, который подарил папаша, когда мне исполнилось четырнадцать. Дракон ничего особенного не делал, просто попросил виски. Я опустил веки, открыл «третий глаз» и уставился перед собой, изо всех сил разглядывая темноту; но не увидел и не услышал ничего, кроме дыма и стрельбы. Я почувствовал приближение головной боли – и знал, что она будет длиться много дней.

Прошло не больше получаса после бегства дока, когда дело приняло дурной оборот.

Я предчувствую неприятности лучше остальных людей, даже без ясновидения. Это отец научил меня такому трюку, научил, как надо оглядывать комнату, оценивать всех, кто в ней есть, и угадывать, кто сделает первый шаг. Войдя в салун, дракон не стал искать неприятностей, просто ждал, когда кто-нибудь вскочит и все начнется само собой. В прежние времена папаша уговорил бы его уйти подобру-поздорову, но папаши уже давно нет в живых, а Куди не умеет мирно улаживать дела. Люди в баре хмурились, жались по углам и разговаривали шепотом.

Все начал Кенни Слоун – он протопал по деревянному полу и остановился перед драконом. Слоун был одним из «железяк» дока, киборгом со сверхбыстрыми рефлексами, вооруженным кучей скальпелей; он легко мог отрезать крылья мухе прямо на лету. Он тяжело облокотился о стойку и оглядел дракона, выставив руку так, что металлические части ярко заблестели. Кенни Слоун был задирой и всегда лез на рожон, как и большинство парней дока. Он ухмыльнулся своим дружкам, убедился в том, что они наблюдают за представлением.

– Эй ты, ящер, – начал Слоун. – А я думал, у таких, как ты, хватает мозгов не заходить в бары для людей.

После этого дракон обернулся: рот у него еще был полон виски, и из ноздрей поднимались две тонкие струйки дыма. Горящие глаза, похожие на лужицы расплавленного металла,

прищурились; дракон изучал Слоуна. Слоун был здоровенным малым даже до того, как док над ним потрудился, и все сторонились его, когда на него находило настроение лезть в драку. В салуне снова стало очень тихо; я заметил, что Куди и его кучка копов напряглись в своем углу, приготовились к неизбежному. Дракон отвернулся к своему стакану, не обращая на нас внимания. Слоун положил руку ему на плечо.

– Эй, ящер, – повторил Слоун. Затем быстрым движением выставил перед собой металлическую руку, и лезвия, заменявшие ему пальцы, выскользнули из чехлов. – Мы уже побили вас один раз, забыл?

Дальше все произошло очень быстро, слишком быстро, так что без «третьего глаза» я бы не различил подробностей. Слоун замахнулся, чтобы ударить дракона, Куди и его бравые ребята вскочили на ноги, но дракон действовал стремительнее всех. Он мгновенно увернулся от выпада Слоуна, расправил крылья, пригнулся и, приняв боевую позицию, широко расставил когтистые руки. Слоун был выпоторошен прежде, чем его бритвы вонзились в деревянную стойку; он так и стоял, пытаясь высвободить руку, а кровь хлестала на пол.

– Тебе нужен врач, – прошипел дракон.

Он допил виски, но парни Куди окружили его прежде, чем он успел поставить стакан на стойку. Дракон настороженно оглядел их; все это были костлявые клоны шерифа с громоздкими довоенными револьверами. Куди выдернул кисть Слоуна из стойки; сам Кенни был занят тем, что зажимал свободной рукой кровавое месиво, которое только что было его животом.

– Прошу прощения за беспорядок, – произнес дракон и прикоснулся ко лбу окровавленным когтем. Он снова сложил крылья так, что они прикрыли его ремень с оружием и стройное, гибкое тело. – Провожать меня не надо, ладно?

Клоны посмотрели на Куди, и старик кивнул; никто не пикнул, когда дракон уходил. Слоун застонал, затем попытался заговорить, и в горле у него что-то забулькало. Как только дракон скрылся, шериф огляделся и ткнул пальцем в мою сторону.

– Где док? – спросил Куди. – Гром и молния, сынок, беги к Кэмерону и скажи, чтоб он поторопился, если не хочет, чтобы его киборг испустил дух.

Я кивнул и двинулся к двери, хотя и знал, что Слоуну крышка. Док не заботился о своих киборгах так, как Куди – о своих клонах, особенно если они были тупыми, вроде Кенни, а на горизонте маячила экзотическая добыча. Я пересек площадь и нажал на кнопку звонка у двери дока, но никто не ответил. У меня был выбор: ждать, вернуться к Куди или последовать за

драконом, как мне и было приказано. Ни один вариант не привлекал меня. Из салуна доносились пронзительные вопли Кенни Слоуна, умиравшего медленной смертью, и поэтому я выбрал меньшее из зол: медленно двинулся по главной улице, прислушиваясь к негромкому жужжанию в голове. Оно подсказывало мне, где искать лагерь дракона.

Дракон скрывался неподалеку от Холма Колючей Груши; его спальный мешок был расстелен среди кривых кактусов, которые питались влагой из ручья, огибавшего подножие холма. Похоже было, что он путешествовал налегке; небольшой мешок выглядел пустым – видимо, дракон добывал себе пропитание по дороге. Но, прхгблизившись, я ощутил знакомый зуд и заметил кучу свежей земли – там он закопал свои припасы. Открыв «третий глаз», я взглянул вниз и «увидел» какие-то ящики, банки с консервами и кордит.

Я довольно много времени провел в лагере, прежде чем появился дракон, – в основном потому, что мне не хотелось возвращаться в город. Никакой срочности не было – все равно шериф не собирался отправлять сюда своих людей. Я сидел на камне и скреб ногой по земле, поднимая пыль, напряженно прислушивался и пытался предугадать приближение дракона. Но у меня ничего не вышло; я не услышал его, не увидел его и на сей раз даже не учуял его запах. Меня нелегко застигнуть врасплох, но дракону это удалось. Просто в какой-то момент я моргнул, а когда открыл глаза, он уже стоял передо мной, низко пригнувшись, выставив когти, и горячая слюна текла у него по подбородку.

– Мальчик, – заговорил он. Ноздри у него раздувались, меня окутали серные пары. – Ты был в баре, да? Тебя прислали из города?

Я кивнул, держа руки на виду. У меня не было при себе оружия, если не считать папашиного ножа, и это как будто успокоило дракона. Он опустился на колени, обнюхал меня, снова выпустил из ноздрей струю дыма.

– А, – сказал он, – у тебя есть способности.

– Немного, – ответил я. – Ничего особенного на самом деле.

Он снова засопел, сделал глубокий вдох. Я узнал этот фокус – папаша раньше часто им пользовался, – знал, что обученный соответствующим образом человек может многое почувствовать. «Третий глаз» творит чудеса, это такой особенный дар предвидения, но отец всегда говорил, что существуют другие способы заполнить пробелы там, где ясновидение бессильно.

Дракон улыбнулся мне:

– Значит, тебя обучали? Твой отец?

Вместо ответа я пожал плечами.

– Я работаю на дока, – сказал я. – Он здесь всем заправляет; он велел проследить за тобой.

Дракон, все так же улыбаясь, наклонил голову.

– Опасная работенка, а?

Я ничего не сказал, просто скрючился на своем камне и ждал, что произойдет дальше. Дар, унаследованный от папаши, подсказывал мне, что я не умру здесь, но это не означало, что я легко отделаюсь. Скорее всего, мне предстояло дорого заплатить за то, что я посмел прийти в лагерь дракона. Я ждал, что он с минуты на минуту нападет, вонзит в меня когти.

Я уже мало чему в жизни удивляюсь, но дракон меня удивил.

– Я заварю чаю, ладно?

– О… – Я поморгал, и он окинул меня внимательным взглядом. Я заставил себя кивнуть: – Да. Да, пожалуйста.

Я заерзал на месте. Дракон занялся разведением костра: как следует плюнул в кучу хвороста. Выудил из дорожного мешка железный котелок и мешочек с рассыпным чаем, затем склонился над костром и принялся ждать, когда вскипит вода. Было что-то завораживающее в том, как мышцы ходили под чешуей, как блестели на солнце темные гребни, украшавшие его руки. Он сидел с величественным видом и ждал.

– Ты кого-то ищешь, – заговорил я. – Это я понял еще там, в салуне. Не вижу, кого именно и зачем, но это кончится плохо.

Дракон ответил, не сводя взгляда с котелка:

– Да.

– Мне кажется, ты пришел за доком, – сказал я. – Он сильно разволновался, когда ты появился, сразу побежал в свою лабораторию. На самом деле это на него не похоже. Док Кэмерон любит собирать части тела, любит новые штуки, с которыми можно поиграть так и сяк.

Это вызвало реакцию: из ноздрей дракона вырвались клубы дыма, сложенные крылья вздрогнули.

– Да.

– Так что случится, когда ты снова придешь в город?

Дракон немного откинулся назад, перемешивая варево в котелке. Затем снял его с огня и разлил чай, пахнущий пряностями, в две металлические кружки; на обеих кружках, у краев, виднелись отметины от зубов. Одну он протянул мне, и я заметил на когтях подсыхающие пятна крови Слоуна.

– Ты ясновидящий, – сказал он. – Это ты мне скажи.

Где-то в районе лба у меня началось покалывание – включились инстинкты и дар предвидения, но ничего нового я не

узнал.

– Я пока не видел; там, в будущем, только дым и выстрелы.

Я сделал большой глоток чая, и молотый красный перец обжег мне горло. Дракон смотрел, как я пью, прищурив алые глаза. Мне показалось, что я понял, чего он дожидается.

– Спрашивай, – сказал я. – Я не буду лгать.

– У тебя есть дар предвидения, но ты работаешь на вашего доктора?

Я догадался, что ему нужно, и не стал ходить вокруг да около.

– Он делал плохие вещи, когда появился здесь, – ответил я. – Но и хорошее тоже делал. Помогал людям, возвращал им то, что они потеряли. Конечно, они уже были не те, что до войны, но зато снова получили руки и ноги. Они снова могли работать, а нам требовались рабочие руки.

Дракон рассмеялся, и капельки его слюны, зашипев над костром, превратились в искры. Он поставил на землю кружку, наклонился вперед, а когда выпрямился, в руке его удобно лежал один из этих древних «люгеров». Он направил узкий ствол в мою сторону, снова сощурился, пристально уставился на меня.

– Выходит, ты знаешь, – сказал он. – Ты видел, что сделал ваш доктор?

– Так, кое-что. На самом деле только краем глаза, но зато вдоволь насмотрелся на результаты его работы с тех пор, как он пришел в город.

В глазах дракона загорелся холодный огонь, и он сделал глубокий вдох.

– Он убил твоего отца?

Я снова кивнул.

– И все равно ты на него работаешь?

– Конечно, а как же иначе.

– Почему?

– Так надо; кто-то должен это делать. – Я маленькими глотками пил чай, но уже не волновался; я видел, что дракон не собирается в меня стрелять. От отца мне достались не все его способности, даже меньше половины, но сейчас я был уверен в себе. – Нет смысла говорить местным, что док дьявол: они слишком сильно в нем нуждаются. Им все равно, что он там натворил, да никого и не удивишь рассказами о его темных делишках. И папаша мой на самом деле не хотел ему мстить; главное для него было, чтобы люди жили мирно. Он на моем месте поступил бы так же, скорее всего, если бы его не убили. Времена сейчас плохие; для того чтобы охранять порядок, нужен или плохой человек или очень смелый.

– Твой отец был смелым.

– И ничего хорошего это ему не принесло. – Я старался говорить равнодушным тоном, отогнать воспоминания, которые непременно нахлынули бы на меня, если бы я поддался гневу. Воспоминания могут стать кошмаром для человека, говорил папаша, и он был совершенно прав. – Он умер, и больше смелых людей у нас не осталось. Все, что у нас есть, – это плохие люди и их шестерки. Я вижу это так: я могу убить дока, и тогда начнется черт-те что, а могу оставить его в живых, и тогда все остальные тоже будут жить.

Выражение лица дракона не изменилось, «люгер» не дрогнул в его руке, но потрепанные крылья слегка заколебались, когда он переменил позу. Кривой обломок рога блеснул в пламени костра.

– Но ты же видел, – сказал он. – Ты не можешь его спасти.

Я покачал головой.

– Я сказал тебе правду, – возразил я. – Туман, дым, стрельба – это все, что я видел; один из вас умрет, но не знаю, кто. – Я смолк, допил остатки чая. – Однако я могу догадаться о том, что произойдет потом, если он умрет. Ничего хорошего в голову не приходит, даже если сильно постараться. Здесь, в глуши, с одним только Куди, который не может поддерживать порядок, все быстро покатится в преисподнюю.

Дракон кивнул, сунул «люгер» в кобуру и взял чай.

– Тебе надо идти.

Я постоял немного на месте, не зная, что делать со своей кружкой. Дракон поднялся, уставился на меня сверху вниз.

– Иди! Скажи своему доктору, что я скоро вернусь.

Я оставил его и крадучись направился обратно к городу, по-прежнему сжимая в руке жестяную кружку.

Стены охраняли клоны Куди, так что у меня не было шансов пробраться в город незамеченным. Двое спустились к воротам мне навстречу, хлопнули меня по спине тяжелыми лапищами и повели к Мэйн-стрит. Четверо других остались на стене, обшаривая горизонт взглядами мутных глаз, а еще один водил туда-сюда прожектором. Все они были высокими, с бессмысленными рожами и отвисшими челюстями, и все были вооружены. Несмотря на вид слабоумных, эти ребята вполне правдоподобно изображали стражей порядка: держали руки на кобурах и следили взглядами за светлой точкой, скользившей по полю. Двое, сопровождавшие меня, не произнесли ни слова, просто шагали вперед, держа меня за локти. Я мог бы вырваться и убежать – клоны Куди гораздо тупее его, да и он сам, если уж на то пошло, умом никогда не блистал, – но посещение офиса

шерифа давало мне хороший предлог подольше не появляться в лаборатории дока и отложить свой доклад на несколько минут.

Сам настоящий, «исходный», Куди сидел на веранде своего офиса, негромко отдавал какие-то приказания по рации и демонстративно проверял механизм дробовика, который лежал у него на коленях. Он даже не поднял головы, когда его клоны швырнули меня на ступеньки, лишь с довольной ухмылкой передернул затвор дробовика и снова положил его на колени.

– Я же отправил тебя за доком, Пол, – заговорил он. Прищурив здоровый глаз, он вытащил из кобуры пистолет и проверил, заряжен ли он; зрачок второго глаза, искусственного, – работа дока – расширился и засветился красным светом. – Ты не сделал того, что я тебе приказал, и нам это дорого обошлось. Док не успел прийти вовремя, и Слоун откинулся – одни запчасти остались.

Папаша пытался обучать Куди точно так же, как обучал меня, но у шерифа не оказалось природного таланта к ясновидению и способности определять характер и намерения человека. Поэтому лгать ему было опасно: чтобы убедиться в том, что ему не лгут, он обычно вытаскивал ответ из собеседника чуть ли не раскаленными щипцами.

– Я позвонил в дверь дока, но он не открыл, – сказал я. – Перед тем как уйти в лабораторию, он приказал мне сделать кое-что; он мне не ответил, и я пошел выполнять его приказ. Ты говоришь, что я неверно поступил? Что мне следовало торчать у него под дверью и трезвонить, вместо того чтобы делать то, о чем он просил?

– Именно это я и говорю. – Куди медленно обвел взглядом улицу. – Док Кэмерон – мозг этого города, сынок, но я здесь представляю закон. Именно я поддерживаю порядок и охраняю людей теперь, после того как… – Он замолчал, не желая упоминать о моем отце, и сделал глубокий вдох, чтобы прогнать мысль о нем.

Я покачал головой.

– Ты и правда веришь в это, Сэм?

– Верю, а как же. – Он похлопал по стволу дробовика и в первый раз взглянул мне в лицо; правый глаз, механический, щелкнул, фокусируясь на мне. Идея вставить этот глаз принадлежала доку Кэмерону – он заменил тот, который Куди потерял на войне. Я был готов побиться об заклад, что Кэмерон мог при желании видеть то, что видел Куди. – Чего хотел от тебя док?

Я пожал плечами, и Сэм Куди как следует врезал мне по затылку. Я рухнул на землю и лежал так некоторое время,

сплевывая красную пыль.

– Попробуй еще раз, Пол.

– Он велел мне проследить за драконом. – Я сел. – Хотел узнать, не явился ли дракон по его душу.

– И что?

Я кивнул:

– Очень похоже на то.

Куди вздохнул и правой рукой потер здоровый глаз.

– Значит, ты заглядывал в его будущее? Все кончится плохо, так, Пол?

Он протянул руку и помог мне подняться.

– Все кончится так или иначе, Куди, – ответил я. – Я ни черта не видел толком, так что говорить не о чем, но слышал выстрелы и крики. Мне кажется, дракон тоже ясновидящий, и он понял, что кто-то скоро умрет. Но чтоб мне провалиться, если я знаю, кто именно.

Куди прищурился, пожевал нижнюю губу, и длинные усы задергались. Очень долгое время он не говорил ни слова.

– Мне надо сообщить об этом доку, – сказал я ему. – Он меня ждет, Сэм.

– Иди, – бросил шериф и снова занялся своим оружием.

Нет такого человека, который охотно спустился бы в бункер дока Кэмерона, и меньше всего этого хочется таким парням, как я, у которых есть дар. Места, подобные этому бункеру, просто вопят, эхо прошлого разносится здесь снова и снова. Но во всем городе не найдется ни одного болвана, который бы не таскал в своем теле штуку, изготовленную доком, – даже у меня кое-что есть, хотя и гораздо меньше, чем у прочих, – а док Кэмерон любит следить за людьми. Были в городе местечки, где я мог спрятаться, если бы очень захотел, но рано или поздно мне пришлось бы вылезти оттуда и заплатить за неповиновение. Я пересек площадь, подошел к двери, взглянул в сканер сетчатки и вошел в бункер, чтобы рассказать доку все то, чего он не желал слышать.

Инстинкт и дар ясновидения говорили мне, что это неверное решение; даже более смелый человек сбежал бы и провел следующие дня три в своей койке, пережидая бурю, и высунул бы нос на улицу только после того, как перестрелка закончится. Я вовсе не был смелым, поэтому стоял на пороге до тех пор, пока стальные двери не разъехались в стороны. Двое «железяк» шагнули ко мне и повели по бесконечным туннелям. Ребята дока проделали эти туннели давно, сразу после того, как появились здесь.

Док был у себя в мастерской и трудился над телом Слоуна.

Он ковырялся своим костяным крюком в потрохах трупа – провел сверху вниз и разрезал кожу и мышцы, как будто расстегнул молнию. От запаха меня чуть не вырвало, но он даже не обернулся в мою сторону.

– Он пришел за мной, так? Этот дракон?

Я оглянулся на «железяк», здоровенных бугаев, которые стояли у меня за спиной с бессмысленными, безразличными лицами. Док оторвал взгляд от скользких алых внутренностей Кенни Слоуна и злобно уставился на меня своими холодными глазами. Через минуту я сдался и кивнул.

– Кто будет стрелять, Пол? Скажи, во что мне обойдется победа?

Я закрыл глаза и взглянул в темноту, в надежде, что мне повезет: мрак, выстрелы из автомата, вопли умирающих.

– Жаль, док, но я не знаю.

Док Кэмерон кивнул и, снова сунув длинный нос в распоротое брюхо Слоуна, принялся работать здоровой рукой и протезом. Белый халат окрасили брызги крови, когда он вытаскивал из мертвого всякие устройства. Война давно закончилась, и никто больше не поставлял нам технику; док любил напоминать нам о том, что теперь мы живем в мире, где ничего нельзя выбрасывать. Он вытащил из тела кабель и принялся наматывать его на катушку; эта тонкая нить из пластика и волокон побывала в телах множества киборгов еще с первых дней войны.

– Но ты хотя бы поговорил с драконом?

Я кивнул.

– И что он тебе сказал?

– Немного. – Я беспокойно задвигался, но деваться было некуда – с обеих сторон стояли громилы дока. – Ему нужен ты, и еще он понял, что я умею видеть. Он хотел, чтобы я заглянул в прошлое, посмотрел как следует на то, что ты делал во время войны.

– И ты посмотрел?

– Нет.

Док Кэмерон улыбнулся.

– Ты меня разочаровал, Пол. Я думал, у тебя более решительный характер. – Он оставил работу и выпрямился. С костяного крюка свисали обрывки кишок Слоуна. Он покачал головой, изображая недовольство. – Что бы подумал твой отец? У такого храброго человека… и такой трусливый пацан?

– Мне все равно, что думал мой папаша, док. Мой папаша давно мертв.

– Почему я тебе не верю. Пол? – Док фальшиво улыбался;

губы его словно прилипли к зубам. Он протянул мне костяной крюк, словно подарок; на острие блестело маслянистое кровавое пятно. – Прикоснись к нему, мальчик. Давай посмотрим, настоящий ты мужчина или нет.

Папаша часто говорил, что после войны у некоторых с головой стало не все в порядке, и сейчас я подумал, что док, скорее всего, как раз из таких людей. Я заставил себя взглянуть ему прямо в глаза.

– Не имеет значения, что ты делал, док. Хоть во время войны, хоть неделю назад, и неважно, что ты сделал этому дракону и почему он охотится за тобой. Если тебе предстоит умереть…

– Да, если мне предстоит умереть…

Он не договорил. Его тонкие губы подергивались. Я тоже молчал. Он кивнул «железякам», и они вытолкнули меня в коридор. Я не сопротивлялся, когда они стиснули мне руки своими стальными клешнями, оторвали от пола и потащили прочь.

Киборги похоронили Слоуна на рассвете; небольшой мешок с кусками плоти, которые были не нужны доку, закопали в красной земле за стенами города. Куди и его клоны наблюдали за этим со своего поста; прямые, как палки, стражи с дробовиками и винтовками не желали даже приближаться к громилам дока. Конечно, они были союзниками, когда город нуждался в защите, но даже в лучшие времена отношения между ними сохранялись враждебными, а в худшие – весьма напряженными.

В ту ночь Куди удвоил охрану стены. Закопанные трупы привлекали падальщиков, а когда это случалось, начинались реальные неприятности.

Внутренний голос сказал мне, что день-другой, по крайней мере, мы будем в безопасности, и «третий глаз» не противоречил внутреннему голосу, поэтому я лениво прошелся мимо офиса Куди с намерением дать ему понять, что на некоторое время можно расслабиться.

– Лучше будь настороже, – велел мне Куди. – Так, просто на всякий случай.

Честно говоря, эти разговоры были сплошной показухой. Не требовалось никакого дара ясновидения, чтобы почувствовать напряжение; весь чертов город был на пределе, все ждали чего-то, и док Кэмерон просидел в своем подземелье целых девятнадцать часов подряд, пытаясь придумать, как спасти свою шкуру. Папаша рассказывал мне кучу историй про службу в армии. Говорил, мы много лет воевали с драконами, и всякий раз, когда начиналась

перестрелка, это нам дорого обходилось. На первый взгляд один дракон казался не таким уж страшным, но я понимал: когда он появится в городе снова, пострадают все.

Я провел целый день, валяясь на койке, пытался открыть «третий глаз» или увидеть вещий сон. Я заглядывал вперед, но это не дало мне ничего нового; взгляд назад тоже лишь подтвердил то, о чем я давно подозревал: док Кэмерон никогда не был хорошим человеком, и война дала ему отличный шанс доказать это. Да, он был жесток, но я это знал с самого начала, и вокруг было множество таких же жестоких людей. Это было понятно, если вспомнить, что творилось во время войны. И похоже было, что со времен войны его привычки не сильно изменились, только теперь у него имелось меньше подопытных людей и появилось больше возможностей для вивисекции.

Куди заглянул ко мне ближе к вечеру. Когда он протиснулся в дверь, я даже не стал вылезать из постели. Он подцепил табурет носком сапога и пододвинул его к кровати, затем уселся, не сняв с плеча дробовик.

– Ты смотрел?

Я кивнул.

– Что-нибудь новое увидел?

Я покачал головой, и Куди скорчил гримасу, устраиваясь на табурете. Один из его клонов с бессмысленным лицом и дебильной ухмылкой стоял у двери и оглядывал Мэйн-стрит. Это было лицо Куди, только моложе и тупее. Лицо человека, сидевшего рядом со мной, было обветрено и покрыто глубокими морщинами; он ссутулился под тяжестью прожитых лет. Друг моего папаши, хороший человек, который делал все что мог в эти суровые времена.

– Я воевал вместе с твоим отцом, – сказал Куди. – И повидал, чтоб мне провалиться, гораздо больше, чем мне хотелось бы. Пару раз приходилось иметь дело с драконами, прежде чем все пошло наперекосяк. Ведь все эти чертовы драконы когда-то были обычными людьми, до того как начались мутации. Эти проклятые твари существуют только потому, что чокнутые вроде Кэмерона начали творить всякие штуки с генами. Наверно, ты еще слишком молод, чтобы помнить?

Я кивнул.

– Этих тварей прижать нелегко, – продолжал он. – Они быстрые. Сильные. Они учуют тебя по запаху еще прежде, чем ты соберешься вытащить оружие. Я видел один лагерь после того, как ублюдки напали на него ночью. Почти все были убиты прямо в койках – никто не слышал, как подошли враги, и датчики движения ничего не уловили. Ты понимаешь, к чему я это все

говорю, Пол?

Я пожал плечами. Куди помолчал и сделал глубокий вдох.

– Ты ведь заглядывал в прошлое, так?

Я кивнул, глядя на блестящий искусственный глаз Куди, слушал, как он жужжит, фокусируясь на мне. Я постарался не думать о том, что док смотрит на меня сейчас при помощи этого глаза, подслушивает наш разговор.

– А док, он ведь заслуживает мести, так или иначе?

Я помолчал несколько секунд, потом снова кивнул. Куди сгорбился.

– Проклятье.

Снаружи дул слабый холодный ветер. Я слышал негромкий скрип – это на городской площади насосы с ветряными двигателями качали воду из подземного резервуара. Куди откинулся назад, потирая большим пальцем стальной ободок искусственного глаза. Я скрючился на кровати, пытаясь укрыться от тусклого алого огонька, который уставился прямо на меня.

– У меня нет огнестрельного оружия, – сказал я.

Куди кивнул:

– Я никогда не просил тебя ходить с пушкой.

– Мой папаша…

– Твой отец был твоим отцом, – перебил меня Куди. – А ты – не он, Пол. Я это понимаю. Он бы тоже это понял, если бы был сейчас жив. Времена меняются, это верно, и ты тоже должен меняться, или придется дорого заплатить. – Куди отъехал назад вместе с табуретом, раздался скрип ножек о доски. Я смотрел на красный огонек в его глазу; он покачнулся, когда шериф выпрямился и снял с плеча дробовик.

– Значит, ты знаешь, когда этот ублюдок вернется?

Я пожал плечами. В комнате было темно, но в глаз Куди был встроен прибор ночного видения, так что он мог разглядеть мой жест.

– Завтра, может, послезавтра. Он многое видит, и я думаю, видит лучше меня. У него настоящий дар, не хуже, чем был у моего папаши. Поэтому мне трудно угадать, что он будет делать дальше.

Куди с кряхтением поднялся, протопал к двери хижины и долго стоял, глядя на улицу.

– Люди погибнут. Пол. Ты с этим ничего поделать не можешь. Но если эта тварь победит, мне нужно знать. Кто-то должен защищать этот город, если док получит пулю в живот, и вряд ли ящер задержится здесь, чтобы взяться за эту работу.

Я ничего не сказал. Ответить на это было нечего.

– Я думаю, надо его впустить, – вздохнул Куди, переминаясь с

ноги на ногу. – Если нам повезет, он придет тихо, выпотрошит дока и уйдет прежде, чем кто-то сообразит, что он здесь побывал. Это плохая мысль, потому что в таком случае мы потеряем дока и все остальное, но я рассчитываю, что кое-кто из жителей все-таки уцелеет.

Я вспомнил лагерь дракона: ящики, которые он закопал, тающие запасы провизии, пылающий гнев, будто разжигаемый паяльником. Я покачал головой.

– Тихо не получится, – сказал я. – Он не собирается никого и ничего оставлять в живых после того, как все закончится.

– Даже если так, – ответил Куди. – Боже, помоги мне; даже если и так, возможно, стоит попытаться.

Он больше ничего не сказал и ушел, а я смотрел ему вслед, одолеваемый очень нехорошим предчувствием.

Я слинял после ухода Куди: схватил одеяло, отцовский нож и убрался прочь из хижины. Может, Сэм Куди и не просил меня носить пушку, но я знал: док обязательно прикажет, если достаточно сильно перепугается. Люди уверены в тебе, если, кроме дара предвидения, у тебя есть еще и пистолет; как будто не о чем беспокоиться, если ты заранее знаешь, что сейчас случится. В основном так происходит из-за моего отца, потому что в наших местах люди в него верили, и не без основания; по крайней мере, до появления дока. Папаша вел себя здесь так же, как и на войне, легко справлялся с любым при помощи своего дара и смелости. И теперь я понимал: если Куди уберет со стены клонов и предоставит «железякам» – киборгам самим разбираться с драконом, док Кэмерон наверняка вынудит меня защищать его.

Красться по городу незамеченным достаточно легко, если в этом натренироваться. Особенно когда ты знаешь, что камеры, которых нужно избегать, засунуты людям в глаза, а не привинчены к стенам домов. Я направился к водонапорной башне, которая торчала над салуном, пробрался на чердак и спрятался там, среди щепок и пыли. Отсюда было хорошо видно главную улицу, а у меня начиналась головная боль, которая сдавливала мне череп и ввинчивалась в мозг.

Я спал там, в этой дыре, где ни док, ни Куди не могли меня найти, но сон мой был беспокойным. Мне снился папаша в тот последний день, когда в город пришел док. Мне снилось будущее, возвращение дракона, и среди выстрелов я различил новый звук: резкий, влажный хлопок – такой бывает, когда швыряешь на землю один из арбузов, что растут у реки. Обезглавленное тело Куди возникло из клубов дыма; оно лежало у моих ног, и над ним поднимался дымок.

Когда я проснулся, оказалось, что надо мной склонился дракон; морда его была совсем близко, и я чувствовал серную вонь. В руке он держал оружие и внимательно осматривал улицу. Я прикусил губу, чтобы не закричать, а дракон улыбнулся.

– Ты прячешься, да?

Я закашлялся, брызгая слюной, и не сразу ответил «да». Дракон пристально уставился на противоположную сторону улицы, на ребят дока, которые собирались у входа в бункер, «Железяки» с пальцами-бритвами, и их была целая куча. Штук двадцать, и все киборги.

– У них руки с железными когтями, – сказал я. – Прыгать на них сверху – чистое самоубийство.

Дракон на это лишь пожал плечами:

– Да.

– Мне снился сон. – Я приподнялся на локтях и заговорил громче, хриплым голосом. – Я не знаю, кто погибнет из вас двоих, ты или док, но я знаю, кто поплатится жизнью за ваши разборки. Шериф собирался впустить тебя в город, он думал, что ты покончишь со своим делом тихо и оставишь в покое всех остальных. Он рассчитывает на то, что после твоего ухода от города хоть что-то останется; тогда он защитит руины от хищников и с помощью выживших восстановит город.

– Он ошибается, – сказал дракон. – Он поплатится жизнью, верно? Бомба в голове взорвется, да?

– Да.

Он улыбнулся мне, показав зазубренные клыки.

– И что теперь? Ты хочешь меня остановить?

Несмотря на жару, меня пробрал озноб.

– Не думаю, что у меня это получится.

– Ты думаешь, – возразил дракон и покачал головой. – Ты думаешь.

Я могу поклясться, что хриплый свистящий звук, который он затем издал, изображал смех.

– У тебя же есть дар, – выговорил я. – Ты знаешь, чем это все кончится.

– Я знаю, – сказал дракон. – Я видел свою смерть.

– Не делай этого, – взмолился я. – Прошу тебя.

Дракон снова пожал плечами и проверил предохранители своих пистолетов. На миг он прищурился, глядя на солнце, словно таким образом узнавал время.

– Уже сделано, – ответил он. – Все сделано. Теперь никто и ничто не может этого остановить.

Тогда я втянул носом воздух, принюхиваясь: сера и кордит.

Дракон появился из своего укрытия, и сделал он это отнюдь не тихо и мирно.

Первым обрушился южный частокол. Грохот взрыва прокатился по главной улице; над домами поднялась красная пыль, стекла задрожали. Когда это произошло, я спускался вниз по стене салуна; меня тряхнуло, пальцы разжались, и я неловко рухнул в пыльный переулок, который тянулся позади здания. Правое плечо обожгла боль, а в это время на главной улице раздались вопли: киборги пошли в атаку, а обычные люди бросились в укрытие. Я слышал, как началась бойня среди клубов пыли и дыма: автоматные очереди, крики умирающих, ответный огонь дракона, который обстреливал врагов со своей позиции на крыше. Парни дока были быстрыми и сильными, но обученными кое-как и представляли собой всего лишь пушечное мясо. Им потребовалось несколько минут на то, чтобы сообразить, что стрелок находится где-то наверху, вне огромного облака дыма.

Я с трудом поднялся на ноги и пошел к стене; где-то дальше по улице разорвалась вторая бомба, и я пошатнулся. Драконы подбираются к врагу незаметно, говорил Куди, и их чертовски трудно обнаружить. Он забросал бомбами весь город, чтобы отвлечь противника, улицы скрылись под завесой дыма, повсюду бушевало пламя, и инфракрасные датчики, которыми док снабдил своих «железяк», чтобы видеть в темноте, были выведены из строя. Куди и его клоны почти не помогали, они лишь пытались осветить улицы прожекторами, а сами укрылись от пуль. Они и пальцем не пошевелили, чтобы поддержать киборгов, просто окопались в своем укрытии и ждали; и дюжина солдат, у которых были винтовки, даже не стали целиться. Куди стоял за металлическими бочками с водой, которые мы возили на тележках из резервуара, держал на плече дробовик и оглядывал улицу. Стальная пластина, прикрывавшая его правую глазницу, блестела на солнце; он не заметил моего приближения до того момента, когда я очутился совсем рядом с ним. Я проорал слово «бомба», пытаясь перекрыть грохот. Куди кивнул, сделал раздраженную гримасу и указал на груды трупов.

– Бомба! – снова крикнул я и ткнул пальцем в его искусственный глаз. На этот раз до него дошло, и он немного побледнел. Я закрыл глаза, когда взорвался очередной динамитный заряд, и увидел кусочек будущего. Теперь оно было более четким, вокруг мелькали какие-то фигуры, и звуки становились все громче и громче, по мере того как будущее превращалось в прошлое. Куди приказал своим клонам идти на улицу, двоих послал на стены, чтобы они начали искать на

крышах дракона и сняли его выстрелом из винтовки.

Я вгляделся в будущее, попытался увидеть еще хоть кусочек. Стрельба и крики в облаке дыма постепенно стихали. Теперь выстрелы стали одиночными – это дракон уничтожал последних киборгов. Внутренний голос сказал мне, что у нас кончились и бомбы, и солдаты, и что дракону теперь остается только месть. Я услышал, как Куди выкрикивает команды – он приказывал своим клонам очистить улицы, унести раненых в укрытие и приступить к тушению пожаров.

Я давно узнал, когда мне суждено умереть – конечно, в случае, если я не наделаю в своей жизни каких-нибудь глупостей. Это было первое, чему меня научил папаша, когда понял, что я обладаю даром предвидения. Ты смотришь вперед, и видишь свою смерть, и узнаешь, как все кончится, если ты за оставшееся тебе время не станешь слишком сильно искушать судьбу. Дракон тоже это знал, и мой папаша тоже. Это, конечно, не стопроцентно сбудется, но вероятность очень большая. Только очень глупый человек может спутать что-то, когда его посещают такие видения.

Папаше было на роду написано умереть в старости, но он постоянно искушал судьбу. Я тоже должен был умереть стариком, но я, в отличие от него, сидел тихо с того самого дня, как в город пришел док. Я закрыл глаза и вгляделся в будущее, заставив себя не обращать внимания на дым. Рано или поздно дракону предстояло умереть, и док должен был наказать за это Куди. Или же док должен был умереть и прихватить с собой Сэма Куди. Так или иначе, очень мала была вероятность благополучного исхода для шерифа, и еще меньше была вероятность того, что от города останется хотя бы камень на камне.

Я вытащил папашин нож и шагнул вперед, в облако дыма.

Двери в бункер дока были широко распахнуты; замки были расплавлены слюной дракона, на створках виднелись пятна масла и крови. Я постоял у порога несколько секунд, приложив к лицу платок, чтобы не задохнуться в пыли. Куди появился рядом со мной, сжимая в руке дробовик.

– Он там? – спросил шериф, я кивнул и прикоснулся к своему носу.

– Сера, – сказал я и вошел в бункер, выставив перед собой нож – как будто это могло меня защитить от тех, кто шнырял там, в темноте. Куди следовал за мной, и его искусственный глаз щелкнул, переходя в режим ночного видения.

– Ты что-нибудь видел? – обратился он ко мне. – Ну, например, хотя бы кто победит?

Я покачал головой, перешагивая через умирающего киборга.

– Уходи отсюда, шериф. Сегодня тебе нельзя и близко подходить к доку.

Мы услышали выстрел где-то в глубине подземелья, затем шарканье и топот бегущих ног. Куди обошел меня и поднял свой дробовик.

– Вообще-то выбирать не приходится, Пол. Если надел значок, будь готов к смерти.

Он двинулся вперед, держа оружие наготове, а я шагал за ним. Я попытался снова заглянуть в будущее, но больше видеть было нечего. Все смешалось. Слишком много было перепутанных фигур на доске, слишком много людей пытались блефовать и обмануть судьбу, жульничая с картами, которые им выпали. Время от времени нам попадались трупы, капли крови на бетонном полу, пятна и брызги на стенах. В лабораторию дока попасть нелегко, коридор все время поворачивает, от него отходит множество боковых коридоров. Мы нашли дока в одном из таких коридорчиков примерно на полпути к лаборатории – он прятался, скрючившись в темноте, и сжимал в руке медицинскую пилу. У него текла кровь, он был ранен, но, когда увидел нас, оказалось, что двигаться он может.

– Немного задело, – сказал он. – Мне повезло.

– Дракон, – сказал Куди и для того, чтобы придать этому слову больше выразительности, передернул затвор дробовика и послал патрон в ствол.

– Он там, дальше, – сказал док Кэмерон, – несколько парней пытаются удержать лабораторию. – Он смолк и посмотрел на Куди. – Они выполняют твою работу, шериф, если я не ошибаюсь. Возможно, тебе следует присоединиться к ним. – Когда он говорил это, в голосе его появились стальные нотки, и здоровая рука приблизилась к крошечному компьютеру, прикрепленному к поясу.

– Вся эта заваруха с драконом началась из-за тебя, – возразил Куди. – А что, если я откажусь?

Док перевел взгляд на меня, затем снова пристально уставился на Куди.

– Я так понимаю, тебе об этом уже сообщили, – произнес он. Затем рассмеялся – смех был пронзительным, высоким; казалось, ситуация забавляла дока.

В дальнем конце коридора, неподалеку от лаборатории, кто-то завопил.

– Наверное, тебе лучше поторопиться, – сказал док. Он засмеялся снова, поморщился, уперся крюком в стену, чтобы не упасть. Я решил, что он потерял много крови. Царапина у него на боку была не такой уж пустяковой, как он хотел показать.

Предчувствие говорило мне, что док уже покойник и что через несколько минут он потеряет сознание и умрет. Оставался лишь один вопрос: отправятся ли вслед за ним дракон и Куди?

Он хрипло втянул ртом воздух, наклонился вперед, хотел достать рукой до своей компьютерной коробочки, но не попал. Он не сводил взгляда с Куди, ожидая его решения. Я вспомнил папашу, вспомнил о том, что он должен был мирно умереть от старости, а потом решил положиться на свой внутренний голос и отцовский нож. Издав кровожадный вопль, я бросился на дока и вонзил клинок ему в живот.

Удар в живот доку едва не стоил мне жизни – он, в свою очередь, ткнул мне крюком в лицо. Крюк проехался по лицу, но не убил меня; я даже не почувствовал боли, когда док воткнул протез мне в живот и дернул, проделав неглубокую канаву в теле и задев потроха. Тогда подступила сильная боль, даже теперь я это хорошо помню, но, думаю, дело того стоило. В ответ я два или три раза ударил дока ножом и отвлек его, чтобы Куди смог прицелиться. А потом шериф начал стрелять и стрелял до тех пор, пока не кончились патроны. Я в это время уже потерял сознание, но дока тоже не стало. Тело его превратилось в кровавую кашу, но Куди еще стоял над ним на всякий случай и вызывал по рации своих клонов, чтобы зашить мне рану и вывести меня из бункера.

Пару недель, пока заживали раны, я провел в постели, так что теперь могу похвастаться несколькими живописными шрамами. Когда я пришел в себя, дракон уже исчез; Куди выпроводил его из города, снабдив припасами на дорогу и предупредив, чтобы он больше не возвращался. В городе ему больше нечего было делать: дока собирались хоронить, а многие люди жаждали отомстить дракону за взрывы и пожары. Он ушел тихо, что меня удивило, только теперь, вдобавок к рогу, он лишился еще и глаза.

Впереди нас ждала нелегкая жизнь, все это знали, и кое-кто был недоволен шерифом, который прикончил дока. Но мы сумели выстоять против падальщиков и мстительных киборгов дока, сумели выжить после того, как протезы пришли в негодность и люди начали хромать. Я теперь носил отцовскую пушку, потому что Куди попросил меня о помощи. У него стало не хватать клонов. В лабораториях дока некоторые люди пытались починить механизмы, но они были далеко не такими мозговитыми, как он, и я думаю, им еще долго придется возиться, если у них вообще что-то получится.

Однако наша жизнь стала лучше после того, как пришел

дракон. Труднее, да, но лучше, чем прежде. Папаша часто мне говорил, что люди справляются с любыми неприятностями, и война доказала это. Однако они делают больше, чем просто справляются, если их попросить, если показать им, что есть выбор. В конце концов, люди поступают правильно, потому что если поступишь плохо, то от жизни мало что остается. Заметьте, я не говорю, что он был прав, но он предвидел многое. Он был умным человеком, мой папаша, и лучше меня умел видеть будущее.

Но он – это был он, и он свое дело сделал. А теперь вместо него я, и Куди, и кучка инвалидов, и город, который нужно охранять, и впереди целая жизнь. Может быть, мне удастся дожить до того конца, который мне предначертан, а может быть, где-то на полдороге все изменится, и я сверну на другой путь. Мне уже не кажется, что это так плохо – не знать. Раньше я считал иначе.

К тому же отец всегда говорил мне, что существуют вещи и похуже, чем умереть молодым.

Крис Лоусон
Кентерберийская лощина

Крис Лоусон – австралийский писатель, работающий в жанре спекулятивной фантастики. Его отличает эклектичный подход при выборе тематики, которая охватывает широкий спектр проблем от естественных наук вроде генной инженерии и эпидемиологии до не требующих доказательств фантазий о путешествиях корабля аргонавтов в конце мифологического периода и двусмысленных историй про привидений во времена Первой мировой войны. Рассказы Лоусона выходили в таких журналах, как «Asimov's», «The Magazine of Fantasy & Science Fiction», «Eidolon», «Dreaming Down-Under», и были включены в ряд антологий из серии «Лучшее за год». Его сборник рассказов «Написано кровью» («Written in Blood») доступен на сайте издательства. MirrorDanse Books (www.tabula-rasa.info/MirrorDanse).

За пределами литературной жизни Крис – терапевт, специалист по семейной медицине, университетский профессор, занимающийся исследованиями в области общественного здравоохранения, доказательной медицины и статистики. Он проживает со своей супругой, двумя детьми и гиперактивной собакой в Саншайн-Кост. Время от времени Лоусон ведет блог (www.talkingsquid.net).

В этой неспешно движущейся истории автор переносит нас в космическую колонию, чья чрезвычайно враждебная среда порождает строгие и жестокие социальные правила, но, только следуя им, цивилизация может выжить. Лоусон показывает нам, к чему приводит соблюдение этих правил двух влюбленных.

Среди триллионов людей, что жили и будут жить в этом мире. Арлиана и Моко ничем не выделялись: они не были героями, не отличались красотой. Но всего какие-то несколько мгновений их оберегали законы природы. Во вселенной, где люди могут существовать лишь в нескольких точках пространственно-временного континуума, подобным могут похвастаться немногие.

Они встретились в Солнечном куполе.

Арлиана хотела увидеть солнце-убийцу своими глазами. Лифт доставил ее в Солнечный купол – огражденную полимерными пластинами, наполненную воздухом полусферу на поверхности умирающей планеты Муска. Все сооружение существовало только благодаря усилиям ремонтных роботов, которые, кстати, также нуждались в постоянной починке из-за беспощадного воздействия радиации.

Сквозь прозрачный потолок Арлиана наблюдала за тем, как солнце всходило над разрушенным им миром. Белый бурлящий диск обрамляли арки из солнечных лучей. От древних людей сохранились снимки, запечатлевшие бирюзовое небо. Однако светило давно уничтожило атмосферу планеты, и отныне небосвод был черным, а звезды виднелись даже при дневном свете. В некотором отдалении от солнца сияла вторая звезда в двойной системе.

Рассветные лучи затопляли руины Старого города. В центре на много километров ввысь уходила башня. Когда-то она была еще выше и доходила до самой орбиты.

По мере того как солнце поднималось над горизонтом, количество посетителей в Солнечном куполе становилось все меньше. Люди понимали, что внутри им ничего не грозит, и все же боялись находиться непосредственно под солнцем-разрушителем. Они торопливо возвращались к лифту и спешили домой. Арлиана же продолжала стоять: ей хотелось оказаться с солнцем лицом к лицу, оспорить его право убивать. В то время как большинство людей вокруг нее стремились укрыться в безопасности под землей, девушка решила двинуться наружу.

В Солнечном куполе имелось несколько автобусов с медицинским оборудованием, на которых можно было отправиться на экскурсию по Старому городу. В дневное время они использовались редко. Арлиана пришла на автобусную стоянку, где в тот момент не было ни души, и нашла автобус, что отправлялся через несколько минут.

Точно по расписанию машина издала предупреждающий сигнал, пневматика вздохнула, и двери закрылись, после чего автобус покатил к шлюзу. За окнами проплывал выжженный пейзаж, сопровождаемый комментариями компьютера.

– Многие астрономы Старой Земли, – вещал автобус, – фиксировали различный цвет нашего Солнца. Когда люди впервые поселились на планете Муска, считалось, что сообщения о цвете звезды были неточными из-за примитивных телескопов того времени. Теперь мы знаем, что астрономы наблюдали первые следы нестабильности…

Арлиана не вслушивалась в слова, но наслаждалась успокаивающим голосом.

Автобус продолжал свой путь среди руин некогда великого города. Башня и теперь производила впечатление, но в прежние времена она была величественным, почти божественным творением инженерного дела. То, что сохранилось до сегодняшнего дня, походило на оплавленный огарок из углепластика. Почва у подножия башни под воздействием

температур превратилась в стекло.

Внезапно комментарии компьютера прервало сообщение:

– Прошу прощения, но был зафиксирован выброс энергии на солнце, ожидается повышенный уровень радиации. Автобус будет возвращен на станцию ради вашей безопасности.

– Я избрана, – сказала Арлиана и предъявила свою карточку. – Продолжайте экскурсию.

– Вы не единственный пассажир, – отвечал компьютер.

Пока звучал его голос, с задних кресел поднялся мужчина. Это был Моко.

Стряхивая с себя остатки сна, он сориентировался в ситуации и предъявил карту избранного.

– Продолжайте движение. Я тоже был избран, – заявил он.

– Как пожелаете, – отреагировала машина.

Моко обратился к Арлиане:

– Я не хотел напугать вас. Прилег на заднем сиденье и, видимо, уснул.

– Не нужно извинений, – ответила девушка. – Садитесь рядом – насладимся экскурсией.

Автобус вез их по Старому городу, рассказывая о Старом порте, Старом синоде и Мемориале древнему поселению. Все эти здания давно рассыпались, превратившись в бесформенную массу.

В середине пути прозвучало объявление о том, что вспышка на солнце усилилась, в результате чего даже избранные граждане, а с ними автобусы могут пострадать от потока радиоактивного излучения. На то, чтобы вернуться в Солнечный купол в срок, не было времени, поэтому машина поспешила укрыться в тени Старой башни.

– Что ж, похоже, мы здесь застряли, – обратилась Арлиана к Моко.

– Кажется, что так.

Девушка внимательно рассматривала его. У мужчины было симпатичное лицо, разве что подбородок казался чересчур узким. Даже после того как он стал избранным, Моко продолжал бриться, и Арлиана одобрила это, хотя бороды ей всегда нравились. Девушка протянула ему руку.

– Должна предупредить, я не сторонница романов среди избранных, – сказала она.

Моко посмотрел на нее в ответ. Она была высокой и мускулистой, с кожей цвета ночного неба, которая давно вышла из моды, но шла ей.

– Согласен, – произнес он. – Попахивает безысходностью.

– Я бы даже сказала – вызывает отвращение.

– И не лишний раз повторить – выглядит отчаянно.

– Что ж, в одном мы единодушны – мы против романов между избранными.

– Полагаю, да.

Мужчина пожал протянутую ему руку.

Ждать пришлось три часа, пока тень от башни не достигла входа в туннель безопасности. Все это время они сидели в автобусе, прячась в тени, пока солнце затапливало мир светом различных частот и обрушивало град разнозаряженных частиц. Некоторые выбивали из земли более легкие частицы, из-за чего мир вокруг начинал светиться.

* * *

На лифте они добрались до блока Моко. Он располагался ближе, хоть и оказался гораздо меньше жилья Арлианы. После того как ребята ободрали локти и колени, они решили, что дома у девушки было бы комфортнее, но для этого им пришлось бы три часа ехать по Большой центральной ветке. А так они уже лежали вместе, вклинившись в узкое пространство между койкой и потолком, и обсуждали планы на будущее.

– Три главные вещи, которые я хочу сделать, – говорила Арлиана. – Посетить Первую комнату, оставить капельку крови на стене в Комнате поколений и взобраться на пик в Кентерберийской лощине.

– Взобраться на гору. Неужели нельзя просто съездить в лощину?

– Нет, я собираюсь покорить вершину, и ты сделаешь это со мной.

Моко вздохнул.

– Вряд ли я в достаточно хорошей форме. Там ведь около восьмисот хметров?

– Восемьсот двадцать два, – уточнила Арлиана. – Но сложный участок всего метров сто.

– Придется тренироваться. Не думаю, что хочу тратить на это свое время.

Девушка попыталась подняться на локте, чтобы прочесть выражение его лица, но в результате только стукнулась головой.

– Спрашивать об этом бестактно, знаю, но все же сколько тебе осталось? – поинтересовалась она.

– Две недели.

Арлиана опустилась на матрас.

– Ты можешь забрать часть из моих трех месяцев.

– Это слишком. Я не могу так поступить.

Они лежали в тишине и думали. Спустя несколько минут Арлиана заговорила:

– Так как ты распорядишься своим временем?

Моко поджал губы.

– Я бы хотел посетить Первую комнату, оставить капельку крови в Комнате поколений и отправиться в Кентерберийскую лощину.

– Вот уж совпадение, – рассмеялась Арлиана.

– Сказать по правде, с того момента, как меня избрали, я не имел ни малейшего представления, что делать со своей жизнью. Раз у тебя есть планы, почему бы мне к ним не присоединиться.

* * *

Моко и Арлиана облачились в скафандры, чтобы исследовать Первую комнату. Пещеру освещали искусственные огни, а на стенах виднелись ржавые потеки от окиси железа.

Помещение оказалось гораздо меньше, чем они ожидали. Намного-намного меньше. Даже несмотря на то что они привыкли жить в крошечных комнатах, трудно было представить, что некогда десятки тысяч граждан размещались в гроте размером всего-то со спортивный зал.

Первые глубинные жители оставались здесь в течение десятилетий: они буквально вгрызались в железо и камень, использовали каждую трещину и воздушный карман, чтобы ускорить процесс бурения.

Люди копали, все глубже погружаясь в земную кору, и в образовавшихся проемах строили новые города. Поначалу они просто надеялись спастись от солнечной радиации, но спустя два столетия стало ясно, что солнце не только выжжет земную поверхность – яростное излучение увеличивалось и обещало уничтожить атмосферу планеты.

Построив одну цивилизацию, глубинные жители вынуждены были создать другую, в этот раз полностью отрезанную от надземного мира. Где могли они приспосабливали уже существующие города и пещеры, но далеко не все удалось спасти. Первая комната находилась слишком близко к поверхности, была слишком открыта, и ее пришлось покинуть.

Раскопки также не всегда проходили успешно: некоторые пещеры обрушивались прежде, чем их удавалось укрепить. В других случаях трещины выходили на поверхность, и удержать воздух в этих помещениях было невозможно.

Однако трагедия оказалась еще масштабнее. Глубинные жители строили комнаты не только для себя и своих потомков, но с расчетом вместить как можно больше жителей Муски. Они бурили слишком быстро и выдалбливали чересчур большие и неустойчивые пещеры. В своем отчаянном стремлении обеспечить местом каждого они поставили перед собой непосильную цель. Не только пространства, но и еды, и воздуха было недостаточно для всех. Еще до того, как запечатали все швы, стало ясно, что мест не хватит даже для глубинных жителей.

Тогда придумали жеребьевку.

Моко и Арлиана не стали задерживаться в Первой комнате. Одно дело было находиться в куполе, наблюдая за солнцем и поверхностью, на которой оно не оставило жизни, и совсем другое – стоять в помещении, где определили первых избранных.

* * *

На четвертый день их разбудил звонок в дверь. Арлиана проверила изображение с камеры, вздохнула и попросила Моко остаться в постели, заявив, что разберется с этим сама.

Он лежал, глядел в потолок – а что еще оставалось делать? – и подумывал о том, чтобы снова уснуть. Но вскоре стало ясно, что плану не суждено воплотиться в жизнь: голос Арлианы становился все громче и эмоциональнее. Моко задумался, с чем же таким нужно было разбираться. Второй голос – низкий и приглушенный – принадлежал мужчине.

Моко охватил страх: девушка говорила все более напряженно. Он решил, что может сдержать свое обещание держаться подальше от двери и при этом проследить за безопасностью Арлианы при помощи видеокамеры. Моко коснулся экрана – появилась картинка, и он поспешно отключил звук.

Арлиана куталась в халат и разговаривала с темноглазым мужчиной, холеным и одетым так, словно он собирался на похороны. В руках у него была открытка или, может, конверт, который он предлагал девушке, но та упорно отказывалась принять его. Она становилась все более возбужденной, мужчина же, напротив, падал духом – его плечи поникли, а рука, протягивавшая конверт, повисла вдоль тела.

Хотя Моко не мог уловить суть разговора, спор становился все громче, и в конечном счете отдельные несвязанные фразы девушки достигли его ушей. Парень протер глаза, чтобы удостовериться – ему не мерещилось. Судя по всему, помощь скорее понадобится незнакомцу, нежели Арлиане.

Хлопнула дверь, и Моко выключил видео. Девушка ворвалась в комнату, сбросила халат и нагишом заползла в кровать к Моко.

– Все в порядке? – спросил он.

В дверь снова позвонили. Три отрывистых сигнала.

– Не обращай внимания, – сказала она.

Спустя несколько мгновений звонок раздался снова, затем еще один, но в этот раз он прозвучал печальнее, а потом сигналы прекратились. На несколько секунд повисла тишина. Минута. Три минуты. В дверь больше никто не звонил. Арлиана изогнулась под рукой Моко и прерывисто задышала. Мужчина не знал, что сказать, и промолчал, сделав тем самым единственно верный ход.

* * *

Стена поколений находилась в часе езды от жилища Арлианы. Они сошли с поезда и оказались на станции, которая представляла собой комнату с низкими потолками – не более двадцати метров в высоту, – но прямую и длинную, словно она служила продолжением железнодорожного туннеля, по которому они попали сюда.

Глянцевая южная стена изгибалась, подобно графику многочлена. Эта форма обладала удивительной способностью воздействовать на людей: ее изломы будто проникали в души посетителей и заставляли их замирать в благоговейном страхе. На пиках кривой располагались кровавые точки: люди прокалывали палец и прикладывали его к стене.

– Вот место моей семьи, – сказал Моко.

Он провел Арлиану внутрь пещеры, мимо роботов-хранителей, которые следили за чистотой в помещении и обновляли стершиеся гравировки, и указал на скопление кровавых меток своих предков.

– Последняя была сделана около тридцати лет назад, – заметила девушка, разглядывая даты, выдолбленные под каждым кровавым отпечатком.

Моко пожал плечами.

– Большинство в моей семье вступили в Братство света. Я единственный, кто остался на Муске.

– Ты здесь совсем один?

– Мой ближайший родственник, как генетически, так и территориально, – это мой брат. Сейчас он находится на миссионерском корабле Братства на полпути к звезде В. Это примерно в пятидесяти световых годах отсюда.

– Ты не очень смахиваешь на члена Братства. – В голосе

Арлианы прозвучали нотки удивления.

– Вот мой брат преисполнен братских чувств, – сказал Моко. – Я же, хоть и являюсь братом своему брату, совсем их не испытываю.

Арлиана покачала головой.

– Это должно что-то значить?

– Да, в том случае, если ты проводишь много времени с членами Братства. А теперь покажи мне линию своей семьи.

Девушка отвела Моко к группе кровавых точек, принадлежащих ее родственникам. Обширная площадь охватывала двенадцать поколений, что произвело на него большое впечатление.

– Как считаешь, мне стоит оставить свой отпечаток рядом с твоей семьей? – спросил он. – Они ведь даже не знают о моем существовании.

– Ты всегда так переживаешь из-за правил этикета? – поинтересовалась Арлиана. – Тебе не кажется, что, когда тебя избирают, это дает определенную свободу действий?

– По мне, это чересчур самонадеянно.

– Поскольку я не собираюсь ставить свою метку здесь, вопрос спорный. – Арлиана посмеивалась над ним.

Моко ждал разъяснений, но девушка, видимо, была не в настроении их давать.

– Пойдем, – сказала она. – Мы найдем собственное место подальше от остальных.

– Подожди минутку, – остановил ее Моко.

Арлиана попыталась утащить его за собой, но мужчина не двинулся. Достаточно было того, что Моко уже жил с одной ее тайной, – он не позволит девушке снова увильнуть от него. Мужчина внимательно изучал кровавые пятна на стене, читал надписи и даты, выгравированные в камне под ними, прослеживал родственные связи.

– Кажется, я понял. Здесь, – он указал на алые брызги на стене, – кровь твоей сестры Ульды. А под ней имя девочки – Карис, но крови нет. Место приготовили для еще не рожденного ребенка – твоей будущей племянницы.

Он изучал лицо Арлианы, но по ее выражению нельзя было ничего понять. Моко продолжил:

– Тебя это расстраивает. Ты знаешь, что не должна переживать, но ничего не можешь с этим поделать. Девочка должна вот-вот появиться на свет, а тебя избрали.

– Ты все правильно понял. Не люблю признаваться в этом, но я возмущена, – согласилась Арлиана.

– Я не говорил, что ты возмущена, – заметил Моко.

– Зато я сказала, – заявила девушка, взяла его за руку и потянула за собой.

Они брели вдоль Стены поколений, пока не наткнулись на место, где не было кровавых следов. Арлиана позвала одного из хранителей – худой робот представился и спросил, какие надписи они хотели бы видеть под своими метками. Молодые люди решили, что имен и маленькой связующей линии между ними будет достаточно.

Робот уколол Моко, и на кончике большого пальца выступила капля крови. Мужчина прижал его к поверхности камня, и машина выгравировала имя и дату рядом. Следом Арлиана подала руку хранителю пещеры. Она вдавила палец в стену рядом с отметкой спутника и наблюдала за тем. как робот заканчивал вырезать ее имя.

На обратном пути девушка уснула на плече у Моко. Теперь, когда у него было время подумать, мужчина пришел к выводу, что Арлиана слишком быстро согласилась с его догадкой и отнеслась к этому довольно беспечно. Его волновало, что девушка вновь скрыла от него правду. Для того, кто делил с ним постель в преддверии смерти, она не слишком охотно рассказывала о себе.

Он воспроизводил в памяти имена и даты в попытке восстановить семейное древо Арлианы и последовательность событий. Интуиция подсказывала ему, что чего-то в этой истории не хватало.

Пока девушка спала, Моко поглаживал ее по волосам и гадал, почему она столько всего держала в себе.

* * *

– Выглядит отвратительно, – заявил Моко.

– Какое мне дело до того, как это выглядит?

– Люди скажут, что я встречался с тобой только ради твоего времени.

– Быть с тобой для меня гораздо важнее, чем то, что думают люди, – заметила Арлиана.

Так они отправились в регистрационный офис и подписали согласие уравнять срок их жизни. Моко получил дни – Арлиана их потеряла, зато теперь у них было достаточно времени, чтобы мужчина успел освоить скалолазание.

Начали они со скалодрома, затем тренировались на больших валунах, водосточных трубах и, наконец, на отвесных стенах. Арлиана рассказывала Моко о якорях и веревках, о том, как крепить канаты, и за последующие несколько недель он стал

сильнее и выносливее.

Поход в регистрационный офис имел еще одно довольно неожиданное последствие – за Моко, который до сего дня словно исчез из жизни, теперь можно было проследить. В результате однажды рано утром Арлиану разбудило сообщение, помеченное как сверхсрочное.

Девушка развернула его на экране. Бритый налысо мужчина с узким подбородком появился в компьютере; на нем была туника Братства.

– Сударыня, – заговорил незнакомец, – прошу прощения за то, что приходится отправлять сообщение, но я нахожусь в пятидесяти световых годах от вас и не могу вступить с вами в беседу. Меня зовут Тарукс, и, как вы могли догадаться, я брат Моко. Я нашел вас через регистрационный офис. Извините за вторжение в вашу жизнь, однако я пытаюсь передать одно очень важное сообщение брату. Настоятельно необходимо, чтобы Моко как можно скорее посмотрел вложение. Прежде чем я закончу, позвольте мне поблагодарить вас. Когда вы переписали часть своего времени на Моко, вы дали ему те несколько дней, что способны спасти его от участи избранного. Я не могу передать словами, что это значит для меня.

На этом сообщение заканчивалось.

Арлиана растолкала Моко и вытащила его сонного из кровати.

– Ты должен увидеть это, – отчеканила она.

Когда послание закончилось, девушка ткнула во вложение и собиралась покинуть комнату.

– Останься, – попросил Моко.

– Это же личное.

– Останься!

И так. вдвоем, они стали смотреть, как Тарукс, брат Моко, заговорил вновь.

– Моко, – обратился он, – для тебя есть место на последнем миссионерском корабле. Ты же знаешь, других шаттлов с Муски не будет: солнце становится слишком опасным даже для членов Братства. Мы уже не раз обсуждали это, но я надеюсь, что приближение дня, когда ты должен будешь разделить участь избранного, могло изменить твои взгляды на вступление в орден. Я люблю тебя, брат, и сердце мое обливается кровью, когда я думаю о том, как легко ты мог бы спастись.

Затем картинка на видео резко сменилась. Тарукс вернулся к своему сообщению и добавил заключительную часть. При этом свет в кадре был иным – фон стал темнее, а сам мужчина выглядел так, будто недуг снедал его изнутри.

– Брат мой, я знаю, что много раз просил тебя об этом и неоднократно получал отказ. И все же, пожалуйста, пожалуйста, присоединись к рядам Братства. Никогда прежде я не говорил этого, но сейчас умоляю тебя стать частью миссии. Даже если ты не веришь в наши идеи, просто скажи, что веришь. Это все, что тебе нужно сделать, – просто сказать, что ты веришь. Знаю, знаю… Возможно, это будет ложью. Но со временем, живя среди нас, ты, быть может, придешь к пониманию истины. Хотя даже если ты не изменишься, не примешь Догматы, все же мой брат будет рядом со мной.

По завершении сообщения Арлиана выключила экран.

– Ты отказался от места в Братстве? – с удивлением спросила она. – Ты мог избежать жеребьевки?

– Да, я мог стать частью Братства и вести жизнь, которая для меня не имеет никакого смысла: исполнять пустые ритуалы и возносить молитвы к божествам, в которых я не верю.

– *Но ты был бы жив,* – сказала она.

– И жил бы как ты, а?

Внезапный нелогичный вывод ошеломил Арлиану.

– Что ты хочешь этим сказать? – спросила она.

– Думаешь, я не разгадал бы историю, что произошла между тобой и твоей семьей? Я знаю, что случилось. Знаю, что выбрали не тебя, а сестру. Что ты вызвалась заменить ее, потому что она была беременна. Я даже знаю, что твоя сестра забеременела уже после того, как ее избрали. Таким образом, твоя нерожденная племянница – это не просто напоминание о надвигающейся смерти, она – ее причина. Тебя же возмущает не ребенок, но твоя сестра, которая так ловко манипулировала тобой.

– Ты не можешь всего этого знать. – зло бросила Арлиана.

– Хорошо, я не знаю наверняка, но предполагаю. Скажи мне, что я не прав, и я заберу свои слова обратно.

– Ты просто не можешь понять…

– Тогда скажи мне, что я не прав.

Но Арлиана молчала и только сверлила его взглядом. Весь ее вид говорил о том, что она обвиняет Моко.

* * *

Кентерберийская лощина считалась одним из самых грандиозных помещений, венчавших достижения их цивилизации: это чудо инженерного дела и искусства было вырублено в форме соборного окна. Сюда попадали после смерти. Тела отправляли на переработку: их опускали в огромные чаны с бактериями,

которые разлагали кости и плоть до органических веществ, что снова использовались обществом.

Сегодня был их последний день вместе. Поезд доставил Арлиану и Моко к Погребальной башне – мемориалу изогнутой формы, посвященному всем, кто жил и умер в подземном мире. Редкий посетитель отправлялся глубже мемориального парка, но Арлиана и Моко приехали сюда вовсе не для того, чтобы оплакивать погибших. Они оставили позади памятник и направились в темную лощину. Чем глубже они спускались, тем более тусклым становился свет: ярко освещались только те помещения, где трудились рабочие и машины.

Арлиана отвела Моко к лестнице у основания западной стены, теряющейся наверху во мраке.

– И все это время я тренировался, чтобы карабкаться по лестнице? – удивился мужчина.

– Это служебная лестница – она поднимается на двести метров. После придется взбираться самим.

К тому моменту как они достигли конца лестницы, руки у Моко болели и он гадал, как же преодолеет остаток пути. Арлиана подтвердила его опасения, заявив, что дальше подниматься будет труднее. Однако она также пообещала, что двигаться они станут медленнее, с перерывами, во время которых мышцы смогут отдохнуть.

– Маршрут, по которому мы пойдем, называется Маленькая Фрейя. Он длинный, но легкий, со множеством креплений, оставленных предыдущими скалолазами. Вон там справа, – девушка указала на цепочку выступающих вершин в сорока метрах от них, – Большая Фрейя, Взбираться в той части гораздо сложнее. Рекорд подъема на Большую Фрейю без страховки – семь часов. Я проходила этот маршрут за десять. Поверь мне, то, что собираемся сделать мы, – просто пара пустяков.

Они немного передохнули, а затем Арлиана закрепила веревку петлей на якоре и начала восхождение. Они по очереди карабкались, фиксировали канат, затем снова взбирались и снова привязывали веревку. Продвигались скалолазы медленно, но без риска, и Моко вдруг осознал, что чем дольше они поднимались, тем больше он сосредотачивался на каждом движении, на том, когда нужно работать, а когда отдыхать, на том, как сгруппироваться так, чтобы не перенапрягать мышцы. Арлиана наблюдала за ним, старалась не подгонять его слишком сильно и в то же время не давала расслабляться, когда нужно было идти вперед.

Казалось, само время исчезло. Моко перестал считать часы и минуты, а начал думать в шагах и хватах, из которых состояли

движения, а из тех, в свою очередь, складывались фазы.

Они шли вдоль обрывов, преодолевали гребни, избегали выступов, не покидая дороги, что вела их вверх. По мере подъема света становилось все меньше, и вскоре Моко и Арлиана надели налобные фонари, включив их на максимальную яркость.

Спустя много часов они достигли небольшой пещеры, вырытой в стене лощины. Арлиана помогла Моко перелезть через край и забраться в безопасный грот. Восстановив дыхание, мужчина выглянул из отверстия. До пика Кентерберийской лощины оставалась еще сотня метров. Он застонал: плечи, спина, ноги нещадно болели.

Арлиана улыбнулась.

– Не волнуйся, это конец нашего пути.

– Но мы же не добрались до вершины.

– Здесь лучше – иди и посмотри.

Девушка взяла его за руку и повела в глубь пещеры. Грот расширялся к концу, так что они могли идти выпрямившись и не ударяться головой о своды. Свет фонариков наполнял небольшое помещение и отражался сотнями золотых лучей от жетонов избранных, висящих под потолком. Жетонов было множество.

Моко расхаживал по пещере, дотрагиваясь до них пальцами и заставляя раскачиваться.

– Что это за место? – спросил он.

– Сюда приходят умирать скалолазы, – отвечала Арлиана.

Она вбила гвоздь в потолок пещеры и повесила на него свой жетон. Моко тоже снял с шеи цепочку и разместил рядом, переплетая с цепью Арлианы так, чтобы жетоны располагались именами друг к другу.

– Иди сюда, – позвала девушка и начала раздеваться.

* * *

Арлиана и Моко были всего лишь двумя маленькими приматами, результатами долгой эволюционной радиации, начавшейся на Африканском Роге. Их жизни имели значение только для них самих да небольшого числа людей вокруг. Однако, если взглянуть со стороны, станет ясно, что судьба этих двоих являлась частью общей системы, действующей на самых разных уровнях. Силы, что свели Арлиану и Моко, также отвечали за циклы развития и упадка цивилизации Глубинных жителей. Они управляли жизненными циклами лисиц и зайцев, а в большем масштабе – аммонитов и метеоритов. Великий механизм колонизации и эксплуатации заставил человечество выйти за

пределы своего мира, но также разрушил биосферу третьей из всех обитаемых планет.

Неотвратимая смерть преследовала все живые существа с тех самых пор, когда их давние предки открыли тайну обмена генами. С развитием абстрактного мышления страх смерти стал казаться бессмысленным. Но без этого абсурда люди ни за что бы не пересекли Красное море, и в земной коре планеты в двадцати девяти световых годах от Земли не существовало бы двух связанных друг с другом приматов.

* * *

Арлиана отрезала небольшой кусок веревки, обвязала один его конец вокруг своей талии, а второй – вокруг талии Моко, чтобы их не разделило.

По меркам человеческого сознания времени у них было совсем немного – каких-то двадцать ударов сердца, но в этот момент их оберегали силы природы. Ангелы гравитации нарисовали для них элегантную параболу. Ангелы электромагнитных сил позволили им ощутить прикосновение друг к другу. Ангелы сильного взаимодействия сохраняли их невредимыми, а ангелы слабого – связали их со своим асимметричным отражением.

Они подошли к краю пещеры, крепко держась за руки, и бросились вниз.

Кен Маклеод
Случай в Воркуте

Вот еще один рассказ Кена Маклеода, чей «Час Земли» также представлен в нашей антологии. В этом рассказе автор переносит нас в Россию времен холодной войны и повествует о неприятном, почти лавкрафтианском вторжении в нашу реальность, которое было засекречено, да и вы точно не захотите узнать о нем… а если узнаете, то наверняка пожалеете.

I
Щупальца и фолианты

Это случилось в 19… незабвенном году, когда я поверил в то, что раскрыл тайну, которая почти наверняка лежала тяжелым бременем и вызывала острые приступы вины и стыда у доктора Дэвида Райли Уокера, почетного профессора зоологии университета Г. Случай вполне ординарный. В одном разделе углубленного курса зоологии рассматриваются философские и исторические аспекты этой науки. Мне поручили написать статью по истории предмета, подробно рассмотрев точку зрения, которая в то время еще не была полностью дискредитирована, – наследование приобретенных качеств. Большинство моих товарищей по университету, обладавших более практичным умом, отнеслись бы к подобному заданию не слишком серьезно. Но только не я.

С высокомерием, свойственным юности, я верил, что изучаемый нами предмет, то есть зоология, обладает потенциалом охватить более широкий круг знаний, чем нынешнее практическое использование и толкования это предполагают. Разве человек не животное? В таком случае разве зоология не должна в принципе изучать все человеческое? По крайней мере, я так рассуждал в то время, оправдывая тем самым обширный, но, если рассуждать с нынешней, зрелой точки зрения, не слишком полезный круг чтения. Например, некоторые недавние печально известные и весьма доходные популистские идеи, как, впрочем, и серьезные исследования сексуальности и социального поведения, были впервые предложены, представьте себе, энтомологами. Я считал это лишь началом владычества мысли, доступной зоологу. В те дни такие области, как эволюционная психология, медицина по Дарвину и экологическая экономика, все еще пытались проклюнуться из зловонной скорлупы своих интеллектуальных и, что более важно, воинственно настроенных прародителей. Великий пересмотр этих вопросов, произошедший в середине века, еще дремал в утробе будущего. Тогда были, если можно так выразиться, странные времена, момент бурного перехода, когда атомно-молекулярное учение уже появилось, но еще не стало основой биологии. Некоторые вопросы, ныне получившие объяснение, в умах преподавателей старой закалки и на страницах устаревших учебников представали как новые и неизученные. Призрак витализма бродил по семинарским аудиториям, тектоника плит

являлась крепким основанием для геологов, а понятия о межконтинентальных мостах и даже легендарная Лемурия еще не считались достойными упоминания или хотя бы серьезного опровержения. Я порицал, нет, питал отвращение к подобным бредовым идеям.

Признаю, что с особым рвением я ринулся читать материалы, необходимые для написания скромной статьи. Я приходил в университетскую библиотеку в полдень, поднимался по лестнице на этаж научной литературы и проводил в отсеке для индивидуальной работы, изучая книги и конспектируя, не менее пяти часов, В отличие от большинства моих коллег, я не страдал от никотиновой зависимости и мог работать все пять часов, ненадолго прерываясь лишь по зову природы. Я погрузился в изучение самого Ламарка в пространном викторианском переводе, различных редакций «Происхождения видов», а также «Журнала по истории биологии». Я уже и раньше встречался с работой Кестлера «Дело о жабе-повитухе», в которой он хоть и с некоторым сожалением, но в пух и прах разбивает ламаркианские утверждения путешествующего биолога, мошенника и самоубийцы Виктора Каммерера. Эта книга в мягкой обложке, зачитанная чуть ли не до дыр, считалась подпольной классикой среди аспирантов-зоологов наряду с работой Лайелла Уотсона «Суперприрода». Неистово читал я и писал, чтобы дискредитировать раз и навсегда давным-давно развалившиеся гипотезы, которые составляли суть моего сочинения. Но когда я закончил конспектировать и составлять план и статья была практически готова, осталось лишь добавить несколько соединяющих фраз и отредактировать, я вдруг отчего-то почувствовал, что дело мое не закончено.

Я откинулся на спинку пластмассового стула и неожиданно вспомнил о той самой книге, которая нанесла бы последний, решительный удар. Но где я ее видел? Я даже вспомнил, как она пахнет, и именно запах подсказал, где мне попался вожделенный том. Я сунул свои записи в спортивную сумку, положил стопку книг на тележку для возврата и, торопясь, вышел из библиотеки.

Конец осени, вечер. Главный корпус университета темнел, возвышаясь, словно готический храм, на фоне заката, рядом на вершине того же холма находилось и высокое, современное здание библиотеки. На фоне неба голые деревья напоминали препарат из нервных клеток под покровным стеклом, окрашенный йодом. Я пересек тротуар и, обогнув величественное здание, спустился по склону к факультету зоологии, который располагался в монументальном строении тридцатых годов из гранита из стекла. Полы и стены внутри выложены плиткой,

балюстрады вырезаны из твердых пород дерева. В воздухе носились запахи морской аквариумной воды, крысиного и кроличьего помета, средств дезинфекции и пчелиного воска. Вахтер курил у себя в закутке; бросив беглый безучастный взгляд, он тут же узнал меня. Я кивнул и начал подниматься по широкой каменной лестнице. На первой площадке над дверью в лекционный зал висел портрет Дарвина, под окном стояла длинная стеклянная витрина с пыльной пластмассовой моделью гигантского кальмара архитеутиса. Его двухметровые щупальца тянулись к нарисованной добыче. Масштаб модели указан не был. Наверху лестницы, напротив входа в библиотеку стояла еще одна стеклянная витрина с образцом скелета волка ужасного с ранчо Ла Брея. Когда я шел мимо, тени и блики, играя на клыках волка, сложились в весьма правдоподобный оскал.

В библиотеке факультета было пусто, в высоких окнах отражались последние лучи заходящего солнца. От большого стола, занимавшего почти всю комнату, распространялся явственный аромат пчелиного воска, поглощая все остальные, менее приятные запахи, исходившие от книг и обоев на стенах. Именно здесь я просматривал незаслуженно забытую работу Шредингера о нервах; здесь я наслаждался стройной теорией Дарси Томпсона, изложенной с экстатической точностью в книге «О росте и форме»; здесь я провел немало продуктивных часов, склоняясь над трудами Майра, Симпсона и Добржанского, пока у меня не начинали слезиться глаза. Думаю, именно они первыми заставили меня с содроганием взглянуть на книгу, которую сейчас я искал.

Она нашлась, черная и толстая, словно Библия, в крепком переплете, с пожелтевшими страницами, похожими на тонкий пергамент в очень хорошем состоянии. Она называлась «О положении в биологической науке: стенографический отчет сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина, 31 июля – 7 августа 1948 года». Это была стенограмма одного из наиболее зловещих событий в анналах науки, документы конференции, на которой агроном-шарлатан Лысенко заявил, что наследственные характеристики организмов можно изменить с помощью среды, и победил своих оппонентов, отстаивавших положения менделианской генетики. Потребовались десятилетия, чтобы биологи в Советском Союзе вновь вернулись к исследованиям в области генетики.

Я положил фолиант на стол, сел и выписал в тетрадь печально известное высказывание Лысенко, произнесенное в последний день конференции: «ЦК партии рассмотрел мой доклад и одобрил его». Дальше следовали излишне поспешные

публичные покаяния, объявления, а больше всего – отречения от исследований, на которые была положена целая жизнь, с обязательными благодарностями в адрес Сталина в заключение выступления. С одной стороны, я был рад, что нашел книгу, которая поможет мне еще больше запятнать наследие Ламарка. В то же время я чувствовал потребность вымыть руки. В самом существовании этой книги было нечто невообразимое, то ли от наивности, то ли из высокомерия ее издатели всем продемонстрировали, как всеобъемлюще политика может контролировать науку. Шарлатанам следует праздновать свои постыдные победы во тьме, а не хвалиться ими в полных стенографических отчетах.

Но довольно. Я встал, чтобы вернуть книгу обратно на полку, но случайно открыл ее на форзаце и заметил весьма странную штуку. Наклейка, утверждавшая, что книга принадлежит факультету, была прилеплена поверх надписи, сделанной от руки черными чернилами, ее конец выходил за границы экслибриса. И в этих буквах я опознал кириллический шрифт. Из любопытства я поднес книгу к лампе и попытался прочитать страницу на просвет, но бумага оказалась слишком плотной.

Книгой можно было пользоваться лишь в помещении библиотеки. Этого правила в университете придерживались строго. Но я находился в зале один, поэтому положил книгу в спортивную сумку и принес ее в свою комнату в общежитии. Отпарил наклейку с экслибрисом с помощью электрического чайника, стоявшего на шатком столике. Затем, прибегнув к потрепанной книжке «Курс русского языка», опубликованной в издательстве «Пингвин», расшифровал надпись. Как звучала эта фраза по-русски, я давно забыл, но перевод произвел на меня неизгладимое впечатление: «Дорогому другу д-ру Дав. Р. Уокеру на память о нашей совместной работе. Ак. Т. Д. Лысенко».

Можно вообразить, какие чувства вызвала у меня эта надпись. Я затрепетал, словно какое-то чудовище из темноты своего логова протянуло влажное щупальце и коснулось моей шеи. Я был бы потрясен не так сильно, если бы книгу презентовали какому-нибудь другому академику, многие кичились своими либеральными взглядами и в редких случаях, когда обсуждались политические вопросы, намекали на то, что в прошлом сочувствовали радикалам. Но Уокер был консерватором до мозга костей, математически скрупулезным дарвинистом.

На следующий день я прошелся по букинистическим магазинам в университетском районе. Городок наш издавна славился «красными» взглядами, к счастью, ныне изрядно подзабытыми, поэтому я без труда нашел несколько

рассыпающихся памфлетов и скучных журналов, проповедующих подобные убеждения времен Лысенко.

В них я обнаружил статьи в защиту взглядов Лысенко. Авторами, а иногда и переводчиками значились ДРУ, д-р Д. Р. Уокер и даже (на пролетарский манер) Дэйв Уокер. Сомнений не осталось, мой многоуважаемый профессор в юности был лысенковцем.

С определенным злым умыслом (который вполне простителен, учитывая мое потрясение и смятение) я решил включить эти статьи в библиографию, а потом передал работу своему научному руководителю доктору Ф.

Неделю спустя меня вызвали в кабинет профессора Уокера.

II
Алкоголь, табак и воздействие ультрафиолетового излучения

Почетный профессор в соответствии со своим званием пребывал в отставке, он лишь изредка принимал участие в заседаниях администрации, во время нерегулярных посещений факультета иногда выступал с блестящими, но устаревшими лекциями. Еще он перекладывал бумажки и писал аннотации к отдельным статьям, опубликованным в прошлом, надеясь издать их в виде сборника, и периодически изучал анатомию и образ жизни морского крокодила, жившего в юрском периоде. Он занимался палеонтологией. Когда-то даже руководил научными экспедициями в Калахари и Гоби. Служил во время Второй мировой войны. Некоторые биографические статьи намекали, что он имеет звание лейтенанта, но там не упоминалось, на какой именно службе он получил звание, об этом ходили всякие слухи.

Кабинет профессора располагался на втором этаже в конце длинного коридора. Непрозрачное стекло двери было украшено пылью, паутиной и внушительной коллекцией высушенных беспозвоночных. Я постучал, нарушив вечный покой мертвого паука и парочки мокриц.

– Входите!

Когда я вошел, профессор встал из-за стола и подался вперед. Высокий, сутулый, очень худой, морщинистый, с запавшими щеками и стального цвета бородкой. Он выглядел как руина собственной бурной молодости, скорее уж Квотермасс, чем Квотермейн[123], если можно так выразиться. Развалина, но впечатляющая. Он пожал мне руку, не выходя из-за стола, знаком предложил присесть напротив и сам уселся. Прежде чем занять свое место, я смахнул табачный пепел с потертой кожи. В кабинете стоял тяжелый запах трубочного табака с легкими нотками ацетона, это мог быть и формальдегид, и дыхание старого любителя виски. По стенам висели полки, уставленные книгами и окаменевшими костями. На полу валялись стопки журналов и распечатанных статей. Сквозь выходившее на серый внутренний двор окно, покрытое пылью, как и дверь, сочился зимний день. В ярком сиянии флуоресцентной и обычной настольной лампы солнечный свет казался еще более тусклым.

Уокер откинулся на спинку стула и щелкнул зажигалкой «зиппо». Постучал желтым ногтем по стопке бумаг, в которых, к удивлению, я узнал свою работу.

– Так, Кэмерон, – сказал он сквозь сизое облако. – Домашнее задание вы выполнили.

– Благодарю вас, сэр, – ответил я.

Он ткнул в меня трубкой.

– Вы здесь не в школе. А джентльмены так друг к другу не обращаются.

– Ладно, Уокер, – чересчур легко согласился я.

– Хотя, – добавил он, – ваш маленький трюк получился не слишком джентльменским. Вы должны были процитировать работы ваших ровесников, а не вцепляться в политические заметки и никому не нужные статьи, написанные кем-то по юношеской глупости в прошлом. Эти безрассудные взгляды ни для кого не секрет. Если бы вы обратились ко мне, я бы сам рассказал обо всех обстоятельствах, понимаете. И мог бы назвать более поздние статьи, где я камня на камне не оставил от тех теорий, которых придерживался раньше. Вы могли бы и их процитировать. Это было бы, по крайней мере, вежливо.

– Я ни в коем случае не хотел показаться невежливым.

– Да уж, просто собрались опозорить меня, – отозвался он. – Не так ли?

Я смущенно поскреб затылок. Попытка извиниться прозвучала как вызов.

– Я обнаружил автограф Лысенко, – сказал я.

Уокер качнулся на стуле.

– Что?

– «Моему дорогому другу д-ру Дав. Р. Уокеру на память о нашей совместной работе», – процитировал я насмешливо, сам того не желая.

Уокер уперся кожаными заплатами на локтях в столешницу, подбородок положил на сведенные ладони, в желтых зубах у него торчала трубка. Он несколько раз пыхнул ею и взглянул на меня сквозь дым.

– Ах да, – наконец сказал он. – Совместная работа. Вам, наверное, стало любопытно, чем мы там занимались.

– Я предположил, что генетикой, – ответил я.

– Ха! – фыркнул Уокер. – Вы даже глупее, Кэмерон, чем я был в вашем возрасте. Каким образом я мог работать в области генетики?

– Вы писали о ней, – сказал я обвинительным тоном, хотя и не собирался.

– Я писал всякую чушь для журнала «Современность ежеквартально», – ответил он. – Но вряд ли вы найдете там что-то оригинальное по вопросам генетики.

– Я имею в виду, что вы защищали его взгляды.

Уокер прищурился.

– Эти статьи были написаны уже после того, как я получил книгу, – сказал он. – Так что старина Трофим вспоминал не об этом, совсем не об этом.

– А о чем тогда?

Профессор выпрямился.

– Об одном пренеприятнейшем случае, – ответил он. – Он меня до сих пор тяготит. И если я поделюсь с вами, то и вас будет тяготить до конца жизни. И знаете, что странно, Кэмерон, мне даже не понадобится просить вас сохранить все в тайне. Потому что случай столь же невероятный, сколь и ужасный. Если вы кому-то проговоритесь, это может разрушить вашу репутацию. Вам никто не поверит, а тем более не поверят, что я вам все это рассказал. Чем больше вы будете настаивать, тем большим лжецом и фантазером вас будут считать.

– Тогда почему я должен вам верить?

Он улыбнулся в ответ, продемонстрировав пергаментную кожу и зубы, похожие на могильные камни, так, словно череп засветился изнутри.

– Вы поверите.

Я пожал плечами.

– И пожалеете, что захотели услышать, – спокойно добавил он. – В общем, можете прямо сейчас выйти отсюда и обо всем забыть, а я забуду о вашем маленьком розыгрыше. Если же останетесь и выслушаете, то поверьте, для меня это будет самой желанной местью вам.

Я посмотрел ему прямо в глаза и сказал:

– Что ж, поглядим, Уокер.

III
Рассказ Уокера

Сталин держал в руке незажженную трубку – плохой знак. Поскребышев, мрачный помощник генерального секретаря, беззвучно закрыл за мной дверь. Единственным источником света в длинной комнате с плотно задернутыми шторами на окнах была лампа на рабочем столе Сталина. За гранью освещенного круга на стульях с высокими спинками сидели двое. По блеску стеклышек пенсне я понял, что один из них – Берия. Подойдя ближе, я узнал второго по черным прилизанным волосам, впалым щекам и горящим глазам фанатика. Это был Трофим Лысенко. Мои колени тут же стали ватными. Во время войны я встречал Сталина, но прежде меня никогда не вызывали к нему в кабинет.

Шло лето 1947 года. Уже несколько недель я безрезультатно сидел в Москве, ожидая разрешения на экспедицию в Гоби, четкого отказа я так до сих пор и не получил. Неподходящее время для британского подданного.

Впрочем, и для советских граждан, если уж на то пошло, это было не лучшее время. Моя военная служба и соответствующие связи могли пойти мне как на пользу, так и во вред. С одной стороны, благодаря контактам я мог решить свой вопрос, с другой, как бы нелепо это ни выглядело, Кэмерон, меня могли заподозрить в шпионаже. Как и многих других, из Кремля меня могли отправить прямиком на Лубянку.

Сталин встал, подошел ко мне, пожал руку и указал на низкий стул – всем известно, как он стеснялся своего невысокого роста, – после этого вернулся за стол. Я внимательно рассмотрел его, хоть и исподтишка. Он похудел, кожа на лице обвисла. Он выглядел так, словно что-то тяготило его, причем гораздо сильнее, чем в Ялте или Тегеране.

– Лейтенант Уокер, – начал он и замолчал. Смерил меня желтыми глазами, одарил желтозубой улыбкой и поправился: – Доктор Уокер, будьте уверены, мы пригласили вас сюда не в качестве британского офицера.

Его взгляд, брошенный искоса на Берию, рассказал мне все что нужно о моем тогдашнем положении. Сталин рассеянно пососал незажженную трубку, нахмурился и достал из кармана кителя пачку «Данхилла». К моему удивлению, он кинул мне сигареты через стол. Я взял одну дрожащими пальцами. Загорелась спичка, и в свете огонька я заметил, что Сталин напуган. Гораздо больше, чем я сам, и эта мысль повергла меня в

ужас. Я сел и крепко затянулся.

– Нам нужна ваша помощь, доктор Уокер. В качестве ученого.

Я замешкался, не зная, как к нему обратиться. Он не был моим товарищем, а называть его в соответствии с последним званием генералиссимусом казалось мне подхалимством. На помощь пришел мой невеликий дипломатический опыт.

– Я удивлен, маршал Сталин. – ответил я. – Мои советские коллеги более чем способны…

– Дело не в способностях, – сказал Сталин. – Для нас важно, чтобы то исследование, в котором мы просим вас поучаствовать, провел британский ученый и… бывший… британский офицер, имеющий, давайте скажем, кое- какие связи с кое-какими службами. И которого, давайте скажем, в будущем не заподозрят в связях с советскими органами безопасности.

Он снова искоса поглядел на Берию.

– Позвольте сказать прямо, маршал Сталин, – обратился я. – То есть вы хотите, чтобы в этом деле участвовал я, потому что я ученый, а также потому, что, по-вашему могу быть британским агентом, хотя в то же самое время вы уверены, что я не работаю на ваши службы?

– Абсолютно точно. – усмехнулся Сталин.

Краем глаза я заметил, как поежился Берия. Я был поражен тем, что Сталин намекнул на присутствие советских шпионов в британской разведке и выразил недоверие Берии. Если я выживу и вернусь в Англию, подумал я, то нужно будет сразу рассказать об этом человеку, который, по слухам, в Уайтхолле отвечал за то, чтобы подобное не происходило. Как там его звали? Ах да, Филби. Секунду спустя я понял, что они намеренно разыграли передо мной взаимное недоверие, чтобы посмотреть на мою реакцию или, возможно, чтобы мой доклад каким-то образом способствовал дальнейшему осуществлению их зловещих целей. Но передо мной стояли и более насущные загадки.

– Но я же палеонтолог! Каким образом эта область науки может заинтересовать хоть какую-нибудь разведку?

– Правильно ставите вопрос, – сказал Сталин. – Интересный вопрос. И я вижу, что вы заинтригованы. Но сейчас, доктор Уокер, я могу сказать, что у вас есть лишь один способ найти на него ответ. Если вы не согласитесь помочь нам, то, к моему сожалению, вам придется следующим же рейсом вылететь в Лондон. Возможно, вам больше не удастся вернуться сюда, и вряд ли вы сможете вести дальнейшие раскопки во Внешней Монголии, которыми так интересуетесь. Если же вы поможете нам, то не только найдете ответ на свой вопрос, но для вас откроются возможности дальнейшего сотрудничества с нашими

лучшими учеными.

Может, кому-то его угроза и не показалась бы слишком серьезной, а для меня это была настоящая катастрофа, да и предложение выглядело весьма заманчивым, хотя я бы уже обошелся и без того, и без другого. Он в самом деле заинтриговал меня.

– Я согласен, – сказал я.

– Хорошо, – ответил Сталин. – Тогда передаю вас в умелые руки… – он сделал достаточно долгую паузу, чтобы снова напугать меня, – вашего уважаемого коллеги, Трофима Денисовича.

Словно пытаясь загладить этот неловкий момент, а может, из-за сентиментальности, присущей людям такого типа, пожимая на прощанье руку, он блеснул желтыми глазами и пробормотал нечто странное, о чем никогда не упоминалось ни в разговорах, ни в книгах:

– Идите с богом.

* * *

Коридоры, охрана, лестницы, двор, снова охрана, потом Красная площадь, улицы. Трофим торопливо шагал рядом со мной, сунув руки в карманы пиджака и опустив подбородок. Примерно в пятидесяти метрах позади нас следовал тенью сотрудник органов безопасности. Румяные круглолицые женщины в платках мешали лопатами цемент, с трудом толкали тачки, исполняя приказы, которые выкрикивал хам-бригадир. Над ними на строительных лесах развевалось огромное красное знамя с черно-белым портретом, намеренно приукрашивающим достоинства того, с кем я виделся пару минут назад. Изображение почти не имело ничего общего с оригиналом и едва походило на пожилого человека с покрытым оспинами лицом. Как-то я слышал, что его пьяный тщеславный сын заявил:

– Вообще-то я тоже Сталин…

Отец ощерился и ответил ему:

– Ты – не Сталин! И я не Сталин! Сталин – это знамя…

Тогда я еще не понимал, что буквально увижу то, что имел в виду этот человек.

– Ну, Давид Райлиевич, – сказал Лысенко, по ошибке принимая мое второе имя за отчество. – Руководящие товарищи поручили нам с вами весьма серьезное дело.

– Вы знаете, в чем оно состоит?

– К сожалению, знаю. Возможно, мы с вами обречены.

Давайте пройдемся. Так мы сможем побеседовать без всякой опаски.

– Но наверняка…

– Здесь ни о чем нельзя сказать «наверняка». Вам следует это знать. Возможно, даже прямой приказ Хозяина не защитит нас с вами от органов. Берия создает в тундре атомную бомбу. Сами понимаете, где он берет работников, включая инженеров и ученых. В общем, на одном из своих полигонов они кое-что обнаружили… и хотят, чтобы мы с вами на это взглянули.

– Атомную бомбу? При всем уважении, Трофим Денисович…

– Не стану с вами спорить. Но то, что нашли люди Берии… гораздо страшнее атомной бомбы. Именно это нам с вами и придется расследовать.

– О! – сказал я. – Значит, вот на что мы согласились. Что ж, спасибо, что все прояснили.

Сарказма он не понял.

– Пожалуйста, Давид Райлиевич.

Лысенко остановился у перекрестка. К нам подъехала черная машина. Он указал мне на заднюю дверь, и я застыл от ужаса.

– Это моя машина, – спокойно произнес он. – Сейчас мы поедем в мое хозяйство. А завтра оттуда прямо в аэропорт.

Частный колхоз Лысенко, если можно так выразиться, находился в Ленинских Горках на юге Москвы и являлся показательным хозяйством, свидетельствующим больше об энтузиазме Трофима Денисовича, нежели о его суровости. Должен признать, приняли меня там очень радушно, я хорошо провел день, рассматривая результаты его выдающихся экспериментов, и не менее приятно – вечер, поедая эти самые результаты. Ночью мы с Трофимом старательно делали вид, что нас ничто не беспокоит, и по этому вопросу мы с шарлатаном были единодушны.

Утром мы вылетели на северо-восток. Рейс не предназначался для гражданских пассажиров. У «Аэрофлота» заслуженно плохая репутация, хотя все пилоты приобретают профессию в военно-воздушных силах. Полет на Ли-2 тоже обеспечили нам советские военные. Даже сейчас, когда я вспоминаю о нем, меня прошибает холодный пот. Так что вы меня простите, если я пропущу эту часть. Достаточно лишь отметить, что тем вечером мы приземлились в военном аэропорту на дозаправку, сменили пилотов и дальше летели всю ночь. От отчаяния я уснул, скорчившись на тесном сиденье. При посадке самолет накренился, мы сделали маленький круг и очень жестко, словно находились под шквальным огнем, приземлились на неровную, не покрытую асфальтом полосу посреди зеленого поля. Едва

рассвело. Аэропортом служил сарай, рядом с которым стояли встречающие, дюжина военных в форме. Самолет сильно тряхнуло, и он остановился, через орудийный порт я разглядел строения вдалеке: сторожевую башню, низкие длинные бараки, коперы, терриконы. Возможно, там проходила железная дорога. Но я не уверен.

Мы с Трофимом разогнули затекшие спины, продрали глаза и пошли к люку, который открывался в метре от земли. Я спрыгнул. Трофим сел, свесив длинные ноги, и осторожно сполз вниз. Воздух показался чистым и свежим, особенно после Москвы, а еще теплым. От строя отделился один человек и подбежал к нам: коренастый, с бульдожьей челюстью и выражением вынужденной радости на пухлом лице, прорезанном глубокими морщинами. На голове у него была фуражка с голубой лентой, свидетельствующей о его принадлежности к органам безопасности. Мы пожали друг другу руки, и он представился полковником Виктором А. Марченко. Потом повел нас к сараю, где на столе стояли стаканы с чаем и лежали куски кислого черного хлеба. Во время еды мы вели совершенно беспредметный разговор. Бойцы остались на улице, они не курили и стояли смирно. Когда мы подкрепились, Марченко отвел нас за сарай, где обнаружился грузовой «Студебеккер». К моему удивлению, полковник сам сел за руль. Мы с Трофимом устроились рядом. Остальные бойцы опасно сгрудились в кузове.

Мы думаем, что на севере России всегда снег и лед. Между тем лето там короткое, но очень приятное, если не считать комаров и оползни. Тундра покрыта ковром из мелких цветов. Но ее плоская поверхность обманчива, потому что там прячется множество низин и подъемов. Грузовик полз то вверх, то вниз, колеса вгрызались в нестабильную почву. Каждый раз, когда мы поднимались на очередную вершину, строения вдали подступали чуть ближе. Утреннее солнце блестело на длинной тонкой проволоке, тянувшейся вдоль них. Без всяких сомнений, это колючая проволока, и она еще не успела заржаветь. Конечно, я подозревал, что нас везут в трудовой лагерь, но теперь это стало очевидно. Я взглянул на Лысенко. Он смотрел прямо перед собой, лицо усеивали капельки пота. Я заерзал на сиденье и крепче обхватил колени руками.

На вершине холма грузовик неожиданно остановился. Полковник кивнул, предлагая нам выйти, и досадливо махнул рукой. Не успев очнуться, мы с Трофимом вылезли из кабины навстречу тому, что лежало впереди. В конце откоса, в нескольких метрах вниз по травянистому склону от носа грузовика почва просела. Образовалась дыра метров пятнадцать в

ширину и четыре в глубину. Из черной рваной земли во все стороны торчали потемневшие деформированные тела и человеческие кости. А со дна поднималась металлическая конструкция, напоминавшая вершину пирамиды или угол гигантского короба. И ни единого пятна грязи на блестящей, зеркальной, серебристой поверхности.

В первую секунду я подумал, что это какое-то экспериментальное устройство, возможно, даже атомная бомба Берии, которая рухнула на обитателей лагеря, убила их и погребла под собой несчастных. Потом возникла вторая мысль – что здесь случайно вскрылось массовое захоронение прежних каторжан. Но я не стал делиться своими догадками и двинулся вниз, Лысенко пошел следом. Полковник выпрыгнул из кабины и прорычал команду. Спустя несколько секунд бойцы окружили дыру, встав к ней спиной и держа у груди автоматы Калашникова.

– Обойдите кругом, – сказал Марченко.

Мы пошли вокруг провала, держась в паре шагов от края. Объект выступал из дыры примерно на три метра с каждой стороны. Лысенко остановился и приблизился к нему. Я последовал за ним, разглядывая тело, лежащее под ногами. Из земли торчали голова, туловище и одна рука. Задубевшая кожа, пучок волос, пустые глазницы, безгубая ухмылка.

– Это со времен… ежовщины? – спросил я, имея в виду массовые убийства, происходившие десятилетие назад.

Трофим наклонился вперед и на что-то показал.

– Сомневаюсь, – сухо сказал он, – что в те времена люди умирали с бронзовыми мечами в руках.

Я присел и присмотрелся. Из комьев грязи в самом деле выглядывала рука, сжимавшая рукоять, сквозь клочья сгнившей плоти виднелся тусклый бронзовый блеск. Я понял, что из-за потрясения не обратил внимания на обломки клинков, обрывки доспехов, кожаные ремни и заклепки, валявшиеся повсюду. То тут, то там на высохших скрученных шеях тускло блестел металл, возможно олово.

– Так кто это? – спросил я.

Лысенко пожал плечами.

– Татаро-монголы…

В истории он разбирался даже хуже, чем в биологии. Татаро-монгольские племена никогда не заходили так далеко на север, и в бронзовом веке эти люди здесь не жили. До сегодняшнего дня я понятия не имею, кем были эти мертвые варвары и откуда пришли.

Но на другой стороне ямы, ближе к лагерю, все выглядело совсем по-другому. Верхние два метра пирамиды отсутствовали

напрочь, словно крышку гипотетического короба приоткрыли. А разбросанные тела, я насчитал их ровно десять, принадлежали бывшим заключенным лагеря: исхудавшие, в тонких робах. Эти погибли совсем недавно, но на их лицах застыло то же выражение ужаса, что и у древних мертвецов. Рядом валялись лопаты.

– Что это? – спросил я Лысенко. – Адская машина Берии?

Он бросил на меня удивленный, нетерпеливый взгляд.

– Вы нас переоцениваете, – сказал он. – Эту технологию изобрели не мы. И смею предположить, что и не вы.

– Тогда кто?

– Возможно, какая-то забытая цивилизация из глубокой древности или вообще не из нашего мира.

Некоторое время мы молча взирали на черный пустой треугольник, затем обогнули круг до конца и вернулись к Марченко, который все еще стоял у грузовика.

– Что здесь произошло? – спросил Лысенко.

Марченко указал на лагерь, затем на землю.

– Там вход в шахту, – сказал он. – Штреки идут прямо под нашими ногами. Несколько дней назад произошел обвал. Земля просела, и открылся этот объект и павшие бойцы. Мы послали заключенных осмотреть провал и выкопать тела, а если найдут, то и артефакты. Но спустя несколько мгновений они погибли.

– Скажите прямо, – потребовал Лысенко. – Вы имеете в виду, что их расстреляла охрана?

Полковник покачал головой.

– Так бы случилось, если бы они не подчинились приказу. Но они его выполнили. Вероятно, их убил объект, не оставив при этом никаких видимых следов. Возможно, он испускает ядовитый газ, я не знаю. Это вы и должны определить.

Его рассказ показался мне невероятным, по крайней мере неполным, но сейчас не было времени на споры.

– Ради всего святого! – вскричал я. – Хотите, чтобы мы тоже погибли?

Марченко оскалился, сверкнув золотой фиксой.

– Вот ведь проблема, да? Вы же ученые. Вот и решите ее.

Подобное безразличие повергло нас в ярость, но ничего другого не оставалось, как взяться за решение задачи. Спустя час или два из лагеря приехал грузовик, привез простое оборудование, которое мы запросили. Мы с Лысенко спустились в яму, встали в паре метров от черного проема. Рядом гудел грузовик, двигатель работал, чтобы привести в действие прожектор, освещавший темный треугольник. Трофим поднес к отверстию длинную палку с прикрученным к ней боковым зеркалом, снятым с машины. Я стоял впереди него, поддерживая

шест плечом, и смотрел в зеркало через бинокль, позаимствованный, вне всякого сомнения, у лагерного охранника. Мы просунули свое наскоро сделанное приспособление в темную щель примерно на дюйм, но ничего не произошло. Стали продвигаться дальше, Трофим крутил зеркальцем и так и сяк. Увеличенное изображение в зеркале по большей части показывало лишь то, что находилось поблизости.

– Вы что-нибудь видите? – спросил Лысенко.

– Ничего, – ответил я. – Только углы, где сходятся стороны. Идут так далеко, насколько видно. А ниже лишь темнота. Очень глубоко уходят.

Мы отступили и выбрались наверх.

– Какой размер у этой штуковины? – спросил я Марченко.

Он потоптался на месте, поглядел по сторонам и ткнул пальцем в землю.

– Похожая верхушка торчит из свода штрека, прямо под нами, – сказал он.

– На какой глубине?

Он быстро облизнул губы.

– Метров сто.

– Если устройство имеет форму куба, – сказал я, – то по диагонали выйдет четыреста футов. О боже!

– У нас есть причины полагать, что это куб, – заметил Марченко.

– Отведите нас к нижней вершине, – сказал Лысенко.

– Вы согласны? – спросил меня полковник.

– Да, – ответил я.

* * *

Над входом в лагерь висел транспарант с надписью: «Труд в СССР – дело чести и славы». Из окна грузовика мы не заметили, чтобы в этот день кто-то из обитателей лагеря пытался снискать себе честь и славу. У дверей каждого барака стояли охранники. Но к подъемнику пригнали троих тщедушных бедолаг, чтобы они привели его в действие. Подразделение полковника окружило вход в шахту. Мы с Лысенко, Марченко и еще сержантом, который держал шест с зеркалом, спустились в клетке. В лучах налобных фонарей блестела урановая смолка. Мне показалось, что мы шли по штреку несколько часов, но, судя по наручному хронометру, всего лишь пятьдесят пять минут. Обвал был расчищен. Нижняя вершина куба, словно острие кинжала, пронзала свод, выходя всего лишь на несколько дюймов. Но она была не черной, а

блестящей и испускала голубоватый свет.

– Что ж, – выдавил Лысенко и нервно хохотнул. – Выглядит многообещающе.

В этот раз я направлял шест с зеркальцем, а Лысенко наблюдал сквозь цейссовский бинокль. Я заметил отраженную вспышку, словно внутри объекта что-то шевельнулось. Голубоватый свет, странным образом ограниченный и медленный, словно жидкость, заструился по деревянному шесту. Будь у меня хоть полсекунды, я бы успел его бросить. Но студеная молния залила руки, и пальцы словно приросли к дереву. Я почувствовал рывок вперед, но не мог выпустить шест из рук. Все тело свело болезненной судорогой, словно меня пронзило электрическим разрядом. Ноги оторвались от земли и беспомощно барахтались где-то сзади. В этот миг я почувствовал, что лечу вперед, словно на шальном ведьмином помеле. Тело выгнуло, едва не сломав хребет, и одним рывком я очутился внутри вывернутого наизнанку треугольного проема, летя вверх, в пространство, залитое голубоватым светом. Но оказалось, что внутри не пустота. Надо мной проплывали огромные блоки синего цвета, четкие, но при этом на удивление иллюзорные. Меня тянуло вверх, но затем я неожиданно остановился. В вышине я видел маленький треугольник дневного света, а сразу под ним начиналась густая тьма, меня же окружало неестественное сияние. Руки мои все еще судорожно сжимали шест, но я уже обрел контроль над прочими мышцами тела. Вися в пустоте, я оглядывался с открытым ртом, дергался, словно рыба на крючке. Горло мое горело огнем, я судорожно дышал, и только тут до меня дошло, что я до сих пор кричу. Мои вопли еще пару секунд отдавались эхом в безразмерном кубическом пространстве.

Прямо перед глазами блоки начали складываться в узор, в кубистическую карикатуру на человеческое лицо во всех деталях, включая зубы. Глаза походили на шестеренки, уши – на гробы. Меня вдруг осенило, нет, у меня в мозгу сложилось твердое убеждение, что изображение предназначается для того, чтобы меня ободрить. Но это, увы, не удалось.

То, что произошло дальше, описать так же сложно, как сон, который помнишь лишь наполовину – звук изображений, вкус слов. Я увидел замерзшее время, сгоревшие светила, бесконечную тьму, пронизанную звездами, которые не вечны, звездами, которые я могу пережить. Я услышал грохот неимоверной битвы, которая началась давным-давно и вряд ли когда-то закончится, ибо в ней нет никакого смысла. Война велась не из-за идеалов, но это была идеальная война, то, что Платон назвал бы идеей войны.

Наши столкновения из-за интересов и идеологии – лишь слабый отзвук этой войны, но все-таки отзвук. Мне дали понять, я и сам не знаю как, что нашим потомкам, как и всем разумным видам, предстоит вступить в эту жуткую битву. Она ведется с помощью машин, в которых хранятся воспоминания. Машины эти являются памятниками и сосредоточением рас, когда-то построивших их. Это война с бесконечными жертвами, бесконечными ранами, за которыми не приходит смерть, ибо по истечении времени наступает воскрешение, и все еще больше усложняется, превращаясь в бесконечную путаницу. И только гибель целой вселенной может освободить воюющих, только полнейшее уничтожение придаст смысл их борьбе, но лишь на краткий миг. На бесконечно малый миг, когда они осознают окончательную победу, потому что лишь бесконечно малый миг будет предшествовать концу всего – чистая, ничем не оскверненная победа ради победы, победа последнего разумного существа, оставшегося в живых.

Этим поистине адским видением меня пытались побудить к действиям! Да, Кэмерон, мне сделали редкое и немыслимое предложение вступить в ряды бойцов этого конфликта, потрясающего мироздание, вступить в войну на века и даже тысячелетия раньше всего человечества, которое еще не доросло до подобного призыва. В бой пошел бы мой разум, скопированный, переданный через космическое пространство и получивший новое жуткое воплощение, нынешнее тело я бы сбросил, как старую оболочку. В случае отказа меня пообещали отвергнуть и выбросить прочь с особым презрением. Я вдруг увидел разбросанные тела в яме, уж не знаю, сам ли их представил или мне показали.

Всеми фибрами души, вне зависимости от последствий, я прокричал, что отказываюсь. Сама смерть была бесконечно привлекательней этой бесконечной войны.

Меня дернуло вверх так неистово, что едва руки из суставов не вырвало. Голубоватый свет погас, меня окружила тьма, а затем надо мной замаячил яркий треугольник. Мощная сила выбросила меня из него, и я упал лицом в грязь. Резкий порыв ветра швырнул меня в сторону. Я едва не задохнулся, закашлялся и, кое-как справившись с болью, поднял голову. На меня смотрели невидящие глаза погибшего несколько дней назад заключенного. Я закричал, с трудом поднялся на ноги и, срывая ногти, принялся выбираться вверх по осыпающемуся склону. Минуту спустя я стоял наверху совсем один.

Но вдруг из проема вылетело еще одно тело, человек вел себя точно так же, как и я, даже закричал. Разница была лишь одна:

когда Лысенко пытался выбраться из ямы, я дал ему руку, чтобы помочь.

– Вас затянуло сразу же после меня? – спросил я.

Лысенко покачал головой.

– Я сам бросился за вами, пытаясь спасти.

– Вы – отважный человек, – сказал я.

Он пожал плечами.

– Недостаточно отважный для того, что я там увидел.

– Вы тоже это видели?

– Да. – Его передернуло. – Я лучше пойду в ад, о котором рассказывают попы, чем в эту Валгаллу.

– То, что мы увидели, – сказал я, – полностью соотносится с материалистической точкой зрения. Вот что ужасно.

Лысенко схватил меня за грудки.

– Нет, это не материализм! А механизм! Человек должен с ним бороться!

– Бороться с ним… бесконечно?

Он сжал губы и отвернулся.

– Марченко солгал, – сказал он.

– В чем?

Лысенко кивнул в сторону ближайших тел.

– Все ложь. Их не посылали сюда выкапывать тела. Их убило и выбросило сюда… устройство. Это шахтеры. Они попали внутрь так же, как и мы, снизу.

– Так почему же они погибли, а мы с вами до сих пор живы?

Едва задав вопрос, я тут же сообразил. Погибли лишь их тела. А разум обретается где-то в другом живом теле и в другом месте.

– Помните, что вам предложили? – спросил Лысенко. – Так вот они сделали свой выбор.

– Они выбрали тот ад вместо… – Я показал большим пальцем в сторону лагеря.

– Да. Вместо этого.

Нам пришлось подождать, но вскоре из лагеря за нами приехал грузовик.

IV
Последствия

Уокер замолчал, сумерки сгущались, дым в кабинете висел слоями.

– И что случилось потом? – спросил я.

Он выколотил трубку об стол и сказал:

– Ничего. Грузовик, самолет, Москва, «Аэрофлот», Лондон. Мои ноги почти не касались земли. Обратно я так и не вернулся.

– Я имел в виду, что случилось с той штукой, которую вы нашли?

– Спустя год или два они взорвали на этом месте атомную бомбу.

– Над урановой шахтой?

– Полагаю, это было сделано намеренно, чтобы максимально усилить результат. Этот регион до сих пор закрыт, насколько я понимаю.

– Откуда вам это известно?

– Пора бы вам знать, что подобные вопросы не задают, – ответил Уокер.

– Ага, значит, Сталин вас все-таки понял!

Он нахмурился.

– В каком это смысле?

– Он вас раскусил, – сказал я. – Насчет ваших связей.

– Ну да. Но на этом и закончим. – Он помахал рукой и принялся вновь набивать трубку. – Все это неважно.

– Но почему он послал туда вероятного вражеского агента и такого шарлатана, как Лысенко? Почему бы не отправить физика-ядерщика, как Сахаров?

– Сахаров с коллегами занимался в это время другим, – сказал Уокер. – Почему он послал нас с Лысенко… Я сам об этом часто думал. Подозреваю, что меня он выбрал, потому что хотел, чтобы британцы узнали. Например, чтобы мы беспокоились из-за возможной угрозы, которая намного хуже, чем он сам, или боялись, что его ученые смогут каким-то образом использовать это устройство. А Лысенко… в каком-то смысле на него можно было положиться, и в то же время незаменимым, как другие настоящие ученые, он не был.

– Тогда зачем вы писали о Лысенко?

– Во-первых, – Уокер стукнул трубкой по столу, словно судья молотком, – я был ему благодарен. Во-вторых, – он стукнул еще раз, – я оценил тот вред, который он нанес.

– Советской науке?

– Да, и всей науке в целом тоже, – усмехнулся он. – Меня называли врагом прогресса. Я и по сей день таков. Прогресс ведет нас к будущему, которое я увидел в той штуковине. Так пусть оно наступит как можно позже.

– Но вы же сделали такой вклад в науку!

Уокер взглянул на свои забитые полки.

– В палеонтологию. В восхитительно бесполезную науку. Хотя вы правы. Нет смысла бороться с прогрессом. Потому что естественный отбор сделает свое дело. Он уже устранил лысенковщину, устранит и мои усилия. Прогресс неизбежен. Видите ли, Кэмерон, бояться нужно не регресса и не отката в прошлое, а самого прогресса. В конце концов победит самая эффективная система. Самые продвинутые машины. И эти машины, когда они наконец-то появятся, столкнутся в борьбе с другими машинами, которые уже существуют в этой вселенной. В ней погибнет все: красота, знания, моральные принципы – все, что не способствует этой самой борьбе. Ничего не останется, лишь воля, воля к победе, а это означает конец всего. – Он вздохнул. – В каком-то смысле Лысенко это понимал. Его борьба с логикой эволюции и вера, что человек может очеловечить природу, в своем роде благородное донкихотство. Увы, человек – лишь кратковременный промежуточный эпизод между недочеловеком и постчеловеком. И мы можем лишь надеяться, что у нас получится немного продлить этот эпизод.

Он больше ничего не сказал, лишь упомянул, что порекомендовал поставить мне высший балл за статью.

Это был жест доброй воли, несмотря на то что я бросил ему вызов, но мне это все равно не помогло. В том году я завалил экзамены. Летом устроился работать в ботанический сад и по вечерам усиленно занимался. Таким образом, я подобрал все хвосты по зоологии и успешно пересдал экзамены. Однако мои интересы в основном сводились к теории, которая меня всегда увлекала, и в последний год обучения я решил специализироваться по эволюционной генетике, чтобы закончить с отличием.

Я никому не рассказывал о том, что поведал мне Уокер. Тогда я не поверил, да и сейчас не верю. После распада Советского Союза открылось много новых фактов. Ядерные испытания никогда не проводились в районе Воркуты. И урановых шахт из рассказа Уокера в этом месте нет. Не существует доказательств, что Лысенко хоть когда-нибудь посещал регион, даже ненадолго. И даже слухи о таинственном объекте рядом с трудовым лагерем никогда не циркулировали в этой земле, которая всегда

полнилась слухами. Что касается Уокера, то он (давайте скажем, как говорил Сталин) искренне увлекался лысенковщиной, так же как и марксизмом. Доказательства этому можно найти в некоторых его малопонятных статьях, кроме того, в опубликованных и неопубликованных мемуарах и воспоминаниях, с которыми я так или иначе сталкивался на протяжении многих лет, есть намеки на то, что между 1948 и 1956 годами он состоял в коммунистической партии. Понятия не имею, связано ли это каким-то образом с тем, что в 1983 году его имя включили в «Ежегодный почетный список» с пометкой «За служение знаниям». Пусть другие спекулируют на эту тему. Уокер уже умер.

Однако благодаря ему я заинтересовался связями между формами наследственности по Дарвину и Ламарку. Они присутствуют, понятно, не в природе, а лишь в искусственно созданных конструкциях. В частности, я считаю, что существуют большие возможности для комбинации генетических алгоритмов с обучением нейронных сетей. К удивлению своих коллег, для получения докторской степени я взялся за исследования в области информатики. Именно там я нашел свою нишу и начал преподавать на факультете искусственного интеллекта в университете Э.

Работа продвигается медленно, с постоянными фальстартами и откатами в прошлое, но все же у нас есть прогресс.

Кидж Джонсон
Мост через туман

Мы предлагаем вашему вниманию длинную захватывающую повесть о человеке, который пытается построить мост на чужой планете. Со временем этот проект самым неожиданным образом меняет жизни всех окружающих, причем в не меньшей степени и жизнь самого строителя.

Кидж Джонсон опубликовала свой первый рассказ в 1987 году, затем ее работы регулярно появлялись в журналах «Asimov's Science Fiction», «Analog», «The Magazine of Fantasy & Science Fiction» и «Realms of Fantasy». Она получила мемориальную премию Теодора Старджона за рассказ «Лисья магия» («Fox Magic»), а также премию имени Кроуфорда. Ее рассказ «Двадцать шесть обезьян и бездна» («26 Monkeys, Also the Abyss») в 2009 году был награжден Всемирной премией фэнтези, в 2010–2011 годах ее рассказы «Спарринг» («Spar») и «Пони» («Ponies») получили премию «Небьюла». Два романа «Женщина-лиса» («The Fox Woman») и «Фудоки» («Fudoki»), а также рассказы были изданы в сборниках «Истории для дождливых дней» («Tales for the Long Rains») и «Устье пчелиной реки» («At the Mouth of the River of Bees»). В настоящее время она заканчивает аспирантуру в Университете штата Северная Каролина в Рэйли, а также собирает материал для новых романов; действие одного будет происходить в Японии периода Хэйан, а двух других – в Британии времен короля Георга. Дополнительную информацию можно найти на сайте писательницы www.kijjohnson.com.

В Левобережное Кит прибыл с двумя дорожными сундуками и большущей клеенчатой папкой. Сундуки, небрежно сброшенные кучером почтовой кареты, так и лежали валунами у его ног, а папку, набитую чертежами, он прижимал к груди, оберегая от грязи, – вчера здесь прошла буря.

Его занесло в невеликое, особенно по меркам столичного жителя, сельцо. В столице дома громадные, в семь, а то и восемь этажей, и даже самому энергичному пешеходу не обойти ее за день. А в Левобережном домишки приземистые, возведенные на как попало нарезанных и криво огороженных участках меж столь же беспорядочно вьющихся дорог, да и те ничем не покрыты – просто утоптанная земля. Непритязательна и гостиница – двухэтажная постройка из золотистого известняка под синей черепичной кровлей; судя по запаху, на ее задворках держат скотину. Над входом вывеска с голубой рыбой на черном фоне,

похожей на вздыбившегося ската.

В дверях гостиницы стояла пестро наряженная женщина с бледной бесцветной кожей и такими же бледными глазами.

– Позвольте спросить, – обратился к ней Кит, – где тут паром? Мне нужно переправиться через туман.

Женщина оценивающе оглядела низкорослого и очень смуглого чужака в сером. Гостя с востока ни с кем не спутаешь. Правда, смотрела она дружелюбно.

– Оба парома у верхней пристани, – ответила наконец женщина и улыбнулась. – Но что с них толку, если у кормового весла никого нет? Вчера вечером из Правобережного вернулась Розали Паромщица, с ней-то и нужно договариваться, а досуг она обычно коротает в «Оленьем сердце». Вот только «Сердце» тебе не приглянется, – поспешила добавить женщина, – далеко ему до нашей «Рыбы». Небось комнату хочешь снять?

– Вообще-то я думаю заночевать в Правобережном, – смущенно отклонил предложение Кит.

Очень не хотелось показаться высокомерным. Ему понадобится множество связей, большущая невидимая паутина, и плести ее надо уже прямо здесь и сейчас. А в таком деле успех сильно зависит от первого впечатления. Из кожи надо вылезти, чтобы в ближайшие дни эти впечатления сложились в его пользу.

– Думать-то можно что угодно, – возразила женщина, – вот только Розали поплывет дня через два, вряд ли раньше. Еще у нас есть Вало Паромщик, но он нечасто возит на тот берег.

– Я бы все места на пароме оплатил, если речь об этом.

– Вовсе нет, – покачала головой селянка. – Розали не поплывет, пока не почувствует, что пора. Пока не получит разрешения. Понимаешь? Но спросить у нее ты, конечно, можешь.

Кит ничего не понял, но все же кивнул.

– И где же это «Оленье сердце»?

– Налево, потом направо и вниз, до лодочной мастерской.

– Благодарю, – сказал Кит. – Нельзя ли оставить багаж? Ненадолго, пока я с ней не договорюсь.

– Вещи приезжих мы всегда берем на хранение, – ухмыльнулась женщина. – А после даем приют и самим приезжим, когда они убеждаются, что на ту сторону им нынче не попасть.

Трактир «Оленье сердце» оказался поменьше, чем «Рыба», но там было куда оживленнее. День близился к середине, однако за дубовыми столами уже плотно сидели посетители в ярких нарядах, что-то попивали и бросали реплики за ограду, на примыкающий двор лодочной мастерской. А там в поте лица

трудились парень и две женщины – гнули доски на каркасе будущей миниатюрной плоскодонки. Когда Кит обратился к мужчине, который нес две кружки с чем-то мутным и пахнущим дрожжами, тот указал на двор подбородком.

– Вон они, Паромщики. Розали – та, что в красном. – И двинулся дальше.

«Та, что в красном» оказалась высокой и, как все местные, бледнокожей. И с такой длиннющей косой, что пришлось обмотать ее вокруг шеи, чтобы не мешала работать. Играя мышцами под ярким солнцем, Паромщица с парнем налегали на планку, придавая ей форму лодочного бока, а другая женщина, пониже ростом и с обычным в этом краю светло-пепельным цветом волос, орудовала молотком. Вот забиты три гвоздя – планка держится.

«Сильные, – подумалось Киту об этой троице. – Как бы их заполучить?»

– Розали! – проревел вдруг мужской бас чуть не в ухо ему. – Тебя тут кое-кто ищет.

Кит оглянулся, увидел того самого незнакомца с кружками, который снова указывал подбородком, и, вздохнув, направился к невысокому забору. Лодочные мастера выпрямились, напились из голубых обливных чашек, и только тогда женщина в красном и парень подошли на зов.

– Я Розали Паромщица из Правобережного. – Говорила она с типичными для здешнего акцента протяжными гласными, а голос оказался помягче и повыше, чем можно было ожидать от такой рослой и сильной особы. Она кивнула на парня: – Вало Паромщик из Правобережного, старший сын моего брата.

Вало больше походил на молодого мужчину, чем на юношу, и ростом был выше Розали. Кит приметил у обоих одинаковые густые брови и прямой взгляд янтарных глаз.

– Кит Мейнем из Атиара, – представился гость.

– Мейнем? – переспросил Вало. – Что за фамилия? Ни о чем не говорит.

– У нас в столице фамилии даются совсем не так, как здесь.

– Ага, верно, – закивал Вало. – Вот и Дженнер Эллар…

– Я-то сразу поняла, что к нам столичный гость пожаловал – и по одежде видно, и по коже, – сказала Розали. – И зачем же мы тебе понадобились, Кит Мейнем из Атиара?

– Мне сегодня надо быть в Правобережном, – ответил Кит.

Розали отрицательно покачала головой.

– Я не повезу. Сама только что приплыла, и так рано назад не годится. Вало, может, ты?

Юноша склонил голову набок, и выражение лица тотчас

сделалось отсутствующим, словно он прислушивался к чему-то далекому, почти неуловимому. Затем отказался:

– Нет, не сегодня.

– Может, все-таки договоримся? Я готов оплатить весь рейс. Мне надо встретиться с Дженнером Элларом, я, собственно, ради этого и приехал.

В глазах Вало мелькнул интерес, но парень снова сказал «нет», правда, глядя теперь на Розали, и та спросила:

– И чем же эта встреча так важна, что нельзя несколько дней подождать?

«Какой смысл утаивать?» – подумал Кит и ответил:

– Я теперь вместо Тениант Планировщицы главный архитектор и производитель работ, моя задача – мост через туман. Начну строительство, как только все осмотрю. Ну и с Дженнером пообщаться, само собой…

Говоря, он следил за лицами собеседников. Ответила ему Розали:

– Вот уж год как умерла Тениант. Я и ждать перестала. Думала, забыла про нас империя начисто, и запасенное железо так и сгниет.

– Разве не к Дженнеру Эллару перешла должность? – насупился Вало.

– При мне приказ от дорожного ведомства, – ответил Кит. – И в этом приказе мое имя. Но надеюсь, что Дженнер останется, согласится на должность помощника. Теперь понимаете, почему мне нужно с ним срочно увидеться? Он введет меня в…

– У Дженнера отбирают его дело?! – резко перебил Вало. – Дело, которому он отдал столько сил? А как же мы? Как же наша работа? – У него залились краской щеки.

– Вало! – с предостерегающей ноткой обратилась к племяннику Розали.

Тот, багровея еще пуще, повернулся и зашагал прочь. Розали фыркнула, но, тотчас успокоившись, сказала Киту:

– Ох уж эта молодежь. Вало дружит с Дженнером, да и к мосту у него свое отношение.

«А вот это не мешало бы прояснить. – подумал Кит, но тут же решил: – Позже».

– Итак, Розали из Правобережного, вернемся к вопросу о переправе через туман. Дорожное ведомство заплатит твою цену – конечно, если она будет разумной.

– Не могу, – ответила она. – Ни сегодня, ни завтра. Придется подождать.

– Почему? – задал Кит, как ему казалось, уместный вопрос.

Женщина вглядывалась в архитектора довольно долго –

похоже, не знала, стоит ли сердиться на невежду.

– Случалось когда-нибудь пересекать туман? – спросила она.

– Разумеется.

– Но не речной?

– Не речной, – подтвердил Кит. – Здесь, как я слышал, четверть мили до того берега?

– Да, вся четверть. – Она вдруг улыбнулась, показав ровные белые зубы, а во взоре появилось тепло сродни солнечному. – Вот что, давай-ка пройдем к реке. Может, там будет проще объяснить.

Она мощным прыжком преодолела забор и, приземлившись рядом с гостем, насмешливо отвесила глубокий поклон под одобрительные хлопки и выкрики завсегдатаев трактирного дворика. После чего жестом велела Киту следовать за собой.

«Здесь эту женщину любят, – отметил он. – Значит, ее слово имеет вес».

Лодочная мастерская лежала в густой тени раскидистых дубов и орешника. Под навесом на краю участка виднелись штабеля бочек и деловой древесины. Розали помахала третьему мастеру – женщине, которая прибиралась на рабочем месте и прятала инструменты.

– Тилиск Лодочница из Левобережного, жена моего брата. Помогает нам с Вало делать лодки, а перевозками не занимается – не для такой работы рождена.

– А где твой брат? – поинтересовался Кит.

– Погиб, – коротко ответила Розали и прибавила шагу.

Они прошли по нескольким улицам, а затем взобрались на длинный, с ровным, но крутым склоном холм. Судя по слишком правильным очертаниям, он не мог образоваться естественным путем.

«Насыпь», – смекнул Кит.

Взбираться на кручу было жутковато, и он, чтобы отвлечься, прикинул, сколько земли и человеческого труда потребовалось для создания вала. А времени? Десятки лет, наверное. И какая, интересно, у насыпи протяженность? Деревья на ней не растут, стоит лишь увешанная флагами башня из тонких бревен. Должно быть, для обмена сигналами через туман – вряд ли столь хлипкое сооружение может служить другим целям. Кит знал, что здесь бывают грозы, сам попал в такую под утро, и дороги еще не просохли, под ногами чавкает глина. Наверное, частенько в башню бьют молнии…

– Пришли. – Розали остановилась.

Кит, при восхождении внимательно смотревший под ноги, поднял глаза – и по ним больно ударил свет. Он оступился, съехал немного вниз, а утвердившись, прикрыл слезящиеся глаза

рукой. Громадная лента белого тумана, отражающая утреннее солнце, слепила.

Никогда еще Кит не видел воочию туманной реки, хоть и построил два простеньких моста через ущелья близ столицы. Работая в Атиаре, он узнал все, что на сегодняшний день известно о тумане. Это не вода – с ней вообще ничего общего. Туман образуется где-то здесь, в глубине речной долины. Он пробирается на север, на сотни миль, по руслам множества ручьев и речек, и там наконец иссякает, распадается на клочья сохнущей пены, от которых остаются лишь голые холмики принесенной земли. Туман тянется и к лежащему в двух тысячах миль южнее устью реки и стелется дальше по соленой морской глади. В реке и притоках где-то под ним или сквозь него течет вода, но как это проверить?

И ведь за пределами этой реки и ближайшего моря нет больше нигде тумана, но он разрезает империю пополам.

Через несколько секунд Киту удалось разомкнуть веки. Перед архитектором протянулась огромная впадина, полная сияния. Поначалу взгляд скользил, будто по поверхности сливок или отбеленному шелку. Но вот глаза чуть попривыкли, и проявились бугорки и впадинки: туман хотя и медленно, едва уловимо, но смещался.

Розали шагнула вперед, и Кит спохватился.

– Ну, надо же! – хохотнул он. – И долго я простоял, заглядевшись? Это просто… Мне и слов-то не подобрать.

– Не тебе одному. – Ее глаза, встретившие взгляд Кита, улыбались.

Противоположная, западная насыпь ничем не отличалась от восточной: тоже ни деревца, лишь окустья, да маячит сигнальная башня. На левом берегу склон сбегал к плоскому голому пляжу шириной в полдюжины ярдов. Там виднелись небольшой причал и аппарель для лодок, к ним вела петля неровной дороги. На берегу лежали две лодки. В сотне ярдов выше по течению была другая пристань, поменьше, с россыпью лодок, навесами и какими-то бесформенными грудами, прикрытыми сверху просмоленной парусиной.

– Давай спустимся. – Розали пошла впереди; теперь она объясняла Киту через плечо: – Вало водит меньший паром «Искатель жемчуга», а мой называется «Спокойная переправа». – Ее голос потеплел, произнося последние два слова. – Восемнадцать футов в длину, восемь в ширину. В основном сосна, хотя киль из грушевого дерева, а носовое украшение из пельтогине. Днище покрыто сушеной кожей синей рыбы, но отсюда этого не видать. Я могу разом перевезти трех коней, или

пятнадцать пассажиров, или полторы тонны любого груза. Возможны, конечно, и сочетания. Однажды переправляла даже две дюжины борзых с двумя выжлятниками.

Между насыпями дул с севера легкий ровный ветерок. Пахло чем-то кисловатым, диким, но не сказать что неприятным.

– И как же ты в одиночку управляешься с этакой махиной?

– Будь паром покрупнее, так и не управилась бы, – ответила женщина. – Иногда Вало помогает, когда груз неудобный. Здесь нельзя просто взяться за весла и выгрести на ту сторону. Я свою «Переправу» обычно уговариваю добраться, куда нужно. А вообще-то, чем лодка больше, тем вероятнее, что ее заметит крупняк. С другой стороны, ежели наткнешься на рыбину, малая лодка быстрее потонет. Вот мы и пришли.

Перед Китом предстало совершенно неожиданное зрелище. Да, он прокладывал мосты через туманы, но то были малые, аккуратные ленточки – как будто самая обычная водяная морось задержалась в овраге. С того места, где они теперь стояли, река уже не казалась гладким кремовым потоком или даже слабо бугрящейся пеленой облаков. Туман кипел, творя холмы и долины с кручами высотой все двадцать футов; эти складчатые образования перетекали друг в друга. У него была видимая поверхность, но неоднородная: где-то в разрывах, где-то полупрозрачная. И различать эту поверхность удавалась не без труда – совсем не так, как границу между водой и воздухом.

– И как же можно через это перебираться? – спросил изумленный архитектор.

Прямо у него на глазах плющился, расползался ближайший холм. За ним прорезалось нечто вроде лога: вот он протянулся на несколько десятков ярдов, вот повернул и пропал…

– Так ведь нельзя, – ответила Розали. – Сегодня уж точно. – Болтая ногой, она сидела на планшире парома и смотрела на собеседника. – Я не вожу «Переправу» через эти холмы, пока туман сам не укажет мне безопасный путь. А если бы повела, то наверняка… наверняка, – с нажимом повторила она и хлопнула себя по животу, – напоролась бы на риф или сорвалась в яму. Вот потому-то, Кит Мейнем из Атиара, нынче я тебя на тот берег не повезу.

Когда Кит был ребенком, ему плохо давалось общение с людьми. Очень уж маленьким он уродился – таких или дразнят, или попросту не замечают. Да к тому же седьмой год жизни он почти целиком проболел. Товарищи из детского сада его не навещали, но он и не расстраивался – друзей ему заменяли книжки и игры-головоломки. Вдобавок мать приносила с работы

большие чистые тетради, разрешая сыну марать их, как ему вздумается.

Однажды в его комнате остановились часы. Кит вскрыл их перочинным ножиком и разобрал. Детали он раскладывал на одеяле, сортируя их сначала по типам, потом по размеру, или по материалам, или по весу, или по форме. Ему нравилось держать эти штучки в руках, представлять себе, как они создавались, как потом работали сообща. На одеяле из них получались любопытные узоры, но самый лучший – и в этом Кит не сомневался – тот, в котором каждая деталь находится на своем месте, выполняя предписанную ей задачу. Наверное, думалось ему, часы были бы счастливы, вернись они в свой первозданный вид.

И мальчик решил восстановить часы, пока мать не возвратилась из счетной конторы и не поднялась к нему в комнату. Но осталось много лишних деталей, а собранное не работало. Тогда Кит закрыл корпус часов, надеясь, что мама не спросит, почему они не тикают.

Еще четыре дня он корпел над механизмом днем и прятал плачевные результаты к вечеру. На пятый день часы пошли. Одна деталька, крошечная латунная шестеренка, все же оказалась невостребованной. С тех пор Кит всегда возил ее с собой в ларце для письменных принадлежностей.

В тот же день Кит еще раз пришел на берег. Стало жарче; грязь превратилась в сухую растрескавшуюся корку; запах наводил на мысль о старых циновках, слишком долго пролежавших в воде. На паромном причале никого не было, но выше по течению, на рыбацкой пристани, собирались люди. Там уже было десятка два мужчин и женщин, а по берегу носилась детвора.

Лежавшие на пристани короткие, но пузатые лодки – кожа, натянутая на каркас, – напоминали гигантские наросты на дереве. Туман отошел, и внизу показалась часть русла – полоса голой скалы. Теперь были ясно видны подпиравшие пристань сваи, они шли вниз под углом, утыкаясь в камень. Деревянные эти укосины были обиты жестью.

Кит приблизился к женщине с серебристыми кудрями, она возилась с громадным, длиной в руку, крючком-тройником.

– И кого же вы такой снастью ловите?

У женщины пошел морщинами лоб, когда она оторвалась от своего занятия и подняла голову, но тут же появилась улыбка.

– А, нездешний… Гость из Атиара, судя по одежке. Угадала? Рыбу мы ловим… – Она, не выпуская крючка, максимально

развела руками. – Бывает и покрупнее. Похоже, скоро опять гроза, так что вечером ожидается клев… Я Мег Тройник.

Понятное дело, из Левобережного.

– Кит Мейнем из Атиара. А что, до дна так и не добрались?

Заметив, что он смотрит на опоры пристани, Мег Тройник ответила:

– Дно есть, но далеко. Сваи мы туда не опускаем, потому что дерево растворяется в тумане. Да и рыба грызет… Она и веревки жрет, и нас, ничем не брезгует, кроме металла и камня.

Женщина ловко затянула узел. Веревка была темной и казалась слишком хлипкой для такого здоровенного крючка, не говоря уже о предназначавшейся ему добыче.

– Из чего сделано? – Кит опустился на корточки возле рыбацкого челна, приподнял его, чтобы заглянуть внутрь.

– Эй-эй, поаккуратнее, это мое! – воскликнула Мег. – Обшивка лодки из рыбьей шкуры, шнур тоже. Конечно, это туманная рыба, не водяная. При дублении частично убирается слизь, так что кожа получается не вечной. А если ее все время держать в тумане… – Она состроила гримасу. – У нас говорят: воняет, как рыбья слизь. Сущая гадость.

– Мне на правый берег нужно, – сказал Кит.

– Я тебя что, в своей лодке повезу? – Мег фыркнула. – Нет, наш брат рыбак привык плавать вдоль бережка. Ступай потолкуй с Розали Паромщицей. Или с Вало.

– Я с ней уже говорил, – уныло ответил Кит.

– Да вообще-то я в курсе. Ты же новый мостостроитель, а городские все такие нетерпеливые. Что, торопишься попасть крупняку на зуб? Если Розали Паромщица велела ждать – значит, придется ждать. И никак иначе.

К возвращению в «Рыбу» у Кита разнылись ноги, он порядком устал. Его сундуки уже перенесли наверх, в нарядную комнатку, где стоял широченный стол, а оставшееся место почти целиком принадлежало душному алькову. Брана Гостинщица, чье заведение, оказывается, официально именовалось не «Рыба», а «Веселый крупняк», со смехом прокомментировала его неудачу:

– Наша Розали – как скала, нипочем не сдвинешь с места. Да не расстраивайся, все равно в «Сердце» тебе не было бы так уютно.

Наутро Кит заморил червячка лепешкой и перченой рыбой. К этому времени все уже знали о нем всё. Ну, если не о нем самом, то уж о цели его приезда точно. Если кто-то из местных и был против строительства, то все протесты уже сошли на нет. Большинство людей в пивной, куда он заглянул, не имели ничего

против моста, и вообще результаты прогулки по городу внушали оптимизм. Разве ж это сопротивление? При возведении двух малых мостов его было куда больше.

– Да с чего бы нам противиться-то? – удивилась Брана Гостинщица. – Стройка потребует много рабочих рук. Будет кому у нас жить, столоваться, пиво пить. Кое-кого из местных тоже наймут – значит, от этого твоего моста село только выиграет. Этак, глядишь, к концу строительства я буду по щиколотку в золоте ходить.

– А потом, – подхватил Кит, – когда заработает мост! Ты только подумай, это же будет первая настоящая дорога, связующая восток и запад империи! Единственное место на три тысячи миль, где люди и товары могут легко и безопасно в любое время пересекать туман! Через десять… да какое там, через пять лет ваше сельцо превратится в центр империи. – Он даже рассмеялся, смущенный собственной пылкостью.

– Ладно-ладно, – ответила Брана Гостинщица с добродушием женщины, не понаслышке знающей, что ссориться с постояльцами себе дороже. – об упряжи потолкуем, когда жеребенок родится.

Следующие шесть дней Кит посвятил изучению села и окрестностей. Познакомился с каменщиками, которых перед смертью отобрала Тениант для строительства пилона с анкером на левом берегу. Брат и сестра оказались тихонями, но дело свое знали хорошо; Кит обрадовался, что не придется искать им замену. Поговорил он и с местными изготовителями веревок и канатов из рыбьей кожи. Оказывается, эти снасти еще надежнее, чем он предполагал: стойко сопротивляются гниению, отменно держат и рывковую, и постоянную нагрузку. По словам мастеров, в первые два года службы такой канат растягивается, то есть для замены громадных несущих цепей он не годится, но зато из него можно делать вертикальные подвески, что держат мостовое полотно, и это позволит значительно облегчить постройку.

Немало времени Кит уделял наблюдению за туманом. Тот бесконечно и непредсказуемо менялся: вот перед глазами ровный поток, лишь чуть подернутый рябью; через несколько часов – хаотичное нагромождение клочьев пены; позже равнина из крутобоких барханов, очень подвижных, перетекающих друг в друга. У тумана не было постоянного верхнего уровня, но складывалось впечатление, что река под ним спадает в ночные часы и поднимается при свете солнца.

Куда предсказуемее вели себя ветры. Между береговыми насыпями они дули каждое утро на юг, а каждый вечер – на север, набирая силу в полдень и к сумеркам и слабея до полного штиля

во второй половине дня и ночью. На туман они не влияли – так, срывали клочья пены, которые потом высыхали на берегу. Если есть ветры, то динамическая нагрузка на мост будет больше, чем предсказывала Тениант Планировщица.

Общаясь с сельчанами, Кит никогда не позволял себе критиковать ее работу. Напротив, охотно признавал блестящий талант организатора, ведь это благодаря ее стараниям население ничего не имеет против стройки. Но втайне он радовался, что возведение моста по ее чертежам не успело начаться.

Однажды он решил рассмотреть туман поближе и зачерпнул его лопастью весла с поверхности реки. Тот оказался на удивление плотным; при свете в нем виделись силуэты – то ли живность, то ли растения, а может, и вообще нечто совсем иное. В городе имеются специальные оптические устройства и есть люди, знающие в этом толк, но изучать обитателей тумана ему не хотелось, его интересовала только конструкция, которую можно перекинуть через этот туман.

Вечерами он работал за столом у себя в комнате – разбирался с наследием Тениант. Кит открывал ее папки и сундуки, изучал все подряд. Писал письма, составлял перечни, чертил графики, и все это в двух экземплярах – вторые отправлялись в столицу, где с них еще раз снимали копии. Мало-помалу обретали форму его собственные планы, вырисовывались эскизы моста и схема управления грандиозным проектом.

С Розали Паромщицей он встречался только по утрам и лишь для того, чтобы задать все тот же вопрос: можно ли переправляться? И неизменно получал отказ.

Однажды во второй половине дня, когда облака превратились в полные воды ушаты, Кит прошел полмили к северу от села и очутился на строительной площадке. На протяжении двух лет сюда ездили телеги по дорогам от Рудного Хойка и Западной реки, сваливая в кучи известняковые блоки и арматурные прутья.

Больших прямоугольных блоков тут были тысячи. Кит побродил среди них, посмотрел, пощупал. Вообще-то известняк – слишком мягкая порода для мостостроительства, но этот оказался на диво крепок, без видимой трещиноватости и рыхлых инородных включений. Все же камня накопилось еще недостаточно, и Кит мысленно оформил новый заказ.

Чугунные рамы для поддержки дорожного полотна, доставленные прежде времени, лежали аккуратными штабелями на деревянных брусьях, покрытые черной влагозащитной краской и укутанные промасленной парусиной. Вокруг наросло травы высотой по колено, ее щипали овцы. Одна с любопытством

уставилась на Кита, и тот безотчетно поклонился.

– Сударыня, простите за вторжение. – Сказав это, он хихикнул: не староват ли для бесед с овечками?

На глаза попалось отверстие пробного шурфа, рядом на земле лежала лестница; Кит решил спуститься. Лестницу поглотила трава и никак не хотела отпускать.

На пастбище стояла тишина, но все же, едва спустившись чуть ниже поверхности земли, он опешил: разом оборвались и голоса насекомых, и шелест травы. Стены шурфа были в бурых и тускло-желтых потеках. На полпути вниз Кит срезал ножом немного грунта: преобладание глины – то что надо для фундамента. Дно на глубине двадцати футов тоже глиняное на вид, но стоило опуститься на корточки и ковырнуть, как нож уперся в твердое. Похоже на глинистый сланец. Интересно, далеко ли до водяного горизонта? Надо спросить в селе, нет ли проблем с рытьем колодцев. И еще интересно, влияет ли туман на колебания уровня грунтовых вод? В атиарском университете кое-кто пытается изучать туман, но знаний пока слишком мало, многое еще предстоит измерить и осмыслить.

Он взял образец породы, чтобы получше рассмотреть на свету, и выбрался из шурфа. Подъехала запряженная четырьмя мулами телега, привезла партию блоков. За телегой брели несколько мужчин и женщин, они крутили плечами и щелкали суставами пальцев – готовились к работе. Кита приветствовали, и он стал помогать.

Через несколько часов он вернулся в «Рыбу», зверски уставший и мокрый до нитки – во время разгрузки разразилась гроза. В гостинице его ждала записка от Розали с одним-единственным словом: «Вечером».

Когда Кит покидал гостиницу, его настроение было подстать самочувствию: мышцы ноют, руки-ноги не гнутся. В «Рыбе» он заплатил работнику, чтобы тот снес один сундук на пристань; другой остался в комнате, которую Кит снял до конца строительства. Папку Кит нес сам, хотя и оставил копии всех важных бумаг во втором сундуке.

Гроза миновала, по небу неслись облака, окрашивая его во множество оттенков – от лилового до густого пурпура. На западе висела узкая долька большей луны, а полукруг меньшей сиял прямо над головой. Пахло свежестью. От всего этого Кит так взбодрился, что остаток пути проделал чуть ли не рысцой.

Будущие попутчики уже собрались на причале: зажиточный фермер с выводком поросят в лозяной клетке (тенгонские белые, похвастался он, во всей империи лучшей породы не сыщешь):

женщина, одетая по столичной моде в черное, с окованными медью ящиками и такой же, как у Кита, папкой; две торговки со множеством коробок, наполненных порошковыми красками; почтальонша с запечатанными кожаными сумками и двое стражников. С Китом поздоровались Уни и Том Каменщики, они заметно нервничали в ожидании своей первой переправы.

В сгущающейся мгле туман казался скомканным покровом – сплошь бугры да ямины. Среди них носились стрижи, охотились на мошек. Вдруг из глубины взвился темный силуэт, да так быстро исчез, что и не разглядеть, и унес пойманную птаху.

До Кита доносились голоса с рыбацкого причала. Там спускали челны один за другим, и вот уже целая стая лодок, почему-то без фонарей, взбирается по туманному склону.

– Все готовы?

Он и не заметил, как подошла Розали и перелезла через борт парома.

– Подавайте вещи.

Погрузка-посадка не заняла много времени, хотя поросятам, судя по визгу, это не понравилось.

Как ни напрягал глаза Кит, увидеть рыбацкие лодки ему больше не удавалось.

Спохватившись, что Розали ждет его одного, он попросил извинения и добавил:

– У них там клюет вроде.

– Так, мелочь. – Паромщица глянула на реку и поставила сундук Кита. – Фута два от силы. Рыбаки любят, чтобы покрупнее, пять-шесть футов. Но слишком большая рыба им, конечно, не нужна. Впрочем, на самом деле это не рыба в твоем привычном понимании. Давай сюда.

Она имела в виду папку. Кит поколебался секунду-другую и отдал, а затем сошел на паром. И ойкнул: судно просело под его весом. Совсем чуть-чуть, но желудок прыгнул к горлу.

– Ты чего? – беспокойно спросила ближайшая торговка.

Розали отвязала швартовочный конец.

Судорожно сглотнув, Кит ответил:

– Да не учел, что это туман, а не вода. Совсем другие ощущения.

Не было нужды добавлять, что он испугался, – все и так поняли. Кто-то пробормотал слова сочувствия. Почтальонша с ястребиными чертами лица ворчливо пожаловалась:

– Сколько ни переправляюсь, все никак привыкнуть не могу. Не нравится мне это занятие.

Розали закрепила кормовое весло и окунула широкую треугольную лопасть в туман; тот неохотно раздался.

– Я по туману почти всю жизнь плаваю, однако и воду помню. Она быстрая и коварная. Нет, туман лучше.

– Это только на твой вкус он лучше, – возразила Уни Каменщица.

– Вода не такая опасная, – поддержал ее владелец поросят.

Розали налегла на весло, и паром отвалил от пристани.

– Ничто не опасно, пока оно тебя не прикончит.

Туман почти мгновенно поглотил тихие береговые звуки.

В числе первых проектов у Кита был простой, в один арочный пролет, мост через воду. Далеко на севере, в провинции Эскье. Прежде чем началось строительство, архитектор посетил участок и задержался на пять суток – угодил в буран, оставивший после себя двухфутовый снежный покров. Сейчас Киту ясно вспомнились те метельные безлунные ночи, тот густой воздух, глушивший голоса, как прижатая к ушам подушка.

Своим веслом Розали не столько галанила, сколько рулила. В любом направлении, кроме разве что верхнего, не было видно ни зги. Наверное, и правда туман разговаривал с Паромщицей: она умела направлять лодку так, чтобы течение подхватывало ее и несло в нужную сторону. Паром двигался по узкой долине, пока та не обмелела, а затем и вовсе не перешла в холм.

«Спокойная переправа», кренясь, съехала на несколько футов влево. При этом послышался хрип – это почтальонша задушила панический вопль.

Слово «туман» здесь явно не подходило. Белесая масса была слишком плотной; подчас казалось, паром плывет не в ней, а по ней. В этот вечер она больше всего походила на густую грязную пену, взбиваемую на бурном море сильным ветром.

Кит опустил руку за борт, и туман, на ощупь почти сухой, облепил ее, пополз вверх по запястью. Не сразу архитектор понял, что это за ощущение. А когда запекло, пришлось выдернуть руку и обтереть ее. Но все равно осталось жжение. И вправду едкое вещество.

– А если мы будем разговаривать или шуметь, крупняк не приманим? – шепотом спросил свиновод.

– Лучше обойтись без болтовни и поросячьего визга, – ответила Розали. – Крупняк, похоже, любит низкие звуки, иногда в грозу всплывает на гром.

– Если это не рыба, то что? – поинтересовалась одна из торговок. – На что похоже?

У нее дрожал голос. Туман угнетал всех, кроме Розали.

– Если хочешь узнать, надо увидеть собственными глазами, – отвечала Паромщица. – На худой конец, обратись к рыбакам, пусть расскажут. Они рыбу потрошат и пластают прямо у себя в

лодках, а все прочие видят только мясо в бумажной обертке или черные шкуры в рулонах для кожевников и канатчиков.

– Так ведь и ты видела живую рыбу, – возразил Кит.

– Да. Она широкая и плоская. И уродливая…

– А крупняк? – спросил Кит.

Ее голос сразу огрубел.

– Про него тут говорить не принято.

Некоторое время все молчали. Туман – или все-таки пена? – скучивался перед носом парома и раздавался в стороны с еле слышным шипением. Разок он вздыбился слева по борту, и там мелькнул кто-то темный, за ним еще один – но далековато, не рассмотреть толком. Торговка еле сдержала крик – молодчина, даже не шелохнулась, только слезы выдали ее ужас.

Наконец показался правый берег, но черная громада насыпи не приближалась еще очень долго, как показалось Киту, несколько часов. Он, превозмогая страх и стараясь не касаться лицом тумана, склонился над бортом и всмотрелся в глубину.

– Не может же он быть бездонным, – проговорил архитектор, ни к кому конкретно не обращаясь. – Что там, внизу?

– Да что бы ни было, тебе до дна не достать. – ответила Розали.

«Спокойная переправа» взмыла на верхушку туманного холма, соскользнула в лог и поплыла, развернувшись, дальше. И совершенно неожиданно для пассажиров паром оказался в броске камня от правобережного причала. Там горели факелы и ждали люди. Заметив паром, они зашевелились. Почти скраденный расстоянием, донесся мягкий баритон:

– Розали?

– Да, Пен! – прокричала в ответ Паромщица. – Десять на борту.

– Носильщики нужны? – прилетел с другой стороны голос.

Кое-кто из пассажиров ответил утвердительно.

Между паромом и пристанью оставалось еще несколько футов, когда Розали сняла с кормы и уложила на днище весло, прошла на нос и перебросила веревку через сужающийся промежуток. На той стороне приняли конец, и через несколько мгновений лодка была надежно пришвартована. Высадка и расплата заняли меньше времени, чем посадка. Кит выходил последним. Недолгая торговля – и носильщик согласился доставить сундук на постоялый двор.

Кит повернулся, чтобы проститься с Розали; та с помощью мужчины, которого, помнится, звали Пен, отвязывала швартовы.

– Ты что, уже возвращаешься?

– Конечно нет, – послышался в ответ спокойный,

расслабленный голос, и лишь теперь Кит понял, какого напряжения стоила женщине переправа. – Сейчас паром перегоним к аппарели, а близнецы вытянут его на берег.

Там, куда Розали махнула рукой, угадывались белесые силуэты двух волов, а перед ними лишь чуточку темнее – женская фигура.

– Погоди, – обратился Кит к Уни Каменщице и вручил ей свою папку. – Не откажи в любезности, отнеси на постоялый двор и передай хозяину, что я скоро буду. – Он снова повернулся к Розали: – Могу я чем-нибудь помочь?

Во мгле он скорее угадал, чем увидел ее улыбку.

– Всегда!

Постоялый двор «Рыжая ищейка», местными жителями именуемый «Сука», оказался маленьким и тесным. Он располагался в пяти минутах ходьбы от берега и в десяти, как сказали Киту, от ближайшей жилой улицы. Вновь прибывшему досталась комната хотя и побольше, чем в «Рыбе», но с неудобной койкой и банкеткой, заваленной рукописными нотными листами старинной музыки. Под этой же крышей, по сведениям Кита, проживал Дженнер, но владелец – Видсон Содержатель Двора – ответил, что нынче его не видел.

– А ты, стало быть, новый архитектор, – оглядев гостя, сказал Видсон.

– Он самый, – подтвердил Кит. – Как появится Дженнер, передай, пожалуйста, что я хочу его видеть.

Видсон наморщил лоб.

– Ну, не знаю даже, он уж который день возвращается поздно, с тех самых пор… – Спохватившись, хозяин заезжего двора смущенно умолк.

– С тех пор как с того берега просигналили о моем прибытии, – договорил Кит. – Что ж, вполне его понимаю.

Несколько секунд Содержатель о чем-то думал, а потом медленно произнес:

– Дженнер, знаешь ли, нам как родной.

– А раз так, попробуем его удержать, – кивнул Кит.

Пойдя на поправку, Кит расстался с детским садом – впрочем, это все равно случилось бы через год – и переехал к отцу. Дэйвелл Мейнем в речах был нетороплив, но знал толк в шутке и на своих бесчисленных стройках не лез в карман за острым словцом. Сына он охотно брал с собой на работу: для мальца нет лучшей возможности свести знакомство с будущей профессией.

И Киту в отцовских делах нравилось все: и аккуратность

чертежей, и четкость продвижения стройки. Приятно было наблюдать, как кирпич, камень и чугун выстраиваются по прямым и кривым линиям, как в хаосе рождается и крепнет строгий порядок. В первый год мальчик подражал Мейнему-старшему и рабочим, что-то сооружал из крошечных балок и кирпичиков – их изготавливала приданная ему в наставники черепичных дел мастерица, за несколько лет до того потерявшая руку. В конце каждого дня приходил отец, как он выражался, «для инспектирования строительного объекта». Кит демонстрировал мостик, или башенку, или просто положенные в ряды и штабеля материалы, и Дэйвелл с серьезным видом высказывал свои замечания. «Инспектирование объекта» продолжалось, пока позволял свет дня, а потом они шли в ближайшую гостиницу или хижину, где снимали угол.

Дэйвелл ночи напролет проводил за бумажной работой; Кита интересовала и она. Оказывается, превращение воображаемой конструкции в нечто огромное и материальное – это не только вычерчивание архитектурных планов и само строительство, это еще и соблюдение рабочих графиков, и ведение документации, и доставка материалов. Мало-помалу игра Кита дополнилась разработкой собственных планов, а также кропотливой перепиской с поставщиками. И через некоторое время он понял: основная работа по возведению моста или башни протекает отнюдь не на виду у публики.

Поздно вечером раздался стук в дверь – да какой там стук, сущий грохот. Кит отложил недоочиненное перо и громко произнес:

– Да?

Ворвавшийся в комнату мужчина был таким же смуглым, как Кит, но на несколько лет моложе, в забрызганной грязью одежде для верховой езды.

– Кит Мейнем из Атиара.

– Дженнер Эллар из Атиара. Прошу предъявить уведомление.

Кит молча вручил гостю бумагу, тот, пробежавшись недобрым взглядом, бросил ее на стол и процедил:

– Долго же мне замену искали.

«Пожалуй, надо с этим разобраться прямо сейчас», – решил Кит.

– А ты надеялся, что так и не найдут?

Дженнер насупился еще пуще.

– Не скрою, надеялся.

– Считаешь себя самым подходящим специалистом для такого проекта? А почему, можно спросить? Сколько ты здесь

проработал… год?

– Я знаю стройку, – резко ответил Дженнер. – Помогал Тениант с планированием. И тут империя присылает… – Он повернулся к холодной печи.

– Империя присылает другого, – проговорил Кит ему в спину.

– Именно так, – кивнул Дженнер, не оглядываясь. – У тебя есть связи в столице и влиятельные друзья, вот только ты не знаешь стройки, этого моста.

– Не надо заблуждаться на мой счет. – Чтобы придать своим словам весомости, Кит выдержал паузу. – За двадцать лет я построил девять мостов. Четыре висячих, три больших балочных и два арочных моста через туман. На твоем счету три моста, самый крупный из них – шесть каменных арок через реку Мати, а там мелководье и ползучие отмели.

– Да, – буркнул Дженнер.

– Хороший мост. – Кит взял с подоконника керамический кувшин, налил два стакана. – По пути сюда я свернул к нему и осмотрел. Добротно сделано, и ты уложился в бюджет. Даже из графика почти не выбился, несмотря на сушь. И местные о тебе хорошего мнения. Спрашивают, что с тобой будет теперь… Держи. – Кит протянул стакан, и Дженнер его принял.

«Уже лучше», – подумал Кит.

– Мейнемы всегда строили мосты. И дороги, и акведуки, и стадионы, сотни публичных объектов для империи. Вот уже тысячу лет.

Дженнер повернулся, он хотел что-то сказать, но Кит поднял руку.

– Это вовсе не означает, что мы лучше, чем Эллары. Но империя знает нас, а мы знаем империю. Мы умеем доводить дело до конца. Если бы строительство поручили тебе, через год все равно прислали бы замену. Ты бы не справился. А я точно знаю, что справлюсь. – Кит упер локти в колени, наклонился вперед. – С твоей помощью. Ты талантливый инженер. Ты знаешь объект. Так помоги мне.

– Да, ты справишься, – нарушил затянувшееся молчание Дженнер, и Кит понял, о чем он думает: «Тебе небезразлично дело, это не просто очередной пункт в послужном списке».

– И мне бы хотелось, чтобы ты стал моей правой рукой, – продолжал Кит. – Я научу, как надо разговаривать с Атиаром, помогу со связями. И следующий проект будет уже полностью твоим. Это первый большой мост через туман, но далеко не последний.

Они хлебнули. Киту обожгло гортань, выступили слезы.

– Какой ужас!

Дженнер хохотнул и впервые посмотрел Киту прямо в глаза.

– Правобережное пойло и впрямь несусветная гадость. От такого тебе через месяц захочется сбежать в Атиар.

– Может, договоримся с перевозчиками, пусть доставят чего-нибудь иного? – улыбнулся Кит.

На правом берегу подготовка к строительству оставляла желать лучшего: и блоков подвезено меньше, и рабочих найти труднее. Но понемногу в спорах между Китом, Дженнером и каменщиками с обоих берегов оформились окончательные планы. Предстояло воздвигнуть нечто уникальное, рекордное по величине – висячий мост в один пролет длиной в четверть мили.

Первоначальный замысел оставался неизменным: мост должен висеть на несущих цепях, по четыре с каждой стороны, закрепленных независимо, чтобы компенсировать смещения, вызываемые движением транспорта по полотну.

Составные части цепей – огромные звенья с проушинами и крепежные болты – можно заказать в пятистах милях к западу, в тех краях издавна выплавляют лучший в империи чугун; Кит уже отправил на литейные фабрики письма с просьбой возобновить работу для его нужд.

На левом берегу предстояло соорудить из золотистого известняка пилон с анкером, заглубив сваи в коренную породу. А здесь, на правом, вырастут постройки из розовато-серого гранита на колоколообразном фундаменте. Высота башен не менее трехсот футов. В Атиаре есть и повыше, но те не предназначены выдерживать тяжесть висячего моста.

Кит подверг испытанию рыбью кожу, и та оказалась по прочности почти равной чугуну, но во много раз легче. Дубильщики и канатчики, у которых он интересовался ее долговечностью, посоветовали съездить на речку Мекнай. Кит так и сделал: выкроив денек, осмотрел водяное колесо, плетеные приводные ремни которого после семидесятипятилетней службы не выказывали признаков износа. Рыбья кожа, объяснили архитектору, даже если ее не держать в тумане, по долговечности не уступит кленовому дереву, однако ей требуется постоянный уход.

Кит еще некоторое время постоял на берегу Мекная, глядя на поток. Недавно прошел дождь, и вода в русле была быстра и бурлива. «Через воду мосты легко строить, – подумалось ему. – С этим любой справится».

По возвращении он отправил Дженнера через туман, чтобы встретить Дэлл и Стиввана Тростильщиков, у них на левом берегу были канатные дворы. В отсутствие помощника (по сути,

местного жителя, о чем Киту неустанно твердили) более зримо проглядывала разница в отношении к мосту по обе стороны реки. На левом берегу считали, что деньги всегда потребны и грех от них отказываться, и вообще там царило воодушевление, которое обычно сопровождает масштабную стройку. На правом же недовольных оказалось намного больше. Река и впрямь разделила империю, и жители восточных краев, начиная с села Правобережное, в отличие от населения запада, не считали, что их судьба так уж неразрывно связана с Атиаром. Эти люди непосредственно подчинялись Триплу, восточной столице, уплаченные ими налоги тратились на обустройство земель, лежащих по эту сторону тумана, и никто здесь не желал, чтобы ослабевшая хватка империи снова окрепла.

Оттого-то восточная столица и взирает на строительство с прохладцей, и это отношение сказывается на поставках камня и чугуна. Киту пришлось потратить пять суток на визит в Трипл, чтобы предъявить губернатору свои бумаги и обратиться с жалобой в тамошнее отделение дорожного ведомства.

После этого дела пошли чуть получше.

К середине зимы был готов план управления проектом. За все время Кит ни разу не пересекал туман, тогда как Розали Паромщица переправлялась семнадцатикратно. И почти всякий раз, когда она объявлялась на правом берегу, архитектор виделся с ней, хотя встречи эти продолжались не дольше, чем уходит времени на кружку пива.

Следующая переправа состоялась в разгар ранневесеннего утра. Туман отражал затянутое облаками небо; бледный, ровный, он выглядел самой настоящей дождевой дымкой, засевшей в горной долине.

У пристани Розали укладывала товар на паром. Появление Кита было встречено улыбкой; лицо женщины вдруг показалось ему красивым. Архитектор кивнул незнакомцу, следившему с причала за погрузкой, а затем поздоровался с Паромщиками. Вало лишь на миг разогнул спину и тут же вернулся к работе: он сбрасывал с пристани громадные тюки, а Розали внизу ловко их ловила. Кита молодой перевозчик избегал с самого начала.

«С тобой потом», – подумал строитель и перевел взгляд на Розали.

– Что в тюках? Вы их так швыряете, будто там…

– Бумага, – закончила за него женщина. – Самая лучшая ибрарийская шелковичная бумага, легкая, как ягнячья шерсть. У тебя, в твоей папке, она небось тоже имеется.

Кит подумал о плотных листах велени, на которых

предпочитал чертить, и о хлопковой бумаге, которую использовал для прочих надобностей. Изготовленная далеко на юге, она была до того гладкой, что на ощупь казалась эмалью.

– Да, – подтвердил он. – Хорошая вещь.

Розали все укладывала обтянутые тканью кипы, и вот уже высота штабеля трижды, если не четырежды, превысила высоту борта.

– А для меня найдется местечко? – спросил Кит.

– Пилар Купчиха и Вало остаются, – ответила Розали. – Место твое наверху, и то лишь пока ты сидишь ровно и не ерзаешь.

Когда паром отошел от пристани, Кит спросил:

– А почему владелица бумаги с нами не плывет?

– Купчиха-то? Да к чему ей? У нее на той стороне есть посредник. – Руки Паромщицы были заняты, так что пришлось вместо пожатия плечами склонить набок голову. – Туман – штука небезопасная.

Раз в несколько месяцев где-нибудь на реке тонул паром, пропадали люди, лошади, кладь. Рыбаки гибли реже, потому что не отдалялись от берега. Трудно сосчитать ущерб торговле и коммуникациям, причиняемый туманом, этим барьером, разделившим державу надвое.

Путешествие сильно отличалось от предыдущего. Кит плыл вдвоем с Розали, и было уже не так боязно, хотя хватало странного и грозного. Вдоль реки дул стылый ветер, бросал на кожу хлопья пены, но они мигом высыхали, не оставляя следов.

Паром пробирался сквозь туман, будто зарываясь в пух или снег, а ветер тем временем стихал – сначала до легкого бриза, а потом и вовсе до штиля.

Казалось, они пробираются в лабиринте тугих перистых облаков, и Кит все смотрел за борт, пока «Спокойная переправа» не наскочила на дырку шириной в фут, вроде оспины на лике тумана. На миг глазам архитектора открылась пустота – под белесым слоем прятался воздушный карман, и был он достаточно велик, чтобы проглотить лодку. Повалившись на спину, Кит смотрел в небо и ждал, пока прекратится дрожь в теле. А когда снова глянул за борт, они уже выбрались из лабиринта и двигались плавно изгибающимся каналом. Немного успокоившись, Кит сел и посмотрел на Розали.

– Как мост? – донесся ее приглушенный туманом голос.

Конечно же, это было просто вежливостью – в селах о продвижении стройки знал каждый. Но Кит уже привык говорить то, что все и так знали. Когда-то он понял: терпение – это тоже инструмент, причем очень полезный.

– На правом берегу кладем фундаменты, тут все как по

маслу. Еще полгода понадобится на анкер, зато готовы сваи для пилона и уже можно класть блоки. На шесть недель раньше срока, – не без самодовольства добавил он, хотя и знал, что никто не оценит это маленькое достижение, да и благодарить за него, если честно, надо погоду. – А вот на левом берегу наткнулись на базальт, его трудно бурить. Пришлось вызывать специалиста. Оттуда просигналили флагами, что она уже на месте, потому-то я и плыву.

Паромщица промолчала, она как будто полностью сосредоточилась на большом кормовом весле. Некоторое время Кит смотрел, как играют на ее плечах мышцы, слышал глубокое и ровное дыхание. К слабому дрожжевому запаху тумана добавлялся запах ее пота, а может, это только казалось. Розали слегка хмурилась, но он не взялся бы сказать, по какой причине: то ли это туман, то ли что-то совсем другое. Что она за человек?..

– Розали Паромщица, можно задать вопрос?

Она кивнула, неотрывно глядя прямо по курсу.

Вообще-то у Кита вертелось на языке несколько вопросов, и он выбрал наугад:

– Почему Вало недоволен?

– А что, заметно? Парень считает, что из-за тебя вскоре кое-чего лишится. И он слишком молод, чтобы понять: на самом деле эта потеря – сущий пустяк.

– И что же такое я у него отниму? – спросил, поразмыслив, Кит. – Эта работа, по-твоему, для него пустяк?

Она резко выдохнула, орудуя веслом, и вместе с воздухом из ее груди вырвался смех.

– У нас, Паромщиков, денег куры не клюют. Мы, помимо прочего, землей владеем и в аренду ее сдаем. Ты знаешь, что «Оленье сердце» принадлежит моей семье? Вало совсем еще мальчишка, в его годы любому хочется испытать себя, узнать, чего он стоит в этом мире. А как может испытать себя паромщик? Только в противоборстве с туманом. Он жаждет риска. Приключения ему подавай. Вот, стало быть, чего он лишается по твоей милости.

– Но он же не бессмертный, что бы о себе ни думал. На реке запросто можно погибнуть. И рано или поздно это случится. Не только с ним…

«…но и с тобой». – мысленно договорил Кит и снова лег на спину – смотреть в небо.

Однажды вечером в пивном зале «Суки» кто-то из местных поведал ему историю семьи Розали. В этой истории с избытком хватало и смертей, и утонувших лодок. Паромы гибли под безмолвное шипение тумана, под треск ломающегося дерева, под

жуткие человеческие вопли или жалобное ржание лошадей.

«Ну и что? Все месяц-два носят пепельный цвет, а за весло берется следующий паромщик. Розали – новичок, всего лишь года два возит. Когда исчезнет она, у весла встанет Вало, потом младшая сестра Розали, потом сестренка Вало. – Хлебнув черного пива, рассказчик добавил: – Они, Паромщики наши, все как один красавцы. Не иначе, это им возмещение за слишком короткую жизнь».

С высоты штабеля Кит глянул на Розали:

– А вот ты не такая. Не похоже, что будешь жалеть об утраченном.

– Кит Мейнем из Атиара, о чем я стану жалеть, тебя не касается.

На мускулистых руках Паромщицы переливался холодный свет.

Миг спустя ее голос смягчился:

– Я уже не в том возрасте, когда нужно что-то себе доказывать. Но и мне будет не хватать всего этого. Тумана, тишины…

«Так расскажи мне, – мысленно попросил Кит. – Покажи».

До конца плавания она молчала. Наверное, рассердилась, предположил архитектор. Но на берегу не ответила отказом на предложение выпить по кружечке, и они вместе пошли к жилью.

Тихого пастбища как не бывало – там и сям остались лишь пучки самой живучей травы да клочья грязной соломы. Пахло потом и мясом, примешивался горький запашок раскаленного металла. Появились котлованы под фундаменты для анкера и пилона – неглубокие, до коренной породы; рядом высились холмы вынутого грунта. От стада остался только один баран, да и того, насаженного на вертел, крутила девушка в клубах сального дыма возле переносной кузницы. Раньше Кит считал пастбище помехой, но теперь, глядя на освежеванную овцу, он даже почувствовал угрызения совести.

Отару сменили крепко сбитые мужчины и женщины, с помощью катков они спускали по земляному пандусу валуны в анкерный котлован. От пыли поблекли яркие узоры коротких килтов и подгрудных ремней, пыль густо налипла на обнаженную кожу. Воздух был холоден, однако на мышцах работников виднелись проложенные каплями пота дорожки.

Один из этих тружеников помахал Розали, и та помахала в ответ. Киту вспомнилось имя: Мик Землекоп. Недюжинной силы человек, но по натуре не руководитель, а исполнитель. Они с Розали что, любовники? У здешнего люда очень запутанные

взаимоотношения, сам черт ногу сломит. В столице всё куда формальнее, уважаются брачные контракты.

В глубоком котловане, на его каменном дне, стоя на коленях, совещались Дженнер и маленькая женщина. Когда к ним спустился Кит, незнакомка встала и слегка поклонилась. Глаза, коротко остриженные волосы, кожа – все у нее было серое, как у чугуна на свежем изломе.

– Я специалист, Лиу Проходчица из Хойка, прибыла по твоему вызову.

– Кит Мейнем из Атиара. Ну, и что скажешь, Лиу Проходчица?

– Как я поняла со слов твоего помощника, надо углублять котлованы.

Архитектор кивнул.

Лиу снова опустилась на колени и провела ладонью по матерому камню.

– Трещину вот эту видишь? Обрати внимание, как здесь меняются цвет и структура породы. Прав Дженнер: проблема непростая. Горст, приподнятый кусок базальтового пласта, вот что это такое. – Она встала и стряхнула землю с коленей. – Взрывчаткой пользоваться приходилось?

Кит отрицательно покачал головой:

– На прежних моих стройках она не требовалась, да и в шахты я никогда не спускался.

– Здорово помогает, когда надо пробиваться через скальную толщу. Блоки эти, что лежат вокруг, тоже, между прочим, с помощью взрывчатки добыты. – Лиу ухмыльнулась. – Тебе понравится ее голосок.

– А как же структурная целостность подстилающего слоя? – забеспокоился Кит. – Ее нельзя нарушать.

– У меня достанет пороха на много малых зарядов. Относительно малых.

– А как ты…

– Стоп! – Проходчица вскинула крепенькую, с обветренной кожей ладошку. – Мне, чтобы по мосту ходить, обязательно знать, как он устроен?

– Нет! – рассмеялся Кит. – Вовсе не обязательно.

Права оказалась Проходчица: Киту понравился голос взрывчатки. К котловану Лиу никого не подпустила, но даже на расстоянии, которое она сочла безопасным, за огромными грудами выкопанной земли грохот показался чудовищным – сущий рев разгневанных небес, сотрясающий землю. Несколько секунд все молчали, лишь гуляло эхо, а потом рабочие дружно

охнули и вразнобой завопили, захохотали, затопали ногами. Из котлована выплеснулся резко пахнущий селитрой дым пополам с пылью. Не пришли в восторг только птицы: согнанные грохотом с ветвей, они теперь заполошно кружили в небе.

Из специально отрытой возле котлована щели вылезла Лиу: на лице слой пыли, чисты лишь глаза – прикрывавшие их деревянные щелевые очки теперь висят на шее.

– Все в порядке! – сквозь звон в ушах услышал Кит ее крик.

Увидев его лицо, она рассмеялась.

– Да это же пустяки, комариный чих. Слышал бы ты, как мы, хойчане, гранит ломаем в карьере!

Кит хотел ей что-то сказать, но тут заметил, как повернулась и широким шагом пошла прочь Розали. Он и забыл уже, что Паромщица здесь. Догнав ее, спросил:

– Что, шумновато?

И не просто спросил, а почти прокричал. Наверное, чтобы самого себя услышать.

– И о чем вы только думаете? – Ее трясло, губы побелели.

Кит опешил. «Что это? Гнев? Страх?» Думалось медленно – еще не оправился сотрясенный грохотом мозг.

– Так надо же котлован углубить…

– Землю трясти зачем? Кит, я же говорила, что крупняк приходит на гром.

– Это не гром, – растерянно возразил архитектор.

– Это хуже, чем гром! – На глазах у Розали блестели слезы, ее голос проникал Киту в уши как через слой ваты. – Теперь они точно придут, я знаю!

Он протянул к Паромщице руку.

– Розали, бояться нечего, насыпь достаточно высока. Рыбам не перелезть…

У него ухало сердце в груди, голова шла кругом. Так трудно было слышать ее.

– Как они поступят, никто не в силах предсказать! Они целые города губили! Выползали на сушу в туманную ночь и истребляли все живое! Для чего, по-твоему, тысячу лет назад понадобилось насыпью отгораживаться? Крупняк…

Розали перестала кричать и прислушалась. Ее губы шевелились, она что-то говорила, но в сознание Кита не проникало ни слова – мешали барабанный бой в ушах, головокружение, учащенное сердцебиение. Вдруг он понял: а ведь это уже не последствия взрыва. Это бьется сам воздух. Краем глаза Кит видел рабочих, все они повернулись к туману. Но там не было видно ничего, кроме неба.

Никто не двигался.

Зато двигалось небо.

За насыпью на фоне серых облаков вскипало грязно-серое золото. Это речной туман вздымался на огромную высоту, на сотню футов. В нем кружили завихрения и пробегали разломы. Он менялся, распадаясь и сливаясь; он дышал.

Когда-то Кит видел огромный пожар: сначала над складом льна повалил дым, и прежде чем разлететься в клочья под натиском ветра, он казался вот таким же одушевленным чудищем…

В туманной горе возникали пещеры; они тотчас затягивались, однако новые не заставляли себя ждать. И в глубине этих пещер, в черно-коричневой мгле, тоже что-то шевелилось.

Но вот исчезла последняя полость. Как будто вечность миновала, прежде чем туман выровнялся, а затем осел. Даже и не определить, в какое мгновение барабанный бой воздуха вновь ослаб до звона в ушах.

– Кончилось, – заключила Розали, и это прозвучало как всхлип.

Кто-то из рабочих отпустил сальную шуточку – обычное дело для натерпевшихся страху. Ее восприняли со смехом, чересчур, пожалуй, громким. На насыпь взбежала женщина, прокричала оттуда:

– На правом берегу все в порядке. На нашем тоже.

Снова грянул смех, и люди поспешили по домам, навестить семьи. У Кита пекло тыльную сторону кисти. Туда угодил принесенный ветром клок пены, оставив после себя неровное пятно.

– Я видел только туман, – сказал он. – А крупняк там был?

Розали встряхнулась; вид у нее теперь был суровый, но ни гнева, ни страха. Кит уже заметил эту черту за Паромщиками: они мгновенно поддавались чувствам, но так же быстро и успокаивались.

– Был. Я и раньше видела, как вскипает туман, но чтобы так сильно – ни разу. Никому не под силу выгнать его на такую высоту, кроме крупняка.

– А зачем это нужно крупняку?

– Откуда мне знать? Крупняк – это загадка. – Она посмотрела архитектору прямо в глаза. – Надеюсь, Кит Мейнем из Атиара, твой мост будет достаточно высок.

Кит взглянул в сторону тумана, но сейчас там виднелось только небо.

– Полотно мы подвесим в двухстах футах над туманом. Этого достаточно, мне кажется.

Подошла Лиу Проходчица, вытирая руки о кожаные штаны.

– Ничего себе! У нас в Хойке такого не бывает. Настоящее приключение! А как здесь называется это диво? И как бы нам в следующий раз без него обойтись?

Несколько секунд Розали молча смотрела на миниатюрную женщину, наконец ответила:

– Да никак, пожалуй. Крупняк приходит, когда захочет.

– Он что, не всегда приходит на шум?

Паромщица кивнула.

– Ну что ж, как говаривал мой отец, лучше слабое утешение, чем никакого. – Кит потер виски, голова еще побаливала. – Будем работать дальше.

– Только про осторожность не забывайте, – сказала Розали. – Иначе всех нас погубите.

– Мост спасет много жизней, – возразил Кит и мысленно добавил: «В конечном итоге и твою тоже».

Паромщица отвернулась.

На этот раз Кит за ней не пошел.

Потому ли, что с того дня Лиу пользовалась менее мощными зарядами («Слабее некуда, – сказала она, – иначе просто не возьмут камень»), или потому, что у крупняка хватало других забот, но на протяжении трех месяцев, потраченных на изготовление взрывчатки и разрушение скалы, он не возвращался. Хотя обычной рыбы все это время у берега плавало вдоволь.

В роду Мейнемов были и металлисты, и горнодобытчики, и всякие прочие умельцы, но Кит с самого начала знал: он станет Мейнемом Строителем. Очень уж нравилась ему невидимая архитектура, та, что рождается в уме.

А еще нравилось согласовывать свои умозрительные конструкции с реальностью стройки, зависящей и от участка, и от материалов, и от людей, которые воплощают его замысел. Чем меньше уступишь, тем больше оснований гордиться собой.

Архитектуре он учился в университете. Его куратором была Скосса Тимт, опытнейший материаловед, руководившая строительством – подумать только! – двадцати трех мостов. Такая старая, что кожа и волосы побелели до цвета ганийского мрамора; она ходила, опираясь на необыкновенно удобный костыль, который сама же для себя и сконструировала.

И преподавала Скосса отменно. От нее Кит узнал, что в зависимости от нагрузки материал может гнуться, крошиться или ломаться. Разные материалы способны усиливать друг друга или, напротив, разрушать. Даже лучшие из них в самых оптимальных сочетаниях не существуют вечно (говоря об этом,

преподавательница стучала себя по лбу узловатым пальцем и смеялась), но, если все сделать как надо, они продержатся тысячу лет, а то и больше.

«Но не вечность, – повторяла Скосса. – Делай все, что в твоих силах, однако не забывай об этом».

Из ближних и дальних прибрежных городов и сел на стройку тянулись труженики, нанимался и кое-кто из местных: как перекатная голь, пробавляющаяся случайными заработками, так и крепкие хозяева, не видящие греха в отхожем промысле. В обоих селах почти все были рады прибывающим, ведь те платили за жилье, еду, разные услуги. В гостиницах и трактирах, спешно прирастивших флигелями и конюшнями, стряпали вдвое, а то и втрое против прежнего.

Левобережное было снисходительнее к чужакам, потасовки если и случались, то ближе к ночи, когда гости чересчур увлекались выпивкой и женщинами. На правом берегу дрались чаще, но и там стычки шли на убыль – сказывались и приток денег, и рост моста, чьи анкеры и пилоны выглядели уже более чем внушительно.

Хлебороб и скотовод продавали свои наделы, и по ним от сел протягивались полосы новых жилых застроек. Кто-то второпях сооружал халупку из лозы и глины, чтобы ночевать на земляном полу, утоптанном скотиной и хранящем запах навоза, а кто-то селился надолго, строился пусть медленно, зато основательно, покупая лес и собранный на полях камень, зазывая мостовиков работать у него по выходным и вечерами в будни.

Население двух сел все росло, и вот уже стало нелегко отличить местного от приезжего – хотя жители постарше, разумеется, не забывали, кто откуда родом. Для желающих обзавестись новыми друзьями и возлюбленными наступила золотая пора; теперь уже не приходилось выбирать из тех, кого они знали с детства. Чаще завязывались недолговечные случайные связи, некоторые люди вступали во временное сожительство, а однажды в Левобережном сыграли настоящую свадьбу: Кес Плиточник взял в жены черноглазую каменщицу Джолит Деверен. Еще бы знать, что означает эта фамилия в далеком южном краю, откуда она родом.

Кит не искал себе подруг – он так выматывался на стройплощадках и за столом с бумагами, что даже и не думал о женщинах. Разве что в грозовые ночи, когда сна ни в одном глазу, возникало желание – как будто молния пробегала под кожей.

Иногда в такие часы он вспоминал о Розали: одна она сейчас или с кем- нибудь? Может, тоже мается, разбуженная громами?

Они виделись часто, когда оба оказывались на одном берегу тумана. Розали была умна и спокойна, и она единственная не донимала его вопросами насчет моста.

Слова, сказанные про Вало, Кит держал в памяти. Он ведь и сам был молодым, причем не так давно, и знал, какие страсти бурлят в юной крови, как не терпится самоутвердиться в мире. Не то чтобы хотелось убедить Вало в необходимости моста – парень едва вступил во взрослую жизнь и какую ни есть репутацию заработал на паромных перевозках, – просто он нравился Киту: такие же глаза, как у Розали, а порой и такая же способность делать любое дело без видимых усилий.

Со временем Вало заинтересовался стройкой, принялся выяснять подробности, сначала у рабочих, а потом и у Кита. Причем дурацких вопросов не задавал, как-никак в своем деле он уже набрался опыта и даже изготовил несколько лодок по собственным чертежам. Кит начал с азов, с того, что сам мальчишкой узнал от отца на стройках. Показал, как перемещаются огромные блоки, поведал о хитром равновесии между замыслом и воплощением, между чертежами и материалами.

Объяснил, какая нужна сила воли, чтобы к цели, существующей только в твоем воображении, за тобой пошли тысячи. Вало был чересчур честен, чтобы не признать превосходство Кита, но и слишком азартен, чтобы воздержаться от попыток превзойти архитектора на его поле. Как бы то ни было, юноша все чаще появлялся на стройплощадках.

Однажды Кит отвел Паромщика в сторонку.

– Ты можешь строить, было бы желание.

– Строить? – залился краской юноша. – В смысле – мосты?

– Жилые дома, фермы, подпорные стены. И мосты тоже.

Парень нахмурился.

– Менять людям жизнь? Зачем это нужно?

– Жизнь и так постоянно меняется, хотим мы того или нет, – возразил Кит. – Вало Паромщик, ты же толковый парень. С людьми умеешь ладить, схватываешь на лету. Если захочешь, я сам возьмусь тебя обучить или направлю в Атиар, в университет.

– Вало Строитель… – протянул парень раздумчиво, а потом коротко ответил: – Нет.

Но с того дня он постоянно появлялся на участке – когда не водил паром и не мастерил лодки. Кит знал: если вопрос прозвучит снова, ответ будет уже другим.

Чтобы невидимое вышло наружу, нужны время, труд и материалы. Придет срок, и у Вало созреет решение, а пока Кит напишет двум-трем старым друзьям, пусть прикинут, как

посодействовать юноше.

Между тем пилоны и анкеры росли. Прошла зима, потом лето и вторая зима. Не обходилось без несчастных случаев: упавший с высоты рабочий сломал руку, еще двое повредили ребра. В Правобережном с катков сорвался валун и раздробил пальцы на ноге женщины, пришлось ампутировать стопу. Но мост строился, и даже задержка с углублением котлованов после того памятного взрыва не сказалась на графике. У Кита не возникало проблем ни с казначейством, ни с дорожным ведомством, ни с прочими столичными учреждениями. Другое дело – Трипл, откуда то и дело наведывались зловредные чиновники, но и с ними худо-бедно удавалось договариваться.

Кит очень хорошо понимал, что ему везет.

Беда случилась как раз в тот день, когда Вало наведался на стройку. К началу второй зимы Кит уже три месяца кряду пропадал на правом берегу. Он знал, что такое здешние зимы: хмурые небеса, дожди, временами снегопады. Скоро придется сворачивать самые тяжелые работы и ждать, пока не распогодится. Но тот день, похоже, выдался удачным: каменщики подняли и уложили почти сотню блоков.

Вало только-только вернулся с левого берега, там он три недели строил лодку для Дженны Синерыбицы. Сквозь дождь, такой мелкий, что казался туманом, парень глядел на мостовую башню; за этим занятием и застал его Кит.

– А много ты успел, пока меня не было, – заключил Вало. – Какая теперь высота?

Сколько раз в своей жизни Кит слышал этот вопрос?

– Сто пять футов примерно. Это уже треть.

Вало, улыбаясь, покачал головой.

– До чего же хлипко смотрится. Я помню твои слова: основная нагрузка на пилон – это вертикальное давление. И все равно такое чувство, будто может переломиться пополам.

– Когда узнаешь про висячие мосты побольше, они перестанут… вызывать беспокойство. Поглядим, как продвинулась стройка?

У Вало засияли глаза.

– А можно? Не хотелось бы мешать.

– Я сегодня еще не был наверху, а рабочий день заканчивается… По внешней или по внутренней?

К башне примыкали леса с лестницей. Вало взглянул на них и содрогнулся.

– Лучше по внутренней.

Кит последовал за юношей. Внутри пилона шла винтовая лестница шириной три фута. Пять крутых ступенек, площадка слева, снова марш и поворот, и так, кажется, до бесконечности. Для освещения – ниши над каждой третьей площадкой, но фонарей пока не было, и подниматься приходилось на ощупь.

В башне пахло сыростью и землей, примешивался запашок горелого лампового масла. Кое-кто из рабочих винтовую лестницу недолюбливал, предпочитая забираться и спускаться по лесам; Киту же здесь нравилось. В такие редкие моменты он словно сам становился частицей моста.

Вот и верх, можно осмотреться. Незаконченные ряды кладки, черный силуэт лебедки на фоне тускнеющего неба. Рабочие, кто еще не ушел домой, разбирали треногу, служившую для подъема блоков. Из колодца торчал шест, с него свисала лампа; позже в эту дыру опустят арматуру и зальют раствор. Архитектор кивнул подчиненным, а Вало подошел к краю и посмотрел вниз.

– До чего же красиво, – улыбнулся парень. – И высоко: видно, что делается на каждом дворе… Вон, Тели Плотник свинью коптит.

– Насчет свиньи и без башни понятно, я уже второй день нюхаю, – проворчал Кит.

Вало смешливо фыркнул и спросил:

– А Белый Пик еще не разглядеть отсюда?

– В ясный день виден, – ответил Кит. – Я на него поднимался два раза…

И тут раздался скрежет: клонилось, валилось что-то тяжеленное. А затем вопль.

Кит резко повернулся и увидел лежащую в нескольких шагах женщину, поперек ее груди – бревно от треножника. Лорех Дубилыцица, из местных. Он подбежал, упал рядом на колени.

Мужчина, ее напарник, объяснил:

– Соскользнуло… – И взмолился к пострадавшей: – Лорех, ты только держись!

Но Кит уже понял: ей конец. Раздавлена грудь, плечо вывернуто из сустава, сознания нет, дыхание рваное. В хилом свете фонаря пузырившаяся на губах пена казалась черной.

Кит взял холодеющую женскую руку.

– Лорех, все будет хорошо… Ты поправишься…

Конечно, он лгал. Впрочем, Лорех его и не слышала. Зато слышали остальные.

– Надо Холла позвать, – сказал кто-то из рабочих, и Кит покивал, вспомнив, что это имя местного лекаря.

– И за Обалом тоже сходить бы, – услышал он. – А где ее муж?

Рабочий побежал вниз по лестнице, и вскоре его топот растаял в шорохе усилившегося дождя, в чьем-то плаче и в клокочущем дыхании Лорех.

Кит поднял глаза: хватая ртом воздух, Вало стоял рядом и смотрел на женщину.

– Помоги найти Холла, – попросил архитектор, но юноша не шелохнулся, и пришлось повторить.

Вало ничего не ответил, он еще несколько мгновений стоял и смотрел на Лорех, наконец повернулся и устремился к лестнице. Снизу донеслись крики – это первый посланник оповещал селян о беде.

Последний судорожный вздох – и Лорех умерла.

Кит повел взглядом вокруг. Другую руку покойницы держал мужчина, он прижимался лицом к кисти и безудержно рыдал. Еще двое оставшихся на башне рабочих стояли на коленях у Лорех в ногах. Мужчина и женщина держались бок о бок, но Кит знал, что они не семейная пара.

– Как это случилось?

– Когда оно поехало, я пыталась оттолкнуть. – Женщина прижимала к животу руку, очевидно, даже не понимая, что та сломана. – Но все равно попало.

– Притомилась она, вот и перестала беречься, – добавил мужчина, имея в виду Лорех.

Слова из этих двоих сыпались, как брызги крови из раны. Кит не перебивал. Им сейчас нужно было говорить, и чтобы кто-то слушал. Вот он и слушал, и когда появились другие – вдовец с побелевшими губами и дикими глазами, врачеватель Обал и шестеро рабочих, Кит выслушал их и постепенно вывел из башни, пошел с ними на свет и тепло. Ему уже приходилось терять людей. И раньше бывало ничуть не легче, чем в этот раз.

Нынче ночью в Правобережном прольется много слез. Кто-то будет злиться на Кита и на мост, немало упреков достанется провидению, дозволившему случиться беде. Не обойдется и без тоскливого молчания, и без кошмарных снов. Иные займутся любовью, а кому-то захочется побыть с детьми или собаками – светочами жизни в мозглой зимней ночи.

Однажды его преподавательница, имевшая привычку отвлекаться от свойств материалов и принципов архитектуры, сказала:

– Рано или поздно начинаются неприятности.

Была зима, и они вышли на прогулку, невзирая на снегопад. Скосса хотела что-то купить для усовершенствования своего костыля.

– На долгой стройке очень привыкаешь к местным, забываешь даже, что ты на самом деле не один из них, – продолжала она. – И вдруг – несчастный случай. Для тебя он как оплеуха. Что чувствуешь при этом? Вину, жалость, одиночество… беспокойство за график. Но разве это важно? Нисколько. Важны чувства тех, кто вокруг тебя. Поэтому надо прислушиваться к людям. Понимать, каково им. – Она приостановилась, задумчиво постукивая тростью по земле. – Хотя нет, это неправда. Твои чувства тоже многое значат, ведь это и для тебя тяжелое испытание, и не факт, что ты найдешь в себе силы. Возможно, их придется черпать из другого источника.

– Ты о друзьях? – с сомнением спросил Кит.

Он уже выбрал для себя карьеру – такую же, как у отца. И не намеревался подолгу задерживаться на одном месте. Несколько лет – и другая стройка.

– Да, о друзьях. – На волосах Скоссы копился снег, а она как будто и не замечала.

– Знаешь, Кит, беспокоюсь я о тебе. С людьми общий язык находить ты умеешь, это видно. Ты хорошо относишься к ним. Но слишком уж узкие рамки у этого хорошего отношения.

Он хотел было возразить, однако преподавательница жестом велела помолчать.

– Да-да, знаю, о людях ты заботишься. Но только в должностных рамках. Сейчас у тебя учебные задачи, а потом начнутся мосты и дороги. У твоих подчиненных, Кит, будет собственная жизнь, проходящая большей частью вне стройплощадки. К людям нельзя относиться как к инструментам, даже как к любимым инструментам. Ты ведь тоже человек, и твоя жизнь не должна замыкаться в границах проекта. Будет очень плохо, если нагрянет беда и окажется, что до тебя никому нет дела.

Кит брел через Правобережное, держа путь к «Рыжей гончей». На улицах ни души, жители сидят по домам и кабакам, как будто село невидимой стеной от него отгородилось. Впрочем, слышен топот – кто-то догоняет.

Когда бегущий приблизился, архитектор, готовый к самому худшему, резко обернулся. Не так уж редко понесшие утрату мстят тому, кого считают виновным в своей беде.

Но это Вало. Кит, хоть и увидел сжатые кулаки, сразу понял: парень зол, но драки не ищет.

Как же не хотелось ничего выслушивать! Добраться до своей комнаты, упасть в койку и проспать тысячу часов. Но у Вало были совершенно шальные глаза. У Вало, который так похож на Розали.

Хоть бы Розали и Лорех не оказались родственницами или подругами.

– Что же ты по улицам бегаешь в такую холодину? – мягко спросил Кит. – Шел бы домой.

– Я пойду… Уже был дома, но подумал: может, встречу тебя… Потому что…

Парень замерз до дрожи.

– Пойдем-ка лучше под крышу…

– Нет, – отказался Вало. – Сначала я должен узнать. Что, всегда вот так? Если я этим займусь, в смысле, если буду строить, такое тоже может случиться? Кто-нибудь погибнет?

– Да, может. И, вероятно, случится когда-нибудь.

И тут Кит услышал то, чего совершенно не ожидал:

– Понятно. А ведь она только что замуж вышла.

Он мигом вспомнил кровь на губах Лорех, последние клекочущие вздохи раздавленной груди.

– Да, – подтвердил Кит. – Только что.

– Я просто… хотел узнать, нужно ли мне быть готовым к такому.

Другому эти слова могли показаться жестокими, но Кит знал: паромщики вовсе не бессердечны. Просто они слишком часто видят смерть. И сами готовы принять ее в любой миг.

– Надеюсь, я выдержу…

– А может, тебе не придется. – Кит уже стучал зубами под усиливающимся дождем. – Шел бы ты домой.

Парень кивнул.

– Жаль, что там не было Розали, она бы помогла… Тебе тоже надо домой, вон как дрожишь.

К черному ходу «Суки» Кит пробрался через конюшню. По пути встретился хозяин заведения, он кивнул постояльцу, направляясь в пивной зал с гроздьями кружек в руках. Видсон Содержатель Двора был мрачен, но враждебности не выказал.

«Это хорошо, – подумал Кит. – В такие дни прекрасно все, что не слишком плохо».

Наконец он прошел к себе, затворил дверь и привалился к ней спиной, как будто хотел наглухо отгородиться от мира. Здесь уже кто-то побывал: зажжена лампа, растоплен очаг, а у окна, на холодке, ждут хлеб, сыр и светлое пиво.

И тут он заплакал.

Сигнальные флажки отправили новость за реку. Ни на следующий день, ни через день работа на стройке не велась. На людях Кит держался невозмутимо, делал все, что от него требовалось, а печали и раскаянию предавался в одиночестве, сжимаясь в комок подле очага.

На третьи сутки с левого берега переправилась Розали, привезла громадный штабель ящиков с северными травами – их путь лежал дальше на восток.

Кит сидел в пивном зале «Суки», слушал разговоры. Мало-помалу местный люд превозмогал боль утраты. Надо было жить сегодняшним днем и в будущее смотреть бодро. Ничего, скоро распогодится – и у всех полегчает на душе. Вот бы еще показать селянам прямо сейчас какое-нибудь достижение. Нечто необычное и важное. Они бы повеселели, увидев перед собой прямой и ясный путь к цели.

Кит не заметил, как в зал вошла Розали, лишь почувствовал ее руку на своем плече и услышал предназначенный только для его уха шепот:

– Пойдем.

Он обернулся, посмотрел недоумевающе, словно на незнакомку.

– Пойдем, Кит, – повторила она. – Прогуляемся.

Шел дождь, но Кит лишь натянул на голову шарф, когда по лицу побежали студеные капли.

Пока они шлепали по лужам Правобережного, Розали не сказала ни слова. Кит не знал, куда его ведет Паромщица. Радовало, что не надо ничего решать самому.

Не надо быть сильным.

Наконец, она отворила дверь и впустила спутника в полную света и тепла комнатушку.

– Это мой дом, – сказала она. – Вало тоже здесь живет. Он все еще в лодочной мастерской. Да ты присаживайся. – Розали сняла

висевший над огнем горшок, зачерпнула из него кружкой, подала ее Киту. – Пей.

Он глотнул крепкого пива с пряностями, и от тепла в груди чуть-чуть ослаб тугой узел.

– Спасибо.

– Говори, – велела она.

– Я знаю, для вас это тяжелая потеря, – произнес он. – Ты хорошо знала Лорех?

Розали замотала головой.

– Это не мне нужно, а тебе. Поговори со мной.

– У меня все в порядке. – Не дождавшись отклика, Кит повторил уже сердито: – Розали, за меня беспокоиться не нужно. Я как-нибудь переживу.

– Да не все у тебя в порядке, – возразила женщина. – Лорех погибла, и получается, она отдала жизнь ради твоего моста. И что, ты не считаешь себя виноватым? Не поверю.

– Конечно, считаю, – буркнул он.

Розали повернулась к нему лицом, на широких скулах заиграли золотистые отсветы огня. Но напрасно Кит ждал от нее каких-то слов. Паромщица лишь смотрела на него.

– У меня и раньше такое случалось, – с удивлением услышал Кит свое признание. – Мой первый самостоятельный проект – ворота через дорогу, для сбора пошлины. Сущий пустяк, ничего мудреного. Мы не успели положить замковый камень: провалился шаблон и обрушилась вся арка. На такой ерундовой стройке потерять человека… Он был молод. Высокий, стройный. Прихрамывал. Растил сестру, совсем ребенка, не старше десяти. Она пришла с ним на стройку в тот день, но не видела, как рухнула арка. Когда погиб брат, девочка гуляла в ближних полях. Дафуэн? Науз? Как же его звали?.. А сестру?

«Я обязан их помнить, – подумал Кит. – Я так много им должен…»

– Всякий раз, когда у меня на стройке кто-нибудь гибнет, – нарушил он затянувшуюся паузу, – я вспоминаю всех. Их уже двенадцать. За двадцать три года. Вообще-то не так уж много. У некоторых список куда длиннее. Строительство – работа небезопасная.

– Но разве это имеет значение? – спросила Розали. – Ведь тебе кажется, что это ты убил каждого из них, Как будто своими руками с моста сбрасывал.

– Да, я в ответе. Первый, Дуар… – Имя всплыло, и узел в душе еще больше затянулся, а по лицу побежали горячие слезы.

– Все правильно, – тихо сказала Розали и положила ему на плечи ладони. И не убирала их, пока Кит не выплакался.

– Откуда ты знаешь? – спросил он наконец.

– В семье Паромщиков я теперь самая старшая, – ответила она. – Семь лет назад не стало тети. А четыре года назад я провожала брата. Был прекрасный день – ни ветерка, ни тучки, – но брат не добрался до берега. Он меня подменил: я тогда почувствовала, что с рекой неладно… Наверное, надо было все-таки плыть самой… Так что я знаю. – Она распрямила спину. – И большинство людей знают. Вот Петро Плотник отправил дочку в горы присмотреть лес для нового сруба, а она не вернулась – не то волки загрызли, не то под молнию угодила. Спрашивается, кого винить? Петро? Или волков? Молнию? А может быть, сама виновата, сделала какую-то глупость? Ну да, Петро, получается, виноват: не послал бы туда дочь, она бы там и не оказалась… А мать? Сама не знала страха и дочку приучила ничего не бояться… А Тому Грину понадобилась пристройка к дому… Выходит, все, кроме разве что волков, чувствуют себя виноватыми – кто больше, кто меньше. Но это путь в никуда. Все равно бы Лорех умерла рано или поздно. – Помолчав, Розали тихо добавила: – Все мы умрем.

– Ты так спокойно относишься к смерти? – спросил он. – И даже к своей?

Она выпрямилась, на лице вдруг проступила усталость.

– А что делать, Кит? Кто-то должен водить паром, и для такой работы я подхожу лучше многих. Не только потому, что это у меня в крови. Я люблю туман, его потоки, его запах. И силу ощущать в своем теле на переправе… Уверена, когда пришли волки, дочь Петро умирать не хотела, но ей так нравилось выбирать деревья…

– А если смерть придет к тебе? – спросил Кит мягко. – Встретишь ее вот так же беспечно?

Она рассмеялась, и печали как не бывало.

– Пожалуй, нет. Буду проклинать звезды и сопротивляться до последнего. И все же переправа через туман останется самым упоительным занятием на свете.

Во время учебы у Кита были связи с женщинами. На лекции ходила уйма слушателей, по улицам бродили толпы студентов, вечерами пивные были забиты молодежью. Но технари издавна держались замкнутым лагерем. В университете шутили, что пуще архитекторов трудятся только пивовары. Поэтому Кит почти не расставался с товарищами по профессии – и в стенах учебного заведения, и за их пределами. Вместе зубрили, спорили, выпивали и ночевали.

На третьем году обучения он познакомился с Домху Канной.

Случилось это в торговых рядах, где он покупал ведень и хлопковую бумагу. Девушка была невысока, лицо сердечком, шевелюра, как черное облако, – кудри удавалось частично укрощать только с помощью серых лент. Родилась Домху на востоке, в прибрежном городе, и отправилась за две тысячи миль учиться философии.

Она очаровала Кита. У нее был шустрый, словно рыбка, склонный к внезапным решениям и непостижимым для него ассоциациям ум. Все на свете Домху воспринимала как метафоры, как символы, обозначающие нечто иное. Чтобы лучше понимать людей, говорила она, надо сравнивать их с животными, временами года, песнями или азартными играми.

Киту думалось, что и в его профессии можно найти такие же образы и сравнения.

Подчас люди похожи на волов, ведомых в упряжке. Или на металл, расправляемый и заливаемый в форму. А может, на камни для сухой кладки: их тщательно отбирают по размеру и прочности и столь же добросовестно укладывают в стену.

Последний образ нравился Киту больше других. Эти камни удерживаются на месте не раствором, а собственным весом, да еще точным расчетом каменщика.

Однако сравнение оказалась негодным: да, что-то такое есть, но на самом деле люди не камни.

Кит так и не понял, что нашла в нем Домху.

О том, чтобы узаконить отношения, они не думали. Когда у Кита дошел до середины пятый учебный год, она вдруг вернулась в свой город – помогать в создании нового университета. Да и вообще, в ее краях не были популярны формальные браки. Расставались друзьями, не без печали.

И лишь спустя годы Кит впервые задумался о том, что все могло быть иначе.

Хотя зима выдалась дождливой, но пригодные для работы дни все же выпадали, и ни один из них не был потерян. Весной еще погибали люди, на обоих берегах, но эти смерти не имели отношения к стройке. Селянка умерла родами, и ребенок в своей коротенькой жизни не успел сделать ни одного самостоятельного вздоха. На реке сгинули два рыбака: у них опрокинулась лодка. Еще несколько человек скончались – кто от старости, кто от болезни.

За весну и лето удалось закончить анкерные массивы, бесформенные громады из блоков и известкового раствора, намертво скрепленные с матерой породой.

Сооружения эти почти полностью скрывались под землей,

сверху возвышались лишь считаные ряды кладки. Огромные, длиной в человеческий рост анкерные болты прятались в глубине проемов для цепей.

К середине третьей зимы был готов пилон на правом берегу, задолго до того, как достроили левобережную башню. Усовершенствованная Дженнером и Тениант Планировщицей сигнальная система позволяла обмениваться подробными сведениями, а с каждым паромом туда или сюда прибывала письменная документация. Вало, хоть и проводил много времени вместе с Китом, успел переплыть реку двадцать раз, а Розали – все шестьдесят восемь. Главный архитектор перебирался на другую сторону лишь по требовательному зову флажков.

Ранней весной, когда Кит работал на правом берегу, пришел сигнал «Имперская печать». Надо было, не теряя ни минуты, бежать к Розали.

– Не могу, – сказала она. – Я только вчера там была. Крупняк…

– Мне срочно нужно, а Вало в Левобережном. Из столицы поступили новости.

– Новости и раньше приходили. И преспокойно ждали на берегу.

– Как бы не так. Это вы заставляли их ждать.

– А флаги на что? – В ее голосе появилось легкое раздражение.

– Так ведь имперская печать. Никто, кроме меня и Дженнера, не вправе ее сорвать. А он тоже здесь. – Говоря эти слова, Кит думал о ее брате, который погиб четыре года назад.

– Если умрешь, никто уже не сможет прочесть, – проворчала Розали.

Они отправились в тот же вечер. «Если уж плыть, то чем раньше, тем лучше», – сказала Паромщица.

Когда Кит спустился на ближнюю пристань, по небу уже протянулись ярко-зеленые и золотистые ленты – это облака отражали последние солнечные лучи.

Сумерки почти скрыли туман, дыбившийся гладкими курганами двадцатифутовой высоты; ветерок меж насыпей был слабым и ровным.

Розали ждала молча, в ее руках свивалась кольцами веревка. Рядом стояли две женщины – возвращавшиеся с плантаций Глота торговки пряностями. С ними была собака, она суетилась и выла. Кит нес тяжелые ящики с листами велени и хлопковой бумаги; на свернутые в плотную трубку документы был натянут непромокаемый чехол. Торговок и собаку Розали усадила на носу парома, после чего молча отвязала швартов и оттолкнулась от

причала. Кит сел рядом с ней.

Она стояла на корме, опираясь на весло. На миг Киту даже представилось, что паром плывет по воде; вот сейчас послышится плеск…

Но широкая лопасть перемещалась в тумане совершенно беззвучно. Было так тихо, что он слышал дыхание Розали, тревожное пыхтение собаки и собственный учащенный пульс.

Затем «Спокойная переправа» заскользила вверх по длинному гребню туманного бархана. Конечно же, это никакая не вода.

До ушей Кита донеслось слабое сипение. Видно было недалеко, но запоздалые отсветы показали, как вспучился склон холма – будто в горячем грязевом озере образовался большой пузырь. Выпуклость разрасталась – и вот она лопнула под испуганное аханье пассажирок. Появившийся горб (заметно, что длинный, а больше в темноте ничего не разглядеть) устремился прочь.

– Что это? – спросил Кит изумленно.

– Рыба, – шепнула в ответ Розали. – Причем не мелкая. У нее клев по вечерам. Не надо бы нынче здесь плыть.

Между тем уже наступила ночь, вышла первая, малая, луна, чуть поярче проступили звездочки, а потом засветились и другие небесные тела. Розали аккуратно вела паром среди зыбких холмов, ее лицо было обращено к небу.

Поначалу Кит принял это за молитву, но затем догадался: Паромщица ориентируется по звездам. Снова и снова выныривали рыбы, и всякий раз было шипение, появлялся едва различимый силуэт. А однажды донесся человеческий голос, очень-очень далекое пение, и оставалось лишь догадываться, как такое чудо возможно.

– Рыбаки, – объяснила Розали. – Они сейчас держатся ближе к насыпям. Хотелось бы мне…

Паромщица не договорила, и Кит не узнал, в чем заключалось ее желание. Они уже преодолели глубокий туман, и едва ли архитектор мог сказать, как он это определил. Ему вдруг представились мост над головой, черная полоса поперек звездного неба, с параболами цепей: пройдет время, по этому прямому, как стрела, прогону будут разгуливать люди, вовсе не думая о том, какие опасности таятся под ногами. Может быть, кто-то заметит внизу шевеление, но с огромной высоты не отличит рыбу от прочих теней. Это если он вообще остановится у перил и вглядится в туман. Конечно, появление крупняка, этих таинственных, сверхъестественных существ, не останется незамеченным, но оно лишь вызовет легкий трепет – как рассказанная на ночь страшная сказка.

Розали как будто привиделось то же, что и Киту. Она вдруг произнесла:

– Твой мост все изменит.

– Прости, но так будет лучше, – сказал Кит. – Мы не должны плавать через туман.

– Мы не должны попадать на тот берег иначе, как переплывая через туман. Кит, знаешь… – Розали оборвала фразу в самом начале. Через секунду она вновь заговорила, но уже тише, словно отвечала собственным мыслям: – Часто жизнь зависит от сиюминутного выбора: с Дирком Кожемякой я заночую на горном поле или одна под своей крышей, куплю на ярмарке ленты или вино, из какого дерева – камфорного или грушевого – сделаю носовую деку парома. По-твоему, это мелочи? Поцелуй, лента, пылинка, упавшая на ту или иную чашу весов… Нет, Кит Мейнем из Атиара, это не мелочи. Наши души ждут от нас ответов, и любой изменяет нас… Вот почему я не спешу решать, как мне относиться к твоему мосту. Я буду ждать, пока не пойму, какая перемена случится со мной.

– А если понять так и не удастся? – спросил Кит. – Ведь это будет означать, что ты ждала зря.

Неподалеку раздался всплеск.

– Тихо!

В светлое время путь занял бы меньше часа, но теперь Киту казалось, что прошло много больше времени. Да и не казалось, наверное. Если на звезды глядеть, не поймешь, то ли продвигается лодка вперед, то ли стоит на месте.

У него были стиснуты челюсти, а мышцы, все до единой, напряжены. Попытавшись расслабиться, Кит понял: нет, это не страх, а нечто иное, идущее извне.

– О нет! – воскликнула рядом Розали.

Теперь он тоже улавливал это – звук не звук, похоже на пение органных труб самого низкого регистра; гул до того слабый, что его едва различает ухо. Но от него почему-то кости превращаются в жидкость, а мышцы – в шелушащуюся ржавчину.

Вдруг стало тяжело дышать, из груди рвались хрипы, в голове гулко ухала кровь.

Движения давались не легче, чем мухе, увязшей в меду. Все же он кое-как поднял руки, прижал ладони к вискам. Розали была почти не видна – словно пятно чуть светлее мглистого фона, – но слышались ее слабые, полные боли вздохи, как у раненой собаки.

Барабанный бой гремел теперь во всем теле, растворял, разъедал. Хотелось кричать, но в легких не осталось воздуха. Вдруг Кит понял, что под ними уже не плоская поверхность: туман вспухал, вздымался, горбился за бортами парома.

«Так я мост и не достроил, – подумал он. – И ее не поцеловал».

А Розали – жалеет ли сейчас о чем-нибудь?

Туманный горб все рос, превращался в курган, в гору, и вот она уже застит полнеба. Затем гребень растаял, развеялся туманными завитками, и обнажилась тварь – громадная, темная, как сама ночь, она заскользила вниз, в образовавшуюся ямину. При этом казалось, будто она вовсе не двигается, хотя Кит понимал: это из-за непомерной длины. Целый век минует, прежде чем тварь проплывет перед ним вся… А больше он и не увидел ничего – глаза закрылись сами собой.

Неизвестно, сколько времени он пролежал на дне лодки. Просто в какой-то момент пришел в себя, а чуть позже к нему вернулась способность двигаться, мышцы и кости пришли в норму. На носу парома лаяла собака.

– Розали? – слабо позвал он. – Мы что, тонем?

– Кит? – Ее голос был тонок как нить. – Так ты жив? А я думала, умер.

– Это был крупняк?

– Чего не знаю, того не знаю. Настоящего крупняка еще никто так близко не видел. Может, это был крупняк-середняк.

Кит вымученно хихикнул.

– Вот же зараза! – ругнулась в потемках Розали. – Я весло обронила.

– И как теперь быть? – спросил Кит.

– Есть запасное, но с ним и плыть дольше, и к причалу не попасть. Ладно, приткнемся где-нибудь, а дальше пешком, за помощью.

«Я жив, – подумал Кит. – Могу теперь хоть тысячу миль прошагать».

До Левобережного они добрались уже почти на рассвете. Как раз всходили две большие луны, когда паром пристал к берегу в миле южнее пристани. Торговки пряностями сразу ушли вместе с собакой, Кит с Розали задержались, чтобы привязать лодку, а потом побрели берегом. На полдороге встретили Вало, он бежал со всех ног.

– Я жду и жду, а тебя все нет и нет… – Парень задыхался, в лице ни кровинки. – А тут они, пассажирки эти, говорят, ты добралась, и я…

– Вало… – Розали обняла его, крепко прижала к себе. – Малыш, мы живы. И мы здесь. Все кончилось.

– Я думал…

– Знаю, о чем ты думал, – перебила она. – Прости, я так вымоталась, просто с ног валюсь. Сделай одолжение, подгони

«Переправу» к пристани. А я домой. Буду спать до вечера, и даже если самой императрице понадоблюсь, пускай ждет и зря не топает ножками.

Она отпустила юношу, одарила Кита усталой улыбкой и пошла вдоль насыпи.

Архитектор проводил ее взглядом.

«Имперская печать» оказалась письмом из Атиара, от какого-то мелкого, но наглого чиновника – он требовал разъяснить ранее представленные Китом цифры.

Едва ли это стоило переправы даже в ясный день, не то что в такую ночь. Кит проклинал и столицу, и всю империю, но затем все же послал требуемое, добавив суровое замечание насчет печатей и надлежащего пользования ими.

Два дня спустя он получил сообщение, которое уж точно требовало его присутствия на левом берегу: из Рудного Хойка везут цепные звенья и болты, они уже в двенадцати милях от села. Кит, а с ним железных дел мастер Тандрив Ковалыцица поехали встречать обоз и застали его спускающимся по южному пологому склону холма возле деревни Оуд. Крепко сбитые телеги были приземисты, кладь укрыта парусиной, а толстоногие волы в упряжках взирали на мир с безмерным спокойствием. Обоз двигался медленно, возчики шли рядом с телегами и распевали нечто непривычное для ушей горожанина.

– Воловьи песни, – пояснила Тандрив. – Я тоже такие в детстве пела, когда у тетки на ферме жила. «Вспомни сны ночей тогдашних, ложе из травы остывшей, на лугах коров бродящих и былую силу в яйцах…»

Тандрив хихикнула.

Когда он остановил коня, приблизилась одна из погонщиц.

– Здрасьте, – буркнула погонщица и сопроводила приветствие кивком.

Кит слез с коня и спросил:

– Это и есть наши цепи?

– Ты с моста?

– Кит Мейнем из Атиара.

Женщина снова кивнула.

– Бералит Рыжий Бык из Ильвера. Кузнецы твои на задке последней телеги сидят.

Если и сидели, то не все – жилистый мужичок с опаленными бровями спешил навстречу. Он представился как Джаред Калильщик из Малого Хойка. Ведя разговор и шагая рядом с обозом, он откинул покров, и Кит увидел груз: чугунные звенья, десятифутовые стержни с петлями на концах. Оглядев их,

Тандрив вступила в беседу с Джаредом. Кит вел в поводу обоих коней; ему были по душе такие вот увлеченные разговоры мастеров. Он даже чуть поотстал, поравнявшись с гужевой скотиной.

«Вспомни сны ночей тогдашних… – мысленно повторил он. – А что снится Розали, хотелось бы знать».

После той ночной переправы у Розали, похоже, не бывало «плохих дней».

Стоило объявиться пассажирам, и уже на следующее утро она перегоняла паром, невзирая ни на погоду, ни на капризы тумана. По этому поводу малость поворчали владельцы трактиров и постоялых дворов, ведь их доходы напрямую зависели от длительности пребывания гостей, но вскоре самих этих гостей заметно прибыло в числе – из Атиара потянулись мужчины и женщины с очень серьезными глазами: посланцы столичных фирм открывали филиалы в зареченских городах. К тому же перемена в повадках Розали пошла на пользу строительству: Кит и его люди теперь перебирались с берега на берег по первому требованию. Правда, главный архитектор такой возможностью пользовался неохотно – никак не мог забыть путешествие на волосок от смерти.

В общем, для двух паромщиков работы было предостаточно, и Вало регулярно вызывался помочь, но согласие получал редко – лишь в тех случаях, когда Розали не могла управиться сама.

– В нынешнюю пору крупняк, по всему видно, мною не интересуется, – объясняла она. – Но как знать, вдруг он не прочь отведать мясца понежнее.

С Китом женщина была куда откровеннее:

– Если и впрямь нужно, чтобы Вало учился в столице, то чем раньше он расстанется с переправой, тем лучше. Тумана надо опасаться вплоть до той минуты, когда паром в последний раз причалит к берегу. Да и после, когда ты свой мост построишь…

Туман был добр к Розали, но на других его снисходительность не распространялась. Как и в любой другой год, не очень везло рыбакам. Лишился лодки Денис Красный Челн, ее протаранил «крупняк-середняк» – так со смехом описывал в трактире обитателя тумана злополучный рыболов. Сыпь у него на коже вскоре прошла, и волосы снова отросли, но лишь разрозненными пучками.

Во дворе «Оленьего сердца» за кружкой пива сидел Кит и смотрел, как Розали с Вало мастерят ялик. Юноша громко приветствовал архитектора, когда тот появился в пивной, а

женщина повернула голову и послала улыбку, но уже в следующую минуту оба как будто забыли о нем. Правда, здоровались другие сельчане, а владелец трактира даже задержался рядом, чтобы пожаловаться на жуткие боли в спине, но почти все время Кит провел в одиночестве, потягивая охлажденный в погребе портер и глядя, как обретает форму малый челн.

В середине четвертого лета ему редко доводилось потратить на отдых столь славный денек. С анкерами управились несколько месяцев назад, подвели щебенчатые пандусы к арочным проемам в пилонах. Но сами пилоны еще не готовы, на них надо поднять гранитные седловидные опоры, через которые будут перекинуты цепи.

Уже прибыли монтажники, мужчины и женщины, которым предстояло выполнять рискованную задачу. Это были мастера, набравшиеся опыта на пролетах и башнях других атиарских мостов.

Однако пока никто не может перебраться с берега на берег без помощи Розали.

А она сейчас занимается другим делом, и Кит, сидя в сторонке, любуется, как горит работа в ее руках.

На лодочном дворе трудились не только Вало и Розали. В Убмае, что в ста милях к югу, получила весточку Челл Перевозчица, и несколько дней назад она вместе с племянником Лэном поселилась в «Оленьем сердце». Как и Паромщики, приезжие были хороши собой, с мускулистыми плечами, но их лица хранили особенное выражение, некую загадочную отстраненность. Возле Убмая река была пошире и поглубже, чем здесь, поэтому, наверное, они еще чаще встречались со смертью.

«Вот интересно, – думалось Киту, – какое у них мнение о моей работе? Ведь она скажется на паромных перевозках на сотни миль в обе стороны, да к тому же в Убмае тоже может начаться строительство моста, больно уж подходящим выглядит этот участок. Но будь они категорически против, разве приехали бы сюда?»

Паромщики теперь находились в центре событий. В ближайшее время им предстояло тянуть через реку тросы, от пилона к пилону. Чтобы собрать цепи, нужны временные канаты и подвесные рабочие платформы. Но со всем этим придется ждать, пока Розали, Вало и Перевозчики не почувствуют все разом: вот он – момент, когда можно плыть.

Кит справлялся с нетерпением, у него хватало дел. Пополнять списки заказов, посылать формальные отчеты начальству и

вежливые извещения заинтересованным лицам в Атиаре и Трипле, передавать наставления канатчикам, каменщикам, дорожникам и счетоводам. А тут еще Дженнер… Кит отправил письмо в столицу, и дорожное ведомство согласилось доверить молодому архитектору строительство второго моста через реку, в нескольких сотнях миль к северу.

Передать приказ о назначении Кит намеревался, как только окажется на другом берегу, он был рад, что Дженнер останется при нем, пока не будет протянута первая цепь.

Но сейчас он выбросил все это из головы. «Потерпите, – чуть виновато обратился он к своим делам. – Обещаю, я со всеми вами разберусь. Дайте мне спокойно посидеть на солнышке и посмотреть, как работают другие».

Розали и Вало заканчивали работу уже в лучах заката, падавших сквозь дубовую листву. Ялик был готов, персиковый вечерний свет ложился на свежеструганную древесину, подчеркивал элегантность обводов. Вало припустил со двора лодочной мастерской бегом, и Кит восхитился: ах, молодость, сколько в тебе энергии, за целый день не растратить. А Розали подошла к забору.

– Красиво, – сказал Кит.

Она покрутила головой, разминая шейные мышцы.

– Верно, лодки у нас неплохо получаются. Есть хочешь? Гляжу, ты в делах день-деньской, нагулял небось аппетит.

Пришлось рассмеяться.

– Мы закончили пилон… нынче положили замковый камень. Да, подкрепиться я бы не прочь.

– Ну, так пойдем, Талла нас накормит.

Ужин был немудрящим, «Оленье сердце» славилось больше пивом, чем кухней.

Впрочем, жаркое Талла сдабривал чабером и кервелем, и оно получалось густым, аж ложка торчком. Вало решил скоротать вечер с друзьями, так что ужин проходил в обществе Челл и Лэна, беззаботностью не уступавших Паромщице. Когда стемнело, Перевозчики отправились знакомиться с другимн веселыми местами Левобережного, а Кит с Розали остались любоваться западными зарницами.

Воздух был плотным, теплым и мягким, как шерстяная одежда.

– А ведь ты ни разу не заглядывала на стройплощадку, – нарушил Кит уютную, даже слегка пьянящую тишину. – Ни на этом берегу, ни на том.

Говоря, он рассматривал свою глиняную кружку. В ней не осталось ни капли пива, только запах дрожжей.

Розали, которая нынче предпочла сидеть не на скамейке, а прямо на садовом столе, подалась назад, легла на спину, лицом к небу.

– Между прочим, я занята была, не заметил?

– Причина не только в этом. Все остальные ведь нашли время. А от тебя только отговорки слышишь. Неужто совсем неинтересно?

Она рассмеялась.

– Вообще-то интересно, ведь с открытием моста все пойдет по-другому, но я пока не знаю, как это скажется на моей жизни. Поэтому и не заглядываю – смысла не вижу. Придет время, и загляну. Это как с туманом, пожалуй.

– А давай ты заглянешь сегодня.

Она повернула голову, коснулась щекой грубой поверхности деревянного стола.

Кит понял, что Розали смотрит на него, хотя ее глаза и не разглядеть в сумраке.

«И что же ты видишь? – задал архитектор безмолвный вопрос. – Что надеешься высмотреть?»

Такое внимание нравилось ему, но вместе с тем тревожило.

– Давай заберемся на башню, – предложил он. – Вот прямо сейчас и пойдем. Скоро все изменится. Мы протянем через реку канаты, соберем цепи, привяжем к ним подвески, настелем полотно. И будет уже не проект, а мост, дорога. Но пока это всего лишь две башни и кипа чертежей. Розали, поднимемся, прошу! У меня даже слов нет, чтобы описать, как там здорово. Ветер… вокруг тебя все небо… река внизу…

Он покраснел, осознав пыл в своем голосе. Не услышав отклика, добавил:

– Будешь ты ждать или нет, все равно ведь изменишься.

– Там молния, – сказала Розали.

– От облака к облаку бегает, – возразил он. – Земли не касается. Это не опасно.

Она резко села.

– Хорошо, идем.

Вокруг пилона не было ни души. Затянутое тучами небо озарялось молниями, они мешали видеть дорогу. Кит и Розали то и дело оступались, но упрямство не позволило повернуть восвояси.

В потемках Розали вдруг выругалась, затем пояснила:

– Споткнулась…

Кит рассмеялся, совершенно без причины.

У северной стены все еще стояли леса, но решили взбираться

по внутренней лестнице. Ее Кит изучил досконально, знал каждый поворот, каждую неровность.

Он успел отсчитать вслух сто девяносто четыре ступени, прежде чем в проеме наверху полыхнула молния, и еще двадцать четыре, до того как ночные гуляки выбрались на крышу.

Там уже кто-то был. Раздался женский визг, а в следующий миг обнаженная парочка подхватила одежду, одеяла и фонарь и с хохотом умчалась по лестнице.

– Сира Дубовая Роща, – весело сообщила Розали. – Ас ней Эрно Мостовик.

– Мостовик? – удивился Кит. – Откуда такая фамилия?

Но Розали лишь ойкнула по-детски. Беззвучная молния раскрасила небо в багрянец и белизну – одни слои облаков осветились, другие остались темны.

– Так близко…

Кит с удовольствием наблюдал за спутницей. Молнии не давали теней; в их свете лицо Розали выглядело юным и восторженным.

Спустя некоторое время женщина приблизилась к нему.

Они не произнесли больше ни слова, лишь поцеловались, а потом занялись любовью на ложе из своей же сброшенной одежды. Кит то коленями, то спиной чувствовал твердь камня, который, накопив дневное тепло, грел теперь не слабее, чем человеческое тело. А Розали была мягче камня. И сладка на вкус.

Кит не взялся бы описать чувства, переполнявшие его в тот момент. И это слабо сказано: от них, чудилось ему, вот-вот лопнут грудь, горло, живот. Он уже так давно не был с женщиной – почти и забыл, каково это, этот резкий выброс твоей кипящей энергии, этот качающийся океан наслаждения. Радовала даже обоюдная неловкость, ведь она означала, что можно будет проделывать это вновь и вновь, все лучше и лучше.

А потом они разговаривали.

– Ты знаешь, какая у меня цель… Построить мост. – Кит смотрел женщине в лицо, оно появлялось в свете молний и исчезало. – А к чему стремишься ты, я не знаю.

Розали тихо рассмеялась.

– Но ты же видел стократ, как я достигала своей цели, и лишь несколько раз мне это не удалось. Я хочу просто жить. День за днем.

– Это не цель, – возразил Кит.

– Почему же? Потому что она не такая, как твоя? Что лучше: одна великая победа или сто малых?

И воцарилось молчание.

– Завтра, – пообещала Розали. – Трос на ту сторону мы

протянем завтра.

– Ты уверена? – спросил Кит.

– Странно от тебя такое слышать. Разве мост не важнее всего? Как солнце должно всходить каждый день, так и он должен быть построен во что бы то ни стало. Мы сегодня решили: пора.

Рассвет наступил рано, и владелец гостиницы, как было условлено, постучал в дверь. Когда Кит и Розали спустились с башни и разошлись, от ночи оставалось всего ничего. На теле Кита все еще держался запах женщины, но он, туго соображая от недосыпа, не был уверен поначалу, что любовные утехи ему не приснились. Однако затем приметил налипшую на кожу каменную пыль и улыбнулся. И хотя стояла середина лета, он, второпях умываясь и одеваясь, пел весеннюю атиарскую песню.

В пивном зале Кит похлебал остывшей пряной ушицы (из плошки на него с укором смотрел соленый глаз). Оставив несъеденной рыбку – не туманную, простую, – архитектор ушел из гостиницы.

Стояло раннее утро, небо избавилось от туч и молний, успело побледнеть и даже разогреться. За ночь новость разбрелась по селу, и теперь, казалось, все его население идет той же дорогой, что и Кит. Толпа перетекала через насыпь и спускалась к строительной площадке.

Он взобрался на вал и словно впервые в жизни увидел слепящую кремовую ленту реки. Почудилось даже, будто его перенесло назад во времени. Туман стоял высоко, это считалось здесь добрым знаком. Кит обрадовался, хоть и не верил в предзнаменования. На той стороне тоже толпа, правда, отдельных людей не разглядеть, виден лишь муравьиный поток. Неподвижные, свисали флаги сигнальных башен на фоне горячего голубоватого неба.

Архитектор спустился к парому Розали, едва видимому в плотном кольце зрителей.

– Здорово, Кит, – крикнул ему Вало.

Розали подняла голову, ее улыбка была как желанная тень под припекающим солнцем. Кольцо разорвалось, пропуская Кита.

– Приветствую вас, Вало Паромщик из Левобережного, Розали Паромщица из Правобережного, – торжественно произнес он.

А когда приблизился к Розали, взял ее за руки и, невзирая на крепнущую жару, с наслаждением ощутил их тепло.

– Кит! – Паромщица поцеловала его под уханье и смешки зрителей, под удивленные возгласы Вало.

У ее губ был вкус цикория.

Киту рассеянно кивнула Дэлл Тростильщица, первая среди

канатчиков. Вместе с мужем Стивваном, с привлеченными мастерами и подмастерьями она проверяла сотни фатомов плетеного троса из рыбьей кожи, наматывала их, не допуская перехлестов, на катушки трехфутовой ширины, которые затем помещались в закрепленную на «Спокойной переправе» деревянную раму. Трос был тоньше Китова мизинца. Даже оторопь брала: неужели такой шнурок, растянутый на четверть мили, выдержит хотя бы собственную тяжесть? Но все проверки дали отличный результат.

Несколько мостостроителей, крепких мужчин, подавали стоящим на носу парома Вало и Челл Перевозчице небольшие увесистые ящики. В них были ртуть из Хедеклина и медные слитки – требовалось утяжелить паром спереди. Вначале это затруднит переправу, зато поможет в конце, когда наберет вес разматываемый трос.

«Надеюсь, получится, – сказал два месяца назад Вало, обсуждая протяжку с Розали и Китом. – Но наверняка не знаю. Ведь никто прежде этого не делал».

Кит тогда кивнул, в который раз подумав: «Эх, была бы река чуть поуже».

Конец троса змеился по земле. В толпе он как будто узкую улочку для себя проторил – никто не смел к нему притронуться.

Дэлл и Стивван Тростильщики поднялись вдоль троса на насыпь, чтобы проверить, цел ли он, надежно ли принайтован к временному анкеру под левобережным пилоном.

Возникла пауза. Зрители частью расселись на траве, частью потянулись по склону за Тростильщиками. Кое-кто прихватил из рыбацкой таверны миску холодной ухи или кружку пива. Вало, Розали и двое их родственников держались особняком. Сосредоточенные, они ждали своего срока.

А что же Кит? На вид само спокойствие и уверенность, он прохаживался среди зрителей, с каждым обменивался добрым словом или улыбкой. Всех, даже детей, он теперь знал по именам.

Вернулись Дэлл и Стивван. Паромщики заняли свои места – по двое у каждого борта, чтобы не мешать друг другу. Киту досталась роль балласта, прок от него будет лишь на другом берегу. Поэтому он сел на носу «Спокойной переправы», дополнительно утяжелив его. Дэлл кое-как вскарабкалась на корму – ей предстояло наблюдать за тросом. Она призналась, что нервничает, поскольку еще ни разу не переправлялась через туман.

– Пожалуй, обожду с возвращением, пока люльку не подвесят. – добавила она. – До тех пор Стиввану придется ночевать без меня.

– Кит, ты готов? – крикнула Розали.

– Да, – отозвался он.

– Дэлл? Дэн? Челл? Вало?

Все ответили утвердительно.

– Исторический момент! – заявил Вало. – Сегодня быть мосту через туман!

– За работу, парень, – сказала ему Паромщица. – Кормовое весло – твое.

– Готов, – согласился Вало.

– Толкайте, – велела Розали людям на пристани.

И паром отчалил под веселый гомон зрителей.

Почти мгновенно пристань скрылась из виду, и шум затих. Верно сказали Паромщики, денек для такого предприятия выдался самый подходящий. По поверхности тумана гуляли ровные, не выше человека, волны, а сам он был достаточно плотен: «Спокойная переправа», предельно нагруженная, держалась достаточно высоко. Никогда еще Кит не видел реку такой спокойной.

Солнце светило до того ярко, что болели глаза.

– Все должно получиться, – сказал он, подразумевая и протяжку каната, и это путешествие через туман, и само строительство моста.

Вот же не справился с собой, и вышло не утверждение, а вопрос. Причем вопрос детский. Ведь проверено все и перепроверено – им самим, и Дэлл со Стивваном, и расчетчицей в Атиаре. Но это же туман, здесь ты оторван от всего мира, в чем угодно усомнишься поневоле, даже в собственном мастерстве.

– Да, – ответила с кормы Дэлл Тростильщица.

Гребцы все больше помалкивали. Спустя некоторое время сквозь мертвый штиль донеслась тихая команда Розали:

– Правее.

Вало и Лэн Перевозчик резвее заработали веслами – по курсу возник покатый бугор высотой несколько футов. Почти все прочие выпуклости «Спокойная переправа» не огибала, шла прямо по ним. В этот раз Кит не видел в тумане темных силуэтов, ни больших, ни малых.

Помочь он ничем не мог, оставалось лишь смотреть, как под жестоким солнцем Розали орудует веслом. Канат разматывался, и все больше сил тратили гребцы, и все громче звучали их вдохи-выдохи. Покрытая потом кожа Паромщицы блестела едва ли слабее, чем поверхность тумана. И как только Розали удается не сгорать на лютом солнцепеке?

Выражение ее лица было серьезным, взор устремлен на

восток. Пристани там не видать, но насыпь сплошь покрыта жителями Правобережного; едва паром достигнет берега, они дружно примутся за дело. В глазах женщины играло отраженное туманом солнце.

А потом Кит сообразил, отчего у нее такое лицо, такие блики в глазах.

Это не тревожный блеск и не отраженное солнце. Это радость.

«Как же она будет жить, – внезапно подумал Кит, – когда отпадет надобность в перевозках?»

Свое дело Розали любит, он понимал это и раньше, но не сознавал, насколько сильна эта любовь. От такой мысли Кит съежился, будто получил сильный удар под дых. Что для Паромщицы его мост? Губитель всего, что составляет смысл жизни; даже ее фамилия потеряет смысл.

– Розали… – произнес Кит, не в силах сдержаться.

– Не сейчас, – отрезала она.

Гребцы пыхтели, ворочая веслами.

– Как будто… по грязи тащимся, – прохрипел Вало.

– Замолкни! – рявкнула Розали, и все притихли; слышались только трудные вздохи.

У Кита тоже сводило мышцы – от сочувствия, что ли? Но паром фут за футом продвигался вперед. Вот расстояние до пристани сократилось настолько, что кто-то решил бросить веревку, и Кит получил возможность сделать нечто полезное, хоть и не соответствующее статусу главного мостостроителя: он ухватил конец и выбрал слабину. Гребцы напоследок, не жалея сил, поработали веслами, лодка скользнула вдоль пристани и стала. На борт посыпались люди: кто-то швартовал паром к причалу, кто-то тянул трос на берег, к временному анкеру.

Сделавшие свое дело Паромщики и Перевозчики обнимались и хохотали как безумные. А потом они, не оглядывались, двинулись в город.

Кит сошел с парома. Ему нужно было встретиться с Дженнером Элларом.

Трудились до седьмого пота. Надо было протянуть конец троса через уложенный на верху насыпи седловидный камень и дальше, к основанию пилона, где были установлены временный анкер и вертикальный ворот. Специально для этого Дженнер распорядился прокопать выемку в склоне, и теперь по ней взбиралась упряжка волов – дело рискованное, но необходимое.

Другие волы были пристегнуты к кабестану. Дэлл Тростильщица на берег высадилась бледная и дрожащая, однако,

получив стакан чего-то темного и прохладного, обрела способность держаться на ногах. Вместе с группой мастеров она прошлась вдоль троса и не обнаружила никаких изъянов. Дженнер остался у кабестана, а Кит возвратился на насыпь, к «седлу», отшлифованному до стеклянного блеска и щедро покрытому смазкой.

Внизу, возле пристани, отвязали от анкера протянутый с другого берега трос.

Перекинутый через «седло», он зашуршал, принимая нагрузку и распрямляясь, затем с гулким звоном вытянулся и образовал сплошную прямую линию, которая начиналась на насыпи и исчезала в тумане.

У кабестана двинулись по кругу волы.

Столь напряженных часов, как эти, у Кита еще не бывало. Некоторое время не происходило никаких видимых перемен. Стонал и щелкал ворот, трос дюйм за дюймом, фут за футом скользил по выемке в камне. На этот процесс архитектор никак не мог повлиять, оставалось только наблюдать и заново проделывать в уме вычисления. Розали он не видел, но спустя некоторое время явился Вало – узнать, как продвигается работа.

Отвечать на вопросы юноши было приятно; это занятие успокаивало. Все расчеты верны, да и не в диковинку ему протяжка каната. Обнаружив вдруг, что проголодался, Кит в один присест уплел принесенную Вало еду. Когда он подкреплялся ухой в «Рыбе»? Несколько часов назад… без малого полсуток.

Выбившихся из сил волов заменили на свежих. Несмотря на смазку и кожаные рукава, трос через «седло» переползал неохотно, и все же дело двигалось. А потом натяжение пошло на убыль, трос заскользил по выемке быстрее. И наконец, уже на склоне дня, он легко поднялся над туманом на шестьдесят футов, натянулся до стона между лежащими на обеих насыпях временными опорами.

Совсем незадолго до наступления темноты Кит увидел, как на сигнальной башне взмыли флаги: «Порядок!»

Отучившись в университете, Кит на протяжении пяти лет чертил и строил, участвовал в чужих проектах и разрабатывал свои. У отца хватало связей в высших инстанциях дорожного ведомства, с другими крупными чинами водила дружбу старая преподавательница Скосса Тимт, так что объекты Киту доставались по большей части серьезные. Но ему были дороги все до единого, даже самый первый – ворота для сбора пошлины, где погиб тот паренек по имени Дуар.

Вся эта деятельность на пользу обществу – строительство

дренажных систем, дорог, амфитеатров, общественных парков, канализаций, проспектов, конюшен – была для него сродни алхимии. Разве это не волшебство, когда эскизы, творимые человеком в воображении, превращаются в нечто реальное из камня и кирпича, из дерева и пространства? Вот и Кит мысленно возводил архитектурные сооружения, опираясь на свои замыслы и на представления империи о том, как надлежит улучшать жизнь ее подданных.

Наконец ему доверили построить объект большой важности – новый мост на севере Атиара, в горном краю под названием Четыре Пика. Прежний мост, тоже цепной, – всего-то сто ярдов в длину и с сорокафутовыми пилонами – регулярно подновляли, и он прослужил верой и правдой три века, дрожа и скрипя под тяжестью таратаек с ртутной рудой; их денно и нощно катили в Онкалион, деревню перегонщиков ртути.

Старый трудяга простоял бы и дольше, если бы не сильные снегопады зимой, впоследствии прозванной Волчьей. Под тяжестью снега обвалился склон ущелья, прихватив с собой северный пилон. Проще оказалось соорудить новый мост на двести ярдов выше по течению, чем восстанавливать старый.

Сердечностью и радушием обитатели Онкалиона не славились. Да и не располагала их к тому каторжная жизнь. Угрюмые мужчины, суровые женщины.

Однако строить мост они взялись не то что с охотой – с отчаянным мрачным рвением. И неудивительно, ведь от доступа к руднику зависело существование деревни. Вечерами приходилось их разгонять по домам, иначе бы, презрев опасность, трудились при свете лун.

Киту, даже при его не слишком общительном характере, было среди этих людей очень одиноко. Поэтому в первую зиму, когда строительство встало из-за снегопадов, он не без облегчения поехал в Атиар к отцу. Дэйвелл Мейнем к тому времени сильно состарился, его феноменальная память ослабла, но он не изменил любимой профессии и строил великолепный лабиринт в общественном парке; камни для этого сооружения свозились со всей империи и укладывались всухую.

«Это мой последний проект», – сказал он Киту, и пророчество сбылось.

Скосса Тимт не пережила Волчьей зимы, зато в столице нашлось множество однокашников, и Кит охотно проводил с ними вечера, а еще посещал лекции и концерты. Даже закрутил мимолетный роман с архитекторшей, которая занималась водными сооружениями.

Едва расчистились дороги, Кит вернулся в Онкалион. Пока он

наслаждался столичной жизнью, жители деревни в трескучие морозы и слякотные оттепели приходили на участок и ряд за рядом укладывали камни.

Во второе лето строительство велось ежедневно и даже в ясные ночи, и архитектор работал наравне со всеми. Из бюджета он выбился самую малость и со сроком завершения запоздал лишь на пару месяцев, да к тому же никто не погиб. Тем не менее Кит считал этот мост своей неудачей. Очень уж неказистым он получился. Жители Онкалиона трудились геройски, но без творческого огонька.

«Никуда не годится, надо переделать, – внушал себе Кит. – И виноват только я».

Видимо, в письмах, которые он посылал отцу, сквозило отчаяние. Поэтому ранней осенью в Онкалионе появился Дэйвелл Мейнем верхом на крепкой горной лошадке, в сопровождении подмастерья, тотчас скрывшегося в одном из трех деревенских кабаков. День был в самом разгаре.

– Хочу взглянуть на твой мост, – сказал Дэйвелл сыну. Он казался усталым, но спину, как всегда, держал прямо. – Давай показывай.

– Лучше завтра, – возразил Кит. – Тебе бы отдохнуть.

– Сейчас! – отрезал Дэйвелл.

День был студеным и ясным, дорога, по которой они шли от деревни, тонула в тенях сосен и елей. Тут и там проглядывали базальтовые обнажения в зеленых и черных пятнах лишайника. Отец шагал медленно, часто останавливался перевести дух. Вот и ущелье, через него помаленьку тянутся местные жители. Дорожное полотно еще не доделано, но тем не менее по мосту пробираются кони, навьюченные тяжелыми корзинами с рудой.

Возле моста Кит услышал от отца те же вопросы, что и в детстве, когда играл на стройплощадках. И сын отвечал точно так же, как и много лет назад; ему не терпелось объяснить каждое свое решение. А может, не просто объяснить, но оправдаться. Тем временем мимо все шли и шли люди и лошади.

Затем Дэйвелл и Кит направились к руинам. Старый пилон был разобран, камни пошли в дело; осталась лишь груда щебня. Но с этого места открывался отменный вид на новый мост: с коробами башен, широкими дугами несущих цепей, толстыми отвесными цепями-подвесками, пружинящей аркой дорожного полотна. Самый неказистый из висячих мостов.

– Хороший мост, – буркнул наконец Дэйвелл.

Кит даже головой замотал от изумления. Его отец, разве что в присутствии мальчика стеснявшийся отпустить крепкое словцо на стройках, сухо проговорил:

– Мост – это прежде всего средство достижения цели. Важно лишь то, как он служит. С его помощью мы можем *отсюда* перебраться *туда.* Если все сделано правильно, на твою работу никто не обратит внимания… вот скажи, самого тебя заботит, откуда берется ртуть? Кит, твой мост хорош, потому что им уже пользуются. Довольно себя корить.

Вечером на правом берегу был устроен большой праздник. И местные жители, и кое-кто из зареченских пили и плясали в тени недостроенного моста. Свет костров и факелов падал на основание пилона, на анкеры, добавляя им весомости, значимости. А выше, там, куда не доставал свет, башня казалась лишь черным силуэтом, беззвездным куском неба. Правда, на самом верху тоже горела цепочка факелов, но они казались просто золотыми теплыми звездочками среди холодных небесных.

Меж веселящихся людей прохаживался Кит. Каждый улыбался ему и предлагал выпить вместе, но надолго никто не задерживал. Такое чувство, будто протянутый нынче канат отгородил архитектора от всех. Ничего похожего не было, пока росли громады башен. Прежде для местных Кит был своим, в известной степени, конечно. А теперь как отрезало. Теперь он человек, который построил мост через туман. Впервые архитектор так остро ощутил свое одиночество в этом краю. А ведь даже смерть Лорех Дубильгцицы не сделала его в глазах жителей чужаком.

И такое случалось на любой стройке. Рано или поздно наступал день вроде нынешнего.

«Наверное, дело во мне, это от меня самого исходит отчуждение», – понял вдруг Кит. Он прибывает на участок и что-нибудь строит, когда на месяцы, а когда и на годы вторгаясь в чужую жизнь. Но вот объект готов, и надо собирать вещи.

Архитектор скоро уедет, привнеся перемены в людские судьбы – нежданные и непредсказуемые. Дорога через опасные земли, мост над туманом спасут немало жизней и самым благотворным образом скажутся на торговле, но с их появлением мир станет иным.

Да, такая у него работа: выполнил задачу – берись за новую на новом месте. Но он сам предпочел кочевую жизнь, не желая где бы то ни было пускать корни и любоваться плодами своих трудов. Какими станут Левобережное и Правобережное через десять, пятьдесят лет? Возможно, он никогда не узнает, потому что вряд ли вернется сюда.

На этот раз ему труднее… а может, просто все по-другому. Вероятно, он сам стал другим. Позволил себе сродниться с этим

краем, с местечками по обоим концам моста. Обрел сверх того, что привык обретать… а значит, и терять придется больше.

Розали… Как ей теперь жить? Вон отплясывает Вало, обнимая за талию женщину вдвое ниже себя, Рику Мостовицу. Кит поймал его за свободную руку.

– Где Розали? – прокричал он.

А когда понял, что его все равно не услышать в грохоте барабанов и реве труб, изобразил губами: «Розали». Ответа не разобрал, но посмотрел, куда указывал парень. Паромщица сидела на обращенном к реке склоне насыпи и смотрела в небо. Там не было лун, поэтому казалось, до Небесного Тумана рукой подать – до этой звездной реки, текущей, как и река земная под ней, с севера на юг.

Кит опустился на колени в нескольких футах от женщины.

– Розали Паромщица из Правобережного.

В темноте блеснули ее зубы.

– Кит Мейнем из Атиара.

Он вытянулся рядом. Трава, жесткая как солома, колола шею и спину. Женщина не глядя подала кувшин с чем-то ядреным, точно деготь. Кит аж поперхнулся.

– Я не хотел… – начал он и сразу замялся.

– Ага, – отозвалась Паромщица, и Кит понял, что она услышала недосказанное им, а это «ага» равнозначно пожатию плечами. – Знаешь, в семействе Паромщиков хватает и таких, кто ни разу не переправлялся через туман.

– Но ты… – Он помедлил, осторожно подбирая слова. – Ты переправлялась сотню раз. И думается, тебе это на роду написано.

– Как и тебе на роду написано строить, – тихо произнесла она. – Хорошо, что понял. Ты умный.

– Но теперь это уже не понадобится. Я про паромную переправу. Рыбья кожа нам пригодится, так что рыбаки не останутся без работы, но они…

– Будут удить у самого бережка, – договорила Розали.

– А ты? – спросил он.

– Не знаю, Кит. Поживем – увидим. Может, поплыву через туман, а может, и нет. Успею ли состариться – что за прок гадать?

– Так тебя это не огорчает?

– Огорчает, конечно. Я и радуюсь, что ты построишь мост, и вместе с тем ненавижу его. Как же я буду тосковать по прошлому, по переправам!.. Но кому охота принадлежать к семье, в которой все умирают молодыми, да вдобавок нельзя усопшего проводить по-людски, предав его тело огню. Если у меня будет ребенок, ему не придется делать тот же выбор, что и мне: или плавать через туман и погибнуть, или благополучно жить на одной половине

мира без надежды увидеть другую. Да, кое-что мое дитя потеряет. Но кое-что и приобретет.

После долгого молчания он спросил, боясь любого ее ответа:

– Ты меня ненавидишь?

– Тебя? Ну что ты. – Розали повернулась к нему и поцеловала в губы.

И Кит не знал, чьи соленые слезы он почувствовал на губах – ее или свои.

Потом надо было собирать над рекой цепи, и на это ушла вся осень.

Через несколько дней после успешной протяжки снова пристегнули к кабестану волов; теперь над рекой повисли два параллельных троса. Тонкая эта процедура требовала бесперебойной связи посредством сигнальных башен, но прошла без сучка и задоринки, после чего Киту удалось как следует выспаться. Если бы трос лопнул, пришлось бы все делать заново.

В последующие дни оба троса заменили канатами из рыбьей кожи, достаточно прочными, чтобы временно удерживать вес цепей. Концы канатов закрепили на оголовках башен, и теперь предстояло собрать первую цепь из восьми. От тяжелого болта, надежно укрытого в анкере, через седловидную опору на верхушке пилона и дальше, по идеально выписанной длиннейшей дуге в двухстах футах над туманом.

К обоим канатам подвесили люльки: вот теперь наконец-то можно переправляться через туман и без лодок. Хотя никто не поспешил прибегнуть к такому способу, кроме сотни верхолазов, как местных, так и столичных. Эти мужчины и женщины были так сильны и ладно скроены, что казались существами иной, высшей породы, нежели люди. Их начальницу Кит знал по прежним стройкам, ее звали Фейлин, а фамилий высотники не носили. У этой женщины было какое-то сходство с Розали.

Дни укорачивались, портилась погода, и Кит удвоил усилия, чтобы смонтировать первые две цепи до зимних дождей: вязнущие в грязи волы не помощники в тяжелой работе. Вопреки расчетам он не был уверен в том, что тросы, даже изготовленные из рыбьей кожи, выдержат вес огромных дуг на протяжении всего холодного сезона. К тому же в реке водится крупняк – а ну как в зимнюю бурю ему придет охота поразмяться и попрыгать в высоту?

Требовалось немало рук. чтобы соединять десятифутовые звенья цепи большущими, в локоть, болтами. И громоздкости только прибавлялось по мере срастания звеньев. С помощью лебедок цепи уже добрались до седловидных опор, после чего

труд высотников сделался и вовсе адским: Фейлин и ее люди грузили звенья и болты в люльки и наращивали цепь уже на весу, выбиваясь из сил и рискуя жизнью. А ведь надо было работать синхронно с товарищами на другом берегу, чтобы не подвергать перегрузкам канат.

Главному архитектору нередко приходилось задерживаться на стройке допоздна, а ночи становились все темнее. Когда хватало лунного света, высотники и прочие мостовики трудились посменно. Строительство велось круглые сутки.

В ту осень он пересек туман шесть раз. Высотники очень не любили подпускать к своим люлькам посторонних, но ведь Кит был главным архитектором, руководителем стройки, поэтому разок воспользовался этим способом переправы, хоть и пришлось побороться с боязнью высоты.

Но предпочтение он отдавал парому.

Однажды Кит плыл вместе с Вало. Парень решил не уезжать, пока не будет закончено строительство и не отпадет нужда в паромах, но на уме у него теперь была только столица. Когда же Кита перевозила Розали, оба молчали, внимая шелесту кормового весла в плотной пене. С каждым днем убывал страх перед туманом, но по какой причине – этого архитектор не говорил даже самому себе. А причиной было близкое завершение стройки. Если в темное время суток присутствие Кита на объекте не требовалось, а Розали была на этом же берегу, они проводили ночь вместе – могли заниматься любовью, или выпивать, или сшибать кегли в пивном дворике «Оленьего сердца».

Кстати, Кит показал отменные способности в этой игре, чем удивил всех, даже самого себя. Больше они ни разу не говорили о том, чем Розали будет заниматься в дальнейшем. Да и о своих видах на будущее Кит речи не заводил.

Напряженный труд зодчих принес плоды. Когда высотники вгоняли в проушину последний болт, было еще довольно тепло, и чугун не морозил руки. И вот первая цепь готова. Хотя зима сильно затормозила темпы строительства, до весны над рекой протянулись вторая и третья цепи, а остальные встали на свои места к концу лета.

После того как самые сложные работы были выполнены, многие труженики разошлись или разъехались по домам. Больше половины участников строительства взяли себе фамилию Мостовик или похожую.

– Мы изменили мир, – сказал Кит Дженнеру, невесть в который раз перебравшись на левый берег.

– Нет, – возразил помощник, уже собравший вещи, чтобы

отправиться на новое место. – Это ты изменил мир.

Кит промолчал, но слова Дженнера принял близко к сердцу. И потом иногда вспоминал их со смесью гордости и тревоги.

С ним остались высотники, эти смельчаки, которым нипочем карабкаться по несущим цепям и крепить на них подвески. Вот уже два года канатчики, жившие на двести миль выше и ниже по течению реки, плели канаты из рыбьей кожи, предназначенные для поддержки дорожного полотна. Каждому канату было отведено свое место в конструкции, о чем свидетельствовали знаки на канатных ящиках. Аккуратно сложенные штабелями, они ждали своего часа на кишевшем некогда овцами лугу.

Киту осталась бумажная работа – в столицу потоком шли отчеты и обоснования платежей. Но каждый день он выкраивал часок, чтобы посмотреть на четкие, слаженные действия верхолазов. Бывало, заберется на самый верх пилона, глядит на реку, а там нет-нет да промелькнет знакомый изящный силуэт парома в дымчато-серых или блестяще-белых щупальцах марева.

Погиб еще один рабочий, Томмер Волопас. Спьяну поспорил, что залезет в люльку, и сорвался с диким воплем, превратившимся в маниакальный хохот, когда бедняга тонул в тумане. Убитая горем и гневом жена порыдала, земляки ходили несколько дней в платье цвета пепла; между тем мост продолжал строиться. В «Рыжей гончей» у себя в комнате плакал Кит, Розали обнимала его и утешала: «Томмер был хорошим человеком. Хоть и пьяница, а заботился о жене и сыновьях и со скотиной умел обращаться. Люди всегда умирали и будут умирать, и твой мост тут совершенно ни при чем».

А села менялись прямо на глазах. Отовсюду съезжались торговые гости: кто комнату в трактире снимет, кто угол в хижине. Но находились и такие, что сами строили склады для своих товаров или домики под жилье, а то и целые гостиницы.

Часто дельцы пользовались паромами, а потом щедро переплачивали перевозчику «в надежде, что это никогда не повторится». Вало в таких случаях смеялся и на вырученные деньги поил друзей пивом – ему из университета пришло письмо с предложением приступить к учебе в начале зимнего семестра, и надо было со многими душевно проститься. Розали же никому, даже Киту, не говорила, как она распорядится своими сбережениями.

В пятый год строительства, весной, положили дорожное полотно, достаточно широкое, чтобы бок о бок могли пройти два вола; толстые доски для пущей устойчивости сшивались между собой гвоздями. Настил состоял из сотен щитов, их собирали внизу, а затем поднимали наверх и дальше тащили вручную,

чтобы уложить и закрепить на прочных чугунных балках.

Однажды жительница Левобережного что-то прокричала на своей стороне, а с другого конца моста в ответ прилетел смех зареченских. Тогда оба села праздновали всю ночь напролет.

Когда вечера удлинились, некоторые жители придумали себе развлечение – приходить на мост, ложиться на краю и смотреть вниз, на далекий туман. В нем шевелись темные силуэты, но крупняка никто пока не заметил. Находились любители ронять тяжелые камни – интересно было глазеть, как расплескивается туман, как пробивается дыра в таинственную глубь. Но соседи обычно вмешивались. «Это непочтительно», – говорили одни. «Сдурел? – вопрошали другие. – Разозлить их хочешь?»

Кит приглашал на мост Розали, но она отмахнулась: «Мне и с лодки видно предостаточно».

В «Рыбе» на левом берегу Кит прожил пять лет, и теперь его комната выглядела настоящим кабинетом архитектора: на стенах пришпилены планы и расписания, кресло у очага завалено одеждой и книгами, сверху они придавлены отрезом красного шелка (однажды на ярмарке Кит не удержался от соблазна и купил). Уже и не вспомнить, сколько лет назад он в последний раз отдыхал в этом кресле. В папке и на широком столе теперь не чертежи, а транспортные накладные, заявки на материалы, платежные ведомости и копии переписки с имперскими чиновниками.

Окно было растворено. Кит сидел на кровати, смотрел, как пчела порхает в полном солнца воздухе. На столе лежала половинка груши – интересно, доберется ли до нее крылатая труженица? Тут ему подумалось о сотах: у ячейки шестиугольное сечение, не прочнее ли она, чем с квадратным? Как бы поэкспериментировать на досуге?..

В коридоре вдруг раздался частый топот. Распахнулась дверь. На пороге моргала от яркого света Розали. А тот был таким золотым, что Кит и не заметил поначалу ни ее бледности, ни слез.

– Что?! – вскинулся он с кровати.

– Вало, – сказала она. – «Искатель жемчуга».

Кит обнял ее. Пчела улетела, солнце померкло, а он все держал Розали в объятиях, и она покачивалась, сидя рядом на кровати. Лишь когда в окне окрасился пурпуром квадрат неба и на него заполз месяц малого спутника, женщина заговорила.

– Ах… – Это прозвучало почти как рыдание. – До чего же я устала…

Сразу после этого она уснула с непросохшими слезами на

щеках.

Кит потихоньку выскользнул из комнаты.

Пивной зал был переполнен, и многие пришли в пепельном; архитектору даже подумалось, уж не принято ли здесь всегда держать траурную одежду под рукой.

Разговоры велись вполголоса, то и дело кто-нибудь всхлипывал.

Брана Гостинщица заметила Кита еще в дверях, вышла к нему из-за барной стойки.

– Как она?

– Плохо. Но сейчас спит. Собери для нее чего-нибудь поесть и выпить.

Брана кивнула, отдала распоряжение проходившей в кухню дочери Ликсе и снова повернулась к Киту.

– Сам-то как? Ты ведь с Вало дружил.

– Ага, – кивнул Кит, вспоминая.

Вот Вало гоняется за ребятней по каменному полю, и вот он смеется на крыше пилона, а вот сидит серьезный в тени недостроенной рыбачьей лодки, в руках тетрадка с расчетами.

– Что произошло? Она мне ничего не рассказала.

– А что тут рассказывать? – развела руками Брана. – С того берега сигнальщик предупредил: Вало отплывает и должен к нам прибыть вскоре после полудня. А он так и не появился. На наш запрос ответили, что парень отчалил сразу после сигнала.

– Может, все-таки жив? – спросил Кит, вспомнив ту ночь, когда они с Розали потеряли кормовое весло и переправа затянулась на несколько часов. – А вдруг весло сломалось и пришлось причаливать ниже по реке?

– Нет, – помотала головой Брана. – Конечно, всем нам хочется в это верить. Раньше мы бы и ждали до последней возможности. Да только Аза, высотница из приезжих, сегодня работала наверху. Она слышала, как опрокинулась лодка, как он кричал. Правда, ничего в тумане не разглядела и не поняла, что это было.

– Еще бы три месяца, – Кит не то чтобы к собеседнице обращался, а, скорее, отвечал собственным мыслям, – и достроен был бы мост. И этого бы не случилось.

– Это случилось нынче, – возразила Брана твердо. – Не через три месяца. Человек умирает, когда приходит его срок. Мы его оплакиваем и живем дальше. Ты уже давно с нами, Кит. Пора бы понять, как мы смотрим на такие вещи… А вот и поднос, держи.

Кит забрал поднос и вернулся в комнату, где застал Розали спящей. Сидел и смотрел на нее в полумраке, не желая зажигать

лампы; горела только та, которую он прихватил внизу.

«Человек умирает, когда приходит его срок».

Но никак не избавиться от дум про мост и почти готовый настил.

«Еще бы три месяца. Еще бы месяц…»

Розали, проснувшись, даже улыбнулась ему; ее лицо было изможденным, но спокойным. Потом вспомнила и вновь заплакала. Позже вняла уговорам Кита и поела хлеба с рыбой и сыром, запивая разбавленным вином. Все это она делала послушно, как ребенок.

Потом они лежали, и Розали прижималась к Киту, и ее спутанные волосы лезли ему в рот.

– Ах, почему так… – вздохнул Кит. – Ведь мост почти готов, еще три месяца, и…

Она отодвинулась.

– И что? Этого бы не случилось? Того, что не случиться не могло? – Она встала и посмотрела на Кита в упор. – Его смерть не стала бы необходимой, это ты хочешь сказать?

– Я… – начал Кит, но Розали перебила:

– Кит, он погиб. Необходимость тут ни при чем, и бесполезность тут ни при чем, просто случилось то, что случилось. Его больше нет, но я-то жива, и скажи, что мне делать теперь? Я потеряла отца, тетку, сестру, брата и племянника. А будет достроен мост, я потеряю еще и туман. И что потом? Кем я стану? Кем станут Паромщики?

Ответ был известен Киту: что бы ни изменилось вокруг, она останется Розали, ее родичи всегда будут сильными, красивыми и умными, и туман никуда не денется, и не исчезнет крупняк. Но она бы не услышала его слов. Прежде чем услышит, пройдут, наверное, даже не дни, а месяцы.

Поэтому он лишь обнимал плачущую женщину и не мешал своим слезам бежать по лицу, стараясь ни о чем не думать.

Через несколько дней после того, как лето перевалило на вторую половину, был устроен праздник – официальное открытие моста. Для имперских представителей отвели участок на спешно расчищенном поле недалеко (но и не слишком близко) от Левобережного и поставили там палатки, чтобы высокие гости могли репетировать свои речи, дожидаясь начала торжества.

Село неудержимо расползалось в северном направлении, западный пилон теперь стоял в окружении домов. Былое пастбище у подножия башни заполнилось ярмарочными шатрами и временными торговыми рядами, среди них попадались и вполне основательные заведения из камня и дерева – здесь можно и

койку на ночь снять, и вообще купить все, что нужно путешественнику. Кит гордился предмостными улочками. Ведь это он организовал производство прочных брусков для мощения – в последний год у главного архитектора появился досуг, и надо было его как-то тратить. А вот новые колодцы – уже заслуга Дженнера, они были запланированы с самого начала, Кит лишь позаботился, чтобы их доделали.

Только что от Дженнера пришло письмо с хорошей новостью: строительство моста в горах Кейча идет под его началом по графику; место ему досталось удачное.

Ярмарка не только взобралась на склон насыпи, но и растянулась поверху.

Среди лотков и шатров одиноко бродил Кит. Многие местные и неместные здоровались с ним, другие лишь показывали на него своим друзьям: «Видите того смуглого коротышку? Это он построил мост». А некоторые и вовсе не обращали на него внимания, для них он был просто незнакомцем в толпе.

Когда Кит объявился в этих краях, в Левобережном каждый знал любого, будь то здешний или приезжий. И вот он снова почувствовал себя одиноким и бездомным – приедет, построит что-нибудь и уедет.

Он знал, что Розали сейчас за рекой, в Правобережном. Хотелось увидеться с ней. С того дня, как погиб Вало, они встретились лишь раз, провели вместе несколько минут. Кит сам пришел тогда к ней в «Суку». Она держалась замкнуто, но с горем справлялась. Его это свидание настолько вывело из душевного равновесия, что с тех пор он Розали не разыскивал.

Но теперь, в день завершения огромной работы, нестерпимо захотелось увидеть Паромщицу.

Когда у нее очередная переправа?

Поймав себя на этой мысли. Кит рассмеялся. Уж кому, как не ему, знать, чего теперь стоит перебраться с берега на берег. Пять минут ходьбы, и вся недолга.

Движение по мосту еще не открылось, но ведь Кит был главным архитектором.

Сборщики пошлины только кивнули ему и подняли шлагбаум. Внизу жестикулировали несколько человек, заметивших Кита у моста. Что-то прокричала Уни Каменщица, державшая пучки лент в руках, но он не разобрал ни слова. Улыбнулся ей, помахал рукой и пошел дальше.

Он и раньше проходил по мосту, когда были уложены тяжелые дубовые рамы, а по ним – узкий щитовой настил от берега до берега. Прежде чем империя прислала сборщиков дорожной пошлины, едва ли не каждый рабочий сыскал предлог,

чтобы хоть раз перейти через туман. А Кит в последние два месяца шагал по нему чуть ли не ежедневно, преодолевая страх высоты.

Но в этот раз все иначе. Это уже не его мост, он принадлежит империи и жителям Левобережного и Правобережного.

Сейчас он смотрел на творение своих рук глазами чужака. Каменный наклонный въезд длиной в четверть мили поднимался очень полого – так легче взбираться гужевому транспорту. Ограждения для скотины (и для людей, страшно же глядеть вниз с этакой высоты) еще не поставлены, любой мост не обходится без недоделок, да и невозможно учесть все заранее. Въезд расширялся по мере приближения к пилону и плавно сворачивал – здесь повозка с двумя волами в парной упряжке может аккуратно въехать в арочный проем. А вот две повозки не разъедутся, так что возчикам с разных берегов придется соблюдать очередность.

«Это сейчас, – размышлял Кит. – Позже мост расширят или второй поставят».

Вот только не он этим займется. Другие. Небо успело затянуться оловянного цвета облаками, далеко внизу их металлический блеск отражался от тумана. Да, плохо, что нет нормальных перил, только веревки из рыбьей кожи протянуты между подвесками. Волам и коням это не понравится. Впрочем, и гулкий стук копыт по настилу будет их пугать.

Ветерок, давно уже дувший с юго-запада, покачивал дорожное полотно. Вроде и не сильно шатает, но неплохо бы добавить чугунные парапеты или фермы жесткости – ездить и ходить будет удобнее.

Империя уже прислала нового инженера – Джейю Тезант, специалиста по доводке объектов. Надо бы поделиться с ней соображениями.

Кит подошел к краю – захотелось посмотреть вниз. Сюда уже не добирались с берега звуки, их поглощал туман, и легко было вообразить, что ты один-одинешенек в целом мире. Донизу несколько сотен футов, но там не видать ничего, что могло бы сравниться по величине с махиной из кованого металла. Проплывают силуэты, однако крупняк это, или кто помельче, или просто уплотнения тумана, не разглядеть, даже зная, кого высматриваешь.

Он все же напряг глаза и различил новые силуэты, как будто там резвился косяк.

А ведь и правда рыба. Одна отделилась от косяка, вздыбилась в тумане; ее спина показалась едва ли не прямо под Китом. Темная и шишковатая, она влажно блестела. Рыбина была

плоской, как скат, длиной футов тридцать, а то и все сорок; над поверхностью она держалась целую вечность и при этом извивалась, показывая свое брюхо или то, что Кит принял за брюхо. С гибких чешуйчатых плавников шустрыми червячками сбегал туман. Появилось какое-то пятно – может, глаз? Или целая гроздь глаз? А затем Кит увидел пасть, дугообразную, как несущие цепи. Пасть раскрылась, в ней показалась другая дуга, кривая полоса не то слизи, не то хряща.

Тварь перевернулась и канула, превратилась в тень, и вот уже нет ничего, кроме сомкнувшегося над ней тумана.

Архитектор, обмерший при виде рыбины, встряхнулся и пошел дальше. Крупняк (или крупняк-середняк) с такой высоты не показался слишком большим и жутким.

У Кита было тяжело на душе; осознав это, он удивился. С чего бы ему печалиться?

Правобережное встретило яркостью праздничных красок и веселым многолюдьем, но Розали не попадалась на глаза. Он купил кружку ржаного пива и пошел искать уединенное местечко.

Когда стемнело и имперские представители разбрелись по палаткам, стража сделала послабление – сначала пустила на мост своих друзей-приятелей, а затем и всех местных, кто изъявил желание прогуляться над туманом. Каждый участник стройки получил бумагу, разрешающую ему до конца жизни ходить по мосту бесплатно. Многие же из тех, кто лишь со стороны наблюдал за работой, теперь пытались уговорить, подкупить или даже соблазнить охранников, лишь бы пропустили. С факелами вход был строжайше воспрещен, поскольку канаты из рыбьей кожи покрывались для лучшей сохранности маслом, но дозволялись крытые лампы. Кит наблюдал с насыпи, как вдоль моста плывут тусклые и зыбкие светлячки, тут и там прячась за подвесками или настилом.

– Кит Мейнем из Атиара.

Кит встал и повернулся на голос.

– Розали Паромщица из Правобережного.

Она пришла в синем и белом, босиком. Черные волосы стянула лентой; обнаженные плечи светились. Она вся сияла в лунном свете, как туман.

Захотелось до нее дотронуться, поцеловать. Но ведь они даже словом не перемолвились за столько дней.

Розали шагнула вперед, забрала у него кружку, хлебнула тепловатого пива, и тотчас же все встало на свои места. Закрыв глаза, Кит позволил нахлынуть чувствам. Взял ее за руку. Они сидели в прохладной траве и смотрели на мост – черную сеть из

прямых и кривых – и туман, отражающий бело-синий лунный свет.

Через некоторое время он спросил:

– Ты все еще Розали Паромщица? Или возьмешь новую фамилию?

– Может быть, и возьму.

Она повернулась в его объятиях, чтобы он мог видеть ее лицо, светлые глаза.

– А ты? Все еще Кит Мейнем? Или теперь кто-то другой? Кит, Который Построил Мост Через Туман? Кит, Который Изменил Мир?

– В столице фамилии не всегда хранят смысл тех слов, из которых они состоят, – рассеянно ответил Кит и вспомнил, что уже говорил это однажды. А впрочем, какая разница. – Я и правда изменил мир?

Он знал ответ.

Несколько секунд Розали смотрела на Кита, словно пыталась измерить его чувства.

– Ну да-а… – протянула она и подняла взгляд к редкой цепочке колышущихся огоньков. – И вот доказательство, вечное, словно камень и небо.

– Вечное, словно камень и небо, – повторил Кит. – Я сегодня видел, как качается мост. Здорово гуляет на ветру. На такие деформации он не рассчитан, хотя позднее, наверное, удастся его как-нибудь укрепить. Ну а вдруг молния? Да по тысяче причин он может рухнуть, чего уж там. Не в этом году, так в следующем, не через сто лет, так через пятьсот. – Он вспахал пятерней шевелюру от лба к затылку. – А вам тут кажется, что он вечный.

– Нет, – покачала головой Розали, – нам так не кажется. Да и с какой стати, мы же не атиарцы. Это *ты* Паромщицу убеждаешь, что все когда-нибудь кончается? Рано или поздно рассыплются камни, истлеют канаты. Но останется мечта о переправе через туман, о связи между берегами. Мы знаем теперь, что такое возможно, и знание это никуда от нас не денется. Я потеряла мать, деда… Вало. – Она помолчала немного, чтобы совладать с горем. – Да, мы умираем не своей смертью, но если кому-то нужно на ту сторону тумана, всегда найдется Паромщик. Мостостроители и перевозчики не такие уж разные люди.

Розали наклонилась вперед, преодолев пространство между ними, и они поцеловались.

– Когда уезжаешь?

Розали и Кит долго ласкали друг друга на насыпи, на холодной траве. Уже в свете заходящих лун вернулись в «Оленье

сердце», взяли пива. Толпа к тому времени подрастаяла, местные расходились по своим домам, чужаки – по снятым комнатам или палаткам.

Но Кит чересчур разволновался и не смог бы нипочем уснуть, так что они с Розали в конце концов очутились у кромки тумана, на пристани. Считаные часы оставались до наступления утра, взошла самая малая из лун; порядком стемнело, даже туман померк.

– Через несколько дней. – В «Рыбе», в его комнате, ждали битком набитые кофры и сумки. Вот только папка похудела и вообще утратила солидный вид. Сколько на нее попало воды, тумана и пота… Надо будет при случае новую купить. – В столицу вернусь.

На том берегу горели огни. Праздник или не праздник, мост или не мост, а рыбакам с рассветом выходить на промысел. Стало быть, кое-что все-таки остается неизменным.

– Ага, – произнесла Розали. Для нее ответ Кита не содержал сюрприза. – И чем займешься?

Кит потер лицо; щетина колола пальцы. Бритье не бог весть какой хлопотный ритуал, а все же приятно отдохнуть от него несколько деньков.

– Сначала буду спать сто лет. А потом – новый мост, ниже по реке, возле устья. Местечко называется Улей. Там ширина тумана – почти миля. Начну, наверное, в середине зимы.

– Миля, – повторила Розали. – А справишься?

– Почему нет? С этим ведь справился. – Он повел рукой вокруг, указывая на цепи моста, на тонкую каменную башню, на сидящую рядом с ним женщину, от которой пахло потом и солью. – Говорят, возле Улея есть острова, хоть и невысокие. Это упрощает задачу. Глядишь, и удастся сложить из камня несколько арочных пролетов… А ты? Лодки строить?

– Нет. – Она наклонила голову, и Кит почувствовал ухом ее щеку. – Зачем мне это? Денег я скопила достаточно. Родня пускай лодки делает, а мне другое по нраву: плавать через туман.

– Жить не можешь без тумана, – произнес Кит, и это не было вопросом.

На его руку легла сильная женская кисть.

– М-м-м… – протянула Розали, и в этом звуке не было ответа.

– То есть для тебя сама переправа важна? – сообразил он. – Как и для меня, но по-другому?

– Да, – ответила она, а помолчав чуть-чуть, добавила: – Вот сижу и думаю: крупняк, он в Туманном океане до каких размеров вырастает? И что еще там водится?

– Но ведь за океаном нет ничего, – возразил Кит. – У

переправы должен быть конец, иначе какой в ней смысл?

– Переправиться можно через все на свете. Ведь есть же вода под Туманной рекой, и она куда-то течет. У всех остальных рек и озер тоже где-то имеются истоки. Под Туманным океаном лежит океан воды. Плывешь-плывешь, а потом глядишь – под тобой уже она.

– Но это же разные среды, – сказал Кит. – Для тумана нужна лодка легкая, с широким дном и покрытая рыбьей кожей. А на воде не обойтись без глубокого киля.

Она кивнула.

– Хочу переделать рыбацкую лодку и сплавать, посмотреть. Кит, мне кажется, там должны быть острова. Большие острова. И крупняк. Крупняк-огромняк! А вдруг там окажется целый новый мир? Так что против имени Розали Океан я, пожалуй, возражать не стану.

– Поедешь со мной в Улей? – спросил Кит, уже зная: поедет.

И проживет с ним, быть может, месяц, а может, и год. Они будут спать в обнимку в гостинице или трактире наподобие «Рыбы» или «Суки», а когда Розали переделает лодку, она поплывет через океан. Кит останется строить мост или дорогу, а может, вернется в столицу, чтобы преподавать в университете. Либо вообще уйдет на покой.

– Поеду, – ответила она. – Только ненадолго.

И тут в его груди вдруг зажглось глубокое и сильное чувство при мысли о том, что с ними уже случилось и еще случится. О переменах в Левобережном и Правобережном, о конце паромной переправы, о смерти Вало, о будущем расставании с Розали: может быть, первой уйдет она, а может, он.

– Прости, – сказал Кит.

– Не стану. – Розали подалась к нему и поцеловала, ее губы были теплы, полны солнца и жизни. – Я ни в чем тебя не виню. Что сделано, то сделано. И сделано правильно.

Столько было потерь, и сколько еще будет… Но хотя бы одну он в силах предотвратить.

– Когда придет время, – сказал Кит, – и ты пустишься в плавание, я буду рядом. – *«A fo ben, bid bont», – гласит валлийская пословица. «Чтобы стать вождем, надо стать мостом».*

notes

Примечания

1

Эту вымышленную фамилию можно перевести как «умом пришибленная». – *Здесь и далее прим. пер., если не указано иное.*

2

Ферт-оф-Форт – залив Северного моря у восточных берегов Шотландии.

3

Найра – денежная единица Нигерии.

4

КРС – сокр. Корабль Расширения Содружества, по аналогии с USS (United States' Ship) для американского флота, например.

5

Йодль – особая манера пения без слов с быстрым переключением высокого и низкого голосовых регистров. Широко известна, например, в Тироле. – *Прим. ред.*

6

Переиначенная цитата из Евангелия от Матфея (Матф. 26: 41) «Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение: дух бодр, плоть же немощна».

7

Долины Маринер, или долины Маринера (лат. Valles Marineris) – гигантская система каньонов на Марсе.

8

Аллювиальные конусы выноса представляют собой крупномасштабные морфологические структуры, которые создаются реками с твердым донным стоком и реже реками с высоким взвешенным твердым стоком. Кроме того, они встречаются в семиаридных обстановках, где приобретают важное значение такие второстепенные процессы, как, например, гравитационные течения.

9

Кингз-Кросс – район развлечений в центре Сиднея.

10

Jornada del Muerto – Путешествие мертвеца (*исп.*).

11

Пеллюсидар – мир внутри полой Земли, придуманный Эдгаром Р. Берроузом, автором цикла о Тарзане.

Фарклемпт – зануда (*идиш*).

13

Флэш – герой комиксов и сериалов, способный развивать скорость, превышающую скорость света.

Alles – всё (*нем*).

15

Намек на фильм Билли Уайлдера «Потерянный уик-энд», где главный герой – алкоголик.

16

Мина Харкер – героиня романа Брэма Стокера «Дракула».

17

Питер Лорре – известный американский актер, обычно игравший злодеев и обладавший уникальным, узнаваемым голосом и произношением.

Бвана – господин (*суахили*). – *Прим. ред.*

vaca frita – жареная говядина (*исп.*).

20

Герой употребляет русское слово «кишки».

Влек и меня ученых ореол.
Я смолоду их слушал, споры вел,
Сидел у них… Но той же самой дверью
Я выходил, которой и вошел.

О. Хайям (пер. И. Тхоржевского). – *Прим. ред.*

N*ampone!* – Не беспокойтесь! (*малагас*.)

23

Герой использует русское слово «товариш».

24

Т. С. Элиот. Четыре квартета (пер. С. Степанова). – *Прим. ред.*

25

Здесь имеется в виду скульптура «Алиса в Стране чудес», которая находится в Центральном парке Нью-Йорка.

26

COBRA (*КОБРА*), Cabinet Office Briefing Room A, Комната «А» заседаний кабинета министров – чрезвычайный правительственный комитет, который собирается лишь в экстренных случаях.

27

Пятно – загадочное яркое пятно, обнаруженное на Венере астрономом-любителем Франком Мелилье.

28

Ряд из первых положительных простых чисел сменяет выступление Адольфа Гитлера на открытии Олимпийских игр 1936 года – это содержимое послания внеземной цивилизации, принятого землянами в романе Карла Сагана «Контакт».

Информация на 2011 год. – *Прим. ред.*

30

Аллюзия на финал монолога Макбета из трагедии У. Шекспира «Макбет».

31

Orange – апельсин (*англ.*).

Галлон – мера объема жидкостей в англоязычных странах, приблизительно четыре литра. – *Прим. ред.*

33

Уоллиуорлд (Walleyworld) – вымышленный «самый лучший тематический парк США», куда отправляются герои фильма «Каникулы» (Vacation, 1983). – *Прим. ред.*

«Далласские ковбои» – клуб по американскому футболу из штата Техас. – *Прим. ред.*

35

Оригинальное название повести представляет собой отсылку к стихотворению У. Х. Одена «The Fall of Rome» (пер. Александра Ситницкого – «Падение Рима»),

Информация на 2011 год. – *Прим. ред.*

37

«Игра в имитацию» придумана Аланом Тьюрингом; такое название носит первая часть его знаменитой статьи «Могут ли машины мыслить?».

38

Пер. П. В. Мелковой.

39

«Есть большая разница между тем, чтобы обращаться с людьми как с равными, и тем, чтобы пытаться сделать их равными. В то время как первое – условие существования свободного общества, второе представляет собой, как его описывает де Токвиль, новую форму рабства» (Фридрих Август фон Хайек, «Индивидуализм и экономический порядок»),

«Базовый визуальный» – Visual Basic, язык программирования, разработанный компанией Microsoft.

41

Проводящий путь – цепь взаимосвязанных нейронов, обеспечивающих проведение нервных импульсов с одинаковой функцией в строго определенном направлении; тот же термин в контексте компьютерных технологий переводится как «путь обмена данными».

42

Хэйан – период в истории Японии с 794 по 1185 год. *Палладианизм* – стиль, основанный на идеях итальянского архитектора Андреа Палладио.

Lares familiares – семейные лары (*лат*).

44

Натто – традиционная японская еда из ферментированных соевых бобов.

45

Нарколепсия – заболевание нервной системы, к симптомам которого относятся приступы непреодолимой сонливости и внезапного засыпания.

Маття – японский порошковый зеленый чай.

47

Чтобы история Принца Думающих Устройств и карги по имени Власть обрела дополнительный смысл, переводчик рекомендует ознакомиться с краткой биографией Алана Тьюринга.

48

Наименование шестой части статьи Алана Тьюринга «Могут ли машины мыслить?» и соответствующий тезис. *Ада Лавлейс* – дочь поэта Джорджа Байрона, математик и первый программист в истории.

Пер. Ю. А. Данилова.

Иммерсивный (от *англ,* immersive) – создающий эффект погружения или присутствия.

51

NPC (Non-Player Character) – персонаж в игре, который не находится под контролем игрока.

Polpette – тефтели (*ит.*).

53

Битва при Азенкуре – сражение времен Столетней войны. *Франсиско Васкес де Коронадо* – * первый европеец, посетивший юго-запад современных США.

54

Юката – повседневная японская одежда, упрощенный вариант кимоно.

55

Татами – маты, которыми в японских домах покрывают пол.

Позитивное подкрепление – термин из области психологии; приятное следствие определенного поведения.

57

Элевсин – город в Греции, связанный с мифом о Деметре и Персефоне.

Пер. Ю. А. Данилова.

59

Мономиф – термин Дж. Кэмпбелла, означающий единую для любой мифологии структуру странствий и жизни героя.

Пьета – один из вариантов иконографической композиции Оплакивания Христа Девой Марией.

– Я, чужеземец, тебе совершенно правдиво отвечу:
Часто бывает старик здесь морской из Египта, правдивый,
Бог бессмертный Протей, которому ведомы бездны
Моря всего и который царю Посейдону подвластен.

Гомер. Одиссея (пер. В. Вересаева).

Имя бога Протея восходит к древнегреческому слову «πρῶτος» protos, то есть «первый»; образованное от него же protogonos (Πρωτογόνος) переводится как «изначальный» или «перворожденный» («первенец»). Неясно, почему древние греки называли это божество именно так, но совершенно точно известно – и в этом сходятся мифологии разных народов, – что оно могло принимать множество обликов, вследствие чего считалось олицетворением изменчивости моря. В английском языке от имени Протея произошло прилагательное protean – «многообразный, изменчивый, разносторонний».

62

Экзогамными называют браки, которые заключаются между членами разных социальных или этнических групп; эндогамными – наоборот, между членами одной группы.

63

Возможно, это неполная цитата из труда преподобного Абии Вайнса (1766–1833) «Исследование о природе неспособности грешника обрести новое сердце или стать святым» (An inquiry into the nature of the sinner's inability to make a new heart, or to become holy). Полностью фраза звучит так: «Машина не может любить и ненавидеть, выбирать и отказываться, потому что она не наделена теми атрибутами, которые необходимы для совершения моральных поступков» (A machine cannot love and hate, choose and refuse, because it is destitute of those attributes, which are necessary to moral exercises).

64

«О *пользе волшебства: смысл и значение сказок*» (The Uses of Enchantment: The Meaning and Importance of Fairy Tales) – книга американского психолога Бруно Беттельгейма, в которой он анализирует различные сказки с точки зрения Зигмунда Фрейда.

Сборник назван в честь стихотворения Роберта Бернса. – *Прим. ред.*

Массачусетский институт технологий (*МИТ*), или Массачусетский технологический университет – одно из самых престижных технических учебных заведений США и мира.

Jet Propulsion Laboratory (Лаборатория реактивного движения) – научно-исследовательский центра NASA.

68

Стэн Ли – американский автор комиксов, редактор, издатель, продюсер, телеведущий, актер и бывший президент и председатель правления Marvel Comics.

69

Макурди – город и район местного управления на юго-востоке Нигерии.

Журнал «Nature» («Природа») – один из самых старых и авторитетных общенаучных журналов.

71

Биафра – самопровозглашенное государство в юго-восточной части Нигерии, существовавшее с 30 мая 1967 года (дата провозглашения независимости) до 15 января 1970 года. Государство не было признано ООН.

Штат Бенуэ – штат на юго-востоке Нигерии.

Джонатан Шулер – профессор психологии Калифорнийского университета

Джозеф Бэнкс Рейн (1895–1980) – американский психолог и парапсихолог, один из основателей научной парапсихологии.

Видеофильмы нигерийской киноиндустрии часто известны под названием Нолливуд, по аналогии с Голливудом и Болливудом.

Slashdot.com – англоязычный новостной сайт, специализирующийся на технических и интересных технической аудитории темах. Большая часть материалов присылается самими читателями и публикуется после проверки редакцией.

Бабатунде Фашола – с 2007 года глава Нигерии (переизбран в 2011-м).

Гравитационная линза – массивное тело (планета, звезда) или система тел (галактика, скопление галактик, скопление темной материи), искривляющая своим гравитационным полем направление распространения электромагнитного излучения, подобно тому как искривляет световой луч обычная линза.

Открытая подписка – размещение акций среди потенциально неограниченного круга инвесторов на основе широкой публичной огласки.

Гезира, или Джазира, по-арабски означает «остров».

81

Сабил на арабском языке означает место или здание с бесплатной свежей питьевой водой.

82

Маулид ан-Наби – в исламе празднование дня рождения пророка Мухаммеда, проводится 12-го числа третьего месяца лунного календаря.

83

В переводе с латыни означает «Слоновая кость».

Тульпа – у тибетских йогов, некий видимый и даже осязаемый образ, создаваемый воображением человека.

Сабах эль нур – доброе утро (*араб*).

Возможно, название происходит от названия одного из древнейших шумерских городов- государств древнего южного Междуречья (V тыс. – IV век до н. э.), согласно Библии являвшегося родиной патриарха Авраама.

Хайван на арабском языке, а также некоторых других означает «животное».

Гул – нежить-трупоед в арабской мифологии.

89

Тотипотентный – способный реализовать заложенную программу развития в различных направлениях (обычно о клетках живого организма).

Бумбокс – тип переносного аудиоцентра. Изначально так назывался переносной двухкассетный стереомагнитофон с радиоприемником и большими динамиками. – *Прим. ред.*

91

Миндалина (миндалевидное тело) – область мозга в височной его части, играющая ключевую роль в формировании эмоций.

Меланома – злокачественная опухоль кожи.

Иридиевый слой – тонкий слой грунта, по глубине залегания соответствующий геологической границе между мезозоем и кайнозоем (65 миллионов лет назад), в котором содержание иридия превышает среднестатистическое на два порядка.

Пермский период – последний геологический период палеозойской эры, завершившийся (250 миллионов лет назад) самым массовым вымиранием животных за всю историю Земли.

95

Фульдский коридор – область в земле Гессен, Германия, считавшаяся наиболее вероятным направлением предполагаемого вторжения войск Варшавского договора в Западную Европу.

96

Баухаус – высшая школа строительства и художественного конструирования в Германии. Основана в 1919 году в Веймаре. В 1935-м закрыта нацистами.

Наргиле – курительный прибор, сходный с кальяном.

Нака-има – букв, «сейчас»; в синтоизме понятие, подчеркивающее необходимость жить только настоящим моментом.

Огамы – древний ирландский алфавит.

100

Вискбеата (от *ирл.* uisce beatha) – виски. Дословно выражение переводится как «вода жизни». – *Прим. ред.*

*Ледяная земля-I*ce Land, Исландия. – *Прим. ред.*

Новонайденная – New-Found Land, Ньюфаундленд. – *Прим. ред.*

Зеленая земля – Green Land, Гренландия. – *Прим. ред.*

Виноградная земля, у автора Vine Land, исторически известна как Винланд, Винландия, – название территории Северной Америки, данное исландским викингом Лейфом Эрикссоном примерно в 986 году. – *Прим. ред.*

Земли скоттов – Shet Land, Шотландия. – *Прим. ред.*

Травяные земли – территории на Североамериканском континенте, захваченные викингами. – *Прим. ред.*

107

Земля тысячи озер – Thousand Lakes Land, имеется в виду Финляндия. – *Прим. ред.*

108

Закон Адомнана – принятый на Биррском синоде свод законов, возлагавший на светских владетелей обязанность обеспечивать неприкосновенность жизни и имущества лиц, не участвовавших в военных действиях. В случае нарушения этих правил на виновного налагался штраф, пропорциональный нанесенному им ущербу. «Закон Адомнана» распространялся на представителей духовенства, женщин и детей. Благодаря своему содержанию этот свод правил известен также и как «Закон невинных». – *Прим. ред.*

Каонтичан – круг плача (*ирл*).

Земля Эйре – Aire Land. Ирландия. – *Прим. ред.*

Пер. Н. Некрасовой. – *Прим. ред.*

Английская версия – У. Йейтса. – *Прим. ред.*

113

Джерри Адамс (р. 1948) – ирландский политик-республиканец, председатель партии Шинн Фейн.

114

Фамилия О’Рейли происходит от древнеирландской Рагаллах.

115

«*Норейд*» – американская общественная организация, которая поддерживает республиканцев в Северной Ирландии.

Пахименинкс – твердая мозговая оболочка. – *Прим. ред.*

117

Счет, пожалуйста! (*греч.*)

118

Демографикс – отрасль знаний о практическом применении демографической информации в маркетинге.

«Семтекс» – разновидность взрывчатки.

Kyanos – ультрамарин (*греч.*).

121

«Фрокс» – английская компания, производящая модную одежду.

Malaka! – Тихо! (*греч.*)

123

Квотермасс – Бернард Квотермасс, главный герой британского научно-фантастического телевизионного сериала 1950-х, придуманный Найджелом Нилом. Блестящий ученый со строгой моралью. *Квотермейн* – Аллан Квотермейн, литературный персонаж, главный герой цикла приключенческих романов Райдера Хаггарда. Охотник и путешественник.